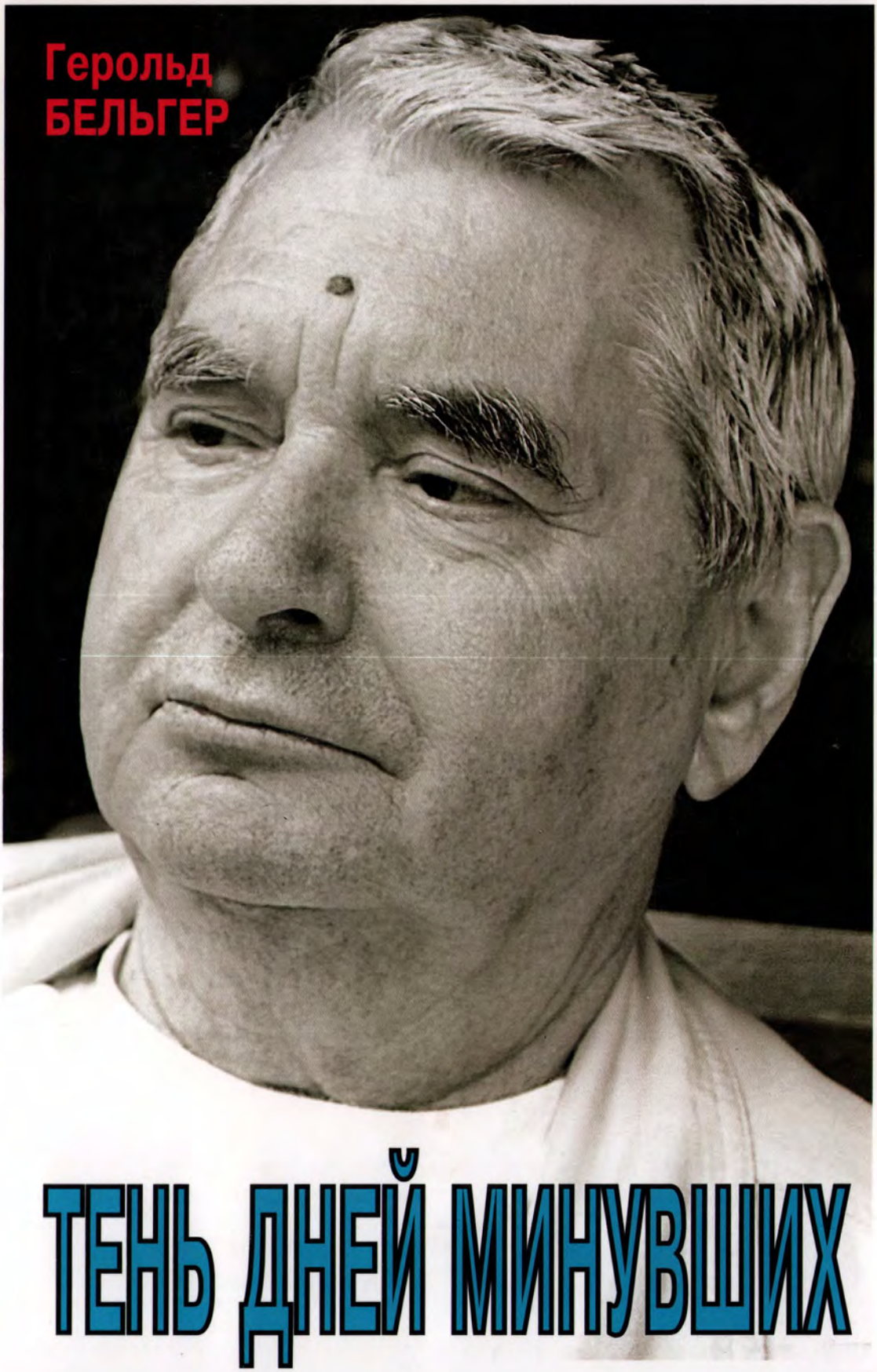
Герольд
БЕЛЬГЕР

ТЕНЬ ДНЕЙ МИНУВШИХ

Герольд Бельгер

Тень дней минувших

(1961-2009 гг.)

MEREKE
BASPASY
Алматы
2015

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
Б-44

Бельгер Г.

Б-44 **Тень дней минувших: Дневники. 1961-2009 гг.** / Герольд Бельгер. – Алматы: «Мерекенің баспалар үйі» ЖШС, Mereke baspasy, 2015.– 608 с.

ISBN 978-601-7370-62-6

555842

«Тень дней минувших» - дневники писателя, охватывающие более чем 40-летний период его жизни - с 1961 по 2009 год, - время, в которое формировалась его личность как человека и творца...

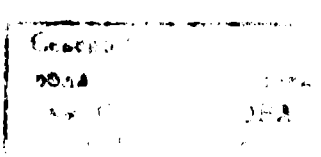
По словам самого автора, дневник - это исповедь души, своеобразный роман от первого лица. В нем четко проступает облик времени, прошедшего через сердце; узнаются приметы и детали реальной жизни; возникают образы людей, живых и уже покинувших этот мир; ясно ощущаются импульсы, вызванные конкретными событиями.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

Все права защищены. Никакая часть данного произведения не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-601-7370-62-6

© Бельгер Г., 2015
©«Мерекенің баспалар үйі» ЖШС, 2015
Mereke baspasy

Мальчик-возница: Дай, герольд, в своем разборе
Объясненье аллегорий.
Герольд: Это выше разуменья,
Опишу лишь впечатленье.

Гете. «Фауст»

Ушедшего дня и стрела не догонит

Узбекская пословица

Прошлому - прощенье

Казахская пословица

Прошлое не прошло

Немецкая пословица

От автора

... Такая вот причуда: со второго класса регулярно веду дневник. И за эти немалые годы накопилась груда тетрадей. Конечно, чепухи и мусора в них много. И никому это не нужно. Даже мне самому.

Но... что-то достойное внимания, может, и найдется в этих непритязательных записях: облик времени, прошедшего через сердце, какие-то приметы, детали реальной жизни, люди, которых большей частью уж нет. Словом, тень дней ушедших.

Сознаю: смысл в этих записях невелик. Но разрозненные публикации дневников в журналах «Жалын», «Парасат», «Достық», в газетах «Нұр-Астана», «Егемен Қазақстан» вызвали у читателя заметный резонанс. И подумалось: а вдруг?

Как же определить временные рамки повествования? Где начало и конец? Конец мне неведом. А начать решил с 1961 года.

Чем я руководствуюсь? Словами герольда из «Фауста»: «Опишу лишь впечатленья». И еще советом Абая: «Окажутся не нужными мои слова людям – останутся при мне».

Задним числом ничего не меняю, не корректирую, не редактирую. Только казахские (и иногда немецкие) записи перекладываю на русский лад.

Собственно, и все.

02.01.05.

1961

21 сентября

Шесть дней сижу дома. Все хорошо, да нога болит. Обезножил совсем. Чертовски это меня расстраивает, но стараюсь не унывать. И пока это удается. Заглушаю боль дикой работой.

В прошлую пятницу был у меня Аскар (Сулейменов). Пили вино, посидели, поговорили. Аскар, кажется, остался доволен. Хороший парень. Люблю я его. Из него выйдет толк, если только нужда не засосет. Хочет забрать мать, сестру. А квартиры нет, и денег нет. Беда...

10 октября

«Литература и жизнь», в которой засели явные дубы, набрасывается на «Звездный билет» В. Аксенова. Это чудная книга, написана с умной улыбкой, с насмешкой. Роман этот выразительно отражает мир современной молодежи. Но старикам из «Лит. и жизни» не понравился роман, как не нравится им и современная юность. Дымшиц напал очень глупо на Эренбурга, на его «Люди, годы, жизнь». Этим высокоидейным идиотам не нравится, чтобы говорили о Пастернаке, Бальмонте, Цветаевой, Мандельштаме, Волошине. Смотри-ка!

Встретил Аскара. Оброс. Говорит: «Хотел бы запереться, чтобы не видеть никого. Надоело все!»

5 ноября

Вчера Аскар сдал кандидатский минимум по английскому языку. Как сдал – ума не приложу. Английский он знает столько же, как я фарси. Но обмыли. Аскар, Костюхин и я. Выпили три бутылки сухого. Без закуски. Говорили о XXII съезде, о Китае, о выступлении Шолохова и фанатике Кочетове. Кочетова ругали все вместе... Занимался русской лингвистикой. Читал «Станция Зима» Евтушенко. Хорошо!

1962

11 февраля

...Иду мимо общежития КазПИ. Слышу необыкновенное трагическое пение. Застыл, прислушался. Видимо, это Аскар что-то новое приобрел. Он все свои гроши тратит на пластинки. Сам же питается одними сигаретами. Курит и слушает музыку. Зашел к нему. Понял: «Реквием» Моцарта. Аскар, мрачный, насупленный, стоит у окна, слушает. В комнате тарарам. На столе, на кровати, на полу книги, вестники, журналы, газеты, пластинки, пепел.

– Вы знаете, как меня обругали? – спрашивает по-русски.

– Где?

– Вот...

И он небрежно, с отвращением подбрасывает мне «Соц. Қазақстан». Статья некоего Рахимжанова. Остроумно, резко и в чем-то справедливо критикует две статьи Аскара. Читаю вслух. Аскар громко и сардонически хохочет.

Зашел разговор о слове «кексе». По Аскару, «кексе» означает «зрелость». «Таланттың кекселігі» означает по нему «зрелость таланта». Я сказал, что для меня «кексе» ассоциируется с понятием «пожилой, старый». Он усмехнулся и перестал спорить.

Аскар немножко не такой, как все. И для меня неожиданный. И все же мне с ним интересно. И у него я отдыхаю.

13 апреля

Был у Аскара. Говорили. Слушали музыку. Говорили о Горьком. Я сказал, что он мудрец. Аскар скривился: «Обыкновенный Иван».

Он поставил на проигрыватель «Сары жайлау» Таттимбета. Говорит: «Это великий композитор. Күңіренеді де отырады. Он – философ в музыке. Он никогда не улыбается. Он – казахский Бах. Он – антипод Курмангазы».

Я невпопад улыбнулся, ему не понравилось.

– Вы читали Манна? Томаса?

– Ничего, кроме «Будденброков».

– Ну-у... как же так?! Когда его читаешь, все время чувствуешь себя ничтожеством. И это чувство никогда тебя не покидает. Вот это писатель!

– Читая, чувствовать себя ничтожеством, – разве хорошо? Я, читая, хочу чувствовать себя человеком.

Аскар передернулся. Так раздосадовало его мое мнение

Прочел «Сауле» Ахтанова и «Есею жылдары» Муканова. Кончил Хемингуэя и «Семью Оппенгейм» Фейхтвангера.

15 ноября

Выхожу вчера из автобуса, в трех шагах от меня проходят двое. Один оглянулся, прошел дальше, а, сделав два-три шага, снова повернулся и подошел ко мне.

– Простите, пожалуйста, простите, – начал незнакомец в черном плаще, в помятом галстуке и несвежей рубашке, со свертком в руке. – Извините, я вас, кажется, видел. Это было, наверное, в 57-м году. Скажите, вы учились в КазПИ?

– Учился.

– Вы хорошо говорите по-казахски?

– Говорю.

– Вот, значит, не ошибся. Извините. Меня с вами познакомили, вы так хорошо говорили по-казахски. Я вас сразу вспомнил.

Незнакомец крутил сверток в руке, растягивал слова, говорил очень вежливо, сладко, извиняюще. Голос высокий, женский, слабый.

– А вы тоже учились в КазПИ?

– Нет, нет, нет, – быстро заговорил он, размахивая руками... – Я никогда не был в КазПИ. Я музыкант. Может, слышали? Калдаяков.

– Ну, конечно, знаю, – сказал я, подавая руку. – Очень рад встрече.

Наш разговор, уже по-казахски, продлился еще минут пять, потом разошлись. Он работает в радиокомитете. И, прощаясь, все время извинялся...

1963

15 января

Аскар прочел первую главу своей повести. Написано неплохо. Глубокий психологизм. Смесь Хемингуэя, Бёлля, Борхерта, Стейнбека. Но своеобразно. Для казахской литературы даже свежо. Молодец. Но диссертацию пишет туго... Не нравится тема.

16 марта

Хмуро сейчас. Хрущев зажал всех. Так противно! Обидно за Эренбурга. За Паустовского. Лучший русский писатель. Обидно за Евтушенко, Неизвестного, Вознесенского. А Виктор Некрасов?!. Не понял Хрущев Хуциева, Некрасова, Эренбурга.

«Застава Ильича», видно, хорошая вещь. И зарезали!

Напрасно Ильичев говорит, что не «замораживаем». Повторением этого слова он доказывает, что замораживает всю культуру... Вообще гадко... К чему это надо было? Ничего страшного не случилось, говорят сами, а три раза встретились, чтобы зарыть, похоронить все живое... Зря говорят, что не то. Все ТО же. Все это было. Опять ТО.

Обидно, больно, тоскливо, гадко! Ужасно глупы наши «умники». Хрущеву по душе лишь кавалерийские песенки братьев Покрасс о Буденном. Материться хочется и выть по-волчьи.

Как быть с «Новым миром»?! Зажмут, задавят, наверное...

3 апреля. Ночь

Надоела классовая борьба. Осточертела. Не могу прийти в себя после выступления Хрущева. Мучаюсь. Не понимаю... Неужели опять все с самого начала?

Вчера читал статью об Евтушенко в «Ком. правде». Ей-богу, я полностью разделяю его мысли. Я верю Евтушенко... Это так. Вся эта разнузданная критика меня тревожит. Я боюсь читать сейчас газеты. Все бесит, все тошнотворно.

На рассказе «Матрёнин двор» я бы учил детей в школе. Но это, говорят, плохо. На воспоминаниях Эренбурга я учил бы общественному мышлению. Но это, говорят, плохо. На Паустовском я учил бы русскому языку. Но это, говорят, плохо. О сибирских тюрьмах, о советских концлагерях говорить – объяснили – достаточно. Почему достаточно? Об этом надо говорить и говорить. Кричать на весь мир. Людям нужно высказать эту боль. А ее опять загоняют вовнутрь. Осточертело! Надоела классовая борьба.

10 апреля

В газетах тотальная блевотина. Ужасно! Опять царствуют Кочетовы, Бабаевские. Вчера поместили отрывок из его нового «романа». Бьют Евтушенко, Аксенова, Ахмадуллину, Вознесенского.

27 мая

Целую неделю был у Нурпеисова. Крепко поработали. Обо многом говорили. Әбе – хороший рассказчик. Смеялись много. Приходил к нему и Аскар. Дважды был Абиш. Основательно, доверительно поговорили. Хороший парень. Талант. С Аскаром беседовали полночи, когда уже все в доме Нурпеисова спали. Ключ минорный.

8 июня

Снова три дня был у Нурпеисова. Беседа с Абишем (Кекильбаевым). Отменный парень. Широко мыслит. Приятно.

3 сентября

Пошел к Абдижамилю. Там был Ахтанов. Познакомились. Видать, толковый мужик. Правда, шумный и говорит много. Обедали. Они поехали в горы, я – домой. Әбе хочет, чтобы я быстрее взялся за 2-ю книгу. Я говорю: «Ақырын, ақырын!» Он говорит: «Основательно». У меня все неясно. Срок аспирантуры кончается.

29 октября

Неделю назад окончил аспирантуру. Три четверти диссертации написаны и апробированы. Осталась одна глава. Но я потерял всякий интерес к диссертации. Да и какая эта наука – методика? Больше привлекает меня литература. С 19 октября Абдижамил привел меня в журнал «Жұлдыз». Такое мне и во сне не снилось. Сижу за столом напротив Аскара, читаю казахские рассказы, повести, пишу письма, копаюсь в рукописях. Я новичок, и потому мне подбрасывают явно негодные рукописи. Я добросовестно читаю все эту муть и пишу пространные ответы неизвестным мне авторам. Большинство писем отрицательные. Авторы, получая эти письма, смотрят на подпись и наверняка думают: «О, аллах... Откуда этот немец на нашу голову навязался?! Кто он такой, чтобы о наших писаниях судить?» Я это хорошо чувствую и понимаю. И нахожусь в угнетенном состоянии. Зря я, наверное, сюда пришел. Не своим делом занимаюсь. Но меня утешают: «Ничего, все уладится. И ты привыкнешь. И к тебе привыкнут». Не знаю...

Галопом перевел автореферат Кирабаева. Вчера он звонил: «Оқып шықтым. Маған ұнады»... Одновременно перевожу рассказы Мусрепова «Өмір жорығы». От Ю.Казакова письмо: собирается приступить к переводу романа Әбе в начале декабря.

14 ноября

Привыкаю к редакции. Отличные ребята Кадыр, Зейнолла, Саги, Сабырхан. Очень внимательны ко мне. Аскар прямо-таки меня опекает.

Сегодня в редакцию зашел Мусрепов. Вальяжный, степенный, подчеркнуто изысканный. Все вокруг забегали, засуетились, как послушные шакирды перед наставником-муллой. И я, робея, прочел ему свой перевод рассказа «Зов жизни». К моей радости и удивлению, перевод он одобрил. Сказал, что никакого другого переводчика не надо, теперь нужен, мол, только редактор. Читал я в кабинете Нурпеисова. Габе сидел в кресле редактора. Я напротив. Аскар стоял рядом с ним. Я читал. Габе следил по тексту оригинала. Одобрительно мычал после каждого предложения. Изредка делал замечания: «Здесь, пожалуй, так надо. Здесь нужно подыскать другое слово». На мой вопросительный взгляд он поспешно ответил: «Вы найдете, найдете». Были и отступления. Габе говорил о жизни рыб. Пока он говорил, мы с Аскаром выкурили полпачки хороших сигарет, положенных им на стол. Чтение, беседа длилась два часа. В конце к нашей компании присоединился Абдижамил. Габе попросил меня отдать перевод машинистке и представить ему экземпляр. Сам он собирался ехать в Южный Казахстан. Он был против названия «Серый ярый», которое я предложил. Аскар, Абдижамил, я убеждали его, что это хорошо, особенно рьяно отстаивал это Әбе. Габе спокойно выслушал, вроде как соглашался, но потом снова отклонял. Он предлагал оставить Коккаска.

Я был против. Коккаска хорошо для казахов, для русских – пустой звук. Тогда Габе предложил Голубой Меч. Аскар сказал, что «Голубой» – невыразительно, громоздко, не мужественно. Габе согласился. Крутили, крутили и так и эдак. Наконец, Мусрепов предложил «Ярый-кок». Все отметили, что это неплохо. Коротко, энергично. «Хорошо-то хорошо, – заметил Аскар, окутываясь сизым дымом. – Но не лучше Серого ярого». Пусть переводчик еще подумает, решил Габе. Я все-таки оставил Серый ярый.

15 ноября

Сегодня я взял в библиотеке книгу «Писатели Казахстана» (биографический справочник). Разглядывая портреты писателей, кто-то в редакции высказал мысль, что́, мол, будет, когда не станет Муканова, Мустафина, Мусрепова и других стариков. И пришли к выводу, что через 10-15 лет во главе казахской литературы окажется Ахтанов. Аскар сказал: центральный нападающий. Правым нападающим будет, видимо, Нурпеисов, левым – Зейнолла Кабдолов. Три мушкетера. Долго смеялись, шутили... Больше всех Калихан, Саги, Аскар. Литература показалась несколько приземленной, но не безнадежной.

16 ноября

Кабдолов попросил меня сегодня – «когда управишься со своими делами» – перевести его роман «Жалын». Я сказал: «С удовольствием, но когда рассчитаюсь с "Потом и кровью"».

Перевожу брошюру Кирабаева о С.Сейфуллине.

Познакомился за эти дни с К.Шангитбаевым, А.Сарсенбаевым. Абу расспрашивал мою родословную, подбодрил по-аксакальски: «Маладес!» Знакомств много. Своей работой в журнале «Жұлдыз» я вызываю у многих удивление. Уж слишком не казахская физиономия.

26 декабря

Вместе с Аскаром, Калиханом посетил Ахтанова. Он приехал из Москвы. Шумный, веселый, импульсивный. Встретили очень хорошо. Там был уже Зеке (Кабдолов). Позже пришел слегка навеселе Куандык Шангитбаев. Сидели за столом аж пять часов. Рассказывали, слушали, спорили, ели, пили, шутили, горланили. Было хорошее вино. Ели ананасы. Ахтанов – исключительно гостеприимный, хлебосольный хозяин, открытая душа, рубаха-парень. Увлекающийся. Хороший рассказчик. Был на Смоленщине, в Брянских лесах. О Казакове говорил, как о невероятно грубом, неотесанном человеке.

1964

15 января

Разыскал меня Абдижамил. «Тебя просит Мустафин». Ну, я и пошел. Было волнительно. Вспомнил, как в восьмом классе я делал пространный доклад о романе «Миллионер». Разве думал я тогда, что живой классик казахской литературы пригласит когда-нибудь меня на беседу?!

Разговор один на один. Мягкая, спокойная, старчески-назидательная беседа на казахском языке. Где родился? Где вырос? Отец живой? Где работает? Где ты учился? Сколько тебе лет? Женат ли? Кем работает жена? Дети есть? И т.д.

Началась же беседа с конфуза. На вопрос: «Халің қалай?» я автоматически – по-аскаровски – ответил: «Э, живой пока». Старик нахмурился. «Да я вижу, что живой». Я спохватился и извинился. «Простите. Всегда так отвечаю. Просто вырвалось. Глупость, конечно». Старик тотчас великодушно улыбнулся. Немного поговорив о том, о сем, Мустафин начал меня поучать. Дескать, с переводами у нас худо, нет толковых переводчиков, надо бы этим заняться всерьез, основательно. Языковедов у нас, слава богу, достаточно. Ну, положим, станешь еще одним кандидатом наук. А станешь переводчиком – у тебя не будет конкурентов. Ты один. Сам по себе! Старик, довольный собой, рассмеялся. И тебе хорошо, и нам выгодно. В молодости человек увлекается то одним, то другим. Ты всё это оставь и всерьез займись переводом. Лучше и дороже специальности для тебя нет. Подстрочники встречных-поперечных вконец осрамили нашу литературу.

Минут двадцать пять рыжий старик порассуждал на эту тему. «Вот о чем я, собственно, хотел тебе сказать. О тебе с некоторых пор я наслышан. Абдижамил постоянно говорит. Что пришел к нам на работу, тоже знаю. Да поговорить с глазу на глаз все некогда было. Сегодня, наконец, такой случай подвернулся. Ну, будь здоров, милок!» Я поблагодарил и вышел...

Беседа как беседа, а мне было приятно.

14 сентября

Пять месяцев не брал дневник в руки. А чего только не было за эти пять месяцев!

5 мая Абдижамиля сняли с работы. Закатили ему на Бюро ЦК выговор с занесением в личное дело. Полный разгром редакции. Настали смутные времена. Потом – черные. Мотивы не стану описывать: они и так останутся в памяти. Постепенно начали гнать наших парней. Числа 17-18 июня убрали Аскара, Саги, а 23 июня после долгих мытарств заставили меня писать заявление – прошу, мол, по собственному желанию...

Я этого не хотел. В кармане ни шиша. Как жить – не представляю. Пошел к новому редактору Сырбаю (Мауленову). Попросил: оставьте до осени, там уйду сам. Сырбай опустил тяжелую голову, сказал: «Көреміз!» Стал меня дергать Ислам Жарылгапов. «Не уйдешь, мы тебя вышибем с треском!» Странно, вроде ничем не провинился. Местком заступился было, но Жарылгапов был непреклонен. Уходи да уходи. Действительно, из нурпеисовского состава редакции я остался один. Видно, кому-то мешаю. Пошли какие-то сплетни, интриги, разговоры. Сроду не думал, что такое может быть в писательской среде. Видя, как я удручен, Аскар отправился к новому секретарю СП Мусрепову. На него вся моя надежда. А Мусрепов, выслушав Аскара, холодно, врастяжку отчеканил: «Ну, не хва-та-ло еще-е, чтобы в ка-зах-ском журнале сидел не-е-емец...» Слова эти убили меня наповал. Я тут же подписал заявление и ушел из Союза, как побитый пес...

За время смуты перевел сценарий Калтая и Ходжикова «Степная мадонна». Получил гонорар – 161 рубль. Раздал часть долгов. А 9 июля вместе с Нурпеисовым и его семьей укатил в Аральск.

На катере доплыли до Чиганака, к заливу Тущи-бас. Крохотный рыбачий аул. Девять дворов. Летние лачуги – какра́ – стоят в ряд вдоль моря. Крайняя какра́ при-

надлежит старику-рыбаку Шокиману Сламбаеву. Крепкий, сильный старик. С добрым сердцем, ясной душой. Его старшая жена – неугомонная, добросердечная старуха под семьдесят. Вторая жена – Кырмызы, 39 лет. Пятеро детей.

Там мы и жили до 13 августа. За лачугами – верблюды, перед дверью – море. Прозрачно голубое. Чистое. Не очень соленое. Загорали. Купались. Ели рыбу. Вдоволь. Забили пять баранов. Заброшенную, ветхую лачужку превратили в рабочий кабинет. Поставили посередке стол, раздобыли два колченогих стула – и стол, и стулья привезли на катере из Аральска. Засыпали пол морским песком. В углу я поставил свою раскладушку. На стене повесил распорядок дня и график работы. Окно завесили камышовой циновкой. Дверь фанерная. Приличный кабинет. Тихо и прохладно.

Не было ни газет, ни радио, ни телефона, ни кино, ни почты. Ближайший населенный пункт – Куланды – в 25 километрах. Отдых отменный. Питание достаточное. Вставали с восходом солнца. Работали до часу дня. До трех отдыхали. Потом работали до семи вечера. Потом купались. И усталость как рукой снимало. Ужинали. Потом ходили гулять в степь, на пригорки. Сидели. Смотрели на море. Наблюдали, как надвигается мрак на старый Арал, как наступала ночь в степи. Говорили. Философствовали. Возвращались. Ложились спать. И так ежедневно. Отклонения были у Әбе, он два дня болел, дней шесть разъезжал. Я же работал строго по графику изо дня в день. В Чиганаке я закончил вторую и конец первой книги «Крови и пота». Потом приехал Берденов, председатель райисполкома, с огромной свитой, и через день, вечером, на трех машинах-газиках мы пустились по степи – 330 километров. Дорога адская. Степь тусклая, убитая. До трех ночи проехали 280 км. Остановились на станции Саксаульская. Там отдохнули. Съели барана. Вечером приехали в Аральск. Здесь мы продолжали работать. Читали. Писали. Ходили по гостям.

А приехали в А. – опять жуткое безденежье. Әбе где-то занял 10 тысяч и тотчас раздал старые долги. Я закончил перевод двух книг, а в кармане ни гроша. И занять негде. Кто займет литературному поденщику? Просто отчаяние. Зарплата у Раи – 60 рублей. Из них уходит 13 р. на квартиру, 17 р. на телевизор. Как жить на 30 рублях семье в четыре человека?

Хамза Есенжанов хочет, чтобы я взялся за перевод его книги «Өжет жандар». Я был у него. Говорил часа два. Жена его, Софья-апа, работала в 41-45 гг. в Марьевке Северо-Казахстанской области. Она хорошо помнит моего отца. Я решился взяться за перевод в качестве сопереводчика. Примерно 20 п.л. Боже мой, я могу таким образом перевести третью книгу и остаться по-прежнему без гроша.

А пойти на службу – трудненько: осень, болит нога, до автобуса далеко, не выдержу и недели, к тому же впереди скользкая зима. Когда выйдет «Кровь и пот» – бог его знает. Ю.Казаков что-то тянет. Пока суд да дело – можно с голоду околеть. Может, поехать в аул, к родителям? Но не то что 25 рублей, 25 копеек не имею. Ну и времена! Как вырваться? Вот раздобыть бы 300 рублей, мог бы три месяца спокойно работать.

В среду был у Аскара. Он медленно, но верно встает на ноги. Работа хорошая. 180 рублей зарплата. Заключил договор с Министерством культуры на перевод пьесы Бертольда Брехта. Так что у него кое-какие шансы появились.

Әбе хочет непременно сделать меня «со» с Казаковым. Думает, что тот согласится. Хотя бы для Казахстана. Хотя бы на гонорар из «Простора». Было бы страшно обидно, если бы я оказался всего-навсего подстрочникистом. Но чую нутром, что Казаков о том и слушать не захочет.

Ох, избавиться бы от этих проклятущих копеек! Как они пакостят, уродуют жизнь!.. И где бы мне раздобыть хотя бы 100 рублей?! Хотя бы 70?! Хотя бы 50?! Бр-р-р! Готов волком выть...

26 сентября

Сомнения грызут постоянно: а правильно ли сделал, уйдя в переводчики? Является ли это тем делом, которым я должен заниматься? Иногда кажется мне, что я не прав, что я должен читать лекции в институте по методике преподавания языка, добить диссертацию. Но читать курс методики могут многие, к тому же методика – нечто очень далекое от науки. Черт знает что! Вот уже три месяца, как я официально нигде не работаю, и это меня тяготит. Имею ли я право на подобное вольное житье?

3 октября

Отнес 20 стр. перевода Хамзеке (Хамзе Есенжанову). Часа два беседовали. Он умный, начитанный человек. Говорил о Бахитжане Каратаеве. Историческая личность. Султан. Юрист. Член второй думы. Кадет. В 17-м году вступил в Компартию. У Хамзеке находятся два тома его рукописи о колониализме. Где-то цитирует его Ленин.

Говорили также о «черных кошках» в казахской литературе, которые очень любят шастать между писателями и мутить воду в Москве.

Я осторожно заметил, что в начале его романа есть кое-какие излишества. К моему удивлению, он легко согласился. Еще я сказал ему: «Будьте строгим к моему переводу. Чем больше замечаний, тем лучше. И если плохо – скажите прямо. Сделано всего 20 страниц, отступить пока не поздно. Хуже, если это выяснится, когда будет сделано 100 страниц». Хамзеке обнял меня за плечи, улыбнулся, потом как-то по-детски рассмеялся.

Встретил Макатаева. Просит перевести его киносценарий – 50 страниц. «Поговори с Шангитбаевым, – сказал я ему. – Если киностудия согласится – переведу; если за твой счет – откажусь. Потому что знаю: твой карман такой же дырявый, как и мой».

«Хорошо», – бросил он на ходу.

Я потихоньку работаю над романом Хамзы. Возможно, что возьмусь и за книгу Жубанова. Я сделал ему пробные четыре странички. Аха́ сказал: «Гонорар тебе выбью через музфонд». Посмотрим.

3 ноября

Заканчиваю предисловие Искака Дюсенбаева. Неинтересно. Но приближаюсь к финишу. Был у Абдижамиля. Он спрашивал, согласен ли я вторую книгу сделать вместе с Ануаром (Алимжановым). Сказал, что согласен. Однако мало надеюсь, что из этого что-нибудь получится. С Әбе работать трудно. Для него всегда «где-то что-то как-то» не хватает. Казаков сказал, что ему выгодней плохой подстрочник, чтоб была просто глина, и он мог свободно лепить. Совершенно ложное понятие о переводе. Из глины слепить можно черт знает что. По всему видно, сопереводчиком я не стану, на это Казаков не пойдет, а настоять Әбе не осмелится.

Остро стоит денежная проблема.

Был и у Хамзеке. Он вполне доволен моим переводом. Если Ананьев согласится стать литредактором, то пустим твой перевод, говорит. Я сказал, что меня устраивает сопереводчество. «Ну, это уж обязательно», – уверяет Хамзеке.

1965

22 апреля

Абдижамил работает над либретто. Еркегали решил написать оперу. Либретто пишут Әбе, Абиш и Калтай.

У Әбе острая нехватка денег. В доме у него словно у заброшенного кочевья. Страсть как неуютно. Сам он весь какой-то издерганный. Болезнь обострилась. Из «ДН» получил письмо. Хотят, чтобы он ввел несколько положительных русских, а то все русские получились живодерами, грабителями, насильниками. Еще хотят, чтобы он ввел в роман восстание Амангельды (?). При мне Әбе написал Казакову письмо с просьбой зайти в редакцию, объяснить все и в случае упорства забрать роман.

Хамзаке говорил мне о своих планах. Должен написать несколько рассказов («лезет, прямо не могу, все уже обдумано»), пьеса лежит 125 стр., надо сократить до 70-75; ещё одна трагедия («не знаю, осуществимо ли это»), две статьи заказаны, за роман засесть надо.

С Щеголихиным уже говорил, хотя тот ещё не сказал своего решающего слова. Если Иван Павлович согласится, будет прекрасно. Он сделает за три месяца. И я бы стал сопереводчиком. Я бы воспрянул. А то романы Әбе изрядно подкосили меня.

Снова тревожат деньги. Обратился к Әбе. Он может в лучшем случае найти 50 рублей. Это не выход. Может, за роман Зейнуллы засесть. Но и он, по словам Әбе, не в состоянии занять мне 300 руб. Не знаю, как быть. Переводить макулатуру – ад сущий.

30 апреля

Вчера познакомился с Алексем Ивановичем Шеметовым. Сегодня вновь встретились в СП. Я прочел два его рассказа. Он изъявил желание «работать на равных правах». Ещё он сказал: «Я всецело буду полагаться на вас. Мы сработаемся».

Учился он в 37-м году в Алма-Ате, потом забрали его, сейчас живет в Тарусах. Человек, кажется, неплохой. Расстались очень хорошо. И решили сотрудничать. Думаю, это вполне осуществимо. Тем более, если он ещё и переедет сюда.

В слезах встретил сегодня Баламера (Сахариева): очень тяжело переживает смерть друга – Айкына (Нуркатова).

Вчера видел Хамзеке. Кажется, с Иваном Павловичем договорился. Абдижамил, как и я, нищенствует. Долг у него – 26 тыс. рублей.

4 июня

Весь май работал безумно. Не поднимая головы. Сейчас у меня в запасе две книги Әбе (24 п.л.), роман Хамзеке (17 п.л.), очерк (1,5 п.л.) и повесть Ныгмета (4 п.л.). К осени прибавится ещё один роман (20 п.л.). Вот сколько перетолмачено. А в кармане ни шиша. И надо ехать в аул всей семьей. Как?!

20 октября

Неделю назад кончил перевод «Много лет спустя». Таким образом, перевел уже четыре романа. В «Казправде» от 13-го числа вышел отрывок повести Ныгмета в моем и Щеголихина переводе. Фамилию мою исказили: Бергель. Джубан пошутил: «Э, бері

кел деп тұр ғой, әрі кет демеген». В №10 «Простора» повесть вышла целиком. «Крутое время» находится в издательстве. Где-то в ноябре будет договор. Еще раз прошелся по очерку Абдижамиля. Сегодня вечером он выезжает с комиссией по чествованию 60-летия А.Сарсенбаева в Гурьев. Хочет дать очерк в областную газету, а потом в «Лен. смену». Не знаю, выйдет ли.

У Абдижамиля планов всегда уйма, но осуществляются далеко не все. Сейчас машинистка печатает «Много лет спустя». Через неделю кончит. И тогда Хамза отправится в Москву. Хочет «Крутое время» отдать в какой-нибудь журнал, а «Много лет спустя» – в издат. «Мол. Гв.» Твердо обещал, что я буду на правах соперводчика. Между делом перевел ещё четыре рассказика Мусрепова для «Простора». В ближайшем №, вероятно, пойдут. Так что кое-какие успехи в переводческом деле вроде есть. Әбе говорит, чтобы я подал заявление на вступление в СП. До нового года. До съезда. Боюсь, рановато. Әбе говорит: пора. Посмотрим. Получил 600 рублей и малость ожил. Можно работать.

6 ноября

Съездил в СП. Хорошо поговорил с Щеголихиным. И случайно попал на торжественное собрание.

После собрания ко мне подошел Мусрепов. Речь зашла о его рассказах в моем переводе.

– Вы бы прочли мой рассказ «Первый фонтан».

– Я читал.

– «Казправда» просит. Вы не будете переводить?

Я сказал, что не переводил его, потому что «Фонтан» относится не к циклу «Қазқалпында».

– Может быть, вы посмотрите перевод Хамраева? Он перевел, но я не знаю, насколько художественно.

– Можно и так.

Договорились.

10 ноября

Горе: умер Н.Чуковский, а сегодня – Е.Урбанский, один из самых моих любимых артистов. Мужественный, сильный, трагический. В главных ролях он всегда погибал. А теперь и сам умер. А ведь он, кажется, ненамного старше меня.

Дождь, дождь, дождь. Льет, капает, хлещет, струится. Болит нога. Рана не заживает. Четвертый день подряд рублю и пилю дрова на зиму. А надо бы съездить в СП. Поговорить с И.П., с Мусреповым, Хамзой, Шеметовым. Телефона нет. Живу как на высылке.

24 ноября

Вчера утром Мусрепов прислал за мной машину. Меня доставили в СП. Поговорили о его рассказах. Он дал мне перевод «Первого фонтана», сделанный Хамраевым. Сегодня внимательно просмотрел: перевод ужасный. Придется мне переводить заново. Потом состоялись встречи и беседы с Щеголихиным, Абдижамилем, Тахауи, Ануаром, Олжасом, Ныгметом, Ипмагамбетовым, Куандыком, Касымом Тогузаковым и т.д.. Встретились и С.Муканов и Галимжанова (министр культуры – приятная женщина).

Зашел к Хамзеке. Пили водку, ели пельмени. «Крутое время» Хамзеке оставил в «ДН», а «Много лет спустя» отнес в «Новый мир», а всю трилогию сдал в издат. «Сов. писатель». Я ему посоветовал сдать две-три главы в «Простор» (в моем и Шеметова переводе).

Он одобрил идею. Хочет на днях зайти в «Простор». Было бы здорово. Надо отдать ещё кусок в газету, на радио. Кстати, Щеголихин мне сообщил, что в «Иртышской правде» напечатан рассказ «Тимка» Г.Мусрепова в моем и Новикова переводе.

По настоянию Әбе вчера отправились к Ахмету Жубанову. Он был в консерватории. Договорились встретиться завтра в 16 ч. Жубанов хочет, чтобы я перевел его книгу «Соловьи столетий». Меня что-то не тянет. Поговорим, посмотрим. Тахауи предлагает мне перевести свою пьесу. Вообще работы много.

1 декабря

Был дома у Жубанова. Обсудили предстоящий перевод. На другой день – переговоры в издательстве. Прошли удачно. От перевода стихов меня полностью освобождают. Остается 22 п.л. прозаического текста. В мае след. года у Жубанова юбилей – 60 лет. Поэтому надо спешить. Я предложил книгу разделить. Нузет Гумеров – «за», Жубанов – «против». Будет, мол, разный стиль. «Я человек обеспеченный, – сказал Аха. – Могу дать взаймы, чтобы ты мог работать, не отвлекаясь». Издат. будет платить 125 р. за лист. Я согласен. В принципе все обговорили. Теперь дело за договором.

Закончил перевод «Первого фонтана». Перевел заново. Вчера весь день прошатался с Абдижамилем. На днях он летит в Москву. Надо устраивать вторую книгу. Казаков договор уже заключил и 25 процентов уже пропил. Теперь «ДН» рекомендует книгу для «Роман-газеты».

Были в гостях у Абу Сарсенбаева. Әбе прочел ему свой очерк о поездке в Гурьев.

Старик смущенно слушал. Дело связано с его личностью. Хороший, добрый, мягкий, добродушный старик – Абу. Попили коньяк и отправились к Габидену Мустафину. Он открыл нам дверь, провел через огромный коридор в кабинет. В углу на журнальном столике горела лампа. Уселись в кресла. Хозяин был в черных бархатных штанах, в огромном стёганом халате. Скрестив ноги, внимательно выслушал Абдижамиля о поездке в Гурьев. Пробыли 1,5 часа. Спрашивал Г. и про мои дела. Посоветовал подать документы в Союз. «Ты нам очень нужный человек. Мы должны тебя принять». Провожая нас, ещё раз сказал: «Подготовь документы. Авось, протащим». Пятого он вылетает на сессию.

Абу Сарс. сказал, будто бы «Радуга над Дунаем» будет в «Просторе». Надо узнать.

– Ты сейчас не очень нуждаешься?

– Нет, не очень.

– Тогда потерпи. Как где-нибудь обломится, рассчитаюсь с тобой.

Был у Щеголихина. Нашел «Ак-Жунус» в антологии. Отнес ему.

Все четыре рассказа Мусрепова пойдут в первом номере «Простора».

«Забронировали» меня Абу, Зейнолла, Бердибек. И все в феврале, в марте. Я становлюсь нужным. Это, конечно, радует. И хочется работать основательно.

«Первый фонтан» отдал машинистке. Завтра отдам Мусрепову. Он хочет послать в «Известия».

Вчера отремонтировал радиолу, и теперь слушаю Баха и Бетховена. Видел Аскара, Калихана и многих других гавриков.

28 декабря

Отчаянно работал всю неделю. Сделал рассказик Ныгмета. Закончил три очерка из книги Жубанова: «Жаяу Муса», «Балуан Шолак», «Мади».

По радио Москвы передавали Абдижамиля. Хорошая была передача. Хотел его поздравить, да дома его не оказалось. Зашел к Аскару. Уже две недели Алтыншаш в больнице: воспаление легких у сынишки. Ануар получил республиканскую молодежную премию.11 января

Поразительная смерть Лала Шастри. В обед пришла «Правда». На снимке, улыбаясь и держа друг друга за руки, стоят Шастри, Аюб Хан и Косыгин. Маленький Шастри стоит среди рослых мужчин, как человек с другой планеты. И смерть его похожа на угасание слабенькой свечки.

Был у Әбе. Он в халате лежал на ковре и разбирал свои пожелтевшие бумажки. Вроде хочет написать статью. Поболтал у него, рассказал ему о Троцком, а потом отправился к Жубанову.

Деловой разговор. Жубанов говорил, что семья собирает сейчас деньги к юбилею. «Вы же сами понимаете. Брусиловский провел банкет, даже жену из Москвы не пригласил. Она у него уже 12 лет там живет. У них в Москве кооперативный дом. А у казахов так нельзя. Уже за два месяца до юбилея начнут ходить, приезжать, поздравлять. Расходы, сами понимаете, будут огромные». Речь шла в основном о его книге, о переводе. Он просил, чтобы я закончил скорее. Куда скорее, я и так нажимаю на все педали.

Мусабаев просил, чтобы я пошел к нему в Академию словари составлять. «За один год сделаю тебя кандидатом». Нужно мне это кандидатство!..

1966

23 января

Работаю, как ишак. Устал. Зверски болит нога. Рана не заживает. Неожиданно приехали сегодня Жубанов и Нурпеисов. Ахá привез мне деньги (200 р.) Очень вежливый, чуткий, воспитанный человек. Немного поговорили, и они уехали. Я обещал заехать к Жубанову ещё в пятницу, но не смог. Скользко. И нога не ходит. И вот через два дня Ахá разыскал Әбе, чтобы тот показал дорогу, приехал и вручил мне в долг эти деньги, чтобы я мог работать. Очень трогательно.

Я спросил:

– Когда закончу, вы прочтете.

– Наверное, прочту.

– Я ведь не все казахские песни знаю. Могу при описании мелодического строя песни и наврать в чем-то.

– Ия, ол солай, – засмеялся Ахá – писатели разве без вранья обойдутся? Нет-нет да что-нибудь и присочинят.

Я проводил их на лестничную площадку.

– Ал, сау бол. Үйге кір. А то простудишься, – сказал Жубанов.

Я, как мог, поблагодарил его.

Выжимаю по 6-7 страниц (книжных) в день. Но от такого темпа я могу скоро скопытиться. Тем более условия неважные. Разные мелкие дела отвлекают все время. Ужасно лихорадочная пора. Будто сорок волков за мною гонятся.

29 марта

Сегодня был у Жубанова. Перевод мой ему нравится. Был также в СП. Новый секретарь – Ади Шарипов. Умер Зеин Шашкин.

27 апреля

Три недели – сплошная суматоха. Страшно много приходилось ходить, и нога почти отказала. Раз пять был у Жубанова, раза три у Хамзы, часто у Әбе. «Сумерки» имеют успех, у Абдижамиля прекрасное настроение. Еланчик отредактировала роман Хамзеке, художник закончил оформление. Вчера должен был быть редсовет. И книга пойдет. Новиков редактирует Жубанова. Сделал, думаю, не менее страниц 100. Пока все идет хорошо. Никаких конфликтов. Машинистка из АН печатает вовсю. До съезда писателей хотят сделать ещё один прием новых членов. Рекомендации (очень теплые) дали Щеголихин, Н.Габдуллин, Хамзеке. Документы, кажется, в порядке. Приемную комиссию прошел. Все решится на Президиуме. С Ади говорили и Хамза, и Әбе. Да он и сам знает. Вообще-то я робею и не хотел подавать документы. Думал: через год. Но Әбе уговорил и я сдался. И теперь было бы досадно, если меня оттолкнут. Ладно, посмотрим.

4 декабря

Приходил Аскар, но нас дома не было. Он написал на уголке газеты: «Геке, пришел было со своими пластинками, но поскольку ботинки мои прохудились, более двух часов ждать не мог. Поклон жене и детям. Ас. 6-20».

10 декабря

Вечером пришел Аскар. Послушали раз пять 9-ю симфонию «Бетекена» – Бетховена. Аскар прочел свой рассказ – хороший; может, несколько тяжеловатый, мрачноватый, болезненный. Поговорили о том, о сем, в двенадцатом часу он взял один «жамау» (заплатку) к роману Абдижамиля и поехал домой.

1967

9 января

К вечеру заехали Абдижамил с Абишем. Сообщил, что Хамза и Тахауи – лауреаты республиканской госпремии.

Дудинцев будет переводить «Много лет спустя».

14 января

Вечером, около 9-ти, почтальон принес телеграмму: «Просьба Габита Мусрепова нам надо связаться вопросу перевода его прозаической поэмы позвоните мне либо простор либо домой. Белянинов»... Переводить Габита очень трудно, но радостно.

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. Муканова

22 января

Начал работать над поэмой Габита «Кездеспей кеткен бір бейне». Не знаю, какое название придумать по-русски. С удовольствием перевел пятую главку. Вообще переводить его трудно.

8 февраля

Вчера вечером был Аскар. Хочет написать пьесу. Замысел интересный. 1916 г. Судьба казахов. Судьба отвернулась от казахов. Безразлична судьба к казахам. Начали строить юрту, да так и не достроили. Начал старик ремонтировать свою разбитую домбру (или кобыз?), но не суждено было кобызу сыграть скорбную песню... Написал заявку в Минкульт. Над диссертацией тоже намерен работать.

11 февраля

Работаю над поэмой Габита. После обеда неожиданно нагрянули Аскар с Зеке (Кабдолов). Нужно срочно перевести его пьесу – 65 стр. за неделю. Придется Габита отложить. Жаль: осталось одна главка – два-три дня работы. Пьесу просмотрел. Неплохая. И переводить нетрудно. Только уж слишком срочно. А что срочно – то непрочно.

26 февраля

Были у нас Аскар и Алтыншаш. Легли в третьем часу ночи. Всю ночь слушали Моцарта и Баха. Аскар принес старку. Приятно пьется, но крепкая.

26 марта

Позавчера приехал Абдижамил с Абишем и Калтаем. Абиш привез на перевод повесть. «Казахам совестно смотреть тебе в глаза. Не сегодня-завтра поступит сигнальный экземпляр моей книги. Тогда и рассчитаюсь. Через три-четыре дня и Абиш что-то подкинет. Деньги, нужные сегодня, пригодятся и завтра», – начал было философствовать Әбе, я лишь сказал: «Ладно. Дұрыс қой. Құп».

Был на собрании переводчиков. Выступали Гайша Шарипова, Анов, Жовтис, Варкентин, Тимошин, Тогызаков, Макан, ещё двое-трое казахов. Анов читал письма Ауэзова. Очень интересно. Пока не опубликованные. О переводе. Об отношении Мухтара Омархановича к переводам. Поведал несколько событий из Семипалатинского периода их работы. Макан похвалил мой перевод «Крови и пота». Сказал, что благодаря моему подстрочнику Казакову удалось сделать хороший перевод. Вообще говорили дельные, полезные вещи. Моргун просил, чтобы и я выступил, но я отказался, сказав, что хочу выступить на пленуме СП. Статью мою пустят в ближайший номер «Қазақ әдебиеті».

Вчера днем закончил перевод пьесы Кабдолова. Теперь нужно перевести еще восемь страниц Мусрепова, потом – рассказ Ныгмета, а потом – повесть Абиша. Хотя его повесть очень трудна и страшно неподатлива. Не знаю еще.

19 апреля

17-го начался пленум СПК. Каратаев делал доклад. Там говорилось и обо мне. Похвалили. А потом прочел несколько ляпсусов из «Крутого времени».

Нуртазин Т. половину речи посвятил Абдижамилю. Говорили и о моей статье. Полемизировал. Якобы, Бельгер требует слишком многого. Совпадение стилей, по его мнению, не может быть. О моей статье в «ҚӘ» говорил и Ганиев (Москва). В перерыве

подошел ко мне Жубанов. Улыбался, очень мило говорил, радовался выходу книги и благодарил за перевод. Потом сказал, что прочел мою статью. «Позвонил Талжанову. Бельгер написал о том, что сам думает, а ты пишешь о том, что говорил Белинский, что написал другой. Пора ведь и свои думы обнародовать». Аха́ весело рассмеялся! «Мы с Сайдилом одногодки. Друг над другом потешаемся». Пригласил к себе.

В перерыве позвали меня Мусрепов и Шарипов. Адеке попросил, чтобы я перевел заново «Оянған өлке» («Пробужденный край»), а после пленума обязательно зашел к нему. Потом вместе с Габе походили по коридору, говорили о том, о сем. Похвалил мой перевод поэмы. «Легко перевел... Можно ли считать, что договорились?» «Жоқ, отвечу дней через десять-пятнадцать». «Жарайды». «А буду переводить, понадобится, самое малое, месяца четыре». «Конечно, конечно. Это самое малое».

Адеке сказал: «Я давно обратил внимание на этого жигита. Надо его взять на работу». Габе горячо поддержал его. В таком духе продолжался разговор.

На второй день выступали старики: Анов, Никольская, Кедрина, Луконин, Пантиелев. Очень понравилась мне речь Абена Сатыбалдиева (я с ним не знаком). Почти все те мысли, которые хотел высказать я, он очень аргументированно поспорил с Нуртазиным и всецело одобрил мою статью. Пленум скомкали. Торопились. 13 человек не получили слова (Махмудов, Макан, Жовтис, я и т.д.).

Находится здесь и Дудинцев. В своем выступлении он сильно хвалил роман Хамзеке. Вчера Хамзеке подошел ко мне. «Куда ты исчез? Не видно тебя...» Я спросил: не было ли разговора с Дудинцевым? «Жоқ. Я с ним не знаком. Ещё поговорим». Волнует меня это. Судя по речи Дудинцева, он не захочет никакого сопереводчика. Не знаю, как мне себя вести. Быть подстрочникистом меня тоже не устраивает.

На моей шее рассказ Ныгмета и повесть Абиша. А потом, может быть, в самом деле, взяться за «Оянған өлке». Но это будет ужасный труд. 25 листов! Да каких! Что ни фраза – ужас.

«В вашем романе много непереводимых мест», – говорю Габе.

«Опусти их», – смеясь, отвечает он.

22 апреля

Вчера утром приехал за мной Азат Сулеев. «В 11 ч. состоится совещание переводчиков. Будет серьезный разговор. Ты должен обязательно быть».

На совещании были Кедрина, Александров, Пантиелев, Сендык, Урин, Дудинцев и «наши». Я тоже выступил. Сказал о своем отношении к подстрочнику. Говорил, кажется, резковато. Джубану не понравилось, что я критикую московских толмачей. Он даже по-казахски оборвал меня. Тут же бросился ко мне Сендык: «Зачем вам Казаков? Вам самим переводить надо». Подошел Пантиелев: «Давайте познакомимся. Читал "Соловьи столетий". Вполне приличный перевод. Вам не нужны никакие подстрочники. Вам переводить надо. Зачем вам редактор?» Я поблагодарил его. Талжанов пожал руку: «С выступлением». Говорил с Щеголихиным, Махмудовым, Ганиевым. «Хамски поступили с местными литераторами. Совсем обнаглели эти московские переводчики», – заметил Щеголихин. Пленум прошел для меня с пользой, но на душе муторно. Я увидел, как литературу превращают в бизнес, в огород, где пасутся случайные люди.

Был у Жубанова. Он меня увидел на улице, окликнул, посеменил навстречу. Оказывается, заказал такси и ждал на углу. Я вернул ему долг – 200 р. Он обрадовался, спросил, сколько отдал машинистке. «Тогда верни сто рублей, а остальные оставь себе.

А то неудобно. Слишком незначительный гонорар». «Жоқ. Долг есть долг. Долг не вернешь, на душе неспокойно». Он засмеялся: «О чем говоришь!» Поехали вместе. «Будет время, не перевел бы мой "Курмангазы"? Всего 13 печатных листов». «В плане стоит?» «Поставят, если найдется переводчик». «Тогда соглашусь». «Значит, определю в план 68-го». Я вышел возле дома Хамзеке, старик поехал дальше. Говорили мы и о рассказе Абиша.

17 мая

Позавчера был у Хамзеке. Он одобрил мой «Тущы-бас». Встретил также Абиша, передал ему рассказ (он накануне был у меня: беседовали, пили вино).

Говорил с Абдижамилем, Зейнуллой, Новиковым, Слановым, Маканом, Мусреповым, Кабдыкаримом. Последний сказал, чтобы я пришел заключать договор (с Мусреповым тоже был разговор на эту тему) после съезда. Все уехали на съезд. Аскар находится во Фрунзе. Видел Ю.Домбровского. Высокий, тонкий, сутулый, с длинным, шишечкой, носом, со спутанными, всклокоченными черными волосами. Какой-то помятый, издерганный, суетливый...

22 мая

Были вчера у меня Абиш и Аскар. Хорошо покалякали. Много интересного поведали они мне. Об Аллилуевой, об обсуждении романа Солженицына. Абиш читал стенограмму. Абиш и Аскар собираются в Ялту в Дом творчества.

15 декабря

В седьмом часу вечера закончил перевод повести Дукенбая и страшно обрадовался: теперь-то отдохну, ведь так напряженно работал все эти дни, до 20-го прочту, выправлю, вычищу рукопись и дней десять отдохну, почитаю Бунина, напишу письма... Я оторвался от стола, начал ходить по комнате, радостный, довольный, в предощущении отдыха и вдруг... стук в дверь, входят Аскар с Калтаем.

Нужно срочно, за два-четыре дня, перевести его пьесу. 55 стр. Ну что тут скажешь? Минут через двадцать они уехали, Аскар записал мои паспортные данные для договора, сказав, что перевод сценария уже одобрен, а я тут же сел и прочел первое действие пьесы. Завтра с утра засяду. Вот тебе и отдых. Теперь до 25-го надо снова писать, писать, писать.

19 декабря

Работал, как зверь. За 3,5 дня перевел 58 страниц. Ура! Полчаса назад поставил точку. Теперь нужно отредактировать перевод повести Дукенбая.

26 декабря

Был на просмотре пьесы Калтая. По наушникам передавали мой перевод. Сидел с Алтыншаш, Аскаром, Магзомом. Видел человек сто знакомых.

Аскар сказал, что в киностудии заключили договор на три листа по 150 р. Это сверхнеожиданно

После спектакля в кабинете Азербайжана Мамбетова состоялось обсуждение. Выступили Аскар, Куспанов, Хамза и еще один Хамза (Абдуллин), и еще один Аскар (Токпанов) и еще несколько человек.

Режиссер из Малого театра заливался соловьем, говорил явно фальшиво, льстиво, старался показать свою эрудицию, вообще демагог и пройдоха, говорил и говорил, чем, видно, сильно расстроил Ануара. Когда режиссер стал говорить о том, что если бы среди нас оказались бы Ницше и Беркли, он – «вместе с нами» – доказал бы им и т.д., на что Ануар спокойно заметил:

– Ну и посадил бы вас Беркли с такой философией в галошу.

Режиссер, не расслышав, обрадовался, сказал «да, да», потом вдруг сообразил, покраснел, побледнел, вскрикнул: «Кого? Меня?!»

Его тут же успокоили, он сказал ещё несколько слов и сел, красный, надутый, лупоглазый.

Пьеса хорошая. Постановка получилась неплохой. Но многих героев я представлял иначе. Интонационно казахские артисты очень однообразны, напыщены, театральны. Не хватает простоты, естественности.

1968

27 января

Состоялся – уже давно – президиум СПК, и меня, конечно, не приняли в Союз. Выступили против: Каратаев, Моргун, Молдагалиев, Шарипов. Хвалили Мусрепов и Нурпеисов. Поддержали Ахтанов, Габдуллин, Тажибаев. Ужасно, одним словом. Скверно. Ладно... Переживем...

30 июня

Три с половиной месяца – 105 дней! – провалялся в больнице. Получил 76 уколов стрептомицина, 13 мономицина и 25 дигидрострептомицинов. Исколот весь. Принял более тысячи таблеток этоксида, тубазида, димидрола и т.д. Еле оклемался. Теперь меня готовят к операции. Худо мне, худо...

22 августа

Главная пакостная новость: ввод Советских войск в Чехословакию. Я глазам своим не поверил, когда читал сообщение ТАСС. Как это глупо, топорно, низко, подло. Стыд! Позор! Что это за государственные и партийные деятели, которые хотят насильно сохранить видимость! Последние друзья отшатнутся теперь от нас. Ложь! Фарисейство! Политика узколобых и слепых.

Здоровье неважное. Похудел. Постоянно болит желудок.

Взял кусок третьего романа Әбе и повести Дукенбая.

16 сентября

Был в СП. Отнес «Полынь и цветы» Дукенбая. Видел многих. Выступал Б.С.Рюриков. Выступление его было нудным, жалким и ничтожным. Никто даже вопросов не задавал. Говорил, словно аульный учитель перед четырехклассниками.

Арыстанов предложил перевести его роман о Гани. Отказался. Калтай попросил доделать «Айман-Шолпан». Согласился.

6 ноября

Будучи вчера в СП, попал на торжественное собрание с концертом. Видел многих знакомых. Щеголихин похвалил мои рассказы, говорил о какой-то мере в изображении представителей другой национальности, которая якобы у меня имеется. «Нужно отказаться от банальных эпитетов... Рассказ "Экзамен" – очень сложный. Думаю, вы ещё к нему вернетесь. Один из рассказов пустим в "Простор". Нужно писать. Я хочу, чтобы вы всерьез в себя поверили и писали».

Я, конечно, обрадовался, хотя прекрасно понимаю, что никакой из меня писатель не выйдет.

1969

8 сентября

Иду по ул. Калинина. Навстречу идет Малик Габдуллин.

– Сәлеметсіз бе, Мәке!

Он бросил на меня рассеянный взгляд, машинально ответил на приветствие, но пройдя ещё два-три шага, круто оборнулся;

– Эй? Герей!..

Сходимся. Здороваемся заново. Беседуем о том, о сем.

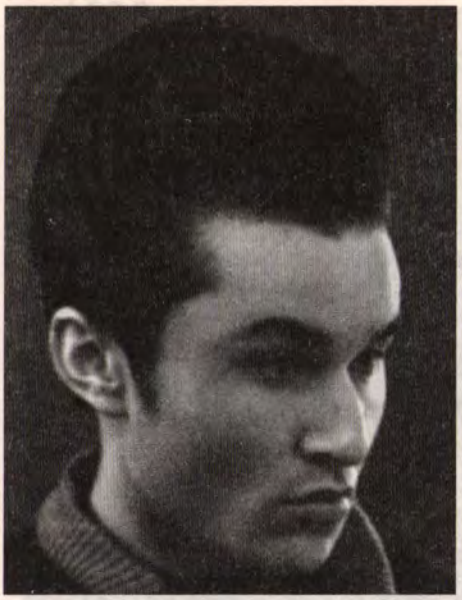
Вдруг Мәке говорит:

– Анау негр баласын қарашы!

Неподалеку от нас прошла молодая белокурая женщина, держа за руку стройненького, подтянутого, с какой-то особенной осанкой, губастенького, кудрявого мальчонку лет семи-восьми. В белых брючках? Изящной ковбойке, пучеглазый светлый негритёнок.

– Наградили молодцы, а?! – говорит Мәке.

Мы прощаемся. А я ещё долго гляжу вслед этому маленькому, изящному и, должно быть, очень одинокому чужестранцу.

Аскар Сулейменов

В Подмосковье

У залива Тущи-бас

С.Досанов, А.Сулейменов, И.Есенберлин, М.Магауин, Р.Тохтаров, Д.Исабеков

В редакции газеты «Neues Leben». Москва

1970

14 декабря

Дурацкий пленум Правления СПК. Конечно же, Кедрина прискакала. «А кто в этом сомневался?» – говорит Косенко. Мы с ним беседовали о разном. О сборнике моих рассказов. О плане 72 года. Говорили также с Хамзеке, Кабдоловым, Калтаем, Щеголихиным. Акпанбетов фотографировал меня с Ахтановым для «Neues Leben». Мукагали рассказывал, как они с Олжасом ездили стрелять еликов. Олжас, улыбаясь, слушал и сказал: «Ни одного елика не видел, одни бараны». Странный пленум. Каждый говорил сам по себе и черт знает о чем. Ануар читал нудный и длинный доклад. Сафуан рассказывал Бердибеку отдельные моменты из книги Нойберта, а Калмухан, по прозвищу «Иртыш-Караганда», рисовал остроумные фривольные сценки. Выпучив глаза, Ади смотрел куда-то вдаль. Джубан уткнулся в бумагу. Сабит Муканов, повернувшись ко всем спиной, силился хоть что-нибудь разобрать в невнятной скороговорке Ануара. Мустафин вертел-вертел в ладонях карандаш, потом потянулся к бутылке с минеральной водой, откупорил ее и только хотел было налить в стакан, как рядом сидевший Мусрепов мягко взял бутылку из его рук, оторвал клочок бумаги, тщательно протер горлышко, потом аристократическим движением руки, медленно, изящно, как опытный официант, грациозно, я бы сказал, налив в стакан Мустафина, потом таким же манером плеснул в свой стакан и чуть-чуть, по-барски, пригубил. Подсел Белянинов, спросил по-немецки: «Как дела?» «Еле притащился, а теперь сижу, как дурак», – отвечаю. «А на хрена?!» – всеобъемлюще спросил-ответил Алексей Семенович. Показался Давид Николаевич. Поздоровался. «Как видите. Хоть с палкой, а двигаюсь помаленьку». Максимович травил байки Еланчик.

Ай да пленум!..

1973

5 января

Разные люди могут брать, скажем, один и тот же аккорд, ударить по струнам с совершенно одинаковой силой, все может совпадать с абсолютной точностью, и тем не менее инструмент звучит по-разному, звук получается разный, у большинства он тусклый, глухой, мертвый, бездушный, и только у редких он живой, одушевленный, прекрасный, ибо разные руки касаются этих струн – рука заурядная, обыкновенная, пусть даже по-своему чуткая, способная и рука талантливая, в которой заключено что-то такое, что невозможно уловить, оценить, определить – ДАР.

Точно так и в писании: вроде бы одними и теми же словами пользуются, и стиль один, и весь художественный арсенал абсолютно идентичен, и манера одна и та же, и даже тональность совпадают – и все же результат разный: у одного слова ремесленные, тусклые, мертвые, холодные; у второго – светятся, волнуют, зажигают; ибо первый – ремесленник, эпигон, хоть и образованный, способный, по-своему чуткий, а

второй – художник, писатель, рукой которого движет что-то такое, что нельзя определить, оценить, осмыслить – ДАР.

И тут ничего не поделаешь, хоть расшибись, хоть лопни, хоть лезь из себя. И потому есть всегда моцарты, и будут всегда сальери.

1974

10 мая

Белый лист бумаги для Абдижамиля – поле битвы. Ему, кажется, приятно видеть это поле истерзанным, чтобы всегда были видны следы беспощадного сражения. Чем истерзанней лист, тем суровей была битва, тем радостней победа. Мне трудно к этому привыкнуть, меня приводят в ужас эти вдоль и поперек исписанные, испещренные страницы, где каждая строка многоэтажна, где мудрено разобраться в бесчисленных причудливых знаках, и я стараюсь сначала переписать эту злосчастную страницу скорее набело, только после этого мне кажется, что каждое слово на месте, и уже ни прибавить, ни убавить. Но Абдижамил тут же берет чистую страницу и, мазохистски улыбаясь, начинает вновь ее ожесточенно чиркать, марать сверху донизу. Он не столько пишет, сколько правит, редактирует, переписывает.

18 декабря

Подходит ко мне сегодня С. и говорит:

– Слушай, друг, сделай подстрочник моего романа.

– Зачем подстрочник? Лучше сразу перевод с оригинала.

– Нет, мне подстрочник нужен. Художественного переводчика обещал мне найти Мухá.

– И кого?

– Э... один московский сабаз. Во-о! Если бы ты сделал мне подстрочник, а сабаз перевод, знаешь, как бы засверкал мой роман!

– Слушай, а не может ли Мухá уговорить Шолохова? Тогда твой роман ей-ей засверкает ещё ярче...

С. задумался. Буйной шевелюрой тряхнул.

– Э, айналайн, Шолохова разве уговоришь?!

1975

8 апреля

На пленуме СПК встретил Давида Николаевича Николича, старого литератора, ученого, моего наставника по КазПИ. Беседовали о том, о сем. По поводу доклада я сказал: «Устали люди от громких слов». Давид Николаевич, грустно закивал, заметил: «И от плохих книг». Потом, после паузы, ещё раз повторил эту фразу.

20 апреля

Абдижамил сегодня сказал: «Ойпырмай, недавно я так сильно заболел, что думал: умру. Ну, умирать-то все умирают. Но ведь сначала хочется что-то совершить, не так ли? Умереть, что-то сделав, конечно, праведно. А так...»

5 мая

И сегодня в СПК подошел Сыр-аға (Мауленов). Спросил, как перевести на казахский язык слово «упоение».

– Как, если остановиться на слове «ләззат»?

– Но ведь «ләззат» у нас «наслаждение», – ответил я.

Рядом сидел Сайын. Думали, думали, но так ничего в голову и не пришло. Я вспомнил, что Абдижамил не мог найти казахский эквивалент для слова «предрассудок».

Сырбай ушел, а Сайын начал говорить о потере языка. «Мы по-казахски думаем только когда пишем. А так и дома, и всюду все по-русски идет. Слова, язык забываются». И он рассказал, как всем аулом не могли вспомнить одно слово, которое обычно говорили, когда швыряли асыки. Я вздохнул: «Если вы, казахи, язык забываете, то что о нас, советских немцах, говорить...»

Сайын был грустен. «Ни чина не надо, ни кресла не надо. Одна мечта – писать. Вот мне уже сорок, иметь бы возможность писать ещё лет пять. По-настоящему! И я был бы доволен судьбой...»

7 июля

Среди казахских писателей талантливых, даровитых от бога немало, а вот труженики, неистовые работяги крайне редки. Многие растрачивают свое время, свой дар... на суету, бесплодные разговоры, интриги, на бесбармак, на бог знает что... А я убежден, литератор обязан работать много. И чем выше талант – тем больше, неистовей. Пример – Лев Толстой. Где-то я читал недавно, что рукопись «Войны и мира» составляет свыше 5 тыс. листов, «Воскресенья» – более 7 тыс. Один лишь эстетический трактат Толстого «Что такое искусство?» составляет более 4 тыс. страниц. Какая-то его работа, кажется, «Рабство нашего времени», имеет около 150 черновиков, а какое-то предисловие насчитывает более ста редакций... Такое казахским литераторам и не снится...

22 августа

Никак не покидает меня ощущение призрачности, незначительности, пустячности всего, что меня окружает, всего, что делается и мною, и другими. Все время маячит перед глазами вопросы: «Ну и что? К чему? Зачем?» А ответа нет и нет...

27 сентября

Поинтересовался у Мориса Симашко: «Сколько, интересно, книг перевела Лили Дени?» «Если не соврать, книг сорок». «Пожалуй, не меньше», – согласился я. «Кроме того, – добавил Морис, – она переводит о театре и для театра... И вообще у них несколько иное представление о производительности труда».

Симашко прав. Арт Бухвальд, например, еженедельно пишет три фельетона. Айзек Азимов опубликовал более 400 книг и 1000 статей. А мои казахские друзья напишут одну тощую книжонку и носятся с ней, как с писаной торбой, требуя переиздания, премии, званий и повсеместных почестей и славы. О аллах...

13 ноября

Шли, беседовали с Әбе (Нурпеисов). «Писать прозу – ой, стало невероятно трудно!» Әбе заново написал начало своей повести. «Долго думал: чего же не хватает? Есть мысли, образы, язык... Оказалось, у этого творения нет движения. Теперь, кажется, что-то придумал».

Говорили о «Ранних журавлях». Я сказал, что Чингиз очень часто ходит по самому обрыву сентиментальщины. «А это надо, – сразу заметил Әбе. – Время суровое, жесткое, даже жестокое. И читателю сентиментализм нужен. И старикам, и молодым».

Я ему рассказал о Фолкнере, о его «Гоне спозаранок», потом хвалил Кэрол Оутс, и он сразу загорелся: «Найди мне все это скорее. Прочту, ознакомлюсь перед тем, как засесть за работу...» Я похвалил статью Владимирова об «Аз и Я», и Әбе тут же позвонил Владиславу, передав ему мое мнение и заметив, что тут же пойдет покупать номер...

6 декабря

...Ночь. Четвертый час. Все нормальные люди давно спят. Работают двое: я и дворник. Тот яростно скребет лопатой, снег убирает. Полезное дело делает. А я ради чего мучаюсь, сидя на кухне над белым листом бумаги?..

1976

13 марта

Вечерами меня обуревает странное ощущение, будто я живу долго-долго, чуть ли не с сотворения мира, и что в жизни – как таковой – нет никакого смысла. Иногда, в отдельные мгновения, я это чувствую так обнаженно-явственно, что по телу мурашки бегают.

9 июня

Стоим с Әбе на балконе его дома, о чем-то беседуем. Вдруг Әбе, рассияв лицом, радостно говорит: «Вон идет Тахан!»

Я не сразу узнаю Ахтанова.

– Оу, как же вы без очков увидели его? Я и то едва разглядел.

– Е, как же мне не узнавать Таха́?!

По Тулебаева медленно, чуть вразвалку, закинув крупную гривастую голову, движется Ахтанов. Әбе издали улыбается ему, вскидывает ликующе руку. Мы (с балкона), Ахтанов (снизу) минут двадцать беседуем. Разговор легкий, шумный, приятный...

– Красивый человек! – говорю я. – На него просто смотреть приятно.

– Ой, не говори! Среди разных казахов настоящий человек! Жаль, что К. его задавил. Ему бы депутатом быть, от имени писателей с высоких трибун говорить...

13 декабря

...Ночь. Последний трамвай прогремел за окном. Отрешенно светят фонари в молочном тумане. Тихо. Сижу и думаю: «Так ли я живу? По своему ли назначению? Работаю много. Но то ли делаю? Ишак ведь тоже много работает. Не слишком ли трачу

себя на праздные разговоры, житейскую суету, домашние мизерные заботы, просьбы друзей, малозначительные переводы? Скорей всего, так... Годы уходят. Радостей было мало. Их будет еще меньше. Единственный смысл – работать. И быть хоть в чем-то полезным. Чтобы хоть кто-то сказал: «Нет, не совсем зря он небо коптил». Я чувствую: могу делать больше и лучше. Но я транжирю свои силы на всякую всячину. Слишком многие меня дергают. Надо бы четче определиться. А я, по-моему, никак не попадаю на истинную свою дорожку и все чикиляю по обочине...

1977

30 января

...Все те же назойливые думы: как распределить мне свои нищенские силы? Направить все усилия на немецкое? Нужен ли я там? Или всецело бить на переводы с казахского? Или все же попытаться самому всерьез писать? Где оно, мое предназначение? Пока что гоняюсь за тремя зайцами, но ведь ясно, что так дальше не пойдет...

23 сентября

Прочел Абдижамилю по телефону – отрывками, но почти всю – статью Аскара «Болмыспен бетпе-бет». Рассказал Әбе, что статью эту мне передали с усмешкой, и я начал читать ее с предубеждением, опасаясь, что там будут сплошные выкрутасы, до которых Аскар большой охотник, но прочел раз, половину не понял, однако почувствовал – вещица дельная и глубокая; прочел второй раз – нравится больше; в третий раз читая, я ощутил потребность произносить текст вслух, живо слыша при этом интонации Аскара. А утром читал по телефону в четвертый раз. И окончательно понял: об Ауэзове нужно только так писать. И такая статья стоит многих серых и убогих исследований и подленьких воспоминаний, где каждая муха – по Горькому – силится оставить свой след в жизни большого человека.

Әбе выслушал, сказал, что ему нравится, что он тут же позвонил Сейдахмету, дабы развеять его сомнения, заговорил о Шкловском, о стиле, о своеобразии. «Аскар способность человека мыслить превращает в искусство. Обреченная литература разнообразия не терпит. Мы воспринимаем только то, что затвердили некогда в голове. Поданное в ином обличии отвергаем. В этом сказывается ограниченность нашего кругозора».

18 ноября

Зашел на днях к Абдижамилю. Он был в дурном, удрученном состоянии. Прочел написанные куски своей повести и понял: так нельзя. Вяло. Утомительно. Нечитабельно. Но как быть? Что делать? Долго мы с ним говорили о том, что нужно, чтобы повесть получилась. Очень Әбе надеялся на книгу Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», которую обещал прислать ему Мустай Карим и о которой много говорил ему М.А.Дудин (во время юбилея Кайсына). Потом показал свои бесчисленные правки к последнему изданию «Крови и пота». Говорил о том, что сократит батальные сцены, углубит, расширит линию Танирбергена, добавит какие-то куски к образам Акбалы и Елемана...

Сегодня я вновь зашел к нему. Он лежал в постели, в спальне и вносил на поля нового издания «Крови и пота» правки. Сосредоточенный. Увлеченный. Рядом, на полу, лежала рукопись Е.Букетова.

«Ой, как вам только это не надоедает...» – сказал я. Он смутился. «Знаешь, из "Крови и пота" можно сотворить гениальную книгу. В этом я убедился!» «Тогда бросьте "Долг" и "Родной край" и примитесь за правку романа. Выложитесь сполна, чтобы не было досады». Он улыбнулся. «Жоқ... Пока не закончу те две рукописи, к роману и не вернусь и не переиздам...»

В это время пришла бандероль от Мустая Карима. Әбе нетерпеливо разорвал обертку, вынул «Сто лет одиночества», прочел несколько фраз из послесловия, но я его отвлек, сказав, что нужно доиграть шахматную партию...

29 декабря

Вчера звонил Әбе. Обругал меня за то, что, хворая, я продолжаю работать. «Нельзя быть машиной. У нас и так все вокруг – машины...» Потом рассказал сюжет новой повести, той, которую он вынашивает уже столько лет. «Между нами говоря, первые 80 написанных страниц я всецело выкину. К чертовой матери! Заново напишу!» И, рассказав все, спросил: «Ну, как?» Я ответил так, как мне в эту минуту подумалось: «Вроде линия выпрямилась. Вроде поймали сюжет за хвост». А сам подумал тут же: «Переменит. Непременно не раз переменит».

1978

17 марта

Поздно ночью, по обыкновению, позвонил Аскар. Он только что прочел повесть Әбе, и она ему очень не понравилась. «Никогда не было у меня такого разочарования. Мысль должна диктовать стиль. А здесь никакой мысли нет. Одни лишь потуги. Пытается все усложнить через язык. Но что это? Такая ску-у-учная вещь. Мысли нет, материала нет, казахской психологии нет. Материал должен диктовать стиль и язык. Но вы ему ничего не говорите. Я скажу ему, что после Пруста он замахнулся на самое большое. Что-о?! 350 страниц?! Бог ты мой! Выходит, и он что-то прослышал про Фолкнера, Пруста, Джойса...»

6 декабря

Два дня работаем над речью Әбе к юбилею Айтматова. Работа идет трудно. На клочках бумаги как попало – случайно, путано, грамматически безграмотно, иногда просто нелепо – записано много предложений, фраз, какие-то обрывки мыслей. Из них Әбе компонует речь, переписывает раз, два, три, и предложения выходят сложные, длинные, как какой-нибудь волосяной аркан в сотни узлов. Я стараюсь вникнуть в эту несуразицу, чудовищное нагромождение, в эти – как говорит Райкин – «ребусы и кроксворды», смутно угадывая что к чему, расставляя подлежащие и сказуемые, а потом нанизывая на них бесконечное число определений, вводных слов, причастных и деепричастных предложений, и, выстроив с горем пополам громоздкое, как караван-

сарай, предложение, я диктую его Әбе, и он записывает его заново, нагромождая ошибки на ошибках, и я опять исправляю, и от досады и бессмысленности такой работы у меня горят уши.

А он какой-то взбаламученный, задерганный, суетливый. Дома все как-то бестолково, колготно. Дочери больны. Все неладно, нескладно. И Әбе, бросив вдруг писанину, говорит: «Скорее умереть бы, что ли...» Потом, написав ещё несколько слов, безо всякой связи замечает: «Когда у нас заработает крематорий? Не люблю, когда закапывают в землю. Лучше, когда сжигают, превращают в пепел...»

Я поразился. «Е, что ж такое случилось?!» «Ой, в этой жизни никакого смысла не осталось...»

1979

20 марта. Ночь

Уже несколько лет только мечтаю написать три повести и один большой рассказ. В голове все давно созрело. А писать – не получается. Заели переводы. И все же, выкроив два месяца, скомпоновал книгу «Брат среди братьев».

Целый год просит что-то перевести Дукенбай. Все бросаю, перевожу «Дарию». За один подол хватает Гассельбах, за второй – Әбе. Вчерне перетолмачил две главы романа Дукенбая, заводит разговор Абиш. Как ему откажешь? Бросаю Дукенбая – перевожу Абиша. В это время ножом к горлу пристает Әбе со своим романом. Бросаю Абиша – приступаю к Әбе. Тут звонит из издательства Калдарбек, просит перевести статью Ауэзова для срочного издания. Как тут отвертишься? Бросаю Әбе – принимаюсь за Ауэзова.

А на дворе – весна. Солнце. Вокруг жизнь. Давно у речки не сидел. Как удят рыбу – только во сне вижу. Радостей ни духовных, ни телесных. Жизнь уходит. Сиднем сижу за столом как отшельник, как монах-писарь. Сплошной цейтнот. Успеть бы, успеть... На Дукенбая надо бы чистых три месяца. На Абиша – полгода. На Әбе – год-полтора. Потом... потом... господи, может, потом доберусь до самого себя. Попишу, не торопясь, переписывать буду не раз и не два, подумаю, поразмышляю, оглянусь... Э, вряд ли... всю жизнь, видно, продлится эта собачья гонка... так под напряжением и сковырнусь когда-нибудь...

8 марта

Хожу под впечатлением вечера Евгения Евтушенко.

Взволновал он меня. И дело не в том, что он прекрасно пишет, великолепно читает, гипнотически держит в напряжении громадную аудиторию, людей всех возрастов, что теперь он уже все реже играет, фрондерствует, витийствует, как бывало раньше, а в том, что, он поразительно чуткий к людям, к людской боли и не просто сострадает, сочувствует, а сам насквозь пропитан этой болью и говорит об этом проникновенно, мужественно и честно. И вот на его фоне я с тоской думаю о большинстве наших казахских литераторов, которые, приобретя мало-мальски вес и славу, заботятся главным образом только о своей персоне, раздуваются от спеси и самодовольства, профаниру-

ют художественное писательское слово, стараясь фальшиво-изысканным описанием внешнего мира и выспренними словами создавать видимость творчества и обмануть читателя и воспринимают живую жизнь через связи, звания, карьеру, знакомства, дачи, приемы, застолья, фимиам, дорогие подарки из областей, лесть власти имущих, сплошной блат. И отсюда слова из-под их пера выходят не обнаженными, как нерв, а покрытыми толстым слоем жира – казы в два, три, а то и четыре пальца. Слова их лоснятся, сочатся жиром, и их можно только нанизывать на шампур и поджаривать, как люля-кебаб.

6 апреля

Абдижамил, конечно, – личность. И как всякая личность неоднозначен. Много разного в него напихано. Да и характер у него не из легких. Можно найти в нем и так называемые негативные черты и чисто «казакбайские» свойства, которые порой проявляются резко, и за долгие годы общения с ним я с этим сталкивался не раз, и совершенно убежден, если сложить одни его «темные» стороны, нетрудно создать тип более чем несимпатичный. С другой стороны, в нем можно сколько угодно (и наверняка преимущественно) найти доброты, человечности, сочувствия, сострадания, внимательности, активности, отзывчивости, душевности, детскости, наивности. Что и говорить, человек непростой. В упрямстве он крайне субъективен и несносен. В добрую минуту простодушен до наивности. И сентиментальность ему не чужда.

Сегодня он меня опять удивил. Я неохотно, через силу перевел накануне восемь заключительных страниц «Льдины». Перевод ему не понравился. Договорились поработать, посидеть вместе. Вчера я переписал ещё раз одну страничку, почувствовал, что получилось вроде лучше. Тогда эту страничку отшлепал ещё и на машинке и сегодня представил ему на суд. Уже в середине чтения я заметил явную заинтересованность в том, как он слушал, а когда дочитал, Әбе сказал: что это то, что надо, что я, мол, уловил интонацию, что перевел творчески, и потом прочел сам, указал на более выигрышные слова, разулыбался, вскочил, поставил чай, притащил посольскую водку, армянский коньяк, пшеничную водку, разбудил Ажар и все говорил и говорил о моей удаче. Я подумал: играет, небось, хочет меня утешить, ободрить. Потом увидел: нет, серьезно. Видно, я и впрямь нащупал то, что надо. «Ну, что ж... – сказал я. – Тогда попытаюсь продолжить в таком же духе. А потом уж посидим вместе». На том и решили.

15 декабря

Просто в отчаянии. Работаю, работаю, а ничего не успеваю. На Дукенбая надо мне месяц, а сегодня «напал» Әбе. «Ну, что это такое?! То Досжанов, то Кекильбаев, а меня когда переводить будешь? Легкий хлеб, что ли, ищешь?!»

Ничего себе «легкий хлеб»! Изо дня в день, как проклятый, сидишь – толмачишь. А между тем хотелось бы самому сочинять, пописать в свое удовольствие, хотя бы перевести самого себя на казахский язык. Нет, до себя руки не доходят. Надоело мне... В ближайшие два-три года нет просвета. Раб, раб...

Г. Бельгер и Александр Реймген. Жетысай. 1971

Н. Ваккер, Г. Бельгер и Н. Пфеффер. Съезд писателей Казахстана. 1977 г.

Тахави Ахтанов и Лео Кошут с супругой Шарлоттой. 1973

Э. Катценштейн, К. Эрлих, Р. Вебер, Д. Хольман, Г. Бельгер.
Семинар российских немецких писателей. Москва. 1979

Семинар немецких писателей Казахстана. Алматы

В кругу руководителей культурных центров Алма-Аты

Нелли Ваккер

Виктор Клейн

И. Вебер А. Крамен, Ю. Суровцев и Г. Бельгер.
Семинар немецких писателей. Москва

1980

8 – 13 января

Семинар в Москве. Новые знакомства с немцами-литераторами. Общий уровень, кругозор ограничен. И ментальность другая. Читаю с лупой записки путешественника John Gastle. Фотокопия, готический шрифт. 18-й век. Все казахские слова, имена в немецкой транскрипции, воспринятые на слух. Делаю выписки для романа Абиша.

12-24 февраля

Корплю над своим рассказом «Каролина». Сочинил стр. 20. Одновременно работаю над «Банальной историей». Одолел Кестле и все выписки передал Абишу. Вычитал «Каменных верблюдов» Д.Д. Подготовил для «Простора» эссе о Нурпеисове. Написал уйму писем. Подготовил для «Жазушы» аннотацию к своему «Брату».

28 марта

Иногда боюсь заходить в свой кабинет. На диване лежит кипа газет и журналов. Надо читать... В столе слева лежат начатые переводы: романы Әбе и Дукенбая, повесть Абиша, пьеса Ш., справа – собственные незаконченные штучки. Надо бы дописать... На первом шкафу лежат 15 книг – их надо бы прочесть срочно. На втором шкафу – 12 книг, необходимых для доклада и рецензий. На третьем шкафу – 7 книг писателей-немцев 20-30-х годов. Это ценные книги, их надо проштудировать, законспектировать, кое-что переписать. Срочно и обязательно надобно ответить на письма Лео Кошута, Вельца, Геннинг, Назарова, Дебольского, Реймгена, знакомых из аула. И это только то, что необходимо сделать срочно. А сколько дел с дальним прицелом! А сколько разных мелких забот! Жить некогда... И тут звонит Гассельбах из Целиноградa: нужна статья-обзор, нужна публицистика, нужно иметь в виду юбилей Варкентина. Э, пропади все пропадом! Ладно... сделаю... Тотчас позвонил Мурат А.: нужны две заметки к «Мирасу» и вообще план возможных материалов. Звонит... впрочем, кто только не звонит...

25 апреля

Был в гостях у Абиша. Основной гость – обаятельный мужик из Польши. Руденко-Десняк из «ДН» называл поляка Дземеком. Поляк говорил смелые и неожиданные для нас вещи. Видно, он из «Солидарности». Мы к такому образу политического мышления не привыкли. В его суждениях о социализме, о политическом положении есть резон...

ДУБУЛТИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

6 августа. Наконец-то после долгого и утомительного полета – с семьючасовым опозданием в Ташкенте, с двухчасовой задержкой в Оренбурге (плюс 9 ночью, бр-р-р!) приземлились в Риге и ударил в ноздри влажный, мягкий воздух, пахнущий водорослями и морем. Видно, недавно дождило. По небу плыли тяжелые тучи. В редких разрывах выглядывало маломощное солнце... Короткое знакомство с двумя пожилыми узбеками. Один на костылях, кажется, из Академии, доктор наук; другой – круглый, подвижный, вежливый, на нашего Альжаппара похож.

Крепко сбитый, молчаливый латыш за 15 мин. подвез нас на такси прямо к Дому творчества писателей.

По лестнице спустился Кайсын Кулиев. Мы с Раей невольно переглянулись: в прошлом году отдыхали вместе в Пицунде.

Здесь оказались А.Чаковский, В.Озеров, Р.Рождественский. Соседи по столу – пожилая чета из Киева: Мария Степановна и Иван Антонович Цюпа.

После обеда отправился к морю за углом по ступенькам вниз. Дул пронизывающий ветер. По пляжу маячили одинокие тени. Несколько чудаков купались. Остальные в плащах, куртках, свитерах прогуливались по побережью. Да... Это тебе не Пицунда. И далеко не Ташкент.

7 августа. Дождь все моросит. Хмурь. Сырь. После ужина писатели не знают, куда себя девать. Особенно изнывают от скуки дети, подростки, жены.

Толпимся у кинотеатра. «Фильм дрянной», – говорит кто-то. «Неужели дряннее, чем эта погода?» – спрашивает А.Чаковский у собеседника. «Ну, ладно, – добавил потом, выслушав содержание... – Сяду ближе к выходу». Какой-то азербайджанец, явно в подпитии, толкует что-то бестолково про Авиценну, а Михаил Львов (поэт-татарин) в ответ ему бормотал стихи Есенина.

Погуляли втроем – Косенко, Рая, я. Переписал 5 стр. рецензии на роман Сергеева.

9 августа. Вчера ветер дул свирепо. Народишко сплошь в куртках с башлыками, в плащах, пальто. Море серое, ревет. Невзрачное, мертвое какое-то. А сегодня с утра втянулось, успокоилось. Чайки пасутся на берегу, как куры. Молчаливые, точно латыши. Не базарят, не горланят. Кайсын Кулиев прогуливался в плаще, с палкой. Покашливает. Выглядит неважно. В прошлом году в Пицунде был бравый жигит. Ныне бледен, худ, мрачен.

Был на приеме у Айны Карловны. Со мной она была очень любезна, вежлива. Видно, потому, что я Карлович. Ощупала меня, осмотрела, щедро улыбнулась. Сказала с латышским акцентом: «Ви лёфкий. Так дершать!» «Страшная лицемерка», – отозвался о ней Павел Косенко.

«Ригас Баллс» не предвещает ничего доброго. Циклон, мол, принес ненастье.

10 августа. Чайки-квочки сидят, нахохлившись, на берегу и тупо глазеют на редких отдыхающих. В темных зрачках-пуговках укор: «Шляются тут разные...» Из классиков бродит один Кулиев. Остальные забились в камерах, как в норах.

Утром Косенко косноязычно толковал мне про «Скрещение судеб». После завтрака с четой Цюпа отправились в православную церковь. Очень опрятная, чистая, уютная. Основана в 1896 г. Шла служба. Мария Степановна и Рая поставили свечки. Иван Антонович всю дорогу едко и метко говорил о великодержавном шовинизме, о всяких благоглупостях, о несправедливости («40 млн. украинцев, а должны на собраниях по-русски говорить»), о сером кардинале Суслове, о москалях и пр. Из церкви отправились в музей, где раньше (с 1909 года по 1962 г.) была лютеранская кирха.

Музей небогат, экспонатов мало. Фотографии, картины, изображающие Юрмалу в начале XX века. Писарев, отдыхавший в Дубултах, Гончаров, Марко Вовчек. Кое-что из революционного прошлого и Великой Отечественной войны. Одежда рыбачки, лагуна рыбака, тарантас, одежда дачниц 30-х годов, корзины и др. бытовые штучки.

Часа в четыре показалось чахлое солнце, а ветер был пронизывающ.

Читал Томаса Манна, листал «Блокаду» Чаковского. Долго беседовал с Расули Масудом Маруфовичем. Он доктор филологических наук, завсектором русской литературы Академии наук Узбекистана. Приглашал к себе в Ташкент, дал адрес.

А его напарник, кряжистый, плотный, оказался крымским татарином. Шамиль Сеидович Алядинов. Редактор журнала «Йилдыз». Он говорит на крымско-татарском наречии, я – по-казахски, и мы хорошо понимаем друг друга. У них та же судьба, что у нас, российских немцев. Мы репрессированные братья.

Холодно. Все в куртках и плащах. Один Роберт Рождественский сидит у входа в рубашке с короткими рукавами и мрачно-сосредоточенно курит.

12 августа. На электричке добрались до Майори, оттуда потопали на причал и через час теплоход доставил нас в Елгаву (70 тыс. населения). Плыли по Лиелупе, и гидиха всю дорогу рассказывала про историю края. Начиная с XIII века. В ход пошли и крестоносцы, и древние племена Курши (отсюда Курланд), и курляндские княжества, и русские офицеры, отдыхавшие здесь после Бородина, и крестьянин-рыбак Дуббели, и дача Барклая де Толли, и Анна Иоанновна, и Бирон, и Барталомео Растрелли и т.д.

В Елгаве осмотрели дворец Бирона в духе Петербургского эрмитажа. Здесь теперь сельхозакадемия. Уму непостижимо, зачем Бирону нужна была такая махина, такое великолепие в глуши?! Величественные переходы, глухие своды... Возвращались уже под дождем. Красиво летела ракета по глубоководной Лиелупе. Всего в Латвии 12 тыс. больших и малых рек и около 3 тыс. озер. 70% сельского хозяйства – животноводство.

...После ужина 1,5 часа беседовал с Шамилем Сеидовичем. В его судьбе много созвучного с судьбой российских немцев. В 1939 г. был на курсах-конференции молодых литераторов в Москве. Говорит, что от поволжских немцев были двое. Имена запамятовал. Их фотографии могут быть у Сибхата Хакима. Договорились, что он разузнает, вышлет мне свою книгу на крымско-татарском языке, а я ему – свою.

И ещё я узнал, что Ашрафи, действительно, написал трехтомник истории крымско-татарской литературы, но все это не издано, в рукописи. Сам Ашрафи умер, а вдова, якобы, не общается «с нами».

Есть редакция при изд. Гафура Гуляма, издают только художественную литературу объемом в 120 п.л. в год. Но, в общем, положение не очень радужное. Многие крымские татары выезжают в Крым. Прописки нет, но они всеми правдами и неправдами там остаются. Религия ожила. Свадьбы играют по старинке. Узбеки относятся к крымским татарам хорошо. Недоверие, подозрительность за пределами Узбекистана он чувствует, но в самом Узбекистане – нет.

Ещё до войны Шамиль Сеидович был секретарем правления крымско-татарской литературы в Симферополе. Знал Фадеева. Участник войны. Все четыре года отвоевал.

...Накануне на пляже разговорился с азербайджанским поэтом. Говорил об Исе Чингизове («наш азербайджанский Достоевский»). Роман его якобы тотчас издали в Стамбуле. Я поинтересовался современным азербайджанским языком. Он сказал, что в современном турецком языке изгоняют все арабизмы и фарсизмы, очищают, заново вводят очень много древних слов, не брезгуют, и французскими, и английскими словами-терминами, особенно в области техники и промышленности. И, таким образом, азербайджанский язык все заметнее разнится от современного турецкого. «Фикрета без словаря нынешняя молодежь уже не поймет».

Из азербайджанцев находится здесь и прозаик Шихлы.

...Кайсына не видать. Нет и Чаковского – якобы уехал на пленум.

14 августа. Долго беседовал с Расули и Алядиновым. Последний рассказал много любопытного о Симонове. Он был примером писательской работы. Благотворно влиял на узбекских писателей. Все время разъезжал. Во все вникал. Глядя на него, впервые задумались о культуре труда.

Говорили о крымско-татарском правописании. По техническим причинам пишут: қ – къ, ң – нъ, ғ – гъ. һ вообще отсутствует. Так что можно печатать на русской машинке. «Техническое решение вопроса» – заметил Алядинов. Потом по моей просьбе он принес № 3 «Йилдыза» и подарил его мне. Я тотчас просмотрел его. Многое понятно, обо многом можно догадываться.

Вечером с Косенко и его матерью вчетвером съездили в Ригу, посетили Домский собор. Слушали Баха и Реквием Моцарта. Потрясающе! Грандиозно! Будто душа воспарила к небесам.

15 августа. Ездили по Риге, посетили Саласпилс. В Риге 835 тыс. жителей. 7 вузов, 7 концертных залов, 7 театров. Академия наук. Церковь Святого Петра.

Иоганн Гердер собирал латышский фольклор. Перевел дайны. Был учителем первой светской школы в Риге.

Читал надписи на каменных плитах на немецком языке. Некий Ян Питерс фон Шеллингхофт погребен 3 ноября 1679 года.

Церковь Святого Якова. Здание XV века.

Лицезрели памятники Янису Райнису, Вилису Лацису.

Походили по старой Риге, завернули в новый микрорайон Иманта. Новые дома, но все стандартно. Благо – лес рядом... Вечером прогулялся у моря. На берегу нарисовался Верченко, рядом Вл. Савельев с девушками-подростками. Они стали кидать хлебные крошки в воздух. Тотчас налетела стая чаек. Получилась веселая возня. Потом Савельев и Верченко пошли по берегу: маленький, с огромной головой на неуклюжем, карликовом теле – один, а второй – огромный, пузатый, неотесанный, пучеглазый. Потом с небольшой компанией появился драматург Арбузов. Держатся эти господа особняком, не удостаивая своим вниманием интернациональных собратьев по перу.

17 августа. Ледяной ветер, хилое солнце. Ходим с Косенко по берегу. Он что-то бормочет, половину из того, что он говорит, не понимаю. С утра он куда-то исчезает, а через четверть часа появляется благостно-возбужденный. То сумрачно молчит, то начинает болботать – уши вянут. А ведь начитан и любопытно рассуждает.

Азербайджанца-поэта зовут Рустам-заде. Сообщил сегодня, что обо мне все знает. «Казахстанский немец, молодец!» – говорит. Познакомился ещё с одним таджиком, вроде доцент, критик – Салиханов. Но наиболее интересен Расули. Он познакомил меня с детским писателем из Волгограда – Мешалкиным. У Расули отец был литератором-переводчиком. Расстрелян в 1937 г. Брат отца учился в Турции (из бухарцев), а потом в Германии, экзамены сдавал в Москве на немецком, потом работал в Самарканде. Сам Расули не похож на узбека. Наверное, таджик.

Объявилась ещё одна неразлучная пара: один – толстый, круглый, плотный колобок – Поженян; второй – с прической а ля рус и с девочкой – Ю.Левитанский.

Весь дубултинский контингент полощет Верченко, который якобы приехал к своей пассии – поджарой даме из «ЛГ». «Соскучился за сексу», – выразился Цюпа.

Посетил сегодня Склоку, Пумпури, Айвари, Асари.

21 августа. Михаил Львов познакомил меня с одним всезнайкой, который был ныне в ФРГ, ГДР, до того в Швеции, Японии. Назвал он себя вроде как Трифоновым, пишущим одноактные пьесы. Оба наперебой рассказывали, как арестовали К. Кулиева и Мустая Карима, ехавших на 50-летие Дудина, про Геловани и Дикого, про Э. Неизвестного, который в США, а мать здесь. Оба говоруны – дай бог. И все на свете знают. Обрушили на меня столько сведений и сплетен, что я через два часа дал деру. Львов читал свои эпиграммы на Евтушенко. Косенко рассказывает про Чокана в Омске, а Цюпа – про постылых москалей. А я читаю его роман «Краяне». Хорошенькая дочка-непоседа у Р. Рождественского. Маленький д'Артаньян в юбочке. Со своей ватагой все какие-то мальчишеские игры затевает. На шпагах дерется. И целыми днями на улице.

В стороне Яундубулты появилось очень много новых, видно, из расейских глубин. Сплошь кряжистые, с выбритыми затылками, в помятых старомодных пиджаках, кожаных кепках бог весть каких времен; такие же бабы – кособрюхие, горластые, хриплые, помятые, в плащах, в мешковатых кофтах...

29 августа. Иван Антонович Цюпа, оказалось, лауреат премии им. Островского (за книгу о нем). А «Краяне» выдвинуты на соискание державной премии им. Шевченко. В этом романе, убедился, много схожих мотивов с дукенбаевской «Дарией».

Маленький, шумливый, суетливый мужичонка – Елизар Мальцев.

Съездил в Меллужи и Майори в поисках сувениров... Тихо. Идет дождь. Небо низкое, водянистое, набухшее. Волны слабо омывают берег. По краям горизонта висит волглая кисея. Слышен свист птиц, шелест волн. Приглушенно доносится стук электрички. Удивительно уютно и печально.

Встретился Михаил Львов. Помахал рукой. Потом пришел Трифонов. Спросил: «Один пошел Миша или с женой?» И, кажется, обрадовался, узнав, что один. Видимо, у нашего Косенко и этих выпивох где-то поблизости тайный кабачок, куда они заглядывают с утра пораньше.

Читал полдня Иво Андрича. Вечером смотрел польский фильм «Час пик». «Хорошенькие польки были?» – спросил, встретив меня, Львов. «Были». «Жаль, – добавил он грустно, – Ну, ничего... Посмотрю в более подходящих условиях». Походили с полчаса. Он рассказал разные комические случаи про Евтушенко, Вознесенского, Панферова, потом о Польше, слушали «Немецкую волну», я ему переводил. Он прочел свое стихотворение про байгу... Завтра – в обратный путь. Пилить придется часов семь, то ли через Оренбург, то ли через Уфу.

* * *

21 сентября

В спальне Әбе лежат номера «Жұлдыз» с новым романом Абиша Кекильбаева «Уркер». Я его ещё не читал. Әбе читал какие-то главы, куски. Об Абише он всегда говорит с любовью, с доброжелательностью, с гордостью, считая его самым одаренным из нынешних казахских писателей. Но в этом романе кое-что Әбе не по душе. И самое главное: материал задавил художника. Этого он и опасался. Слишком долго Абиш копался

в архивах, изучал литературу, делал выписки. Все это художественно осмыслить, переварить он не успел. Торопился. И Әбе – для доказательства – читает отрывок: о том, кто от кого произошел. Бесконечные имена, названия родов, племен, родичей, связей, ответвлений. Сухая, длинная, скучная историческая справка. Я тотчас про себя подумал: при переводе на русский язык все это следует опустить, ибо русский читатель это не осмыслит; длинная вереница казахских имен его отпугнет. Прочитал ещё один кусок: тоже в таком же тягомотном, перечислительно-ознакомительном духе. Не надо ему спешить, замечает Әбе. В журнале опубликовано, вещь и тему он за собой закрепил, теперь нужно основательно работать, многое перепахать. «Я ему говорил: тему Абулхаира нужно делать глобальной. Нужно написать трагедию колониальной политики. Трагедию народа. Мужественную трагедию хана, выбравшего судьбу на века. Поднять эту тему до общечеловеческого уровня. Выйти за рамки сугубо национальной. Абиш написал не трагедию народа, а историю трагедии. Чисто национальную историю. Получился чисто казахский роман. Локальный. Не задевший общемировые проблемы. Да, да, именно историю трагедии добросовестно описал Абиш. И зря он спешит с отдельным изданием. Загубил добрый замысел».

Ещё много говорил Әбе об этом романе все в таком же духе. И мне подумалось, что, пожалуй, Әбе прав. И это было бы досадно. Впрочем, нужно сначала все самому внимательно прочесть, дабы убедиться в правоте Әбе.

5 октября

Ах, как славно я сегодня поработал. С 8-ми утра до 11-ти вечера. 15 часов! За это время прочел всю книжку В.Эккерта, написал о нем статью (9 страниц) и набело переписал ее. Да ещё и Косенко почитал. Вот так бы работать почаще, регулярно! Тогда и совесть была бы чиста.

1981

6 января

Из Ташкента добирался с большими мытарствами двое суток. Провожали меня всем колхозом раза четыре. Один раз даже долетел до Алматы, но посадки не дали, и мы вновь вернулись в Ташкент. Измаялся жуть! А сегодня узнал, что стал лауреатом премии «Қазақ әдебиеті». Не успел обрадоваться, как позвонили из «Простора»: и здесь стал лауреатом. Здорово! Может, ещё и в «Neues Leben» что-то обломится?

Зашел Аскар, забрал у меня Фолкнера.

23 января

Были у Абиша. Пригласил он Volkhard'a Bode из Берлина. Были его Dolmetscherin и ещё один с Казрадио. Чем-то этот Volkhard меня насторожил. Накануне он был у меня, и тогда ещё возникло у меня смутное подозрение. Вообще ГДР-овские немцы мне чудятся неискренними. Мне проще с ФРГ-скими.

Потом Абиш и Клара проводили нас, мы посидели мило на кухне, поговорили, чай попили. И получился очень теплый, душевный вечер.

17 января

Долго и восторженно говорили с Аскаром по телефону о романе Ч.Айтматова. По мнению Аскара, Чингиз и Кара Караев – два титана современной тюркской культуры, и смешны те, кто тщится соперничать с ними. Далее Аскар сказал, что Айтматов из тех, кто сейчас пишет, и тех, кто только намеревается писать, «алдын орап алды» (всех упредил, обошел), ибо после этого романа, как бы они ни писали, все будет вторичным. Я заметил, что в таком духе выразился однажды Куприн, сказав, что этот старик (Лев Толстой) общипал нас всех на сто лет вперед. У Куприна другой глагол, я не могу его сейчас вспомнить, но смысл примерно такой. Аскар рассмеялся: «Но Толстой все же кое-где оставлял волосинки, а Чингиз бреет подчистую лезвиями жиллет, не оставляя другим ничего». Я сказал, что кажутся лишними первые страницы публицистики от себя, на что Аскар заметил, что это просто ход автора, что это намек, ложный след для критиков, дескать, дает направление, мол, «Осы жерімді ғана қасыйсыңдар» («Почешете только это мое место»). По Аскару, Чингиз оставил страниц 8-9 про запас – наиболее острые, щепетильные страницы – для отдельного издания. Еще Аскар сказал, что Чингиз охватил все, что зарубежной критике есть о чем говорить, что даже фантастика, все эти «Паритеты», «Конвенция», Лесная Грудь и пр. – тщательно продуманы и выбраны с большим смыслом. Говорили мы и о том, что есть писатели, которые сразу набирали большую высоту и не снижались (Ауэзов, Хемингуэй). Писателей, которые снижаются с каждым новым произведением, – много. А вот тех, кто растет от произведения к произведению – очень мало. И один из них Айтматов. К плодовитым его не отнесешь, а ощущение такое, что написал он много, и это потому, что каждое произведение – этапное, выше предыдущего. А как он далеко ушел от первых своих повестей!..

13 февраля

Всю ночь снились кошмары. Бедная Роза не выходила из головы. Ну, почему такое наказание?! Приснился сон: будто мы все собрались в Ташкенте. Потом проводили Розу в больницу. Она, опечаленная, сказала: «Телом я чистая. Пусть врачи делают, что хотят». Я ей говорю по-немецки: «ja, ja, mache nur alles so, was und wie die Ärzte sagen». Она быстро пошла, а за ней засеменила тетя Лиза: «Не так быстро, деточка. А то я не успеваю»... Тут я и проснулся с тяжелым сердцем

2 марта

Три дня читал роман Нодара Д. Неплохой роман, но Ленинскую премию могли бы и не дать. Романов такого уровня сотни и тысячи.

23-29 марта

Был в Москве. Два дня заседали в «Neues Leben», один день болтались в Союзе писателей. Были Каценштейн, Жакмьен, Эрлих, я, Вебер, Вормсбехер, Виктор Гердт. Заглянул в изд. «Советский писатель». Бесполезно. Был в «Дружбе народов» – никого. А в Союзе писателей даже Суровцев нас не принял. Я заметил: когда я бываю в Москве как переводчик или как представитель казахской литературы, со мной еще как-то считаются, но если я там появляюсь как представитель советской немецкой литературы, в компании наших немцев, то ноль внимания. Поневоле задумаешься...

Возвращался в А-Ату сложно – через Балхаш, Целиноград. 12 часов в самолете! Все складывалось неудачно. Одно утешение, что побыл у Ирины.

15-17 апреля

Три дня съезд писателей Казахстана. Сидел в Президиуме на самой верхотуре зала Верховного Совета. Все больше калякал с Азербайджаном М. А в первый же вечер были у Норы – Ваккер, Гассельбах, Дебольский, Гейнц с женой, Рау с женой, Костя, я с Раей, Шмидт, Кайрат с Лидой, Эльза. Было весело, приятно. Я даже тамадатствовал. Суровцев в своем выступлении похвалил моего «Брата». Я выступил на третий день. Избран в правление. Был в счетной комиссии. Джубан обещал пригласить меня на большой съезд в качестве гостя. «Гарантирую».

18 апреля

Встретился с Ю.И.Суровцевым. Обговорили многие дела. Беседовали на скамейке напротив центральной почты. Потом вместе с Михаилом Львовым втроем поездили по А-Ате. Я был как бы гидом. Суровцев расспрашивал про романы Нурпеисова и Кекильбаева. Обещал пригласить меня на Всесоюзный писательский съезд и попросил выступить в Комиссии по переводу, где он будет делать доклад. «О Вашей книге непременно скажу».

25 апреля

Отпечатал на машинке обстоятельную справку о сов.-нем. литературе для Суровцева, сопроводил письмом. Был Гинц. За день получил 11 писем и две бандероли.

7 мая

Перевел 3 стр. Әбе, потом работал над «Созвучием», перепечатал 4 страницы. Читал «Жестокий век» И. Калашникова. На сердце печаль. Почудилось вдруг, что потеряю много близких людей и останусь в одиночестве. И так загрустил, что опомниться не могу.

24 мая

Воскресенье. Занялся чисткой. Выбросил более ста писем и открыток. Потом, возможно, пожалею... Более часа гулял с Әбе под дождем. Он увлеченно рассказывал о сюжетных линиях романа «Сең». О динамизме. Әбе все восхищался весенней А-Атой, деревьями, сетовал на краткость жизни и её бессмысленность.

8 июня

Прошедшую ночь боялся проспать и потому только придремывал. Встал в 5 утра, а в 9 уже был в Павлодаре. В 11 зашел к Ваккерам и калякал со всем семейством до 7 вечера. Все Ваккеры – приятные люди. Потом приехали Дебольский (на своей машине), Гассельбах и Кристина Генкель из ГДР. В 9 вечера уже были всей компанией (плюс Нелли и Роза Пфлюг) в Константиновке. Устроились в люксе, поужинали, походили по селу. Самый заурядный дом у председателя колхоза, Героя Труда, депутата СССР, прославленного Якова Германовича Геринга. Легли поздно.

9 июня

Спал плохо. Встал рано. Повели нас по легендарному селу, в клуб, показали фильм о колхозе. Конечно, организовано все здорово. Орднунг немецкий. Живут в селе немцы четырех видов: кавказские швабы, актогайские поселенцы, поволжские, украинские. Говорят почти все по-русски. Понятно – столько диалектов. Показали звероферму. Я обратил внимание, что люди невеселые какие-то. Работают как автоматы. Какие-то

запуганные, оглядчивые, напряженные. Не улыбаются. На юмор не реагируют. То, что колхоз передовой, образцовый, знаменитый, для них как бы обуза, каинова печать. Меня это насторожило. Производственная, показушная сторона – все, человек – никто. Дисциплина, видно, подавляет.

Мотались до 7-ми вечера. Хозяева привыкли, чтобы ими восхищались. В 9 вечера выступили в клубе. Постное мероприятие. Расшевелить зал не удалось никому из нас. В 10 вечера принял нас, литераторов, партсекретарь О.К. Герлиц. Очень официально, казенно. Потом принял Яков Г. Геринг. Принял хорошо, сердечно, получилась приличная беседа. Слов нет, личность, организатор, хозяйственник. Однако застегнут на все пуговицы. Вольный разговор не поддерживает. «Немецкое» не чувствует. Или скрывает? Видно: сам себя не жалеет. И других не жалеет.

На мою просьбу отправить меня утром пораньше откликнулся с готовностью. Легли поздно.

19 июня

В 5 утра врывается в наш номер Гаас Владимир Иванович (я его сначала принял за казаха) и громко спрашиваю: «Кто летит в А-Ату?» Вскочил и оделся за семь минут. Все здесь делается, оказывается, очень спешно и круто. На высокой скорости добрались до Павлодара, машину оставили у колхозной теплицы, поехали трамваем, потом автобусом. Я еле успевал за Гаасом. В 7.10 получили билет. В 7.15 зарегистрировались. В 7.20 добежали до самолета. В 7.30 взлетели. В 9.10 стояли уже в А-Ате у автобусной остановки. Вот это темп! Видно, Геринг хотел показать мне, как немцы работают. Мне он предложил пожить несколько месяцев в колхозе, чтобы написать художественную книгу. Я вежливо отказался. Не по мне это.

28 июня – 5 июля

Съезд СП СССР. Жил в «России», был в «Сов. писе», в ЦДЛ. Потом съездил в Истру, в Зеленоградск, в гости к Борису с Розой. Оттуда поездом «Симферополь» добрался до Ялты в Дом творчества писателей.

ЯЛТИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

16 июля. Выехали с Раей из Москвы поездом. Дотащились до верхотуры литфонда. Впечатление не ахти: все серо, казенно, ветхо, уныло. Но тишина отменная. Условия для работы есть. За окном номера олеандры. Контингент тоже тусклый. Есть библиотека, кинозал. До моря далековато. Особенно труден подъем.

Я сразу начал толмачить роман Дукенбая.

Рая проведала пляж, потом пошла в кино. Боюсь, ей будет скучно.

19 июля. Щебечут птички, время от времени налетает ветерок, и деревья испуганно вздрагивают, отряхиваются. Снизу смутно доносится городской гул. Для работы – благодать. Но работается плохо. Душа к дукенбаевскому роману не лежит. Рыхло, тягомотно. А мне надобно писать свои штучки, а не заниматься толмачеством.

Утром раздрызганным автобусом повезли на пляж. Сплошные булыжники. Грязная по краям вода. Протиснуться негде. С двух сторон меня зажали весьма упитанные дамы. Да так плотно прижались, что кинуло в жар. Чтоб не осрамиться, лег было на

живот, да носом уткнулся в нечто выпуклое, мягкое, с рыжими шерстинками по краям. О, mein Gott! Аж испугался. А дама хоть бы хны. Укрыла лицо платком, а ноги раскинула и все ее прелести четко оконтурились под крохотными плавками. Как ошпаренный, повернулся на бок, и моя больная нога задела крутой бок совсем уже рыхлой бабы. Ну и пляж! Кое-как натянул брюки и пошел восвояси, то и дело натыкаясь на голые телеса.

Писатели ворчат: пляж не пляж, кормежка – никудышная, девать себя некуда. Тут ещё москиты. Духота! Нет, сюда я больше не ездок... Не будешь же все время торчать в номере и толмачить Дукенбая...

Получил свежий номер «Шпигеля».

23 июля. Ночью ветрило. Долго смотрел на багряную луну, зависшую на вершине кипариса. Жестяно встряхивалась длинными листьями пальма.

После завтрака подался в город, потолкался в толчее, завернул на городской пляж. Даже в воду полез. Волны били – дай бог! Раза три меня шурануло на камень. Эдак и убиться не мудрено.

Воздух чудо. И ветерок нежен. А так никакого удовольствия. Поплелся домой.

24 июля. После обеда около часа беседовал со стариком-марийцем (Ибатов). Симпатичный, седой, легкотелый (58 кг) старик. Окончил в 1938 г. Ленинградский пединститут им. Герцена. Рассказывал о марийской литературе. Много схожего с российской немецкой. В 1937-1938 гг. большинство писателей было истреблено. «А уже были романы. Никак не можем довести членов СП до 40 человек. Как только становится сорок, кто-нибудь умирает». Молодых мало. Перед ассимиляцией не устоять. Многие марийцы выдают себя за русских. Отец – мариец, мать – марийка, а дети и знать ничего не желают. Ни языка, ни культуры не помнят. Многие марийцы живут за пределами автономии – в Башкирии, Татарии, Кировской области, Сибири. На будущее литературы марийцев Ибатов смотрит безнадежно. Считает, что возродить чувство национального достоинства уже невозможно. «Сначала это меня злило, а теперь я просто плюнул».

В манерах, в жестах, в образе мышления он поразительно похож на нашего Александра Раймгена.

А утром Хыдыр-ака Дерьяев говорил о примитивности современных туркменских писателей, о жуликоватости молодых. Уже 11 лет он в приемной комиссии, недавно только отказали семидесяти претендентам в СП. И за короткое время опять накопилось 70 заявлений.

Читаю «Канта» Гулыги.

25 июля. Беседую с Хыдыр-ака. Рассказывал, как он учился в Ленинграде с Бековым, Аманжоловым, которые все время нападали на Ауэзова (старик произносит – Овэзов), обвиняя его в том, что он алаш-ординец. С. Талжанов учился курсом ниже, но не вмешивался в споры студенческих сходок. Однажды выступил Х. Дерьяев. Сказал: даже у кукушки бывает сезон, когда она кукует. Кукует, кукует и перестанет. А у Бекова и Аманжолова нет никакого сезона. Долдонят и долдонят про то, что Ауэзов алаш-ординец. Ну, ладно... все это знают. Ну, сколько ещё можно? Разве не надоело?

Рассказывал Хыдыр-ака ещё о петушином бое. О том, как очаг агрессивности в петухе гаснет, умирает, и он тогда скорбно опускает голову, распластывает крылья, и его соперник яростно заклевывает свою жертву. Нечто подобное происходит и с чело-

веком, с народами. Об этом свидетельствует история. Были Дарий, Македонский, Чингисхан, Наполеон. Какие воинственные народы! А что теперь с ними стало?

Говорил Хыдыр-ака ещё о казахах в Туркмении, о том, как они богато живут, все они скотоводы, все Каракумы у них, всю железную дорогу заселили. У некоторых до 500 овец. Кто их контролирует в Каракумах?

По дороге вверх встретился мариец Ибатов с женой. Сказал марийскую поговорку: «У красавицы зад в чесотке». Это он вспомнил по поводу того, что я ляпнул (не знаю уж, по какому поводу) – «Все красивое подозрительно».

Вечером долго беседовали с Дерьяевым о религии, о духе, о единой душе. Старик отсидел свой срок (12 лет) в Сибири. А фамилия его от дерья – дария – река-вода. Старику 76 лет.

27 июля. Специально «для класса мыслителей» Кант сформулировал следующие максимы:

1) Думать самому; 2) Мысленно ставить себя на место другого; 3) Всегда мыслить в согласии с самим собой.

А вот его гигиеническая программа:

1) Меньше спать («Постель – гнездо заболеваний»); 2) Больше двигаться: самого себя обслуживать, гулять в любую погоду; 3) В смысле питания: отказаться от жидкой пищи и по возможности ограничить питье; 4) Вредно за едой напряженно думать.

Кант предупреждал: «Грядущие века все больше удаляться от природы».

30 июля. Никак не могу расстаться с Кантом. Что ни мысль – задумаешься. В «Антропологии» сказано: «Работа – лучший способ наслаждаться жизнью». Чем больше ты сделал, тем больше ты жил. Единственное средство быть довольным своей судьбой – заполнить ее деятельностью.

А вообще-то в Ялтинском писательском доме скучно. И харч совсем уж скудный. Отдыхающие сидят на скамейке и умирают от скуки. Писать, конечно, можно. Но не будешь же весь день писать.

Чета из Фрунзе: Саякбаев Калмак и Саякбаева Таджи (ее все зовут Таней). Пожилая пара из Минска – Кухаревы. Из Молдавии здесь Чеботару. Из Армении – Сурен Мурадян. С ними и общаюсь. Добил-таки роман Дукенбая. Роман рыхлый, написан тяпляп. И я перевел его не лучше. Может, при редакции малость поправлю.

31 июля. С раннего утра народец топает мимо Дома творчества на пляж, дабы занять места. Струится прохлада. На все лады чирикают птицы. Как в джунглях. Поднимается солнце. Пробивается сквозь тишину натужный гуд машины. Лает вдалеке собака. Строчит мотор катера.

До обеда провозился со своей «Каролиной». Малость оживил рассказ.

А после съездили в Алупку – в Воронцовский дворец. Здесь я уже второй раз.

Вчера на ужин дали зеленую колбасу. И многие отравились. Сегодня в обед эту же колбасу накрошили в суп. Курица была с душком. В супе – червяк. Обнаглели. Официантка сказала: колбаса была зеленая, но мы ее отварили. Другая призналась: «Нам, девочки, опять дали сегодня зеленую колбасу».

Словом пора уносить ноги.

Из алматинцев здесь Олег Меркулов.

Прибыл на гастроли Вуячич. Кухарев из Минска объявил: «А теперь Вуячич вам песню зафуячит».

Долго беседовал с Дерьяевым, Кулиевым (из Баку), профессором из Ташкента Ачилом Тагаевым. Я им рассказывал о Казахстане. И они меня благодарили.

5 августа Из записных книжек Чехова: «Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически». «Умный любит учиться, дурак учить...»

Дерьяев, Кухарев и чудак Геворкян долго беседовали об истории тюрков, религии, древних письменных памятниках, Сталине, Аллилуеве, Хрущеве, Коране и т.д., пока не поднялся ветер и не посыпал дождь. Я очень скверно знаю историю Востока. Надо бы хотя чуть-чуть подковаться. Историю персов, арабов, кипчаков. Историю племен – огузов, карлуков, калачей. Обидно: ужасающе мало знаю.

6 августа. Утром все трогательно прощались с Радоней и Василькой Вешовичами. С ними уехали и чехи. Обаятельные люди.

Вьетнамца (65 лет), маленького, тощего, в майке и помятых трусах, балагур Геворкян прозвал «пионер Коля». А вот на его переводчицу, высокую деваху с длинными ногами, в замшевых шортах, все пялят глаза.

Приехал ещё один армянин из Москвы – преподаватель Литинститута. Зарбабов. С Хыдыр-ака он давно знаком. Из Армении вывезен пятилетним. Потому не в ладу с родным языком, хотя кое-что кумекает.

Геворкян вечером завел разговор: почему нет сейчас настоящих критиков? Почему нет философии? Где сейчас сидят настоящие писатели?

Арон Вергилис написал в ЦК письмо, и нынче на Высшие литкурсы приняли пять идиш. Всего каждые два года на ВЛК принимают 40 человек. Стипендия 150 руб.

7 августа. Два узбека, один крымский татарин, один киргиз и один туркмен устроили в холле чаепитие. Ну, и меня пригласили. «Ты тоже тюрок». Потом присоединился Геворкян.

Ачил Тагаев называет меня Герольд-мулла. Травили анекдоты. Я играл с Саякбаевым в шахматы. Хыдыр-ака подзуживал нас: «Киргизская голова, конечно, неплоха, но вряд ли устоит перед немецкой».

Пили чай и выясняли, кто из азиатов хитрей, проф. Тагаев сказал: «Таджики». Тогда кто-то спросил: «А среди тюрков?» И опять узбек сказал: «Ташкентцы!» После долгих споров все же решили, что самый хитрый все-таки еврей.

8 августа. После завтрака опять собрались Хадыр-ака, Калмак, Зарбабов, Гулиев и я и проболтали аж четыре часа. О чем говорили? О Польше, о пророке Мухаммеде, современных тюркских проблемах, о Китае, Каабе, Мекке, хиджре, о состоянии среднеазиатских литератур и пр., и пр.

Люди ездили на базар, загорали на пляже, купались, влюблялись и расходились, а мы сидели прочно на скамейках и четыре часа подряд чесали языки. Обалдеть!

Провели вечер поэзии. Я не пошел. Не пошли и Мурадян, Дерьяев, Ачил. На вечере возник конфликт. Гулиев читал свои стихи. И безуспешно. Тогда он прочел «Жди меня» Симонова. Сказали: неудачно. А тут ещё один литовец заявил, что стихотворение вовсе не Симонова, а Саломеи Нерис. Гулиев оскорбился и ушел.

Зарбабов рассказал про смерть Наровчатова.

Польский вопрос обретает опасный смысл. Ярузельский встретился с Куликовым. Речь идет о боевой готовности Войска Польского. Шуму будет ой-ой-ой.

10 августа. Прощаемся с Ялтой. Походил напоследок по парку. Сплетение дорожек, неожиданные фонтанчики, клумбы, скульптуры, скамейки, разные площадки, с которых открываются виды то на море, то на горы, то на те или иные места Ялты, сочетание деревьев и кустов, тишина, чистейший утренний воздух – все изумляет. Зашел на прощание к Хыдыр-ака, а они с Геворкяном пьют водку. Георгий пел армянскую песню. А Хыдыр-ака, вспомнив сибирскую ссылку, заладил игривые частушки и сделал несколько вывертов-па. Хорошо!

* * *

19 ноября

У Әбе бессонница. Это его угнетает. Угнетает и то, что столько времени потрачено впустую. Я ему сказал, что перед временем мы вообще преступники, тратим его бездумно, так, будто у нас в запасе вечность. Ведь все дело в том, чтобы работать систематически, ежедневно, и тогда можно очень многое успеть. «Ты прав, – с горечью заметил Әбе. – Больше половины жизни мы профукали. Меня ведь относят к писателям усидчивым, трудолюбивым и требовательным. А я что делаю?! Просто себя презираю. Вон шахтеры каждый божий день спускаются под землей, солнца и света не видят, и изо дня в день, всю жизнь вот так работают. А мы в тепле сидим, чистые, на солнышке, и при этом каких-нибудь шесть часов на письмо жалеем. Какая низость!

24 ноября

Позвонил Әбе, чтобы порадоваться первой серией грузинского фильма «Сын твой, земля». И почувствовал, что у него голос взволнован. «По-моему, упрямец Кошен – это я сам. Вместо того чтобы продвигаться вперед, я только правлю написанное. Помнишь те места, связанные с Кошеном, Елеманом, аулом Судр-Ахмета? Совсем неплохо написано. А я – представь! – углубил. Теперь получилось прекрасно! Сколько у человека возможностей, а?»

1982

7 января

Набираю номер. Отвечает глухой старческий голос. Я его узнал, но на всякий случай спрашиваю по-русски:

– Могу я говорить с Габитом Махмудовичем?

– Я-я слу-ша-ююю...

– Сәлеметсіз бе, Ғабеке – говорю по-казахски. – Бұл Бельгер деген қазақ кой.

– Кім?

– Бельгер.

– А-а-а... Бель-гер...

– Я перевел ваш «Жол жөнекей». Теперь как я вам покажу перевод?

Пауза.

– Или сразу отдать в газету?

Пауза.

– Конечно, надо бы посмотреть. Но я ведь ныне не больно прыткий казах. И насколько я знаю, и вы не больно-то крепки по части ног.

– Так-то оно так, Габеке. Но...

– Но у вас есть палка.

– Да, и ножка есть, и трость тоже.

Габе смеется: хе-хе-хе...

– Тогда... сможете подойти завтра к 11-ти часам?

– Если хотите – подойду.

– Конечно, хочу.

– Ладно. Только куда?

– Адрес такой. Со стороны Тулебаева – дом 130. Со стороны Виноградова – 49. Третий подъезд, квартира двадцать пятая.

– Понятно. Ровно в 11-ть буду.

10 января

Перепечатал 18 стр. Мусрепова. Гулял с Әбе. Потом он читал мне начальные страницы романа. Мастерства много, но стоячая вода. Без движения. Решил Әбе переделать. «Я все понял».

22 января

Все эти дни понемногу «вгрызаюсь» в текст Әбе. Трудно переводится. Стараюсь, но получается плохо. Видно, не мое. Не лежит душа.

С утра схватило сердце. И я, отложив перевод, написал вторую главку повести. Тем самым, кажется, повесть закончил. Осталось пройти по тексту и перепечатать. Получается книга. Надо собрать.

7 марта

Ежедневно перевожу 2-4 стр. Әбе. С трудом, без интереса. Чувствую: напрасный труд. Он все это переделает. И не раз. Так неужели мне столько же переводить, сколько он переделывает?

Пишу письма, рецензии, редактирую. И все время чувствую сердце. Это приводит в уныние. Тут ещё и Д.Д. занес рукопись. И немцы все дергают за подол чапана. Плохо мне. Тяжелое душевное состояние.

12 марта

Закончил третью часть статьи. Был на отчетно-выборной конференции казахского отделения советско-германской дружбы. Долго гулял и беседовал с Виктором Германом. Мы с ним знакомы с 1954 года. Первые немцы, вырвавшиеся из тисков комендатуры и пробившиеся в вуз. Одно поколение, одна судьба. Он, кажется, на год моложе.

Читал Б. Дьякова. Очень меня волнует «лагерная» проза. «Лагерники» – мои духовные братья. Я сам себя чувствую лагерником с семи лет, хотя никогда в лагерях не бывал.

24 марта

Перевел аж 10 страниц пьесы Калижана Бекхожина.

Был на юбилее Г.Мусрепова. Зачем это ему надо?

12-20 апреля

Девять дней был в Москве на Днях казахского искусства и литературы в РСФСР. Был в Можайске, в Зеленограде, на Бородинском поле, в Большом театре, на приеме в СП РСФСР, на приеме в Совмине, на вечере в ЦДЛ, возлагали цветы и т.д., и т.п.

Много впечатлений. Ну, а, в общем, казенное мероприятие.

10 мая

Әбе стал лауреатом премии А. Фадеева (серебряная медаль). Все эти месяцы я перевожу, редактирую его. Получается не лучшим образом. Странно: «Кровь и пот» я переводил с большим удовольствием. То ли проза не та, то ли я балда.

Читаю эллинских поэтов, Г. Гессе. Вот это мило!

22 мая

Несколько дней подряд – почти с утра до вечера – занят редактированием перевода «Сең» Әбе... Мне приходится сильно напрягаться, чтобы мысленно отрешиться от груза вариантов, давящих на меня уже несколько лет, и сравнивать последний вариант перевода с последним вариантом оригинала, опубликованным в «Жұлдызе». Выясняется, что Әбе в очередной раз успел что-то убрать, что-то добавить, что-то написать иначе. Подгонять перевод к оригиналу не всегда удается, и многие страницы приходится писать заново. И вот сегодня, когда я начал сравнивать очередную главу, я задохнулся от глупости и бесплодности моего занятия, кровь хлынула в голову и началось дергаться веко. То, что я смутно чувствовал все эти годы, вся бессмысленность этого ужасного труда стали мне столь очевидны, что я был готов разреветься от отчаяния. Как было бы хорошо, если бы я переводил готовый, окончательный вариант, а не черновики в течение многих лет. Теперь выясняется, что я весь истратился на черновики, отравился ими – отравился всем – героями, стилем, словами, ситуацией, сюжетом, и мне стоит ужасных усилий в который раз заниматься сизифовым трудом – подгонкой перевода к оригиналу. Сколько потерянного времени! Сколько напрасного, варварского труда! Какая глупейшая ситуация! Автор, работая над своим романом, наверняка улучшил его. Но зачем надо было переводчику пройти тем же самым путем ошибок и недоразумений? Он должен был переводить готовый текст. Тогда бы он сохранил свежесть и азарт творчества. А так он низведен до переписчика. Ни души, ни чувств. Да, это было огромной тактической ошибкой. Понятно, что автор зла не хотел. Но мне-то от этого не легче. Теперь я каждое предложение – засевшее в мозгу – проглатываю с усилием, – так в детстве меня заставляли проглатывать перед едой ложку рыбьего жира, после чего меня мутило весь день, и я с отвращением смотрел на всякую пищу. Вероятно, я все же как-то добью этот роман, но вытравить из сознания, из души гнетущее чувство бессмысленной работы будет едва ли возможно. Плохо... Ой, плохо...

11 июня

Әбе сегодня сказал: «В искусстве не бывает границ. Ограничивают искусство одни лишь казахи».

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

27 июня. Подкатили на такси к 12 часам. Все ординарно. Воздух хорош. Из алматинцев один Адам Макебаев. Видел Л. Кабо, Брагинского, Соловейчика, Ардаматского, Субботина, Асадова, А.Тарковского, М. Львова, Арона Вергилиса, Ю.Пиляра. Дом творчества похож на Дом престарелых. Работать, можно, а так – скука смертная.

28 июня. Неожиданность: встретился мой постоянный собеседник по Ялте – Хыдыр-ака Дерьяев. А вечером познакомился с одностольниками Владимиром Иосифовичем и Елизаветой Львовной Даненбергами. А «приятная дама», которую встретил днем, оказалась Лидией Алексеевной Обуховой. Сразу разговорились. Она училась с нашими Кривощековым и Нурпеисовым.

29 июня. Мрачно и холодно, как в октябре. В номерах топят. Наградили «17 мгновений весны». Тихонову дали Героя. Человек шесть получили Орден «Октябрьской революции». Ещё двое – что-то поменьше. Видно, в верхах только сейчас просмотрели фильм и спохватились.

Продолжаю толмачить роман Абиша, а в библиотеке взял Гегеля.

Абдижамил здесь. Вчера ему вручили медаль Фадеева. Хочет заехать ко мне с Кузьминым.

4 июля. Вот мысль Гегеля:

«Истина есть великое слово и ещё более великий предмет. Если дух и душа человека ещё здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь».

А что есть истина? По Гегелю, истина есть совпадение понятия и объективности.

На обед приехал Әбе с Шугой и Кузьминым. Әбе прочел мне семь страниц очерка, который оставил мне на перевод. Это нарушает мои планы.

Гегелевская фраза: «Мизерные успехи муравьиных, клопиных и блошиных личностей».

5 июля. Здесь два толковых шахматиста: Куницын (симпатичный громила, умница) и Даненбург (весь израненный, искалеченный вояка). С первым у меня счет 3,5:0,5 в мою пользу, а со вторым – 3:3.

Был Әбе. Сообщил, что Ю. Бондарев прочел «Хатынгольскую балладу» Абиша и хорошо отозвался о ней.

Смотрел футбольный матч Италия – Бразилия. Спектакль! Итальянцы были великолепны и выиграли заслуженно 3:2.

6 июля. Әбе приехал после ужина с Калтаем. Посидели у меня. Калтай был в ударе. Әбе сказал: «Я не знаю, как я буду жить, если Ахтанов умрет раньше меня». Это он говорил и раньше, а сейчас он это высказал в присутствии Калтая и Адама в доказательство того, что жить после смерти сверстников – абсолютная нелепость.

Дочитал «Вдову Нюру» Вл. Личутина. Сильный северный русский язык. И вся вещь в русском духе. Сделано добротно. Язык образен, ярок. Сильно отличается от посредственно-нормативного языка... Прочитал и адамовского «Жезтырнака». Ему хочется, чтобы я его перевел. А мне нужно переводить Абиша.

9 июля. Немцы сражались стойко. Матч получился драматический. Сыграв в четвертом (!) тайме вничью 3:3 (тренер выпустил свежего Руммениге, который и сделал игру), пенальти лучше пробили немцы – 6:5.

А я в шахматы проиграл Даненбургу – 1:3.

После ужина более двух часов читал лекцию о НЛО Куницын. Читал блестяще! Доктор наук, а всерьез говорит об уфологии. Мыслит незаурядно, свежо, увлеченно.

У Куницына я выигрываю, а Даненбург сильнее. Здесь находится и Натан Эйдельман. Он перворазрядник...

Гегель считал, что женщины могут быть образованы, но для высших наук, как философия, и для искусства они не созданы. Государство подвергается опасности, когда женщина находится во главе правительства, ибо она действует не согласно требованиям всеобщего, а руководствуясь случайными склонностями и мнениями.

Учение об абсолютном духе в гегелевской системе охватывает то, что мы называем общественным сознанием, точнее – три его формы: искусство, религию, философию.

Красота искусства, по Гегелю, выше естественной красоты, поскольку дух превосходит природу.

Красоту Гегель определяет (вслед за Гердером) как чувственную форму истины.

14 июля. Из Ташкента прибыла Нинель Владимировна – тюрколог и теоретик перевода. Сидят с нами и две бабки Жарковы (сестры) – Надежда Михайловна («первую книгу я перевела, когда никто из вас ещё о белом свете представления не имел, и я тогда ни хрена не знала о теории перевода. Ещё Горький разругал эту книжку, зачем, дескать, такую муть переводите... называлась «Я бродяга») и Ольга Михайловна.

Вечером беседовали с Нинель Васильевной Владимировой. Она доктор филологии, работает в АН Узбекистана. Говорили об узбекской литературе и переводческом деле. От нее узнал, что толстая бабка с живыми черными глазами, которая еле-еле передвигается, – Наталья Ман. А толстый, добродушный мужчина, который водит ее под руку, – Николай Николаевич Вильмонт. Так это же корифеи перевода! И я их по творчеству знаю. Вильмонт – германист, гетевед, литературовед, о Пастернаке воспоминания писал, автор книги «Шиллер и Достоевский».

Вот с кем было бы интересно побеседовать! Жаркова – переводчица с французского (Базена переводила). А сестра её – музыкантша... Отдыхают здесь и Фазиль Искандер, и Михаил Еремин («Мишка-профессор» – по Дебольскому).

16 июля. Беседовал с Леонидом Гурунцем. Он русскоязычный армянин. Познакомила меня с ним Нора ещё в Алма-Ате. Рассказывал о кознях против него. Человек он гражданский активный. Кажется, из репрессированных.

За окном слышно размеренное вжиканье косы, и в раскрытое окно струится аромат свежескошенной травы. А под небом расплывается густой, настоенный звон церковного колокола.

К двум интересным бабкам за нашим столом подсела ещё одна – пронзительноумная и ядовито-ехидная Наталья Иосифовна Ильина.

Вечером больше часа сидел на веранде. Внизу громко разглагольствовал Хыдыр-ака, и я догадался, что старик поддал. Арс. Тарковский, облепленный дамами, читал стихи. Васильев обвинил Куницына, что он занимается чепухой. Какой-то тип, преподаватель Литинститута (семинар переводчиков), говорил, что ему все жанры подвлас-

тны, и он, де, не виноват, если так талантлив. Группа иудеев пространно рассуждала о том, как все плохо, как скверно кормят и какие вокруг гнусные порядки. Одна бабка жаловалась, что, де, к вечеру сильно устает, что уже опять одиннадцать, опять надо расчесываться, переодеваться, стелить постель и готовиться ко сну, а это, мол, так утомительно и однообразно.

17 июля. Утром гулял с Хыдыр-ака. Он, действительно, вчера отправился в ресторан на станцию. Принял 50 гр. коньяка – не берет; тяпнул ещё 50 – не действует. Тогда рассердился и дербалызнул сразу 100. Стало хорошо. «Теперь я понял: надо сразу заказывать 200».

А ведь на днях уже уезжать. Встал рано. Долго стоял на веранде, любуясь утром. Чудный занимается день. Солнечные лучи пронизывают верхушки сосен. Струится прохлада, свежесть. На все лады перекликаются ошалевшие от радости птахи. Тишина. Сбоку парка – со стороны коттеджа – идет пышноголовый, седой, щуплый Леонид Гурунц. Дошел до главного корпуса, положил раскрытую книгу на баллюстраду, задумчиво посмотрел вдаль. Красивый человек – Леонид Караханович! Тотчас притрусил из глубины парка добрый пес Яшка (он знает всех писателей), ткнулся мордой в штанину Гурунца, учтиво и достойно помахал хвостом и пошел восвояси, дескать, ладно, извини, мешать не буду.

Со стороны станции доносится гул просыпающегося города. Хорошо! Жаль уезжать...

18 июля. Жарковой хотелось послушать, как я говорю по-казахски. Ей это любопытно. Попросила что-нибудь по-казахски прочитать. Долго вслушивалась в абаевские строки «Қараңғы түнде тау қалғып...» Подошел Куницын, пригласил сыграть напоследок в шахи, дабы окончательно убедиться, кто есть кто. Он считает себя главным шахматистом в Переделкине и воюет с евреями. Я же играю с ним всерьез, но спокойно. И сегодня опять выиграл 3:1. Георгий Иванович сильно расстроился, в сердцах назвал себя маразматиком, а меня обвинил в том, что я играю, будто в турнире, нет у меня, мол, легкости и вдохновения. Так, что делать? Давайте играть с часами! Да, это будет объективно, решил он. Но «блицуют» Даненбург и Кузьмин значительно эффективней, чем мы с Куницыным.

...Ни Гегель, ни Гете не подозревали, что между ними существует отдаленное родство: некто Иоганн Лаук, бургомистр Франкенбурга, живший в XVI веке, был их общим предком; это выяснилось только в наши дни.

Гегель однажды получил от Гете в подарок желтый бокал богемского стекла, выложенный изнутри черным бархатом. Приложенная к подарку записка гласила: «Абсолюту рекомендует себя лучшим дружеским образом первичный феномен».

Собрание сочинений Канта составляет 29 томов, а вот полного собрания сочинений Гегеля не существует ни по-русски, ни на языке оригинала. В Советском Союзе был издано 14-томное собрание сочинений (1929-1959).

20 июля. Интенсивно работаю над переводом романа Абиша. Сегодня перевел 3,5 книжные страницы. Местами идет очень трудно.

Вечером долго гулял с Дерьяевым. Он мне увлеченно рассказывал о Германе Вамберри – тюрколога, написавшем три тома о Двуречьи.

Позвонила Шнитке, сестра знаменитого Альфреда. Ей понадобились мои биографические данные. Вместе с Владимировой отправился к сестрам Жарковым. Там дамы усердно перемывали косточки разным знаменитостям. Ох, и зубоскалили! Я сидел в сторонке и листал альбом «Шаляпин». Дамы угощали меня клубникой.

22 июля. Кончаются переделкинские дни. Великолепная стоит погода. В общем-то я здесь прилично отдохнул, неплохо поработал, обрел некую умиротворенность. Обстановка, окружение, воздух, тишина ублажили душу. Но сегодня почувствовал себя кислым. Врач измерил давление. На одной руке 130/90, на другой – 150/90. «Меньше работайте. Приходите завтра. Денька два-три проверим». «Ладно», – сказал я. Никаких завтра-послезавтра: через несколько часов уезжать.

Внизу у телефона увидел Вильмонта. Он кому-то доказывал, что он известный германист, член Гетевского общества, жена – Наталья Ман, что им нужно продлить путевку ещё на один срок. И так унизительно он кого-то уговаривал, умолял, что весь взмок, и мне стало его жалко...

* * *

31 августа

Вместе с Әбе долбил 36 стр. его романа. Переработал статью о нем для «Лен. Жас» Отправил письмо Маркову и Стукалину по делам Әбе.

1-4 сентября

Вместе с Әбе, с горем пополам, сжигая нервы, одолели 70 стр. его романа. Плохо, плохо, плохо... До отчаяния. В чем дело? Прочитал «Ташкент» Матевосяна и повесть Роберта Вебера. Спихнул, наконец, казахско-немецкий словарь. Нелепостей много.

19-30 сентября

Продолжаем с Әбе мучиться над «Льдиной». Кто больше мучается: то ли я, то ли Әбе, то ли «Льдина»? «Льдина» и есть льдина. Не растопишь ее, не оживишь. Вымучили 170 стр. Ужасно меня все это угнетает. Никакого удовольствия, никакой радости. Одна му́ка получается. Думаю, дело не только в моем бессилии.

Читаю «Память» Чивилихина. Интересно, но с душком.

Добил на машинке свою повесть «Голос осени».

7-10 октября

Продолжаем с Әбе друг друга мурыжить. Порой мне кажется, он сапогами топчет мою душу. Дошли до 185 стр. Перерыв... Әбе уехал в Талды-Корган, я корпел над «Фаустом», подготовил статью для Л.Аннинского.

15-25 октября

Работал как проклятый. Иногда по 16 часов. Рукопись Әбе довели до 250 стр. Вычитал все. Рецензию на Госница написал и сдал. Совет по нем. лит. провел, задания раздал. На открытии Дней Эстонии был. На лит. вечере эстонцев был. С Полянской (редактором Д.Д.) работал. Правки Абиша просмотрел. Написал письмо Дебольскому, Больгеру, Реймгену, Гассельбаху. Был Мангольд. «Фауст» довел до 80 стр. Сплошной Zeitnot. Аврал.

28 октября

Ба! Мне сегодня 48 лет. Матерый мужичина! Настроение, однако, не больно веселое. Как-то тревожно на душе из-за предстоящей поездки: не представляю, как при такой погоде доберусь до Еревана.

А ночью думалось о том, что родители старые, что я болен, инвалид, Роза больна, инвалидка, не лучшим образом сложилась личная жизнь у Эльмы и Альмы. И совсем расстроился, и уснуть не мог. К утру все же утешил себя: родители хоть и старые, а прожили полезную, добропорядочную жизнь. Я хоть и болен, а тоже не последний человек. Какой-то смысл, в моей жизни есть. Роза воспитывает двух хороших детей. Эльма – тоже. Альма – добрейшая душа, приносящая большую пользу и родным, и близким. Значит, для горестей особых причин нет. Надо жить. И делать что-то нужное. А пока мне 48. В квартире холодно. На улице муть. И я изучаю «Фауста»: читаю сравнительно на нем. и русском языках. И готовлюсь лететь в Ереван... Да будет мне удача!..

30 октября

В Ташкенте пробыл 15 часов. В Ереван прилетел в 3 ночи по алма-атинскому времени. 6 часов промаялся в аэропорту. Женщина-администратор на мою русскую речь ответила по-армянски. И я почувствовал себя дурак дураком. Ощутил себя ужасно чужим. Подумал: как же мне отсюда выбраться? Нашел в одном закутке объявление: «Участников Всесоюзного праздника переводческого искусства просим собраться у объявления». Постоял час-другой. Тщетно! Меня, видно, ждали вчера. А я опоздал. Сегодня уже начало торжества. Ни телефона, ни адреса. Где кого искать?

Разбитной армянин на раздрызганной машине довез меня до гостиницы «Ереван», убеждая меня, что «ваши», конечно, будут там. Где же ещё? «Стопроцентно!» «Откуда?» – спрашивает. «Из Эстонии», – почему-то соврал я. Привез. Содрал червонец. Зашел в гост. «Наших» нет. Но администратор позвонил туда-сюда, выяснил, что гости в гостинице «Двин». Я потопал пешком. Прошел мимо школы им. Чаренца, и тут молчаливый таксист подвернулся, мигом домчал до гостиницы. Сразу попались мне на глаза Виль, Тамм. «А-а, казахский немец!» Оказалось, все спешили на завтрак. Зашел в столовую. Увидел много знакомых. От радости воскликнул: «О, тюрки мои!» Все ошарашенно посмотрели на меня, а Дудин в своей напевной манере заметил: «Молодой человек! В Армении я бы тюрков не искал». Я тотчас сообразил, что сморозил глупость. Увидел Межелайтиса, Борщаговского, Суровцева, нашу Марфугу, киргиза Калмака Саякбаева, Тарковского, ещё несколько знакомых по московским семинарам

После завтрака все отправились возлагать венок, а я пошел устраиваться и привести себя в порядок после дороги и ночного бдения.

Очутился я на 11-ом этаже вместе с Феликсом Бахчиняном, который сразу сообщил, что «турок» он не жалует, т.е. как раз казахов, киргизов, узбеков, которых жалую я. А в общем парень общительный. Русскоязычных армян он, кстати, тоже не терпит.

С 3 до 8 вечера пробыл на Симпозиуме в Матенадаране. Выступило аж 18 человек. Я тоже промямлил свою речь – о переводе армянских поэтов на казахский и немецкий языки. Тут же познакомился с Геворгом Эмином.

Потом удивился: большинство собравшихся меня знают, читали мои статьи в «ДН», реплику в «ЛГ», где-то что-то слышали, расспрашивали о литературе и судьбе российских немцев. Было неожиданно и приятно.

Кормили какой-то кашей, которая называется ха́риса. Но ел ее один Петкявичюс.

1 ноября

Прием в Совете Министров Армении. Очень с нами любезен Председатель Совета министров. Говорит обстоятельно.

«Перевод – то искусство, которое для нас, армян, имеет первостепенное значение. Первое звание заслуженного деятеля искусств было присвоено В. Брюсову».

Называл он с почтением Горького, Блока, Брюсова, акад. Веселовского.

«Переводческое искусство поставлено на новое государственное положение».

4 премии Е.Чаренца за переводческое искусство. «Народ с лица земли стереть нельзя!»

Ещё рассказал о Ереване, Ленинакане, Кировокане, Аллаверды, о Севане, об экономике, промышленности, культуре.

Последнее место по земле на душу населения: всего 472 тыс. га пахоты. Более 1/3 населения проживает в Ереване – 1 млн. 100 тыс. человек. Ереван – 13-ая столица Армении.

Потом отправились в Аштарак к памятнику письменам. Кругом горы, горы. Сады, деревья. Как в А-Ате. Только земля другая – камни, щебень.

Первый секретарь горкома выступает по-армянски. И чехословацкий гость произнес свою речь на армянском. Стихи читали Межелайтис (заслуженный деятель искусств Армянской ССР), М.Дудин, Ю.Разумовский, Поцишвили. Небо голубое, высокое.

Во мне звучат две струны –
Армения и Русь, –

читал торжественно Разумовский.

Кстати, он просил меня передать привет Норе. Я вспомнил, что именно ему принадлежит один из переводов «Wandrer's Nachtlied» Гёте.

В с. Ошакан, пока армяне и грузины о чем-то шумели, я беседовал с П.М.Топером о литературе российских немцев. Он германист, и о нас имеет представление.

Армяне невероятно расшумелись и В.Петросян в шутку заметил: «Пять армян поют десять песен».

Узнал, что в Армении 64 вида туфа.

Вечером в гостиничном холе подошел ко мне Роман Лубкивский из Львова, пожал руку, поблагодарил за выступление, с восторгом говорил о моем «Созвучии», которое я сегодня подарил Суровцеву. Дескать, и оформление, и тема, и ее исполнение – все на высоком уровне. «Я даже не предполагал, что в Казахстане могут так издавать книги. Надо бы как подарок каждому участнику переводческого праздника преподнести по одному экземпляру», – заметил он.

Поездка в Аштарак, к усыпальнице Месропа Маштоца, конечно, впечатляет. Встретили хорошо. Пионеры, дети, писатели, деятели культуры. Встретили с хлебом-солью (вернее, с огромной лепешкой). Каждый отламывал кусочек, макал в соль, потом лишь проходил в ворота. За длинным столом стоял виночерпий и разливал всем гостям молодое вино, коньяк, водку по желанию. Была и закусь – конфеты, яблоки, варенье.

У входа в усыпальницу продавали свечи и открытки, посвященные Маштоцу и его алфавиту. Потом мы спустились вниз к гробу, возложили цветы и снова поднялись по крутым ступенькам наверх. Меня поймал за рукав П.Топер и все объяснял, что и как.

На ходу беседовал с Анаит Баяндур, Калмаком Саякбаевым.

Выяснилось, что Борщаговский – друг мужа Лии Франк. Все знакомые. Братство переводчиков.

Вечером зашел к нам в номер, к Феликсу Бахчиняну, Э. Межелайтис с женой. Спросил, когда мы вернулись с праздника, удивился, что так поздно. Удивительно приятный человек. Колоритный мужчина. Могучая аура. Феликс жил и учился в Литве, специализировался по литовской литературе, переводит непосредственно с литовского на армянский. С Межелайтисом говорит по-литовски, и, видно, они давно знакомы.

Феликс рассуждает любопытно, для меня неожиданно. Он литературовед, энергичен, знающ, живет в Аллаверды, а работает корреспондентом республиканской партийной газеты.

За ужином разговорился с Борщаговским. Обаятельный человек! Заметив, что я по азиатской привычке сижу и жду чая, он поднялся, притащил большой заварник, гневно сверкнул на официанта, сказал, дескать, я человек совестливый, деликатный, надо же понимать.

А кормили долмой. Якобы национальное блюдо. Острое, незнакомое. Я расковырял начинку, кусочек молотого мяса величиной с большой палец, наложив рядом с тарелкой груду молодых виноградных листьев. Таким образом я расковырял пять-шесть долма, виноградных листьев целая куча, а в желудке пусто. Одна дамочка из Баку смотрела на меня сначала изумленно, потом раздраженно. «Что вы делаете?! Это же витамин!» «Я траву не ем!» – мрачно пробубнил я. «Так это не трава. А листья винограда!» – ещё более возмутилась дамочка. «В траве не бывает витаминов!» – категорически заявил я. Дама и вовсе взбеленилась. Голос ее от возмущения дрогнул. «А где, позвольте, бывают витамины?» – с сарказмом спросила она. «В мясе!» «Что-о? Где вы сказали?!» Дама аж подпрыгнула и брезгливо покосилась на ворох виноградных листьев передо мной. «В мя-се!» – ещё более насупился я. Она отвернулась, задергала головкой, плечами. Потом, сверкнув глазищами, спросила ядовито: «А вы откуда?» «Из Алма-Аты», – ответил я невозмутимо. «Алма-Ата? А это где?!» – спросила смуглая дама. «В Казахстане», – ответил я с вызовом. «Ах, в Казахстане?! – подытожила дама. – Это и видно!» И окончательно отвернулась. Борщаговский, наблюдая за этой сценой, ухмыльнулся. Он был явно на моей стороне. Видно, и его долма не прельстила.

И в мацони не увидел ничего достойного. Ещё подали какое-то странное мясо. И не мясо вовсе, а кусок кожи едва оттаявшего мамонта. Ремень! Нож не берет. Но поперчено – вай-вай! Еле-еле отколупал кусочек, но съесть так и не смог. А во рту горечь – никаким вином не зальешь.

С одиннадцатого этажа открывается удивительная панорама. Дивные огни во все стороны гор и холмов. А с небес на все это благолепие взирает далекая, отчужденная полная луна. Если долго всматриваться, ощущение такое, будто находишься на другой планете… Завтра едем в Степанакан. И дорога, говорят, будет трудная.

Эх, напиться бы крепкого чая! И кофе, и вино надоели…

2 ноября

Утро. Обзор Еревана с высоты одиннадцатого этажа. Курчавые, смуглые девчушки в белых бантиках торопятся в школу. Откуда-то энергично шагает чем-то озабоченный Чепайтис. Кто-то по крышам мазанок кормит и «разгуливает» голубей. Голуби поразительно похожи на армянок, которых вижу третий день.

В холле, у входа в ресторан, афиша: армянин с угольными черными, пышными усами зазывно вскинул руки. Внизу объявление: «Маран – дегустационный зал армянских вин и коняков. Посещение по групповым заявкам». Такая вот орфография.

Едем через с. Кучак. На стоге сена метла. Оказывается, пароль: здесь живет девушка на выданьи. Метла вверх – значит, девица в первый раз собирается замуж. Метла вниз – значит, однажды уже замужем была, теперь хочет ещё раз испытать свое счастье. Такое, мол, поверье.

Курдское кладбище. Называется РИА-ТАЗА. Что это означает? Оказывается – «Новая жизнь». Хм-м...

Кировакан на склоне гор весь в дыму или в дымке. Гид спрашивает: «Как наши горы, товарищи? У них тоже есть совесть, честь, как у людей. Они всегда смотрят на нас. Горы, как люди»... А ведь, кажется, правда.

Памятник в виде алтаря. Здесь Пушкин встретил тело Грибоедова. Горы. Небо. И больше ничего.

Дудин прочел здесь дивное стихотворение. Читал упоенно. Тишина умопомрачительная. Вершина человеческого духа. Я разволновался до слез. Божественное место. Здесь никто лгать душой не может. Кто-то прочел Пушкина. Стихи устремились в небо. Или лились с вершин гор. Получился импровизированный праздник слова, праздник души. Дух Пушкина и Грибоедова витал вокруг.

Подниматься сюда было сложно, спускаться ещё трудней. Об этом говорилось и в стихотворении Дудина.

По пути к Лори Аслан Адхам читал в автобусе Омара Хайама по-персидски.

Здесь север Армении. Когда-то обитали здесь молокане. Неподалеку здесь находилось лесничество отца Маяковского.

Музей Степана Шаумяна. Шаумян хорошо владел немецким языком, что позволило ему завершить позже свое образование в Берлине... В музее увидел две фотографии молодого Сталина. Будущий вождь довольно колоритен.

После осмотра музея Шаумяна нас повели в Дом культуры. Город называется Степанован. На лорийской земле, на земле Туманяна, провели Пушкинский праздник. Здесь, в этом краю, Пушкин проезжал по пути в Эрзерум.

Владислав Черни из Праги выступил на армянском языке. А ещё выступили Роман Лубкивский (Львов), Витаутас Петкявичус (Вильнюс), Наум Кислик (Минск).

3 ноября

Едем в Гарни. Арка Е.Чаренца. Вид на Арарат. Потрясающе!

Храм в Гарни. Памятник эллинской культуры. Храм из твердого базальта. Воздвигли армянские мастера.

Резкий ледяной ветер. Горы. Солнце.

Языческий храм I века. Выдающийся памятник древней армянской архитектуры греко-римского типа. Сохранился как «Дом прохлады» царя.

Псалом Маштоца спел гид-репатриант (переводчик Достоевского на армянский язык) в действующем монастыре Гегарда под гулкими сводами. Каменная пещера. Два этажа. Древность и современность.

У памятника Возрождения Армении говорились высокие слова о миссии переводчика, слова благодарности переводчикам. Воспоминания. Символ возрождения Армении под четырехугольным сводом. Очень впечатляет. Действительно, праздник переводческого искусства... Армяне заверили: построим памятник переводчику. Храм переводчику. Грандиозно. Премию имени Е.Чаренца присудили Дудину. Премию имени Туманяна – Е. Николаевской. Э.Межелайтису тоже премию им. Е.Чаренца.

19 ноября

На улице сыро, промозгло. В квартире холодно. Настроение подавленное. Вернувшись из Еревана и Ташкента, проделал уйму дел: написал заметку для NL, отредактировал перевод Оразбековского рассказа, вычитал перевод повести Абиша, прочитал «Sonnenspuren» Реймгена, написал пять-шесть писем, сочинил выступление на семинаре, продолжил сопоставительное чтение «Фауста»... А главная забота: необходимо провести семинар немцев Казахстана, а дела не двигаются. В Союзе писателей жигиты ведут себя так, будто это сугубо мое личное дело. Джубана нет. Азат пьет. У Калаубека и помимо немцев забот хватает... Стыд и позор: СП никак не может решить вопрос с устройством 15 немцев – участников семинара.

За это время умер Брежнев. Исчез Кириленко. Умер наш Э.Гюнтер. Перемены слышатся и чудятся всюду. Альберт У. стал замредом «Казправды».

25 ноября

Дело оконтурилось лишь после того, как взялся за него Әбе. Устроят немцев в гост. «Алтын дән». В обед съездил в СП, поговорил с Калаубеком, дали телеграммы. Вечером позвонил Гассельбаху. Что бы там ни было, 30-го совещание должно состояться.

Долго был у Әбе. Зашли Абиш и Фариза. Абиш подробно рассказал о своей поездке в ГДР. Встретили его очень хорошо. Әбе рассказал про свою поездку в Италию. Там встреча оказалась смазанной тем, что из-за поздней визы задержались на три дня.

Говорил Әбе и о своем романе. С Кимом вроде не заладилось. И Әбе – судя по всему – столковался с Петром Красновым. Якобы на правах сопереводчика. Я возражать не стал (хотя Ким был бы мне больше по душе), ибо не хочу, чтобы всех собак вешали на меня. Пусть кое-какие «собаки» достанутся и на долю Краснова.

29 ноября – 2 декабря

Все эти дни целиком был занят семинаром-совещанием немецких литераторов Казахстана. Слава Богу, все прошло на уровне. И резолюцию, и протокол, и план работы – все сочинил сам... Совещание оказалось нужным и полезным. И достаточно насыщенным. Еле кончили на третий день к обеду. Был и Боос. Состоялась встреча с актерами Немецкого театра. Тоже полезно и живо... Конечно, устал. В первый же день были у нас в гостях Анценгрубер, Дебольский, Нора и Вормсбехер. Было неплохо.

Умер Ю.Казаков, и Әбе ещё вчера вечером вылетел на похороны.

Я лечу в Москву 6-го на совещание историков, изучающих историю рос. немцев.

А нашим семинаром остались довольны и Джубан, и Калтай, и Калаубек.

6-11 декабря

Всю неделю пробыл в Москве. Двое суток – в «России», трое – у Ирины. Выступил в Союзе писателей СССР и на семинаре в «Neues Leben». Пощекотал нервы некоторым историкам-шовинистам из Украины, Грузии, России. Возможно, меня малость занесло. Но общий итог положительный.

18 декабря

Тяжко работали с Нурпеисовым. За два часа едва осилили полстранички. Я крепился изо всех сил. И Әбе кряхтел, стонал, мекал, мучился, все получалось не так, как он хотел, а я с отчаянием думал: господи, избавлюсь ли я когда-нибудь от этого рома-

на? Смерть моя, наверное, от Әбе. Конечно, понимаю, он не виноват. Он хочет, чтобы русское звучание текста соответствовало казахскому оригиналу. Нет, чтобы не только соответствовало, а непременно превосходило, соответствуя той тональности, которая звучит в нем и которую я, видно, не слышу, не чувствую. Милое дело – решительно отказаться от этого мытарства. Дескать, не могу и все. Пусть ищет других. Но никак не решусь на это, ибо чувствую себя обязанным Әбе. Да и жаль его: вижу ведь, как он мучается. И постоянно думаю о том, сколько бы я мог написать статей, рецензий, рассказов, пока я мурыжу этот роман. Потом Әбе все равно принесет меня в жертву какому-нибудь столичному прохиндею, скажет: «Что делать? Такой плохой подстрочник!»

Что толку от такой галерной работы?

На моем могильном камне можно будет выбить: «Меня убил Әбе».

Наконец, раздражение все-таки вырвалось. Мы взаимно и в который раз довели друг друга до белого каления. Более часа дерзили друг другу, и оба, опустошенные, измученные, пришли к выводу, что сегодня мы уже не в состоянии что-либо сделать. Сердце у меня ныло, сосало. Кровь била в висках, в ушах. Впереди ещё 160 стр. Если так будем работать – мне не выжить.

20 декабря

И вчера, и сегодня продолжали работать с Нурпеисовым. Встал рано. До обеда отредактировали 6,5 страниц. Крутили и так, и сяк его выступление на юбилее Снегина. В обед слушал передачу Майры, в которой и я вякал. Очень плохой у меня голос. А передача неплоха.

21 декабря

Работали тяжко: Әбе напрочь застрял на фразе «бұрқ-бұрқ көтеріліп», хотел любой ценой передать по-русски «бұрқ-бұрқ», выдумывал всякие нелепости. Вспомнил реплику из письма Тургенева Анненскому. Он говорил о Л. Толстом – «упорство буйволообразное». Это приложимо и к Әбе.

Сегодня он должен открывать юбилей Снегина. И это будет то ли юбилейная речь, то ли погребальная хвала. Я знаю: Әбе весьма уважает Дмитрия Федоровича. Но знаю также, что он не прочел и пол-листа его прозы.

22 декабря

С утра Әбе вызвал секретарь ЦК Казыбаев, и я получил возможность до 12 часов работать в свое удовольствие. Написал 4 стр. по-казахски – начало доклада о «Фаусте». После обеда я прочитал эти стр. Әбе: он одобрил, даже выразил удивление по поводу моего казахского письма... Работа не пошла, сыграли несколько партий в шахматы, и я проводил его к Снегину.

Жизнь коротка, и тратить ее во взрослые годы на поиски эквивалента абдижамиловскому «бұрқ-бұрқ көтеріліп» – ужасно скверно. Надо бы дело делать, а не сидеть изо дня в день рядом с Әбе и обреченно взирать на его бессмысленные потуги.

25 декабря

С утра жуткое давление. Одно время у Әбе думал – рухну. Вскочил, походил, помассажировал затылок, стиснул череп. Понемногу улеглось. Домучили 4 стр. Әбе тоже в дурном настроении. Какие-то нелады.

26 декабря

С утра с Нурпеисовым решили не работать. Голос его озабоченный. Чувствуется: нервы подорваны. Что ж... я сел за статью о «Фаусте» и написал заключительную главку. Теперь у меня написаны десять насыщенных страниц. И ещё три главки напишу, стр. восемь, и статье конец. По-моему, получается вполне приличная статья.

Пришла в голову «мудрая» мысль: Быть вместе, когда хорошо, – невелика заслуга. Другое дело – быть вместе, когда плохо.

31 декабря

...Вечером звонил Виктор Гердт из Москвы. Поздравил с Новым годом, сообщил, что мне дали первую премию «Neues Leben» и заказал заметку о нашем семинаре.

Ночью пришел Әбе. Поздравил. Поиграли в шахматы. Тут случилось землетрясение. По-моему, баллов шесть. Качало очень даже заметно. Все скрипело. Стоял гул. В третьем часу ночи проводил Әбе. А в четыре легли спать. Спал, конечно, плохо.

1983

5 января

Звонили из ВААП: в ГДР переиздан роман Абиша. 4% гонорара ему, 1% – мне. Смешно!

8 января

Читал Ан. Кима. Есть у него удивительные рассказы. «Шиповник Мёко», «Забытая станция», «Месть», например.

Пришла идея: дать заявку на книгу прозы на 1985 г. листов на 15. Под названием «Голос осени». Почему бы нет? Тем более Мироглов сам предлагает.

Переписал всю статью о «Фаусте». Получилось 25 страниц.

Читал «Соловьиное эхо» Кима. Своеобразно. Но местами захлебывается «красными» словами. Ему бы казахов переводить.

10 января

С утра звонил Нурпеисов. Вернулся из Москвы с Петром Красновым. Дали отрывок из романа в «ЛГ»... Потом зашел П.Краснов. Побеседовали часа три. Парень хороший. Будем сопереводчиками... Нурпеисов его отвез в Дом отдыха ЦК. Намерен Краснов пробыть здесь дней 12. А в идеале закончить роман в конце марта. Тот самый роман, над которым мы с Әбе промучились столько лет... Может, оттого и стало мне грустно... А тут ещё ноет здоровая нога...

22 января

Әбе агитирует написать мне заявление на имя Елеукенова и форсировать мою книгу в 84 г., т.е. сдать рукопись ныне в сентябре. Для этого мне придется сильно напрягаться. К тому же ... надо переводить Абиша и составлять книги... Видно, спокойной работы никогда уж не будет. Устал. Буду читать «Луковое поле».

3 февраля

Из ГДР письмо. Вышел там сборник немецких рассказов с моим послесловием.

Медеу Курманову понравилась моя статья о «Фаусте». Он начал ее печатать на машинке... Работаю все эти дни над Абишем.

15 февраля

Больше недели пробыл в Доме отдыха ЦК. Несколько дней работал с Әбе. Гулял на свежем воздухе. Прочел «Күткен күн». Сыграл с Олжасом уйму партий. Он остался мне должен две партии. Играть с ним интересно. Играет азартно и с толком, цепко. Иногда импульсивно неожиданно. Было в Доме отдыха шикарно.

В обед выступил в СП с докладом о казахском «Фаусте». Получилось хорошо. Все выступавшие хвалили. И «ҚӘ», и «Жұлдыз» просили дать статью им. Әбе рекомендует дать в «ҚӘ», но без каких-либо сокращений. Он позвонил мне вечером радостный. Ему уже принесли завтрашний номер «ЛГ» с отрывком из его романа в моем и Краснова переводе. Переводом Әбе доволен. Впервые от него слышу: «Прекрасный перевод».

21 февраля

Все корпим с Әбе над его романом. Я на пределе... на грани срыва. Осталось 63 стр. Самое любопытное: сегодня Әбе обиделся. Дескать, почему ты не воспламеняешься, не воодушевляешься при переводе? Я тогда откровенно сказал, что роман его осточертел, и моя цель – как-нибудь довести до конца, лишь «в угоду Вам». С чего мне воспламеняться, когда текст меня не трогает. Очень и очень тяжело дался нам этот роман.

24 февраля

Позвонил А.О. Тамму в «Сов. писатель». Выяснилось, что мою рукопись отодвинули на 1985 год. И то уклончиво. Выходит, к своему 50-летию я в лучшем случае издам книжонку в «Казахстане». Что ж... довольствуйся тем, что есть.

27 февраля. Воскресенье

До обеда просмотрел 7 короткометражных фильмов молодых режиссеров Казахстана. Смотр-конкурс «Бастау». Получил некоторое представление о творческих поисках молодых киношников республики.

В обед пришел к Әбе и читал стихи Кайсына Кулиева по-балкарски. Многое понятно. Одно стихотворение даже перевел подстрочно для Дудина... Кайсын прислал письмо Әбе из московской больницы. Очень своеобразный, нелепо крупный почерк. Письмо хорошее, доброе. Заканчивается: «Будь здоров, великий мой друг!»

8 марта

Два дня занимался компоновкой своей немецкой книги. По сути, книга готова. И, по-моему, получается прилично. Во всяком случае, не хуже предыдущей. Вошли в нее 30 статей. Будет, думаю, как раз 10 листов. Написал по-казахски заметку для «ҚӘ».

15 марта

Әбе решил меня добить. До 12-ти сидели над одним абзацем. Потом пошли вспышки, взаимные упреки. Начали шпынять друг друга. Я указал на два десятка ошибок в двух его абзацах. Он оскорбился и ушел на балкон. Потом я оскорбился и ушел домой.

Нервы у обоих на пределе. Чувствую: роман этот нам не кончить... Опустошенный, убитый доплелся до дому. Перевел 1,5 странички Абиша, потом вызвали меня в типографию, где два часа вычитывал корректуру своей статьи в «ҚӘ».

Звонил Гуго. Мой рассказ пытаются втиснуть во второй номер «Heimatliche Weiten». Если не влезет – пустят в «Neues Leben».

Целый день шел дождь. Хмурь и сырь.

16 марта

Перевел 5 стр. Абиша. Прошел Пленум ЦК КПК. Речь Кунаева впечатления не производит: вяло, трафаретно, общо.

Жуткое давление. Лежал пластом. После обеда полегчало, но голова чугунная, пустая. Поташнивает, пошатывает. Все же перевел две страницы Абиша. Прочел его рассказ «Көлденең көк атты». Прекрасно!

Встретил Ануара. Он тоже второй год страдает давлением.

19 марта

Шум в голове. До обеда калякал с Уайнбергером. А потом вдруг почувствовал такой прилив крови к голове, что тотчас лег.

Утром вышла «Қазақ әдебиеті». Почти весь номер мой: заметка о нашем заседании, потом на трех полосах моя статья, потом известие о выходе нашей книги в ГДР.

Хваля мою статью, позвонили А.Тажибаев, Әбе, Адам, Еслям, Молдияр, Медеу.

К вечеру мне стало лучше, и я перевел три страницы Абиша. А, в общем, настроение плохое: все время кажется, что вот-вот во мне что-то оборвется, и сыграю в ящик. И вообще досадно, что не можешь работать в полную силу... Весь день шел снег.

30 марта

Пленум СП. Много было поздравлений по поводу моей «Фауст»-статьи. Султанов похвалил: «Три дня читал. Сдержанная, доброжелательная, тактичная статья». Говорил и с Альбертом.

Пленум был жаркий. Крепко досталось Әбе от Нуршаихова и Есенберлина. Последний даже назвал Әбе безнравственным торгашом. Бекежан ударил по Шерхану, Шерхан – по Бекежану и Саину. Словом, получилась драчка. Размежевались крепко.

Вечером на прогулке встретился Исиналиев. Поговорили малость.

7 апреля

Перевел пять страниц Абиша. Болит сердце. И валидол сосал, и валерианку пил. Читал Д.Д. Звонил Елеукенов: нужно резюме моей статьи. «Покажу большому человеку». В мае вроде припожалует Хонеккер. Для этой цели понадобилось. Сделал резюме, отпечатал. Походил с Саином. По слухам, в академики прошел Заки, а в член-корры – Зейнулла. Ну, он-то на фоне других вполне достоин.

13 апреля

Встретил Аманжола Кошанова. Он, как и Боос, стал членом-корреспондентом АН. Причем с одинаковым результатом – 41:0. Здорово!

Часа два гулял с Ади Шариповым. Он увлеченно рассказывал про свою партизанскую жизнь.

18 апреля

Наши хоккеисты выиграли у финнов 3:0. Хюбнер со Смысловым никак не одолеют друг друга. 12 партий сыграли (почти откладывая все), из них 10 – ничья. Вот и 13-ю отложили. Корчной убедительно побил Портиша – 6:3. Рибли наверняка одолеет Торре. Я с самого начала предполагал такие варианты: Корчной – Каспаров, Рибли – Хюбнер. Потом: Хюбнер – Корчной. И далее снова Карпов – Корчной. Но упорство Смыслова поражает. Неужели он внесет коррективы?

23 апреля

Жребий оказался справедлив: в полуфинал вышел Смыслов. Ай да дядя Вася! Хюбнер так и не одолел его. Это опровергает мое предположение, но за Смыслова рад. А ведь эдак он может побороть и Рибли. И тогда вовсе получится курьез – Корчной – Смыслов. Одному 52, второму 62. Молодцы ветераны! Однако, не исключено, что Корчной не сможет одолеть Каспарова. Тогда тоже любопытный вариант: Каспаров – Смыслов. Внук и дед! Рибли почему-то в счет принять не хочется.

9 мая

В честь Дня Победы крепко поработал. Написал 7 стр. Был Бигельдин: отдал перевод статьи. Вечером пошел к Вечному огню. Встретились Мырзабек Дуйсенов и Акселеу. Заговорили о гуннах, о тюрках и вообще об искажении европейцами истории Востока. И разговор этот продлился два с половиной часа. У меня уже голова начала пухнуть от гуннов, но тут встретились Саин и Аким, и я вернулся в нашу реальность.

12 мая

Неожиданная телеграмма: надо лететь на заседание комиссии по сов.-нем. лит. Физически чувствую себя плохо. Написал ещё 7 стр. о Д.Д.

13 мая

Закончил статью о Д.Д. Получилось аж 52-53 стр. Монографическая статья. Отпечатаю на машинке после приезда из Москвы.

Вечером была чета Пладерсов из Риги, Нора и Костя. Мило посидели до 11.30.

Устал, издерган, сердце ноет, давление играет.

24 мая

Из Москвы прилетел ночью. Полезно заседали: два дня в «Neues Leben», один день – в Союзе писателей. Выработали план совещания в декабре. Отправили в ЦК КП письмо. Все были активны. Собрались Гольман, Жакмьен, Каценштейн, Гассельбах, Вебер, Вормсбехер, Эрлих, Эстеррайхер, Виктор Гердт, я. Были у Цуканова, в СП – у Уварова. Три дня отдыхал у Ирины. Ходил по лесу, дышал воздухом, много читал: рассказы Ан. Кима в «Севере», Сидорова «7 дней в Гималаях», Бальмонта, Думбадзе, газеты, журналы.

Вроде малость приободрился.

1 июня

Никак лето не наступает. Сырь. Стынь. Постоянно скачет давление. Говорил с отцом. Наша поездка в Коктебель его не радует. Он хотел бы чтобы мы подольше гостили в Ташкенте.

С утра был у Әбе. Он сообщил, что одну из премий СП ныне решением секретариата отдают уйгурам. «Тебе дадут в следующем году». Жамишев стал первым замом «СҚ», Акселеу редактором «Білім және еңбек», а бывший редактор – зав. отделом лит. и искусства в «СҚ». Габбас стал редактором «Шмеля».

Дочитал роман Щеголихина «Слишком доброе сердце». Хорошо, добротно сделано.

Был Д.Д. Намерен мою статью о нем предложить в «ДН», «Жұлдыз» и ещё куда-то.

10 июня

Давление преследует меня ежедневно. Скверно! На радио записывали меня долго. То не та пленка, то я читал слишком мрачно, глухо, тяжело. Режиссер хвалил мой текст, хотя от моего вякания она никак не была в восторге... Дней через 10 дадут в эфир.

...Часа три был Абиш. Прочел мне обстоятельную лекцию о Золотой Орде, Белой Орде, Зеленой Орде, начал с Джучи и довел до Жанибека, до Абулхаира. Кое-что усек. Понял, что в писаниях Есенберлина нет: а) концепции, б) историзма, исторической достоверности, а есть только идеологический вред, ибо он стравливает потомков трех жузов и путает, дурачит казахов, как может. Говорили обо многом. По поводу «Құс қанаты» решили, что «Автомобиль» он кому-нибудь даст на подстрочный перевод, «Есболай» кем-то уже переведен, значит, я в Крыму переведу «Ақырғы аялдама», а по возможности и «Бір шоқ жиде». Осенью Абиш хочет представить рукопись в «СП».

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

15 июня. Прибыли вчера. Устроились, осмотрелись. Обошли парк, пошли на пляж. Зашли в кинотеатр, посмотрели «Родню» Михалкова. Мордюкова бесподобна. Проснулся рано. Вроде пасмурно. Трещала сорока. Надрывалась ворона. Тихо. Пустынно. Сегодня заезжает около 100 человек. Почитал «Грядущему веку» Маркова. Жуткая пошлость!

Здесь Амантай Байтанаев с внуками. Абеке познакомил меня с Абдулхаем из Ташкента. Приехал Беркаир Аманшин. Сообщил, что умер Шамкенов. А Мусрепов, якобы, совсем болен.

Председателем Президиума Верховного Совета СССР избран Андропов.

Что-то похолодало. Сыро. Неуютно.

19 июня. В Москве +27°. А здесь море натужно бушует. Скучно. За окном орут писательские дети: «У, баба рязанская, пузо партизанское!» «Нам что малина, что говно, лишь бы мазалось оно». И что это означает?

За 15 минут до открытия столовой московские писатели стеной стоят у двери, чтобы успеть разнести «шведский стол». Хватают по две тарелки, отталкивают друг друга, роятся в нашинкованной капусте, точно хрюшки. Стыдно и гадко глядеть на это.

Дождь проливной. Съездили в Феодосию. Посетили музей Айвазовского. 6 тыс. картин. В 4 тыс. из них – буря, шторм, кораблекрушения. Меня заинтересовала картина «Наполеон на острове святой Елены». Огромное, бушующее море, крутой обрыв и крохотная фигурка Наполеона. Хороши и автопортреты. Интересны акварели Волошина. Дом Грина был закрыт. Походили вокруг. Якорь, цепи, фонарь, дверь из грубых досок, скобяная ручка. Белый одноэтажный длинный дом. Жил Грин здесь с 1924 по 1929 г. Мемориальная доска: «писатель-романтик».

Встретил Курбатову – жену Белянинова. Алексей Семенович, оказывается, умер 14 мая: «Умер стоя, упал мне в объятия...» Я его знал по «Простору» многие годы.

22 июня. Сразу приходит на память: «Двадцать второго июня...»

Вчера смотрел «На гранатовых островах» по сценарию Г. Боровика. Мне всегда неловко, когда наши изображают западную жизнь. Ужасно фальшиво, понарошке...

Перед ужином отправился на пляж. Пустынно. Море ярилось. На пляже были одна чайка, две собаки и я.

Читаю всякую муть и перевожу нескончаемого Абиша.

29 июня. Взял в библиотеке книгу Н.Вильмонта «Великие спутники» (литературные этюды) – «СП», М., 1966 г. В книгу вошли «Достоевский и Шиллер», «Ещё раз о Гёте», «Шесть этюдов о Томасе Манне».

Чаще всего общаюсь с «восточной» группой: Марал-ханум, Оля и Худайберды из Ашхабада, Алы-аға Касумов из Баку, двое узбеков, таджик Зайнуддин и Сайфуанов из Уфы.

В Армении град. В Москве – дождь со снегом. Здесь море +13-14°. Бр-р-р!

2 июля. Сегодня вдруг и воды не стало: ни в туалете, ни в умывальнике, ни в столовой. Правда, потеплело и можно купаться в море. Вечером оказался с Марал Мухтаровой (женой Гусейна Мухтарова), и она два часа исповедовалась передо мной. Едва не околел от скуки. Вообще контингент тусклый. И работается тяжко. От скуки двое узбеков полдня резались в карты. «Восточные жигиты» обзавелись одной русской девахой. Откуда ее приволокли?

Вечером был на литературной встрече. Из выступавших понравились Палиевский (умно и толково говорил о встрече с писателями Западной Германии, чувствовалось знание предмета), И.Золотусский (о похоронах Ф.Абрамова), И.Кашафутдинов (о подводных испытаниях, атомщиках, о взрыве водородной бомбы на Севере), хорошо читали стихи А.Ахундова, В.Шленский, Р.Бухараев. Неплох был и Герберт Кемоклидзе. Откровенно пошлые вирши читал И.Рыжиков. Неинтересно выступал Г.Машкин. Что-то прощебетали две бабоньки.

8 июля. Здесь находится Владимир Борисович Микушевич, переводчик с испанского и английского. Народишко понемногу разъезжается. Весь день проводы. Чувствую себя нелучшим образом. От давления в ушах гул.

В 1976-1980 годах издавались за рубежом: Ф. Абрамов – 18 изд. на 9 языках; Ч. Айтматов – 68 изд. на 21 языке; Ю. Бондарев – 25 изд. на 11 языках; В. Быков – 27 изд. на 11 языках; В. Распутин – 41 изд. на 15 языках; Ю. Трифонов – 51 изд. на 16 языках и т.д. Эти сведения я вычитал в «ДН» №6, 1983 г.

* * *

2 августа

Вчера скончался мой сосед проф. Дахшлейгер. Накануне ещё бегал.

Все эти дни страдаем от жары. Позавчера был (газеты пишут) абсолютный пик – +43,4° (это выше, чем в июле 44-го года, тогда было +42°). Теперь вроде пошло на спад. Ночью можно было почти нормально спать.

3 августа

Тяжкий день: работа шла с 7 утра до 2-х ночи. 19 часов!

Дважды был у Әбе, потом у Краснова, потом Әбе у меня. Уже ночью перепечатал последние три страницы. Наконец-то от «Долга» отвязался. Господи, сколько это стоило труда, времени, сил и нервов! Уму непостижимо.

9 августа

Звонил Сагат А. Хочет в 86 г. издать сборник статей на рус. яз. Я ему обещал перевести две статьи и написать внутреннюю рецензию.

До обеда вычитывал роман Әбе. Ох, тяжко! У меня на него такая аллергия, что, кажется, вот-вот свихнусь.

Приезжали Краснов и Ахтанов.

17 августа

В Грузии погиб Болат Касымов. Только на днях был у меня. Хлопоты, звонки, горе...

Ауман вместе с режиссером Юрием Ивановичем отвезли меня в СП. Там уже все было подготовлено к съемкам. Вырядили меня в чей-то пиджак, нацепили чей-то галстук, усадили в кресло, зажгли нестерпимый свет, скомандовали: «Мотор!», и я начал вякать. От волнения не знал, что и болботал. Ровно через десять минут и я кончил, и пленка кончилась. Я был готов провалиться сквозь землю, но автор и режиссер сказали: «Ничего. Пойдет».

18 августа

Отцу сегодня исполнилось 74 года.

Вчера звонила Надежда Гарифуллина. Извинилась за то, что слишком долго пролежал мой материал, сказала, что прочла с удовольствием, и что в пятницу пустят. Мило побеседовали. Просила сотрудничать с «Огнями». Приятно...

А жара стоит + 36°. Кошмар! Надоело!

20 августа

Вечером был Әбе. С помпой проводили Краснова. В трех районах собирали для него деньги. От перевода Ахтанова Краснов, однако, отказался.

Мою статью в «Огнях» Әбе читать не стал. Ему не нравится, что я занимаюсь ещё чем-то, кроме его романа.

Играли в шахматы. Он продул 7-8 партий. А, уходя, и вовсе сразил: я должен (!) подготовить рукопись его романа для издательства, да ещё сам заплатить машинистке. Вот это номер! Раз я сопереводчик, то и давай запрягайся.

Так рассудил Әбе. И я обомлел.

21 августа

Звонил с утра Әбе. Опять недоволен Красновым, которого только вчера с такой помпой проводил. «Кретин!.. Много лишних слов... Все время разъясняет».

Я подумал: так это ведь свойственно автору. Причем тут Краснов?.. Словом Әбе хочет, чтобы я вычитал рукопись в который раз до машинки, а потом, после машинки, еще раз. При этом выправить все его исправления. А на каком они уровне – понятно.

А ведь Краснов сам обязался вычитать весь текст. В мою обязанность входило только перевести все исправления во второй экземпляр.

Роман Нурпеисова доводит меня до умопомрачения. Это уже становится нестерпимо. Будто я у него в рабстве.

Звонили с казахского телевидения. Нужно, мол, участвовать в передаче о «Фаусте». Согласился. Ибо ранее обещал Медеу.

15 сентября

С 7 вечера были Самойленко и Wolfgang Sabbath из «Sonntag'a» (ГДР). Симпатичный бородач. Умен, образован. Совершенно вольный, доверительный разговор за коньяком. Проговорили аж 6 часов. На многие вещи у него свой взгляд. Многое из истории советских немцев ему понять трудно. «Warum eigentlich sowjetdeutsche? – удивился он. – Es gibt ja keine sowjetkasache, sowjetarmeniern!»

Ещё спрашивает: «Wen die Deutsche in UdSSR aus Ausland Pakette bekommen, ist es eine Schande? Ist das Ehrlos? Ich kann das nicht Begreifen». Или: «Warum Atheismus? Ist das nicht egal, wenn man ein Katholiker, Lutherisch oder Moslem ist? Und warum bekommt ein Prediger keine Pensium?» И о SDL рассуждает по-своему: «Warum ist die SDL so zaghaft? Warum schreiben sie nicht so, wie Aitmatow?»

Возмущался книжонкой Пирогова. «So ein Quatsch! So schlimm! So schlecht! Ist das eine Kontrpropaganda? Da mup man sich schämen».

Недоволен Wolfgang и нашими дамами из немецкого издательства – Идой и Евгенией. «Wir wissen das nicht. Wir sind noch jung. Wir müssen noch sehr viel lernen. Ja, so was! Bei uns in diese Jahren können die Leute schon alles».

Говорил о проблемах ГДР и ФРГ. О безработных. Das essen, trinken, Quartier – ist überhaupt kein Problem. Стачки? На западе бывают стачки, но наши даже не пишут, почему. А Streik machen sie потому, что требуют повышения платы, еще более короткий рабочий день при повышении зарплаты и т.д.

Произвел Wolfgang Sabbath приятное впечатление. Был он в Никарагуа, Вьетнаме, многократно в Польше, Австрии, Чехословакии. Понравились ему казашки. Удивительные, мол, экземпляры встречаются. Допытывался: «Можно ли ему подойти к понравившейся и пригласить ее в кафе? Или это предосудительно?»

Уже в час ночи проводил его до «Отрара». Сонный привратник уже запер дверь и смотрел косо на запоздавшего гостя. А подвыпивший Wolfgang спрашивал у меня: «Почему этот господин так хмуро на меня смотрит? Почему не улыбается? Отчего такой хмурый? Чем я провинился?» Мы никак не могли расстаться, и привратник не выдержал, зло брякнул: «Эй, кончай базар!» «Все-таки этот господин чем-то недоволен» констатировал в недоумении мой берлинский гость.

1 октября

Перепечатал рец. на перевод Саимжана книги О.Шнайдерайта. Теперь могу отнести в ЦК. Получилось 9 стр.

Позвонил Әбе и отвез меня с Кабдоловым в Дом творчества. Там, оказывается, Н.Кузьмин купил овцу за 180 рублей и давал банкет. Было человек двадцать – Мусрепов, Ахтанов, Сафуан, Нурпеисов, Токаев, Кабдолов, Кайрат, Бекен, Отежан, Тарази и др. Было весело и хорошо. Мусрепов долго говорил о русско-казахских литературных связях и о добрых традициях, уходящих в глубь веков, все благодарили Кузьмина и с

аппетитом слопали его овцу. Олжас поухмылялся по этому поводу, сам он в трапезе участия не принимал, а мы с ним резались в шахматы до 7 вечера. Олжас проявил деликатность: «Есть, старик, деньги на такси?» Я был тронут его вниманием.

Вообще Олжас сильно отличается от аульных моих сверстников. Он человек другой культуры, другого воспитания.

5 октября

Вчера ночью умер Ильяс Есенберлин. Инфаркт. Четыре дня назад я говорил с ним в СП. Он жаловался на низкое давление и упадок сил. Завтра похороны.

7 октября

На панихиде вчера встретил Щеголихина. Оправился. Уверенный. Импозантный. Трудится. Обещал дать свой роман.

Закончил перевод повести Абиша. Перевел таким образом три повести и пять рассказов из сборника «Құс қанаты». Теперь все это предстоит отредактировать и дать на машинку.

9 октября

Проведали на даче А.Тажибаева. Сидели в саду, грызли яблоки, пили водку, вкушали казы. Я сыграл партию в шахматы с родственником Абеке. Уговорил старик меня перевести его строк три тысячи (подстрочно). Договорились: после января. Проводили Тахави: у него поднялось давление. Высокое давление и у Абиша.

15 октября

Мерзну отчаянно. В квартире +13°. Сидишь, как в каменном мешке. И воздух мертвый. Назло работал 12 часов.

17 октября

У Әбе дома тарарам. Выдает замуж Раушан. Сплошные хлопоты. Съездили с ним в Иссык. Добыл он там кобылу-трехлетку.

Вечером зашел в шахматный клуб. Играют женщины. Много мастеров. Одна – Тимощенко – даже международный мастер. Эффективно выиграла у Сергеевой (Живаевой). Коган проиграла Гуле Сахатовой и разревелась.

20 октября

Дождь со снегом. Хмурь. Сырь. До обеда отредактировал 30 стр. своего перевода Абиша. Потом пошел на отчетно-выборное партийное собрание. Там видел Абиша и поговорил с ним. Он подавлен: обнаружили диабет.

Домой доплелся под проливным дождем. Настрой грустный.

22 октября

Весь день редактировал свои переводы. А вечером зашел Абиш. Мило поговорили. Обаятельный мужик. Умница!

Закончил он вторую книгу «Плеяд» и довольно основательно работал над подстрочным переводом первой книги. Теперь я ему вручил 400 страниц. Все это надо прочесть и отдать на машинку. В декабре он едет в Москву. Везет чемодан рукописей.

Замыслы у него большие. Статьи его составляют почти книгу. Лежат путевые очерки – Сирия, Египет, Япония. Тоже, считай, книга. И задуманы три романа на современную тему. Все эти задуманные вещи он намерен дать на перевод мне. «Плеяды», возможно, предложит Суровцеву.

Начал читать туркестанскую повесть А. Брагина.

21 ноября

С утра позвонил Гассельбах: умер Андреас Закс. В памяти и сознании поволжских немцев он занимал большое место. Перед войной он был на Волге очень популярен. Звучали его стихи, частушки, ставились пьесы, издавались шванки, рассказы. И после войны он оставался активным. Иногда мы переписывались. Он обладал крестьянским умом и трезвым взглядом. Сам себя переводил на русский язык. Юмор его был замешан на диалекте... Горько!

22 ноября

Поздно вечером позвонил Аскар С. Сообщил: сегодня в обед умер Жумекен Нажимеденов. Сердце. Наши дочери учились в одном классе. В прошлом году вместе с Абишем были у него в гостях... Смерть кружится над нашим поколением.

23 ноября

Сегодня у Ирины III тур. Столько испытаний на голову бедной моей доченьки. Не повезло. Душа изболелась за нее. Ночью, во сне, я долго с ней беседовал, и беседа наша была печальна... Настроение весьма удрученное.

24 ноября

Был часа два Аскар... Кажется, никто меня так не понимает, как он. И я его, кажется, понимаю. Или стараюсь понять. А вообще плохо мне. Душа не на месте. Все худо. Радости нет.

25 ноября

Хоронили сегодня Жумекена. Странно было смотреть на его спокойное, очень живое лицо в гробу. Народу было много. Безумно жаль старуху-мать. Активно распоряжался Абиш. Мать его сидела в среде родичей Жумекена. Аскар накануне взял у меня «Реквием» Моцарта... Ошеломила эта смерть. Наше поколение дрогнуло.

29 ноября

Все эти дни мне плохо. Клара занесла ГДР-овские материалы об Абише и измерила мне давление. 170/100. Видно, с таким давлением я и живу в последнее время. Конечно, ничего хорошего. Как тут работать? Читал работу Эккерта о Франце П. Шиллере.

Был на юбилее М. Алимбаева. Народу было много. А само чествование прошло по трафарету, казенно. Заурядная казахская чапанизация.

4 декабря

Назревает снег. Почти весь день плохо с сердцем. Дважды был вынужден лежать. Пил капли, сосал валидол... Читал Л.Гинзбурга, Аникста, пьесу Гейнца «Дуэль».

Печаль гнетет меня.

8 декабря

Часа три был у Әбе. Джубан уходит. И Әбе боится, что придет Олжас. И намерен выступить против. Я своей симпатии к Олжасу не скрыл. Хотя и не знаю, как его приход повлияет на казахскую литературу. Казахскую литературу он знает неважно, а қазақбайскую и вовсе не знает. А именно она играет в обществе немаловажную роль.

14 декабря

Умер Евней Букетов. Я его видел всего один раз. И один раз говорил с ним по телефону... Он был ученый. Литературой занимался тоже.

16 декабря

Айтматов избран академиком Европейской Академии науки, искусства и литературы. Первый, якобы, из советских писателей. Газеты шумят: наверное, это престижно.

Әбе продолжает пребывать в расстройстве. В понедельник состоится Пленум СП. И поговаривают, что первым руководителем СП будет Олжас. Ну, и хорошо! А вторым – якобы, Абиш. Ну, и еще лучше! Я лично не возражаю. Считаю это разумным и справедливым. Еслям З., правда, называет ещё и Елеукенова. Тоже нормально.

18 декабря

Вечером зашел возбужденный Әбе. Показал свою анти-олжасовскую речь. Текст мне не понравился. Резко, запальчиво, прямолинейно. Я, конечно, отредактировал, но сказал, что не согласен. Әбе возмутился. Он считает, что прав, что выступает смело и сильно. Не знаю... Все тезисы и аргументы кричат лишь об уязвленном самолюбии.

Переубедить его я не смог. Есть в его речи попытка и меня столкнуть с Олжасом. Я сказал, что мне это не нравится, и я лично голосовать буду за Олжаса. «Я твою руку отрублю», – сказал он уходя... Весь взбудоражен, вербует смутьянов.

19 декабря

Утром рано примчался Әбе. Одетый нарядно. Готовится к речи. Но заехал к Абишу, и тот решительно отсоветовал выступать. Слава Богу, спас Абиш его от позора. Дело-то решенное.

Пленум прошел четко. За 15-20 минут. Вел его Мирошхин, присутствовали Казыбаев, Аухадиев, Шайжунусов. Без сучка-задоринки всё проиграли. Едино-глас-но! Будто и не было никаких интриг. Без уважительных причин не пришли двое: Нурпеисов и Ахтанов. В зале посмеивались. Әбе в случае выступления смотрелся бы жалко...

26 декабря

Вечером Болат Атабаев вместе с Эллой Шварцкопф были часа два у меня: писали выступление. И я малость помог.

27 декабря

В СП был расширенный Секретариат. Создали Совет ветеранов – ақсақалдар алқасы. Бюро – три человека. Председатель Каратаев. Это Олжас ловко провернул. Аксакалы теперь ему во всем подыграют. Альжеке Абишеву даже выделил кабинет и секретаршу. Ой да!..

Постоянно чувствую сердце. Читал «Ягодные места» Евтушенко.

30 декабря

Вечером позвонил Медеу К. и Еслям З. Оказывается, я стал лауреатом премии «Қазақ әдебиеті». Мелочь, а приятно.

Часа два читал воспоминания Т.Сухотиной о Толстом и Тургеневе.

Узнал, что я ещё лауреат премии «Neues Leben».

1984

10 февраля

С нового года ежедневно работаем с Әбе. Иногда невыносимо. Он это чувствует, и тогда уходит или переводит разговор на другую тему. «Я понимаю, что раздражаю тебя», – говорит он. Это, конечно, так, а мне перед ним неловко. И он мучается и меня мучает, а вместе мучаем текст... В чем беда? Әбе что-то слышит, а то, что слышит, по-русски выразить не может. А я, видно, не слышу того, что он смутно слышит. Отсюда весь сыр-бор. Мне порой чудится, что он и по-казахски не всегда себя точно выражает. Нет у него четкого мышления. Все расплывчато, зыбко, многословно. Фольклорное сознание. Для казахского речестроя это хорошо, а русский язык не очень-то и терпит приблизительности, а немецкий и вовсе исключительно точен. С этими нюансами Әбе не считается. Он воспринимает русский текст сквозь призму казахского. Отсюда постоянная неудовлетворенность. Так мне кажется.

...Вечером, когда спустился к почтовому ящику, узнал, что умер Андропов. Мне он казался порядочным человеком.

12 февраля

Председателем траурной комиссии назначен Черненко... Господи!.. Неужели?..

14 февраля

Надо что-то перевести для Кабдолова. Ай, некстати! Тут позвонили из «Өнер» и попросили написать предисловие к «Коркуту»... Позвонил из Москвы Вормсбехер: напиши для «ЛГ» обзор «Heimatliche Weiten»... Ну, и когда я буду работать над своей книгой? Или так меня и растащат по мелочам?..

25 февраля

Сибирские морозы. В квартире холодно. Работаю до одури. Глаза красные. В ушах звон. Сердце сосет. Давление 175/110. Не живу – маюсь.

Дукенбай получил сразу две квартиры в 19-ти этажном доме. Интересно, сколько уже сменил квартир Дукенбай? Решит ли он свой квартирный вопрос к 60-ти годам? Или будет действовать по принципу: новая книга – новая квартира?..

1 марта

А вот и весна. Правда, говорят, она будет холодной. Два часа гулял с Мырзабеком Дуйсеновым. И два часа он безумолку и громко читал мне лекцию о гуннах, об албасты, о мифах, о своих замыслах.

Опять давление, давление. До тошноты. Но пошел снег – очухался... В три ночи позвонил вдруг Аскар. Видно, хотел сообщить что-то важное. Или хотел, чтобы я прослушал симфонию Малера. Трубку взяла Рая – разговор, таким образом, не состоялся.

21 марта

Работа, работа, работа... До умопомрачения. Пленум СП. Симашко выступил на Совете в хвалебном тоне обо мне.

Был у Әбе. В премиальном деле он никакого участия не принимает. Озабочен своими делами. А Калтай ругал Сафуана, который сам себя выдвинул на премию и сам о себе хлопочет, танком прет. «А он такой же переводчик, как я композитор», – говорит Калтай... Так что с премиями все неясно. Ясно только, что Магауин и Фариза в окончательном списке.

23 марта

В Союзе горячо обсуждают кандидатуры на премию. Я прошел русскую секцию и Совет ветеранов. Против меня оказался Әлжеке А. Моя вина: я перевожу Нурпеисова. А тот в опале. Значит, ату заодно и Бельгера! Сугубо казахская логика. Но когда вывалили на стол мои переводные книги, аксакалы благословили меня. Но, я думаю, все равно не дадут.

Был Феликс Бахчинян из Армении. Мило поговорили, вино попили. Привез он мне «Спартак» Хачатуряна и эстамп «Двин». Был он у Олжаса. «Я уже встретился и ещё буду встретить» – выразился он с армянским акцентом. Как-то мы хорошо сошлись ещё с Еревана.

28 марта

В СП узнал, что мою кандидатуру провалили. Премию за перевод дали Сафуану – за перевод, выполненный 20 лет назад. У меня такое ощущение, что меня с легкостью обманули, предали. Самое обидное, что я-то точно знал, что мне ничего не светит, но как последний дурак до последнего на что-то надеялся. Вот тебе! Так тебе и надо!.. Все, конечно, пройдет, но сегодня грызет меня обида. Олжас, видно, это почувствовал. И во время чествования «ҚӘ» (50 лет со дня основания) сказал обо мне с пафосом: «кто он, немецкий, казахский, русский... советский писатель!» И под аплодисменты (а зал действительно тепло отозвался) пригласил меня на сцену в президиум.

Да-а, нехорошо обошлись со мной, непорядочно. Впрочем, кому мне жаловаться? Я даже не имею права обижаться.

30 марта

Утром в 8.25 (т.е. в 5.25 Москвы) позвонил из гостиницы Әбе. По голосу чую: не очень ему хорошо. В Сенегал его не пустили. Почему – не ясно. Что-то не сработало. Рукопись он сдал в «ДН». «Не бар?» – спрашивает. Я рассказал про премиальный провал в Союзе писателей. Судя по всему, провалили и Фаризу. «В нынешней ситуации по-другому и быть не может», – изрек Әбе. Я понял: он намекает на Олжаса. Во всем видит его происки. Я так не думаю. По крайней мере, по отношению к себе. «Өзің не істеп отырсың?» «Работаю над своей книгой». «Вот это правильно».

«Литературное обозрение» во втором номере мою статью не дало, хотя и обещали... Видно, наступила полоса невезения.

5 апреля

Дождь. Ветер. Уши заложены. Сердце давит. Явно перерабатываю. Вчера отстучал на машинке аж 17 стр. Для меня это много.

От Кошута письмо: приезжает с К.Линкс в А-Ату 18 апреля 1984 г. Позвонил Абишу. Он, конечно, рад, но в квартире ремонт. Однако надеется, что к 18-му закончат. Он знает, что меня с премией провалили. «Сутки ругал казахов», – сказал я. «Я тоже», – ответил Абиш. Ну, поругали и ладно. Чего обижаться? Всему свое время.

7 апреля

Закончил перевод рассказа Д.Д. Гулял с Әбе часа три. Оказывается, он в Москве зря не сидел. Был у Маркова, у Белова, у Чернова, Афанасьева, говорил с Расулом, Дудиным, Мустаем, Бондаревым, дружбинцами. Словом, приехал в добром расположении.

12 апреля

Мало было разных напастей, так ещё почечные колики обрушились. «Скорая». Уколы. Давление 170/100. Пока «роды» не пройдут, буду мучиться. Работаю через силу.

22 апреля

Гости из ГДР – Кошут и Линкс. Были они накануне в Узун-Агаче, и, видно перегрузились. Особенно кисл был Кошут. Линкс держалась бодро. Потом заехали Абиш, Клара, Сауле. Стало оживленней, веселее. Пока гости съездили на базар, мы посидели и поговорили с Кекильбаевыми. Потом они гостей забрали к себе, и мы тепло простились.

27 апреля

Ещё одна пакость: я тут корплю над книгой, работаю, аки зверь, хочу через месяц сдать рукопись, а её взяли да изъяли из темплана. И неизвестно, какой пакостник это сделал. И почему? И кому мне жаловаться?

29 апреля

Посетил книжный магазин. С тоской взирал на штабеля казахских книг. Годами лежат. Редко кто их берет. Странно! А издательства все выпускают, выпускают... Читаю «Дефицит» Щеголихина. Все приметы современного общества.

2 мая

Сын Абиша, Әулет, занес «Мартовский снег» в моем переводе и сообщил новость: 29.04 после обеда Әбіш назначен зам. министром культуры по памятникам старины. Таким образом, думаю, Абиша отстранили от живого дела. В литературном мире влияние его снизилось. Выходит, друзей моих бьют по всем параметрам.

Настрой пакостный.

3 мая

Вечером позвонил Старков: мою статью о «Фаусте» пустили в № 7. А Нурпеисова намеревались дать вместе с моей статьей в №8. Но Әбе вспылил, позвонил Ларину, сказал: «Не хитри!» и потребовал вернуть и отрывок (100 стр.) из романа и даже не печатать мою статью о нем. Гордость Әбе отразилась ощутимо на моих и без того скудных финансах... Сплошь невезение.

14 мая

Поездка в издательство прошла удачно. Принял Абильмажин, полистал мою рукопись, прочел «От автора», вызвал Егорова, распорядился поставить рукопись в план 1985 года.

Обрадованный, вернулся домой, позвонил отцу, и он сообщил печальную весть: 12-го умер от приступа астмы мой старший двоюродный брат Андрей (Хайнрих) Андреевич (сын моего дяди Хайнриха) Бельгер. Похоронили его 13-го, в воскресенье. Отец выразился так: «Было человек 200-250, семи национальностей. Мероприятие проведено хорошо. Я остался доволен».

Тоже мне «мероприятие»...

15 мая

Позвонил из Москвы Вормсбехер. Заезд в Москву 27-го. Совещание 28-31 мая. Из А-Аты летим Генке, Нора, Эльза, я, Костя, Лейс.

22 мая

Знакомая дама З. сообщила, что Әбе собирается вернуться из Москвы в конце недели. Настроение у него якобы плохое и к тому же очень устал. «Огонек» дает отрывок в трех номерах. А вот вопрос с публикацией в «ДН» решается якобы сегодня.

...Вечером позвонила Ажар: «ДН» дает роман только в сокращении. Но сокращение Хотимского Әбе не по нутру. И он обещал сам сократить рукопись и представить сокращенный вариант в конце июня. Это значит, что весь июнь Әбе будет меня нещадно теребить. Плохо!

25 мая

Состояние кислое. Устал. Сердцебиение. Изработался. Звонил из Москвы Әбе. Возвращается во вторник. От редактора отказался. Сам редактирует. «ДН» якобы ставит роман в № 12. Но для этого надо рукопись непременно сдать в июне. Әбе зондирует «Молодую гвардию». Если бы сей журнал пустил бы роман раньше, Әбе решительно забрал бы рукопись из «ДН». Чувствую, с этим романом мороки будет много.

23 мая

Әбе собирается лететь назад только в субботу.

С превеликим удовольствием смотрел передачу о Н.К. Рерихе. Господи, какие бывают человеческие экземпляры! Поразительно!

4 июня

Вернулся из Москвы 2-го в 12 ночи. Трижды ночевал у Ирины, а три ночи в гост. «Москва» вместе с Крамером. Сделал два доклада и вел совещание на третий день. Об уровне нашего совещания невысокого мнения. Заурядно, серо.

9-го уже должен лететь в Костанай на юбилей Майлина. Как всегда хватает за горло Әбе: надо вместе с ним сокращать роман.

5 июня

Вечером был на чествовании И. Джансугурова в Русском драмтеатре. Сидел в Президиуме. Устал жутко.

11 июня

Утром в 9.30 прибыл из Костаная. Хорошие впечатления. Главное: а) хорошие люди, б) толковые партийно-советские работники.

Встретили нас Багила, Демин А.В. (зав. отд. пропаганды) с хлебом-солью, с девицами в национальных одеждах, с цветами, с машинами прямо у трапа. В гост. облисполкома Демин дал ужин. К нам присоединились Гафу с женой, Кеншилик и Жумагали Исмагулов... Наутро, после обильного завтрака, состоялась встреча в двух редакциях областных газет. Там я выступил о проблемах перевода Майлина. Калтай и Черноголовина решили: хорошо.

После обеда повезли в клуб «Юность». Там нас приняли М.Р. Сагдиев, В.П. Демиденко, Михайлов (секретарь горкома) – все рослые, видные, крепкие мужики.

После торжества нас привезли в резиденцию Демиденко. Три часа он беседовал с нами, щедро поил и угощал: каждые 15 минут меняли блюда. Предоставили и мне слово, и я, кажется, сказал что-то вразумительное. Во всяком случае, приняли хорошо. Демиденко, огромный детина, встал, подошел, налил полный стакан водки и заставил-таки выпить на брудершафт. Потом секретарь горкома отвез нас в гостиницу. И хорошо! А то бы ещё один брудершафт – и мог бы получиться конфуз.

На следующее утро повезли нас в Тарановский район. Принял нас секретарь райкома, все что-то объяснял, показывал. Возложили цветы к памятнику Ленина. Опять угощение, после чего покатили в совхоз им. Б. Майлина. Там на опушке леса поставили юрты, народу собралась уйма. На питье-застолье я смотреть после вчерашних брудершафтов уже не мог, ходил как неприкаянный по лесочку, любовался природой, дышал вольным степным воздухом. Из гостевой юрты доносились голоса Гафу, Калтая, Кеншилика. Жигиты, чувствовалось, были в хорошем настроении. Боюсь, некоторые даже забыли, куда и зачем они приехали. В 10-м часу вечера нас, наконец, повезли назад, и по пути через городок Рудный я оставил один из подарков сестре Виктории, но ее дома не застал.

Выступили ещё в районном клубе и встретили радушно. Демиденко вручил каждому по подарку. Вылетели ночью и в 9 утра были в Алма-Ате. Все бы хорошо, но чтобы выдержать казахский той, нужно богатырское здоровье.

16 июня

Вечером позвонил Әбе: а что, дескать, если первую часть романа показать Жоре (переводчику Ахтанова). Может, словечко-другое добавит и то польза. Я поразился: как с писаной торбой носится со своим романом. Ну что с того, если какой-то Жора добавит пару-другую слов? Роман выиграет? Неужели каким-нибудь словечком можно улучшить роман? Неужели прав Анатолий Ким, сказавший мне: «Ему, между нами говоря, не переводчик нужен...» Конечно, роману нужна свежая кровь, чтобы попытаться оживить, по выражению Аскара, «мертворожденное дитя».

Простодушная З. выразилась на днях так: «И чего марает? Роман все равно нечитабельный». Боюсь, эта дама права...

19 июня

Әбе направляют в Караганду, и он должен говорить речь, которую мне предстоит просмотреть. Калтай едет на юбилей Джансугурова и Кенена, должен тоже говорить речь и просит ее перевести на русский язык. Так что скучать некогда.

22 июня

43 года назад... «Ровно в четыре часа»...

В этот день в Бресте погиб и Раин отец, мой тесть...

С Әбе съездил в СП, оттуда – в аэропорт – встречать гостей из Москвы. Собрались многие из литературных и руководящих чиновников. Встретили. На машине Әбе привезли в гостиницу И. Снегову, Л. Щипахину, Р. Вебера. С Робертом в одном номере оказался критик Вл. Бондаренко. Познакомились, поговорили. Роберта я повел к себе, и он побыл у нас до 12 ночи.

23 июня

Вечером по ТВ смотрел и слушал Олжаса – запись выступления в Останкино. Молодец! Никто другой из казахстанских литераторов на такое не способен. Амбиция есть у многих, а способностей на грош. Казаться могут многие, а быть – ни-ни.

6 июля

Встал в 6, а в 7 уже был у Әбе. Чем-то он был радостно возбужден. Порассказал новости: Калтай будет I секретарем Союза кинематографии, Саин – вторым секретарем Союза писателей Казахстана.

Встретил Әбе Ташлы Курбанова, и тот сказал: «Начальство тобой недовольно от того, что не был на торжествах Кенена. Пиши свои книги, зачем тебе тягаться с Олжасом, первым секретарем тебя все равно не поставят...»

По словам Ташлы, Әбе вскоре дадут Героя... Ах, вон оно что! Думаю, ошибается Ташлы. Услышал звон, да не знает, откуда он. Без благословения нашего руководства... вряд ли. Хотя звание Героя очень не помешало бы Әбе. А то что-то все кисло.

10 июля

Вечером узнал новость: директором «Жазушы» стал Саин, а Абильмажина посадили в Книжную палату. Днем раньше он подписал мне договор на перевод «Долга». Получается, Әбе потерял ещё одну опору: ведь Абильмажин к нему всегда благоволил. У Саина же отношение будет другое.

11 июля

Съездил в издательство и узнал с досадой: Абильмажин договор подписать уже не успел, а Саин – ещё не успел. Значит, все вилами на воде написано.

12 июля

Сколько раз я пытался прочитать всего Достоевского. Не могу. Конечно, я имею о его творчестве представление, основные его произведения читал в разные годы. Особенно много читал о нем. И все же не тянет. Более того, отталкивает. В чем дело? Вероятно, в том, что он слишком русский, агрессивно-воинственно-нетерпимо-несносно русский. А слишком русский, слишком казахский, слишком немецкий мне претит. Слишком национальное всегда на грани шовинизма. А это ограниченность, убожество. В моем понимании, конечно. Мне неприятно, когда кто-нибудь назойливо выпячивает свое национальное. Есть в этом что-то постыдное. А вот Гете и Абай очень национальны и между тем, и это главное, общечеловечны. Что не общечеловечно, то и не национально.

14 июля

Вечером из Ташкента позвонила Роза. У Альмы родился сын. 3800. Значит, появился у меня ещё один племянник.

Вернулся из Москвы Әбе. Не очень веселые новости. Радуется тому, что хоть в «Огоньке» дали кусочек романа... Дукенбай и Еслям стали сегодня консультантами СП. А вместо Саина посадили секретарем Туманбая.

31 августа

Давно вернулся из Ташкента и с головой окунулся в текущие дела.

Звонил Әбе: он, оказывается, загремел в больницу с правосторонней пневмонией.

6 сентября

Н. Гарифуллиной отнес статью «В многоголосице единого хора». И закончил большую статью на казахском. Часа четыре был у Әбе. Общее состояние его неважное. Вечером опять поднялась температура. Получил он приглашение из Москвы на 50-летие СП СССР.

31 августа

В Ташкенте, у родителей, решительно принялся читать «Бесы» Достоевского. Не только читал – конспектировал. Очень острый, провидческий, актуальный роман. Но читал с превеликим трудом и напряжением. Мне упорно кажется он ужасно монотонным, многословным, нудным и неряшливым. Я могу читать о Достоевском (прочитал и Манна, и Карякина, и Волгина, и Косенко как раз накануне), а вот самого Федора Михайловича читать для меня – мука. За последние 20 лет я сделал много попыток основательно его штудировать. Но не тянет, ох, не тянет. Не мой писатель. Все его мировидение, духоустройство мне чужды.

15 сентября

Объявили четырех народных писателей – Мусрепова, Мустафина, Снегина и Т. Абдрахманову. Последняя вызывает недоумение. С какой стати, за какие заслуги – Народная. Уму непостижимо! Высокое звание сразу обесценили.

16 сентября

Позвонил Абильда Тажибаев и напомнил про мое обещание. Завтра завезет 5000 строк. Значит, придется внести коррективы в свои планы... Звонил Сейдахмет Б. Завтра в «Лениншил жас» выйдет моя статья о казахском языке.

5 октября

Приехал Әбе. Сообщил новость о предстоящем ноябрьском пленуме. Ему намекнули: «Жди!» По моей книге – отказ. Придется сходить в Комитет, а оттуда, возможно, – в ЦК. Сказали, что я должен выступить на Пленуме. Тут же набросил примерный текст.

6 октября

Нет, на Пленуме, выяснилось, я не выступаю. То был первый вариант – на тот случай, если Пленум продлится 3 часа. Теперь решили провести его за 1,5 часа, и, понятно, я попал под сокращение. Мне же легче.

11 октября

Вечером перед сном меня «ударило». Еле удержал равновесие. Потом дотащился до кухни, глотнул кефир, и тут опять шатнуло. Прислонился к стенке и боялся пошевельнутся. Весь облился потом. Позвал Раю, добрался до дивана. Страх пронзил меня, и я даже боялся закрыть глаза. Ой, плохо!

Было бы чертовски обидно в канун 50-летия сыграть в ящик.

23 октября

Всю неделю физически плохо. Левая рука немеет. Сердце каменеет. Холодная испарина. Моментами двигаться не могу.

Хочу работать через силу. И, как назло, много хлопот, встреч, суеты, возни. Поздравления с предстоящим 50-летием. Еле плетусь.

Сейдахмет сообщил, что на мою статью в «Лен. жас» о казахском языке («Сайланып шықса сырлы сөз») обратил внимание Кунаев и якобы навел справку обо мне. Может быть...

24 октября

Вчера было землетрясение. И ещё – Пленум ЦК КПСС. А я все бегаю по магазинам в хлопотах о своем юбилее. Были гости из Фрунзе. Привезли в подарок тушу овцы. Из «Ленинской смены» была Алипа. А давление вечером было 160/110. Для меня многовато.

27 октября

Вчера вечером объявили по радио по-русски и по-казахски о награждении меня Почетной Грамотой Каз. ССР. Были гости: Абиш, Клара, Оразбек, Шара, Дукенбай, Улдана, Еслям, Роза, Шайдулла, Соня, Ерик, Эра, Дастан, Райхан, Нора. Все было хорошо.

28 октября

Ну, вот и стукнуло мне 50. Были ещё гости – 12 человек. Все, конечно, хорошо, но утомительно.

31 октября

Вечером встретились Абильмажин и Калтай. Калтай поделился своими польскими впечатлениями. Рассказал об усадьбе Ивашкевича (жена была немкой).

1 ноября

В Президиуме Верховного Совета вручили мне Почетную грамоту, а в СП – приветственный адрес, подписанный Олжасом и коллективом писателей.

19 ноября

Весь день нехорошо: умер Геринг Яков Германович. Крупная фигура. Личность. Удар за ударом. А неделю назад скончался Бурбах Давид Вильгельмович. Хорошие люди уходят, не дожив до 60. Горько, горько...

23 ноября

Вечером слушал концерт Николая Гедды – солиста Стокгольмской королевской оперы. Потрясающе! Получил огромное удовольствие.

18 декабря

Дней десять мерзну отчаянно. А сегодня температура в квартире вообще опустилась до +6°. Попробуй работать в таких обстоятельствах. А работать приходится много: по 10-12 часов. Одних писем написал за эти дни наверняка сотню. Тажибаева закончил. За Джамбула принялся. А сколько встреч – жуть!

24 декабря

Маме сегодня 74. Поговорил, поздравил. А морозы стоят отменные. Сегодня аж –24°. Ух-х!.. Надежд на тепло нет. Город лихорадит.

По моим «Горным вершинам» Слава Черных задумал спектакль. Не знаю, что получится.

29 декабря

Всю ночь преследовали меня кладбищенские мотивы. Прямо-таки места себе не находил. Наваждение какое-то. Душа корчилась. И я понял: в Ташкенте явные нелады. Позвонил. У Розы резко упал гемоглобин и поднялась температура. Мама упала и сильно ушибла ногу. Еле чикиляет. Альма ушибла руку и ходит в лангете. Артур с бронхитом. Отец только что оклемался после гриппа. Везде плохо. И я ничем помочь не могу. А на носу Новый год. Что-то много невезений...

1985

13 января

«Шелковый путь» Д.Д. выходит в ГДР. О том сообщил Лео Кошут. По просьбе Әбе написал письмо Маргит Бройер.

У Әбе вышел двухтомник. Читаю «Белку» Ан. Кима. Очень своеобразная вещь. По поводу своих «Мотивов» поговорил с Ермаченковым. Закончил, наконец, Джамбула. Ненавижу делать подстрочные переводы. Что-то срочно надо делать для Казахской энциклопедии. Готовлю доклад для партсобрания. Тут ещё Альжеке хочет мне подсунуть свою «биесу».

10 февраля

Работаю над эссе «Гете и Абай». Думаю о строфике, подобрал примеры. Читаю «Елең-алаң» Абиша. Неужели я в состоянии перетолмачить эту махину? Физически чувствую себя мизерабельно. Надорвался. Давление. Сердцебиение. О «Heimatliche Weiten» написал в «ЛГ» П.Топер.

19 февраля

Позвонили из госархива: «Вы останетесь в истории. Сдавайте в архив ваши бумаги, документы, рукописи».

После обеда съездил с Әбе в издательства. Обошли и «Жазушы», и «Жалын». Много всяких дел переделали. В «Жазушы» подписал два договора: на перевод Абиша (по 220 р. за лист) и на «Мотивы» (13 п.л. – первое издание, 5 листов – второе издание). В

«Жалыне» оставил заявку и аннотацию на рукопись «Гёте и Абай» на 1987 г. Решили заключить договор и на перевод абишевского романа «Елең-алаң» на 1988 год (без предварительной оплаты).

Был у Магауина. Поговорили кое о чем весьма доброжелательно.

В 1987 г. издадут роман Абиша «Уркер», в 1988 г. – «Елең-алаң». И ещё издают его двухтомник на казахском языке.

22 февраля

В 7 вечера позвонил Самат О.: умер Медеу Курманов. В последний раз, выходит, я его видел на заседании Общества советско-германской дружбы. Говорили с ним. Он подошел к нам – ко мне, Елеукенову и Исабаеву. На лице его была тень смерти. «Что похудел-то?» – спросил я. Он, мягко улыбнулся, сказал: «Гастрит... Обострение». Елеукенов заговорил о язве желудка, мы с Исабаевым – о гастрите. Давали дурацкие советы: «Пей кефир». И во время заседания – он сидел напротив – я замечал, как ему худо. Но он досидел до конца. Меня увлекли разговорами Елеукенов и Аширов, и мы с Медеубаем больше не виделись.

Ужасно. Горько. Сколько мы встречались, беседовали! Он был мне очень близок.

23 февраля

Всю ночь маялся. Медеу не выходил из головы. Просыпался много раз. Сердце кусало. На рассвете приснилось мне, будто у меня инфаркт.

Съездил в дом Медеубая. Выразил соболезнование. Говорил с его женой – Куляш Байсеиховной. Встретил Самойленко. Говорили о делах в СП. Все в мрачном свете.

Были Әбе и Ажар. У Әбе хорошие новости: в Москве выходит 3-томник. И – «Долг». Издадут и в «роман-газете». Подстрочник Джамбула приняли хорошо. Один рассказ Абиша пойдет в «Юность», одна повесть – в «ДН» (но не в моем переводе).

Часа два читал Бехера (о Гёте).

25 февраля

Звонила Альма: умерла тетя Гермина, отцова сестра. Было их семеро сестер и братьев. Остался из них в живых Карл Бельгер – мой отец. Умерла тетя Гермина в возрасте 78 лет в Баян-ауле. Я дожив до 50 лет, ни разу ее в жизни так и не увидел.

...Хоронили сегодня Медеубая. С Калмуханом поехали и на вынос тела, и на кладбище. Крутой подъем, снег. Еле дотащился. Народу было много. Вернулся убитый. И тотчас отправился на почту – дать телеграмму-соболезнование в Баян-аул.

27 февраля

Все. Ухайдакался. Давление – аж мозги крутит. Сердце в горле. Лежу пластом. Что-то долго нет вестей от Дебольского. Неужели и у него нелады? Все же через силу отшлепал семь страниц и прочел 25 стр. Абиша. Больше ни на что не способен.

1 марта

Объявили о смерти Черненко – Кучера. На редкость невзрачная и несимпатичная была личность. Бедняга, куда лез? Такой жалкий, и так цеплялся за власть. В некрологе он назван патриотом и интернационалистом. Других определений не нашли... Пленум избрал генсеком М.С. Горбачева (по крайней мере, молодой, энергичный, активный).

22 марта

С утра дурацкая стычка с Нурпеисовым. Он бесцеремонно настаивал на том, чтобы я срочно бросил все дела и принялся за перевод его очерка. Когда я объяснил, что сейчас это невозможно, он с угрозой в голосе заявил, что это, мол, «демонстрация против него», что я «заделался важной птицей» и т.д. Тон взял такой, будто я его малай. Тогда я сказал, что со мной так разговаривать нельзя, что он не комендант, а я уже не спецпереселенец. И успел швырнуть трубку раньше него. Но меня он возбудил, и я с усилием перевел всего три страницы.

Из ГДР приятная весть: «Sonntag» опубликовал отрывок из моей повести.

Давление 170/100. Вызывали «Скорую».

Закончил перевод романа Реймгена.

Таким образом, перевел 12 романов.

2 апреля

Пленум СП по критике. Были дельные выступления. «Твой получился пленум», – поздравляли меня многие, намекая на то, что меня похвалил докладчик Сағат и упоминали Бадиков, Беркаир, ещё кто-то. Марала отправили в «Мектеп». В СП вновь перетащили Ануара.

14 апреля

Дождь. Похолодало. Перевел 56 строк Абая. Ох, и труден старик! Никак не лезет в русские ворота...

В обед еле дозвонился до Ташкента. Отец на дежурстве, трубку взяла мама. Разговор получился такой.

– Mama, Christos woskres!

– Aha! hall dich von hinne fest!

– Na, wie geht's?

– Wie soll es gehn... Dr Papa ist krank, awr net arch.

– Ja, was ist Los?

– Dr hat's in Beim, hait is er in deshurstwo.

– Aber du? Bist woll auch nicht gesund?

– Nein, ich huste krat so... tu krebbl g'bake. Mir farn jetz zu die Swacha. Die Rosa kriegt immer noch Pereliwanije.

– Ist es schlimm?

– No, ja, konetschno... Sie ist ganz tärr, und Laib hot se wie eine Beremenni von vier Monat. Ist Raja in Frunse, dann komm zu uns... Andrej Wälz kännst du noch? Mir waren bei Beerdigung...

Грустно...

29 апреля

На редкость дурацкий объединенный пленум творческих союзов. Дежурные слова. И каждый выступающий посчитал нужным делать реверансы в сторону Кунаева, как во времена Брежнева. Сам Кунаев ликовал, улыбался, безумолку разговаривал с Назарбаевым. Видно, все ему очень нравилось. Начал эту комедь Олжас, подложив подряд несколько подушек под зад правителю. Всё это было ужасно тягостно... Хорошо, что кончили к часу дня.

12 мая

Давнее правило: если не пишется – читай. Вот и читал весь день казахских поэтов XVIII века, потом переписку Шкловского, Тынянова, Эйхенбаума. Господи, какие же были люди! Титаны! А мы – мелюзга... чего-то копошимся, суетимся...

Трижды бегал в магазин за кефиром. Не достал! Кефир – не водка. Нет кефира, а водка есть, стоит, несмотря на постановления партии.

21 мая

Понаехали московские трепачи-краснобаи. Весь день говорильня: расширенный пленум – «Школьная реформа и детская литература». Ничего конкретного, разумного. Приезжие ораторы несли такую чушь, что многие не выдержали, ушли.

23 мая

Позвонил Вормсбехер. Он не одобряет мои казахские склонности. «Пора тебе за дело взяться. До ноября сделай повесть стр. на 70-80. Надо, наконец, и для своего народа поработать. Я серьезно говорю. Ты будешь моим наместником по СНЛ в Алма-Ате».

Всюду я должен, должен, должен...

31 мая

По словам Калтая, Олжас метит в академики. Якобы Кунаев-старший дал распоряжение Кунаеву-младшему провернуть это дело. Калтай это преподнес как нахальство со стороны Олжаса. А я подумал: почему бы нет? Чем Олжас хуже наших доморощенных академиков?

Перетолмачил 100 строк Туманбая. Все-таки локальная, сугубо казахская поэзия. По-русски звучит шаблонно и заурядно. Горизонт видения явно сужен.

Заседал в приемной комиссии. Сходу приняли аж 28 новых членов в СП. Даешь количество! Приняли Ардак, Эльзу, Фариду Ж., Орынбая. Это наиболее достойные.

Читаю Федорова «Искусство перевода» и Г.Гессе.

6 июня

Был Кадыр М. Взял монографию Ф.П.Шиллера «Генрих Гейне». Рассказал такой случай: поручила ему «Художественная литература» сделать выборку из Касыма Аманжолова. И Кадыр из четырех томов еле-еле выбрал две тысяч строк. То же и у меня: из 18 тыс. строк Туманбая я не знаю, как выбрать одну тысячу.

ДУБУЛТИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

12 июня. Здесь второй раз. Разрыв пять лет. Первое впечатление: все то же, только более обветшало. Заглянул в библиотеку, взял Гете и Платонова. Соседки за столом – пожилая пара. Вечером встретил Сакена Ж. с женой Мариной и тремя детьми. Значит, алматинцев нас семеро. Погода: то солнышко, то дождь.

13 июня. Соседа по столу зовут Иосиф Матвеевич Альбирт. Пишет на идиш. Сразу же дал «Москву» с рецензией на его книгу и сборничек «Искры». Словоохотливый дряхлый старец. Жена – разбитная русская бабенка лет на двадцать моложе. В глазах прыгают бесята. Антонина Васильевна.

Читал «Такыр». Повесть написана в год моего рождения, а я ее впервые читаю на берегу рижского залива.

Казахи говорят «шөктіру», у Платонова «снизили лошадей». Впервые встречаю.

15 июня. Любопытно, что у еврейского поэта Иосифа Альбирта (он пишет на иврите и идише) есть стихотворение «Золотой кубок» (пер. М.Светлова), написанное в форме рифмовки – ааба.

Есть на свете кубок золотой,
Доверху наполненный мечтой,
Древний кубок прадедов моих
С влагою весенней и хмельной.

«Да, – сказал Альбирт за столом, – такая форма в еврейской поэзии есть. И Светлов точно ее воспроизвел. Он знал идиш. А Маршак знал и иврит. Мы с Самуилом Яковлевичем беседовали на иврите свободно»... Вечером Альбирт принес ещё свои басни. «Даю на два часа». И рассказал с увлечением о неком философе «номер один», «двигающем науку после Маркса и Энгельса», «очень смелом, никому не подчиняющемся». Зовут этого философа Миллер-Иринин. У нас не печатается, а за рубежом, мол, известен. Его труды: «Этика», «Пушкин и этика», «Ленин и этика». Старец Иосиф аж захлебывается: «Фанатик философии! Гений! Мыслитель!.. Сосед!»

16 июня. Вечером смотрел глупейший фильм «Господин Великий Новгород». Прямолинейный, дуболомный, претенциозный, топорно-патриотический, весь надуманный, алогичный. В зале смеялись: «Как в кино». Досадно, что в фильме играет писатель Дмитрий Балашов. Играет неумело, говорит плоские сентенции. Муть!

...А море все ревет. Тучи – пушками не пробьешь. Мрак и мгла. Ветер пронизывает насквозь. Читаю Гете. С удовольствием. Делаю подстрочники Туманбая. С неудовольствием.

20 июня. В который раз проштудировал «Восточно-западный диван». Сделал много выписок. Принялся за «Поэзию и правду». Жаль: немецкого текста в библиотеке нет. 10-томник Гете на русском... В перерыве от стихов Туманбая прочел (в который раз) «Господин из Сан-Франциско». Дивная проза! Русская проза тем и хороша, что она ясна, чиста, проста и светла. И человечна. Все вычурное – нерусское. Русское – это Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Чехов, Бунин.

24 июня. Полдня погулял по старой Риге. Послушали органную музыку в Домском соборе. Чудо! Выходишь очищенный, взволнованный. А тут ещё солнце. Прелесть!

Рылся в библиотеке. Гафиза не нашел. И вообще ничего философского по Востоку.

25 июня. С некоторых пор старец Иосиф на меня дуется. Ему не по душе, что жена его смеется над моими глупыми шутками. «Чего смеешься, хохочешь, как дура! – накинулся он на Антонину. – Он же не Райкин!» Приходится помалкивать. А бред старика мне надоел.

Сегодня поговорил с Маро Маркарян. И поэтесса известная, и женщина интересная. Она мать Анаит Баяндур, с которой знаком давно. Она дивно переводит Гранта Матевосяна, а мне его проза очень нравится.

28 июня. Вечером съездил в Булдури к Освальду Пладерсу. Он немецкоязычный поэт, полунемец, полулатыш. Дом старый, ветхий. На ремонт средств нет. В 25-30 гг. Освальд Карлович учился в Германии, изучал медицину. Бросил. Работал в книжном магазине. Преподавал в школах немецкий язык. Пишет короткие стихи. «Так что гонорар маленький». Выступает в Дзинтари, в Иене. Увлекается музыкой, живописью. Большое увлечение – Рильке. Кое-что из его немецких стихов переведено на латышский. Родился в Булдури. Здесь и закончит жизнь. Сейчас стар, дряхл. «Освальд ничего уже не может», – сказала его жена, Александра Александровна, русская с балтийским акцентом. «Да, да, – сокрушенно подтвердил Пладерс. – Ничего уже не могу».

Пока я был в Булдури, Рая съездила в Шауляй.

29 июня. Утром встретил двух развеселых русских бабенок – Людмилу Даниловну и Антонину Васильевну. Со мной они очень доверительны. «Что вам так весело?» – спрашиваю. Они и объяснили: «Пошли на базар, купили капустку, нашинковали, натерли ее...» И опять хи-хи-хи, ха-ха-ха. «Ну, и что?» «А чтобы наши евреи хорошо срали». Вот шельмы! У одной муж – Лев Израилевич Лондон, у другой – Иосиф Альбирт. И обе лет на двадцать моложе мужей. И, видно, отменно дурят их.

1 июля. Приятная новость: турнули ленинградского вельможу Романова. Очень неприятная личность. Отталкивающая. Шеварднадзе избрали в Политбюро. Ельцин и Зайков стали секретарями ЦК. Хочется надеяться на новые веяния. Дружки Брежнева скомпрометировали себя в народе.

Делаю выписки из «Шеллинга».

3 июля. Ночью прибыл из Москвы Роллан Сейсенбаев. И уже утром отправился в Каунас. Рая – тоже. Я не решился.

Прочитал великолепную статью «Волшебная сказка и сказочники» Ю.Нагибина (мне нравится его проза и публицистика). Прекрасные сведения о природе сказок, о сказочниках Гофмане, братьях Гримм, Ш. Перро, В. Гауфе, Х.-К. Андерсене, Сельме Лагерлёф.

«А молодой человек Вильгельм Гауф... работал денно и нощно и оставил после себя два романа, трехтомную историческую эпопею «Лихтенштейн», множество лирических стихотворений и наконец – сказки, которыми зачитывался весь мир ("Маленький Мук", "Калиф-аист", "Карлик нос")».

Всего двадцать пять лет жизни было ему отпущено.

А вот этого я не знал: Сельма Лагерлёф была прикована к постели детским параличом. Но она осилила недуг, получила образование и стала учительницей.

Роман ее «Иеста Берлинг» надолго околдовал весь читающий мир. Она написала ещё много романов, получила Нобелевскую премию. Особенно популярна ее детская книжка «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».

И об Алане Маршалле много узнал. Его тоже разбил детский паралич, но он превозмог все. Прожил за 80. «Блистательная победа над плотью», – пишет Ю. Нагибин.

4 июля. Сакен и я калякали с татарским поэтом Нури Арслановым. До 1928 г. жил в Кокшетау, Петропавловске, Кереку, Каркаралинске. Знавал С. Сейфуллина. Прилично говорит по-казахски, хотя то и дело переходит на русский. Ему 74 года.

Беседовал долго с Маро Маркарян. Рассказывала о 1946 годе, о том, как и их ругали, выискивая среди них Ахматову и Зощенко («А я в то время Ахматову и не читала, имела одну лишь тоненькую книжку»). Сильва и Эмин быстро перестроились, стали писать политические песни, славить русский язык и народ, а она, Маро, тоже пыталась, но получалось плохо, и Демирчян сказал: «Маро, это тебе чуждо, пиши так, как умеешь». Маро говорит, что если писатель начинает писать, думая, прежде всего, о своей выгоде, он погиб, он кончился. Что-нибудь путное можно создать лишь тогда, когда хочешь отдавать.

С Маро Маркарян приятно беседовать. Она просит меня называть ее просто «Маро»... Часа два гулял с ней по берегу. Она рассказывала о своей поездке в Америку к армянам. Там могучая армянская диаспора. Встретили ее хорошо. «Мало, Герольд, осталось сил и времени. Надо работать. Женщине всегда приходится тратить много сил на семью». О поэзии рассуждала высоко. «Надо быть искренним во всем».

Вечером Сакен пригласил нас и Роллана в свой номер, устроил проводы. Пили шампанское, водку и болтали обо всем на свете.

* * *

8 июля

В «Қазақ әдебиеті» на трех полосах дали мою статью «Гете мен Абай». Конец ужали на 2 страницы. Но, в общем, хорошо. Есть уже теплые отзывы. В ответ на предыдущую мою статью «Асылға абай болайық» написал толковую статью Каюм Мухамедханов.

4 августа

Две недели был в Ташкенте. Написал там три заметки, перевел два рассказа Кажыгалия, много читал, написал десятки писем, съездил с отцом к И.И. Фрезе.

По приезду был в гостях у Абиша. Там познакомился и весь вечер проговорил с венгерским кипчаком Иштваном Конуром. Очень приятное произвел впечатление. И жена, Айша (гурьевская казашка), весьма симпатичная, контактная особа.

Вышел абишевский сборник «Мартовский снег» в моем переводе.

Әбе прилетел из Гурьева. Поездкой доволен. «Теперь сяду за работу».

13 августа

Было партсобрание, нудное, бесполезное – творческий отчет Мусрепова. Потащили 83-летнего старика на трибуну, а его и не видно. Подняли его на табурет, и Габеке, трясясь поджилками, говорил старческие банальности. А народу собрали много.

Из ЦК потребовали данные о литературе и культуре казахских немцев за подписью Олжаса. Тот поручил Калдарбеку, Калдарбек – Кривощекову, Кривощеков – понятно, мне. Получилось как в казахской поговорке: бай приказал батраку, батрак – собаке, собака – своему хвосту. Что мне остается? Написал. Отнес.

Вечером встретился с Ади Шариповым. Много говорили о правонарушениях наших республиканских руководителей. Адеке, конечно, старый волк: многое знает.

18 августа

Поздравил отца с днем рождения. Роза еще в больнице. Неважно, говорит.

До полночи читал Гафиза. Даже в переводе чувствуется, что он мощен и сладкозвучен. Читал немного и Фирдоуси. А Ирина привезла из Фрунзе «Манаса».

25 августа

Проводили Ирину. Сижу в растерянности и на распутье. Устал и болен. Что делать? То ли готовиться к «круглому столу», то ли анализировать «Простор», то ли посидеть над своим рассказом, то ли помудрить над книжкой «Гете и Абай», то ли переводить Оразбека, то ли Абиша, то ли готовить выступление по ТВ – черт знает, слишком много дел... В полвторого ночи позвонила Ирина: «Долетела с комфортом».

6 сентября

До обеда – Пленум СПК. Сняли Ануара и опять поставили Калаубека. Не нравится обстановка в СП. Неразбериха, разнобой.

Рассказ мой разрастается. Сегодня накатал 62-ю страницу. Боюсь: нечто неудобоваримое. Отложу-ка в ящик, пусть поспеет. Там видно будет, что делать с этим фруктом.

Горбачев был в Целинограде.

9 сентября

Знакомился с отзывами ГДР-овской печати об Абише. Немного гуляли с Әбе. Он явно взбаламучен. Напросился к Аухадиеву и Камалиденову. Вечно у Әбе какие-то дела у начальства. Оно его притягивает, как магнит. Ещё собирается на ярмарку.

В «Правде» острое стихотворение Евг. Евтушенко «Какбычего-невышлисты».

13 сентября

С утра ошарашила Виктория: в Кишиневе скончался Иоганн Бельгер, мой двоюродный брат. Печально... Из всех двоюродных братьев я с ним был ближе всего. И в Костанае у него бывал, и он у меня гостил не однажды. Знавал я его ещё до войны.

Звонил в Ташкент. Роза в больнице. Совсем худо. «Все болеем», – говорит Альма.

Сплю плохо. Снятся кошмары.

17 сентября

Запись на ТВ с Абишем. Он выступал блистательно. Потом мы были все у него в гостях – Абильмажин, Шерхан, Фариза, Нурлан, Оразбек, Смагул, Есенжол, я. Дивный получился вечер. Семья эта меня поражает. И Клара, и Абиш, и – особенно – бабушка. Ай, умница! Мудрая, деликатная, тактичная. Поразительная мать! А как говорит, как держится! Олицетворение мудрости, материнства, степной ментальности. Вообще вечер меня взволновал. Добрая, высокая аура.

22 сентября

Опять приглашают в Германию на Kollegium zum Deutschunterricht und Unterricht in deutscher Sprache bei den deutschen Bevölkerngsgruppen im Ausland. Von 7 bis 10 November... Увы, не моя компетенция. И я в эту программу плохо вписываюсь.

26 сентября

С 9 до 18 ч. просидел в Доме ученых на конференции МАЛК – Международная Ассоциация литературных критиков. Были кое-какие интересные выступления. А, в общем, утомительно. Поговорили с П. Топером и Р. Мустафиным – давними знакомыми. По словам Ажар, Әбе был у Зимянина и выехал в ГДР.

Сняли Б. Ашимова и поставили Саламата Мукашева.

3 октября

Прибыл Әбе. Многое успел провернуть. Был у Зимянина и Чебрикова. И от поездки в Берлин хорошие впечатления. Романом его якобы заинтересовались пять стран. И у нас выйдет в «СП», «МГ», приложении к «ДН», в «Жалыне».

6 октября

Роза снова в больнице. Совсем худо. «Пропащее дело», – упавшим голосом сказал отец. И я помертвел. Как это ужасно!

12 октября

Мрак и мгла. Морось. Сырь. Снежит... Должен был быть праздник книги. Съездили с Әбе – никого и ничего. Звонил Абиш: моим выступлением по ТВ доволен. Әбе тоже считает, что выступил серьезно, спокойно, солидно. Абиш: «Продуманная, хорошо организованная речь». Отпечатал 12 страниц моей повести.

20 октября

Холодно. Назревает дождь. Давление. Весь квелый, кислый. Был у Әбе. Получил он от Кайсына Кулиева подборку стихов на балкарском. Одно стихотворение я перевел подстрочно, хотя и не все разобрал.

22 октября

Позвонили. Надо было встретить двух западных немцев. Эльза больна. Пошли мы с Норой и прокалякали с ними часа полтора. Одного зовут Лютц Лемман, другого, режиссера, так и не запомнил. Приехали снимать фильм о немцах Казахстана. Мне эти любопытствующие не по душе. Знаю, что мы им, в сущности, до лампочки.

30 октября

28-го вечером я с Эльзой У. вылетел с двухчасовым опозданием (заменили самолет) в Целиноград. Встретил Гассельбах, отвез в гост. «Ишим». 29-го до обеда прошло наше совещание (нем. литераторов Казахстана) в библиотеке им. Сакена Сейфуллина. Организовано все было прилично, и беседа получилась живой и нужной.

Потом были в гостях у Гасселя, побеседовали с Вайдманом в редакции, уже вечером зашли к Дебольскому, а проводили нас в гостиницу Кирилл и Ирина. Все очень мило, дружелюбно. Утром отвезли в аэропорт, и уже в 11 утра я был дома.

Позвонил Әбе. Он пожаловался: «Башка не варит». «То же и у меня, – ответил я. – Одни судороги».

10 ноября

Простуда. Давление. Написал вчерне письмо Горбачеву о немецких делах. Надо редактировать и переписать.

14 ноября

Позвонил Вайдман и сообщил, что оба моих материала пойдут. «Пиши ещё». А вечером позвонил Вормсбехер из Москвы. Очень тепло отозвался о моей повести. «Ты превзошел мои ожидания. Пиши, Герольд, пиши». Мне показалось, что он искренне рад, и этому я сам обрадовался.

Досмотрел фильм «Противостояние». Муть и глупость. Накрутил Юлиан (а, может, режиссер?) до омерзения.

20 ноября

Второй день пытаюсь переводить Абиша – не получается. Не могу оттолкнуться, не могу ощетиниться. И потому занимаюсь разными другими делами. Прочел по просьбе Әбе 19-ть писем Казакова. Ничего примечательного. Все мелкая житейская возня. Не для публикации.

22 ноября

Сходил с Әбе к Ахтанову. Он чем-то подавлен, раздосадован, раздражен, мрачен, взбаламучен.

Получил письмо-уведомление: мое письмо Горбачеву передано в общий отдел.

6 декабря

В СП встреча с гроссмейстером Владимировым Е.Ю., тренером Каспарова. Рассказал кое-что любопытное из шахматной жизни. Потом дал сеанс на 14 досках. Олжас и Канапьянов сыграли вничью. Остальные проиграли с треском. Я вообще сыграл на редкость глупо. Просмотрел заурядную «вилку». И Олжас с усмешкой заметил: «Давно пора сменить спарринг-партнера». Намек на Әбе. В этом конкретном факте он, конечно, прав. Мой шахматный спарринг-партнер никудышный.

Был Аскар. Вернул долг.

Читал письма Светланы Аллилуевой. Написал 18 новогодних открыток.

9 декабря

Звонили из обкома. Просили дать телеграмму в присяжный суд Крефельда, требуя суровой кары Отто – убийце Эрнста Тельмана.

Пленум ЦК КПК. Убрали Казыбаева и вернули Камалиденова. Троих выгнали из состава Бюро. Зашли с Әбе к Ахтанову. Очень он подавлен.

Умер Екей Кашаганов.

13 декабря

Вечером был в вечернем университете культуры. Мое выступление было принято хорошо. Много добрых слов. Понял, что университет культуры делает очень полезное дело. Его необходимо всячески поддержать. После лекции были в гостях Калмухана Исабаева – Бердыбаев, Мекемтас, Мырзабек, Молдияр, Есенгельды Жакупов, Аскарбек Кусаинов. Ели, пили и пели «Қараңғы түнде тау қалғып».

15 декабря

Весь день под бременем горя. Звонил в Ташкент. Альма и отец говорят, чтобы я вылетел раньше. У Розы уже аритмия. Со дня на день может уйти.

18 декабря

В 9.10 позвонила из Ташкента Альма. Уже по звонку я понял: беда. «Роза умерла... Отправила детей в школу и умерла», – сообщила Альма. Постараюсь сегодня же вылететь.

20 декабря. Ташкент

Похоронили Розу. Сражалась до последнего. Шесть лет боролась с неизлечимой хворью. Все мы ошеломлены, убиты ее кончиной. Невозможно смотреть на отца и маму без слез.

21 декабря

М. Зощенко: «Вот список великих людей, здоровье и долголетняя жизнь которых были организованы собственными руками: Кант – 81 год, Толстой – 82, Галилей – 79, Габбс – 92, Шеллинг – 80, Пифагор – 76, Сенека – 70, Гете – 82, Ньютон – 84, Фарадей – 77, Пастер – 74, Гарвей – 80, Дарвин – 73, Спенсер – 83, Смайлс – 90, Платон – 81, Сен-Симон – 80, Эдиссон – 82»... Роза наша ушла в 35 лет...

24 декабря

Накрапывает дождик. Сырь. Встал в 6.00 с тяжестью в затылке и звоном в ушах. Давление. По радио передавали о ряде изменений в руководстве Гурьевского обкома. Убрали Чайжунусова.

...Маме сегодня 75. Поздравили за завтраком. Горестный вышел маме юбилей. Увеличили ее пенсию на 7 рублей 20 копеек. «Это уже чувствуется, – говорит мама. – Два месяца и 14 рублей!» Грустно...

26 декабря

Отец вернулся с дежурства в райкоме, принес мне кипу газет, а также «Guten Tag» с несколькими портретами Генриха Бёлля.

160-летие декабрьского восстания. Хорошая статья Натана Эйдельмана в «Известиях» – «Один день и 160 лет». Там очень актуальная цитата из Лунина. Он, оказывается, писал: «Есть люди, которых довольно лишить должности, чтобы ввергнуть их в ничтожество, а есть и другие, которых приходится изгонять».

В «Веч. Ташкенте» от 25.12.85 статья «Певец степных кочевий» – об Абае. «В Ташкенте именем Абая названа улица, возникшая после землетрясения 1966 года между улицами 9-го января и Хуршида».

Сегодня 9 дней со дня кончины Розы. Много собрались народу у Бориса. Вечером проводили Эльму, т. Альму и Катю... Мама стала очень похожа на Гильду Анценгрубер. Такая же маленькая, сухая, щуплая. Видно, смерть Розы подбила ее сильно.

27 декабря

К обеду закончил сравнительное чтение переводов «Кыз Жибек», осуществленных Пеньковским и Канапьяновым. Главы-фрагменты, опубликованные в «Просторе», говорят в пользу перевода Бахытжана. Возможно, я о том где-нибудь напишу.

Внимательно читал Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагунского и делал выписки.

30 декабря

Встал ещё до 6-ти и к завтраку закончил свое выступление о Дебольском. Таким образом, за девять дней в Ташкенте я перевел рассказ Виктора Гейнца, подготовил выступление к итогам литгода, выступление к юбилею Дебольского, заготовил материал к статье о Пладерсе и о переводе «Кыз Жибек», написал десяток писем, просмотрел уйму книг, газет, журналов. Совсем неплохо!

Листал «Философские тетради» Ленина. Ленин делает такие замечания на полях философских книг разных авторов: «Вумный!», «Перл!», «Архипошляк этот Пленге. О – цена научная его книжонки», «NB!», «архипошляк», «много популярничанья», «прекрасно», «tres bien», «sehr gut», «швах», «Bien!», «Хе-хе!», «верно!», «метко!», «прелестно сказано!», «жалко боженьку!», «Идеалистическая сволочь!», «Остроумно и умно!», «попался идеалист!» Вообще Ленин выражался крепко и не церемонился.

31 декабря

Последний день года. Все задуманное здесь, в Ташкенте, я выполнил.

С утра написал два письма – Ваккер и Гейнцу.

Пришел из райкома отец, натащил уйму вкуснятины – лимоны, апельсины, коньяк, рыбу, мясо, куры, мармелад, колбасы, сметану, яблоки... Налетели внуки. Новогодняя возня. Крик, шум, гам... Только всего этого Роза уже не видит, не слышит, не знает. Жизнь продолжается без нее...

Неожиданно помрачнело. Стынь, сырь. На душе смутно. Сносно я себя чувствую лишь тогда, когда оглушен работой. Без нее я сразу в тоске...

Видно, смена погоды: голова тяжелая, затылок деревянный. Давление до тошноты.

1986

1 января

Теплый дождь идет в Ташкенте. Тихо. Даже петухи сегодня запоздали и поют приглушенно. Больше часа ходил по двору. Потом вышла Альма. Вспоминали Розу. Говорили о том, как ей тяжко было жить в последние месяцы. О том, как вообще ей было нестерпимо тяжело не только физически, но и нравственно. И ещё о том, как её плохо понимали и чувствовали окружающие. Как обострённо чувствовала она всякую ложь. Были в ней зачатки художественного начала. Они так и не развились. Есть эти задатки и у Тани. Разовьются ли в большей степени?

Вечером приятно и шумно посидели за столом: отец, мама, я, Эльма, Альма, Таня, Марина, Борис, Вова, Саша, Артур. Саша травил анекдоты. Приятная близость и единение. Подросли племянники. Приятно на них глядеть.

Звонила Рая. В Алма-Ате ходят к нам земляки-казахи. Выражают соболезнование.

6 января

Вызвали меня в Обком партии. Принял меня очень мило и вежливо некий Долгирев С.М. и передал благодарность из ЦК КПСС за ценные предложения, которые, мол, будут отражены и изучены. Речь идет о моем письме М.С. Горбачеву. Интересно, сколько будут изучаться там мои «ценные» предложения и когда, и как будут отражены?

10 января

Зашел к Ахтанову. Он перенес инсульт. Мечтает о том, что через четыре дня самостоятельно дойдет до туалета. Ай, ай! Такой жигит! Рядом жена. Речь затрудненная. Улыбка незащищенная, виноватая.

По радио передали мой рассказ.

Баруздин прислал письмо с просьбой ответить на три вопроса о переводе.

Пришло около 40 открыток с новогодними пожеланиями.

23 января

В центральных газетах понемногу пощипывают Казахстан. А принцип нашего аксакала: «Я за перемены – без перемен». Корень зла заключается в нем. Нельзя сидеть десятилетиями в правителях. И это понятно и видно всем, за исключением высшего руководства.

4 февраля

Әбе прочел Реквием Дудина, посвященный памяти Кайсына Кулиева. Я едва удержался от слез. Так проникновенно сказано про «балкарскую печаль». А кто из русских поэтов скажет когда-нибудь о печали русских немцев?

14 февраля

Решил Абиша сократить на 13 книжных страниц. Вряд ли русскому читателю интересно, кто от кого родился, кто какого рода, кто с кем породнился и пр.

Вечером был на открытии Немецкого театра. Было много знакомых. Из «бастыков» – Камалиденов, Султанов, Ахметова, из минкульта. Кажется, они остались довольны. Показали «Коварство и любовь» Шиллера. И Султанов, и Камалиденов поздравили меня с выходом книги, которую я и в глаза не видел. Султанов заговорил о моей статье о Медеубае. «Медеубай – один из тех казахов, который до сих пор неоценен по достоинству», – сказал я. «Е-е, Гереке, – заметил Куаныш. – Неоцененных по достоинству казахов разве мало?» Сейтметов, стоявший рядом, одобрительно хохотнул.

3 марта

Был у меня часа четыре Адриан Сергеевич Розанов (сын Натальи Сац). Колоритный мужик. Интересная биография. Мыслит нестандартно. Великолепное немецкое произношение. В детстве рос в Берлине. Своими глазами видел приход Гитлера к власти. Живо интересовался немцами Казахстана. Сейчас работает в «Науке и религии». Готовит статью о немцах. Пописывает и для «Neues Leben». Оказалось, много у нас общих знакомых.

14 марта

Почти пять часов убил на редакцию калтаевского доклада. Идет снег. Я весь вялый, кислый. Давление. Ночью спал плохо, снились кошмары. Будто у меня красные-красные волосы, а кончики ослепительно белые. И будто потолки обваливаются...

Физически мне плохо. Ощущаю сердце.

Читаю «Закон палаты» Лакшина.

26 марта

Опять валит снег. Звонил Ч.: на место Елеукенова посадили незнакомого мне Закирьянова. Татарин, что ли? Писал и редактировал анкету для «ҚӘ». Показал Әбе. Он морально и физически подавлен. Переживает за Шугу, которая в больнице. Мне он прочитал конец своей второй книги и всунул мне для перевода. Обрадовал...

28 марта

Заседал в Приемной комиссии. Одним махом приняли 47 человек. Даешь вал! Догоним по числу писателей и Узбекистан, и Украину. Москву, к сожалению, нам не догнать, даже если будем принимать в писатели постовых милиционеров.

Из критиков на премию выдвигают Кирабаева и Нургалиева. Из переводчиков по русской секции – Симашко. Меня на госпремию выдвигает один Аскар Сулейменов.

8 апреля

Много читал и выписывал по теме «Гете и Абай». Меня это увлекает. Ездил с Әбе в магазины, на заправку. Чувствую, затеваются казахские интриги. Позвонил Магауин. Начал осторожно и издалека. Дескать, книгу твою выпустили, теперь и статьи твои издаем, сегодня, мол, подписал к печати. Туда-сюда, вокруг да около. Наконец, заговорил о главном: ты ведь знаешь наших казахов и т.д. Словом, просит, чтобы я выбрал правильную позицию, не поддавался клановым страстям, а вместе с немцами голосовал за Олжаса. «Я лично проголосую и за Абдижамила, и за Олжаса», – заявил он. «Е, я тоже, – сказал я. – Обо мне не беспокойся. У меня ведь свой путь. И о литературе представление имею. Я тоже на стороне справедливости». Словом, на дипломатической волне все и кончилось.

Звонил Лев Аннинский: поблагодарил за книгу, она, кажется, удалась, кое-что мне знакомо, я непременно прочту; сказал ещё, что моя статейка пошла в номер, и надо уточнить только некоторые фамилии и названия. И передал трубку Серафиме Григорьевне.

10 апреля

Съезд писателей Казахстана. Из «наших» прибыли Дебольский, Гейнц, Лейс, а также алматинцы Генке, Эльза, я. Меня усадили в президиум.

Гейнц и Лейс накануне были у меня. Потом состоялся предсъездовский пленум. У жигитов вытянулись лица. Следят друг за другом. Даже обычно уверенный Олжас и тот говорил сегодня сбивчиво и нес явную чушь. Видно, нервишки взвинчены.

Поговорил с А.Таммом.

Я выступил на съезде в первый же день. Кажется, сносно, хотя и скомкал немного речь. Работали до 8 вечера.

11 апреля

Утром заскочил Әбе. Бледный, возбужденный, руки дрожат. Ещё раз прошелся по своей анти-олжасовской речи. Хорошо выступили Джубан, Фариза, Сакен, Аким. Выборы: меня избрали в правление и делегатом на Всесоюзный съезд. Ни единого голоса «против».

12 апреля

После съезда были у меня в гостях Дебольский, Гейнц, Лейс, Эрлих, Эльза. Устал и малость простужен.

16 апреля

Вчера вечером был Әбе. Подавлен: плохо с Ахтановым, больна Шуга.

С Әбе съездил в «Дом книги».

18 апреля

День тусклый. Прочел три рассказа Гольмана. Пришла – без звонка, по-аульному поэтесса-бабка из Целиноградской области Шотбаева Рысты. Читала отрывки из поэмы о Наталье Геллерт... Неряшливо. Но бабку жалко – 14 детей! Больной муж. Живет в поселке. Хозяйство, заботы. А ещё ночами пишет стихи. Намерения благие, но... Хочет, чтобы я перевел ее поэму. Дескать, немцам это очень нужно. Однако зачем германским немцам трактористка Геллерт? Хотя сама Геллерт и весьма симпатична.

20 апреля

Дождь. Прохладно. Звонила Альма. Борис женился (я его не осуждаю). И дети с мачехой поехали за тюльпанами. Альму это, чувствую, раздражает. Отец показался бодрым.

Был у Әбе. Завтра почистят Академию наук. Убирают мини-Кунаева и его вице. Академия в глазах людей стала позором.

Ленинскую премию получили Быков, Эшпай, Бессмертнова, Лебедев, Чхеидзе.

26 апреля

После обеда Әбе, Тахауи, Ажар, Шуга поехали на дачу Нурпеисовых. Оттуда вместе с Әбе съездили в Дом отдыха ЦК. Дивный день. Тишина. Ходили часа три. Осмотрели новый дворец, построенный Кунаевым для приема Горбачева. Потрясающе! Любовались горной речкой. Заглянули в буфет. Потом Әбе читал свою речь о Жубанове. Ещё походили. И тут Әбе поведал свою боль. Мол, Шуга обречена. Определили рак лимфатических узлов. Уже прошла дважды химиотерапию. Лезут волосы. Анализы подтвердились. С Ажар они уже не раз поплакали... Я остолбенел. Промямлил: «Бросьте. Ошибка, видно?» Әбе грустно улыбнулся.

Ужас. Шуга была спокойна, оживлена. И уехала раньше нас своим ходом. Остается надеяться, что это не так. Просто паника. Иначе это было бы слишком жестоко для этой и так не особенно благополучной семьи.

28 апреля

Завтра запись на радио. Читал монографию (рукопись) Сорокиной Л. Был у Әбе: сочинили поздравительные телеграммы Быкову и Исаеву.

Потом гуляли с Әбе и Есенгельды Жакуповым. Последний красочно рассказывал о Хаджимукане (1945 г. на 100-летии Абая), об Исе Байзакове (1943 г.), об Естае (авторе «Хорлан»). Потом присоединился к ним Ади. Рассказал, как его хотели арестовать в 1937 г., и он удрал в Туркмению... Вечером смотрели фильм о Р.Паулсе.

3 мая

Прекрасно работалось целых 9 часов. Написал главку о пейзажной лирике Гете и Абая. Просмотрел книгу Л.М. Ауэзовой, читал Аникста. Вообще все эти дни хорошо работается.

8 мая

Пребываю в радости. Читаю только Гете и Абая. «Западно-восточный диван». Гафиз. Готовлюсь к теме Востока в творчестве Гете и Абая.

Вечером походил, покалякал с Ахтановым.

14 мая

По-прежнему, изо дня в день – Гете и Абай. Пригласил Аким Т. Агитировал возглавить Большой Совет по взаимосвязям и переводам. Открутился. В штате уже пять человек, а работу хотели возложить на меня. Вечером позвонил Аскар Кусаинов: предлагал выступить в ИнЯзе. Отказался. Пока не закончу книжку – никуда.

Вечером был на премьере пьесы Дулата «Кішкентай ауыл».

18 мая

В газете и радио один Олжас. Ему 50 лет. Я тоже отправил ему телеграмму от имени немецких литераторов Казахстана. Вручили ему Орден Октябрьской революции.

19 мая

Умер Беркаир Аманшин. Последний раз я видел его на съезде писателей. В «Огнях» вышел мой рассказ «Маленький человек». Сочинил заметку о поэме Шотбаевой. Читал «Гете» Э.Людвига.

20 мая

Закончил эссе-очерк «Гете и Абай». Получилось стр. 85. В Людвиге о Гете ничего нового не нашел. Все мне знакомо по другим источникам.

4 июня

Простужен. Но все же потащился на пресс-конференцию по просьбе Абиша, участвовал в шпрехерай с ребятами из «Neues Deutschland», «Unsere Zeit», «Folksstimme». Все нормально и даже приятно.

8 июня

Не в форме. Весь день гроза, дождь, ветер. Написал несколько писем немцам. У Эбе прочитал четыре письма, написанных кем-то в ЦК КПСС с разоблачением всех махинаций Кунаева в 1927-29 годах. В них два-три новых для меня факта. Остальное известно давно и всем. Есть в этих письмах и хорошие фразы: «падение вверх», «родственник по общей жене», «главный опекун восточных потомков Брежнева». Подобные вещи следовало бы публиковать для массового чтения. Был бы бестселлер!

11 июня

Вечером гулял с Аскаром Токпановым, казахским Станиславским. Язык его что жало. А сам он – фонтан. Шумный, темпераментный мужик! За полчаса оглушил меня. Как бедные артисты его выдерживают?

По словам Д. Мырзабекова, Джолдасбеков снят, Аскаров под следствием, дела Надирова и Ибрагимова переданы в прокуратуру. А в Ташкенте выкопали из могилы Рашидова и отменили все его титулы и звания. Узнав о том, и наш Великий хан якобы приуныл и даже слег с подозрением на инфаркт. Арестован министр автомобильного транспорта.

20 июня

Вчера посидел с Норой Пфеффер, смотрел ее переводы из Олжаса. Хорошие переводы! Молодец Нора!

Выкупил билеты в Дубулты. Был Абиш, прочел свою речь, подготовленную к съезду. Ануара А. избрали Председателем Казахстанского комитета защиты мира.

21 июня

Полдня читал «Манас». Поговорили с мамой. Хорошо поняли друг друга. Умница! Утром вылет в Москву.

30 июня

Вернулся утром из Москвы. Поездкой доволен. Впечатления от съезда неплохие. Много контактов. Физически выдержал, чему особенно рад. Очень хорошо было у Ирины. За мое отсутствие пришли письма от Баруздина, Шифнера, Реймгена, Дебольского, Пряникова, Жакмьена.

1 июля

Вечером часа два рассказывал о Съезде писателей жигитам, собравшимся на аллее. Их было человек восемь – Тахави, Мырзабек, Есенгельды, Калмухан и др.

10 июля

В «Комс. правде» дивная статья о Ю.Власове. Поразительно! Вечером были в гостях у Оразбека в честь окончания его дочери Гульназ школы с серебряной медалью. Были Абиш, Клара, Дукенбай, Алуа, Карибай, Марал, вдова Жумекена с дочерью Саидой. Очень хороший вечер! Свободно, дружески, искренне. Интересно рассуждал Абиш. Разъехались в полночь весьма довольные.

16 июля

Жара. + 37°. В обед Әбе, Тахауи, я съездили в гости к Жумабаю Ташенову. Угостил шикарными пельменями и водкой. И ещё царский подарок преподнес каждому. Мне достался двухтомник Гете на русском, тот самый, который тщетно ищу уже несколько месяцев. Очень обрадовался!

В №7 «Простора» вышло мое эссе «Гете и Абай». А в «Целиноградской правде» – рец. Гундарева на мои «Мотивы». Гассельбах позвонил: моя статья о Гердте принята.

18 июля

Плохие дни. Нет кислорода. Дует раскаленный ветер. Травы мгновенно пожухли. Весь день читал Гете, «Простор», Межелайтиса, ҚӘ, NL. Готовимся к поездкам в Ташкент и Дубулты.

30 июля. Ташкент.

У родителей с 21 июля. Усердно перевожу Абиша. По 4-5 стр. в день.

Полистал-почитал несколько книжек: «Грань веков» Н. Эйдельмана (Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия); «Европа XX» Д.М. Проэктора; «Читая тетради Пушкина» И.Фейнберга (СП, 1985) – прекрасно изданная, полезная весьма книга; «Bilder aus der Kaiserzeit» (Historische Streiflichter 1897-1917); «Записки 1743-1810» Ек. Дашкевич; «Тысяча и одна ночь»... Ну, само собой, газеты, журналы.

Обратил внимание на эротические эвфемизмы «1000 и одной ночи»:

«И зашевелился в нем природный жар. Аллах послал на него охоту к соитию».

«...и опустила руку ему на грудь, и рука ее скользнула к животу, так мягко было его тело, а потом она опустила руку к пупку и попала на его срамоту. И сердце девушки раскололось, и душа ее затрепетала и поднялась в ней страсть, так как страсть женщин сильнее, чем страсть мужчин, и девушка смутилась»...

Фейнберг замечает (стр. 473-474): «Я читал очень усердно знаменитые пушкинские рассуждения о прозе, точнее, о том, какой она должна быть, которые суть не что иное, как цитаты из Цицерона».

«Точность и краткость – вот первые достоинства прозы, – писал Пушкин, а в другом месте заметил: "Прелесть нагой простоты так ещё для нас непонятна..." Говоря о речах и записях Цезаря, Цицерон пишет: и ...ясная краткость – самое лучшее украшение истории», «...в них есть прелесть нагой простоты».

Ленского Пушкин назвал сначала Холмским.

31 июля

В «ЛГ» (№ 31) хорошие слова П. Проскурина:

«Я хочу ещё употребить термин "экология истории". Действительно, до каких пор мы будем совершать над историей насилие, "задвигать" одно лицо, воздвигать другое... Мы даже сражения в минувшей войне пересматривали, меняя их роль и значение, перенося главные битвы туда, куда диктовала конъюнктура... Я говорил на съезде, что разрушение среды обитания разрушает национальный характер. Хочу добавить: разрушение культуры и истории разрушает нацию...»

1 августа

Подняты цены на вино и водку. Меня это лично не трогает. Перевел пять стр. Абиша. Физическое состояние не важное...

Каждая «ночь» кончается традиционной формулой: «И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи».

Вот хороший эпиграф к публицистической статье: «Чепуха совершенная делается на свете» (Гоголь, «Майская ночь»).

Рая улетела в Москву, а мне предстоит лететь в Ригу. Там, в Дубулты, и встретимся...

ДУБУЛТИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

6 августа. Прибыл в Дубулты вчера. Уже в третий раз здесь. Выспался. Походил. Морским воздухом подышал. Накануне вечером разразился обвальный ливень. Земля смешалась с небом. И сразу стало прохладно. Вечером встретил Косенко, потом Сергеева с женой. Беседовал с одним писателем из Белоруссии (Янковский?). Участник ещё финской войны. Много интересного рассказал... Написал Әбе. Внимательно прочел стр. 20 Абиша, которые предстоит перевести.

12 августа. Все регламентированно. Ежедневно перевожу по пять страниц «Елең-алаң» Абиша. Ох, и трудоемкая работа! Заглядываю во время прогулок в книжный магазин. Увидел толстенький том Вольдемара Ивановича Бааля (о котором говорил мне в Ташкенте И.И.Фрезе) – сборник повестей и рассказов «Бахровский круг» (Лиесма, 1986 г.) с портретом автора и послесловием. Живет в Латвии. Пишет на русском.

13 августа. Купил все же Бааля. Прочел послесловие. Называется «Земля Бааля». Ничего себе! В послесловии ни малейшего намека на немецкую суть. И судя по романам, повестям, рассказам, мужик полностью обрусел, осибирячился. Жаль! А я-то надеялся на немецкие мотивы.

14 августа. Писатель из Оренбурга – Большаков. Печатался дважды в «Просторе». А писателя из Белоруссии зовут Федор Михайлович, он профессор, преподает историю языков в Минском пединституте. Милый, обаятельный, простой человек.

Ещё здесь Чаковский, Борщаговский, Козловский, Рождественский, Проскурин, Залыгин, Прилежаева, Шатров, Петросян и др.

В библиотеке наткнулся на 2-томник Борщаговского. И ещё – толстенный роман, листов на сорок – вроде как «Русский флаг». И ещё роман «Млечный путь». И рассказ «Три тополя на Шаболовке» (в фильме «...на Плющихе»).

Мужик он общительный, активный. С ним я был в Ереване, в Коктебеле.

17 августа. Вчера Розе было бы 36. А ее уже нет восемь месяцев. Я о ней думаю постоянно. Горе! Как несправедливо...

Сегодня воскресенье. Перевел всего 3,5 стр. Абиша. Зато закончил читать роман Н. Бааля «Марианна». Русским языком он владеет свободно. Местами артистично. Вошел в плоть и кровь. Но на «немецкость» ни намека. Странно!

18 августа. Сегодня отцу 77. Солидно!

Перевел 5 стр. Абиша. Делал выписки из книги Ю.Д. Левина «Русские переводчики XIX века». Взял в библиотеке Гиви Гачечиладзе «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» и «Портреты» (очерки о латышских писателях), «Даугава», №3, 1985... Листал разные справочники КЛЭ – о Баале ни слова.

Ну, а погода была отменная, и я с удовольствием погулял.

20 августа. Вчера съездил с группой в Домский собор и слушал Баха в исполнении Фасейского.

Сегодня перевел 3 стр. и наткнулся на Татищева. Тупик! Дальше никуда. Надо малость вооружиться Татищевым, иначе можно такое напереводить! Спустился в библиотеку, нашел «Татищева» в серии ЖЗЛ. Необходимо штудировать.

Вот две цитаты, пригодящиеся для статей к вопросу советских немцев.

«Дерево, которое слишком часто пересаживают, не в состоянии пустить корни» (Фернандо де Рохас).

«Воронам все сходит с рук; голубям – никакого прощения» (Ювенал).

21 августа. Жильца по соседней комнате зовут Ахат Гаффар. Прозаик.

Идет дождь. Сижу над Татищевым.

В книге А. Кузьмина «Татищев» есть хорошие эпиграфы:

«Русские медленно запрягают, но быстро ездят» (Бисмарк).

«На родине у тебя и прошлое, и будущее. В чужом краю – одно лишь настоящее» (Гиршфельд).

«Порядочен тот, кто свое право измеряет своим долгом» (Дакордер).

«Характер состоит в способности действовать согласно принципам» (Кант).

По телевидению смотрел выступление Пикуля. Много здравого он говорил. Человек, несомненно, своеобразный. С чудинкой. И пусть он себя называет сочинителем, литератором, а не писателем (в чем он, должно быть, прав), уважения достоин. Он большой трудяга. Хорошо сказал о современной молодежи («пихаем в три горла») – все даем и ничего не требуем, о Джеке Лондоне, о необходимости героя сильного, мужественного, идущего напролом, преодолевающего все преграды. Удивила меня и его картотека, библиотека, коллекция «Русские портреты», целеустремленность.

22 августа. Все штудирую и делаю выписки из «Татищева». В общей сложности здесь перевел 80 страниц. Неплохо. Планировал-то всего 60. А до отъезда у меня ещё неделя.

Антон Станкевич (гл. ред. «Даугавы»), оказывается, латгалец, пишет по-латышски прозу, критику, сценарии. Перевел на латышский язык «Лев Толстой» В.Шкловского. Можно себе представить, какой это был труд! Л. Аннинский написал толковый очерк об Ояре Вациетисе. Интересен очерк о переводчике Язеле Османисе. Польский язык знает с детства от матери. Перевел «Пана Тадеуша». Вообще много переводит поляков. Канд. филолог. наук. Много занимается детской литературой. О ней и защищал диссертацию.

24 августа. Телеграмма из Алма-Аты. Вызывают на переговор. Видно, плохо с тёщей. Мы все взбаламутились. Осталось шесть дней до вылета. Неужели придется раньше срока? С билетами так трудно.

Делал выписку из книги Левина, дочитал «Татищева», прочел кое-какие очерки из «Портретов».

Украинцам в этот сезон предоставили пять номеров – Затонский, Коломиец, Павлычко, один детский писатель и один приятный лысый старик, с которым общался. Сегодня он рассказывал мне о Коротиче. В совершенстве, мол, знает английский, лучше, чем свой украинский.

25 августа. Приехала дочь из Москвы. Написал заявление директору и оформил ей путевку из расчета 190 рублей. А из Алма-Аты сообщили, что тёща ослепла и совсем плоха. Но, дескать, не спешите. Вполне дотянет. Закончил перевод «татищевской» главки.

26 августа. В 1714 году Петр издает указ, объявляющий всенародно о борьбе с умножившимися лихоимствами: «И дабы впредь плутам (которые ни во что иное тщатся, точию мины под всякое добро делать и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать, того ради запрещается всем членам, которые у дел приставлены великих и малых, духовных, военных, гражданских, политических, купеческих, художественных и прочих, какое знание оные не имеют, дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать, торгом, подрядом и прочие вымыслы... А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего именья лишен, шельмован, и из добрых людей извержен, или и смертью казнен будет».

Вот это я понимаю указ! Вот это борьба с коррупцией! Вот единственный пример для подражания нашим властям.

Все остальное а-ляу-ляй...

...Пришла телеграмма, просят дать разрешение на вскрытие квартиры для того, чтобы взять смертное для Раиной матери. Очень скверно: видно, все идет к концу.

Однако день прошел спокойно. И я с некоторым усилием перевел три страницы.

27 августа. Перевел 4 страницы. По-моему, вошел во вкус. И в таком духе, при таких условиях, мог бы работать месяцев четыре подряд и закончил бы весь абишевский роман. Увы, это только «бы»... Приедешь домой, и пойдут бесконечные перебои, то, се, суета, хлопоты. А я создан для равномерной и планомерной работы с четким ритмом. Если бы в октябре удалось выбраться в Ташкент на месячишко...

Вечером читал Гачечиладзе. Делал выписки.

28 августа. Перевел три страницы. Прочел Постановление ЦК КП о животноводстве в Казахстане. Явный щелчок по нашему аксакалу.

К смертной казни приговорен и Усманов (узбек-министр). Осуждена вся его банда. В «Сов. культуре» (от 26.08.86) толковая статья обо всем этом К. Икрамова «Фигура умолчания».

Сходил с Раей в музей в Юрмале. Скудный, убогий.

С Косенко совершил прогулку до Пумпури и назад. Для меня многовато.

29 августа. Предпоследний день. Пора сматывать удочки. Кажется, и погода начинает портиться.

Подсчитал: в Дубулты перевел 100 страниц. Вполне можно быть довольным. Плюс еще 51 стр. в Ташкенте. Шесть листов за время отпуска – совсем не худо. При хорошем стечении обстоятельств мог бы добить роман Абиша за 4 месяца. Но таких условий, понятно, не будет. Народишко понемногу разъезжается. Ночью приснился Айтматов. С какой стати?..

30 августа. А вот и день последний... Утро было дивное. Солнце, тишь. Более часа ходил бережком, вслушивался в сонный всплеск волн. Потом читал Гиляровского «Москва и москвичи». Весьма колоритные сценки.

Прощай, Дубулты! Как там у Байрона? «Прощай! И если навсегда, то навсегда прощай»...

* * *

4 сентября

Скверная ночь. Сердце и давление. Надо же! Более двух месяцев горя не знал, а тут старая песня. Неужели жизнь в Алма-Ате мне противопоказана?

До обеда перевел пять страниц Абиша. Прочел несколько рассказов молодых казахских авторов. Встречаются вполне приличные, милые вещи, а открытий все же нет. Знают, как писать, но почти не имеют что писать. Знание и ощущения жизни слабое.

18 сентября

Все дни работаю до одури. «Гете и Абай» сняли с издательского плана. Что тут поделаешь? Наберись терпения и работай дальше.

Вечером гулял с Симашко. Интересный собеседник! Читал дневник Янушкевича. Какими внимательными и добрыми глазами он видел степь и казахов!

23 сентября

Был на приеме у Председателя госкомиздата Закирьянова. Поговорили хорошо. И все получилось, как надо. Прямо при мне он позвонил Бодаубаеву и дал указание в 1988 году улучшенным образом издать «Гете и Абай».

Читал Матевосяна. И Грант хорош, и переводчица Анаит хороша.

Получил открытку из Варшавы от Вольфганга.

2 октября

Встал рано и окончательно оформил рукопись «Гете и Абай». Съездил в издательство. Сдал. Поговорил с Тарасовым, Когабаем, Ерланом. Дали договор и на Абиша. Оказалось, позвонили из ЦК по просьбе Камалиденова: просили переиздать мое «Созвучие». Все складывается удачно. Пока... Хотят издать хорошо.

5 октября

22-ю партию Карпов все же проиграл Каспарову. Просто и гениально! На доске материальное равенство, фигуры на месте. Но нет ни одного полезного хода...

Гулял с Ануаром и его внуком Аланом. Смышленый мальчик! Почему Алан? Дед объяснил: «Алимжанов плюс Ануар, получилось Алан. Совсем неплохо, не так ли?»

11 октября

После обеда вместе с Калмуханом отправились к Куляш – вдове Медеубая. Были там часа три, поговорили, пообедали, книги посмотрели, рукопись обговорили, что и как делать. Я должен от имени инициативной группы написать Олжасу письмо с конкретными предложениями.

Дочки Медеубая подросли. Хорошенькие, аккуратные, трудолюбивые, воспитанные девочки. Матери Медеубая 86 лет. Дома ей тесно, целыми днями ходит по улице. «В груди у меня пусто», – говорит. Грустно! Дом без хозяина. Четыре женщины трех поколений. Куляш держится бодро и, кажется, натура активная.

2 ноября

Опять несколько дней с Әбе ловим «блох». А теперь выправляю редакцию Әбе. Это сущий кошмар. Безграмотно, беспомощно, феноменально несуразно. Текст изуродован до безобразия. И я, по сути дела, ковыряюсь в говне. Аскар это очень точно определил: боққа боқ жағу («лепить дерьмо на дерьмо»)...

4 ноября

Заседание жюри конкурса на лучший перевод Абая в «Просторе». Более часа шумели, галдели. Жовтис убедительно доказал, что обсуждение бессмысленно, ибо члены жюри не подготовлены и некомпетентны. А тяп-ляп – не годится. Я его тут же поддержал, и таким образом решили продлить конкурс ещё на полгода...

7 ноября

Госпремию получили нынче Каипбергенов, Боровик, Межиров, Карпов. По-моему, госпремии с каждым годом мельчают. А вот за старца Алексея Федоровича Лосева весьма рад. Надо было прожить 93 года и написать 6 томов монографии, чтобы получить госпремию.

8 ноября

Звонил Смагул. Предлагает свой роман для перевода. Увы, я провожусь с романом Абиша до лета. Да и тогда не смогу сразу взяться за новый роман. Нужна пауза. Нужно делать и свое. К тому же мне постоянно надо «чистить» текст перевода Әбе.

9 ноября

Vorgestern am Abend ist Mendel Abramowitsch Binder gestorben. Arme, arme, unglückliche Galina Jakowlewna. Na, ist ja eigentlich nicht's zu machen...

10 ноября

«Давай сгоняем пару партий, – сказал вдруг Әбе. – На том свете, возможно, и шахмат нет». Мы сразились в шахматы. Шаховать с Әбе приятнее, чем бесконечно править его текст.

Вечером был Абиш, привез толстенный том «Казахско-русские отношения в XVI-XVII веках». Несколько часов штудировал материалы, делал выписки, вставил кое-какие реплики в мой перевод.

Звонил художник Мэлс Ержанов.

17 ноября

Второй день сижу безвылазно дома. Скользко – жуть! Перевел 5 стр. Часа четыре побыл у меня Александр Сергеевич Данилов. Рассказывал увлеченно о своей картотеке, о жизни, показывал марки, читал письма, попросил отзыв и мои «Мотивы». Человек любопытный, живой, и дело его, бесспорно, полезное. Жаль: общество ему не помогает. А картотека его, как я понимаю, значительнее картотеки Венгерова и Модзалевского.

Пока мы калякали, зашел и Аскар С. Он тоже тут же заполнил анкету и дал автограф в справочнике. Разговор стал оживленней. Попили кофе, коньяк. За два года о Данилове написано 52 статьи. Ту, что в «Неве» (№7/85), он показал. Читал уйму лекций. Написал 11 тыс. ответов на разные запросы. В картотеке его около 170 тысяч фамилий. Гигантский труд. Беседовал с Лихачевым, Чаковским.

Читаю Волгина. Серьезно!

24 ноября

Встал рано, а сделал немного – всего 3,5 стр. Приходил Канапьянов. Дал ему рекомендацию в партию. Әбе занес 3 стр. для перевода. Опять некстати: придется в который раз отложить Абиша. А эти три страницы слабые, пустые. Надо их как-то оживить. Весь вопрос – как? Восьмой день сижу дома, а уже весь истомился. А ещё вся зима впереди.

Звонил Элер из Москвы. Две просьбы: а) написать обзор публикаций в NL за 1986 г. (к февралю); б) ответить на новогоднюю анкету. Согласился.

Смотрел заключительную серию «Ломоносова». Добротная работа. Все свежо, поучительно, достойно.

27 ноября

Оказывается, в Союзе писателей все кипит. Талгат Бигельдинов написал жалобу на Акима Тарази. Кто-то наклепал на Абиша. На Дукенбая жалобу накатали Берденников и Роллан. Словом, писательское болото выделяет испарения. Болотный газ. Завтра пленум. Неожиданно отодвинули его на два часа дня. Вроде как ждут Суровцева.

30 ноября

Прочитал вторую часть «Плахи». Мнение раздваивается. Есть хорошие куски. Местами сплошь надуманно, сконструировано. Выпирают белые нитки. Часа два был у Әбе, выправил «заплатку». Әбе себе верен: по-казахски пишет тяп-ляп, потом говорит, чтобы я при переводе усилил, потом мой перевод обязательно сам перепишет, добавляя разные несуразности и конструируя отдельные предложения на казахский лад, и я все это снова привожу малость в божеский вид, чувствуя, как все это сильно отдает казакбайством, с трудом сдерживая раздражение. Ох, тяжко!

5 декабря

Тучи. Туман. Тяжесть в груди. Звон в ушах. Дождь. Крупа. Мизерабель! Корпел над возможным выступлением на Секретариате СП СССР. Оказывается, Әбе тоже летит 10-го вечером. И тоже готовит речь.

7 декабря

В 5 утра. Гроза. Молния. Буря. Потом метель. За час все белым-бело. Сердце давило – ужас. Дали машину, и я проводил Вольфганга Сабата в аэропорт. Тепло простились. Обратно добирался с трудом. Наледь. Дорога завалена сухостоем. Переписал гипотетическую речь.

14 декабря

10-го вылетел в Москву. На расширенный секретариат СП СССР нас понаехало человек 16. Секретариат состоялся 12-го. Из «наших» выступали: Олжас, Әбе, Симашко, Тарази, я, Ахметжан, Хан Дин, Камал. На секретариате присутствовали Марков, Верченко, Суровцев, Гранин, Исаев, Ф.Алиева, Проскурин, Коротич, Поволяев, Горбачев и др. Человек, может, сто. В общем все сносно. Мое выступление многие похвалили, хотя чувствую, речь получилась обрывистая, с креном.

Обратно летел с Шерханом, Акимом, Аяном. Все шло нормально, но А-Атинский аэропорт не принимал, и было объявлено, что посадка состоится в Ташкенте. Я уже решил было выйти в Ташкенте, предупредил стюардесс и Шерхана, но едва настроился на это, вкушая неожиданной встречи с родителями, как сообщили, что и Ташкент не принимает, и мы сели во Фрунзе. Часа два промаялись в аэропорту «Манас», после чего все-таки доставили в А-Ату. Здесь встретила Рая.

15 декабря

Был Ануар А. Сообщил: завтра Пленум ЦК КПК. Снимают Кунаева. В честь этого мы выпили по рюмке. Звонил Тахауи. Радостный, возбужденный. Кунаева он никогда не жаловал. И до него дошла весть. Тут же рассказал анекдот про армянина и еврея. «Как тот армянин, и я готов отдать один свой глаз. Пусть ставят, кого хотят. Лишь бы этого длинного убрали».

Холодно. Ночью –14-17. Днем –9.

16 декабря

Пленум ЦК КПК. О нем так долго говорили, а он прошел быстро и заурядно. И весь день мне отовсюду звонят, будто это лично я снимаю Кунаева. Мне до него, собственно, и дела нет. Другое дело, что он, действительно, засиделся. К 11 часам он рухнул. Кто-

то по телефону с пафосом продекламировал: «Я видел, как рухнула береза». А вчера – сам видел – он ещё мчался по городу с ГАИ впереди и сзади, демонстрируя всем свою мощь и власть. Цеплялся отчаянно. В интригах был искушен. Что ж... всему конец. Так проходит земная слава.

17 декабря

Сборы. Опять лететь. Чувствую давление и тесень в груди. Спешу в аэропорт. Может, пробьюсь в Ташкент без эксцессов...

20 декабря

Сижу в Ташкенте и не ведаю, что происходит в А-Ате. Связи нет. И Рая не звонит. Только по телевизору из Москвы узнал, что в А-Ате неспокойно. Показали перевернутые и горящие машины, толпы на площади, милицию, омон, кто-то куда-то спешит, кто-то за кем-то гонится. Что-то бубнят о беспорядках и бесчинствах националистически настроенной молодежи. Ничего не пойму. В голове сумбур и душа не на месте.

29 декабря

Вчера благополучно вернулся из Ташкента. О том, что в эти дни происходило в А-Ате, не знаю, не ведаю. Рассказывают жуткие вещи. Что к чему – не понять. Где правда, где ложь – не разобраться. Об одном и том же говорят по-разному.

Весь вечер Рая рассказывала взахлеб. По ее словам, дикий разгул. Рассказывает о том, что видела. Безобразия и бесчинства творились якобы с обеих сторон.

Черт знает что. Тягостно это слышать. Говорят о пьяницах, о наркоманах, о тюремщиках, об истерии толпы, о какой-то белой «Волге», которая носилась по городу, по институтам и общежитиям, о глумлениях над русскими, о насилии.

30 декабря

Пытаюсь понять, что же все-таки произошло. Откуда дует ветер. Где логика? Какая связь? И что вообще было? Бунт? Хаос? Стихия? Или нечто организованное? Не может же быть все это случайно, спонтанно...

Чувствую, многие из моих казахских друзей избегают о том говорить. Делают вид, будто ничего не произошло. И Әбе хмуро насторожен. «Е-е, какие тут дела? Нечто такое, как в нашем союзе писателей...» Ощущение такое, словно всем отчего-то неловко и все, будто сговорившись, чего-то скрывают. Или все сами ошарашены и не могут прийти в себя... Не знаю, у кого и спросить...

Абиш, Симашко, Оралхан, Сакен стали лауреатами госпремии в области литературы. Абишу позвонил, поздравил. В «Fr.» обнаружил свою речь. В «Қазақ әдебиеті» хорошая статья Шерхана о Мусрепове. Позвонили из «Лениншіл жас», взяли новогоднее интервью.

31 декабря

Написал профессору Янковскому (Минск). Ещё вчера позвонили, чтобы я пришел на встречу с Колбиным в СП и выступил с речью. Какая речь? О чем? О дружбе народов? Об интернациональном воспитании? С осуждением национализма?

А утром пришел Әбе с текстом своей речи. Мне она показалась беззубой и общей. То, что произошло в А-Ате 17-18 декабря, он главным образом объясняет малым коли-

чеством казахских школ и детсадов. Вероятно, это одна из причин, но не самое главное. Чувствую, однако, что Абиш очень возбужден и раздражен, и говорит не совсем то, что думает.

Состоялась встреча с Колбиным. Уверенно и энергично вел собрание Олжас. Джубан говорил резко и возбужденно, даже запальчиво и, в сущности, оправдывал то, что в печати называют «негативным явлением». Что-то некстати бубнил Хамит. Отлично, мужественно и благородно выступил Щеголихин. Эффектно сказал Бахытжан Момышулы, вручая Колбину свою книгу об отце. Долго и плохо по-русски выступал Сафуан. Он предложил прогуляться ночью с Колбиным наедине и уверял, что никто его пальцем не тронет. Говорил с азартом, с пафосом, а потом в перерыве полез целоваться с Колбиным. И весь пафос сразу улетучился. Захотел было что-то сказать Тахави, но его согнали с трибуны. Әбе попытался что-то прокричать в его защиту, но его заткнули: «Хватит ваших сплетен!»

Мне, Хан Дину, Ахметжану, Снегину, Әбе и др. слова не дали. И, может, к лучшему. Зато с очень большой речью выступил Колбин. Говорил убедительно, вразумительно. Слушали его с большим вниманием, то и дело аплодируя и поддерживая одобрительными возгласами.

И все же какой-то осадок остался в душе. Что-то не все определенно и ясно. И чувствую, что-то недосказывают, у всех в душе обида.

1987

5 января

В ЦК КПК нас собрали человек двадцать. Приехал инспектор ЦК КПСС Леон Аршакович Оников. Дал нам задание: высказывать свое мнение – как ЭТО (т.е. декабрьские события 1986 г.) случилось и какие из ЭТОГО следует делать выводы. А послезавтра будет с каждым из нас беседовать отдельно. Из знакомых я видел Симашко, Әбе, Самойленко, Шманова, Петрушова, Аумана, Устинова, Сарбаса.

4 февраля

Приехал из Свердловска Борис Семенович Вайсберг. Он собрал дневник Генриха Леопольдовича Эйхлера, читал отрывки. Эйхлер был знаком с Крупской, Коллонтай, Луначарским, Горьким, слушал Ленина, знал Короленко, переписывался с Паустовским, Шкловским, Эйхенбаумом, Маршаком и др. В 1941 г. был выслан в Казахстан. Сидел в дыре под Карагандой, учительствовал, писал. Вот Вайсберг хочет издать у нас дневники и записи Эйхлера. Кажется, он родом из балтийских или петербургских немцев.

15 февраля

Два с половиной часа гулял с неким Григорием Васильевичем – бывшим работником АН, знавшим Сатпаева, приятель М.А. Биндера. Много любопытного поведал с 1934 г. – о бундовце Либере, о Сталине, о Сатпаеве. Резко говорил о «мини-Кунаеве». Вечером звонил Симашко, тоже возмущаясь тем, что «мини», бросив 800 млн. на ветер, отделался выговором. Арестован Статенин. Исключен из партии Аскаров.

16 февраля

В СП полтора часа беседовал с Валерием Ивановичем Юдиным из Отдела культуры ЦК КПСС. Приятный, интеллигентный человек с хорошей улыбкой. Слушает внимательно. Тема разговора: национальный вопрос в Казахстане после декабрьских событий.

7 марта

Ура, ура! Закончил перевод романа Абиша. 743 страницы! Сколько я над ним корпел! Сколько сил вложил! Даже радоваться по этому поводу сил не хватило. Но это ещё не все... Теперь надо все это отредактировать, пройтись по всему тексту. Потом отдать Абишу. Потом ещё раз просмотреть с учетом его замечаний. Потом отдать на машинку, опять все вычитать и сдать рукопись. Потом ее будут рецензировать. Потом редактировать. Ужас, сколько ещё мороки! Но уже то хорошо, что я эту объемистую книгу одолел, перетолмачил. И года два ничего толмачить уже не буду.

15 марта

С утра приятная весть: Валентину Распутину дали Героя. Рад за него! За последний месяц он дважды публиковался в «Правде». И Абиш сказал: «Похоже, Героя дадут...» Как в воду глядел.

Все разговоры везде и всюду только о Пленуме ЦК КПК. Мусолят все подробности. Ловят слухи, ищут газеты. «Казправда» появилась только вечером. За нее предлагали рубль! Тексты выступлений даны полностью. Только и слышно: Ауельбеков, Мендыбаев, Султанов, Олжас. Все возбуждены. Надо бы издать эти материалы отдельной книгой. Это был бы бестселлер. Треплют Кунаева и его окружение.

Гулял с Тахави, Әбе, Ануаром. Разговоры только об одном.

24 марта

Сегодня 18-й день, как имя генсека исчезло со страниц печати. 4-го ещё выступал в Политбюро. 6-го участвовал в приеме. Далее – молчок. Вчера в «Правде» я даже упоминания о нем не нашел. В «Ком. правде» – тоже. И то, что его не было на съезде журналистов, настораживает. Значит, либо болен, либо...

Смотрел «Покаяние». Какой фильм! И как мне все знакомо. По сути все это наша история, наша боль, вечная, неизлечимая.

31 марта

Абишу не терпится, когда, наконец, наступит ясность в СП. Ему хочется написать роман на современную тему, а потом закончить третью книгу «Плеяд». Он увлеченно рассказывает о Неплюеве. Считает, что это будет наиболее сильная книга.

...Просмотрел списки членов СП, и пришел к выводу, что из 510 человек поручить какое-либо дело можно в лучшем случае 20-30. Кошмар! Членов много, людей нет.

...Вечером ходил с Симашко. Он отчего-то взбаламучен. Удручен анализами. Роман закончил, но дел много, а тут больничная возня. Попросил провести до дома...

9 апреля

Часа два гулял с Шерханом, Калтаем, Есенгельды, позже – с Ахтановым. Много говорили о Шакариме – племяннике Абая, поэте, переводчике, философе, невинно убитом в 1931 году и до сих пор не реабилитированном. Шерхан прочел два его стихотво-

рения – очень проникновенные и современные. Оказалось, что у него лежит готовая стать о Шакариме, но печатать ее никак не удается. Слишком большое сопротивление. «Вот если бы Гереке перевел да мы представили Колбину, тогда ...» – начал Шерхан. Прощаясь, он сказал, что к этой теме ещё вернется. Тему эту затронул и Рустем Джангужин в посл. № «ЛГ».

5 мая

Дождь со снегом. Потащился в ЦК. Наш вопрос стоял на Бюро вторым. Думали: полчаса и нас отправят восвояси. Но нет, Колбин дал всем слово, и нас слушали аж три (!) часа. Конечно, было ответственно. Присутствовало все руководство: Колбин, Назарбаев, Кубашев, Мукашев, Камалиденов, Мещеряков, Башмаков, Сидорова, Манура Ахметова и т.д. Я впервые на таком собрании. Выступил, кажется, сносно. Реакция была живая: и улыбались, и смеялись. О СП я сказал резко. Сравнение с раздрызганной полуторкой послевоенных лет в ауле, видно, понравилось. Камалиденов в своей речи сделал ссылку на меня. Колбин тоже отметил фразу: «Идеальной погода в СП никогда не была».

Думаю, разговор был откровенный и полезный, что Колбин в заключении и отметил.

30 июня

Скверный день. Позвонили из Минкульта: надо выработать условия на лучшую пьесу. Позвонили из общества «Дружба»: назначают меня зам. председателя Общества германо-советской дружбы. С ЦК все, мол, обговорено. А мне это к чему? И ещё лектором назначили для поездки в ГДР. Какой я ездец с такой ногой? Позвонили с радио: я по вашу душу, нужно вас записывать. Позвонил министр иностранных дел Исиналиев: ты должен лететь завтра в Москву на встречу с западногерманскими журналистами. Час от часу нелегче. И так, и сяк отнекивался: нет, надо... Всюду уже обговорено.

Завтра в 9.30 встреча со мной в министерстве. Черт знает что...

19 августа

Прилетел из Ташкента, где пробыл месяц. В Ташкенте главным образом читал: роман «Wir selbst» в шести номерах «Heimatliche Weiten» Г. Завацки, книгу «Сократ», три повести Т. Пулатова, кипу газет и журналов. Писал уйму писем, ездил по городу, в «Спутник», в «Сергели», был у новых сватов, у сестры, на свадьбе племянницы. Все путем.

Был Зейнулла Сериккалиев. Писал ему характеристику: он переходит в комитет. Приятный жигит! Знаю его четверть века и отношусь к нему с неизменной симпатией.

Листал «Гетевские чтения», написал заметку о прозе В.Гердта.

5 сентября

Читал роман Яворивского «Мария с полынью в конце столетия». По-моему, слабая копия известного, отраженного в очерках, в статьях. Что-то поспешное, торопливое. Ещё прочел переписку Цветаевой с Рильке и Пастернаком. Много дерганного, темного, вычурного, подспудного, но какая культура, какова сила выражения!

И ещё читал Нору Галь и публицистику Быкова. Несколько дней листаю «Литературную энциклопедию».

10 сентября

Весь день ходил по делам в издательство, в редакции, в ГЖИ, в СП. Только дотащился до дому, тут как тут Анат. Устименко. Оказывается, я понадобился срочно Мищенко Николаю Федоровичу из ЦК КПСС. Меня передали Романову, тот переплавил Виноградову, а уж тот повел меня к Мищенко, с которым наедине и покалякали 1,5 часа. Тема: положение немцев в Казахстане... Я должен завтра представить 2-3 странички. Мищенко ... дело свое знает и ведет себя, как барин. Будто Казахстан – его вотчина. Зачерствел, окаменел, и все проблемы – особенно национальные – ему до лампочки. Пришел домой и почувствовал жуткую усталость и опустошенность. Кололо сердце.

15 сентября

Позвонил Абиш и сказал, что я должен лететь в Семипалатинск на ауэзовские торжества. Я было отказался, но Абиш уговорил. Лететь 26-го. Вероятно, надо будет подготовить небольшую речь. Комиссия, возглавляемая кем-то из Совмина и ЦК.

...В который раз вычитал «Край родной» Әбе. Все же коряво получилось. Әбе, конечно, моим переводом недоволен, то и дело вмешивается в текст, и получился неграмотный русский язык с сильным аральским акцентом. Допускаю, что я балда, но по русской части и Әбе все же немного «балдее» меня. Но он это не признает. Беда...

22 сентября

Интенсивно, отключив телефон, работаю над «Drunten im Tale». Читал «24 часа из жизни женщины». Когда-то эта новелла показалась мне изящной, крепкой, теперь многословной и манерной. В «Просторе» прочел воспоминания Жовтиса о Никольской. Воспоминания хороши, а рассказ впечатления не произвел.

Поздно вечером звонил Дебольский. Возбужденный. Был у Тамма, и тот предложил: «Пусть Бельгер напишет рецензию». Ну, Дебольский в набат: «Даешь рецензию!» Что, дескать, вам стоит?! Срочно... До отъезда в Семипалатинск. Вынь да положь!

23 сентября

С утра до полтретьего просидел в Президиуме в Доме Ученых. Хорошо выступил Абдильдин, очень неплох был доклад Елеукенова. Остальное – Banalität. В обед, час отдохнув, принялся за рецензию на роман Дебольского и к семи вечера написал, отпечатал, сочинил письмецо А.О. Тамму и сложил бандероль. Вечером часа два гулял с Елеукеновым. Шаке раскрыл суть своих исследований и монографий. Перед сном прочел «Гауптманның тойы» из новой книги Калмухана.

25 сентября

С утра накупил уйму газет: во всех об Ауэзове. В «Freundschaft» моя статья «Художник на все времена». Из «Вечерки» позвонили: дадим, де, подвал. Сходил в СП и взял билет на торжества во Дворце. И тут посадили в Президиум. Слушал речи Колбина, Олжаса, Айтматова, Мустая Карима, одного чабана, помкапитана, Яшена. Олжас построил свой доклад исключительно на разоблачении казахских идеологов. После концерта отправились на правительственный прием. Здесь встретил Тамма, переговорил с ним. И ещё побеседовал с двумя балтийцами. Один латыш – Айвара Кауве, второй эстонец.

Завтра в дорогу. Чувствую: физически мне будет нелегко.

26-28 сентября

Три дня в Семипалатинской области. Ауэзовские дни. Расположились по прилету в совершенно новой Центральной гостинице. У нее нет ещё названия. Мы с Симашко в одной комнате. После обильного ужина и долгих речей Симашко, едва поспав часдругой, начал мне читать наизусть «Думу про Опанаса», потом Шевченко, потом пел скабрезные частушки и рассказал украинские анекдоты.

Потом, на следующий день, отправились в Борли (Дом-музей Ауэзова). Справа белели девять юрт, чуть поодаль три черные юрты. Молодежь на алтыбакане. Пригнали гурт верблюдов, косяк лошадей, отару овец. Инсценировка казахского аула. Мемориальная доска. «В этом доме провел детские и юношеские годы выдающийся казахский писатель М.О. Ауэзов». Здесь М.О. написал «Красавицу в трауре», «Сиротскую долю», первую главу «Абая». Верблюды с презрением смотрят на вереницу машин. В юрте молодежь играет сцену из «Енлик-Кебек». Именно здесь ставился этот спектакль впервые в 1917 г. Я дал интервью местному радио. По пути завернули в совхоз им. Ауэзова. Возложили цветы к памятнику...

В совхозе 10 тыс. овец едильбаевской породы.

Памятник «Енлик-Кебек». К этому месту Абай приводил своих юных друзей-поэтов. Фраза из романа: «Страшную тайну содержит он». Справа от памятника видны знаменитые Акшокы. И опять всплывает в памяти эпилог «Абая»: «Ақшоқыда туған өлең, өлең мен ән...» А впереди урочище «Енлик-Кебек». Место встречи Абая и Айгерим. Нам объясняют: отсюда вышло несколько Героев Советского Союза и социалистического Труда. А сестра Айгерим погибла в Берлине. Имела несколько орденов. Местные артисты играют на лоне природы сцены встречи Абая и Айгерим.

Пока шли бесконечные мероприятия и угощения, мы с Симашко расположились на траве, смотрели на небо, дышали ароматом трав, нежились на ветру. Симашко задумчиво заметил: «Теперь я понимаю Абая».

Были в Жидебае, Карауле. У клуба встретила группа стариков, окружили меня, начали расспрашивать о том, о сем, благодарить за мою казахскую речь. На официальном вечере областное и районное начальство традиционно сплошь выступало по-русски. И когда черед дошел до меня, я заговорил по-казахски. Зал всколыхнулся, все пришли в возбуждение. Это получилось так неожиданно. В самом деле, на земле Абая говорить по-русски разве дело? И латыш, и эстонец, и белорус – все вдруг заговорили на родных языках. Кто-то из москвичей потом сказал: «Вы стали героем дня». Один из местных руководителей сказал: «Мы вас только сегодня оценили». Старики всюду благодарили. Истосковались казахи по своей родной речи. Я это почувствовал сердцем.

На следующий день я выступал перед гостями на Аллее поэтов, перед барельефом Абая, Гете, Лермонтова, прочел на трех языках «Ночную песнь странника». Давал интервью для областного телевидения. Словом, весьма доволен поездкой. Чувствовал себя окрыленным. Все эти дни был с Симашко неразлучен. Всем представлял его своим двоюродным братом.

Обратно летели всей делегацией через Аягуз.

5 октября

Әбе был в ЦК у Смаилова, Романова, Камалиденова и внушал им, что мне нужно дать звание заслуженного работника культуры Казахстана. И все якобы горячо поддерживают.

13 октября

Вчера группа писателей была у Колбина. Әбе подробно рассказал о встрече. Она продолжалась три часа. Әбе остался доволен и беседой, и самим Колбиным. Якобы, открытый, искренний.

Читал «Алтын тамыр» Салгарина. Был Абиш. Зашел А.С.Данилов. Очень увлеченный, деятельный человек.

30 октября

Скользко жутко! Еле-еле дотащился до ЦК. Пятерых новоиспеченных народных писателей – Зверева, Сарсенбаева, Абилова, Каратаева, Самади, и одного засрака, меня то есть, пригласил на беседу Камалиденов. Присутствовали Камал и Толен. Беседа была сердечная, доверительная. Все мы говорили от души. Я сказал: для меня, немца, высшая хвала – работник. Меня сегодня признали таковым. К тому же я не просто работник, а заслуженный, чем особенно горжусь. Другое святое слово – культура. Я - работник культуры! Звучит! И культуры конкретной – Казахстана, где я живу с семилетнего возраста. Слушали меня с интересом.

А домой по льду кое-как дополз. Довезти новоиспеченного заслуженного работника никто не догадался.

20 ноября

Был более часа Абиш, подробно рассказал о своих встречах с Проскуриным, Личутиным, Бондаренко, Сукачевым, Чернышовой, о встрече в КазГУ. Потом позвонил Абдиков, пригласил в ЦК на обсуждение спектакля по пьесе Баккожи «Тоят түні». Обсуждение длилось два часа, было небесполезным, участвовали и выступали Сейдахметов, Тарази, Шерхан, я, Нурлан, Аширбек, Толен, Асаналы, Камал. Все шло на казахском языке. Потом с Шерханом зашли в книжный магазин, и он купил и подписал мне свою книгу рассказов «Жүрекке әжім түспейді».

Вольфганг Саббат прислал мне «Sonntag» с очерком обо мне.

25 ноября

Минус 24°. Каково? С разными трудностями еле дотащился до Кафедрального собора, где заседало правление Фонда культуры. А вечером были у Әбе, отмечали 20-летие кончины его женге Сагиры. Чудный, добрый получился вечер. Были Абиш с женой и матерью, Аскар с матерью, Зейнолла с Сауле-апа, мы с Раей, Тахави с женой. В ударе был Аскар. Әбе сиял, ликовал.

22 декабря

Звонил министр просвещения Мырзатай Дж.: просит проконсульти-ровать одну дипломантку, пишущую о русском переводе «Крови и пота».

Потом Ауман забрал меня на ТВ, где записали нашу с Исабековым беседу. Вечером читал в «Огоньке» материалы о Бухарине.

26 декабря

Пригласил Дукенбай. Абиш с женой и матерью. Оразбек с Шарой, Карибай, Орынкул, мы с Раей... человек 20. Я думал: вечер по поводу приезда Ардака из Москвы. Но первым догадался Абиш: это оказалось одновременно и свадьбой. Дукеш привел но-

вую жену – молоденькую, приятную, улыбчивую Сәуле. Ну, мы быстро перестроились. Кажется, Дукенбаю повезло. Вечер прошел отменно.

29 декабря

Снег. Небольшой морозец. С утра Еслям принес два номера «Кыргызстан маданияты». Вычитал и законспектировал выступление Ч.Айтматова на научно-практической конференции о языке. Толково и актуально! Во втором № возня вокруг «Манаса». Аалы Токомбаев мутит воду.

Все думаю о своем выступлений в Обществе Семи муз. Никак не определю суть, штандпункт... А на носу между тем Новый год...

1988

13 января

Покатился год Дракона... Был Абиш: рассказал подробно о Секретариате и о беседе в ЦК – обсуждение «Жулдыза». Судя по всему, в СП что-то назревает. Абиш прочел текст своего предстоящего выступления. Убедился, что надобно выступить и мне. Звонил Ануар А. Вероятно, и он готовит выступление.

21 января

Позвонил Альберт Устинов. «Надо бы встретиться». Встретились в два и побеседовали часа полтора. Предложил он мне пост главного редактора «Freundschaft». Отказался решительно. Он вроде бы с моими доводами согласился.

3 февраля

Сегодня Аскар произнес эффективную фразу: «Миы жоқ халықтың бәрі сталинист» (Безмозглые народы все сталинисты). Как точно!

24 февраля

До обеда звонил Ануар А., походили час. Он рассказал о вчерашних новостях на Секретариате ЦК. Сегодня Ануар занял пост начальника ВААПа.

Вечером смотрел фильм о Вернадском. А в конце была совершенно блистательная лекция академика Никиты Моисеева. Вдохновенная, умная речь; логика, эрудиция – потрясающе! А вид? Крупное, в тяжелых складках лицо – лицо мыслителя, со следами внутреннего борения.

16 марта

В СП продолжение итогов литгода. Бодыков написал на Ануара, Ровенский – на Олжаса и «Простор», Тынымбай – на Олжаса. В «Казправде» Ануар дал статью о кунаевских делишках в преобразовании природы. Нес на обсуждение в СП ахинею Хамза Абдуллин. Сказал, что Кадыр и Иранбек – ложные классики, безграмотные, стихи не стихи. И Аксункар клокотал от ненависти, разоблачая неведомых халтурщиков. Молодой поэт нападал на «стариков», которые не дают ходу молодым: нет ни квартир, ни

денег, ни членства. «Что ж теперь нам делать?» «Отправься в аул, вкалывай, зашибешь деньгу», – резонно ответил ему Хамза.

Читал дневник 41 года Вернадского. Поразительно! В первые месяцы войны он писал то, о чем мы только теперь говорим.

Позвонил Аскар: Фариза долбанула Олжаса.

Узнал, что ещё в январе ушел из «Простора» Герт. Для журнала ощутимый удар.

18 марта

С 10-ти утра до 4-х дня – пленарное заседание по итогам литгода. Присутствовали «ыгай мен сыгай» – секретарь ЦК, завотделом ЦК, секретарь обкома, зампред Совмина. Много было выступлений. Выступали и Камал, и Узбекали. Последнего вижу впервые. И первое впечатление приятное. Думаю, что пятидневное собрание выяснило и определило многое. Для «ҚӘ»сделал репортаж.

21 марта

Позвонил Абиш: в 17.00 надо быть в ЦК у Джанибекова. Собрали человек 13. Старики оставили тяжелое впечатление. Қарттар емес – қырттар. И Тажибаев страшно осторожничал. Открыто и по делу говорили лишь Әбе, Ровенский, Черноголовина. Очень некстати говорил Ахтанов. И над ним всласть поиздевались Альжаппар и Нуршаихов. Ровенского аксакалы унижали подлыми репликами: «А его-то кто пригласил?!. Стравливать, что ли, пришел?!. Говори о русской литературе!..» Из 13 человек выступили 8. Я оказался самым молодым. И потому попередь батьки не полез. При прощании Джанибеков сказал: «Я хотел бы с вами поговорить отдельно». Я сказал, что готов. «Значит, помощник вам позвонит». Не знаю, кто как, а я вышел в подавленном состоянии.

25 марта

Вечером с Эльзой провели лекцию в Университете культуры. Собралось человек 70. Слушали внимательно, заинтересованно. Много задавали вопросов. Я говорил минут 50 по-казахски. Эльза читала стихи, говорила о поэзии, даже спела...

1 апреля

Первоапрельская шутка: после обеда повалил снег. Заседали в Комиссии по национальным и межнациональным отношениям. В Комиссии 20 человек. Кілең ыгай мен сыгай. Вел заседание Колбин. Реплики подавали Назарбаев, Камалиденов, Джанибеков. Распределили обязанности. Заседание длилось 1,5 часа. Берковская просит дать материал для сборника «Точка зрения».

3 апреля

Читал «Должностные лица» Щеголихина. Мир жуликов он показывает убедительно. Но у жулья репертуар ограниченный, и потому целый роман о них – скучно. Все одно и то же: застолье, разврат, уфит-суфит, демагогия, подлость, хамство.

18 апреля

С карандашом проштудировал большую статью Каюма о Шакариме. Личность, несомненно, интересная, однако считать его крупнейшим поэтом после Абая – явное преувеличение. Стихотворные его достоинства явно в тени абаевской поэзии. Но за

реабилитацию его радоваться надо. Насколько мне позволено судить, в казахском миропонимании он занимает высокое место. Выйдут книги – почитаю.

Смотрел передачу журналистов, в которой речь шла о преступлениях Сталина. Хорошо, что развенчают его. В мифологическом сознании толпы он все ещё герой. Белов верно заметил, что он главный троцкист. А вчера в «Правде» он поставлен в ряд антигероев: Сталин, Берия, Лысенко, Президент, Рашидов, Адилов. Ещё долго придется объяснять рабам, что из себя представлял этот «вождь» и «корифей науки».

20 апреля

Жуткое давление. Шатает. Потащился в ЦК на заседание Комиссии по национальным отношениям. Сплошь важные птицы, депутаты. Разговор непринужденный. Джанибеков, Исиналиев приветливо отозвались о вчерашнем моем выступлении по ТВ. Заседание вел Колбин. Отчитывались четыре министра. Толковый государственный разговор. Дает более широкое представление, выявляет какие-то новые для тебя грани, проблемы. Заседание длилось два часа.

...Рад, что Абуладзе дали Ленинскую премию. И ещё более рад, что ее не дали Ананьеву. И жаль, что не дали Пахмутовой. Она ее заслужила.

3 мая

Вызвал в ЦК Джанибеков. Нужно написать рецензию на спектакль «Письмо Сталину». Я согласился, сказав, однако, что я не театровед, не драматург, даже не театрал, что это будет отзыв зрителя, литератора. И только. Времени было в обрез. И я понесся в театр на спектакль. Спектакль понравился. Завтра решили с Шерханом встретиться.

11 мая

Весь день – с 10 утра до 7.30 вечера – заседание в зале Верховного Совета КазССР – республиканская научно-практическая конференция. Присутствовали члены Бюро (Колбин был весь день и выступил последним), члены ЦК и кандидаты в члены ЦК, секретари обкомов, руководители партийно-советских организаций, деятели культуры и искусства. Кажется, конференция удалась. Мое выступление раз шесть прерывали аплодисментами, смеялись, хохотали, приняли хорошо. Поздравлений было много. Текст тут же взял Шерхан: «Қазақ әдебиетіне» бастырамын. Прислал записку министр просвещения: «Дайте выступление в «"Учитель Казахстана». И «Огни Алатау» попросили дать. К тому же хотят издать сборник «Материалы пленума». Интересно, толково выступил Айрих. А вечером в программе «Время» показали меня, говорил 1,5 минуты, но вроде как внятно. Это и вовсе неожиданно. Говорить по всесоюзной программе – о таком и не мечтал.

12 мая

До обеда был в ЦК. Тепло, по-доброму беседовал с Джанибековым. Он похвалил мое выступление и одобрил мою рецензию на пьесу Шерхана. В приемной познакомился и поговорил с Президентом АН Султангазиным – милый, симпатичный человек. Потом был у Альберта. Он тоже хорошо отозвался о моем выступлении, но в отношении рецензии в каких-то деталях мнения наши разошлись.

Живу на одном энтузиазме, даю интервью, встречаюсь со многими людьми, а физически мне совсем худо. Еле-еле плетусь.

Посмотрел вторую передачу «Парыз бен қарыз». Хорошая, острая передача. Весьма познавательная. Работает на национальную идею. А плохо то, что в ней глаголют недавние жулики.

18 мая

Повезли в Музей. Оказался праздник. Народу собрали 1,5 тыс. Концерт. Ансамбли. Пляски. Пение. Почетные гости – Герой Советского Союза, знатный строитель, ветеран партии, композитор. Среди них и я. Говорили приветствия между концертными номерами. Концерт хорош, а наши речи – сущая благоглупость, банальность и треп.

Вечером журналист Киевского радио брал у меня дома интервью. Александр Фурман. Учился в Лейпциге. 26 лет. Умный парень.

28 мая

Был в Оперном на закрытии Шевченковских дней. Прошло казенно и формально. Вечером около часа беседовал с Григорием Васильевичем Нечитайло. Ему 82 года, но рассуждает ясно, интересно, логично. Говорили о его интервью в «Горизонте», о смертной казни, о теории Ламброзо, о природе преступности.

1 июня

Встреча-беседа с Колбиным. Говорил он 1,5 часа. И час отвечал на вопросы. Не скажу, что это было бесполезно.

Умер А.Ф. Лосев, философ-загадка, мыслитель. Мощный интеллект.

4 июня

С 10 утра до 7 вечера – XII Пленум ЦК КПК. На пленуме ЦК я впервые. Впечатление от выступлений обкомовских секретарей – не ахти. От многих веет дундуковатостью. И вообще ожидал от пленума большего. Многие со мной беседовали весьма дружелюбно. Познакомился и коротко переговорил с Андреем Г. Брауном. Приятный мужик. Родом из украинских немцев. Подходил и Романов. Познакомился с В.В. Сидоровой. Меня поразило ее крепкое, мужское рукопожатие. И, вообще, видно: женщина крепкая, надежная. Она меня и привезла домой. И, выйдя из машины, опять о многом говорила. Хватка основательная. О многом имеет правильные суждения.

Пришел домой внук Джамбула – Тлепалды Жамбылов. Подписал какую-то бумагу. Хочет взять в свои руки Музей дедушки. Якобы все разворовали. Вручил свой новый сборник «Күткен күн».

8 июня

До обеда просидел на пленуме Фонда культуры. Пленум прошел деловито, активно, энергично. Я тоже выступил. На обед заскочил домой, тут же зашел Абиш. Он взял отпуск, собирается на родину. Зашел проститься. Попили чай, обменялись впечатлениями о пленуме ЦК. Потом я отправился в Кафедральный собор, осмотрел частные выставки. Довольно любопытно. Много знакомых: Ровенский, Данилов, Попов, из газет, с ТВ и радио.

Меня сразу включили в ещё две комиссии. Одна – по изучению наследства Жумабаева, Аймаутова, Байтурсынова. Утверждена на Бюро ЦК КПК. Я о них мало что знаю. Значит, придется очень много читать. Вторая – юбилейная комиссия по Тажибаеву. А

сколько других комиссий, комитетов, советов, фондов, редколлегий! Так можно профукать всю оставшуюся жизнь.

9 июня

Были у меня Гроут, Корн и Гартунг. Затевают большое, по всей стране, немецкое движение. Оставили толковое впечатление. Мыслят четко, программа ясная, продуманная. Деловитые, энергичные. Сказал им четко: всеми фибрами души «за», но в делегации участия не приму. Зато дам адреса нужных людей, обязуюсь написать статью, подам инициативной группе свои тезисы по данному вопросу, разделяю все порывы. Идея восстановления немецкой автономии мне по душе, считаю это исторической необходимостью и справедливостью... Расстались по-братски.

Потом три часа длилась беседа-встреча с Назарбаевым. Он обрадовал: вел беседу круто, дельно, со знанием, напористо. Сразу видно: государственный деятель. Бойко отвечал на все вопросы.

Подготовил письмо У. Джанибекову о целесообразности передачи немецкой редакции издательству «Жазушы».

11 июня

Комиссия по наследию Магжана, Аймаутова и Байтурсынова заседала два часа. Вел заседание Джанибеков. Сплошь именитые. Кое-кто пришел в возбуждение. Домой шли с Ануаром и Елеукеновым. Дело нужное, но чую: много будет споров и даже дрочка будет. К сожалению, мои познания в этом деле слишком поверхностны, и пока не имею своего суждения.

17 июня

Всю неделю то где-то записываюсь, то выступаю в прямом эфире. А сегодня вечером выступали по ТВ в передаче «Қарыз бен парыз». Говорили Жубан, Сагат, Кененбай, Джандильдин, Кшибеков, Жарыкбаев, Бердібаев, я. Два часа что-то мололи. Первая половина нашей беседы была тягомотной, вторая половина чуть живей, зато с явным казакбайским душком. Кое-что мне было неприятно. Особенно раздражал беспардонный выпад против Устинова. Да и вообще некоторые акценты были смещены. Получился явный крен в нашей беседе. Чуткий Сагат это почувствовал. «Как бы меня завтра с работы не турнули...» Наиболее симпатичен мне был Кененбай. Большинство собеседников было довольно своими выступлениями. Бог с ними!

23 июня

Звонил Аскар С. По его словам, «таскают» Сагата по поводу последней передачи «Парыз бен қарыз». Я так и знал. Да и он чувствовал, что явно переборщили тогда. Собеседникам-то что, сказал да и пошел, прослыв смелым. А каково ведущему, да ещё Председателю гостелерадио...

29 июня

Ещё раз прочел доклад Горбачева. 2/3 общие фразы, банальности, обтекаемо. В разделе «Национальные и межнациональные отношения» ничего нового. Все в рамках сложившегося. И это значит, что никому ничего не светит. Вообще в докладе очень мало конкретики. Я понимаю: сделано это сознательно. Но выступающие тоже не лы-

ком шиты и тоже плетутся по этой тропинке. Пустыми были речи Белянинова, Марчука, Колбина, Везирова. Кое-что сказали пока лишь Абалкин, Ульянов, Арбатов, Кабидзе. Ну, а зал хорош. Остро реагирует на свежесть, на новизну.

...Я вошел в комиссию по реабилитации Ахмета Байтурсынова.

5 июля

Звонок из Москвы. Торжествующим голосом Петя говорит: «Это гроссфатер Герольд Карлович?» Все стало ясно. У меня появился ВНУК. Все нормально. 3200. Новоиспеченные дед и бабка возликовали. Рая сразу же засобиралась в Москву.

8 июля

Звонил Аскар С., убеждал написать юбилейную заметку об Оразбеке. Конечно, Оразбек того заслуживает, но у меня нет настроя. Я уже весь в поездке и не смогу сосредоточиться.

ДУБУЛТИНСКИЕ СТРАНИЦЫ

4 августа. Прибыл вчера. Мило встретили меня Герты – Юрий и Анна Петровна, напоили, весьма кстати, зеленым чаем. Летел я из Ташкента через Оренбург. А утром искал телеграф, нашел его в самом конце Майори.

Объявились и Зейнулла Кабдолов с Сауле-апа и Рамазан Тоқтаров с женой.

Здесь завсегдатаи: Чаковский, Проскурин, Поженян, Маро Маркарян...

Кабдолов привез скорбную весть: скончался Токаш Бердияров и Мырзабек Дуйсенов. Последнего я очень уважал. Много с ним ходил на прогулках, беседовал. Был он человек знающий, увлеченный, порядочный, доброжелательный. Впервые я его увидел в 1954 г. Знал его, и его творчество. Совсем недавно, перед отъездом в Ташкент, мы с ним беседовали.

К вечеру появились Рождественский, Гранин, Анаит Баяндур, Ф.М. Янковский... Фамилии многих не знаю, а лица те же, что и в 1980, и в 1985 годах.

Гранин в «Правде»: «Остехондроз мышления мешает»; «Под давлением страха, лжи, разочарований человек стал хуже. По сравнению с чем? Да с тем, каким он был в 20-е и 30-е годы» («Правда», 5.05.88).

8 августа. Четыре восьмерки!

Читаю газеты, пишу письма. Делаю заготовки к большой статье о репрессированных народах.

По данным переписи 1926 г. в СССР было учтено 194 народности; к 1939 г. они сократились до 99. Одни исчезли, других объединили.

Выяснилось, что я не читал «Хозяина» Матевосяна. Анаит обещала прислать. Немного поговорили с ней о национальных вопросах, о Карабахе. Анаит, как я понял, активно болеет этим. Сейчас она собирается в Ереван устраивать своего сына в художественное училище. Мальчику 15 лет.

11 августа. Читал в «Советской Латвии» от сегодняшнего числа: Во время встречи А.Н. Яковлева в агрофирме «Марупе» первый секретарь Лиепайского райкома партии А.К. Чепанис, делегат XIX партконференции, сказал:

«...люди ищут ответы по вопросам истории нашей республики, хотят полнее знать о событиях 1939, 1940, 1941, 1949 годов. Ищут ответы и по пленуму ЦК Компартии Латвии 1959 г. Сейчас в период подготовки к выборам в партийных организациях, в Верх. Совете Союза ССР, в республике рассматривается вопрос о создании Народного фронта. В определенных кругах началась открытая политическая борьба».

Эти мотивы чувствуются даже на побережьи Юрмалы. Латышские деятели выступают сильно, резко, здраво. На их фоне и А.Н. Яковлев смотрится бледно и растерянно.

...В библиотеке нашел Ф. Кафку на немецком. Прочел несколько миниатюр. Вот credo: «Warum wachst du? Einer muß wachen, heißt es. Einer muß da sein».

В «Правде» встретил шикарную фразу Янки Брыля: «Но если, на худой конец, хлеба можно и прикупить за океаном, так языка родного, утратив его, не купишь нигде...»

17 августа. Все эти дни читаю «Японские записи» Н.Т. Федоренко.

«Тигр бережет свои когти, мудрец – свой язык».

«Страдаешь или блаженствуешь – больше одной жизни не проживешь».

«Живешь у горы – ешь то, что дает гора; живешь у моря – ешь то, что дает море».

«В улыбающееся лицо стрел не пускают».

Так гласят японские поговорки.

А вот тезис Лао-цзы: «Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продолжается весь день. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, а человек тем более».

19 августа. Совершили на «Восходе» путешествие по рекам до Рижского залива. Поездка длилась два часа.

Юрмала означает Взморье. 64 тыс. жителей. Летом – 0,5 млн. Лиелупа – в пер. Большая река. С 1824 г. курсирует из Риги в Юрмалу дилижанс. С 1879 г. – железная дорога... Булдури – харчевня Иоганна Булдуренко. Яунцене – юность, молодость... Слока выпускает 16 сортов бумаги. Главный загрязнитель Лиелупы. В Риге 890 тыс. жителей.

...Вечером долго сидел у моря. Поразительная тишь. Ни малейшего ветерка. Лишь волны лениво побулькивают у берега. Штиль. Рябь. Чайки затихли, плавают, наслаждаясь покоем. Издали приглушенно доносится перестук электрички. Бьют часы на башне. Люди, точно призраки, двигаются побережьем. Каркают вороны. Их резкие голоса проклевывают тишину побережья. Небо обложено тучами, но и они неподвижны. Чувствуется, за ними ходит солнце.

Японская поговорка: «Кто пьет, тот не знает о вреде вина; кто не пьет, тот не знает о его пользе».

20 августа. В «Правде» сегодня пишут: «В США ежегодно бумажные фабрики выдают на человека 290 килограммов продукции, что почти в 9 раз превышает показатели в нашей стране. Мы же находимся по производству бумаги на душу населения на 42-ом месте».

Вот что характерно для японцев – точность, строгий регламент и вежливость. Распространенные выражения: «вежливость открывает все двери», «вежливость – залог успеха», «вежливость обязательна даже среди близких», «и с друзьями следует такт соблюдать» и т.п.

И к смерти японцы относятся просто: «Придет момент – умрем, и только». «Раз умрешь – в другой не понадобится». У японцев существует «этикет смерти». Стыдно испускать стоны и вопли на смертном одре, кричать о нежелании умирать, жадно цепляться за жизнь. «Если тебе грозит позор, умри». И оценка человеческой жизни дается по ее последнему моменту: «Как он умер?»

21 августа. Смотрел фильм «Долгие проводы». Фильм-мозаика, фильм-настроение, бабья претенциозность. Отдельные детали хороши, но, в общем, банально, жеманно, с претензией на искусство. Ни философии, ни концепции. Лоскутное одеяльце. Характер весь заявлен в первой же сцене на кладбище, т.е. все определено за пять минут, а фильм длится 1,5 часа.

А вот рассказ Ан. Кима «Остановка в августе» («Знамя», №4/87) прекрасен.

Эдуард Николаевич Белтов занимается репрессированными писателями. В «Книжном обозрении» (№25/88) он пишет:

«По национальным литераторам был нанесен такой сокрушительный удар, что некоторые из них от него ещё не оправились, и вряд ли оправятся в ближайшее время».

«Не любил «отец народов» и евреев», – замечает ведущий беседу Григорий Нехорошев.

«Были арестованы почти все лучшие писатели Удмуртии» (примеры).

«В корне была подорвана такая маленькая, и потому вдвойне хрупкая, алтайская литература» (примеры).

«В большинстве своем были уничтожены башкирские писатели» (примеры).

«Есть сведения о том, что всего репрессировано около 500 украинских литераторов, активно работавших в 20-30-е годы».

Некоторые писатели (Белтов приводит имена) были расстреляны в возрасте 75, 76, 77, 82, 84 лет.

Вероятно, составлю список расстрелянных российских немецких писателей и отправлю Белтову.

23 августа. Поразительная тишь на море. Оно точно обволакивает тебя. Вроде ты в каком-то гигантском сосуде. Что-то призрачное. Неопределяемое... Рядом на скамейку присела пожилая пара. Женщина глянула вдаль, негромко заметила:

– Опять молочная тишина.

А ведь точно! «Молочная тишина».

...По берегу идет стайка девчушек 9-10 лет. Человек двенадцать. Бредут устало. Лица отрешенные, серьезные. Идут и слаженно, проникновенно поют, как бы жалуясь на судьбу: «Без любви, без ласки погибаю я...»

...В «Московских новостях» (№ 32/88) запись С. Эйзенштейна и Ник. Черкасова от 25.02.1947 г. В кабинете Сталина. Сталин, Молотов, Жданов обсуждают 2-ю серию «Иван Грозного».

Сталин говорит: «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно. Но нужно показать, почему нужно быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он недорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал. Нужно было быть ещё решительней».

...Съездили в Ригу. Немного поплутали по старому городу. Зашли в Домский собор. Как всегда, потрясает Мендельсон. «Реквием» Верди. Совсем другое дело, чем слушать пластинку.

28 августа. Оказывается, в июле 1934 г. ОГПУ был реорганизован в НКВД. Значит, в том году, когда я появился на свет, был создан НКВД. В том же году убит Киров. А в 1936 году Сталин объявил, что социализм у нас в основном построен. В 60-х годах Хрущев объявил, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Брежнев долдонил о развитом социализме и при этом ставил ударение то на «а», то на «о». Ныне говорят о реальном или о развивающемся социализме. Трепачи!

29 августа. Перед отъездом – элегический настрой. Все вокруг уже стало близким. И даже многие люди. Писатели понемногу разъезжаются. Роберт Рождественский укатил ещё вчера. Видимо, он крепко работал. Я видел его только в столовой, в вестибюле, да на парапете. Постоит мрачный, сосредоточенный, курит и тут же исчезает.

Перед самым отъездом прочитал Гетевскую штуку «Ко дню Шекспира».

Вспомнил знаменитые места: Кемери, Слока, Вайвари, Асари, Меллужи, Пумпури, Майори, Дзинтари, Булбури, Приедайне, Иманта... Звучит, как музыка.

* * *

7 сентября

Звонили из Общества дружбы. Хотят меня включить в делегацию во Францию. Согласился. Но нужно оформлять бумаги. Так что все ещё вилами на воде написано.

16 сентября

Заседание редколлегии «Freundschaft». Беседа с Альфредом Айсфельдом из ФРГ. Он wissenschaftlicher Mitarbeiter des Osteuropa-Instituts München. Мне он понравился. Взял у меня интервью по национальным вопросам. Подарил мне свою книжку и оттиски двух статей. Предмет знает отменно. Встретился так же с Фишером и Вайдманом.

...От Ирины посылка и фото Всеволода. Хороший мальчик с живыми глазами. И голова хорошая. С удовольствием разглядывал фото. Внук! Это надо же!

23 сентября

Забрал меня Абиш к себе домой. Была его переводчица из ГДР – Кристиане Лихтенфельд. Приятная особа. Источает тепло и нежность. Изучает грузинский язык. Перевела «Железный театр» Чиладзе с оригинала, лишь изредка сверяясь с русским переводом. Был ещё московский узбек Алишер. И наш – Назымбек. Было хорошо. А когда вернулся домой, стало грустно. Какие-то немецкие струны заговорили. Необъяснимое что-то.

От Тыцких пришла «Боевая вахта» с интервью со мной.

15 октября

Господи, сколько же суеты, беготни, возни. Сплошь гонки с препятствиями. Все время цейтнот, аврал, текучка... От всего этого почувствовал сегодня жуткую тоску. Отчаянное одиночество. Отвращение к самому себе. К своей бестолковости. Все вдруг показалось в гадком, отвратительном свете. Не так живу. Забраться бы куда-нибудь

подальше. Жить бы предельно просто. В себя заглянуть. Оглядеться. Мудрые, умные книги почитать. Не насиловать себя, свою душу. Не делать того, к чему сердце не лежит. Не чувствовать себя рабом ничтожных обстоятельств. Без каких-либо мелких житейских обязанностей. Все, что делал до сих пор, показалось ненужным. И вся моя так называемая общественная работа – вздор. Нехорошее состояние. Опустошенность...

19 октября

Семьдесят лет назад был обнародован ленинский декрет о создании Автономной области («Трудовой коммуны») немцев Поволжья. Семьдесят лет назад народу была дана надежда. Думалось: а вдруг снова дадут то, чего отняли 47 лет назад... Молчок...

Было отчетно-выборное партсобрание. Нудное, долгое, как всегда, сумбурное, моментами шумное, крикливое. Все бессмысленно и глупо.

20 октября

С утра в Обществе дружбы политучеба. Просветили нас Устинов, Смаилов, Гурий Борисович, ещё один историк, один таможенник, Акмарал Арыстанбекова. Потом состоялась отдельная беседа с нашим руководителем – председатель облисполкома из Джезказгана. Завтра опять приглашают в ЦК.

Все эти дни каждый вечер гуляю с Ануаром А.

1 ноября

25 октября утром меня срочно отправили в Москву в распоряжение МИДа и АПН. 25-го же вечером – в пургу, в гололед, с большими опасностями – добрался до Ирины, посмотрел внука, а 26-го меня повезли в Пресс-центр на Зубовском бульваре. Присутствовал на пресс-конференции канцлера Коля и его команды, потом – на брифинге Герасимова, потом беседовал с Герасимовым Ю.А. 27.X. был на «круглом столе» МИДа для советских и иностранных журналистов, сказал немного о советских немцах, ответил на вопросы, дал интервью, беседовал с тремя журналистами АПН, с западноберлинской журналисткой, с чехословацким, с Чернышовым и Шмидтом («Neues Leben»). На «круглом столе» я вышел из рамок инструктажа и на свой страх и риск пустился в свободное плавание. Журналистом это понравилось, но у моих наставников округлились глаза. Я сказал то, о чем желательно было помалкивать. Однако, кажется, получилось неплохо. На «круглом столе», помимо меня, был ещё один немец из Актюбинска – Роот Герберт Эмильевич. Беднягу так напугали и так натаскали, что он говорил банальную чушь, и его сразу оставили в покое. Меня поблагодарили и отвезли к Ирине, куда приезжал потом некий Пылев из «Sowjetunion heute». Дал и ему интервью. Потом был в АПН у Егорова Альберта Петровича. 29-го ночью довезли меня до Домодедова и отправили домой. Судя по всему, меня вели органы под прикрытием АПН и МИДа. Видно, кому-то было нужно, чтобы я был на пресс-конференции канцлера Коля. Но явно сказал я лишнее, однако никаких нареканий не услышал. Наоборот, со мной были очень вежливы и предупредительны.

2 ноября

Прошел наш скандальный пленум СП. Олжас назвал его «водораздельным». В общем, думаю, бестолковый пленум. Я тоже выступил, покритиковал и олжасовское руководство, и ЦК. Конечно, не всем моя речь понравилась. Отчего-то рассвирепел мой

земляк Хамза Абдуллин. Подошел, сверкая глазами, сказал: «Тебя вспоили и вскормили аргынцы. Пусть теперь дух аргынцев покарает! И покарает он тебя! («Арғынның рухы атсын! Атады да!»). Джанибеков, однако, в своей речи принял мою критику в адрес ЦК, сказал, что к некоторым моим предложениям стоит прислушаться. Олжас тоже один пункт своей речи посвятил мне: «Я поражен. Ты, Герольд, становишься оратором одной темы. Я никогда ни одного худого слова о тебе не говорил. А сегодня скажу. Я везде и всюду ставил тебя в пример. Ты человек талантливый. Ты воспитан на трех культурах. Не может быть, чтобы ты не ощутил, как озонирован наш воздух могучими ветрами. Я не верю, чтобы ты этого не ощутил. Ты ощущаешь, но просто лжешь!»

...Сборы в путь. Еду без всякого энтузиазма. Вымотан. Пути-дороги не для меня. Не то физическое состояние.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАМЕТКИ

12 ноября. В Париж вылетели из Москвы на рассвете. Две ночи провели в постпредстве Казахстана на Чистопрудном бульваре. Из-за тумана семь часов просидели в Брюсселе. Из самолета не выпустили. Правда, поили и кормили до обалдения. Даже вино и пиво подавали. Но ещё вечером добрались до Парижа и устроились в гост. «Champlain». Ужин в ресторане «Les Balkon». Жили на углу улиц Roma и S.-Lazar.

С Шерханом мы в одном номере... Обалделые гуляли по вечернему Парижу.

13 ноября. Посещение Лувра в воскресенье бесплатное.

Гида нашего зовут Валентина Казимировна.

Триумфальная арка. Елисейские поля. Церковь на холме Монмартра.

Трамваев и троллейбусов в Париже нет. Метро уже 100 лет. Население Большого Парижа – 10 млн. Центральный Париж – 2,3 млн.

Триумфальную арку реставрируют. Камень, оказывается, болеет.

Площадь де Голля. Театр Марини. Клумбы, цветы, блеск, сверк – глаза разбегаются. А какие автобусы! Площадь Conkord. Нац. Ассамблея. Парк Тюильри. Дворец Почетного легиона. Выставка Сезанна. Все узнаваемо и все поражает.

В Лувре и вовсе ошалел. Нельзя так, все сразу. Ни ум, ни душа не выдержат. Перебор.

Набережная Сены – сказка. Мост. Букинисты. Собор Нотр-Дам. Все знакомо по французской классической литературе. Городская ратуша. Площадь Бастилия. Башня свободы.

Париж был оккупирован немцами 25 августа 1941 г. Но не вся Франция была оккупирована.

Кладбище Пер-Лашез. Семейные склепы. Анри Барбюс. Поль-Ваян Кутюрье. Неподалеку Поль Элюар. Рядом – Морис Торез. Жак Дюкло. Стена коммунаров. Лаура Лафарг. Поль Лафарг. Правнуки Маркса. Могила Эдит Пиаф с последним мужем. Эжен Потье. Наследники Виктора Гюго.

А вот и Монмартр. Художники. Толпы. Пение школьников. Перуанская музыка.

В храме на холме идет служба. На французском языке. Удивительная расслабленность, отрешенность. Хор. Орга́н. Проповедь.

Поразительный вид с вершин Монмартра на Париж. Видно далеко. Красота неописуемая.

По ступенькам спустились вниз. Я немного поговорил с Валентиной Казимировной. Она рассказала о себе. Гид. Сдавала два иностранных языка – немецкий и русский. Хорошо оттеняет гласные. Есть акцент.

После ужина мужская часть нашей делегации подалась на Пляс-Пигаль, который я окрестил на казахский лад – Пляс-Сигаль. А я, Мехлис С., Ляйля и Мая пошли в гостиницу.

От впечатлений первого дня я ошалел. Особенно восхитил меня Монмартр.

Уже поздно пришел Шерхан. Долго сидел в задумчивости, курил. Потом сказал: «Надо же... Вся наша жизнь – не жизнь...»

14 ноября. Продолжение культурной программы. Поездка по Парижу. Бесконечные достопримечательности. Вид на Эйфелеву башню. Фонтаны. Мост с колоннами. Дом Инвалидов. Музей Родена. Гробница Наполеона. Пять гробов. Названия стран, которые завоевал Наполеон. (Moscowa здесь означает не город, а реку). Монпарнас. Кофейни, где бывали Эльза Триоле и Илья Эренбург. Памятник Бальзаку в исполнении Родена. В позеленелом халате. Памятник маршалу Нею. Погуляли по Люксембургскому парку. Запах дождя и осени.

Сорбонна. Пантеон великих. Лицей-школа Генриха IV. Латинский квартал. Древние римские бани.

Нотр-Дам. Построен в XI-XII веках. 35 м. высота. Общество «СССР – Франция». Разве все перечислишь? Речи в Обществе. Банкет. Осмотр залов. Весело, раскованно. Какой-то иной дух витает над нами. Чувствуешь себя счастливым человеком.

Париж сплошь в вечерних огнях. Фантастически, немыслимо. Париж удивляет, поражает, восхищает. «Провались все! – мрачно говорит Шерхан. – Оказывается, мы до сих пор в тюрьме сидели». В самом деле, и представления не имели, что существует другая – такая! – жизнь... Водоворот божественной жизни.

15 ноября. Едем в Сент (460 км.) по кольцевой дороге рядом с Булонским лесом. Температура с утра +7°. Англичане ходят в безрукавках. Мы – в куртках и плащах. Недалеко от Булонского леса Советское посольство. Дороги все государственные. До пляжей Ла-Манша 1,5 часа езды на машине. Пригород Булонь. На автозаводе «Рено» работает более 200 тыс. человек. Из Парижской агломерации выбрались через 1,5 часа езды. Пошли все частные участки. Шофер – алжирец Салля. Белая сорочка, черный галстук, яркокрасный жилет. Сидит за рулем, как падишах на троне.

Едем в густом тумане. Лицезреть окрестности – глаза устали. Мозг уже отупел. В сознании все не вмещается. Зашли в придорожный магазинчик. Все есть. Цены дикие. Ручка с голой красоткой – 17,5 Fr. Дезодорант – 32,36 Fr. Дешевая оправа очков - 147,75 Fr. (У Кордена есть и за 700-1000 Fr.)

Книжки Playboy с голыми бабами в немыслимых позах.

Едем по правому берегу реки Луар. 10% населения Франции занимается земледелием. Префектура Блуа. Одновременно поглядываем в телевизор у потолка автобуса. Голая баба долго втирает в свои телеса мази. Наконец, разлеглась в пышной постели. Входит поджарый мужлан и, облизнувшись, набрасывается на нее. «Смотри, смотри! Началось!» – толкает меня в бок Шерхан. «В Нормандии скот круглый год на лугах», деревянным голосом вещает гидиха. Много скота. Не знают, куда молоко девать. Делают полсотни сортов сыра.

Пошли долины, холмики, речки. Подъезжаем к г. Тур. Здесь родился Бальзак. Поразительные, ухоженные ландшафты. Кукурузное поле. Местами убрано.

Мимо мелькают красочные автобусы, фургоны из Голландии, Испании. Долины, селения... Ох, живописно!

После обеда добрались до г. Поти. Мехлис все рассказывает мне про сельскохозяйственные премудрости. Человек умный, бывалый, интересный.

И вот мы в Сенте. После Парижа это, конечно, серая провинция. Любовались амфитеатром, походили по траве, подышали настоенным на разнотравье воздухом. Вошли в гулкую церковь конца XI века. Церковь святого Эф Тропфа. Разместились в «Отель де Массатери» 16, рю Виктор Гюго. После ужина в ресторане «Поющий соловей» посидели (я, Сапаргалиев, Ляйля, Мая, Сауле) в номере, пили коньяк и произносили тосты.

Потом разошлись. Упоительная ночь. Лег уже на рассвете. А в 8 утра уже надо ехать в г. Ля Рошелль.

16 ноября. Занимается заря. Плывет, слоится туман. Плотным рядом стоят платаны.

У водителя Салля пять комнат. Две дочери учатся в медицинском.

Мелькают деревни. Овцы, коровы, усадьбы. Кукурузные поля, виноградники.

Колледж. 800 учеников. Одна треть изучает испанский язык. В г. Сент нет желающих изучать русский язык. А в Ля-Рошель есть желающие. Вообще, для французов русский язык очень труден.

Низкие луга. Заливает океан. Травы растут соленые. Овцы белые, крупные.

Подъехали к океану. Отсюда отправили Наполеона на остров Святой Елены.

В Ля-Рошелль проживает 100 тыс. человек. Мост 3,5 км. к острову Ре.

Среднее образование 12 лет.

Площадь Верден. Собор города Ля-Рошелль. Здесь мы встретили раскрашенную особу, толстогубую, нос картошкой. Людмила из Нижнего Тагила. Встретив соотечественников, прослезилась, кинулась нас обнимать.

Зоопарк. Дубовый парк. Городская ратуша. Все чинно, чопорно. Бюст Марианны – символа Франции (из бронзы).

Поражает нас общение людей. Мэр города разговаривает с нами, будто знает нас сто лет. Доступный, открытый, склонный к юмору. Алжирец-водитель Салля совершенно спокойно, уверенно встревает в разговор с мэром, профессором, и это так естественно. У нас такое и представить невозможно.

Посетили завод Мишеля Камю – коньячный завод. Знакомство с тайнами этого древнего производства.

17 ноября. Посетили сельхозлицей. Католическая школа. Рассказывает г-н Клод Кайо – член регионального отделения Общества «Франция – СССР» в г. Сент. Осмотрели доильный зал. Одновременно доятся 8 коров. Молоко течет по трубам. Основательно ознакомились с учебным заведением. Никаких рационов. Коровы едят столько, сколько хотят. От одной коровы получают 6 тыс. литров молока в год.

Здание дамского аббатства (женский монастырь XVII в.)

Здесь, в Обществе, провели «круглый стол». Местные члены Общества лестно отозвались об интеллектуальном уровне нашей делегации. Откровенный разговор в ресторане с активистами Общества. Я беседовал с г-ном Рене Бертоме. А Макс Берто-

ме заявил: «Если б я не был французом, я хотел бы быть русским». Был он во многом странах мира. В СССР тоже. «И где бы я ни хотел фотографироваться в СССР, везде было нельзя».

«Я всю жизнь болею, но до сих пор не умер».

«У меня есть право на вождение самолета, однако ни за что на Красной площади не сяду».

Понравились мне французы. Да и наши жигиты показали себя во всем блеске. Пели, шутили, произносили тосты, веселились.

18 ноября. Вернулись в Париж. Продолжаем любоваться и восхищаться. Темп высокий, впечатлений уйма, и я уже чувствую усталость. Отдыхал в парке Тюильри.

19 ноября. Добрались на метро до Института восточных языков и цивилизаций. Нас много, французов – мало. Подошло человек 9. Коллоквиум – называется наше мероприятие.

Проф. Рэш (зарубежная география), проф. Луи Базан, проф. Леон Робель (переводчик Олжаса, спец. по рус. лит.), проф. Реми Дор (специалист по кирг. яз., но когда я заговорил с ним по-казахски, он смутился, растерялся, и я понял, что специалист он книжный), проф. Шарль Гуревич (специалист по нац. проблемам и грузинской литературе).

Представляют «наших»: Мая Шыгаева, М.Сужиков, К. Сапаргалиев, М. Татимов, В.А.Ким, Г. Бельгер, Ибрашев, Амиров, Муртазаев, М. Сулейменов, Исаев.

Что французов интересует? Вопрос о калыме, об Арале, о самосожжении женщин в Ср. Азии, казахстанский хлопок, об Олжасе, о немцах Казахстана. Выяснилось, что проф. Шарль Гуревич что-то обо мне слышал. «Мне было приятно увидеть среди гостей человека, которого я знаю».

По вопросу автономии российских немцев поговорил со мной проф. Жан Радвани (он представился племянником Анны Зегерс). «Я географ. Я не уверен, целесообразно ли снова восстанавливать автономию для немцев на Волге. Может лучше через культурные центры на местах добиваться главной цели?»

Проф. Леон Робель расспрашивал об Олжасе и о литературе российских немцев. Попросил прислать мои книги. Его очень интересуют те, что пишут не на родном языке (говорил о Чингизе Гусейнове).

Возвращались тем же метро. В Париже сегодня хмуро, но не холодно. В метро пьют негры. На скамейках лежат клошары. Кто-то сидит, положив перед собой шляпу, и наяривает на губной гармошке.

Вечером пришли местные казахи родом из Алтая. Представились: я – найман, я – керей.

Шерхан, поздно вечером ушедший к казахам, вернулся в 6 утра.

А мы направились в Версаль. Опять Триумфальная арка (укрытая прозрачной тканью), через авеню де Голля, через респектабельный пригород Нани, вдоль набережной Сены, мимо Булонского леса.

Версаль – охотничья резиденция, чтобы удаляться подальше от Двора. Начал строить Людовик XII, потом Людовик XIV достраивал, Наполеон превратил в Казарму, а реставрация Версаля продолжается и поныне. Мы посетили приемные залы и интимные залы.

Роскошь умопомрачительная. Позолоченные двери. Дубовые полы. Огромные картины. Расписанные потолки. Библейские сюжеты. Вся роспись залов – мифология. V-зал посвящается богине охоты Диане, IV – зал богине Венере. VI-й зал в бордовом цвете, в коврах. VIII-й зал – канделябры, огромная люстра, портрет Людовика XIV. Зал XI – зал мира. Зал XII-й – спальня Марии Антуанетты. В зале XV-м – картина о коронации Наполеона I. И т.д. Все обалденно. Сбился со счета пышных залов.

Скульптуры. Пруды. Фонтаны. Блеск и сверк.

На обратном пути попали в автомобильную пробку и выбирались отчаянно долго. Наконец, въехали до улицы Ришелье. Здесь жили Бальзак, Дидро, Мольер.

Осмотр Эйфелевой башни. С площади виден весь Париж. Башня светится вся. От такого великолепия чувствуешь себя, как на крыльях. Хочется парить над величественным городом.

Ужин в ресторане на I-ой площадке. Каскад фонтанов, газоны Марсова поля.

Необыкновенный подъем духа.

Ещё раз остановились неподалеку от памятника маршалу Фоше.

Ветер. Сырость.

Прощание с Парижем.

Опять приехали в гостиницу парижские казахи.

21 ноября. После завтрака выезд. Хоть и не было никаких денег, а обзавелись разной рухлядью: магнитофон, альбомы, книги, карты.

Холодновато. Но светит солнце.

Понедельник. Выбраться из Парижа сложно. К видам Парижа уже привыкли. Глазели сонно и тупо.

Вчера был необыкновенный подъем духа. Сегодня – печаль. Вряд ли когда-нибудь ещё увижу Париж. Но благодарен судьбе и за это. В Париже я был счастлив.

Вспомнились:

Щедрин: «Здесь легко и весело дышится».

Хемингуэй: «Париж никогда не кончается, и каждый, кто там жил, помнит его по-своему».

Эжен Юнеско: «Я живу в городе, где только, по-моему, и можно жить...»

* * *

29 ноября

Пока я отсутствовал, произошли перемены: Алтыншаш стала редактором «Қазақ әйелдері», Калтай – редактором «Шмеля», Найманбаев – директором издательства «Жазушы», Смаилов – пока нигде не устроился.

Был Абиш: Рассказал о своей поездке в Америку.

Был Бейбит Сапаралин, взял интервью. Учтивый, знающий, симпатичный молодой человек. Задергала меня немецкая редакция: и «Грани» давай, и «Lesebuch» Реймгена. Из Германии пишет Кляйнмихель.

2 декабря

Провел встречу в Высшей партийной школе. Человек 10-12 преподавателей и 60-70 слушателей. Встретили хорошо во главе с ректором. Получилось нормальное общение. Выступал 1 час 20 мин. Хотят пригласить ещё.

5 декабря

Весь день заседал. До обеда заседали в АН у Абдильдина – готовили документы, одобрили справки-реабилитации М. Жумабаева, Ж. Аймаутова и А. Байтурсынова. Подписали все бумаги.

А с 6 до 9 вечера заседала Комиссия по нац. отношениям в ЦК КПК. Присутствовали Колбин, Назарбаев, Даулетова и etc. Вел Джанибеков. Снег, холод, гололед.

13 декабря

Умер Раевский в возрасте 95 лет. Уникальная жизнь.

ТАШКЕНТСКИЕ ЗАМЕТЫ

20 декабря. Второй день в Ташкенте. Пишу письмо и перебираю свои бумажки. Читаю Эрнста Шумахера «Жизнь Брехта».

Олег Гайданов, заместитель прокурора Узбекистана, пишет в статье «Расплата» (МН №51, 18.12.88): «Взяточничество и казнокрадство – бич Средней Азии. Только в первом полугодии 1988 г. к уголовной ответственности за взяточничество привлечены 58 должностных лиц... И занимались они взяточничеством, злоупотребляли служебным положением не в период застоя, а в последние два года.

По предварительным данным (а они ещё будут уточняться), ущерб от преступлений, совершенных в Узбекистане в период расцвета негативных явлений, – несколько миллиардов рублей. Это среднеазиатский Чернобыль».

22 декабря. Дождь шел весь день и всю ночь. Листаю хорошо изданный двухтомник «Воспоминаний о К. Марксе и Ф. Энгельсе». Много беседовал с мамой. В житейском смысле рассуждает очень здраво и благородно. Широкая, добрая душа.

...Есть такой русскоязычный поэт кореец Борис Пак. Родился в Ленинграде. Когда началась война, с родителями переехал в Ташкент. Член СП СССР. Листал его сборник «И восходит любовь», вышедший в 1978 г. в Ташкенте.

23 декабря. Читал маме письмо немцев об автономии. Мама вполне разделяет эти мнения. Её возмущают те, что уезжают в Германию. Кому они там нужны? Что ещё им надо? Какая это родина? Стыд! Ещё я прочел ей письмо одного немца из ФРГ, опубликованное в NL на эту тему. «Правильно пишет человек, – заметила мама. – Все правда! Не хватает агитации. Это дурачье ничего не понимает».

В «Неделе» ст. о Кагановиче. Ему 22 ноября было 95 лет. Надо же!

Из «Жизни Брехта»: «С Пискатором Брехт обсуждал вопросы организации в городе Энгельсе киностудии, с ним и другими эмигрантами – возможность создания на Украине и в Автономной республике Немцев Поволжья немецких театров, которые могли бы ставить его пьесы и занять Вайгель как актрису».

24 декабря. Выпал снег. Укрыл деревья, крыши домов. На земле кашица. Маме сегодня 78. С утра поздравили, вручили подарки. Ещё вчера мама подумала, что ей 79. Потом, уяснив свою ошибку, сказала: «Ну, и хорошо! На год, значит, помолодела».

Был И. И. Фрезе. Подробно рассказал о своей жизни в трудармии. Я записал. Мне это пригодится для повести или романа.

Повертев в руках двухтомник «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе», Фрезе сказал: «К этим товарищам я отношусь так. Конечно, образованные, умные, систему взглядов имели. Но богами я бы их не считал. Ибо надо всегда считаться с человеком и временем, а не втискивать все в системы и догмы. И не надо воображать, что твоя правда – единственная. Или вся правда».

26 декабря. Ночью был морозец. Лужи затянулись ледком. Стынь в воздухе. От колонки вьется пар. Моешься – и ты весь в клубах сизого пара.

Вечером смотрел запись Эстонского ТВ – встреча с Альфредом Шнитке. После инсульта у него несколько затрудненная речь. Но мыслит интересно, и следить за этим весьма занятно. Кое-что о нем – об его отце, матери, брате – я знал. И потому он был мне особенно близок. Большое получил удовольствие.

Читал «Бахиану» Чингиза.

27 декабря. Весь день читал. Нахлынула тоска. Я боюсь этого состояния. Перед сном слушал по ТВ сонату для виолончели с оркестром Альфреда Шнитке. Она сильно взвинтила мои нервы. Я ее воспринял как трагедию одинокого духа. Играла Наталья Гутман.

28 декабря. Моментами совершенно непонятная тоска становится невыносимой. Вроде и причин никаких нет. Наоборот, все в норме, все хорошо. А что-то неотступно грызет, грызет, сосет... И сам себе омерзителен. Надо бы как-то вырваться из этого состояния. Последний душевный подъем и полный лад в душе я испытал в дни поездки по Франции. А потом – уже с Москвы – что-то нашло, накатило... Думал, в Ташкенте избавлюсь от смуты, от тягот. Не получилось. Даже усугубилось. Теперь думаю: может, в Алма-Ате обрету себя? Хотя явственно чую: там мне будет ещё хуже. Может, оглушить себя непосильной работой?

* * *

30 декабря

Вернулся из Ташкента. Идет снег. Воюю с накопившейся почтой. Отпечатал статью. Прочел материалы Тулеева и Корна. Заехал Эрлих: привез опрятно изданную свою книгу «Lebendiges Erbe».

1989

1 января

Змея или Змей уже вступили в дом. Весь день провел в трудах. А вечером прочитал «Дублер» Адамовича. Он раздел Сталина догола. Добрался до его матери и отца. Все факты были мне известны. Но автор спрессовал и подал их так, что вождь вызывает омерзение. Значит, такой вождь... Видно, перегиб, перебор.

Прочел дивный рассказ Ж. Аймаутова «Әнші». Какие детали, какой язык! Как искусно плетет узоры из слов!

12 января

Выступил перед учителями Алматинской области. Человек 60-70. По-моему, контакт был. Разумеется, имею представление о педагогических делах в республике, но не полагал, что все так худо. Учителя поведали мне жуткие вещи.

16 января

Был часа три Абиш (Кекилбаев). Напористо агитировал меня пойти к нему на работу старшим консультантом по вопросам пропаганды культуры. Дескать, рядом, работа – не бей лежачего, а зарплата 260 рублей. Я на мгновение соблазнился было, но потом сказал, что ответ дам завтра. Долго и полезно говорили о статусе казахского языка. Как-то очень толково и просто Абиш объяснил мне то, к чему я подбирался стихийно. Раскрыл он и кое-какие ошибочные мои представления. Вот голова! 13 человек дважды мололи в ЦК разный вздор и не смогли сформулировать то, что так изящно изложил Абиш. Вот кого надо было взять в ЦК!

21 января

Главное событие дня – провел заседание рабочей группы о языке. Было приглашено много людей. Заседание прошло в зале бюро ЦК КПК. Присутствовали члены Бюро – Колбин, Мендыбаев, Асанбаев, Джанибеков. Меня усадили на торь – в кресло Колбина, и я вел заседание. Конечно, поначалу чувствовал себя не в своей тарелке, но получилось, кажется, сносно. Привел притчу. Идут чинно гуси на водопой. Вожак, обернувшись, спрашивает: «Слушай, ты не знаешь, куда мы идем?» Второй гусь спрашивает у третьего, третий у четвертого и т.д. Так, дескать, и мы. Куда-то собрались, а куда – не знаем... Посмеялись. Выступило человек 8-9. Отменно выступили Абиш и ректор ИнЯза Ирмуханов. Они, собственно, и направили заседание по верной колее. Долго читал лекцию Гаркавец. Немного ударился в частности. Что-то мудрили академики Кайдаров и Кенесбаев. В общем, получилось нормальное заседание, что и отметил в конце Колбин. Люди выходили возбужденные и с чувством полезного дела. Проводил меня Абиш.

22 января

Сегодня в «Казправде» опубликована моя статья «Как преодолеть языковые проблемы?» Сразу пошли звонки. Некоторые одобряют, другие возмущаются. Основной тезис: в данной ситуации объявить казахский язык государственным – практически ничего не даст. Нужен подготовительный период. Пусть некоторое время будут два государственных языка. Укрепив фундамент, можно передать эту функцию исключительно казахскому языку. А пока, мол, рановато.

Вот это-то и вызвало раздражение у некоторой части. Как говорит Самойленко, «они ждали, что Бельгер – казахский националист, а он даже не немецкий».

Один из первых выразил обиду Бердыбаев.

Кто-то обрушился на меня по телефону: «Сізді үлкен азамат, интернационалист деп келдік, ал мынау не?!» «Что, мы хуже эстонцев?!» Кто-то и вовсе взъярился: «Это некрасиво! Кто вам дал право возглавлять языковую комиссию, когда у нас столько национальных академиков?!»

В ЦК сказали: «Ничего... Мы знали, на что шли. Здесь о вашей статье высокого мнения». Пригласили на Бюро ЦК.

28 января

С утра, преодолевая сугробы, дотащился заблаговременно до ЦК. Прошло Бюро, скорее похожее на малый пленум. Были секретари обкомов (первые и по идеологии), руководители ведомств, пресса. Доклад делал Джанибеков. Сообщения делали руководители групп: Даулетова, Асанбаев и я. Потом выступили Ауельбеков, Малкин, Князев, Сагдиев, Лакатунин, Трофимов, Байжанов, Медведев, Толебеков, Назарбаев, Колбин. Все выступления будут разосланы по областям – по обкомам. А в печати они будут только изложены. Ко мне все отнеслись уважительно.

6 февраля

Нездоровится. В мыслях разброд... Вечером в Оперном праздновали 80-летие Абдильды. Народу собралось много. Участвовали Колбин, Назарбаев, Мендыбаев, Джанибеков и пр. Были гости из Узбекистана, Таджикистана, Каракалпакии, Туркмении, Якутии, Москвы и Ленинграда. Завтра продолжение в СП.

8 февраля

Вечером получил полное ненависти и злобы письмо от одного типа из Алматинской области. Внизу стоит русская фамилия, но, думается, написал какой-то «друг» из Союза писателей. Свирепствует по поводу моей статьи в «Казправде». Я аж захлебнулся от обиды: столько ненависти ко всему немецкому. Основной мотив: как я, немец, осмеливаюсь говорить о казахском языке?! Позвонил Ануар: он где-то давал интервью, и ему тоже задали вопрос – как, дескать, понять, что Комиссию по языковым проблемам возглавил немец, а не казах?.. Господи, как мне все это надоело?!...

Вечером позвонил Захарченко из ЦК КПСС, говорил мягко, доброжелательно. Кажется, он прилично разобрался в казахских делах. Пожелал мне стойкости и хорошего настроения. Попросил написать мне свои предложения в ЦК.

Вечером смотрел «Факел» – фильм о Домбровском.

15 февраля

Итоги литгода. Накануне мой земляк и «аға» Сафуан хорошо подогрел кое-кого из моих «друзей», и сегодня они топтали меня всласть. Теребили и колотили меня за мою статью Кабдеш, Рахманкул, Сафуан, Аубакир, кто-то из Семипалатинска, слова сочувствия сказали мне Еслям, Каскабасов. На собрании не было ни Абиша, ни Әбе, ни Олжаса, ни Оразбека. Уходить мне было нельзя: могли подумать, что я смалодушничал и убежал. Пришлось высидеть до конца и слушать, как надо мною изгаляются. Из почтенных аксакалов никто не сказал ни слова в мою защиту. Наоборот, Х. Ергалиев выразился в том смысле, что Бельгеру подсунули дубину, которую поднять он не в силах. Некоторые в зале откровенно жаждали крови, расправы. По-моему, их сильно смутило мое спокойствие и то, что не дергался и даже шутил. Правда, крови не получилось. Особенного ажиотажа тоже. Русские ушли. Все шло на казахском. И говорились ужасные вещи. Я чувствовал себя одиноко. СП К превратился в болото мракобесов и крикунов.

19 февраля

Гулял с Ануаром, Тахави, Бердибеком. Все обсуждали итоги литгода и сафуановский демарш против меня. Оказывается, он тщательно разработал план мести, организовал людей, приглашал для беседы к себе, всем втолковывал, что я – казахский враг.

Письмо против меня читал на Совете казахской прозы. По мнению Ахтанова, он его сам и организовал. «Честно отрабатывает свои 30 серебренников». Встретились и Елеукенов, Шарипов, Кыдырбекулы. Но они не касались этой темы.

От Әбе узнал, что меня склоняли на все лады и на годовом собрании Института литературы. Особенно «разоблачали» меня Базарбаев, Бердыбаев и Каратаев. Словом, травля продолжается...

21 февраля

Много слез и рыданий. Какой-то сплошной национальный надрыв. «Ойбай, казахам хана!» – стонут казахи. «Ах, либер Гот! Надо скорее драпать в Германию!» – плачут советские немцы. Иногда и я поддаюсь этому плачу... Думаешь, думаешь до тоски, до отчаяния, до умопомрачения. Чудится: вселенская гибель.

А моментами находит просветление: но ведь ЧЕЛОВЕК-то останется. Ведь, в конечном счете, важнее всего, чтобы остался не казах, киргиз, шуршит или советский немец, а ЧЕЛОВЕК. Не так ли? Важен Бетховен, важен Шостакович, а не то, что один немец, другой – еврей. Вот и Ю. Карякин пишет: «И, как никогда, общечеловеческое сегодня важнее интересов классовых, партийных, национальных и прочих».

По-моему, верная постановка вопроса.

4 марта

Великолепен рассказ Магжана «Шолпанның күнәсі» в «ҚӘ». Рассказ был впервые опубликован 67 лет назад. А хорош почти во всех компонентах. В «Fr.» вышло мое выступление на итогах литгода. А в «Просторе» опубликована моя повесть «Там, в долине».

8 марта

Выступают кандидаты в депутаты. Выступают, выступают... И у всех программы, у всех – платформы, у всех – концепция. О, аллах, а жизнь все беднее, скуднее, бестолковей.

1 апреля

Семнадцать дней пробыл в Москве. Трое суток пожил в «России», участвовал в выборах Фонда культуры. Все проходило в «СЭВе». Интересно, запоминающе. Были акад. Лихачев, Раиса Максимовна, Михалков Н., Ямщиков, Питирим, много деятелей культуры. Потом перебрался к дочери, всласть позабавился с внуком. Была и пакость – почечные колики. Прочел «Лотту в Веймаре» и написал стр. 20 французских очерков.

Три дня участвовал в работе учредительной конференции Общества российских немцев. Один день в «Neues Leben», два дня – в Политехническом музее. Тоже выступил. На мое выступление сослалась «Комсомольская правда».

5 апреля

Совещание переводчиков в Доме ученых. Я выступил с содокладом «Меняющаяся действительность и язык художественного перевода». Кажется, сносно. Во всяком случае, слушали. Потом был на открытии мемориальной доски Мусрепову. Написали глупость: «Бұл үйде Мұсрепов тұрды және жұмыс істеді». По-казахски нелепо. Буквальный перевод с русского. Какой-нибудь Сафуан и перевел.

14 апреля

Отпечатал 200 строк подстрочника Абая. Надо бы перевести ещё строк сто, но не могу: подстрочник стихов – это такое уродство, что стыдно перед Абаем...

17 апреля

До обеда работал над французским очерком... После обеда был в Актовом зале мединститута. Было нас четверо: Омирсеит, Еслям, я и один доктор наук из АН. Студентов собралось человек 200. Подготовка никудышная. Ориентировки нет. Вспыхнула русско-казахская неприязнь. Скверно! Слышались слова: русский шовинизм, казахский национализм... Правда, лично ко мне отношение было теплое. А вот на совещание в ЦК не успел. А дома сплошь звонки. Теребят из Сергеевки. Приглашают в Энергетический институт. Никакой жизни – одни обязанности. Просят о свидании Осипов, Трутанов, Гельд. И ещё радио на шее висит. Ещё немецкие дела.

22 апреля

Часа три побыл у меня Отто Эстерле, кандидат геолого-минералогических наук. Осенью защищает докторскую. Родом из азербайджанских немцев. 1940 г.р. Есть свои научные идеи, свое направление. Солидный мужик. 42 изобретения. «Но обществу я не нужен. Мои идеи, мои изобретения не нужны», – горько сетует он. Настроен в будущем эмигрировать. К моему «патриотизму» относится скептически.

26 апреля

Смотрел по ТВ съезд и «Взгляд». Точно определились три течения: радикалы, центристы и сталинисты. Последние – наиболее тупая, отсталая, замшелая часть общества – все ещё сильны. Приятное впечатление производят молодые. Из них выйдет толк. А вот Средняя Азия и Казахстан – дремучая планета...

1 июня

Часов восемь сидел у ТВ: лицезрел съезд народных депутатов. Вчера потрясающе выступил Власов. Олимпийский чемпион поднял впечатляющий вес: досталось от него и правительству, и КГБ – подпольной империи. Запомнились речи Горбунова, Томе, Бразаускаса. А сегодня выступили Евтушенко, Чередниченко, Мазуров, Карпов, Лиханов, Друцэ. Возникла вспышка по поводу Комиссии по делам Гдляна-Иванова. Общее впечатление тягостное: страна дошла до ручки.

2 июня

Съезд народов продолжается. Айтматов, Петерс, Худоназаров, Карякин... Была ура-патриотическая вспышка после выступления афганца-майора Червонописки. «Патриоты» рьяно набросились на Сахарова. Одна узбечка даже презрение от всего зала высказала...

Айтматов выступил прекрасно. Нашел добрые слова для казахов, узбеков, крымских татар и советских немцев. Сказал, что несправедливость к немецкому населению существует и поныне. Политдискриминация немцев продолжается до сих пор. Не сомневаюсь, сказал он, что немецкая автономия будет образцом для всех нас... Я сразу отправился на почту и отбил телеграмму благодарности. Вечером позвонил Аскар: он тоже дал телеграмму, подписав ее своим и моим именами.

4 июня

Вечером передали жуткую весть: катастрофа в Челябинске. Многочисленные жертвы. В срочном порядке вылетели туда Горбачев, Рыжков, Язов, Власов, Чазов. Неспокойно, напряженно в Карабахе. В Фергане столкнулись узбеки и турки. Беда за бедой, пакость за пакостью. В Китае произошли стычки. Жертв несколько сотен. Умер Хомейни. Может, вздохнет мусульманский мир. А то уже задыхается в мракобесии.

Вечером походил с Ануаром, Тахави, Симашко.

5 июня

В стране объявлен траур. Горбачев сделал краткое сообщение перед депутатами, и на этом разошлись. Нишанов, муфтий и Ко срочно вылетели в Фергану. 6 тыс. солдат нагнали туда. Комендантский час. Смотреть на все это тягостно. Сосредоточиться не могу. Полная разбалансированность души. Как наша разбалансированная экономика. С удовольствием прочел повесть П. Косенко о Ю. Домбровском. Как говорится, и время, и место действия мне знакомы. Да и Косенко, несомненно, молодец.

По ТВ смотрел «Чудаков» Горького. Очень чеховская штука.

6 июня

Съезд нардепов продолжается. Умно, аргументированно выступила женщина из Эстонии (Хайно?); хорошую речь произнес Д. Кугультинов – сказал и о крымских татарах, и о советских немцах. Безобразно выступили Яровой и Распутин – злобно-шовинистически, ограниченно-державно. Шаханов каким-то образом прорвался на трибуну, отбарабанил то, что лежит на душе казахов, т.е. коснулся болевой точки. Конечно, о том надо было сказать, выхлестнуть боль. Но получилось скороговоркой, лобово, тасыр-тусыр, в спешке. Боюсь, не все даже поняли, о чем речь. Олжас был заявлен, но черед до него не дошел. Олжас сказал бы наверняка более весомо и впечатляюще.

Совет национальностей Горбачев вел нервно. С трудом – как всегда, с помощью инертной Средней Азии и Казахии – протащил Нишанова на пост председателя. Сам Рафик Нишанов производит впечатление человека самонадеянного, скользкого, с уровнем местного базаркома. Яркое выражение азиатского «Аке-еке, чего изволите?» Нет, не такой человек должен быть в Совете национальностей. Досадно...

Убедительно выступила Старовойтова, но Горбачев ее не по-джентельменски оборвал. Сильное впечатление производят прибалты. Они демонстрируют совершенно иной уровень мышления.

8 июня

Все время трачу на съезд. Многое волнует, будоражит. Конечно, событие. Из вчерашних выступлений запомнились Шмелев, Емельянов, Гаер, женщина из Литвы, Олжас. Вокруг Конституционного надзора и Ген. прокурора разгорелся ожесточенный спор. Литовская делегация даже покинула зал. Съезд гудел. Вечером были вынуждены оборвать трансляцию.

14 июня

Вызвали в ЦК. Создали рабочую группу по языковому строительству. Все сначала. Явно курс в верхах изменился. В Комиссию вошли только те, кто ратует не за два государственных языка, а исключительно за казахский. Я-то никак не возражаю, но

чувствую – рановато, никакой подготовки и материальной базы нет. Говорил с Джанибековым, дал ему свою книжку «Гете и Абай». Смотрел списки приглашенных на предстоящее собрание: около 300 человек.

15 июня

С утра меня искал Джанибеков. Но ни он меня, ни я его так и не смогли поймать. Съезжаются гости на конференцию немцев. Из ФРГ прибыли А. Энгель, А. Айсфельд, А.Риттер и ещё один. Кто-то объявился из ГДР. В общем, понаехало человек 300-350.

Съездил в «Достық», встретился с Дитцем, Каценштейном, Вормсбехером.

16 июня

Весь день пробыл на Республиканской конференции по советским немцам в Доме ученых. Хорошее вступительное слово произнес Джанибеков, толковый доклад сделал Козыбаев. Были и другие приличные речи. Пообедали вместе с коллегами из ФРГ – Айсфельдом и Энгелем.

17 июня

Сегодня первым выступил я. Заключительную речь произнесли Ауман и Жолдасбеков. Последний высоко отозвался о моей книге «Гете и Абай». Вчера о том же говорил и Джанибеков. И одна партийная дама из Караганды о том же упомянула. Вечером был банкет в III резиденции ЦК. Были Камалбай, Салават, Эрлих, Вермсбехер, Айсфельд, Энгель, Хорст (ГДР), Айрих, Марченко, я. Теплый, приятный был вечер.

21 июня

К вечеру с Костей Эрлихом ездили в горисполком. Регистрировали национальные центры. Многие деятели нац. центров меня удивили: многие взяли резкий крен в сторону гешефта.

26 июня

С утра с Ануаром А. потопали в ЦК. 4-х часовая беседа у Назарбаева. Поздравили его с избранием Первым секретарем ЦК КПК. Выступили все, за исключением Шерхана, Симашко и Альжеке. Присутствовали Щеголихин, Козыбаев, Зиманов, Калтай, Әбе, Ануар, Баяхунов, Хан Дин, Самади, Кожамьяров, Айрих, Абдильдин, я, Асаналы. Из руководства – Назарбаев, Джанибеков, Асанбаев. В общем, была небесполезная беседа. Завтра с утра встреча Назарбаева с интеллигенцией.

7 июля

Два часа шпрехали в АН, уточняли редакцию Закона о языке. Общими усилиями родили нечто удобоваримое. Основная заслуга Зиманова, Сартаева, Кайдарова, Сыздыковой, но и мы, остальные, подтявкивали, кое-что внесли. Сегодняшней работой Комиссии доволен.

14 июля

Опять заседали в ЦК. Опять шумели по поводу «Закона о языке». Кончилось тем, что по всем статьям Закона ещё раз пройдется Гаркавец, а стилистическую правку поручили Щеголихину, Исаеву и мне.

17 июля

В ЦК 5,5 часов корпели над Законом о языках – Рабига, Кайдаров, Хасанов, Гаркавец, Щеголихин, я, Штоппель. Кажется, что-то выклевывается.

Вечером смотрел «Острова в океане». Диалоги Хемингуэя восхищают.

18 июля

В газетах сплошные негативы: столкновение между абхазами и грузинами (12 чел. погибло, 130 госпитализированы, пишет «Известия»), стычка между таджиками и киргизами, военное положение в Карабахе, забастовки в Кузбассе и Донбассе, ураган над Волгой, волнение в тюрьмах – черт знает что.

27 июля

Сессия. Назначили предсовмина Узакбая Караманова. И опять 2,5 часа заседали в ЦК у Жолдасбекова. Все шлифуем «Закон о языках».

22 сентября

Вчера вернулся из Ташкента, где пробыл с 12 августа, долгих 40 дней. Было многолюдно и колготно. Отметили 80-летие отца. Приезжали из Челябинска, Костаная, Москвы, Шымкентской области. Была и киногруппа. Снимали наш двор, отца, маму, меня. Потом ещё раз меня в Литературном музее им. Науаи, в зале Хафиза и Улугбека... Очень все хлопотно. И работал, конечно, непродуктивно. Во дворе день-деньской толпились от 17 до 30 человек. Ужасно!

29 сентября

Вечером слушал выступление Генсека в Киеве (на Пленуме ЦК). Странное впечатление! М.С. говорил горячо, с комсомольским пафосом о роли и значении партии, пропел гимн социализму. А в зале сидел пожилой люд с каменными, отсутствующими лицами. Кажется, никто не внимал словам генсека. А точнее: никто им не верил. Один и вовсе уставился в потолок, отрешенно водил глазами и зевал.

А вслед за выступлением Горбачева было актуальное интервью с Р. Медведевым. Он сказал, что по популярности и значительности в обществе През. Верх. Совета сейчас вышел на первое место, партия – на втором, а комсомол – на последнем. И когда он это сказал, ведущий (Фесуненко) откровенно хохотнул.

Потом шел «Взгляд!». Четверо народных депутата, все умные, славные, образованные мужики под дружный аккомпанемент юношей и девушек, задававших острые, колкие вопросы, безжалостно, упоенно раздевали партию. Молодежь ликовала, злорадствовала. Раза два называли Лигачева и при этом смеялись, как над конченным дураком. Говорили об узурпаторстве партии, ее отсталости и невежестве, о том, что она над народом, что все в её руках, что она боится народа, не доверяет ему. Словом, партию хлестали отменно. И сплошь молодые, красивые лица. Будущее страны. И миллионы людей все это смотрели. И на фоне этого речь Горбачева в Киеве прозвучала вяло бледно, неубедительно. И подумалось: что же дальше? Каким образом Политбюро намерено поднять престиж партии? И что делать, чтобы народ зауважал ее – этот консервативно-бюрократический орган с его серыми лидерами? И, действительно, не стала ли она тормозом общественного развития? И что это за советская власть, которой орудует горстка непопулярных в народе партийцев?

Выход, видно, один: надо очистить партию и придать ей духовность, человечность. Или это невозможно? Кто поверит партии, когда вся эта шушера – Романов, Гришин, Лигачев и тысячи им подобных, безнаказанно измывавшихся над народом – и теперь процветает? Когда откровенных мерзавцев и негодяев провожают на пенсию с почестями, а не садят на скамью подсудимых.

Жаль истинных, скромных, работающих, незаметных партийцев, на которых все держится и которых, как дурачков, эксплуатирует наглая верхушка.

Крепко надо перетрясти партию. Разговор о ее авангардности – вздор. И перестройку не она начала. Просто другого выхода не было. Ураган «низов» мог бы ее вообще смести. Вот откуда перестройка...

1 октября

По Центральному ТВ показали передачу: «Советские немцы: от эмиграции к возрождению». Само название странное, если не нелепое. Господи, какое возрождение, когда все драпают без задних ног?! Передача из Кичкассов Оренбургской области. Впечатление дикое! У ведущей нет Standpunkt'a. Более того, ей не по душе вообще разговоры об автономии. Да ещё сталкивает лбами немцев и башкир. Уезжают по сравнению с прошлым годом в 163 раза больше. Да и немцы в этой передаче несут вздор. Может, и было-то всего два-три разумные речи. А вообще впечатление тягостное.

Вслед за этой передачей наш «Guten Abend!» Операторская работа – класс! Ведущая – прима! А само содержание – вой и вытье. Уезжают немцы. Косяками, табунами. Из одного класса – 40 процентов. Из одного села – более 800 человек.

Директор школы стонет – учеников нет. Директор совхоза алармирует – некому работать. Старики твердят: haben keine Hoffnung. Es gibt keine Autonomie. На фоне этой тотальной разрухи единственное светлое пятно, единственное людское пристанище – католическое Gemeinde в Караганде. Но и это такое светлое пятно, которое навевает безысходность. Такова реальность. Выть хочется. Heulen möchte ich darüber! Как тут работать? На что уповать? Страшно то, что народ потерял веру на улучшение.

16 октября

Вчера прибыл из Семипалатинска. Поездкой весьма доволен. Вдоволь кружились по Семею, побыли в Карауле, раза три в Джетыбае, потом – в Кундызды, лазали по долинам и по взгорьям. Отношение людей прекрасное. Впечатлений много. Одно из приятных – беседы со старцем Шакиром Абеновым. Колоритный старик, уникальное явление! При случае напишу о нем.

21 октября

Два дня сидел в президиуме Учредительной конференции «Ана тілі». Много знакомых, много теплых встреч. Дал интервью каналу «Казахстан». И ещё сведения газете «Freundschaft». Выступил в Музее Ауэзова – первый урок Вечернего университета. Были немцы из Семея, Петропавловска, Усть-Каменогорска, Павлодара, Кокшетау. Первый день конференция шла хорошо, а во второй день пошел сугубо казахский крен.

Название «Ана тілі» устраивало всех, но казахи хотели «Қазақ тілі». И тогда обиделись евреи, корейцы, поляки, немцы. Пошло открытое противопоставление, шум, крик, топание... Зал бушевал, выборы стали неуправляемыми. Мырзатай с трудом вел собрание... Конечно, казахи ратуют на своей земле за свой язык. Зачем им всеобщее

«Ана тілі», им нужен конкретно «Қазақ тілі». Понятно и нормально. Но как быть с другими? Как объединить всех? На основе чего?.. Понуро поплелся домой...

13 ноября

Прошел Пленум ЦК КПК. Создан новый Отдел межнациональных отношений, и заведующим его стал Абиш. Полагаю, что со временем из него выйдет самый толковый секретарь по идеологии. По сути дела его надо бы ставить на это место и сейчас. По мнению Ануара, доклад нашего идеолога был серенький, а вот заключительное слово Назарбаева якобы солидное. Впервые в истории три человека на Пленуме выступили на казахском – Байжанов, Калтай и Султанов.

14 ноября

Смотрел сессию по ТВ. Нардепы яростно громили 6-ю статью Конституции. Горбачев сидел красный, как рак, дергался, обрывал выступающих, вертел ручкой, звенел в звоночек. Но депутаты настойчиво снимали стружку. Дважды говорил Сахаров, Собчак, Болдырев. Говорили убедительно, грамотно, ярко. Речь Горбачева на их фоне сильно бледнеет... Утром включаю радио – то же в ГДР. Там за отмену I статьи – направляющая роль СЕПГ.

15 ноября

Вечером по ТВ смотрел Сессию – обсуждали «Декларацию». Проникновенно говорили Кугультинов, чеченцы, ингуши. Некоторые плакали. Я конспектировал выступления, и у меня горело сердце и душили слезы. Наконец-то! Наконец-то открыто заговорили о судьбах репрессированных народов. Наконец-то дали возможность высказать боль. Как сказал Щербак, «есть Бог на небе, и есть справедливость на земле». От немцев, корейцев, греков, поляков, финнов, балкарцев, кумыков, к сожалению, никто не выступал. Вот опубликуют «Декларацию», напишу по сему случаю.

27 ноября

Чехословакия бурлит. ГДР гудит. Лишь я вял и кисл.

Вместе с большой группой немцев съездил в Немдрамтеатр, смотрел два фильма о советских немцах. Один – Константина Исакова, другой – ФРГ. Первый фильм потрясающий, эмоционально насыщенный. Судьба советских немцев на фоне музыки Баха и Вагнера, а также текст Манифеста Екатерины II.

Ярховская из Брянска прислала бандероль. Там статья о Беме. Большой знаток Достоевского. Начал читать его работу «Фауст» в творчестве Достоевского», вышедшую в Праге в 1937 г. Альфред Людвигович Бем много сделал для русской литературы и культуры. И никто ничего о нем не знает...

Звонили из Совмина: включали в какую-то языковую комиссию. Звонили из Президиума Верховного Совета – в среду заседание по немецкому вопросу. Звонок из горисполкома – заседание... Пошла кутерьма.

4 декабря

Проштудировал письмо Горбачева коммунистам Литвы. Слабое письмо: примитивная логика, бесцветный язык, невозможное многословье. Как говорит Айрих, не в Италию надо было ему ехать, а в Литву (или в Грузию, добавлю я от себя).

Радуют немцы ГДР: одним махом 12 бывших членов ЦК исключили из партии, троих отдали под суд. «Neues Deutschland» стала органом СЕПГ. Партия попросила извинения у Чехословакии за 1968 год. Эх, если бы наши так поумнели! Чехи требуют немедленной отставки своего президента. Вечером смотрел интервью Горбачева. Плоско, банально, невыразительно.

12 декабря

Часов пять смотрел II-съезд нардепов. Удручающее впечатление! Решил больше не тратить столько времени на лицезрение этого убожества. Часа три депутаты потратили на освоение игрушки Филипса. Так ее и не освоили. Половина депутатов вообще не понимает, о чем речь, о чем спор. Сидят с тупыми, отрешенными физиями. Некоторые спят, другие зевают. Казахстан, Средняя Азия вообще в глубоком, дремучем сне. В сонном виде, равняясь каким-то чувством на Горбачева, неумело тычат на кнопку «За» пульта. Да какой это Верховный Совет? Это собрание первых колхозников! Балаган! Мечется горстка понятливых людей, а черная масса их душит. Большевики всегда опирались на невежество. И до сих пор свои махинации строят на этом страшном пороке. А это просто неблагородно, стыдно. О каком прогрессе может быть речь, когда у половины (если не больше) депутатов дикокаменное сознание?

24 декабря

Утром поздравил маму с днем рождения, потом съездил в АХБК на Weihnachten – все актеры немецкого театра, писатели, журналисты и др. привели своих детей – около 200 чел., – провели хороший утренник с играми, песнями, кофепитием, кухами, подарками. Все на хорошем уровне. Звучала кое-где немецкая речь. Дружно кофейничали с актерами, фройндшафтовцами, беседовал с Шварцкопфами, с Марией Альберт и др. Хорошая, доверительная обстановка! Потом был концерт. Зал был набит битком – более 800 чел.

Вечером досмотрел съезд нардепов. Конец плохой. Немцы говорят: «Ende gut – alles gut». А тут «Ende» получился из рук вон «schlecht». И заключительная речь Генсека пустая. «Большинство» смазывает все благие порывы.

26 декабря

Слушал доклад Горбачева по Литве. Ох, уж терзал, клевал её! Как коршун. Потом натравил ещё 46 осуждателей. В клочья рвали строптивицу. Вечером брифинг Медведева. Решили всем скопом выехать в Литву, провести тотальную обработку, потом уж решить, что с ней делать. Вот и вся демократия! Вот и весь суверенитет! Представляю, как правителям снятся теперь танки. Вот главный большевистский аргумент. А вроде не время... В Румынии казнили верного ленинца Чаушеску вместе с его волчицей. Поторопились немного (как в свое время с Берией), но поделом...

27 декабря

Вечером съездил в «Дом кино» на еврейский праздник «Ханука». Никогда не думал, что у нас в Алма-Ате столько евреев. Много знакомых. Было любопытно и кое-что понравилось (особенно еврейская музыка). Говорил с Жовтисом, Новаком, Гердтом... На фоне грустно-тягучей еврейской музыки шел ленивый алма-атинский снег, напоминая о том, что совсем рядом Новый год.

На открытии Фестиваля немецкой культуры в Алматы.

Г. Бельгер, Дм. Снегин и М. Сулейменов с Президентом РК Н.А. Назарбаевым на вручение премии «За мир и духовное согласие» за 1998 год.

Г. Бельгер, доктор Хорнунг (ФРГ) и А. Нурпеисов

С женой Раисой Закировной

На Мангышлаке

1990

5 января

С утра до 3-х часов дня просидел на Пленуме ЦК КПК. Много знакомых. Выдвинули 26 человек от партии кандидатами в депутаты Верх. Совета. В списки попал и я. Теплое отношение. Открытое голосование я прошел единогласно. Все говорят: «Е, уж ты пройдешь. Позор же нам, если мы единственного среди нас немца не пропустим. Разве не народ мы?!» Видно будет. Выборы 16 марта. Пройду – хорошо. Может, буду полезен. Не пройду – тоже расстраиваться не стану...

6 января

Жуткий снегопад. Все же дотащился до ЦК к Смаилову и Шепелю. Заполнил анкету, отнес фотографии, написал о своем согласии баллотироваться. Теперь, оказывается, нужно раздобыть человек пять доверенных лиц, составить, так сказать, команду, подготовить программу, плакаты, выступать по радио, ТВ, в газетах. Так что забот добавилось. Вышел доклад Назарбаева с упоминанием meine Wenigkeit.

11 января

Позвонили из обкома: приглашают на Пленум. А в ЦК вручили удостоверение кандидата. Был на Пленуме СП К: с шумом, треском выдвинули кандидатами в депутаты Сакена, Калдарбека и Калаубека.

15 января

Оформили в ЦК бумаги моих доверительных лиц. Пока оформляли, прошелся по Идеологическому отделу, поговорил с Абишем. Он баллотируется по Павлодарской области. Просил в феврале съездить с ним в Баян-аул, Джезказган. В принципе согласился.

Ануар приглашает в Караганду, Сартисон – в Талдыкорган. Были фотокоры ТАССа и КазТАГа Будневич и Зимин.

21 января

То, что происходит в Армении и Азербайджане, – стыд и позор. И прежде всего для них самих. Кошмар! Как низко может падать человек!.. Те, что на площади публично сжигали партбилеты, вызывают брезгливость. Сущие плебеи! Кто их за уши тянул в партию?! Пролезли подло, тихой сапой, а теперь изображают себя неистовыми героями. Низкие рабы!

Смотрел «Guten Abend!». Нескончаемое немецкое горе... Перед сном почитал Дм.Лихачева – «Заметки и наблюдения». Едва ли не единственное светлое пятно за весь день...

12 февраля

Весь день на Сессии АН. В общем неплохо. Ближе к концу мне предоставили слово, уже по 5 минут, пришлось перестраиваться на ходу, комкать и спешить. Правда, были аплодисменты, смех, слушали внимательно, потом многие поздравляли, делали ссылки

на меня, но я-то чувствовал, что выступил хуже, чем мог и как было запланировано. В обед возле раздевалки налетел на меня по-дурному Муслим Базарбаев: «Твоя статья мне снова не понравилась!» Вид у него был вызывающий, драчливый. Поэтому я мирно ответил: «Е-е, ну и хорошо. Я рад, что вам не понравилось». Он сразу вспылил, при всех облаял меня по-русски: «До каких пор ты будешь выступать против казахов?! Тебя что, наняли оскорблять казахов?!» Откуда такая агрессивность? Вроде бы культурный, образованный человек. Я махнул рукой и отошел...

Где-то в щелях сидят мои недоброжелатели и пакостят. Кто тихо, кто громко. И почему-то именно сейчас активизировались. Видно, кому-то не по душе то, что меня выдвигают кандидатом в депутаты. Бог весть... Рассказал было о том Әбе. Он только и сказал: «Что поделаешь...» А вечером Ануар А. заметил: «Что ж... готовься... врагов у тебя теперь будет все больше. Ты и так долго ходил в счастливчиках. Я все время живу под прессом». Вечером почувствовал жуткую усталость. Прочитал в «Юности» про Суслова. Господи, сколько же у нас ничтожеств! И откуда они только берутся?! Ректор Усть-Каменогорского пединститута Мамбетказиев пригласил меня на встречу со студентами.

20 февраля

Вышел 4-й том энциклопедии Казахстана. Туда якобы попал и я. После обеда – заседание Идеологической комиссии ЦК КПК. Вел Джанибеков. Выступил Федотов из ЦК КПСС. Очень познавательное сообщение. Крайне плохи дела в партии. Были сплошь секретари обкомов, руководители ведомств. Потом прошли ещё заседания рабочих комиссий. Говорил с Абишем, Штопеллем. Абиш намерен лететь 25-го вечером в Павлодар.

25 февраля – 4 марта

Неделю отсутствовал. Мотался по Баянаульскому району. Был доверенным лицом Кекилбаева и одновременно проводил свою компанию как кандидат в депутаты от партии. Проехал более 1,5 тыс. км. Побыл в разных поселках, совхозах, отделениях, отгонных участках, фермах, МТМ, школах, попадал в буран, едва ли не в аварию, ночевал в случайных домах, ел, пил, выступал, беседовал, побывал у родственников в Баяне, потом в Павлодаре, в обкоме, у Ваккеров... Словом, активно соприкасался с жизнью, многое увидел своими глазами, исписал целый блокнот впечатлений. Проникся болью народа, который живет сложно, плохо.

С большим давлением (под двести) вернулся домой.

5 марта

Пакость: Бердибаев, Базарбаев, Шаймерденов, Нарымбетов «долбанули» меня в «Казправде», извратив все мои слова, приписывая мне бесконечные прегрешения. Написали хлестко и злобно. И рассчитали все точно: накануне выборов противопоставили меня казахам, тем самым попытались не пропустить меня в депутаты. Удар исподтишка, что называется, под дых. Поразился, что «Казправда» дала подобный пасквиль. Отправился было к Игнатову, но его не было, а Вайдман сказал, что «добро» на публикацию этой кляузы дали Мырзатай и Узбекали. Неужели? И что бы это значило? Ведь эти азаматы ко мне относятся весьма уважительно. Непонятно... Меня это в сильной степени обезоруживает. Вроде не заслужил такого коварства.

7 марта

Снова зашел в «Казправду». Хотел было дать ответ на выпад против меня ученых мырза. Но Игнатова нет, а Вайдман злорадствует: «Ну, так где твои казахские друзья? Что ж они молчат? Ни одного звонка!»

В самом деле. Один философ Сарсенбаев позвонил, выражая свое возмущение.

И меня охватила вдруг такое безразличие. Да провались все пропадом! Уже будучи всего лишь кандидатом меня травят, что же дальше будет? Нечего дергаться! Все равно... Не обязательно ведь стать депутатом.

Позвонил Симашко. О письме четверки сафуанидов сказал: жалко, беспомощно, уши торчат.

11 марта

Был в ЦК. Шепель ознакомил меня с жалобой на меня все той же четверки на имя Назарбаева. Содержание то же, что и в «Казправде», но более гневно, оскорбительно, злобно, ядовито («Геноссе Бельгер», «Как учит нас уму-разуму т. Бельгер»). Беседовал с Шепелем, Игнатовым, Романовым («Письмо Ваше нужно опубликовать и непременно до Пленума. Это моя принципиальная точка зрения»), с Алтыншаш, с Розой Маликовной. На душе пакостно. Казахские выборы – сплошные интриги и травля. И нечего инородцу туда лезть.

1 апреля

Ничего глобального за последние дни не произошло. В стране, правда, появился Президент. Ну и что? Создан Президентский Совет. Ну и что? Много ли проку от таких советчиков, как Распутин и Ярин. Да и Айтматова жалко. Куда полез? Одним этим перечеркнет все писательское реноме. Политика – грязная, шлюховатая баба. Флирт с ней до добра не доведет.

В республиках неспокойно. Вновь схлестнулись Армения и Азербайджан. С Литвой пошла нервная, затяжная война. Половина президентских усилий ушла на Литву. Пока хотим изловить козу, можем потерять верблюда. Ибо пришла в движение Украина. Активизировался «Рух». Кого-то там исключают из партии. Кто-то сам уходит. Напряженно в Молдавии. Тихо-тихо, планомерно, по шажку отходит Эстония. О Грузии вообще речи нет. Что там происходит – печать молчит. Полный колоброд в Москве, Ленинграде. Проблема беженцев. Словом, куда ни кинь – везде клин.

В Казахстане почти кончились выборы. Они тоже обострили всякие отношения. Выборы депутатов от Компартии Казахстана у всех на устах. Там провалили всех, у кого две извилины в голове: Ермека Серкебаева, Шерхана, Саина, Головацкого, Игнатова, меня. Я получил «за» – 133 голоса, «против» – 153. Никто не ожидал. Я тоже. Накануне было направлено в ЦК (на имя Назарбаева) ещё одна жалоба на меня. Обвинили меня во враждебном отношении к казахскому языку, в торпедировании Закона КазССР о языках. Ещё был вопрос: «Какому народу он будет служить?» И вывод: если такие, как Бельгер и Игнатов, пройдут в депутаты, народ потеряет последнюю веру в партию. Подписали это письмо человек 20 из Института литературы и искусства, человек 6 из Института философии и права, человек 5 из «Жулдыза», человек 6 из кооператива «Мир». Организованная наглая ложь и клевета. И именно это меня удручает. Среди подписавшихся много знакомых: Р. Сыздыкова, Оразаев, Кундакбаев, Айтимов, Керейкулов. Поразительно! Даже некоторые казахи такого коварства не ожидали, им нелов-

ко передо мной. ЦК отмалчивается. «Казправда» мое ответное письмо тоже не дала. В ЦК один Романов выразил сочувствие, старался, чтобы мое опровержение ещё было дано до Пленума. Vergebens! Думаю, пакость исходит из самого Белого дома. Неужели Узбекали кому-то подмигивает? Получается, остаюсь один на один со своей обидой. Гадкая мысль упорно сверлит мозг: «Чужой! Чужой!»

Вслед за мной провалились и другие мои сокровники: Люц, Госсен, Шарф, Бродт. Случайно?

...Вчера участвовал в передаче телемоста А-Ата – Волгоград – Москва. Пошпрехали о немецких проблемах. То, что происходит на Волге, – вакханалия ненависти. Страшно это видеть и слышать.

Президент Горбачев все вновь и вновь обращается к литовцам. Вдалбливает им, что они не на правильном пути. А я между тем думаю: почему бы Президенту не обратиться хоть раз к своим соплеменникам на Волге и сказать им – постыдитесь, братцы; то, что вы делаете, – сродни расизму, фашизму. Нет, он этого не делает. Он учит литовцев, а русский разгул считает в порядке вещей.

Вообще удивляюсь, как наши политики не видят, что сталкиваются с какими-то черными силами русские и другие народы, что действиями иных дуболомных прохиндеев насаждается откровенная русофобия. И рассчитываться за это будет, как всегда, невинный люд. А прохиндей вывернется, спасется.

Царят тупость, невежество, дикость, злоба...

6 апреля

Болею отчаянно. Ангина, грипп, давление, сердце. Вызвал врача. Синеглазая резкая молодка разговаривала со мной, как с преступником. Сказала неприязненным деревянным голосом: «Вас может парализовать!» Давление 170/100. Напугала. Выписала кучу лекарств. Я разозлился на себя, на свое вонючее здоровье, перевел со зла 5 стр. Тынымбая, прочел уйму статей, делал записи, даже вымыл балкон...

8 апреля

Повторные выборы. Я не пошел: не из кого выбирать. Да и все решено. Многие не пошли. В среднем по Казахстану голосовали 60%.

Из Москвы сообщение: правительственная комиссия пришла к выводу, что восстановить автономию немцев на Волге НЕВОЗМОЖНО. Жуткий удар! В Москву лечу 16-го вместе с Айрихом и Корном.

Звонил философ Нурулла Сарсенбаев, негативно характеризовал Идеологический Отдел ЦК КПК. «Никогда он ещё не был таким слабым, как сейчас». Ругал моих оппонентов и просил не обижаться на казахский народ.

11 апреля

Много непонятного, странного, алогичного в русском народе. Мне совершенно невдомек: как он мог терпеть три десятилетия Сталина? И не только терпеть – боготворить, рабски возносить. Ведь чужак, чужак по роду-племени, по языку, всем своим ничтожным обликом. А русские тридцать лет лизали ему зад и теперь ещё лижут. Не будь этого – не было бы Сталина. И ведь он точно рассчитал этот необъяснимый феномен, сыграл на нем и измывался, как хотел. Нет, этого я не пойму никогда. Воистину: умом Россию не понять.

27 апреля

Вернулся из Москвы. Полную неделю жил у Ирины, забавлялся всласть внуком. Бесполезным совещание в «Neues Leben», пожалуй, не назовешь. Какой-то смысл, вероятно, был. Но все же, чувствуется, немецкий вопрос вошел в тупик. Стране сейчас не до немцев. Агрессия и выживание – больше ничего не осталось.

28 апреля

Встреча в школе №126. Поехал туда ради увлеченной преподавательницы Кашеновой Раушан Нурхановны. Нагнали в зал 60-70 учащихся, включая семиклассников, и началась встреча «с писателем Бельгером». Может, в школьном понимании это и было какое-никакое мероприятие, но мне все это показалось малозначительным.

Вчера на Верх. Совете выступил Гусев с заявлением, что, мол, когда немцы сконцентрируются на одном месте, тогда лет через 10-20-30 можно говорить об автономии. А пока что необходимо создать «условия на местах». Это ужасно! Это означает, что правительство окончательно умывает руки и отдает советских немцев на заклание. Значит, в нашей культуртрегерской работе смысла мало. Значит, автономия – fata morgana. Значит, тот, кто хочет оставаться немцем, – покидай страну. А решил ассимилироваться – оставайся. Оставайся – и не высовывайся. Не скули.

Боюсь, что и насчет трудармейцев – очередной обман. Водят нас за нос. Все скверно. То ли махнуть на все рукой, забиться в казахский угол и зализывать свои раны...

29 апреля

В «Правде» абзац из речи Горбачева в Нижнем Тагиле о сов. немцах. Видимо, он это говорил на разных уровнях и до этого, ибо вякания Нишанова, Гиренко, Гусева где-то в этой плоскости. Значит, эти марионетки и раньше озвучивали его. Вечером я слышал речь Президента по ТВ. Хотел проверить, не упущено ли что «Правдой». Нет, то же. Опущена лишь одна фраза: «Мы должны найти консенсус в Российской Федерации». Все это оптимизма не вызывает. «Наша песенка спета», – прокомментировала жена Айриха. То, что делает правительство в отношении сов. немцев, рассчитано на 10-20-30 лет. К тому времени вопрос этот решать уже не стоит. «Методом такого согласия и доброй воли сторон мы будем продвигаться, чтобы решить трудную проблему, не столкнув два народа», – говорит Президент. Слова эти вызывают уныние, ибо они кажутся правильными лишь по форме, а на деле это издевательство. «Все эти районы заселены другими людьми...» Откуда это ему известно? Кто его об этом информировал? Очевидно одно: вопрос этот Президент знает поверхностно, понаслышке...

4 мая

Вечером позвонил Болат Атабаев: ушел из немецкого театра. Грустно! Знаю: он нужен немцам, как и я – казахам. Но меня выкусывают некоторые неумные казахи, то же делают с Болатом и некоторые дураки-немцы. Все это омрачает душу.

5 мая

Горбачев как Президент, кажется, окончательно выдохся. Популярность его катастрофически падает. Его выступления в Свердловске и Нижнем Тагиле произвели дурное впечатление. Вообще он такой же Президент, как Сталин – генералиссимус. Дальше будет ещё хуже.

8 мая

Чествовали трудармистов. Ich glaube, das war gelungen. Повспоминали. Покалякали. Поплакали. Пели. Танцевали. Попили кофе. Беседа. Улыбки. Юмор. Даже одному западному немцу все понравилось. «Ich bin in Urlaub. Sie haben sogar Humor». Heinz Pfeffer dazu: «Ja, Galgenhumor». Die Veteranen waren zufrieden.

10 мая

До обеда были в Совмине: 9 немцев и руководители разных министерств и ведомств. Разговор на тему: что дальше, выработка комплексной программы. Конечно, мы тут свои идеи толкаем. Но руководству все это к чему. И зачем руководителям всеобщего ханабадства – как выражается Симашко – ещё какие-то немецкие проблемы? Вот и бытует всюду казенный подход

...Между тем из театра сразу уезжает 8 немцев-актеров. А осенью отчаливает и Яша Фишер. Это большая потеря. Большой урон. Очень деятельный, активный, способный человек, искренне преданный общему делу. Его отъезд огорчит меня страшно.

15 мая

Вечером был на спектакле Баварского театра из Мюнхена. Смотрели «Räuber». Очень эффективно, интересно, любопытно, мастерски, профессионально. Но в такой же степени для нас неожиданно, непривычно, авангардистски, даже шокирующе. Сделано, конечно, основательно. И актеры высшего класса.

17 мая

Прибыл Нурпеисов из ФРГ и Швейцарии. Полон впечатлений. Все ему весьма и весьма понравилось. Он был в компании с Айтматовым, Граниным, Адамовичем, Сидоровым, Аптом. Мне он привез «Die Bibel – Einheitübersetzung». Altes und Neues Testament. 1451 Seiten stark. Bin dafür sehr froh.

22 мая

До обеда в Совмине, в зале Гукасова, встреча с правительственной комиссией по проблемам советских немцев. Первым после Простякова выступил я, потом Айрих (здорово!), Гартунг, Дриллер, Подгорбунский (неожиданно и здорово), Мерц, Омербаева (основательно, делово). Поговорили с Фельцманом из Москвы. Было немало представителей из КГБ, МВД, разных министерств и ведомств, из областей, пресса. Словом серьезное совещание. И немцы, кажется, в грязь лицом не ударили.

24 мая

Прямо с 9 утра – встреча с ГДР-овцами. Одна пожилая отцветшая дама из Министерства образования (фактически уже несуществующего). Ничем она помочь уже не может. Твердит: «sehr kompliziert», «die Lage sind traurig», «Wir haben kein Geld», «Eins zu zwei tauschen». Её спутник – лысеющий, дундуковатый мужик – вообще молчал. «Ich bin nicht kompetent», «Ach, so?» Между тем речь шла о Kuratorium. Я сказал: «Ich weiß, was Moratorium oder Krematorium ist, aber was heißt Kuratorium – darüber habe ich keine Ahnung».

Отвечал главным образом D.Wardetzky. Он умница, знает предмет, открыт, и что-то хочет делать искренне. Производит приятное впечатление.

...По радио передали речь Рыжкова о переходе на рыночную систему. Несложно предвидеть, что предстоит – особенно в первые годы – сплошной хаос. Неразбериха пойдет – черти взвоют. Всем будет хуже.

...Бесконечные заседания – в Идеологическом отделе, в АН, в НКЦ, в редакции, в горисполкоме. Обалдеть! Столько слов, а толк ничтожен. А дергают все.

Ja, ich hoffte auf Gutes, doch Böses kam, ich harrte auf Licht, doch Finsternis kam...

6 июня

Мучительное давление. Хожу, шатаясь, с красными глазами... Два часа читал немецких романтиков. Поражает их Volkstümlichkeit. Они ближе к нам, советским немцам, нежели современные Dichter. Читаешь и приходишь в уныние: жизнь пошла на убыль, а ничего толком так и не узнал. Горько... В «Правде» заинтересовала статья Большакова о А.А. Зиновьеве – писателе, философе, социологе, бунтаре, очень незаурядном человеке, уже 12 лет живущем в Мюнхене, авторе более 20 книг, о которых я и представления не имею. По радио сообщили, что партком Большого театра объявил голодовку. А в «Комсомолке», «Правде» извещения о столкновениях между киргизами и узбеками. Уже третий день продолжается стычка. Дожили! Братья-мусульмане друг друга колотят. Кошмар! Что дальше-то будет?!

19 июня

Открытие съезда РКП. Все спешно. Никакой подготовки. Горбачев заметно слинял. Мысли формирует тускло, путано, многословно. Группа делегатов в одном месте даже захлопали его. Он жестко выставился на эту группу, процедил: «Хорошо. Приму к сведению».

Доклад – откровенная жвачка. Неужто то же самое он будет долдонить на съезде КПСС? Жалко. Трагедия личности. Как он резво и революционно начал, а теперь становится тормозом собственной идеи, собственного порыва. Сейчас он по сути дела смыкается с ретроградами, с мохнорылыми консерваторами типа Полозкова, Лигачева.

Вообще все диалектично: прогрессист чаще всего становится консерватором. Потому после истечения пятилетнего срока надо уходить. Т.е. ты исчерпал себя, твое дело должны продолжать другие.

20 июня

Час слушал Конференцию российских коммунистов. Совершенно тяжкое впечатление произвело выступление командующего Уральским округом. Тупое, воинственное, дешевое, солдафонское. Стыдно было смотреть на толпу военных в высоких званиях, которые улыбались, смеялись над его тупыми выражениями. Страшно, страшно... Интеллектуальный уровень наших военных питекантроповый. Конец света, если эти злобные, агрессивные мастодонты возьмут власть в свои руки. А – чувствуется – им очень это хотелось бы. Не приведи аллах, чтобы генерал Подтыкайло руководил людьми!..

Ещё один из Ленинграда (!) позволил себе откровенный, гнусный выпад против евреев и многим на российской партконференции это понравилось. Многие сразу оживились, возбужденно заерзали, захлопали, заулыбались....

Вот тебе коммунисты-интернационалисты!

Как тяжело все это видеть и слышать...

22 июня

Выступил я в Доме офицеров перед командирами (капитаны, майоры, подполковники) – около ста человек. Слушали с интересом. Контакт получился. И после встречи человек пять обступили меня, выясняли разные национальные и языковые проблемы. Вынес немало впечатлений. Прослушал и короткое сообщение военного прокурора. Чувствуется, что и командиры раздражены, недовольны многими общественными явлениями. В общем, любопытная аудитория.

После обеда объявился Кенесбек Аскаров (сам он пишет Кинезбек) из Джезказганского туберкулезного диспансера. С 17-летнего возраста (сам он 33 г.р.) кантуется в тюрьмах. Заработал tbc легких. Вид измученного старого человека. Зашел с котомкой. «Вся надежда, Герольд, на вас». Выяснилось, что ему нужны деньги для поездки в Новосибирскую область к другу. Дал. От чая отказался. Только побрился, попил шалап и быстро исчез. Такой вот посетитель... До этого он писал мне два-три раза из заключения.

26 июня

Написал в Семипалатинский музей Абая (Т.Ибрагимову), дал согласие участвовать в конференции, посвященной 50-летию Музея. Обозначил тему своего возможного выступления: «Vermächtnis» Goethe и «Өлсем орным қара жер, сыз болмай ма?»

Не выходит из головы съезд коммунистов России. Нечто несуразное и постыдное. От самого съезда до избрания Полозкова – все позорно.

Вечером слушал интервью Ельцина. Толково, откровенно, четко. Вообще как лидер он заметно вытесняет Горбачева. Тот растерял все свои очки. Сам себе могилу роет.

27 июня

Отправился в СП. Заплатил взносы за июнь. За июль не взяли. «К тому времени партия ваша может и распуститься», – говорит Мукан.

Поговорил с Советказы. 30-го он проводит учредительную конференцию гражданского движения Казахстана «Азат». И мне дал два мандата. Смотрю: сами казахи от него отмахиваются.

30 июля

До трех часов дня был в СП К – на учредительной конференции гражданского движения «Азат». Впечатление неоднозначное. Есть добрые начала, трезвые побуждения, имеются и сугубо экстремистские выпады. Интеллигенция явно сторонится. Из писателей было всего человек 5-6. Много неформалов-башибузуков. Недостаточно солидно, весомо. Чувствуется душок козлов-провокаторов.

Одновременно где-то заседали «Алаш» и «Желтоксан». Исиналиеву не дали договорить.

2 июля

Открытие съезда КПСС. Часов пять слушал. Пока хуже, чем я ожидал. Нудное, тягомотное процедурное начало. Раскладка сил на съезде обозначился сразу же. Человек 400-500 – прогрессивно мыслящая часть, с извилинами. Около 4 тысяч – серая консервативная масса. Среди них откровенно агрессивные невежды. Этой консервативной массой – по обыкновению и при необходимости манипулируют Горбачев и Лукьянов.

Такой съезд ничего не решит. Тенденция явственная: тяга к правоцентризму с явно консервативным уклоном. Рыжков выступил не как член Политбюро, а как глава правительства. Основные положения его отчета известны. Поразил Горбачев: в докладе ни одной свежей идеи. Трафаретно, пустозвонно, набор деревянной лексики, бесцветные слова протекают мимо ушей. Пустоту содержания он попытался восполнить ложно-комсомольским пафосом, но этот трюк уже не действует. Горько и досадно! Медведева без конца одергивали, захлопывали, и он раскачивался на ногах, еле-еле довел выступление до конца.

...Все вдруг принялись долдонить одно и то же: консолидация, консолидация. Но на какой основе? С кем солидаризироваться? Ради чего? Во имя чего? Ну, не смогу же я консолидироваться с детьми Кузьмы – Егором и Иваном. Даже психофизически не могу!..

Поразительно: секцией «Обновление партии» руководит Полозков. Не примечательно ли? О каком обновлении может идти речь? Неужто 70-летний Лигачев со склеротическими пятнами на лице, трясущий своим серым чубом, как козел бородой, способен на какие-то обновления?!

19 июля

У человека в моем возрасте ничего, кроме долга, не остается. Долг перед обществом, перед своим временем, перед родителями, детьми, внуками, родственниками и сородичами, перед памятью – сплошные долги и обязанности. А если и есть право, то только на то, чтобы по мере возможности опрятнее исполнить этот безмерный долг.

5 августа

Почти месяц был в Ташкенте. Там перевел главу из романа Нурпеисова, проштудировал «Бесы» Достоевского, много читал, написал уйму писем, съездил в Южный Казахстан к Эльме, понаблюдал тамошнее житье-бытье. Отдохнул, набрался впечатлений.

9 августа

Позвонила Акжибек. Пришло приглашение на заседание Оргкомитета в Кремле. Уже 11-го в 10 утра нам – Айриху, Эрлиху, Мерцу, мне – необходимо быть в Москве в Малом зале Совмина. Нереально! Билеты в кармане на 13-ое и переиграть все невозможно. Решили: пусть проводят тогда, когда мы будем там.

25 августа

Пробыл в Москве пять дней. С утра до вечера заседали в ВДНХ. Напряженные дни. На конференцию съехались 602 делегата. Разношерстный люд. Временами было сумбурно. К концу малость выравнилось. 20-го вместе с Фальком и Цильке были в Верховном Совете у Рафика Нишанова. Принял нас вежливо, улыбчиво. Чаем угостил. Сладко говорил. Но видно: весь немецкий вопрос ему до лампочки. Да и вообще все ему барибир. Сидит себе в уютном кабинете. Тепло, сытно. Юная узбечка-секретарша чай готовит. Хорошо! Передали мы ему материалы конференции, мин. 25 покалякали и ушли восвояси.

Все эти дни жил у дочери с зятем, и обо мне трогательно заботились. Внука запихивают в ясли, и там ему пообломают строптивые рожки. Жалко...

28 августа

Из Музея Абая в Семипалатинске позвонили и напомнили, что я обещал участвовать в Абаевских чтениях. Просят прислать тезисы.

30-го приглашают в АН на встречу с Горбачевым. Но Ануар А. сказал, что приезд Горбачева отложен на сентябрь, а, скорее всего, он вообще не приедет.

Физически чувствую себя скверно: сердце, давление. Сплю плохо. Снятся кошмары.

Айрих напомнил: сегодня скорбный день для поволжских немцев – 49 лет назад нас депортировали. А что напоминать? Я этот день и так на всю жизнь запомнил.

Звонил из Верх. Совета: просят участвовать в работе по программе культуры.

30 августа

Полтора часа заседали в Верховном Совете. Вел Абиш. Речь о культуре, о собрании Закона о культуре. Создали 5 комиссий. Я вошел в Комиссию «Культура и общественные организации». Эрлиха и Мерца вызывают в Москву в рабочую группу Оргкомитета. Получил приглашение в ФРГ на 10 дней – с 18 по 28 сентября. Информационная поездка. «С многодневной стажировкой в одной из газет». Думаю, не поеду. Не для меня. Физически не выдержу.

31 августа

На час дня пригласил меня на обед (III резиденция Совмина) казах из Мюнхена Kabil Sümer (Verein zur Förderung der soziale Belannge und der Kultur der Kasachen e.V.) Познакомился с его семьей: женой, дочерью (Арал, 9-класс Gimnasium), сыном Аманом (III класс). Он-то говорит по-казахски с турецким акцентом, дети кое-что понимают, но склонны изъясняться по-немецки. Суть разговора – деловые контакты культурных Центров. Он ратует за то, чтобы в А-Ате немцам отвели 3-х этажный особняк. Держи карман пошире!...

17 сентября

Сплошь и рядом говорят о величии русского народа. Достоевский прямо-таки помешался на этом пункте. Допустим, допустим... Но почему в правителях его веками ходили чужестранцы? Почему даже в советское время ими правили сталины, троцкие, каменевы, свердловы, дзержинские, микояны, орджоникидзе, берии и другие «инородцы»? Разве в этом сила? Стали позже, уже в наше время, править русские, так полная пошла бестолковость, сплошной конфуз, развал и смута. А мы говорим: великий, великий. В насмешку, что ли? Жалко... Исполин, а без характера и воли. Без жизненной энергии. Огромная, сонная, тупая баба, которую насилует всякое жулье, всякий проходимец. Иногда эта баба вроде как свирепствует, начинает посуду бить, но гнев быстро проходит, и она опять лениво и покорно отдается встречному-поперечному прощелыге. Дескать, а, ладно... я большая, сильная, терпеливая, с меня не убудет, все выдюжу. Вот её и занюхали, измызгали...

25 сентября

С 17 по 23 сентября был в Москве. 18-го ездил в «Neues Leben», беседовал с Гуго и Фитцем. 19-го заглянул в АОН, посмотрел, как устроилась рабочая группа, беседовал с Гааром, Вормсбехером, Гильц, Мартенсом, Эрлихом. Ознакомился с документами. 20-го писал репортаж, читал. 21-го заседали в Совмине. В Москве холод, голод, слякоть,

дождь, грязь, раздражение. Единственная отрада – мой внук Севушка. Не знаю, выйдет ли хоть какой толк из нашей немецкой суеты.

И здесь, в А-Ате, не совсем ладно. Народишко возбужден. Взрыв в школе, создание обществ «Азат», «Единство», «Содружество», сепаратизм в северных областях, крещение казахских детей, небрежное высказывание Солженицына о Казахстане, глупая статья Курдакова об Абае («Смерть Абая») и т.д. всколыхнули и казахов, и русских. В тревоге и другие национальности. Собрались сегодня в горисполкоме руководители культурных центров, обговорили ситуацию, решили обратиться к Назарбаеву, чтобы он принял и выслушал. Воздух пропитан тревогой.

Несколько раз звонил Аскар по поводу статьи Солженицына. Аскар-умница, рассуждает трезво. Три раза прочел статью А.И.С. Всем достается от него на орехи. А признаться: во многом он прав.

30 сентября

В парикмахерской наткнулся на невероятно болтливого и хвастливого немца. Он перед отъездом в Германию решил постричься. «Все, все, все... Уезжаю, уезжаю! Через несколько дней все это уже видеть не буду... Все деньги расшвырял. Купил «Грюндиг». Кучу кассет. Жене «Таврию». Себе пригнал «Мерседес-Бенц». Кассеты: эротика, боевики, страшилки. «Таврия» – 21 тысяча. «Жигуленок» – 40 тыс. Сортир обклеил рублями. А зачем они мне? Уезжаю, уезжаю! В ФРГ... В Германию. Жить буду по-человечески. Был в наших краях Назарбаев. Подождите, говорит. Все уладится. А что ждать? Долго не уладится здесь. Хаос! Бардак! Поздно! У всех уже вызов. Все бросают. Ничего не надо. Все, все! В Германии все есть. Зачем наше барахло? Только 60-70 кг берем с собой. Все остальное раздал родственникам, соседям. Берите! Ничего не надо! Уезжаю!» И так он говорил, говорил, захлебывался, аж противно и муторно стало.

9 октября

Опять был в Москве. Не знаю уж, в который раз в этом году. 5 октября наша Комиссия заседала в Совмине, 6 и 7-го целыми днями пропадали в АОН. Тяжело, со скрипом идем все же к съезду немцев. Подготовили кипу документов. Но будет ли толк?

11 октября

Вечером четыре часа подряд заседал с руководителями неформальных групп и партий в горисполкоме. Это было нечто пошлое, безобразное, дикое. Хамски вели себя сумелеки из партии «Алаш». Крики, ор, выпады, оскорбления. Председатель горисполкома был бессилен управлять этой дикой дивизией. Таких казахов я сроду не видел. Злые, агрессивные, наглые, распущенные, готовые на все. По-моему, они были обкуренные. Ибо никого не слушали, не вникали словам разума, никакого почтения к старшим. Я еле выдержал четыре часа, потом встал и ушел. Кто-то из работников горсовета побежал за мной, просил не уходить, дескать, кто будет подписывать мораторий. Но у меня не было сил смотреть на эту разнузданность. Никчемные босяки, шантрапа изгалялась над всем – коммунистами, правителями, государством, президентом, ляпала что попало в анархистском упоении. Что за лидеры? Тоже мне партия! Стыд и срам! Лидер – истеричная, голодная, придурковатая, распущенная девка. Черт знает что! Так и заявили: «Если кто подпишет договор о согласии – зарежем, уничтожим!»

Пришлось проводить до трамвая двух перепуганных дам из русского общества.

16 октября

Айтматов собирается стать послом СССР в Люксембурге. А Кашпировский с семьей перебрался в Польшу. Как это понять?

С 4 до 9 вечера проводил заседание Правления культурного центра. Живем предстоящим фестивалем немецкой культуры. Уже приезжают гости. Вчера их приехало 150, завтра прибудет 400. Устал зверски. Тут ещё и погода крутит. А министр культуры уговорил меня открыть Фестиваль в Оперном театре с речью на трех языках.

Речь короткую прикинул.

21 октября

Немцы прибывают на фестиваль отовсюду.

А возле дома правительства голодают уже несколько дней человек 20 – из Семипалатинска и Талдыкоргана. По словам Ануара, скверная обстановка на Сессии депутатов. Конфронтация русской и казахской части углубляется. И эта некрасивая возня захватывает и другие национальности. Часто на Сессии нет кворума. Получается сплошная бестолковщина.

А немцы наводнили город. Приезжают больше, чем город в состоянии принять. Вечером заполошенно позвонил охрипший Яша Фишер: не хватает мест на 200 человек. Что делать? Обзвонил десяток активистов культурного центра. Не можем найти ни пастора, ни штабистов. Хор ветеранов разобрали по квартирам актеры театра. Получается базар, голова кругом. Немцы как очумели. Едут и едут на национальный фестиваль. Стихия! И мои двоюродные сестры пожаловали из Кустаная и Челябинска. Были у меня. Устал предельно!

22 октября

Почти весь день висел на телефоне. Куда только не звонил, с кем только не говорил! И все хлопоты по устройству соплеменников, понаехавших без меры. Всем захотелось быть на фестивале. Уже по частным квартирам определили более 100 человек. Уже и лютеранского пастора подключили. Уже и общежитие сельхозинститута задействовали. И в Орбите что-то нашли. К 5 вечера звонки прекратились. Видно, обустроились, рассосались. А тут выяснилось, что ни горсовет, ни руководители национальных культурных центров ещё не получили приглашений. Над Оперным театром повесили на трех языках афиши. Кое-кому это не по душе. Дескать, обществу «Қазақ тілі» дали Зверинец (т.е. цирк), а «пришельцам-немцам» отвели национальный Оперный театр. Конечно, никогда никому не угодишь. К тому же Оперный дали не за хорошие глазки, а за кругленькую сумму в 1700 рублей.

23 октября

Весь день под напряжением. Звонки, звонки... Дал интервью КазТАГу, сходил с утра в Оперный, посмотрел, как идет репетиция немецкой самодеятельности, поговорили с режиссерами.

Вечер провел в театре. Все прошло на небывалом подъеме. Уже в 5 часов вечера возле Оперного играли оркестры, немцы пели, плясали. Всюду музыкальные ансамбли. Таких возбужденных, оживленных немцев видеть ещё не приходилось. Значит, ещё не совсем убиты. Открыл фестиваль я, стоя перед сводным хором. Говорил по-русски, по-казахски, по-немецки. Зал, битком набитый, встретил хорошо. Концерт длился три

часа. Зал доброжелательно реагировал на все. Хлопал горячо, неистово, восторженно принимая каждый номер, сердцем отзываясь на каждое немецкое слово. Конец был вообще апофеоз. Пели все – артисты, зрители. Удался вечер на славу. И в фойе плясали, пели. Была организована выставка картин немецких художников, уголок рукоделия. Снимали киношники. Была программа «Время». Толпились журналисты – наши, центральные, из Германии. Словом, это было событие! А люди все едут и едут – с Алтая, из Одессы, даже с Чукотки. Кто бы подумал. И проблема одна – размещение. Задействовали всё – гостиницы, общежитие, пансионы, дома отдыха, частные квартиры, церкви, а мест все не хватает.

Интересные коллективы приехали из Германии. С некоторыми я говорил.

24 октября

Фестиваль немецкой культуры продолжается. Вечером был в Центральном концертном зале. Концерт немецкой самодеятельности продолжался более 3-х часов. Минут 30-35 шел поминальный вечер с церковным хором, с проповедью лютеранского пастора.

Притащился домой дохлый в первом часу ночи.

25 октября

С 9 до 13 часов – пресс-конференция в ЦК3 по немецким проблемам. Дал интервью «Deutsche Welle». Вечером мои двоюродные сестры и швагер Яша были у нас дома. Фестиваль оставил приятное впечатление у Obrigkeit.

26 октября

Праздник продолжался в «Полиграфисте». Музыкальные ансамбли затеяли концерты прямо на улице, у входа. Выступали литераторы. Поэты читали стихи. Вели концерт оба диктора немецкого радио ещё довоенного периода – Якоб Шмааль и Эрна Майер.

Потом прошло заседание Президиума Совета немцев.

Вечером в Оперном театре до 12 часов ночи прошел заключительный концерт Фестиваля немецкой культуры. Совершенно потрясающе! Ошеломили всех баварцы-духовики. Беседовал с их бургомистром. «Лучшие немцы не обязательно живут в Германии», – сказал он. Поговорил с артистом-виртуозом из Берлина – Хорстом Гуссике.

Все эти дни промелькнули на поразительном подъеме. Порадовался за своих соплеменников.

27 октября

С утра до 16.00 – заседание Оргкомитета и пресс-конференция. В резолюции отдельным пунктом отмечена значимость фестиваля. До заседания дал интервью КазТАГу, но интервью потом приписали Эрлиху. Видимо, неудобно было дважды давать меня.

Потом Кроневальд и Ю. Арльт повезли в гостиницу, к нам присоединились Эрлих и Мерц, и мы провели приятный прощальный вечер. Кто знает, когда еще встретимся...

3 ноября

В Молдове все признаки гражданской войны. Теперь проблема – потушить пожар. Есть убитые, раненные. Верхушка забавляется, народишко расплачивается.

4 ноября

...Потом позвонил Әбе, поговорили о том, о сем, любо-мирно, и вдруг неожиданно набрели на «национальное», на его желание выступить на Пленуме СП СССР против Лихачева и Ко. Я заметил, что если есть желание выступить против русского языка, то целесообразно выступить по-казахски. Әбе узрел в этом усмешку, тотчас вспылил на меня, дескать, я тебя в последнее время перестаю понимать, приплел чьи-то слова, будто я недостаточно уважителен к казахам, что рос на казахской земле, ем и пью все казахское, а пишу в защиту Солженицына, когда все казахи борются за национальное выживание против русского засилья и шовинизма. Дальше – больше. Мол, Колбин вскружил мне голову, я вознесся, неблагодарен, и из-за того, что меня не избрали депутатом, вроде как обиделся на всех казахов, когда напакостили всего лишь пятерошестеро, ну, пусть сорок или пятьдесят. Я сказал: нужно бороться за свой язык, а не против русского языка, нельзя смешивать язык и политику, язык и идеологию. Но Әбе понесло: вспомнил бог знает что, припомнил всякую чушь, потом вроде как успокоился, я же был весь выбит из колеи, жутко расстроился, и весь день хожу под этим впечатлением... Так остро, больно я ощутил свое одиночество, свою незащищенность, зыбкость. В трудный момент мне опереться не на кого... Тяжко жить в такой ситуации...

11 ноября

До обеда заседали в ВС у Абиша. Встреча с руководителями культурных центров. После обеда был у Әбе. Настроение у него кислое. Увеличил фотографию 30-х годов, где он запечатлен с отцом и другими родичами. Смотрел, смотрел, ударился в воспоминания и совсем расчувствовался. Зачитал он текст («загогулины», как он выражается) возможного выступления на Пленуме СП СССР. Но текст пока вялый, неопределенный, тусклый. Съездили в Дом отдыха ЦК, подышали воздухом, раздобыли в буфете немного масла и яблок. И здесь – нищета.

15 ноября

Депутаты ВС СССР пришли в возмущение. Поняли вдруг, что они в капкане, они – игрушка, работают впустую. А все вокруг рушится, разваливается – паралич власти, бестолковость, анархия, хаос, голод. Вот и потребовали, чтобы все президенты, вся верхушка отчитались о положении в стране. С армией – судя по всему – Президент вошел в конфликт. Так и было сказано: «Президент остался без армии». Теперь назрел конфликт с Верховным Советом. На фоне этой катастрофы трудно надеяться на решение немецкого вопроса. Уныние и тоска охватывает людей.

...После обеда съездил по линии Бюро пропаганды литературы в Чемолган, выступил перед студентами и преподавателями гидромелиоративного техникума.

Настроение пакостное: общество рушится.

21 ноября

ФРГ бросилась помочь нищим нашей страны. Со всех собирают деньги, продукты, одежду для бездельников Страны Советов. И писатели, и ученые бросились собирать милостыню. И вся Европа к этому подключилась, и Америка с Англией надумали оказать гуманитарную помощь. Лозунг дня: «Как-нибудь пережить зиму». Первая страна социализма, фанфарная идеология, большевистская гордость, русский патриотизм – все блеф. 300 млн. нищих стоят с протянутой рукой. Стыд и позор! Широка страна моя

родная!.. А на Волге орут: «Лучше СПИД, чем автономия!» «На картошке будем жить, а за немецкую марку не продадимся!» Вот засранцы! Орать-то орут, а тут же христарадничают... По ТВ показали загнивающие русские деревни. Лес, трава, луга, речки – рай. А в полуразрушенных халупах сидят бабки и ждут подаяния. Где их дети? Как они дошли до такой жизни? Почему русские люди бросили свои земли, свой отчий край и прилепились к чужому достатку – к узбекам, киргизам, казахам, прибалтам? Не пойму! Где русский дух? Где русский патриотизм? И сами не живут, и другим не дают.

25 ноября

Съездил с Әбе в Дом отдыха ЦК. Кое-что раздобыли в буфете. Пошли гулять в сторону «кунаевского» дворца. Он пустует. Тут подъехал на белой «Волге» и бывший хозяин – Д.А. Кунаев. В куртке, шапке, темных очках, с красивой, витой палкой. В сопровождении молчаливого, но весьма учтивого жигита. Пошли навстречу. Әбе задавал разные вопросы, иногда с подковыркой. Кунаев охотно и спокойно-доброжелательно отвечал. Речь зашла о жизни (начиная с №4 «Простора» пойдут воспоминания – «жеті атамнан бастадым»), о зарубежных поездках («он жеті елде болдым»), об Ираке, о Г.Алиеве («Гейдар Алиев – боевой парень»), о Рашидове («ұрлық-қарлығын білмеймін, ал жалпы көп еңбек сіңірген адам, өзбектер оны тегін ақтап отырған жоқ»), о Хонекере («маған двухствольный карабин сыйлап еді»), о стройках в А-Ате («баня 8 млн. 300 мың сом тұрады, мынау сарай – 1 млн. 100 мың. Оны журналистер 15 млн., 5 млн. деп қыртиды», «Мен келгенде қазақтар 2 млн. болатын, мен кеткенде 7 млн. болды»), о Геринге («жақсы досым еді»), о Брауне («автономияға өзі қарсы болды»), о немцах («газетті мен ашып бердім, театрын да мен көшірдім»), «Бельгердің жағдайы жақсы, екі Германияны қосып алды. Коль – мықты политик болды ғой. Не зря он называет себя внуком Аденауэра». «Таких дорог и совхозов, как в Казахстане, Россияңда да жоқ»...

Беседовали около часу. Взгляд у Кунаева ещё цепкий, зоркий. Но ходит трудно, приволакивает правую ногу, часто останавливается, чтобы унять одышку. Говорит охотно, располагающе. «Бельгердің мақалаларын оқыдым, телевизордан да талай көрдім»... Я удивился его беглой казахской речи. Публично я слышал его всегда русскоговорящим. И почему-то полагал, что он не силен по казахской части. Для меня его казахская речь была приятной неожиданностью.

7 декабря

6-го вечером благополучно вернулся из Москвы. 1 и 2-го заседали в Совете «Возрождения» в Политехническом музее. Заседали бурно, отчаянно. Я выступал не раз, задавал вопросы, подавал реплику, спорил. Иногда запальчиво. Ох, и упрямые немцы! А иногда и бестолковы. Кому-то, вероятно, и я таким кажусь. 4-го заседали в Совмине, в Оргкомитете под руководством академика Раушенбаха. Все это отложилась в сознании, запечатлено в протоколах, записано на пленки.

Внук развивается хорошо. Живой, забавный, потешный, умный, как большинство детей в этом возрасте. Ко мне весьма привязан, а я – к нему.

В Москве было сыро, но не холодно. Хотя и весьма неуютно.

По радио, ТВ главный разговор – гуманитарная помощь Запада. Нищая Россия клянчит милостыню по всем задворкам мира. Русский характер! Хорохориться, петушиться, как последний люмпен, и из-за милостыни хватать друг друга за глотку – такая вот гордость, такой патриотизм! Мессианство! По-зор-ни-ки!!

8 декабря

Анаит Баяндур права: «Я не вижу ярких личностей, тех русских, которые должны были бы сейчас говорить правду».

Вконец вырождается народ, унижая своим попрошайничеством остальных, вынужденных жить с ним. Ведь в представлении сытого западника все мы – и казах, и грузин, и татарин – считаемся русскими.

...Вечером долго гулял с Ануаром, потом присоединились Бердібек, Молодов, Ахтанов. Таха́ оброс бородой. И она ему идет.

11 декабря

Бауке (Момышулы) к 80-летию (посмертно) присвоили звание Героя Советского Союза. Когда-то он сам говаривал: «Справедливость восторжествует, но чаще всего она запаздывает».

...Копался в книгах, искал шиллеровское «Das Kind in der Wiege». Не нашел. Обзвонил ряд немцев. Даже в 5-томнике его не оказалось. Обратился к Е.Гильдебранту, и он вечером нашел-таки в однотомном издании 1940 года – издании Штутгарта и Тюбингена. Лермонтов перевел его довольно точно, Абай же сделал парафразу. Для энциклопедии «Абай» написал в общей сложности 15 статеек. О «Дитя в люльке», видно, напишу маленький филологический этюдик.

...Вечером по ТВ выступил с заявлением Крючков. Обещал принять все меры. Это понятно. Неясно только, против кого именно и что значит «все средства» в понимании КГБ. На днях и Язов выступал и тоже говорил о «всех средствах». Но средства армии известны: это автомат Калашникова. А вот «все средства» КГБ наводят ужас. Очевидно, на днях по поручению Президента выступит с заявлением и Б.Пуго. И наверняка тоже скажет о «всех средствах». А мафия – экономическая, политическая, воровская – между тем наглеет и процветает. И бороться с ней наша власть бессильна. Значит, ударит от бессилия по невинному люду. Полетят кое-какие головушки.

Какое-то подлое время пошло. Чувствуешь себя будто в мешке из-под кизяка...

15 декабря

Часа два был у Әбе, а потом проводил его до остановки на Медео. Он жаловался на давление и на то, что не пишется. Зато преуспел по хозяйству: через госснаб и разные министерства достал и завез итальянский линолеум, испанские обои, 25 тысяч кирпичей, стройматериалы, унитазы, раковины, плиту, холодильник и пр. и пр. Хочет перестроить крыльцо дачи, пристроить кабинет и прихожую. «Е-е, – сказал я, – значит, жизнь Ваша по-настоящему начнется после 70 лет». Смеется: «Кто знает, какая пойдет жизнь после семидесяти. Все думаешь о судьбе ничтожных детей. Хочется, чтобы им что-то осталось».

Очень Әбе доволен тем, что все ему достается задарма. «Кажется, жигиты уважают меня». На днях ему должны привести соғым – целую кобылью тушу на зиму.

16 декабря

Прошла телеакция в защиту культуры и духовности. То, что видел я, было нудно, трафаретно, скучно, вяло. Особенно начало и конец. Конечно, бесполезно все же это не было. Со страшными потугами наскребли кое-как миллион. Кому это хватит? Что он спасет, миллион, когда везде и всюду все разваливается – библиотеки, клубы, архи-

вы, издательства, кино, театры?.. Выступавшие нарисовали жуткую картину. Крен был явно в сторону казахского, что и понятно, и естественно. И собрали главным образом рублишки на казахские нужды. Это почувствовали «инородцы»: Кельс, Космериди, курдский культурный центр. Их тотчас отшили, дав понять, чтобы они не раззевали рты на казахскую лепешку. Ануар прямо сказал, что русские должны уповать на Россию, уйгуры – на Синьцзянь и т.д. Дескать, оттуда ждите подмогу, а не от казахов. Получается, что работать на Казахстан дозволяется, а ждать какой-то помощи – ни-ни. Мурат Ауэзов выразил недоумение по поводу того, что в корейской пейзажной лирике – хотя в республике уже выросло три поколения – Казахстан не воспевается, а бытуют совсем иные детали – берег океана, море, дальневосточные деревья и травы. Абиш сделал слишком долгий доклад, и его вынуждены были даже остановить. Муфтий, сидевший рядом, откровенно спал.

Гвоздь программы – выступление Назарбаева. От него все ждали (о том говорилось накануне), что он объявит об отмене кабального налога с писателей и прочей творческой интеллигенции и подкинет ещё один процент на культуру. Этого, однако, не случилось, и Президент отделался общими словами.

17 декабря

Смотрел открытие Съезда нардепов... Умалатова яростно обрушилась на Президента, требуя включить в повестку дня вопрос о недоверии к нему. «За шесть лет под аплодисменты Запада он сделал все, что мог: развалил страну, посеял вражду, ввергнул страну в голод, холод, обрек великий народ на попрошайничество... Любить власть хорошо, но надо ещё уметь с ней обращаться...» Лукьянов остановить ее не смог. И Горбачев оказался в нокауте. Он мгновенно спал с лица, глаза сузились, плечи обвисли, уголки губ скорбно опустились. Поставили на поименное голосование. 426 человек проголосовали за включение в повестку дня вопроса о недоверии Президенту. 70 с чем-то воздержались. Более 100 человек вообще не голосовали. Можно себе представить, каковы были бы данные, если в голосовании было непоименным.

В своем докладе Горбачев очень старался. Ратовал за президентскую власть. Поддержал армию. Но нового ничего не было. Депутаты слушали сдержанно. Жидкие хлопки были в самом конце. Мне кажется, Горбачев плохо понимает, что происходит вокруг. И, судя по всему, съезд будет тяжелым.

Вечером читал «Цинковые мальчики» Алексиевич. Страшная книга!..

18 декабря

Алкснис предложил вообще не обсуждать доклад Горбачева, ибо он бесперспективен, не конкретен. Президент мол, не имеет ясной программы, четкого видения.

20 декабря

Довольно умно выступил на Съезде нардепов Шеварднадзе и объявил о своей отставке. Сенсация! С кем же остается Горбачев? С Лукьяновым?..

31 декабря

В Ташкенте пробыл неделю. Родители в здравии. Встретили меня целым колхозом. Отметили 80-летие мамы. Правда, было холодно, неуютно, я простудился и маялся давлением. Читал. Писал. Мерз.

Сочинил этюд о «Das Kind in Wiege» – Шиллер, Лермонтов, Абай.

А вообще-то жизнь тускловатая – и в Ташкенте, и в Алма-Ате, и в Москве. Что-то назревает.

Сходил в магазин и узнал, что кефир дают уже по одной пачке – таково распоряжение горисполкома. А от нас требуется толкать светлые идеи. Откуда их взять-то?..

1991

1 января

Весь день до 9 вечера прокорпел над статьей и вчерне ее закончил. Ненадолго отвлек меня лишь Калмухан. Он собирает подписи народных писателей в защиту одного казахского литератора в Китае. Якобы крупный прозаик, родом из Семипалатинска, автор трилогии «Қылмыс», лауреат разных всекитайских и синьцзянских премий. Зовут его Кажыкумар, кажется. Вот я и отредактировал слегка текст этого письма. Первым днем нового года вполне доволен: работал на всю катушку.

31 января

Уже с 8 утра постучался в дверь биолог Маткамов Молдагали. Задумал построить для детей-сирот в республике предприятие «Ақниет» с детским садом, школой-медресе, вузом-техникумом, жилым помещением, со множеством цехов. Получил якобы землю. Собирает подписи учредителей-попечителей. В списке много именитых казахов. По его словам, в Казахстане около 10 тысяч сирот, из них 95% казахи. Почему так? За счет тастанды (брошенных) детей, отвечает Матканов. Наиболее мусульманский, милосердный край считается Шымкентская область, вообще южные области. Но именно там более всего казахов-сирот. Явление постыдное! Никогда не полагал, что это так.

7 января

Позвонил Э.Ф. Айрих со ссылкой на Гроута: состоялось заседание Госкомиссии Гусева (по проблемам советских немцев), выступали там нардепы от Поволжья, говорили о предстоящем съезде немцев, о его направленности, о том, что об автономии и заикаться нечего. Гусев так и сказал: о государственности немцев и речи быть не может, что будет создана общественная организация для самоутешения немцев, а разработки Минюста в данном вопросе никакой, мол, силы не имеют. Вормсбехер вроде сказал, что в таком случае в Съезде и смысла нет. Одним словом, все скверно, гадко и подло. И, видимо, ничего ждать и не стоит. Всюду дети Кузьмы: Лигачев, Полозков, Гусев. Оставь надежду всяк сюда входящий!

Настроение гибельное. Неужели правы те, кто бежит из страны? А я никуда бежать не хочу и не могу, а жить здесь становится все бессмысленней.

13 января

Принялся листать «Простор», наткнулся на «Тайного советника вождя» Успенского. Дребедень несусветная, но не безобидная – апологетика сталинизма. 13-я глава посвящена депортации немцев Поволжья. Трактовка сногсшибательная. Едва ли не во

благо немцев все было затеяно. Все, мол, справедливо и гуманно. Виноват же во всем «Кабан Каганович». Возмутительно! Я сразу сел за статью по этому поводу. И до вечера накатал 5,5 страниц. Накануне съезда немцев ещё не то придется читать.

17 января

О событиях в Литве народ не молчит. И газеты, и интеллигенция, и писатели, и зарубеж – все разоблачают насилие звероящера военщины однозначно и беспощадно. И это радует. Надо в зверинец запереть зверей. И наши, казахстанские, партии, объединения, движения тоже не молчат. От Горбачева требуют отстранения Язова и Пуго. Звучат телеграммы осуждения. Звучат коллективные письма. Народ уже так просто не околпачишь.

Резко выступил о Горбачеве президент Чехо-Словакии.

Вообще авторитет Горби падает катастрофически.

24 января

Жуткий ажиотаж по поводу обмена 50 и 100 рублевок. Лихорадка и горе. Издевательство над народом. Заглянул на почту, в кассу – страшно смотреть. Одно несчастное старичье – перепуганное, взбаламученное – томится в бесконечных очередях. И нигде никакой работы: составляются списки, просматриваются варианты, бегают в кассы, банки. Кошмар! В «Комсомолке» аршинными буквами: «Вот тебе, бабка, и Павлов день!»

30 января

Неприятно взирать на агонию Горбачева. Казахи говорят: пустозадый. Русскими реформаторами я сыт по горло. Все! Хватит! Больше обманываться не желаю! А мне все казалось, что Горбачев что-то из себя представляет. Пустоболт!

17 февраля

Смотрел «Guten Tag!» Тоска, уныние, беспросветность жизни моих соплеменников. Горькая тема: нет выхода. Эмиграция – капитуляция духа. Человек меняет судьбу на судьбу и переходит в иную субстанцию.

24 февраля

Все потуги (и мелкие хитрости – «сасық қулық») Горбачева оказались тщетными. Странная фатальная фигура: все, что бы он ни делал, выходит боком. То ли невезучий, то ли бестолковый. Боюсь, что вот-вот он объявит президентское правление. Совершенно не чувствует реальности. В Москве идет митинг в защиту Ельцина. Окружение Горбачева на редкость тупое и бездарное. Точнее, примитивное, непрофессиональное, дилетантское.

27 марта

Почти три недели пробыл в Москве. Предчувствие не обмануло: «немецкие дела» сложились несуразно. Все подробности запечатлены в блокнотах. 20.02 и 01.03 заседал Оргкомитет. Последнее заседание вел акад. Раушенбах. Минут 10 я с ним беседовал о Гете и Абае. Он считает, что «Горные вершины» Лермонтова – плохой перевод Гете. И даже вовсе не перевод. Человек интересный, самобытный. И немецкий язык его какой-

то своеобразный. Потом два дня (2 и 3 марта) «собачились» на Совете «Возрождения». Немцев мир не берет. Амбиции у доморощенных «фюреров» гипертрофированные. Выступал несколько раз до ломоты в пояснице. Слишком все мы разные – сибирские, украинские, поволжские, казахстанские немцы. И все же порою нащупывались точки сближения. Но финал оказался совершенно смазанным. Сообщение Фалька о поездке в ФРГ и его переговорах с VDA всколыхнуло, взбудоражило команду Гроута. Назревала откровенно конфликтная ситуация и четко обозначилась линия раскола. 5.03 я отвез на Миусскую площадь (здесь разместился штаб Оргкомитета) свою долю к докладу и размножил на ксероксе свое гипотетическое выступление на съезде. А 7.03 в час дня, дошла весть о том, что съезд откладывается. Это был удар. Гроут и его команда ждали это как манну небесную. Они ещё в Новосибирске (в начале февраля) предусмотрели такой вариант, разработали сценарий своего «Съезда», наняли зал «ЗИВ», заказали две гостиницы, начали телеграммами созывать «своих», заранее спланированный Чрезвычайный Оргкомитет приступил к делу, и пошла недостойная возня. Шантаж, обман, подтасовка – все пошло в ход. Я сообразил: раздрай идет от верхов. Часть немцев «пасет» ЦК (это, в основном, умеренные, лояльные), часть – КГБ (это крикливые, анархиствующие, радикальные). И властям этот раскол на руку. Можно автономию и не восстанавливать, сославшись на отсутствие единства среди самих немцев. А козлов-провокаторов найти нетрудно в любом стане.

Сразу же позвонил мне Гроут: «Теперь нам следует объединиться».

Вслед звонит Вормсбехер: «Все это даже к лучшему. Все равно раскола не избежать. Пусть Гроут проводит свой съезд со своей альтернативной схемой».

Все эти дни я провел в дурном настроении. Ясно, что «немецкий вопрос» зашел в тупик. И мечта об автономии окутывается густым туманом.

«Съезд» начался 12.03. До того Оргкомитет собрался ещё раз 10-го и выработал несколько документов и обращений.

Собралось 505 делегатов. Пошла эйфория. Собравшимся почудилось, что они одержали крупную победу над проправительственным Оргкомитетом. В газетах разнобойные сообщения. Гаар в «Известиях» сообщил, что съезд отложен. Гроут в «Курантах» и «Комс. правде» заявил, что съезд все равно состоится. Раушенбах по «Времени» объявил, что это – не съезд.

Объяснения Вышинского на «Съезде» слушать не стали. Женщины визжали, мужчины топали. Зал умело подогревал Гроут. Многие из Оргкомитета вообще не пришли. Я оформился как корреспондент «DAZ», а не как делегат. В последний день «съезда» прилетел Айрих, громогласно заявил, что выходит из Оргкомитета и переметнулся во Временный Совет. То же сделал и Эрлих, хотя предавать никого не стал и в адрес своих товарищей из Оргкомитета дурных слов не сказал. Было объявлено: делегатов 525. В конце эйфория пошла на убыль. Многие начали сомневаться: съезд ли это, правомочен ли он что-либо решить. Разошлись, разъехались угрюмые, недовольные. Вчерашние единомышленники стали врагами. Объявили о воссоздании Волжской немецкой автономии, создали Временный Совет, объявили правительству шесть месяцев мораторий.

И ещё дважды я ездил на Миусскую площадь. Многие из моих знакомых меня сильно разочаровали. Я понял, что большинство из самых радикальных просто-напросто готовится эмигрировать. И шумиха на «съезде» им нужна для оправдания своего потайного умысла. В сущности им никакая автономия и не нужна. Их преследуют сугубо шкурные интересы. И я им чужой, поскольку мною руководит совсем иные цели.

На «съезде» встретился и поговорил с Лео Кошутом и доктором Фогт из Берлина, А. Энгелем и Х. Зилафом из Бонна. По-моему, они все мало что поняли из ора советских соплеменников... В Алма-Ату вернулся с тяжелым сердцем. Одна радость – вместе со мной летели в гости дочь и внук.

2 апреля

Заглянул в «Россию». Цены поднялись круто, продуктов нет. За яйцами очередь в несколько сот человек. Народ тусуется, мечется, ищет – что, где. В «Казправде» перечень основных товаров и новых цен, а также – градация налогов.

Съезд РСФСР бушует. Депутаты готовы затоптать друг друга. Крик, свист, топот. Российский парламент – нечто совсем несуразное. Рожи отменные, тупые и бандитские. Дебилы, возомнившие себя политиками.

9 апреля

Давление до тошноты. Из носу кровь. Шатает. Дохлый. Весной мне всегда худо.

Бастует Минск. Киев требует пленума. Все больше сил настаивает на отставке Горбачева. А он – железобетонный большевик. Задницей уперся в КГБ и армию. Чувствую, все кончится пакостно.

12 апреля

В «Комс. пр.» сильная статья Никитинского: по косточкам разбирает Горбачева. Называет его балластом, камнем на дороге, лишней фигурой на доске, посторонним в обозе... Вообще Горбачева бьют и топчут все, кому не лень.

22 апреля

Ленину исполнилось 121. Ивашко произнес отвратительный доклад. Из последних сил нудно и топорно доказывал, что Ленин велик. Все слова какие-то тягомотные. А выступления были более живыми. Защищая Ленина, в хвост и в гриву били современных ленинцев. А они – Полозков, Крючков, Павлов, Янаев, Прокофьев и пр. – сидели, как индюки, как обкáкавшиеся пацаны на горшках. У Горбачева глаза сузились, лицо опухло, вздулось, края губ опустились – не лицо – маска скорби. А концерт и вовсе мерзопакостный. Во всем уныние и зеленая тоска. Все фальшиво, все натужно.

25 апреля

Ощущение такое, будто все на грани катастрофы. Прав философ: ка-та-строй-ка.

29 апреля

В «Известиях» некоторые подробности Закона о репрессивных народах. Закон хороший, но кто будет его реализовывать? Вопросов много. Дошел смутный слух, что в Грузии землетрясение чуть ли не 8 баллов (близ Кутаиси). По радио пока ни слуху, ни духу.

30 апреля

Наконец и наши, как всегда, с опозданием и неизменным враньем сообщали о трагедии в Грузии. Ужасно! Неужто и в самом деле Бог наказывает людей за излишнюю строптивость и гордыню? Хватит ли у Гамсахурдиа гордости отказаться от помощи

Союза? Или встанет в очередь с протянутой рукой? Вот в каких обстоятельствах проверяется истинный суверенитет и президентское достоинство. Или за твоими декларациями скрывается заурядное люмпенство?

Горбачев и Ельцин вынужденно пошли на сближение, ибо иначе ни тот, ни другой не в состоянии достичь цели, а вот остальные республики (большинство азиатские) ловко обвели вокруг пальца. Все останутся с носом, если не спохватятся вовремя.

3 мая

Звонок Маурера: умер поэт Аргольд. Смерть снимает богатую жатву: за год-полтора ушли О. Пладерс, И. Кунц, Г. Шнайдер, В. Брунгард, В. Эккерт и теперь – Герман Иванович. Все маститые литераторы. Со всеми был знаком, переписывался, встречался. А за рубеж уехали – И. Варкентин, Кайль, Вибе, Р.Франк, Л.Франк, Лангеман, Мангольд. Ещё десяток сидит на чемоданах. А я пишу статьи о развитии литературы российских немцев. Горько! Какое там развитие?!

5 мая

Вечером около 10 позвонил О. Лер: нужно срочно собраться и вылететь утром в Москву. Пошел поток звонков и утрясения ситуации. Позвонил Крейцер из Москвы: завтра после обеда встреча с Павловым, а послезавтра в 11 утра – с Горбачевым. Сборы с бухты-барахты. Неужели что-то решится с «немецким вопросом»?

17 мая

В Москве я пробыл с 6-го по 13-ое мая включительно. 6-го – заседание Оргкомитета на Миусской; 7-го – встреча у Горбачева (с 11 до 2-х часов), заседание Оргкомитета и заседание у Гусева; 10-го – заседание Совета и конференция «Возрождения»; 11-го – продолжение конференции; 15-го – заседание Оргкомитета, выход из «Возрождения», раскол. 13-го – Оргкомитет в Совмине. На приеме у Горбачева вел подробный протокол. На основе впечатлений написал статью, дал интервью. Худо с сердцем. Одно я понял: «немецкий вопрос» в Советском Союзе уже не решится. Нет у властей желания и воли. Домой вернулся изрядно измочаленный.

24 мая

Вечером звонил Эбе: в конце мая в Шымкент и Алма-Ату приезжает Горбачев. Видно, Эбе готовят выступить на встрече.

25 мая

Был на открытии украинского фестиваля. Встретил там всех азаматов из культурных центров, поговорил с ними, а за чаем – и с представителями официоза – Штопелем, Абишем, Кутовым и др.

Концерт был хороший. Удивил Мехлис Сулейменов, спевший несколько песен на украинском языке, произнесший несколько украинских шванков.

Апофеоз – «Реве та стогне Дніпр широкій...» Однако после этого местным патриотам-националистам захотелось спеть украинский национальный гимн с размахиванием украинских флагов, и был в этом натужный вызов, выпад, как бы угроза, эйфория, и именно эта малость испортила хорошее впечатление от вечера. Неприятно смотреть на человека, находящегося в националистическом экстазе.

28 мая

Утром примчался Әбе. Вызвали его партбоссы по поводу приезда Горбачева. Әбе поручено произнести речь о казахском языке и казачьих претензиях на территорию.

В обед часа два работали над текстом речи Әбе. Он устал, измотан, спит на ходу, глотает валидол, взбадривает себя кофе. Не работа – мука.

30 мая

Вечером выяснилось, что меня, оказывается, пригласили на встречу с Горбачевым, но мое приглашение застряло где-то в СП. Султанов в ярости выписал новое приглашение, но меня не смогли найти. Так я на встречу и не попал, что меня ничуть не расстраивает. Вечером все посмотрел по ТВ. Речь Әбе была воспринята хорошо, хотя и говорил он коряво, с жуткими ошибками и в неестественно крикливой тональности, будто хотел кого-то напугать. Горбачев демонстративно шуршал «Правдой» и не слушал его.

На пресс-конференции в связи с вопросом Эрлиха затронул Горбачев и «немецкий вопрос», заметив, что в конкретику сейчас вдаваться не будет.

17 июня

Вечером узнал, что погиб Гассельбах. Сбила машина. Неделю назад он мне звонил по поводу кончины Карла Вельца. Последними словами его были: «Мы его как-нибудь похороним здесь сами. А я вам больше звонить не буду». Слова обрели роковое звучание, хотя и были сказаны в том смысле, чтобы я сообщил о смерти Вельца в редакцию и об этом он больше в А-Ату звонить не будет. Катастрофа литературы рос. немцев: за короткое время ушло восемь-девять литераторов.

19 июня

Намеченная встреча с Назарбаевым не состоится: он застрял в Москве. Дело идет к подписанию Союзного договора.

23 июня

Вечером наткнулся на антисолженицынские статьи 70-х годов. Даже представить себе трудно, что совсем ещё недавно этот произвол творился на наших глазах. А как мерзопакостно выглядел в этой постыдной истории СП СССР! Как ничтожны были многие из ведущих «художников»! Я так расстроился, что не мог уснуть... Единственное спасение наше, что даже из такого беспросветного режима выломились такие гиганты духа, как Солженицын и Сахаров. Иначе оскотинились бы вконец.

3 августа

Месяц пробыл в Ташкенте. Главным образом был занят съемками фильма «Байсунский тупик» по моему сценарию. Дважды побыл на киностудии, заключил договор. Фильм документальный, то ли 30, то ли 40 минут. Режиссер Огурная. Вроде бы что-то вырисовывается. Хотя узбеки смотрят косо: откуда, мол, такой прыткий взялся...

7 августа

Раза два звонил Айрих: все по поводу предстоящей конференции, которая ничего уже не решит. Брауну дали Героя. Оргкомитет решил провести съезд немцев 18-20 октября. 5 сентября должно быть его очередное заседание. Значит, мне надо в конце

августа посетить Ташкент дней на пять. Потом лететь в Москву. А там и съезд на носу. В сентябре съезд СП. В октябре съезд СП СССР. Когда же жить и работать?

25 августа

Положение с продовольствием ухудшается. Зима предстоит суровая и голодная. Об этом на ташкентском сборе азиатских президентов говорил Ислам Каримов. В «ЛГ» большое интервью с ним. Слова хорошие, рассуждает весьма здраво, а каков он на самом деле?.. Что-то в нем меня настораживает.

19 августа

С утра почуял неладное. Вскоре все подтвердилось. Горбачев низложен. Власть в руках ГКЧП – с 4.00 часа 19 августа. ГКЧП – это Бакланов, Крючков, Пуго, Павлов, Тизяков, Стародубцева, Язов, Янаев. И.о. Президента – Янаев. Лукьянов сделал заявление и сохранил кое-какую позицию.

Весь день слушал радио и ТВ. По ТВ шла только первая программа. Весь день балет, симфонии и бесцветные фильмы. Газеты будут перерегистрированы.

Назарбаев заявил, что на территории Казахстана ЧП введено не будет. Ельцин заявил, что все это незаконно и призвал народ к бессрочной забастовке. Акаев призвал к спокойствию и благоразумию.

Предвидеть заваруху можно. Но истину знают танки... Журналисты на пресс-конференции назвали это переворотом. Но Янаев с этим не согласен.

23 августа

Слава Аллаху, все это свинство быстро закончилось. Что путчисты долго не протянут, было ясно. Слишком жалкие людишки. Но что демократические силы в состоянии действовать так решительно и слаженно, что народ (в данном случае особенно москвичи) уже столь сознательны и гражданственны, просто приятная неожиданность.

Если Горбачев не поменяет круто свою кадровую политику ему долго не протянуть. И особенно тяжкое впечатление оставила верхушка КПСС. Какой позор! И позор этот падает на рядовых честных коммунистов. Из-за гнилого партаппарата, секретариата, ЦК и Политбюро пострадают невинные люди... Честные коммунисты должны объединиться в новую партию... Я так полагаю... Верхушку КПСС (откровенно лживую, трусливую, продажную) необходимо перетрясти основательно.

2 сентября

Выбрался на неделю в Ташкент. 25.08 встретили меня на мотоцикле отец и Вова. Три раза ездил в Узкинохронику. Кое-как сляпали фильм. Дважды его обсуждали на худсовете. Многое осталось за бортом. КПД в кино очень невелик. Съемочный коллектив был ко мне очень внимателен. Смотрел по ТВ сессию, слушал радио, листал пустые ташкентские газеты, читал «Окаянные дни» Бунина. Общество круто меняется. Путч сработал катализатором. Но тарарам, по всему, продлится ещё долго.

4 сентября

Совершенно безобразный съезд писателей Казахстана. Олжаса нет. Доклада нет. Крик, ор, базар. Выражение недоверия к съезду и президиуму. Серик К. и Зейнолла К. попытались было свернуть его и закончить, но несколько демагогов ударились в крик,

дескать, нам есть что сказать. И снова пошли базарить. Русская публика промолчала. О литературе никто ни слова... Более часа шла возня по поводу назначения Олжаса почетным председателем СП. Делегаты склонились к тому, что не надо на шапку напяливать ещё одну шапку. Но тут Мырзатай Дж. принялся жалобить аудиторию, совестить собравшихся, призывал к щедродушию, доверить Олжасу почетное председательство, раз уж он так желает. Кончилось тем, что выбрали-таки Олжаса почетным, хотя 43 делегата голосовали против. Калдарбек заявил: кабинет мой, печать у меня, машиной распоряжаюсь я, так что почетный председатель мешать не будет.

7 сентября

Внеочередной съезд коммунистов Казахстана. Собрались партчинуши среднего звена. Некоторые рьяно защищали компартию со всеми прежними структурами. Остудил их Назарбаев, беспощадно раскритиковав «спящую партию», тормозящую жизнь. Кончилось тем, что 600 делегатов решили создать социалистическую партию Казахстана. Приняли устав и программу... Все это мне кажется детской игрой.

9 сентября

...А нашим немцам, боюсь, вообще ничего не светит. Структуры, которые нами занимались, более не существуют. Кругом все шатко, кому может быть дело до каких-то немцев? Как живут, так живут, а не нравится – пусть катятся. Вот и вся позиция нынешних властей. Может, Ельцин возьмется за дело, но судя по его интервью, его мысль не распространяется дальше «места компактного проживания». Ни об автономии, ни о государственности речи у него нет. Запел горбачевскую песню: на Волге все заселено, за 50 лет все изменилось.

Печально все это. Если это идея погибнет, остаются два варианта: ассимиляция и эмиграция. «Оба хуже», – как сказал корифей-генералиссимус по другому поводу.

19 сентября

От Фалька телеграмма: заседание Совета немцев на этот раз намечено в Саратове. Просит прибыть туда 3 октября.

С Солженицына сняли обвинение в измене. Засранцы!

20 сентября

В «Neues Leben» обращение наших Чрезвычайных уполномоченных, в котором они с нескрываемым злорадством сообщают о роспуске Госкомиссии по немецким вопросам и Оргкомитета, о прекращении субсидирования правительством СССР и о необходимости проведения съезда в октябре на собственные средства. Черт знает что! Где у немцев «собственные средства»?!

Был в нем. редакции. Уныние и разброд. Человек 6 собирается эмигрировать. Работать не с кем. Все зыбко. Интерес потерян. Все как бы доживают, досиживают, дорабатывают. Угнетает все это.

27 сентября

Просмотрел «Stern», «Brigite». В «ҚӘ» статья Акатаева – открытое письмо русским интеллигентам. Национальные претензии к русским, являющимися как бы проводниками имперской политики.

Парторганизация в СП К кончила свое существование. Из 160 коммунистов только один вступил в социалистическую партию. Остальные прекратили свое членство. Зато в СП планируется Исламская партия. Создана партия «Азат». Готовится партия Народный Конгресс Казахстана под предводительством Олжаса и Шаханова. O mein Gott!

5 октября

До 12 часов пробыл на Учредительной конференции партии Народный Конгресс Казахстана. Доклад делал Шаханов. Вел, комментировал, дополнял Олжас. Выступил Назарбав. И вся эта часть была толкова, разумна, взвешена. Собралось человек 500. Правда, неказахов было мало: по одному-двое русских, немцев, корейцев, татар, чеченцев, украинцев, всего – думаю – человек 50. После первого перерыва я сразу ушел, дабы не испортить приличного впечатления. Кружились там лихие жигиты из «Алаша». Президент заметил, что их надо распустить, на что они расхорохорились, кричали: «Клевета!» У входа стояли аульного вида обтерханные типы с повязанными головами и держали плакат, осуждающие партию Народный Конгресс Казахстана как якобы ставящую преграду национальным интересам.

В этот день проходило ещё два съезда партий – «Азат» и социалистов.

13 октября

Послезавтра опять (в который раз за этот год!) лететь в Москву, а в Подмосковье туман, самолеты не летают. В Москву стекаются русские из Саратовской и Волгоградской областей – противники немецкой автономии. Просятся к Ельцину. Будут пикетировать наш съезд. Ельцин, сказывают, намерен выделить немцам районы в Новосибирской, Омской, Самарской областях. Это не решение вопроса. Что нас ждет?..

23 октября

Два дня вернулся из Москвы. Съезд худо-бедно состоялся. Речей много, толку мало. Есть энтузиазм, есть инерция. Но нет воли. Немцы все больше настраиваются на эмиграцию. А властям не до немцев.

27 октября

В «Культуре» прочел статью А. Белкина (психоаналитик) «Кто же такой Горбачев?» Статья претенциозная и во многом пустая. Автор ищет сложности там, где её попросту нет. Горбачев, может, и личность. В нем намешано предостаточно всякой всячины. И говорить о нем можно. Но я не стал бы в нем искать то, чего в нем нет и в помине. И происхождение, и поведение, и образование, и культура, и интеллект его не дают повода для каких-то преувеличений, для психоаналитического изыска. Выигрывает он немного лишь на фоне партаппаратческой серости.

28 октября

Also bin ich schon 57. Aber fühle ich mich als wäre ich schon 75. Ganz kaput und sehr müde. Und dazu auch noch Verkält.

В «Известиях» сообщение о встрече Геншера с Козыревым. Первый настаивает на скорейшем восстановлении автономии на Волге, а второй – обещает.

Первому нужно остановить поток немцев с Востока, а второму «немецкий вопрос» вообще до лампочки.

29 октября

Ануар А. стал председателем Палаты национальностей. Даже и не знаю, поздравлять его или выразить соболезнование по этому поводу.

31 октября

Часа три был в «Белом доме», заседали у Ежикова-Бабаханова. Сплошь министры, ыгай и сыгай. Разговор о госпрограмме по казахскому языку. Ничего не выполняется. Я единственный в этой Комиссии, кто выступил по-казахски. Толку не будет. Закон есть, а дальше работать казахи не желают. Будто все осуществится само собой.

...От министра просвещения узнал, что в Германии погиб Виктор Александрович Герман. Меня эта весть сразила: прекрасный человек, умница, специалист, милая душа. Я его знал 37 лет. В 1954 году встретился с ним в санобработке. Мы были первыми немцами, кто в том году (тогда ещё существовала комендатура) поступили в институты: он – в ИнЯз, я – в КазПИ. Горько, горько... Лучших людей теряем.

3 ноября

Горбачев – судя по всему – в отчаянии. Все рушится. Читать газеты и слушать радио – тошнотворно. Сплошной разлад и распад.

7 ноября

Праздник – не праздник, черт знает что. Окаянные дни какие-то.

...Сделал было поход в два магазина. Пусто!! Еле достал 4 кефира и – по талону – две бутылки водки. Все! Слава Богу, хлеб ещё есть.

9 ноября

Ельцин объявил чрезвычайное положение в Чечне. А генерал Дудаев отменил указ и объявил военное положение. Боюсь, это серьезный промах Ельцина. Чеченцы – не армяне и даже не грузины, чья воля изъедена торгашеским духом. С чеченцами шутки плохи. И чем это кончится – знает лишь Аллах...

Везде кризисная точка. Дудаев дал клятву на Коране. Петросян отправляется в США. Азербайджан не дает им газа. В Осетии война. В Карабахе убивают...

15 ноября

В конце заседания подошли ко мне журналисты из Бонна – муж и жена – Барбара Гайер («die Tagezeitung») и Ульрих Швевен («Sextant», Journalistenbüro). Они видели в Семипалатинске мою книжку «Гёте и Абай», загорелись любопытством, хотят со мной побеседовать, взять интервью. Пришлось согласиться, хотя мне все это поперек горла. Работать надо, а не языком молоть.

16 ноября

Вечером звонил Айрих. Прочел заметку в «Правде» о том, что творят на Волге, всячески противодействуя автономии. Ещё одна заметка в «За рубежом». Кошмар какой-то! Ничего не светит немцам ни там, ни здесь. А то, что сказал Ельцин в «Известиях», вообще коту под хвост. Теперь Закон о пенсии репрессированных народов в отношении немцев тоже не действует. Он действует только в отношении тех, кто был осужден, потом был освобожден, имеет соответствующую бумажку, вот тот может на

что-то рассчитывать. А тот, кто был в трудармии, потом – на спецпоселении, и теперь ничего не имеет. Опять российский немец вне игры. Грабеж и издевательство! Грабь награбленное! Старики всю жизнь копили-копили и накопили, скажем, 10-20 тыс. рублей и думали, что по старым-то меркам есть у них кое-что на черный день. Теперь и эти несчастные гроши превратились в труху. Грабили в революцию. Грабили при раскулачивании. Грабили, загоняя в колхоз. Грабили, депортируя. Грабят, когда эмигрируют. Грабят, когда сидишь на месте. Отнимают все. Такое вот государство...

17 ноября

Утром прибыл из Москвы Әбе. Комитет присудил госпремии Астафьеву, Окуджаве и Машбашу. С ленинской премией покончено: тихо умерла. Будущее госпремии тоже неизвестно. Может, это будет межгосударственная премия? Пока неясно.

20 ноября

Вечером слушал Фазиля Искандера. Прекрасный писатель, а говорит трудно, нудно, скучно, тускло. Слушаешь его и мучаешься. Обливается потом. Да мыслит нечетко, расплывчато.

23 ноября

Немецкий вопрос поездкой Ельцина не решился. Хотел он подсунуть полигон, но, видно, наши ребята взвыли. И правильно сделали. Издевательство: вместо автономии предложить полигон. Как только Ельцин мог такое ляпнуть? Ох, и толстокож! Никакую национальную боль не в состоянии ощутить. А, следовательно, ничего и не решает. Не хочет и не может. Надо прямо сказать: хватит дурачить народ. Не считай немца глупее себя. Возьми свою загаженную Волгу. Подавись!

26 ноября

Более часа стоял в магазинах. Достал только молоко. В магазин, где продавали яйца, и сунуться не мог. Народ точно обезумел. Только шалается вокруг продуктовых магазинов. В 7 утра уже толпится у двери туча тучей. Хватает все. За час продали 16 фляг сметаны. Машину яиц разнесли вмиг. Вечером хватали кости. Даже за хлебом стоят всегда 30-40 человек. За маслом толпилось человек 500. С визгом, руганью, плачем детей. На рыло дают пачку. Крахмал дошел до 20 рублей. А что будет зимой?

27 ноября

Удалось достать 20 яиц. Продукты стали повседневной проблемой.

5 декабря

Обошел все магазины в округе, простоял добросовестно в двух очередях, но раздобыл только банку джема и кг кислого творога. «Такой кислый, что Москву видно», – выразилась одна женщина. В очередях чувствуешь себя полным ничтожеством.

6 декабря

Позвонили из Президентского аппарата. Приглашают во вторник на торж. заседание ВС в отремонтированный Дворец Ленина, который, кстати, отныне будет называться Дворцом Республики.

7 декабря

Генерал Дудаев хочет забрать Хонеккера к себе. Украина уходит из Союза. В Союзе остаются, шутят в печати, одни тюбетейки. Сегодня в Минске должны встретиться Ельцин, Кравчук, Шушкевич. Может, создадут Славянский Союз? Безобразий в стране все больше и больше. Меня преследует тревожное и подавленное состояние. Распадется Союз – российские немцы остаются и без малой, и без большой Родины.

8 декабря

В Беловежской пуще беседуют наедине Кравчук, Ельцин, Шушкевич. Поговаривают о новом СССР – Союзе Суверенных Славянских Республик. Может, будет два Союза – Союз ушанок и Союз тюбетеек (так острят в газетах)? Если такое случится, то Узбекистан и Туркмения повернутся, скорее всего, к Турции и Ирану. А Казахстану куда деваться? В рот Ельцину заглядывать? В Киргизии стоит транспорт – нет горючего. Узбекистан не дает Таджикистану электроэнергии. Хаос!

9 декабря

Три славянских лидера окончательно покончили с СССР. Теперь – Содружество независимых государств. Назарбаев вылетел в Москву. Что теперь делать в ВС СССР? Куда девать все эти структуры? Что делать с Горбачевым? Он президент чего?

...В А-Ате вчера давали ряженку уже по паспорту.

10 декабря

«Проснулся утром – здрасьте! Нет советской власти», – пишет сегодня «Комсомольская правда».

Мусульмане оскорбились и обеспокоились. Горбачев мечет гром и молнию. Грозится нажать на какие-то рычаги. Какие ещё у него рычаги? Треп один. Запоздалые потуги. Хочет созвать съезд депутатов. Провести плебисцит. Но что с этого? Старая арба развалилась. Кибитка потеряла колесо. «Тюбетейкам» ничего не осталось, кроме как «самоопределяться» до конца или очутиться под пятой славян.

В зале во Дворце Республики Назарбаев торжественно принес присягу. Все было тщательно продуманно и отрепетированно. Зал был настроен весьма благожелательно. Все понимали: исторический момент. Хорошо выступили Абиш, Назарбаев, 91-летний Шакир Абенов, произнесший бата – благословение.

Едва не случился казус: после казахского гимна закрыли занавес, и стяг за спиной Президента вдруг накренился и начал падать. Но тут Президент вскочил и ловко поймал стяг за древко. А занавес, сдвигаясь, закрыл наполовину казахстанский герб. Скрадывая неловкость, зал захлопал.

Отныне бывшая КазССР будет называться Республикой Казахстан. С сегодняшнего дня Президент выступает в свою должность. День исторический.

11 декабря

Дождь. Туман. Давление. Голова как не своя. И постоянные заботы, решение которых зависит не от тебя. Страна разваливается катастрофически. Цепляться не за что.

Был у меня интересный гость – Рудольф Химелли из «Süddeutsche Zeitung». Объездил полмира. 8 лет жил в Бейруте. Хорошо знает Азию, Восток. Владеет арабским, турецким, персидским языками. Знает арабскую грамоту. Лет 6 жил в Москве. Пони-

мает по-русски и даже немного изъясняется на нем. Сейчас живет в Париже. Интересовали его казахские проблемы, нынешнее положение Казахстана. Человек бывалый, симпатичный. 37 лет работает журналистом. Хорошо отзывается о турках в Германии. Дескать, sie sind gute Arbeiter, ehrlich, sauber, stehlen nicht. Немецкую проблему в бывшем СССР считает Hoffnungslos. Был он у меня 2,5 часа. Пили водку, грызли печенье, ели гранат, обложившись салфетками.

...Смотрел по ТВ драматические выборы председателя ВС Казахстана. В кокпар вступили трое: Абдильдин, Такежанов, Кекилбаев. После первого тура из 313 голосов Абдильдин получил 170, Такежанов – 78, Абиш – 60... Результат второго тура: Абильдин 204 из 309, Такежанов – 85. В обсуждении за Абиша выступил один Шерхан.

14 декабря

Встречу президентов в А-Ате отложили на неделю. Газеты полны негатива и страха. Львиная доля моего времени уходит на газеты. И это беда! Шахтеры в Караганде прекратили работу: нет зарплаты. Перебои с зарплатой появились и в А-Ате.

17 декабря

Президентом этот день объявлен Днем демократического обновления.

В 11 часов был митинг на площади Республики. Витийствовали Шаханов, Олжас, Назарбаев, Зиманов, композитор – не состоявшийся соперник Назарбаева, ещё кто-то.

Призывали казахов к оружию. Каждому, мол, казаху выдать по ружью. «Вооружайтесь!» – вопил кто-то.

Были крики: «Аттан!»

Предложено было переименовать ул. Фурманова на ул. Сыпаева. «Кто такой Пурманоп?! Некий тип, написавший про Шапайыпа».

12 декабря

Смотрел пресс-конференцию президентов Содружества. Договор подписан. Рубикон перейден. Теперь у нас, российских немцев, никакой родины. В одночасье я остался гражданином Казахстана, дочь – гражданка России, отец и мать – граждане Узбекистана, племянница – гражданка Молдовы, кто-то из родственников – граждане ФРГ.

Понимаю: империя обрушилась. Туда ей и дорога. И советская власть развалилась. Не жалею, не зову, не плачу. Ничего, кроме горя, она народам не дала. О ней могут жалеть лишь люмпены и бездельники. А жаль, что мы, репрессированные советской властью, оказались и теперь вне игры. Вечные изгнанники... Нет у нас родины. Наше положение, пожалуй, ещё больше ухудшилось.

25 декабря

Вечером смотрел ТВ. Горбачев (весь седой, бледный, осунувшийся) прощался – как Президент – с народом, со страной, с соратниками, с теми, кто его поддерживал. Говорил недолго. Но достойно, искренне. Находил прочувствованные слова. Раза два голос дрогнул, в глазах стояли слезы, но все же собою совладал и произнес прощальное слово мужественно. Эра Горбачева, как выражаются газеты, кончилась.

Из тех руководителей, которые прошли на моем веку – Сталин, Маленков, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, он был, кажется, более человечный, близкий. Иногда он раздражал, и глупостей нагородил немало, и путался отменно, и все же разрушил же-

лезобетонную, античеловеческую структуру, совершил несколько значительных дел. Тем и симпатичен. Тем и останется в истории. И, может, на моем веку это последний деятель, который таковым и был.

26 декабря

Флаг СССР спустили. Россия – правопреемница. Везде ее признают. Ядерная кнопка у Ельцина. О Горбачеве все газеты и правительства говорят положительные, прощальные слова. Но народ в очередях у магазина кроет его в хвост и гриву.

Назревает авторитарный режим. Начинается истерия. Сплошные пакости впереди. И неизвестно, на сколько они продлятся.

29 декабря

Выступил по ТВ Ельцин. Разумно, программно. Вселяет надежду. Обещает россиянам улучшение через 6-8 месяцев. Апырай, неуш-ше-лли? Призывает к стойкости и мужеству.

31 декабря

Дожили, таким образом, и до 92 года. Он, оказывается, ещё и високосный. Так что, надо полагать, пакостей будет немало. И все же надо сосредоточиться, ощетиниться и поприличнее поработать. А что ещё остается?..

1992

3 января

Вечером стало ясно: с 6-го января переходим на либерализацию цен. Объявлены списки товаров, которые регулируются. Айрих сообщил мне перечень талонных продуктов на нос в месяц. Весьма и весьма негусто. Какие-то жалкие граммы. Меня устраивают лишь два вида в этом перечне – 0,5 литра водки (больше за месяц я и не одолею) и 6 пачек сигарет (и даром не нужны).

6 января

Мы уже в рынке, господа!!! Так с утра было объявлено по казахскому радио. В рынок вступили, а талоны ещё не готовы.

На остановке **шок**нутые новыми ценами старики взахлеб рассказывали, что́ сколько стоит. Белый калач почти 7 руб., чёрный около 2-х, батон – 4,20, лепешка – 3,60. Ну, и ругали в хвост и в гриву Ельцина, а заодно и Назарбаева. Больше народ не знает, кого ругать.

8 января

По ТВ показали явление Ельцина народу Саратова. Мелькали те же антиавтономистские лозунги и транспаранты. Были и новые, более наглые и оскорбительные. «Господи, спаси нас от автономии!» «Лучше корка русского хлеба, чем жирный кусок мяса из ФРГ!»

И вот перед этой люмпеншвалью встает Президент России и говорит такие слова:

«Там, где немцы не проживают компактно, никакой автономии – это я вам заявляю как Президент – не будет».

В своей экспансивной манере Президент нажимает голосом на это «Не бу-у-удет!» Далее он продолжает: «А вот в пустующем полигоне – там более 30 кв. км земли – там в каком-то будущем... может будет...» И опять голосом выделяет «в ка-а-а-ком-то», подчеркивая тем самым предельную отдаленность этого срока... Толпа хлопает в ладоши. В очередной раз одержана победа над российскими немцами.

Вот такой президент. Немцев он обманывает в угоду люмпенов уже не первый раз. «Только смерть мне может помешать», – заявил он эффектно по поводу своего участия на съезде немцев. Это оказалось ложным замахом. Теперь он публично плюнул в душу народа ещё раз. И не только в душу немцев – всех репрессированных народов. Он обнажил свою истинную суть: тот же партократ, тот же шовинист, тот же сталинист, тот же насильник.

Словом, в «немецком вопросе» на Ельцине можно ставить крест. Заурядный дуболом. Он хорош в уличной драке. А на большее не способен. Он силен разрушать, но созидать он не будет. Аминь.

9 января

Эдуард Фердинандович Айрих считает вчерашний выпад Ельцина страшнее, чем сталинский указ 1941 года. Звонил из Москвы Ануар Алимжанов. Тоже по этому поводу. Говорит, в Москве все бурлит. Дурацкое выступление Ельцина может привести и к осложнениям отношений с Германией. Там он подписал совсем другое. Вообще возмущению нет предела. Швайнерай!

12 января

В программе «Новости» более подробно говорили о «немецком вопросе» после ляпа Ельцина. Показали его как «Zar Boris», повторили его слова, жесты, мимику, сказали, что «оскорбил Германию», показали взрывы на «Капустином яру». Оценку выступлению «царя» дали Б. Раушенбах («Ельцин ошибся, сказал то, что хотели услышать саратовские партократы»), В. Бауэр и уезжающие в Германию («Ельцин открыто сказал, что автономии не будет»), Х. Ваффеншмидт (о полигоне: «для жизни совершенно не пригодное место»). Кудрявцев из Бонна подробно осветил этот вопрос, сказал примерно так: немцы-то уедут, и Германия их интегрирует, но каково-то будет нам?

14 января

Звонили из Верх. Совета: завтра комиссия должна утвердить флаг республики. Я в комиссии. И ещё я в комиссии по гербу.

15 января

К обеду съездили с А. Нурпеисовым в Верх. Совет. Мы оба оказались членами Комиссии по Флагу Казахстана. Проектов было много. Роились художники. Комиссия солидная. Вел заседание Председатель президиума. Я встретил Абиша, Федотову, Дриллера. Потом подошел Назарбаев. Смотрели макеты. Обсуждали. Поспорили. Потом успокоились, чинно уселись за стол. И Президент вдруг говорит: «Вопрос сложный... Я хотел бы узнать мнение Бельгера, Щеголихина, Гарковца». Я и выступил первым.

Четкого мнения у меня не было. Сказал то, что Бог вложил мне в уста. Сказал: «Ни один из проектов для меня в целом не приемлем. Но из первых пяти проектов можно создать единый таким, каким я его вижу. А именно: одноцветный, небесно голубой (ни в коем случае белый или зелёный, как здесь предлагают), насыщенный, сочный тон, мы все под единым небом и под этим божьим небом мы все равны. Не совсем в середине, а ближе к древку я вижу круг: Символ вечности, Символ единства, Символ шанрака, Символ мироздания. И ещё вижу месяц. И больше ничего. Не считаю нужным перегружать флаг символами».

К моему удивлению, ещё человека два по сути поддержали эту идею. Четвертым выступил Президент и сказал почти то же. Но предложил сохранить в верхнем углу ещё звёздочку. «Не знаю только, восьми- или семигранной она должна быть. Это та звездочка, которая всех нас зовет, манит, тоже равная для всех».

Вот в этом направлении и работали мозги. Далее развивали только этот вариант. Решили всех четырех художников, объединив, назвать авторами. Уже в субботу должен быть готов государственный флаг.

17 января

Заседание редсовета «Ахмет Яссави». Обсуждали примерный план будущих изданий. Блестящую лекцию-импровизацию нам прочитал Акселеу С. Потом мы – Әбе, Абильмажин, я – заехали к нему домой. Пробыли у него больше часа. Он нас удивил, поразил, ошеломил своей библиотекой, диковинными изданиями и раритетами, редчайшими рукописями, идеями, познаниями, интересами, своими трудами, масштабами. Он один представляет целый научный исследовательский институт. И все в порядке, в аккуратности, по папкам, систематизировано, и во всем этом богатстве и духовном разнообразии он чувствует себя, как рыба в воде.

18 января

Вечером стало ужасно тоскливо. Полная луна неестественно взирала с высоты. Слякоть. Уныло. Как-то страшно остро почувствовал свою никчёмность. Тщету всей жизни, всего того, что делаю. Подумалось: вот умру и что? Жил – не жил – жуткое ощущение. Словно от самого себя обособился, отделился. Все чуждо. Всё плохо. Одинок, одинок, одинок…

Лег было, думал: усну. Ворочался, метался, места себе не находил. С ужасом заметил, что плачу. Потом забылся, а утром встал измочаленный, опустошенный.

И что же со мной было?..

21 января

Два часа прозаседали в Верх. Совете – обсуждали концепцию государственного гимна Казахстана. Каждый высказывал свои суждения: Еркегали, Жуманиязов, Әбе, Гафу, Туманбай, Кайдаров, Нурлан, Ербол, ещё двое-трое, я. Вроде к чему-то пришли.

1 февраля

Зашел Абиш. Рассказал ему, что в связи с открывающимися посольствами половина казахов станет послами. Полнации – послы. Абиш добавил: «Другая половина – ослы»… Так родилась пословица: «Половина казахов – послы, половина – ослы». И Абиш рассмеялся неожиданной рифме.

5 марта

После обеда отправился в СП, встретился с Каюмом Мухамедхановым. Он подарил мне с теплой надписью №1 журнала «Абай». Основной разговор шел об истории создания казахского гимна (после моего выступления по ТВ старик решил изложить мне все подробности). Довольно драматическая история. Ни Тажибаев, ни Мусрепов не имели отношения к гимну. Автор – К. Мухамедханов. Он показал документы, копии секретных решений ЦК КПК, постановлений, протокол комиссии по восстановлению справедливости. И в конце беседы дал свой текст нового гимна. Текст мне понравился.

20-23 марта. Москва.

Второй съезд немцев СНГ (GUS-Deutschen). В Доме кино. 750 делегатов. Горькие, отравленные болью и обидой речи. Все знакомые «фюреры». Все, что они скажут, о чем только подумают, мне известно. Слушал их десятки раз. Звучат радикальные требования. Решительно и незамедлительно восстановить Волжскую-немецкую республику. Потребовать от Германии организованного переселения всех желающих. Отказаться от воинской повинности. И т.д. И все это вздор, химера. Но немцы шумят и распаляют себя. Список гостей внушителен. Есть представители Украины, России, Казахстана, Киргизстана, Германии, разных союзов, комитетов, фондов, объединений, учреждений. Организовано мощно. Кажется, на германские деньги.

Всё же какая-то монотонность. Все недовольны. Все кого-то ругают. Два главных мотива: «Ой, как мне плохо!» и «Ой, как хочу!» Правда, что́ «хочу» не совсем четко. Честно было бы сказать: «сделайте мне в Германии красиво!» Демагогов много. Точно сформировал итог съезда Э.Ф. Айрих: «Не отказываться от восстановления немецкой автономии на Волге и одновременно форсировать выезд в Германию»... Мне почудилось, что это наш последний съезд. Удовлетворения не испытал. Генрих Гроут заявил: «Воля к победе очень велика». Не думаю. Может, воля к массовому исходу?..

16 апреля

Назвали было российские депутаты «РФ» – Россией, повскакали с мест, в воздух чепчики покидали, но потом спохватились: а как на это посмотрят, скажем, татары, башкиры, чеченцы и прочий разноязыкий люд? Согласны ли они назвать себя Россией? И дали отбой. Решили вновь вернуться к названию страны.

17 апреля

Сегодня Российский парламент вновь переименовал своё государство. Выжутович сравнивает парламент с собранием партхозактива. «Дейли Телеграф» пишет: «Парламент, управляемый невоспитанным спикером Русланом Хазбулатовым, не имеет никаких конструктивных предложений». Кто-то называет его спектаклем, кто-то театром абсурда. А когда по ТВ показывают ряды старых, деревянных, тупых масок, поражаешься: неужели эти мертвецы в состоянии что-либо решить? Но таков уровень страны и эти депутаты только отражают все ее уродство.

27 апреля

В обед был у Нурпеисова. Он ударился в воспоминания, рассказывал о своем деде и прадеде, о предках. Показал, как он переработал публикацию в «ЕҚ». Как всегда, все исчёркано. Среди бумаг нашел много клочков, кусков, главок, отрывков написанных в

разные годы под разным настроением, есть – по его словам – весьма хорошие странички, теперь он их редактирует и вставляет в уже подготовленный к печати текст. Бумаг, обрывков так много, что площадь громадного письменного стола ему уже мала, и Әбе рядом пристроил ещё один стол, ещё одно кресло. Уверяет, что 150 стр. сделаны окончательно и бесповоротно. Отдал в №6 «Жалын». Әбе мерзнет. Голова обмотана шалью, на нем шерстяная кофта, пуховая безрукавка, стеганые штаны, теплый халат, на ногах – зимние сапоги. Калтай назвал его Амундсеном на льдине.

29 апреля

В 14.00 заседали в Союзе композиторов, прослушали ещё 11 гимнов. Почти все ни к черту. Попеременно высказали свои мнения. Потом немного прошлись с Молодовым. Его суждения по этой части профессиональны.

Вечером был на премьере спектакля Б. Мукаева «Заманақыр». Народу было немало, в т.ч. писатели, журналисты. Спектакль сделан прилично. Но смотреть эти ужасы – тягостно. Выходишь оттуда окаменевший. «Второй раз смотреть это не могу. Больно тяжело», – заметил Туманбай.

1 мая

Для Демиреля зарезали прямо в аэропорту жертвенного белого барана. Зрелище мало приятное. Потом подарили ему скакуна. Кончилось голодовка врачей их победой. Министра сняли. Об этом судачат на каждом углу.

...После обеда был у Әбе. Он прочел мне две главы из своей книги (более 30 стр., 1,5 часа). Читал с азартом, с душой. Видно, ему это очень нравится. Одна главка, в самом деле, хороша. В другой – при всех ее достоинствах – я узрел длинноты, монотонность, повороты, разжевывание, о чем ему открыто сказал. Чувствуется, что он сделал много лишней работы. Писал главы непоследовательно, вразброс в разные годы под разным настроем. Теперь проблемы с компоновкой, с монтажом. Многое придется выбросить, ужать, сократить. А жалко! И в роман не лезет. Словом, придется Әбе поработать ещё немало. И, боюсь, его редакторской силы не хватит.

3 мая

Встретился с Ануаром А. Он много любопытного рассказал о последних днях советской власти, о житье-бытье московских «тузов». Әбе прочитал ещё одну главу. В смысле стиля, языка, техники всё крепко. Но длинновато и скучновато, кажется мне. Если весь роман будет в такой тональности, читатель, несомненно, заскучает.

15 мая

В 15.00 в филармонии обсуждали гимны – четыре проекта. Вел заседание С. Абдильдин. Оттуда перебрались вместе с депутатами в Верх. Совет. Там заседал Президиум, а я зашел в Отдел печати и издательств, вместе с Шотой В. посмотрели сборнички «Деген екен...» Там я нашел штучку «Екі ақын мен Бельгер». Долго ждал Әбе. Вышли, наконец, Абиш и Нурлан О. и объявили, что скончался Аскар Сулейменов. Бог знает что! Через час съездили с Әбе в его дом. Там уже собралось человек 40. В одной комнате рыдали женщины, в зале группа мужчин (Әбе, Абильмажин, Нурлан, Калихан, Зейнолла, Аким, Калтай, Тоқтаров, Аширбек, Иранбек, Берик, Улыкбек, Сергеев под руководством Абиша прикидывали комиссию, распределяли обязанности, подыскивали

транспорт, разрабатывали все мероприятия по похоронам). Все это получалось у них толково, четко, организованно. Тут выяснилось, что умерла мать Алтыншаш, мать Толена и отец жены Жумекена.

Убитый, усталый, измученный еле притащился домой. С Аскаром я был в тесных отношениях 32 года, а знал его ещё раньше – с 56 года.

21 мая

Сегодня день рождения Сахарова. Вечером по ТВ показали о нем потрясающий документальный фильм. Кадры I съезда нардепов можно смотреть без конца. Какой человечище! Тысячи ничтожеств с искривленными рожами неистовствуют, а он – один, старается открыть им глаза. Но и впереди и за спиной его – сплошь слепцы... Возвышенно и трагично!

...Вечером читал биографические очерки о Дельвиге и Кюхельбекере. Последний мне особенно близок. Прочел его «Дневник» и совсем приуныл, сник.

22 мая

На остановке какой-то мужик, ссылаясь на «Советскую Россию», пел частушки:

Гитлер звонит с того свету
Горбачёву: «Где ты был?
Я с тобой твои советы
В сорок первом бы разбил»...

И далее в том же духе.

2 июня

Вновь подняты цены. Люди в отчаянии. А денег нет. Сворачивается производство. Работать становится невыгодно. А тут ещё там-сям бастуют. Словом, все трещит по швам. И просвета не видать.

6 июня

Исторический для Казахстана день: в театре оперы и балета в 14.00 часов состоялось торжественное заседание Верх. Совета РК, посвященное церемонии представления государственных символов страны.

Заседание прошло действительно торжественно. Но с флагом произошли обыкновенные казахские интрижки. Проект, утвержденный – после долгих дискуссий и заседаний – рабочей группой, Президиумом ВС, согласованный с самим Президентом, в последний момент был отклонен по джузовым мотивам, кто-то переубедил Назарбаева и уже на заседании ВС был вытащен и утвержден вариант Ниязбекова – с красной полоской, с орнаментами и тюльпанами, с солнцем посередине, с беркутом. Вся концепция, о которой так убедительно говорил на сессии Зиманов, полетела псу под хвост. Вообще грустно: как подсчитал Т. Сулейменов, в гербе и флаге – 12 символов. Явная перегрузка! А мы-то говорили о четкости и лапидарности...

Между тем, «Желтоксан» пытался свалить Калинина, но ветераны не дали. Отстояли они и памятник Ленину.

...Придурки выбросили лозунг: «Как бы Боря ни дурил, нет России без Курил!» Россия заброшена, а за чужие острова цепляется. Русские всё время пытаются облагораживать чужие земли.

11 июня

Заходил Абиш. Завтра он летит в Германию на неделю. Перед поездкой решил заглянуть. Жаловался на усталость, на трудности и сложности везде и всюду, на тревогу по поводу национальных проблем, на нервные перипетии в переговорах с МИДом России, на какие-то семейные делишки. Попили какао и расстались по-доброму. «Все бы охотно бросил, но жить стало сложно», – заметил Абиш.

14 июня

В обед зашел А.С. Данилов. Показал мне кое-какой материал. Просил написать о нем. Но я отодвинул это на осень. Попили чай, поговорили. Принес он сведения о некоем Эрвине Бельгере (1875-1922) – немецкий публицист, политический деятель (Ленин, ПСС, изд. 5, т. 26, 1961, М.) Любопытно! Я эту фамилию встречаю крайне редко.

15 июня

Собралось человек 40 писателей, отобранных на встречу с Назарбаевым. В 15.00 началась встреча с Президентом. Сам Президент выступал 1 час 15 мин. И минут 35 отвечал на вопросы. Потом пошли трепаться наши аксакалы. И смазали все. Ничего конструктивного. Пустоболты! Заурядный базар. Вряд ли Назарбаеву это было нужно. Кроме выживших из ума аксакалов, никто встречей доволен не был. О чём, выйдя в коридор, и заговорили все сразу. А встреча длилась более 3-х часов...

17 июня

Бушевали на площади Ленина пикетчики. Требовали скинуть правительство. Выражали недовольство тем, что правительство идет в фарватере непопулярной экономической политики России. Назарбаев прервал сессию, провел закрытое заседание.

18 июня

По тексту гимна создали новую комиссию (чел. 30), из старого состава остались Козыбаев и я . Я вынес впечатление, что там могут обойтись вполне без меня. Плетутся явные интриги, а мне это противно.

...Умер Лев Николаевич Гумилёв. Сообщил мне о том Әбе, позвонив из Кызылорды. Он зачитал мне телеграмму-соболезнование в претенциозно казакбайском стиле.

22 июня

Прибыла любопытная украинка Наталья – гражданка США, живет в Киеве, представляет крупный американский журнал, для которого готовит статью о российских немцах. Говорит очень плохо по-русски с сильным английским акцентом. Фамилию я так и не запомнил, похоже на Фидорак. Я собрал для нее десяток немцев, активистов, говорили более двух часов, и гостья все старательно записала. Я заметил: российскими немцами за рубежом интересуются больше, чем у нас. Но нам-то это совсем ненужно.

24 июня

По ТВ всё то же: пиф-паф... неудавшийся переворот «звиадистов» в Грузии... переговоры в Дагомысе... вылазки в Москве... Бог отнял у людишек разум. И не успокоятся, пока не перебьют друг друга и не испоганят окончательно землю. Вступаем в царство глобальной глупости и пошлости.

6 августа

Отсутствовали с Раей больше месяца. Были в Бишкеке и Ташкенте.

Исписал за это время целый блокнот. Ходил, смотрел, писал, читал.

В городе Шопоков (Киргизия): написал отклик на № 1 киргизского «Турк ааламы»; проштудировал «Unbekanten im Osten» и написал рецензию для «DAZ»; сочинил крохотку «Сейфи»; прочел «Колыванский муж» Лескова.

И в Ташкенте хорошо работалось: перевел рассказ Тынымбая («Клещ»); написал большую статью «Немец что верба» (Российские немцы в творчестве Солженицына); написал статью-памфлет «Многоликий люмпен»; сочинил крохотки «Мария Петровна» и «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце»; аннотировал 30 номеров «Neues Leben»; написал уйму писем; читал Толстого, Вересаева; упорядочил библиотеку; учил маму ходить после долгой лежки в гипсе. Словом, не бездельничал... А вернувшись, узнал, что Президентский аппарат включил меня в юбилейную Комиссию Мустафина.

9 августа

Был в больнице у Әбе. Часа два гуляли по двору. В больнице лечатся человек 12-15 писателей. И Толен А. там. Он привел поразительный пример из киргизского фольклора:

Қапілет басып түс көрсем,
Ағарған көл көрінер,
Ағарған көлдің үстінен
Қарайған үйрек бөлінер.
Ағарғай көл – көз жасым,
Қарайған үйрек – өз басым.

Какое мировидение! Какая образность!

13 августа

Около часу беседовал в «Казправде» с Лео Вайдманом. Он агитировал меня эмигрировать. Здесь, мол, ничего хорошего не будет. В Германии, дескать, будешь жить на пособии (инвалидном), а там будет пенсия. Остальные комплексы отбрасывай. Живи красиво и пиши свои романы. Я выразил сомнение. Даже представить такое не могу. Вне Казахстана я вроде ничто. Лео сказал, что у меня большевистские комплексы. Уезжай – и весь разговор. Сам он готов выехать, но не приглашают. Хотя брат, сестра уже там. На днях едет и племянник.

19 августа

Сегодня утром трижды трясло нас. Ощущение отвратительное. Люстры качались, дом скрипел, стонал, дрожал. В 9.06 первый удар. Довольно длительный. Через час с минутами второй толчок. Через несколько минут третий, но короткий и слабый. Позже сообщил: эпицентр в 140 км от Бишкека. В эпицентре – 8 баллов, в Бишкеке – 6, в Алма-Ате – 5-5,5. Трясло и в Узбекистане, и в Таджикистане.

27 августа

Вечером был на премьере фильма Асаналы «Козы Корпеш – Баян сулу». Этнографически фильм богат. И зрелищен. И операторская работа – класс. Натура великолепная. Но игра артистов посредственная. Не впечатляет Козы. Хорошенькая Асия

Бакбергенова (племянница Кайрата), чистенькая, милая, но игры никакой и любовью не пахнет. Хороши Карабай, Кодар, Жаныk. И прекрасны лошади. Батальные сцены впечатляют. Философией картина насыщена.

Народу собралось столько, что добрая сотня стояла на ногах.

28 августа

Юрий Герт укатил в Америку. Навсегда.

Посадили Каришала Асанова за клевету на Президента. Напрасно... Достаточно было бы общественного порицания. А так начнется скандал.

Звонили из Германского посольства: Ваффеншмидт приглашает в 16.30 в ресторан на банкет. Звонил Асаналы по поводу вчерашней премьеры. Листал газетенку, издающуюся в Киеве, – «Немецкий канал».

30 августа

Кавказ воюет. Пицунда, Адлер, Гагра – знакомые места, божий рай... Как это ужасно и противно! Каждого, кто в руки берет оружие, я бы немедленно кастрировал. Мордастые, щетинистые мужчины бабахают налево-направо, уродуют землю, рушат дома, убивают детей, насилуют женщин! Гвардейцы, звиадисты, абхазцы, горцы – а производят впечатление разбойников, бандитов. Господь лишил их разума. Интеллигенция, культура, искусство – все онемело. Дикость, невежество, насилие, хаос.

Гадко на душе. Живешь неопределенно. Чувствуешь свою беспомощность. Жизнь сбилась с панталыку.

1 сентября

По направлению Әбе пришел ко мне доктор философских наук, профессор Зия Мукашев (татарин). Принес свою рукопись «Очерки социальной философии Достоевского». Человек колоритный. Выяснилось, что ему, знатоку Достоевского, неизвестны труды А. Бема о Достоевском (а их у него не один десяток). Даже соч. Бема «Достоевский и Фауст» не знает (я показал ему ксерокопию). Книгу Н. Вильмонта «Шиллер и Достоевский» тоже не видел. Не слышал он и о моей книжке «Гете и Абай». Странно: доктор философии, живет в Алма-Ате...

2 сентября

Вечером смотрел I серию «Александр Солженицын». Хорош аксакал! Темпераментен, напорист, полемичен, в хвост и в гриву кроет гэбистов, партократов, финансовых акул, рассуждает так, будто находится среди нас. И Горбачеву выдал. А с каким волнением, со слезами на глазах прочел письмо одной учительницы...

А потом смотрел ещё и первую серию «Хэмингуэй». Пиршество! Актер весьма колоритен.

3 сентября

Хмурый, стылый день. Был на панихиде Иштвана Конура перед Академией наук. Собралось много народу – ученые, журналисты, писатели, киношники, сотрудники МИДа и посольств. Говорил со многими. Дал кое-какие сведения журналистке из «Казправды». Казахская интеллигенция любила Иштвана. Я с ним встречался лишь раз в гостях у Абиша К. Симпатичный человек. Умница!

Смотрел II серию «Солженицына». Прекрасно организованный быт и труд. Один (с женой) работает как целый академический институт.

4 сентября

Вечером был в ресторане «Отрар» с немцами – «нашими» (человек 25-30) и «тамошними» (чел. 30-40). Краснобайствовал Ваффеншмидт. Да и вообще все немцы оказались говорливыми. Сидели до 23.30. Немцы сидели бы ещё, да официантки нагло выключили свет, откровенно вытурили «немчуру».

Угощение было весьма посредственное. Не немцы жадничали, а в ресторане убого, скудно. Нищие мы – стыдобушка! Ну, а немцы («тамошние», конечно) молодцы, уверенные, раскованные, вежливые, коммуникабельные. Ваффеншмидт рассказал подробно о встрече и беседе с Назарбаевым, комментировал пространно и чувством превосходства все выступления на приеме. Много, оказывается, в Казахстане деловых людей из Германии, и хватка их крепка. Но мир наш совсем другой, и чувствуется, им приходится трудно. Тяжко стыковать их уровень с нашим. Были господа и из посольства. Прекрасно вел вечер Эрлих. До начала я немного говорил с Айсфельдом.

6 сентября

Через несколько часов лететь в Актау, в тот край, где добывают самую дешевую урановую руду. Программа поездки для меня весьма смутна. Не пойму, что будем там делать долгих пять дней. И, вообще, какие условия, какова цель. Возглавляет нас Абиш. У него-то и спрошу по дороге...

13 сентября

...Благополучно вернулся в ночь с 11-го на 12-ое. Изрядно помятый, побитый дорогой и тряской, измученный бессонницей, обветренный и загорелый, но довольный весьма и весьма. Очень напряженные, насыщенные дни. Впечатлений – уйма. Уникальный край! Чудесный, своеобычный народ! Организовано было все великолепно. Купались в Каспии. Мчались по Устюрту. Спускались в диковинные каньоны. Посетили святые места. Спали в юртах. Восхищались древними крепостями, могилами, мавзолеями, достопримечательностями, меловыми горами. В восторге от своих давних знакомых – Абиша, Кыдырбекулы, Жабайхана, З. Кабдолова, К. Султанова, Нурлана О., Еркегали и др. Мы были как братья. Непременно напишу очерк. Я рад ещё и тому, что весь этот поход (со многими неудобствами для городского жителя) я выдержал физически.

15 сентября

Принесли 102 текста казахского гимна. Ещё и эту муть предстоит читать.

Звонила Кумисжан: приезжают депутаты Бундесрата – 11 человек. В пятницу их принимает Верх. Совет. Просят присутствовать на ужине в III Доме отдыха Кабинета министров.

17 сентября

Состоялась встреча «наших» немцев с Назарбаевым. Беседа шла 1,5 часа. Выступили Дриллер, Эрлих, Айрих, Дедерер, я, Визе. Вполне нормальная, конструктивная беседа. Президент все прекрасно понимает. О встрече говорили по радио и ТВ. Несколько моих предложений Президент зафиксировал. Кое-что – кажется – будет решено.

18 сентября

Вечером в Доме приемов был дан ужин. Депутаты Бундесрата произвели хорошее впечатление. Сдержанные, тактичные, все понимающие люди. Я оказался меж двумя дамами – Heide Dörrhöfer-Tucholski (потом выяснилось: вдова Курта Тухольски) и Karin Leser. Напротив сидели Dr. Karl-Egbert Mroch (Staatssekretär, Meklenburg), Georg-Bernd Oschatz (Direktor des Bundesrates) и ещё двое. Весь вечер толмачить на трех языках. Кажется, справился. И шутил при этом. И с казахской стороны все время была дружеская поддержка. Голова барана от руководителя делегации перешла к Ережепову, тот передал ее мне, я отрезал ухо и положил на тарелочку фрау Тухольски, передал дальше... Сидели, говорили, шутили два часа. Все депутаты тепло простились со мной, говорили одобрительные слова. Только я остался голодный, пока толмачил налево-направо. «Как получилось, Гереке?» – спросил Абдильдин. «Как надо!» – ответил я.

Абиша назначили редактором «Егемен Қаз.», а Шерхана отправили в Комитет по радиовещанию и ТВ. Не понял, что сие означает.

25 сентября

Беседа с Тео Шульцем и Лео Вайдманом об альманахе и газете für die Deutschen von drüben und hüben. Я буду вроде как эксперт и автор. Работы будет ещё больше.

Завезли из ВС ещё стр. 200 казахских гимнов. Обалдеть! Все казахи пишут гимны.

28 сентября

Встал в 6 утра и к 13 часам закончил перевод доклада Назарбаева. Три дня корпел над переводом. Звоню Саутбеку, а он меня огорошил. Это, мол, всего лишь вариант. Ещё неизвестно, одобрит ли Президент, окончательный текст будет известен лишь 30-го, и тогда мне его привезут. Так, чего же я жилы тянул?.. С властями дела лучше не иметь.

...Шумит всемирный Курултай казахов. Грандиозное событие. Единение народов, родство духа – что может быть ещё прекрасней? Удивляет, что гости из Ирана, Турции, Китая, Монголии хорошо говорят по-казахски. Завтра открывается Конгресс в Оперном театре. Послезавтра во Дворце торжественное открытие самого Курултая.

29-30 сентября

Вечером 29-го привезли мне окончательный вариант речи Президента. И я ночью над ним работал часов пять и утром 30-го – ещё часов пять. Работа спешная, нервная. Бесконечные звонки-переговоры с КазТАГом, с Верх. Советом. В 12 ч. забрали текст, а завтра в КазТАГе сразу после машинки мне предстоит его вычитать.

С 15.00 до 19.30 был во Дворце на торж. заседании Курултая. Встретил там несколько сот знакомых. Президент прочитал доклад вяло, тускло (видно, текст был излишне сложен), но встретили его хорошо. И потом много добрых слов было сказано в его адрес. Одаривали его чапанами киргизы, узбеки, монголы. Хорошо (и главное: вполне прилично по-казахски) выступил Олжас. Восторженно был принят Тулеев, хотя и говорил по-русски. Смотрел и айтыс. Так себе – дежурно.

3 октября

Был на открытии Немецкого посольства в Алматы. Народу собралось много. И коктейль-прием для нашего голодного времени был довольно богато обставлен. Но было жутко тесно, люди толпились со своими тарелками, оттесняли друг друга от стола

с яствами, те, что пробивались к столу от него уже не отходили, ели излишне жадно и сосредоточенно, и смотреть на все это было не очень приятно. Через полчаса я ушел на закрытие Курултая казахов.

И там было скудно. Высокого начальства не было. Закрывали Курултай Мырзатай и Калдарбек. Гостей было мало, а те, что пришли, оказались предельно утомленными, задерганными мероприятиями. Набилось очень много столичной молодежи, которая пришла на зрелище, на попмузыку, и конкурс казахской домбры («үкілі домбыра») их не трогал. Уже через полчаса зал опустел на одну треть, народ стал с каждым номером все активнее расходиться, и конец этого тоя был явно смазан. Чувствовалось опустошенность. Гостей явно перекормили. Бестолковости в организации, как рассказывали сами гости, было немало. Но, в общем, дело нужное и проведено неплохо. Однако ясно и то, что массы устали от нищеты и неурядиц жизни, и... от обилия торжеств и праздненств. Назарбаев и его команда вылетели в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею ООН. На днях ещё одно шумное мероприятие по линии ЮНЕСКО. Далее выставка немецкой книги.

14 октября

Вечером три часа был на ужине с издателями из ФРГ, куда любезно пригласил меня г-н Fenderl. Было нас человек 18. Довольно оживленный вечер. И даже малость поспорили. Немцы из ФРГ были милы, общительны, говорливы, но о Казахстане ровным счетом ничего не знают и по-европейски ограничены и самоуверенны. А спор был на тему: кто есть настоящий немец. Хоть рассказ пиши.

16 октября

Не жизнь – прыг-скок. После обеда записались на ТВ – Шерхан, Машкар, Асылы, Шаим, я. Что-то наговорили. Потом отправился в «Видергебурт-Банк» на заседание наших немцев.

Оттуда уже привезли меня на той Дукенбая. Тут были Абиш, Оразбек, Маралбай, Шерхан, Мұхтар Ш., Тынымбай, Кәрібай, ученые, гости из Туркестана. Все прошло на хорошем уровне, богато, достойно. Все довольны. И я рад за Дукеша.

21 октября

Заседали в ВС по поводу текстов гимна. Я тоже выступил. Пришли к выводу, о котором я говорил полгода назад, т.е. отныне употреблять слово гимн, а не разные әнұран, еләуен и т.д. (На это я настаивал с самого начала). Не всем это понравилось. И уже полгода я предлагаю текст Каюма Мухамедханова (№64). И, в-третьих, я единственный обратил внимание на русский текст (№105), поддержал меня Әбе, потом – и Серикболсын Абдильдин. Тоже не всем по нутру пришлось. Не заденет ли это честь казахских поэтов? – ворчали вокруг.

3 ноября

Утром звонил Әбе. Он летит в Костанай, Москву, Караганду. Снова завел разговор о переводе его романа. Я сказал: «Вернётесь. Потом поговорим». Отказывать Әбе я не могу, но перевод нарушит все мои планы. К тому же душа не лежит. А главное – без субсидий я переводить не могу, вынужден подрабатывать литературной поденщиной. А чем тут может помочь Әбе?

8 ноября

В театре Ауэзова смотрел моноспектакль «Ақан сері – Ақтоқты» (Т. Меирманов). Несомненно, достойная работа! Потом было обсуждение (ерундовое из-за выкрутасов Аскара Токпанова). После обеда нас привезли домой. А в 6 вечера уже в ТЮЗе смотрели «Улпан». Спектакль тяжеловесный, но актеры весьма старались и смотрелись хорошо.

10 ноября

Шестой день нашего Габит-фестиваля. Утром обсуждали вчерашний спектакль Акмолинского театра. Обсуждение было принципиальное, резкое. Выступило 18 чел. Спектакль большинство не приняло. Режиссер не выдержал, обрушился на членов жюри. Едва не возник скандал. Очень умно, строго и убедительно выступил Баққожа Мукай. Далее пошел обед с обильными возлияниями. Акмолинцы привезли овцу, казы, много водки, которую пили из пиалушек. И во время застолья сгладили все неловкости.

А вечером смотрели спектакль в русском драмтеатре. Спектакль серенький. Казахская тематика звучит в этом театре лишь для галочки.

11 ноября

Вечером смотрели «Козы-Баян» Джезказганского театра. Это был фурор. Истинный праздник. Прекрасный ансамбль. Юный, увлеченный, талантливый коллектив. Прекрасные находки. Высокая культура.

Сегодня закрытие фестиваля. Восемь дней со всеми в жюри. Исписал целый блокнот. Не знаю, была ли от меня польза, но мне лично это было интересно и полезно.

15 ноября

Часа два беседовал с Риммой Черненко. О театре. У Риммы четверть еврейской крови, а все замашки чисто еврейские. Что-то она все крутила, все вокруг да около, внушала мне, что театр Лермонтова – очень хороший. С трудом понял ее намек: почуяла, что я их «казахский» спектакль не принял, опасается, что я напишу о спектакле, скажу что-то не то и тем самым нанесу вред главному режиссеру, которого представили к званию «народного». Я успокоил её, сказав, что писать не буду и никому вредить не намерен… Пошли пить чай, и на этом наш «умный» разговор иссяк. Кажется, Римма успокоилась.

21 ноября

Был на празднике – презентации русской общины в театре Лермонтова. Организовано неплохо. Играл духовой оркестр. Звучала композиция «Ой ты, Русь моя, родина кроткая». Все это сопровождалось «Рассветом над Москвой-рекой». Помолились. Отец Владимир (кстати, умница с прекрасной речью) зачитал послание архимандрита. Сказал: «Никто не ищи своего, а каждый – пользу другого».

В президиуме сидели активисты. Трое из них – члены Думы Русского национального собора. Продавались «патриотические» газеты «День», «Лит. Россия». Патриоты – Проханов, Зюганов, Распутин, Стерлигов, Белов – прислали телеграммы. И Аман Тулеев туда же. Все, что говорилось и как говорилось – мне было глубоко чуждо. Все это скверно пахло. Гадкие речи. Какой-то вызов. Агрессивность. Нетерпимость. Ориентиры – для меня неприемлемые. Продержался до первого перерыва и ушел. Уходили – я видел – и другие инородцы. Ушел, как будто в дерьме измазанный.

24 ноября

Часа два был в Оперном театре на юбилее Мусрепова. Зал был неполон. В президиуме нас было человек 50. С некоторым опозданием прибыл Назарбаев. В зале – одни казахи. Кабдолов сделал доклад. Очень старался. Нудно и тягомотно говорил Альжаппар. В президиуме откровенно резвились. Все казенно. Муторно. На концерт и на ужин в ресторане не остался. Ушел с Нурпеисовым. Ушли многие.

27 ноября

Результаты вчерашнего нашего голосования в результате разных интриг аннулировали. Переголосование в ВС. Собрались 25 человек. На этот раз расклад такой: 1) текст Нурлана и Ко – 11; 2) текст Кадыра и Ко –11; 3) текст Каюма-аксакала – 5.

1 декабря

Более шести часов отвели юбилею Габидена Мустафина. В Оперном театре. Сидел в Президиуме. Потом слушали концерт. Потом до 11-ти ели-пили, говорили в ресторане. И я сказал несколько слов.

9 декабря

Из президентского аппарата звонили: 13-го необходимо регистрироваться в Большом доме. 14-го во дворце состоится Курултай народов Казахстана (сидеть в президиуме). 15-го быть во Дворце Республики на торж. заседании по случаю годовщины независимости. 16-го быть на Площади Республики – на митинге и народном гулянии. Такое вот указание. Поработай тут!

11 декабря

В обед срочно вызвал меня Әбе и взволнованно сообщил, что по сведениям, исходящим от Мырзатая Дж., мне якобы намереваются вручить Президентскую премию «За мир и духовное согласие». Якобы вопрос решен.

Әбе сразу намекнул на обмытие, но я был сдержан и тут же ушел, чтобы не было лишних разговоров. Пока не будет президентского указа, нечего сотрясать воздух.

12 декабря

После обеда позвонил Штопель, сказал, что новость распирает ему грудь, что мне готовится сюрприз, а именно – президентская премия «За мир и духовное согласие». Я спросил: Дело решено на сто процентов? Он ответил: 99,99%. И ещё заметил, что часа через два станет ясно. Потом часов пять никто не звонил. И я понял, что вокруг этого, видно, происходит возня. В 23.30 позвонил Баккожа. Поздравил. «Откуда знаешь?» «Сообщили. Три человека – вы, Снегин, Мехлис Сулейменов. 15-го объявят в газетах».

Это, пожалуй, уже больше смахивает на правду.

14 декабря

Позвонил Саутбек Абдрахманов:

– Запомните, в 10 часов 12 минут Президент подписал Указ о присвоении Вам премии «За мир и духовное согласие».

Через пять минут позвонил Алтынбек Сарсенбаев и тоже поздравил.

Третьим поздравил очень тепло и искренне Штопель. Звёздный час? Может быть!

В тот же вечер во Дворце спорта на торжеств. Заседании Президент вручил Мехлису, Снегину и мне Диплом и значок лауреата премии «За мир и духовное согласие». Впервые в истории Казахстана. Был потом прекрасный концерт. А я давал налево-направо интервью.

15 декабря

Торжественное собрание во Дворце республики. В докладе Назарбаев опять поименно назвал нас, лауреатов премии. До того он с фельдъегерем прислал персональное поздравление. Не знаю уж сколько, но не менее ста человек поздравили меня. Правда, человек пять неискренне.

Потом были на правительственном ужине. И там поздравляли многие. Федотова с бокалом шампанского произнесла тост, вспомнила, как мы вместе были у Горбачёва, как пили кофе из президентских чашек. Ужин прошел вольно и приятно. Президент фотографировался со многими, беседовал, даже пел в кругу артистов. И подхалимаж большой. И смотреть на это неловко. Президент – симпатичный, компанейский человек, но вокруг увиваются гадкие льстецы, и они его собьют с панталыку. «Самое страшное, когда человек поверит в то, что он лучший», – неожиданно изрек Дриллер, приведя меня и Алтыншаш в восторг.

Я ушел с ужина чуть раньше, видя, как начинается уже бестолковщина и базар. Домой отвезла меня Алтыншаш.

21 декабря

Вечером дочитал «В кругу первом». Очень стало вдруг грустно. Вспомнились разные печали. Подумалось о бренности и суетности всего. О том, что надо бы писать. А у меня все меньше и меньше возможностей. Время и силы уходят Бог знает на что. Надо бы прекратить этот бесконечный пустопляс.

25 декабря

Fröhliche Weihnachten! Рождество отметили в Институте плодоводства и виноградарства. Тон задавали артисты Немецкого театра. Весело. Увлекательно. И меня поздравили и преподнесли неожиданно подарок. А директор Института пригласил человек восемь к себе в кабинет и щедро угостил разными сортами яблок, груш, винограда, варенья, вин.

28 декабря

Был приглашен на ас по Кенесары. Конечно, пошел.

В Темиртау убили гендиректора Карметкомбината Свичинского Александра Григорьевича, о чем радио и ТВ, передавали сегодня много раз.

Вечером читал Ницше и Вересаева.

30 декабря

Позвонил из Германии Тео Шульц, поздравил, обещал привезти кое-какие материалы для немецкой части «Phönix'а». Сообщил, что Виктор Хайнц устанавливает контакты с тамошними Варкентином, Норой, Мангольдом, Вебером. Да, в немецких материалах нужда большая.

Год на исходе. Многое успел сделать. Но ещё больше остается на будущее.

1993

7 января

Задание Нурпеисова: написать восемь писем главам областных администраций по поводу ПЕН-клуба. Это сколько же мне потребуется времени?

8 января

Вечером часа три был в Зимнем саду АН – чаепитие Ассоциации прав защиты человека. Я, Жовтис А., Игнатов Ф. сидели за одним столиком. Народу было немало – руководители разных партий, течений, культцентры, движений, пресса, ТВ. Беседовал с Савицкой. Весьма напористая дама (сама о себе: «Я нахалка. Я у-у какая хамка!»). Видно, с характером. И не глупа. Блистала царица бала Шолпан Сармурзина, человек открытый, обаятельный. Начало было несколько настороженное, но потом все оттаяли, и вечер получился теплый, душевный.

12 января

Арыстанбеков Хайдар рассказал мне о своем знакомце – немце Иване Богдановиче. Строитель. Знает казахский. Уехал с женой Катей в Германию. Повез с собой две юрты со всем убранством. Поставил их возле дома. За вход берет по одной марке. Жена разливает чай по-казахски. Угощает гостей баурсаками. От гостей отбоя нет. Такой бизнес. У одной из дочерей муж казах. Он принял фамилию жены.

14 января

Рассказал Нурпеисов о своих планах – ПЕН-центровских. Хочет довести свой фонд до 100 млн., обрести землю, построить дом, завести скотоводческую ферму, назначать премии, содействовать членам ПЕН-клуба в творческом и житейском плане.

18 января

Огорошила с утра Ирина Айрих. Скоропостижно скончался Эдуард Фердинандович. Горе неожиданное, большое. Могучий, крепкий человек, надежный старший друг, товарищ. Последний из могикан. Уходит это поколение.

В субботу (16-го) он минут 30 рассказывал мне о ходе обсуждения Закона о политических репрессиях на сессии Верх. Совета, обстоятельно все объяснил, разложил все по полочкам, выразил обиду по поводу того, что его не пригласили. А он несколько дней готовил 8-минутную речь по вопросу трудармейцев. Очень насторожился: почему Закон откладывают? Спрашивал: надолго ли? Сказал, что ночь спать не мог. А вечером за несколько минут до «Guten Abend!» ещё раз позвонил, сообщил о новостях в газетах, напомнил, чтобы я не забыл посмотреть немецкую передачу. Потом, после передачи, он вновь позвонил: «Ну, как? Посмотрели?» Но как раз в 7.30 по радио передавали мою беседу с Синельниковым, и я сказал о том Э.Ф., дескать, включите радио, я себя послушаю, а потом, мол, поговорим.

«Потом» не получилось.

С 1987 года мы с Эдуардом Фердинандовичем Айрихом были в тесном, почти повседневном контакте.

19 января

Звонили из Энгельса. Приглашают на съезд немцев Поволжья. Якобы 600 человек собирают. Из А-Аты пригласили Айриха и меня. Один умер, другой в зимнее время не транспортабелен.

...Назарбаев занялся реорганизацией. Одних убирает, других ставит, третьих туда-сюда передвигает. Одни обижены, другие обозлены. А жизнь все ухудшается.

21 января

Алтынбек С. стал министром печати, Нурлана О. отправили главным редактором «ЕҚ», Абиш обернулся госсоветником РК. Что это значит – не уразумел. Заменены и кое-какие главы администрации. Главные жулики, по-моему, остались на месте.

Звонил Ануар Ал. Он положительно относится к назарбаевским перестановкам.

26 января

У Әбе ноет сердце. К Президенту не попал. К главам администрации – тоже. К тому же некоторых – Джамбулского, Жезказганского – якобы щипают за коррупцию. Проверяют вроде и Шимкентского бека. Так что Әбе в тревоге, боится, что не успеет собрать задуманную сумму у беков. А ПЕН-клуб зарегистрируют не ранее конца апреля.

28 января

В редакции «DAZ» пробыл часа три: были эксперты ЮНЕСКО – двое французов и один немец (фон Шиллинг). Тема: положение немцев в Казахстане. Разговор нудный, тягомотный (для нас); для них, конечно, познавательный. Шиллинг произвел приятное впечатление.

...В Верх. Совете было торж. заседание по поводу принятия Конституции Казахстана. На Президента было приятно смотреть: он весь сиял от радости и не скрывал этого. А Конституция – насколько я уразумел – получилась в данной ситуации наиболее оптимальная. Правда, с нею необходимо ещё основательно ознакомиться.

...Курс рубля падает катастрофически. Киргизия якобы готовит свою валюту.

2 февраля

...Был на встрече с послом Германии. Милый, улыбчивый, светский человек. Поговорил также с Кристиной Займе, журналисткой из ФРГ. Симпатичная, с густой, русой косой; работает в Бишкеке в «Deutsche Zeitung Kyrgystans».

3 февраля

Утром прислали из Кабинета министров машину, и я съездил к К. Султанову, где проходило совещание по госпрограмме восстановления, возрождения культурной жизни немцев Казахстана. Из немцев были Штопель, Боос, Госсен, Дедерер, Егер, Мерц, Гернер, я. Были из разных министерств, комитетов, отделов – всего человек 30. Обсуждали более часа. Я тоже выступил.

16 февраля

Из Кабинета министров позвонили: я включен в госкомиссию по проведению юбилея Абая. Предложили завтра же лететь в Семипалатинск на заседание Комиссии во главе с Терещенко. Увы, зимой мне трудно, да и Терещенко не «греет».

18 февраля

Был в СП на итогах лит. года. Убогое зрелище! В стылом зале, в пальто и шапках сидело человек 70. Раньше итоги года проводились по секциям, по жанрам по два-три дня. Ныне сами литераторы потеряли интерес к литературе. И друг друга не уважают. С какой стати их будет уважать народ? В двух издательствах вышло за прошлый год книг 50. Всё дорого. Всё малоперспективно. С каждым докладом-выступлением публика уменьшалась. Когда сказал несколько слов о нем. лит. в Каз. в зале оставалось человек 40. Через полчаса – 25. В самом конце – к обеду – 16. Я выдержал до конца из-за уважения к мероприятию. Все походило на поминки. Тяжело и ужасно!

22 февраля

Полистал справочник писателей Москвы. Как в тартарары провалились официально назначенные классики – Герои Социалистического труда – М. Алексеев, А. Ананьев, Ю. Бондарев, Н. Грибачев, А. Иванов, Г. Марков, С. Сартаков и им подобные. Кто их ныне читать будет? Боже, какая это была литература?! Ещё Проскурин был, поэт Егор (кажется, Исаев), он даже был Лауреатом Ленинской премии. Паскудное общество! Паскудная литература! Паскудная идеология! И в этом тотальном паскудстве барахтался всю жизнь, как чахлый жучок в навозе.

19 марта

Через несколько часов лечу в Шымкент на форум народов области. Два дня спустя намерен быть в Ташкенте. Физически неважно. Но авось выдюжу…

29 марта

Из Ташкента вернулся вчера. В Шымкенте встретили шикарно. Форум был хорошо организован. Отношение людей весьма доброе, откровенное, братское, об угощении и говорить нечего. Всё обильно и щедро. Меня одарили чапаном и отвезли на «Волге» в Ташкент. Был в гостевых юртах Шадринского, Арысского, Отрарского районов. Были также Шаханов, Исабеков Д., Алиев (М.), гости из Кыргызстана, Узбекистана, Т-Коргана, Джамбула, А-Атинской области. Словом, праздник был хорош.

В Ташкенте пробыл неделю, малость отдохнул, подышал весенним воздухом, побыл на могиле Розы, много говорил с родителями. Этим и доволен.

2 апреля

Вчера выяснилось, что Т. Пулатов опубликовал в «Независимой газете» статью: «Закрыть Международный ПЕН-клуб». А в этом клубе членами состоят Абиш, Дулат, Әбе. Получается, будто одной рукой Әбе просит регистрировать Казахский ПЕН-клуб, а другой голосует за его уничтожение… Необходимо этой тройке выйти из Азиатского ПЕН-клуба. Всё неопределенно. Если в Лондоне ПЕН-центр не регистрируют, то все прекрасные планы, идеи Әбе сразу лопнут. А жаль: были у него здравые намерения.

15 апреля

Был Роллан С. Завез две книжки Абая в его и Клары переводе. Необходимо проштудировать. Планы у него большие. Говорили о создании Банка культуры. Я предложил в попечительский Совет Балдано, Молодова, Симашко, этнографа-уйгура и себя (из «инородцев»).

Вечером звонил Абиш: он в больнице – обострение всех его хворостей – гипертония, сердце, почки, диабет. Объявили новых послов. Салим К. – посол в Венгрии, Болатхан Т. – в Египет, Батыршаулы – в Узбекистан, С. Турсунов – в Германии и т.д.

25 апреля

Вечером с Раей побыли на премьере Аскаровского спектакля в театре Ауэзова – «Седьмая палата». Чисто аскаровская вещь. Сделано профессионально. Трагизм Аскара. Вещь написана семь лет назад, но никто не ставил. В конце его пение. Запись. Многие из зрителей расплакались. Были его дочь, сын, жена, тесть, сестры Алии, близкие. Спектакль запомнился, взволновал. Будто два часа беседовал с живым Аскаром. Все его слова, интонация звучат в ушах.

26 апреля

...Вечером встреча в шахклубе: «Единство» (горстка пожилых русских, весьма несчастного вида отцветшие дамы и сомнительного обличья пожилое мужичье) пригласили Нурболата Масанова, профессора-историка. То, что он говорил, ни в какие ворота не лезет. Он «научно» доказывал, что Казахстан – государство этнического апартеида, что будущего у него нет, экономика идёт на дно, лет через десять страна распадётся на шесть анклавов, часть отойдёт к Китаю, часть – к России, часть превратится в пустыню, правительство невежественное и некомпетентное, Казахстан отстал лет на сто, о геополитике руководство представления не имеет, маргиналы захлестнули страну, язык кочевой, всюду придурки, и Казахстан ждёт неминуемая гибель, так как политика апартеида разрушительна. Всякая такая ересь и муть. И чем больше он топтал казахов, тем сильнее радовалась и ликовала аудитория, будто для нее это был праздник. Стали задавать вопросы, подчеркивая невежество, дилетантство казахов, которые из себя что-то возомнили, что они кочевники и никакие не коренные, маргиналы, безнадёжно отставшие от цивилизации, заключённые на континентальной суше, сырьем нищие и вообще по всем параметрам обречённые.

Мне стало гадко. Я поблагодарил лектора, сказав однако, что с его концепцией не хочется соглашаться, что языка казахского он не знает (он смутился: «Ну, почему же? Бытовой немного знаю»), что о языке он рассуждает неверно и что ему нужно выступить перед компетентными людьми, а не перед несведущей аудиторией.

Боже, тут народ вскочил, загудел: «Кто такой?! Герольд Карлович? Что ещё за Герольд? Ах, немецкий культурный центр! Понятно... Послушайте, это не тот ли, кто по телевизору Назарбаева восхвалял: "Лучезарный Султан" и всё такое прочее!?» И столько было злобы, ненависти, презрения. Один даже угрожающе надвинулся на меня. Только что они млели от лекции «учёного»-казаха, который упоенно топтал свой народ, его будущее, его правителей, а тут какой-то недобитый немец бросился защищать казахов?.. Я с трудом вырвался из злобствующей толпы и ушел восвояси. Чёрт меня дернул прийти (по их же приглашению) в этот клуб ненависти и злобы.

1 мая

Вечером позвонил Әбе. Он, оказывается, был на площади, много говорил с Президентом по поводу юбилея Абая, расхвалил мою рукопись, говорил о моих подстрочных переводах, подал мои работы как нечто новое, о чем, мол, никто из учёных доселе не говорил. Словом, неплохо рекламировал меня.

5 мая

Читал Розанова. Любопытно. Оригинально. Мне нравится такой жанр. Но то, что он помешан на еврейском вопросе, – неприятно. Антисемитизм – постыдная болезнь. Отдельных, конкретных евреев можно не жаловать. Но относиться неприязненно ко всему народу, повально ко всей нации – элементарно несправедливо...

Читал и Ремизова. Художник, слов нет.

14 мая

Позвонил Ажар: где Әбе? Оказывается, умер в больнице после операции Елеу Көшірбаев. Әбе срочно подался в Кызылорду. Он сильно расстроился, узнав от меня черную весть: в Дели скончался Оралхан Бокеев. Якобы о том сообщил в СП кто-то из индийского посольства. Подробностей не знаю... Но это ужасно. Толковый писатель, самобытный, без подлости и интриганства, опрятный парень. Лишь в сентябре ему исполнилось бы 50. Остались, говорят, двое малышей от второго брака.

21 мая

Хоронили Оралхана Бокея. Был на панихиде в ТЮЗе. Забальзамирован Оралхан был так, что на себя не похож. Маска. Белый-белый... Народу было много. Горевали искренне.

30 мая

Вчера в обед вернулись спецпоездом (15 вагонов!) из Ордабасы. Той был грандиозный. Организован великолепно, зрелищно. Достойно. Богато. Меня принимал колхоз «Большевик», район Толе-би. Прекрасные люди. Ко мне удивительно доброе отношение. Накануне видели мое выступление по ТВ.

Добрая половина алматинской творческой интеллигенции побыла на Ордабасы. Встреча трех президентов. Концерты. Скачки. Я дал несколько интервью. Проводили достойно. В приятном подпитии и возбужденном состоянии тем же поездом поехали обратно. В одном купе были Әбе, Калтай, Мади А., я. Много беседовали. В вагоне были одни писатели... Рад, что съездил, что выдержал физическую нагрузку.

3 июня

Вечером больше часа беседовал с акмолинским казахом по имени Мирзоян. Сам себя он называет Казметом Болданом сыном Адама. Уже 9 лет не работает, беседует с Алла-тагалой. Тот шлет ему знаки, предписания, дает сигналы. Слышит «голоса». Обеспокоен предстоящей катастрофой в обществе. Пишет всем правителям письма (абсолютно, кстати, безграмотные), убеждён, что наука, искусство, образование на ложном пути. Если не послушают его, мир на грани катастрофы. Ельцин – чёрная сила; он сын сатаны, от него идёт гибель России. Горбачёв – светлая сила, человек совести и добра. В Казахстане достойных вождей нет. Они есть, но нынешняя власть их не пускает. Спасать надо русских, в них заложено доброе начало от природы. Спасутся русские – спасутся и остальные. Евреи настроены на зло. Они – дети зла. Всё в их руках, они дурачат народы, стремятся к мировой власти. Но через три года они лишатся власти. Через год или через три в Алматы будет сильное землетрясение...

В таком духе убеждённо толковал сей божий человек, бродяга, бомж с семиклассным образованием. Больной или шарлатан – Бог весть.

Пришёл домой – звонит ещё одна предсказательница под кличкой «Голубая Планета». Суть её бреда: Ельцин будет править из Новгорода. Курс рубля укрепится. В Москве победит женское начало. Там править будет женщина. В Алматы землетрясение произойдет осенью. Останется в живых 750 тыс. человек... Идёт отчаянная борьба между добром и злом. Но Добро победит... Таковы предсказания «Голубой Планеты».

Устав от этих бесед, я принялся за газеты. В них мрак и мгла.

10 июня

Совершенно случайно (сначала от Верка, потом из газет) узнал, что Указом Президента я включён в Национальный Совет по госполитике. Там Симашко, Муртаза, Абиш, Щеголихин, я, Гаркавец, Козыбаев, Абдильдин, Кайдаров, Ануар – всего 35 человек.

15 июня

У Президента Нац. Совет заседал 1,5 часа. Зашёл к Абишу. Обнялись. Поговорили. Потом подошёл К. Султанов. Президент говорил вещи серьёзные и тревожные. По его словам, Россия ставит унизительные условия и выпихивает Казахстан из рублевой зоны. Придётся вводить нацвалюту. А это (так я думаю) надолго выбьет нас из колеи.

16 июня

Вечером гуляли с Әбе. Он сообщил сплошные радостные вещи. По подсчётам его жигитов, каждому члену ПЕН-клуба полагается 100 тыс. руб. в месяц жалованья, ежегодный отдых в санатории, лечение, ремонт квартиры и ещё что-то. Әбе радовался, как дитя. И я обрадовался, хотя знаю: все это маниловщина чистой воды, сказки 1001 ночи. У Әбе всегда генеральские планы, но редко что из его планов осуществляется.

18 июня

Действительно, маниловские мечты Әбе развеялись уже через сутки. Теперь он мне внушал, что ежемесячную плату от ПЕН-клуба будут получать лишь Таха́, Симашко (участники войны), Фариза (женщина, обременённая семьей), Щеголихин (пожилой русский прозаик) и я (секретарь исполкома). Остальные якобы получать будут изредка единовременные пособия... Я про себя усмехнулся: и этого не будет.

Потом я был у него дома. Все домочадцы куда-то ушли. Он один. Сидит в исподнем, старый, измученный, взъерошенный. Складывает в дорожную сумку лекарства, помятое бельё, книги, готовясь в поездку в Кызылорду и Актюбинск...

Одинокий он... очень одинокий.

27 июня

Были у нас немцы из ФРГ – Olav Münzberg u Doris (то ли подружка, то ли жена). За дастарханом о многом поговорили. О деле тоже. Он прибыл по линии Кураториума. Оставил мне свои стихи, доклад, книгу своей матери, разные проспекты. Познакомил его с послом Казахстана в Германии Турсуновым, отчего Olav пришёл в восторг.

2 июля

Внука Севушку и Раю отправил в Москву. Живу один. Более двух часов записывали беседу с Калмуханом и Турсуном об Абае в Музее Ауэзова. Над статьей для иранского журнала работаю со скрипом. Писать надо по-казахски, а Жеменей переведёт на

фарси. По настоянию Әбе придётся перевести для Дудина ещё несколько стихотворений Абая. Сработал два.

3 июля

После обеда вместе с Зейнуллой К. и Әбе сходили к Тахави. Он ослаб. Дважды был сердечный приступ.

Беседовали около трех часов. Әбе даже поспал минут 20. Говорили, вспоминали. Я приглядывался к своим старшим друзьям, которых тесно знаю уже тридцать лет. Какие были жигиты! Время и хворости подбили их. Ахтанов почти что расписался. Только дух боевит, шумлив. Зеке сдал, озабочен предынфарктным состоянием, высоким давлением. Әбе ещё крепок, но устал, засыпает на ходу. Я моложе их на 7-10 лет, но тоже далеко не огурчик. Таха́ несколько повеселел после нашего посещения.

7 июля

Вечером был в Оперном на столетии С. Торайгырова. Были писатели, журналисты, учёные. Менее половины зала. Доклад делал Абиш. Толково, блестяще, глубоко. Тепло и коротко выступил К. Кенжетаев. Остальные – жвачка, вздор. Особенно Рахманкул. Но с претензией.

В фойе столкнулся с Нурланом О., и он сходу заказал мне статью о переводах Абая. Согласился, но не сейчас. Надоели статьи. Ещё пять-шесть висят на шее.

15 июля

Умер Хан Дэ Ен, или проще Хан Дин, корейский писатель, драматург, давний, хороший коллега. Много раз бывали вместе. Искренний, доброжелательный. Безобидная душа. Узнав по радио, что панихида в Корейском драмтеатре, отправился туда, минут через десять появилась и делегация СП (Олжас, Калдарбек, Калихан, Дукеш, Толен, Нурахмет), постояли у гроба, поставили венок. Потом я коротко поговорил с Олжасом по поводу его интервью в «Азии». Сказал, что полностью поддерживаю его идею Евразийского клуба, но противников будет много среди его соплеменников. Он сказал: «Иә, білем. Надандар көп қой» («Да, знаю. Невежд ведь много»).

17 июля

Тахави стал лауреатом премии Пикуля. Премия – это хорошо, но как художник Ахтанов – несравнимая с Пикулем величина. Это всё равно, что стать лауреатом премии Альжаппара Абишева.

24 июля

Раза три звонил Әбе, прибывший из Таиланда. Потом и сам зашел часа на два. Принес переводы Дудина – девять стихотворений Абая. Переводы грамотные, местами изящные. Дух Абая присутствует. Их можно, не стыдясь предлагать. Вечером я ещё раз внимательно прочёл. Впечатление благоприятное.

...Пакость из Москвы. В пожарном порядке меняют старые деньги. Ералаш. Хаос. Народ шарахается. Полный бардак. Очередное издевательство. Как это отразится на республике – представить нетрудно... Наш Банк объявил, что остается в рублевой зоне. Значит, опять всех околпачат. С обменом денег жуткий ажиотаж. Народ обезумел. Скупает всё подряд. Власть, видно, в полной растерянности.

29 июля

Был в Оперном в честь 150-летия Ақана Сері. Всё было хорошо организовано. Прекрасно выступили Кельберг, Гафу. Сакен Ж. взял сходу слишком высокий темп и смазал все скороговоркой. Зал был полон. Присутствовали высокие господа – президент, вице-президент, Терещенко, Карибжанов, Абиш и пр. Президент выглядел плохо: усталый, замотанный, хмурый. Края губ опущены. Брови сдвинуты. Подпёр ладонью щеку, будто от боли, выстукивал пальцами дробь, скорбно, сердито смотрел в зал. Видно, финансовый ажиотаж подшиб его. В таком состоянии я вижу его едва ли не впервые. Самодоволен один Нуркадилов. Он и лез к Президенту с разговорами без конца, демонстрируя залу, что с Президентом он на «ты». Улыбался во весь рот и Әбе; правда, к концу он начал зевать, и я уже опасался, что он уснет, но тут его разговорил Султанов. Концерт был хорош. В ударе был Е. Серкебаев. Явно в подпитии, он предельно раскованно исполнил 4 песни Ақана-сері, аккомпанируя себе на фортепиано. Человеку почти 70, а вид легкий, и держал себя, как вдохновенный юноша. Правда, не всем казахам он почему-то понравился. Считают, что «Жиырма бес» он страшно, мол, искажает.

11 августа

Долго читал Магжана. Конечно, крупный поэт. Однако и много подражательного, заёмного. Обнародовать это нетрудно. Но казахскую поэтику он обновил, расширил рамки и возможности.

Звонили из СП: сидеть должен на вечере Магжана в Президиуме. Для меня это честь, для Магжана – вряд ли...

Зашел в магазин: хлеба достал, а масла нет. Вот тебе и проза жизни.

Вечером был у Әбе. Он азартно расставил шахматные фигуры, ринулся в бой. Я сказал, что буду играть дебют Сокольского. «Из твоего Сокольского, я сделаю Кокольского». «Применю вариант Каталымова». «Из твоего Каталымова, сделаю Маталымова». Пешка по Е5 его раздражала. Он изо всех сил старался опровергнуть этот непривычный для него дебют. Но продул шесть партий подряд. Начали было играть седьмую, но тут по ТВ стали показывать «Санта Барбару», и он побежал смотреть.

13 августа

Утром позвонил Әбе, ещё до 9-ти, говорил о делах, о планах на день, а через полчаса позвонил ещё раз и сообщил, что умер ночью от инфаркта его сват Абдихалык. Я не поверил. Переспросил, уточнил. Тут же поехали на его квартиру. Жена, дочери, сестра ревмя ревели. Посидели, выслушали скорбный плач, говорили жалкие слова, прикинули, что и как нужно делать. Потом приехали Калтай, Абильмажин, ещё кто-то. Потом заехали в горисполком. Әбе сразу постарел, посерел, сник. Заговорил об усталости, о том, что собрался лечь в больницу. Я вернулся домой и вдруг как никогда остро почувствовал тщету, зыбкость жизни. По сути, это может случиться с каждым из нас в любое время. И тогда... что тогда и представить страшно, немыслимо...

23 августа

От Симашко узнал о кончине Кунаева. Пошли мы с Әбе в скорбный дом. Народу было много: А. Аскаров, брат покойного Аскар, его сестры, Жиенбаев, Аухадиев, К. Султанов. Посидели в кабинете. Книг уйма: все три стены до потолка. Коллекция зажигалок. Потом провели нас в комнату отдыха. Потом – в огромный зал; посадили за

огромный стол, заставленный яствами. Кресла – боярско-купеческие. Бесчисленные сервизы в шкафах. Люстры. Для меня, пролетария, всё чинно, богато. Посидели, поговорили, кумыс попили, бесбармак малость отведали. И пошли себе дальше. В среду – прощание в Оперном театре.

Московские вожди-жулики продолжают публично перед TV обливать друг друга грязью, доказывая, кто больше своровал. Омерзительно, гадко глядеть на эти блудливые рожи, люмпенские хари, дорвавшиеся до власти... Боже, какая накипь!

25 августа

Хоронили Кунаева. Народу собралось тьма. Я забыл, что являюсь членом Нац. Совета, пошел в толпу, меня основательно помяли. Еле выбрался. Встал в черед вторично с группой писателей, журналистов и учёных, проник-таки в Оперный, меня тотчас подхватили жигиты из Президентского аппарата и Кабинета Министров, повели к почетному караулу, нацепили черную повязку и поставили у изголовья покойного. Организованно было всё недостаточно чётко. Видно, не рассчитывали на такой людской поток. Добавили бы час-другой на прощание и обошлись бы без давки и толчеи.

...Прочёл дивный рассказ Ан. Кима «Плач по матери в Сеуле»

28 августа

Утром с Калдарбеком Н. ездили встречать М. Дудина с женой (Ириной Николаевной). Приятные люди. Поговорили о том, о сем. Отвезли в сан. «Алматы». № люкс. Великолепно! Роскошно. Михаил Александрович пожелал иметь «Путь Абая» и «Коран».

...Решил составить библиографический справочник «Российские нем. писатели». Остановлюсь, скажем, на цифре сто. Понемножку могу сделать за год. Листа 2,5-3. Работа трудоёмкая, тягомотная, но ныне, кроме меня, никто это не сделает. Вообще дел у меня намечено лет на пять вперед.

29 августа

В Актюбинске Президент намекнул: не исключено введение собственной валюты.

20 сентября

Вчера, в полдень, прибыл из Ташкента. Был там три недели. Всё нормально, благополучно. В Ташкенте написал одну статью и две рецензии, три письма. Читал Бунина, Толстого, делал впрок кое-какие записи, посетил Рисовый и Алтайский базары, могилу Розы. В общем поездкой доволен. Родителей жаль. Старость, беспомощность, растерянность, раздражительность, чудачества, нетерпимость и т.д. – всё имеет место. Но надо благодарить судьбу за то, что есть. А есть и немало доброго и хорошего.

...По приезду узнал, что наш ПЕН-клуб зарегистрирован. И все кандидатуры (учредители) одобрены. Әбе намекает, что надо бы перевести для Дудина ещё 10 стихотворений Абая.

21 сентября

Был Әбе. Отпечатал для него письмо на имя Назарбаева с просьбой о выделении беспроцентного кредита на один год в сумме 1,5 млн. американских долларов. Потом съездили к Дудину. Но М.А. не застали: он где-то бродил. Беседовали с Ириной Николаевной. Милая, общительная женщина.

Проштудировал документ из Президентского аппарата «Идейная ситуация в современном Казахстане». Позвонил Дудин, похвалил мою книжку, сделал два-три замечания. Попросил сделать подстр. пер. ещё 12 стихов Абая.

22 сентября

Звонил Роллан С. Резко раскритиковал переводы Дудина. Сказал: дерьмо, Абая искажают, унижают, нельзя с Абаем так обходиться и т.д. Меня это расстроило: ведь подстрочники-то делаю я. Решили встретиться с Ролланом. Что-то я ему понадобился. А с мнением Роллана считаться следует.

23 сентября

Әбе пригласил к себе чету Дудиных. За ужином вдосталь покалякали. Дудин говорил умные вещи, бормотал какие-то строки, шутил, передал мне список необходимых ему подстрочных переводов.

24 сентября

Съездили с Әбе к Дудину. Әбе сразу куда-то исчез. А я часа три гулял, беседовал с М.А. Милейший человек! Многое рассказал, читал стихи – серьезные, шуточные, солдатские. Вспоминал своих друзей-наставников – Н.Тихонова, П. Антокольского. Вместе с переводными книг у него, по его словам, около 150. В годы войны вышло у него шесть книг. Первая – в 1939 г. в Иваново. «Книжка была слабая, – сказал он, – но там были две крепкие строчки». Читал великолепные строки о «лакеях-люциферах», что-то из новой неопубликованной книги «Дорогой крови по дороге к Богу», несколько стихотворений Бунина (одно из них он посоветовал мне выучить наизусть), частушки, что-то из солдатского фольклора («И фуй стоял у старшины, как без бензина студебеккер»; «мы гуляли, окна били, вышибали косяки, неужели нас посадят за такие пустяки?»). Подарил мне трость, выструганную им, сшиб с дерева пять каштанов, дал копирку, немного белой бумаги, текст переведённых им стихотворений Абая. День был ясный, солнечный. Мы ходили по аллеям, беседовали, и было приятно, радостно. Дудин – читающий человек, знает философов. Мудр, добр, человечен.

26 сентября

После обеда съездил к Дудину. Уточнили все переводы. На сегодняшний день Дудин перевел 19 стихотворений Абая. И ещё десять он намерен перевести. Свои переводы он хочет дать в «ДН» или «Звезду». Он дочитывает «Путь Абая». Говорит об этом романе уважительно. «Умная, достойная книга». Понравилась ему и повесть Абиша «Хатынгольская баллада». Это произведение, в котором умная мысль нашла свою форму изложения.

Говорили о многом. Особенно тепло, как о близких друзьях, он говорил о Сергее Орлове и Кайсыне Кулиеве. Горячо рекомендовал мне прочесть поэму Кулиева «Половецкая луна» в пер. Дудина. Но сначала, по его мнению, необходимо прочесть «Слово о полку Игореве» в переводе Шкляровского. Если «Слово» – взгляд из России в Орду, то поэма Кайсына – взгляд из Орды в Россию. Напомнил он мне и строки из своего первого сборника (1939). Строки, которые он, мол, выболтал, сам не зная как:

А родина больна такой болезнью,
Которую не вылечить врачам.

Говорили об американской литературе. Ему больше всех нравится Эдгар По и Томас Вульф. Говорили о философе Фёдоре Степуне. Читал свои эпиграммы и разные штучки из «Грешных рифм». Поговорили:

Родившегося говнюком
Нельзя исправить коньяком.

Минут сорок мы с ним бродили по маршруту №3. Дивная погода. Солнце. Тепло. Горы. Буйный букет листьев. М.А. с упоением читал стихи Н. Тихонова. Показывал те деревья, где он согрешил: вырезал прутья для трости. Повторил раза три частушки:

И мы пойдем с тобой гулять
Ельничком-березнячком.
Научу я поднимать
Юбочку с передничком.

Красивый человек: рослый, приятное лицо, высокий лоб, певучий, врастяжку голос, рассыпчатые волосы.

28 сентября

Вечером более двух часов были в закрытом доме отдыха Кабинета министров. Пышность, благолепие сногсшибательные. Глядя на всё это великолепие, роскошь, я сказал Куанышу Султанову: «Нет, оказывается, народ не так уж и плохо живёт». Странное общество: все блага – исключительно начальству.

Ужин был отменный. Дудин был в добром настрое: читал Абая, балагурил, говорил мудрые вещи. Были Әбе, Абиш, Куаныш, Кырымбек, Дудин и я. Я передал Дудину ещё два перевода, две свои статьи и книжку «Родство». Мне он подписал свой «Ключ».

Расставание было трогательным. Было свежо, сыро, стоял густой туман. Әбе всю дорогу говорил о своей статье, которую он готовит для «ЛГ». Дудин рассказывал: пришел он на сбор блокадниц в Ленинграде. Все какие-то понурые, подавленные. Надо было поднять настроение, и он выдал экспромт:

Хороши блокадницы
И спереди и с задницы.

29 сентября

Более четырех часов длилось заседание Национального Совета при Президенте. Вел заседание сам Назарбаев. Обсуждали идеологическую платформу. Ерик М. Асанбаев сделал сообщение о переносе столицы в Акмолу. Аргументировал обстоятельно, по каким причинам это следует делать. Конечно, убедительно. И потому никто из членов Нацсовета возражать не стал. Пока предусматривается перевести в Акмолу 14 министерств и президентский аппарат, Верховный Совет и Кабинет министров. В Алматы оставляют минкультуры, образования, Академию наук, минсоцобеспечения, все творческие союзы. Планируется все к 2000 году. Перенесли также День независимости Казахстана на 25 октября, чтобы можно было устраивать народные гуляния по приемлемой погоде. Идеологическую платформу решили подать в виде президентской статьи.

1 октября

Съездили в сан. «Алматы» – Әбе, Дильдяев и я – к Дудину. Погрузили его и поехали в аэропорт. Калдарбек заказал стол. Набутербродились, попили чай, поговорили на прощании. Дудины уехали довольными. Потом заехали к Әбе. Там был Фазыл – ка-

зах-коммерсант из Германии. Он очень встревожен доверчивостью, детскостью, беспомощностью Әбе в бизнесе. Его околпачивают, мол, все, кому не лень. О наших немцах, уезжающих в ФРГ, он сказал: «Они все безмозглые. Ходят там в рабах».

...Букет из пяти чахлых роз стоит ныне 10 тыс. На всю свою зарплату я могу купить пять букетиков. Вó уровень! Дожили!

5 октября

Читал «Правду» от 2.10.93. До чего же гнусная газета! Сколько ненависти и лжи! Вл. Крупин опубликовал свои «раздумья». Вот образчик его культуры. Упражняется в извращении фамилий: Боннер – Бомбер, Старовойтова – Алина Старопойлова, Новодворская – Новозадворская («похудела бы»), Куркова – Бэла Муркова, Чередниченко – Скверниченко, «режиссер Мак Захапов», «Задворнов» и «Жвакини», критики «Помуйкин», отец «Деркунин» (Якунин), «румяные тимуровцы валютного фонда», «черви-козыри иностранных уголовных дел» и т.п. Я понимаю: русский дух. Понимаю: презрение к сынам израилевым. Ну, все же нельзя же так! Эта блевотина сумеречного сознания выдается как любовь к России, к православию...

7 октября

Повезли меня в библиотеку №36. Оказалось: республиканский семинар библиотечных работников, посвященный Абаю. В зале 60 женщин. За исключением трех-четырех, все казашки. Значит, говорил по-казахски. Очень добрая, благодарная атмосфера. Были и артисты из консерватории и ТЮЗа. Симпатичная пара – певица из филармонии Улжан Айнакулова и артист из ТЮЗа Байгали Есеналиев (в спектакле играет молодого Абая). Красивый, талантливый, умный парень, поёт и играет на гитаре. Потом было чаепитие с шампанским. Я давал автографы, произнёс тост, балагурил. И был прямо-таки обласкан. Даже отвезли меня домой с благодарностью. Редкая радость в наши дни.

8 октября

Читал М. Телибекова. Чересчур своеобразен. Ерничает, охальничает, эпатирует. Фантазия – через край. Мысли высказывает острые, смелые, верные, но подача экстравагантная. Абай насилует Айгерим прямо на сцене и заявляет, что он перетрахал весь аул. Достоевский и Шокан сидят на унитазе: у первого понос, у второго запор. Сидят, тужатся, мучаются и рассуждают о народе...

Чёрт знает что! Не знаю, что и сказать...

29 октября

Вчера мне стукнуло 59. Потопал-зачикилял в сторону аула шестидесятилетия. Побрел с посохом надежды в руке. Работал до одури. Наверняка часов 14.

С превеликим удовольствием прочитал эссе Нагибина о Тютчеве. Здорово! После этого два часа читал самого Тютчева. Вот так нужно писать и об Абае.

3 ноября

Вместе с З. Кабдоловым повезли нас в «Арыс». Там я в корпорации прочёл лекцию «Абай и переводы его стихотв. на рус. и нем. языки». Кажется, получилось прилично, ибо было потом сказано много благодарных и восторженных слов, было угощение с

тостами. Министр-депутат Шаке поблагодарил, произнес высокую речь, подарил шикарную иранскую ручку и намекнул при всех, что завтра жигиты доставят мне на дом «ат-шапан».

8 ноября

Народ обезумел. Избавляется от российского рубля. И покупать нечего. И тратить некуда. А тут, как назло, ПЕН-клуб подарил 600 тыс. рубл. Министр Шардарбек прислал «ат-шапан» – 100 тыс. рубл.

И всё это труха. Магазины, даже почта – все закрыто на учёт, переучёт. Людишки шарахаются: куда ненужные рубли девать. В ближайшую неделю вводят теньге. Что за этим последует – представить можно. Обвал. Крах. Ужасно! Сколько раз меня обирали дочиста? И вот опять. На старости лет отберут последнее. И вот в таком состоянии я как член Нац. Совета по госполитике должен посильно разрабатывать теорию толерантности и патриотизма. Слух прошёл: где-то уже обменивают 10 тыс. рублей за одну теньга (или один тенге?) Обалдеть!

10 ноября

Были в доме Ануара. Посидели за скорбным дастарханом. Поговорили с его женой. 11-го он должен был лететь на операцию в Германию в какую-то университетскую клинику. Аллаху это не было угодно…

11 ноября

Хоронили Ануара. Народу было много. Сотни знакомых. Был и на кладбище. На траурном митинге выступили Абиш, Симашко, Дулат, земляк и брат Ануара. Потом были поминки в ресторане «Алматы». Сидели за одним столом Калдарбек, Абиш, Шерхан, Камал, я, двое парней из администрации. День был тёплый, солнечный, ясный. Погода благоволила. Ануар всё время перед глазами. Жаль. Грустно. Тоскливо.

12 ноября

Вечером с обращения Президента по ТВ началась денежная реформа. Объявлено, что она начнётся в 8.00 15-го и продолжится до 18.00 18-го. Курс – 500:1. Президент показал купюры: «Аблай хан» – 100 тенге; «Абулхаир» – 50 тенге; «Абай» – 20 тенге, «Шокан» – 10 тенге; «Курмангазы» – 5 тенге; «Суюмбай» – 3 тенге; «Фараби» – 1 тенге. Ну, и тиынки: 50, 20, 10, 5, 2, 1.

17 ноября

Тенге всё ещё нет. Что-то не срабатывает. После обеда заседал Нац. Совет. Обсуждали социологическую концепцию. Концепция есть, да нет ни социологии, ни культуры. В конце выступлений сбились на плач: всё плохо, всё худо. Вернулся разбитый, усталый. Вечером по ТВ показали наше заседание и прошлогодние кадры о вручении нам премии.

23 ноября

Прощальное письмо от Нелли Ваккер. Уезжает на днях в Германию. Нас всё меньше. От Дебольского письмо: его сын со снохой тоже вот-вот тронутся в путь. Оголяются мои немецкие тылы. Катастрофически сужается мой немецкий круг.

25 ноября

Программа «Вести» пожурила Президента за его параллель между заботой России о русских и заботой Гитлера о судетских немцах. Определенные круги России будут теперь давить на Казахстан, начнут разыгрывать русскую карту, булгачить русских в отместку за то, что Назарбаев не принял Козырева.

26 ноября

После обеда с Әбе поехали в театр драмы чествовать Ахтанова. Торжественно, широко, умно, культурно. Подарков уйма. Слов – море. Толковый доклад сделал Абиш. Перед началом меня и Жабайхана потащили к ТВ дать интервью по поводу трепотни Жириновского. Вечером это показали по «Шарайне». Потом отправились к Ахтанову домой. Застолье продолжалось до 12 ночи. Было хорошо. Добрые люди. Чистая, вдохновенная атмосфера. Из литераторов были Зеке, Қалтай, Әбе, Куандық, Абиш, Тынымбай, Кажигали, я. Человек пять из Актюбинской области, знакомые дамы – человек 25. В ударе был Абиш. И о нем много говорили, и он говорил трижды – умно и высоко. Теплый был вечер. Я говорил об ауре Ахтанова, о его духовной среде, об его окружении. Действительно, в дни юбилея Ахтанов вел себя мудро, достойно, человечно, просто. Без напыщенности, фальши. В общем его любят. И он искренен. И к нему искренни. Очень за него рад.

29 ноября

Звонил Калтай. «Хочу для тебя сделать что-нибудь доброе». Попросил, чтобы я представил ему сведения о моем творчестве. Не знаю, что он задумал.

3 декабря

Утром в 7.50 заехали за мной на «Вольво», потом прихватили А. Днишева, его аккомпониаторшу Ольгу Михайловну, и мы покатили. На кольце за городом нас ожидали А. Есимов, министр Вас. Ник. Девятко, артист Доскан, певец Алтынбек Коразбаев, Абиш (все члены делегации). До Курдая добрались за 2,5 часа. Там нас встретил глава Джамбулской администрации Байгельдинов (очень симпатичный человек). Началось пиршество. Потом пригласили киргизы. Опять пировали. Оттуда завернули в «Манас». Там познакомились с Аскаром Акаевым. Потом прибыл из Шымкента наш Президент. Встреча. Представление. Все очень мило. Стоим в ряд. Идёт снег. Дует ветер. «О! – говорит Президент. – И Бельгер аксакал здесь». Потом он и Акаеву меня так представил: «Наш аксакал Бельгер». И объяснил ему, что я воспитанник казахов. Приехали в филармонию. Официальная часть вручения Президенту киргизской награды «Руханият». Всё чинно. Потом великолепный концерт. И опять застолье. Я оказался за столом с китайским послом. После этого помчались в резиденцию киргизского Президента. Щедрый стол. Прекрасный концерт. Удивительные киргизские певцы и певуньи. И вообще киргизские песни – прелесть! Теплая атмосфера. Президент наш был в ударе. Говорил. Балагурил. Пел. Играл на домбре. И всё с тактом. Умело. Всё примечая. И сам восторгаясь, и других восторгая. Великолепный был вечер! Вдохновенно. Возвышенно. Благородно. Человечно. Приятно было сознавать, что у нас такой президент.

Ближе к часу ночи кончили. Президент на прощание спел песню, все подпевали. На этой ноте и завершился визит. Потом долго добирались до «Манаса». Снег валил и валил. Скользко жутко. Думали, как же доберемся в такую непогодь на машинах. И

тут Назарбаев объявил: «Всех заберу с собой». И все радостно (с ватагой журналистов) ринулись в его самолёт. Едва поднялись, Президент зашёл в наш салон, спросил, как устроились, распорядился всех угостить пивом. Журналисты радостно загалдели. За 25 мин. добрались до Алматы. Там меня прихватил министр МВД Шумов (рослый, открытый, добродушный человек). Довёз меня прямо к подъезду и даже сопроводил до лифта («Мало ли что»). Когда зашёл в квартиру было около 2-х ночи. Физически выдержал, а настроение прекрасное. У Нуреке есть шарм и харизма.

4 декабря

Утром позвонил Әбе. Он всё ещё сидит в аэропорту. Более суток. Поинтересовался, что и как. Потом полетел в Германию. А Айтматов прибыл сюда. 15-го будет отмечать 2-ю годовщину независимости. Айтматову дадут премию мира и духовного согласия. Об этом Президент заявил ещё в Кыргызстане.

7 декабря

Написал по свежим следам статью «Руханият». Дильдаев обещал дать в «Азии» все восемь страниц. Пришла архивная справка из ОблУМВД. Подтверждает, что находился я под комендатурой с 1950 по 1955-й январь. Пришло приглашение в Германию на отдых близ Мюнхена на целый месяц. Может, махнуть?

190 депутатов сложили свои полномочия. Встретился вчера с ними Назарбаев. Судя по всему, в марте состоятся выборы нового профессионального парламента. Прибыл в А-Ату Зб. Бжезинский – могильщик коммунизма, ныне лучший друг.

14 декабря

...Получил справку о реабилитации. Господи, наконец-то!

15 декабря

Съездил с Әбе на панихиду Газизы. Стоял в карауле. Выразил соболезнование Азербайджану и Болату. Надо же: я знавал отца Газизы, переводил его. Теперь и второе поколение Жубановых дрогнуло. Встретил многих знакомых.

Потом еле дотащился до Дворца Республики. Беседовал с о. Алексием, разными членами правительства, сидел в президиуме, слушал речи, угощались в комнате президиума, смотрели концерт. Потом Шерхан довёз меня до Зала приёмов. Здесь встретился и поговорил с культур-атташе посольства Германии Зонненхолем. Мне этот человек давно симпатичен.

16 декабря

Говорил с Әбе. Кто-то где-то опубликовал статью: «Абай не дейді? Дудин не дейді». («Что говорит Абай и что говорит Дудин?»). Это начинается казахская возня против Нурпеисова. Мстят ему за ПЕН-клуб, за его «А. Яссави», за деловитость и инициативу. Вряд ли это люди болеют за Абая. Они болеют против Нурпеисова. Как это неприятно! Нелюбовь иных казахов к Нурпеисову отражается и на мне.

22 декабря

Әбе жестко настаивает на выходе из СП. Очень не лежит душа к этому. Не хочется раскола, противопоставления, конфронтации. Не хочется конфликта с казахами, с кол-

легами. Не хочется обособляться. Ни к чему сепаратизм. Вся душа противится выходу из СП. Странно, что Әбе этого не понимает. О своих тревогах я сказал Щеголихину и Симашко. Оба согласны со мной. Особенно Щеголихин. Паскудно на душе от этого.

23 декабря

Печальная весть: после операции Дудин якобы безнадёжен. Осталось, мол, ему жизни два-три дня. Ужасно!

...Вечером говорил по телефону с Баккожой, Щеголихиным, Тынымбаем, Симашко. Вокруг ПЕН-клуба затевается какая-то конфликтная возня.

26 декабря

Часов в 8 вечера звонил Әбе: от Ч. Айтматова звонок какого-то немца из Германии, а понять его никто не может. Пришлось пойти. Оказалось: некий доктор Хорнунг. Ищет в Казахстане Gescheftsführer'a для фирмы «Zypress». Изложил свои требования. А через 10 мин. позвонил ещё раз. Завтра пришлёт факс. Спросил ещё, кто такой Нурпеисов, какой он писатель («Ein guter Schriftsteller?»), кто я и т.д.

27 декабря

Утром, до часу дня, мы с Щеголихиным были на аксакальском совещании в «Мир через культуру». Обстоятельно обсудили положение с премией. Сократили количество премий до трёх. Я выдвинул владыку Алексея. Среди «шаппай бер» («бесспорных») находится и покойная Газиза. Они наиболее реальные кандидаты...

28 декабря

В снегопад еле дочикилял до Совета министров. Куаныш Султанов провёл первое заседание Национального Комитета по делам ЮНЕСКО. Оттуда потопал в СП. Заседание секретариата СП К. Трудный, нервный разговор по поводу ПЕН-клуба. Пришли обиженные и оскорблённые и стали грубо, резко, иногда гневно, с пафосом разоблачать и обвинять пеновцев за раскол, за сепаратизм, за «не ко времени» и «не ко двору» (Оразбек С.) и т.д. С «нашей» стороны выступили Әбе, Щеголихин, Симашко, Акселеу, Смагул, я. Оппонентами были Шамкенов, Аукебаев, Магауин, Омирбеков, Оразбек, Кабышев и др. Более лояльную, терпимую позицию заняли Калдарбек и Толен. Заявление в секретариат подали Магауин, Аким, Кабдеш, Оразбек. В конце у Әбе сильно поднялось давление, но выступил он в заключении толково, убедительно, энергично. Домой мы пошли с ним вместе. Он успокоился, давление улеглось. Он также пришёл к выводу, что разговор этот был нужен и хорошо, что, наконец, он состоялся.

29 декабря

Посол Германии А. Бракло поздравил с Новым годом и прислал календарь.

31 декабря

Итак, завершился этот год. В общем, надо быть довольным: жил, работал, не чикилял по обочине... И, главное, в благополучии прожили год мои близкие.

Напоследок обрадовал Петров: в №№ 2 и 3 «Простора» идут мои «Заметы переводчика». Пойдёт и статья об Абае. Всегда есть приятные моменты даже на сером, тусклом фоне.

1994

1 января

Надо же... добрались до 94-го года. Авось, год Собаки не станет собачьим...

За окном белым-бело. Идёт снег. Тихо. Stille Nacht, как в немецкой рождественской песне. Прикинул план работы на 94-й год.

...Раза три звонил Әбе. Он в философском, размягчённом состоянии: разочаровался в других, будет жить одиноко, никого не подпуская близко к сердцу, руководствоваться только своей совестью, не считаясь ни с кем. Повторил строчку: «Обманули меня и друзья и враги». Говорили о его публицистической книге. Он хочет издать все, листов 30. Вспоминал Әбе о Пленумах СП СССР с тоской. Как это было здорово! Сколько потерь! Оскудели, мол, духовно страшно...

3 января

Сел было за повесть, обложился блокнотами, как неожиданно зашёл Симашко. Занёс свои биографические данные, «Столицу», поговорили, чай попили (по две рюмашки). Только ушёл Морис Д., Әбе звонит: «Куаныш Султанов посчитал нужным, чтобы в Петербурге на похороны Дудина полетели мы», т.е. я с Әбе. Я отнекивался, но Әбе сказал: «Послушай... Трудностей не будет, проводят – встретят, дадут командировочные, о билетах позаботятся, на обратном пути на три дня завернём в Москву, побудешь у дочери-внука...» Словом, уговорил. Летим через Москву уже завтра утром.

9 января

Вернулся из Москвы и Петербурга вчера. Очень напряжённые дни. В посольстве в Москве встретил нас Селиванов. Возмутился, что мы, точно бродяги, примчались с тенге. «Почему вы с тенге в Америку не ездите?! Кончай базар, деньги давай!» Много возни с обменом. Утром 5-го прибыли на «Красной стреле» в Питер. Встретили Чулаки и Майя Борисова. С ней я много беседовал, ибо знал её творчество. Панихида шла с 11 до 13, и мы не успели заехать на завтрак к Гранину. В Доме дружбы собралось много народу. Прекрасные, открытые, искренние люди. Гранин, Рытхэу, Аникушин. Ирина Николаевна, вдова, обрадовалась, увидев нас: «Ой, ребята! Теперь мне ничего не страшно!» Обняла нас. Я передал ей деньги от Казахстана (200 тыс. тенге). На панихиде от Казахстана выступил Әбе. Немного затянул, читал по бумажке, но сказал весомо. После панихиды с группой литераторов (чел. 13-15) посидели в Книжной лавке. Поминальный обед. Помянули Дудина. И я сказал немного. Потом зам. Собчака, доктор исторических наук Владимир Петрович Яковлев повозил меня по Петербургу, как заправский гид показал мне достопримечательности, то и дело цитировал «Евгения Онегина» и через два часа подвёз меня на вокзал, где ждал нас Әбе. В Москве, в постпредстве, встретились на другой день с А. Ваксбергом, два дня гостил у Ирины, всласть забавлялся со внуком. С некоторыми приключениями вечером 8-го вернулись.

12 января

«Tekutschka sajedajet» – говаривал, бывало, Рудольф Жакмьен со своим милым немецким акцентом. И меня заедает. И уже давно.

Принялся было скоблить свою повесть, но тут же рассказали мне о выступлении казаков с угрозой в адрес казахов. Трижды позвонили из ТВ, прислали машину, забрали, уговорили выступить. Ну, я и сказал, что думаю по этому поводу – по-русски, и по-казахски минут 15. Не очень доволен, ибо неприлично по всякому поводу мелькать на ТВ.

18 января

Встреча с Германским послом Айке Бракло. Приятная беседа продлилась почти полтора часа. Присутствовал культур-атташе Зонненхоль.

20 января

Видно, я совершил сегодня очевидную глупость. Назарбаев представил своих кандидатов в депутаты, своих людей с таким напором и с таким убеждением, с такой верой и надеждой, что не осталось лазейки для отступления. И вместе со всеми я написал заявление на имя Президента и в Избирком, дал согласие баллотироваться по Павлодарской области (именно туда меня распределили), заполнил учётную карточку и сфотографировался на документы. Пошёл по инерции. Не решился подвести Президента. Теперь я окончательно зашьюсь. Суматоха. Самое тяжкое – поездка в Павлодарскую область. Физически (да ещё в зимнее время) мне это вряд ли под силу. Утешаю себя тем, что вся это возня продлится до 7 марта, что меня наверняка провалят (зачем павлодарцам какой-то немец-литератор из Алма-Аты?) и тогда совесть моя будет спокойна. Теряю, следовательно, 1,5 месяца времени и много сил и нервов. Что ж... надо и это изведать. Но усталость чувствую уже сегодня. И все это не по мне, помимо моей воли.

21 января

Дважды звонил Абиш. Убеждал, что всё правильно, чтобы я не боялся, всё будет сделано, как надо, жигиты, мол, в курсе, помогут, и он лично поможет, и машиной, и советами, так надо, и парламента нечего бояться, будем вместе, как литератор ты уже послужил достаточно, и как общественный деятель себя утвердил, теперь в зрелые годы, имея опыт и авторитет, надобно послужить народу и в парламенте, прочь сомнения, вперёд и т.д. в таком же духе. Тут же он позвонил главе администрации Павлодарской области, сказал, что те, мол, приветствуют, что надо всё обговорить с ним. Съездишь, выступишь в нескольких районах, по ТВ, в печати, в Ермаке, в Экибастузе... один раз съездишь, всё остальное сделают жигиты... Не знаю, на словах только всё просто, а сунешь голову – увязнешь.

22 января

Весь день оформлял бумаги по выборам, сочинил программу. Сходил в кассу, хотел было снять 500 тенге, а у меня на счету оказалось всего 420. С таким багажом участвовать в выборной кампании?

24 января

Заседало наше жюри в Оперном театре. Обсуждали кандидатуры на премию ассоциации «Мир через культуру». Единогласно утверждены архиепископ Алексий и Газиза Жубанова (посмертно). Разговоры были вокруг кандидатур Э. Дильмухамедовой и Л. Татенко.

1 февраля

В жуткой суматохе прошла эта неделя. Встречи, заседания, разговоры. Мотыльковое существование. Работаю урывками.

В обед был в Верх. Совете. Выдали нам регистрационное удостоверение по выборам. Теперь – по закону – можно начать агитацию. Значит, надо ехать в Павлодарскую область. Доверенные лица утверждены. Ехать – для меня сложно. Да куда денешься? Надо доиграть эту почти проигрышную партию. Вся моя душа сопротивляется мажоритарной системе. По натуре я человек меньшинства.

...Звонила дочь И. Джансугурова – Умит. С большой обидой говорила о казахской интеллигенции, о современных руководителях, о равнодушии и безразличии к истокам – к памяти отца. Хорошо говорила, убеждённо. В словах её был упрёк и в мой адрес. Состою в Комиссии, а ничего не делаю. Комиссия по сути дела распалась, а до юбилея осталось 4 месяца. Что я могу сделать?

3 февраля

Часа два читал акад. Конрада. Боже, какие были титаны – Конрад, Жирмунский, Крачковский! Какой масштаб! Какая глубина!

Гляжу на современных казахских филологов: на фоне ЭТИХ – сплошное недоразумение, недоучки.

5 февраля

Встретился с Абишем в гостях у Әбе. Он собирается на целый месяц в Мангыстау на предстоящую выборную кампанию. Он относится к этому весьма серьёзно. У меня этого нет. Абиш моложе меня, но умнее, дальновиднее, прозорливей. У меня нет убеждения, что мне нужно участвовать в выборах. А желания и вовсе никакого. И от этой двойственности чувствую себя скверно.

6 февраля

В 12.00 Абиш прислал машину, были у него в гостях перед проводами. Абиш был явно взбаламучен, озабочен: и давление, и простуда. Глядя на него, явно не находит себе места старая мать. Очень тепло расстались. Абиш волнуется: победить ему даже в родном краю непросто.

Вечером по телефону говорил с проф. Муратом Каримовым. Он тоже баллотируется, съездил в Кокшетау и Костанай. Говорит: резкое, открытое противопоставление русских и казахов в тех краях. Русские голосуют за русских, казахи – за казахов. «Инородцам» ходу нет. Всюду всплывают разговоры о государственном языке и двойном гражданстве. «Если «за» – угодишь русским. «Против» – ты враг. Здравый смысл отсутствует. Жизнь ухудшается. По нескольку месяцев нет зарплаты. На этом фоне трудно проводить агитацию.

12 февраля

Вечером из Мюнхена («Азаттық») передали моё интервью. Целых 20 минут. И оформили культурно, толково. Пять вопросов – пять ответов. Беседа с кандидатом в депутаты парламента – под такой рубрикой была беседа. По словам Едыге Магауина, редактор Хасен Оралтай якобы похвалил интервью. А в Павлодаре минус 30°. Как я поеду в тот край?

5 марта

14 февраля вместе с инспектором президентского аппарата Нурланом Рахимжановым вылетел в Павлодар, а вернулся оттуда 3 марта. 17 дней в метель, в буран, в холод мотался по районам Павлодара, выступал, выступал вместе со своими соперниками и доверительными лицами, встречался с огромным количеством людей, чего только не увидел и не услышал. Никогда так тесно, напрямую не сталкивался с реальной жизнью. Душа переполнена впечатлениями. Многое зафиксировал в блокноте. Жизнь в районах, селах очень непроста. Настроение кислое. Зима суровая. Народ многому не верит. В таком случае говорить необходимо открыто, честно, искренне. Тогда ещё отзываются души. Аллаху слава, не болел, выдержал. И не предполагал, что на такое способен. Поддержало доброе отношение людей. Был везде окружен вниманием, заботой. Был почти всё время на подъеме. Часто выступал не как кандидат в депутаты, а просто как литератор, как собеседник. Говорил по-казахски, по-русски, по-немецки, шутил, и это производило впечатление. Встречи с избирателями в клубах, школах, санаториях, учреждениях, музеях. Приятно было, когда слова твои доходили до сердец хмурых и настороженных людей.

Словом, вернулся из поездки как бы окрылённый. Вроде что-то полезное сделал. Вернувшись, тотчас оформил свои впечатления в очерке «Павлодарские мотивы» (а начал писать ещё во время поездки). Чувствовал постоянную поддержку со стороны администрации и местной интеллигенции.

Теперь живу в ожидании выборов и его результатов. Если выберут (а ощущение такое, что должен вроде пройти) – будут одни планы, не изберут – другие. Во всяком случае трагедии не будет. Сделал всё, что в силах, а остальное – не в моей воле.

8 марта

В обед позвонил А. Штопель и сообщил: я поднимаю за тебя бокал. «А мне что, уже можно пить?» «Сегодня прояви ещё скромность, а завтра можешь пить».

Через полчаса позвонил из Павлодара Олжабай. Поздравил. Спросил: «Я первый?» «Да». «Тогда, выходит, чапан достанется мне». Уверяет, что по предварительным данным я впереди. Но официального утверждения нет.

Позвонил Абиш. Он прошёл с блеском – 80%! Минут 20 спустя, ещё раз позвонил Абиш. Оказалось, что Щеголихин прошёл.

Никакой эйфории не испытываю. Только прикидываю, сколько мне предстоит сделать и как разумней рассчитать свои хилые силы. Надо ведь тянуть и лямку «Phönix'а». Да и от литературы нельзя совсем оторваться.

...Звонил Нурлан. Окончательные итоги: за меня проголосовали 61,38%, за Вильданова – 51%, у Жакиной – 47%. Потом позвонили из администрации области: за меня проголосовало около 243 тыс. человек. Пошли поздравления: Каирбаев, Наурызбаев, Гаркавец, Симашко, Егер, Оразбек, Калихан, Фарида... А Трутанов позвонил и поздравил даже из Варшавы.

По словам Гаркавца, депутаты распределились так: 80 – неказахов, 97 казахов.

16 марта

Әбе был сегодня у Президента. Обговорил многие разные дела. Президент якобы поинтересовался: «Когда юбилей у Бельгера?» Әбе ответил: «У него впереди. И его юбилей проведём мы сами. Есть кое-какие задумки».

22 марта

Вечером звонил – с поздравлением и благословением – Хамит Ергалиев. Неожиданно. Отношения наши были натянуты. 4 года назад его как-то натравили против меня, и он незаслуженно меня обидел. Видимо, он это помнит. И хочет сгладить неловкость. Я был вежлив и старался про обиду забыть. Как-никак Наурыз.

28 марта

Позвонила Умит Ильясовна, дочь Джансугурова. Укорила меня за то, что, поздравляя казахстанцев с Наурызом, не упомянул Сакена, Ильяса, Беимбета. Пожаловалась на судьбу, на меня, на Комиссию, на казахов («показушная нация» в прошлом, а теперь и вовсе «вырождающаяся»), на всё на свете. Поздравила меня с депутатством и простилась со мной навсегда. («Всё. Я уезжаю. Сын погиб. Муж умер. Мне семьдесят. В этом городе я никому не нужна»).

2 апреля

Вечером был в ЦКЗ: посольство Германии проводило концерт. Исполняли 9-ю симфонию Бетховена. Блистательно! Оркестр и хор, а также солисты и дирижер. Т. Абдрашев были на высоте. Думал ли когда-нибудь Бетховен, что в закоулке Азии, вблизи Китая усилиями потомков незнакомого ему племени будет так вдохновенно исполнена его Девятая симфония?! Слушал с дрожью в теле, с огромным внутренним подъемом. Моментально вспомнился Аскар: сколько раз слушали мы с ним записи Девятой!

6 апреля

Президент отправился в Японию. Из всех уголков Казахстана поступают дурные вести: снег, паводки, падёж скота, закрытие предприятий, невыдача зарплаты, преступления, предзабастовочные заявления, обнищание, отчаяние, дороговизна, новые скачки цен и пр. Не видно просвета. А тут ещё погода душит всех... Тахави лежит в больнице. И состояние его некрепкое.

12 апреля

Был на панихиде Куддуса Кожамьярова. Я к нему всегда относился с огромным уважением. Симпатичный, красивый был человек. Хоронить его пришли главным образом уйгуры. Мало было казахов, совсем ничтожно – русских. И это стыдно, гадко.

...Мои сбережения – 40 тыс. руб. – в результате павловской реформы обернулись 71 тенге. Четыре года назад на 40 тыс. рублей я мог купить четыре «Волги». Вот такой грабёж! Самый большой бандит, самый коварный преступник – государство. Людей ограбило до нитки. И таких, как я, – миллионы. Всю жизнь откладывал на старость. Накопил тяжёлым литературным трудом – и вот тебе! – 71 тенге – 3 кг мяса, полторы бутылки «Распутина». Какое свинство!

15 апреля

Абиш прислал за мной машину, я съездил к нему домой. Он сообщил о том, что вступает в «доду», т.е. в борьбу за спикерство в Парламенте. Просит, чтобы я его поддержал, выступил с представлением на сессии. То же сказал мне потом и Рахымжанов. Добавив, что таково желание самого бастыка. Я согласился. И вечером набросал примерный текст.

16 апреля

Основной разговор в Верх. Совете о спикере. Чувствую: идёт серьёзная подспудная возня. Многие делают ставку на Олжаса.

17 апреля

С группой депутатов встречались с министрами (труда, печати, соц. защиты, образования, финансов). Не успел дотащиться до дома – надо было отправиться к Президенту. Президент говорил напористо, моментами резко, очертил круг проблем, задач, определил основные направления, свое видение и т.д.

Неожиданно круто возразил Зиманов по поводу двухпалатной системы. Немного запальчиво.

19 апреля

Сессия. Отработали первый день. Шумно, моментами бестолково. Физически утомительно. Кончилось тем, что кандидатов в Председатели Верх. Совета осталось четверо: Абиш, Куаныш, Алдамжаров, Сартаев. Эффектно, аргументированно выступил Олжас, изложил свою программу и тут же взял самоотвод.

20 апреля

Выступил я с трибуны парламента пятым или шестым. Кажется, получилось. Зал слушал внимательно, были даже аплодисменты и много поздравлений. Потом по предложению Абиша меня включили в счетную комиссию. Выборы проходили драматично. В первом туре Абиш имел 65 голосов, Алдамжаров 62, Султанов 39, Сартаев 5. Был объявлен перерыв, пошли уговоры, агитация, перетасовка. Во втором туре Абиш имел 92 голоса (надо было 89), Алдамжаров 69. Это был триумф. Председателем стал Абиш. Он назначил своими замами Федотову и Султанова. Президент (я наблюдал) был доволен. Я дал интервью радио и газете «Жас алаш».

Дома меня поздравили Калтай («Ты вытащил нашего парня из реанимации») и Абильмажин («Ты привёл к нам истинного азамата народа»). Я приложил не только руку, но сердце, душу. Я этого хотел, и чувствую удовлетворение от того, что так получилось. Тот же, Калтай сказал: «Пятилетние дела сотворил за один день». Я тоже был изрядно возбуждён.

21 апреля

Первый день Абиш вел заседание Верх. Совета. Крикуны малость сбили его с намеченного пути, и работа моментально забуксовала, пошла туго, Абиш проявлял максимум терпения и до обеда удалось сформировать четыре комиссии по 15 чел., которые к субботе должны кое-что прикинуть в формировании комитетов и регламента. Работаем до 28.04, а там из-за майских праздников перерыв аж до 12 мая. К этому времени депутаты должны уволиться с прежних мест, определиться, вернуться с чемоданами. Чувствуется, многие обескуражены: жизнь в гостинице – не сахар, кормёжка неважная и дорогая, квартир раньше декабря не будет. Кругом всё плохо, нищета, на таком фоне надеяться на какие-то привилегии – нонсенс. Затеяла Алтыншаш разговор на тему создания Комитета по нац. и внутренней политике, культуре и языкам. Понятно, она хотела бы быть во главе Комитета. Но ей необходимо знать, не претендую ли я на это место. Нет, не претендую.

23 апреля

До обеда отсидел в Парламенте. Большинство депутатов меня знает и относится весьма уважительно, почтительно. И я уже многих узнал. Ну, а при обсуждении ведут себя не лучшим образом. Шумят, противоречат друг другу, орут с места, нудно и тягомотно убивают время. И вообще – чую – объединить их в единый коллектив будет трудно. Скорее, невозможно. Много подводных течений. Формирование комитетов пройдёт крайне сложно.

24 апреля

Вечером был в Немецком культурном центре. Встреча с Верховным Комиссаром Бюро ОБСЕ г-ном Ван дер Стулом. Были наши немцы, четверо депутатов, какие-то журналисты и даже неведомые типы. Один из них, имеющий отношение к лютеранской церкви, объяснил исход русских из Казахстана тем, что казахский язык – государственный. Я, понятно, возражал. Не всем это понравилось, в т.ч. и немцам. А тот «лютеранец» потом запальчиво спорил со мной ещё около часа. Ему поддакивала какая-то пигалица, вся негодовавшая от ненависти к казахам и их «примитивному» казахскому языку, бытовому, мол, жаргону, который просто не имеет права быть государственным. Ужасно! Домой пришёл измочаленный, опустошённый.

А утром был у Шоты В. Весьма увлечённый человек. Показал свои подарки от Президента: именные золотые часы, диплом-свидетельство и букет цветов. Сам весь в работе и идеях.

25 апреля

Весь рабочий день отсидел в Парламенте. Абиш был в хорошем настрое, легко и весело вёл заседание. Но депутаты шумели всласть. Еле-еле добили временный регламент и начали обсуждать проект об обеспечении депутата. На зарплате и надбавках и застряли. Я понял: в обиде не остаемся. Оклад приличен. Я подобного никогда не имел. И, следовательно, нечего шуметь и требовать чего-то ещё. Стыдно и гадко, как депутаты выторговывают себе какие-то ничтожные дивиденды. Жить можно безбедно, а обогащение всё равно никому не грозит.

1 мая

В Алматы на Новой площади было официозное гуляние, а на Старой – митинг оппозиционеров. Первое прошло вяло, казённо; второй – бурно, раздражённо, бестолково. В Москве бурлили анпиловы, зюгановы, умалатовы. Бывшие, мелкие людишки.

5 мая

До обеда был на конф. «Интерлигал» в Доме учёных. Интересные люди, любопытные доклады. Многое усёк. О многом догадываюсь.

...Человек двадцать казахских писателей Президент пригласил в свою резиденцию на задушевную беседу, которая продлилась часов шесть. Интересно, что мог вызнать Президент от этих глубоких старцев, давно переживших своё творчество?! И как можно было их слушать шесть часов, когда от их дряблой старческой болтовни становится тошно уже через двадцать минут? Конечно, Президенту виднее. И ему приходится считаться с казахской ментальностью и аксакальским пиететом. «Инородцев» якобы пригласят отдельно.

6 мая

После приёма у Алтынбека мы с Әбе подались в резиденцию Президента. Әбе рванул к Имангали, увлёк и меня, быстро проскочил, а меня задержал стражник-КГБешник, начал меня записывать, удостоверять мою личность и как-то неприятно придираться, потом позвонил Имангали. Потом потребовал, чтобы я прошёл через «дугу» для проверки. Тогда я махнул рукой и сказал: «Жарайды. Могу и не проходить». Отвернулся и пошёл прочь. Стражник вслед меня крикнул: «Вы не обижайтесь. И король Саудовской Аравии проходит проверку».

Меня возмутила не проверка, я её всегда безропотно прохожу. Возмутили тон, манера, подозрительность стража, пропустившего запросто Әбе, а меня, инородца с депутатским значком, бесцеремонно задержавшего. Я вспомнил, что когда-то, будучи спецпереселенцем, я стоял так же перед комендантом. Прошло столько времени, а ничего не изменилось: я 60-летний депутат парламента независимого государства теперь стою перед стражником КГБ.

Меня потом искали, тот же стражник пригласил меня в кабинет помощника Президента, но я, так и не дождавшись Әбе, ушёл восвояси.

Дома я внимательно прочитал интервью Солженицына, перепечатанное в «Известиях». Много верных, бесспорных положений. С чем-то можно и не согласиться. Назарбаева он называет диктатором. И о Казахстане сказано много жесткого. Русских он, конечно, сильно подогрел. И стабильности (в понимании наших правителей) он нанёс крепкий урон. Вообще трудно предвидеть, что нас всех ожидает.

7 мая

Долго говорил с Әбе по телефону. Он стал издеваться над Х. Кортасаром, дескать, не литература это, а циркачество, трюкачество, выпендрёж и т.д. Меня это задело. Я стал говорить о том, что мы скверно образованы, воспитаны на «сафуанизме», что нынешняя наша литература – примитив, пишем на уровне 30-х годов и за наше невежество не в состоянии говорить наравне, скажем, с европейцами, что всё – самодеятельность, что нам следует стыдиться своей отсталости, необразованности, что мы ныне оторваны от цивилизации, застряли на уровне троглодитов…

Әбе сказал, что он не в плену такого комплекса неполноценности, и европейцы ничем особенно не блещут, что они более отсталые, чем мы, что он часто встречается со всеми выдающимися писателями мира, и он не чувствует себя отсталым, а ведёт разговор наравне, вполне достойно. Я усмехнулся: как же можно вести разговор наравне, когда образования нет, живём в изоляции, смотримся так скверно, что весь мир вынужден с нами разговаривать, как с глубокими невеждами. Әбе разгорячился и стал доказывать, какая на самом деле высокая казахская литература, что в ней не один «сафуанизм», что роман Ахтанова, повести Абиша, переводы Касыма Аманжолова – такие вершины, с которыми европейцам не тягаться. Я заметил: в таком случае Вы – счастливый человек. У меня такого ощущения нет: я постоянно чувствую себя угнетённым из-за невежества и отсталости…

Разговор пошёл косо-криво.

…Позвонил Имангали и извинился за вчерашнего «СМЕРШовца», которого обругали якобы за то, что он террориста, диверсанта не отличает от писателя-депутата. Ещё он просил, чтобы я не подумал, будто Президент делит писателей по этническому признаку, что нас, инородцев, он тоже в ближайшее время пригласит на беседу.

10 мая

Был около часа Зеке (Кабдолов). Он уговорил-таки меня перевести его будущую статью. Говорил об Ауэзове. Тот любил выражение: «Культура труда». Это было в его устах высшей оценкой. «О, он овладел культурой труда!», «У него есть культура труда». И постоянно, якобы, подчёркивал, что у казахов её нет. «Ну, какая у Мусрепова культура труда?! У него портновская культура!» Зеке считает, что я обладал культурой труда ещё тогда, когда жил на Каблукова.

12 мая

За 1991-1993 гг. из Казахстана уехало 957 тыс. человек. Въехало 507 тыс. Отрицательный баланс 450 тыс.

15 мая

Как-то тревожно вокруг. Дебольский пишет: «Господи, лишь бы не стреляли!» Эту же мысль несколько раз высказал Симашко: «Вспыхнет где-нибудь драчка и пошло то же, что в Преднестровье».

...Вечером был Әбе. Измученный. Два дня был в Кызылорде. То, что он увидел, – ужасно. Народ в растерянности. Скотину режут. Происходит коллективизация наоборот. И грозит это, по словам Әбе, голодом 1931-32 г. Сельчане в отчаянии.

16 мая

После перерыва вновь собрались депутаты. Около часу заседали на пленарном. Толково обрисовал обстановку Абиш. Потом мы разошлись по Комитетам. Выбрали двух замов – Гаркавца и Уалихана. Ответственный секретарь – Отеген. В нашем Комитете 12 человек. Потом осмотрели кабинеты. Мне достался кабинет №218 (второй этаж). На этом этаже и кабинет Щеголихина. Остальные сокомитетчики на третьем.

...В обед мы съездили в дом Саги Жиенбаева. Он умер вчера в день своего 60-летия. Отметить не успел. Умер на даче. Перед сном читал газеты, потушил свет, лег на бок и во сне скончался. Когда-то (в 63-64 гг.) мы работали вместе в редакции «Жұлдыз». Был он всегда скромен, тих, улыбчив, добр, открыт. Ко мне относился сердечно. Безгрешный был человек. Съездили Шерхан, Алтыншаш, Уалихан и я.

25 мая

Умерла мама 18.05.94 около 7 утра ташкентского времени. Тотчас Альма позвонила мне. С помощью ВС РК (были Абиш, Куаныш С., Марат О., подключились Алтыншаш и многие другие) мы с Раей отправились в путь. В Шымкенте встретила нас группа руководителей области во главе с Зауытбеком Т. Довезли до Ташкента. И мощно подключились к похоронным делам – морально и материально.

Похоронили маму 20-го в 12.00 часов местного. Рядом с Розой. Похоронили достойно. 25-го через Шымкент вернулся в Алматы.

26 мая

В Парламенте бурно обсуждали заявление 42-х о недоверии правительству.

Выступил Олжас: «Если мы не поддерживаем фракции, значит, мы не поддерживаем демократию. Бороться за власть должны партии, а не группы. Авторитет фракции следует всячески поддержать и укреплять».

По поводу недоверия правительству деп. Зиманов сказал: «Недоверие Правительству есть недоверие Президенту. Может ли Парламент, не начав работу, не приняв ни одного закона, сказать, что надо менять правительство? Такое заявление было бы легковесным. Заявление загоняет нас в туман, в неизвестность».

Юрий Ким заявил: «Недоверие правительству надо сделать цивилизованно. Мы ещё ничего не сделали, а потому не имеем морального права выступить с заявлением».

Министр юстиции Н.Шайкенов: «Много нелегализованной власти и кумовства много. Нокаутировать правительство, а что дальше? Разве время сейчас нокаутировать? Дайте возможность Президенту».

Нагманов: «Комитет полностью поддерживает заявление о недоверии правительству. Сегодняшнее спокойствие грозит взрывом. Надо, чтобы Парламент выразил эту идею, а не народ снизу. Это устраивает только коррумпированные структуры».

...На заседании не увидел Шерхана и Уалихана. Оказалось, скончался Сейдахмет Бердикулов. От Мади узнал, что скончалась мать З. Сериккалиева.

...Кто-то из депутатов на вечернем заседании сказал: в аулах коробок спичек стоит 92 тиына, а кг овечьей шерсти – 40 тиынов, т.е. казах вынужден дать 2,1 кг шерсти за один коробок спичек. Задумаешься...

1 июня

Весь день мотался по этажам, кабинетам, коридорам Парламента. Суеты много, толку мало. Что-то читал, во что-то вникал, с кем-то встречался, оформлял бумаги. Собираюсь в Семей. Не по мне это.

В «Просторе» вышли мои «Заметы переводчика». В «ҚӘ» – вводка к рассказу Амиржана.

Много шуму о Солженицыне. Казахов он крепко задел. «Один из лающих псов», – говорит о нем акад. Козыбаев. Поток ругательных слов обрушивают на него разные рахманкулы, сафуаны. Сафуан выразился так: «Он совсем не великий, даже не большой, а просто средний писатель, занимающийся политикой!» «Говорят великий, великий. В чём его величье?» «Проклятие казахов его настигнет».

11 июня

Вчера вернулся из Семипалатинска. Поездкой весьма доволен. Много встреч. Контакты с хорошими людьми. И сам был все эти дни в хорошем расположении духа. Прочёл лекцию, выступал в разных местах, давал интервью, был на маслихате, поговорил с руководством области, в общем – был небесполезен. Две дамы – Светлана Байгазиевна и Ғалия Сағатовна – обо мне всюду заботились. Семипалатинск и его люди мне нравятся. Есть там культурная, духовная аура.

16 июня

Работа на пленарном заседании. Полдня мурыжили Сембаева. Всё шло грозно, потом всё равно утвердили. Совершенно алогично. В деятельности Национального банка много несуразностей. Чернышёв сказал: «Вурдалаки приватизировали неликвиды за счёт сбережений народа». Сабденов: «Наш банк занялся напрямую коммерческой деятельностью. Он напоминает крупный коммерческий банк». Тиникеев: «Я считаю Байназарова не глупее Сембаева».

Против Сембаева проголосовало 32 депутата.

На вечернем заседании утверждали арбитражных судей всех областей. Всё прошло плохо, шумно, скомкано и малозаконно.

«Это был днём позора Верх. Совета», – закончил Шекеев.

Нагманов подтвердил: «Мы пережили позор».

Я придумал тему диссертации: «Эволюция взяток в пост-тоталитарном государстве».

17 июня

Были гости из Германии: Dr. Volker Hornung и его зять Оке. Милые, контактные люди. Отвёз их в Дом Отдыха ЦК (бывшего). Кажется, они остались довольны.

По TV показали поездку Абиша в Петербург и его монолог в самолёте. Блестяще он выступил. Глубоко, философично, исторично, умно, объемно. Поразительно, вдохновенно. Рад!

19 июня

...Ушёл из жизни Юрий Нагибин – прекрасный писатель. По ТВ показали и его последнее интервью и уход его по дорожке на своей даче. Вот этот уход в небытие и врезался в память, потряс. Ушёл в 74 года. Именно в этом возрасте должен (по давнему голосу) уйти и я ... Грустно!

21 июня

Весь день на пленарном заседании. Тягостный разговор об отмене льгот репрессированным и жертвам Арала и Семипалатинска. Вся душа вопит против этого. Хочу высказаться на заседании с таким текстом: «Закон о лишении льгот несчастных – безнравствен. О том здесь уже говорили. Мне было шесть лет, когда я был репрессирован. Справку о реабилитации получил лишь в прошлом году. Справку получил, а льгот тотчас лишился. Я даже не успел понять, что за льготы. Речь не обо мне. Я на судьбу не обижаюсь. Но мне мучительно жаль десятки тысяч моих соплеменников, пожилых людей, которые в лагерях, трудармиях, на выселении угробили свои жизни, и в одночасье лишились всего. А тех, кто уцелел, выжил, унижаем, оскорбляем, убиваем и поныне. Какими глазами мы на них посмотрим? Через несколько лет их уже не будет. Так, кто мы такие, если униженных и оскорблённых, недужных людей продолжаем грабить? Если подло отнимаем у них последнюю лепешку? Судьба проклянет нас! Не лучше ли продать десятка два «Мерседесов», пару-другую танков или самолёт и выплатить репрессированным старикам их несчастные крохи?! Я призываю голосовать против такого закона».

Обсуждение это слушать было тяжко. Чернышёв выразился так: «Мы узаконим геноцид. Здесь заложена бомба против собственного народа».

Может, мне обо всём этом высказаться в статье?

26 июня

На рассвете мама приснилась. Впервые после её кончины. В соседней комнате почудился шорох. Рая встала, вошла и изумлённо воскликнула: «Анна Давыдовна, когда же вы прилетели?!» Она привела маму ко мне, ещё лежащему в постели. Мы нежно обнялись. Потом она невесомо прилегла мне на грудь, я глажу её плечи, расспрашиваю: «Ну, как? Не устала ли? Как себя чувствуешь после дороги?» Она, вся какая-то тихая,

благостная, отвечает: «Там лучше. Климат лучше. Здесь давление чувствую. Лекарства приняла, но пока не помогают. Буду недолго, полечу назад». «Не торопись, – говорю. – Отдохни. Билет достану». И весь сон. На этом обрыв. Сегодня как раз сорок дней её кончины.

27 июня

Сегодня читал нам лекцию Нагашбай Шайкенов на тему «Государство и право». Вот несколько его тезисов.

«Политика – бросать кость». «Государство – организация политической власти». «Политическая власть и государственная власть – не одно и то же. Олжас государственной власти не имел, а кусок политической власти имел». «В тоталитарном обществе всегда ставят серого человека главным идеологом. Вспомним Жданова, Суслова, В. Медведева. Что умных людей не было?» «Рука об руку идут собственность и право. Нет собственности – нет права». «Демократия – политический режим. Имеет относительную ценность. Демократия – антипод произвола. Наша демократия – демократия босяков». «Национальность – не признак государственности».

28 июня

Работа в парламенте. Алтыншаш просит меня заняться связями с парламентариями других стран. «Медленно и печально».

30 июня

В «Казправде» вышла моя статья «Тропой заглохшей через овраг». При встрече в резиденции Президент сказал: «Читал, читал. Критику. Всё правильно. Что ж...» И за столом (встреча с писателями) заметил: «Вот господин Бельгер чуть-чуть покритиковал моё послание».

На приёме у Президента были: Зверев, Снегин, Самади, Симашко, Пак Ир, Кривощёков, Щеголихин, Петров, Аширов, Азаматов, Эрлих, Дильдяев, я. Кроме литераторов, Терещенко, Абиш, Жукеев, тележурналисты. Из аппарата Штопель, Қойшықара, Толен.

Я тоже выступил на тему: признание третьего сектора. Президент это записал, поддержал, прокомментировал, сказал: «Дұрыс, дұрыс».

Встреча длилась часа три. Затем Президент сфотографировался на память с нами, каждого одарил кейсом (итальянским), а в нём – 1000 тенге, чай, отрез, именные часы, сладости, книжка. Всем дал автограф. Разъехались удовлетворёнными.

6 июля

До обеда на Пленарном заседании присутствовал Президент. Ему исполнилось как раз 54 года. Выступал он много раз, отвечал на вопросы, убеждал. Кончилось тем, что депутаты (+124, –12, =7) подтвердили его решение о переносе столицы Казахстана в Акмолу. Правда, со сроком «до 2000 года» депутаты не согласились. Потребовали технико-экономического обоснования от Кабинета Министров.

Вообще идея правильная. И спорить тут не о чём. Однако, осуществить её будет тяжко. Опять будет длительный, несуразный переходный период. Акмола не скоро станет столицей. А Алматы – наоборот – очень быстро захиреет. В такое нищее время переводить столицу адски сложно. Стратегически, однако, всё верно. Другого выхода просто нет.

...Шерхан приводил примеры казахских рифм. «Рафаэль – алып кель екі әйел». «Исраэл дегенде Исраэл – қалада қалдырмадың қысыр әйел». Самое короткое стихотворение: «Мен де / Сен де / Пенде».

...Некоторые депутаты яростно выступили против переноса столицы (Маринушкин, Голенко) Назарбаев возразил против употребления таких слов, как «геноцид», «обнищание», «дестабилизация». «Если это неопытные говорят, то им нужен экономический ликбез, но когда это говорят опытные, как директор Маринушкин, то это непонятно. Давайте не будем бросаться словами. Прошу подойти к этому делу стратегически».

Абиш, унимая Чернышёва, изрёк: «Это всё-таки Верховный Совет, а не персональный театр Чернышёва». А после голосования, обращаясь к Президенту, сказал: «Вот вам и подарок ко дню рождения!»

8 июля

Пленарное заседание. Страсти по бюджету. Доходная часть неопределенна. Мародёрство высоких чиновников привело к тому, что 1,5 млрд. американских долларов гуляет по свету. И вообще Казахстан разворован на 200 лет вперёд.

...Включили меня в Комиссию по событиям 1986 года. Правда, комиссию пока не утвердили. И лично меня состав её тоже не устраивает, о чём я сказал Куанышалину и Оспанову.

Вечером звонил из Мюнхена Фитц. Якобы передают мой монолог. А «Свободу» переводят в Прагу. Просит ещё один монолог.

13 июля

Обсуждение бюджета продолжается. Всё идёт трудно, тяжко. Синдром региональных интересов. Перетягивание каната. Всюду нехватки. Отсюда сыр-бор.

14 июля

Встреча в Парламенте с группой парламентариев из Турции. С «нашей» стороны были Куаныш, Серикхан, Жолдасбеков, Шерхан, я, кто-то из МИДа. Беседовали и ужинали более двух часов. «Если в стране есть Конституционный суд, то нет надобности в двух палатах», – заявил Камер Генч.

15 июля

До обеда заседал в нашем Комитете, потом – в подкомитете, потом – в 12 ч. в Минюсте по поводу изменений в Конституции. По распоряжению Президента, создана рабочая группа под руководством министра Нагашбая Шайкенова. Вошли в Комиссию 18 человек (Зиманов, Калматаев, Шерхан, Козлов, Головков, Ким etc.). За месячный срок следует представить проект.

Президент отстранил министра экономики Уркумбаева. Решил, видно, избавиться от коррупционеров.

20 июля

Нелепый разговор с Әбе. При имени Солженицына его начинает трясти. А меня трясёт, когда почем зря набрасываются на Солженицына. Мы оба распалились.

– Я читать не могу твоего Солженицына!

– Это не показатель... Читать не можете, потому что не доросли, не понимаете.

– Я не понимаю?!!

– Конечно, откуда вам понимать?

– Я что? По-твоему не средний читатель?

– Откуда средний? Вы тянете на первый-второй класс.

– Слушай, Канта твоего понять могу, Гегеля пойму.

– Бросьте, Әбе! Понять их вы не в состоянии.

– Я, если хочешь знать, как писатель выше твоего Солженицына!

– Что ж... Досанов вообще считает себя выше всех. А Магауин и Айтматова писателем не считает. А я могу считать себя испанским королём, но это вовсе не значит, что я король и есть.

– Ты что, сравниваешь меня с Досановым?!

– Я вообще никого ни с кем не сравниваю. Ибо это пустое.

Вот в таком духе продолжался наш дурацкий разговор.

21 июля

Утром зашёл к Әбе за его рукописью. Сыграли молниеносно 9 шахматных партий, и я, все время играя белыми, ловил его на диком гамбите Муцио. Он упорно старался его опровергать, азартно повторяя: «Я покажу твоему Муцио!» Но продул все 9 партий ещё в дебюте. «Э, – сказал он. – В голове моей столько разных Муцио...»

31 июля

Утром радио «Азаттық» опять терзала Солженицына. И местная печать опубликовала несколько статей, «разоблачающих» А.И. Вся казахская интеллектуальная сила (и без того крохотная) брошена на борьбу с Солженицыным. Смешно! Заговорили о книге некоего румына-диссидента «Пророк ли Солженицын?» Книга, инициированная КГБ, яростно доказывает, что Солженицын никакой не пророк. И казахи по этому поводу радуются, как дети. Ойбай-ау, он, оказывается, совсем не пророк, и никакой не писатель (куда ему до Сафуана!), а просто шовинист, человеконенавистник, шарлатан, самозванец, полное ничтожество и т.д. И сделав такое открытие, казахские «зиялы» бросают тюбетейки в воздух и ликуют, будто их байбише разродились сыновьями. О, горе! Как это всё постыдно, мелочно, провинциально!

9 августа. Ташкент

Уже неделю в отчем доме. Все как бы по-прежнему, да не совсем. Нет мамы. Отсутствие её чувствуется во всём. Отец с раннего утра толчётся во дворе, в саду, гремит ведрами, поливает из шланга, варит компот. Жалуется: «Дела не кончаются». Чувствую, что ему худо, одиноко.

Читаю Мархабата. Приятно: весьма толковый беллетрист. Отменный новеллист. Мастер характеристики и психологизма. Есть что сказать. Он выгодно, своеобразно отличается от многих, которых я читал.

В Чечне всё тревожно. Выехал туда Хасбулатов. Непонятно, с какой миссией.

Назарбаев посетил Эстонию. Снова повторил идею евразийства. Её – как сказали по радио – встретили умеренно. Оттуда Президент отправился в Литву.

Читал Ключевского. Поразительные исторические портреты Петра, Екатерины II и др. Отменный слог.

10 августа

Интервью Амосова: «Великая нация? Духовные традиции? – Это всё надо зачеркнуть. Никаких духовных традиций нет».

Корреспондент: «Ужас, что вы говорите!»

«Это не ужас, это всего лишь ужасная правда».

...Проверили состояние Лукашенко. Нет у него ни имущества, ни ценных бумаг, ни денег. На книжке 15 тыс. белорусских денег. 40 центов! Такой вот президент. И это достоинство? Если он в 40 лет ничего не имеет, то что будет иметь государство от такого Президента? Ну, хорошо... не воровал, значит. Честный Но и трудом праведным к 40 годам ничего не нажил? Как это понять? Как это его характеризует? Может, это вовсе не достоинство, а стыд и позор? Опять игра в коммунистическое люмпенство?

11 августа

Читаю «Силуэты: политические портреты» – статьи, труды Луначарского, Радека, Троцкого. Поразительные вещи! Зря этих людей ныне ниспровергают как большевиков-революционеров. Крепкие люди. Личности! Исключительно даровитые. Не чета нынешним Ельциным, Шумейко, Рыбкиным, Бабуриным и прочим людишкам. Блистательно образованные! И оттого, что их и ныне считают маньяками, фанатиками, авантюристами, они ни в чём не теряют. Образованность, талант, культура остаются. И как ничтожен на их фоне грузин-сапожник, которому русский люмпен лизал зад тридцать лет! Луначарского, Троцкого, Плеханова следует читать и знать.

14 августа

Живут в Ташкенте трудно. Зарплата унизительно низкая. Марина, работающая в детсаде, получает 70 сумов – стоимость иностранного шампуня. Зубная паста – примерно недельный заработок. Саша и Наташа имеют вместе 700 тенге, и то по 3-4 месяца не получают. Альма на 1,5 ставки получает 190 сумов (1 кг сахара – 20 сумов, мясо – 25 сумов). Пенсия отца – 140 сумов. Эльма ничего не имеет...

18 августа

Отметили 85-летие отца. Думаю, хорошо. Все дети, внуки весьма старались. В обед приехал поздравлять посол Казахстана в Узбекистане Нажамеден Искалиев и Асен Сулейменовна. Посидели 1,5 часа. Говорили хорошо. Вручили отцу поздравительный адрес и чапан. Всё весьма чинно, прилично, по-человечески тепло. В 12 часов дня прибыли Ирина с Севой. Весёлые, возбуждённые, нарядные. Вечером пришли шестеро из райкома и тоже тепло поздравили. Словом, всё на славу. И отец остался доволен.

23 августа

Вернулся в А-Ату 21-го. Всё нормально.

Утром звонил глава администрации Сергеевского района. Просил отложить мои юбилейные торжества, «когда закончим уборку, у народа появится наличка, а то сейчас настроение не очень хорошее, люди ходят немножко хмурые». Какой разговор?

24 августа

Пленарное заседание. Вёл Султанов. Выступали с сообщениями министр МВД, Ген. прокурор, пред. КНБ. Были вопросы и обсуждения.

25 августа

На открытии Немецкого дома были Приснитц из Германии и Ко, немецкое посольство, господа из правительства, Президентского аппарата, ВС, делегаты из областей, руководители областных «Wiedergeburt», фирмы, журналисты, телевидение, радио, «наша» интеллигенция и т.д. Жара. Духота. Но всё торжественно и хорошо. Пели дети. Женский хор. Фуршет. Словом, приятно, организованно. Знаменательное событие!

28 августа

Сегодня 53-я годовщина чёрному указу о депортации немцев Поволжья. Немалый срок, а память горит. К сожалению, с каждым годом всё меньше поминальщиков. Большинство депортированных ушло в мир иной. Многие в чужедальной Германии. За пять лет немцы в Алматы сократились ровно вдвое. Сейчас их осталось 10 тысяч. В Алматинской области немцев было 60 тыс., осталось 20 тысяч. В Карагандинской области ещё в 1989 г. немцев было 143,5 тыс., ныне их – 70 тыс. Пять лет назад немцев в Казахстане было 975,5 тыс., ныне осталось 613,8 тыс. т.е. 1/3 уехала. Вот они, отголоски сталинской депортации.

1 сентября

Весь день пленарное заседание. Нудно и тягомотно говорили Терещенко и Сембаев о приоритетном развитии сельского хозяйства. Депутаты задавали острые вопросы, но правительство продолжало жевать лапшу, которую уже несколько лет вешает нам на уши. Положение архискверное. Дальше некуда. А правительству хоть бы хны. Мрак. Тупик.

В обед учтиво и торжественно выслушали Хисамеддина – председателя Великого Меджлиса Турции. Потом пошло обсуждение. Депутаты рассказывали о безвыходном положении в сельском хозяйстве. К концу дня произошёл взрыв (после яростного выступления Шерхана). Пошли шум, ор, истерика. Положение ужасное.

8 сентября

Пять дней был в Костанае на встрече с российскими писателями по линии Казахского ПЕН-клуба. Поездка была прекрасная. Украшение нашей встречи, несомненно, – Чингиз Айтматов. Умный, благородный, благорасположенный, деликатный, тактичный, он произвёл неотразимое впечатление. И ко мне он был внимателен, называл «Гереке», слушал, беседовал, обменивался разными эпизодами, случаями, похвалил меня на торжественном собрании, по ТВ. Состоялся человеческий контакт, и я этому очень рад. Выступал я по ТВ шесть раз. Выступал и на «Круглом столе», и на банкете. Участвовал в составлении «Обращения», которое дважды писал сам. 40-минутную беседу-диалог провёл у фонтана со Львом Аннинским, ровесником и давним знакомым. Говорил с Оскоцким, Турковым, Латыниной, Ткаченко, Оклянским и др. Организовано было всё отменно. Балташ, Багила – отличные люди. Летели назад с Жабайханом А.

10 сентября. Копенгаген

Всю дорогу до самого Франкфурта доктор Хорнунг толковал мне о необходимости создания в Казахстане Либеральной партии. О том он говорил и с Абишем. Идею эту поддерживает и Кинкель. Уж коли в Казахстане много конфессий, много национальностей, то Либеральная партия может быть наиболее популярной. Она, мол, может со-

действовать и женскому движению, и заботе о детях, поиску новых рабочих мест, образованию, развитию культуры и духовности. Это была бы наиболее гуманная партия. Необходимы контакты с европейскими партиями.

В аэропорту Франкфурта мы с Хорнунгом расстались.

В Копенгагене долго проходили контроль, встретили нас через 1,5 часа. В гост. «Скандинавия» к нам присоединился Тоқтар Аубакиров. Гостиница очень дорогая: номер 165 долларов в сутки. Таких денег у парламентариев Казахстана нет. На другой же день перебрались в более дешёвую гостиницу «Opera».

В холле встретилась мне американская пара. С большим интересом расспрашивали о Казахстане. Говорили по-немецки. Мне показалось, что они выходцы из Поволжских немцев. Уж больно хорошо знали поволжский вопрос. И даже мои диалектные словечки им были понятны.

Первые впечатления не ахти. Тяжёлый, мрачный город. Солнце тусклое. Над головой плывут хмурые тучи. Временами хлещет дождь. Датчане, облаченные в серое, передвигаются на велосипедах. Велосипеды всюду. На стоянках, на обочине дорог, на улицах, возле домов. Народ вроде как равнодушный, безразличный. Как-то всё грубо, сурово. Разбросанные там-сям дома, озёра, бухта, мост, серое небо. Мрак. Неуютно.

11 сентября

Что мы будем здесь делать целых восемь дней?!

Небо сплошь в тучах. Уныло, скучно.

Дороговизна жуткая. Никаких денег не хватит. В нашем представлении сущее безумие. Лишнего стаканчика чаю не выпьешь. В холодильнике есть всё, но – ни-ни! Цены запредельные! Знающие люди говорят, что Дания вообще дорогая страна. Дешевле, мол, только пиво и сыр (шведы сыр здесь покупают).

В конверте с пластинкой вместе ключа написано по-английски – «группа из Африки». Видно, так нас и воспринимают в этом мире.

Я заметил: немецкий понимают (особенно старшее поколение), но более склонны говорить по-английски. Без английского ты немой.

Заказал «Sckandinavian Breakfest», ибо меню мне понятно: orange, yochurt, Danisch cheese, Butter, Salami, jam, Tea, Goffe, chokolate. Ну, и ладно. Меня это устраивает. Жаль только: нет ни казы, ни карта, ни жал-жая.

Слушал утреннюю программу CNN. Кое-что понял. Вещают на англ., шведском, датском, норвежском языках... Изучил программу межпарламентской сессии. Всё на английском. Но с пятого на десятое разобрал.

Тихо. Бьют куранты. Значит, наша гост. находится недалеко от парка «Тиволи». После ужина втроем погуляли по центру. Заглянули в магазинчики. Хорошие ручки – 100 долларов. Ерундовая дамская сумочка – 2500 датских крон. Туфли – 300 долларов. Обалдеть!.. На триста долларов можно в Ташкенте год прожить.

12 сентября

В ратуше речь держит датский Кекилбаев. Говорит об успехах, о борьбе с апартеидом, о проявлении новых демократических стран, о поддержке межпарламентских связей, о конце холодной войны, о правах человека. Затем выступили премьер-министр Дании, представитель Ген. секретаря ООН. Бедность – самая глобальная проблема. Поёт экзотическая группа из Гренландии.

Потом нас повезли в Bella Center. Мы оказались по соседству с парламентариями из Иордании. Эстонский парламент просит осудить агрессию России. Дзасохов с третьего захода предлагает снять претензии Эстонии. Идёт какая-то возня. Парламентарии собрались со всего света. Выступают замбийцы, вьетнамцы, итальянцы, суданцы. Идёт ожесточённая дискуссия. Русского перевода нет, и мы ни черта не понимаем. Я чуть-чуть вникаю: вопрос о международном терроризме, о снятии санкции с Иракского режима. Тут же вскакивает господин из Ирака и дико орёт: «Я не позволю говорить "иракский режим!" У страны есть название – Ирак!» Шумит против эмбарго. Требует снять ограничения. Мы тоже голосуем, толком не понимая, что к чему. На всякий случай выдали несколько «ноу».

Так и прошумели до 6.30 вечера.

К 8-ми часам вновь повезли в Датский парламент. Ужин. Парламентарии со всего мира всё разнесли вмиг. Можно подумать, что все собрались с голодного континента. Нам ничего не досталось. Довольствовались водой, вином, каким-то скользкими штучками неизвестного происхождения, конфетами. Так голодными и вернулись.

Осмотрели парламент. В Дании 179 депутатов. Места работы, зал заседания великолепные. Все удобства. В холле висят дорогие картины, в том числе и портреты депутатов. Вообще Дом парламента весьма импозантен. Играл оркестр. По обоим рядам парадной лестницы стояли хозяева в национальных костюмах. Встретили торжественно. Накормить такую ораву парламентариев со всего мира, конечно, непросто. Тем более у большинства аппетиты о-го-го. Ночной Копенгаген впечатляет. Иные здания просто великолепны.

Удивительный вечер. Моросил дождик. Воздух бодрящий. Завтра работаем с 9 утра. Вроде как по секциям. Серикхан намерен произнести свою речь по-казахски. Мы с Тоқтаром его горячо поддержали. Для этого надо до ночи перевести речь на английский.

Хочется чаю, а его нет. Пришлось выпить вина.

13 сентября

Выступления, выступления. Речи, речи… Многих делегаций нет. Зал наполовину пустует. Говорили индус, венесуэлец, россиянин, китаец, араб («надо, чтобы большие государства не использовали защиту прав как шантаж»), суданец («биссмилля рахман рахим…»), индонезиец, кениец, норвежец и др. Все говорят по-разному, но в сущности одно и то же.

Я заметил: там, где нет прав человека, речи длинные. Где есть права, речи короткие. Китай и Россия говорили долго и нудно. Значит у них с правами человека определенно швах.

Нашу казахстанскую делегацию в обед Тоқтар угощал чаем. Рядом обедают негры из Зимбабве, едят основательно и пьют коньяк в отличии от нас, нищебродов. Приглядываюсь: самые бедные мы. Некоторые парламентарии приехали со своими женами, разумеется, на свои средства. И для жен составлена отдельная программа. Очень богатая, разнообразная. И жены ведут себя так, будто они главные на этой сессии, будто сама межпарламентская сессия организована специально для них.

…Серикхан выступил 54-м. Впервые на казахском. Официальных делегатов нас трое – Серикхан, Тоқтар, я. И две дамы – переводчица и организаторша (или как?). Мероприятий много, и мы как-то распределяем наши хилые силы. Мы с Кадрией должны

были ехать на приём египтян в отель «Скандинавия». Уже подошли было к автобусу, как совесть подсказала: нехорошо, наш коллега выступает, надо его поддержать. И вернулись. Тоқтар на радостях обнял меня, приветствовав наше решение. Выступил Серикхан хорошо. И мы все были рады. Последней в этот день эффектно выступила датчанка.

15 сентября

Льёт (буквально!) дождь. Сегодня Тоқтар рано утром покидает нас: летит в Ганновер, оттуда домой.

Вчера была культурная программа. Были на площади Амалии. Любовались фонтанами. Rosenborg. Дворец Христиана IV... То, что видели, ошеломляет красотой, историей, традициями. Потом с Тоқтаром долго ходили по магазинам. У Тоқтара была конкретная цель, а я и не знал, что мне, собственно, надо.

Вдрызг усталые, мы потом долго сидели в кафе, беседовали и медленно приходили в себя. Тоқтар – летчик-испытатель, космонавт, что́ ему такие нагрузки, а я еле тащусь.

Вечером были в парке Тиволи. Прекрасные вина. Сад весь в огнях, «ковёр-самолёт», «дикие гуси», фейерверк, иллюминации, китайские фонари, блеск и сверк, пруды, чистота, зелень, счастливые лица. Опрятно, благородно. Каждый из нас имел чек на бесплатное такси.

На площадях отдыхали пожилые люди. Народное гуляние. Все счастливые. Циркач тешит праздный люд, забавляет разными трюками. Вроде у всех никаких забот.

Встретился с датскими парламентариями. Разговор главным образом об Арале и о положении в Казахстане. Я сказал им, что я родом из поволжских немцев. Это их заинтересовало. О проблемах российских немцев что-то знают.

А речи продолжаются. Выходят на трибуну толстые, раскормленные парламентарии и подолгу, с надрывом глаголят о нищете в мире, о несбалансированном обществе. Итальянцы и испанцы тараторят с такой яростью, будто зал из пулемета расстреливают.

Вечером были на приёме у премьер-министра. Шик! Познакомился с врачом-парламентарием из Македонии. Говорит по-русски. Милый человек. Зовут Душан. Обменялись визитками. Ежедневные встречи, знакомства, беседы начинают мне нравится.

16 сентября

Дождь. Злой ветер сшибает с ног. Сегодня мы предоставлены сами себе. Ходим туда-сюда, слоняемся по магазинам. Я уже приноровился общаться с датчанами. Они говорят по-датски, по-английски, я по-немецки. Что-то получается.

Вечером были в Оперном театре. Обалденно! Чинная публика. Прекрасный спектакль. Удивительный настрой. В перерыве – «водопой»: вина, напитки. Пей – не хочу! После спектакля парламентарии стоя аплодировали артистам минут 15.

В 12 ночи пришёл в гостиницу. Нас ждал работник посольства Египта. Тоқтар улетел. Серикхан уже лег. Пришлось мне представительствовать. Пошли разговоры-переговоры. Египтянин связал меня с Каиром. Оказалось наш посол Болатхан Тайжанов, давний знакомец. Он попросил нас, казахстанцев, поддержать кандидатуру г-на Сорура. Я заверил, что будет сделано. Немного спустя позвонил Абиш из Алматы: поддержите кандидатуру египтянина Сорура. Ладно... Поддержим.

Засыпая, навожу справки: а кто такой Сорур? Почему он должен быть председателем межпарламентского союза. Оказывается, Ахмет Фатих Сорур – защитник прав человека, юрист, на страже демократии, ратует за включение женщин в политику. Его соперник Валдес из Чили. Ладно. Мы с Серикханом проголосуем за Сорура. Как-никак мусульманин.

...На другой день после утомительных процедур голосования с 116 голосами прошёл Сорур. У Валдеса 103 голоса. Египтяне устроили фурор. С восторженными криками начали обнимать друг друга. Далее пошли слова благодарности.

В 16.00 – торжественное закрытие Ассамблеи.

18 сентября

Сегодня вылет. Сначала во Франкфурт. Оттуда домой. В Копенгагене после всех расчётов осталось у меня 525 датских крон, и я их тут же потратил на сувениры.

20 сентября

Утром был с пятью депутатами у вице-президента. Оказалось, Президент подписал Указ о борьбе с коррупцией, и в состав Комиссии включил и меня (теперь уж наверняка всякой коррупции придёт конец).

А в два часа опять встреча у вице-президента с «госсписоковцами». Разговор серьёзный! Создали депутатскую группу «Центр». Я охотно туда вошёл.

В 16.00 – встреча с Президентом. Он выступал 1,5 часа. Немного сумбурно, но с болью и тревогой. Часть депутатов накануне потребовала отставки Абиша. Абиш отсутствовал после этого разговора полдня. Как ему сейчас тяжко... Всю драматическую ситуацию изложил мне Амангельды К. (тоже явно встревоженный). Поджёг эту бучу Олжас.

21 сентября

В перерыве между заседаниями был в ресторане «1001 ночь» на встрече-беседе с американскими писателями и издателями. С американской стороны были Джозеф Фокс - с ним я беседовал больше всего; Джамейка Кинкейд – экспансивная негритянка, Тимоти Селдэ, Сьюзан Шрив – сухопарая, усталая женщина, автор 9 романов.

С «нашей» стороны были Р. Тамарина, Ахметжан Аширов и я.

25-го с Жабайханом летим в Павлодар на встречу с избирателями.

25 сентября

Собрался в путь. А часов в 12 позвонил Әбе: умер Ахтанов. Я тотчас отправился в скорбный дом. Встретил Клару, мать Абиша (сам Абиш улетел утром на Мангыстау, не услышав весть). В доме встретили сыновей Таха́, дочерей, сестру, брата. Умер Таха́ в 9 утра. В доме были Әбе, Зеке, Смагул и другие знакомые. Подошёл Калдарбек, потом Жукеев, Сауытбек, Сауле-апа. Разговор о похоронах, о трудностях, о сборах и т.д.

26 сентября. Павлодар

Встретил вчера Доржуманов и привёз в «Бизнес-центр». Жабайхан всю дорогу говорил про Канта и Гегеля. Я сказал: «Жаке, давайте договоримся. По пути в Павлодар вы говорите только о Канте, а на обратном пути – о Гегеле. Иначе в моей маленькой голове всё перемешается». Так и договорились.

С удовольствием походили после ужина по берегу Иртыша. Благодать! Накислородились всласть.

В областной администрации определились с планом. 29-го – выступление в Павлодаре; 30-го – в Экибастузе; 1.10. – в Иртышске; 27-го в Пединституте, 28-го – в Политехе, 29 – все вместе в театре. Главная тема: информация о работе Верх. Совета.

Встреча с главой обл. администрации Ахметовым Даниялом Кенжетаевичем. Обстоятельно обрисовал положение в области. Нажимал на успехи. Потом встретились с главой города Пыхтиным В.И. Встреча с представителями разных партий, течений, культцентров. Тут уже сильнее критическая струя.

У каждого дня свои заботы. Встречи, беседы, интервью, знакомства. В гостях у Олжабая Жармакина, Жумасеита Бижанова, беседа с ректором университета, с литейщиком, запись на телестудии. Краеведческий музей, «Бизнес-центр», проф.-центр.

«Нет закона, защищающего иностранного инвестора», – заметил Ахметов.

Обогатился впечатлениями. Больше всего понравился Иртыш.

5 октября

На носу мой юбилей. Затевается базар, который мне совсем не нужен. «Любилей» якобы пройдёт в театре Лермонтова. Не представляю, как буду сидеть на сцене, когда начнут «поливать» разными словами. Даже искренние слова в таких случаях звучат нелепо и неуместно. Впору куда-то улизнуть... Генерал Баранов вчера убеждал меня, что юбилейные дела – не моя забота. Видно, он прав. И нечего мне суетиться.

В Петропавловск летим числа 20-21. Там что-то затевают.

9 октября

Утром позвонил Әбе, попросил зайти. Разговор о моем юбилее. Собирается зайти к Жукееву. Әбе намерен решительно поспособствовать, чтобы всё прошло прилично. Сам произнесёт вступительную речь. При мне позвонил Кабдолову, Калтаю. Запланировал и Алтыншаш. И о банкете хочет позаботиться (по крайней мере достанет мясо), и о концерте. Если Әбе возьмётся за дело, толк будет... Я намерен пригласить отца. Если рядом окажется отец, это будет и надёжней, и эффектней.

11 октября

В 17 ч. была встреча с Президентом. Он заметно поседел. Был красен. Обрисовал ситуацию. Объявил об отставке правительства. Завёл разговор о новом составе. Предложил новые кандидатуры. С некоторыми депутаты согласились, с некоторыми нет. Встреча продолжалась два часа. В конце Президент огласил список награждаемых (ко дню Республики) новыми государственными орденами и медалями. «Халық қаһарманы» получили двое, орден «Отан» – трое или четверо (в т.ч. Әбе и Сафуан), орден «Парасат» – тоже, кажется, трое (Щеголихин, я, Каюпова).

Устал. Завтра в 10 утра снова встречаемся с Президентом.

12 октября

С утра до обеда по представлению Президента утверждали новое правительство. Все шло довольно согласованно. Кажегельдин вел себя достойно и открыто. И на вопросы отвечал толково, мужественно. Привёл как кредо известную поговорку: «Еңкейге еңкей: әкеңнен қалған құл емес. Шалқайғанға – шалқай: пайғамбардың ұлы емес».

Словом, склонил депутатов на свою сторону и получил 120 голосов. (Хотя, знаю, многие собирались голосовать против). Ну, а меня продолжали терзать сомнения. Что-то мешает мне в него поверить. И я голосовал «против». Против голосовало всего 6 человек. Лучше всех прошёл Касымжомарт. А провалился (60 против) Алтынбек. «Обал болды-ау!..» – заметил Шерхан. Резко выступила против него Алтыншаш. Она, должно быть и провела усиленную подготовительную работу. Иначе как можно объяснить такое большое количество голосов «против». Аубакирова (по просьбе Марата О.) я уговорил против Сагадата не выступать, а если и выступать, то помягче. Он обещал сделать последнее, но потом всё же разумно промолчал. Очень не хотелось, чтобы один прославленный казах публично долбил другую знаменитость. И я этому поступку Тоқтара обрадовался.

13 октября

Похоронный день: со скрипом, с дискуссиями, спором, криком, ором принял-таки Закон об отпуске цен на хлеб. Было тяжко, но решились, рискнули, иначе и вовсе крах. Психологически и логически новый премьер вел себя разумно. Резко воевал против отпуска цен Чернышёв. Даже покинул зал. Акт был тяжелый.

Так же сложно обсуждались Законы о госслужбе и о почте и телекоммуникации. Измотались жуть.

Вечером слушал диалог Ч. Айтматова и Жанны А. (Костанайская запись). Лестно выразился Ч.Т. и обо мне.

14 октября

В 16.00 два часа корпели над Конституцией в кабинете министра юстиции Шайкенова. По многим статьям что-то сказал и я.

19 октября

Написал в Комиссию по госпремиям своё мнение. В газетах вышел Указ Президента о награждениях. Мне будет вручён Орден «Парасат». Много поздравлений. Из През. аппарата позвонили: вручение 23-го в 14.00. Но меня не будет. Вручат 31-го на юбилее в театре.

Дозвонился до отца. Он обещал вырваться. Времени, мол, мало. День Узбекистана, пленум, домашние дела и всё такое прочее. И в 85 лет отец не знает покоя.

21-23 октября. Петропавловск

Встретили нас у трапа Вл. К. Гартман и его свита. В тот же вечер торжество в Университете. Речи, поздравления, беседа, концерт. Поздний ужин-банкет. Номер – трехкомнатный люкс. А мне-то нужно лишь крохотная спальня. Холодновато.

22-го утром, возложив цветы к памятнику Магжана и заглянув в парк, отправились в Сергеевку и с/з Ибраева. Все сверх ожидания. Встречи в школе, в отчем доме, и возле дома, на площади, в клубе, в ольховой роще – всё было восхитительно и волнительно. Земляки обласкали меня, зацеловали. Съехались мои одноклассники, учителя. Многие от радости плакали. Растроганы были и городская, и областная администрации. Каждая деталь засела в память. Зашёл и к умирающей Кагиде. Вся эта поездка снята на плёнку, сфотографирована, запечатлена журналистами. Где я только не побывал за эти дни: в клубе, в школе, отчем доме, на церемонии награждения тружеников сов-

хоза, встретился со множеством людей, которые помнили меня мальцом и – особенно – отца, мать. Всплеск доброты и внимания. Все говорили: такого искреннего, доброжелательного, задушевного тоя не было. Щедро одарили меня земляки. Я был поражён и взволнован.

Утром 23-го Гартман и его компания тепло, дружески проводили нас – меня, Еслама З. и Ербола Ш.

Далее торжества Республики. Симашко и Жабайхан стали лауреатами премии мира и духовного согласия. Очень рад!

6 ноября

Это были прекрасные, счастливые дни. Праздник отца и сына. «Жарадың, Гера!» – говорят мои земляки. Я же эти слова могу говорить о казахах. Поразительное щедродушие!

Писали в эти дни о моём 60-летии «Казправда», «Егемен К.», «Халық кеңесі», «Советы Казахстана», «Экспресс К», «DAZ», «Ана тілі», «Қазақ әдебиеті», «Столица», «Новое поколение», «Қазақстан әйелдері», многие областные газеты, радио, ТВ.

В чем-то, конечно, перебор. Но таковы издержки юбилея.

7 ноября

В 11 с Шерханом съездили на панихиду Гафу Каирбекова. Постояли в карауле. Горькие прощания. Вдохновенный, широко одарённый, незаурядный человек был Гафу. Много артистов, литераторов, журналистов, учёных собрались. Уходят наши писатели, которых я знавал по 30 лет...

8 ноября

Комиссия по юбилею Абая вместе с главами администраций заседала у Кажегельдина. Встретился и поговорил с Гартманом, Ахметовым, Турсунбаевым. Кажется, финансовые дела абаевского юбилея решатся. Думать надо об остальном...

Посол Германии прислал на дом шикарно изданный альбом о жизни и творчестве Томаса Манна – 1500 фотографий!

15 ноября

Утром позвонил Әбе. Прибыл из Праги. По пути был в Москве. До Германии не добрался, что-то не заладилось с таможней. В Праге он написал речь о Затаевиче. Вот ее ему и не терпится показать «Немедленно приходи. Верховный Совет подождёт».

В обед я заглянул к нему. Он деятелен, возбуждён. Меня дергает: надо скорее закончить составление сборника «Абай». Хлопот будет много.

16 ноября

Сидим на пленарном. Обсуждение Закона о народном образовании. Вернее, о ходе исполнения его. Картина печальная. Народное образование рушится. Учителя уходят. Нищенская зарплата молодежь не устраивает. Лучшие кадры – профессора, доценты – уезжают. Многие предметы в школах не ведутся. Не хватает учебников, пособий. Всё хиреет на глазах. Пустые прожекты раздражают. Нужны мощные вливания. Средств нет. И не предвидится вскоре. Так, причём тут Закон? О каком исполнении может идти речь? Держались некоторое время на былой инерции, теперь она погасла. А ведь было,

было у нас вполне приличное образование. И кадры отменные. Теперь сплошь запустение. Оголили себя на десятилетия вперёд. Аукнется наше нищебродство, наше бестолковость тяжко. Локти кусать будем. Тоскливо до отчаяния.

18 ноября

Вечером был в посольстве Венгрии. Дивный человек – посол Иожеф Торма – умный, мягкий, интеллигентный, говорит по-казахски (с сильным башкирским акцентом), по-русски, по-немецки. Очень теплый, деликатный был вечер. Уютный. Отведали десяток неведомых мне блюд, пили 5-6 сортов венгерских вин. Превосходно, хотя и чрезмерно. Были приглашены акад. Ергожин, акад. Кайдаров, проф. Әбсаттар (философ, мой ученик по Байкадаму), его жена (дочь Алькея Маргулана), Шота Валиханов и я. Пригласил нас Торма в связи с предстоящей поездкой Назарбаева в Венгрию.

23 ноября

Остро встал казачий вопрос. 19-го казаки провели митинг (несанкционированный), шумели, ратовали за присоединение Казахстана к России на правах автономии, как, скажем, Татарстан. Вот об этом и зашёл запальчивый разговор в Верх. Совете. По требованию депутатов, давали информацию замглавадминистрации г. Алматы, зам. МВД Власов, госсоветник Сулейменов, ген. прокурор Туякбаев, министр юстиции Шайкенов. Потом полезли Галенко, Головков, Куанышалин. Последний выступил на редкость толково, напористо, резко и убедительно. Страсти накаляются.

24 ноября

Весь день на пленарном. Трудно шло обсуждение Закона о выдаче зарплаты. Государство в тупике. Все худо. Ни один из вариантов не срабатывает. И выступления депутатов, и речи членов правительства ввергают в уныние. Иногда думаешь: а, может, не нужны ни парламент, ни правительство, раз всё равно нет от них никакого толка. Народ как жил плохо, так и живёт. Ещё больше нищает. По 5-6 месяцев зарплаты не дают. Получается, все живут в том же Гулаге. Только без колючей проволоки. Рабы переходного периода. Кошмар!

Между тем миллионы, десятки миллионов долларов таинственно исчезают, проваливаются в тартарары коммерческих бандитов, обескровливая Казахстан на глазах его бесправных граждан. И это делается не сегодня, а уже несколько лет подряд, пока Верховный Совет хлопает ушами, раздираемый мелкими склоками, и автоматически голосует, не вникая в суть, за бюджет 92, 93, 94 годов. Не знаю, найдутся ли силы в нашем обществе, чтобы положить конец этому произволу и беспределу?.. Не ведаю, есть ли такой контроль, который мог бы рыцарей наживы взять за ушко да и на солнышко?

29 ноября

Посол Венгрии Иожеф Торма (симпатичный человек, видный тюрколог) прислал презент – фотографии, ксерокс своей статьи и бутылку вина. Посол Индии приглашает завтра на обед. На заседании Президиума по госпремиям восстановили в списке три фамилии. Это как бы неуважение к Комиссии. В Чечне вовсю идёт кровавая бойня. Ещё один Карабах. Или Афганистан. Или Таджикистан. Министр юстиции Казахстана приостановил действие казачьих объединений. Не надо было регистрировать. Теперь и здесь будет напряжёнка.

30 ноября

Приём у индийского посла Комалеша Шарма. Были индийские писатели. С некоторыми малость беседовал. Незнание английского связывает по рукам и ногам. Хорошо что Шарма (кстати, весьма обаятельный, милый человек, под стать ему и его вайф) говорит по-немецки. Он был последним послом в ГДР. «И первым в Казахстане», – улыбнулся он. Дружеский, приятный был обед.

6 декабря

Абишу сегодня 55. Поздравители толпятся в его приёмной.

Два часа с лишним обсуждали бюджет. Печальная картина. Не бюджет, а слёзы. О бюджете 95 года ещё и речи нет. После обеда выступил по этому вопросу в Комитете. Постановили, чтобы я выступил на пленарном заседании.

7 декабря

Шумели впустую в парламенте весь день. Пустой, бездарный день. Обмусоливали закон, явно негодный, неработающий. Положение в Казахстане ухудшается. Вопят жители малых городов. «В Жанатасе уже собак не осталось», – заявил Олжас. Бюджет даже не обсуждали. Депутаты требовали премьер-министра и Президента. Первый скрывается: то ли болен, то ли в Москве. Второй в Будапеште. Депутаты, нагруженные горестями и бедами народа, шумят-галдят, будучи сами обездоленными, ибо у многих нет квартиры, нет газа, нет малейших житейских удобств. Да и с машинами туго: у Щеголихина, Шерхана и меня одна общая машина. Не развернёшься. Друг другу мешаем. Шерхан, чем-то недовольный Алтыншаш, ушёл в другой комитет.

9 декабря

Я уже собрался было домой, как зашёл помощник Абиша. Нужно срочно ехать в аэропорт. «Ия, что случилось?» Надо Чингиза встретить. Выяснилось, что Айтматов летит из Анкары, собирается в Бишкек. Абиш встречать не может: ему вместе с Президентом нужно открывать памятник аль-Фараби. Потому делегирует от Верховного Совета меня, Алтыншаш и Уалихана. Потом уже в аэропорту присоединился Эбе, чуть позже подъехал Калтай. Радостно встретили Айтматова. Он, как всегда, был мил, общителен, обаятелен, учтив и внимателен. Обняв и расцеловав меня, тотчас сообщил, что книжку мою («Гёте и Абай») получил, поздравил с 60-летием, сказал, что тотчас отбил Нурпеисову факс, но у него что-то не сработало. В Зале приёмов был накрыт дастархан. К нам присоединились посол Киргизии в Казахстане с женой, посол России в Киргизстане и посол Белоруссии в Киргизии (оба летели в Урумчи). Застолье умело вела Алтыншаш, пили коньяк, закусывали и говорили витиеватые речи. Потом подоспели на машинах встречающиеся из Киргизии, посетовав на плохую дорогу через Курдай. Кое-кто уехал восвояси, а мы отправились провожать Айтматова. Возле Каскелена остановились, на капоте машины расстелили дастархан с коньяком, но чувствовалось, что Ч.Т. мёрз (был он в расстегнутой сорочке, без головного убора, в каком-то балахоне). Походил-походил, достал из чемодана свитер, тут же на морозе переоделся, достал откуда-то европейскую кепочку. От мороза лицо его пошло пятнами. Аллергия, пояснил он. Что-то он стал беспокоиться: день на исходе, впереди перевал, скользко. Задерживался где-то посол Киргизии. И я уговаривал-поторапливал жигитов (явно разогревшихся коньяком), чтобы отпустить гостя.

Получились тёплая встреча и сердечные проводы.

У Ч.Т. на днях день рождения. А едет он баллотироваться в верхнюю палату Верховного Совета. Говорили о его романе, он пожалел, что не прихватил с собой один экземпляр для меня. («Дома у меня экземпляров тридцать»), говорили о моем ордене «Парасат» и «Отан» Әбе. Ч.Т. показал любопытный знак на лацкане пиджака – какой-то иностранный высокий дипломатический орден. Беседа была искренняя, доверительная. Рассказал он и о Курултае писателей Турции. Нурпеисов поведал о совещании ПЕНовцев в Праге. Алтыншаш говорила о совещании ОБСЕ в Будапеште.

Возвращались на машине Алтыншаш. Говорили о возможных лауреатах Госпремии. Алтыншаш поразила своими организаторскими способностями, умением вести беседу, направлять разговор в здравое русло, деловой хваткой. Владела ситуацией, не упускала возможностей навязывать мужикам свою волю, как-то ловко и исподволь обрабатывала собеседников для каких-то дальнейших своих целей и расчётов. Талант, ничего не скажешь! Вожак! И себе на уме. И в обаянии не откажешь.

10 декабря

Вечером отправился, как корова по льду, в Оперный театр. Было начальство, молодежь. Две трети зала набралось. Президента не было. Из высшего эшелона были Абиш и Есимов. Речь произнёс (вернее, прочитал) Әбе. Очень старался. И получилось неплохо. Зал слушал и даже аплодировал. Потом был концерт. Весьма посредственный. В конце Нургисса со своим оркестром малость оживил зал.

13 декабря

В 16.00 Президент принял около 200 человек литераторов и деятелей искусства – художников, артистов, композиторов, киношников. Произнёс речь. Всех объявил Президентскими стипендиатами... При выходе вручали каждому конверт с 6 тыс. тенге. С речами выступили Нурпеисов, Серкебаев, Бахтыгереева, Андриасян. Оглядел я стипендиатов. Много 80-90-летних. А Звереву 98 лет! Есть и такие, которым под пятьдесят.

14 декабря

День был праздничный: во Дворце Республики отметили 100-летие Т. Рыскулова, С. Кожанова, С. Сейфуллина, И. Джансугурова, Б. Майлина – пяти великих казахов. Президент произнёс обстоятельную, содержательную речь. Сказал добрые слова и в адрес репрессированных народов. Упоминал в обойме казахских друзей и меня. В перерыве между торжественной частью и концертом было скромное застолье – президентский чай для членов Президиума. Была добрая атмосфера. И концерт был приличный.

15 декабря

Поднялся в зал заседания ВС, смотрю: жигиты из президентской охраны толпятся. Стало ясно, что к депутатам прибыл сегодня Президент. Всё пошло по-деловому. Президент призвал депутатов работать «не три, а пять дней в неделю», чтобы до Нового года успеть принять четыре закона. Депутаты засыпали его вопросами... Потом рейтинговым голосованием выясняли отношение к трём ключевым вопросам:

- частная собственность на землю;
- два государственных языка;
- судебная реформа.

Голосование это прошло без меня, ибо меня перехватили журналисты из «Азамат-Times». И после обеда на вечернем заседании некоторое время присутствовал Президент. Он был утомлён, то и дело тёр глаза, глядел в потолок, борясь со сном. Несладко ему: каждый день запредельная нагрузка.

16 декабря

Вечером был в Доме учёных, где Желтоксан проводил день памяти – или День демократического обновления. Зал был полон. И осторожность была большая: слонялись омоновцы, охранники, полиция. Зашёл ненадолго Олжас. «Олжас келді, орыстарға жолдас келді», – выразился Тұтқабай. Были Шерхан, Аргынбай, Жасарал, из мэрии, кое-кто из вузовских преподавателей, руководители культурных центров. Неожиданно объявили меня, вытащили на сцену, указали на микрофон. От растерянности я что-то маловразумительное промямлил и от этого чувствовал себя скверно, не в своей тарелке. Получилось глупо, нескладно, неуклюже. Хоть бы предупредили за пять минут... И вообще всё проходило с натугой. Несколько оживил зал татарский ансамбль. Изящно выступили скрипачи из еврейского культцентра. Запомнились корейские танцовщицы.

19 декабря

После обеда заседание нашего Комитета. Оттуда помчались на 75-летие «Егемен Қазақстан». В фойе поймал меня Кадыр, попросил сказать пару слов к его 60-летию. Сказал. Едва зашёл в зал и уселся, как примчались телевизионщики: скажи пару слов о газете. Сказал. Хороший был вечер, приятный концерт. Усталый и больной, еле добрался до дому. Что-то задыхаюсь и в груди тесно.

21 декабря

Весь день просидел на Пленарном. Обсуждали Гражданский кодекс. Двигаемся понемногу вперёд. Со скрипом. Дошли до 32-й статьи. Впереди ещё в 13 раз больше. После обеда приняли Закон о своевременной выплате зарплаты. Но знатоки говорят: Закон работать не будет. Правительство объявило протест и ушло с заседания. Вконец обалдевшие депутаты шумели, галдели, потеряли контроль над собой и проголосовали даже против разумной ратификации договора о помощи. Чёрт знает что!..

22.12.94.

Весь день обсуждали на сессии Гражданский кодекс. И почти весь день Президент просидел с нами. Я глядел на него и думал: вот и он – трагическая фигура. Работает на износ. Радостей совсем мало. Сидит с нами, крикунами, слушает разный вздор, переживает, нервничает... А КПД ничтожен. И что это за доля президентская – за всё быть в ответе, годами нести на себя отнюдь не сладкое бремя ответственности, постоянно быть на виду, терпеливо внимать человеческим глупостям, даже отвечать на них, и при этом не свихнуться, не сорваться?! Странный удел! Тяжкий жребий! Нужно ли это человеку, у которого и без того короток век?! Поневоле становится грустно...

23 декабря

Утром Комиссия по госпремиям собралась у Калдарбека, но тотчас отправились в ВС, где заседали под руководством А. Есимова до 12.15. Не стали обсуждать кандидатуры, а сразу принялись за голосование (правда, до этого выступили с серьезными

претензиями и замечаниями Магауин и Муртаза). Создали счётную комиссию. Меня избрали председателем, Туманбая – секретарём, членами – Кадыра и Орынбасара. Результат: Анес – +20, –3. Далее расположились Дукенбай и Аким – +14, –9. По положению нужно 16 голосов. И как теперь дальше решится – Бог весть.

После этой процедуры, наспех поздравив Алтыншаш с днём рождения, мы спустились в зал заседания. Я тотчас написал записку Абишу о результатах голосования.

Потом ко мне и Шерхану подошёл Президент, попросил, чтобы мы подняли вопрос по самостоятельности религиозных центров в Казахстане, которые должны руководствоваться своим уставом, зарегистрированным Министерством юстиции Казахстана. Это касалось одной из статей Гражданского кодекса. Мы согласились, и Шерхан поднял вопрос. Решили отложить статью на доработку.

26 декабря

За весь день добили-таки Гражданский кодекс. И опять полдня Президент был с нами.

27 декабря

Весь день корпели над Законом об иностранных инвестициях и добили Гражданский кодекс. По пункту 109 я начал разговор, но мое предложение отклонили. Потом подключился Шерхан, набрали 83 голоса (нужно 89). Тут пришёл Президент, и я написал ему записку, а при втором заходе снова поставил вопрос о редакции статьи. Подключился Президент и ещё пять-шесть депутатов. Результат третьего голосования 84 голоса. Тогда подключился Гаркавец. Чувствуя, что мой вариант может не пройти, я подсказал идею Шерхану: вообще снять 109 статью. Шерхан мгновенно всё понял, нажимая на голос, поднял процедурную карточку и предложил эту идею. Она ввергла многих в шок. До этого Президент уже снял своё предложение (видно, не хотел проигрыша при голосовании). Это был нокдаун. И тут неожиданно включился в дискуссию Куаныш Султанов. Проголосовали за переголосование. 89 голосов! И Марат Оспанов поставил мое предложение в четвёртый (!) раз. Такого ещё не бывало. И набрали, наконец, 92 голоса. Уф-ф!

Потом, у ёлки, и Султанов, и Президент, и другие поздравили меня за упорство и настойчивость. Новогодний вечер был хорош. Но уже в 7 вечера мы с Щеголихиным ушли.

28 декабря

Сегодня работали последний (в этом году) день в Парламенте. Работали очень напряжённо. Кое-что успели под занавес. Завтра депутаты разъедутся по областям. Каникулы до 19 января. Дни пролетят быстро. Мне нужно за это время «добить» две книги – об Абае и Нурпеисове и физически немного привести себя в порядок. А то чувствую, вот-вот развалюсь.

29 декабря

Президент вручил Госпремии – Анесу и Сабиту (актёру). Дукенбая и Акима не утвердил. Для Дукеша это жуткий удар. Третья попытка, и опять сорвалось. Несправедливо. Дукенбай и писатель, и трудяга. Держится не всегда солидно. И это ему сильно вредит... Жаль.

30 декабря

Утром позвонил Анес. «Премию получил, теперь надо же её обмыть. И зачем это дело оставить на будущий год? Не так ли?!» Ну, вечером и обмыли премию Анеса. Отличная компания. Толен и Дулат отменно солировали в роли тамада.

31 декабря

Последний день 94-го. Очень насыщенный событиями год. Много хорошего было.

Единственный удар, единственное горе – уход мамы. И потерю эту я чувствую постоянно.

...Кабдолову присвоено звание «Народный писатель Казахстана». Вполне заслуженно!

Друг детства Салим Курмангужин через посла Венгрии Иожефа Торма прислал из Будапешта бутылку отменного вина.

Я не склонен роптать на судьбу. Нет у меня повода нудить и жаловаться. Ничего дурного о прошедшем годе не скажу. И в новый год вступаю со скромными надеждами. Душевно расположен к тому, что вполне довольствуюсь малым... Prosit, Neujahr!..

1995

1 января

Небо чистое. Светит солнце. Звонит Нурпеисов. «Ты ведь кочевую жизнь казахов не знаешь... Я сейчас старый пёс, отставший от кочевья. Дети на даче. Широка степь и небо беспредельно, а мне и деваться некуда...» Конечно, он это сказал по-казахски.

После обеда зашёл к нему. В огромной богатой квартире он один-одинёшенек. Растерянный, подавленный. Без конца бормочет: «Всё есть, а счастья нет... Всё есть, а ни хрена нет... Всё есть, а ничего нет...» Был у него часа четыре. Уже вечером поплелся домой. Замечаю в последнее время: начинаю при ходьбе задыхаться, немеет левая рука, в груди тесно, сердце будто замирает. Что ещё за напасть?

2 января

Работаю зверски. Хочу максимально использовать каникулы. Ведь 19 го – начало сессии. Опять суматоха, аврал. А чувствую себя скверно. Одышка. Сердцебиение. Возле памятника Чокана никого не встретил: из завсегдатаев (по-немецки Stammgäste) человек шесть умерло, двое лежат с инфарктом, ещё человек пять одряхлели и обезножили. Походил в одиночку, как неприкаянный пёс. Раньше тут гудел Ахтанов, куролесили Ануар, Бердибек, рассказывал партизанские байки Шарипов, громко глаголил о гуннах Дуйсенов... Всё ушли в лучший мир. Печально...

3 января

Война в Чечне продолжается и обретает затяжные уродливые формы. Как выберется Россия из этого позора – не представляю. Боюсь, всё это приведёт к большому расколу в обществе. Катастрофа трагически отразить ся на всех, в т.ч. и на Казахстане. Ужасно это угнетает. Ещё и оттого, что сидишь в стороне совершенно беспомощный.

Зашёл вчера ко мне на работу Бозтаев Кеширим – бывший секретарь Семипалатинского обкома. Мило поговорили. Он создаёт госфонд помощи семипалатинским жертвам атомных испытаний. В фонд Олжаса он не верит. И вообще относится скептически к его трескотне. Подготовил Бозтаев бумагу на имя Кажегельдина, собирает подписи депутатов. Я подписал.

5 января

По слухам, в конце января начинается официально президентская гонка. Кому-то не терпится начинать возню. Но в нынешних условиях, как я понимаю, Назарбаеву альтернативы нет. И, вероятно, до 2000 года его трогать не следует. Впрочем, кто знает... может, и зреет где-то лидер. Но такого среди тех, кого я знаю, не вижу, хотя ко многим амбициозным жигитам испытываю полную лояльность.

7 января

Православное Рождество. А Югославия и Россия воюют. Как посмешище перед всем миром... А ведь такой повод для того, чтобы прекратить бойню. Стыд и срам!

9 января

Заглянул в ВС. Беседовал с Алтыншаш. Она собирается создать партию. Делает ставку на учителей, врачей, творческую интеллигенцию, женщин. Убеждала: без партии нельзя. Уже 25-го намерена провести учредительный съезд. По её словам, У. Жолдасбеков, Сабденов, Муртаза и Ко, якобы, тоже создают партию. Султанов может активизировать ПНЕК... Всё это мне не очень нравится. Вспоминается Абай: «Болды да партия, ел іші жарылды...» Так и будет: раздрай и только. Таким образом, чую, казахи сами себя обескровят. А сами долдонят об единстве. Ай, плохо, плохо...

17 января

Вяч. Костиков, руководитель президентской пресс-службы России, рассуждает в «Ком. правде» так: «Если мы, поддавшись давлению эмоций, поддадимся совету С.А. Ковалёва и отдадим Чечню, то завтра свои претензии на выход из России нам заявят десятки региональных дудаевых. Сколько тогда потребуется солдат и крови, чтобы остановить распад?»

Вот она, логика динозавров! Вот где собака зарыта! Вот он и обнажился, горилла!

...Покидает Казахстан посол Франции г-н Бертран Фессар де Фуко. Я раза два-три встречал его на разных приёмах. Удивительно живой, мобильный, интеллигентный и интересный человек. Жаль, что срок службы его истёк. Рассуждая о президентских выборах в Казахстане, он почти не скрывает своей симпатии к Олжасу Сулейменову. В «Панораме» (№2/95) он говорит: «Не хотелось бы, чтобы с Олжасом Сулейменовым повторилось ситуация, аналогичная той, что имело место с г-ном Абдильдиным, когда пресса активно публиковала компрометирующие его статьи».

Это подмечено точно.

18 января

Вечером позвонил Фитц из Мюнхена. Записал мой «чеченский» текст. Сказал: «Супер!» Хочет дать его трижды в эфир «Свободы», и ещё предложить газетам Германии и Австрии. Я рад тому, что определённо высказался по этому поводу.

19 января

Начало третьей сессии Верх. Совета. Холодно, скользко. Моя машина разбилась ещё во вторник. Договорился было с Щеголихиным, но утром и его машина попала в аварию. Днём пользовался машиной Шерхана. Изнервничался изрядно.

Отозвал меня в сторону К. Султанов, просил войти в рабочую группу по проведению юбилея Абая. Какой разговор? «Куда мы без Абая?» Потом отозвала меня, Серикхана и Тоқтара, Зинаида Л. Федотова: «Ну, что, ребята, в Мадрид поедем?» Оказывается, летим 24 марта на Межпарламентскую сессию (ассамблею).

Вернулся из Европы Әбе. Видел его мельком, сообщил мне на ходу, что привёз от Айтматова его роман на немецком языке «Kassandramal».

20 января

Утром сообщили, что генерал Макашов (для меня отвратительная личность) выиграл у кого-то процесс. Его якобы обозвали фашистом. Выиграл генерал 10 млн. рублей. Я подумал: «Сколько тысяч раз обзывали российских немцев «фашистами» и никто никогда ни одного рублика не заплатил за моральный ущерб».

21 января

В ВС обсуждали нудные законопроекты. Активничали человек 15. Остальные хлопали ушами, в т.ч. и я. Слабо вникал в суть налоговой инспекции и биржи.

Фраза из дневника Василя Симоненко: «Вірнішого і серйознішого побратима, ніж папір, я не знаю». Чую, и я к этому приду.

24 января

Утром по радио сообщили, что генерал-лейтенант Рохлин захватил в Грозном трамвайный парк... И, конечно, генерала Рохлина следует представить к званию Героя России. Шутка ли, трамвайный парк в разбомблённом Грозном захватил. Браво! Завтра, может, ещё какой-нибудь Макашов общественный туалет отобьёт.

...Сегодня объявлено о рождении новой партии. «Партия возрождения Казахстана». Её лидер – Алтыншаш Жаганова. В пятницу уже учредительный съезд.

Пресс-конференция прошла вяло, без энтузиазма.

...На заседании Комитета обсудили Законопроект об Архивных фондах и архивах. Кажется, неплохой может получиться закон.

...Вечером часа два читал «Das Kassandramal». Сплошь публицистика, размышления, зачастую о давно известном (Hitlerstalin oder Stalinhitler). Прочёл 90 стр., пока живых картин, ярких образов впечатляющих описаний, можно сказать, не встретил.

26 января

Нет, не принесут все эти партии благо народу. Народ о них и знать не будет. Они сеют только раздрай. Да и при всём моём сочувствии к Алтыншаш, чудится мне, что её захватил заурядный карьеристский зуд. Карьеризм вообще для меня не симпатичная черта. А бабий карьеризм просто неприятен. Баба-карьеристка – сущая беда.

27 января

Утром на работе минут 20 говорила по телефону ветеран Хиуаз Досполова – участница войны, лётчица, преданная ленинистка, партийка, тоскующая по легендарной и

непобедимой армии, о порядке тех времён, по ЦК, по верным коммунистам типа Кунаева, Шаяхметова. Я слушал её терпеливо, понимал, как ей трудно, старой, никому не нужной, даже снохе и сыну, не воспринимающей весь дух нынешнего времени, весь этот хаос и разлад, жутко одинокой и несчастной. Ей даже печалиться некому, даже сверстников почти не осталось. И никто её не желает слушать. Меня временами тоже раздражали её бессвязные рассуждения, её нетерпимость, приверженность ушедшей эпохе, но я всячески сдерживался. Какая трагедия! Неужели и я доживу до того, когда не только я, но даже мои мысли будут кому-то в тягость?!

28 января

Как бы вышибить эмбрион агрессии и анархии... Ой, боюсь, придётся ещё долго продираться через многие баку, вильнюсы, тбилиси, афганистаны, таджикистаны, чечни. Пока человечество не задавит этот дух войны, пока будет гигантская и уродливая военная промышленность, пока Россия будет штамповать танки, как Запад презервативы – война неизбежна.

1 февраля

Тягомотные посиделки над таможенным кодексом на сессии. Обалдеть! Однако, за день одолели сто статей. Ведёт сессию Абиш – довольно раскованно, уверенно, моментами даже артистично. Моя значимость в этом процессе равна нулю. Сижу, стараюсь вникнуть в рутинное обсуждение, нажимаю на кнопку, а сам всё время думаю о своих литературных делах: надо бы, наконец, составить сборник Абая, выпустить очередной номер «Phönix», написать десяток статей, дать интервью, прочесть нескончаемые рукописи.

В ВС объявились новые депутаты. Один из них, Нуркадилов, даже не войдя в зал заседания, отправился во Францию.

2 февраля

Утром, войдя в зал, заметил необычный ажиотаж. Мелькали министры, охрана, суетились тележурналисты. Оказалось, пришло на Пленарное заседание всё правительство во главе с Кажегельдиным, а потом и сам Президент. Выступили с пустыми речами и рутинными призывами премьер, министры экономики, финансов. Депутаты изготовились к схватке. Но не тут-то было. Абиш вдруг в 11.30, гася страсти, объявил перерыв, и правительство, и Президент тотчас исчезли... Кто кого испугался? Так и остались депутаты в недоумении.

Далее работа не пошла. С горем пополам умучили шесть статей Таможенного кодекса. На вечернем заседании удовлетворили просьбу Зиманова, освободили его от председательства, и тут сразу пошла қазақбайская возня, на его месте вступили в бой сначала пятеро, потом после долгого ора и базара уже восьмеро. И кончили тем, что завтра проведём тайное голосование.

3 февраля

Иногда Парламент превращается в заурядный балаган. Сегодня и голосования не получилось, и с обсуждением регламента ничего не вышло.

В перерыве подошёл ко мне Абиш. Потолковали о том, о сём. К беседе нашей подключились и другие депутаты. Абиш попросил разыскать его «Минарет» для Тамари-

ной. Книгу я разыскал и после обеда пригласил Руфь Мееровну в ВС, поговорил с ней, обменялись книгами, потом отвёл я её к Абишу за автографом, потом выпили на посошок немного коньяку (Руфь Мееровна уезжает в Россию), и я отвёз её домой.

5 февраля

Час гулял у «Чокана» с Кыдырбекулы. Сказал он, что у него две тетради срамных стихов из казахского фольклора.

Прочёл статью о Чехове в «Украинских новинах». Оказалось, он украинец и фамилия его Чех. Об этом он сам пишет во многих письмах и по разному поводу.

7 февраля

После обеда 2,5 часа заседали в Комитете, где рассматривая бюджет, все бюджетники дружно поплакались: всюду плохо – театры закрываются, клубы не действуют, библиотеки рушатся, цирк голодает, артисты по три месяца не получают зарплаты, кино хиреет, памятники культуры заброшены, газеты закрываются, журналы гибнут. Поплакались и разошлись. Никому ни на что не хватает.

8 февраля

В ВС тягомотное обсуждение Таможенного кодекса. Оживились депутаты лишь при обсуждении Закона о своевременной выплате зарплаты, на который Президент наложил «вето». Однако, думаю, что депутаты сами наложат «вето» на президентское «вето». Поделился своими мыслями и по поводу бюджета. Да кому нужны мои мысли, если бюджет дырявый?

9 февраля

Ночью просыпаясь, думаю: где я, что я, как я? Порою ощущаю себя пилигримом, затерявшимся бог весть где. И всё время – с юношеских пор – терзает меня один и тот же вопрос: так ли живу и то ли делаю? Жуткая раздвоенность, которую стараюсь тщательно скрыть и которая терзает, съедает меня. Я не один, не сам по себе, не сам с собой; во мне сидят несколько человек – точно случайные жильцы в коммунальной квартире. И эти люди едва терпят друг друга. И оттого в душе хаос, желанной гармонии нет. И в этом обвинять никого не могу – только самого себя.

...Кыргызы подняли шум по поводу депутатства Чингиза Айтматова. Им бы гордиться, что в их корпусе есть такая личность, а они находят нарушение Конституции оттого, что он уже четыре года живёт в Европе. Да пусть он живёт хоть в космосе, как его космический монах Филофей! Ч. Айтматов из тех, кто всё получил сполна, и всё равно фигура трагическая; он трагичен как художник. Он сам космический монах Филофей.

10 февраля

Алтыншаш отправилась на юбилей Рамазана Тоқтарова, а меня «депортировали» в Комиссию по бюджету. Заседали более двух часов; замечаний по бюджету было сказано много, в т.ч. и резких, нелицеприятных. Обсуждали только доходную часть. И чувствуется, что обсуждение на сессии пройдёт бурно. Скорей всего, депутаты бюджет не утвердят. И опять начнутся конфронтации с правительством; опять начнётся раздражение Президента. И всё это плохо скажется на самом депутатском корпусе.

...Сегодня впервые за двадцать лет прошёл медосмотр. Что-то врачи забеспокоились. Оказалось, давление 190/100. С таким давлением, говорят, работать опасно. А я и не знал. Дали что-то выпить и отправили домой. Вот те раз!

17 февраля

Продолжаем обсуждать нескончаемый Таможенный кодекс. Ох, муторно! В следующую неделю переходим на пятикратное заседание парламента.

После обеда был у меня Карл-Вольфганг Бреннер – директор Дойче-Академи. Сорокалетний приятный человек. По-русски не говорит. Беседовали 1,5 часа. Одна из тем – подготовка к юбилею Абая. Я обеспечил его всеми немецкими переводами. Передал мой рассказ «Berggipfel».

20 февраля

Весь день – сплошное заседание. Целых 9 часов! В перерыве приехал домой ровно на 5 мин. Поел стоя у дверей в прихожей. И поспешил на встречу фракции «Центр» с Назарбаевым. Говорили 1,5 часа. Потом снова в Круглом зале. Приехал одуревший, ни на что не способный – ни читать, ни писать.

Утром от Шерхана узнал: умер Туткабай. В последний раз я его видел в декабре.

21 февраля

Принялись за бюджет. Было правительство во главе с Премьером. Депутаты говорили резко. Никто бюджетом не доволен. С. Абдрахманов лягнул Кажегельдина, тот злобно огрызнулся. Доходов мало, а воров много. Отсюда сыр-бор. И при нынешней ситуации и нынешней психологии надеется на что-либо вообще не серьезно. Очень всё грустно. Проблема – не столько производство, сколько честного, порядочного человека. Разрешение этой проблемы пока не вижу.

23 февраля

В ВС меня поджидал Бреннер. Забрал материалы по Абаю и принёс мне книгу – выступление Айтматова по поводу вручения ему премии Фридриха Рюккерта с речами бургомистра и двух критиков. Книжку я тут же с интересом прочёл. Называется она - Tschingis Aitmatow. Friedrich Rückert. Vorläufer einer neuen Zeit. Весьма любопытно. Каких только премий нет у Айтматова! Мне он как-то говорил, что Общество зоотехников в Германии тоже наградило его премией как коллегу по профессии.

25 февраля

Итак, сегодня в зале Минюста родилась новая партия. Движение СНЕК преобразовалось в партию ПНЕК – Партия народного единства Казахстана. Делегатов было 232 из всех областей. Много приглашённых. Председателем избрали Куаныша Султанова. Первым заместителем С.А. Дьяченко. Бюро из 12 чел. Газета «Время» – «Дәуір». ЦК - 82 чел., в т.ч. и я. Учредительный съезд прошёл прилично. Партия парламентская, центристского толка, пропрезидентская.

27 февраля

Битый час беседовал с юной симпатичной особой из Лейпцига – Kristin Schönfelder. Летом она собирается работать у нас на ТВ (или радио). Интересовалась она составле-

нием книги по литературе российских немцев. Намерена составить книгу и имеются на это деньги, а представления и знания никаких. Keine Ahnung! Составила какой-то List, где смешаны «кони, люди». И умершие, и живые, и прошлый век, и нынешний, и историки, педагоги, журналисты, физики, евреи, немцы, русские – всё и вся свалены в одну кучу.

Я дал несколько советов, предложил консультантов, идеи, дал свои рассказы, обещал дать ксерокопию своего биобиблиографического справочника. Кристин всё внимательно выслушала, высказала заинтересованность и рассуждала довольно здраво. Вызвалась как-то посодействовать в издании моих вещей.

2 марта

Утром в 7 сообщили по радио об убийстве Влада Листьева. Весть мгновенно облетела всю страну. Вечером по ТВ было целое «шоу» с участием Горбачёва, Ельцина, Яковлева и др. Были и весьма острые, разумные выступления – Артёма Боровика, Евг. Киселёва, например. Горбачёв разболтался и получил по заслугам. Ельцин по обыкновению играл в балду, грозился убрать прокурора Москвы. Из этого убийства теперь начнут «выжимать» все: и политики, и мелкие интриганы, и партвожаки, и мафия, и озлобленный люмпен. Москва становится гангстерским городом, а Россия – криминальной страной.

...В ВС весь день долбили бюджет. К концу рабочего дня Олжас вдруг объявил, что у него важное сообщение, касающееся всех. Выпроводили гостей, техническую службу, отключили микрофоны, сели поплотней. И Олжас заявил, что завтра Конституционный суд подтвердит нелегитимность выборов, что ВС разгонят, вся власть будет передана Президенту и только Абиш (Олжас сказал: «спикер») может наложить вето, т.е. пришла пора испытать нашего спикера. Абиш, однако, спокойно объяснил, что не стоит предаваться панике и провокации, нужно до ухода на перерыв обсудить бюджет. Что, дескать, он оптимист, но оптимизм его постепенно убывает, что он уже может допускать какую-угодно подлость, что он всегда ратовал за согласие и взаимодействие трех ветвей власти и что бы ни случилось, он всегда с нами.

Депутаты были сдержаны. Несколько реплик подали Абдильдин Ж., Михайлов, Баранов, Силкина и тотчас разошлись. Но были и явно ликующие по поводу возможной свары. Гаркавец сказал: «Олжасу захотелось малость припугнуть Абиша». Действительно, некоторые решили друг друга попугать.

7 марта

Утром успел сочинить предисловие к есенинской статье Лео Кошута. Потом съездил в Верховный суд к Нарикбаеву, обговорил дело Тенбаева. От Нарикбаева узнал про конституционный суд, который признал-таки ВС нелегитимным. Очередная заваруха, очередная пакость. Каким образом выкрутится из этой ситуации Президент – Аллах весть. Моего ума тут не хватает. От Нарикбаева отправился к Алтынбеку. Он меня успокоил: «И бумага, и всё будет, Гера-аға. Не беспокойтесь, не тревожьтесь».

9 марта

Назарбаев с большой свитой (Есимов, Метте, Штопель, посол Германии, представители из Кабмина) посетили сегодня Немецкий дом. Судя по всему, встреча была конструктивной.

10 марта

День сплошной пакости. В ВС назревает гигантский кризис. Возражение Президента и Председателя ВС, выраженное накануне, Конституционный суд единогласно отклонил (т.е. преодолел). Конст. суд подтвердил нелегитимность ВС. Значит, по всем правилам можно депутатов разогнать. Это уже крупный скандал. С утра в ВС всё бурлило. Самозванная инициативная группа под водительством Олжаса и Серика потребовала созыва чрезвычайной сессии. Депутатам отбили телеграммы. Всех срочно отзывают из округов. Вечером заседал координационный совет. Решено завтра утром провести сессию. Возбуждение большое. Идёт анализ и раскладка сил: кому это выгодно? Кто затевает сыр-бор? Какова роль в этом самого Президента? Чем всё кончится? Какие могут быть варианты? Какие силы – внутренние и внешние – замешаны? Кто как себя в подобных обстоятельствах поведёт? Калейдоскоп политических интрижек. Сильно взбудоражен и аппарат ВС.

Странно: меня всё это особенно и не волнует. Понимаю: интриги идут сверху. И от моей воли ничего не зависит. И, вообще, ко всей этой говорильне я изначально настроен сдержанно, даже скептически. И уж точно знаю: что должно быть, то и будет. А что будет – то уже было. Бог с ней, с политикой. Остаюсь с литературой.

11 марта

Суббота. С утра до 6.30 вечера пробыли в оре на пленарном заседании ВС. Депутатов собралось 146 человек. Все были возбуждены. Ещё до начала заседания помощник Абиша срочно позвал меня к нему. Пошёл. В кабинете Абиша уже собрались Жолдасбеков, Федотова, Султанов, Оспанов, Калматаев, Журсумбаев, Сабденов, Сартаев, Шерхан. Подошёл Щеголихин. Разговор на тему: «Как быть? Что делать?» Вид у многих растерянный. Федотова осунулась. Лицо бледное. Абиш ещё больше потемнел лицом. Нервно перебирал пальцами...

Зал гудел. После регистрации депутаты потребовали Президента и вице-президента. До их прихода было срочное заседание «Центра». Были бесконечные выступления.

Пришёл Президент, выступил. Явно лукавил, недоговаривал. Стало ясно, что роспуск парламента неминуем. И Президент уже всё решил. Если и будет отсрочка, то недолгая. Щеголихин эту мысль выразил. Депутаты по инерции создавали какие-то комиссии, приняли ряд документов. Шумели. Я в 6.30 уехал. Чего шуметь, когда уже всё ясно? Вечером сидел у телевизора в ожидании заявления Президента. Но в 11 лег спать.

12 марта

Утром в 7 часов московское радио сообщило, что Президент распустил Парламент. Меня это не сразило...

В десятом часу позвонил водитель Нурлан и сообщил, что есть проблемы с машиной, что, дескать, его просто не выпускают из гаража. Я решил плюнуть на всё и не идти в Парламент. Узнал, что создана комиссия по трудоустройству депутатов во главе с вице-президентом. От Щеголихина и Гурского узнал, что собрались депутаты у Асанбаева, крепко шумели, орали Галенко и Ко («сволота», «уличная шпана», «суки», «горлодёры» – выражения Щеголихина), потом Ширяев обратился к Абишу, сказав, что депутаты никаких претензий к нему не имеют, а наоборот, за всё благодарят его. И тут

годня знакомая тетка спрашивает: где у меня квартира, дача, машина. Я сказал: ничего этого нет. Она не поверила.

...Поздно вечером позвонил Әбе: по свидетельству Имангали, Президент внимательно просмотрел составленный мной сборник «Абай» и остался якобы доволен. Однако, выразил недовольство по поводу того, что я включил стихи Олжаса. На него, дескать, у Президента аллергия.

24 марта

Уже не депутат, а покоя всё равно нет. Весь день – Ассамблея народов Казахстана. Делегаты со всех областей. Присутствуют все главы обладминистраций. Уйма знакомых. Человек 20 бывших депутатов. В том же зале. Я был записан вторым в числе выступающих, но слова мне не дали. Бог весть, по каким соображениям. Опасаются, видно, что не то скажу. Я даже этому обрадовался, ибо тональность ассамблеи явно настораживала. Я не сразу сообразил, ради чего, собственно, весь этот сыр-бор. Вернее, о том догадывался, но полагал, что ЭТО только грядёт, и не так всё стремительно. Многое напоминало дурные партийные времена. Господа руководители охотно сыграли в старые игры. Самое любопытное, что и публика охотно вовлекалась в это шоу. Долго беседовал с Ахметовым, главой Павлодарской обладминистрации. Гартман сообщил, что мне возвращается моя школьная медаль. Говорил и с Брауном. Дал два интервью: КТК и «Вестям». О разных устройствах депутатов поведал Баранов. Устроились Федотова, Баранов, Баев, Ким, Кузярина, Загипа, Козлов, Гуляев, Кажыбаев, Итегулов, Уалихан, Дымов, А. Садыков... около двадцати человек. В перерыве к нам с Щеголихиным подошёл Президент: «Ну, как вы, бедные?.. Ничего... главное, пишите. Позаботимся о вас. С протянутой рукой стоять вам не позволим...»

...Альтернатива одна: либо пляши под заказанную музыку, либо убирайся восвояси. Или помалкивай в тряпочку. Забивайся в щель и скули тихо, как и прежде.

Весьма вымотался.

29 марта

По Алматы гуляет хлесткая фраза Олжаса: «Для разгона российского парламента понадобились танки; для разгона казахстанского парламента достаточно было одной Таньки». Имеется в виду Татьяна Квятковская.

...Весь день в суете по ПЕНу. Утром, с 6 часов, встречали гостей: А. Ткаченко, Попова, Л. Тимофеева из Российского ПЕНа, двух длинноногих фрау из Финляндии и Дании, одного слависта из Хельсинки. Симпатичные люди. Встречали Әбе, Симашко, я. Вечером в казино «Круиз» провели вечер Казахского ПЕНа. Были 8 чел. из зарубежья, наши – Султанов, Жукеев, А. Сарсенбаев, о. Алексий, посол России, Е. Серкебаев, комп. Толеген Мухамеджанов с женой-певицей, О. Рымжанов и др.

Әбе оказался молодцом. Всё хорошо организовал. И сам вёл себя в высшей степени достойно. Рейтинг его основательно возрос. Попробуй в наше время провернуть такое в 70 лет!..

1 апреля

Звонил М.М. Баранов – завотделом помилования при Президенте. Включил меня в комиссию. Якобы К. Сулейменов сказал: «Если Бельгер согласится, я обеими руками «за». Согласился.

3 апреля

Утром Әбе завёл разговор о переводе его романа. Найду, мол, спонсоров. «Если это не противоречит твоим планам...» Я сразу сказал: «В том-то и всё дело, что противоречит. Пока я не подготовлю пять своих рукописей и не напишу всё, что намерен написать, не могу приняться за перевод». Әбе тотчас согласился: «Конечно, я не могу требовать, чтобы твой скакун постоял, а мой поскакал...» Ясно: я его огорчил, но что делать? С какой стати в 60 лет обрекать себя на подневольный и бесплодный труд? С чего бы это добровольно пойти на каторгу?

6 апреля

Позвонил Щеголихин. Съездил он в издательство и ужаснулся. «Жазушы» умирает. Зарплаты нет, гонорара нет, коллектив разбегается. Книга моя как бы на выходе, но есть опасность, что на этой стадии она и застрянет. Щеголихин говорит о необходимости работать: на пенсии не прожить. Это в 68 лет! Кругом грустно.

8 апреля

Мамашев сказал, что летим на абаевские дни в Москву и Петербург. Спецрейсом. И в правительственной группе. И Щеголихин с нами. Возвращаемся 16-го.

10 апреля

...После обеда – встреча Президента ФРГ Романа Херцога с немецкой колонией в Алматы (именно так – с «колонией» – стояло в программе) и фуршет. И встреча, и фуршет были высокого класса. Уйма знакомых – не менее сотня – казахов, русских, немцев «наших» и «тамошних» из фирм, посольств, разных организаций. Масса бесед, разговоров. Добрый настрой. Весёлый гул. Приятные улыбки и контакты.

...Потом была встреча с Президентом ФРГ в посольстве – «с интеллектуалами». С «нашей» стороны были Нурпеисов, Сагадиев, я, Розе, Перегрин, Масанов. С «той» стороны человек 12 – Херцог, Ваффеншмидт, Брокло, секретари, сотрудники посольств, переводчики. Я сидел напротив Херцога – через стол. Мне он понравился: симпатичный, умный человек, склонный к юмору, говорил чётко, толково. Глубокий, внимательный, мудрый взгляд. Он как-то быстро меня вычленил, говорил, глядя на меня, я кивал, улыбался, иногда вставлял реплики, и это позволило ему в конце сказать, что он мне благодарен за активное участие в беседе, хотя говорить мне так и не пришлось. Как всегда, нудно и тягомотно, совершенно не считаясь ни с обстановкой, ни со временем, ни с другими, говорил Нурпеисов об Арале, о ПЕН-клубе, говорил минут 20, вогнав всех в скуку и тоску своим беспомощным бормотанием. Видно Әбе решил, что Президент Германии специально прибыл в Казахстан, чтобы послушать его. Масанов в конце еле выкроил три минуты. Смысл его горячей речи: этой стране помогать не надо, никаких инвестиций, ибо нет ни рынка, ни демократии. А инвестициями, мол, Германия только укрепляет режим в Казахстане. И пока Херцог весьма осторожно и дипломатично отвечал, иссякло время встречи. Перегрин и Розе даже рта не раскрыли, я же произнёс всего несколько реплик на немецком. С Ваффеншмидтом поговорил уже в коридоре

...Вечером позвонили Иожеф Торма и Фолькер Хорнунг. Немцы показали себя молодцами. А утром был Калмухан. Я помог ему оформить кое-какие бумаги, и он встретился-таки с Херцогом и сказал всё, что считал нужным и передал Президенту ФРГ все бумаги по поводу юбилея Абая.

19 апреля. Москва и Петербург

Были на абаевских днях. Правительственная делегация во главе с вице-президентом Е.М. Асанбаевым – Әбе, Жабайхан, Щеголихин, Мамашев, Днишев, глава Актюбинской администрации Савелий Тимофеевич Пачин, глава Семипалатинской администрации и я. Всю дорогу было весело. Встретили нас на Внуково-2. Почётный кортеж доставил нас в казахское постпредство. Устроились, переоделись и отправились на банкет, данный в нашу честь Казахским посольством. На банкете были прибывшие другим рейсом К. Смаилов, З. Ахметов, С. Кирабаев, Петров, Т. Молдагалиев, Шарбану. Великолепный был банкет.

Потом за мной подъехали Ирина, Петя и Севушка и забрали меня на ночь к себе.

А вечером 13-го провели торжественное заседание памяти Абая в Колонном зале Дома Союзов. Там встретили много знакомых казахстанцев. Я дал интервью для радио и ТВ. И опять всё завершилось банкетом. У всех было приподнятое настроение. Абай породнил всех.

14-го в обед вылетели в Петербург. Взяли с собой Айман Мусаходжаеву. В Пулково нас встретили шумно, торжественно и привезли в гостиницу «Смольницкая». Погода отменная. Едва устроились, сразу пригласили на экскурсию. Многие от усталости залегли спать, а я вместе с Днишевым и двумя дамами, женой и внуком Асанбаева поехали осматривать город, поднялись на «Аврору». Петербург великолепен. Впечатляющ. Дух ликовал.

Потом мэрия дала ужин. Говорились речи. Был подъем.

15-го утром отправились в школу №140. Встреча учащихся и преподавателей школы с писателями. Были Щеголихин, Симашко, Аскаров, Смагулов, Пачин и я, а также журналисты и ТВ. Концерт, речи, фуршет к великому удовольствию школьников.

Вечером прошло торжество в Таврическом дворце. Встречал нашу делегацию Собчак. Правительственная делегация сидела в Президиуме. Блистательно, вдохновенно выступил Жабайхан, удивив и нас, и петербуржцев. Великолепен был концерт. Восторг вызвали Днишев и Мусаходжаева. Межпарламентская ассамблея в конце дала банкет. До банкета дал я два интервью местному радио и ТВ. А на банкете тоже выступил, говорил о духовной связи Абая и Пушкина.

16-го утром отправились в Пушкинский дом на Мойке на научную конференцию. Людей собралось мало – человек 30. Но учёные два часа делали доклады. Из «наших» выступили Ахметов, Кирабаев, Исмагулов, Абдильдин. Изящно вёл конференцию Ник. Ник. Скатов. Кончилось всё опять фуршетом. Оттуда повезли нас в Пушкинский музей. Возложили цветы к памятнику Пушкина. Потом ещё отправились в Дом журналистов на встречу с писателями, журналистами и казахской диаспорой. Вели пресс-конференцию Симашко, Абдильдин, я и Аскаров. Отвечали на вопросы. И опять концерт, и снова фуршет, организованный диаспорой «Атамекен».

Немного отдохнув, отправились на заключительный банкет в Екатерининский зал Таврического дворца. Банкет проводило казахстанское правительство. Было много знатных гостей во главе с Собчаком. Прекрасные речи. Читались стихи. Даже Собчак прочитал стих Дудина и четверостишие Абая в переводе Дудина. Асанбаев прочёл стихотворение Пушкина, Чернов-Дудина. Речи и тосты перемежались с вдохновенными концертными номерами. Это был апогей абаевских торжеств.

Вернувшись в гостиницу, быстро собрались в обратный путь. Накрапывал легкий дождик.

В самолёте Асанбаев организовал богатый стол, а в Актюбинске встретили с хлебом, солью и шубатом. И опять застолье. Мужчин одарили ондатровыми шапками.

В Алматы прибыли в 10 утра. Великолепная была поездка. Мы все были благодарны Абаю, да и дух Абая, надеюсь, не был на нас в обиде.

21 апреля

Встретился с германскими писателями Берндом Ирмером и Экхардом Ратке. Потом были с ними в офисе у Калдарбека.

Едва пришёл домой, звонит Әбе: «Срочно зайди, есть жизненно важное дело!» Оказалось, мои младшие друзья Тасмагамбетов и Коширбаев надумали посадить меня в сектор культуры. Конечно, и они, и Әбе желают мне добра. Но я отказался. Чиновник я плохой. А работать тяп-ляп в моём возрасте неудобно...

22 апреля

До обеда был на курултае казахов. Из-за рубежа прибыло человек 100. Весьма толковый доклад (на казахском) сделал Президент. Заворожил аудиторию. Даже богословов сбил с толку, задав вопрос: «А не смогут ли казахи говорить с Аллахом на своём родном языке? Они же не виноваты, что арабской грамоты не знают». Даже Калтай вклинился в этот спор. Интересно выступали также казахи из Турции, Германии, Ирана, Китая, России. Вообще этот сбор мне понравился, о чём я говорил в интервью республиканскому ТВ.

25 апреля

Неожиданно позвонил Абиш. Спрашивал, что и как. Сам живёт пока на даче, но просит об этом никому не говорить. Болел. Был в санатории. Собрал и отредактировал свою публицистику. Теперь думает: где издать? «Какой толк в писанине?» Видно, одинок и удручён. Обронил фразу: «После референдума...» Интересовался, как прошёл курултай. Я похвалил. «Э, ладно, значит, получилось...» Сказал ему, что многие его спрашивают, ходят разные легенды. «Сам ведь легенды писал, вот народ теперь и о тебе легенды сочиняет». В семье всё нормально, но печаль и одиночества, видно, гложут...

28 апреля

Пригласили меня молодые бастыки: Сауытбек (замзавотделом), Қырымбек (завотделом) и Имангали (зам. Премьера). Почти час обрабатывали меня, приглашая на работу завсектором. Поговорили мило, дружно, с юмором. Симпатичные, давно уважаемые мной ребята. Потом вошел мэр города Шалбай Кулмаханов. Тоже включился в разговор. Был ко мне весьма любезен и сочувствующ. Но я от предложения работать отказался. Дескать, возраст и творческие дела.

30 апреля

Вечером был на концерте «Тамаша». Народу собралось много. Особенно приезжих. Концерт продлился четыре часа. Утомителен и однообразен. Плоские шутки. Аульный уровень. Плохие певцы. Убогие танцы. Адский грохот. Масс-культура. Всё грубо и в лоб. К искусству никакого отношения не имеет. «Тамашой» я насытился на десять лет вперед. Был на «Тамаше» в первый раз и, думаю, в последний.

2 мая

Президент с женой закатили шикарный той по поводу удачного референдума в новой гостинице «Рахат палас». Пригласили, как выразился Президент, «самых близких, самых верных друзей» – 250 чел. Были министры, общественные деятели, бывшие депутаты, коммерсанты, артисты и т.д. Мы – о. Алексий, Симашко, Снегин, Уманов, Нурпеисов, я – сидели за одним столиком в углу. Атмосфера отменная, дастархан обильный. Были речи. Нормальные, длинные, глупые. Искренние и фальшивые. Я не стал выступать, хотя и был запланирован. Слишком много было желающих глаголить у микрофона. И меня это спасло. Не выступил и Гаркавец, и Әбе, и Абдильдин. Жандайшапов-жарапазаншы, аллилуйщиков хватило с избытком и без нас.

Президент был в ударе. Подходил ко всем, беседовал, поднимал бокал, пел, шутил. Вообще вечер был задуман умно, удачно. Поговорил с Федотовой, Сидоровой, Шаловым, Зимановым, Козыбаевым и др. Осмотрели гостиницу, президентский люкс, отдельные номера. Сказка! Из писателей были Нурпеисов, Щеголихин, Симашко, Сафуан, Магауин, Туманбай, Оразалин, Оразалинов, Абиш, я, Эрлих, Снегин. Великолепны были артисты.

Вернулся в 11-ом часу. Тотчас позвонила Кармазина. Оказывается, 13 мая Султанову 50. Нужно срочно сочинить приветственный адрес.

9 мая

На военный парад я не пошёл (физически трудно), а отправился на торжественное заседание во Дворце республики. Было всё величаво. Ветераны, увешанные орденами и медалями, недоуменно косились на мой орден «Парасат». Им он не знаком. В конце, уходя, Назарбаев увидел меня во втором ряду, улыбнулся, протянул руку, поздравил, вслед за ним пожала руку вся его свита – Асанбаев, его жена, генералы Баекенов, Нурмагамбетов, Кажегельдин, Есимов, Соболев, Мамашев, Бижанов, кто-то ещё. Ветераны и вовсе вытаращили глаза. Кто, мол, такой? В президиуме из писателей были Кайсенов, Снегин, Нурпеисов. Хороший доклад сделал Президент. Правда, ветеранам не все было по душе. Когда Президент сказал, что мирное время мы проиграли и третью мировую войну тоже, кто-то возмущенно выкрикнул: «Не надо об этом!» Но охранники быстро выдворили возмутителя спокойствия из зала. А вообще праздник везде и повсеместно отмечен грандиозно и щедро. И ветеранам грешно жаловаться.

13 мая

Во мне накопилось слишком много прошлого, о чём никому не поведаешь. И когда смотрю на ночное небо, я чувствую себя космическим монахом Филофеем из последнего романа Айтматова.

...Долго рассматривал фото-альбом о Томасе Манне. Какая жизнь! Какая работа! Какой дух! А какие условия и возможности! И я с тоской подумал, что для того, чтобы застеклить три балкона и сделать ремонт в квартире я должен работать лет десять. Книги не издаются. Гонорара нет. За газетные статьи ныне вообще не принято платить. Телевизор дышит на ладан. Холодильнику более 20 лет. Книги ставить негде. Рукописи лежат грудой на полу. Все накопления отобрало государство. Возраст 61-й год. Перспектив никаких. И работал всю жизнь. И кругом пусто. Всё это, понятно, не стимулирует. То, что процентов 75 наших горожан живёт ещё скуднее, разумеется, не утешает. И вырваться из этого средне-скудного состояния никак не возможно при нынешнем положении, работай ты хоть на трёх-пяти местах. Унизительно всё это.

18 мая

Прошёл ровно год, как ушла от нас мама... С потерей – что делать? – смиришься, а в душе по-прежнему горько, и сердце скорбит. Покоится депортированная из родного Мангейма моя мать, пережившая все несправедливости и пакости лживого бытия, на ташкентском кладбище рядом со своей рано скончавшейся дочерью, моей сестрой. А дальше что? «Аяғы дүниенің ырың-жырың...»

20 мая

Вечером был на премьере спектакля Немецкого театра – постановка Бреннера по стихам Абая. Нечто совершенно невообразимое! Такие режиссерские выкрутасы, что волосы дыбом. Под музыку заграничных шлягеров на сцене происходит самый вульгарный, извращенный секс, наркоманы делают себе уколы, кто-то выкрикивает на дурном немецком языке какие-то обрывки абаевских строк. Группа с тягомотными паузами (в такт вялого полового акта) выдыхает минут пять слово: «аксакал», да ещё с мягким немецким «л», звучит древняя буддийская музыка. Вообще, чёрт знает что. Так немец Бреннер воспринял Абая. Бедный Абай! Еле досидел до первой паузы. Высказал свое возмущение директору театра. Жуткое впечатление. Ужасно жалею, что пришёл.

23 мая

Заседал в Комиссии по помилованию. Боже, сколько в человеческой природе мерзопакости! Ужас! Рассмотрели уйму дел. Вёл К. Сулейменов – чётко, по-деловому. Ген. Баранов пригласил меня с Шаловым к себе, угостил чаем, побеседовал. Мужик серьёзный, толковый, знающий.

28 мая

Вернулся из Павлодара с абаевской конференции. Всё было организовано на высоком уровне. Были делегаты из Караганды, Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Павлодара, Горного Алтая, Омска. Отношение ко мне исключительно внимательное, доброе. Вместе с философом Гарифуллой Есимовым много выступали по радио и телевидению. Выступали и в прямом эфире. И записались впрок. Я дал в общей сложности пять интервью – получасовые и по 15 минут. Съездили также в Актогайский район. Побыли на могиле Естая-акына. Были на лоне природы, на берегу Иртыша, в местечке «Қызыл суат». С удовольствием походил с Назарбеком Канафиным по степи. Полынь. Ветер. Солнце. Благодать!

Были в гостях у Альмишева Улана, сына Хамзы, внука Альмиша, с которым мы жили в совхозе Ленина огород в огород. Он – директор совхоза, кандидат наук. Приятная была встреча. Сюрприз! И миловидная жена – Алма. Дух Абая как-то всех объединял и возвышал.

31 мая

В «Казправде» вышла моя статья – «Сеющий подозрения пожнёт горькие плоды». И тут удивил меня Фёдор Трофимович Моргун – личность легендарная. Он здесь в гостях у Амануллы Рамазанова. Попалась на глаза ему моя статья, загорелся, разыскал мой телефон, позвонил, просил о встрече. Разговор по телефону получился добрый, открытый, душевный. «Сколько вам лет, Карлыч?» – спросил он. И на мой ответ заметил: «Ну, почти ровесники. Мне 71» Обещал дать свои книги.

8 июня

В 11 часов был в Германском посольстве. Но встречу депутатов Бундестага со мной отложили на 11.30, и я полчаса беседовал с сотрудниками. Депутатов оказалось 8 человек плюс посол Бракло, Зонненхоль и Патриция. Я рассчитывал на полчаса, но депутаты были активны, задавали вопросы (я иногда их провоцировал, эпатировал), и беседа продолжалась 1,5 часа. В конце все дружно постучали костяшками по столу. Бракло поблагодарил. Зонненхоль предупредил, что 14-го встречаемся по театру вновь.

10 июня

Утром повезли меня в Каскелен. Было туманно, пасмурно. Моросил дождь. Почти час колесили по городу, подбирая Бикен Римову, артистов Ашрали-Торгун, Жумагали Исмагулова, заехали в Аксай за Гарифуллой Есимовым и Бейбитом Сапаргалиным. Там в клубе Каскелена, подошёл архитектор и поэт Саин Назарбекулы (друг и земляк Абиша), автор ряда уникальных памятников в Жидебае. Там же были посол Турции с женой и сыном, советник-посланник Соколов В.А. с женой-армянкой, посол Украины Виктор Васильевич с женой-учительницей – все милые, открытые, приятные люди. Был также зам. главы администрации Едиге Жунисбеков. Провели научно-практическую конференцию, выступили Гарифолла, Жумагали, я, Б. Римова, Б. Сапаргалин, Соколов и Богатырь. Были концерт, застолье. Еле вырвался в 4.30.

Всю дорогу в автобусе и на концерте беседовали с Бикен-апа. Умница, общительная, с хорошей казахской речью. Обо мне сказала: «Половина твоей крови кипит по-казахски, половина – по-другому». Гарифолле, послу Турции и мне подарили по чапану. Бейбит подписал мне свою книгу «Кунанбай-кажы», Саин Назарбек – свой сборник «Парыз», Гарифолла – исследование «Хаким Абай».

А вечером был на свадьбе дочери Сарсенбая. Жених-таможенник. Были немцы, бельгийцы, англичане, итальянцы. Много «крутых» казахов. Их бог – акша. Нарождается новый тип казахов. Даже антропологический тип меняется.

13 июня

Утром зашёл молодой казах и пригласил меня на сбор христиан в какой-то кинотеатр. Сказал: Бог вас любит. Много казахов принимает христианство.

...Сегодня хоронили Мухамеджана Каратаева – тихо, скромно, незаметно. Добром, можно сказать, никто не упомянул. Человек ложных ориентиров и сомнительных нравственных достоинств. И хотя и был академиком, лауреатом, народным писателем – авторитет был невелик. И сам был начётчик, бухгалтер от литературы. Жертва режима и тоталитаризма. Конечно, жил он в трудное время.

20 июня

Вчера в Минсоцзащиты получил «Удостоверение пенсионера, получающего пенсию за особые заслуги перед Республикой Казахстан». Заслуги особые, а пенсия – так себе. Потом, стоя у кассы с дряхлыми стариками, грустно подумал: «И ты, голубчик, туда же... Недалеко ушёл».

А сегодня понял: зря ушёл на пенсию. Как получил пенсионную книжку, так сразу и расклеился: с утра схватило сердце, заложило уши, аритмия, давление, бессилие. Сердце ворочается тяжело, иногда как бы проваливается.

И подумалось: вот загнусь этаким образом. В суете, в спешке (всем ведь недосуг) отволокут куда-нибудь в Бурундай, закопают. Через неделю забудут. Скажут: «Бельгер қайтыс болыпты...» «А солай ма? Ол кім еді?» «Да был такой... хромой немец... по-казахски говорил...» «А-а-а... Да, да, слышал. Иногда по телевизору мелькал... кажется, кого-то переводил... статейки кропал...». «Е-е-е... бишара, сорлы... Иманды болсын».

24 июня

Съезд немцев. В первый же перерыв г-жа Бивер подвела ко мне г-на Пёле. Сразу же меня окружили несколько немцев из Германии. Начали было беседовать, но тут же «Хабар» взял интервью на казахском, вслед за тем КТК на русском, потом немрадио – на немецком. С «нашей» стороны весь день присутствовал Т. Жукеев, Штопель, Султанов, Баймухамедов... Я выступил в прениях. В общем приняли нормально, хотя какая-то часть не приняла суть, а то и вовсе не поняла. Тут же выскочил мой давний и неизменный оппонент Шлотгауэр и начал меня трепать за то, что я думаю не так, как он.

26 июня

Утром узнал, что скончался Кыдырбекулы. Инфаркт. На 66-ом году жизни. Ещё на днях гуляли у Чокана. Был он, как всегда, аккуратно одет. Весь отутюженный, при галстуке... Сколько знакомых уже ушли в мир иной...

...Приглашают в Саратов на конференцию немцев-волжан. Вряд ли доберусь. Измотан до предела.

29 июня

В кабинете Асанбаева состоялось заседание Совета Ассамблеи. Коротко поговорил с Ахметовым, Гартманом, Пачиным. Об основных изменениях в Конституции в общих чертах поведал мне Щеголихин. Дома я бегло прочитал Конституцию, сделал кое-какие пометки, получил представление. Конечно, она более сжата, стала чётче, мускулистей, сняла несколько раздражающих моментов.

1 июля

Полдня читал материалы по помилованию. Читать это мерзко – убийцы, садисты, каннибалы, воры, насильники. Сколько же мерзости напихано в двуногой твари!

...Вечером за мной заехали Лариса Захарова и freitag (он пишет свой псевдоним с маленькой буквы). Отправились в Немецкий дом, и часа два я знакомился с их переводом абаевских слов на нем. язык. Перевели они, понятно, с русского (Лариса немного кумекает по-казахски) старательно, прилежно. Придраться, конечно, можно ко многим местам, особенно если танцевать от оригинала, но в общем труд проделан немалый и опубликовать его можно. Я вначале был излишне строг и ворчлив, но потом смягчился. Знаю ведь, что значит переводить Абая.

4 июля

Утром отправился в Дом Парламента и заглянул к Абишу. Он удручён, подавлен, глаза красные, вид утомлённый. Своим нынешним положением недоволен. Все как-то неясно, неопределённо. Хоть он и госсоветник, но в советах его Президент вроде не особенно нуждается. Какая-то игра в кошки-мышки. Ругает Абиш Кортни, Россию,

окружение Президента, близорукость бизнесменов, продажность российских ставленников. Обеспокоен будущим Казахстана. Считает, что мне нужно непременно баллотироваться в Парламент. «По крайней мере преградить дорогу одному дураку». Сам же себя считает связанным по рукам и ногам. Беллетристикой сейчас заниматься не время. Есть задумки по историософии. Нынешние историки его также раздражают. «И они звёзд с неба не хватают». Обнялись на прощании.

...После обеда заседали в Комиссии по помилованию. Десятерых отпетых убийц и каннибалов приговорили к смерти (точнее, отказали в помиловании, а решение-то за президентом). Гадко всё это читать, слушать и обсуждать. У меня сердце ёкает от всего этого.

...От звонков голова пухнет. И Ассамблея, и горадминистрация так и норовят меня задействовать в свои бесконечные мероприятия.

9 июля

С горечью и болью рассмотрел таблицу эмиграционного процесса в Казахстане. В прошлом году покинул Казахстан около полумиллиона человек. Положительное сальдо (знак плюс) только у казахов. И то за весь год чуть более 5 тыс. человек. Я понимаю: это брошенные, полубольные дети южан и аульных девиц, забеременевших в городе. У всех остальных народов – русских, украинцев, немцев, белорусов, татар, уйгур, азербайжанцев – знак минус, т.е. уезжающих больше, при том по сравнению с 93-м годом в среднем в два раза. Очень тревожный симптом.

...Поскольку в истории казахов есть «Есім салған ескі жол» и «Қасым салған қасқа жол», то Сафуан полагает, что есть смысл внедрить в сознании людей «Нұрсұлтан салған нұрлы жол». Нет конца благоглупостям!

12 июля

Главная сенсация дня: конституционный суд признал (шестью голосами против четырёх) проект назарбаевской конституции недемократическим. Вот это фортель! Целый букет недостатков обнаружил конституционный суд: дескать, и прав человека меньше, чем в предыдущей, и толкование отношения властей неверно, и президентская власть преувеличена.

Для меня это очень неожиданно. От конституционного суда, который поступил с парламентом абсолютно подло, такой прыти никак не ожидал. Неужели он решил таким образом искупить свой грех? Как бы ни было, это неожиданный удар по Президенту (и вряд ли он это ожидал) и к тому же это обстоятельство весьма сильно активизирует оппозицию. И так газеты печатают большое число негативных отзывов. Словом, следует много пакостей.

30 июля

Две недели пробыли в Ташкенте. Читал, писал, помогал по хозяйству, ездил на кладбище, заказал матери памятник. Отец показал все свои папки с документами и вырезками и свой «чёрный ящик» со своим скромным богатством – личные книжки, монеты, часы, разный шурум-бурум, медали, значки. 86 лет, но держится хорошо, хлопочет по дому, возится в саду, пьёт свой чай из семи трав. Конечно, одиночество его гнетёт. Остальные живут кто как. А, скорее, плохо. Кто-то навострился в Россию, кто-то в Германию. Уныние и бесперспективность.

4 августа

Все эти дни по 10-12 часов корпел над переводом доклада Президента. Сегодня до обеда закончил. Получилось, кажется, прилично. Правда, по опыту знаю: за день-два Президент внесет коррективы. И тогда придётся кое-что переделать. «Думаем, что процентов девяносто сохранится», – сказал Сауытбек. Как бы ни было, свалил и эту работу. Одолел, хотя и с напряжением.

...Раза три звонили из Президентского аппарата: хотят меня 13-го отправить в Петропавловск в качестве агитатора за конституцию. Очень не хочется. И физически трудно, и времени жалко, и проку от моей агитации никакого.

Звонила Наталья Ольденбург из Москвы: приглашает на заседание рос. нем. учёных на 20-ое. Где силы и время?

Объявился неугомонный герр Хорнунг. Собирается в Бишкек по приглашению Айтматова на празднество «Манас».

Вечером позвонил Тасмагамбетов. Любезно поинтересовался моим здоровьем и сообщил, что «Құрметті қонағымыз есебінде» приглашает меня на той в Семипалатинск.

9 августа

Утром готовили речь Әбе на банкете. На разных клочках он записал какие-то фразы-заготовки и из них мы компоновали речь. Дня два он над этим работал. Без конца спрашивал: «Қалай? Дұрыс шықты ма?» Читал и раз. И два, и три. «Қалай? Президента я правильно представил? Достаточно? Или надо усилить? Или вот в этом месте ещё раз сказать: «Уважаемый Президент»?

Я и раз, и два, и три, и десять раз всё уговаривал, утешал его: «Всё правильно. Хорошо. Лучше как ещё сказать?»

Наконец, успокоился. Съездили в СП. Гульсум отпечатала его двухминутную речь на листочках продольно, как он любит. И опять: «Посмотри-ка ещё раз. Может, ошибки есть? Может, усилить двумя-тремя словами...» И по дороге, сидя за рулём, он только и думал о том. «Е-е ладно. Я ведь писатель. Прочту по бумажке...» «Конечно. Так и сделайте».

Вечером на банкете я наблюдал с балкона. Президент и его гости сидели внизу, и нам с балкона всё было видно, как на ладони. Едва усевшись за стол, Әбе опять лихорадочно начал читать свою речь. И при этом губами шевелил. Уже и Президент выступил. И вице-президент. И Фредерико Майор. А Әбе всё читал и читал свою речь, потом попросил у соседа ручку что-то поправил в тексте, потом подошёл к Айтматову, потом через весь зал отправился ещё к кому-то... Потом я уехал с банкета. И выступил Әбе или нет – так и не знаю.

На торж. заседании во Дворце республики Президент зачитал текст Абиша и в конце явно устал от мудрёных фраз и сложной непривычной лексики. Мой перевод передавали по наушникам. Хорошо выступили Ф. Майор и Акаев. Скверно – Яров. В духе партийных времён – Гейдар Алиев. Он дважды говорил – на банкете и заседании, и оба раза – пусто, старомодно. Было неловко за него.

Я дал интервью киргизской газете. Потом – каз. радио. Давал автографы. Беседовал с разными людьми, в т.ч. с интересной личностью из Германии – Бекмурзой Хаитом. Говорили по-немецки.

А Ирине сегодня 36, и отмечает она свой день рождения в Мадриде.

13 августа

В Семипалатинск прилетели часов в 12. Долго, нудно устраивались в сан. «Строитель» в сосновом бору. График, план были поломаны с самого начала. Сразу же случился сбой. И мы, большая группа писателей, учёных, артистов, были предоставлены сами себе. Казалось, о нас забыли. Даже ужинали глубокой ночью. Даже с вручением папок возникла неразбериха.

В седьмом часу следующего утра, опять перепутав списки и автобусы, отправились в Караул-тобе. И там нас никто не встретил. Долго мытарили, не зная, кого в какую юрту определять. Какой-то чиновник, не узнав космонавта Аубакирова, заорал на него: «А ты чего приехал?! Я тебя звал?!» Некоторых из гостей вообще не было в списках. Симашко взмолился: «Герольд, меня не бросай. Я буду с тобой». Меня узнали, повели в какую-то юрту, где уже было человек 25. Всё внимание высшего местного начальства было переключено на Президента, Федерико Майора и акимов, все остальные – академики, писатели, общественные деятели – оказались не нужны, сбоку припёку.

Затеяно всё было грандиозно; средства затрачены колоссальные, а организация ни к чёрту. Всё бестолково, беспомощно, глупо, несуразно, показушно. Конечно, и скачки, и концерты, и борьба, и 500 юрт, и еды-питья – всё было, вдоволь, с лихвой, но организовать эту массу было сложно, а мелкое начальство думало об одном: как бы что-то урвать в суматохе.

Огромный бардак! Многие были унижены, раздражены, оскорблены, разочарованы. Накладки происходили на каждом шагу.

Даже обратный путь был омрачён тем, что самолёта не было. Несколько часов томились в аэропорту. Спецсамолёт куда-то угнали по коммерческим делам. После ругани и скандала, после крика и томления вконец измученные, усталые, грязные, многие под хмельком сели, наконец, в самолёт и прибыли в первом часу ночи в Алматы. Аким Тарази хорошо выразился: «Нет, на 200-летие Абая я уж точно не поеду!»

Так закончился той великого Абая, к которому так долго готовились и на проведение которого убухали столько средств. В личном плане у меня никаких претензий. Ко мне отнеслись хорошо. Однако, в организации тоя было много изъянов. Слишком много народу, слишком много мероприятий, но мало согласованности, гармонии, да и Абая. Абая мало, а начальства много.

14 августа

Из отдела помилования прислали документы – 12 убийц и 10 других осуждённых. Читать это страшно. Только диву даёшься, сколько в человеке дряни и зла. Читая всё это, можно ожесточиться.

18 августа

Отцу сегодня 86. И он одинок. В чужой среде. Нет рядом никого, кто мог бы с ним поговорить... Наверное, и меня ждёт в будущем такое одиночество.

...Вечером включил телефон и узнал, что умер Сабырхан Асанов. Хороший был поэт и приятный человек. Когда-то, работая в «Жұлдызе», сидели в одной комнате. Год назад похвалил его поэтический цикл, и он разволновался, звонил. Помню его стихи об Аскаре, об Оралхане. В стихотворении о последнем он говорил: «Нас «ханов» было немного, теперь остался я один, но скоро и я вас догоню...» Под «ханами» он имел в виду Оспанхана, Оралхана и себя – Сабырхана... Он года на два-три моложе меня.

21 августа

Понедельник. Хоронили Сабырхана. Панихида проходила в Союзе писателей. Народу было немало, но главным образом – казахи. Из инородцев я был один. Стоя в почётном карауле, глядя на Сабырхана, которого знал 31 год, слушая плач его жены и родичей, я невольно прослезился, представив, как в свой срок и мне так лежать, и буду я одинок, кто будет меня оплакивать? Будет Рая сидеть растерянная, тоже одинокая, может, Ирина или кто-то из сестёр, плакать они будут про себя, постоят казахи-друзья, немцев уже почти не будет, а русские и не придут, отвезут меня на раздрызганном казённом катафалке, зароют, далеко-далеко за городом, а на другой день и вовсе забудут. И на кого сетовать? На кого обижаться? «Өлдің, Мамай, – қор болдың...»

...В обед съездил с Әбе к Хорнунгу и его спутникам в бывшем Доме отдыха ЦК. Поговорили с Хорнунгом. На прощании он сказал: «Alles Scheiв. Die Politik, die Ökonomik, die Ökologie – alles ist Scheiв. Aber wir sind doch keine Idioten und dürfen das Mut nicht verlieren».

Потом съездили к Сужикову-старшему выразить соболезнование по поводу кончины Марата (его сына). Приехал измочаленный от всех этих печалей. Әбе сказал: «Остались мне два мероприятия – на свадьбы ходить и на похороны».

25 августа

Дали сегодня Айтматову звание «Народный писатель Казахстана». Вот теперь он полностью сравнился с Альжапаром Абишевым и Турсунхан Абдрахмановой. Глупостям предела нет. Сколько этих званий, премий, наград и титулов у Айтматова – наверняка – наверняка два-три корджуна. Как же без всего этого обходится Лев Толстой?

1 сентября

Совсем худо: убивает давление – 196, 204. Ужас! Утром звонил Әбе. Ему тоже плохо. А ему надо лететь. Звонил с дрожью в голосе. «Это... Бывают же люди, умирающие в пути». И коротко рассказал, какие заботы гонят его в путь. Памятник Тахави: «Нужно отдать последний долг». Родственников не осталось. Нашлась могила матери. «Надо поставить памятник». Ещё у одной родственницы две коровы, а кормов нет. Словом, надо в Актюбинск, оттуда – в Челкар, потом – в Аральск... «А вообще-то печально, балá...» И голос его дрогнул... Видно Әбе в плену чёрных мыслей.

4 сентября

Куда ни гляну – всё печально. Иногда кажется , что выпадаю из жизни, что я уже нигде, никому не нужен. Пучок травы, прилепившийся к колесу арбы. Вот-вот отцеплюсь, отвалюсь...

Читал Канта. В предисловии к «Критике чистого разума» он замечает, что он уже состарился, что ему 63 года и потому он должен быть бережным со временем, если он хочет достроить свою систему. У меня, слава Аллаху, системы нет, а закончить кое-что хотелось бы...

5 сентября

Сегодня якобы в связи с новой Конституцией формально распущены Президентский аппарат, Правительство и Верховный суд. В течении двух-трёх дней всё будет сформировано заново. У многих из начальства свербит в заду. Мечутся по коридорам

президентской резиденции. Все замерли: кого оставит Президент, а кого – задвинет. Слава Богу: меня и ставить, и задвигать некуда. Вечером прошёл слух, будто Олжас провёл конференцию своей партии и объявил, что в Италию послом он не поедет. Шутит, наверное.

7 сентября

НАТО бомбит сербов. Россия шлёт гуманитарную помощь. В Чечне бардак. Московская шатия-братия мутит воду, наслаждаясь предвыборной кутерьмой. Наши чиновники дрожмя дрожат в ожидании: возьмёт их Президент в Акмолу или выкинет за борт. Кое-кто уже наложил в штаны, кое-кто удоволенно потирает руки. Весело!

13 сентября

Вечером позвонил из Казахского посольства в Москве Ермек Алданов: хочет пригласить меня и Әбе на абаевскую конференцию, которую посольство намерено провести совместно с Институтом мировой литературы 15 ноября. Я в принципе согласился.

15 сентября

Сегодня Президент издал Указ о столице Казахстана. Ей объявлена Акмола. В Алматы остаётся резиденция Президента. Для переселения правительственных структур создана специальная комиссия. Создан также для обустройства фонд «Новая столица».

Итак, Рубикон пройдён. Думаю, безболезненно это не пройдёт. Особенно на первых порах. Теперь будет обнародован Закон о выборах. И тут же приступят к выборам Парламента. Выборы – для проформы. В сущности списки давно определены. Сам Президент, едва вернувшись из Китая, отправился в Западный Казахстан. Ничего не скажешь, мобилен, себя не щадит.

18 сентября

Огорчил Солженицын. Выступил в своей манере крайне напористо о положении русских за пределами России, всё нагнетал, драматизировал, обличал, ссылаясь на письма не всегда объективных корреспондентов. Большая часть его выступления была посвящена Казахстану. Сказано им было немало верного, но ещё более – вздорного, случайного. Всё-таки это был взгляд со стороны, а не человека, видящего истинное положение изнутри. Много поверхностного, случайного, наносного. И от такого выступления «в защиту» русских, украинцев, немцев, несомненно, больше вреда, нежели пользы. Он тем самым будоражит общество, тормошит ветхие идеи, гальванизирует их, раздражает казахов, нарушает хрупкое согласие, ради которого так стараются разные слои общества. Лучше бы он не выступал, не касался этой темы, не лез туда, куда его не просят, не мутил воду, не «защищал» тех, кто в его защите и в подобной «защите» по сути дела не нуждается. В настоящее время этим своим выступлением Солженицын оказал казахстанцам медвежью услугу. Это более чем серьёзная оплошность.

...Из Шымкента получил приглашение на конференцию.

22 сентября

Звонил Айткеш Толганбаев – знаменитый в своё время казахский скрипач, потом – «резидент». Хочет со мной встретиться, чтобы вручить свою книжку и попросить отредактировать вторую. На встречу согласился, но литзапись делать не буду.

30 сентября

Опубликован закон «О выборах». Муть несусветная! Мелким шрифтом на четырёх полосах. Надо читать дня два. Я часок полистал там-сям и убедился: сделано всё, чтобы ни один простой смертный, умный, образованный, порядочный человек не прошёл в Парламент. Там могут быть главным образом состоятельные люди, т.е. те, которые могут внести избирательный взнос (30 тыс. тенге без возврата), оформлять уйму бумаг, позаботиться о доверенных лицах, инициативной группе и т.д. Значит, в Парламенте могут быть лишь бизнесмены, мафиози. Вот они-то и будут «заботиться» о народе, они-то и станут его радетелями и благодетелями. Словом, мне этот закон можно и не штудировать. Мне там делать нечего. Нет ни средств, ни сил, ни времени. Да и ради чего? Чтобы сунуть голову в ярмо? Так что вопрос этот отпал для меня сам по себе, и мне стало сразу легко. Буду заниматься литературой и пенсионерствовать.

...Встретился у «Чокана» с Айткешем Толганбаевым. Беседовали час. Человек импульсивный, резкий, с некоторыми манерами былого каторжника. Основательно помят жизнью. Произвёл неплохое впечатление. Рассуждает трезво, хотя и с наскоками на всех и вся. Вручил свою книгу «Исповедь судьбы жестокой» и статью Иосифа Когана «Первая скрипка республики», опубликованную в «Советской культуре». Хотел, чтобы я стал литзаписчиком следующей его книги. Вряд ли нужно мне этим заниматься...

4 октября

Встретился у Абиша с проф. из Оклахомы, редактором «World Literature Today» – Djelal Kadir'ом. Беседа длилась недолго. Хочет один номер посвятить литературе Ср. Азии и Казахстана. Абиш обещал ему статью стр. на 10-12; а мне проф. заказал статью о Нурпеисове – тоже стр. на 10-12. Маленького роста, милый, тихоголосый, лысый турок, родившийся на Кипре, обучавшийся в Англии, живущий и работающий в США. Переводчиком служила у него обаятельная карачайка.

Минут 20 побеседовал потом с Абишем. Настроение его более чем кислое. Будущее неопределенно. Статус госсоветника ликвидируется. Сидит как в изоляции («бүрісіп отыр») в ожидании волеизъявления Президента. А тот ему ничего не говорит, ничего не предлагает. Даже участие в выборах проблематично. Самостоятельности лишён. До пенсии ещё 4 года. Махнуть на всё рукой и уйти на вольные хлеба – невозможно. Нет средств для житья. Видно, взвёл себя Абиш до предела... «Твое положение лучше. Ты привык сидеть дома и работать. К тому же ты не казах...»

Утешить Абиша было нечем. И ушёл я от него с тяжёлым сердцем.

Звонил Дьяченко. Выведывал, намерен ли я баллотироваться в депутаты. Какой там?! Где у меня такие средства?..

11 октября

Прибыл из Москвы. Всё нормально. Хотя ещё более устал. И замучил радикулит.

Много полезных встреч. По линии Союза немецкой культуры добавилось хлопот. Меня назначили экспертом по литературе. Обещал отрецензировать несколько рукописей. И конференция «Возрождение», и съезд трудармейцев прошли прилично. На высоте оказался Дитц. Имел обстоятельную беседу с Генрихом Гроутом. Мужик с завихрениями, но симпатичный. Волевой. Многих прежних активистов немецкого движения уж нет. Укатили в Фатерланд. Беседовал с Шелленбергом, Шмалем, Арнгольдом (Уфа), Бауэром (Гос. Дума), Шлейхером (Алтай), Кноль (Омск), Вильмс (Оренбург),

Ауманом (Москва). Вормсбехер пригласил на Съезд Союза немцев на 25-29 октября. Встретил и режиссера Вл. Мартенса (ФРГ). Рассказал много горького. Познакомился с проф. Игорем Плеве из Саратова. Рвутся наши немцы в Германию, а там они и даром не нужны.

13 октября

Из Москвы позвонил Герхард Вольтер. Передал приветы от Светланы Алиевой и просьбу: срочно написать для Энциклопедического словаря литератур народов России (XX век) обзорную статью о росс. нем. литературе (9 стр.), 12 персоналий, заметку о себе, об особенностях жанра, об учёных и литературоведах. И всё срочно, срочно...

Поздно вечером занесли Концепцию национальной политики. И над этим придётся сидеть всерьёз. А я ничего не успеваю.

18 октября

Неделю, не разгибая спины, сидел за машинкой. Работал до одури, но зато провернул массу дел. И людей принял не менее 20-25. Обалдеть!

Сегодня был в резиденции Президента. Осмотрел Дворец. Восхитительно! Заседал Совет Ассамблеи народов. Вёл Президент. Энергично, уверенно. На повестке пять вопросов. Всё существенны и конкретны. Премии мира и духовного согласия присуждены Федерико Майору, о. Алексию и Абишу. Весьма разумно! Достойные люди!

23 октября

Приехал из Германии Теодор Шульц. Просит сотрудничать с его «Ost-West-Dialog». Обещал писать для него заметки. Позвонил из Москвы г. Мартенс. Рукопись мою отправил в типографию. Ещё звонил Herr Rathke aus Goethe-Institut. Приезжают из Германии писатель и издатель, хочет, чтобы я присутствовал при встрече у Калдарбека и на вернисаже в библиотеке.

4 ноября

В послед. время мне совсем худо. Немеет рука. Сердце. Давление. Тесно в груди. Обливаюсь потом. Еле двигаюсь. Трижды звонил Әбе. Серьёзно обеспокоился моим физическим состоянием. Убедительно и долго внушал: надо лечь в больницу. Надо спасать остаток здоровья. Сказал: из надёжных друзей его остались лишь я да Калтай. Попросил: не валяй дурака, работай умеренно, позаботься о здоровье, нельзя себя так гробить. Ты, мол, нужен. И любят тебя многие. И среди казахов, дескать, популярнее тебя человека нет. Говорил Әбе так, что я аж растрогался. А он закончил: больше на эту тему говорить с тобой не буду...

10 ноября

Позвонил из Союза писателей Берик Шаханов. Оказывается, меня включили в делегацию в Ташкент на форум народов Туркестана. Летим 20-го человек пятьдесят.

...Вечером сообщили, что вчера умер Муслим Базарбаев. Примерно год назад, в такое вот время, он, попросив Әбе остановить машину, поздравил меня с юбилеем и попросил извинить за ту травлю, которую он организовал через «Казправду» против меня, сказал: «Ол заман басқа еді ғой...» («Это ведь было другое время») Был он ко мне несправедлив, да Бог его простит.

18 ноября

Вернулся из Москвы. Поездка была весьма удачная. И конференция (памяти Абая) прошла хорошо, и беседы в посольстве весьма значительны (Таир Мансуров, Ермек Алданов, Рустем Курмангужин, Клара Ешамаева и др.), и контактов было много (С. Алиева, Н. Надъярных, супруги Ломидзе, К. Султанов, Г. Митин, Л. Аннинский, Лейла Бекмаханова, Б. Евсеев и мн.-мн. другие), надарили книги, надавали наказы, даже на работу пригласили (Ф. Кузнецов). Великолепный приём в прекрасном зале. У Ирины ночевал дважды, один раз – в гост. Постпредства.

... Приглашают в Усть-Каменогорск. А ведь надо ещё в Ташкент.

23 ноября

Вернулся из Ташкента с Форума писателей Туркестана.

До Шымкента мы с Әбе в страшной спешке и суматохе добрались поездом, а оттуда облсудья отправил нас на Волге до Ташкента. Устроив Әбе в гост. «Туркестан», я отправился к отцу. И, на ходу попив чаю, мы с ним поехали на кладбище – возложить цветы к памятнику маме. Потом поехали в Посольство Казахстана, побеседовали с Асен Беспаевой и потом с пяти вечера до восьми утра побыл в родительском доме (целых 15 часов!). Утром отправился во Дворец «Туркестан» (шикарно!), где проходил Форум.

Речи в общем-то были дежурные, но концерт и приём в ресторане «Новруз» были великолепны. Вообще узбеки очень старались и всё провели на прекрасном уровне. Вечером, после приёма, часа полтора гуляли возле гостиницы (бывш. Резиденция ЦК КПУ на Шелковичной) – Чингиз, Калтай, Әбе, Жабайхан, я. Интересно рассказывали о разных случаях жизни. Я потом записал кое-какие эпизоды из рассказов Айтматова в блокнот. Он хороший рассказчик. В том я убедился и утром во время завтрака. Потом все разъехались по магазинам, чтобы потратить тысячу узбекских сумов, выданных вчера, а я с удовольствием прогулялся возле гостиницы. Уж больно хорош, по-летнему уютен был день. Тут ещё раз встретился с Айтматовым и Шахановым. Поговорили о том, о сём. Мухтар рассказал об их совместной книге.

Потом зашёл в гост. Адыл Якубов, познакомились, хотя друг о друге давно были наслышаны. Около часу беседовали. Адыл (Адеке называл я его на каз. лад, иногда Адыл-ака) поведал о трудностях и хлопотах Форума, о финансовых мытарствах, о капризах Туркменбаши (делегацию официальную так и не пустил), об упрямстве таджиков, яростно возражавших против самого слова «Туркестан» Потом все вместе (Қалтай, Әбе, Адыл, Жабайхан, я) пообедали. Пока туда-сюда, достали нам обратный билет, оплатили дорогу, довезли в аэропорт. В 12 ч. ночи Жабайхан доставил меня до дому.

24 ноября

Вечером съездили с Әбе на встречу с Тоқтаром Аубакировым в Центральный музей по линии «Мир через культуру». Был хороший концерт. Потом встреча – «Откровение». Тоқтар был хорош, и встреча удалась. Только Әбе был не в духе, смотрел хмуро, уснул, зевал, весь скукожился и уехал, не прощаясь, ворча, бурча, увлекая и меня. Получилось неловко. Что-то в этом вечере Әбе не понравилось, и он весь ощетинился.

25 ноября

Едва сел утром за машинку, как позвонил Әбе: скончался Н.С. Ровенский. Видел я его недели три назад, когда он попал под сокращение (в НАН сократили Отдел рус-

ской литературы как бесперспективный). Переживал он, оказывается, сильно. Умер за письменным столом, работая над статьей о Берденникове. Поехали мы втроём с Симашко и Елеукеновым. Более нищей обстановки не видел: облупленная мазанка. Всё рушится, валится, тесно, мебель 30-х годов, всё обшарпано. Калитка – старая фанера. Жена – глухая старуха, ничего не соображает. Дочь – явная неудачница, нервная, измождённая. Жуткий быт. За стеной тявкает заброшенная собака. Покойник лежал в крохотной комнатушке на старом письменном столе (казалось, вот-вот свалится) со связанными на груди руками – тоже одинокий, неухоженный, заброшенный. Хоронить его не на что. Әбе выделил сто долларов, часть расходов возьмут на себя СП и НАН. Вот уж несчастье для семьи. В следующем году ему исполнилось бы 70. Я его знавал лет тридцать, хотя близко мы никогда не сходились. Знаю его статьи, книги. Критик был неплохой. Иногда задиристый.

Умер и Абу Сарсенбаев, успев несколько месяцев тому назад отметить своё 90-летие. Хороший, добрый, сердечный был старик. И в литературе работал чисто и честно. Знал его 26 лет. Ко мне был внимателен и ласков.

Вечером, превозмогая боль в спине, потащился в немецкий театр на премьеру спектакля «Плутни Скапена». Весёлый спектакль, великолепные костюмы.

26 ноября

Встретился с Сартаевым. «Вы не баллотируетесь?» «Нет, не желаю быть разогнанным в третий раз». А когда сын его фотографировал нас, я спросил: «А опасность разгона может быть?», Сартаев решительно ответил: «Несомненно! Теперь это проще простого».

Вечером позвонил Мурат Ауэзов. Намерен создать клуб «Тамыр». Приглашает на беседу по этому поводу.

28 ноября

Құл-Мұхаммед расщедрился и прислал аж три книги: энциклопедию «Абай», энциклопедию «Акмола» и свою монографию «Казахи в российских энциклопедиях» с теплой, почтительной надписью.

29 ноября

Если судить по масс-медиа, выборы идут вяло. И народ потерял интерес, и сами избранники – тоже. Сенат – вообще недоразумение. Получается как бы назначение. Каждая область заблаговременно наметила (по желанию акима, по «сетке» сверху) двух сенаторов на два места, и за них голоса дают только маслихатовцы. То есть, сотня человек – выборщики. И в кандидаты в сенат – акимы областей и районов, т.е. представители исполнительной власти за исключением, пожалуй, Жабайхана, Щеголихина и Энгельса Г. Скудный серый орган. Наоборот, в Мажилис придут люди более значительные в общественно-социальном плане. Вообще этот парламент – нонсенс, пустое место. Значимость его ближе к нулю. Ничтожный придаток президентской и исполнительной власти. Всего-навсего контора по оформлению задним числом показушных законов. Орган, собранный для того, чтобы пускать западным демократам пыль в глаза, дабы иметь возможность клянчить у них инвестиции. Не парламент – сборище серень-ких услужливых мальчишек, которыми может помыкать каждый, кому не лень...

5 декабря

В Сенат из сорока человек выбрали тридцать восемь. Из моих знакомых прошли в Сенат Жабайхан (на 4 года), Щеголихин (2 г.), Энгельс (2 г.), Тасбай (2 г.). Человек 11-12 русских, один уйгур, остальные – казахи. Ни одной женщины не оказалось. Мужской монастырь. Значит, в списке Президента должно быть хотя бы три-четыре женщины. Где он их наберёт? В Сенат вошло много акимов – главным образом бывших. Бог его знает, что это будет за Сенат... Не Сенат – провинциальное сборище. Щеголихин считает, что без семи человек элиты Сенат смотреться не будет. А кто они, эти семь человек? О том Президент обещал сказать на днях, однако, после выборов в Мажилис.

8 декабря

Президент – в новом костюме и новом, богатом, отороченном мехом пальто – посетил Талдыкорган, и всё, что он там увидел, ему очень не понравилось. Производство стоит, скотины почти не осталось, приватизация не идёт, рынка ни в одном глазу. Всё швах. Президент собирает актив, гневно сверкает глазами, стучит костяшками пальцев по столешнице. «Вот, кто виноват! – обвиняет он сидящих в зале. – Правительство все вам дало. Законодательскими правами обеспечило. А вы только показываете пальцем наверх, т.е. на меня, полагая, что я во всем виноват. А виноваты только вы!» Актив сидит, морщит лоб, недоумевает, смотрит пустыми глазами, помаргивает. Актив не понимает, почему гневается Президент. Актив в душе думает и при этом искренне, что виновата-то во всех этих неурядицах, в этом сплошном развале прежде всего политика Президента, потом, вероятно, его любимчика Сагынбека, который перед тем, как стать послом в Германии, экономически сильно подорвал Талдыкорган. Так написано на лице актива. А Президент бурно выражает своё негодование и, вероятно, думает, что если в очередной раз заменит акима, то дела, возможно, пойдут на лад.

...Читал материалы к биографии Брика. Поразительные судьбы. А Лиля Брик вызывает двойственное чувство. Литературоведы пишут о ней с восторгом. Охотно допускаю, что женщина незаурядная. И всё же странные нравственные ориентиры. 15 лет прожила с Маяковским. До того с Осипом. Маяковский застрелился. И она, 38-летняя, приезжает на похороны с Бриком из Лондона. Менее чем через год выходит замуж за Примакова. Через пять лет его расстреливают. Опять, едва выждав несколько месяцев, уже 45-летняя, выходит за Катаняна. И опять живут втроём. Чем это объяснить? Видно, только тем, что, кроме себя, она в сущности никого не любила.

13 декабря

В «Казправде» опубликовали список сенаторов. Насчитал 12 акимов. Большинство в возрасте 44-45 лет. Самый старший – Щеголихин – 69 лет. Потом Абдильдин – 63 года. Вообще масса неинтересная, провинциальная. Думаю, что Жабайхан, академик, вице-президент, крупный философ, совершенно напрасно ринулся в эту компанию. Он смотрится там белой вороной. А, возможно, он просто приспосабливается к торгашескому времени, заботится о шкурных интересах...

16 декабря

День независимости. После обеда, нацепив орден, поехал с Әбе на торж. заседание во Дворец республики. Торжество прошло по-новому: внесли знамя, Президент поднялся на подмостки, произнёс речь, после чего знамя вынесли и дали часовой

галаконцерт. Ещё Президент вручил награды Кадыру и Туманбаю (нарписы), ордена Жадыре, Шоте, главному художнику и архитектору из Ташкента. В конце исполнили что-то ораторийское Рахмадиева на слова Туманбая с участием Президента РК. Так было объявлено.

Потом были на президентском приёме в новой резиденции. Почти все знакомые. Поздравил Абиша, Джамбуршина, Жадыру, Туманбая, Гартмана... многих. И меня поздравляли. Президент вскоре ушёл, за ним ушло и правительство. Не стали задерживаться и мы. Из писателей были Калдарбек, Туманбай, Әбе, Калтай, Олжас, я. Президент показался мне озабоченным и уставшим. Взгляд колючий. Нелегко ему, понимаю.

22 декабря

Президент каждый день издаёт по 5-6 законов, дабы не оставить на долю Парламента. Даже бюджет на 96-й год утвердил, не давая Парламенту возможность вмешиваться. Парламенту остаётся лишь обсуждать Закон об искусственном осеменении.

...Привезли материалы из Отдела помилования. 28 дел приговорённых к расстрелу. Кошмар! Каждое дело – стр. 8-10 (в среднем), вот и получается целый роман о зверствах, ужасах. И это я должен читать и осмыслить до вторника. А у меня и без того уйма дел, неотложных, срочных. Видно, дотяну до апреля и откажусь. Невмоготу!. Неподсильно! Нервы не выдерживают...

23 декабря

Читаю с омерзением материалы по помилованию. Каких только мерзостей, гадостей, ужасов не творят двуногие звери на земле! Один мерзавец изнасиловал и убил родную мать. Другой взял под мышки полуторагодовалую девочку, отнёс на золотоотвал, изнасиловал вагинально и анально, потом задушил и бросил в водохранилище. Ещё один тракторист надумал в обеденный перерыв изнасиловать недавно разродившуюся молодую сноху, для этого он сначала убил внука (чтобы не мешал), потом, надругавшись над снохой, убил её, поджёг дом и отправился к байбише пить чай. Ещё один разъезжал на мотоцикле, подбирал молодых женщин, зверски насиловал их и убивал. И т.д. Теперь все они просят Президента о помиловании. И таких дел 28! И весь день моей жизни я потратил на чтение этой мерзости. Читая, я то и дело выскакивал на балкон, хватал воздух, унимал сердцебиение. Читаешь их прошения, думаешь найти хоть зацепку, свидетельствующую об искреннем раскаянии, слова боли, откровения, намёк на душевные терзания. Нет, на 12-15 страницах подробно рассказывает Президенту, с кем и сколько он выпил, что говорил и что говорили ему («она сказала козёл, а я сказал убью»), с кем переспал («а она венеричка»), к кому пошёл, как подрался, как упал («ничего не помню», «как получилось, не знаю», «смотрю: кровь на рукаве, а в руках топор»). Нередко убийца рассуждает о демократии, о новом пути Казахстана, о благе суверенности, о «великом степном гуманисте Абае, который завещал быть милосердным», о том, что Назарбаев и умён, и образован, доктор-экономист, что жизнь смертника лежит у него на столе и он волен правильно поставить запятую в фразе «казнить нельзя помиловать» и что «господа присяжные в референтуре при Президенте» должны понять, что если его лишат жизни, которая дается один раз Богом, то кому оттого будет легче, кто позаботится о его престарелых родителях и молодых детях-сиротках. Будьте милосердны, господин Президент, во имя нашей суверенной страны. И всё в таком роде.

И я, член Комиссии по помилованию, читаю всё это и с тоской поглядываю на свои незавершённые рукописи. И ушёл бы, да перед Президентом неудобно. Под составом Комиссии стоит его подпись.

24 декабря

Самый активный у нас ныне в Казахстане – Президент. Издаёт указы косяками. И все имеют силу закона. И все не имеют базовой, материальной основы. Армию нужно укреплять, МВД усилить, КНБ укрепить, промышленность поднять, сельское хозяйство оживить, о культуре заботиться, бюджетников поддержать, пенсионеров подкормить, внешние контакты налаживать, посольства открывать, «своим» подсобить, «чужих» топить, отстранить, оттирать, жандайшапов ублажать, деткам порадеть и т.д., и т.п., а средств нет и нет, вся надежда на иностранные инвестиции, которые нужно всё время выцыганивать... Вот и вся политика!

28 декабря

Весь вечер читал «Мою жизнь» Голды Меир. В чём была её сила? В верности еврейству. В любви к своему народу. Только этим она и руководствовалась.

31 декабря

Вчера на почте мне стало худо. Запрыгало, заворочилось, залихорадило сердце, я весь взмок, кровь ударила в голову. Я еле выбрался и потащился домой. Валидола в кармане не оказалось. Сесть негде. Кругом грязные лужи. И я ужаснулся, представив, как рухну в эту грязь. Начал растирать онемевшие пальцы, глубже дышать. Еле-еле добрался до дому. Лег. Подумал: неужто карачун пришёл? Кругом книги, рукописи, бумаги. Кто в них разберётся? Даже Рая не знает что к чему. Кошмар!.. А сегодня вроде малость очухался. Привёл кое-какие бумаги в порядок. Принимаю бесчисленные поздравления.

До Нового года остаётся 36 минут. Что ж... опубликовал за год уйму статей, подготовил несколько рукописей, дважды был в Москве, дважды в Ташкенте, один раз в Петербурге, в областях, вроде и претензий к 95-му году нет. Одна пакость – разгон парламента. Но тут никакой моей вины нет. Всё!.. Пойду готовится встретить огненную (алую, красную) крысу...

1996

2 января

С Новым годом поздравили Жовтис, Снегин, Симашко, Шайдулла и др. Вечером час гулял с Нурпеисовым. Впереди нас плелась пожилая пара. «Вот наша перспектива», – сказал Әбе. Поговорили о безрадостной старости, которая нас ожидает. Я сказал, что мне всё равно прозябать в Доме престарелых. Әбе дал совет: надо накопить денег, чтобы ты мог нанять человека, который бы за тобой ухаживал. Я сказал: как накопишь? Во первых, денег нет, во-вторых, накопленное отберёт государство. Пришли к выводу, что в любом случае конец печален. «Аяғы дүниенің ырың-жырың», гласит поговорка.

5 января

В «Туркестане» таблица стоимости продуктов в расчёте на доллары в США, Германии, России и Казахстане. Получается, что Казахстан по ценам на продукты приближается к ценам США и Германии (по птице уже перегнал), а зарплата в несколько сот раз меньше. Убийственная таблица! Казахстан превращается в колонию «пятых» стран, в помойку бросовых товаров Китая, Ирана, Турции.

9 января

Радиостанция «Свобода» называла несколько раз Жовтиса (Евгения) Жлобисом. Оригинально! Звонил Симашко, очень встревоженный событиями в Кизляре, где дудаевцы захватили больницу с заложниками. Ничего другого придумать не могли. Сами дают карты в руки российской военщине. Теперь начнут утюжить невинных людей. Ну, а российские генералы теперь покажут класс: эти долболобы с цепи сорвутся...

14 января

Были в гостях у Нурпеисова. Собрались Зимановы, Кекилбаевы с бабушкой, сваты Абиша, мы с Раей. Было тепло, хорошо. В ударе был Абиш. В конце он и вовсе распалился, изложил всю свою политическую программу, при том с таким напором, с такой яростью и убеждённостью, что возбудился до багровости. Но вещи говорил весьма глубокие, прочувствованные, убедительные. Зря, что многие обо всём этом и понятия не имеют. Целая система госуправления. Огромный кругозор! Всё продумано в политическом, экономическом, управленческом плане. Глубина! Масштаб! Целый трактат на тему: «Как нам обустроить Казахстан». Откровенно метит в спикеры, но, боюсь, это ему не удастся. Это место, говорят, обещано Марату Оспанову.

Зиманов поведал свою тревогу: АН собираются закрыть по западному образцу, разбросать её по университетам. Положение учёных печальное. Многие учёные сдают квартиры в аренду, а сами мыкают горе на плохо обустроенных дачах...

21 января

Часов шесть-семь читал книгу Аджи «Полынь половецкого поля». Книга вызывает двойственное чувство. С одной стороны, сплетено множество исторических фактов (мне большей частью известных), с другой – слишком уж откровенная апологетика кипчаков. Автору кипчаки мерещатся всюду. Вся история – кипчаки, всё лучшее на свете – кипчаки. И автор жутко обижен на русских, на европейцев: это они, мол, унизили, оскорбили, растоптали славных кипчаков, исказили историю, испоганили культуру и язык. Книга – гимн кипчакам, Атилле, воинам-всадникам, великой Степи, неистребимой, как зов крови, как запах емшан-травы, гимн кипчакскому духу. Все – и в первую очередь русские – питались исключительно кипчакскими соками. Да и сами русские (лучшие русские) – сплошь кипчаки... Вот этот мотив звучит так назойливо, что при чтении испытываешь невольное сопротивление... Много непонятной исторической обиды, злорадства, запальчивости, эпатажа, что снижает значимость книги.

24 января

Позвонил Әбе, и в голосе его я ощутил иную тональность. Уверенности не было, как два дня назад, когда он доверительно сообщал, что я, по слухам, назначаюсь сенатором. Вечером Президент объявил «своих» сенаторов – четыре юриста, два экономис-

та и один министр. Всё правильно! С какой стати я должен был быть в этой компании? Как-никак я литератор, мне 62-й год, осанну не пою, зады не лижу. А своё я получил. Пусть, мол, пенсионерствует...

Если у меня ещё отберут «Phönix», то мне больше ничего и не остаётся, как сосать лапу. Придётся подумывать об элементарном выживании. Дай мне Бог здоровья, терпения и мужества. Может, что-нибудь полезное ещё сделаю. Главное: сберечь своё достоинство.

...А умер вчера на сотом году жизни славный человек и светлый писатель Максим Дмитриевич Зверев. Работал до последнего дня и умер (угас) тихо, во сне. Честно жил, чистым умер. Пусть земля ему будет пухом!..

25 января

В студии собрались «тамыровцы». Тема: евразийство. Познакомился с Мурадом Аджи, профессором из Москвы, кумык по национальности, автор книги «Полынь половецкого поля». Приятный человек. Выступали, выходя на круг, – на майдан. В основном, «тамыровцы». Тон задавал Мурат А.. У меня расшалилось сердце, вынужден был выйти из студии, попросить у дежурной валидол, потом всё же тоже выступил.

26 января

У Әбе генеральские планы по устройству ПЕН-клуба. Метров 300 хочет сдавать в аренду, организовать кафе, магазин, оборудовать кухню, достать мебель, компьютер... Сегодня он пригласил в ПЕН Тасмагамбетова. С какой целью – ясно. Имангали бегло осмотрел владение ПЕНа, подмигнул мне, сказал с юморком: «Ал, Әбе, көрдік». (Ну, Әбе, посмотрели...) «Көргенде...» – начал Әбе и намекнул что ему нужно ещё хотя бы 30 тыс. долларов. Имангали сказал, что даст ответ в четверг и уехал. Әбе стал развивать свои планы: что-то попросит у министра энергетики, что-то у Турсунова, ещё у кого-то... «Ақша... ақша... ақша болмаса, ничего без денег не будет, – бормотал Әбе. – База керек, база...» «Верно, конечно, – ответил я. – Но ведь этому конца-краю не будет. Сегодня вы раздобудете своим жигитам 30 тысяч долларов, а завтра они заканючат, что нужно ещё 50 тысяч. Послезавтра аппетиты разгораются до 70 тысяч. Скажут, надо обрести ещё одно кафе. И так пройдёт вся жизнь. А где литература? Ради чего, собственно, мы создали наш ПЕН-клуб?» Әбе тотчас завелся. «Ну, и что по-твоему нужно делать?» Я объяснил, Әбе ещё больше завёлся. Ну, я и замкнулся...

Боюсь, ПЕН-клуб создан для кормёжки случайных людей, облепивших Әбе. Досадно все это!

29 января

Из Америки печальная весть: умер в возрасте 55 лет Иосиф Бродский. Он был четвёртым российским нобелевским лауреатом. Так передают по радио. Значит, Бунин, Шолохов, Солженицын, Бродский. Выходит, Пастернак не в счёт?

30 января

Сегодня начал работу новый парламент. Шумели пикетчики. Шныряли журналисты. Ликовали депутаты. Речь произнёс Президент. Всё прошло по известному три месяца назад сценарию. И спикерами Сената и Мажилиса стали те, кого пророчили давным-давно. Скорее всего, и дальше так пойдёт.

1 февраля

По республиканскому ТВ показали фильм обо мне (серия «Портреты») Жанны Ахметовой. Фильм почти двухлетней давности, но сделан хорошо, для меня – трогательно. Начинается фильм суждением Айтматова обо мне, а заканчивается беседой с Аннинским (костанайские записи). В фильме говорят также Щеголихин и Абиш. Хороши заставки, видовой ряд. Жанна всё сделала с умом, с любовью.

2 февраля

Из «Казправды» узнал, что в Израиле умер Валентин Афанасьевич Новиков. В конце 60-х он работал в Казгослите (он редактировал «Соловьи столетий» в моём переводе), потом – в «Просторе». Помнится, четыре рассказика Мусрепова мы перевели в соавторстве. Он был маленький, невзрачный, незаметный, немного скрытный. В то время в «Просторе» работали «коротышки» Новиков и Герт и гигант (по росту) Щеголихин. Да, и Косенко был маленького роста. И Шухов-редактор. Я тогда и не предполагал, что Новиков – еврей. Уехал он четверть века назад в Россию, а облик его и некоторые повадки запомнились. Скольких уж нет из той «русской» среды: Шухов, Белянинов, Косенко, Скворцов, Киселёв, Бернадский, Лемберг, Ровенский, Зверев, Плашевский, Меркулов, Мартьянов – всех сразу и не упомнишь. Да, разные были люди. И каждый чем-то примечателен. Сильно оскудела русская литература в Казахстане. Уехали ещё Тамарина, Черноголовина. Всё идёт в Казахстане на убыль.

4 февраля

Звонил Эбе. Хочет мне дать свой роман на Gutbeachtung. Трогательно говорил, что он сделал всё, что мог. И лучше уже не может. «Печаль, боль, муки, унижения, беды, тяготы бедной нашей экологии – всё это, я думаю, показал сполна. Это моя последняя работа. После этого ухожу совсем». Голос его при этих словах дрогнул. Очень хочет, чтобы я прочёл.

16 февраля

Утром, несмотря на холод и жуткий гололёд, потащился на свой страх и риск в «Фонд Сороса». Встретили меня любезно, приветливо двое симпатичных молодых людей – Джордж Зарубин и Элизабет Смидли. Первый – исполнительный директор Фонда Сороса, а вторая – Regional Director Newly Independent States. Живёт в Нью-Йорке. Говорили ровно час. Улыбчивые, открытые американцы. Рассказали мне о своих целях и задачах. Словом, разговор шёл о включении меня в Правление. Я сказал, что если это необременительно, а я могу быть полезным – пожалуйста. На этом и расстались. Бабушка Джорджа – из Верного. А Элизабет окончила Колумбийский университет и по-русски говорит бойчее, чем Джордж. Весьма милые люди.

...Вечером съездили в ЦКЗ на вечер поэзии. Встреча была с А. Вознесенским, Б. Ахмадуллиной и А. Ткаченко. Хороший, тёплый был вечер. Особенно приятное впечатление произвёл Вознесенский. Поэт, личность. Прекрасно себя держит. Умён, опытен. Бэлла, конечно, малость не от мира сего, к её манерам надо ещё привыкнуть. Но интересный поэт. Приняли их прекрасно. Ткаченко приняли сдержанней. Его не знают. Стихи его на слух воспринимаются трудно. Читает невыразительно. И вообще он больше футболист, нежели поэт, хотя парень, думаю, неплохой. С ним встречались в Костанае. Молодцом был и Бахытжан Канапьянов. Вообще в Алматы это было событие.

22 февраля

Российская армия стерла с лица земли посёлок Новогрозненский. Грачёв заявил: «Результат очень хороший. 5 убитых, 19 раненных». Трое суток утюжили село огнём. По радио сообщили: уничтожено 170 боевиков. Теперь федеральные войска готовятся перенести огонь на селения Центорой и Аллерой. Войну эту почему-то окрестили «странной». В «Комс. правде» сообщение: затраты на восстановление Чечни в 1995 г. превысили 7 триллионов рублей. На пенсии денег нет, на войну – навалом. И это называется госполитикой. Недаром в германской печати Россию называют «страной Абсурдией».

23 февраля

Звонил Т. Шарманов. Казахская интеллигенция просыпается: подготовили обращение – воззвание к народу – «Не можем молчать!». Описано катастрофическое положение общества, заявление о создании народного движения «Халық мұңы». Я, понятно, это воззвание подписал. До меня подписали Зиманов, Козыбаев, Кайдаров, Абдильдин, М. Ауэзов.

29 февраля

Заседание Нацсовета по гос. политике проводил сам Президент. Обсуждали «Концепцию формирования государственной идентичности РК». Докладчик – Жабайхан Абдильдин. Он говорил бойко, многозначительно, с пафосом. Однако члены Совета весьма сдержанно отнеслись к этому документу. Свои сомнения высказал Шерхан; потом очень основательно и резко раздраконили концепцию академики Сагадиев и Зиманов, потом – Щеголихин (в свою очередь его раскритиковали потом Сапаргалиев, Тажин и Президент); своё несогласие с текстом выразили Козыбаев, Рахмадиев, Кайдаров, Гаркавец. Общие замечания сделали Тажин и Абиш. Потом Президент обстоятельно информировал Совет о последних политических делах, был обмен мнениями, возник спор об Академии наук, о творческих союзах, тут члены Совета наступили Президенту на мозоль, а допёк его в конце Сагадиев, вежливо, но довольно резко сказал о правительстве, о положении в Казахстане. Президент перебил его: «Кенжеке, не будьте единственным благодетелем всего Казахстана. Бәрі сізден басталды. Бөленің барлығы сізден шығып отыр». Сагадиев возражал, Зиманов его поддерживал, временами вклинивался Рахмадиев. Президент вспылил и сказал: «До свидания!» Распахнулись парадные двери «Серебряного зала», вошли охранники. Все были возбуждены, растеряны и заспешили скорее в гардероб.

Заседание оставило тягостное впечатление. С самого начала почувствовал, что всё пойдёт косо-криво. Потому написал Симашко записку: «Сегодня мы с Вами не выступаем». Я промолчал, Симашко – тоже. И другие многие промолчали. Демарш шёл со стороны академиков.

1 марта

Стычка на заседании Нац. Совета стала предметом трепотни. Везде гу-гу, шу-шу. Әбе заметил: «Это только начало». Скорей всего, Казахстан ожидают дурные времена. Правительство Кажегельдина – вообще позорище. Главным образом, он сам. Человек с замашками провинциального торговца. В «Казправде» сегодня опубликована крепкая статья Г. Круглякова о бедственном положении Национальной библиотеки. Такой глу-

хоты к собственной национальной культуре не было даже в самое жуткое сталинское время. Что ж... мелким торговцам библиотеки зачем? Әбе намерен написать статью в «Известия», разоблачая кажегельдинские выкрутасы.

12 марта

В газетах Указ Президента: Объединяют АН, сельскохозяйственную Академию и Миннауки, сливают их – будет Министерство-Академия, во главе – Министр-Президент. Академикам дают пожизненный грант – 6 тыс. тенге. Член-коррам – ничего. Всё это воспринимается неоднозначно. Завтра сессия. Президент будет сам предлагать кандидатуру. Если академики дважды забаллотируют, Президент назначает сам.

Совершил поход в Парламент. Беседовал с Шварцкопфом, с Энгельсом, Щеголихиным, Симанбаевым, Абдильдиным, Фаризой, Аргынбаем. Встретили меня тепло, сердечно. Узнал про нынешнее житье-бытье депутатов. Убедился: хорошо, что депутатство меня миновало. Мне было бы трудно день-деньской торчать в Парламенте.

13 марта

Президент провёл сессию в АН и добил-таки академиков, заставив их единогласно проголосовать за «президента-министра» В. Школьника. Как оплёванные сидели казахские учёные, покорно развалившие Академию, основанную Сатпаевым, Ауэзовым, Жубановым. Никто и пикнуть не посмел, довольствуясь ежемесячной подачкой в 6 тыс. тенге... То ли ещё будет! Уже и школы, библиотеки укрупняют. Часть школьных зданий будут продавать мафиози и иностранцам.

15 марта

С 14.00 до 19.30 был на юбилее «Deutsche Allgemeine Zeitung». Пришлось быть ведущим торжественного вечера. Тажин зачитал приветствие Президента. И сам поздравил газету. Далее я предоставил слово для приветствия Алтынбеку, Эрлиху, Смаилову, Логиновой, Дебольскому, Тлевлесову, Белоусову, Ляшко, Ласло, Гаркавцу, Егеру, Шварцкопфу, советнику немецкого посольства, театру. Все вручали какие-то подарки.

И на банкете мне пришлось тамадатствовать. Здесь всё пошло веселее. Было человек 120. Поздравителей – человек 40. Кажется, справился. Все были довольны.

20 марта

Был на приёме в Иранском посольстве в честь наурыза. Шикарно прошло: и официальные, и не официальные части. Много знакомых. Приятная, дружеская обстановка. Домой привёз меня Жабайхан.

1 апреля

...Позвонил Калижан Уалихан. Со строгостью в голосе поинтересовался, каким образом я очутился среди подписантов «Не можем молчать!» Вроде мой статус не позволяет (намек на мою президентскую премию) этого делать. Некоторые якобы не знали, что́ подписали. Теперь вроде как подписывают другую бумагу, т.е. дают задний ход. Может, спросил он, и вы зайдёте, посмотрите, подпишете? Или вы согласны с письмом? Раз подписал, значит, согласен, какой тут разговор! Калижан остался недоволен.

Начинается обработка умов в духе старых времён. Соломин сказал: будут три варианта обработки – ласка, подкуп и устрашение. Конечно, как же иначе? Начнут дейст-

вовать, кое-кто дрогнет. Я примерно даже представляю, кто начнёт крутить хвостом. Таких будет человек пять, максимум 10. Но из остальных, как говорится, можно скроить шапку. Что больше всего тревожит власть имущих? Один лишь абзац: «борьба с антинародными тенденциями в политике правящих кругов, с коррумпированностью властных структур». Всё остальное они (те, что наверху) как-нибудь проглотили бы…

5 апреля

Әбе всё оборудовает ПЕН-клуб, всюду, где только возможно, собирает деньги, делает ремонт и укрепляет материальную базу. То нужен новый ковралан, то зеркала, то двери, то шторы, вертящиеся кресла, посуда, унитазы. Прямо-таки помешался Әбе на этом. А работы нет, членов нет. Пока Әбе занят офисом, умерли Оралхан, Ахтанов, уехали Олжас и Смагул, отошли Калдарбек, Сайын, Шаханов, весьма скептически настроены Рымгали, Шерхан, Фариза; безучастен Абиш, насторожен Акселеу, Есенгали, в стороне Щеголихин, издали наблюдает Дебольский. Теперь и Калтай отходит. Что за ПЕН-клуб? Деятельны лишь Әбе и Симашко? Что-то не то. Что-то не так, ребята.

7 апреля

По ТВ дважды (по-русски и по-казахски) показали, как Президент катается на коньках и лыжах. И оба раза он давал интервью, призывая народ заниматься спортом и заботиться о здоровье. Внешне всё правильно, верно, если бы не **показушность**, нарочитость, **рисовка**, фальшивая режиссура, угодливая интервьюерша. Из-за всего этого эффект получается обратный.

12 апреля

В обед потащился в ПНЕК. Разговор с Бижановым продлился пять-шесть минут. По поводу моей подписи в обращении интеллигенции. Сказал, как меня уважает, сколько хорошего для меня сделал. И как «іні есебінде» попросил меня не входить в «Азамат», помнить, что я член ЦК президентской партии. «Понятно, – сказал я и тотчас встал. – Разрешите мне поступить так, как считаю нужным». «Ну, что вы, что вы, Гереке!» Я был возмущен, он слегка смущён. «Прошу об этом разговоре никому не говорить».

Формула бывшего КГБ. Ушёл в гадком настроении. Всё то же…

Не успел дотащиться домой, звонит Джордж. Нужно встретиться с экспертом по культуре из Лондона Биллом. Лысый, плотный мужчина со скорбными глазами. Несомненно, знающий, умный, наблюдательный. Типичный европеец. Азии не знает. На всё взирает с едва скрываемым превосходством. Меня это малость задело. И я, увлекшись, наговорил немало нарочитого. Но расстались дружески. Джордж просит в мае съездить в Вильнюс. Решили заказать иностранный паспорт. Элизабет Смедли прислала из Нью-Йорка решение, что я утверждён членом Правления до 28 февраля 1998 года. Но я, скорее, уйду раньше.

14 апреля

Его Высокопреосвященство, Архиепископ Алматинский и Семипалатинский Алексий пригласил меня на торжественное Пасхальное богослужение в Свято-Вознесенском кафедральном соборе. Встретил там много знакомых – людей искусства, руководителей национальных центров, посольств. Празднично, торжественно. Правда, для меня было трудно два часа стоять на ногах. И душно. Но само действо – великолепно!

И о. Алексий восхитил. Честная, профессиональная работа. Потом ещё час отстоял в ресторане «Жұлдыз», где проходил пышный праздничный приём. Мы, руководители культурных центров, стояли кучкой, о. Алексий подошёл к нам, поздравил каждого, почокался. Я впервые на Пасхальном богослужении.

17 апреля

Утром удалось часок поработать над переводом Айтеке-бия. Потом сходил в штаб «Азамата». От Ауэзова узнал про разные пакости: в «Казправде» опубликовано письмо «штрейкбрехеров» – Фаризы, Туманбая, Калтая, Ермека, Жаманкулова, Бердыгалиевой. И к ним присоединили (для солидности?) почему-то отсутствовавших в первом письме некого Дузельханова, Юлдашева, Шарипову. Текст совершенно вялый, беззубый, казённый. В «ЕҚ» опубликовано покаянное письмо Зейнуллы – ни то, ни се, «четвертинка-наполовинку». Поговаривают, что подобные письма будут ещё. Ауэзова обрабатывал Турсунов. Я сказал: надо быть готовым к худшему. И зал в последний момент могут не дать, и ОМОН нагнать, кое-кого убрать, подкупить и т.д. Аубакирова отправили в Байконур, Султангазина назначили замом Школьника, Сагадиева определили в Академию сельского хозяйства (учебная академия). Один раз пукнули казахские «зиялылар» и разбежались по кустам, как зайцы. Какого дьявола подписал я это заявление с такой дешёвой публикой?! И поделом мне! Хороший урок! Пора бы и поумнеть.

18 апреля

В «Атамура» около часу говорил с Мұхтаром Құл-Мұхаммедом. Живой, интересный, увлечённый и знающий человек. Ещё нет ему сорока. Работает напористо. Организован. Мыслит чётко. Отменная хватка. Вот это новая генерация казахов. Такие радуют. Не чета самодовольным «бесбармачникам».

Подарил он свою книгу о Жакыпе Акпаеве, образованнейшем алашце, о котором, к стыду, ничего не знаю. Показал Мұхтар и рукописный фонд, копии трудов Бартольда, Потанина, Чулкова и многих других ориенталистов. И ещё – толстые тетради с выписками о выдающихся казахах начала века. Есть у Мұхтара энциклопедическая жилка.

20 апреля

Утром – на всякий случай – набрал десять тезисов возможного выступления. Движение «Азамат» родилось в Казпрофе. Приехал я рано. Встретился в троллейбусе Иваницкий. Возле памятника Амангельды встретили Своика с женой. «Какие-то ребята ходят», – вскользь заметила жена Своика. «Что ж... они и должны там ходить», – сказал я. Вообще я всё время предполагал худшее: МВД, ОМОН, лишение зала, провокацию. Но всё пошло чинно. Подошла Айгуль О. Потом – Козыбаев. Подъехал космонавт Тоқтар А. Появился генерал Калматаев. Были уже Куттыкадам и Ауэзов. Потом народ подтянулся. Зал был полон. Человек сто стояли в проходе и по краям. В президиум избрали человек 25 – Оргкомитет, академики Зиманов, Козыбаев, Ормантаев, Шарманов, Кайдаров, Кабдолов, Иллялетдинов, далее – Сиврюкова, Силкина, С. Мукашев, косм. Аубакиров, я. Вполне прилично. Приняли Устав, программное заявление. Выступили Козыбаев, Аубакиров, Мукашев, Савельев (Костанай), Камшалов (студент), Пусырманов (ветеран войны), Сиврюкова, я, Силкина, Зиманов, врач из Кентау, какой-то поэт («Құлагерім, қайдасың?!), Сапабек (о земле), Абдильдин С., Исмаилов Ануар, Гульбахрам («мусульманское движение»), К. Смаилов, М. Ауэзов, Куттыкадам, Шарманов.

Моё выступление было принято тепло. Раз восемь аплодировали. Потом дал интервью для ТВ «Сары-Арка». Многие поздравляли. Подходили журналисты. Все прошло степенно, серьёзно. Довёз меня домой Тоқтар с сыном-подростком. В состав Координационного совета включили и меня.

23 апреля

В «Комсомолке» на двух полосах «прямой телефон» с Солженицыным. Много верного, справедливого, но столько же – если не больше – путаного, тёмного, «поджигательского», мусорного, вредного. Во-первых, наблюдатель со стороны. Во-вторых, в плену старых стереотипов. И в-третьих, обо всём рассуждает с точки зрения узконационального, сугубо русского. Очень досадно! Я ведь его люблю как художника и гражданина-борца. А в этой его беседе сплошь прорехи, промахи, неточности, бестактность. Всё, что сказано о Казахстане, неверно. Истолковать можно всё превратно. И сталкивать людей. Высокомерие, недоброжелательность. Всё это неприемлемо.

Завтра в Союзе писателей хотят провести совещание по этому поводу. В который раз начнут трепать-изобличать Солженицына. Зачем? Не надо горячиться. Не стоит возбуждаться. В Казахстане вряд ли кто клюнет на провокационные измышления Солженицына. И о татарах, башкирах, чеченцах говорит он непочтительно и абсолютно несправедливо. Очень досадно! Не к лицу русскому художнику. В запальчивости такое мог допускать Достоевский, но Лев Толстой – никогда и ни за что. В данном случае, к большому моему огорчению, Солженицын смыкается с дремучим шовинизмом.

29 апреля

Прошла третья сессия Ассамблеи народов Казахстана. Прошла казённо, официально, в духе партзастойных времён. Заорганизованность потрясающая. Президент сделал почти полуторачасовой доклад. Выразил свое недовольство интеллигенцией. Ясно намекнул, что гайки «демократизма» будут закручивать и впредь. Основные мотивы всех выступлений: восторг Президентом; всецело полностью одобряем его реформы; позор маловерам; ату Солженицына. Каждая шавка считала своим долгом разок тявкнуть на Солженицына. Не было ни одной запоминающейся речи. Какие-то мысли и исторический фон были в речи Калтая, но он безбрежно затянул, несвязно говорил целых 26 минут (регламент был до 7 мин.), зал возмущался, перебивал хлопками, кричал: «хватит!», «ұят қой!», «езіп кетті». Получилось некрасиво...

Назарбаев каждому члену Совета подарил по своей новой книге.

1 мая

Часа три был у меня Әбе. Прочёл ему страниц шесть из переводов Айтеке-бия. Долго играли в шахматы. Случайно набрели на тему Солженицына, и Әбе рассвирепел. Сказал: «Он не писатель!.. Всё земли ему мало!.. Я бы его растерзал. Разорвал бы его волосатую пасть и набил бы её казахской землей, чтоб он нажрался, наконец!.. Подавился... Кто ему дал право о народах судить?! Хайуан! Сволочь! ...мать!» Я пытался было успокоить Әбе, сказал: «Да, в этих вопросах А.И. совершенно не прав, но надо помнить и о его заслугах». Әбе снова взвился: «Какие заслуги?! Что он сделал? Распутин выше его! Никакой он не писатель!»

Лишь своим молчанием я успокоил Әбе. Продул он все партии. В голове у него одна дума: «Где бы раздобыть для ПЕНа ещё 45 тыс. долларов». У кого?

5 мая

Два часа гулял с Калеке – Калтаем Мухамеджановым. Он сильно обиделся на Әбе, охарактеризовал его жестко и резко, очень нелестно отозвался о нём и сказал, что отныне он с ПЕНом порвал раз и навсегда. Рассказал мне такое, о чём я и слыхом не слыхал. О помирении с Әбе и слушать ничего не хочет.

С Әбе говорили о приёме новых членов. Он предлагает Шугу, Абдильдина и Тажина. Кто ещё есть? Шмидт – кто такой? Оразбека твоего пока оставь. Сариев? Ай, не знаю! Словом, от Калтая и Калдарбека Әбе избавился. Олжаса, Шаханова тоже считает отколовшимися. От Фаризы намерен избавиться. Щеголихин тоже не нужен. Так, кто ж останется? Всё это тревожит.

9 мая

С утра, ещё до 7-ми, позвонил Әбе. «В пять тридцать утра в башку пришла мысль». «И что за мысль, пришедшая до зари?» «Ты вот перевёл Айтеке би. Теперь бы перевести Бухар-жырау «Ей, Аблай, Аблай» и дать подстрочник Евтушенко. А потом стихотворение Шернияза, а? Вот где истоки демократических мотивов в казахской поэзии. С другой стороны, получится, как в поговорке: «Дочь, тебе говорю, а ты, сноха, слушай». Как, поддерживаешь?» «Поддерживаю». «Тогда давай сделаем. Запиши, пока я не забыл...»

12 мая

На заседании Исполкома ПЕН-клуба было решено вручить премии ПЕНа мне и Дулату Исабекову. За Дулата стоял горой Әбе. В отношении меня он был сдержан. Предлагал то Зульфию, то Насыра. Жигиты настояли на моей кандидатуре. Особенно Кабдолов, Муртаза, Симашко, Елеукенов. В конце концов проголосовали за нас с Дулатом. Мне же поручили оформить протокол.

...Вечером позвонил Әбе. Поздравил – но не очень-то искренне, с натягом. Чувствуется, что я в планы Әбе как лауреат не входил. Долго говорил он о том, что премия накладывает на меня ещё большую ответственность, чтобы я срочно подготовил Айтеке к печати. Надо, мол, доказать обывателям, чтобы комар носа не подточил... Я сказал, что не надо спешить и ничего никому доказывать не надо. Айтеке пусть созревает. А предложить можно моё эссе. С этим он согласился, но начал с жаром доказывать, чтобы я непременно делал ссылки на Назарбаева, сказал о нём теплые слова, что верхи якобы и так недоумевают по поводу моей позиции. Надо, мол, воздать должное Назарбаеву (я разве возражаю?!), это нужно и для общества, и для ПЕНа, надо проявить гибкость... Назидания эти мне были не очень по душе, но я благоразумно промолчал. Полистал книгу Назарбаева, его доклад на Ассамблее, но ничего подходящего для моей статьи так и не нашёл.

Потом Әбе попросил написать от его имени письмо Президенту с просьбой изыскать 50 тыс. долларов для нужды ПЕН-клуба. Ах, вон оно что!..

17 мая

В Москве прошла презентация книги Назарбаева, потом – его встреча с разными деятелями. Присвоили ему звание профессора МГУ, говорили о его роли в политической жизни мира. Всё правильно. Жигит он приятный и толковый. Лидер что надо. И планы строит большие, перспективные. Многие его идеи нам, смертным, просто недоступны. Но дела его в Казахстане пока идут со скрипом.

По Москве показывают предвыборную суету. Тужится Ельцин, мельтешит никому не нужный Горбачёв, хитрит-выкручивается Явлинский, скоморошествует Брыцалов, умничает Фёдоров, режет правду-матку генерал Лебедь. И признаться, только его одного интересно слушать: своеобразная речь, гвоздевая логика. И нынешнюю Россию только он и выражает. Раза три показали в одном ряду президентов СНГ. Какие выражения лиц! Сон разума. Люди вчерашнего дня – все эти Туркменбаши, Алиевы, Каримовы, Шеварднадзе. На их лицах – вся гамма низменных побуждений.

19 мая

Олжасу 60. Он с Президентом, видно, в давних дружеских отношениях, по-казахски говоря әмпей-жәмпей. И Президент был готов Олжасу дать всё, что он пожелает, но Олжас отказался и от халатов, и от орденов, и даже от Kahармана. Об этом вечером на чествовании в Оперном театре сказали оба. И вообще, судя по их выступлениям, их связывают тридцатипятилетние контакты и оба хорошо дополняют друг друга. Оба видные, колоритные азаматы.

На чествовании в Оперном театре хорошо выступил – тепло, просто, искренне, по-человечески – один Президент. Всё остальное было дешево и бестолково. Ожидали другое. Однако это было всё, на что были способны жигиты-маргиналы.

21 мая

Презентация и вручение премии в ПЕН-клубе. Подготовка грандиозная. Дошёл слух, что будет Назарбаев. Но он не приехал. Были Турсунов, Тажин, Кулмаханов, кое-кто из министров, учёных, писателей – всего человек 100. Всё прошло прилично. Абложай, председатель Правления акционерного банка КРАМДС, вручил мне и Дулату премию – по 10 тыс. долларов. Тасмагамбетов произнёс проникновенную речь – весьма толково и торжественно. Далее как всегда... Лишь приехав домой, почувствовал, как я устал от слов, от волнений, от возлияний.

26 мая

Всё заметнее даёт о себе знать ИБС – ишемическая болезнь сердца. Особенно по утрам. Немеет рука. Задыхаюсь. Даже постель заправляю в два приёма. Худо! Работаю с трудом, через силу. Ни кородин, ни валокордин, ни валидол, ни нитроглицерин не помогают. Укатали, видно, сивку крутые горы. Человек – не машина.

30 мая

Вечером позвонил Калтай, сильно похвалил мою статью в «Казправде», сказал, что хочет перепечатать в своей газете. И рекомендовать другим газетам. Статью похвалил и Симашко. Әбе видел, но вряд ли читал. Сегодня он мне с Дулатом показал том «Крови и пота», испещрённый исправлениями. Это у него 13-ое издание. «Убедился, что урусов и большевиков я не пожалел».

3 июня

С каждым днём все хуже с сердцем. Рука немеет. На этаж поднимаюсь с трудом. Даже поем – сердце. Вечером стало грустно: неужто сыграю в ящик? Вроде как рановато, нелепо... надо бы кое-что доделать и не огорчать близких. Преодолевая боль и немощь, едва перевёл 4, 5 стр.

5 июня

Позвонил мне Нурпеисов. Явно удручённый. Голос тусклый. Что случилось? Среди работников ПЕНа разлад, раздрай. Что ж... этого следовало ожидать. Для них ПЕН – просто-напросто легкая добыча, кормушка. Каждый норовит как можно больше оттяпать. Причиной тому сам Эбе. Расплодил паразитов-арамтамаков. Неумелое, простодушное единоначалие «деда» приводит к такому результату. И это ещё не всё. Ягодки впереди. Единственный выход я вижу в укреплении и дееспособности исполкома и контрольной функции ревизионной комиссии. Иначе позор и скандал неминуемы.

8 июня

...Неожиданно позвонил Дмитрий Фёдорович Снегин. «Милый мой друг Герольд Бельгер...» – начал он торжественно. Сказал, что привезли его из больницы домой и проснулась «моя старая пневмония... и теперь я весь пылаю. Но всё же решил вас поздравить с премией и пожелать...» Он тяжёло дышал в трубку. Видно, действительно ему худо. Но довёл поздравительную фразу до конца... «и, конечно же, семейного благополучия...» и зашёлся в кашле, положил трубку. 85-й год – шутка ли...

10 июня

По программе ОРТ показали заседание нашего Парламента. Речь идёт о доверии правительству (которое, как я давно говорю и пишу, надо гнать в шею). Президент стучит кулаком: «Я это правительство не распущу!» Распалённый, стоит на трибуне Кажегельдин, нажимает на принцип. Власть выкручивает Парламенту руки. И я думаю: странно всё же получается – после двукратного роспуска Президент набрал в Парламент главным образом холуев, акимов и зам. акимов, людишек власти, в меру кое-что втихаря прихватизировавших; все они давали клятву в верности Президенту и Конституции; и всё равно через очень короткое время возникло противостояние. Это ли не свидетельство тому, что дела в обществе крайне швах, что государство вошло в тупик? Что же дальше?

Нынешний парламент не понимает, что его Президент распускать сейчас не в силах. На это он не решится. Следовательно, можно б было сохранить лицо перед народом. Струсят – что там говорить!..

11 июня

Возле Дома книги сердце схватило так, что я не мог шевельнуться. То ли предынфарктное состояние, то ли сам инфаркт. Худо, худо... Но «скорую» вызывать не стал.

12 июня

Парламент смирился, проголосовал за доверие правительству («против» 10 в Сенате и 19 в Мажилисе). По ТВ показали, как правительство ликовало, как министры обнимали и целовали друг друга, как лобызались с ними некоторые христопродавцы-депутаты. Смирились и предали народ. Остаётся он со своим горем, бедой, нищетой один на один. Отныне у учителей и врачей отнимут мало-мальские льготы. Мужчин отправят на пенсию в 63 года, женщин в 58 лет. Многие до пенсии, значит, не доживут. Вероятно, следующий шаг правительства – отнять половину пенсии. Отнять все льготы. Обречь всех на тотальное нищенство. И парламент идёт на это, дабы сохранить собственную шкуру, уцелеть за счёт народа. Кто может уважать такой парламент?

13 июня

Постельный режим. Давление 200/110. Едва сняв кардиограмму, сестра спрашивает: «Инфаркт уже был?» Кто знает, может, и был...

5 июля

Вечером 16.06. мне стало совсем скверно. Вызвали неотложку. Давление 240/130. Гипертонический криз. Подключился Әбе. Определили в больницу Совета Министров. Провалялся 17 дней. Сплошные анализы. Обнаружили столько болезней, что только диву даёшься, как вообще ещё живу на белом свете. Думая свои печальные думы, сочинял иногда стишки.

Мельтешит в палате моль,
Ворохнулась в сердце боль.
Суть не в том. Мне просто худо.
Вот в чём соль...

Лежит поверженный Герольд
И смотрит в потолок.
Никакой он не герой
И не «молоток»...

Выборы в России,
Кру́гом голова.
У меня ж гипертония
И печаль-тоска...

Уколы в брюхо, в руки, в зад.
ЭКГ, УЗИ.
Не рай, не ад, не шах, не мат –
Лежи и не тужи...

Ну, и прочие глупости. А в общем грустно: такой букет болезней, что не до веселья. А главное – нет надежды на активную жизнь.

6 июля

Пока я был в больнице, прошёл бездарный съезд писателей Казахстана. Братцы писаки шумели, орали, толкались. Не было якобы серьёзных выступлений. Критиковали по-глупому раскольников-пеновцев, говорили, что это сионистская организация. Особенно рьяно упражнялись по этой части с аульно-казакбайской позиции Какишев, Бердыбаев, Жунусов, Муратбеков и ещё несколько горлопанов. И пьяных было много. И вообще сплошь бестолковость. Из 670 членов поначалу присутствовало 420 человек, а в конце и вовсе человек 220. Шум был и по поводу выбора правления. В Правлении нет Нурпеисова, Кабдолова, Симашко, Калтая, Шерхана, меня. Решили омолодить состав. Треть состава мне и вовсе незнакома. Думаю, реанимировать СП уже невозможно.

...Я живу на лекарствах. Қалт-құлт. Шықпа, жаным, шықпа. И жизнь такая кислая. Далеко ли ускачешь на лекарствах? Неужели я отныне гожусь лишь на комнатное существование? Вечером АД опять 200/110. Приступ стенокардии. Сил нет. Работаю с трудом.

29 июля. Ташкент

Прибыли с Раей в Ташкент с пятичасовым опозданием. У таможни проснулась стенокардия, начался жуткий приступ. Встретил нас один отец. Жара адова – плюс 45°.

Прочитал ст. Вяч. Вс. Иванова «По соседству с Фадеевым». Прямо пишет: «Фадеев не был человеком образованным». А вывод статьи: «Но Фадеев был не только палачом, как многие в верхушке партии. Он был и жертвой».

Впервые узнал, что Фадеев был дальтоником, цвета не различал, со слов описывал предметы.

31 июля

Плохо. Не выхожу из усадьбы. Держусь на нитроглицерине.

Полистал книгу Айтматова «Эхо мира». Наткнулся на «Заметки о себе», написанные в 1972 г. Неведомый мне факт: Чингиз начал свою литдеятельность переводами «Сына полка» и «Белой берёзы». Перевёл, принёс в издательство и узнал, что книги эти давно переведены и скоро выйдут из печати. Впервые прочёл рассказ «Плач перелётной птицы». Есть там фраза, касающаяся ныне и меня: «Хворь грудная собирает уже тёмные тучи».

...В первый же вечер отец, рассказывая про внука Вову с восторгом, вдруг вскочил из-за стола и стал показывать, как он с огромным грузом на плечах подпрыгивал. И при этом сам – 87-летний! – так ловко принялся подпрыгивать, что мы с Раей переглянулись. Ничего себе! Я, 62-летний стенокардист, гипертоник, дохляк, кажусь старше и немощней отца. О, Аллах! Изработавшаяся кляча!

3 августа. Ташкент

Приехала из села Эльма. Рассказывает о жутком оскудении сельской жизни. Зарплаты нет. Работы нет. Воды нет. Света нет. Скудеет жизнь в Узбекистане со страшной силой. А по радио вопят:

Сен учун мен аман,
Мен учун сен аман.
Узбекистан!..

Читаю Книгу притчей Соломоновых:

«Как нехорошо есть много мёду, так домогаться славы не есть слава».

«Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна».

«Кто наблюдает ветер, тому не сеять, а кто смотрит на облака, тому не жать».

14 августа

Я – Скорпион. Читаю о его свойствах. «Он знает о своей болезни всегда больше, чем доктора и медсёстры, которые его лечат. Склонен к болезням горла, спины, сердца, системы кровообращения, ног. Ему следует избегать огня, взрывов, радиации. ...Скорпион олицетворяет собой возрождение».

21 августа

Состоялась в Парламенте сессия по Джамбулу – без меня. Конференция в библиотеке – без меня.

Подводит сердце. Грустно, грустно... Вышиблен из активной жизни. Хоть плачь...

Пошли с Әбе к памятнику Чокану. Не дошёл. Проснулась стенокардия.

Әбе сразу встревожился, схватил меня под руку, огорчённо повёл домой.

– Ты в Кастек не поезжай, – сказал он.

– Да... Видно, той Жаке пройдёт без меня.

Чувствую, что, действительно, не могу. Сердце не тянет.

...Вечером слушал интервью Президента, которое он давал Кул-Мухамеду и Уалихану. Президент говорил об успехах и благоденствии страны... А по «Хабару» говорили о великолепии джамбулского юбилея, и тут же две передачи: о засилии сифилиса в стране и беспомощности государства, о свирепстве туберкулёза из-за скудного питания.

22 августа

Утром отправился к Әбе, оттуда поехали в СП. Начали юбилейный пленум с получасовым опозданием. В Президиум посадили человек 30 – Айтматов, Якубов и т.д. Дежурно, казённо, выспренно. Я беседовал со стариком Пак Иром (86 лет). «Я за тобой слежу давно: у тебя сильный дух. Это очень важно», – сказал он мне. Хотелось подойти и отдать салем Айтматову, Якубову. Но В Президиум лезть неудобно, перерыва не было, речи были все длинные, и, так и не дождавшись конца, мы с Әбе уехали домой.

Взял приглашение во Дворец.

Писателям дали места в 29-32 рядах. Такое, значит, ныне отношение к писателям. На что сразу обратил внимание Шерхан.

В Каракастек решил твёрдо не ехать. Обалдеть можно только от нескончаемых казахских речей.

Айтматов тоже выступил длинно, как акын, говорил произвольно, по-киргизски, как Бог на душу положил. Было у него несколько дельных мыслей, но всё это было подано жидко и многословно. Из всех выступавших более живо и дельно говорил Мухтар Магауин.

23 августа

До 10-ти читал документы Фонда Сороса. Потом отправился на открытие памятника Джамбулу. Успел дойти до Пушкина, и тут милиция и омоновцы начали расчищать дорогу, оттеснять народ. Я послушно встал у обочины за спиной молодого омоновца. Гляжу: идут весёлый, улыбающийся Назарбаев, озабоченный Кулмаханов, Сара, за ними длиннющий хвост. Назарбаев заметил меня, улыбнулся, приветливо вскинул руку, я тоже поднял руку, помахнул. Он спросил громко, почему-то во множественном числе: «Халдарыңыз қалай?» Вокруг русские женщины недоуменно посмотрели на меня. Я был с палкой. «Это он приветствует ветерана», – тотчас громко прокомментировала одна. Тут же встретились министры Сулейменов и Сарсенбаев, тепло поздоровались. Затем – пред. Верховного суда, далее – целый отряд депутатов Парламента, председатели культурных центров, преподаватели вузов, литераторы. Я пристроился к хвосту, дошёл до ханской юрты возле дома Әбе, зашёл к Әбе, и мы вместе пошли по Джамбула. Президент со своей свитой выходил как раз из ханской юрты и подался дальше.

...В одиннадцать вечера позвонил Леонид Теракопян, удручённый тем, что уже в воскресенье надо лететь обратно, а никаких дел решать не удаётся. Что ж... попал Леонид Арамович в юбилейную полосу. После одиннадцати центр города сотрясал салют в честь Джамбула.

31 августа

В Чечне – как заявил Лебедь – война кончилась. Столько людей загублено, уничтожено. Как-то не верится, что эта бойня кончилась. Кончилась срамом для России. К статусу (политическому) Чечни вернутся якобы через пять лет. Лебедь чувствует себя триумфатором. Чеченцы кричали: «Аллах акбар!», «Лебедь – мужик!», «Лебедь – президент!» Одарили его белой буркой, папахой, кинжалом...

5 сентября

Встреча со мной в КНБ. В зале чел. 200. Вёл первый зам. Председателя. Всё было хорошо. Контингент явно посерел, потускнел, половина слушателей похожа на студентов облинститута. Я-то готовился на острый, даже эпатирующий разговор, на интеллектуальный спор. Но не тот уровень. Пришлось на ходу менять тональность, отказаться от некоторых идей. В общем прошло неплохо, и аудитория восприняла беседу доброжелательно. Но некая скованность чувствовалась. Видимо, в этом учреждении не привыкли к раскованному общению. Мой провожатый Вячеслав объяснил всё присутствием первого зама. А вообще КНБ живёт, как и вся страна, тускло: кабинеты серые, обшарпанные, шкафы хилые, бюджет мизерный, зарплату дают не вовремя, старые кадры уходят, новые приходят по причине неспособности к какому-либо другому делу, интеллектуальность резко снизилась. Не тот уровень, как я и предполагал.

2 октября

Большой перерыв. 9-го сентября загремел в реанимацию с диагнозом крупноочаговый инфаркт. Перед вылетом на Иссык-куль на годовую конференцию Сороса зашёл было в поликлинику и едва сняли кардиограмму, как врач громогласно объявил: «Бельгер, куда вы? У вас инфаркт». Я остолбенел. Тут же меня и отвезли в реанимацию и подключили к каким-то аппаратам, засуетились вокруг меня. Ну, и пролежал неделю в реанимации (читал верстку «Лики слова», чьи-то рукописи) и ещё две недели в кардиологии. Все свои ощущения и размышления описал в блокнотах «Реанимационные заметки» и «Кардиологические заметки». Что-то из этого, Бог даст, опубликую. Делал также записи, наброски для миниатюр.

А вчера со всякими предосторожностями и напутствиями, под контроль участкового врача и кардиолога выписали меня домой.

Уже около 6 вечера зашёл проведать Әбе. Говорил о том, о сём долго и нудно. Без конца куда-то звонил по телефону. Пил чай. Я очень быстро утомился и уже почти ничего не слышал. Едва ушёл Әбе, объявился Слава Черных. А мне совсем худо. Смерили АД – 220/120. Вот тебе на! Опять вызвали «Скорую». Сняли ЭКГ. Уколы. Лекарства. Еле снизили АД до 170/90. Значит, совсем сырой, дохлый. И приходить в себя после инфаркта буду долго.

А вечером открыл «КП»: извещение о кончине Коломыйцева. Я ведь с ним лежал в одной палате. Симпатичный человек. Умный, начитанный. Обширный инфаркт настиг его на моих глазах. Его в такой спешке отвезли в реанимацию, что даже не успели попрощаться. О, судьба! До чего же хрупка человеческая жизнь!..

5 октября

На рассвете видел сон: будто сижу в Союзе писателей, вокруг снуют мои знакомые, а я в приёмной перебираю бумажки, что-то пишу. Вдруг открывается дверь кабинета,

мимо меня стремительно проходит Аскар Сулейменов, говорит на ходу: «Оу, Гаке, где вы пропадаете? Я стучусь в вашу дверь, а вы не отзываетесь». И исчез... И что это значит? Может, покойник зашёл за мной, да прошёл мимо. И я, выходит, буду ещё жить?..

13 октября

Вновь пролистал энциклопедию «Абай». Убедился, что З. Ахметов, Р. Сыздыкова, Рсалдин и Құл-Мұхаммед, действительно, достойны абаевской премии: первый написал более 70 фундаментальных статей, у второго тоже около 40, у Рсалдина статей 30-40 плюс редактирование, у Құл-Мұхаммеда статей поменьше, зато издатель. Так что эти кандидатуры и это издание – что называется «шаппай бер». Это мнение письменно или устно я и выскажу на заседании комиссии.

Была у меня идея написать что-то о «Пути Абая» к столетию Ауэзова. Пришёл к выводу – не стоит. Об этом романе за 30 лет написано столько, что мне на этом поле делать нечего. А перепевать известное – малозначительно.

...Отец сообщил, что 8-го был на кладбище, где по его просьбе спилили дерево рядом с могилой мамы. На это место хочет лечь отец. «Теперь стало легче», – сообщил папа. Я сказал: «Хорошо. Только не спеши. Сражайся до последнего патрона». Он рассмеялся.

15 октября

Зашла врач Хадиша и сестра. Прослушала, простучала, давление измерила. Легкие, печень в порядке. ЭКГ с улучшением. Спазмы желудка – реакция на лекарства. Рекомендовала через 5 дней сократить ещё один сустак, увеличить ежедневно нагрузку, а через 10 дней прийти в поликлинику. Ушла Хадиша, приподняв мое настроение.

17 октября

Доигрался, Бельгер, допрыгался,
Доработался до сердечных спазм,
Без остатка, как лимон, выжал себя,
Впереди лишь старческий маразм.
...Так и живу: то можно, то неможно,
Никак не воспарит душа, а мается.
Хожу теперь так робко, осторожно
Как будто у меня в штанах сырые яйца.

19 октября

В Москве вместо Лебедя посадили Ваньку Рыбкина. Нашли тоже замену: ни рыба, ни мясо. Не Рыбкин – Килькин. Совершенно невзрачный человек. «Ельцин сделал ему царский подарок», – заявил Селезнёв. Видно, такой беззубый устраивает кремлёвский зверинец. Лебедю урок! Представляет он что-то из себя – ещё выплывет, умнее будет. Не выплывет – значит, был случайным эпизодом в российской политике.

23 октября

...Из «ЛГ» узнал о кончине (6 октября) Георгия Ивановича Куницына, философа, литератора. Я его знавал. Сейчас не помню, в каком году, отдыхали вместе в Переделкино. Много раз играли в шахматы. Он прилично играл, но общий счёт был в мою

пользу. Его это раздражало, он болезненно воспринимал проигрыш. Случалось, и беседовали. Человек был колоритный, рослый, мощный. По утрам бегал, сбрасывал вес. А было в нём килограммов 120-130. Великолепно читал лекции о НЛО. Мне показалось это странным: философ и НЛО. Вероятно, в моих записях тех лет можно найти подробности о нём. Однажды я показал ему гулыгинские книги ЖЗЛ – «Кант» и «Гегель». Он сделал кислую мину. Гулыга его не воодушевил. Было в нём – при всём его богатырстве что-то детское, милое. Пусть земля ему будет пухом!

25 октября

Казахская литература обогатилась тремя новыми народными писателями: Бакбергеновым, Шангитбаевым, Жунусовым. Это решил Президент в честь Дня Республики.

...В честь Праздника Президент сегодня появился на публике в новом костюме с полосками, который ему явно не идёт.

Звонил Калтай. Он сопровождал Президента в поездке, и всюду, где они были, – мамыражай (благоденствие). Уж очень хорошо, оказывается, народ живёт. Президент по всему Югу специально искал бедных, но не нашёл... У самого последнего бедняка – тридцать коров. О, Алла-ай...

30 октября

Указом Президента Абиш назначен госсекретарём. Можно б было порадоваться за Абиша, если бы предыдущим указом Президент не обкарнал изрядно эту должность, сократив его полномочия до нуля. Осталось только громкое название – госсекретарь! – а прав и полномочий пшик. Но для Абиша лучшего места нет, и я за него рад. Правда, даже это место не стоит одного его романа.

4 ноября

...А вечером и вовсе стало грустно. Неужели инфаркт вышиб меня из активной жизни? Неужели я вынужден замкнуться в одиночестве собственного сердца? Неужели в моем сердце очаг нестабильности? Ну, если меня хворь вышибла из общественной жизни, то, может, моё спасение или моё оправдание в более напряжённой литературной жизни? Сумбур на душе и печально до слёз...

7 ноября

Позвонил Абиш. Оказывается, он приезжал ко мне, да я, видно, гулял. «Настроение моё сейчас нормальное. Все здоровы. Сижу в кабинете Асанбаева. Заходи. Рае привет!»

Рад, что он душевно успокоился. К Абишу я отношусь издавна как к брату. Близок он мне во всех отношениях.

11 ноября

Утром были Құл-Мұхаммед и Қадірбек С. Обрадовали меня: были на презентации книги-альбома «Юбилей Абая» (русский перевод мой), привезли мне в дар картину («Старый город Семипалатинск») и шесть альбомов, при этом один в кожаном переплёте, в чехле (таких всего 10 экз., один достался мне). Посидели с полчаса, произнесли проникновенные слова, искренние, братские, выпили символически и уехали, обрадовав меня.

17 ноября

Воскресенье. Всё же около тысячи человек, несмотря на запрет властей, собралось на площади Чокана. Власти сильно перетрусили: и на Калинина, и на Джамбула (то, что я сам видел) торчали «энкаведешники» с разными рациями и мобильниками, сообщавшими куда-то, кто, куда идёт и в каком количестве.

Потопал и я. Чиновников и лазутчиков толпилось до черта. Возле института химии пукал-стрекотал движок, стояла машина КНБ или МВД с антенной, записывали речи. Но речей не было. Руководители «Азамата» и профсоюзов – Своик, Ауэзов, Соломин и группа поддержки стояли плотно, обвязав рты платками. Встретил знакомых. Поговорил, посудачил. Было объявлено, что санкционированный митинг пройдёт в воскресенье 1 декабря. В толпе шумели, ворчали, возмущались. Ругали правительство, окружение Президента, депутатов, смиренный народ и послушных казахов. Самих себя – тоже.

22 ноября

Утром неожиданно нагрянули «ассамблейцы» – О. Дымов, М. Каримов и С. Оздоев (ингушский центр, Султеке). Принесли письмо на имя Президента. Письмо убедительное. Подписал. Мило поговорили. Чай попили. Дымов прочитал своё стихотворение. Каримов спел милую татарскую песню. Полистав «Абай тойы», он сказал: «Где можно достать? Хотелось бы послать Шаймиеву». Я тотчас один экз. подарил. Каримов обрадовался... Встреча с этим жигитом была приятной.

25 ноября

Встретился Кошанов. Сказал, что до 65-ти прокантуется в Академии, потом откочует в Астану – «елге жақындау». Мне он говорит, чтобы я себя берёг: «Вы нужны стране, нам, Рае».

30 ноября

Настрой кисловатый. После обеда ползёт давление. Чувствую, как тяжело, натужно работает сердце, как кровь ворочается в жилах, как тесно в груди. Всё это угнетает. И очень болезненно реагирует на негатив в Казахстане. Слушал передачу о безработной казахской молодёжи, которая стеклась из аулов и толпится на улице Сейфуллина в поисках хоть какого-нибудь заработка. И журналистка с отчаянием говорит: о каком казахстанском патриотизме может идти речь, когда у этих жигитов жены и дети прозябают в аулах, а они околачиваются с утра до вечера здесь в надежде, что какой-нибудь бизнесмен или фирма наймёт его на час-другой грузчиком?! Среди них есть парни с высшим образованием, один 18 лет работал учителем, школу закрыли.

Вечером по ТВ слушал В.Ф. Михайлова. Мне он давно нравится: хороший поэт, умница, порядочный человек, симпатичен во всём. Он и говорит: наши беды надолго. И назвал цифру: 10-15-20 лет. Даже Татенко остолбенела. А ведь он прав. На нашем веку улучшений в Казахстане не ожидать. А когда произойдут улучшения, уже и Казахстана может не быть...

2 декабря

Поговорил по телефону с Щеголихиным. О госпремиях. Он предложил соискателей госпремии по абаевской номинации выделить отдельно. Человек 10-12 получают одну премию по циклу абаеведения и на этом, мол, закрываем тему. Кажется, разумно.

тай усердно закивал головой) в Кызылординской области, спросил: «Покажите бедный аул». Не могли! Нет, представьте, бедных аулов. У всех скота до черта! И так резко Президент это сказал, что у бедного редактора вмиг лицо одеревенело... На пресс-конференции Президент явно сердился, значит, он был неправ.

31 декабря

Весь день и меня поздравляют, и я поздравляю. Уже в полвосьмого утра зашёл Владимиров, принёс с гор ветку ели и барбарис из ущелья «Кім асар»... А вечером послушал обращение Назарбаева. Выступил сдержанно, взвешенно, толково.

В первом часу ночи лег спать под удручающую стрельбу хлопушек и фейерверков.

1997

1 января

Новый год, а снега нет. Идёт мелкий занудный дождь. Волглый весенний воздух. Тенькают птички. Раздумчиво, томно вышагивают по грязным газонам. Зеленеет мурава. И деревья чувствуют весенний зуд. Того и гляди – проснутся.

В Европе и России лютуют холода. Есть погибшие.

Не бездельничать же в первый день Нового года: печатал свой рассказ.

7 января

ПНЕК опубликовал обращение ко всем партиям и движениям: объявить на 97-й год мораторий на все митинги, демонстрации. Осталось ещё всему населению отказаться от пенсий и зарплаты. Целый год пусть начальство живёт – не тужит. Мало того, что это антиконституционно, это элементарно безнравственно. Вот тебе демократическое общество! Фарисеи! Дай им власть, они бы солнце заморозили! Теперь жандайшапы из отдела внутренней политики хотят навязать эту дурь всем культурным центрам...

10 января

Первый день оразы. Сказал, что попытаюсь соблюсти пост в целях оздоровления и в знак солидарности с мусульманами, как Мухай тотчас написал информацию в «Егемен К.», озаглавив её: «Герольд Бельгер соблюдает оразу». Хорошо, что вечером позвонил Ербол Ш., и я эту дурную акцию прервал...

11 января

Сегодня, наконец, выпал снег. В DAZ опубликованы мои заметки о Кунаеве. В Казахстане довольно активно отмечают его 85-летие. Ни один из нынешних креслосидельцев не участвуют. Юбилей Кунаева обретает антиназарбаевский оттенок.

14 января

Вечером съездили с Нурпеисовым в Дом кино, где заседала Комиссия по присуждению премии за духовное согласие. Собрались Щеголихин, Т. Аубакиров, Тажин, Кулманов, Атрушкевич, владыка Алексий, Т. Мухамеджанов, Баяхунов, Нурпеисов, я. Ре-

шили за 1996-й год присудить юбилейную премию за духовное согласие Президенту. Остальные кандидатуры за 97-й год решили рассматривать позже, в октябре. Премия должна быть вручена особенно торжественно во Дворце республики. От застолья вынужден был отказаться: здоровье ни к чёрту.

19 января

«Не пишется», – пожаловался я Симашко. «Ну и не надо, – утешил он меня. – Кудай сам подскажет, когда писать».

Читал Олешу. Всё-таки лучшее, что им написано, – «Ни дня без строчки». Для меня такая форма наиболее близка.

26 января

Звонил Нурпеисов. Его грипп обернулся воспалением легких. Завтра ложится в больницу. Долго говорил о недостатках «Аңыздың ақыры» Абиша. Об этом он и раньше не однажды говорил. Считает, что Повелитель не живой, а просто резонёр. Отсюда начало романа – просто статья, публицистические философские рассуждения. И вообще есть, мол, излишества. Если бы их убрать и оживить Повелителя, получилось бы гениальное произведение. Так рассуждает Әбе.

6 февраля

Позвонил Әбе. Он сладил с пневмонией и гриппом. И завтра летит в Аральск. По его словам, он решил первую книгу своего «Долга» не редактировать, а полностью переписать. Многие места, как бы хорошо они ни были написаны, сокращу. Из одной главы сразу выкину и целиком страниц 15-16. Всё! От начала до конца всё перепишу. Моя ведь вещь...» Таков Әбе... «Ты не смейся».

13 февраля

Вчера Әбе активно настроился на работу. Обосновавшись в Доме отдыха, разложил с вечера бумаги, рано лег спать, чтобы до зари приняться за работу. Действительно встал в 4.30, помылся, сел за стол. Но уже через полчаса начал зевать и снова лёг. Утром в 9-ом часу звонит: работа не идёт. Видно, перестроиться надо, всё-таки возраст, день-другой необходимо отсыпаться. Минут через десять звонит ещё раз: слушай, в час дня Ерлан даёт банкет в «ПЕНе», может, поедем вдвоём, а? Я решительно отказался. Потом позвонил ещё, сообщил – холодновато, всё тускло, постель не та, телефон не отключается. Словом, никак нельзя настроиться на работу... Әбе сейчас хоть на Луну отправь, работать не будет. Весь расхоложенный...

23 февраля

Внук мой, Сева, получив «тройку», пришёл домой серьёзный и насупленный. «Ну, как же так, Сева, опять тройка! Ведь мы так готовились!» – говорит ему мама. Сева, вздохнув, ответил: «Ах, мама, разве о «тройке» речь? О жизни думать надо!»

4 марта

Назарбаев даёт разгон: разгоняет министров, сокращает министерства, армию чиновников, разоблачает жуликов вокруг программы «Болашак», пишет указы, проводит пресс-конференции, словом, основательно занялся реформами, не щадя «сво-

их». Объединил министерства культуры и образования (что-то сомнительное). Из 27 министерств и комитетов оставил 14. Один миллион чиновников на шее государства намерен сократить наполовину. Как говорится, Бог в помощь...

5 марта

«Что за Куликовская битва происходит в Казахстане?!» – воскликнул Симашко, звоня мне утром. Действительно, события по кадровому вопросу потрясают. Уволить 0,5 миллиона чиновников – это круто. Куда их денешь?! Всё равно где-нибудь всплывут, ещё более обозлённые и агрессивные. Произойдёт мощное вливание в оппозицию. Я всё ещё сомневаюсь: искренне ли поступает Президент или это уфит-суфит?! Если искренне, то следует поддержать риск Президента.

11 марта

Шесть месяцев моей реабилитации после инфаркта. В честь такого «юбилея» крепко поработал.

Полтора часа побыл в Фонде Сороса, участвовал в беседе с Ребеккой, Джорджем и Меиз Канышевной Сатпаевой.

19 марта

В 12.00 заседали у Кажегельдина. Ауэзовская юбилейная комиссия. Вел заседание Кажегельдин энергично и деловито. Весь разговор мне понравился. Много знакомых в Комиссии – почти все. Потом с Мұхтаром Құл-Мұхаммедом и Әбе пообедали в кафе «ПЕН». Пригласил Әбе, расплатился Мұхтар.

Вечер был в Фонде Сороса. В отсутствии Бектаса вёл заседание я. Быстро, в темпе. Членами правления утвердили Е. Нурпеисова, Г. Шалахметова и М. Сатпаеву.

1 апреля

В «Казправде» записки Щеголихина. Очень странные: оправдывает ГУЛАГ в прошлом; полагает, что ГУЛАГ нужен и сейчас, сожалеет о распаде Российской империи, считает, что СНГ и есть ГУЛАГ, злобится на демократов, считает себя русским заложником в Казахстане, гордится рукопожатием Ивана Рыбкина (человек-то мелкий и серый!), видит в этом символ ущемления двух Иванов и т.д. Я вначале подумал: глубокий сарказм. Потом решил: первоапрельская шутка. Но, кажется, И.П. думает так всерьёз. В таком случае от удивления только покачаешь головой.

4 апреля

Вечером заседали в ПЕН-клубе: Симашко, Елеукенов, Раушанов, Нурпеисов, я. Разговор был о статье Рустема Джангужина, который из своего киевского далека укусил в «ЛГ» и наш ПЕН. Әбе изо всех сил натравливал меня и Симашко на Рустема, втолковывал, ка́к мы должны отреагировать, что́ сказать. Морис, Шериздан и я всячески отнекивались: дескать, с кем спорить, о чём говорить, мало ли кто что скажет... и т.д. Әбе наседал яростно, порой беспардонно, обвинял нас в том, что у нас нет огня, что мы не оскорбляемся, значит, душа не лежит, ко всему относимся равнодушно...

Я же подумал: членов ПЕН-клуба 35, народных писателей 8, а отдуваться всё время мне и Симашко. Ну, написали же мы в «КП». Не мешало бы и другим. Нет, Елеукенову некогда, он работает над двумя книгами, Кабдолов пишет роман, Әбе переписывает

книгу, все, видите ли, заняты высоким творчеством, а Симашко и Бельгер пусть отдуваются... Рассердился Әбе, надулся, встал... «Как хотите»... Тогда Симашко дрогнул, сказал: он попробует... Взвинченные, мы разъехались.

5 апреля

Утром заехал за мной Галым Абильсеитов, и мы отправились в КазИПТИ, где арендовали для проведения конференции «Азамата». Однако, в зал народ не пустили, и конф. не состоялась. Пел хор ветеранов, собралось человек 200. Много знакомых лиц – Абдильдин, Ауэзов, Своик, Абильсеитов, Шарманов, Чернышёв, Землянов, человек десять «тамыровцев», Макалин, руководители разных партий и движений. В стороне наблюдала кучка милиционеров. Потолкались, покружились; сказали, что проведём конф. вдругорядь; митинговать, мол, смысла нет; у нас, дескать, вопросы более серьёзные. Были, конечно, возмущённые голоса. «Хабаровцы» и «КТКовцы» сняли всё это. Шарманов отвёз меня домой.

Конечно, глупость со стороны властей. Вместо того, чтобы выпустить пар, нагнетают обстановку. И подобным самодурством доиграются. Не «Азамат» будет опасен, а как раз неорганизованные, стихийные силы.

6 апреля

Воскресенье. Позвонил Шота В.: «Майн Фройнд!.. Завтра собираюсь лечь в больницу. Черепное давление. Мозги мои не вмещаются в черепок. Может, зайдёшь ко мне? Надо кое-что показать...»

Пошёл к нему. Огромный кабинет загружен всякими проектами. Стол завален книгами, эскизами, карандашами, альбомами. Шота в цветастой безрукавке, как всегда, воодушевлённый, импульсивный, бурный, шумный, бросился ко мне, сходу начал рассказывать, показывать, перескакивать с темы на тему. Показал макет памятника жертвам репрессии. Объяснил, растолковал. Показал макет памятника Аблаю, рассказал, объяснил. Показал петроглифы. Объяснил. Достал блокнот, прочитал свои стихи, переводы, гаклии, фразы, заготовки. Показал эскизы (ещё наметки) памятника жертвам атомных испытаний. Увидел на тумбе «Жалын» №1-2. Он тотчас прочёл оттуда два стихотворения Василия Муратовского. Одно – «Национальность» – действительно прекрасно. Поговорили об опусе Азильхана в «Жұлдызе» с осуждением. Я уточнил кое-какие детали Монумента независимости. Потом Шота показал надгробный памятник Тлеулесу Кажгалиеву. Ещё какие-то альбомы. Исследование Алтая Аманжолова. Всё норовил угостить чаем. Тут позвонила Зина, жена. Сообщила, что качаются люстры; землетрясение. «Не беспокойся, Зина, – утешил он её. – Просто наши люстры плохо укреплены». И подмигнул мне. «Ничего, Зина... Завтра лягу в больницу, и тогда исполню все твои поручения».

Нравится мне Шота. Немного сумбурный, излишне увлекающийся, но живой, темпераментный, ищущий, мыслящий, неравнодушный. Со стен взирали Чингисхан, Аблай, Нурсултан, Абиш, Бокейханов...

11 апреля

Около 17 часов заехал за мной Абильсеитов. Отвёз в Дом демократии. Что я там увидел, привело в шок. Грязь, вонь, разруха, запустение. Выступая, я о том и сказал. Дом демократии свидетельствует ярко и об уровне нашей демократии, и о нынешнем

состоянии Казахстана. Ужас! Так называемые оппозиционеры тоже выглядят жалко. Жуткое ощущение! Выступление мое приняли нормально, но я не испытал ни малейшего удовлетворения. Всё бессмысленно и безнадёжно!

21 апреля

Смотрел по ТВ беседу Президента с редакторами газет. Говорил он здравые мысли о языке, о гласности, о необходимости поддерживать журналистов и не очень убедительно о переименовании Акмолы в «Казахстан». Сказал, что ему нравится «Ак молла»... Был якобы в тех краях исцелитель-лекарь, спасший народ от чёрной оспы. Прозвали, мол, его Ак-моллой. Сделаем, дескать, два «л». Написали ведь эстонцы Таллинн через два «л» и два «н». Так и мы напишем – «Ак молла»... Но решение пока не принято.

22 апреля

Назарбаев объявил о реорганизациях в Казахстане. Распущены Торгайская и Т-Корганская обл. Последняя пристегнута к А-Атинской, а Торгайская поделена между Акмолинской и Костанайской. Таким образом сокращено 1000 чиновников, сэкономлено на зарплате 0,5 млрд. тенге плюс уйма служебных автомашин. Дело, думаю, разумное. К чему столько бастыков?.. Произошла реорганизация и в силовых структурах. Более чётко определены функции КНБ, ГСК, МВД, пожарников.

Вид у Президента усталый. Понятно, нелегко ему. Очень.

26 апреля

Выяснилось, что Константин Эрлих, удручённый положением дел, скорее всего, смотается в Германию. Через три недели он приедет и, полагаю, начнёт сворачивать свою деятельность в Казахстане. Очень жаль! «Заполняйте антраг», – посоветовал мне Эрлих. Для меня это как смертный приговор. Не представляю свою жизнь нигде, кроме как в Казахстане. Хотя после угасания последних культурных очагов жизнь моя совсем оскудеет. Грустно порой до отчаяния...

5 мая

Утром на прогулке узнал от Сагдиева, что Кокшетау пристегнули к СКО. Акимом остался Гартман. В Акмоле, присоединив пять районов Торгая, остался Браун. Семипалатинскую область пристегнули к ВКО (это несправедливо. Семей – историко-культурный центр; казахов-семейцев тем самым обидели). Акимом остаётся Метте. Вот будет чехарда! Жезказган передали Карагандинской обл. Разруха ожидается колоссальная.

...Читал переписку Г. и Т. Маннов. Боже, какие мы все ничтожества на фоне этих титанов. Романист Азильхан и Манн – две большие, однако, разности. Да и все мы хороши! Стыдно...

6 мая

Утром с удовольствием прогулялся у Чокана. Глядя на престарелых физкультурников, сочинил стишок:

Ғимараттың басында
Желкілдейді көк байрақ.
Ал, Шоқанның қасында
Селкілдейді көп дорақ.

9 мая

Отметили и этот День Победы. Праздник этот до сих пор всенародный. В этом убедился ещё раз, посетив сегодня парк панфиловцев и постояв у Вечного Огня, вглядываясь в лица людей, слушая их разговоры, песни, глядя на пляски. Два часа был с Раей в парке и пришёл с просветлённой душой. Утром по телефону поздравил Нурпеисова, Снегина, Калмухана, Данилова (ему 70 лет). Позвонил в Ташкент, поговорил с отцом.

21 мая

Была у меня дипломантка КазГНУ (факультет журналистики) Жанна Ескуатова. Её дипломная работа посвящена моим писаниям. Кое-какие сведения обо мне она имеет, кое-что я ей дал и посоветовал. «А вы знаете, ваш телефон прослушивается!» – сообщила она. Оказывается, она слышала утром мой разговор с Әбе. Ничего удивительного, мы же строим демократическое, правовое государство. Почему бы не подслушивать?

2 июня

Неделю лежал в кардиологии. Вчера Толен Абдиков сообщил, что обкатывается идея о переименовании Акмолы в Нурсултан. Я сказал, что это величайшая глупость, что тем самым окончательно всколыхнут и раздразнят народ. Не тот ныне фон, чтобы в такие игры играть. До такого и Туркменбаши не додумался...

3 июня

Говорят о том, как переименуют Акмолу. Варианты, главным образом, такие: Акмола, Алаш, Алаш-орда, Ак-орда, Самала, Нурсултан... Вариантов много.

25 июня

Утром звонит совсем обескураженный Әбе. Вот, мол, получил «ЛГ», а там 1/3 площади посвящена памяти Окуджавы. Как же так? Әбе никак не возьмет в толк, почему Окуджаве такая честь. Ничтожный хриплый голосишко, проза так себе, поэт тоже не ахти. Әбе поведал, как он выступал против присуждения Окуджаве Госпремии на Комитете по премиям, раскритиковал его сборник, «русские меня поддержали, и мы не пропустили Окуджаву, а протащили Машбаша». Оказалось, урусы расхвалили Әбе за его выступление, назвали его «совестью Азии» или Востока, поздравляли за принципиальность. Спорить с ним не хотелось. Прелесть и мудрость булатовских слов ему недоступны, как и большинству азиатских образованцев. Вон Хомейни на вопрос: «Как он относится к Бетховену и Шостаковичу?», говорил, что он таких не знает.

«Ну, и кто ныне знает Машбаша?» – спрашиваю.

«Никто не знает», – согласился Әбе.

«А Окуджаве аплодировали всюду. И он мог выступать перед многотысячной аудиторией».

Ещё долго мы говорили на эту тему.

30 июня

Вечером позвонил Абиш. Просит перевести его вступительное слово к энциклопедии Мангышлака. Якобы немного – стр. 17. Не очень охотно, но согласился. В мои планы это не вписывалось. Дополнительная нагрузка. Если издатели не станут торопить, авось справлюсь. Неприлично отказывать госсекретарю...

3 июля

...Потом вручили Президенту нашу (Фонд культуры) – за мир и согласие – премию. Обошлись малым числом нашей Комиссии – Толеген, Әбе, батюшка с муфтием. Әбе толкал речь. Президент передал премию (5 тысяч долларов) детскому дому. От стипендиатов выступили Снегин, Серкебаев и народная артистка – кореянка. Рад, что сия процедура обошлась без меня.

21 июля

Утром, ещё до восьми, деревянным иностранным голосом, с трудом выдавливая каждое слово, позвонил из Акмолы Кирилл Дебольский и сообщил горькую весть о кончине Алексея Борисовича Дебольского. Из его слов понял, что умер Алеке ещё в пятницу от четвёртого инфаркта.

27 июля

За два часа до начала нашего заседания в ПЕНе зашёл озабоченный Әбе и завёл разговор о том, что он устал, потерял авторитет и честь, что с этим ПЕНом одна морока, финансовые дела никак не ладятся, и дома постоянные скандалы по этому поводу, что всё время думает о доходах, о кафе, лишился покоя, что он всё чаще подумывает, не уйти ли ему вообще...

Далее он поделился своей идеей: поскольку учредителем ПЕНа некогда был Кармет, а ныне Кармет, оказавшись в руках индусов, якобы, процветает, то не резонно ли – с согласия и помощи Кажегельдина, Абыкаева и нового Акима Карагандинской области – обратиться в Кармет с проникновенным письмом, обосновав необходимость творческих контактов с ним, посулив ему встречи с выдающимися писателями современности и издания альманаха, и на основании этого попросить у него спонсорскую помощь и три премии в год... Әбе развил, расцветил эту идею, прося моего одобрения. Я сказал, что испробовать этот путь надо. «Тогда поставим этот вопрос на повестку дня».

На заседании решили обратиться с письмом в Кармет (сочинять его, как всегда, должен я, Симашко также приложит руку), сдать в наём второй этаж офиса, а кафе французам пока не давать.

Приятный был вечер. Очень усталым был Зеке (Кабдолов). На мой вопрос: «Как настрой?», Зеке мгновенно ответил: «Плох!» Я заметил: «Оу, казахам ведь не свойственно так говорить...», тогда он более мягко сказал: «Устал я». Это заметно. Он и с вечера ушёл на полчаса раньше.

3 августа

В «Жұлдызе» №7 опубликована длинная и жесткая речь М. Ауэзова на Секретариате ЦК КПК (ЦК КП(б)К) в 1949 году. Прочёл. Сильно долбанул Ауэзов Муканова, Мусрепова, Жумалиева. Подробно рассказал о задуманной серии из 7 романов, которые намерен закончить за шесть лет. Я подумал: до чего же скудная среда была! Малозначительные фигуры, о которых нынешний люд и понятия не имеет. Конечно же, на этом фоне Ауэзов был изначально трагической фигурой.

4 августа

Утром вздёрнул мой нервы Әбе. Ни с того, ни с сего, грубо и бестактно, а – главное – несправедливо обрушился на меня из-за того, что я, работая в Фонде Сороса, не рас-

колол его хотя бы на компьютер. Разговор этот он затевает в десятый раз и всё более агрессивно.

А вечером Эбе позвонил ещё раз, просил извинить. «С моей стороны это было настоящим свинством. Я совсем забыл про твоё состояние... Что поделаешь, собачий характер. Извини... Я так беспокоился... телефон не отвечал... я уж собрался пойти к тебе...» «Ладно, – сказал я, – ушло-прошло».

12 августа. Ташкент

Из узбекских газет узнал, что в Пекине состоялась научная конференция на тему «Амир Темур и его роль в мировой истории». Конф. была организована академией общественных наук КНР. На основе примеров из исторических источников докладчики показали, что великий государственный деятель, покровитель науки, культуры и искусства Амир Темур был последовательным сторонником укрепления мира и безопасности, установления и развития международных торгово-экономических и культурных связей... Вот тебе и Амир Темур! А мы-то думали...

Здесь, в Ташкенте, в отцовском саду, перечитал «Смерть Ивана Ильича», «Алёша Горшок», «Крейцерову сонату» (у Толстого было 8 редакций), «Фальшивый купон», «Корней Васильев» (переделывал 13 раз!)

14 августа

Скудно на отцовской усадьбе. После ухода мамы всё потускнело, захирело, поблекло. Исчез благородный дух. Царит меркантильность, мелочность. Расстроился до слёз.

Перечитал «Окаянные дни» Бунина. Хорошо пишет о Чехове:

«Да, Антон Павлович, вот скоро и юбилей ваш будем праздновать!»

«Знаю-с я эти юбилеи. Бранят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и поцелуями, восторженную ахинею!»

16 августа

Толстой пишет в дневнике: «Куда ни выйду – стыд и страдание...»

Думаю, любой нормальный, не лишенный совести человек – особенно с возрастом – испытывает тоже самое. И особенно печально то, что постоянно ощущаешь свою беспомощность. Жизнь во многом соткана из страданий, а изменить что-либо ты не в силах. Вот это и усугубляет твои страдания. Правда, Толстой нередко мучился от «безумной роскоши» вокруг, а здесь, в Ташкенте, постоянно дивишься безысходной нищете.

Всё бессмысленно, грустно и тоскливо.

20 августа

Неуютно стало в отцовском доме. Мама ушла – все как бы чужие стали. Какая-то нервная обстановка. Бездуховность. Тяжело. И работать невозможно. Целый день читал «Библию», а стало почему-то ещё опустошённей.

Как верно сказал Иван Павлов: «Счастье человека – где-то между свободой и дисциплиной. Одна свобода без строгой дисциплины и правила без чувства свободы не могут создать полноценную человеческую личность».

26 августа

Звонил Толен Абдиков. Сообщил, что аппарат Президента сидит на чемоданах. 24-го октября Президент переезжает в Акмолу, а 25-го октября будет грандиозный той по случаю переезда и Дня Республики. Чиновники поневоле переезжают, но нет духовной ауры. Поэтому хотелось бы, чтобы кое-кто из писателей и общественных деятелей также изъявили желание переехать в новую столицу. В частности, Толен нащупывал мои планы по переезду. Заверил: работа и квартира будет. Я рассмеялся было, но Толен был серьёзен. Сказал: подумайте. По всем параметрам мне в Акмоле делать нечего…

Есляма З. настиг-таки инфаркт. Всё, как у меня было.

28 августа

Для немцев СССР День национальной скорби и памяти. Всё помню…

Весь день был на съезде трудармейцев. Много знакомых. Беседовал со Штраусом, Цитнером (собрал 1200 нем. поговорок и пословиц). Дал интервью «Хабару». Организован съезд неплохо, но содержание пустое. Значение – ноль.

Звонил Калтай, с восторгом отзывался о продолжении моей статьи в «НП». Хочет в переводе на каз. яз. опубликовать в «Туркестане».

Читал опус Дизендорфа. Сплошная ложь.

2 сентября

Звонил Михаил Иванович Исиналиев. Похвалил моё эссе в «НП» и посоветовал издать весь цикл отдельной книжкой. И ещё: публиковать в каз. печати. Дескать, в аулах ведь русских газет сейчас не читают. Э-э… в ауле сейчас вообще не читают.

4 сентября

«Торжественно докладываю, что вчера в районе пяти часов окончательно завершил свою книгу», – доложил утром Эбе. Он поведал мне по телефону, что ему очень хорошо работалось, что ему предоставили исключительные условия, что он испытывал подъем, близкий к вдохновению, временами казалось, что ему кто-то диктовал; три главки он написал за два дня и при переписке почти не внёс исправлений. Но ни один журнал не сделал предложения о публикации, и теперь и он назло никому предлагать не будет. Всякое дерьмо печатают, а у него даже не спрашивают. Ну и пусть! Никому не дам. Ну, ты прочтёшь и сам убедишься, что лучше ничего я не написал…

7 сентября

Три дня работали в сан. «Алатау» (идеальные условия, приятные люди, доброжелательная атмосфера, полезная акция) – Вторая оценочная и стратегическая конференция ФСК. Вместе с координаторами и экспертами было человек 60-70. Рад, что выдержал эти три дня. И гулять успел, воздухом подышать, со многими общаться. Приятных впечатлений много. Правда, временами было утомительно. Возраст и больное сердце сказываются.

9 сентября

Год назад сразил меня инфаркт. С Божьей помощью год продержался. Может, судьба проявит ко мне милосердие? В ответ за такую благосклонность я бы усердно работал и не делать бы ничего против совести. А год этот я, кажется, прожил не зря…

14 сентября

Терпение Нурпеисова поражает. У него талант – из полной несуразицы, хаоса, откровенного вздора вылепить нечто вполне вразумительное. Берет охапку мусора, начинает перекладывать, перетряхивать, без конца просеивать, прочищать, оглаживать, глядишь – вышелушивается вполне приличное зернышко. Иногда это его упорство, упрямство и восхищает, и раздражает.

15 сентября

Час-другой читал роман Кабдолова. Впечатление доброе: живой язык, сочно изображён фон эпохи, ярко подан Ауэзов, чётко схвачены характеры.

17 сентября

Вечером в Доме учёных был просмотр документального фильма об Ауэзове. Собралось много народу – учёные, писатели, журналисты, деятели культуры. Половина незнакома. Фильм мне понравился: не трескучий, не громкий, нехвастливый, уютный, какой-то семейный, теплый, локальный, человеческий. Среди рассказчиков Диар Кунаев, Мурат Ауэзов, Наурызбаев. Смотрели на одном дыхании. Есть потрясающие фотографии Ауэзова 20-40-х годов – печального, скорбного, затравленного, с жуткой тоской в глазах.

19 сентября

Два дня (с одной ночёвкой) пробыл в сан. «Алатау» на семинаре по методике преподавания каз. языка в неказахской аудитории. Собралось человек 50, среди них немало знакомых: Халима Адамовна, Рафика Бикеновна, Кульпаш Сариева, Клара Ахметовна, Альмаганбет Тореханов, Сауле Каликовна, учителя-грантёры, авторы учебников. Хорошие, увлечённые, неравнодушные люди. Думал: открою семинар и погуляю, поживу в своё удовольствие, но проблемы меня увлекли, захватили и два дня я участвовал в работе от и до. Будет время – пожалуй, напишу об этом весьма полезном мероприятии.

23 сентября

Утром узнал, что Кажегельдин тю-тю… слинял за границу… на лечение коленного сустава. Наивно и смешно. Фарс в примитивном азиатском стиле. Всем ясно: лечение его основательно затянется. И.о. премьер-министр назначен временно Есимов. А Кажегельдину так и надо! Я знал, что он невежда, но всё же полагал, что он хоть что-то из себя представляет, а, выходит, – пустышка.

Нурпеисовская надежда на 10 тысяч долларов для ПЕНа тоже лопнула. Накрылась. Теперь Әбе намеревается их выпросить у Бути.

Депутатов хотят сплавить в Акмолу уже в середине октября.

25 сентября

Гремят ауэзовские дни. Мероприятие за мероприятием. Сплошным валом. Галопом. С бесконечными тягомотными речами – малта езу. С утра шла научная конференция в АН. В 14.00 мы были в Музее изобразительных искусств, оттуда помчались в Национальную библиотеку (тоже выставка, но здесь общительнее, теплее), далее – в выставочный зал Кастеева. Встретил множество знакомых из областей. Услышал мно-

го хвалебных слов по поводу своих статей в «НП» и перевода бия Айтеке. Особенно от Л. Галымжановой, Ш. Сатпаевой, Макпал и мн. др. Похвалил нас с Әбе и посол Мансуров в «КП». Спрос на эти номера большой. И звонков много.

Все сходятся во мнении, что ушёл Акежан навсегда. Все эти людишки настолько мелочны и ничтожны, что их уход абсолютно ничего не значит. Для меня же Акежан был всегда антипатичен. Я один из тех, кто голосовал в парламенте против него (таковых, помню, было всего 6 человек). Беда же в том, что многие из окружения Президента ещё более ничтожны. Вот это-то и настораживает.

26 сентября

Ауэзовские дни продолжаются по всем фронтам. В парламенте прошёл симпозиум. Я не пошёл. Потом узнал от Мурата А., что мощно выступил Давид Кугультинов. Айтматов выдал шикарную фразу: «Творчество Ауэзова – национальный банк казахского языка».

В обед заехал за мной Д.Д., потом, забрав Кабдолова, поехали в Национальный банк, где состоялся вечер памяти Ауэзова. К нам присоединился Мурат. Кажется, встреча получилась неплохой. Хорошо организовано. После наших выступлений был небольшой концерт и проведена викторина. Нас одарили чапанами и часами. Потом был ещё маленький фуршет. Вечером по «Акшам» было сообщение об этом вечере с перечислением наших фамилий и показом каких-то кадров.

27 сентября

Торж. заседание, посвященное Ауэзову, во Дворце Республики. Писателей, точно отару паршивых овец, загнали в правый угол, оттеснив подальше от центра. Таким образом наша славная власть указывает писателям и учёным их подлинное место в обществе. И на юбилее Абая было то же самое: тогда писатели сидели вообще на отшибе – в правом верхнем углу, на 36-39 ряду. Естественно, писатели на это обратили внимание; немного возроптали; Магауин и Кабдеш решили, что таким образом власти стараются унизить писателей. Президент также запустил несколько стрел в адрес маловеров, которые не желают смириться со временными трудностями при эпохальном переходе. Этот тезис развил, углубил, поперчил старательно Абиш (впрочем, доклад его был весьма толковый как по форме, так и по содержанию). По поводу этого тезиса я сказал Дукенбаю, сидевшему рядом, что если бы я был госсекретарём, я говорил бы то же самое, на что Дукеш добавил: «Эти слова тех, кто ест икру, а народ нуждается в обыкновенном чёрном хлебе»...

Да, разрыв в обществе углубляется. Народ и власть стоят по разные стороны баррикады. Единение в этом смысле с каждым днём ослабевает. Жаль, что умница-Абиш этого не понимает. Конечно, как человек и писатель он это видит и чувствует, но как Госсекретарь и верный служака вынужден петь иные песни.

7 октября

Вечером провели в ПЕН-клубе акцию награждения, точнее, вручения премии Зейнулле К. За мной заехал Әбе. Вечер получился теплый. Были пеновцы, журналисты радио, ТВ, фотокоры. Выступили (толково) Әбе, Булат Абилов (очень вежливый, интеллигентный, умный), аким Бостандыкского района, сам лауреат. Застолье было отменное. Жигиты гудели хорошо. Я уехал пораньше вместе с Бадиковым и Жовтисом.

Әбе обнимал, теребил, целовал меня, объяснял Толену, что жизнь свою без меня не представляет. Әбе иногда сентиментален и становится мальчиком. Тогда у него душа нараспашку, он стряхивает обычную скованность, становится необыкновенно добрым и сердечным. Еле вырвался из его объятий. В ударе был и Симашко, и Калтай, к их компании пристал ещё громила-американец, читающий лекции в юридическом университете по международному праву. Зеке вёл себя солидно и достойно, пил со всеми, благодушествовал по-джентльменски. По-моему, все довольны.

10 октября

Исторический день. Так, по крайней мере, определил его Президент. Он торжественно обратился с посланием к народу, объявив стратегический курс Казахстана до 2030; принял отставку Кажегельдина, ловко скрыв все подспудные течения и интриги, даже слегка обласкав на прощании бывшего соратника, назначил нового премьер-министра в лице нефтяного барона Балгимбаева Нурлана и двух его замов – Есимова и Павлова; распустил правительство, попутно решив уйму других больших и мелких дел.

...Доклад Президента был хорош. Многое в его речи – борьба с курением, питьём, абортами, необходимость выживать любым способом, признание очевидных трудностей, обращение к молодёжи, разумеющиеся само собой призывы – возражения не вызывает. Все язвы общества, о которых долдонят писатели и журналисты, Президент признал сполна, подтвердил своим высоким авторитетом и статусом. Дела во многом очень даже неважные, но к 2030 году всё будет о'кей. Через тридцать три года, поднатужившись крепко, мы достигнем нынешнего уровня Австралии. Словом, нечего особенно волноваться. Много разного наговорил Президент за этот день в Парламенте, на пресс-конференции и т.д. В том числе признался, что он отнюдь не собирается президентствовать вечно, жить в таком режиме, он ведь не железный...

Исторический день. На днях начнётся переезд чиновничьей гвардии в Акмолинск. Там, кстати, задули осенние ветры и хлынул холодный дождь.

11 октября

Утром позвонил Әбе. Обменялись впечатлениями о вчерашних событиях. Настроен Әбе кисло. Вчера он не пошёл на актив главным образом из-за того, что в пригласительном билете была указана боковая ложа. В этом он усмотрел желание властей унизить его. И вообще он полагает, что просматривается явная тенденция оттеснять на обочину общественной жизни писателей, учёных, деятелей культуры. Мелких чиновников, ничего не сделавших для страны, усаживают, мол, на первое место, а заслуженных людей всячески унижают, загоняя их в углы. Вероятно, Әбе прав. Мы это всё замечаем. Нынешним властям интеллигенция не нужна. Им нужны лишь толстосумы.

Может быть, и нам следует вести себя соответственно по отношению к власти? Мы ей не нужны, ну и она нам не нужна. «Ты махнула мне рукою, я махнул тебе ногой...»

И ещё Әбе сообщил, что во власти явный перебор «жигитов одного аула», из чего следует, что кое-кого придётся сократить.

...Политика осточертела, однако она тебя сама хватает за горло. Везде говорят о докладе-послании Назарбаева. Все в недоумении: об экономике, культуре, науке речи нет. Новая структура власти более чем удивляет. Что это за министерство, где в кучу свалены образование, культура, здравоохранение? Может, подобный монстр нужен потому, что всё равно нет ни того, ни другого, ни третьего?

...Листал «ЛГ». Дурные стихи Евтушенко. А стихотворение «Павлодар» ещё и вредное, провокаторское, неуместное.

13 октября

Была Жанна Ескуатова. Толковая девушка! Умница, чуткая. Полистал её дипломную работу. Дело не в том, что она меня уж больно восхваляет, а в том, что она многое добросовестно прочла и сделала в общем-то верные выводы. Она намерена писать кандидатскую диссертацию о моей публицистике. Не знаю, тянет ли моя публицистика на диссертацию, но что Жанна написать в состоянии – не сомневаюсь. У ней хорошая хватка. И дисциплина.

15 октября

В Акмолу выехала часть МИДа. Выезд в Акмолу воспринимается людьми как административная высылка. Часть малозначительных чиновников отправляют, а козлы-провокаторы ошиваются в обжитой Алма-Ате.

18 октября

Дурацкий благотворительный обед в гост. «Анкара». Якобы должен был быть Президент, но его не было, а были спонсоры, духовенство, «саксаулы», наццентры, ассамблеевское руководство и т.д.

После этих пустых посиделок Әбе приехал ко мне. Показал я свою рукопись «Тихие беседы», думал его заинтересовать, но он проявил полное равнодушие, даже не скрыл досады на лице, дескать, какие ещё рукописи, когда надо мой роман переводить. Я-то втайне надеялся, что Әбе скажет: «Спонсора для тебя найду», но он промолчал, отмахнулся. Мои писания его не интересуют. У него другие заботы. Он недоволен инертностью своих дочерей. Постоянно думает о своём романе. Жаль... надежда моя не оправдалась. Надо искать другой выход.

20 октября

Сегодня Президент провёл городской актив и объявил Алматы городом республиканского значения, в котором сохранится резиденция Президента, над которой будет развеваться флаг, когда он, Президент, в городе. Алматы будет по-прежнему историческим, культурным, научным и т.д. центром. Словом, утешил. Потом новоиспечённые министры принесли присягу в парламенте: двое на русском, двое на ломаном казахском, один на нормальном казахском.

25 октября

Вчера вечером, в десятом часу, «Скорая» доставила меня в больницу: гипертонический криз (уж который по счёту). АД-205/110. Скверно! Мест не оказалось. С трудом определили в «нулевую» палату 1-ой кардиологии. Типа изолятора.

28 октября

Первый раз в жизни провожу свой день рождения в больнице. Итак, добрёл до возраста Пророка.

Лежу я в больнице, Герольд пожилой,
Немножко здоровый, немножко больной.

2 ноября

В романе Магауина «Сүрлеу-соқпақ» обнаружил шикарную фразу: «Дарынның тағдыры даңғылдан тыс» – «Судьба таланта вне торной дороги».

5 ноября

Всё по-старому, разные большевистские замашки: в Союзе писателей обсуждали послание Президента. В своё время по разнарядке сверху во всех коллективах обсуждали «Вопросы языкознания» Сталина. В самую тяжёлую пору, когда страна лежала в разрухе, люди голодали, все были вынуждены более года долдонить о сталинском языкознании. Полвека спустя, когда кругом бастуют и голодают, когда люди сатанеют от отсутствия зарплаты, пенсии, тепла, света, когда дети не ходят в школы, когда закрываются детсады, библиотеки, школы, больницы, народ заставляют твердить ненаучную фантастику. Разумеется, у государства, у президента должна быть перспектива, и неплохо, если народ о том знает, но не палкой же вколачивать эту дальнюю перспективу в головы несчастного люда.

6 ноября

Мурат Ауэзов выставил свою кандидатуру в Президенты. Боюсь, что Мурат подставляет себя преждевременно. Для Президента он слишком умён, образован, интеллигентен, мало в нём хитрости и коварства. Я сочувствую Мурату, душой с ним, однако испытываю тревогу за всё здравое, что ещё осталось в нашем обществе...

8 ноября

Высшие силы были ко мне благосклонны. Весь день я был прилично здоров. В 9.30 отправился с Әбе в Президентскую резиденцию. День, действительно, исторический. Торжественно проводили эталоны государственных символов в новую столицу. В проводах участвовали члены правительства, высшие государственные чиновники, депутаты Сената и кое-кто из Мажилиса, деятели культуры, науки, литературы, публичные люди. В самом деле всё было волнительно. Почти все знакомые. Многие министры интересовались моим здоровьем. Я испытал приятное волнение от всей обстановки, от окружения, от внимания, от доброжелательности, от того, что физически выдержал эти два часа. Речи говорили Президент, Ашимов, о. Алексий, муфтий, студентка, Храпунов, Туманбай читал стихи. Вёл торжество (весьма ловко) Абиш.

Потом всех пригласили на посошок. Было оживлённо, раскованно. Президент подошёл к нашему столу (Әбе, Гаркавец, Камал, я, ещё кто-то), поздоровался со всеми за руку, почокался, сказал (непонятно, на кого намекая): «Ымды түсінбеген, дымды да түсінбейді» (Кто намека не понимает, ничего не понимает). Был он в добром расположении, шутил, пел, подводил ораторов к микрофону. С добрыми пожеланиями выступили Багланова («айналайын ақ патша»), Ермек С., А. Днишев, акад. Зейнолла, Кайдаров, Силкина, Фариза, Асаналы, ещё человек десять. Многие пели. Обнялся с Абишем («вернусь через два-три дня, встретимся»).

...Итак, идея, впервые прозвучавшая весной 94 года на заседании Нац. Совета по госполитике, за которую мы тогда все проголосовали, убеждённые, что всё это случится лишь через многие годы, идея, которую большинством голосов поддержали потом депутаты 6 июля 1994 (я голосовал «за» и помню все детали), свершилась сегодня. И я могу гордиться тем, что эта акция прошла на моих глазах и даже с моим участием.

Госсимволы передали, новую столицу провозгласили. Думаю, в Казахстане начинается новый этап. Хуже, лучше – не о том речь. Главное – другой. Многое я вчера ощутил. Я вдруг явственно осознал, что старшее поколение (и я в том числе) – материал отработанный, новой столице, новому Казахстану не нужный. Многие из этих знатных, именитых людей (писатели, артисты, учёные и т.д.) должны уйти с арены. Все они – в прошлом. В новой столице должны всплыть новые люди. Я лично к этому отношусь спокойно абсолютно. Наоборот, рад, что удалось дойти до этой межи, так сказать, в здравии, сказать старому, прошедшему, бывшему: «Прощай!», а новому, неведомому, грядущему: «Здравствуй!»

9 ноября

Почитал немного Германа Гесса. Какие были писатели-личности, не чета нынешним самовлюблённым хвастунам и духовным бишара.

13 ноября

Сорос, узнав, что Мурат Ауэзов выставил свою кандидатуру в президенты, решил, что ему нецелесообразно оставаться членом Правления. Мурат тотчас написал заявление об уходе. И поскольку Бектас стал советником премьер-министра, то ему разрешается быть членом Правления ФСК, но не его председателем. Значит, я вынужден быть и.о. пред. ФСК. В срочном порядке необходимо брать двух новых членов.

19 ноября

Звонил Марат Кабанбай. Осточертела ему газетная работа, но ничего другого не предвидится. Нужен год, чтобы закончить роман «Кентавр», но нет средств. Просит, чтобы я перевёл его максимы. Сказал: пришли, может, между делом, удастся что-либо перевести. Но обещать, что переведу непременно, не стал. Всё уповаю на зиму. А и зима может пролететь в борьбе с недугами.

27 ноября

Звонила некая Таня, просит дать интервью (мин. 40) для «Либерасьон». Завтра, в 11.00 в гост. «Алматы». Никакого желания нет, но разговор якобы пойдёт о каз. яз., а это – мой долг. Ещё одна девица из АТК хотела записать мудрые мысли (мои или чужие – я так и не понял), однако отказался, сказав, что вся мудрость улетучилась, осталась одна глупость.

29 ноября

Из Праги («Азаттық») говорили о долгах Казахстана – 5 млрд. долларов. Начали выплачивать проценты, которые составляют десятую часть всего казахстанского бюджета. Кошмар! Казахстан закабалили на десятилетия. Когда-то Назарбаев внушал нам, депутатам, что весь мир живёт в долг и ничего: надо брать и брать, всё равно потом долг спишут, мол... Ан нет... Продлевать могут, а списать не думают. Вообще все наделанные глупости со временем вылезают боком.

1 декабря

По КТК показали научную конференцию в Доме учёных. Постыдный спектакль. Сидят серьёзные учёные мужи, академики, министры, разные деятели, слушают ненуж-

ный, научный доклад умницы Абиша о том, что будет в Казахстане через 30 лет. Лица скучные, вялые, кислые, в глазах – муть, никто ни одной букве этой стратегии не верит, но отбывают повинность. Сколько фальши и лжи перевидали эти люди, сами участвовали во лжи и теперь продолжают играть в этом шутовском спектакле. Нелепо, ужасно, стыдно! Дураками этих людей не назовешь, однако смиренно участвуют в глупейшем маскараде. О чём тут ещё говорить?!

5 декабря

Сенсация дня: Нуркадилов назначен акимом Алматинской области. Вот это поворот! Кто после этого скажет, что Назарбаев не политик? Ещё какой! Вероятно Заманбеку такое и не снилось. Вот генерал-губернатор огромного края…

8 декабря

Сегодня Парламент выехал в Акмолу. С парламента сразу сняли вывеску. В здании якобы расположатся городской и областной акиматы. Однако депутаты, едва добравшись до Акмолы, тотчас разъезжаются на месяц по округам. Так что госмашина наладится нескоро. Пойдёт длинная полоса презентаций и тоев. Съедят все запасы дотла, потом, может, начнут работать.

9 декабря

Президент сегодня перекочевал в Акмолу. Уезжая, он дал интервью: «Едем мы, друзья, в дальние края… Начнём работать в центре Евразийского континента». Завтра заседание Парламента, и Акмола будет объявлена столицей.

13 декабря

Ещё один исторический день. В Акмоле Президент (с двумя своими азиатскими коллегами-друзьями) провёл грандиозный той, были высокие речи. В зале 90% были алмаатинцы. Впервые за последние десять лет подобные госмероприятия проходят без моего участия. При здоровьи и я бы, конечно, там был.

15 декабря

Хамит Ергалиев умер 14-го. Плохо ему стало после банкета З. Кабдолова. На юбилее он выступал после меня. Читал длинное и весьма слабое стихотворение-посвящение. Видно, сам понимал, что стихотворение хромает на обе ноги. Поэтому возвышал голос, спотыкался, скрывая очевидные несуразности. Публика понимала корявость стиха. Калтай тотчас очень тонко спародировал стихотворение таким образом:

Зейнолла – мұның өзі ұстаз адам,
Сақалын алушы еді ұстарамен,
Бұл өзі арақты да сирек ішед,
Жасайды закусканы тұшпарамен.
Смеялись до слёз.

Покойник был большим оригиналом. Выделялся чудачествами. Честолюбие и самолюбие его было анекдотичными. Писал много. В последние годы писал всё хуже, но претенциозно. Сильно шумел по поводу того, что Президент не дал ему Кahармана. Представление о себе имел гиперболическое. Но по натуре был Поэт. А в молодости создавал отменные вещи.

18 декабря

Сегодня возле президентской резиденции избили и разогнали пикетчиков из Жанатаса. Пожилых женщин хватали за ноги и швыряли на снег. Стычку с милиционерами показали по ТВ. Сегодня же арестовали прямо у трапа Г. Абильсеитова на 15 суток за организацию несанкционированного митинга. Глупость, последствия которой представить несложно.

20 декабря

На прогулке Әбе долго рассказывал мне о достижениях Актюбинской области, дескать, через год-два Актюбинск «рванёт»: и тепло, мол, и скот сохранили, и электричество есть, и газ дешёвый, и опять-таки нефть. Я выразил сомнение: дай Бог, конечно, но, боюсь, не совсем так. Нет, уверяет Әбе, аким показал мне график… Хм-м, график и я могу показать. Я напомнил, что лет десять назад Әбе то же рассказывал о Кокшетау. Благоденствуя в санатории «Автомобилист», окружённый лаской и заботой местной власти, он видел сплошной рай. А что мы видим нынче? Полный развал и бедствие. Два года назад о достижениях Кызылорды Әбе со слов акима рассказывал лиро-эпический дастан. «О, жигиты славно работают. Грандиозно! Слов нет!» А что на самом деле? Беда в том, что Әбе всегда льнёт к начальству и воспринимает реальность их самодовольными глазами. Конечно, у начальства всё есть, начальство благоденствует, и задурить голову старому литератору, который млеет оттого, что его ублажают (рецензия, забота, дастархан, подарки, сладкие слова), ему ничего не стоит. Әбе задумался и возражать не стал.

25 декабря

Звонил дважды Нурпеисов: его забота – русский перевод своего романа. Чувствую: переводом Амантая не очень доволен. Щупает Пака. Вчера спрашивал: в какой мере знает казахский язык сын Адибаева. Видно, хочет пощупать и его. На меня – он сам видит – надежды крайне мало. Щупал он и Асю, и Такуру. Но все они его не удовлетворяют.

26 декабря

Пилотный № газеты «XXI-й век». Статья Бигельды об интеллигенции. В критике её, особенно казахской, он абсолютно прав. Вл. Ульянов в этой части не ошибся. Казахстанская интеллигенция в подавляющем большинстве, к сожалению, инертна, труслива, продажна, меркантильна, очень всегда склонна к жополизации власти. От народа она далека. И обществу приносит немало вреда.

30 декабря

Съездили с Әбе проведать мать Абиша. Она сломала руку. Держится молодцом. Как всегда, рассудительна, мудра, внимательно слушает, красиво говорит. В квартире тарарам. Часть обстановки Клара вывезла в Акмолу. В квартиру вселяется Аулет с женой (Жаннат) и дочуркой (Зухра). Все милые, приятные люди. Все при деле. У Абиша в Акмоле тоже стало лучше со здоровьем.

Потом мы заехали в ПЕН-клуб, погуляли у Монумента независимости. Осмотрели окончательный вариант. Впечатляет! Показывать его не стыдно.

Пахнет Новым годом.

1998

12 января

Основной разговор алматинцев – отсутствие газа. Это стало политической проблемой. Омоновцы перекрыли туркменский газ в Таразе и Шымкенте. По дороге его воруют кыргызы. По радио без конца призывают к разуму и обещают дать газ в конце недели, о чём сообщат дополнительно. Люди греют пищу, ставя кастрюли с холодным супом в горячую воду в ванной или на батареи. Чай греют в электросамоварах, у кого они есть. «В таких случаях не в теннис играть надо», – говорит возмущенный люд. Всё, что творится вокруг, вызывает недоумение.

14 января

Позвонил Джордж Зарубин, пригласил на беседу, прислал машину. Передал он приветы Дж. Сороса, его поздравительную открытку, ещё одну от ИОО и просьбу Сороса продлить мой договор ещё на три года и стать Председателем Правления ФСК. Если есть проблемы с сердцем, готов отправить меня в Цюрих на обследование, дал полис-SOS по американскому стандарту. Столько заботы и внимания, что я сказал: поговорим ещё раз об этом на очередном заседании Правления. Вообще-то я был склонен в феврале уходить, а выходит, беру на себя дополнительные обязанности. Ich habe mich fast überreden lassen. Не знаю, позволит ли мое кислое здоровье быть на уровне в этой должности...

18 января

Утром звонил Нурпеисов. Очень ему хочется, чтобы я ещё раз прочёл его 2-ю книгу, а также перевод Кана и Амантая. Чувствуется, что он переводом недоволен. Сообщил, как он работает с Амантаем. Тот, по-русски весьма грамотный и искушённый, переводит Әбе, а Әбе берет его перевод и по-своему переписывает, редактирует и вставляет какие-то свои словечки. И поскольку по русской части Әбе отнюдь не силён (особенно в правописании), то я по горькому опыту хорошо представляю, что́ из этого получается. Потом корявую до бессмыслицы правку Әбе Амантай снова приводит в божеский вид. И опять по кругу. Такая вот метода. И такая вот продуктивность. Потом Әбе этот уродливый гибрид-қойыртпақ предложит какому-нибудь «корифею» – в уме, я знаю, он держит Распутина или Кима. А сейчас как-то незаметно ему, Әбе, хотелось бы и меня пристегнуть к этой тягомотине. Но если это ему удастся – я пропал, никогда не выберусь из этой трясины. Но сложности Әбе я понимаю. Он хочет достойно предстать перед русским читателем.

Звонил Баққожа. Ему 31 января, оказывается, исполняется 50. Приглашает на «чай». Я этого парня весьма уважаю: и как писателя, и как человека. Надо бы побыть на его юбилее, но смогу ли – под вопросом.

21 января

Прилетел из Италии Олжас, явно пополневший, заматеревший. Привёз солидно изданную книгу – первую часть исследовательской трилогии. На пресс-конференции говорил напористо, круто, точно булыжниками швырял: «Бескультурное госу-

дарство! Бескультурная экономика! Бескультурная политика! Бескультурное градостроительство!»

Представляю, как подхватят его слова, какой резонанс последует от них в обществе. Самое главное: он абсолютно прав.

28 января

Гидромет в Казахстане из-за финансовых трудностей приказал долго жить. Самолеты летают вслепую... Президент улетел в Швейцарию добывать денег на стройку новой столицы. В Алматы произошли два взрыва из-за газовых проблем. Институт стратегических исследований заявил, что Казахстан находится на уровне 1974 года, т.е. откатился на 24 года назад. Не знаю, мне кажется, что нынешний Казахстан приближается к 1913 году или даже к абаевским временам.

10 февраля

На прогулке встретил демографа Макаша Татимова. Он дал свои демографические прогнозы до 2030 года. По оптимистическому варианту население Казахстана якобы будет к тому времени 26 млн., по пессимистическому – 15 млн. Наиболее реально – 21 млн. Не знаю, не знаю... Кто знает, что будет в Казахстане через 30 лет? Никто из нас друга Макаша проверить не сможет. А хлынет каракитай, так и 50 млн. не мудрено.

19 февраля

На сходке ветеранов во Дворце Республики у раздевалки столкнулся с Шерханом. Суровый, хмурый, замкнутый, холодный, он молча протянул руку. Потом, у зеркала, когда одевались, столкнулись вновь. Я поинтересовался его здоровьем. Он что-то буркнул. «Все есть... и давление, и сердце...» Так и разошлись, толком не поговорив. Чем-то он постоянно раздражён.

24 февраля

Умер отчим Олжаса – Абдуали Карагулов – хороший человек и прекрасный журналист.

Умер и Узбекали Джанибеков, много сделавший для казахской культуры. Когда он был секретарём ЦК по идеологии, я с ним часто встречался. Книга его «Эхо» – прекрасный труд.

27 февраля

На заседании Правления Фонда «Сорос-Казахстан» присутствовала и Ребекка Толсон – обаятельная, женственная американка. Она же вручила нам – Нурболату, Пальговой и мне – извещение Открытого института о продлении нашего контракта до 31 марта 2000 года и с теплыми поздравлениями и благодарностью.

В «Либерасьон» вышла статья, которую читать я не могу, но в который фигурируем я и Нурболат М. Разобрал лишь десяток слов.

4 марта

Утром зашёл Меирхан и забрал весь айтековский материал. Потом зашли редактор Молдабек и оператор Еркебулан, записали меня минут на тридцать. Тут же позвонил Әбе: в 13.00 – поминки (седьмица) Узбекали Джанибекова в рест. «Иссык». Собрались

общественные и государственные деятели, комсомольские и партийные работники, писатели, журналисты, актёры, художники – более 300 человек. Были хорошие речи, муфтий читал поминальную молитву. А в 17.00 я уже был в ФСК, где Джордж, Пальгова, Таукина и я встретились с Ильей Мафером из Нью-Йорка. Он толковал об интернетовских делах, из чего я понял немногое.

8 марта

Звонил Нурпеисов: настроение кислое – работа идёт туго. За весь день сделали с Амантаем одну страницу. Прочитал оригинал, потом – перевод. Мне показалось: несколько скованно, напряжённо. Нужно оживить свежими, точными словами. Нужен толковый редактор. Я сказал о том Әбе, он согласился. Всё-таки в их переводе сильно чувствуется рука Әбе, а он грубо насилует русский язык, подгоняя его под свой казахский корсет. Нет легкости, изящества. Возможно, я сделал бы лучше, и то лишь в том случае, если бы не вмешался назойливо автор. Вообще он зря лезет в свои переводы: слишком ограничены его возможности. А он ведь редактирует и Казакова, по поводу чего тот яростно возмущался, а Ахтанов откровенно надсмехался.

17 марта

Собрал нас сегодня Президент, т.е. деятелей культуры, интеллигенцию. Человек сто, наверное. Говорил сначала на казахском полтора часа, потом, в конце, на русском – ещё час. Выступали в промежутке Козыбаев, Байпаков, Нурпеисов, Абдильдин, Кабдолов, Жунусов. Сакен выступил блистательно, облачив острые суждения в балабольную форму. Эффектно получилось. В речах Президента было много верного, здравого, убедительного, однако достаточно и раздражения, недовольства... Видно, что он в обиде на интеллигенцию, которая не замечает успехов и достижений и только оплакивает Казахстан. Он всё видит по-иному (будь я Президентом, наверняка и я всё видел иначе). В перерыве он, проходя мимо, остановился возле меня, сказал: «Ассалаумағалейкум, Бельгер мырза» и, заметив рядом стоящего Камала, добавил: «Камал и Шерхан через газету пишут друг другу письма». Сказал с юмором.

Встреча продолжалась часа 4, потом было награждение. Симашко, Әбе, я уехали.

20 марта

Был на приёме у Храпунова. Собрали аксакальский цвет: Бигельдинов, Нурмагамбетов, Серкебаев, Багланова, Толегенова, Снегин, Козыбаев, Римова, Бокеева, Щеголихин, Шерхан, Сагадиев, Кесоглу, Ашимов, внук Джамбула и др. Я оказался самым молодым аксакалом. Слово мне предоставили вторым. Говорил по-казахски. Встретили хорошо. Раза четыре аплодировали. Всем вручили подарок – сумочку из чистой кожи и по цветку. Угостили шампанским, разными сладостями. Всё получилось мило.

Беседовал с Щеголихиным. А со Снегиным отправился домой. Побыл у него полчаса. «Спасибо, что зашли. Моей душе отрада, друг Герольд».

21 марта

Утром с дрожью в голосе, возмущённо позвонил Нурпеисов. Оказалось, он бушевал от ярости из-за третьего номера «ДН». Айтеке вообще не дали (хотя и было обещано). Статью Әбе обкорнали, убрали важную цитату Радлова. И Симашко не дали. А вместо этого подсунули писанину Мелехова, в которой якобы много оскорбительного

в адрес казахов. Әбе с напором доказывал дикость и отсталость русских, о чём мы, мол, нерусские, не говорим. Потребовал, чтобы я, как посредник («ара ағайын») немедленно это прочёл, тоже возмутился и обрушился на этих клеветников.

26 марта

На совершенно дурацкое заседание в Агентстве по эмиграции и демографии (председатель бывший аким ЮКО Турысбеков, зам. – бывший аким Кзылординской обл. Шаухаманов) убил три часа. Ужасно досадно! Сам Турысбеков говорил очевидные вещи 1,5 часа (видно, подражает Президенту, а, возможно, провинциальная привычка), потом говорили кто на что горазд Бибигуль, Әбе, Абдильдин, Татимов, А. Ыскаков, ещё кто-то. Мне и М. Жолдасбекову слова не досталось. Понятие этих товарищей-жолдасов об эмиграции весьма смутное и приблизительное. Один ратовал за то, чтобы всем казахам дать статус беженцев, другой – репатриантов, третий – за запрет абортов, подсчитав, что тем самым можно увеличить число казахов ежегодно на 136 тыс. человек. Слушать всё это было тяжко. Более разумные вещи говорил один Әбе. Он обличал воровство и равнодушие казахских бастыков. Оба бывших акима слушали Әбе с явным недоумением. Видно, они не догадывались, кого же Әбе имеет в виду...

3 апреля

Узнал, что большая группа казахских литераторов отправилась совершать хадж. Среди них – Рымғали, Ербол, Калихан. Аким, Баққожа, Акселеу, Рахманқұл, Зейнолла С. – человек 20. Сколько хаджей одним махом прибавится в литературе! Может, и мне отправиться? Буду Герольдом хаджи. Звучит!..

21 апреля

Пришёл Нурпеисов в зимней куртке, в стёганых штанах, весь помятый, всклокоченный, в ботинках на босу ногу. В кармане вороха бумаги, варианты исписанных мелким, твёрдым почерком (монбланово нагромождение ошибок) страниц и клочков, перепаханное, перечёркнутое, в сплошных затейливых загогулинах начало романа на казахском, всё это разложил на кухонном столе, начал распутывать клубки предложений, фраз, абзацев, слов, подолгу выискивая в замусоленных обрывках необходимые варианты.

Мне сразу стало дурно. Начали пробиваться сквозь чащобу нелепостей и несуразностей, подбирая слова, подыскивая определения. Работали так часа полтора. Чувствую: левый глаз у меня дергается, голова кружится, состояние нервное, уши горят. Измерил давление: 203/101! Вот что значит работать с Әбе. Принял лекарство, лёг. Застыл, как мышь. Кошмар! Еле довёл АД до 167.

23 апреля

Звонил Булат Султанов из Бонна, сообщил, что я член делегации по Дням культуры Казахстана в Германии, что я по плану должен выступить с докладами в трёх университетах. Решено это якобы давно, а никто не удосужился мне о том сообщить. Поездка, мол, в 20-х числах июня. Смогу ли я в таком вонючем физическом состоянии?

24 апреля

Вечером позвонил Баққожа. Все паломники вернулись больными. Очень трудный был хадж.

Сегодня же провели в СП 60-летие Зейноллы Серикkалиева. Жаль, не смог пойти. К нему я расположен исключительно душевно.

30 апреля

Вечером с Әбе и Симашко съездили в Рахат Палас на 50-летие государства Израиль. Народу было много. Впечатление не самое лучшее: дети Израилевы с такой жадностью напали на халяву, что было ощущение, будто Моисей только что вывел их из Египетских пустынь. Сплошь известные, солидные люди, а накинулись на жратву с таким остервенением, что нам с Әбе стало не по себе. Минут 50 потолкались в этой жрущей массе и уехали восвояси. Достойно держался один лишь посол Исраэль Ами-Мей. Он выступил с краткой речью, квартет играл классику, а еврейский люд, жуя и скребя вилками по тарелкам, взирал пучеглазо. Странное зрелище! Не ожидал.

7 мая

Утром, на прогулке, меня ошеломили новостью: Президент переименовал Акмолу в Астану. Ещё совсем недавно жандайшапы с пеной у рта доказывали, что Акмола значит Ак мол. Сам Президент с трибуны заявил, что Акмола переводится как Белая святыня – так постановила ономастическая комиссия, и потому никаких перемен, переименований не будет и баста. Но, видно, после статьи «Белая могила Назарбаева» в московской газете, Президент всё же решил отделаться от молы. И постановил: Астана. О таком варианте я как-то думал, ещё тогда, когда обсуждалось имя столицы. Но во всеуслышание, печатно это своё мнение не обнародовал. Сегодня же решил, что Астана всё же звучит неубедительно и, судя по всему, это временное название. Следующий президент непременно переименует. У меня же возникла идея: Нұрқала, т.е. Светлый город, да ещё с намеком в первом слоге на Нурсултана. Пожалуй, можно со временем предложить такое название. Понятно, не сейчас. А пока приучить слух к Астане.

14 мая

Еле тащусь. Давление взбесилось. А тут ещё почечные колики. Час от часу нелегче.

Звонил утром Калтай. Поблагодарил за анкету, просил писать для газеты ещё. Поговорили о многом. По его словам, Каримов запретил в узбекской печати упоминать имя Назарбаева. Если это так, то довольно мелочно и ничтожно. Вот так друзья-мусульмане. Видно, это и называется азиатским коварством. Я давно замечаю: Каримов завистлив и очень не искренен.

Позавчера встретился с Туманбаем в троллейбусе. Разговорились. Каким-то образом набрели в беседе на Чингиза и Мухтара. Я выразил было удивление по поводу этого мезальянса, но Туманбай высказал такую мысль: да они совершенно одинаковы и равны по потенциалу, потому и нашли друг друга. Чингиза, дескать, раздули определённые люди, а так ничего выдающегося. Он тот же Шаханов, только чуть утончённей. Они в общем-то очень подходят друг к другу. Я поразился: впервые слышу такое мнение. А ведь в этом что-то есть. Иначе как объяснить это странное сотрудничество.

16 мая

Незнакомая еврейка передала мне книгу Юрия Герта, изданную в Саратове в изд. «Еврейский мир» в 1996 г. Книга названа «Эллины и Иудеи». Часа три читал её. Почти все известные и знакомые мне события и факты. И я раза два упоминаюсь в книге.

Иудейская боль Ю. Герта мне очень знакома. Однако уж больно болезненно он её выпячивает, слишком напористо её педалирует. В сущности, в такой тональности могли бы писать и российские немцы, и чеченцы, и крымские татары, и многие-многие другие. Заурядный факт, мелкая стычка мелких людей (состав «Простора» после шуховского периода) подаются Гертом как нечто значительное и глобальное. Тем самым и авторы, и его семья, и его окружение кажутся не в меру значительными, особыми, укрупненными, а другие, недостаточно почтительные и избранные, – сплошь серенькими пигмеями, ничтожествами. Видимо, такой штандпункт не совсем верный. Евреи, понятно, нация древняя. Талантливая, способная и т.д., но она не может быть той претенциозной лакмусовой бумажкой, по которой определяются достоинства и значимость всех остальных народов. Может быть, именно этим и объясняется тысячелетняя трагедия евреев. Борясь с национализмом других, евреи часто культивируют свой национализм. А это – как ни крути – скверно, как и русский шовинизм или германский фашизм. Герт в моём понимании вполне приличный писатель, но такого уровня писателей тьма у всех народов. Но будучи по происхождению евреем, он именно поэтому претендует на более высокий рейтинг и признание, нежели его инонациональные коллеги. Вот этот штандпункт для меня неприемлем, хотя к Герту я всегда относился уважительно и сочувственно. И он это знал. Он помешан на пункте еврейства; и во мне, к примеру, сидит та же боль за российских немцев. Но я не позволю себе эту сторону драматизировать, педалировать и тем самым «укрупнять» свою личность. А вот Герту (и многим из его соплеменников) упорно мерещится, что он более значителен, чем он есть на самом деле. Вот это его беда. Из своего еврейства он расположен выжать максимум. Такие вот возникают мысли при чтении его «Эллинов и Иудеев». А в общем книга нужная, полезная, поучительная и по-человечески достойная.

21 мая

Нурпеисов приехал из Астаны. Точнее, прилетел на крыльях. Был у Абиша, у Толена, Байдильды, Оспанова, Кулагина, Абыкаева, прокурора Каримжанова, премьер-министра, Президента, в перерыве съездил в Павлодар. Словом, обошёл все высшие госчины, решил немало дел, и на людей посмотрел, и себя показал. По этой части он непревзойдён. Начальство он обожает и использует его на всю катушку. Ни один начальник не сорвался с его крючка. Три шкуры с них спускает.

Такой вот талант! Неслучайно однажды Абиш в шутку назвал его рекетиром бастыков. Мне рассказывали: при виде Әбе в коридоре начальники запираются в кабинетах, либо исчезают через чёрный ход. Так им и надо!..

27 мая

Звонит Әбе. Он сегодня «достал» Храпунова и по его распоряжению добился возле ПЕН-клуба стоянки, газона и чистки арыка. Әбе устал от этих хлопот, но очень доволен. И ещё он хотел меня обрадовать: дескать, в списке приглашённых на презентацию столицы включен и ты. Такая ведь честь! А я не обрадовался, ибо пять дней обитать в вагоне на запасном пути для меня физически тяжко. К тому же считаю, что такое отношение властей к интеллигенции не совсем порядочно. Понимаю: в столице нет условий, не хватает гостиниц, нет мало-мальских возможностей обустроить на пару дней такую ораву. Но тогда зачем их приглашать? Конечно, казах-кочевник рад любому тою и ночевать ему в вагоне, без элементарных удобств, без возможности хотя бы помыть-

ся в течении нескольких дней – никакая не проблема. Им это не кажется унизительным. Правда, потом, случается, сетуют, что к ним относятся с недостаточным пиететом. С меня, однако, достаточно абаевского тоя. Меня эти массовые асы не прельщают.

С удивлением Әбе сообщил, что Маканин получил германскую премию. Новость трехмесячной давности Әбе узнал только сейчас. Я ему рассказал о множестве литературных премий в России. Әбе и понятия о том не имел. Я сказал: в отличии от Казахстана в России ещё уделяют внимание творческим людям. Там уйма премий, стипендий и т.д. О Франции и Германии и речи нет: у них премии исчисляются сотнями. Для Әбе это было неожиданно. Он склонен считать, что если власти приглашают деятелей культуры на презентацию города, чтобы эти деятели прокантовались несколько дней в вагонах, то в этом и выражено высшее благодеяние и милость к ним.

Выяснилось, что у нас в этом вопросе разные точки зрения.

29 мая

До обеда ещё раз пролистал документы заседания Фонда Сороса. Потом в хорошем темпе, менее, чем за три часа (впервые!) провёл заседание. Уточнил детали предстоящей поездки. 13-го на рассвете летим во Франкфрут-на-Майне. 21-го в обед летим назад. Но поскольку 24-го я должен быть в Будапеште у Сороса, то Джордж З. считает, что я должен лететь в Амстердам, где мы встретим Масанова и вместе летим в Будапешт. Не знаю, как это все получится...

После заседания спешно поехал в Нем. дом, где застал наших Pappenheimer. Вместе со всеми отправились в резиденцию немецкого посла. Г-н фон Вистингхаузен принял радушно, весело. Сразу же отвёл меня в сторону и поговорил со мной (по-немецки) минут 30. И он мне очень понравился: умный, знающий, опытный, любопытный, общительный. И юмор понимает. Он всё расспрашивал про Казахстан и заметил, что он примерно так же думает. Он попросил мою визитку и выразил необходимость в дальнейших контактах. Я согласился. Приём прошёл тепло. И супруга посла понравилась. И дочка.

2 июня

Просмотрел Волкогоновский «Триумф». Сталин мне надоел. Но очевидно История без таких монстров не обойдётся. Людишки грешные сами их порождают. Есть что-то трагическое в этом: ничтожество склонно возвеличивать дрянь.

4 июня

В городе ажиотаж: кто едет в Акмолу на презентацию, кто нет, каким рейсом, каким составом. При слове «той», известно, разгораются зады. Извне прибывает 2500 чел., их будут обслуживать 14 тыс., на стадионе – 7000; журналистов – 15 тыс., фейерверк в три ряда, саммит тюркских государств – захлебывается с утра радио. Грандиозно! Небывало! Потрясающе! Блеск и сверк! Ой, керемет! Ничего не скажешь!..

8 июня

Говорил по телефону с Әбе. Он удручён: очень недоволен переводом своего романа. Чем больше читает, тем пакостней на душе. «Ай, боюсь не выйдет ничего». Я посоветовал ему на всё закрыть глаза, прекратить мурыжить и дать перевод какому-нибудь хорошему русскому стилисту. «Не получится. Не выйдет, – обречённо говорит

Әбе. – Отойдёт от оригинала». «Как же тогда быть? – говорю я ему. – Что-то придётся терять. Поневоле смиритесь». Әбе удручает особенно то, что перевод второй книги явно ниже первой. «И ты заболел не вовремя... Подождал бы года два...» Несколько страниц он отдал Асе Байгожиной: «Сделайте, как Бельгер». Однако она, по его словам, уже неделю молчит. Недоволен Әбе и оформлением своей казахской книги. «Художники ленивы. Всё забраковал. Сегодня опять съезжу к ним». Недоволен он и своим выступлением по «Хабару». «Не знаю, что и молол. Мучился, чёрным потом облился. Ну, похвалил его. Сравнил с Петербургом. Что ещё скажу? Городок, мол, стал европейским городом. Разве угодишь кому?»

По системе «Интернет» выступил Назарбаев. Сам он изрядно устал, говорил с натугой, без подготовки. Сидели перед ним, как истуканы, Тажин, Сарсенбаев, Есимов, министр по стратегии, отупевшие журналисты. Вопросы были дурацкие, ответы – банальные и провинциальные. Не на высоте оказался и Гаркавец. Как-то коряво заговорил по-казахски и предложил – ни к селу, ни к городу – назвать столицу «Нұркент». Назарбаев его оборвал, сказав, что дело решённое и возврата к нему больше не будет. В растерянности Гаркавец назвал Президента «Назеке», потом поправился – «Нуреке». Вообще весь уровень передачи крайне низкий. Всё ляп-тяп, небрежно, деревянно. Кто прибудет на «стриптиз» – пока неясно. Кто пожалует из России – тоже.

...Пресс-конференция в Астане оставила тяжёлое впечатление. Самые верные рыцари Президента на первом ряду откровенно засыпали и друг друга без конца будили. Впечатление гнетущее. Здесь, в Алматы, у всех этих жигитов был какой-то лоск, опрятная внешность. А в Акмоле они точно опустились, расхолодились, подурнели, пожухли. Один весь лохматый, плохо выбритый, второй весь помятый, зачуханный, у третьего пиджак топорщится, будто под сорочкой его фуфайка или китайское бельё с начёсом, четвёртый весь скособоченный, будто промёрз до костей. Женщины ходят тяжело, словно грузчики. И вид тусклый, будто не выспались или крепко повздорили с мужьями. Телевизор всё безжалостно высвечивает. В чём дело? Неужто степной климат тому причиной? Все эти негативные перемены резко бросаются в глаза.

Словом, президентская торжественная пресс-конференция получилась весьма приземлённой, провинциально серой.

12 июня

Ночь. Собственно, уже начало 13-го июня. Через час звоню Акселеу, и он меня заберёт в аэропорт.

День прошёл в хлопотах. Утром давление было 185/101. Ужас: как я в таком состоянии полечу, да ещё в Германию?

Вечером позвонил из Бонна Болат Султанов, сообщил, что в Германии прохладно и дождливо. Нужен, дескать, зонт и крепкая обувь. Потом позвонил Абиш: «Всё будет хорошо». Дай Бог...

13 июня. Бонн. Отель «Bristol»

Впечатлила дорога из Франкфурта. Великолепно. По пути по правую руку промелькнул Bad Ems. Здесь живёт Эльза. Холмы. Изящные городки. Берёзы. Тополя. В отеле тишина. Ощущение ирреальное. Бонн показался очень уютным, ухоженным городком. Приятная прогулка по городу. Ратушная площадь. Базар. Памятник Бетховену. Потом на посольском автобусе отправились в Дюссельдорф (Касеинов окрестил

его «Дюсендорф»). Город большой, американского типа. Многолюдный. Сплошные рекламы. Жигиты налегают на пиво. Я осторожничаю, довольствуюсь французской минеральной водой.

Вечером устроил нам приём посол Асанбаев. Щедро. Любезно. Беседу за столом главным образом вели Асанбаев, Абиш, Акселеу. Умеют вести казахи застольную беседу. Заслушаешься.

День длинный, длинный. Пять часов разница. Вернувшись в отель, смотрел по ТВ матч Niederlande-Belgien. Впервые в жизни слушаю спортивный комментарий на немецком языке. И неожиданно, и приятно.

В гостинице приглушённо звучит монотонная флейта. Как бы убаюкивает. Неподалёку слышен колокольный звон католического храма.

14 июня

Проспал аж 9 часов. На столике глянцевый журнал с пышной голой девицей. Призывает к частому сексу. Уверяет: «Ein reges Sexleben macht Lust auf mehr. Zuwenig Sex schwächt die Begierde».

Ну, это мы знаем. Этого добра и в Алматы достаточно.

По ТВ какой-то тип игриво поёт: «Die Dunkelheit deckt alles zu».

Работают с утра все девять программ. И почти везде передачи. Только по одному каналу супермен в темных очках бабахает в кого-то.

Походил до завтрака по утреннему Бонну. Тихо Безлюдно. Все приглушённо. Ветер. Свежо. В картинных, аляповатых трамвайчиках два-три пассажира.

В отеле слышны сытые, гортанные фразы: «Ja, ja... Danke schön. Bitte schön». Здороваются коротко: «Morning», при этом с ударением на второй слог. Звучит странно.

Жигиты всем восторгаются.

«Да, у этой страны можно многому научиться», – заметил Акселеу.

«Когда мы-то жить будем?» – удручённо воскликнул Рафаэль Николаевич.

«Сам Бог позаботился о благоденствии Европы», – заметил Ибрагим.

«У казахов всё есть, и камни, и равнины, только времени нет», – вздохнул Абиш.

Едем в Кобленц. Замки вдоль Рейна. Особняки на холмах. Волнительно.

Слияние Мозеля и Рейна. Смотровая площадка. Весь город, река, памятники-пароходы – всё под нами. Обалденно. «Какими мы ни были патриотами, но следует признать преимущество немецкого пива над казахским», – глубокомысленно изрёк Акселеу.

После плотного обеда (заказ мой) съездили в Кёльн. Побыли только в знаменитом соборе. Потрясает! Но мне стало плохо. Давление и сердце. Аж в пот бросило. Явно переел, да ещё вина выпил. А тут разразилась гроза, потом обрушился ливень. Потом сыпанул мощный град. Под проливным дождём с трудом прибились к нашему автобусу – через лужи, потоки, сквозь толпу.

Тема разговора: распад СССР по сути спас Европу от жесточайшего кризиса. Весь мусор, все машины, всю промышленную дрянь Европа спустила в СНГ и тем самым спасла свою экономику. Но в будущем такого шанса больше не будет. Запад вообще смотрит на жителей Востока как на обезьян. Дескать, им можно всегда скормить третьесортные объедки. Всё подберут, всё сметут. Что делать? Надо блюсти своё достоинство, нельзя допускать высокомерия Запада, надо вступать смело в рыночные отношения, не позволять себя охмурять, окрутить вокруг пальца. Словом, жёсткие рыночные отношения. Не показать свою слабину.

И ещё тема: лидеры во всех странах мельчают. Лезет из всех щелей шантрапа, хамье. Пока сытые людишки дремлют, ничтожество собирает силы и пробивается к власти. Сытая дрёма Европы очень опасна. Расплата придёт неминуемо. Надо быть бдительным и не дать себя усыпить поверхностным благополучием. Это обманчиво.

Поневоле задумаешься: как выжить в этом мире индивидуума нац. меньшинству? Как отстоять себя? Борьба партий, движений, религиозных течений. Где и в чём находить опору? Стержень жизни? На мой взгляд, европейцы о том не задумываются. Имею в виду толпу, массу. Напьются пива и ходят толстые, пресыщенные, сонные, довольные.

Вечером на ратушной площади наши дали концерт. Блистали Бекболат, Гафиз, Жамиля, девушки из «Гульдер».

15 июня. Бонн.

Дикторы твердят: «Recht kühl für Juni». Вся Германия холодная: +8-12°. Где наш Алматы?

Акселеу обратил внимание: девушки в Германии непривлекательные, неинтересные. Какие-то тусклые, неряшливые, помятые, бесполые. Куда им до красоток Азии.

Отправились во Франкфурт. Университет Гёте. Приветственное слово Вице-президента университета. 36 тыс. студентов. 400 профессоров. 21 факультет. Проф. Эрдаль (он бывал в Алматы) представляет гостей. Подчёркивает, что господин Бельгер будет делать своё сообщение на немецком. Первый начал говорить Абиш. Переводчик переводит фразу за фразой. Это занимает много времени. И слушать тяжело. Я говорил 17 минут. Тоже многовато. Третьим выступает Акселеу. В аудитории присутствовало человек 60 – преподаватели, аспиранты, студенты тюркологического отделения.

Был фуршет. Какой-то немец угощал кумысом в крохотных бутылочках. Что-то похожее на прокисший айран с водой. Пригубили, похвалили. И принялись за пиво.

Встретил журналистку из Сев. Казахстана – Галину Райш. Живёт здесь уже несколько лет. Просит интервью для местной газеты.

Под сильным дождём вернулись в Бонн. А вечером отправились в Бетховен-хаус. В блистательном зале набралось человек двести. Все торжественно. Немцы приветливы, улыбчивы. Статс-секретарь, мощный увалень, открыл вечер, потом строго официально выступил Абиш. Под сводом Бетховенского зала звучала песня Абая «Көзімнің қарасы». Во второй части концерта под дирижерством Б. Мусаходжаевой прозвучал дивертисмент Моцарта.

Встретил знакомого по Алматы, бывшего культур-атташе Германского посольства Зонненхоля с женой-казашкой. Я его не видел года три.

После концерта всё потянулись на официальный приём от имени правительства РК в здание Старой Ратуши. Бургомистр г-жа Бэрбель Райндель – удивительная особа. Умная, с ловким языком, с юмором, полная женского обаяния. Ответное слово держал Абиш.

По пути в ратушу встретилась… сокурсница Клара Оспанова. Я поразился: сорок лет не виделись, а она такая же стройная, молодая. Оказалось, её дочка, а муж – Жумабек Искаков, консул в Дюссельдорфе. Милая, симпатичная пара.

На приёме встретились опять знакомые – доктор Эрдаль, доктор Кирхнер, этнограф Питер (только что вернулся из Монголии), Зонненхоль. Все приятные, доброжелательные, искренние люди.

16 июня. Бонн

После осмотра Музея (Haus der Geschichte) отправились в Бундестаг. 12-й этаж. Кудрявоголовый, видный из себя Гернот Эрлер задержался на две минуты, за что подчёркнуто вежливо извинился. Оказалось, в Бундестаге рассматривался горячий вопрос о Косово. Немцы опасаются беженцев. Г. Эрлер возглавляет общество дружбы с Казахстаном. Недавно был в Алматы. Говорит, что их заботит ситуация вокруг Каспийского моря. Абиш в ответном слове поддерживает его, подчёркивая, что все мы связываем своё будущее с Каспийским регионом. Заговорили об общем доме в Европе. «Но общий дом в Европе может быть только тогда, когда вокруг Европы будет мир», – интонирует депутат Бундестага господин Эрлер.

Потом нас принял председатель Парламентского Центрально-Азиатского центра Гельмут Шефнер – мощный, вальяжный, уверенный, полный достоинства господин.

Он говорит нам: «Вы богаты, а мы бедны (Sie sind reich und wir sind arm). Наше богатство – демократия и свободный рынок». Мы не спорим. Да, мы богаты. Запросто переводим столицу, когда немцы из Бонна в Берлин перебираются десяток лет.

Потом был ещё один приём у г-на Фельдмана. И после всех этих официальных приёмов мы дружно отправились в Линц. Чудесный, уютный, старинного образца, ухоженный городок с примечательным центром и множеством магазинчиков, набитых всякой всячиной. Много туристов – сплошной пожилой контингент. Узнаю в них и наших, российских.

В ожидании автобуса с удовольствием посидели в итальянском барчике. Пили пиво и закусывали чем-то экзотическим. Хозяин рад, чертом увивается вокруг нас. Расносчица – его жена – туготелая, полуобнажённая молодка из Эквадора. Вся сияет, подтаскивая блюда. А мы лопаем усердно.

Вечером Абиш устроил в отеле приём. Присутствовал наш посол Ерик Магзумович с женой Луизой Шахмановной. Очень всё мило. Супруги каждого из нас одарили подарком. «Вам особое спасибо», – улыбается мне жена посла, оставившая весьма приятное впечатление.

17 июня

В обед вылетаем в Берлин. По ТВ с утра говорят о холодной погоде во всей Германии, о футболе, о встрече Ельцина с Милошевичем.

Я чувствую себя скверно. Шалит почка. Кидает в жар. Шатает. Опекает меня Амангельды Каирбаев, чуткий человек. В таком состоянии приехал на открытие прикладного искусства. Огромный зал. Народу много. Касеинов открывает выставку. Я сижу на краю диванчика и удручённо думаю: доберусь ли до Берлина?

Подходят ко мне дамы – знакомые по московским съездам немцев: Анке Шмидт и графиня Донна (Dohna) из FDA. Мне худо, но изо всех сил поддерживаю разговор. Услышав про «Nierenkolik», они с жалостью смотрят на меня и уходят.

Нашей выставкой посетители довольны. Подчёркивают: ни узбеки, ни киргизы не имели такой возможности демонстрировать свою культуру. У них, мол, всё было ограниченно, сужено. Казахстанцам даже погода благоприятствовала. Когда выступили наши певцы, даже выглянуло солнышко.

Всё это так. Но во всём видна толковая работа нашего посольства.

Долетели до Берлина. Закинули вещи в номера и галопом помчались к автобусу – через час по программе надо быть в Потсдаме (47 км) ГДР-овская зона. Запущено.

Грязно. Убого. Сразу видно – социалистический лагерь. Даже дома обшарпаны, как в наших областных центрах.

Сансусси. Тоже грязно, запущено. Воздух, правда, чистый. Ветер.

Осмотрели Цецилиенхоф. Всё убого после того, что лицезрели в округе Бонна. Поднялись по крутым ступенькам в какой-то зал. Народу мало. Много казахов, живущих в Германии. В третий раз слушаем «Сазген».

В отель «Хилтон» в Берлин вернулись уже поздно и изрядно изнурёнными. От усталости всё воспринимается тускло. Даже шикарный ресторан, в котором пробыли до 12 ночи.

18 июня. Берлин

Берлин такой большой, что давит своими масштабами, величием, стройками.

«К бургомистру пойдёшь ты, – объявил утром Абиш. – Мне по статусу не положено». В конце концов перепоручили возглавить нашу малую делегацию Касеинову.

Г-н Bredow (произносят: Bredau) встретил радушно. Я мимолётно спросил об этимологии его фамилии. Я немец, ответил он, но, видно, корни славянские (Slawische Wurzeln). Говорил о Берлине. Город сплошной стройки. Одновременно задействовано 109 башенных кранов. И, улыбнувшись, зарифмовал: Stadt der Kräne, Stadt der Träne. (Город кранов, город слёз).

Проблемы есть. Проживает 150 тыс. турок. Они хотели бы иметь двойное гражданство. Но по конституции ФРГ двойное гражданство не допускается.

После аудиенции у г-на Бредова отправились на могилу Мустафы Шокая.

Побыли на кладбище около часа. Акселеу прочёл молитву. На плите надпись: «Hier ruht mein unvergesslicher Gatte Mustafa Tschokay-bey ogly + 27.12.1941. 52 Jahre alt. Jon.15.13».

Турок-привратник угостил чаем.

Из ресторана позвонили старому знакомому Лео Кошуту и пригласили на лекцию в университет.

На встречу с нами в Берлинском университете им. Гумбольдта пришли знакомые Л. Кошут, Кр. Линкс, Р. Лейнонен с женой, И. Варкентин, Э. Фогт (она показала макет моей книги, а издатель «Ost» вручил договор), К. Июльский. Последний взял потом интервью для Берлинского радио.

Я говорил о немецко-казахских литературных связях. Прочёл свой доклад по-немецки, а на вопросы отвечал по-казахски, а казах-переводчик переводил. Так сказать, соригинальничали.

Слушали с любопытством. Эрика Фогт произнесла речь обо мне и моей книге «Russlanddeutsche Schriftsteller».

А потом в Spielhaus недалеко от нашего отеля был концерт казахстанских мастеров. Зал был набит. Артисты вдохновенны. Публика искушённая и благодарная.

Потом мы долго пировали в номере Абиша. С нами остался Лео Кошут. Абиш и Асанбаев предложили мне написать о нём, чтобы представить его к какой-либо награде.

Доктор Э. Фогт хочет меня пригласить в ноябре на литчтения.

19 июня. По пути из Берлина во Франкфурт

Утром дал интервью чете Г. и К. Июльских в ресторане. Милые люди. Предлагают сразу же звонить им, если буду в Берлине. Когда-то я их знавал по «Neues Leben».

После завтрака выехали из «Хилтон», но ещё несколько часов гуляли по Берлину – прошлись по Александер-плацу, фотографировались у разных памятников, заглянули в отстраивающийся рейхстаг, в какой-то ресторан.

После обеда прибыли во Франкфурт, определились в отель «Арабелла».

Шик везде и во всём такой, что обалдеть можно. Но от усталости свалился, а когда проснулся, был уже восьмой час.

В холле наши ждали меня. Абиш и Акселеу вели бесконечную беседу по истории, по религии, фольклору, стихотворной технике. Оба демонстрируют свой огромный интеллект.

На сей раз отправились в тайский ресторан. Стоят всюду игрушечные таитянки и тайцы. Любопытно! Своеобразно! Ели что-то совершенно диковинное и запивали светлым пивом. Великолепно!

20 июня

Сегодня по плану магистрат г. Франкфурта, приём у обер-бургомистра, Дом-Музей Гёте, что-то ещё.

С утра пошёл прогуляться. Солнечно, тепло. Рядом торговцы раскладывают свою утреннюю снедь. Шумно, говорливо. Только и слышно: «Morgen! Morgen!» Экономные немцы «Guten» не говорят, довольствуются одним словом.

После завтрака отправились в мэрию. Огромный, импозантный, старинный зал. Официальные речи, обмен подарками. Всё чинно, благовидно.

Потом с удовольствием прогулялись по улицам. Шумно, многолюдно. Уличные музыканты из латинской Америки, из Монголии, из Тибета. Кого только нет! Почти не слышно немецкой речи. Да и немцев почти не видно. Вавилон!

Акселеу и Амангельды отправились в Детский мир, а я с Галиной Райш в гостиницу. Более часа давал ей интервью.

Очередной концерт прошёл в шикарном зале. Народу полным-полно. Артисты наши имеют успех. Немцы аплодируют истово. Поразила Меруерт Туякбаева, скрипачка, обучающаяся в Германии. Виртуоз!

После концерта вернулись в гостиницу и долго обсуждали, в какой бы ресторан съездить. Отправились в русский ресторан – «Rasputins Brotstück».

Илья (еврей и бывший советский лётчик) и его жена Юлия обосновали этот ресторанчик на бойком месте. У них фирменные солёные помидоры и красная рыба. Ну, и водка. И вино «Бибигуль». Вокруг ресторанчиков, забегаловок уйма. Ощущение такое, что в Германии жрут и пьют напропалую всю ночь.

Вернулись в гостиницу во втором часу. А кое-кто из наших жигитов решили посетить ещё ночную сауну. У меня на такое геройство сил нет.

21 июня. Франкфурт

Встал рано и отправился гулять. Воскресенье. Утром город смирен, как забулдыга после ночной оргии. Заглянул на ярмарку-антиквариат. Чего только нет! А покупателей не видать.

День отъезда. Заглянули в магазины. Посмотрел какой-то семейный немецкий фильм, потолкался там-сям. За 9 дней в Германии устал так, как за год в Алматы.

Ловлю себя на мысли, что хочется домой, что переполнен впечатлениями.

Долго оформляемся в «Vipe».

Устроились уютно в креслах.

В самолёте рядом со мной села первая скрипачка из оркестра Мусаходжаевой. Она сразу уснула. И теперь нам пилить 6,5 часов.

25 июня. Амстердам

Провели ночь в полёте. Объявили, что в Амстердаме пасмурно и примерно +19°.

Объявления делают на голландском, немецком и английском языках. Урывками смотрел голландский фильм. Много схожего с немецким. С пятого на десятое понять можно.

В Амстердаме раннее утро. Аэропорт великолепный. Лучше, чем во Франкфурте, просторнее, всё более ясно, чётко, организованно. Часов пять слоняемся из конца аэропорта, рассматриваем магазинчики, киоски, заглядываем в кафе. Блеск и сверк.

Потом летим в Будапешт. Долгая возня по оформлению бумаг. Паспортный контроль. Багаж. Мена денег. Добрались до ИОО. (Институт Открытого Общества). Расположились. Потом фуршет. В толпе кто-то говорит: «Бельгер?.. О! Я вашего отца хорошо знаю». Оказался из Ташкента. Познакомился с француженкой немецкого происхождения. Поговорили любезно. Тут же подюркнул шустрый Энтони Рихтер, американский журналист. Просит меня дать завтра в 8.15 интервью по немецким делам в Средней Азии. Высказал большую осведомлённость.

Зарубин знакомит меня с Джорджем Соросом. Представляюсь: председатель правления Фонда «Сорос-Казахстан», руссланддойче Herold Belger. Сорос свободно говорит по-немецки. Короткий разговор, минуты две-три, стоя, в окружении англоязычных. Ну, поговорили и ладно. Однако Джордж Зарубин ликует: «Контакт состоялся!» Он придаёт этому факту какое-то особое значение.

На Ассамблею собралось человек 200 из многих стран, где функционирует Фонд Сороса. Сам Сорос мне понравился: держится просто; в клетчатой рубашке, без галстука, бодрый, внимательный, чуткий, но с усталыми глазами с еврейской печалинкой и озабоченным лицом.

26 июня. Будапешт

За моим окном (пятый этаж) во всю ширь раскинулся Будапешт. Длиннющая цепь высотных домов, как микрорайоны Москвы. Телебашня. Мост. Шоссе. Трамвай (начал грохотать с 4-х часов). Довольно зелено. Утро ясное. Солнечно. Градусов 17-19. Конечно, после Германии всё смотрится провинциально. Дома облупленные. Между трамвайными рельсами растёт сорная трава. Дороги выщербленные, плохо подметённые. И жители с явно провинциальным налётом. Тень соцлагеря всё ещё лежит на всём.

Заседание Ассамблеи началось в большом зале.

На обед Джордж Сорос пригласил всех председателей Правления. Беседа шла на английском. Дебора переводила для меня. Соседом моим оказался молодой красивый монгол, говорящий и по-русски, и по-английски.

Вечером съездили в ЦЕУ – Центральное европейское управление. Проехали по Будапешту ЦЕУ расположено в великолепном здании в центре. Великолепный ужин с токайским вином.

Потом Н. Масанов предложил прогуляться по центру, к Дунаю, по набережной. Очень красиво! Смущает только запущенность, закопченность старинных, добротных, оригинальных домов-зданий. Забрели на открытую площадку, на которой украинцы от-

плясывали гопак. Много молодёжи. Посидели, полюбовались панорамой. На обратном пути Масанов поймал наш автобус на повороте, и мы весело добрались до гостиницы.

Дивный вечер. Дул легкий, прохладный ветерок. Мы – Сауле, Людмила, Нурболат, я – долго сидели во дворике под тентом, пили воду, беседовали. Хорошо!

27 июня. Будапешт

Проснулся рано. Будапешт сплошь обложили тучи. Суббота. Тихо. Дождь и пасмурь всё приглушили. Джордж Зарубин позвонил в Алматы. Там пекло – +38°.

Пленарное заседание началось в 12.30. После обеда заседала азиатская группа (Каз., Узб., Тадж., Кырг., Азерб., Армения). Вёл Зарубин. Выработали приоритеты.

С 5.00 до 7.00 вечера опять томились на пленарном. Отчитывались руководители групп. Наиболее активные и шустрые – евреи. Они плотным кольцом облепили Сороса. Он держится ровно, просто, но, видно, не всё ему по нутру. Должно быть, понимает, что иным не в меру активным не он и не его Открытое общество интересны, а исключительно его деньги. Он печальными глазами взирает на публику, суетящуюся вокруг. Некоторые «соровцы» нахальны и наглы до невозможности. Иные хорохорятся, важничают, угодничают, говорят о демократии и открытом обществе, а думы об одном: «Сколько ты, миллиардер, отвалишь нам деньжищ».

Вечером надо было ехать на природу, облачиться в куртки, в дорожный наряд, ехать мин. 45. Мы с Масановым благоразумно остались, в одиночку поужинали и решили выспаться. Слишком много мероприятий. Попробуй выдержи! Уже ночью в номере Масанова смотрел матч Бразилия-Чили. Бразильцы выиграли мощно: 4:1.

28 июня. Будапешт

Последний день работы Генеральной Ассамблеи. После завтрака совещание групп. Потом Сорос пригласил нас, председателей правления, на обед в ресторане «Лафонтен».

До этого битый час давал интервью американцу Энтони Рихтеру. Чувствую: слишком откровенничался. А он въедливый, дотошный, много знает. Записывал на диктофон. Раза два хищно заблестели его глаза, и я догадался, что попался в его ловушки, сказал то, о чём лучше было бы промолчать. Он меня выжал, и меня не покидало чувство тревоги. Ляпа допустил два: мнение о Соросе и его окружении и мнение о засилии чужестранцев в Германии, размывающих немецкую культуру. Эти мои мнения плохо стыкуются с Соросовскими идеями открытого общества. Да что поделаешь? Здесь, в Будапеште, я чётко осознал некоторую заданность и сомнительность Соросовского движения. А я ведь председатель правления, и мне свои мысли подобает оставить при себе. Словом, ляпнул этому пройдохе-американцу явно лишнее.

Во время обеда Сорос, время от времени отпивая вина и отщипывая от белой булочки, делился своими думами:

Следует чаще проводить ротации. Менять членов Правления каждые два года. Это не распоряжение, а предложение. Не приказ, а пожелание. Он, Сорос, очень не хотел бы, чтобы работа Фонда слишком зависела от одного человека или группы людей. И ещё: в правлениях мало юристов, экономистов, специалистов по мини-кредиту. Необходимо разнообразие. Чтобы не было людей узкой специальности. Больше молодых. Свежая кровь. И не надо чтобы в правлениях было много членов. Нужно, чтобы в правлении было два-три человека, хорошо знающих дело, и с которыми он, Сорос, лично

мог вступать в контакт. Членов правления пусть будет 8-9 человек, а 3-4 из них пусть будет загружены побольше и разъезжают по странам. Нынешние штаты не соответствуют своему назначению. Надо многое пересмотреть...

Я заметил: Сорос любит разглагольствовать. И ему приятно, когда все вокруг благоговейно ему внимают и угодливо кивают головами. И ещё мне показалось, что ему жалко своих денег, которые в немалой степени уходят впустую.

Потом было заключительное пленарное заседание. В 6 вечера торжественно закрыли Генеральную Ассамблею. Сорос был заметно усталый, осунувшийся, побледневший. Не мудрено: он старше меня на четыре года. А Фонд его функционирует в 28-ми странах. Разве мало забот? Не позавидуешь ему.

В 7 вечера выехали в королевский замок в Буде (через мост). Нечто величественное, древнее. Во дворе были накрыты столы. Шик. Соровцы веселились от души. Особенно женская часть плясала до безумия. Галдели, куролесили до 11 вечера.

29 июня. Будапешт

4.00 утра. Отчаянно перекликаются соловьи. Теплый ветер. Тишь. Будапешт ещё не проснулся. Однако трамвай уже прогремел.

Выехали в аэропорт в 5 утра, а уже в 9.25 прибыли в Амстердам. В ожидании нашего рейса разбрелись кто куда. Большей частью по магазинам, дабы поистратить оставшиеся деньги.

Поездкой доволен. Но устал – мочи нет.

2 июля

Утром звонил Әбе. По голосу определил: раздражён и подавлен. Явно не в духе. Собирается завтра с утра на машине в Тараз. На сколько? «По обстоятельствам. Могу очень скоро вернуться. По другому плану, могу подать в Кызылорду, достать кирпич, цемент, завернуть в аул, оттуда податься в Актобе и дней двадцать поработать с Амантаем. Такие вот намерения». Чем обеспокоен? «Ай, переводом недоволен. Плохо. Не идёт...» Оказывается, был здесь Ан. Ким. Әбе поймал его, дал на чтение главку, но Ким всё читать не стал, а бегло просмотрев заплатки, дополнения на полях, заметил, что работать с Әбе трудно и что нужен художественный переводчик, а не правщик-стилист. Словом, большого интереса и желания не высказал. Әбе всё же уговорил его прочесть книгу и – если она покажется достойной – взяться за доведения её до кондиции. Однако, Әбе весьма встревожен, недоволен, сам что-то правит, теребит Симашко. Чувствуется, что и на меня в обиде. Дескать, недоступен стал, с одной стороны, мол, у тебя Сорос, с другой – Phönix, с третьей – без собраний жить не можешь. Ещё Әбе говорил, что я упрям и неисправим. Зачем, мол, статьи пишешь? Надо отдыхать в санатории, в Анатолию съездить с женой. Взять у Сороса деньги («Всё равно грязные деньги!.. Все богачи воры...») и укатить на месяц на курорт. Потом можно и в Ташкент... Я возражать не стал, и Әбе, побурчав, поворчав, смиренно сказал: «Жақсы» и положил трубку.

9 июля

Скончался Байгали Досымжанов. Я помню его ещё поющим – «казахским Лемешевым». В последние годы встречались на разных уровнях. Вежливый, внимательный, доброжелательный. Со мной всегда говорил по-казахски. Однажды мы с Нурпеисовым договорились похлопотать о премии духовного согласия через мир и культуру. Но

потом выяснилось, что премия в том году предназначена Назарбаеву, и наша кандидатура, конечно, отпала. А потом и сама премия приказала долго жить. Хороший был человек Баке. Да будет земля ему пухом...

11 июля

Вечером была у меня часа четыре этнолог из Мичиганского университета Юлинг Грета Линн. Молодая, приятная, любознательная особа, хорошо говорит по-русски. Дал ей консультацию по депортации немцев, снабдил книжками и материалами.

19 июля

Звонила Люба Шашкова. От нее узнал, что мою заметку о Пушкине Михайлов отклонил: не понравилось, видно, что я назвал Пушкина полу-эфиопом, полу-немцем. Пушкин – русский национальный поэт, в его жилах должна течь чистая русская кровь. Человек с примесью иных кровей не может и не должен выражать русскую душу...

2 августа

30-го июля вместе с соросовцами выехал в санаторий Алатау. Устроились отлично. Годовая конференция ФСК. Работа была на износ. 31-го я заседал более 12 часов. И выступал, и вёл конференцию, и вникал в разные дела. Встреч и бесед уйма. В работе съезда участвовало 91 человек. Сегодня в 2 часа закрыл съезд.

Полтора дня были для меня психически, эмоционально очень трудны. Дело в том, что Энтони Рихтер представил в штаб Нью-Йорка абзац из моего интервью, где я выражаю несогласие с тем, что в Германии избыток иностранцев и что нынешняя Германия – уже не Дойчланд. На основании этого суждения в штабе Фонда Сороса сложилось мнение, что у меня едва ли не расистские взгляды, которые не соответствуют принципам Фонда Сороса. В таком случае, сказал я, надо мне уходить из Фонда. Меня уговорили руководить правлением ещё два года, я получил благодарственное письмо за подписью Деборы и Сороса, но коли мои взгляды не соответствуют, значит, уйду без лишних разговоров.

И Ребекка Толсон, и Зарубин весьма встревожены этим обстоятельством. «Вас любят, у Вас большой авторитет, Ваш уход может отрицательно повлиять на Фонд», – беспокоятся они... Разговор был тяжёлый. Я сказал, что мой нравственный и поведенческий облик в Казахстане давно известен, в расизме обвинять меня смешно, оправдываться перед американцами и даже перед Соросом я не стану, не они мне судьи, а уйду запросто и сразу, тем более я хотел это сделать пять месяцев назад. Сначала была часовая беседа с Джорджем и Ребеккой; потом пришёл ко мне в номер удручённый Джордж (он особенно боится, что из-за всего этого случится отрицательный резонанс), потом ещё раз беседовали втроём и уговорили меня отложить окончательный разговор до вторника. Я мужественно довёл съезд до конца, хотя психически мне было весьма дискомфортно. Ребекка хочет поговорить с центром и попытаться загладить мои «грехи», но я сказал, что этого делать не стоит, ибо на этот раз уйду решительно.

11 августа. Ташкент

Пишу статью о днях культуры Казахстана в Германии и читаю Конфуция. Вот три его сентенции:

«Учиться не думая – бессмысленно, но думать не учась – опасно».

«Я думаю, что для каждого общества важно воспитать критическое поколение. Общество, которое не воспитало критического поколения, опасно. Общество, которое не имеет оппозиции, обречено. Именно поэтому философия так важна».

«Человек ведь не может ожидать счастья, если он не знает, что это такое».

18 августа. Ташкент

Отцу сегодня 89. С утра поздравили. Вечером торжество.

Отец держится молодцом.

Совершил утреннюю прогулку. Бедность жуткая. Люди бродят, как тени. До чего Каримов довёл страну! Прошёлся по Байсунской – Каракульской – Мухорджи. Раньше улица называлась Пушкинской, и магазинчик назывался пушкинским. Теперь улица Мухорджи, а магазинчик – «Шоумон-ото». Потом свернул на Хайтырчи. Русский суффикс «ская» убрали. Независимость! Попался один шикарный двухэтажный особняк. Резные железные ворота, две ухоженные «Волги», в глубине двора приютился ещё один «Москвичок». Видно, здесь обитает «новый» узбек. Босоногая молодая узбечка в цветастых шальварах поливает из шланга двор. Ватага малышей грызёт лепёшку. Богачи скупают дворы, землю, расширяют свой Lebensraum. А вокруг море нищеты.

От бедности и люди шалеют, дуреют. Через два дома слышно, как ругаются с утра супруги Иван Павлович и Мария Гавриловна. 50 лет лаются. Никак не могут поделить своё «кубло». «Это моё и то моё!» – орёт глухой старик. Жена надрывается: «Это было твоё, теперь моё!» В эту делёжку впутались дети, внуки. Борьба идёт насмерть с привлечением соседей, знакомых, родственников, раиса махалли, судей и прокурора. Конца этой свары не видно.

Ташкент оставил тягостное впечатление. Центр чист, импозантен, милиции много, в метро порядок. Однако нищета и беспросветность видны во всём. Досадно!

24 августа. Алматы.

Хорошую акцию провёл Президент. Он посетил лежащего в больнице (и, видно, обречённого) Нургису Тлендиева и вручил ему высшую награду – Халық Қаһарманы. Это справедливо во всех отношениях. Нургиса того заслужил. И вряд ли кто в Казахстане тому возразит... Тут Президент попал в девятку.

1 сентября

В духе добрых старых времён мэр Алматы Виктор Храпунов собрал в акимате человек шестьдесят писателей и провёл своеобразное партийно-производственное совещание. Собрался контингент весьма презентабельно-аксакальский: перевалившие за 90 Дихан-баба́, приблизившийся к ним Дмитрий-баба́ (Снегин), 80-летний қаһарман-партизан Қасым-ака, а «юные дарования» представлены были большой группой 60-летних (Оразбек, Сериккалиев, Тоқтаров, Аким, Саин, Бельгер etc.), из «пацанов» были Дулат, Алтыншаш, Акселеу, Дукенбай, Чернова, из «средних» – Сафуан, Кирабаев, Зейнолла, Турсынхан и др.

Выступило человек 20. Каждый в своём амплуа. За три часа наболтано было всякое. Глупостей и банальностей более чем достаточно: от окурков на автостоянках до собак возле памятников Джамбула и Чокану. Ну, а Храпунов весьма старается и к нему в общем-то претензий нет. Всем участникам совещания вручили по толстенному и шикарному альбому о Назарбаеве и его семье, по набору открыток и ручке.

4 сентября

По «Вестям» России прошёл кадр о тяжких условиях российских немцев в Саратовской области. Сманили несчастных руссланддойче из Азии на Волгу, загнали в германские вагончики. Ни кола, ни двора, ни земли, ни работы. Теперь и Германия решила сунуть каждой семье по 10 тыс. марок, и катись колбаской, устраивай судьбу, как хочешь. И осталось-то немцев в Саратовской области с гулькин нос...

Звонит знакомая библиотекарша. 26 лет работает в библиотеке. Помогите! Библиотеки умирают. Закрывают. Приватизируют за бесценок! Чеховской библиотеки филиал, детская библиотека №38 Ауэзовского района, единственная на 39 школ, а её закрывают. Нет средств на приобретение новых книг. Да и Фонд Абая на замке. Там шымкентские торгаши-челноки притон устроили. К кому пойти, кому пожаловаться! Я одинока, мужа нет, до пенсии осталось три-четыре года. Кто меня выслушает?! Ну, сделайте что-нибудь! А что я могу, пенсионер, сделать? Только вбираю в себя бесконечное народное горе...

8 сентября

Утром отправился в мэрию, где Храпунов вручил деятелям искусства, культуры, науки, общественным деятелям медали «Астана» от имени Президента. Всего награждённых по Алматы якобы 256 чел.

9 сентября

Пригласили меня на беседу следователи по делам СМИ. Симпатичные люди – казах Бауыржан и чеченка Паллада Тепсаева. Им, беднягам, поручили следственные дела по исполнению распоряжения ген. прокурора Хитрина относительно некоторых журналов и газет. Спустили сверху указание, и они теребят «Караван», Никанова, Своика и т.д. Хотели – видно, указание идёт сверху – чтобы я был в комиссии, разоблачал «унутренних» врагов, письменно изложил свои показания. Я им подробно объяснил, кто я такой, сказал, что я выше этих задач, что своё мнение я предпочитаю высказывать в печати или с высоких трибун и поэтому давать письменные показания против Своика или «Каравана» не буду. Более того, распоряжение Хитрина не разделяю, считаю, что эффект будет обратный. И вообще к подобным делам следует подходить иначе, а не применять дубинку власти. Словом, поговорили свободно, Паллада мило со мной соглашалась, а Бауыржан малость ощетинился, разыграл казахскую обиду, но расстались хорошо, любезно привезли меня домой...

16 сентября

Позвонил из Астаны Абиш. Нужно готовить бумаги о Лео Кошуте. Одну бумагу необходимо отправить в Германское посольство, одну – в Президентский аппарат, ещё следует подготовить представление от ПЕН-клуба (но пока держать в секрете, не говорить даже Эбе) и написать от моего имени две статьи... Словом, нагрузил меня Абиш.

18 сентября

После обеда часа четыре был на чествовании Исиналиева. Мне дали слово на официальной части третьим. Собралось человек 300. И вечер прошёл прекрасно. Естественно. Искренне, весело. По-комсомольски задорно, шумно. И Михаил Иванович («Хаким Иванович») держался классно. Светлый, чистый рыцарь-человек.

13 октября

Президент собрал сегодня ветеранов (Гукасов, Сагдиев, Ашимов, Нурпеисов, Кабдолов, Зиманов, Симашко, Сидорова, Аскаров и др.) и беседовал с ними три с половиной часа. Разумеется, большинство славословило Президента и просило-умоляло его баллотироваться, но кое-кто позволил себе и критические нотки.

Мы члены ПЕН-клуба, также провели своё заседание, решив составить некий манифест на тему: «Каким должен быть президент?» или «Какой президент нам нужен?»

Вечером позвонил Куттыкадам. Сообщил, что Балташ отказался от дипломатической карьеры и решил баллотироваться. Сейдахмет собирается в Москву. Начинаются столь любезные казахам волостные выборы. Сколько будет интриг, козней, подлостей – представить трудно. Я высказал Әбе свои опасения: мол, боюсь, что на этой волне возникнет большой раздрай среди казахов и особенно среди жидкой прослойки интеллигенции, но Әбе сказал, что он так не думает, что этого не произойдёт. Дай Бог...

16 октября

На внеочередной третий съезд ПНЕК я не пошёл, а пошёл на открытие мемориальной доски (спустя 20 лет после смерти) Кабдыкарима Идрисова. Я его знавал, когда он был секретарём СП и директором издательства. Ко мне он был внимателен, и я ему всегда симпатизировал. Собралось человек 70-80, литераторы и павлодарцы. С речами выступили Байкен Ашимов, Дихан-баба́, вдова поэта.

...Арестован Своик. Оштрафованы Савостина и Дос. На трое суток заключён Мэлс. Из-за административных взысканий не могут выставить свои кандидатуры Мурат А. и Ғалым Абильсеитов. В «Казправде» опубликованы Правила выдвижения кандидатов в депутаты. Сделано всё, чтобы ни один «чужой» не пролез...

19 октября

Вечером час беседовал с Сауле Усенбаевой. Она вдова акад. Сулейменова С., канд. филолог. н, ученица Х.Х. Махмудова, зав. кафедрой в Академии управления. Издала книгу стихов и прозы «В подлунном мире» (с предисловием М. Симашко). Произвела Сауле приятное впечатление. Перед сном прочёл предисловие и большой очерк о Махмудове (которого я знал, с которым немало беседовал). Весьма понравилось.

20 октября

В ПЕН-клубе провели встречу-обед с финским поэтом, ПЕН-клубовцем Юккой Маллиненом и его спутницей (роль её так и не уяснил) Ириной. С «нашей» стороны были Симашко, Бахытжан с женой (Гуля, весьма приятная дама), Мурат А. и я. Очень приятно посидели. Юкка издал свою книжку стихов на казахском языке. Приятный человек. Я с ним встречаюсь второй или третий раз. Спел он песню на идиш (фактически по-немецки). Мурат спел песню на мордовском (мокша). Симашко – шуточную одесскую.

...Сегодня Президент, наконец-то, дал согласие баллотироваться... Слова Богу, теперь можно спать спокойно. 15 оппозиционеров выступили с заявлением по поводу президентских выборов. Пустой, запоздалый выстрел. Сегодня же Президент сдал экзамен по казахскому языку. Принимали экзамен Кайдаров, Көбей, Мырзатай, Өмірбек. Очень смешной спектакль. Теперь ждём альтернативных козявок типа Бейсенбаева. Алтыншаш тоже провела смешной съезд своей смешной партии. КТК передал об этом весьма саркастический репортаж.

26 октября

Гельмут Коль объявлен гражданином Европы. И это, как сказал бы Горбачёв, правильно. А Айман Мусохаджаева объявлена в Париже «артистом мира». И это тоже звучит хорошо. В Германии новое правительство намерено принять новый закон «О гражданстве». Будут заметные поблажки семи миллионам иностранцев. Право крови будет заменено правом почвы. Правые, понятно, взвоют. А левые уверяют, что Германия страной эмигрантов всё же не станет. Для всех подряд двери Германии открыты не будут. Будет существовать рациональная форма. Надо считаться с тем, что общество стареет.

30 октября

После обеда отметили в ПЕН-клубе 75-летие Т. Ахтанова. Устроили вечер воспоминаний, пригласили вдову, брата, сноху, племянницу. Из членов ПЕНа были Зейнулла, Симашко, Жовтис, Мурат А., Раушанов, Тынымбай, Кажыгали, Ажар, Шуга. Хорошо посидели.

Потом все разъехались, а мы с Жовтисом почти час беседовали на воздухе. Главная тема: как непорядочно вели себя в конце 40-х, в начале 50-х годов Сильченко и Смирнова. И вообще о событиях того времени. Жовтис и поныне живёт в той эпохе.

...Прочёл почти всю книгу Фатимы Габитовой (Мурат дал). Поразительная женщина! Судьба её и судьба детей – высокий трагический роман. Жизнь, вобравшая в себя весь трагизм эпохи. Какой возвышенный дух, благородство, мужество, достоинство, какая материальная сила! Вот с кого женщины должны брать пример! Здорово, что такую книгу издали в «Атамура». Помимо всех своих достоинств и качеств, это была ещё богато одарённая, талантливая личность. Недаром такие люди делили с ней свои судьбы.

5 ноября

Объявили, что регистрацию прошли четыре кандидата в президенты: Назарбаев, Габбасов, Абдильдин и ещё один тип, которого никак не могу запомнить. То есть, люди заурядные, заведомо бесперспективные, которых никто всерьёз не принимает. Как-то неловко, что Назарбаев состязается с такими «соперниками». Всё равно, что если бы Мухаммед Али вышел на ринг с Кадыром Мырзалиевым или Юрием Гертом (или со мной).

13 ноября

Пять дней провалялся в больнице. Каждый раз что-то добавляется к моим болячкам. Теперь ещё обнаружили и сахарный диабет.

Перед выходом из больницы поймал меня Иран-Гаип. Начинается ажиотаж по госпремиям. Едва пришёл домой, позвонили Тынымбай, Нурлан, Әбе. Әбе, конечно, премиальный вопрос не интересует. Он занят в очередной раз реорганизацией кафе: раздобыл где-то 50 тысяч долларов и затеял большой ремонт.

23 ноября

Турсун Журтбаев занёс мне утром пять фундаментальных книг: свои романы «Бесігіңді түзе» и «Талқы» (посвященные Ауэзову), «Летопись жизни и творчества М. Ауэзова» (мощный том, 63 п.л.), два первых тома 50-томного Ауэзова. Часа три с удо-

вольствием всё это полистал. Многое буду потом читать. Ранние статьи Ауэзова мне почти не знакомы. А летопись читать и вовсе любопытно. Ауэзов за 64 года жизни сумел столько проделать – уму непостижимо. И при этом был гоним, и в тюрьме сидел, и женщинами увлекался. Могуч! И Турсун – толковый работник. Начитан, образован, рассуждает масштабно.

25 ноября

Часов пять был на конф., посвященной 250-летию Шал-акына. Прошла конференция на хорошем уровне. Вёл А. Кошанов. Были приличные доклады и выступления. Я тоже выступил, приняли хорошо, благосклонно. Козыбаев даже стишок посвятил мне. Сразу же после выступления дал интервью республиканскому радио. Потом был ас. Всё на уровне. Встретил много земляков. Дух Шал-акына остался доволен.

28 ноября

Нурпеисов сообщил, что в Кызылорде с удовольствием читал «Тихий Дон» и ещё Распутина и Бунина. «Если есть книги, другого собеседника и не надо». Он считает, что «Тихий Дон» – гениальная книга и напрасно «джойты» эту книгу недооценивают. И мне он посоветовал читать, раз настроения нет. «Только дрянь не читай, читай достойные вещи». Я усмехнулся: Әбе самый нечитающий писатель, а мне, всё-таки ещё читающему, советы даёт. Истинный казах: даровые советы даёт на каждом шагу.

29 ноября

Передача ТВ. Прямой эфир. Нас, инородцев (русские, курд, немец, кореянка, украинка, татарка, азербайджанка, голландец, уйгурка) было 13 человек. Все говорили по-казахски, пели и читали стихи на казахском, играли на домбре. Я любовался ими, сам сказал несколько слов и встревал в разговоры. Очень много поступило звонков, записок, вопросов. Поразительная заинтересованность. В конце передачи выяснилось, что нашу передачу смотрел Назарбаев, позвонил в студию, поинтересовался, откуда собрали таких людей, попросил, чтобы Оля сыграла ещё один кюй.

Словом, передача прошла удачно. И я успокоился. Выяснилось, что это было важно и востребовано... Шёл снег, и меня любезно отвёз Әбе, приехав за мной специально. А через час он мне позвонил: «Есть пренеприятнейшая весть». Оказалось, они с Амантаем в Кызылорде повздорили. Надерзили друг другу. Амантай укатил в Актюбинск. Спустя четыре дня вернулся в Алматы Әбе. Сегодня он позвонил Амантаю, и тот якобы наотрез отказался от дальнейшей работы с автором. Дело застопорилось на полпути. Выходит, Амантай не выдержал, и его Әбе, что называется, достал. И я Амантая понимаю. Работая с Әбе, и я не однажды бывал на грани отчаяния, и между нами, несмотря на взаимную приязнь, возникали стычки, обиды и недоразумения. Своей придирчивостью и занудством при работе над своим текстом он в состоянии вывести и себя, и египетские пирамиды... Что же дальше? Әбе на распутии. Рассчитывает на меня. Предлагает довести дело до конца. Соблазняет 4 тыс. долларами и тем, что первая книга выйдет только в моем переводе. Меня это не прельщает. Было бы мало-мальское здоровье, я бы и без этих посулов вытерпел бы ад совместной работы. Но в данном случае это совершенно исключено. Ныне я и три дня не выдержу. Более того, что через час взыграет давление. И я сковырнусь прямо на романе Әбе. Об этом я ему и напрямую сказал. Он вздохнул. Действительно, скверно. И рад бы помочь, да в этом духе

это невозможно. Особенно досадно, что Әбе не закончит книгу и к своему 75-летию. А дальше всё труднее.

А у меня одно желание: запереться и писать своё.

30 ноября

Читал ранние (1918-20 гг.) статьи Мухтара Ауэзова. Поразительная глубина и масштабность, богатый, сочный язык у юноши Ауэзова. Читал и Журтбаева: начитан, образован, но многословен и воюет с тенями – с Абулхаиром, Тевкелевым, Анной Иоанновной. Патриот до неприличия. Никак не прощает историю, толкнувшую казахов в объятия России. Видит в России одно плохое. Выпирает казахбайство в его писаниях.

...Әбе дал Симашко две страницы своего окончательно отредактированного романа. Симашко считает, что это словесное крохоборство, занудство, болезнь. Тут, говорит он, нужен уже не столько редактор, сколько психиатр. Действительно, Әбе уже давно помешался на правках своего текста. Он думает, что улучшает. А на самом деле чаще всего буксует. Жаль...

1 декабря

Определились окончательно четыре кандидата в Президенты. Как вчера заявил Абдильдин, Габбасов и Касымов по команде «Ложись!» – лягут. Значит, соперничает с Назарбаевым один Абдильдин. Но и он, в сущности, не соперник.

2 декабря

Звонил за день раза три Нурпеисов. В голосе озабоченность. Болеет внук, были врачи. А сам Әбе мучается над русским текстом своего романа, вновь и вновь переписывает какие-то абзацы, подбирает и переставляет слова, что-то мудрит, звонит попеременно то мне, то Симашко, нудно читает по нескольку раз хилые предложения, добиваясь Бог весть чего. Бесплодная работа, пустая трата времени. Кто из читателей обратит внимание на то, куда он передвинул союз или местоимение, или заменил «мерзкое» на «гадкое», или написал «вспомни» или «вспомни-ка»? Но Әбе неисправим.

Что было бы, если по такому пути, пошла скажем, Агата Кристи? Написала бы она 84 романа, 150 рассказов да 19 пьес? Или Ауэзов? Сделал бы то, что он успел за 64 года жизни? А сделал-то он и много, и качественно.

4 декабря

Поздно вечером с удовольствием смотрел фильм Сокурова «Узел» о Солженицыне. На днях ему 80 лет. Очень хороший сокуровский фильм! Ну, а Солженицын – гигант. Меня он давно уж вдохновляет. Могучая фигура. В самом деле, Рок оберегает его. Пройти войну, лагерь, раковый корпус и сохранить такой Дух и творческий запал – в этом ощущается поддержка божья, не иначе. Я восторгаюсь им уже лет тридцать. Он убеждает в человеческом предназначении.

10 декабря

Завершился сегодня съезд немцев Казахстана. Был он дежурный, пустой. Мне дали слово вторым на утреннем заседании. Я потрепал Совет немцев, и после этого весь день трепали меня: кто поддержал, кто возражал. Деликатно, с обращением в прошлое, возражал Гроут. Но мы с ним расстались по-доброму, обнимаясь. Яростно

защищала меня Роза Штайнмарк. Тоже яростно, обрушиваясь, говорил Левен. Что-то невразумительное сообщил Сартисон: и как бы защищал, и критиковал мой пессимизм. Заступились за меня Штрек и Егер. Словом, все выступающие не обходили меня. Но при голосовании, как всегда, я остался в меньшинстве. Вновь избрали Дедерера. Избрали новый Совет. От Алматы представлен Эзау. И ещё вошёл в Совет Боос. Пообщался со многими делегатами: Гроут, Диль, Ауман, старики-трудармейцы. Но и шантрапы много. Рад, что съезд прошёл. И ещё более рад, что отделался от «Совета».

12 декабря

Әбе затеял по телефону часовой разговор. Сначала он пожаловался на скукоту и бессмысленности жизни (любимая тема Әбе), потом обрушился на Кодара и молодых, которые утверждают себя за счёт разоблачения старшего поколения, досталось от Әбе и современным зарубежным модерновым писателям («ничего не знают, не читают, кругозор ограничен»), защитил старших – Шолохова, Эренбурга, Маршака, Паустовского, Чуковского, потом съехал на свою книгу, мол, две главные темы звучат в ней – боль за погибший Арал и бессмысленность бытия; упрекнул меня, что я его невнимательно читал, слишком поверхностно, посетовал на Нурлана, который затеял возню некрасивую по поводу вожделенной Госпремии, вообще говорил много-много.

19 декабря

Вечером усталым голосом звонил Әбе. Вздохнул и сообщил: «Жить неохота!» Понял: Әбе нужно излить душу, а я как раз смотрел ТВ. Потому брякнул: «Если жить неохота, смотрите «Недельку». «Е, ладно», – сказал он разочарованно и бросил трубку. Видно, Әбе избрал меня в качестве лошади, которой чеховский герой доверил своё горе. Но – увы! – я на эту роль не сгодился, и не знаю, кому Әбе поведал своё дурное настроение.

31 декабря

Последние дни были дурные. Гипертонический криз – 231/108. «Скорая». Через день 191/98. Ещё через день – пульс 108. Худо. Однако, годом могу быть доволен. Славно работал. И разных впечатлений было много. Встретил Новый год с Раей. Много звонков. И я поздравил многих. Стреляли алмаатинцы отменно, бабахали со всех сторон. Прикатился на трех девятках Новый год. И что он нам принесёт?

1999

3 января

Поскакали-покатились три девятки вслед за единицей. Снегопад. Звонил Симашко. Удручён, грустен. Жена уже 26 дней из дома не выходит. И сын болен. Морис не работает. Сам ходит в магазины, на базар, превозмогая боль в суставах. Газет нет, радио вещает сплошь банальности, ТВ – пустой трёп и голые задницы. Кнопку нажмёшь – и голая задница. Одна задница ещё может привлечь внимание, но когда их сто – отвращение.

13 января

Позвонили и сообщили, что инаугурация состоится 20 января, а Ассамблея 22 января в Астане. Недавно прошли президентские выборы. Объявлено, что голоса распределились так: Президенту выдали 81,7%, Абдильдину выделили около 13%, Касымову подкинули 4%, а Энгельсу наскребли 0,7%.

А потом пошли митинги, шум, той-той-той, тра-ля-ля.

Решил побыть на презентации книги Президента. Знакомая среда. Все торжественны, возбуждены. И я был в добром расположении, раскован, шутил, пил вино. Решительно направился к Президенту, и он, заметив меня, тотчас подал руку. Я сказал: «Поздравляю!», он ответил: «Спасибо! Спасибо за поддержку!», и я откланялся. А вечер получился тёплый, добрый, возвышенный. Президент был часа два. Я поздравил Макпал с Госпремией, беседовал с Римовой, Букеевой, выразил соболезнование Асаналы, обменялся словами приветствия с Жанией А., Днишевым, Рымбаевой, Бибигуль, Багдановой, Тажиным, Атрушкевичем, Алиханом, Ерланом, С. Нурмаганбетовым, А. Аскаровым, А. Шаловым, С. Токпанбаевым, и многими другими.

Надо отдать должное Президенту: он сумел всех объединить, сплотить, сдружить, облагородить стольких разнородных и сложных людей. Это надо уметь.

18 января

...Другой утренний звонок от Әбе. Настроен грустно и тревожно. Рассказал о положении научно-исследовательских институтов, которых переводят на статус госпредприятий, т.е. сокращают штаты, оставляют 30% бюджета и выталкивают восвояси. То же будет с Институтом права, истории и этнографии, языка, литературы, искусства и т.д. Т.е. всё идёт коту под хвост. Все мало-мальские таланты отторгаются от искусства и науки. В XXI век Казахстан вступает как в средневековье.

20 января

Инаугурацию смотрел по ТВ. Зрелищно, продуманно, чётко. И Президент Чечни, Ингушетии, Башкиртостана – небольшое украшение. Каримов сидел хмурый, унылый. Нормален был Примаков. Как всегда, мотал головой Акаев. По радио и ТВ сообщили, что были представители из 14 стран. Были, да не те. Запад проявил крайнюю осторожность. Праздник был, да не такой, как хотелось бы. И к Казахстану, и его выборам, и к его инаугурации отношение цивилизованных стран сдержанное. Конечно, очень уж далеко всё от демократии. Да и нищета всюду высовывается. Концерт был неплох. Только затянул свой толғау Бекболат, да «Мой край родной!» Днишев спел тускло.

28 января

Дважды звонил Нурпеисов. С какой-то особой участливостью спрашивает про моё состояние, проявляет нежную заботу. С хохотом сообщил новую пословицу: «Көп жеген – ірі, аз жеген – ұры». Сам сочинил или кто-то другой – не сказал. По структуре похоже на калтаевское изделие. Точно, едко, актуально.

29 января

Әбе сообщил, что скончался Еркин Нуржанович Ауельбеков. Сердце. На вечере памяти Шал-акына, помню, он выступил пространно, энергично, рассказывал о своих планах, об ауле, который преобразовывает на Кокшетаущине, пил коньяк и производил

впечатление здорового, увлечённого человека. Әбе говорит, что три дня назад общался с ним, и он собирался якобы на 20 дней съездить в аул. Человек он был колоритный и одно время весьма популярный. Считали, что он достоин руководить Казахстаном.

7 февраля

Глядя на дела в высшем эшелоне, вспомнил немецкую поговорку: «Wer nicht kochen kann, der bleibe aus der Küche...»

Калмухан сообщил, что в реанимации от третьего инфаркта скончался Магзум Сундетов. Знаю я его с 1964 года. Человек был порядочный и красивый. Опытный редактор, честный литератор. Было ему 63. Мать ещё жива.

13 февраля

Радиостанция «Азаттық» провела передачу об Иштване Конуре Мандоки к его 55-летию. Умер он семь лет тому назад. В Казахстане его знали и любили. Венгерский кипчак, он был крупнейшим тюркологом. К сожалению, не успел раскрыть все свои огромные возможности. Я познакомился с ним в гостях у Абиша, весь вечер беседовали. Светлая была личность. Был и на панихиде его в Академии наук. Мне было приятно, что в передаче о нём тепло упомянули и меня.

15 февраля

Звонил из Бонна Булат Султанов. По поводу 250-летия Гёте понадобилось уточнить мой адрес. И ещё некий Verein собирается обратиться с просьбой дать материал из книги «Гёте и Абай» (по предложению Е.М. Асанбаева)

2 марта

Создали партию «Отан» во главе с Терещенко. В партию влились нар.-дем. партия, ПНЕК, либеральное движение, 2030, ещё кто-то. Создали партию власти, партию чиновников, партию, далёкую от народа. Партию коррупционеров. Пустоплясов. Пощёчина народу.

13 марта

...А вывод напрашивается такой:

Государство обокрало всех тотально. Государство не платит зарплаты и пенсии. Государство морочит людям голову. Значит, государство – бандит. И занимается оно бандитизмом.

Государство обожает крупных воров. Крупные воры – национальные герои. Ни один крупный вор не наказан. Значит, государство – преступник.

Основной принцип правителей: сорви куш побольше и беги подальше. Получается ныне наоборот: ит туған жеріне, ер тойған жеріне.

Народ нужен только для того, чтобы его грабить. Каждый суслик норовит ограбить другого суслика. Поэтому государство и «обожает» так народ, не даёт ему подыхать совсем. Кого же тогда грабить?

Основа нашей экономики – жлобизм. Основа нашей политики – рэкет.

Нагота власти. Не поймёшь: где государство, а где клан, аппарат.

Власть наша только делает вид, что держит вожжи. Жизнь понесла, как необъезженный неук. Жизнь – тупик.

21 марта

Отметили сегодня 60-летие Аскара Сулейменова. Вообще-то родился он в декабре 1938 г. Но с юбилеем так получилось – в канун наурыза. И получилось прекрасно: высоко, вдохновенно, тонко, изящно, по-аскаровски. Театр был почти полон. Вначале на фоне великолепного портрета Аскара шла запись его проникновенного выступления. Потом процитировали его портреты и некоторые телезаписи. И я мелькнул на одной фотографии.

Потом были выступления. Вёл вечер Алишер. Вёл достойно, спокойно, величаво. В конце на сцену вышла вся семья – мать Аскара (Айтоты), Алия, Алишер, Қаракөз, Досқан, внуки – сын Алишера, сын Қаракөз, дочка Алии. Очень трогательно!

Хорошую речь произнёс Зейнулла Серикқалиев. Вечер получился тёплый, душевный. Потом был банкет в ресторане «Достық». Тоже высокого уровня. Мы (Нурпеисов, Симашко, я) были чуть более часа. Всем нам подарили по книге воспоминаний об Аскаре – солидный том, изданный великолепно, богато. Прекрасно составлен Алией. Включены и мои воспоминания. И групповая фотография 1971 г.

26 марта

НАТО бомбит Югославию. Амантай-қажы выступил против Клинтона. Клинтон сильно испугался. «Допёк меня этот Амантай – мочи нет», – заявил он.

30 марта

Жалко Президента. Он один борется, как лев, с коррупцией. Его верные соратники – Абыкаев, Сулейменов, Хитрин – не могут найти коррупционеров, хоть тресни. Ясно: в высшем эшелоне их нет, боже упаси! Нет их и во втором, третьем эшелонах. Они невидимки, копошатся где-то внизу, скорее всего, на самом донышке общества. Президент понимает, что государство разворовывается, изъедаемое изнутри хапугами-рвачами, но кто они такие – Президент странным образом не видит... Вот беда-то!

31 марта

Выступил Президент на совместном заседании палат Парламента. Реклама была мощная. Дескать, на сей раз Президент расставит все точки над і. Старики-пенсионеры в предвкушении президентских откровений лишились сна. И вот выступил Президент. Вроде как пригрозил коррупционерам, припугнул воров, об успехах сказал, демократию воспел, правительство пожурил... Его окружение сидит позёвывает, глазами по потолку водит, ухмыляется, глядит в пустоту. Что же получается? Слова обесценились вконец.

10 апреля

Суббота. Утром Нурпеисов уговорил меня всё же съездить на час на курултай «Өрлеу», обещав, что к 11 часам (мне нужно было встретиться с германцами) он приведёт меня домой. Съездили вчетвером в Казсовпроф – Исиналиев, Симашко, Нурпеисов и я. Делегаты съезда, гости толпились у входа. Встретили нас Т. Бегельдинов, Андреасян, Макалкин. Среди собравшихся увидел много знакомых. С нами расцеловался Сейдахмет. Выяснилось, что пожарники запретили провести съезд. Не власти – пожарники! Казахстанская демократия бьёт ключом. Полчаса топтались, по интеллигентски повозмущались, и мы уехали. Андреасян представить зал театра не решился,

сославшись на циркулярное распоряжение. Возникла идея пройтись по улице к Дому демократии и там провести съезд. Кто-то предлагал провести прямо на улице. Әбе сказал: «Поехали!» И мы уехали, оставив Исиналиева.

13 апреля

...Слушал по радио беседу с Березовским. Говорил на редкость напористо, бегло, ловко, логично – заслушаешься, но верить ему почему-то не хочется. Несимпатичный, верткий, авантюрный человек, шулер, аферист.

Вечером часа два читал К. Гайворонского. Любопытную, свежую книгу написал он о Пушкине, его окружении и времени. Очищает Поэта от пушкинистов-прилипал, пиявок Мейлаха, Гессена, Гордлевского, Фейнберга и Ко.

15 апреля

Россия сходит с ума: Пугачёвой 50 лет. Это преподносится, как главное событие. Даже ОРТ свои последние новости начинает с этого. Стоит распущенная, занюханная, кудлатая, вульгарная баба – руки в карманах – перед российским Президентом и получает Орден за заслуги второй степени. («А почему не первой?» – спрашивает нахально). И потом многочасовые концерты – сплошной стриптиз и бред, бабий психоз, низкопробное действо, массовое безумие. Я её абсолютно не воспринимаю («ну, и не воспринимай!» – ярится толпа), для меня это нечто вне культуры. Параллели с Эдит Пиаф или Мирей Матье некорректны. Вот после концерта Рихтера я неделю взволнован. А эту лохмачку всерьёз принять не могу. Никакая не певица, а как женщина – отталкивающая, личность сумбурная, низменная, актёрка – хитрая и фальшивая.

21 апреля

Әбе выглядит устало. Печален. Озабочен плохим состоянием кафе «ПЕН-клуб». Пожаловался, что к обеду уже закладывает уши.

«...И ещё я убедился в том, что мою вторую книгу казахи читать не будут. А если и будут, то только один из тысячи поймёт», – грустно заметил Әбе.

Симашко поведал о статье Кажегельдина в «Комсомолке», где автор предрекает дефолт уже в июне нынешнего года. «Что такое дефолт?! – спросил Әбе и, выслушав объяснение Симашко, воскликнул: «Апырай, я из-за одного кафе уже несколько месяцев не нахожу себе места, как же Президент выдерживает крах всей страны?!»

23 апреля

Первая книга «Последнего долга» потянула на 12 листов. Әбе рад: чем меньше, тем лучше. Вторая книга, уверяет он, в русском переводе будет листов 8-9. «Хорошо ведь?» – спрашивает он. И опять посетовал на то, что вторую книгу казахи читать не будут. Я посоветовал вывести на титульном листе: «Роман, который казахи и читать не станут». Тогда, мол, непременно прочтут.

29 апреля

Мэрия выкинула номер: собрала сотню известных людей (большинство ветераны), усадила за столики со свечой, поставила перед ними минералку и кока-колу и угостила грохотом молодёжной музыки, от которой всем стало дурно. Музыка перемежалась с дежурными пресными речами лидеров культурных центров. И это называлось праздд-

ником единства народов. Кое-кто, как Нурпеисов, сразу дал дёру, а мне с Симашко – как инородцам – пришлось досидеть до конца. Привёз меня домой, оглушённого, с высоким давлением, Боос. День был потерян.

К вечеру неожиданно зашёл Шота. Ему не терпелось узнать, кого я выбрал в качестве «Человека тысячелетия» и «Человека века». Заглянув в мой список, он выразил удовлетворение: почти все имена совпадали с его «списком».

Мой список «Человек тысячелетия» выглядит так: Ахмед Яссауи, Мирза Мухаммад Хайдар, Шыңғыс хан, Абылай хан, Шоқан Уалиханов, Курманғазы, Абай.

«Человек века» по моему списку: Алихан Букейханов, А. Байтурсынов, М. Ауэзов, К. Сәтбаев, Дина Нурпеисова, Д. Кунаев, О. Сулейменов.

9 мая

Первым поздравил я с Днём победы Нурпеисова. Он в больнице, но за два дня малость пришёл в себя. Рассказывает: «Я отца называл «аға». У него было толстобрюхая обжорливая лошадь гнедой масти. Жрала всё подряд. Нет травы – объедала деревья, всё находила, чем набить утробу. Мне кажется, я похож на гнедую лошадку моего аға».

Поздравил Д.Ф. Снегина. Мило поговорили. Д.Ф. сказал: «Я вас люблю, Герольд. А в дружбе я верен. Привет вашей милой супруге. Я вас обнимаю...»

13 мая

После обеда настиг меня Әбе. Просит ещё раз прочесть вторую часть второй книги. Вычитать перед тем, как дать Киму. Я уже столь отравлен этим романом (шутка ли двадцать раз читать одно и то же!), но Әбе уговорил: «Больше тревожить не буду. Айналайын. Будь добр. Я тебя очень прошу...» Немного посопротивлялся было, сказав: «Ойпырмай, Әбе... У меня ведь тоже есть дела. Ну, какой толк от того, что читаешь без конца одно и то же?! Всё это бесплодный труд...» Он настаивал: «Что поделаешь? Многое в нашей жизни – напрасный труд. Видел Примакова? Работал с душой, не жалел себя, а Ельцин взял да и дал коленом под зад». Словом, два-три дня опять убью на опостылевший роман Әбе. Что поделаешь? Читал часа два с удовольствием и восхищением Пушкина. Все знакомо и всё как бы вновь. Так и с Абаем: маленький томик, а каждую строчку воспринимаешь с удовольствием, как будто впервые. Так я могу читать без конца «Смерть Ивана Ильича». Әбе – добротный писатель, к тому же старший товарищ, друг, но читать его в двадцатый раз – выше всяких сил. Поражаюсь, как это он сам себя читает с умилением всю жизнь?! Фраза его тяжёлая, вымученная. Отшлифована, облизана, обмусолена, но не светится, не греет... Говорят, любитель колбасы не должен знать, как и из чего она сделана. Может, и с Нурпеисовым так: слишком знаю весь тот сор, из которого соткана его проза?

17 мая

...Илья Синельников преподнёс мне приятно изданный сборник стихов «Свои слова». Взгляд зацепился за такие строки:

К тому же не уйсун и не аргын я,
Хотя в роду своем – не бейшара.
Однако в честь меня не слышат гимна
Акыны с нурсултанова двора.

Хорошо сказано!

Нурболат М. подарил номер журнала «Средняя Азия и Кавказ», издаваемый в Швеции. Обратил внимание на статью о недемократичности последних президентских выборов. Но это я и так знаю.

18 мая

...Знаю: после перевода Ан. Кима русские друзья Әбе будут хвалить роман. Что труд серьёзный, и я прекрасно сознаю. Достоинств можно найти немало. Но казахи будут этот роман читать неохотно. И причины, на мой взгляд, в следующем:

1. Явный перебор мифологических трюков, тропу которых истоптали, кроме латиноамериканских романистов, и русские, и казахи, и Ч. Айтматов, и Д. Досжан. О том свидетельствуют: Синий вол, Белорыбица, Серый ярый, Белая рыбка, девочка-лиса, рыжая девочка-оборотень, Тополь, Волк на льду, Волчица.

2. Роман по объему небольшой. К тому же в переводе он сокращён. И всё равно ощущение, что он громоздок, явно затянутый, длинный. Много описания и тавтологии с претензией на психологизм.

Об этом я Әбе сказал, а вот то, что я ему не говорил:

3. Всё-таки в романе много надуманного, литературного, умозрительного, искусственного.

По сути, Бакизат не отвечает облику учительницы.

По сути, академик Азим не соответствует образу учёного.

По сути, Жадигер не похож на специалиста с высшим образованием.

И весь круг проблем, поднятых в романе, свидетельствует о весьма приблизительных представлениях автора. Әбе я об этом так прямо не сказал не потому, что не хочу его обидеть, а потому, что не уверен, прав ли я? Может, я субъективен и излишне категоричен...

22 мая

Эмоционально насыщенный, яркий день. Провели Пушкинский вечер в ПЕН-клубе. С 5.30 до 11-ти вечера. Заслуги вечера полностью связаны с Әбе. Он проявил себя отменным организатором, всех подтянул, задействовал, сам вёл вечер, для всех находил нужные слова, за столом говорил искренне, от сердца. Я очень жалею, что не записали его речь на магнитофон. Он говорил в присутствии всех горькие слова о неприятии нынешнего рынка, капитализма, о том, до какого состояния доведён народ. Публика была изысканная. Члены ПЕНа, академики Зиманов, Ормантаев, Шарманов, Калиев, Кошанов, Шарбану; журналисты, артисты – Ермек С., Нуржамал (сплошное очарование), Жамиля, Яковенко; посол России, министры. Пушкин всех сблизил, породнил, скрепил. Были вдохновенные, высокие речи – Жовтис, Симашко, Ауэзов, Зиманов, Нагима (президент АН), Қырымбек (министр). Люди не хотели расходиться.

Ну, а яств было сверх меры: кобыла, кумыс, пиво, вино, шубат, водка, закуска – обалдёж! Я выступил вторым, приняли хорошо. Особенно хвалил меня Зиманов и его жена. В «Панораме» прочёл тёплый отзыв о моём выступлении в Доме офицеров.

31 мая

По ТВ показали, как старики, измождённые старухи-казашки сдают для спасения государства ценные изделия и украшения – золотые часы, браслеты, кольца, серьги, ожерелья. Выдумка Нуркадилова. Ужасная картина! Пожилые люди, которых госу-

дарство многажды раз ограбило, которым месяцами не дают мизерные пенсии, сдают государству последнее. А воровская камарилья между тем строит себе шикарные виллы и дворцы, сплавляет капитал за рубеж, цинично взирая на патриотические потуги нищих сорлыбаюшек. При этом говорят, что в годы войны народ так собирал на танки и самолёты. Несчастные снимают с себя последнее, а государство в это время отменяет все льготы старикам. Вот он, беспредельный цинизм властей.

6 июня

...Утром звонил Әбе. Голос хриплый, усталый. Я-то думал, он в Москве, на пушкинских днях, а он, оказывается, захворал, лежит дома, корпит над своим переводом. Ажар в Таразе. Он дома с внуком.

Часа через три пошёл к нему. Сидит за письменным столом, перед ним исчирканный до неузнаваемости, дважды отредактированный, дважды набранный на компьютере текст. На Әбе рубаха, свитер, чапан, поверх него одеяло; на голову накручен бабий платок. На улице плюс 30. А Әбе укутан, будто на северном полюсе. Марает рукопись, редактирует, шлифует перевод, уже не заглядывая в оригинал.

Грозится написать Президенту письмо и дать два интервью в «АиФ» и «Поколение», в которых намерен разоблачить всё свинство властей.

8 июня

Культуратташе Германского посольства в Казахстане Ханс-Петер Хинриксен, напряжённо улыбаясь, сообщил мне, что Бонн относится negativ к нашему проекту по «Phönix'у», ибо, во-первых, в проекте необходимо хотя бы фифти-фифти участвовать Казахстану, во-вторых, нужна «Garantie auf Ewigkeit», в-третьих, помогать можно лишь тогда, когда есть уверенность, что мы сами встанем на ноги, в-четвёртых, помощь даётся лишь «für Selbsthilfe», и ещё нужно качество, а DAZ не отвечает требованиям «настоящей немецкой газеты». Я вежливо выслушал его ответ, который мне ясен с самого начала (у немцев зимой снега не выпросишь). Я сказал: «Alles klar. Also ist „Phönix" von heute an tot». Хинриксен криво усмехнулся, развёл руками. «Na gut. Ist eigentlich nicht's zu machen... Bleiben Sie gesund». «Sie auch» – и вся аудиенция.

12 июня

Звонил Әбе. Кисл, подавлен, сонлив. Уточнили два предложения. Поговорили о Леонове. Әбе считает, что Леонов всегда держался достойно, было в нём что-то простое, скромное и притягательное. С властями не сорился, но сторонился её. Своеобразный был человек. Истинный писатель. Пожаловался Әбе на скудость и убогость нынешней жизни, вспомнил слова своего отца: «Аяғы дүниенің ырың-жырың».

23 июня

Утром Жанна Е. с матерью забрали меня в КазГУ. Оказалось, защита магистерских диссертаций. Встретили хорошо. М. Барманкулов, С. Козыбаев, Ибраев. Человек пять выступило, сказано много добрых, хвалебных слов в мой адрес. И Жанна выступила с достоинством и знанием. Вообще я удивился тому, как меня знают на журналистском факультете. Никак не ожидал. И я выступил. Потом много фотографировались на фоне Фараби, Университета, кафедры, на студии, возле дома. Жанна привезла меня домой и подарила экземпляр своей диссертации. И мать её произвела доброе впечатление.

24 июня

Прочёл Нурпеисов утром по телефону печально-скорбное письмо изгоя Василя Быкова. ПЕН-центр продлил его срок пребывания в Финляндии до 2000 года. Далее Быкову неведомо, где он будет жить. Әбе говорит, что будет с ним делиться последним. Лукашенко Быков называет «гауляйтером», «виртуальным вождём славянского мира», сетует на то, что русские друзья отшатнулись. Строго-гордое, полное достоинства и скорби письмо 75-летнего писателя.

3 июля

Звонил Симашко. Он на распутии. Остался с женой один. Обоим по 75 лет. Дети и жена настаивают на отъезд в Израиль. Морис Давидович намерен написать письмо Назарбаеву, попросить сохранить ему пенсию и оставить гражданство, чтобы хотя бы по полгода он мог жить в Алматы, ибо писать он может только здесь. Видно, это самообман. Уедет в Израиль, да там и останется.

13 июля

После обеда съездили на Алматы-I открывать улицу Н. Ровенского. Из ПЕН-клуба – Әбе, Морис, Шериаздан, Кабдолов, Жовтис, Бадиков, я; из АН – Бейбит, Ананьева, Алма; из Российского посольства – Сафонов; от семьи Николая Степановича – жена, дочь, внук (все несчастные, бедные, убогие). Весь край, где жил Ровенский, пришибленный. Дом Ровенского стар, запущен, невзрачен, из всех щелей смотрит нищета, беспросветная нужда. Провели торжественную часть, посидели за столом. Хозяева постарались, кое-что привёз ПЕН-клуб. Посидели, повспоминали. В общем, получилось по-человечески. Я допустил оплошность, начал рассказывать о дружбе Н.С. с Ривлиной, с которой я учился в аспирантуре. Симашко засверкал глазами, и я понял, что о том говорить не следует.

21 июля

...До обеда был на конференции в КИСИ – международная конференция по линии ООН. На Форуме присутствуют какие-то люди из Пакистана, Индии, Греции, Франции, Израиля, Палестины, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Румынии и др. Выступил Берсток, дама из МИДа. Мне удалось выступить ещё до обеда. Выступили также Шаханов, Исиналиев. Мухтар вручил мне и Михаилу Ивановичу своё «Заблуждение», пригласил в Бишкек, довёз на машине домой.

Позвонил из Берлина Ерик Магзумович Асанбаев. В хорошем настроении. Сообщил, что посольство переехало в Берлин, обустроились хорошо, одни из первых, имеют 1 га земли. Рядом Nordenstrasse, какая-то аллея и улочка №9. Вот эту улочку хотят переименовать в Абайштрассе. Просит прислать необходимые материалы. Я обещал это сделать в течении недели. Вечером обговорил все с Калмуханом.

Получил письмо от культуратташе Германии Хинриксена: просит подать новую калькуляцию на «Phönix».

31 июля

...Дочитал роман В. Гроссмана. Добротный роман! Какими же были ничтожествами все эти кожевниковы, сартаковы, марковы, щипачевы, которые топили и казнили роман, о Суслове и ему подобных и говорить нечего. Подумать только: каких-нибудь

сорок лет назад разыгрывались вокруг этого произведения такие страсти. Конечно, нечего его сравнивать с Толстым, но жизнь и судьбы большой эпохи воспроизведены мощно, честно и правдиво. И потому к этому труду могут обратиться и ещё через пятьдесят лет, когда о вышеназванных карликах никто уже и помнить не будет. Рад, что наконец-то прочёл эту книгу, о которой столько читал и слышал.

9 августа. Ташкент.

...Читаю во дворе отчего дома книгу Ислама Каримова «Узбекистан на пороге XXI века». Книга претенциозная, выспренняя, хвастливая, лживая... А кругом – нищета, бестолковость. Люди растерянные, пришибленные, погасшие.

Несколько цитат из книги Ислам-ака:

«Из стран Центральной Азии в Узбекистане самая высокая плотность населения – 51,4 человек на 1 кв. км, в то время как в Казахстане – 6,1, Кыргызстане – 22,7, Туркменистане – 9,4. В республике на одного человека приходится 0,17 га посевных площадей, в Казахстане – 1,54, Кыргызстане – 0,26, Украине – 0,59, России – 0,67» (113).

«Великие наши предки: Имам Бухари, Ат-Термизи, Накибанд, Хаджи Ахмад Яссави, Аль Хорезми, Беруни, Ибн Сино, Амир Темур, Улугбек, Бабур и многие другие внесли огромный вклад в развитие национальной культуры, стали поистине предметом гордости» (134).

«Здесь веками кочевые народы уживались с оседлыми, иранские племена – с тюркскими, мусульмане – с христианами и иудеями» (136).

«Исторически принадлежа к семье тюркских народов, наш народ решительно отверг соблазны пантюркизма и шовинистическую идею «Великого Турана». Для нас Туран – это символ культурной, а не суперполитической общности тюркоязычных народов региона» (137).

10 августа. Ташкент.

Занялся финансовыми раскладками.

За 100 долларов США мне дали 50 тысяч сумов.

Персональная пенсия отца составляет 5600 сумов. Это 11 долларов. Что он может купить на эту пенсию в месяц: тридцать булок хлеба, 1 кг сахару, 1 кусок хозяйственного мыла, 1 кг мяса, 1 бутылку растительного масла, 3 кг картошки, 4 кг помидор, 15 литров молока, 1 кг риса, 300 г чаю, 500 сумов на коммунальные услуги. Всё! В месяц!

Врач получает 5300 сумов (меньше 10 долларов). Воспитательница детского сада – 3000 сумов (6 долларов), пенсия средняя – 3700 сумов (меньше 7 долларов).

Ужас! Жить нельзя! Болеть нельзя. Покупать одежду нельзя. Умирать можно, но хоронить сложно. А газеты, ТВ, радио долдонят только об успехах.

Газеты дорогие. Никто их не берёт. «АиФ» – 85 сумов, «Труд» – 35 сумов, турецкая тетрадь – 130 сумов. За нашими тенге охотятся. Товары в основном турецкие.

...Прочёл узбекский гимн. Слова Абдуллы Арипова (лет 15 назад были вместе на заседании переводчиков в «ДН»). Слова высокопарные, трескучие, «жирные».

Серкёш – *солнечный, богатый солнцем*. Нажат – *избавление, спасение*. Махрибон – *любящий, заботливый*. Ижод – *творение*. Шұхрат – *слава*. Жон – *душа*. Ёр – *влюблённый, милый*. Махлиё – *очарованный, заворожённый*. Мардона – *мужественно, храбро, смело*. Жұш урган заман – *бурлящее время*. Обод – *благоустроенный*.

Вот из таких слов сплетён гимн.

18 августа

Сегодня отцу 90. Утром, когда его поздравил, он начал с пафосом читать стишки собственного производства.

Мне девяносто, девяносто лет,
Но девяносто ещё не сто.

Но дальше забыл и запнулся.

На отцовском юбилее были двое из Махали, один из партии НДПУ, проф. Ахметов с женой, сваты, соседи, родня, Вильгельмина, Саша... всего 23-25 человек. Отец доволен. Получил много подарков... А я устал от всех этих хлопот и чувствую себя кисло, скверно. Чувствую, возвращение будет трудным.

20 августа. Алматы

Благополучно вернулись. Дома всё в порядке. Но состояние скверное. АД – 180/100.

Заглянул в газеты и обомлел. 19-го скончался М.И. Исиналиев. Отдохнув чуть после дороги, отправился с әбе в скорбный дом. Хороший сын у Исиналиевых – Тимур. Ушёл Михаил Иванович на взлёте, красиво, обласканный благодарной памятью людей. Написал несколько книг и ряд высоких публицистических статей. Красивый человек. Красиво жил. Красиво ушёл...

23 августа

Хоронили сегодня Михаила Ивановича. Ещё недавно мы ходили вместе, беседовали, выступали на конференциях, обменивались публикациями.

Народу собралось в театре очень много. Встретил сотню знакомых. Со многими беседовал: Зиманов, Аимбетов, Габдуллин, Касеинов, Аким, Биржанов, Кошанов, Курмангужин, Қасымжомарт, Олжас и др.

С утра давление было 170/90, потому на могилу не ездил.

25 августа

Ночью в три мне стало худо. Головокружение. Одеревенел затылок. Всё поплыло перед глазами. АД – 190/100. Вызвали «скорую».

Да, здоровья Бог не дал. Was tun, lieber Mensch?

30 августа. Больница

Очень мне худо. С трудом удерживаю сознание. Боюсь уснуть. Моментами как бы уплываю, проваливаюсь. Чувствую: инсульт. Левая сторона заметно парализована. Заикаюсь. Но врачи упорствуют: не инсульт.

1 сентября. 8.40 вечера

Значит, так. Если что случится, упокоить меня просто и скромно на Кенсае. Сделайте для меня исключение. Там мои друзья (там будут и живые ныне друзья), а мне нужно с ними пообщаться, побеседовать. Кенсай! С этой просьбой обращаюсь к Назарбаеву, Нуркадилову. Господа, уважьте мою просьбу!

Казахстану и казахам желаю добра! Елім аман болсын!

Искренне ваш Герольд.

Рая! Милая!

На всякий случай мои последние распоряжения.

1. Держись достойно, не паникуй.

2. Всё останется в твоём распоряжении.

3. В правой части письменного стола две рукописи: «След слова» и рассказы, повести немцев Казахстана. Там же мой роман: две части (264 стр.); отпечатаны (в красной папке I-й экз.); II-й экз. в оранжевой папке на верхней полке III-его книжного шкафа (отдать Саше для публикации). В толстой папке написанные от руки стр. романа (около 400 стр.). Роман не завершён. Не дописаны 4 главы (-50-60 стр.)

4. Дневники и записные книжки сберечь. Могут пригодиться.

5. Письма нем. литераторов сдать в архив (или в Геттингенский институт). Не выбрасывать!

6. Немецкие книги можно будет сдать в Нем. культ. центр.

7. В остальном с Ириной разберётесь.

8. Во всех делах советоваться с Әбе. По творческой части можно советоваться с Жанной Ескуатовой.

9. Год живи в Алматы, потом продай дом и скарб и купи квартиру в Москве рядом с Ириной.

10. Иногда привечай моих родственников. Если получится, позаботься об Артуре.

Пожалуй, всё. Главное: держись молодцом, достойно. Мы с тобой жили неплохо. Я тебя никогда не позорил. Не горюй. Свой жребий я исполнил.

Пишу эти строки наспех, в сознании, но под сильным давлением. И не буду перечитывать и редактировать. Очень надеюсь выкарабкаться, но если не суждено – ничего не попишешь. Ирине, Севушке мой поклон! А тебя крепко обнимаю и благодарю.

Герольд. 9.40 вечера.

P.S. Все «Phönix'овые» дела в нижнем ящике книжного шкафа за дверью. Там же рукописи Лейнонена (это всё передать Саше).

Вообще, думаю, разберетесь. По всем делам следует советоваться с Әбе, с Сашей, Абишем, Владимировым, Дукенбаем, Оразбеком, Тасмагамбетовым, Кушербаевым etc. Не теряйся, Рая, друзей у нас много.

P.P.S. Одна рукопись – «Тихие беседы на шумных перекрестках» – у Гарифоллы Анеса. Владимиров знает. При издании надо будет в качестве предисловия дать кусок из книги Әбе – речь на моём 60-летии и добавить моё эссе «Исполины духа» (будет - 6-7 п.л.

5 сентября

Morgen! Die Nacht ist vorbei, Gott sei Dank! Nicht ganz gut geschlafen. Gestern am Abend habe ich hohes Blutdruck. Und es war auch ziemlich kühl.

Hat man viel, so wird man bald
Noch viel mehr dazubekommen.
Wer nur wenig hat, dem wird
Auch das Wenigste genommen.
Wenn du aber gar nichts hast's
Ach! Da lasse dich begraben,
Denn das Recht zum Leben, Lump,
Haben nur die etwas haben.

Это я пробовал мои «немецкие» шарики. Не повреждены ли? На месте ли?

На рассвете стал вспоминать абаевские строки, испытывая свои «казахские» шарики. Тоже вроде на месте. Ну, а по-русски пишу.

Значит, мозги более-менее в порядке. А вот язык тяжёлый. И левые рука и нога одеревенели.

Врач Камбар внушает: никаких резких движений.

Әбе говорит: «Теперь будешь отдыхать. Ни планов, ни работы».

«Буду!» – упрямо говорю я. «Что будешь?» «Работать!» «Бәрекелді!» – говорит, не то радуясь, не то огорчаясь, Әбе.

Просто лежать, прислушиваясь к своему изрядно разрушенному организму, – удовольствие невеликое. Видимо, надо читать. Но быстро устаю. И мозг плохо воспринимает. И радио слушать надоело: по сорок раз передают положение в Дагестане, о коррупции в России, 100-летии Изабеллы Юрьевой, о взрыве в Буйнаке, о Восточном Тиморе.

9 сентября. Больница

Редкая дата: четыре девятки. Три года тому назад в этот день меня сразил инфаркт. Три года спустя снова лежу сражённый, но уже инсультом...

22 сентября

Через два часа меня должны выписать. Мною будет заниматься участковый врач. Камбар: «Мозг надо питать. Болезнь эта может повториться. А иногда и не повторяется. Мы это тоже знаем...»

Шелестит дождь.
С яблони падают плоды –
Обрывается чья-то жизнь.

23 сентября

Я дома! Девять дней пробыл в кардиологии и 20 дней в неврологии. Не дай Бог!..

30 сентября

Вечером узнал о кончине акад. Дм. Лихачёва. Славный человеческий экземпляр! Прожил 93 года. Совесть России. Интеллигент. Высоконравственный человек-глыба. Я его видел несколько дней на конференции Фонда культуры в Москве. Помню, написал ему записку по поводу российских немцев и немецкой автономии. Он публично прочитал мою записку, назвал мою фамилию и ответил основательно, искренне, с большим сочувствием к судьбе российских немцев, демонстрируя знание предмета. Это было очень важно. Мир праху ему!

Из «ЛГ» узнал, что в России выходит очередной 9-томник собраний сочинений Солженицына. Очень рад! Хотел бы иметь его 9-томник.

А потом по радиостанции «Свобода» узнал, что Нобелевскую премию за 1999 год (раньше срока) присудили немецкому писателю Гюнтеру Грассу. Очень справедливо! Ему 72 года. Личность неординарная. В литературе и искусстве работает около полувека. Писатель разножанровый, глубокий, философский.

5-10 октября

Давление взбесилось. То и дело подскакиваем к 200. Ужас!

8 октября

...Самая большая радость: позвонил из Берлина посол Е.М. Асанбаев и сообщил, что улочке возле посольства присвоили-таки имя Абая! Об этом мы с Калмуханом много мечтали и целенаправленно хлопотали. Дух Абая, думаю, торжествует. Асанбаев пригласил меня в Берлин 25-го. Но я ему сказал о своём положении и предложил Калмухана. Он об этом мечтал больше всех и упорно, даже настырно шёл к этой цели.

10 октября

Опять на качелях. Утром нормально, к обеду давление 202/105, через два часа 133/80, к вечеру 172/85. Ну, разве это дело? И работаешь через силу.

Хорошо Симашко веселил по телефону частушками в таком роде:

У моей милёнки в ж...,
Обломилась клизма.
Призрак бродит по Европе,
Призрак коммунизма.

27 октября

Вернулся из Уфы Әбе. Весьма доволен. Коротко переговорили по телефону. Пригласил к себе. Но я не могу подняться на второй этаж. «Тогда я зайду к тебе». Я сказал: не надо, давление поднимется. Он: «Когда будет давление нормальное, скажи». Моя статья о нём в «XXI веке» ему знакома. Её читал ему за дастарханом в Актобе какой-то старик. «Ты меня знаешь давно, я у тебя как на ладони, – сказал Әбе. – Я растрогался в том месте, где ты пишешь, что я тщеславен, но умею это скрывать. Верно: так оно было раньше, а теперь, поверь, не так. Теперь у меня нет тщеславия».

28 октября

Ну, добрёл с Божьей милости до 65 годков. И работал, и поздравления принимал, и гости были, и с давлением боролся. Психологически и физически трудный день.

Самая приятная новость: позвонила из Берлина доктор Эрика Фогт и сообщила, что книга моя у ней на столе. Скоро она намерена с кем-то прислать экземпляры. По её словам, книга получилась приличная.

А вечером, усталый и больной, собрался было лечь, как Ерик сообщил о кончине Шайдуллы. Десять месяцев маялся бедный. Рак легких всё-таки добил его. А ещё 25 сеансов облучения сделали, а накануне смерти – операцию по аденоме.

Я так расстроился, что всю ночь не мог успокоить сердце. Чего только не пил! Потом в 2 ночи написал слово прощания с Шайдуллой. АД было 190/95. Лишь к утру на часок соснул. Не смогу даже заехать и выразить Соне и детям соболезнование. Отправлю свою прощальную речь с Раей.

Шайдулла, Шаке, был самым верным моим другом со студенческих времён. Обо мне он заботился как брат. Мир праху его!..

1 ноября

Позвонил Әбе, и я отправился поздравлять его с 75-летием, отнёс подарок. В квартиру не зашёл: тяжело подниматься. Походили мы с ним на дворе 1,5 часа. Он был в добром расположении духа, даже сентиментален. «Умрешь – и я умру», – заявил он вдруг. Я ответил: «Тогда не будем торопиться. К этому идёт».

Он готовится к встрече с Президентом. Якобы завтра в три. Әбе подробно поведал, о чём он намерен говорить Президенту. 4 пункта и все значительные. Я одобрил. Ещё один пункт (Әбе произносит: «пункыт») он держит в запасе: премии ПЕН-клуба и отношение к Алтынбеку. Я ему поведал и о своих планах. Он обещал для моей книги о нём найти спонсора. Я предупредил: в той книге будет и немало нелестного для него, я ведь не собираюсь редактировать свои записи, опубликую так, как написал в тот момент, т.е. буду давать свои сиюминутные ощущения, а они могут быть и против шерсти. Әбе охотно согласился. Зачем мне, дескать, тост, я ведь не ангел, а ты меня знаешь, как никто. Я сказал: конструкция книги готова. Сначала дам шесть статей, а потом – дневниковые записи разных лет. Без прикрас. Объем, вероятно, листов десять. С фотографиями. Название: «Абдижамил – вблизи и рядом». Он одобрил.

...Утром позвонил молодой, чистый голос. Это был старик Мустафин, репрессированный ветеран. 91-й год. А голос-то, голос! Молодой, звонкий. Мой голос по сравнению с его голосом – замогильный.

– Я слышал, вы прихворнули. Хочу поднять ваше настроение. Благословляю вас. Я ведь вас люблю. Я дважды пережил инфаркт. Ничего. Сейчас пробежку сделал. Выправитесь. Держитесь! Выкарабкаетесь, я уверен.

Так он меня подбодрил, и было очень приятно.

5 ноября

Вечером звонил Симашко. Тоже хворает, аритмия. А Жовтис в реанимации: сделали операцию на оба глаза, и у него случился инфаркт (или инсульт). Очень жалко. Тут ещё у сына произошёл в офисе пожар.

Әбе, по словам Симашко, тоже лёг в больницу. Звонил Калтай, спросил о здоровье. Кроме того, он, возмущённый тем, что казахские газеты обошли молчанием юбилея Әбе, решил дать полосу о нём в «Туркестане» Для этого он хочет дать на казахском мою статью и два отклика – Калихана и Акселеу. Я согласился.

11 ноября

Сегодня хоронили Александра Лазаревича Жовтиса. Панихида в КазПИ. Весь день было холодно, сыро и шёл снег. Ушёл Жовтис на 77-м году жизни.

...Звонил из Астаны Абиш. Отмечает свое 60-летие в Актау. Сам он приглашает из старших Кабдолова, Калтая и Нурпеисова, из друзей – меня и Маралбая. В трёх местах шуметь обстоятельства, мол, не позволяют. Мило поговорил, пожалел, что я не могу приехать, сказал: летом соберу вас всех отдельно. На свой юбилей смотрит как на обузу, досадную заботу. «Когда вы проводили свои юбилей, я ещё находился с благодушной спячке, теперь вот и меня настигла сия участь».

14 ноября

Әбе всё углубляет своего Белоликого героя. Вкладывает в его поток сознания свои излюбленные мысли о том, что все учёные открытия – от экскаватора до атомной бомбы – работают исключительно на разрушение, а потому надо запретить открытия. «Всё равно это будет переводиться, а потому пишу по-русски. В помощь пригласил Асю Б., чтобы она мои писания немного привела в порядок». И он прочёл мне кусочек. Видно, ему это показалось значительным, мне же – банальным. «Ну как?» «По-русски ничего. Только мысль сомнительная». Әбе сразу всполошился. «Почему мысль сомни-

тельная?» Говорю: «Спорно. Прогресс остановить нельзя. Мысль тоже. Открытия всё равно будут. Просто надо их повернуть во благо. Да и нечто такое однажды Толстой уже сказал». «Неужели? Нескладно получается. Пожалуй, подумаю. Хотел устами Белоликого высказаться основательно. А, может, ограничиться коротко?» «Да пока не испортили, обойдитесь покороче», – посоветовал я.

18 ноября

Әбе постоял сегодня на балконе и наблюдал, как за короткое время четверо нищих рылись в мусорном контейнере. Двое казахов и двое русских. Это его потрясло. Я ему поведал о тех, кто дважды на дню копаются в мусоре нашего дома и как одна бабка промышляет бутылками из-под минеральной воды. «Какой ужас! Что творится на свете!» – удивляется Әбе. Он, видимо, плохо представляет, в каком обществе живёт.

21 ноября

...И ещё мне подумалось, что большинство наших бед исходит от невежества, от дилетантства, оттого, что люди сидят не на своём месте. Подавляющее большинство власть предержащих – случайные люди, сидящие не там, где они должны сидеть. Отсюда и все недоразумения, весь бедлам. «Деятельность» иных только во вред стране. По всему психофизическому складу, по уровню интеллекта иной в сущности едва способен заведовать баней, а он сидит в государственном кресле. И таков результат, как от козла молока. Но ордынская ментальность осознать это ещё долго не в состоянии.

28 ноября

От Симашко узнал, что Нурпеисов второй день в больнице. Симашко подавлен. День отъезда приближается. Дочь уже здесь. Хлопот много. Библиотеку он подарил музею. Но всё же берёт с собой тонну справочной литературы. В марте намерен вернуться, купить однокомнатную квартиру и работать. Неужели он этому верит?

10 декабря

В «ҚӘ» анкета по казахской литературе. Ответили Аманхан Алим и А. Кодар, и оба с выпадом против Абдижамила. Аманхан отнёс его к тем, кого переоценивают: «Явно переоценивают в литературе Олжаса Сулейменова, Абдижамила Нурпеисова, Мухтара Шаханова». А Кодар и вовсе эпатирует: «А кого ещё будут читать, как не меня?!»

Странно. Я давно замечаю, что Нурпеисова многие не любят. Не жалуют. Возможно, и есть за что. В чём-то, видимо, он сам виноват. Но объективности ради надо признать, что он художник и к творчеству, к литературе относится честно, с высокой ответственностью. Этого отнимать у него не стоит. Конечно, нынешние сорокалетние более образованы, начитаны, обладают бóльшим кругозором – это так. По этой части Әбе не блещет. Интеллектуальный багаж его не велик. Но это его судьба. И в этом он не виноват. Как личность он всё же выше многих его молодых оппонентов.

12 декабря

Звонил дважды Симашко. «Я же уезжаю... Я уезжаю», – повторяет он, как заведённый. Уезжает 14-го ночью. Ходил на могилу родителей. Жалуется на здоровье. Две недели гриппует. Обессилел. «Но я приеду... приеду... Наверное в марте-апреле». Чувствуется, человек совсем выбит из колеи. Уезжает навсегда... навсегда... Жалко! Хотел

он с ПЕН-клубовцами посидеть на прощании, коньячок распить. Тут, как назло, нет Нурпеисова. И даже прощание не получается. Грустно. Эмигрировать в 76 лет – ужасно. Да что поделаешь: в Казахстане жить становится всё труднее.

13 декабря

Вечером позвонил Симашко. «Завтра уже будет некогда». Летит в ночь на 15-ое. Пять с половиной часа лету. Прямой рейс. Поначалу будут жить у Риммы, потом купят ему жилище возле Тель-Авива, у моря. «Я родился у моря, вот у моря и поселюсь». Настрой Мориса подавленный. «С Президентом простился. Он даже мне стипендию оставляет. Я ведь приеду. Ты там, в ПЕН-клубе, подскажи». «Ну, удачи. Я вас обнимаю!» – сказал ему. «И я тебя обнимаю».

Он звонил мне вечером почти каждый день. «Герольд?! (и через паузу) Ну, как живёшь?» Потом рассказывал анекдот или бурно комментировал события дня.

17 декабря

Әбе рассказал о своём споре с Ю. Казаковым по поводу «Чёрного арапа» Пришвина. Казаков считал, что казахи должны ставить памятник Пришвину, а Нурпеисов возражал: с какой, мол, стати; автор увидел казаха внешне, не понимая его, отстранённо, отчуждённо... Не зная языка, народ постичь невозможно. Отсюда и все искажения. Именно с такой позиции подходят к своему народу разные кодары. В такое, как сейчас, время унижать народ, смеяться над его прошлым, считать, что у него ничего достойного не было, – грешно. Словом, Әбе убеждён, что точка зрения Шуги абсолютно верна. Я же считаю, что она верна относительно. И вообще я не приемлю патриотизма, который основан исключительно на преувеличении роли своей нации и своих предков в прошлом. Чтó из величия прошлого, если настоящее жалкое? Но спорить не стал, зная болезненность и щепетильность Әбе в национальных вопросах.

28 декабря

...Наконец, Президент обнародовал свой Указ о присуждении Премии мира и духовного согласия. Удостоились его премии двое – Терещенко (Ужас! Ужас! Нашёл кого такой премией награждать!) и Тер-Петросян (этот ещё более-менее подходит, но тоже не очень)... И эта премия потеряла свою значимость.

29 декабря

Утром позвонил Мурат Ауэзов, трогательно поздравил с Новым годом. Поговорили о Фонде, о Джордже Зарубине, о продолжении контактов... Ауэзова я давно люблю и почитаю за интеллект, интеллигентность, культуру. Таких людей Назарбаев должен был бы ценить и награждать, а не каких-то Терещенко – юркача и циника.

31 декабря

Позвонил Нурпеисов, очень тепло поздравил с Новым годом. Пожелал здоровья. «В том, что это главное, надеюсь, убедился». Я намеревался поздравить его после 10-ти вечера. Он меня опередил, и мне стало неловко. «У казахов есть поговорка. Медлительная утка взлетает раньше. Так и я решил позвонить заблаговременно». Я пожелал ему как можно дальше внедриться в XXI век. И я ему это желаю самым искренним образом и ласково, благодарно говорю ему: «Әбе, будьте! Будьте ещё долго!»

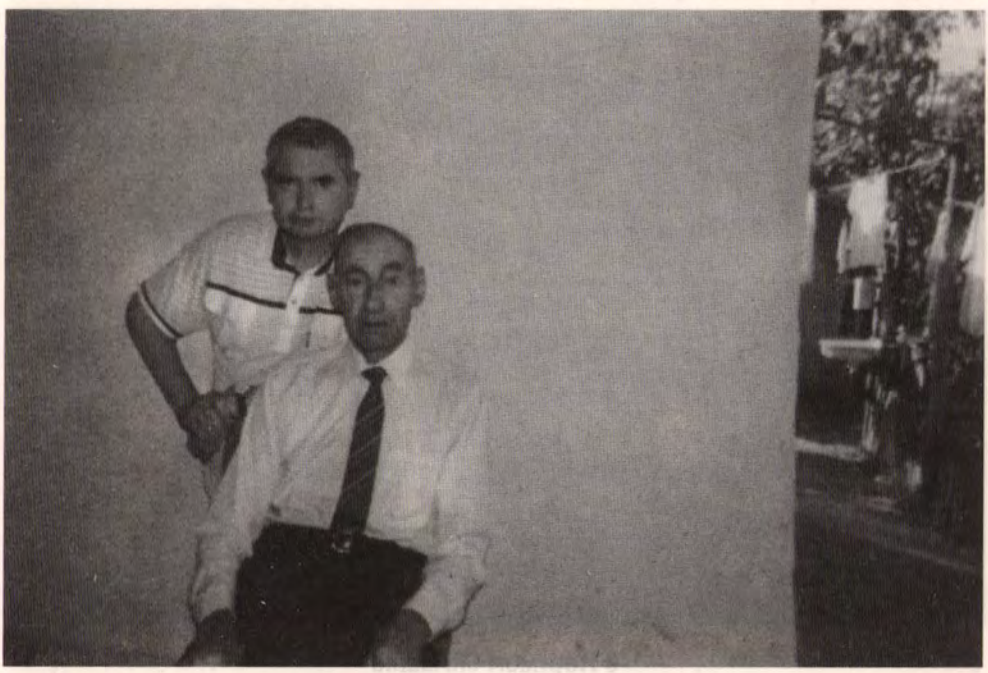
Г. Бельгер, д-р Хорнунг (ФРГ), А. Нурпеисов

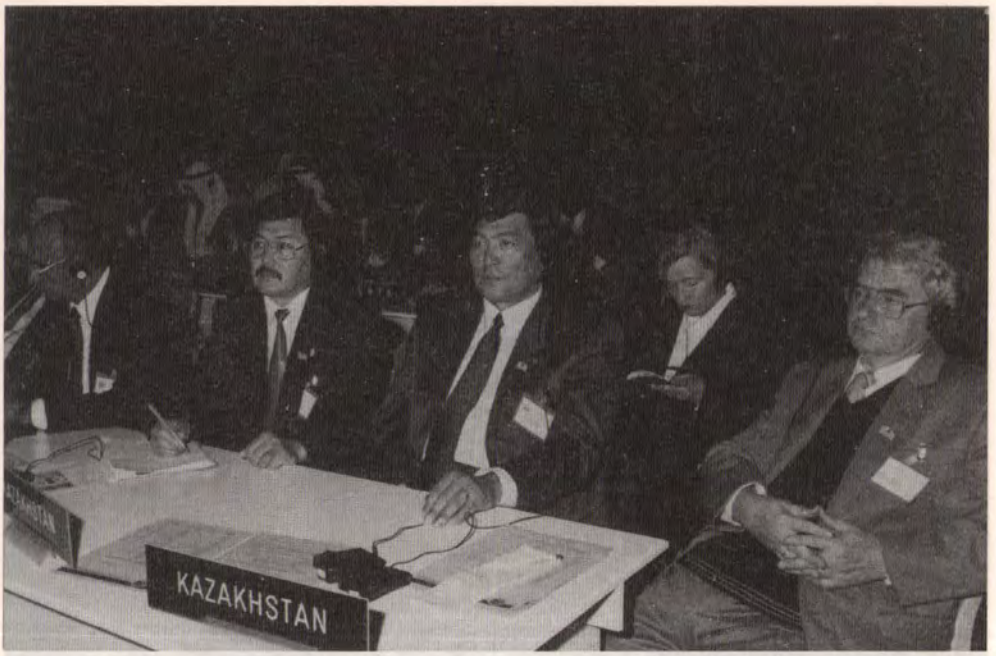
С Морисом Симашко

С родителями. Г. Энгельс. 1938 г.

В день 90-летия отца. 1999 г.

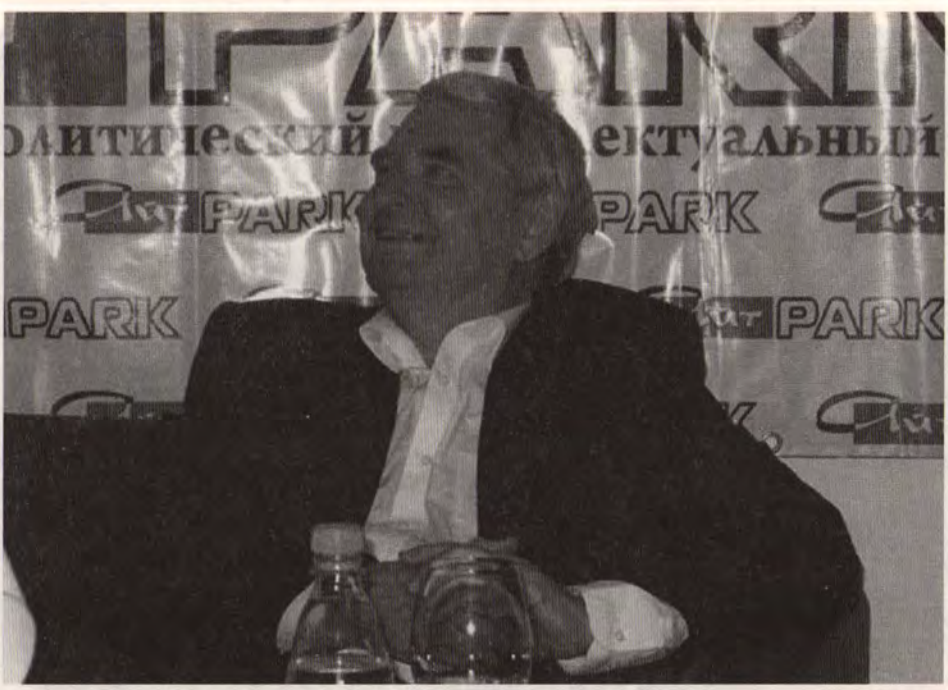
На Ассамблее межпарламентского союза. Дания

С академиками НАН РК Эрвином Госсеном (слева) и Эрнстом Боосом

На презентации книги в музее М. Ауэзова. 2002 г.

В дискуссионном клубе «Айт-Park». 2009 г.

2000

8 января

Из газет узнал: умерла Бикен Римова – целая эпоха в театре. Я её знавал, несколько раз встречался, беседовал. В последний раз она спрашивала мой телефон, намеревалась предложить свою книгу на перевод. Была женственна, энергична, деятельна, обладала хорошей казахской речью, высокой национальной ментальностью. Женщина с божьей искрой. Уходят лучшие казахи. Днями раньше ушёл и Шахан Мусин – тоже талантливая, колоритная личность. Помню, как однажды ещё в журнале «Жұлдыз» (1964 г.) он читал нам, группе литераторов, свои колымские стихи. Это было неожиданно. Видел его спектакли.

16 января

...Объявился Нурпеисов. Расспросив о моих делах, принялся по телефону обстоятельно рассказывать, как был у Хитрина, в суде, что и как говорил, как съездил на два дня в Павлодар, где встретился с двумя директорами крупных заводов, как они его выслушали и т.д. Минут десять, стоя у старого телефона возле двери, я слушал, потом напомнил, что я так долго слушать не могу, Әбе досадливо бросил: «А, жарайды!» и оборвал свой рассказ. Мне неудобно, что я не смог выслушать всю одиссею 75-летнего неугомонного радетеля ПЕНа, который в трескучие холода мечется по северным областям в поисках средств для развития культуры, когда мы, бездельники, паразиты, позволяем себе грипповать и лясы точить. Неудобно, но уже не способен выслушать перипетии одной поездки. Ощущение, такое, что поездкой Әбе доволен, надеется на результат в свою пользу, т.е. выиграть тяжбу с «Начнём с понедельника», высудить куш и получить извне средства на премию ПЕНа.

17 января

Вечером перечитывал переписку Томаса и Генриха Маннов. Читая их, остро почувствовал, в каком гадком, низменном окружении я живу. Что из себя представляет нынешняя интеллигенция на фоне этих личностей? Мелкие жандайшапы, карлики, корчащие из себя Бог весть кого, приспособленцы, лавочники, корыстолюбцы. И профессора они, и академики, и народные писатели, а в сущности – мелюзга, шәлдіректер. Бог ты мой! Выть хочется по-собачьи от одиночества. Вспомнишь поведение некоторых моих друзей, их общественное лицо – и содрогнёшься, ужаснёшься. Всю жизнь живу в Азии, но от азиатской ментальности порой становится тошно. Всё же это какая-то другая форма существования.

23 января

К утренней прогулке присоединился Әбе. Есенгельды показал памятник покойной супруге (по фотографии), сказал, что рядом похоронят в будущем и его. Вот тут-то Әбе неожиданно остановился и спросил: «Если ты уйдёшь раньше меня, где тебя похоронить?» «Как где? – ответил я тут же. – Я о том уже думал и даже написал в блокноте. Хоронить меня нужно на Кенсае, сделав для немусульманина исключение. Здесь мои друзья, должен же я с ними общаться». «На Кенсае? » – переспросил Әбе. «На Кенсае».

И Әбе, воскликнув «Ой, айналайн!», обнял и расцеловал меня. «На Кенсае ведь места нет», – заметил Есенгельды. «Другим нет, а Бельгеру найдётся», – решительно возразил Әбе. И добавил: «Не будем спешить, но определиться не помеха».

28 января

...Звонил Әбе. Обговорили с ним потенциальных кандидатов в члены ПЕНа. Договорились принять: Владимирова, С. Абдрахманова, В. Гундарева, А. Егеубаева, Б. Каирбекова, Ан. Кима, Б. Канапьянова. Мне поручено с некоторыми из них переговорить.

4 февраля

...А вечером позвонил Дмитрий Снегин, сказав, что соскучился по мне и хочет услышать мой голос. Есть у него намерение вручить мне свою новую книжку. Я обещал зайти в ближайшие недели, теперь вот думаю, как я это осуществлю.

18 февраля

Из газет («ҚӘ») узнал, что Президент принял Дукенбая. Когда несколько месяцев назад он принял Досанова, всем стало ясно: следующий будет Досжанов. Значит, у Президента нет представления о том, кто есть кто. Он принимает Сафуана, Альжаппара, Досанова, Досжанова. Видно, полагает, что они – самые-самые.

Что это за писатели, которые ползут на четвереньках к Президенту? Пошли бы, скажем, Хемингуэй, Фолкнер, Манны и прочие к сидящему у власти?

Жуткая нищета духа!

20 февраля

По «Свободе» передали: скончался от 4-го инфаркта Собчак. Яркая личность. Я видел его на банкете в Петербурге в Дни Абая. Он тепло принял нашу делегацию и вёл банкет, сидя рядом с нашим Асанбаевым. Произвёл светлое, приятное впечатление. Прочёл стихотворение Абая в переводе Дудина. Был общителен и обаятелен. Оказалось, на три года моложе меня.

28 февраля

Прочёл очерк Олжаса в «Казправде» – «Сколько было Албаний?» Молодчина! Увлечённый, целенаправленный, многознающий и неравнодушный жолдас – Олжас. Радостно за него. Сильно отличается от большинства своих соплеменников. Именно кругозором, масштабностью, духоустройством. Великолепный человеческий экземпляр!

1 марта

Вторую ночь подряд снится мне Президент. Вчера он, чем-то недовольный, бурчал на меня, но незлобиво. А сегодня он меня разбудил, внятно сказав. «Вставай! У нас кризис!» Словно колхозный бригадир, погнал нас на сельхозработу.

6 марта

С болью и досадой говорили утром с Әбе о «величии» современной казахской литературы. Все «великие»: Магауин само собой писатель №1, на юбилее его все в один голос твердили о его величии, сам себя он называет великим с 35 лет. Сакен тоже великий и тоже №1. К тому же он ещё и серi. Кабдеш – классик, народный писатель,

дарабоз. Давно уже в классиках ходит и Дукенбай. Абиш тоже продвинулся в великие, хотя саморекламой не занимается. Великими называются и Әбе, и Шерхан, и Шаханов. Остальные – гении, белокрылые соколы, непревзойдённые, неповторимые. В числе простых остался, кажется, я один. Такова казахская болезнь. В Европе такое и представить невозможно. Кажется, ещё кавказцы подвержены этому хвастовству.

От всего этого у Әбе дурное настроение. Настроился было на работу, но вспомнив всё это, удручённо опустил руки.

14 марта

Принесли квартплату. Получается 7636 тенге, а моя пенсия – 8812. Что остается на жизнь? Поневоле задумаешься. Хорошо, что жена работает и пенсию получает. А то что бы делал? А как живут те, что получают 3000-5000 тенге? Ненормально всё это.

...В программе «Время» показали пленного Радуева на допросе. Вместо грозного, внушительного, немного театрального Карабаса с бородой и в тёмных очках появился вдруг тщедушный, помятый, весь какой-то жалкенький, чахлый и тусклый, обритый молодой человек, по-моему, к тому же голодный. Сразу вспомнился грозный Бармалей Роллана Быкова, который, раздевшись, вдруг обернулся несчастным и беспомощным мужичком. Очень странное и жалкое впечатление.

15 марта

Впервые за почти семь месяцев вышел в свет. Отвёз меня Шота в Дом дружбы, где чествовали Олжаса и Тоқтара – «Человеков года». Очутился в среде давних, доброжелательных ко мне знакомых – писателей, журналистов, деятелей науки, культуры, общественников. Было волнительно, торжественно и приятно. После Касыма Кайсенова, Т. Шарманова третьим выступил я – от имени членов Комиссии, сказал кратко, что́ думаю об Олжасе и Тоқтаре. Приняли мое выступление хорошо. Я рад, что исполнил свой долг: к обоим я испытываю искренние братские чувства. К тому же Олжаса на это звание выдвинул лично я. Шота тому свидетель. Оба яркие экземпляры своего народа.

18 марта

В газетах, по радио с патриотическим придыханием сказывают о большом событии – о том, что останки хана Аблая (вроде учёные их идентифицировали) перезахоронены в Туркестане, и дух его, наконец, упокоился и успокоился. Был хан Аблай ростом 164 см, весом 65 кг, рано лишился всех зубов (пародонтоз), в бою сломал ногу, но был плотен и с хорошо развитой мускулатурой. С такими физическими данными он слыл батыром. Облик, восстановленный по черепу, не внушает доверия: невзрачный аульный казах. Кто знает: может, двести лет назад ханы были такими. Вокруг этого всклубили изрядно древнюю пыль. И именно это обстоятельство настораживает: не кроется ли за этим банальный политический спектакль, очередная ложь и мистификация?..

27 марта

Узнал о кончине юриста Нагашбая. В 53 года. Рак легких. С ним во времена моего депутатства встречался часто. Человек был незаурядный. Напрасно Назарбаев перетащил его в Казахстан. В России у него, может быть, судьба сложилась по-иному. Здесь его в последние годы затравили доморощенные жуки. Был он продуктом другой земли. Казакбайство и интриги его подорвали.

30 марта

Был на митинге у памятника Чокану. Собрались приверженцы партии Кажегельдина и коммунисты. «Поколение» проводило митинг свой отдельно, на площади. Ещё часть ветеранов собрали в ЦДЛ. Двоих – Косанова и Масанова – заперли дома. Изрисовали им двери, разбили окна, пообрывали телефонные провода. Лозунгов и транспарантов на злобу дня было много. Но не работал микрофон. Коммунисты облаяли РНДП. Подростки-казахи, явно нанятые, подняли ор, свистели, всячески подличали. Их отогнали. Милиция и ОМОН плотно окружили манифестантов. Говорили речи. Временами митинг обретал комические, фарсовые оттенки. Ровно в 12 кончили и мирно разошлись. К приезду Олбрайт КНБ может показать кассету о демократии в Казахстане.

7 апреля

Обсуждением своего романа в СП Әбе не очень доволен. «Было скучно». Из оппонентов никто не пришёл. Выступали одни аллилуйщики: Дулат, Кабдолов, Елеукенов, Биби-Ана, Мекебаев, ещё кто-то. «Затёртые, известные слова» – морщится Әбе.

13 апреля

В обед я был у Әбе. Он встретил меня радушно. Я ведь около года не был у него дома. Показал Әбе свои отредактированные, вдоль и поперёк испещрённые рукописи. Наверняка в 20-й раз вылизывает. Что-то сокращает, убирает лишние слова. Судя по всему, какой-то смысл, какая-то логика в том есть. И к этому труду необходимо относиться уважительно. Тем паче вечером я прочёл, что этой «болезнью» болел далеко не один Толстой. Вот Хемингуэй, оказывается, переписал последнюю страницу «Прощай, оружие» 39 (!) раз. Увы, редко кто из современных способен на такое.

Әбе наперебой с Ажар угощали меня мясом «қашара». Сообщил Әбе, что он был у Мухтара Алиева по поводу предстоящей операции на сердце Марата Кабанбая. Нарисовал схему болезни и суть операции. Понял, что положение очень серьёзное. Әбе попросил Алиева сделать операцию бесплатно, а счёт за послеоперационное лечение представить ПЕНу. Вот так незаметно Әбе действует на благо.

Намерен он на днях съездить в Астану, зайти к разным бастыкам, оттуда податься в Кокшетау, выпросить у Даукеева или Кулагина деньги на издание моей книги об Әбе. «Надеюсь раздобыть». Возможно, оттуда завернёт и в Петропавловск в университет на юбилейное мероприятие Сабита Муканова.

Әбе бодр и энергичен. Ко мне внимателен и заботлив. Вспоминал Ахтанова; показал фотографию, которую он хочет предложить для мемориальной доски. По линии ПЕН-клуба заказал таблички для улицы Ахтанова.

15 апреля

Георгий Гачев, 30 лет работающий над многотомной серией «Нац. образы мира», пришёл к выводу, что «на российских просторах жизнь течёт медленней», что «русский человек привык к медлительности», у него «задний ум». Ускорение таким образом приводит к разрухе. Он пишет: «Россия – гигантские пространства, огромные расстояния. Она, как медведь, рядом, с образно говоря, немецким волком, французской лисой, английской собакой. Их внутренние ритмы не совпадают».

Я подумал: то же ведь и в Казахстане. Казахстанский верблюд очень медленен, нельзя от него требовать европейской шустрости или даже российской медвежатности.

17 апреля

Баққожа признался, что у него апатия, не пишется, всё время удерживает сознание, что печататься негде и не за что, хотел бы написать роман, короткий, листов на 8-10, есть сюжеты, крутятся в голове, да вот нет потребности, нет желания писать... Мне это знакомо: лежат в издательствах и столе пять рукописей и ещё ждут своей публикации 40 статей и рецензий; так есть ли вообще смысл в подобных литературных занятиях? Ясно, что литература уже не кормит. Для кормёжки необходимо – по совету Абая – мыть задницу ишака. И то, как заметил Кадыр, ныне одной грязной задницы ишака явно мало; чтобы как-то жить, понадобится три засранных ишака. Где наберёшь столько ишаков для безработного казахстанского люда?..

22 апреля

«Казправда» (22.04) дала целую полосу: «Институт президентства: десять лет становления». Чёрным шрифтом выделены главные деяния: новогодний бал в столице, программа 2030, Президентом издано 5000 актов, в т.ч. 970 законов, 2700 указов, 370 постановлений, 900 распоряжений, 60 раз принимал участие в работе заседаний Парламента, осуществлено более 3000 приёмов министров и акимов, аудиенции руководителя страны удостоились 1500 человек, совершено более 200 поездок по всем регионам и областям Казахстана, дважды состоялись встречи в Ватикане, посещена великая святыня исламского мира и т.д. Такие вот достижения...

Господи, разве о том должна быть речь?! Речь должна быть о том, что́ и ка́к было 10 лет назад и что стало теперь. Вот о чём следовало бы писать «Казправде».

27 апреля

Скончался Марат Кабанбай. 52 года. Прекрасный прозаик и публицист, красивый человек. Знавал я его многие годы. Многажды беседовал с ним. Перевёл на русский язык его строптивые строки (опубликованы «Простором»). Был он членом Казахстанского ПЕНа с самого начала. Похороны завтра.

2 мая

Әбе всё возвращался к похоронам Марата Кабанбая. Его потрясло, что Марата зарыли так глубоко и что на нём лежит такая толща земли.

Говорит Әбе: «А тут суетишься, дергаешься, хлопочешь, думаешь о ремонте. Тьфу! Ничего этого не надо. Всё равно завтра тебе лежать глубоко под землёй. И всё!» И произнёс он это как потрясшее его открытие. Ещё я ему сказал, что больше и чаще всего я перечитываю «Смерть Ивана Ильича». Он же, по его признанию, – «Степь» Чехова. «Ты обязательно перечитай», – горячо посоветовал он.

3 мая

...Из газет узнал, что скончался Иожеф Торма – бывший посол Венгрии в Казахстане. Я его знавал, бывал в гостях, у меня сохранились его фотографии, присылал он мне и вырезки своих работ по тюркологии, беседовали мы с ним по-казахски и по-немецки. И ещё я получил премию «Парасат» его имени. Удивительно честный, ясный был человек! Рано ушёл... До того доходили сведения, что он в тяжёлом состоянии попал в больницу. И его друга (друга казахов) Иштвана Конура я тоже знавал. Были личности!

9 мая

...Позвонил Дм.Ф. Снегину. Голос бодрый, настрой хороший. Да, – подтвердил он. – Уколы. Как-то нехорошо. Но жизнь всё равно прекрасна. Надо, чтобы ещё и писалось, и чтобы разговоры были не только по телефону. «Привет и поклон милой супруге!»

Потом увидел в «Казправде» его объемистый очерк о военных лет. Молодец!

18 мая

Сходил на открытие мемориальной доски М.И. Исиналиева, передал воспоминания Майе Ивановне. Собралось более 100 человек и все знакомые. Приветливо обступили меня, расспрашивали о здоровье, выражали сочувствие. Коротко поговорил со Снегиным (он заметно физически сдал, в домашних штанах, штиблетах), читал мне какие-то свои строки, расспрашивал о том, о сём, выступил перед микрофоном, правда, руки, ноги дрожали, пошатывался, и его поддерживали под локоток; говорил разумно, убеждённо; осунулся, усох весь. Обменялся репликами с Серикболсыном, Ибраевым, Деготаевой, Смаиловым, Зимановым, Салыковым, Салимом, мидовцами, бывшими комсомольскими работниками – все известные, значительные люди. Толково выступили: Ибраев, Идрисов, Снегин, Зиманов, Касымов, Салыков.

...Вечером по НТК смотрел (по его просьбе) беседу с Рамазаном Тоқтаровым. Речь шла о его десятом романе «Абайдың жұмбағы». Рамазана я не узнал. Сильно постарел, осунулся, усох, точно 80-летний старик. Видно, сильно болел. Или после операции ещё не восстановился. И только речь прежняя, и в глазах временами вспыхивает живой огонёк. Он мой ровесник. Большой трудяга. И я испытывал острую жалость, глядя на его измученный, изнурённый вид.

5 июня

...ПЕН-клуб. Провели ас памяти Ахтанова. Вёл Кабдолов. Выступили человек 15. Ко мне были все внимательны. Очень ласкова ко мне была Хадиша Бокеева. Фотографировались. Говорила она о своём спектакле, пригласила в театр, доверительно делилась, что слова сложные, с трудом выучила текст, сроду таких слов в спектаклях не говорила, но взяла себя в руки и вроде как справилась с ролью, зрители хорошо принимают.

Беседа продолжалась и в машине, пока везли нас домой. Очень всё было хорошо, тепло. Әбе был на высоте. Всё организовал и провёл толково, крепко, продуманно и щедро. Просто молодчина! Вчера он провёл в ПЕН-клубе сороковины Марата Кабанбая.

14 июня

Сегодня неожиданно Әбе спросил: «По-твоему, до скольких лет я могу водить машину?» «До 90 лет гарантированно», – ответил я. Глаза его заблестели. «Ты серьёзно?» «А что? Глаза видят, уши слышат, в руках сила есть, сознание не замутнено. Что уж там?!.» Кажется, мой ответ его вполне удовлетворил.

15 июня

Айгуль поведала мне о засилии «голубых» в Алматы. Понаехали якобы со всех углов, благо в Казахстане им все дозволено. Развращают казахскую молодёжь. Пропагандируют их «образ жизни» как высший результат свободы и демократии. Име-

ют в Алматы четыре ночных клуба, выпускают подпольную газету. Наглеют. И ещё просто свирепствует наркомания. Вообще Казахстан разрушают целенаправленно со всех сторон.

...А Россия и еврейский мир подняли дикий ор по поводу ареста Гусинского. Придают этому вселенскую значимость. Вот уж прославится эта вонючка! Станет ещё – как страдалец – нобелевским лауреатом. А он всего-навсего – вор. Как и Березовский. Как и Абрамович. Как и Ходарковский. Как и Авен. Как и ... ещё два десятка подобных.

16 июня

Была Жанна. Я ей показал дневник и записные книжки, прочёл ей разные записи, поведал о разных случаях, увлекшись, калякал 1,5 часа. Руководила мною и задняя мысль: юная особа, голова на плечах, есть склонность к исследованию, пусть знает, что́ да ка́к, может, потом ей все пригодится. Ведь ни Рая, ни Ирина, ни сестры-племянники этой части моего существа не знают и интереса не проявляют. А Жанна из всего этого может что-то выудить, сделать объектом разговора и даже кое-что опубликовать.

...Вечером читал и слушал про Гусинского. А между тем он всего-навсего бизнесмен, мошенник, жулик, о чём веско и убедительно сказал Путин, а братья-еврейцы раздули кадило и делают шум на весь мир: дескать, права человека, свобода слова и пр. Трепачи и фарисеи! Я всем нутром чувствую, что этот Гусь – гадкий человек. Как и Вяхирев, Малашевский, Чубайс, Ходорковский etc. Вонючая публика!

24 июня

Давид Самойлов, оказывается, с 15 лет вёл дневник. И однажды он записал, что не было такого дня, чтобы он встал бы и не знал, что делать. Слава Богу, и у меня такого нет. По крайней мере, пока. У каждого дня свои заботы и задачи.

26 июня

В «ЛГ» прочёл записки Натальи Иосифовны Ильиной. Много лет тому назад мы как-то забрели к ней в Переделкино. Где-то в моих дневниковых записях о том, должно быть, сказано. Она мне запомнилась: умная, едкая, курящая, насмешливая, что-то резкое сказала о современных среднеазиатских ханах. Кажется, была ещё её сестра, одна литературоведка из Узбекистана и её муж, скончавшийся вскоре. Угощали они нас какими-то ягодами. Что-то доброе, приятное осталось в памяти.

13 июля

В «Жас алаше» прочёл эссе-рассказ Д.Д. о Байроне. Казахстанский вариант известного. Видимо, Д.Д. покоя не дал очерк-рассказ о Гёте. Казахи принялись перелагать европейские мотивы (своих, выходит, нет). Рамазан и Мұхтар написали о Гёте, Дук. – о Байроне. Ещё кто-то начнёт теперь ощипывать Шекспира. Совершенно ложный путь. И все эти европейцы превращаются в казахов. Смешно!

16 июля

Просмотрел всю книгу Ф. Габитовой. Потрясающая женщина! Личность! Характер! Воля! Поразительно. Сделал выписки.

Начал перечитывать «Күйші». Водопад, поток сравнений, эпитетов, рифм! Казахским словом Ильяс владел, как Бог. Порой – в описаниях – перебор. Казахская стихия.

18 июля

Листая «Простор» (№5) я наткнулся на фотографии Ю. Плашевского, Ю. Домбровского, О. Меркулова. И подумалось с горечью: я ведь всех их знавал, встречался с ними, беседовал. Уникальные были люди! Потом прочёл воспоминания о В. Смирнове. И его знавал многие годы, часто сталкивались в СП и в редакциях. Потом наткнулся на писания Гайворонского, Антонова, А. Саина, Черновой и др. И их всех знаю. Я это к тому, что круг общения у меня широк и в этом смысле мне жаловаться грешно.

21 июля

...Әбе сообщил, что внове (в который раз!) прочитал первую книгу «Пути Абая» и восторгался благородством языка, мощью интеллекта, культурой письма. «Мы всецело обязаны и благодарны Ауэзову, – сказал он. – Конечно, встречаются излишества, слишком растянутые предложения. Но...» «Разумеется, – заметил я. – 60 лет тому назад написано. Для литературы срок немалый. Я сейчас вот читаю Ильяса. Все они великолепно владели языком». «О да, ещё как!» – согласился Әбе. «Язык у них был в крови»... Голос Әбе меня серьёзно опечалил. И вся интонация навевала обречённость.

22 июля

Указ Президента о Первом Президенте, о котором только и судачат по всем углам, конечно, жалкий и беспомощный... Неужели он не понимает, что всё это чушь, что завтра придут к власти другие люди и развеют его указ в прах?! Досадно и жалко! Вот не думал, что Нуреке до такой степени наивен. Я же, зная нашу казахстанскую ментальность, уверен, что придёт срок и наши крикуны своим указом примут решение об отмене этого указа...

19 августа

Съездил на акцию сбора книг для сельских библиотек. Встретил многих знакомых. И акция была хороша, торжественна. Из частных я сдал больше всего – 100 книг. Калмухан – книг 70; Еслям – около 40; многие по 15-20-30 и т.д. Нац. библиотека сдала 4000, СП – 2000, кто-то 1000 книг. Были речи. Я не выступал, хотя снимали и меня, и мои книги.

25 августа

Прочитал две статьи Ауэзова, написанные в 1935-36 гг. по поводу переводов Пушкина и «Е.О.», в частности. Очень толковые статьи, поразительно верные и точные суждения, широкий взгляд. И это 65 лет назад, когда не было чёткой теоретической школы. Вот что значит голова!

29 августа

В обед неожиданно заявился Әбе. Без звонка. Стоит за дверью и едва шепчет: «Я... я...». Зашёл. Бледный, измученный, изнурённый. Свалился прямо на ковёр в зале, повалялся, постонал, покрякал, позевал. Пробормотал, что два с половиной дня не выходил из дома, правил корректуру в спешном порядке, надо срочно выпустить книгу, обложка журнала ни к чёрту, компьютерщица сидит днём и ночью, полторы странички затерялись. Что-то бессвязно бормотал и бормотал, корчился, лег на живот и уснул, как убитый. Лохматый, расхристанный, измочаленный старик. «У тебя есть, наверное,

нечего?» «Ну, почему же?.. Что-нибудь всегда найдётся». Сготовил быстро обед, разбудил, растолкал гостя. Ополоснувшись, он, кряхтя, пообедал и, довольный, благодаря («снова теперь пришёл в себя, до вечера выдержу») пошёл восвояси, оставив мне турецкий журнал «Tarih».

Тут позвонил из Семея Роллан Сейсенбаев. Приглашает на конференцию «Абай и мировая поэзия». Доложил, что интервью со мной идёт в №4 «Аманата». И уж коли я не приеду, просил прислать выступление для будущего сборника.

3 сентября

На прогулке всё время сталкиваюсь с людьми, которые считают нужным непременно что-то сказать, что-то сообщить, о чём-то поведать. Встретился азамат родом из Актюбинска, сват однокурсницы Сары Еламановой, дедушка югославского внука. Потом подошёл однорукий Беке, вернувшийся из Семипалатинска, где провёл ас в честь 150-летия дедушки, потратив на это событие 100 тыс. долларов.

На политическом небосклоне всё то же...

9 сентября

Приступил к «Этюдам». И поскольку есть хорошие заготовки, написал сходу аж 7 страниц.

От Нины Паульзен письмо из Германии. Почти обосновалась, теперь устраивается к Н. Косско и планирует литературную страничку. Теплое, хорошее письмо. Вот и думаю: может, с этой газетой сотрудничать?

11 сентября

Позвонил Кадыр М. Предлагает: а) перевести его сказки об Алдаре-Косе (всего 5-6 сказок объемом в 25 стр.) для Асс. «Алматы-кітап», б) перевести его «Жазмыш». По первому предложению согласился приступить через неделю, по 2-му пункту предложил поговорить после Нового года. Кадыра это устраивает.

17.09.00.

Утром позвонил Әбе. Он побыл в Актау, Атырау и Актобе. Собрал примерно 6 тыс. подписчиков. И сегодня же собрался в Астану. Намерен собрать подписку ещё в Атинской, Кызылординской, Жамбылской, Шымкентской, Уральской областях. С восторгом рассказывал о деятельности Тасмагамбетова. То, что Әбе рассказал – потрясает. Правда, Әбе часто преувеличивает, находясь под обаянием и пышным приёмом акимов.

25 сентября

На утренней прогулке встретился с Сагадатом Нурмагамбетовым. Целый час гуляли. У него хорошая память и здравый взгляд на вещи. Поведал мне о Брауне (встретил в Карловых Варах), о Бродте, о Симашко, о Гирше. Поговорили о положении в Ташкенте, о Каримове и Туркменбаши, о некоторых литераторах. Приятная была прогулка.

А вечером вручил мне у памятника Чокану свою книгу «У мен дерт» историк-профессор Академии управления Секен Дорженов. Симпатичный, деликатный, знающий и мыслящий человек. Суждения его остры и любопытны. Он социолог и политолог. Есть смысл почитать его книгу внимательней.

6 октября

Милошевичу, кажется, пришёл каюк. Мне, понятно, нет до него никакого дела, но мне он был всегда неприятен: даже рожа его у нас с Симашко вызывала неприязнь – фанатик, деспот и самонадеянный балда. Сколько их развелось, таких бездарных властолюбцев во всем мире. А когда увидел (по ТВ) его жену, он и вовсе стал мне мерзок. Хорошо, что его, наконец, сковырнули не мытьём, так катаньем.

11 октября

В Лондоне сражаются Каспаров и Крамник. Первая партия закончилась вничью, во второй победил претендент. Серьёзный парень!

На днях – 8-го – было тридцать лет присуждению Солженицыну Нобелевской премии. Ныне из российских физиков Нобеля получил Жорес Алферов. Вчера он по ТВ здорово выступил: «Будущее России зависит не от нефти и газа, не от Гусинских и Березовских, а от науки, от Алферовых». Так он намерен выступить и в Думе.

В Казахстане до таких понятий (как и до Нобеля) далеко, как до неба.

15 октября

...Прочитав мои дневниковые записи, Әбе поначалу расчувствовался и растрогался, но когда дошёл до негативных сторон своей натуры, когда увидел себя в зеркале, возмутился, оскорбился, взъерошился, обиделся и решил, что я его всё же не понимаю (хоть и 40 лет рядом), что я, мол, употребляю обидные для него выражения («мурыжит», «мёртворожденный роман», «тягомотные клочки»), сомневаюсь в его пластичности, в проникновенном чувстве русского языка, намекаю на недовольство по поводу насильственного отношения ко мне в переводческих делах и прочее. Так он говорил целый час, выпотрашивая свою оскорблённую душу. Я не возражал, только слушал. А что мне оставалось: он в больнице, я полудохлый. Для меня он в жизни сделал очень много, а я объективничаю, пишу что́ и ка́к было. Закончил Әбе, стараясь быть деликатным, тем, что вообще 15 дней раздумывал, говорить ли со мною впредь, и что дал указание Мереке приостановить печатание моей книги о нём. Такой книги ему не нужно!

Что тут поделаешь? По-своему Әбе прав. Зачем ему ратовать за издание книги, в которой не всегда лестно о нём говорят? Но и я пишу исключительно то, что и как было на самом деле. Измышлений и напраслин нет. Только слова и поступки самого Әбе. Максимальная искренность и доброжелательство. И процентов 95 – позитива. Но Әбе, выходит, этого мало. Он хочет 100% восторга. А это будет явная неправда, перебор. На такое враньё – при самом дружеском, благодарном расположении – я не способен.

Сильно расстроился. Решил так. Что случилось – то случилось. Вредить Әбе не буду. Бог с ней с рукописью. Позвоню Мереке и заберу её вместе с фотографиями. Ну, а осадок останется и у меня, и у Әбе. Видно, резонно держаться на дистанции. Аминь!.. Все сладкие обещания Әбе: «найду спонсора», «добуду гонорара», «отправлю в санаторий», «возьму в отдел», «положу зарплату», – в одночасье разлетелись в прах. Да и с какой стати, в самом деле? Надеяться нужно на себя! И только!

19 октября. Больница

Юбилейщики-тойщики отправились сегодня в славный Туркестан на чествование 1500-летия святыни-города, а я, бедняга, попал в больницу, в невралгию к Камбару Уашевичу. Определился в палату №13. Там молодой казах с мобильником насмерть

присосался к телевизору, что меня сразу насторожило и напугало. Какая тут работа? Заявил Камбару, что сегодня же уйду или пусть устроит меня хоть в коридор, хоть на балкон, лишь бы не было телевизора. Меня тотчас переселили в палату №12. Три койки. Одна пустует. Расположился. Написал одну страницу, определил планы, просмотрел газеты. Узнал о кончине Леона Аршаковича Оникова. Интеллигентный, бывалый, знающий был человек. Приезжал он из ЦК КПСС в А-Ату в связи с декабрьскими событиями 1986 года и имел со мною беседу. В хороших контактах он был с Симашко, который о нём отзывался, как о добром друге.

От Камбара узнал, что Еслям (Зикибаев) находится в реанимации. Мелкоочаговый инфаркт. Был плох, но с сегодняшнего дня, якобы, пошёл на улучшение. В реанимации он уже десять дней.

Меня сразу принялись активно лечить.

Мой сосед, профессор, доктор экономических наук, проживший долгие годы в Москве (первая жена русская), громко вздыхает: «Е, алла де», потом чуть тише: «Ия, аллай де!», ещё тише: «Алла, алла...» Потом затихает на пять минут и снова: «Е-е, Алла-ай!» Старик плох, но с норовом. Дочь рассказывает ему всякую-всячину, но он понимает лишь половину.

Телевизоры гремят во всех палатах. Спасу нет! Какое, к чертям, лечение?

Хороша фраза Солженицына: «Я страдаю оттого, что наше нынешнее государство основано на воровском фундаменте и воровской идеологии».

20 октября

Подумал: то, что я пишу под названием «Плетение чепухи», видно, нужно переименовать. Назову просто: «Пёстрые страницы» или – скорее всего – «Случайные страницы». Вообще-то это жанр Розановский. Жанр его книг: «Опавшие листья», «Уединение», «Мимолетное», «Последние страницы». Правда, его сквозные темы – еврейский вопрос и проблемы пола (проституции) – меня не волнуют. Жанр своих заметок В.В. Розанов определил как «исповедь обнажённой души обывателя». В сущности и мои записки являются исповедью. Самый искренний жанр.

...Читаю Мусреповский «Күнделік». В сущности это никакой не күнделік, а просто разные записи. Для Мусрепова явно жидковато. Вообще, должен признаться, Мусрепов – несколько дутая фигура. Он всю жизнь играл. И работник был никакой. И мыслитель не ахти. Кажется, никогда не бывал искренним. Ауэзов был искренний и настоящий. А Мусрепов настоящим, то есть самим собой, не был никогда. Даже манера цедить слова, говорить в растяжку была выработанной, искусственной, игривой деталью.

...Камбар сходил в реанимацию, принёс от Есляма записку и две строфы:

Тоқтамас өмір өзен – Есіл ағар,
Ұқсатып мені де елім есіне алар.
Өлеңмен өрнектеген ойларымның
Ертеңге несі жетіп? Несі қалар?
Көңілде күйкі тірлік, жанарда мұң,
Өмірде түлкі шындық, жана алмадым.
Алдамай адамға адам тура қарар
Күн кешер күнді көру – бар арманым!

Гера, мен ауыр түстім, өзір аманмын. Алып шығар. Мықты бол.

Еслəм. 16.50. 20.10 2000.

Очень меня взволновал Еслям. Мужик он добрый, честный, искренний. Без подвохов и подлостей. Рано его скрутили хвори. Слишком чуткое сердце. Сердце поэта. А поэту с сердцем ныне жить тяжко.

23 октября

В «Жас алаше» (21.10) прочёл рассказ Ж. Аймаутова «Пәренжі ертегісі». Прекрасная штучка. Вкусненький язык. Непонятные для меня слова: «қылжыр-қыли» (о глазах Тимура), саржа («саржасы түксиген орданың»), кежім («тер сіңген кежім»).

25 октября

Сегодня День Конституции. Сестрички с утра улыбаются, весело щебечут, поздравляют друг друга: «С праздником! С премией! С двойной зарплатой!»

Больница обычно расхолаживает, но я всё время интенсивно работал, дабы не терять формы и инерции.

...Встретил Жумагали Исмагулова. Поговорили о награждённых. Kahарманом стал Азербайжан Мамбетов (Назик наградил Азика). В числе «отановцев» (орден) попал и Померанцев. Барсами II степени стали Серікболсын, Жабайхан, Караманов, Турысов, Е. Асанбаев. Генерал-майоров штук десять. Всего награждённых 309.

31 октября

Листья жёлтые над городом кружатся.

Директор Института металлургии рассказал мне о том, что промышленность-производство в Казахстане поднимает голову. Ожили, по его словам, заводы в Усть-Каменогорске и Шымкенте. Он, мол, знает: есть сдвиги. И если так будет продолжаться, Казахстан рванёт через два-три года резко вперёд. Мёд ему в уста! Он специалист, разъезжает по городам, по промышленным объектам. Вполне возможно, что и прав он, Бегдаулет Кенжалин. В области культуры мы этого пока не видим.

Если верить «Азаттық», на место премьера претендует якобы Канат Саудабаев. Я этого и представить не могу. Неужели Президент так обнищал кадрами?

2 ноября

Утром Темирхан Медетбек завёз свою книгу «Тағдырлы жылдар жырлары». Книгу выдвинули на соискание госпремии. Прочёл стихотворений тридцать. Взгляд на жизнь, на общество, на то, что происходит, что творится в стране, мне симпатичен. И поэт опытный, владеет формой. Самобытен. Не похож на других. Поэт махамбетовского склада. Впрочем мне сложно судить о поэзии.

Прикинул всех соискателей. Получится, видно, так: по поэзии премию дадут Мукагали, а по прозе наиболее вероятно – Оразбеку и Баккоже.

7 ноября

Поздравил утром по телефону Снегина. Ему стукнуло сегодня 88. Пожелал ему брать пример с моего отца: он старше на три года и три месяца. Дм. Ф. усталым, скрипучим голосом больше меня ласкал-похваливал, нежели я его поздравлял. Сказал: «Не выпускайте из рук Ваше мудрое, острое перо. Я Вас всегда любил. Нынешнее моё лето было ужасное. По ту сторону реальности. Постараюсь брать пример с Вашего отца. Спасибо!»

Отпечатал 6 стр. этюда о переводе Ильяса Некрасова. Давление опять подскочило 194/97. А на днях было 220/110. И во сне за мною гонялся крокодил.

9 ноября

С Президентом США всё ещё неясность. Никак не могут сосчитать голоса во Флориде. В некоторых участках якобы требуют перевыборы. Запутались в чем-то. Весь мир обескуражен. По одним сведениям, завтра утром всё будет известно. По другим – ещё дней десять надо для окончательного выяснения. Одни считают эту ситуацию подлинным уроком демократии: каждый голос, мол, на учёте. Другие видят в этом банальные козни.

...Президент наш провёл в Астане очередную борьбу с коррупцией. Вкатил выговор Хитрину и Сулейменову. Видно, этих двух снимет. А что толку? Борьбы с коррупцией в Казахстане быть не может. Не могут же эти господа бороться с самими собой. На месте Назарбаева я бы громкогласно объявил, что коррупции в Казахстане нет, никогда не было и не будет, просто не может быть...

12 ноября

В 11 погулял с Сагадатом Нурмагамбетовым полтора часа. Хороший собеседник. Здраво мыслит. Читающий человек. Наблюдательный. Много повидавший. Живой. И рассказчик приятный. Мыслит быстро, память хорошая. И вообще весь из себя видный.

19 ноября

Печальная весть: скончался Ғибат Мурзагалиев. Он старше меня всего на 10 месяцев. Красивый и приятный был человек. Многие годы прогуливались мы с ним у Чокана. Очень вежливый и деликатный. Рассуждал трезво, здраво. Хорошо ориентировался в общественной ситуации. Месяцев шесть-восемь я его не видел. Жаловался на печень. Страдал, как и я, давлением. В Москве определили: гепатит В. Что ещё за зверь?

21 ноября

Живу месяцами, как на качелях. Давление, давление, давление. Прыгает, скачет. Последние силы изнуряет.

Вчера позвонили из Союза писателей: скончался Зия Самади, уйгурский аксакал, прозаик и драматург. Знавал я его два десятилетия. Держался всегда ровно, достойно, мудро. Было в нём врождённое благородство.

22 ноября

Звонил один тип, уверяя, что написал гениальное сочинение (270 стр.) о новой общественной структуре, точнее, о новой модели устройства общества. Ему нужен отзыв от меня. Важно издать сей труд, потом же его с жадностью будут издавать американцы, англичане и немцы, и я, как рецензент или редактор, буду делить с ним небывалую славу. Еле отделался, сказав, что слава мне уже не нужна, и компетенции моей не хватит.

26 ноября

Встретился с проф. Секеном Дорженовым. Он издал ещё одну книгу под названием «Біз кімбіз?» Его книга «У мен дерт» мне понравилась. Мыслит здраво, выражается остро, оперирует большим материалом, демонстрирует широкий горизонт, обладает

темпераментом публициста, поднимает актуальные вопросы, ратует за прогресс, за нравственность, гражданские достоинства, честь и свободу. И как человек он мне понравился. В таком же ключе написана и его книга «Біз кімбіз?» Я её малость полистал, принюхался. Буду читать более внимательно.

5 декабря

В Доме дружбы было шумно, оживлённо. Собрались писатели, учёные, музыканты, архитекторы, художники – цвет творческой интеллигенции – члены Комиссии по госпремиям. Из Астаны прилетели Алтынбек, Саутбек, Алибек, Шерхан, Щеголихин, Каскабасов, Құл-Мұхаммед. Со всеми мило поговорил. И наши славные дамы – Айжан Мусаходжаева и Жанния Аубакирова – подходили ко мне, проявили внимание по-дружески, по-товарищески. По литературе большинство голосов получили: Мукагали (+22 -0); Темірхан (+20 -2); Баққожа (+21 -1); Оразбек (+16 -6); Рамазан (+16 -6).

В том, что пройдут Мукагали, Баккожа и Оразбек, я не сомневался. А вот Темирхан и Рамазан, полагал, не пройдут. А получилось неожиданно и хорошо. Я рад за всех.

6 декабря

Абишу сегодня исполнилось 61.

У Әбе все-таки (пока он в больнице) выудил свою рукопись назад. Он в запальчивости на полях излил своё негодование. Назвал меня и сволочью, и чернодушным мизантропом. Кое-какая правда о нём взбесила его. Ну и Бог с ним. И прощай рукопись. Столько труда вложил! Пусть останется в моём архиве. Конечно, обидно…

…Когда шёл к Әбе, возле меня вдруг остановился «Мерседес» с затемнёнными окнами и вышел… генерал, Герой и Кахарман Сагадат Нурмагамбетов в парадной форме. «Увидел вас, посчитал нужным поздороваться. Статью вашу раздобыл, прочитал, умножил, передал другим. Вот так надо писать!» И пожал мне руку. И я был поражён его вниманием.

13 декабря

Из «Казправде» узнал о кончине Рамазана Тоқтарова. Месяц не дожил до 66-летия. Несколько дней не дожил до указа о госпремии, хотя о решении Комиссии узнал. Досадно и жалко. Был он тихий трудяга, автор 10 романов. Много читал. Был образован. Не лез во все дырки. Не страдал амбицией. Последним своим романом очень гордился. Тяжело больной, обречённый, звонил мне, чтобы я его послушал по ТВ, приходил на обсуждение его книги (я ходил, слушал), делился думами. Ко мне он всегда относился уважительно, деликатно. Подлости с его стороны я не видел и не слышал. Я старше его всего на 2,5 месяца. Жалко, жалко…

17 декабря

Праздник независимости отшумел вчера. Сегодняшний день поименован официально как День демократического обновления. Но редко кто об этом знает. И название это ни уму, ни сердцу. Для «декабристов» это – День памяти и скорби. Но и об этом новое поколение помнит смутно. У памятника Независимости для возложения венков собралось всего человек 50. Кэгэбэшников и полиции в два раза больше. Многие склонны обвинять в этом власть: дескать, не уделяет внимания подвигу молодёжи. Это правда, но не вся. Вся правда в том, что сам народ не чувствует сердцем значимость

того события. Из года в год откликаются на то событие всё меньше и меньше людей, т.е. идея не овладела сознанием. 50 человек, пришедших на площадь, чтобы отдать дань памяти тому порыву, – унизительно и оскорбительно. Что-то, значит, не то...

22 декабря

Тынымбай сообщил данные про премию «Тарлан». На эту премию претендует 56 литераторов. Как хорошо, что я остался вне и не стал суетиться! Главный претендент Олжас. Думаю, меценаты повернутся лицом к нему. И это, в общем-то, верно. Нурпеисовым они пожертвуют. И для него это будет удар. Олжас, конечно, фаворит. И Әбе ему никак не чета, не конкурент. Это так, но всё равно обидно. Претендуют на премию и Кадыр, и Туманбай, и Кабдеш, и Жараскан, и Иранбек, и иттің итақайы. Конечно, и Шаханов.

24 декабря

С утра позвонил Дулат И. (мы с ним готовили документы Әбе на «Тарлан»). Сообщил результаты меценатов. Первая премия по литературе, как и предполагалось, досталась Олжасу. «За вклад» – Шаханову. «Надежда» – Қорғасбеку.

То, что «Тарлан» вручили актёру Асаналы, режиссёру Сатыбалды, скульптору Мергенову, учёному Ергожину, возражений, полагаю, не вызывает. Конечно, Әбе обидели. В чём-то он, может, и уступает Олжасу (по культуре, интеллекту, гражданскому весу, мировой значимости), но что он тарлан в казахстанской литературе – бесспорно. На фоне казахов он, думаю, тарланистее Олжаса. Но Әбе очень не любят (иногда даже непонятно, за что), а Олжаса все обожают.

25 декабря

В день рождения Христа умер Морис Давидович Симашко. Печальную весть сообщила его дочь Әбе. Неожиданно. На Обетованной земле он прожил год. Видно, не сладко жилось. Только на днях я закончил читать его последнюю рукопись «Четвёртый Рим». Там вся его жизнь, все тревоги и волнения, вся боль. Общественно-социальные катаклизмы XX века и личная жизнь сплелись неразъёмно. Он остался в этом веке, не дожив неделю до нового временного рубежа. Я знавал его лет тридцать. Особенно близко, тесно в последние годы. Симпатичный, неординарный, бывалый и мудрый был человек. Общительный, открытый. Я называл его двоюродным братом, намекая на то, что мать его была немкой. Я гордился дружбой с ним. Прощай, старший друг! Сколько мы беседовали! Сколько серьёзного и смешного он мне пересказал! Сколько мы бывали вместе – в Алматы, в Москве, в Семипалатинске, в Костанае, на бесконечных заседаниях, форумах, комиссиях. Я слышу его голос, его крутые словечки, солёные анекдоты, его байки, сатирические куплеты, смех, иронические монологи. Его можно было слушать часами.

Как горько! Как досадно, что его уже нет и что целый год мы не общались. Зря он уехал из своей родной и близкой Средней Азии. Остались его книги с тёплыми надписями. Осталось несколько фотографий. И осталась обида: сколько он перевёл с казахского, а на казахский его ни разу не перевели (хотя переведён в 40 странах). Сколько прекрасных книг издал, а собрания сочинения так и не удостоился. И ни одной государственной награды за свой литературный труд не имел. Десятилетиями он был связан с Казахстаном, а Казахстан его недооценил. Такова судьба всех инородцев...

28 декабря

Узнал: Международный литфонд присудил Әбе статуэтку Дон Кихота, удостоив премии «За честь и достоинство таланта». Рад за него. Формулировка награды безупречная.

29 декабря

Неожиданно обрадовало нас, писателей, деятелей культуры (всего 50 чел.), государство, выдав нам госстипендию – по 15 тысяч тенге за месяц сразу за весь год. Получилась куча денег. Значит, весь год работай спокойно. Увидел в Доме дружбы весь цвет культуры. Поздравил Нуржамал У., Жамилю Баспакову (она родила дочь, красива и счастлива), Аширбека, Клушкина, Чернову, Тарази, Калихана, Саина, Еркегали и многих-многих. Что ни говори, а такая помощь от государства – стимул важный.

31 декабря

Итак, последний день года, века и тысячелетия! И дар судьбы – испытание этого редкого случая. Я чувствую это, тихо ликую. Просто счастлив, что добрёл до этой межи. Славно поработал за этот год. Какое ещё может быть счастье? И поздравлять близких, родных, друзей начал с отца. Мира и благоденствия всем, всем!..

2001

1 января

Любопытное расположение цифр (01.01.01): такое случается раз в тысячелетие.

Любопытно! Только сейчас о том подумал.

Сразу же после 12 часов ночи позвонил Әбе, высказал свое пожелание – «чтобы твое давление осталось в XX веке». Тепло поговорили.

...Утро было умиротворённое. Всё время ощущаю радость: надо же, добрался до нового века, до нового тысячелетия! Течёт бурная река жизни, а мне удалось перебраться на другой берег – берег XXI века.

Теперь не надо спешить, суетиться. Ощущение такое, будто горизонт стал шире и времени больше. Ведь начало века. Время ещё не разбежалось и течёт без напряжения.

2 января

Утреннюю прогулку провёл с Сагадатом Нурмаганбетовым. Моложавый, стройный, общительный. Удивляет своей начитанностью. И память хорошая. И жизненных впечатлений – море. Приятный собеседник!

...Вечером прочёл последнее письмо М. Симашко, написанное Жоресу Алферову. Оно пронизано еврейской болью и тревогой. Может, Морис Давидович чувствовал всё это тоньше. Действительно, антисемитские настроения витают в воздухе. Где больше, где меньше. Но, может, в этом повинны сами евреи типа Гусинского, Березовского, Смоленского, Ходорковского, Абрамовича, Фридмана, Овена, Вексельберга и разных полукровок – Гайдара, Явлинского, Чубайса, Немцова, Кириенко и многих, многих дру-

гих, которые вкупе с Познерами назойливо мелькают на экране и вещают явно сомнительные вещи. Уж больно эта публика выпячивает свое презрение к России, к «этой стране» и всему русскому. Это не то, что неплодотворно и непорядочно, но и себе же во вред. О том, помнится, весьма открыто и толково писал Эдуард Тополь. Чёрт его знает! В этом вопросе сам чёрт ноги сломит...

3 января

Полистал Симашко и решил дать в №34 «Phönix'a» три его главки из «Четвёртого Рима». В таком случае мне необходимо написать вводку – странички три-четыре.

Читал немного Щеголихина. Он активно болеет русским вопросом, а Симашко мается еврейским пунктиком, так, неужели и мне, подражая им, всё время педалировать немецкий вопрос? Не скучно ли?..

5 января

Народ судачит по поводу Ордена «Первый Президент Нурсултан Назарбаев». Для чего и кому нужен этот орден? Решили аксакалы, что его следует вручить тем, кто успешнее всего развалил Казахстан.

8 января

Звонил Нурпеисов. Он занят первым номером «Таң-Шолпан». Жалуется: «Проза жоқ. Сын жоқ». Русского текста многовато: Шуга, Бауке, Мустай, реплики Мурата, Әбе, моя. Хочет дать русский текст в конце. Я предложил из номера в номер дать короткие рецензии (по две стр.) Әбе посчитал это правильным.

9 января

...Токаев вынужден издать распоряжение в отношение своих министров. Они уже в пятницу не работают – мчатся в Алматы, а возвращаются на работу во вторник. Катаются взад-вперёд за счёт государства. Он прав: все чиновники от самого главного постоянно околачиваются в Алматы. Астана, видно, ещё не скоро станет столицей...

10 января

....Звонил удручённый Нурпеисов: узбекская сторона подводит его с письмами Ауэзова. Якобы писем должно быть 186 (продали за 8 тыс. долларов), а прислали только два (да и то грязный ксерокс). Выходит, все было сделано по аульному, без договора, без юриста. И сколько уж раз попадается на этом доверчивый Әбе!

17 января

По поводу моей статьи в «ҚӘ» Дидар сказал: «Писать о казахах можно поручить только Бельгеру. Тогда никто в обиде не будет». Не думаю: обиженные всегда найдутся. И всё же большинство понимает правильно. О том свидетельствует множество звонков. Моё дело – выразительно сказать о том, что думаю.

18 января

На прогулке одна пенсионерка битый час толковала мне, приводя конкретные научные раскладки, как правительство обманывает, грабит пенсионеров. И с таким наивным упорством, убеждением о том говорила, будто открывает Америку. Хочет подать

на правительство в суд. Из её экономических, политических, биологических выкладок явствовало, что так жить нельзя. Тоже мне новость! Так и не живут же. Выживают, прозябают. И всё это ясно и без выкладок въедливой программистки. Но у этой пенсионерки горят глаза: она полагает, что правительство просто не знает все подсчёты об ужасном положении народа. Если бы там, наверху, знали бы все её выкладки, правители ужаснулись бы и сразу исправили. Ну, что я мог ей сказать? Ведь и ежу понятно, что на 3,5 тыс. тенге жить немыслимо, если только ком. услуги составляют 5 тысяч. Тут и выкладок никаких не нужно.

25 января

Из «Известий» узнал о выходе сборника статей И.Эренбурга (статьи 17-19 гг.). Статьи антибольшевистские, антиреволюционные. Но мы-то знаем и другого Эренбурга-христопродавца. О себе он говорил: «Слеп я, хваля и кляня».

Ещё узнал, что американский журналист Александр Грант посвятил книгу Кажегельдину, которая в Швейцарии и России издана под названиями «Оборотень» и «Голый король казахстанской оппозиции». А. Грант – бывший советский гражданин, автор нескольких бестселлеров о «русской мафии».

27 января

Президент подписал «Закон о Земле» и по этому поводу в иных слоях общества гу-гу и шу-шу. Некоторые объявили его врагом казахстанского народа. Грозят бурей и войной. Не знаю, дойдёт ли до страстей-мордастей. У меня на сей счёт двойственное отношение: с одной стороны, Назарбаев прав, с другой – лучшие куски земли отхватят жулики и прохиндеи. Точнее, они уже отхватили. И теперь окончательно ограбят и закабалят народ. И это, конечно, трагедия.

31 января

Узнал, что умер Вадим Кожинов. Многие взгляды его я не разделял. Но уважал по двум причинам: за трудолюбие и за то, что сберёг Бахтина. Говорят, Кожинов был противоречив. Всякий талантливый человек противоречив. Его очень не любили евреи. Но я убедился: это не показатель, не определитель. Кого евреи любят? Самих себя. И то далеко не всегда.

3 февраля

В обед неожиданно, как возмездие, нагрянул Нурпеисов. Чувствовалось, что клокочет от ярости и гнева. Я сразу догадался: прочёл мои дневниковые записи в «Парасате» о нём. Понял: предстоит тяжёлый разговор. Но держался гость с достоинством. Поинтересовался моим состоянием, пожаловался на свои недомогания. Но прелюдия длилась недолго. Заявил, что о моих записях узнал от Елеукенова, а сам вроде не читал. Но по тому, как он цитировал мои записи, мне показалось: всё же читал.

Я покорно выслушал все его тяжёлые обвинения. И говорил он так яростно, что я подумал: он прав. Перебивать его не удалось. Он обрушивал на меня удар за ударом, и я чувствовал, что мне будет плохо. Потом, выговорившись, он всё же меня выслушал. Я сказал, что зла не желал, описал только то, что было, но получилось, видно, нехорошо. Он сказал: «Но я ведь не пишу, что ты ходишь, как Квазимодо, а нос у тебя, как у Буратино!» Я промямлил: «Простите. Печатать ничего о Вас больше не буду». Он понял, что

я искренен. Сказал: больше к этому возвращаться не будем. Время само всё излечит. Я высказался – и облегчился. И всё. Как сказал Олжас, начнём с чистого листа. Не знаю, что у тебя на душе, а я душой чист»...

Он ушёл (был ровно 40 минут), я принял адельфан и валидол, старался отвлечься. Потом погулял. А часов в шесть «поплыл» – давление: 207/81, пульс 80. Вот как вздёрнул меня Әбе. Вызвали «Скорую». Напичкали меня, покололи, еле сбили давление. Но я был выжат. И ночью спал неважно. Призрак Әбе продолжал меня преследовать.

4 февраля

Узнал, что у Калтая дела невесёлые. Плохие анализы. И потому операция в Москве откладывается. По словам Исеке, его земляка, похудел Калтай аж на 30 кг. Скверно. И очень, очень жаль. Әбе мельком проронил, что достал ему какое-то сильное и дорогое американское лекарство.

5 февраля

Позвонил Әбе. У него вчера АД дошло до 200. Но намерен сегодня провести заседание ПЕН-исполкома. Спросил, когда я мог бы быть.

Были на вечере в ПЕН-клубе Тасмагамбетов, Храпунов, коммерсанты, писатели, журналисты, учёные, TV. Речи. Вручение премий. Фуршет. Банкет. Хорошо поговорил с Ан. Кимом. Он спросил, не обиделся ли я, что мы стали сопереводчиками. Дружески, по-братски обнялись. Вечер прошёл прекрасно. Ко мне все отнеслись чутко, ласково. Привёз нас с Раей домой Сагадат Нурмаганбетов. Я продержался 4 часа, хотя и был пунцовый от давления.

12 февраля

Сегодня хоронили Хамзу Абдуллина – поэта, переводчика, лагерника, всю жизнь воевавшего с властями, то с Гитлером, то со Сталиным. Был он родичем Магжана Жумабаева. Ушёл на 84 году жизни. Я его знавал лет 20-25. Со мною он был неизменно приветлив, хотя и попрекал тем, что я, «атыгаец», перекинулся к западникам.

А вчера неожиданно скончался Жараскан Абдирашев, прекрасный поэт, пародист, эпиграммист, интересный, начитанный человек. Ушёл в 53 года. Неделю назад мы принимали его в члены ПЕН-клуба. В последнее время я его просто полюбил, хотя знавал его тоже лет 20. Уходят люди. Завтра панихида в СП. Надо бы как-то дотащиться.

17 февраля

Вечером и ночью шёл дождь. Утро тёплое. Шалеют птички. Почувствовали весну. Днём обещают +6°. Возможны осадки.

С тоской смотрю на завалы вырезок из немецких газет, собранных десятилетиями. И не знаю, что делать. Выбросить жаль: там пометки, выписки, замечания – следы трудов. С другой стороны, вряд ли ещё этой грудой воспользуюсь. Это важный материал для исследователя. В другом ящике – тысячи писем от немецких литераторов. Их бы обработать. Или на худой конец упорядочить и сдать в архив. Руки не доходят. Жаль...

А сколько книг наших, российских, немецких литераторов! Думаю, ни у кого – ни в Германии, ни в СНГ – нет такого архива. Их бы (книги) отдать в руки историка литературы. Открываю ящики, шкафы, смотрю, вздыхаю и вновь закрываю. Колоссальный труд, никому не нужный!

20 февраля

...Вечером узнал: скончался Куандык Шангитбаев. Я знавал его лет сорок. Уважал как человека. А поэт, переводчик – и вовсе превосходный. Словами не сорил. Ко мне всегда был исключительно добр и благожелателен.

25 февраля

Поймал себя на том, что много читаю по-русски и по-казахски и совсем мало – по-немецки. Надо бы это дело поправить, а то явно ослабевают мои немецкие струны.

28 февраля

Уже в третий раз принимаюсь за «Великий Гэтсби» Фицджеральда, а не тянет. Еле одолел стр. 30 и бросил. Вообще художественную литературу читаю всё менее охотно. Меня привлекают философские, культурологические вещи. Вот китайских мудрецов читаю с удовольствием.

1 марта

Днем работал над «Казахским словом». Написал ещё один блок. Имея в виду «Ана тілі» или «Культуру», готовлю серию статей по 6-7 стр. с продолжениями. А сколько будет таких блоков – пока не знаю. Не знаю также, будет ли кто это печатать. Но написать – должен.

2 марта

Утром встретился мне по «Тулебайке» Мурат Ауэзов. Он сообщил мне жуткую весть: на рассвете пятеро ворвались в квартиру Гульжан Ергалиевой, избили мужа, сына, потребовали 100 тысяч долларов, забрали все украшения Гульжан и её матери, деньги и даже 4 тыс. долларов гранта партии народного конгресса, в которой Гульжан замещает Олжаса. Кошмар! Ведётся следствие. Завтра будет проведена акция на ТВ. Муж и сын в реанимации. «Почерк один», – сказал Мурат. Действительно, так. Весь вопрос в том, кто руководит этими бандитами. Избили Своика, Пака, Лиру, Чернышёва, Косанова, измывались над Масановым, закрывают газеты, творится произвол. Конечно, виноватых не найдут.

А талибы варварски разрушают буддийские храмы. Невежество и дикость царят в мире.

3 марта

Из Берлина позвонил Лео Кошут, сообщил, что Вольфганг Казак согласен на перепечатку его рецензии. И ещё Кошут искал Әбе, а он, наверное, в Австрии.

9 марта

С удовольствием прочёл статью Ж.Аймаутова «Ұлтты сүю», написанную им ещё в 1918 году. Какой ум, блеск! Какой язык! Как актуально!

Смотрел блистательную работу по ТВ Генриха Боровика – о своём сыне Артёме. Конечно, душевно, трогательно, мужественно! Очень поучительно для наших журналистов, у которых ещё остались честь и совесть. Такие люди, как Артём Боровик, – редкость. Они рождаются для того, чтобы быть ориентирами и образцом таланта, красоты, действа и гражданства. Взволновал меня этот фильм.

10 марта

Моё дело – работать, ни дня без строчки, а там уж куда кривая выведет. Коли работаешь – совесть чиста.

14 марта

Встретил Камала Смаилова у газетного киоска с кипой газет под мышкой. Поведал ему о своём «Казахстанском слове». Одобрил.

17 марта

Читал предсмертный роман Рамазана Тоқтарова в «Жұлдызе». Проникновенно и трогательно. Образован был покойный. И трудяга. Умница!

18 марта

После обеда три часа побыл в ПЕН-клубе, отметили день рождения Мориса Симашко. Вечер памяти. Были друзья Мориса: Әбе, Мурат А., Елеукенов, Бадиков, я, посол Израиля, Ульман, Юкка, Канапьянов, редакторы «АиФ». «НП», «Огни Алатау», Енисеева, Гирш, Барон, двое чеченцев, Ананьева, дочь Ровенского, всего человек 25. Вначале были и тележурналисты. Хороший получился разговор. Много добрых, умных слов. Аруах Симашко, думаю, остался доволен.

26 марта

Утром звонила Ильфа Ильясовна. Хвалебно отозвалась о моей статье в «Культуре» («Ильяс»). Потом позвонил Мурат А., тоже сказал немало одобряющих слов. Оба – Ильфа и Мурат – готовы мне помочь в издании книги.

На прогулке встретился с Мариям Абдрахмановой (женой Саутбека) и их сынишкой Ануаром. Симпатичная, милая, образованная молодка. Приятно побеседовали. Она привезла мне книгу Саутбека «Біздің Пушкин».

28 марта

Позвонил Мұхтар Құл-Мұхаммед. Получил мое письмо, тут же отозвался. Готов меня издать, как только представлю рукопись. К 10-летию Независимости.

30 марта

Позвонила утром Шарбану из Астаны. Подтвердила издание «След слова» ещё в этом году, а также книжки обо мне, которую Жанна должна представить за три месяца. Значит, намечаются какие-то сдвиги.

31 марта

Прочел в «Жұлдызе» крепкое, основательное эссе Мухтара Магауина «Зұлымдық шежіресі». Вполне разделяю его штандпункт, а написано с напором и страстью

2 апреля

Еще в субботу (31-го) скончался Дмитрий Федорович Снегин. Воин. Писатель. Гражданин. Душевный человек. Я с ним в какой-то мере общался, бывал вместе, в т.ч. и дома, нередко звонил ему, беседовал, встречался. Он был со мною ласков, внимателен, чуток. Неизменно вежлив и нежен. Всегда повторял: «Милый, я вас люблю».

Сужается круг моих знакомых, и я беднею с каждым днем. Горько. Утешение: пожил он немало, неплохо, достойно, имел авторитет и вес. В Казахстане его знали и уважали. Мир его праху. Я беседовал с ним в последний раз на Новый год.

3 апреля

Хоронили сегодня Дмитрия Федоровича. До драмтеатра добрался троллейбусом вместе с Буке и Камалом. Постоял у гроба. Видел множество знакомых... Русских было мало, главным образом, кучка литераторов и фронтовиков. А казахи молодцы! Пришли, сказали уважительные слова, достойно все провели. Хоронили в «Пятилетке» рядом с женой. Потому траурный митинг провели у театра. Речи были длинные и дежурные, просто и искренне сказали только родная сестра Дмитрия Федоровича. Остальные – Алтынбек, Храпунов, Нурпеисов, Нурлан, Аблязимов – мололи что-то по бумажке. Никто их не слушал. Только покойник им молча внимал. Без бумажки, но с комсомольским пафосом говорил А.Ф.Шалов.

9 апреля

...Кучка оппозиционеров носится с идеей создать движение «Казахстан без Назарбаева». Думаю, пустая затея... Ясно, что и после него также не быть манне небесной. Казахстан утонул во лжи и коррупции в такой степени, что никакой Геракл не очистит эти авгиевы конюшни...

10 апреля

...Прогулялся с Померанцевым. Обсудили нюансы, концепцию его будущей роли старого интеллигента. С Юрием Борисовичем интересно беседовать. Он сохранил живой интерес ко многому, и к профессии своей относится с исключительной ответственностью. Колоритная личность!

14 апреля

Читал выступление Назарбаева. Довольно резко выдал он кое-кому из своего окружения, указал на «болячки» в обществе, продемонстрировал знание дел в стране, обнажил недостатки. Читаешь – сердце радуется. Все здраво, по уму, убедительно.

Однако, ощущение такое, что слова его неэффективны, что «Васька слушает да ест», что реальной власти у него нет, что власть он не употребляет, а просто журит своих милых негодяев и проходимцев...

Отсюда напрашивается вывод:

1) Либо Президент все это говорит проформы ради,

2) Либо слова обесценились.

3) Либо к нему слишком привыкли.

4) Либо это игра по взаимному согласию.

Иногда мне кажется: Президент жутко одинок, и его ловко используют хитрецы-ловкачи-юркачи-пысыкаи. А кашу расхлебывает несчастный народ.

17 апреля

Президент сегодня поговорил по телефону с Зимановым, Дукенбаем и Акимом. Зиманова он поздравил с 80-летием – понятно. Но о чем он мог говорить с Дукешем? Шәлдір-шүлдір? Видно, совсем допек, «достал» он Президента... О, Аллах!..

18 апреля

Президент сегодня собрал группу ветеранов. Ехидные языки треплют: мол, пенсию добавит по 10 тенге. А что? Почти полбулки хлеба в месяц... И еще он принял Розу Рымбаеву... Сегодня в «Казправде» пишут: Зиманова поздравил, с Дукенбаем говорил о библиотеке «Отрар», с Акимом разговор был о пьесе, посвящаемой Мустафе Шокаю. Странно все это... Нашлись где-то 25 миллиардов тенге, и ломают голову, куда их деть. А многодетные матери уже несколько дней пикетируют парламент. Многодетным казашкам не выдают пособия. А мужики, рассуждающие о демографии и многоженстве, озабочены дележкой случайной добычи... Ой-хой, дуние! Общество наше двухслойное: начальство и народ. Говорят на разных языках и понять друг друга не в состоянии.

22 апреля

Старики на прогулке вспомнили, что сегодня день рождения Ленина. И сегодня в А-Ате прошел съезд коммунистов... Вряд ли что-нибудь существенное.

Зато по «Азаттық» подняли треп по поводу будущего Президента Казахстана в лице Дариги. Якобы в Интернете промелькнула подобная статья и вообще такие слухи ползут давно. Я этому никак не верю, все еще уповаю на логику. А этот вариант уж больно алогичен во всех отношениях. Даже говорить и писать о том не хочется. Но что в Казахстане возможно многое – допускаю.

Указ об ордене «Первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев» тоже пока не подписан. И, думаю, подписан не будет, ибо такое и представить трудно. Это жандайшапы сбивают Президента совсем уж с толку.

23 апреля

Позвонил один литератор из Шымкента (имени не запомнил): написал 800-страничный роман о Чингисхане (интересно, сколько романов написано о нем во всем мире? Я сам прочел их с добрый десяток), нашел, якобы, его могилу, а сестренка увидела сон: какой-то немец помог ему в издании романа, и он тут же решил позвонить мне. Договорились, что я прочту кое-какие материалы о нем в порядке знакомства. Через час объявился его гонец (некий Кеңес из «Улана») и занес ксерокопию каких-то страниц.

24 апреля

Начало Международной книжной ярмарки. В былые времена это событие не прошло бы без меня. Теперь добираться мне до «Атакента» не решусь. Жаль.

...Позвонил вчерашний нетерпеливый шымкентец, прочел я его материал. Шибко прыткий! Будто мне больше делать нечего. В обед прочел его заявление-интервью. Должно быть, шарлатан. Написал двухтомный роман про Чингисхана, объявил, что нашел его могилу, интригует и выставляет свой опус на тендер. Очень сомнительно!

26 апреля

Позвонил Елеукенов. Он прочел мой этюд о переводе «Евгения Онегина». И в целом одобрил. Есть несколько замечаний, которые, кажется, убедительны. Елеукенову верю и доверяю: у него есть и вкус, и знание. И доктор он не из рядовых. Своими суждениями он меня, скорее, обрадовал.

Шамиль Абильтаев отказался от звания «Заслуженного деятеля искусств» в знак протеста...

30 апреля

Вечерами мне всегда грустно. Все время вспоминается Бунин: «...все-таки всякая сосна своему бору шумит». А где мой бор? С кем и кому мне шуметь? Это и есть моя боль неизбывная, о которой никто не догадывается. Смутно и чутко догадывался один лишь Аскар. Но и его нет. И еще всплывает в памяти тургеневская фраза – «прилепился к чужому гнезду». Он имел в виду Полину Виардо. Я же прилепился к совсем другому... Ощущение выпавшего из своего гнезда нет-нет да и настигает меня.

1 мая

...Истинный писатель всегда одинок. И творчество (всякое!) одиноко и трагично. Благополучного, самодовольного писателя я не представляю. Самодовольный писатель – банальный пошляк. И в этом смысле моя ночная тоска по поводу моих неизданных писаний просто некорректна. Особенно в наших условиях, когда тысячи людей не в состоянии элементарно прокормиться и лишены вообще каких-либо перспектив в будущем, мой скулеж – скорее, факт постыдный.

3 мая

Вчера прочел рассказ М. Магауина «Қос ағаш». Вот это крепко сделано! И сюжет, и материал, и язык, и философия гармонично сплетены. Молодец, Мухтар! Потом прочел и «Рассказ Травена». Тоже великолепно! Серьезный художник. И целенаправленный трудяга. Не разменивается на всякую чепуху.

5 мая

...Потрясла фотография в «Известиях»: российский солдат-зачистник и скованная ужасом девочка-чеченка. Одна эта фотография говорит все о подлости чеченской войны. Голая ненависть. Надо остановиться.

8 мая

С утра оглушила черная весть: в Москве скончался Калтай.

Я его знавал почти сорок лет. Ко мне он был всегда внимателен и чуток. Много с ним общался в самых разных ситуациях. О разящем его языке и говорить нечего. Острослов был высокой пробы. И умен, мудр. Поразительно начитан. Добр. Хорошо понимал людей. Много хорошего можно сказать и о нем, и о его творчестве. Несколько лет назад по обыкновению шутя он сказал: «Как-нибудь сподоблюсь, и однажды тоже умру». В этом «сподоблюсь»... весь Калтай. Вот теперь он «сподобился».

Не видел я его, наверное, больше года. И ни разу не был в его новой квартире. А по телефону беседовали не раз и всегда доброжелательно, доброжелательно. «Передай снохе привет!» – так заканчивал он обычно разговор. О наших общих знакомых иногда говорил то, что не говорил никому. Остро и метко. Колоритная была личность, и его уход – и лично для меня потеря. В большинстве его любили. 70-летие его запомнилось. И на моем 60-летии он выступил блистательно.

Потом пришло письмо из Германии от Нины Паульзен. Из письма я узнал о кончине Райнгольда Франка. Я только в последние годы переписывался с ним, прочел шесть его книг, написал обзорную статью, которой он остался доволен. И передал в «Heimatbuch» и в «Евразийский курьер». Опубликуют ли они – не знаю. Хороший был человек и честный литератор. Порядочный в жизни. Добрый.

...Звонил Владимиров. Обстоятельно поговорили. Завтра 40 дней со дня кончины Д.Ф.Снегина. За шесть месяцев ушли четыре народных писателя: Симашко, Куандык Ш., Снегин, Калтай.

9 мая

День Победы. С утра встретил нескольких ветеранов. Даже визуально ощущается, как их мало осталось.

Возле своего дома на скамейке встретили с Есенгельды парадно одетого Дихана Абилева. Ему 94 года, а память хороша, глаза живые, речь беглая, юмор при нем. Молодец! Меня сразу узнал и душевно поговорил.

Из того, что я читал на казахском в последние месяцы, мне особенно понравились три вещи: роман Рамазана «Бітеу жара» и «Зұлымдық шежіресі» и «Қос ағаш» Магауина. Это высокая проза и публицистика. О литературе, у которой есть такие творения, можно говорить с достоинством.

Перечитываю В.Шкловского. Вот голова, вот аналитик. Эйхенбаум, Шкловский – вот у кого следует учиться.

11 мая

Вместе с Беркутом Айдархановым отправился в Каздрамтеатр, где состоялось панихида и траурный митинг. Народу было много. Особенно студентов, которые – как я потом конкретно убедился – ничего о покойном не знают. Казахская интеллигенция собралась в большинстве (актеры, художники, писатели, журналисты, деятели, басты-ки). Целая группа прибыла из Астаны (Құл-Мұхаммед, Алибек, Сауытбек, Ерлан и др.). Многие из Кызылорды, из Туркестана. Сплошь и рядом знакомые. Постоял в карауле. Подошел к Фариде, к Жамиле. Они встали, обнялись. «Ой, Гера, Гера... дядя Гера...» Я что-то пробормотал, нескладно, но искренне. Калтая я любил всегда.

Потом попросили выступить по TV («31-й канал») – по-русски и по-казахски. Сходу сказал что-то не очень убедительно, но поразился, что молодые люди из TV ровным счетом ничего не знают. Они и меня толком не знали. Даже фамилию записали неверно. Удивило их только то, что я говорю по-казахски. Грустно!

С разными делами и разговорами обратились многие. Потом был митинг (ораторы Нурлан, Құл-Мұхаммед, Храпунов, Айтматов, Нурпеисов, Нургисаев). Хорошо выступил Чингиз. Әбе читал по бумажке. Потом часть публики поехала на кладбище, а я с деревянными ногами и онемевшей спиной еле добрался до дому. Более трех часов стоял на ногах! И сердце екало. Пришлось сосать валидол.

Отныне Калтая нет. Казахская аура заметно потускнела.

14 мая

Много разговоров о вояже Горбачева. Большинство в Казахстане его не любит.

18 мая

Прислал целую охапку документов Софы Сматаев: через месяц ему исполняется 60. Он прислал свой роман в стихах, автобиографию, приглашение-буклет на вечер в театре Ауэзова, приглашение в ресторан. Словом, все чин-чинарем. Увы, вряд ли смогу прийти. К Софы всегда относился уважительно: и знающ и трудяга. Скоро повалит волна 60-летних: Дулат, Дукенбай, Акселеу, Шаханов, Аян, Бахытжан (Момышулы), Жеңіс

Қашқынов, Қаназов, Канипа Б., Толен А, Кажыгали М. и др. Вот пойдут тои и юбилеи! А сколько 70-летних на подходе.

...Вечером опять позвонил Софы, удостоверяясь, получил ли я его послание. Я выразил удивление по поводу романа в стихах. Он сообщил, что из-за этого романа его сразил инсульт. Год назад. Примерно как у меня. Левая сторона. Даже язык онемел. Теперь малость пришел в себя. А я подумал: зачем тебе, милый, в таком состоянии грандиозный юбилей? Все это ненужное казахское тщеславие. На кой черт все это после инсульта? Радуйся, что хоть малость уцелел. Но нет... Казах разве от тоя откажется?..

19 мая

В Астане проходит Международная конференция по тюркологии, по руническому письму. На конференции присутствуют Чингиз и Олжас. «Казправда» опубликовала доклад Имангали. Я имею обо всем этом весьма поверхностное представление. Читаю и кляну себя за невежество и бестолковость. Стыдно и неловко оттого, что такой профан. Стыдно, что занимаешься чепухой вместо того, чтобы пахать основательно.

...Скончался А.Маресьев. Два-три дня назад читал его интервью в «Известиях». Знаменитая и колоритная была личность. Тень его, по сути дела, сопровождала меня всю жизнь, с того дня, как я впервые прочел «Повесть о настоящем человеке».

22 мая

На прогулке Хамзеке сообщил, что уходят послы Шаханов, Олжас, кто-то еще. Тайжанов и Султанов уже ушли. Куаныша Президент назначил сенатором (может, в будущем он метит его в спикеры?).

24 мая

Был у меня явно странный посетитель из Кароя по кличке Жолбарыс («Путиннің бажасы») – Камаш Есжанов. Пришел, чтобы я написал ему программу действия в создании мусульманского государства. Я должен, мол, написать, как надо действовать и в каком направлении. Мужик колоритный, эффектный, волосы длинные, жесткие, как конская грива, завязаны на затылке в узел, белая просторная рубаха, белые штаны, яркая косынка на шее, крепкий, могутный. Показал фотографию, где он обвит громадной змеей. «Это мой дух», – говорит. Я посмотрел на него и понял, что надо мне скорее ретироваться. Говорил напористо, и у меня сразу поперло давление.

На вечерней прогулке встретился с профессором Дорженовым. Он сообщил мне, что есть список 47 казахстанских баев, которые держат за рубежом 90 млрд. долларов – 18 годовых бюджетов страны. По его словам, дело приближается к крутым переменам во власти. Не знаю... не верится что-то. А он, историк, доктор, профессор, убежден.

Узнал из МНГ о кончине Алексея Александровича Штрауса. Я был с ним знаком лет восемь. Печатал его в «Phönix'e». Раза два или три встречались. Симпатичный, умный человек. Честный писатель. Изведал жизнь по всем параметрам. Уходят один за другим и мои старшие коллеги и близкие по духу люди...

25 мая

24-й день пишу свой «Туюқ су». А штучка все разрастается. И я даже не знаю, дошел ли до середины. Сюжет разветвляется, и герои начинают жить сами по себе, не подчиняясь воле сочинителя.

29 мая

Полистал книгу Аманчи Гунашева «Ичкерия – месть истории». Познавательно!

Проанализировал две партии нашего гроссмейстера Садвокасова. Трудно что-нибудь определенное сказать. Каспаров играл с ним слишком небрежно, слишком безоглядно и раскованно. Отсюда и ничья. А Морозевич и во второй партии наколол его изящно. Возможно, со временем Садвокасов наберет опыта, а пока по сравнению с этими китами он смотрится явно сыровато.

31 мая

...Потом побыл на выставке в Музее книги. Вместе с Султаном Сартаевым перерезал ленту и произнес речь. Было все толково.

...А вообще все мои печатные дела идут туго. Странные времена: все время необходимо кого-то тормошить, теребить, подталкивать, напоминать, просить. Я это ужасно не люблю.

...Крамник играючи обошелся с Садвокасовым. Тому грозил мат уже на 21 ходу. Колоссальная разница в классе! Какой Дармен гроссмейстер? Салага пока еще...

6 июня

...Нурпеисов поведал вкратце о своей поездке по Европе. Был в пяти странах. Встреч было много. Привез материалы от Быкова и Кошута. Договорился получить от Коха 50 тонн бумаги. Собирается в Омск. Хотел и меня забрать. Но мой Омск – это пространство возле памятника Шокану.

7 июня

Еще один министр стал доктором политологии – 80% казахстанской власти остепенены. Самое ученое правительство в мире у нас. Знай наших!

8 июня

Целую сумку книг прислал Бахытжан Канапьянов – свои книги, продукцию своего издательства, календарь, блокнот, дневник, две ручки. Прямо-таки обрадовал. Вот и листал эти книги часа два.

13 июня

Вычитал повесть Быкова «Болото». Очень быковская, жесткая штука. Будем давать в №4 «Тан-Шолпан». Вычитал и труд Тасмагамбетова «Сарайчик». Сделано хорошо.

30 июня

Пролежал после почечных коликов в урологии и II терапии 12 дней. Вчерне закончил «Туюқ су». Впечатлений и встреч было очень много. Благодаря Тасмагамбетову имел все условия для работы: отдельная палата, телефон, TV, стол... Прекрасно!

7 июля

Дурной день. В обед поперло давление. Проверил – ахнул: 207/98! Начал снижать, лекарства глотать, отправился гулять. Через час – 170/86. Вечером опять 193/91. Вызвал «скорую». Сбили.

Так и живу. Какая тут работа?..

10 июля

Позвонили из «Жазушы». Издают 6-томник Абиша на русском языке. Половина – мои переводы. И послесловие мое. Будут ли платить гонорар – вопрос.

11 июля

Тасмагамбетов прислал через М.Ауэзова сборник материалов конференции по тюркским памятникам. Шикарно изданный мощный том.

...А меня шатает, шатает. Даже по квартире хожу, опираясь о стены. Давление скачет. Спазмы головного сосуда. Ноги ватные. Словом, скверно.

2 августа

...Позвонил из Астаны Алибек. Оказывается, мое письмо Құл-Мұхаммеду передано ему. И он доложил: а) «Казахское слово» издадут в Астане; б) Рукопись пришлите через Ермаченкова; в) Издавать будут и книгу Жанны; г) Роман издадут в следующем году. Пришлите, мол, заявку и аннотацию.

Словом, обрадовал. Вселил надежду.

9 августа

Умер Яков Козловский. Я его несколько раз встречал на московских семинарах. Человек был интересный. Превосходный переводчик. Помню его очерк в ЛГ о боевых товарищах, поэтах.

Узнал из ЛГ, что готовится 10-томник Лермонтова, 10-томник Зинаиды Гиппиус (неужели столько накатала?!), 10-томник Алексея Ремизова, 19 томов Ивана Ильина. Здорово! Я же мечтаю о 3-томнике.

13 августа

Утром более часа был милый молодой человек из Тараза, аспирант профессора Аслана Жаксылыкова – Мухит Сыдыкназаров. Он пишет диссертацию – «Традиции жанра эссе в творчестве Г.Бельгера, И.Щеголихина, Дм. Снегина». Львиная доля дисс. обо мне. Меня он довольно основательно изучил, знает все мои книги, прозу, публицистику, эссеистику. Оставил приятное впечатление. Формулирует четко, ясно. Вручил он мне оттиск своей статьи «Пафос патриотизма и гражданственности в твор-ве Г.Б.». Статья большая, 17 страниц плотного компьютерного набора. Постановка темы верная и аргументированная. Из парня выйдет толк.

14 августа

Прочел «Глазами клоуна» Бёлля. Когда-то я роман читал, но успел все забыть. Прочитал как бы впервые. И стало мне очень грустно. Жизнь Германии 40-50 годов показана во всей неприглядной красе. Действительность глазами художника. Нечто подобное следовало бы написать и о современном Казахстане.

На днях умерла Инна Потахина. Я знавал ее лет тридцать, но мало с ней общался. Мне казалось, что женщина она несколько безалаберная, но поэзию любила.

А вчера умер после операции Асанбай Аскаров – мощная фигура кунаевского времени. Я с ним сталкивался всего несколько раз. Однажды он мне сказал лестные слова. Кстати, в получении моей нынешней квартиры он, будучи секретарем обкома, сыграл главную роль. Нурпеисов попросился к нему на прием и по обыкновению начал из-

далека, расхваливая моего отца и его заслуги. Аскаров перебил его и резко спросил: «Скажи, а этот твой Бельгер казахам нужен?» Әбе весь рассиял: «А как же!» «О чем тогда речь?! – решил Аскаров. – Значит, получит квартиру»

На старости лет кропал стишки и даже написал книгу о великих личностях Турана. Человек он был властный. От его плотного облика веяло дремучим, тоталитарным феодализмом. Возможно, я его плохо знал. Или вообще не знал. Но царствовал он всласть. Людей понимал. И тюрьму изведал.

26 августа. Воскресенье.

Еще в пятницу прошла весть о кончине 94-летнего Альжаппара Абишева. Я знавал его без малого 40 лет. Прожил он больше, чем его произведения. И вряд ли народ его помнит, хоть и был народным, орденоносным писателем. Похороны 28-го.

28 августа

60 лет назад был объявлен Указ о выселении немцев. 60 лет назад начали целеустремленно уничтожать советских немцев. Много горя изведали российские немцы за эти годы. Сегодня в «Известиях» две статьи, приуроченные к этой дате. 60 лет спустя начинают приоткрывать часть подлостей, сотворенных с народом. Всю правду, может, скажут, когда пройдет 100 лет. Россия не может быть счастливой страной. Из-за гнусных своих вождей слишком много горя причинила невинным народам... Горько, горько... Так расстроился, разволновался, что вечером давление подскочило до 209/95.

Позвонил отцу, и он сразу вспомнил эту дату. Сказал: «Надо бы с корнями вырвать это безобразие». Как вырвешь?! С этой болью и обидой так и уйдешь в могилу.

5 сентября

Утром, к 10 часам, я закончил переписку «Туюқ су». Получилось 291 страница. Этим романом я жил четыре месяца. Закончил. Сдюжил. Положу месяца на два-три в стол. Потом еще раз пройдусь по всем страницам и отдам на компьютер. Две-три главы предложу журналам, потом похлопочу об отдельном издании.

7 сентября

Зиманов в АН отметил свое 80-летие. Держится он прямо и достойно. Молодец! Встретил на прогулке Байкена Ашимова, походил, поговорил с ним. Ему 85-й год, но держится солидно, степенно. Память хороша. Тепло говорил о моих публикациях в «ҚӘ», «Парасате».

...Суд над Кажегельдиным завершился. Дали ему 10 лет с конфискацией имущества. Квартиру в Алматы тут же отобрали. Все вещи вывезли.

За всех воров-жуликов в высшем эшелоне отдувается козел отпущения Кажегельдин. Это несправедливо. И народ это так и воспринял. Ему теперь будут симпатизировать. Народ был бы доволен, если бы вместе с ним наказали бы еще 50 негодяев.

11 сентября

После обеда был Виктор Вайц из Кёльна. Симпатичный, милый парень. Около двух часов записывал меня для радио. Аж на четыре передачи. Дал ему две свои книжки. Отсюда он летит в Павлодар, потом – в Славгород. Мобильный, энергичный, умный молодой человек.

...Встретил на прогулке Дәме Маргулан (внучка знаменитого ученого). Показала она семь тетрадей фотоальбома «Лики казахов». Дивная штука! Весомый документ. Приятное издание!

12 сентября

...Вчера произошли жуткие события (террористическая атака) в Америке. Всю ночь показывали и рассказывали об этом. Скверно начался XXI век. О том сказал и Әбе утром по телефону: «Каким будет XXI век, теперь стало ясно».

С утра звонили и Госсен, и Бахытжан К. Везде только о том и разговор. Даже представить такое трудно. Если с Америкой террористы обходятся так, то что о других бишаринских странах говорить. Ужас! Кошмар!

...Еслям З. передал свою новую книгу «Арна». Я ее пощупал, полистал. По-моему, книга состоялась. То, что читал, впечатлило. Искренне и исповедально.

13 сентября

...Әбе долго и сосредоточенно вчитывался в стихи в портфеле редакции и остался недоволен. Почти все забраковал. А по дороге домой, в машине, обескураженно посетовал: «Что случилось с поэтами?! Неужто все иссякли, кончились? А, может, нет стимула?» Я в спор о стихах не полез, решив, что не вправе рассуждать о казахской поэзии. Но стихи Кадыра, предложенные «Таң-Шолпан», мне показались приличными, хотя многовато трескотни и жонглирования словами. Подборка покойного Хамá вообще показалась мне благоглупостью. О его сонетах и говорить нечего. Поэзия тут и не ночевала. Но я промолчал, дабы не дразнить гусей.

14 сентября

Газеты полны материалов об американской трагедии. Общий мотив: людей жалко, а США, т.е. государство, не жалко. Государство, мол, получило то, что само насаждало во всем мире «Уделали Америку!» – вот такой мотив. Все это настораживает. Особенно разговоры о возмездии... Говорят о конфликте Аллаха и Иисуса, бедных и богатых. Говорят об исламском терроре, об исламских идиотах – именно так выразился один в «Известиях». Крен крайне опасный. Вообще разговоров вокруг этого факта много, и все, в основном, дурные. XXI век будет веком террора и насилия. Кошмарный век!

...Звонили из Астаны: приглашают на встречу с Папой. О, господи, зачем мне Папа, когда со своим папой встретиться не могу...

15 сентября

Буш получил от Сената и Конгресса право на «акт возмездия». Все гадают: по ком ударит колокол. Неужто дело дойдет до большой заварухи? Борьба с терроризмом обернется тотальной войной против нищего люда. Террористов следует наказать, но ведь пострадает, как всегда, невинный люд... Все зыбко на этом свете.

17 сентября

В течение часа записывал меня Нуртилеу. Записывал меня, снимал книги, фотографии, кабинет, подъезд. Я, как всегда, испытывал жуткое недовольство, стыд: молол чушь, черт знает что. Сумбурно. Да еще по-казахски. Все мог бы сказать ярче, убедительней. Получилось же заурядно. Может, при монтаже как-то сгладят изъяны?..

19 сентября

...В Астане – минус 10. Через два дня в самую неуютную пору прибудет Папа. Суматоха жуткая. Едут в Астану со всех областей и многих стран. Полицию нагнали несколько тысяч отовсюду. Чисто показушная акция. Говорят: «Зато о Казахстане заговорит весь мир». Ну, допустим. А навар-то какой?!.. Корреспондентов – туча. И еще и меня хотели туда потащить, как букашку.

Между тем во всем мире дума об одном: Усама Бен Ладен (нашли героя-дьявола бородатого, одноглазого, выкормыша Америки!), террористы, акт возмездия, страны-изгои. Америка (хваленая!) осрамилась, теперь хочет помахать руками. Все газеты только об этом.

21 сентября

Буш выступил перед Конгрессом весьма эффектно. Он был в ударе. А, может, Америка сейчас так возбуждена...

Астана завтра встречает папу римского. Суматоха жуткая. Ощущение такое, будто от этой встречи зависит будущее Казахстана. Радио «Азаттық» резко выразило по этому поводу казахское возмущение. У всех недоумение: зачем? Почему? Неужели в такое время необходимо было еще с Папой возиться?

22 сентября

Главное событие дня: в Астане приземлился наместник Бога – Папа римский. Встретил его сам Президент. Народу, сообщают, согнали 50 тысяч.

В массовке должны были быть Ю.Померанцев и я, однако, не удосужились, о чем вчера говорил с Юрием Борисовичем.

23 сентября

Вечером на прогулке встретил Сагадата Нурмаганбетова. Разговор зашел о Папе. «Хоть бы этот старик подобру-поздорову добрался до Армении. От лиха подальше. Конечно, с одной стороны, для политики и это нужно. Но, с другой стороны, зачем попу гармонь?»

25 сентября

...Звонил Еслям: «В последние дни чувствую странную слабость. Все время хочется лежать».

Из головы не выходят «мои» в Ташкенте. Чувствую, что должен быть там, а не могу. Вот наказание!

26 сентября

Внимательно прочитал переписку Олжаса и Имангали. Конечно, Олжас основательней, глубже, убедительней. И умом чувствую, что он прав. А вот сердцем на стороне Имангали. Две тенденции поставлены абсолютно верно. И переписка двух достойных мужей-азаматов заставляет думать.

Звонил Әбе, но в этом вопросе он поддерживает исключительно Имангали («қаны бар жігіт қой) и решительно против Олжаса («Ол жағына ол ежелден жоқ қой»). Долго нудил Әбе и о положении ПЕН-клуба (вернее, ресторана-кафе). Тот же аляу-ляй: жулик на жулике. Все растащено, разворовано, сокрушено, кругом долги, долги, заботы,

волнения. Как нам быть? Хочет срочно созвать Исполком и принять решение. А какое может быть решение? Думать надо не о кафе-ресторане, а о ПЕН-клубе. А у Эбе главным образом «база» на уме.

27 сентября

Умер Левон Мкртчян. Был он на год старше меня. Ушел от повторного инфаркта. Мне знакомы его труды. Литературу он знал и любил.

28 сентября

Письмо от отца и Альмы. Четверка родных уже в ноябре-декабре уезжает в Германию. Расстроился: клан разваливается на глазах. Одна семья в четырех государствах. Рвутся родственные нити. Jeder stirbt für sich allein. Так огорчился, что АД поднялось и сердце заныло. И я беспомощен уже противостоять этому развалу. Даже до Ташкента не могу добраться.

...Певец Шахимарден Абилев, исполняя песню Абая, простер руки в мою сторону:

Немістің баласы,
Жасы үлкен ағасы...

Но в Немецком доме мало кто понял намек певца и замену слов.

29 сентября

...Назарбаев в понедельник летит в Германию аж до пятницы. Он заявил, что ни в какую отставку не уйдет, здоровье в норме, сидеть будет до 2007 года, а там, мол, по Конституции он имеет в запасе еще один срок. Все определенно и ясно. Утер оппозиции нос.

1 октября

Любопытное сочетание цифр. Читаю «Амазонку пустыни» генерала П.Краснова. Читабельно! Особенно природа, быт, разные детали-реалии поданы вкусно. Для генерала 1918 года просто классно.

7 октября

Американцы в Ташкенте. Значит, уцепились за Среднюю Азию. Внедрились. Ничего хорошего ждать от всего этого нельзя. «Суверенные» князьки беспомощны. Власть их иллюзорна. Они могут только грабить свой народ. В трудную минуту их сшибут, и они укатят в свои иновиллы с награбленным добром. И «суверенные» территории начнут делить Россия, Китай, США. И все мы превратимся в сплошной Афганистан. Подставив свой зад американцам, Каримов, как послушная марионетка, начнет исподволь разлагать весь регион. Будущее кажется очень сомнительным: куда деться бедному человеку? Мы все в капкане геополитических игр. И XXI век принесет народам много горя. Он начался скверно. Он может стать жутким испытанием для всей цивилизации.

12 октября

Шикарно, живо, богато и интересно отметил Бахытжан К. свое 50-летие в Доме приемов. Прекрасно все было: широко и добро, как сам юбиляр. Очень рад за Бахытжана и его братьев. Сумели утвердиться в жизни, благодаря таланту, труду, добру и многих достойных качеств, доставшихся от родителей и славных предков.

13 октября

...Звонил Әбе. Вчерашний юбилей ему показался никчемно-шумливый, а концерт крикливый, и все не по его душе. Зачем, мол? К чему такая суета? Наметил он на 27-е в Уральске встречу с русскими писателями. Но никого поймать не может: Аннинский в Европе, Ким собрался в Сеул, Оскоцкий в Саратове, Гранин только что приехал из Китая, Басинский в отлучке, Мустая компания не устраивает, у Бадикова дела и т.д. Словом, никого изловить не может. Собирается отложить сбор на 30-е. Агитировал и меня ехать. Или написать выступление. Отказался. У меня две конференции и один круглый стол.

18 октября

Утром добрых полчаса жаловался на жизнь Әбе: и с ПЕН-клубом, дескать, не ладится, разворовали весь ресторан, полтора года, мол, не получаю зарплаты, не знает, что делать; и журнал тревожит, надо бы поднять тираж до 11-12 тысяч; и ехать надо в Астану, в Усть-Каменогорск, в Уральск, и домашние заботы одолевают, надо дочь с женой отправить в Тибет через Индию, 12 часов автобусом по серпантину; и все дергают по малым делам, и к Тасмагамбетову надо, и к Құл-Мұхаммеду, и к Назарбаеву, и к Школьнику, и литераторы вокруг обнаглели, все считают себя гениями (Магауин, Жумадилов, Дукенбай) – словом, сплошь и рядом заботы, тревоги, проблемы, и отсюда голова кругом. Мне это понятно. На мишуру жизни Әбе тратит много времени и сил.

20 октября

Масс-медиа долдонит об одном: Афганистан, США, Бен Ладен, терроризм, сибирская язва. Такое ощущение, будто само общество жаждет потрясений. Замечаю: некоторые охотно говорят о страшилках. И это-то настораживает и тревожит; хоть не читай газет и не слушай радио, не смотри TV.

Прочел два рассказа Лоры Реймер. Заурядные бабьи писульки. Почему-то женщины в большинстве случаев пишут с претензией на оригинальность и все стараются быть умнее, чем они есть.

21 октября

...Какое удовольствие читать умные книги! И как редко попадаются они в руки. И сколько ненужной макулатуры я прочитал на своем веку! Нас пичкали глупостями. Да я и сам все время нарывался на макулатуру. Очень многое из литературы российских немцев, а также из казахских писателей я прочитал напрасно – ни уму, ни сердцу. Оттого и башка тупа, набита всякой дрянью. А для серьезного и достойного места в ней нашлось слишком мало. А теперь еще и возраст иссушает мозги. Сколько упущено возможностей!

23 октября

Три часа побыл в Музее Ауэзова, где собрались дети, внуки, правнуки клана Сулеевых-Джансугуровых-Ауэзовых и их родичей и доброжелателей. Познакомился с Саятом Джансугуровым.

Получился очень теплый, исповедально-искренний вечер. Трогательно и мило. Много великолепных речей – Ильфы, Мурата А., Саята, Кашагановой. И я что-то сказал. И посол Германии. Много фотографировались.

24 октября

Из газет узнал: умер Байузак Албани – историк, переводчик, издатель, публицист. 72 года. Я его знавал многие годы. Беседовал, слушал. Он мне и свои книги дарил. Был мужик колоритный, видный. Начитан. Деятелен. Все хвалился своим кавказским происхождением, увлеченно толковал о роде тех или иных казахов, находил антропологические особенности, охотно совершал исторические экскурсы. Говорил о необычайной талантливости своих внуков. Ко мне был душевно расположен. При встрече рассказывал азартно. Я все удивлялся тому, что он перевел на казахский язык толстенную «Ярмарку тщеславия» и издал в своем издательстве.

Жаль, жаль...

26 октября

На прогулке встретились с Сагадатом Нурмаганбетовым. Он одиноко сидел на скамейке. Рядом две девочки-подростки лузгали семечки, кидая шелуху под ноги. Что им, Герой Советского Союза? Что им, бывший министр обороны? Саке́ сделал им замечание, поворчал на них, но они отгавкались, потом ушли. У Саке́ разыгралось давление, болела голова. Он без конца запахивался в куртку, почему-то ерзал на скамейке, время от времени энергично выбрасывая длинные ноги. Говорили о том, о сем: о «Парасате», о Лескове (он его как раз читал), о службе в Венгрии, о Нурпеисове. Чувствовал себя Саке все хуже; пошли домой. На Джамбула разошлись.

...Фамилия Аллы Пугачевой оказалась Певзнер. Весь ее вид, манеры, ужимки, толстые ляжки – все кричит об ее происхождении. А она все под русскую подлаживается. Зачем? Терпеть не могу, когда скрывают национальность. Вот Познер и есть Познер, и он достоин уважения, но почему Певзнер становится Пугачевой, непонятно...

28 октября

...Часа два переводил Толе бия. Но очень коряво, скверно. Видно, откажусь от затеи передать его по-русски. Не получается. Слишком многим придется жертвовать.

29 октября

Позвонил Тынымбай. Он вернулся из Душанбе. На совещании среднеазиатских литераторов не присутствовали делегации из Узбекистана и Туркменистана. Это вполне в духе их руководства.

Получил неожиданно поздравление с днем рождения от Галымжана Жакиянова. Что бы это значило? Поздравил и Құл-Мұхаммед. Но это мне понятно.

31 октября

Из «Казправды» узнал о кончине матери Абиша. Тотчас пошел на почту, дал телеграмму соболезнования. Мудрая, уважаемая всеми, истинная была мать. Она и ко мне была ласкова, называла почему-то «Ера». Очень ее все любили. Много раз я слушал ее дивную, речитативную речь и у себя, и в гостях, и у нас. Да будет земля ей пухом!

3 ноября

Еслям сообщает: был он на приеме у Құл-Мұхаммеда. Записался 64-м. Всего записалось 130 человек. Всем что-то надо было выклянчить у Министра. Чисто казак-байская акция. Обязательно надо было воспользоваться моментом, показаться, что-то

выпросить. Были там и Турсынхан, и Сафуан (80 лет!), и Дукенбай (60 лет), и Хамит Биржанов, и Еслям, бог ты мой, кого только не было. «А как же я? – говорю. – Не хожу, не прошу. Но как-то ведь живу». «Э, – говорит Еслям. – У тебя особое положение. Во-первых, ты уже все получил. Во-вторых, тебе и так дадут. А в-третьих, ты единственный пшеничный колосок на ячменном поле».

Утешил! Может, ближе к 70-ти и я начну суетиться, бегать по начальству... Не приведи Аллах! Ничего не проси, сами дадут.

4 ноября

К 11-ти часам закончил перевод кадыровских притч. Притчи хорошие. И по-русски звучат прилично. Кое-что приходится переиначить. О том я вечером позвонил автору, и он согласился с моими вариантами. Он сам переводчик и понимает, что ради достойного перевода приходится кое-чем в оригинале пожертвовать.

5 ноября

У «Чокана» идет основательная уборка. Даже памятник помыли, дорожки подмели, травку сорную повырубили, арыки почистили. В чем дело? А завтра сессия АН. И в Академию приедет академик Назарбаев. Отсюда сыр-бор. Акад. Ергожин стелит дорожку у входа. Все стоят на ушах. Шутка ли: в униженную, осрамленную, обескровленную, мнимую Академию едет сам Президент!

6 ноября

В Академии очень коротко прошла сессия. Полчаса говорила Нагима, час говорил Президент (в программе стояло 20 мин.). Остальных выступлений (их было запланировано десять) слушать не стали. Президент отметил, что к прошлому возврата нет и надо менять статус Академии. Для этого создана Комиссия, которая должна за три месяца определить этот самый статус. Очевидно, Национальной Академии придет каюк.

9 ноября

На прогулке встретил Шоту В. Ему 24 апреля исполняется 70. Он купил второй том Казахской энциклопедии и в нем я обнаружил и статью обо мне. В казахском понимании это престижно. Правда, не знаю, что там написано, но портрет дали двадцатилетней давности. Вечером встретил Шоту еще раз. И он вручил мне стихотворение, сочиненное им в 4 утра 7 ноября. Называется «Жан ашуы», и мне оно понравилось.

Соқыр көрсем, қысыламын,
Болғанына көзімнің.
Ауру көрсем, қысыламын
Саулығыма өзімнің.
Ашты көрсем, қысыламын
Нанын тартып алдым деп.
Жақсы өлсе, қысыламын
Неге артында қалдым деп...
Тағдыр қатал, мүсіркеу жоқ,
Кез келгенді отады.
Кемтарларға атылған оқ
Маған тиіп жатады.

13 ноября

Сходил к Шоте, выслушал его планы по изданию книги «Автограф», выслушал его стихотворение «Қайран елім-ай, қайран жерім-ай», потом его сотрудник, композитор Муратхан Егимбай эффектно исполнил на эти стихи свою песню. Впечатляет! Пришел я немного позже обусловленного времени и по этому поводу Шота малость ворчал, дескать, ты не только своим немецким временем не дорожишь, но и моим казахским временем не считаешься. Ты, мол, нарушил все мои планы. Ты совсем оказахился. Где твое чувство времени? Шота, как всегда, полон идей. Раза два горестно вздохнул: «И годы наседают». С Шотой всегда приятно: живой, нестандартный человек.

16 ноября

Из газеты узнал: умер Асгидулла Хамидуллин. Кажется, полгода назад я встретил его в поликлинике, и он заметил, что я еще бала. Симпатичный был человек, хороший работник, по-татарски деятелен, ко мне благоволил. Было ему, наверное, лет 76-77.

19 ноября

Позвонил Кадыр (Мырза-Али). Бедняга мается давлением и еще подагрой. «Даже из дома выйти не могу». Одобрил мои переводы из Толе би. Сказал, что это будет со временем отдельная книга, тем более переводы Айтеке би он тоже похвалил. «И это будет каноническим текстом», – сказал он. Кадыр – умница, все точно и чутко понимает с полуслова.

28 ноября

Прошлую ночь спал плохо. Ясно представил крушение нашей ташкентской усадьбы – крушение отчего дома. Отъезд сразу четырех человек из нашего клана нанесет непоправимый урон. Каждый предмет в усадьбе имеет свою память, свою историю, помнит прикосновение рук мамы. Есть предметы еще с Волги, еще с Ленина. Теперь все это бросается псу под хвост. Ужасно! В чьи руки все это попадет, на какой свалке будет валяться. Книги, книги... все, все... обречено на погибель. Отъезд Альмы ставит крест на всем. Как представлю все это – сердце каменеет. Был один дом, родной, отчий, теперь пошли побеги московские, ташкентские, алматинские, германские. Jeder stirbt für sich allein. Heulen möchte ich darüber.

«Нам лучше безмолвствовать красноречиво», – сказал Карамзин об Александре I.

...Неожиданно позвонил из Гамбурга Константин Эрлих. Очень меня обрадовал. Интонации прежние, но говорил он много, возбужденно и явно не своим, каким-то деревянным голосом, размеренно и как-то скованно-тяжело. Выяснилось, что у него был инсульт. О германских нравах и возне наших немцев он говорил остро, точно, критично. Чувствуется, что он одинок, работает много и напряженно и не очень ему уютно. Договорились, что он напишет мне, а я ему. Лет 13-15 мы с ним работали на пару, в унисон. У нас были (и есть) родственные чувства.

29 ноября

Умер Виктор П.Астафьев. Прекрасный писатель. Чудный русский человек. Совесть русских. Что, к сожалению, сами русские плохо понимают.

В «Известиях» очень емко сказал о нем А.Солженицын: «Умер самобытный русский писатель, настойчивый правдолюбец. Из первых, кто чутко отозвался на нравст-

венную порчу нашей жизни. Как никто испытал солдатскую тяжесть войны и поднял ее со дна. Мир его праху».

Каждое слово здесь точно и выверено! Я видел Астафьева на одном из съездов СП СССР, когда у него возник конфликт с грузинами. Помню, конфликт погасили с помощью Абашидзе и Троепольского.

1 декабря

...9 вечера. Час назад звонил в Ташкент. Трубку взяла Эльма. «Альма рядом, она все скажет». «Ну что, Герольд, – сказала Альма. – Четвертого летим». Так получилось с билетами. Летят днем во Франкфурт. Вечером уже будут там. Встретит Христ. «В душе пусто. Полное безразличие», – говорит Альма. И еще говорит: «Здесь жить нельзя». Потом поговорил с отцом: «Здоровье ничего, да вот – переживания». Голос его дрожит. Отец понимает: расстаются навсегда. У меня дрожит сердце. Я тоже понимаю: мы расстаемся. Мы удаляемся друг от друга. И будущее в тумане. Горько, горько... Нас разлучает не смерть – жизнь.

2 декабря

Что-то и «Демвыбор» заглох, и о независимости не бьют в литавры, странное затишье. Нехорошее. Там-сям, как в лесу, раздаются писки против Президента, но в общем-то общество – болото.

Карибжанова – предводителя саранчи, человечка невзрачного, серого назначили послом в Китай. Все плюются. Неужто людей нет? Ну, в Киргизию, в Узбекистан еще куда ни шло... А сколько вокруг молодых и образованных людей! Нет, не доверяет Президент никому. А потом удивляется, что народ ворчит. Будет ворчать, когда творится такой бардак... Досадно!

5 декабря

Мои родные уже сутки в Германии, но вестей пока нет.

Позвонил неожиданно Дедерер. Сообщил, что в Берлине умер Отто Эстерле. Был он немного моложе меня – года на четыре, кажется. Доктор геолого-минералогических наук. Все опровергал Эйнштейна. Бывал часто в НКЦ, в редакции. Был как-то и у меня дома. Уже из Берлина мне однажды писал. В каких-то вопросах мы были с ним не созвучны. Общественно активен он был и в Берлине. Часто выступал в печати. Даже баллотировался в Бундестаг. Активен был в «Heimat»... Плохо приживаются наши люди в Германии.

6 декабря

Абишу К. сегодня 62. Не был бы он Госсекретарем, я бы позвонил домой и сердечно поздравил бы. Но став Госсекретарем, он оказался для друзей недоступным.

...В Астане натужно празднуют День Независимости. Всю неделю будут праздновать и каждый день имеет свое название: 10-е – День столицы, 11-е – День истории, 12-е – День Отечества, 13-е – День единства, 14-е – День патриота, 15-е – День молодежи, 16-е – День независимости. Каково? Эти дни и перепутать немудрено. А еще в Астане строят 34-этажное здание. Амбициозная глупость! Для Акмолы и 12-этажное здание – проблема. Хороший буран сдует несколько этажей сразу. А не сдует, то гул будет, как в аэродинамической трубе.

7 декабря

Съезд немцев Казахстана. Среди делегатов встретил десятка два старых знакомых из областей. Цитцер заметил, что я постарел. Прошло три года, и, видно, он прав. Болезни никого не красят.

Побыл до обеда. Традиционные выборы рабочих органов, шаблонные приветствия: Пеле, Хаупт, Кёртинг, Диль, Бунаков, Атрушкевич, Дедерер... Скучно, тягомотно. Хорошее впечатление произвел посол Германии Кёртинг – сжато, емко, по-деловому, четко. После обеда (потом узнал) выступил Токаев, потом – Құл-Мұхаммед, еще кое-кто.

Словом, съезд пустой. И хорошо, что я уехал. И завтра, скорее, не пойду.

8 декабря

Вечером Штрек передал новости со съезда. Конец, оказывается, был бурным... Склоняли и мое имя в позитивном плане. Какая-то дама, якобы, выступила с предложением реабилитировать меня (неясно, за что), а другая сказала, мол, надо «этому человеку» низко поклониться (тоже неясно, за что). А при голосовании предложили меня в почетные члены Совета. И мне неясно, радоваться тому или огорчаться. Скорее, радоваться за то, что немцы начали понимать что к чему. И Госсена включили в Совет.

9 декабря

Снега выпало много. На утренней прогулке больше часу прогуливался с Сагадатом Нурмаганбетовым. Мне с ним всегда приятно. Шли по глубокому снегу, и он деликатно держался на обочине, уступая мне узкую, протоптанную стежку. Рассказал о том, что читает книгу о Паулюсе, прочитал и мою штучку в «Парасате», вспоминали добром Симашко, поведал о том, что по-казахски читает только газеты и журналы, а книги читает по-русски, высказал свое отрицательное отношение к казахскому шежіре и родовым пристрастиям («кому это нужно?»), рассказал, как южные кипчаки, желая ему угодить, позвали на охоту, в гости, восхищался германским министром Рюе, Мюнхеном, добро отозвался о Дриллере, хорошо говорил о Германии и немцах, восхищался снежным и морозным днем, нашей прогулкой – «Ладно получилось. А то одному гулять неинтересно». Расспрашивал о съезде немцев. Одобрил, что на съезде выступил Токаев.

Погуляли, погуляли и проводил он меня до дому.

12 декабря

И газа нет, и холод продолжается. Пошел в пальто в Дом ученых. И зал холодный. Озяб. Выступил перед «Азатовцами» и «Желтоксановцами» о книгах Батырхана Д., встретили хорошо, но домой дотащился усталый, промерзший, и теперь думаю, надо ли было это мне.

13 декабря

Позвонил какой-то чиновник из аппарата Тасмагамбетова, напомнил, что я член госкомиссии по премиям «За прогресс и мир» (якобы еще летом создана такая комиссия) и как член я должен был выразить свое отношение к кандидатуре Алибека Днишева. Какой разговор? Обеими руками «за». Азамат сей давно заслуживает такой почести. Чиновник сердечно поблагодарил и выразил надежду на встречу. Когда я объяснил, что в Астану не еду, пожелал мне скорейшего выздоровления и уверил, что я народу, дескать, еще нужен. Надо же! Дай Бог...

14 декабря

В Астане половодье речей и дождь наград. Вручения идут по всем параметрам десятками тысяч. Мероприятия проходят и по предприятиям. Президент работает на износ. И еще 21-го собирается в США. А к нему едет Акаев. Наградили и всех депутатов Сената. На худой конец дают медаль «10 лет Независимости». Днишеву вручили Госпремию «За мир и прогресс». Той, той, той...

15 декабря

Все идет по сценарию, о котором все предполагали. Собрались экстренно мажилисмены и сенаторы и, произнося горячие, пафосные речи, выдвинули президента на Героя-Қаһармана. О том поговаривали давно, и ничего возмутительного, предосудительного я в том не вижу (не все же все время Президенту всем давать, иногда и ему давать надо), но неловок сам спектакль по этому поводу. Теперь в литавры должен бить народ, и общество на митингах-одобрямс должно это с энтузиазмом подтвердить. Нетрудно представить, какие фанфары будут завтра. С другой стороны, не могу представить, как Президент сам на себя напишет Указ.

17 декабря

Читал газеты. Они все еще торжественно-праздничны. Аким Тарази в числе истинных поборников независимости называет Нурсултана, Косымжомарта и Шерхана. Мне это показалось спорным.

А вот Калихан И. в «Жас алаше» сказал две примечательные фразы: «Вчерашние сопливые пацаны ныне стали мокроносыми стариками». И – «От мусора рождается только мусор». Верно и точно!

19 декабря

Позвонили из «Казахстан-Zaman» и попросили поделиться впечатлениями о юбилейных торжествах. Отказался, сказав, что на тое лично не был, а говорить о том, что слышал по радио, и читал в газетах, – смысл невелик.

...Юбилеи, награждение, презентации, выступления по TV... все суета сует. Надо дело делать, а не мельтешить. Может, от сознания ничтожности всей этой мишуры мне порой так грустно? Странно все же. За последние два дня я получил премию, меня наградили медалью, показали по TV, я выступал на юбилее Даримбетова, ко мне все внимательны, наконец, вышел сигнал книжки, а я не ощущаю особой радости, а чувствую неудовлетворенность, дискомфорт, даже печаль, будто что-то не так, будто все это пустой елтең-селтең...

Вот это-то и изнуряет душу.

22 декабря

Звонил из Усть-Каменогорска Бошай Кітапбаев. Поздравил меня с медалью и в хвост и в гриву ругал пятерку льстецов и подхалимов, жарапазанчиков, певших взахлеб осанну Президенту на встрече. Оказывается, их (Әбе, Зеке, Маке, Шаке, Мырзеке) показывали по ТВ, а потом речи дали в «ЕК». Слышал около десяти отзывов. Все плюются.

Два часа калякал с Ольгой Давиденко, милой краковянкой (родом из Алматы), пишущей диссертацию что-то о национальном сознании нац. меньшинств в Казахстане.

23 декабря

На днях узнал, что дневник Твардовского 40 тетрадей. У меня меньше, но тоже изрядно.

В «Жас Алаш» прочел отвратительную статью о Солженицыне. Бестактно, бескультурно, унизительно, дико. Стыдно такое читать. Казахов иногда заносит.

24 декабря

Сегодня маме было бы 91. И я весь день думаю о ней. Утром, взволнованный, долго стоял перед ее портретом. Вчера отец с грустью сказал, что он не в силах добраться до ее могилы. Я утешил его: летом доберешься. «Если буду жив», – сказал отец.

25 декабря

В «БМ» вышла девятая статья цикла «Казахское слово». В том же номере есть и статья Данилова. Я обрадовался и решил ему позвонить: давно с ним не общался. Но тут я развернул «Книголюб» и обомлел: скончался Александр Сергеевич. Что же теперь станет с его уникальной «Голубой планетой»? Такое богатство! Такой колоссальный труд!

Трудяга и светлый был человек. Истинный культуртрегер!

26 декабря

Из «ЛГ» (№48) узнал о кончине Юрия Ивановича Суровцева. Я его знавал многие годы в бытности его секретарем СП СССР по национальным литературам. Встречался с ним в Москве, Ереване, Алматы. Не раз беседовал с ним. Однажды показывал ему Алматы. А на каком-то Пленуме или съезде он похвалил мою книжку «Брат среди братьев», заметив, что я нашел точную формулу.

Бывал он и на наших (российских немецких) московских семинарах. На фотографиях запечатлены вместе. Был он начитан, знающ, активен, деятелен, искусно вел заседания. Его знали многие, и он знал многих. В последние годы я с ним не встречался. И вообще мало что о нем слышал. Был он года на три-четыре старше меня. Все больше и больше моих знакомых уходят.

27 декабря

Вечером прикинул свои рукописи, которые я мог бы предложить издателям. Получилось 10-12 рукописей, листов 100-120. Когда издам? И издам ли? Кто поможет? Где найти спонсора? Какие-то мелочи (по 5 п.л.) мог бы издать малым тиражом и на свои деньги. Но на более объемистое у меня средств нема.

28 декабря

...После обеда фельдъегерь завез поздравление Назарбаева. Как-то неловко. Президент поздравляет, а я – никогда. Может, книжки свои ему при случае послать? Но зачем они ему? Получается с моей стороны некультурно и нетактично.

30 декабря

Позвонили от Тасмагамбетова и привезли шикарный новогодний подарок – огромную корзину со всякими вкусными и дорогими штучками. Уже шестой год подряд балует меня Имангали. Послал в ответ три книжки. Что еще могу ему послать?

2002

2 января

Утром зашёл не знакомый мне Меирхан Мейрамкулов, опытный следователь, потомок Толе бия, борец с коррупцией. Мужик симпатичный, внимательный, деликатный, открытое лицо, умный взгляд, представительный. Занёс свою книгу. Хотел бы её увидеть на русском. Я обещал её прочитать к концу месяца. Оставил гость приятное впечатление. Работает в Астане консультантом в Администрации Президента.

Позвонил Ермаченков: завтра, в 15.00, в Доме дружбы нам вручат госстипендии. Словом, приступаем к будням. Да и мне хватит дурака валять: надо заняться более серьёзными делами. Может, ещё раз пройтись по рукописи романа. Или приняться за перевод Айтеке бия. Или писать рецензию на Владимирова. А, может, сочинить статью...

3 января

Утром узнал о кончине Шамшии Канышевны Сатпаевой. Когда-то она нам читала русскую лит. XIX века. Учёный была серьёзный. После обеда встретил её сводную сестру – Меиз. Она сообщила, что панихида завтра в НАН.

4 января

Хоронили сегодня Шамшию Сатпаеву. В газетах некрологи. От правительства. Был на панихиде в АН. Народу было немало – учёные, литераторы, поклонники Каныша. В основном пожилой контингент. Постоял в карауле. Выразил соболезнование сестрам, Оразаю, детям. К Шамшии Сатпаевой со студенческих времён относился уважительно и доброжелательно. Учёный серьёзный, крепкий.

...Ребята из «Азаттық» попросили меня вмешаться как «ара ағайын» («посредник») в земельный конфликт между казахами и узбеками. Каким образом – я не представляю. А конфликт становится всё более напряжённым. Кого-то узбеки посадили. Казахи шумят у узбекского посольства. Надо бы это поскорее и по-хорошему уладить, иначе обе стороны наломают дров.

5 января

...Очень понравилась статья в «ҚӘ» Мухтара Шаханова. Толково и доказательно написал он о чингизомании в Казахстане, высмеял хвастовство иных чингизидов и разоблачил, доказал, что Чингисхан не та фигура, которой следует бахвалиться. Дескать, диктатор, кровопийца, тиран. Видно, Мухтар темой владеет. Оппонентов положил на лопатку. Ну, никак не ожидал такого от Мухтара.

Какой-то молодой казах родом из Китая написал роман из эпохи Чингисхана и на закрытом конкурсе получил первую премию. «ҚӘ» пишет о нём как о новом явлении, открытии. Зовут его Турсынхан Зәкенулы. Преподаёт китайский язык на кафедре восточных языков в Астане. И вообще на этом конкурсе выявилось якобы много достойных произведений. А Нурпеисову в «Таң-Шолпане» печатать нечего. Ещё я узнал, что в этом году неплохо вырос тираж «Жұлдыза», «Парасата» и «ЕҚ». Это вселяет надежду. Неужели казахи снова начнут читать?

10 января

Вчера на рассвете Әбе дважды читал стихи Кадыра, доказывая, что это плохо. И тут же прочитал неуклюжие сентенции неизвестного мне человека, как образец. Кажыгали сказал, что это плохо, Кадыр, мол, это говорил ещё тридцать лет назад. И я так подумал, но Әбе вспылил и уперся. Он всё хочет решать единолично.

11 января

...Отметили в Оперном театре 90-летие Д.А. Кунаева. Торжественно. Солидно. Собрался в основном пожилой контингент. Собрались за час до начала. В зале не было свободных мест. Многие стояли. Вдохновенную речь произнёс А.Ф. Шалов. Говорил эффектно по-русски и по-казахски. Зал благодарно несколько раз взрывался аплодисментами. Молодец! И концерт был приличный. Поражала публика, искренне почитавшая память Кунаева. В фойе продавали книги; была фотовыставка. Молодые Кунаев и Зухра особенно запомнились. Вообще от вечера получил огромное удовольствие.

...Прочёл эссеистскую книжку матери Тасмагамбетова Дильды Матайкызы. Живой, сочный, народный язык поразил. Многие каз. писатели так писать не могут. Культура чувств и убедительность, убеждённость в каждой фразе. Подумал: вот откуда Имангали! Вот что значит гены!

12 января

Звонил Әбе по поводу материалов для «Таң-Шолпан». Переводы из Абая забраковал. По поводу моих переводов биев решил, что я пользовался не теми источниками. Якобы, Мереке обещал найти другие источники. Спорить не стал, хотя и сомневаюсь. Әбе же по этой части вообще не имеет представления. У него о биях ложно-умозрительно-высокопарное понятие... Зато в «Т.-Ш.» большое место уделено перепечатке книг Фритьюфа Шюон «Понять ислам». Якобы, Шуга настояла. Я сказал: «Это не находка», и Әбе через силу согласился: «Ты прав».

14 января

Часа четыре читал книгу Дильды-апа. С восторгом. Молодец! Сколько сказано, продумано, осмыслено, прочувствовано! Книга её – учебник жизни. Книга-наставление. Книга мудрости. Книга-исповедь. Книга-завещание. Надо бы непременно издать её по-русски. Я бы назвал её «Исповедь матери». Поразительно! Просто рад, что прочитал эту книгу. Она очень актуальна и полезна во все времена.

16 января

Утром смотрел свою беседу с Ынтымаком по программе «Рахат». Полчаса. Удачно вклинили мои книги, награды... Но особой радости не испытал. Мог бы говорить весомей и лучше. Вообще на старости лет нечего мелькать на экране.

19 января

Главная новость дня: конференция Демократического форума. Власти по глупости чинят преграды. Не разрешили проводить в Каздрамтеатре. Провели где-то рядом. В Цирке, что ли? Делегатов было 900. Было восемь депутатов, Балташ, Ауэзов, Своик, много известных личностей. Один из организаторов – Серикболсын. Подробностей не знаю.

Умер Юрий Давыдов. Прекрасный писатель. Мне он запомнился по роману «Глухая пора листопада». Я с ним не встречался, но одно время был разговор о совместном с ним переводе Майлина. Но потом этот вариант отпал, и появился Ю. Домбровский.

Недавно только узнал и о кончине Ананьева. Его я знавал ещё по СП Казахстана. Ценил в нём больше редактора. Умер Проскурин. С ним встречался в Дубулты. Но его я как-то не воспринимал. Его «русский патриотизм» был мне чужд.

А позавчера убили в квартире архивиста Марата Хасанаева. Интеллигентный, порядочный был человек. С ним я не раз встречался на разных «круглых столах» и совещаниях, читал его статьи и интервью. Убили его из-за денег. Накануне продал квартиру. Неладно в обществе.

20 января

Демократические силы проводили сегодня в Ауэзовском районе (куда их загнали власти) митинг. По «Азаттық» назвали цифру 10 тыс. Якобы столько собралось народу. Наверное, преувеличение. Но народ был активен. Собрались делегаты со всех областей. Выступили Байменов, Абдильдин, Абилов, Турсумбаев, Джандосов, Жовтис, Жакиянов, несколько человек из областей. Речи были толковые и достаточно острые. Митинг цели своей достиг, всколыхнул дремливое общество. Сочувствующих этому движению много. Форум намерен провести плебисцит, собрать подписи. 200 тысяч, думаю, соберут без труда. Требования – справедливые. Власти пытались разогнать митинг под предлогом якобы заложенной бомбы, но народ настоял продолжать митинг и взорваться вместе с бомбой. Номер не прошёл.

21 января

У «Чокана» прошёл митинг журналистов. Так себе, среднего калибра. В защиту свободы слова.

Народ обсуждает напористую речь Президента перед депутатами и акимами. Все сходятся во мнении, что говорил Президент ловко и убедительно.

Я слушал вчера фрагменты речи Касымжомарта. Говорил толково. И хотя с чем-то согласиться сложно, но смотрелся он весьма солидно и убеждённо излагал свои мысли. Речь Президента изложена в печати сокращённо и в редакции. А то и вовсе в извлечениях и пересказе.

27 января

Расстроился, прочитав глупость в «Жас алаше»: уже в который раз расписывают Гёте, как истого мусульманина. И даже пытаются аргументировать. И даже утверждают, что в ближайшие годы Германия наполовину станет мусульманской. Я не против. Но истине-то это не соответствует.

28 января

Уже после обеда стало известно, что Токаев подал в отставку со своим правительством. Президент отставку принял. Токаев распустил свой кабинет. Тут же прошло совместное заседание палат, Президент предложил кандидатуру Тасмагамбетова. Очень рад за Имангали (искренне симпатизирую ему уже лет 15), но и испытываю тревогу. С одной стороны, на него теперь насядут наглые, бесцеремонные типы, ему будет очень и очень трудно. Боюсь, возникнут у него сложности и с Президентом.

30 января

Только и думал о презентации в Музее Ауэзова. Боялся за своё физическое состояние. Но всё прошло хорошо. Впервые встретился с Бериком Джилкибаевым и послом Германии Андреасом Кёртингом (весьма приятный человек). Говорили, фотографировались, решили встретиться. На вечере много высоких слов было сказано в мой адрес. И судя по всему публика была в приятном возбуждении. Вечер получился тёплый, сердечный. Выступили: проф. Б. Джилкибаев, проф. Н. Сагандыкова, проф. А. Жаксылыков, Ж. Ескуатова, Б. Канапьянов, Ильфа Джансугурова, М. Ауэзов, Саят Джансугуров, С. Ананьева, С. Каскабасов, А. Кёртинг, Маржан (ведущая), я. Были Бадиков, Владимиров, Сагин-Гирей, О. Шиленко, А. Байгожина, Вензель, Енисеева, А. Омарова, журналисты, телевизионщики, учёные – сотрудники Музея. И фуршет был хорош. Собравшиеся долго не расходились. Много фотографировались.

Вечером узнал, что министром образования назначена Беркимбаева, а Абиш – советником Президента.

1 февраля

Утром узнал горестную весть. Скончался – неожиданно, на ходу, просто рухнул – Манаш Козыбаев. 19 дней назад я говорил с ним в Оперном театре на юбилее Конаева. Он попросил, чтобы я зашёл к нему в понедельник. Якобы, вышла его книга, а в ней два его стихотворения, посвящённые мне. Я сказал: зайду как-нибудь при случае. Теперь уже никогда не зайду…

Могучий был человек. Открытый. Колоритный. Ко мне всегда был чуток, дружелюбен. Обнимал при встрече, говорил ласковые слова. Он обладал хорошей речью, поэтическим даром. Сколько раз мы встречались! И где только не встречались!

И друзей у академика Манаша было много.

И заслуги его перед историей страны велики.

2 февраля

Какое сочетание цифр, однако. Второй день второго месяца, второго года.

Хоронили сегодня Манаша Кабашевича. Народу собралось столько, что, видно, и организаторы смутились. Столпотворение, давка у входа в АН жуткая. С первого раза не смог протиснуться. Лишь со второй попытки – и то при помощи незнакомых мне казахов, почтительно называвших меня «Гереке». Встал в караул, подошёл к Сагимбаю, к другим родичам покойного, выразил соболезнование. Вся городская интеллигенция, все достойные, просвещённые люди пришли прощаться с Маке. На траурном митинге выступили Құл-Мұхаммед, Султангазин, Храпунов, Кошанов, Сагадиев, Шакеев, М. Джолдасбеков. Под траурный рёв оркестра повезли Маке на Кенсай…

…Сказал хорошую фразу мне сегодня Нурлан Оразалин: «От әбе ушли все. Не отойдут от него только трое: Ажар, вы и он сам».

4 февраля

Удивляют казахи: прошла неделя, как Тасмагамбетов стал премьером, а его уже начинают щипать. Меня уверяют: он сидит временно, ну, может, год продержится, проведёт показушные выборы в Парламент и всё: экономику не знает, рынок не знает, и, вообще, чему он мог научиться в Уральском пединституте… Такие вот разговоры. Тошно всё это слушать…

11 февраля

Перевёл сегодня пять страниц Дильды Матайкызы. Часа три читал Панаеву. С удовольствием и трепетом окунулся в литературную жизнь 40-60 годов XIX века. Поразительно всё близко. И всё находит в душе отклик. Прочёл с удовольствием и предисловие К. Чуковского. Умели же люди писать! Сколько раз говорю себе: надо читать умные книги. А я очень много времени убиваю на дурные газеты.

13 февраля

Перевёл пять страниц Дильды-апа. Заминка произошла с семью приметами времени («жеті амал»). Копался в словарях, опросил человек десять (философов, литераторов, биологов, механиков-учёных и т.д.), чтобы объяснили мне, что значит «күннің тоқырауы», «қарашаның қайтуы», «уркердің батуы», «киіктің матауы», «тоқсанның кіруі», «Айдың тоғамы». Никто мне толком ничего не объяснил. Правда, разные версии и предположения были. Словом, безвозвратно уходят многие казахские понятия...

14 февраля

Состоялась у «Чокана» встреча с Жақаном Бәлшетегі (родом Жалайыр мырза), 65 лет, приятный, опрятный, учтивый, деликатный казах с хорошей казахской речью, бывший зоотехник, последние 11 лет полностью ушёл в религию, пишет сочинения о народных традициях, поверьях, мусульманской вере. Беседовали почти час и, кажется, понравились друг другу. Я подписал ему свою книгу, он вручил мне «Әулие аталар әлемі» и фотографию, в которой к себе «пристроил» меня (для музея!). По его словам, из инородцев я больше всех сделал для казахов, а потому заслуживаю Kahармана. Считает, что после Назарбаева президентом станет Тасмагамбетов, вот он, мол, меня и окahарманит... Расстались с тем, чтобы в будущем встретиться вновь.

21 февраля

Встретился со студентами Энергетического института. Клуб «Парасат». До меня были Исиналиев, Касымов, Аюханов, муфтий и др. именитые азаматы. Повели к ректору Даукееву – поджарый, легкий, открытый человек. Поговорили. Мило пошутили. В читальном зале собралось человек 200. Проф. К. Ахметов очень возвышенно меня представил. Потом 1,5 часа говорил я. Попеременно по-русски и по-казахски. Аудитория понравилась. Отзывались. Смеялись. То и дело аплодировали. Потом сфотографировались у выставки, посвященной мне. Я подарил библиотеке 5 своих книг. Потом, конечно, были дастархан, благодарности, любезности. Рад, что выдержал эту нагрузку.

26 февраля

Имангали обнародовал программу Правительства. Говорил напористо, убедительно, чётко по-русски и по-казахски. Слушать его приятно: молодой, свежий голос. Хоть бы не надорвался. Я давно вижу в нём будущего лидера...

4 марта

Вечером читал «Современников» Чуковского (Блок, Ахматова, Горький, Андреев). До того читал воспоминания Панаевой. На этом фоне особенно выделяются скудоумные современные наши жазушылар. Подавляющее большинство мелко и ничтожно. Не тот масштаб, не та идея, не та культура. Всё катастрофически мельчает и скудеет.

6 марта

...Жаль, что мои рукописи не проходят так, как хотелось бы, но буду работать назло, убеждая себя, что когда-нибудь всё пригодится. Was ist noch zu machen? Басқа не амал бар? Ведь, в сущности, особенно жаловаться на мою литературную судьбу грешно. Печатаюсь немало и спрос на моё бумагомарание есть. Баққожа опять звонил, прося материалы. Звонят из радио, из ТВ, разные издания просят интервью. Публикаций более 900. Так что не унывай, не вешай носа, любезный товарищ.

7 марта

Домой отвёз меня Гаркавец. Он вручил мне армяно-кыпчакский псалтырь. Для меня всё это тёмный лес. Но послесловие Александра Николаевича прочёл с интересом. Гаркавец выглядит хорошо. Уверен и спокоен. Я всегда (с 1986 года) относился к нему с симпатией.

Сидели за одним столом с Нурланом и Камалом. Нурлан явно озабочен предстоящим съездом писателей Казахстана. Видно, хочет остаться председателем, но не очень уверен, оставят ли.

Кое-кто сватает на это место Баккожу. Не знаю, нужно ли это ему?.. Вообще к Союзу писателей я почти равнодушен. В таком виде, как сейчас, он, думаю, совсем не нужен. Столько шантрапы набрали, что корабль прочно сидит на мели. Впрочем, может, и ошибаюсь. В молодости (примерно до конца 70-х) я относился к СП почтительно. Четверть века он меня «не греет», «не колышет».

14 марта

Хорошую статью о моих «Беседах» написал в «Книголюбе» Бадиков. Ёмкую!

Посол Германии приглашает на концерт в честь 10-летия дипломатических контактов двух стран. Не знаю, смогу ли...

18 марта

Часто вспоминал сегодня Симашко: сегодня ему 78. Был бы жив, да в Алматы, непременно собрались бы в ПЕН-клубе, и он, умница и балагур, забавлял бы нас своими байками и анекдотами. А так... горечь и скука. Как-то всё разошлись, разбрелись.

27 марта

Был Ермаченков. Вдвоём прошлись по корректуре, согласуя отдельные моменты. Кажется, получается сносно. Ермаченковым весьма доволен. Опытный редактор и порядочный человек. Он принёс мне нарядно изданную книжку Дм. Снегина «Видеомагнитофон № 000001...» Последняя и очень своеобразная книжка. В каждом предложении слышу знакомые интонации Дмитрия Фёдоровича.

7 апреля

Слушаю радио, читаю газеты, смотрю ТВ – становится тошно и стыдно. Люди окончательно свихнулись. Особенно неловко, что – мягко говоря – в неблаговидных делах-делишках замешаны твои давние знакомые, о которых хотелось (хочется) думать лучше. Коррупция, подлость, ложь, наглость, бесстыдство, фарисейство, тупость – вот чем пронизана верхушка власти. И не знаю, как можно что-то выправить. За десять лет столько испоганено и изуродовано, что даже не представляю, как можно этому

свинству противостоять, на кого опереться, на что надеяться. Видеть всё это и быть бессильным что-либо предпринять – ужасно, мучительно.

На фоне этого беспредела (политического, морального, духовного) я чувствую себя глубоко одиноким. Всё кругом рушится, пакостится, опошляется, примитивизируется, разворовывается. Все прогнило: власть, правительство, парламент, суд, МВД, культура, образование. Вакханалия тьмы и невежества.

13 апреля

Утром принялся было за составление приветственного письма к конференции в Таразе, как неожиданно (около 9 часов) позвонил Салим К.: «Слышал?» Что такое? Оказалось... умер... Еслям З.

Я онемел. Ноги стали ватными. Сердце затрепетало. Давление подскочило.

Договорились поехать вместе. И пока заехал Салим с Лейлой, я ходил сам не свой, глотал лекарства. К 11-ти поехали вчетвером с Кошановым.

В скорбном доме было уже много народу. Хамит Биржанов сидел на телефоне. Роза рыдала. Тут же мелькали и дети, и внуки Есляма.

Из слов Розы выяснилось, что Еслям ни на что не жаловался, в последнее время увлечённо играл в шахматы со стариком, живущим через улицу. Вчера, т.е. 12-го, играл долго, пришёл довольный (выиграл!) спросил в шутку про киносериал у Розы, лёг на диван и уронил голову набок. Домочадцы кинулись к нему. А у него уже холодели руки. Вызвали «Скорую», делали массаж. Всё. Сердце остановилось.

Был Еслям – нет Есляма. Один из верных, открытых, честных друзей. На днях лишь мне звонил. Поразительно! Все как-то сразу потеряло смысл. Смерть ходит рядом. И это ужасно. Весь день хожу дурной.

...О смерти Еслям в последние годы думал и говорил часто. И внутренне, мне кажется, был готов к ней. По сути он болел лет 7-8. Перенёс два инфаркта и один инсульт. И всё равно смерть неожиданна и нелепа.

15 апреля

Хоронили сегодня Есляма.

Дождливый, пасмурный день. Мұнар да, мұнар, мұнар күн...

Придя домой, принялся за рецензию на книгу Сағымбая. А дождь всё сеет и сеет.

А Еслям – как к этому привыкнуть? – уже под землёй. Жаль!

А ушёл всё-таки хорошо. Внутренне подготовленный, завершив все дела, издав все книги, вырастив и воспитав детей, имея хороших внуков, оставив о себе добрую память. О смерти он думал и говорил мне в последнее время часто и бесстрашно.

14 апреля

...Позвонил Баккожа: намерен вступить в кокпар – претендовать на роль первого секретаря СПК. Считаю его решение неверным, но поддерживать буду. Кандидатура по всем параметрам подходящая.

18 апреля. Четверг.

Да, я верен завету Абая. Не помню, в каком Слове он говорит, что каждый человек должен отчитываться перед собой за каждый прожитый день. Дни не должны мелькать бесследно. Особенно, когда тебе за шестьдесят. И если ты занимаешься творчеством.

Мой дневник прежде всего самоотчёт. Ну, а если в нём отразится приметы нашего времени, хотя бы части сограждан жизнь, то и вовсе хорошо. Тогда в моих повседневных строчках может что-то иметь смысл не только для меня.

Некий Самат носится с идеей создания организации «Араша». Очень хочет привлечь меня. И даже хочет, чтобы я сформировал цель, идею. Увы, мне не до этого. Расхлебать бы мои повседневные дела-делишки...

...С интересом прочёл беседу-исповедь М. Магауина в «Алтын орде» – о содержании 13-томника собрания сочинений. Конечно, элемент самовосхваления присутствует. Но писатель он серьёзный, трудяга, образован, знает себе цену, имеет цель и направление и о своем ремесле говорит с достоинством. Это вызывает уважение.

А вот изобличительные статьи в адрес наших власть предержащих набили оскомину. Вся наша верхушка не стоит того, чтобы о ней столько писали. Мелкие людишки, совсем ничтожные, что-то своровали, копошатся, суетятся, прячут свои миллионы...

19 апреля

В «НП» вышла огромная, на две полосы, статья-беседа с Әбе «Кто мы теперь, казахи?» Толково. Крепко сказано об ауле. Спокойно, мудро. Реверансов в адрес властей, правда, много. Әбе местами как бы оправдывается и защищает себя. Пафос его исповеди определяется гегелевским «все действительное разумно». Для Әбе всё сделано хорошо. И я представляю, сколько он над этим корпел.

20 апреля

Утром позвонил Нурпеисов. Прочёл мою статью в «Известиях», понравилось, решил позвонить. Рассказал о поездке в Тибет, отменный, мол, результат. Теперь собираются ехать Абиш, Зиманов, Кенжегали. Әбе собирается на юбилей к Кугультинову. На съезде СП не будет. Хотел бы, чтобы мы (я, Дулат и Ко) пробивали идею о ненужности СП. Я сказал: номер не пройдёт, и я эту идею озвучивать не буду. Он хочет по этому поводу позвонить Абдикову и другим жигитам.

Настроение у Әбе доброе, и мы поговорили прилично. Я, в общем, похвалил его статью о «НП», но мысль о разумности нашего современного бытия не разделяю. Он сказал: ну, что ж... мы не можем всё одинаково думать. Тогда мы должны, мол, быть все в одной шкуре.

Әбе вполне устраивает нынешний статус-кво. Меня – нет. Пакость и ложь вокруг ощущаю болезненно. И так воровски, грабительски, нахально, цинично жить долго нельзя. Последует суровая расплата.

21 апреля

Позвонил Баққожа. Явно на распутии. Намерен баллотироваться на первого секретаря СПК, но не очень уверен, правильно ли решил. Боюсь, шансов у него немного. Да я и не хочу, чтобы он жертвовал свои силы, здоровье и способности на это малопрестижное и малоэффективное дело. Ему это совсем не надо.

23 апреля

...И завтра же чествование Камала Смаилова. О нём пишут сейчас многие газеты. И он того, несомненно, заслуживает. Я его помню с начала 60-х годов. И во многих областях культуры он поработал славно и плодотворно. И в обращении он милый че-

ловек. Я уже давно и прочно питаю к нему симпатию. Боюсь, что физически не могу быть на его чествовании. А жаль...

24 апреля

...Потом отправился в Дом учёных, в казахстанский пресс-клуб. В Комитет по защите «Таң» вошли Атабаев, Косарев (депутат), Құттықадам, Таукина, Фокина, Ергалиева. Каждый что-то сказал по 1,5-2 мин. Что-то провякал я и для каз. программы ТВ. Гульжан Е. (да и все остальные) были очень внимательны ко мне.

Атабаев проводил меня до дома и рассказал мне много любопытного о своей последней поездке в Германию, о своей работе, о наших общих знакомых в Deutschland. Хорошо Болат сказал: в Германии такая свобода, что никто никому не нужен...

На чествовании Камала Смаилова стало мне плохо. Едва не потерял сознание. Хорошо подвернулся Ербол Ш. Он меня и доставил домой... Вот расплата за активность.

25 апреля

Беда, когда нет здоровья. И всякая дурь лезет в голову. Завтра чествование Шоты. А я не смогу пойти. Жаль и досадно...

...На саммите журналистов находится представители из 40 стран. Выступили Назарбаев, Хатами, Айтматов.

...Из «Жас алаша» ушли Нурторе. А в «ҚӘ» посадили У. Есдаулета.

26 апреля

Заполнил съездовскую анкету. Что опубликовал и написал между последними съездами. Сам удивился: опубликовал 7 книжек; опубликовал 315 статей, очерков, рецензий; написал два романа (не опубликованы); перевёл несколько книжек с казахского; составил несколько сборников; написал уйму писем; много раз выступал по радио и ТВ; перенёс один инфаркт и один инсульт; подготовил ещё несколько рукописей.

Ну, мало разве за пять лет?

27 апреля

Утром собрался на съезд СП, но почувствовал себя худо. Принял горсть лекарств, но давление не снижалось. После обеда всё-же поехал. А съезд по сути только и начинался. До того были приветствия, бата-благословения, выборы рабочих органов и доклад... Оказалось, я выбран в Президиум. Но подниматься туда не стал, пристроился в заднем ряду к Владимирову, Гундареву, Ермаченкову. С ними и просидел четыре часа до последнего перерыва. Выступило человек 20. Хороших речей мало. Больше сумбура. Половина письменников в подпитии. Съезд показался мне жидким. Впрочем, ничего другого и не ожидал... А дождь всё лил и лил. И мне было жутко худо.

28 апреля

...С 4-х до 8-ми вечера побыли с Раей в ресторане «Анкара». Собрались друзья Шоты – сплошь ығай и сыған – учёные, артисты, писатели, преподаватели. Ермек, Бибигуль, Тоқтар, Зиманов, Қайдаров, Магауин – разве всех перечислишь. Хороший был вечер. За нашим столом сидели Салим с Лейлой, Камалиденов с женой, Шакир Алиев, мы с Раей. Побеседовал со многими. Продержался неплохо, хотя рожа была красная, а сердце ёкало.

30 апреля

Прочёл в «Казправде» послание Президента... Вряд ли теперь можно оживить аулы. Казахстанские аулы ушли в небытие.

А Москва сегодня хоронит Александра Лебедя. Очень своеобразный был человек. Слушать и читать его всегда было интересно. Своеобразно, раскованно мыслил и свежо, колоритно выражался. Многие его фразы и словечки запомнились. Жаль, жаль... Уникальный был русский человек, Александр Иванович.

2 мая

Позвонил неожиданно из Актюбинска Нурпеисов. Был он в Элисте (через Атырау и Архангельск), в Москве, Уральске, а после Актобе собирается на пару дней в Астану. Настроение, видно, хорошее. Интересовался, как прошёл съезд писателей. Сообщил, что попытается в Астане добиться тысяч 40 долларов, провести по приезду отчётно-выборное собрание в ПЕН-клубе, собрать всех членов, дать премию ПЕНа Кошуту. Сказал он также, что в «Ел орде» вышло переиздание его «Кровь и пот». Я попросил привести мне и экземпляры моей книжки. Кстати, моё «Казахское слово» издали 3-тысячным тиражом. Вроде неплохо, но мне кажется, что эта книжка заинтересует учителей, студентов, любителей словесности, а потому три тысячи будет мало. Мне думается, что книжка возбудит интерес. Впрочем, кто его знает...

8 мая

От проф. Нины Семеновны Надъярных из ИМЛИ РАН получил письмо, в котором она сообщает о том, что Словарь «Литература народов СНГ. XX век» наконец-то подготовлен к печати (кажется, лет шесть его мурыжат), благодарит за моё участие (там 15 моих статеек) и просит не претендовать на гонорар. Какой может быть разговор? Я рад тому, что мои заметки увидят свет.

Я тотчас ответил.

9 мая

Тот самый день... что порохом пропах. Я помню его с 1945 г., когда мальчишкой бегал по аулу с криком: «сүйінші, сүйінші!» И когда я позвонил сегодня в Ташкент, Эльма живо всё вспомнила и тоже воскликнула: «Сүйінші!», напомнив события 57-летней давности.

Под дождём с Раей отправились в парк к Вечному огню. Почтили память неведомого мне тестя и всех близких и знакомых. Рая зашла и в церковь, поставила свечку, раздала подаяния. Я наблюдал за публикой. Несмотря на дождь, люди всё шли и шли. А у Вечного огня, на тумбах, у памятника Панфиловцам горы цветов. Всё это трогательно. Что-то святое ещё осталось у народа. Девчонки, видя, что я с палочкой и седой, решили, должно быть, что я ветеран, подскочили, поднесли тюльпаны. Всё, что я видел, волнительно. Нет, нет, люди ещё не совсем скурвились. А ветераны и вовсе хороши. Те, что видел вчера в Оперном и сегодня в парке, – достойные экземпляры.

12 мая

Прикидываю объем работы по казахским биям. Әбе (видно, со слов Мереке) говорил о том, что я переводил биев из сомнительных источников, что, мол, надо найти более серьёзные источники. Я убедился, что Әбе в этом вопросе ничего не смыслит.

Исследовал все имеющиеся источники про Толе, Казыбека и Айтеке и понял, что перевел то, что звучит во всех источниках. Сегодня просмотрел первый том о народном праве казахов, составленный и редактированный академиком Зимановым. И там всё то же. Так что, мнение Әбе по этой части – совсем не аргумент. Эти Klugscheiber, сами ничего не зная, хотели показаться умными передо мной, будто я выдумал эти рассказы о биях, когда я всего-навсего добросовестный переводчик.

14 мая

Позвонила Гульбараш Байтогаева, приглашает на завтра в Дом учёных на 75-летие её покойного мужа Муслима Базарбаева. Покойный в своё время много мне пакостил, организовал кляузу в «Казправду», подписанную им, Шаймерденовым, Бердибаевым и ещё одним доктором наук. Потом отправил эту кляузу в ЦК («Какому народу будет служить герр Бельгер, если он станет депутатом?»). Потом организовал ещё одну «телегу» – 41 подпись накануне Пленума ЦК КПК, препятствуя моему депутатству по списку ЦК. Потом в Доме учёных у раздевалки на глазах толпы с гневом и яростью налетел на меня по поводу какой-то моей статьи: «Когда ты перестанешь издеваться над казахами?!» Правда, позже в машине, в присутствии Кабдолова и Нурпеисова попросил прощения: «В то время ситуация была ведь другая»... А вскоре умер...

Бог с ним, такая была ершистая натура, ему всё чудилось, что я недостаточно почтителен к казахам. А жена его – симпатичный, тактичный, деликатный человек. И если давление позволит, ради неё могу и пойти.

16 мая

Чувствую усталость. И ловлю себя на том, что мне совсем не хочется ни встречи со студентами, ни интервью по TV и радио, ни публичных выступлений, ни тоев и поминок. Хочется тишины и возможности заниматься тем, что душе угодно. Читать, писать в своё удовольствие без понуканий и какого-то общественного долга. А меня всё дёргают...

21 мая

В душе раздрай и не совсем ясна причина. Может, из-за нового гольф-клуба в Астане... Все казахстанские газеты пишут, как здорово отличились астанинские гольфисты. Всё у нас решено. Осталось в гольф играть.

25 мая

На вечерней прогулке встретился Эрвин Госсен. Весь в черном, одетый не по алматинской погоде. Оказалось, сегодня же садится на поезд, едет в Астану, на вторник намечена встреча с Назарбаевым. Оттуда едет в Кокшетау на совещание. Подробно рассказал о тех вопросах, которые он намерен ставить перед Президентом: о хлебе, о земле, о лесе, о зонах отдыха, о зерновом хозяйстве. Есть ему что сказать. И планы его серьёзные. Вот казахстанский патриот! Молодец!

31 мая

Из газет узнал, что умер акад. Александр Панченко. На 66-м году жизни. Мощный был учёный – сподвижник, соратник Л. Гумилёва и Дм. Лихачёва. А ещё раньше скончался Ю. Соломин. Культура чахнет на корню.

3 июня

На вечерней прогулке встретился с Сериком Аспандияровым (сыном историка Биляла). Он хотел бы издать труды отца (умер в 1958 году), но есть препятствия и нужны деньги. Писем и обещаний много, а толку нет.

Прибывают на саммит руководители 16 государств. Кое-кто уже появился. Над городом кружатся военные вертолёты. Улицы перекрыты. Вечером ждут Путина.

Вечером уже в который раз принялся читать прозу Пастернака. Не «греет» она меня. Читаю и бросаю. Кончаю тем, что перечитываю предисловие Лихачёва. Не знаю, в чём дело. Мне кажется, мало жизни, реальности, всё умозрительно, много книжности и разных выкрутасов. Видно, я не дорос до такой прозы. Слишком утончённо. Как же? Поэт, прозаик, эстет, философ, музыкант, художник. А я аульный бала, воспитанный в казахской ментальности. Всё же кое-что осилю. Хотя бы «Охранную грамоту».

4 июня

Утром открылся саммит СВДА. Толково и убедительно говорил Назарбаев. Приехали президенты и высокие чины из 16 стран. Было много наблюдателей. Освещали саммит почти 500 журналистов. Что ни говори, дело серьёзное. И я рад за Казахстан. Такое мероприятие далеко не всем по плечу. Подробности не знаю. Правоохранники работали крепко. Все дороги перекрыты. Вертолёты кружили весь день над центром.

9 июня

Встретился, наконец, с вундеркиндом Азатом Абдуллаевым. Мальчик хороший, даровитый, смышленый. Ему 9 лет, закончил восьмой класс. В очках. Один глаз +5, другой +4. Несколько скованный, явно задавленный. Мать (Салима) из рода Жакаим. Приятная женщина. Отец – адаевец. 16 лет как инвалид. 54 года. Был под шофе. Говорил всякую чушь. Шумлив, хвастлив. Явно эксплуатирует своё талантливое чадо. Боюсь, испортит. Мальчику нужна другая среда. И надо бы избавить его от тягостного чувства вундеркиндства, избранности и того, что принял его и обласкал некогда Назарбаев. Ценить божий дар казахи не умеют или умеют плохо. Я о том постоянно говорю и пишу. Это не евреи и даже не немцы. Осталось от этой встречи двойственное впечатление. Жаль мальчика. К 13 годам вундеркиндство его окончательно пройдёт, а чувство досады и неудовлетворённого тщеславия останется навсегда.

14 июня

Смотрел матч «Россия –Бельгия». Футбол – не русская игра. И нечего соваться. В конце малость проснулись, навалились всей гурьбой, но было поздно. Со счётом 2:3 Россия проиграла и вылетела. Весь тренерский состав подал в отставку. Как поступят московские фанаты – Бог весть.

Немцы, думаю, до 1/4 финала дойдут. Играют тяжеловесно и грубовато. Есть воля, мужество, упорство, но не хватает изящества, артистизма, собственно, игры.

24 июня

Под дождём ждал меня Калмухан. Он занёс свою книжку «Берлин. Абайштрассе». Обмыли. Часа два я листал книжку. Написано всё честно, правдиво. И всё – сущая правда. Все мытарства, весь долгий путь к «Абайштрассе» в Берлине поведаны обстоятельно, подробно. Документалист Калмухан толковый.

27 июня

Позвонил Кадыр Мырза. Ему, оказывается, Кушербаев выделил в Уральске квартиру. Там он чувствует себя очень хорошо. Живёт месяц-другой там, потом в Алматы. Хорошо устроился. У меня, конечно, таких благодетелей нет. Все же не совсем казах. И ни к какому жузу не отношусь. Но жаловаться грех. Вполне доволен тем, что есть. На большее рассчитывать не могу. Да и не нужно. Издавали бы только мои рукописи.

6 июля

Встретился на прогулке с Бибигуль Тулегеновой. Мило поговорили. Вышли на квартирный вопрос. Она сообщила, что за нынешнюю её квартиру дают 160 тыс. долларов. Я в шутку предложил ей перейти в новый «элитстрой» рядом с нами. «Ой, откуда такие деньги?!» – воскликнула прославленная певица. «Да, чтобы раздобыть двести тысяч долларов, Вам нужно петь ещё 50 лет», – согласился я. «Это так... А потом на ремонт нужно ещё 20 тысяч». «А потому оставайтесь в том доме, где живёте. Хороший ведь дом». «Пожалуй, так будет верно».

Ещё о том, о сём покалякали. Милая, простая женщина. Без спеси. И в общении проста. Беседовал я с ней на ходу и до этого не раз. От неё исходит свет.

9 июля

Утром был Шота В. Забрал немецкие тексты своей клятвы. «После 70-ти надо торопиться», – говорит. Расстояние до роковой черты слишком сократилось. «Да, годы летят», – говорит постоянно с грустью. Вечером он попросил записать его коронную фразу: «Моя судьба определена на генетическом уровне. Я ею доволен».

Он чингизид. Он может так сказать. Я, простой смертный, так сказать не могу.

10 июля

Неожиданно зашёл Әбе, принёс свой роман, изданный в Москве. Оформление аляповатое. Под скверный азиатский стиль. И шрифт мелкий. Но хорошая бумага, 10 тыс. тираж. Послесловие Анастасьева. Переводчики указаны – Бельгер и Ким. Но в послесловии я назван Геннадием. На 68-м году перекрестили.

11 июля

Позвонил и тут же зашёл Шота. «Посмотри немецкий текст». «Ох, князь, нарушаешь мой график. Я должен идти на прогулку». «Нечего бесцельно шляться. Нужно гулять осмысленно. Пошли ко мне».

Что ж... Пошли в его офис – благо через дорогу. Уже в приёмной распорядился, чтобы принесли чай. «Не, не... не нужно. Я тороплюсь», – говорю. «Так я буду пить!»

Сели. Я выверил немецкий текст его клятвы. Поправил «ꝑ» и умлауты.

«Подожди. Послушай мои стихи. По мотивам Омара Хайама». Прочёл. Очень даже прилично и проникновенно. «Подожди. В приёмной сидит композитор, написавший на эти стихи музыку». Кажется, он назвал его Муратбеком или Муратханом. Зашёл композитор, взял домбру, сыграл зачин и спел свою песню на стихи Шоты. Спел прочувствованно... Я похвалил стихи и песню. «Подожди. Сначала я покажу тебе один проект». Подвёл к двум изящным макетам мемориального памятника жертвам репрессий и голода в Казахстане. Один вариант мне особенно понравился, о чём я и сказал. «Вот теперь можно пить чай».

Шота говорит: «Идей много. Задумок много. Умереть некогда. А время жмёт. Я ещё хочу издать альбом своих работ. Ещё издать надо книгу «Автографы». Ещё... ой, дел много».

Молодец, Шота! Горит в работе. Полон замыслов. Постоянно подчёркивает, что надо торопиться.

13 июля

Отправился с Раей в парк, походили, подышали. Зашли в церковь. Рая ставила свечи. Я наблюдал за обрядом крещения, причастия. Смотрел на посетителей. Сидел, подумал, вспомнил Суппеса, расписавшего церковь. Я человек нерелигиозный, неверующий. К религии отношусь уважительно, как к форме культуры. Но театральщина мне претит. Однако торжественность храма вызывает отклик в душе. Архитектура церкви в парке меня всегда поражала. Я помню, когда здесь располагался исторический музей.

16 июля

Вечером дочитал воспоминания Тамары Ивановны Ивановой. Великолепно! Какие люди, какие судьбы! Как они общались, как тянулись друг к другу. Удивительное писательское братство. Сейчас подобные связи ушли, истаяли. Нет такого духовного родства. Благородные, высоко духовные, одарённые люди, честно служившие искусству, боготворившие его. За последние месяцы прочитал Панаеву, Панаева, Иванову, будто в другой мир окунулся, душой очистился.

17 июля

Утром встретился возле Чокана с Головинским, Валерием, Ермеком и звукооператором. Они меня снимали мин. 17 для фильма о Калтае. Что-то, конечно, используют – пусть минут две. Из казахстанцев они записали Абиша, Азербайжана, Жумабаева и меня. Из «иностранцев» – Чингиза, Давида, Расула, Мустая. Так что я попал в хорошую компанию.

2 августа

Назарбаев после отдыха приступил к работе. Заявил, что земля будет продана непременно. Только продав землю, можно, мол, достичь благоденствия.

Ой, ли!.. Мне судить трудно, но, кажется, по казахам это будет сильный удар. Но Назарбаев, видно, знает то, что мы не знаем.

23 августа

В акимате подсчитали: если в Алматы будет землетрясение в 7,5 балла, то погибнет 380 тыс. человек, 120 тыс. получат тяжёлые травмы, а 500 тыс. останется без крова. И о том пишут газеты.

30 августа

Из «Жас алаша» узнал, что ДД тоже издаёт 13 томов своих сочинений. Таким образом он обогнал Абиша и догнал Магауина. То есть, сравнялся с ним. В его понимании теперь два первых писателя в Казахстане ДД и ММ. Теперь жигиты устроят соревнование, кто больше на юбилеях получат подарков – сколько машин и чапанов. О, Алла... какое убожество!

3 сентября

Позвонила министр Шамша Беркимбаева: сообщила, что выполнила нашу просьбу, подписала приказ о зачислении сестры Ляззат Асановой.

На прогулке встретился с Акмарал Хайдаровной – симпатичная, моложавая, приятная во всех отношениях наша парижанка. Малость поговорили.

4 сентября

И всё я думаю: где мне печататься постоянно? «СолДат» – газета кажегельдинская (так говорят); «Финансы. Рынки» – аблязовская; «Время» – рахатовская; «Караван» – кулибаевская. И у других есть свои хозяева. Остается, «Казправда», «Мысль», «Вечёрка» – но кто их читает? Малотиражные «Простор», «Нива»?.. «Қазақ әдебиеті», «Ана тілі» и т.д. читают лишь редкие казахи. Печататься в «DAZ» вообще никакого смысла. Что же получается? Вообще бросать писать? Или писать только книги?

9 сентября

В «СолДате» большая статья об интеллигенции. Лестные слова сказаны и обо мне. Но... Казахам легче. Они все же «свои». А я, как ни крути, – другого рода-племени. Мне «без оглядки» лезть в сугубо казахские дела неэтично. Я могу лишь говорить приглушенно, деликатно, всегда помня о своём «шестке». В личном плане у меня нет ни к казахам, ни к властям никаких претензий, жалоб или обид. Правда, у меня есть своё гражданское отношение к тому, что происходит, есть свои симпатии и антипатии к тем или иным личностям, но и высказывать их я должен осторожно и взвешенно, памятуя о принципе «Не навреди!», ибо ни стране своей, ни обществу, ни конкретным личностям во власти я зла не желаю. Иногда я всё же забываю, что я немец, совсем уж чувствую себя казахом, и тогда позволяю себе острые суждения, но потом спохватываюсь и говорю себе: «Осторожно, бала. Ты ведь не в Германии... Посмотри на шанрак!»

Конечно, многое в нашем обществе меня волнует и настораживает, и молчать литератору не пристало (к сожалению, тотальным молчанием промышляют многие наши писатели), и всё же приходится проявлять благоразумие и осторожность, дабы не множить агрессию, которая, по моим наблюдениям, и так катастрофически растёт в нашем обществе с каждым днём. Иногда я думаю: может, и мои друзья-казахи рассуждают так же. Всё видят, всё слышат, а помалкивают, отсиживаются, выжидают. А зло между тем ликует, правит бал, дьявольски похихикивают, цинично плюёт на умников-разумников и элементарную порядочность. И гоголи и щедрины воды в рот набрали. И «зиялы қауым» отсиживаются в каморках-закутках. И всего чего-то ждут. Вот вам и «с кем вы, мастера культуры?» Да ни с кем «мастера». Или на всё махнули рукой. Или торгуют честью и совестью, по-мелкому подличая и угождая. Ни сном, ни духом не ведают, что такая «позиция» обернётся против них же, против их детей и внуков.

Ай, что тут говорить... Разговор, как говорит мой отец, в пользу бедных. Кстати, отец мой спросил вчера: «Что же будет дальше?» Я ответил: «Что должно быть, то и будет. А что будет, то уже было».

15 сентября

Звонил Мурат А. Коротко сообщил об Иссык-кульской встрече, об идее Академии Средней Азии, о некоторых совместных планах фондов Сороса Кыргызстана и Казахстана.

Ещё Мурат сообщил о звонке Әбе, что тот попросил извинение, ссылался на своё аульное воспитание («в песках выросли»), просил забрать заявление назад, предлагал поехать в Македонию и т.д. Ну, Мурат и смягчился перед аксакалом. Ему его уже жалко. И Мурат – интеллигентный, мягкий, деликатный – попался на простую удочку. Вот на эту тему мы и поговорили. В одном полностью сошлись: ПЕН-клуб своему назначению не отвечает, авторитета и общественного значения нет, занимается пусканием мыльных пузырей. И у такого ПЕНа будущего нет. К большому сожалению, это так. И в том виноваты и мы, члены исполкома. Плывём безмолвно в фарватере Әбе.

16 сентября

Провели заседание редсовета «Эпоха». Первым выступил я (по аксакальству). Моё выступление было наиболее мягким. После меня выступала Жания Аубакирова – резко, негативно, жёстко. Что-то было спорно, но по самому высокому счёту она права. До начала совета мы с ней минут 15 походили, побеседовали о политике, о беспомощности интеллигентов, безликости писателей и учёных, о времени, о культуре. Жания не только творческая, но и деловая, активная дама. Я к ней ещё по соросовским временам отношусь с большой симпатией. Мягко, но конструктивно, с хорошими идеями выступил Мурат. Андреасян тоже выступил негативно, критично. Этой линии в основном придерживалась и Ерофеева, и Байменов, и Жандосов. Особенно суров был Болат Абилов. Он прямо заявил, что газетой не доволен, дизайнера необходимо немедленно уволить, половину сотрудников разогнать, время, мол, рыночное, газета коммерческая, содержание провальное и т.д. Решили менять дизайн, обострить содержание, убрать список редсовета, углубить аналитичность, убрать телепрограмму и пр.

Тройка акжоловцев произвела приятное впечатление. Себя я в этой компании почувствовал старым и туповатым. Так себе, аксакальская серость.

Днём неожиданно позвонил Нурпеисов. Говорил спокойно и доброжелательно. Спросил о моём здоровье. Хотел, чтобы я поехал на Медеу на обсуждение «Таң-Шолпан». Рассказал, как всё задумано. В конце сентября якобы состоится встреча с москвичами (Ким, Аннинский, кто-то из «Октября» и «ЛГ») по линии ПЕН-клуба. Встреча состоится якобы в Уральске, оттуда участники едут в Омск и Петропавловск. Всё Әбе красочно обрисовал, заметив, что на «Дружбу народов» он махнул рукой. Выразил сожаление, что я не могу участвовать. В общем, получился нормальный разговор без упреков, запальчивости и выкрутасов. Даже похвалил Әбе мою статью в «Ана тілі».

20 сентября

Захлестнул меня океан чтива. Мне необходимо прочитать пять-шесть книг. О некоторых желательно что-то сказать. А сегодня выяснилось, что я всё ещё (восьмой год) член Комиссии по госпремиям, а потому привезли ещё 10 книг соискателей, а привезут ещё штук 8. А тут навалились около двадцати газет. Когда я разгребу эту кучу? И когда буду писать? Сегодня читал часов шесть. Кошмар!

23 сентября

Посмотрел четыре книжки, выдвинутые на Госпремию. Они напоминают мне сон Аблай-хана. Львы превратились в волков, волки в лисиц, лисицы в зайцев, зайцы в мышей, мыши в лягушек и муравьёв. Всё измельчало. Скоро будем давать госпремию по литературе постовому милиционеру.

29 сентября

Звонил из Германии какой-то мужик и сообщил, что от нечего делать он тоже пишет и написал две книги. То ли Диккес, то ли Иккес. А поскольку он пишет о казахах, то нельзя ли его перести на казахский язык. Это «от нечего делать» меня так возмутило, что я обошелся с ним весьма сухо. Он, кажется, этого не ожидал. А сказал я: «От нечего делать писать не стоит». Мол, от нечего делать допустимо лишь сексом заниматься.

3 октября

Часа три Нурпеисов был у меня. Я отдал ему книги, газеты, кое-что показал. Он обстоятельно говорил о своих заботах и волнениях, о журнале, о ПЕН-клубе, о Назарбаеве (он убеждён, что Назарбаев очень много сделал для казахов и заменить его некем, что разные сулейменовы в два счёта разбазарят Казахстан, что пока правит Казахстаном Назарбаев, казахи имеют шанс укрепить своё государство). Об этом он говорил долго, убеждённо, и чувствовалось, что об этом он говорит и думает не впервые. Пространно говорил он и о том, кто сколько ему дал на строительство и обустройство дачи, квартирный ремонт, лечение, поездки и т.д. Всех перечислил, от кого сколько получил. Прозвучал длинный ряд известных фамилий. И всё равно проблем много. Не ладится с ПЕНовским кафе, со здоровьем детей, нужно провести подписку журнала, то, сё. Говорил Әбе от души, без утайки. И я думаю, во многом он был искренен.

5 октября

В «Экспресс К» Наум Шафер сильно разоблачает, не называя (но очень прозрачно) Жовтиса Александра Лазаревича. Шафер считает, что он спас Жовтиса от тюрьмы, а Жовтис не мог ему простить, что в его доме был обыск. И пока Шафер «травился баландой» в тюрьме, Жовтис защитил докторскую и играл роль великомученика. Так пишет Шафер.

Очень недоволен собой из-за того, что читаю всякую дребедень, являясь членом Комиссии по госпремиям. Надо уходить оттуда. Хватит! Надо мной смеются Кант, Гёте, Манн. А я читаю – о, господи! – Толмачёва.

12 октября

Нобелевским лауреатом по литературе стал венгерский писатель Имре Кертеш. До сегодняшнего дня я и имени такого не знал.

В «Известиях» интервью с Олжасом и пять его фотографий. Подали мощно. Ну, а мысли в общем-то известные, олжасовские.

14 октября

Читал в «ЛГ» Вальзера «Смерть критика». Еврейский вопрос в Германии поставлен совершенно по-дурацки.

Вечером обрадовала Евгения Доцук. Сказала: «Ваш материал берём. Пишите и впредь». Почему-то я думал, что отвергнет. А она была очень любезна.

19 октября

Утром в 7.00 позвонил Нурпеисов из Атырау. Оказывается, вчера на банкете сидел рядом с Дильдой Матайкызы. Зашёл разговор о моём переводе. 8 ноября Дильда-апа будет в Алматы. Әбе считает, что я должен к этому времени подготовить компьютер-

ный набор рукописи и вручить ей. Әбе намекнул автору и об оплате. Но назвал сумму, которая, на мой взгляд, явно завышена. Меня Әбе строго предупредил: «О том разговора не заводи. Зачем? Эта сумма для них ничего не значит. Один из сыновей бизнесмен, другой – премьер-министр…». Меня такая постановка смущает.

22 октября

Вечером неожиданно позвонила Альбина из Ташкента и сообщила, что с отцом худо. Инсульт. Лежит. Вызывали дважды «Скорую». Сказали, готовиться к худшему.

Я похолодел. Сердце обмерло. Давление тотчас подскочило. Стал лихорадочно соображать, что и как. Вспомнил имена, телефоны. Прикинул с Раей маршрут. Если что, надо ехать. Самолётом не могу. Поездом до Шымкента. Оттуда на автобусе, такси. Доберусь ли? Но что делать?

Позвонил Эльме. Обговорили кое-какие детали. Весь взбаламучен. Одно утешение: в Ташкенте есть люди, которые всё организуют. Место возле матери якобы тоже не будет проблемой.

27 октября

…Позвонил Әбе. Я сказал: «На душе тревога» «Ну, что тут поделаешь? Возраст. Если что случится, скажи мне: я поеду с тобой». «Не надо, Әбе. Сами управимся. Если шымкентские власти встретят на машине и довезут до границы, то больше ничего и не надо». «Как бы там ни было, поставь меня в известность…»

29 октября

Позвонил из Петропавловска Ғалым Кадралин, сообщил, что школа ждёт нас (меня, Салима, Хамита, Жарасбая, Шалова) на юбилей, моя статья, мол, опубликована в «Навигаторе» (районная газета) и в областной газете на казахском языке. Возможно, опубликуют и русский вариант. Сам Галым написал историю школы и издал книжку. Есть, дескать, главка и обо мне.

1 ноября

Сейчас 16.35. Десять минут назад позвонила Эльма. Отец скончался. Весть подкосила меня. Голова кругом…

6 ноября

…Из Ташкента через Шымкент вернулся 5 ноября.

Когда мы добрались к обеду, отец уже был убран, лежал в гробу, стояли венки. Всем руководили отец и сын Карапетяны. Земля была готова, могилу должны были копать на другой день – в воскресенье.

Я несколько раз в одиночестве посидел у отцовского гроба, простился с ним, многое вспомнил.

Вечером показали заветный отцовский чемоданчик. Там были сложены его значки, медали, удостоверения, партбилет, юбилейные монеты, будильничек, 40 тысяч сомов, 400 долларов, ещё какая-то мелочёвка, бумажки, сверху лежала моя книжка «За шестью перевалами». Всё это я попросил Эльму тщательно беречь.

Вынос тела был назначен на 12.40 местного. Гроб поставили на углу улицы, провели прощальный митинг. Выступила партактивистка Надежда Ефимовна Бабак, ска-

зала добрые справедливые слова; потом произнёс речь Владимир Степанович Хван, сослуживец отца по Хамзинскому райкому партии (накануне был Файзиев Шавкат Мурадович), были люди из махалли.

В 13.00 тронулись в путь: «Газель» с гробом и близкими людьми, автобус и машина Игоря. Когда подъехали, копачи ещё долбили твёрдую, как цемент, землю рядом с могилой мамы.

Продолжили траурный митинг у гроба. Выступил я, добавила Рая. Заколотили гроб (забивал Толя Машуров). Минут через пять была готова и могила. Опустили гроб. Я бросил три горсти узбекской земли. Быстро засыпали могилу.

Трубач в пронзительной тишине сыграл несколько печальных мелодий. Это было неожиданно и волнительно. Кладбищенская тишина и скорбная медь трубача. Положили венки, цветы. Смели землю с надгробья матери. Венки от детей и внуков, от семьи Карапетян.

Сели по машинам, автобусам. Так завершился круг жизни моего отца. Долгий и, в общем-то, славный путь. Много случайного, жалкого было к концу жизни. После смерти матери дух благородства покинул наш двор. Некоторое время ещё Альма изо всех сил старалась что-то поддерживать, потом всё пошло по наклонной и всё стало чужим. 32 года жизни на Волге, 30 – в Казахстане, 31 – в Узбекистане.

Усадьба, дом – всё захламлено, запущено. Везде бестолковость. И навести порядок Эльма не в силах. Она сама заметно постарела, выглядит плохо и тоже болеет. Словом, очень печально. Что дальше? И думать боязно.

Альмина мебель, книги, ковры-паласы – всё на месте. И на письменном столе всё лежит, как три года назад. С уходом отца кончилась для нашего клана целая эпоха.

Теперь старший я. Старый, хворый, дохлый.

...Один из первых позвонил Әбе; через ПЕН-клуб прислал питание, потом сам приехал, всё выслушал, расспросил, дал советы, проявил заботу.

...Әбе прочитал моё «Казахское слово», тепло отозвался («Ай да Гера!»), сказал, что будет о том говорить и Президенту, и Тасмагамбетову.

19 ноября

Позвонил в Астану по просьбе Әбе.

Он сообщил, что вчера у него был Тасмагамбетов и ему Әбе сказал об осенившей его идее: дескать, если я умру раньше него, то он поставит мне на могилу плиту из чёрного мрамора с рисунком – скрещенные, сплетённые крест и полумесяц. Как? Сам Әбе очень доволен своей придумкой. «Как?» – спросил он. «Пойдёт!» – ответил я. «Тасмагамбетову я о том сказал», – сообщил Әбе.

20 ноября

После обеда в АН, в Институте литературы и искусства, Лариса Михайловна Бабкина защитила диссертацию о моём творчестве. Меня члены Учёного Совета расхвалили до небес. «Начинается бельгероведение», – заметил акад. Заки Ахметов. Крепко выступил Кабдолов. Поддержал Жумагали. Дополнил Бадиков. Словом, я был именинник. И на банкете было сказано много высоких слов. Вёл банкет (озорно, блистательно, в рифму) Бекен Ибраимов. Теплая была атмосфера. Я сказал: «Получил большую порцию любви». Защита прошла единодушно. Все 17 членов проголосовали «За». Лариса Михайловна стала кандидатом... Рад тому, что выдержал нагрузку.

Второй день меня неумеренно хвалят. В «Известиях» статья Ермека Турсынова, где он «Эверестами нашего времени» называет – «Чингиз, Мустай, Абиш, Давид, Расул, Герольд, Морис» (в качестве друзей Калтая). Все названные имена, может, и Эвересты, но я-то о себе хорошо знаю... Хвальба лишь тогда, может, и приятна, когда она хоть в какой-то степени соответствует истине. Иначе это просто смешно и неловко. Излишняя хвальба, как и незаработанные деньги, радости не составляет.

22 ноября

Утром, отправляясь на почту, заглянул по пути к Шоте, чтобы передать ему перевод письма его немецкого коллеги Коха. Было 10 утра. Шота, водрузив на нос очки, уткнулся в бумаги. Был он сосредоточен. «Душно у тебя», – заметил я. «У меня же памятники древности. – ответил он. – Пахнет пылью старины».

Я сказал, что спешу, бросил на стол текст перевода. «Садись! – сказал он. – Не спеши. Никак не берешь в толк, что пришёл к ханскому отпрыску».

Я присел, он начал читать свои стихи. Вполне зрелые, приличные. «Я хочу издать книгу стихов. В 70 лет, думаю, имею право. Не обязательно, как Туманбай, издать тридцать книг, можно ведь, как Абай, издать и одну книгу».

Потом он проводил меня, сказав своему помощнику: «Утром проветривай кабинет. К приходу Геры. А то ему наш воздух не понравился».

А вечером, уже в 11 часов, позвонила из Атырау Дильда-апа. Очень похвалила мой перевод, сказала немало ласковых слов в мой адрес, разрешила предложить перевод, куда считаю нужным. Приятный получился разговор, и я обрадовался. «Труд ваш будет достойный оплачен», – сказала она. «Уже оплачен», – ответил я.

Может, предложить перевод «Простору»?..

28 ноября

...Әбе вскоре заехал, привёз книгу «Махамбет» с предисловием Тасмагамбетова в переводе неизвестного мне Бекета Карашина. Чувствуется, Әбе книга понравилась. И он с явным удовольствием прочёл два-три перевода. На слух и впрямь хорошие, напористые, энергичные. Да и лексически адекватные. Решили несколько переводов взять в «Таң-Шолпан». Әбе просит подсократить предисловие Тасмагамбетова и написать ещё одно – очень короткое – мне.

Оглушили чёрной вестью Хамит Биржанов. В Москве, готовясь лететь домой, скончался Анатолий Фёдорович Шалов. Кто бы ожидал! Всего 20 дней назад он был у меня дома, сидел в кабинете, потом – в зале. Я ему подарил две свои книжки, подписав: «Казаху из Коктерека от казаха из Ленина». Он ещё напомнил, что в следующем году у него юбилей – 80 лет. Так мило, хорошо всё было. И был он в последнее время очень активен. То в Астану летел, то в Москву. А после двух инфарктов летать ему нельзя было вообще. И он это знал. Сам говорил. И вот потерял бдительность. В моей судьбе он сыграл огромную роль. Без его помощи в 1954 году неизвестно, как бы всё сложилось. Жена, Эмилия, ещё ничего не знает. Гроб привезут, видно, в понедельник.

1 декабря

Вечером Алимжан (генерал, теперь бизнесмен) и Хама́ (Биржанов) повезли меня в дом Ан. Шалова. Много людей, много знакомых. Ан. Ф. лежал в гробу в своём кабинете. Большеголовый, крупный. В зале, на столике, у входа – две мои книжки с закладкой.

Одну он успел прочесть до половины, другую – на одну треть. Все говорили о моих тёплых надписях. Эмилия Евгеньевна держится достойно. Из-за глухоты говорит громким, деревянным голосом. Стол накрыт по-казахски. Авторитетом и уважением А.Ф. пользовался большим. Большой человек на стене смотрелся как живой. Добрый, широкий, щедродушный русский человек с казахской шлифовкой.

Похороны завтра. Видел сына (точная копия отца), брата Васю (его-то я помню ещё пацаном). Николай (брат) приехать не смог (болен).

2 декабря

...Почувствовал вдруг опустошённость. За зиму при мало-мальском здоровии могу, пожалуй, подготовить две рукописи. Но кто будет издавать? Ну, и третью рукопись могу изрядно продвинуть. И опять-таки издатель кто? Нет издателя – нет стимула. А писать в стол – зачем? Рецензии, статейки клепать? Так я их и так наклепал уйму. А что-нибудь путное вряд ли напишу. Какая-то размагниченность. Может, паузу сделать? А какая ещё пауза, коли тебе 68 лет? Порыться в архивах и упорядочить его? А смысл? Чтобы потом кто-то взял да выбросил?..

10 декабря

Сорок дней, как умер отец. Весь день думаю о нём. В ПЕН-клубе провёл сороковины. Вёл Әбе. Рассказывал интересно и искренне. Человек двадцать поделились воспоминаниями об отце. Я думаю, дух отца был доволен.

Какие же казахи молодцы! Ни один народ с ними не сравнится по высоко гуманному отношению к усопшим. В этом залог нравственного здоровья народа.

Вечером читал Софы С. Вообще-то он крепкий писатель. И язык хорош.

11 декабря

...Завтра с утра Әбе меня забирает в ПЕН-клуб на заседание Исполкома по премиальным вопросам. Речь идёт о присуждении премии Кошуту. И я должен оформить протокол. Ещё намерен Әбе присудить премию Толену и одну на двоих Шерхану и Камалу. Я, разумеется, в принципе не возражаю. На следующий год Әбе планирует Аннинского и Абиша. Тоже верно. Но почему Әбе забывает Симашко? Ведь ему было обещано ещё при жизни и даже публично в Посольстве Израиля... Как-то неловко получается.

16 декабря

Вчера на прогулке встретил Бейбита Мамраева. Он сказал, что из диссертации Бабкиной, расширив, сделают монографию. То же вечером повторила Ананьева. Она же сообщила, что утвердили одну плановую работу в их отделе и написать раздел о немецкой литературе поручено мне. Честно говоря, меня это не особенно греет. Но ведь, кроме меня, в Казахстане это никто не сделает.

Я много читаю, а надо бы больше думать.

18 декабря

...С трудом дотащился до Дома дружбы. Дороги разбиты, машины ползут каракатицей. Узнал утром, что вчера машина сбила Заки Ахметова, и он ночью скончался. Месяц назад я говорил с ним по телефону, а потом были 20 ноября на защите диссертации. Живой, энергичный, полон сил человек был. Я его знал полвека.

Утром 50 человек деятелей культуры и литературы получили госстипендию. И я в том числе. Около 200 тыс. тенге. Хорошая подмога. Можно спокойно работать, не думая о хлебе насущном (при наличии, конечно, пенсии).

20 декабря

Хоронили сегодня Заки Ахметова. Скользко, холодно, но я дотащился до Академии наук, постоял у гроба, простился с хорошим человеком и добрым учёным. К Заки относились доброжелательно все, кого я знаю. Человек был без пакости и зла.

...Олжас получил премию Культегина. Рад за него. Весьма справедливо.

Узнал из «ҚӘ» про 80-летие Нуршаихова. Позвонил, поздравил. Он очень мило воспринял мой звонок. Сказал, что ему очень нравится цифра 20. «В 23 я вернулся из Армии, в 25 женился, в 27 окончил университет, в 29 стал главным редактором областной газеты. Потому не могу сказать, что мне 80. Говорю: мне в четвёртый раз исполнилось 20». Разумеется, всё это он говорил по-казахски. Меня он называл «Айналайын Гера». Вообще я заметил: он милый и добрый человек.

...Из «Известий» узнал, что скончался Грант Матевосян (на год моложе меня) и Котэ Махарадзе (на 8 лет старше). Первого я видел только на съезде СП, но много читал (отменная проза!), а с переводчицей его – Анаит Баяндур и знаком, и даже переписывался. Со вторым никогда не встречался, но много слушал. Шикарный был человек!

Идёт смена поколения. Грант всегда казался старше и мудрее своего возраста. Хорошо о нём написал А. Битов.

22 декабря

На вечерней прогулке неожиданно столкнулся с Олжасом. Он шёл в куртке, шапке, крупнолицый, живоглазый. Меня он приметил первым: «Кто здесь с ёлок снег сбивает?!» Рядом с ним был долговязый, поджарый, татарского обличья мужчина, который был со мной подчёркнуто вежлив. Поговорили о том, о сём. Я поздравил его с премией Культегина. Он сказал: «Чисто символическая». Спросил, что за статью я написал о литераторах. Сказал, что слышит обо мне много похвального.

«Здесь гуляешь каждый день? Рад, рад, я о тебе всегда хорошего мнения».

Видно, и на этом баловне отражаются годы. Мне он показался ниже ростом, погрузневшим. И от него, и от его спутника разило вином. И были оба в благодушно-размягчённом состоянии.

25 декабря

Фельдъегерь завёз новогоднее поздравление от Назарбаева. Неловкость чувствую каждый раз. Ведь он совсем не обязан меня поздравлять, но делает это по-джентльменски. А я поступаю вроде как непорядочно. В смысле отношения ко мне у меня не может быть претензий к Президенту. Ко мне же у него, конечно же, претензии вполне могут быть. Вообще, сложное это дело – контакты с властью.

27 декабря

...С Шотой съездил в Дом дружбы, где провели поминальный обед в честь Снегина, Симашко, Ахмедова, Козыбаева, Сахи Романова. Очень тёплая атмосфера. Выступили Кайсенов, Кайдаров, Султангазин, М. Алиев (его избрали «человеком планеты»), я, Шарманов, Шота, Салим и другие... Особенно внимательно ко мне был Мухтар Алиев.

30 декабря

Имангали Т. прислал шофёра Женю с большой коробкой новогодних подарков. Балуют меня в Казахстане. То Президент поздравляет, то премьер-министр. Имангали одаривает меня подарками. Прямо-таки в традицию превратил. А я ему дарю только книжки. Подписал ему свои книжки: «Казахское слово», «Лик слова», «Абай», «Alex» и два автореферата обо мне. Вниманием его очень тронут. Но как, каким образом мне его отблагодарить? Имангали давно чуток и внимателен ко мне.

31 декабря

...Однако печально: первый новый год, когда я не говорю с отцом. Как бы он обрадовался! Непременно прочёл бы восторженные стишки.

2003

2 января

Уже два-три дня не выходят газеты, и я читаю одновременно две книги – С. Дорженова и Жандаулета («Нұқсан мен құстар»). Первый – толковый, знающий и опытный публицист, читать его и полезно, и поучительно. Пишет жёстко. Вопросы ставит круто. Ко времени, к власти и к современным казахам претензий у него много. И во многом он весьма справедлив. А второй – казахский продолжатель Довлатова. Язык очень скудный. И делает он это нарочито. Даже у героев его вычурные, извращённые имена. Претенциозен. Пишет и по-казахски, и по-русски. Видно, кому-то интересна и такая манера письма. Мне же всё это чуждо. Он вправе называть меня консерватором.

5 января

Сегодня обнаружилось, что мне надобно написать минимум десять рецензий. Для этого мне предстоит прочитать десять книг каждая в среднем по 200 стр. И всё на казахском языке. Когда же мне читать по-русски и по-немецки?

7 января

Вечером ненадолго заехал Әбе. Очень усталый, удручённый.

12 января

Вечером зашёл Дукенбай с режиссёром К. Омаровым. Дукеш получил квартиру, вот-вот устроится на работу. Калила снимает о нём документальный фильм. Хочет, чтобы и я сказал что-то о нём в камеру. Одарил меня Дукенбай 6-ю томами своих сочинений. Ещё семь выйдут в следующем году... Имангали передал с ним приветы. Я же с Д.Д. передал Гундареву 2 экз. «Дебольского».

27 января

...Вчера позвонил Мурат А., а через час – Мұхтар Құл-Мұхаммед из Астаны. Сумашедшая идея: просит написать для ЖЗЛ книгу об Ауэзове. Надо же! Столько знатоков, столько умников, диссертаций и романов (Дукенбай, Турсын, Зейнолла), а предложить

ЖЗЛ ничего путного не могут. Где сонм ауэзоведов?! Я, конечно, отказался: ни сил, ни здоровья, ни времени, а главное – нет способностей, интеллекта, знаний и морального права писать об Ауэзове. Триптих-эссе, что я написал о нём, – это всё, что я могу. А писать биографический роман об Ауэзове – такого Бог мне не дал. О том я и сказал Мурату и Мухтару. Выслушали, повздыхали. Действительно, нет у нас человека, который мог бы об Ауэзове написать достойно. Досадно и стыдно...

Написать об Абае Құл-Мұхаммед хочет попросить Абиша («Хочу ухватиться за подол просторного чапана Абиша»). О Шокае напишет Садыкова. Вероятно, найдутся люди, кто напишет об Абае, Кенесары... А вот об Ауэзове. Құл-Мұхаммед надеялся на Мурата, Мурат – на меня. Мухтар предложил вариант: выкроить что-то удобоваримое из книг Турсына. Я и от этого отказался. И Турсын будет недоволен, и мне не с руки.

31 января

Напряжённый день. Ещё до обеда давление подскочило до 196/91. Еле-еле сбил до 165.

А в пять вечера отправился с Раей в театр Ауэзова на торжественную церемонию вручения премии Тарлан. А сама церемония началась аж в 18.00. За это время от волнения и напряжения опять давление поперло и взбунтовалось сердце. Шатало.

Уйма знакомых – писатели, учёные, артисты, журналисты, музыканты. В номинации «За вклад» по литературе премия досталось мне. По ступенькам с трудом поднялся на сцену («лишь бы не грохнуться!»), что-то проговорил в микрофон. Зал встретил хорошо. Вручил мне премию Асаналы Ашимов. Он же и проводил меня до места с цветами. Потом лауреатов ещё раз чествовали на сцене вместе с меценатами. Вели вечер Жания Аубакирова и Еркен Калиев. Вели хорошо, раскованно, с выдумкой. Потом был фуршет и много поздравлений.

Я вдрызг устал, но волнения мои оправдались. Уже дома малость очухался.

9 февраля

...Назарбаев собирает еврейских раввинов. Бравый чемолганский жигит думает: «Неужели я Машкевича не обкручу?!» Машкевич, шевеля усами, ухмыляется: «Неужели я чемолганского жигита не обмишулю?!» И каждый затевает свой куртыл-муртыл. Каждый себе на уме. А народу-то какое дело до их игры?..

А Назарбаев – молодец! Он из Машкевича выжмет всё, на что тот горазд. Но и Машкевич не из тех, кто свое упустит. В дураках останется только мусульмане и иудеи.

15 февраля

В «Казправде» Вал. Михайлов дал на целую полосу статью о Нурпеисове. Написал тепло, хорошо. Один раз (правда, по пустяшному поводу) назван и я. А о том, что подстрочник «Крови и пота» и одну книгу «Последнего долга» сделал я, ни слова. Несправедливо! Будто Казаков и Ким – знатоки казахского языка. Будто Әбе сам подготовил подстрочный перевод. В этом вопросе Әбе меня постоянно затирает. Ну, Бог с ним! А ведь мне думается: если бы я не положил на это столько пота и крови, столько времени и сил состоялся бы перевод Казакова или нет? Казаков меня не жаловал, ибо мой подстрочник сковывал его, не давал особенно разгуляться, связывал по рукам и ногам, заставлял работать в подлинно нурпеисовских рамках. И Әбе это было необходимо. Иначе и Казаков дал бы себе такую волю, что от трилогии остались бы ножки да рож-

ки. Потому-то он и вопил: «Дайте мне глину. Я художник. Я сам буду лепить!» А мой подстрочник не позволял ему своевольничать, держал его в узде.

Автор могуч и Казаков силён – кто бы спорил! А всё же меня в этом деле со счетов сбрасывать напрасно. С третьей книгой трилогии Казаков работал тяп-ляп. Огромные куски, абзацы, страницы остались в моём переводе. И Лили Дени перевела на французский язык с моего перевода (об этом факте постоянно говорит Владимиров), а не Казакова (имеется в виду третья книга). Но об этом Әбе не любит распространяться. Тянется эта история с 60-х годов, а то, что со мной поступают несправедливо, саднит мою душу и поныне. Для меня Әбе в жизни сделал очень много, и я ему по гроб благодарен за всё, но всё же в этом деле он со мной обошёлся не совсем деликатно.

16 февраля

В газетах много шума о презентациях книги, совещании по миру и согласию, встречах разных конфессий. Слов нет, всё это нужно, актуально. Но уж очень высок элемент шоу. Много пыли пускают в глаза. Много шуму. Точнее: шум превосходит суть. Ставка всё время делается на человеческую глупость. Что поделаешь? Таков стиль времени и временщиков. Нужно всё время казаться, а не быть. Общество с этим уже свыклось. Деградацию воспринимают как естественное течение жизни. А расхлёбывать эту дурную кашу приходится целому поколению. А тут ещё полная неизвестность – катастрофическое приближение войны. Садам, конечно, балда. Но и Буш дуралей. Неужто трудно предвидеть, чем всё это обернётся. Кое-кому война эта, понятно, нужна. Для других она тот же шоу. Ай, плохо, скверно! Человечество не умнеет. Человечество само устремилось к крушению, гибели. Всё это отнюдь не стимулирует работу. И чувствуешь себя беспомощным муравьём.

17 февраля

Задёргали меня ребята с ТВ и радио. Завтра должен быть в прямом эфире по 31 каналу. Послезавтра записываться на Казрадио. А послепослезавтра прямой эфир по «Рахату». Выдержу ли? Хоть бы скорее отвязаться. Меня это просто угнетает. Если одолею, 10 месяцев арканом не затащишь ни на ТВ, ни на радио. Объявлю мораторий.

Был разговор также с Кадыром Мырза-Али. Жить в пятиэтажке ему стало невмоготу. Сердце ослабло, на пятый этаж подниматься тяжело. Потому переехал в старый особнячок за Каменкой на краю земли. «Сплошь заботы о жизни. Мы привычно говорим «жизнь», но муки жизни, думаю, страшнее жизни. Люди этого не понимают. Думают: писать стихи – приятная забава. А я мучаюсь. Зовут туда, приглашают сюда, просят интервью, уговаривают быть в жюри. А в жюри золотое время напрасно теряешь. Идёшь на мероприятие здоровым, возвращаешься больным. А для меня ничего дороже времени нет. Мырзалиевым я стал исключительно благодаря времени. Даже когда я был молод и здоров, избегал всяческие тои. Не стану называть имена, но даже приглашения славных жигитов не принимал. Не ходил и всё. Дорожил временем».

– Новый телефон свой не дашь?

– Запиши. 36-96-25.

– Хорошо. Доживём до 96.

– С одним условием. Чтобы вместе дожить.

– Согласен...

Кадыр – родная душа. Я всего на два месяца старше его. И мы – дети одного времени.

20 февраля

Уф-ф... закончил гастроли. Сегодня до обеда выступил в прямом эфире по программе «Рахат». Обстановка хорошая. Встретили хорошо. Давление было нормальное. И ведущий Ынтымак – симпатичный парень. Беседа протекала естественно, свободно. Руководители студии были довольны. А я больше всего рад тому, что после премии «Тарлан» я выступил два раза по «Южной столице», по «Казахстану-1», по 31-каналу, по «Рахату», мои интервью и статьи обо мне печатались в «Казправде», «НП», «Алтын орде», «Туркестане», «Мегаполисе», «Жас алаше». Так что отработал по полной программе. Теперь надолго отвязался от ТВ. Хватит мельтешить!

9 марта

Неожиданно позвонил Әбе, сообщил (уже после обеда), что в 18.00 – заседание редсовета. Что за спешка? Зеке завтра улетает в Астану, Мереке – в Актобе, сам Әбе – в Москву на 90-летие Михалкова. Братья Михалковы затевают во Дворце съездов грандиозный той. Путин готовит приветствие. А из своих берлог свозят в столицу Расула, Мустая. Будут чествовать правительство и Дума. Әбе отвели место в первом ряду. Банкет на 500 мест. Потом банкет продолжится в СП, где будут вручать подарки юбиляру.

Словом, придётся проводить Совет в воскресенье в 6 вечера. Были Әбе, Зеке, Шеке, Мереке, Куаныш, я, Дулат. Вышел №1 «Таң-Шолпан». Слишком поздно. По этому поводу Әбе и бунтовал. Наезжал на Мереке, но и Мереке дал отпор. Әбе показал свои исправления, как он основательно редактирует. Он всех редактирует вдоль и поперёк, как свой «Кровь и пот». Из всех литераторов он делает Нурпеисова. Зеке сравнил его с Твардовским, считая, что Әбе прав, что он ратует за качество литературы. Не знаю, не знаю... я к таким поправкам отношусь скептически. Эдак Әбе может и Толстого и Шолохова перемарать на свой салтык. Әбе часто улучшает в сторону ухудшения.

13 марта

В «Известиях» прочитал про богослова Андрея Кураева. Своеобразная личность! Я и раньше был наслышан о нём. Я, может, к сожалению, атеист. Веры как таковой у меня нет. Но к религии отношусь уважительно как к части человеческой культуры. Но фундаментализм (любой!) мне глубоко чужд, неприятен. Религию воспринимаю лишь как человеколюбие, как терпимость, толерантность. Воинствующий атеист для меня тот же фундаменталист.

В фатум тоже верю. Считаю, что каждый человек для чего-то нужен, у каждого есть своё предопределение, назначение.

Правда, если он человек, т.е. наделён душой. Двуногий болван, остолоп ещё не есть человек.

15 марта

Был в школе №12. Оказалось, меня пригласили в дискуссионный клуб «Рух». Собрались казахи из разряда униженных и оскорблённых. Действительно, казахский язык нужен только этому слою. И слушать их было тяжко. Расслоение казахов по языковому признаку очень острое. Богатеям родной язык не нужен. Их язык – доллар. А хранители языка – сплошь бедняки. В отчаянии некоторые обвиняют во всех грехах русский язык. Это ужасно неправильно. Враги казахского языка – сами казахи, лишённые национальной гордости и духа. Их много, слишком много. И потому казахский

язык не востребован. Сами казахи, лишённые корней, свой язык и затопчут. Я слушал все выступления в дискуссионном клубе «Рух» – и пожилых, и молодых – с тяжёлым сердцем. Что-то и сам сказал. Слушали внимательно, сочувственно, душевно. А я ушёл в подавленном состоянии. То, что я видел и слышал, оптимизма не внушает. Горько. Печально. Досадно.

18 марта

В «Жас алаше» двойственное впечатление оставила статья Дихана Хамзабекулы «Етектен тартқан Радлов эффектісі». Крупнейшего тюрколога, который целый том посвятил казахскому фольклору, упрекают в том, что он недостаточно радел за казахов, что он-де противопоставлял их исламу и о казахах писал с позиций русского имперства. Мне почему-то всегда казалось, что заслуги Радлова перед казахами велики. Увы, и в нём находят изъяны. Тогда кто казахам хорош? И мне подумалось: а ведь непременно найдётся такой, кто и меня обвинит в недостаточной казахскости. Найдут, что в начале 90-х я недостаточно рьяно радел за государственный язык, а позже отрицательно отозвался о современном айтысе. И раздуют мои «грехи» до уровня казахского врага. О, Аллах, кто же тогда друг? А ведь казахи часто не отличали друзей от врагов. И в этом их серьёзная беда. Е-е... да ладно. Что о том думать? Надо руководствоваться подсказкой доброго и искреннего сердца, а всё остальное приложится.

24 марта

Саддам Хусейн – наглый, хамовитый диктатор, Буш – агрессор. Народ – жертва.

В приходе Гитлера к власти советские немцы никакой роли не играли. А страдали за него невинно. Подавляющее большинство иракцев не могут ответить за злодеяния Саддама. А придётся. Буш борется за мир и демократию во всем мире войной, т.е. насилием, проливая кровь, сея горе. Творится безумие, а жертва – невинный народ.

И как изменить этот миропорядок? К чему ООН и всё прочее? К чему демонстрации и митинги, если сильные «задницей крутят жернов»?

А тут ещё наши депутаты приняли втихомолку, под шумок, по-воровски закон о земле в первом чтении. Это давно следовало ожидать, ибо землю наши благодетели втихаря давным-давно продали и между собой поделили, оставив потомков с носом и по сути без будущего. Выходит, казахи во власти, казахи-шкурники обрекли на смерть большинство казахов-бедняков. Лишённый земли казах – уже не казах, а батрак у горе-казахов. И я, немец, могу лишь это с сердечной болью констатировать.

Вообще я свидетель того, как казахи катастрофически теряют всё святое – обычаи, нравы, язык, культуру, самобытность, дух предков и даже родную землю. И противостоять этому крушению могут только казахи истинные, а таковых всё меньше и меньше.

25 марта. Вторник.

В акимате была презентация фильма «Скажи, кто твой друг...» Народу было много. Главным образом, киношники, актёры, режиссёры, писатели, журналисты, преподаватели. Почти все знакомые. Фильм о Калтае. О нём в фильме говорят Мустай, Расул, Абиш, Чингиз, Давид, Волчек, Азербайджан – и я попал в эту компанию. Фильм хороший – и режиссура, и операторская работа, и закадровый текст, и добрая аура. О том и сказал хорошо партизан Касым Кайсенов. И Храпунов. И Фарида. И я сказал несколько слов. Потом был фуршет. И получился милый, добрый, коммуникабельный вечер.

28 марта

...«Азаттық» рассказал об участившихся случаях продажи детей в Узбекистане. Ещё о том, что узбеки снова переводят своих детей из узбекских школ в русскую...

А о шумно разрекламированном айтысе в Астане прозвучало по «Азаттық» резкое мнение о продажности дворцовых шаиров, о безудержном восхвалении «ханов», об узости их мировоззрения и тематики. Словом, сказали то, что я уже два года назад говорил. Но для некоторых господ айтыс – чистый бизнес...

29 марта

Утром позвонил, потом приехал Әбе. Жалуется на давление. Чувствуется, что устал. «К жизни охладел. Часто думаю о смерти. Многое в жизни ничем уж не привлекает». Я ему показал последние номера журнала «Евразия». Видит в первый раз. Спрашивает: Что за газета «Мегаполис»? «Никогда не видел». Прочёл ему песенку про Даригу, опубликованную в газете. Посмеялся. «Такое можно напечатать только в СолДате». В «СолДате» и опубликовано. «Ты написал?» «Ну, куда мне?!»

Поговорил о «ЛГ». Әбе заинтересовала еврейско-русская возня в СМИ. «Ай, они, думаю, никогда не помирятся...»

Забрал №4 «Евразии» и пошёл на наурыз-той Академии образования. Был благодушно настроен.

Әбе тоже отрицательно относится к современному айтысу, считая это глупостью. На районном уровне это ещё можно... Я вспомнил мнение Мусрепова: «Современный айтыс – говно» (со слов Амена Азиева).

30 марта. Воскресение

Звонил Әбе. Снова заговорил о содержании «ЛГ», сообщил, что Басинский прислал статью – острую, резкую. Хочет опубликовать. Но, может быть, предоставить страницы журнала и противной стороне? Я сказал: противная сторона столь противна, что ей ничего предлагать не надо. «Ах, так?!» «Да точно так!»

5 апреля

...Шум подняли академики по поводу книги Сулеева, в которой Абай трактуется как кришнаит. Я о том давно писал, об этой глупости, так не прислушались. А теперь кричат: «Ойбай!»

15 апреля

В «Казправде» прочёл двухполосный материал, озаглавленный «Философские беседы»: шесть евразийцев плюс Назарбаев пространно рассуждают об Евразийском союзе. Назарбаев как политик рассуждает конкретно, практически, без философии. Элементы философии встречаются лишь у Панарина и Дугина. В конце, правда, всё смазано: то ли будет, то ли нет. А если и будет, то, может, при следующем поколении.

18 апреля

По «Азаттық» о земле на казахском языке выступили я, Асыналы, Надиров, Мустафа, Гунашев, т.е. немец, азербайджанка, курд, турок, чеченец. И все в одну струю: землю продавать нельзя. Получается: инородцы спасают казахскую землю, а казахи ею торгуют. Скверно!

23 апреля

Большая радость: вечером Шарбану Бейсенова выполнила своё обещание и занесла мне пять экземпляров моего долгожданного романа. Написал я его три года назад, столько же времени он скитался по редакциям и издательствам, и вот увидел свет мой «Дом странника». Издали опрятно. Я немного полистал, всё на месте, бережно отнеслись, редактор Мария Абдрахманова проявила чуткость. Объём оказался 21 п.л., а не 18-ть, как я полагал... Конечно, очень рад. Я в этом романе вроде что-то сказал. Именно то, что я должен был сказать.

25 апреля

Құл-Мұхаммед провёл в Доме дружбы совещание. Собралось около 20 переводчиков – от 60 до 75 лет. Молодых нет. А планы громадьё: 100 (!) томов русской прозы, 100(!) томов зарубежной прозы, 100 (!) томов нобелевских лауреатов, 100 (!) томов общественно-философской мысли. Смешно! Кто переведёт? И кто будет читать? По двадцать томов – и то непосильно. Но такова казахская ментальность. Уж если упасть так с верблюда. Уж если петь, то на всю степь. Уж если замахнуться, то дубиной.

Благую цель я понимаю. И романтизм вопроса понимаю. Но – увы! – не реально всё это. Так – большой замах.

Слушать, однако, всё это приятно. И министр говорил убедительно. Только выстрел-то холостой.

26 апреля

В «Жас алаше» большая статья Сакена Ж. о фильме «Кочевники». С самого начала всё пошло косо-криво, сикось-накось. А жаль! Я сценарий Ибрагимбекова не видел, но по статьям Акселеу, Кабдеша, Сакена видно, что «оскароносец» напортачил много. И вообще в этом вопросе казахских литераторов обидели. Уж сценарий написать на эту тему есть кому. Казахи всегда приносят себя в жертву ради других. И что получится? Получится голливудская дребедень. Сплошные трюки, кровь рекой, рубка голов... Досадно: столько денег ухлопают впустую. Получится пшик. Или нечто похожее на английского «Онегина», в котором анекдот на анекдоте, глупость на глупости.

Приглядываюсь, прислушиваюсь к тому, что творится вокруг. Ощущение зыбкости, нехорошего затишья, тревоги. В структуре власти неизбежны крутые перемены. Народу вся эта свистопляска надоела. Невозможно без конца всё строить на показухе.

29 апреля

...А после обеда встретился с Сейдахметом Куттыкадамом. Вручил он мне свой фолиант – 40 п.л. – «Миражи и реалии» и поделился своими сокровенными планами. Намерен писать художественную прозу (ему 57 лет). Журналист он сильный, и голова крепкая, и вообще способный, серьёзный человек. Не знаю, как пойдут у него дела на этой стезе. Но я его поддержал. Если не получится, он готов расстаться с этой затеей.

И ещё он надумал вступить в ПЕН-клуб. И Әбе предлагал ему это не раз. Я вызвался дать ему рекомендацию. К Сейдахмету я отношусь давно с симпатией.

30 апреля

...Ещё точно не знаю, но дошёл слух, что позорники в Мажилисе приняли-таки Закон о земле, т.е. землю будут продавать. На сегодняшний день это глупость. Более чем

глупость – трагедия. Казахов раздели догола на родной земле. Сейчас это преждевременно. И плачет моё сердце: сами же казахи унизили свой народ. И предали предков. Кашу эту расхлёбывать будут до-о-олго...

2 мая

...После обеда сходил в мастерскую Табылды Мухата и позировал ему почти три часа. Не знаю, что из этого получится. И нужно ли это вообще. То, что я видел, вроде ко мне отношения не имеет. Или, может, таким я буду к 80-ти годам, если, конечно, доживу. Табылды считает, что нужно ещё несколько сеансов. Я обещал ему один. Больше не могу. Человек он милый, учтивый. То, что он показал из своих работ, достойно внимания. Очень своеобразно оформил он Махамбета.

Пока он меня писал, я просмотрел интересный альбом про Пушкина, изданный ещё в 1951 году. Очень интересно.

...Много разговоров о земельном кодексе, о депутатах, предавших народ. Много горьких, желчных, злобных слов по этому поводу произнесено по «Азаттық». Досталось на орехи Шерхану. Конечно, это горе. Казахов лишили будущего.

9 мая

Вчера часов в 11 вечера почувствовал себя крайне скверно. Жуткий дискомфорт. Сердце давило камнем. Проверил давление – тонометр не выдерживает. Разрывает манжетку. Принял клофелин, полчаса спустя проверил ещё раз. 216/106! Боже! Сколько же было до клофелина?!

Вот вам и последствия всех нарушений режима и диеты.

А утром я понял: надо свести Кошута в парк. Он должен увидеть, как наши люди относятся к священному дню – 9 мая. Собрав всю волю, поехал с Лео в парк, и всё получилось отменно. Мы с Кошутом возложили цветы на тумбах Бреста, Киева, Москвы, фотографировали и фотографировались, знакомились с людьми, дали интервью «Азаттық» – я на казахском, Лео – на немецком, а я его переводил. Смотрели, как люди ликовали, плясали, пели, и Лео был в восторге, говорил: «Я бы многого лишился, если бы ты не привёл меня сюда». Он, берлинец, увидел то, чего в Германии нет и быть не может. Действительно, всё было грандиозно, и я почувствовал гордость за наших людей, за наших ветеранов, за молодые поколения, которые проявили такую чуткость, такое внимание к святому дню нашей истории.

Мы походили в парке почти два часа.

А вечером Кошут был у нас ещё часа четыре. Поговорили, книжки смотрели, ели-пили. И всё получилось хорошо. Милый вечер с симпатичнейшей личностью.

10 мая

Вечером были у меня Саша Шмидт и Вальдемар Вебер. Приятная беседа. Один – бывший алмаатинец, другой – бывший москвич, а ныне – германцы. Вальдемар сказал: «В Германию можно переезжать в 35-40 лет. А лучше вообще не переезжать». Очень точно обрисовал положение «наших» в Германии. Главный мотив: не нужны. Как ни старайся, а не нужны и всё тут.

Саша поблёк, потускнел, озабочен, устал. Как бы сломлен. Показал альбом: внучка – прелесть, дочь – хороша, и Нина благополучна вроде бы. А вот с Сашей что-то не то. И молчалив был. И пил чуть-чуть... Явно не совсем хорошо им в Германии.

11 мая

Два часа назад мы простились с Кошутом. Час погуляли, полчаса посидели, проговорили. Кошут рассказывал о своей молодости. Расстались трогательно. Обнялись. Кто знает, встретимся ли ещё когда-нибудь. За эту неделю мы провели много времени вместе и как бы породнились.

Он успел прочесть первую часть моего романа. Отозвался хорошо. Говорил о возможности (вернее, трудности) его издания в Германии. Да я на это и не претендую.

Договорились сотрудничать теснее.

15 мая

Позвонил Шота: «Хочу занести тебе новый журнал со статьёй обо мне».

«Ну, занеси».

Через полчаса звонит ещё: «Приглашаешь, а дверь запираешь». Оказался, ему неизвестен код.

Пришёл. Показал журнал «Стиль». Прочитал свой стих «Это – я», отрывок из биографических заметок.

«Тебе не надоело давать интервью?» – спрашивает.

«Надоело».

«У меня тоже без конца просят интервью. Всё о политике расспрашивают. Но я о политике не говорю».

«А я иногда что-то бормочу».

«Ты не бормочешь. Ты лягаешься. Напрасно. Зачем? Оставь это».

Как всегда, оживлён, мобилен, энергичен.

1 июня

Вечером впервые лицезрел абиловское ток-шоу. Болат молодец, ведёт передачу легко, грациозно, не поддаваясь эмоциям. Приятно слушать степенного, рассудительного, умного Байменова. Убедителен Своик. Основателен Куттыкадам.

А вот оппоненты их крайне несимпатичны... Своими циничными рассуждениями, наглостью они наносят Президенту огромный урон. Публика при одном только их самодовольном, самовлюблённом виде готова выплеснуть всю свою ненависть, всё презрение к властям. Как Назарбаев не понимает, что иртышбаевские медвежьи услуги подрывают весь его имидж?!

Я понимаю: Болату они нужны, как раздражители, как мальчишки для битья, как объект презрения. Кое-кто из публики с криками, возмущениями ушёл с передачи, кто-то сообщил, что больше никогда на ток-шоу не придёт. И у меня напрочь отпало желание видеть эту публику. И, глядя на подобных нетайных советников, начинаешь сомневаться в будущем Казахстана. Такие ухари приведут страну к беде.

2 июня

Читаю Гессе. Поражаюсь его начитанностью. Мы – по сравнению с этими гигантами – щенки. Что поделаешь? Но Гессе, оказывается, газеты не читал, радио не слушал, а TV не было. И жил он более уединенно. И общественными делами особо не увлекался.

...Россия провела 300-летие Петербурга более помпезно, шумно и ухлопала больше денег, чем все казахские тои за последние десять лет. Так что по размаху Россию не перещеголяешь... Теперь ведь и у наших появится зуд.

8 июня

...В газетах всюду Сорос. Он даёт интервью, выступает, размышляет. Многие программы он сокращает и в России, и в Казахстане. Но надо признать: сделал он много. И столовались у его кормушки многие. Но вечно всех кормить и миллиардер не может. Или неохота. Когда я руководил Правлением Сорос-Казахстан, помнится, был вопрос: «Что будет с Фондом Сороса, когда Сороса не будет?» Я ответил: «Будет то, что было без него». Вот, кажется, к этому и пришли. Я знавал Джорджа Сороса, обедал и завтракал не раз с ним в Будапеште и даже коротко беседовал с ним по-немецки. Личность, конечно, непростая, но спекулянт, делец, хитрец, игрок, авантюрист своим Фондом делал всё же благое для культуры и образования. И в Казахстане Фонд оставил добрый след.

10 июня

...Никак не могу смириться с тем, что нет папы. Я вспоминаю его фразы, слова, интонации, жесты 20-30-40-50-летней давности, очень зримо, остро; я вижу его во сне часто-часто. Тоже разного возраста. И никогда старого. Я удивляюсь его мудрости, мужеству, простоте, доброте, порядочности. Жылгельды лет сорок тому назад говорил: «Карл Фёдорович живёт правильно». Верно! «Правильно» здесь означает «нравственно», «порядочно», «достойно». С отцом мне было всегда легко. Мне всегда хотелось перед ним отчитываться. И хотя наши мысли не всегда совпадали, его мнение было для меня весьма и весьма важно.

У меня сердце сжимается, когда вижу на портрете его печальные глаза. Жизнь он воспринимал радостно, но печали изведал немало. Он любил людей. Люди это понимали и ответно его любили. Он был очень внимателен к любому человеку, не равнодушен, не безразличен, воспринимал каждого таким, какой он есть. И нас этому учил.

11 июня

...Вечером на прогулке узнал об уходе Тасмагамбетова. Месяца три или четыре шёл о том разговор. И вот ушёл. Конечно, Имангали не пропадёт. Дадут ему должность. А всё же жалко. Для меня он человек симпатичный. Сердце его бьётся по-казахски.

...Большие игры проходят мимо нас. Народ, как всегда, в глухом офсайде. Народ только рассчитывается за грехи властей. Так было. Так есть. Так будет.

12 июня

...Из «Жас алаш» узнал о смерти 42-летнего прекрасного поэта Нурлана Маукенулы. Я встречался с ним на разных тусовках. Он поражал меня своей мрачной сосредоченностью, задумчивостью, отрешённостью. Он был чужим на пиру жизни. Я смутно чувствовал, что есть у него «особинка», «изюминка», что он выделяется среди сонма казахских поэтов. Но понял это только сейчас, прочитав несколько строк его.

Астана келдім – қаңғырдым,
Астында қалдым жаңбырдың.
Өтінде қалдым ызғардың,
Тезіне түстім тағдырдың.
Мендейлер және көп екен,
Мекені жерде жоқ екен,
Қазақы көңіл қалғанда,
«Шыққан жан...» – дейтін топ екен.

Или вот это:

Мұң ба, сыр ма, әуен бе?
Тылсым күш, сендім. Ал, емде.
Өзіммен өзім боздап бір,
Сыймай-ақ қойдым әлемге.
Айға да ұшты шыбыным,
Күнге де ұшты шыбыным,
Тәңірі көзі көрмеді-ау
Тас-талқан болған құлынын.

А «Тірілер бірін бірі жер» вообще гениальное... Жаль дивный поэт угас...

14 июня

В «Новом поколении» сообщение о том, что снят фильм «Путь Дукенбая». Такая выстраивается цепочка – «Путь Абая», «Путь Мухтара», «Путь Дукенбая». В статье Дукенбай назван «великим сыном казахского народа». Несколькими строчками ниже: «Бальзак казахского народа». Ойдойт! А ведь писателей уровня Дукеша у нас найдётся 15-20. И все они «великие сыны» и «Бальзаки»? Смешно и стыдно всё это.

Я к Д.Д. расположен хорошо. И его знаю, и его творчество, и жён, и детей. Переводил его, писал о нём, но при всём при том «великим» или «Бальзаком» назвать даже перед расстрелом не могу. Зачем? И в чём мерило величия?

Боспебайство – странная казахская болезнь. Ею ещё болеют кавказцы. Болезнь эта неистребима, неизлечима. И губительна.

15 июня

В печати всё ещё обсуждают уход Имангали и приход Данияла. Уходу первого особенно не сожалеют, приходу второго особенно не радуются. Такая тональность. Народ вообще власти не верит. «Народ безмолвствует».

Выступление Назарбаева на совместном заседании Парламента. Вид пасмурный. «Тяжела ты, шапка Мономаха!» Весь разговор на русском. Такая вот независимость.

21 июня

Я в больнице. Отдельная палата. Телефон. Телевизор, холодильник. Даже еду приносят в палату. Пиши, читай, принимай процедуры. Лечащий врач – молодая, симпатичная, улыбчивая Анастасия Михайловна.

...Зашёл перед обедом к Е.М. Асанбаеву. Последний раз я его видел в Бонне, где он был послом Казахстана. Были вместе и в Берлине. Прошло почти пять лет. Выглядит неплохо. Обложен газетами, книгами. Читает толстенный том Вернадского. Я дал ему своё «Казахское слово». Е.М. показал какой-то аппликатор, который регулирует якобы давление, снимает боль и т.д.

Е.М. прочёл мою книжку и попросил ещё одну для своего гостя – Мачея Ланга (видно, поляк, якобы владеет 5-6 языками). Симпатичный бородач с молодой особой.

22 июня

Пока я в больнице, Президент подписал Земельный кодекс. По казахам это удар. Казах остался безземельным, т.е. он на своей земле раб. Если не сейчас, то в будущем. По казахскому самосознанию это роковой удар.

23 июня

В соседней палате Оразалы Сабден. Зашёл и вручил огромный том (47 п.л.) «Рыночная экономика». Полчаса рассказывал. Очень увлечённый, активный. 20 лет работал в АН, 11 лет – депутатом (я с ним сидел в Верх. Совете год – ХШ созыв, «нелегитимный») Сейчас он ректор университета им. Яссауи (или уже не ректор?) Производит впечатление знающего человека. Книга его – серьёзный фундаментальный труд. Мне не по зубам. Не по адресу. Книга выдвинута на соискание Госпремии в области науки.

Оразалы щупл, невысок ростом, похож на подростка. У таких людей, как правило, и пожизненной энергии много, и амбиции достаточно.

...Майкл Шапиро издал книгу «100 великих евреев». Но великих евреев столько, что в книгу не вошли Шолом-Алейхем, Л. Фейхтвангер, Чарли Чаплин и другие.

24 июня

Я не так здоров, чтобы лежать в больнице. Ночь промаялся желудком. Еда больничная не по мне... Вспоминается Симашко. Он с омерзением поступал в больницу и в первый же день умолял врача: «Доктор, выпишите меня домой. Я абсолютно здоров. Да, да, уверяю...» Так и я. Четвёртый день в больнице, а уже дохлый... Лев Щеглов:

Я боюсь двадцать первого века,
Даже если не будет войны.
Я двадцатого века калека,
А калеки там не нужны.

26 июня

Вчера, после ужина, когда я с газетой сидел на скамейке, подошла ко мне, чуть припадая на правую ногу, пожилая женщина с умным, зорким взглядом, улыбнулась, сказала: «Ну, вот мы и встретились!»

– Неужели Дильда-апа?.. Так вас я на днях видел и сразу подумал, что это вы.

Такая вот неожиданная, приятная встреча. Очень приятная собеседница, всё понимающая, чуткая, внимательная и деликатная. Я рассказал ей, что судя по всему книга её на русском выйдет в следующем году, так как ныне выходит её педагогический труд на казахском. Договорились, что я предложу перевод «Простору».

О многом поговорили. И о политике, и об Имангали. С её дочерью случилось несчастье, и Дильда-апа находится с ней в больнице.

Потом я встретил её ещё раз.

– Ну, как? Нагулялись?

– Можно было бы и продолжить, – сказала она по-русски и тут же добавила по-казахски. – Время предвечерней молитвы. Пора.

Я понял, что она совершает пятикратный намаз.

Книгу по народной педагогике она закончила. Много читает. Рассуждает здраво и прогрессивно.

– Бывают три неожиданности, – сказала она. – Смерть. Удача. Встреча. У нас с вами получилась сегодня последняя – дидар-ғайып...

– Апа твоя дошла до 80-ти, – заметила она.

– Как? Немыслимо!.. Казахи любят преувеличивать. Самое большее, вы наверное, 26-го года рождения.

– Двадцать восьмого.

– Ну, вот! Как же восемьдесят-то?

– Нет, считай восемьдесят. Каждый тридцать лет, прибавляется по году. Вот и получается 80.

Мы оба рассмеялись. Смеется она хорошо, искренне... Говорили и о многотерпеливой доле казашки.

...Узнал о кончине Камала Смаилова. Два-три дня назад он выступал по ТВ. Знавал его более 30 лет. У нас были доверчивые, товарищеские отношения. Последний раз сидели за одним столом 7 мая, в день, когда вручали ему ПЕНовскую премию. Он всего на два года старше меня. Я не слышал, чтобы он жаловался на здоровье. Был человек активный, деятельный. Много выступал. В культурную жизнь Казахстана внёс немалый вклад. Его будет помнить долго. Жаль, что я не смогу побыть даже на панихиде. Эта весть меня подбила. Не могу ни читать, ни сосредоточиться. А тучи всё сгущаются, временами налетает холодный ветер. Видно, быть грозе. Или ливню.

27 июня

...А всё думается о Камале. Вчера по «Хабару» дали видеоряд. Живой Камал говорит, улыбается, даёт интервью, выступает перед разными аудиториями, а друзья говорят уже о мёртвом. С трудом сдерживая слёзы, говорил Шерхан: «На обложке нашей книги два наших портрета. Теперь он ушёл, и я остался один. И больше ничего я сказать сейчас не могу». Говорили Абиш, С. Азимов.

Трудно поверить. Я знавал его 39 лет. Сказывают, умер неожиданно. Пришёл к другу-однокласснику Торегельды Шарманову и на его глазах отошёл. Похороны завтра, в субботу. Ушёл на 71-м году. Да-а... Жизнь – вредная штука. От неё умирают.

«Аяғы дүниенің ырың-жырың!..»

28 июня

Е.М. Асанбаев передал мне текст своей статьи, прозвучавшей по Интернету. Глубоко и толково! С глубокой гражданской болью и тревогой написано.

Вот некоторые моменты:

«По прогнозам Римского клуба футурологов... человечеству отведено лишь 50 лет беспечной жизни, после которых начнутся необратимые процессы в экологии».

«По отчёту UNDP за 1997 год четверть населения мира жила в бедности, включая 1,3 млрд. тех, кто пытался выжить на один доллар в день. 20% населения мира получили 1,1% от общего мирового дохода против 2,3% – в 1960 году, а число бедных, приходящихся на одного богатого, увеличилось с 30 до 78».

«Процесс обеднения населения становится фактором разрушения демократии. В Африке, например, после распада колониальной системы из-за постоянной бедности населения первоначально установленная демократия сменилась правлением милитаристских сил, а свобода – преобладанием родоплеменных и клановых интересов. Почти то же самое произошло в постсоветской Центральной Азии».

«На каждого землянина, включая грудных младенцев, припасено 4 тонны взрывчатки».

«В начале XX века на планете жило менее 1,7 млрд. человек. К новому XXI столетию численность землян достигла 6 млрд. человек».

Асамбаев предлагает концепцию «новой организации мира». Необходимо создать общий мировой институт власти.

«Сохранение человека как биологического вида требует радикальной перестройки управления миром».

«Зигмунд Фрейд не без оснований считал, что многими вождями руководит не любовь к людям и стране, а комплекс власти и разрушения, скрытый цинизм к окружающим».

«Современные политики сделаны нередко из такого некачественного человеческого материала, что за ними нужен глаз да глаз, чтобы они не пустились во все тяжкие, позабыв совесть и общественный долг, не говоря об общепланетарных интересах».

«Если вдуматься, XXI век делает вызов не национальным вождям, не главам отдельных государств, а всему земному разуму и человеческой цивилизации в целом. Будут ли найден достойный ответ этому выводу, станет ясно в процессе деятельности нынешнего и ближайших поколений».

...Перед ужином разыгралась гроза, чуть-чуть дождило. Пошёл гулять. В беседке меня застал Шота. Он, оказывается, был в палате, оставил записку и два пакета гостинцев.

Походили. Он прочёл своё стихотворение, посвящённое Камалу. Проникновенные стихи. Он их читал на поминках. Встретились Вовнянко и Кенжебаев. Они тоже были на панихиде. По ТВ увидел Әбе и Кабдолова в почётном карауле. У Әбе грустный, растерянный, усталый вид. Старичок в помятой рубашонке с короткими рукавами. У всех у нас одна дума: «Кто следующий?»

...Глядя по ТВ на вынос Камала из театра, я додумался до фразы: «Жизнь – путь к Богу». Мне фраза понравилась. Вот только не знаю, моя ли она или заёмная.

29 июня

Зашёл в палату к Музафару Алимбаеву. Не видел его лет семь. Отдал салем, поговорил. Конечно, старик. Небритый. В тюбетейке. Лежит под одеялом. На столике газеты, потрёпанный блокнот, исписанный «музафаризмами». Глаза живые. Говорлив. Ко мне ласков. Подарил свою книгу. Почитал свои записи. Несколько фраз его я одобрил, и он поставил в блокноте плюс. Побыл у него полчаса. Потом через медсестру передал ему своё «Казахское слово».

Из «ЛГ» узнал, что вышла в ЖЗЛ книга «Шопенгауэр». Автор Гулыга. Но он якобы закончить рукопись не успел. Завершила книгу его супруга. Он написал для «ЖЗЛ» – «Гегель», «Кант», «Шеллинг». Первые две книги я штудировал, «Шеллинга» не читал. Вообще философ Гулыга был интересный. Читать его любопытно.

30 июня

Всё. Выписываюсь. Пора и честь знать.

Вечером звонил Музафар. Почти прочёл мою книжку. Отозвался хорошо. Считает, что многое наши взгляды совпадают.

5 июля

Завтра нашему Президенту 63 года – возраст Пророка Мухаммеда. В «Казправде» сегодня семь его фотографий в разных костюмах – всадника, косаря, туриста, штурмана, бородатого, сияющего, счастливого... В «Жас алаше» – его отец, он с матерью (очень похож на мать), сам он. Есть и соответствующие статьи. Можно себе представить, сколько будет поздравлений!..

Руководителю страны это надо? Или это жандайшапское усердие журналистов?

6 июля

Позвонил Әбе. Устаёт. Слишком много похорон. Сегодня он был на похоронах матери Нурлана.

Рассказал Әбе о своих добрых деяниях в адрес медсестёр II терапии. В самом деле он проявил большую гуманность в отношении младшего медперсонала.

Об Әбе ходит много разных слухов и сплетен, но человек он непростой и неоднозначный. Казахи его плохо понимают. Недолюбливают его многие, особенно коллеги по перу. У него, в общем-то, сентиментальное сердце. И помог он конкретно многим. Для меня вообще много доброго сделал. Но человек так устроен, что хорошее он часто забывает.

15 июля

Был на презентации документального фильма «Путь Дукенбая». Говорят в фильме о Д.Д. Олжас, Абиш, Магауин, я, Туманбай, Аширбек, Бадиков. Мне отвели минуты три, и я вроде что-то вразумительное сказал. Фильм неплох. Были Асаналы, Вовнянко, Ораз, несколько литераторов, журналистов, кинематографистов. Ко мне все были внимательны. Я как-то продержался, хотя было худо. Домой меня доставили вовремя.

17 июля

...Ближе к вечеру позвонил Нурпеисов. «Я устал. Все дни усиленно работал. Давай встретимся, погуляем у Чокана». Два часа походили, покалякали. Возмутился он тем, что о Д.Д. появился фильм. «Получается, что во времена ЦК было лучше. Ныне наступили времена сплошь для жуликов, вралей, воров».

Все эти дни он упорно редактировал первую книгу «Кровь и пот». Пусть говорят, что хотят. Но книга-то моя. И читать её будут и следующие поколения. Кто-то скривится, кто-то восхитится. И чтобы меньше кривились, я должен же по возможности улучшить свою книгу, не так ли? Калена дополнил 20-ю страницами. Почитаешь – убедишься. Кален сейчас затмил Еламана. Решительно! В общем человек должен в зрелом, старом возрасте вновь возвращаться к своим былым произведениям».

– Мне это правильным не кажется, – сказал я. – Вместо того, чтобы без конца править и вылизывать старое, вернее будет написать что-нибудь новое.

– Нет! Прочтешь – сам убедишься.

Заговорили о предстоящем юбилее. Я напомнил, что через 15 мес. Әбе стукнет 80, что аулчане, Приаралье очень хотят провести на родине большой той, чтобы поднять дух удручённого люда, чтобы встретиться, порадоваться за знаменитого земляка.

Әбе слушать не захотел, резко отмёл все мои доводы. Если бы вдохнули жизнь в Арал – вот это был бы той. Остальное гроша ломаного не стоит. Никому ничего не говори и не пиши. Ещё подумают, что я это всё затеваю. Ну, я и переменил пластинку. Понял, что разговор на эту тему бесполезный. А главное: я в душе вполне согласен с Әбе. В казахских выспренних тоях много фальши.

21 июля

Прочёл в «Известиях» шикарное и смелое интервью Зиманова. Молодец! Очень весомо! Казахстанскую науку, конечно, довели до столь печального состояния. И виновата в этом в немалой степени вся наша верхушка. Слишком легковесно отношение к науке и искусству.

1 августа

Из «Мегаполиса» узнал, что в Кливленде (США) умер после тяжёлой болезни на 73 году жизни Юрий Герт. Он 23 года работал в «Просторе». И все эти годы я его знавал. Перед отъездом в США он позвонил мне, предлагая продать какие-то книги. Я общался с ним много. Толковый был литератор. Образован. Начитан.

На одном пункте – еврействе – он был помешан. Это была его неизбывная боль. В его представлении весь мир был виноват перед евреями. Антисемитизм мерещился ему всюду. Это была его боль. Он был рабом этой боли. Он распалял себя этой болью. И с ним было трудно общаться. Уже от слова «еврей» он закатывал истерики. Все, все вокруг себя он видел единственно с еврейской точки зрения. Все, что говорил когда-либо еврей, для него было свято. Слушая еврейские мелодии, он млел, облизывал губы, замирал, воспарял. Как-то даже неловко было смотреть на него в эти минуты. В Дубулты он изо всех сил пристраивался к еврейской компании, угодливо бегал за ними, но странно: они его не подпускали особенно к себе. Я удивлялся: в чём дело? Говорили, что жена, Анна Петровна, будто не совсем еврейка. Не знаю. Она была очень милой и изо всех сил старалась подлаживаться к мужу. Должно быть, Юрий Михайлович был подшиблен еврейским вопросом с детства. Его, видно, в детстве сильно обидели. Выработался уродливый комплекс. У Симашко этого до последнего времени не было. Он вкусно рассказывал еврейские анекдоты, а Юрий Михайлович при этом корчился от душевного смятения.

И в своем творчестве он был зациклен на еврейской скорби. Никак не мог вырваться из этого круга. Это ограничивало, суживало его природный талант и мировоззрение. Он так и прожил с еврейскими путами на ногах.

А жаль, жаль… Человек был порядочный, без подлости. По сути сам себя загнал в гетто и превратил свою жизнь в мировую скорбь. Ему, думаю, везде было неуютно.

Пусть земля – чужая, кливлендская – будет ему пухом! Ушли Жовтис, Симашко, Герт, которых я неплохо знал и к которым относился с большой человеческой симпатией.

3 августа

Подумалось: а ведь ни один специалист не высказывался основательно о лингвистических трудах Олжаса. О них, я полагаю, могли бы что-то сказать Вяч. Иванов и Аверинцев. Иванов знает сто языков, он мог бы по достоинству оценить научную значимость олжасовских изысканий. Но разве такие люди опустятся до самодеятельности? Олжас трудится серьёзно, перелопатил монблан литературы. А мне почему-то всё чудится, что в его трудах не столько науки, сколько поэтический сверк, интуиция, игра, притягивания за волосы, внешнее сходство, фонетическое созвучие. Очень может быть, что я ошибаюсь, но редкие рецензенты его поверхностны, дилетанты, как и я. А о трудах Олжаса хотелось бы услышать истинных лингвистов. В Казахстане их нет. И в Средней Азии сплошь мелочь. И потому есть мифы, а научного мнения нет. Или я просто не знаю…

16 августа

Звонит незнакомый казах, уверяя, что мы знакомы. Написал, мол, труд, который с головы на ногу ставит всю мировую историю. Цивилизация начинается с протоказахов. Всё остальное – Древняя Греция, Рим – вздор, чепуха. Один экземпляр уникальной

рукописи дал, дескать, Олжасу, один – Тасу (Тасмагамбетову), третий – Кошербаеву. А тот якобы сказал: «Это уму непостижимо».

Отнёс было Михайлову, а тот насторожился. От меня сей незнакомец хочет рецензию. Говорю: не могу, некомпетентен. Ка-ак?! Вы некомпетентный?! Прочтите мою рукопись и дайте отзыв. Причём тут компетентность?! С трудом отбоярился, отослав его к Кшибекову.

19 августа

В прошлую ночь я поднимался по крутой снежной горе с огромным казахским стягом. Отчаянно карабкался всё вверх и вверх и, наконец, очутился на самой вершине. Расправил могучий стяг, а внизу, всюду, как море, колышется, бушует, ликует толпа, будто приветствуя меня. Не выпуская полотнища из рук (чувствую тяжесть), иду вдруг по многолюдному зданию с целью вручить кому-нибудь стяг. Вижу Данияла Ахметова. Направляюсь к нему, и тут сзади решительно приближается Назарбаев в белом плаще. Я ринулся со стягом к нему, но Назарбаев вдруг нырнул в банкетный зал, а нукеры-охраники преградили мне путь. «Ребятки, я казахский флаг должен передать в руки Президента». Охранники относятся ко мне благожелательно, обещают что-нибудь придумать. И тут вновь появляется Назарбаев всё в том же белом плаще и что-то жует на ходу. Ему досадно, что я его вроде как оторвал от трапезы. Я – к нему. «Господин Президент! Считаю своим долгом вручить знамя, которое было на снежной вершине. Лично Вам!» Назарбаев понимающе кивает, даже изображает на лице благодарность, но знамя от меня принимает нехотя. Тут рядом с ним оказывается угодливо подмигивающий Какимжанов. «Главное, – говорит он, – финансирование. Желаю вам финансирования!» Назарбаеву этот цинизм явно неприятен. Они вновь исчезают за дверью в банкетный зал. А я оказываюсь среди охранников, которые жадно лопают с тарелок объедки. И я выбрал себе кусочек варёной колбасы, которая смахивает на капусту.

Тут я и проснулся.

И что бы всё это значило?

Помню, необыкновенный духовный подъем охватил меня, пока я носился с огромным полотнищем. А потом появилось чувство досады от того, что это знамя Президенту вовсе и не нужно.

Странно... Что бы сказал по этому поводу мудрец Зигмунд Фрейд?..

23 августа

...Смотрел передачу о Смоктуновском. В театральных делах я профан, но Смоктуновским восхищался всегда. Он умел играть мысль. Нынешние могут играть только мордобой. Ну, ещё имитировать секс. Искусство деградирует на глазах. Глаза б мои не видели того, что демонстрируют ныне на экране.

27 августа

Утром на остановке 9-го троллейбуса встретился Шота. С портфелем, папкой. Как всегда, живо поздоровался, сделал несколько шутливых замечаний («Не в театр ли собрались? Или ко мне в гости с утра пораньше?»). Потом показал мне с Раей эскиз памятника Алматы. Объяснил что к чему. Мы дружно одобрили. Не успел я вернуться из больницы, Шота звонит. «Что, уже вернулись из театра?» (А вернулся я из онко-института после первого сеанса облучения). И прочёл только что сочинённый стих.

Бір тыныштық таппаймын
Тер ағызбай жатпаймын.
Аламанға шабатын
Жаратылған аттаймын.
Арман қуып кетемін,
Жел жетпеске жетемін.
Адами өр мінезді
Жаңға қорек етемін.
Тұңғиыққа бойлаймын,
Сұлу ойлар ойлаймын.
Сұлудың да сұлуын
Іске асырмай қоймаймын.

Он дважды прочёл по телефону стихотворение, а часа через два зашёл ко мне, занёс стихотворение отпечатанным на компьютере, присовокупив историю его создания и поблагодарив меня и Раю, как вдохновителей его рождения. «Встретишь доброго человека – рождаются добрые мысли. Встретишь дурного человека, тебя посещают дурные мысли», – заметил он.

4 сентября

...Позвонил Мухтар Шаханов. Сказал обо мне несколько лестных слов, посетовал на трудности издания журнала, спросил моё мнение о рассказах Тынымбая, прислал своего сына и забрал рассказы и мою вводку. Просил дать журналу что-нибудь – хоть повесть, хоть роман. «Вас напечатают». А что я ему дам? Все мои неопубликованные вещи написаны по-русски.

7 сентября

В «Известиях» за 06.09.03. пишут: «В Европе за научные достижения людей награждали почётными званиями академика. В России же наоборот: назначают академиком – и ждут открытий!

Эта практика идёт со времён Петра Первого. И ещё: «Самое наглядное свидетельство развития науки – количество граждан страны, удостоенных Нобелевской премии. У нас их 19, а в США – 254».

Каково? Это Россия. А в Казахстане? Пшик! Академиков до черта, а науки нет.

Акад. Вл. Котельникову 95 лет. А рассуждает глубоко (кстати, он дважды Гертруда, дважды Сталинский лауреат и один раз Ленинский). Он говорит: «Во главе некомпетентной армады стоял Гайдар, про которого авторитетные экономисты говорили: опыта нет, но самоуверенности – море».

13 сентября

В СМИ уйма толковых статей о Махамбете. Среди тех, кто награждён премией его имени, я нашёл Б. Карашина, Б. Канапьянова, А. Егеубаева, Табылды Мухата, Сеита Каскабаева. Очень достойные лауреаты. Заслуженно получили премии.

Вечером позвонил Музафар Алимбаев. Около часу он толковал про мою книжку «Казахское слово», разбирал по косточкам, высоко оценил, сделал свои замечания – тонкие, существенные. Я их зафиксировал и где-нибудь использую. Вдруг состоится второе издание. В деле языковых штучек Музага – дока. Что называется, собаку съел.

14 сентября

...На прогулке вспомнилась строка из маминой песни.

...Winde weh'n von Norden...

Не мог только вспомнить, какие «Winde». Крутится на языке, а вспомнить не могу. Потом всплыло:

– Rauhe Winde weh'n von Norden.

Уже войдя в квартиру, вспомнил ещё одну строчку.

– Und die Sonne scheint nicht mehr...

Мама эту песню часто пела. Примерно когда я учился в V-VI классах.

Вспомнил и мелодию... И вот крутятся, крутятся в голове эти две строчки. Через час-другой всплыла в памяти и первая строчка:

– O, wie ist es kalt geworden...

Откуда эта песня? Народная? Или кого-то из немецких поэтов XVIII-XIX веков?

Вторая строчка никак не вспоминается. Лишь фрагмент мелькнул в сознании.

... ... kahl und leer ...

Осталось вспомнить два-три слова. И спросить ведь не у кого. Вряд ли кто-нибудь, помимо меня, помнит эту песню, которую давным-давно пели поволжские немцы.

16 сентября

Дважды звонил Нурпеисов. Прибыл из Атырау. Считает, что торжества Махамбета прошли хорошо, похвалил выступление Зеке. А как же иначе? «Вдохновенно говорил». «Что нового?» – спрашивает. Газеты, мол, не читаю, ТВ не смотрю, ничего не знаю. «Ну, и я дома сижу. Ничего не знаю», – говорю. «Выходит, трудно стало с тобой говорить...»

Вечером он заговорил о «Литературной Азии». Полтора года спустя он впервые видит это издание. Прочёл дискуссию о романе. Явно обескуражен, что никто из участников «круглого стола» (за исключением Бадикова) не упомянул его романа. «Как же так? Неужели полагают, что если меня не упоминать, то я вроде не существую?.. Однако, думаю виноват сам. Ни с кем не здороваюсь, никого не праздную, ни с кем не разговариваю. Ко многим питаю отвращение...»

Я говорил о Дидаре Амантае, Айгуль Кемелбаевой. Он удивляется: «А почему их не знаю?!» Для него самые молодые Абиш, Магауин, Жунусов. Так для Мусрепова последними молодыми в литературе были Ахтанов, Нурпеисов, Кабдолов.

«Был интересный случай... – поделился Әбе. – Летим, значит. Вдруг диктор объявляет: "С нами летит великий писатель и актёр Сатимжан Санбаев. У него сегодня день рождения". Апырай, неужто людям не стыдно? Откуда ещё – великий?!»

Понимаю, как Әбе тяжело было это слышать. Но, с другой стороны, кто у нас ныне не великий?!

19 сентября

Знакомый старик Д. рассказывает: вчера включил одну программу – Назарбаев вещает. Включил другую программу – Сара о самопознании лекцию читает. Включил третью программу – Дарига в Туркестане о партии «Асар» говорит. «Апырай, не много ли? Как-то неловко, ей Богу!..»

В возрасте 96 лет скончался Дихан Абилов. Его я знавал 40 лет, а творчество и того раньше.

29 сентября

Вечером, перед выходом на прогулку, позвонил Шота. «Помнится, ты вроде как обещал одну книгу. Ну, и где она?» «Дам при случае». «Так, может, этот случай подошёл?»

Подписал книгу, отправился к Шоте. Сидит он в огромном кабинете, точно Наполеон на острове святой Елены, среди завала книг, рукописей, картин, альбомов, макетов, полистал мою книгу, поблагодарил, чай заказал, начал увлечённо показывать свои новые проекты: памятник городу Алматы, памятник Джезказгану, подробно объяснил мне все символы. Всё впечатляет, всё по уму, тщательно продумано. Потом за чаем повели непритязательно-шутливый разговор о том, о сём. Шота посетовал на то, что ему семьдесят, но он этого не чувствует, что задумок много, а иногда и на женщин заглядывается. Ну, на женщин и почти столетний Дихан-баба поглядывал… На прощание Шота крепко обнял меня. А вечером, прочитав кое-что о моём отце, ещё раз позвонил.

3 октября

Обрадовала Жанна: сдала в издательство «Казахстан» рукопись обо мне в серии «Ғибратты ғұмыр». Говорит, книга выйдет ещё нынче. Было бы здорово! Особенно если вышла бы ещё и московская книга «Гармония духа». Был бы неплохой стимул.

6 октября

Академию наук распускают. При этом инициаторами роспуска сделали самих ведущих учёных. Дескать, Академия изжила себя, не отвечает рыночной стихии, мы все лже-учёные… дорогой Президент, сделай нас общественным объединением. Была Академия, обернулась клубом. Конечно, Президент пошёл навстречу просьбе ведущих учёных.

К этому дело шло давно. Таков результат политического двурушничества продажных академиков. Доигрались господа… Не имели своей позиции. Да и в науке многие – дутые фигуры. Так что Назарбаев прав: кому нужен такой балласт. Восстановить Академию будет трудно, а общественное объединение – нонсенс. Думаю: пройдёт некоторое время, и Назарбаев откроет новую Академию в Астане на совершенно новой основе. И это будет правильно.

11 октября

Утром рано позвонил брат Сакена Дорженова и сообщил, что Саке скончался. Брат нашёл мой телефон в его блокноте. Толковый был учёный и публицист. Выделялся своим мировоззрением среди заштампованных вузовских преподавателей. Я сохранил его книги. А на одну из них написал рецензию, которая покойному очень нравилась.

Жаль… Хорошие, толковые, нужные обществу люди уходят. Было ему 66. Умер от кровоизлияния.

…Данабике Байкадамова (машинистка, стенографистка, мемуаристка, я, кстати, с ней много общался, весьма интересная, духовно богатая женщина) пишет о М.О. Ауэзове: «Самое удивительное – продиктованные им предложения он после переноса на машинку почти не правил» («Ана тілі», №40/03). Нурпеисов в этом смысле полный антипод Ауэзову. Он каждое предложение по десять раз выстраивает на бумаге и без конца правит. Простое предложение «Ақбала аң-таң» он переписывает бессчётно раз. Ауэзов диктовал. Әбе безустали пером шкрябает. Существенная разница! Это говорит

не только о разных манерах творчества, а прежде всего о писательской, языковой потенции. Такой же природно богатый язык был и у Такена Алимкулова. В этом ряду можно назвать Абиша, Магауина. То есть, они обладают грамотой и культурой. Әбе сильно уступает им в этом, но он трудяга и мастер шлифовки. В каждой его фразе чувствуется пот. Он мастер фигурной кладки. Он, как еврей, выжимает из своего дара максимум.

20 октября

...Два открытия сделал сегодня для себя:

а) Нурпеисов на десять лет старше меня, но физически значительно крепче. Я дохляк по сравнению с ним.

б) в поэзии он понимает меньше меня. Начал сегодня на редсовете придираться к стихам Кадыра и анализировать их с совершенно нелепой точки зрения, при этом читал их отвратительно скучным, мёртвым голосом. Всем стало неловко. Стали возражать ему Елеукенов, Кажыгали, Мереке. Зря Әбе лезет в поэзию. Он воспринимает её прозаически, лобово, логически, бесчувственно приземленно, меркантильно. Судит о поэзии, как дряхлый старик о юной красотке. Я сказал: говорить следует о том, что есть, а не о том, чего нет. Старая истина. Но разве его переубедишь?

30 октября

...На Франкфуртской ярмарке Чингиз А., сказывают, минут двадцать восхвалял на все лады книгу жены Акаева. Эдак он завтра что-нибудь вручит жене Путина.

Ай, ай, ай!.. Беркут состарится, мышковать начнёт. Синичка на троне – орёл ей прислуживает.

Надо бы и нашим жигитам учреждать свои медали. Скажем, медаль Шаханова, медаль Дукенбая, медаль имени Мыркымбая. Или, например, Нурпеисов учреждает из железа или чугуна тарелку-медаль своего имени и вручает её торжественно Ажар или мне... А! Вот было бы здорово!

А ведь к этому дело идёт.

4 ноября

Вечером узнал о кончине Расула Гамзатова. Он жил на волне народной любви. У него была счастливая литературная судьба. И умер просто. Красивая жизнь. Ему нужен был ещё один год, чтобы архивы привести в порядок. Ну, уж о том позаботятся другие.

7 ноября

В «Известиях» прочёл толковую статью Олжаса: «Кто мы и откуда?» Великолепно написано. Чётко, ясно, убедительно. В каждой фразе чувствуется огромный люфт, т.е. он знает, что говорит и о чём говорит. В логике он намного выше наших краснобаев-говорунов. Даже в спорном (этимологии имен Шыңғыс и Бату) он интересен. Прочёл на одном дыхании.

12 ноября

В Грузии уже несколько дней неспокойно. Народ прогоняет Шеварднадзе, надоел он всем в усмерть, но он, весь багровый, взъерошенный, из последних старческих сил

вцепился в кресло и весь аж трясётся. Так гадко на него смотреть! От корыта власти этого «демократа» и за уши не оттянешь. Позор и стыд! Я и не полагал, что он так ничтожен. Обратился за помощью к Путину, и тот якобы дал гарантию. А российская гарантия это что? Танки? Неужели и разные акаевы, каримовы пойдут по такому пути? Ох, шкурники!

13 ноября

Вечером позвонил Кадыр М. У него проваливается давление. Вчера верхнее было 64! Вызвали «скорую». Но позвонил Кадыр, чтобы узнать моё мнение о сегодняшней публикации его «Иірім». Там идёт главка об Олжасе и есть фразы о Нурпеисове, которые можно толковать двояко. Вот, видно, он несколько взбудоражен: правильно ли его поняли, не искажённо. Увы, некоторые толкуют по-своему и считают, что Кадыр «долбанул» әбе. Он же, наоборот, старался сгладить их конфликт.

15 ноября

В очередной раз приехал в А. Бошай Кітапбаев. Люблю я его: могучий старикан! Живой, неугомонный! Спрашивает: «Когда я в последний раз читал Радищева «Путешествие»? Говорю: «На первом или втором курсе института». «Надо, – толкует мне Бошеке, – при случае перечитать». Оказалось, он внимательно прочитал мои «Тихие беседы» и пришёл к выводу, что есть у меня с Радищевым перекличка. «Книжка твоя сильна. Тебя можно выдвинуть на Нобеля». «Спасибо. Кроме вас, к такому заключению ещё никто не приходил. А потому зафиксирую вашу мысль в своем дневнике». «Да, запиши! Я ведь тоже что-то понимаю. Как-никак активный читатель с шестидесятилетним стажем». Через некоторое время: «Алло, Назарбаев, интересно, читал твою книжку?» «С какой стати? Это абсолютно невозможно!» «Апырай, надо бы, чтобы читал. Ведь многое в твоей книге обращено прямо к нему». «Нас много, а Президент один. На всех не хватит».

Минут десять поговорили. Собеседник интересный. Перечислив всех знаменитостей, которые умерли в 81-83 года, Бошеке сделал вывод: «Видимо 81 год для человека оптимальный возраст». Похвалил меня, сказал: «Бельгер – это не хрен собачий». Я рассмеялся и сказал, что лет 10-15 назад в Союзе писателей точно так же выразился обо мне Симашко. «Ну, вот, видишь, – обрадовался Бошеке. – Я ведь этого не знал. И с Симашко знаком не был. А мнение наше полностью совпадает».

17 ноября

Пошёл снег, которого я панически боюсь. Давление сразу подскочило до 195/100. Какая тут работа? А теребят из редакций и ТВ. «Надо, Федя, надо...»

23 ноября

Дочь Есляма З. привезла книгу отца «Жыр-тағдырым». Книга составлена Розой, очень продуманно, тщательно, умно. I часть – неопубликованные стихи Есляма; II часть – его публицистические статьи; III часть – воспоминания о нём. Отличный дизайн, необычный альбомный формат, фотографии, ясный шрифт – всё сделано с любовью. Молодчина Роза! Такую память о муже сотворила. И жена, и дети Есляма поступили в высшей степени достойно и благородно. Видно, напишу о книге рецензию для «Книголюба».

... Час гулял с Сагадатом Нурмагамбетовым. Говорили о Шеварднадзе («СССР развалил, теперь и Грузию разваливает... ушёл бы хоть...»), о разных случаях в Швейцарии, Германии. Сообщил Саке, что в №11 «Парасата» вышла моя статья. Был он в зелёной куртке, белых кедах. Высокий, стройный. Отличный слух, память. А ведь скоро ему 80! С ним мне всегда приятно беседовать. О чём бы ни зашла речь – он в курсе.

24 ноября

Звонил Алтай Аманжолов, приглашает на 100-летие отца в Доме учёных. Вряд ли смогу пойти. И на конференцию памяти М.И. Исиналиева не смогу участвовать, хотя текст речи пошлю.

А грузины оказались молодцами, съели-таки Эдика-лиса. И это хороший знак. Теперь, надеюсь, на очереди Кучма, потом Акаев и Каримов. И у Назарбаева будет осложнения со своим окружением.

Очень жёстко сказал о казахах Нурбулат Масанов: «А за что его (народ) любить? Добра от зла не отличает. Воровать, с его точки зрения, – это престижно. Быть подонком и бандитом – это ништяк. Это слабый народ, носитель женского начала, который только и ждёт изнасилования и принуждения. А когда его насилуют, он счастлив и кричит от восторга».

Жестоко сказано! Многих ввергнул в истерику. А ведь от отчаяния и любви...

26 ноября

Ночью и полдня был отменный снегопад. Теперь я домашний арестант. «Ты столько пользовался волей, что можешь некоторое время прожить и в неволе», – сказал Әбе. Он позвонил утром, узнавал подробности о Шеварднадзе, обложил по матушке всех, кто засиделся у власти.

А звонил Әбе по поводу юбилея Бокеева в драмтеатре 28 ноября. Решил Әбе, что от имени ПЕН-клуба выступит Кажыгали и вручит его детям часы. Я сказал: «Пойдёт!»

А первым утром позвонил Тынымбай, сообщил, что в хорошем исполнении вышел первый № «Жалына» с двумя его рассказами с моим напутственным словом. Поблагодарил меня за простые, но прочувствованные слова.

29 ноября

В Германии был опрос: кто великие немцы? Первое место занял Конрад Аденауэр. Он самый великий. На втором месте Мартин Лютер. На третьем Карл Маркс. Последнее знаменательно, хоть и удивляет.

4 декабря

Утром заехала Жанна. Показала сигнал своей книги «Герольд Бельгер». Хорошо издали. Бумага, шрифт, дизайн, обложка – всё приемлемо. 31 фотография. 2000 тираж. Жанна рада, я доволен. Могу даже гордиться: удостоился стать объектом такой серии – «Ғибратты ғұмыр»... Тираж будет к Новому году.

5 декабря

Плохо: после обеда АД – 210/96. Еле сбил до 146. Всё же переписал 8 стр. И работаю, и печатаюсь, всё хорошо, а здоровья нет. И очень много мероприятий проходят без меня.

6 декабря

Абишу сегодня 64 года.

Переговоры Назарбаева и Шредера прошли успешно. Назарбаев наградил канцлера «Алтын қыраном». Вот фраза из речи Шредера: «Особое значение в этом смысле имеют этнические немцы, депортированные в центр Азии в годы второй мировой войны. Эти люди создают своеобразный мост дружбы между двумя странами. Опираясь на них, мы сможем дальше успешно работать на благо народов Казахстана и Германии».

8 декабря

«Голос Америки» уточнил результаты выборов в России: «Ед. Россия» – 37,5%; коммунисты – 12,5%, ЛДПР – 11,5%, «Родина» – 9%. А «Яблоко» и «СПС» не смогли преодолеть 5%-ный рубеж. Конечно, Америке это не понравилось. Заговорили об откате от демократии. Будто Чубайс, Немцов, Гайдар, Кириенко, Хакамада – демократы. Я же рад, что чубайсы не прошли. Чубайсам следует всюду ставить заслон...

9 декабря

Давление доконает меня. 197/94. Вызвал «скорую». Дали укол, сняли кардиограмму, снизили до 140/80. И теперь чувствую себя побитым псом. Башка дурная. Ну, какой я работник? Худо!

14 декабря

Ещё вчера сообщили о кончине Гейдара Алиева. О том говорили и в ТВ-программах. Отмечают, что это был выдающийся политик. Не мне о том судить. Перед моими глазами, однако, стоят сцены встречи его Брежнева в Баку. Это был грандиозный холуяж. Помнится фраза ошалевшего от такого приёма Брежнева: «Широко шагает Азербайджан!» Сцена отвратительная. Но для госдеятеля это умно, хитро, ловко и политично. Бразды правления страной он сумел передать сыну, но, думаю, со временем это аукнется скверно.

А сегодня «Голос Америки» с особым ликованием объявил, что поймали Саддама Хусейна недалеко от родного города в подвале. Таков конец тиранов!

15 декабря

Двадцать три минуты очень экспрессивно говорил по телефону Әбе. Взвинтил его Дулат, предложив провести Новый год в ПЕН-клубе с семьями. При этом Дулат употребил выражение «тым болмаса». Оно-то и всколыхнуло все обиды Әбе. Столько добра он сделал Айтматову, Ахтанову, Калтаю, Кабдолову, да и другим жигитам, ходит по инстанциям, клянчит деньги, хлопочет, суетится ради них и ПЕН-клуба, а ему, мол, все платят чёрной неблагодарностью. В чём-то Әбе прав. Я знаю.

...Кембриджский профессор Биньон якобы написал потрясающую книгу – биографию Пушкина. «Молодец, Пушкин! Молодец, кембриджский профессор!»

16 декабря

День независимости. По радио несколько раз говорил Президент. Он как всегда говорил об успехах и достижениях. Ну, до чего же у нас всё хорошо! И как только народ этого не видит. И почему не ликует – понять немыслимо. Странный народ! Неблагодарный!.. Слепой и верблюда не заметит.

18 декабря

Позвонил Кадыр. У нас с ним много общего в методе работы, в миропонимании, даже в болезнях. Спросил я у него о Зейнолле Серикказиеве. Говорит, не отвечает на звонки. И, судя по всему, ничего хорошего. Видел он недавно и Саина, тоже вроде похудел, осунулся. Ещё недавно все мы были молоды и резвы, теперь пожилые и хворые.

20 декабря

Вечером встретился с Токтаром Беискуловым. Он, оказывается, на два года старше меня. Вручил свою книгу «Қилы заман азабы» о Б. Майлине. Кажется, серьёзный труд... Рассказал Тоқа многое из биографии Майлина. Правда, почти всё мне известно.

23 декабря

Вчера обрадовал Жақау. Якобы из Астаны пришла бумага: будут издаваться к 70-летию мою книгу на казахском (20 п.л.). Начал рыться в папках, перебирать вырезки из газет, выборки из журналов. К своему удивлению, быстро набрал листов 25. Вот-те раз! А как назову сборник? По названию одного рассказа «Мұнар күн». Скомпоновал, сложил в папку. Неужели будет у меня и казахская книга? Перевёл томов 20-25 казахской прозы, а казахской книги не имею. Кто виноват? Я сам или казахи?

25 декабря

Растрогал Имангали, прислав согум – полкобылы. Что-то много. Неужели съедим? Без помощи казахов мне явно не управиться. Который год Имангали балует меня. Чем и как отблагодарю?

26 декабря

Әбе работает на квартире Раушан. Хочет до Нового года в уединении редактировать «Кровь и пот». Взял, говорит, для чтения «Тихий Дон» и «Абай жолы». Доверительно сказал, что в «Пути Абая» находит всё больше языковых огрехов. Дескать, отсутствует точность слова, всё больше фольклорная стилистика. Моментами да, хорош, есть художественные взлёты, а чаще всего – вольная, фольклорная стихия. Язык неточен. Вот у Шолохова другое дело. «Точность слова» у него везде и всюду. И плохо, что казахские писатели не перечитывают «Тихий Дон». Ведь с годами, с возрастом всё воспринимаешь иначе. Когда-то мы дружно обрушились на Аллу Марченко, утверждавшую, что «Путь Абая» – фольклорный роман. А ведь в сущности она права. «Так это, Әбе, нужно всё доказать на конкретных примерах». «А что тут доказывать?! – горячо отреагировал Әбе. – Открой любую страницу. И всё сразу прёт в глаза».

Я отнёсся к мнению Әбе сдержанно. В последнее время он настроен критически и к Айтматову, и к Ауэзову. Думаю, это очень субъективно.

И ещё Әбе хочет расколоть министра на 6 млн. тенге на гонорарный фонд «Таң-Шолпан». 500 тыс. гонорарный фонд (на каждый номер?) – давняя мечта Әбе. Тогда, мол, будет толк. Кто его знает?..

28 декабря

Вечером читал «ЛГ». Очень хорошо написано о Солженицыне. К нему я неравнодушен. И я давно солженицынист (помню, Аскар С. тоже назвал себя таким, отвергая только его претензии к казахской земле). С первой публикации в «Новом мире». Он

для меня как бы духовный наставник. Он учил меня не бояться и не врать. Он для меня нравственная опора. Этот русский перепахал и мою немецкую душу.

И об Айтматове сказано хорошо. Казахские писатели в большинстве своём ныне плохо относятся и к Солженицыну (понятно, его высказывания о Казахстане ни в какие ворота не лезут), и к Айтматову (тут мы имеем дело с банальной завистью). Многие «гении» при этих именах кривят губы. Но надо сначала подняться на высоту Айтматова. Его произведения переведены на 154 языка мира. Какого казаха перевели хотя бы на 10 языков? А туда же... – «разоблачают» в журналах совсем уж ничтожные моськи. Так что Тынымбай поступил мужественно и справедливо, откликнувшись в «Қазақ әдебиеті» на его 75-летие. А ближайшие «друзья», которых он в свое время с всесоюзной трибуны вытащил в люди, некрасиво отмолчались. Стыдно!

31 декабря

Последний день уходящего года я отметил ударным трудом. Переписал 7 страниц, принял 34 поздравления с Новым годом, определил публикации в следующем году: накопилось 7 рукописей и 45 статей. Неплохой задел.

К прошедшему году претензий нет. Работал не плохо. Может, и в Новом году удастся сохранить форму. Prosit, Neujahr!..

2004

1 января

Покатился Новый год. Мизерабельная погода: изморозь, сырь, туман, знобисто.

Но работал ударно. Переписал 7 страниц.

Мереке прислал солидный том Ахтанова, куда вошли «Свет очага» и «Буран».

5 января

Все эти дни усиленно работал. Душа радуется, когда никто не мешает.

Лео Кошут прислал из Берлина журнальчик «Ossiezky» с рецензией на мой роман «Дом скитальца».

8 января

Алмат сообщил, что «Столичная жизнь» перепечатала мой «лебіз» в «Руханияте». А по сообщению Кадыралина в Петропавловске вышел мой «Салем, Салим!» на русском и казахском языках. Директор издательства «Дайк-пресс» Булат К. доложил, что обе мои рукописи будут выставлены на тендер, и чтобы я, мол, не беспокоился. А как не беспокоиться, когда рукописи лежат, и всё неопределённо?

Позвонил в «Алматыкітап» и сказал, что первую премию «Тарлана» желательно вручить Бахытжану Канапьянову. Он её заслуживает. Иначе перезреет. А вот из молодых никого назвать не могу. «За вклад» я назвал Тынымбая и Саина.

Всё время неплохо, а всё равно постоянное ощущение, что что-то не так или не совсем так. Что-то не срабатывает, как хотелось бы.

Одно желание: не было бы пустых дней.

15 января

Вечером позвонила Татьяна Владимировна и сообщила, что платиновый «Тарлан» ныне получит Абиш, «За вклад» – Бахытжан, «Надежда» пока не определилась.

16 января

В «ҚӘ» вышла моя заметка, в «Ақ жол» – интервью, в «Парасате» – дневниковые записи.

А вечером в Оперном театре состоялось чествование лауреатов премии «Тарлан». Много знакомых. Праздничная атмосфера. Среди новых лауреатов много моих друзей: Абиш, Бахытжан, Сайын, Гаркавец, Е. Бектуров, Шарманов. Получили премию также Днишев, Кесоглу. Особенно рад за Мурата А. (по номинации просвещение). Вообще всё по уму (за исключением, пожалуй, министра просвещения – ему дали ни за что). Торжественно, красиво. Вели вечер Б. Абилов и «мисс Вселенная» Оксана Фёдорова (неужели в А-Ате не нашлось «мисс»?).

Хороший был потом банкет. Я был в окружении милых жигитов, доброжелателей, которые полчаса пили за моё здоровье, настроение и грядущее 70-летие. Было весело, непринуждённо.

Это – праздник духа. А вот печаль жизни: вся оставшаяся ташкентская родня бросает дом, усадьбу, родные могилы и даёт деру. Это ужасно печалит.

Рая утром даже расплакалась. А что сделаешь? Сначала уехал Илья, потом Борис, потом Саша, Вова, Альма, Таня, Артур, ушли из жизни Роза, мама, отец, сват, теперь уезжают Марина, Игорь, Вески, Арсен, потом тронется Эльма. Кто в Германию, кто в Россию, кто в Казахстан. И рухнет второй отцовский дом, в котором некогда было столько людей, столько жизни, столько судеб, упорядоченного быта. И всё коту под хвост. Сердце разрывается. Одиночество густым туманом обволакивает меня на старости лет.

20 января

Два часа говорил в камеру И. Гонопольского. И ещё два часа должен говорить завтра.

Из Киева позвонил Фёдор Т. Моргун. Просит переслать рецензию на имя Вл. Гундарева.

22 января

Узнал из «ЛГ» о кончине Ахияра Хакимова, башкирского писателя. Я встречал его в Москве, в Алма-Ате. Он был знаток национальных литератур. Дружил с Ануаром. Кажется, Ануар нас и познакомил. Я испытывал к нему симпатию. Был он лет на пять-шесть старше меня.

Прочёл очерк о Богомолове. Вот скромняга! Удивительная личность! При жизни его «Момент истины» издавался сто раз! А он отказывался от членства, наград, премий, званий, привилегий. Редкость в наше время.

Из Германии пришла книга «Die unbekannte Anna German».

29 января

Звонила Маргарита Маданова – умница и симпатичное создание. Просит написать предисловие к книге «Нурпеисов в зарубежной критике». В принципе охотно, но пока не знаю, с какой стороны приступить.

1 февраля

Целый час на прогулке беседовал с Саином Балмухановым. С ним говорить интересно. «Восемьдесят лет – не шутка!» – говорит. Он не сторонник тех, кто считает, что мяса надо есть меньше. «Американцы и немцы мясо, колбасу, бифштекс едят больше казахов. А живут дольше».

4 февраля

Моргун позвонил из Астаны. Выразил благодарность за рецензию. Снял 30 копий, многим раздал. Полный вариант рецензий намерен издать на Украине. Говорит, был у Президента, и тот якобы сказал: читал и Таракова, и Герольда Карловича. Неужели?

10 февраля

От Кошута письмо: никаких шансов на издание моего романа в Германии. Там предпочитают детективы Марининой. Её читают. Зачем им казахи и судьба переселенцев? Собственно, я иллюзий и не строил. То же, пишет Кошут, и с романом Әбе.

Завтра вызывают в акимат: хотят вручить медаль «50 лет Целине». Не знаю, как доберусь? Не пойти – не поймут.

13 февраля

В Таразе вышел новый лит. журнал «Жамбыл». «Абай» есть, «Жамбыл» есть, теперь нужны ещё «Махамбет» и «Магжан». Журналов много, но кто будет в них печататься?

15 февраля

В «Известиях» прочёл Фонд Солженицына. Грандиозно! Вот это личность! Гражданин-азамат! В Казахстане доморощенные гении считают себя выше Солженицына. Но ни один из них не способен на такое. Наши «гении» способны только властям в рот заглядывать и клянчить деньги на издание своих многотомников.

18 февраля

«Дайк-пресс» намерен издать две мои книги. Обе рукописи вычитал после компьютерного набора.

...Была Лена Зейферт из Караганды. С ней приятно беседовать: умница, всё схватывает на лету.

В «Жас алаш» привлекало внимание интервью с Аскаром Джумадильдаевым. Этот математик мыслит свободно и широко.

19 февраля

Позвонил Кадыр М. Он в ожидании выхода книги «Иірім». Работает ежедневно. Я испытываю к нему братские чувства. Надеюсь, и он относится ко мне так же. Поговорили о Герцене, о Ницше, о том, что проходим мимо многого. «Поговорил – облегчил душу. Ты тоже позванивай мне», – сказал он напоследок.

29 февраля

В «Известиях» перечислены российские миллиардеры: их 25, в Москве – 23.

Михаил Ходорковский – 40 лет – 15 млрд. долларов. Роман Абрамович – 37 лет – 10,6 млрд. Михаил Фридман – 39 лет – 5,6 млрд. Олег Дерипаска – 35 лет – 3,3 млрд.

Виктор Вексельберг – 46 лет – 3,3 млрд. Леонид Невзлин – 44 года – 2 млрд. Вас. Шахновский – 46 лет – 1,8 млрд. И т.д.

Спрашивается: когда развалился СССР, им было 23-30 лет. Каким образом они смогли сколотить такие богатства? Какими трудами, каким дарованием? А ведь ещё Березовский, Гусинский... Разве это нормально? Разве мыслимо такое терпеть в России?

3 марта

Вечером зашёл Нурпеисов и один час двадцать пять минут произносил обвинительную речь по поводу моих дневниковых записей в «Парасате». Он старался держаться спокойно, но чувствовалось, что был сильно разгневан, моментами прыгали губы, допускал угрозы, говорил резкие слова. Я его выслушал терпеливо и молча. Не знаю, может я неправ. Но я сказал только то, что думаю о его романе. И сказал тактично. Так что возмущение Әбе было мне не совсем понятно. Сказав всё, он хотел было уйти, но я попросил его выслушать и меня. Однако, через десять минут он объявил, что у меня ослиное упрямство. Я сказал: «От вас и пристало». Әбе заметил, что два удара моих он простит, а третий удар – ни за что. Ударит так, что... По его словам, я его ненавижу и презираю, и непонятно, откуда у меня это – то ли от комплекса неполноценности, то ли из-за какой-то обиды, то ли из-за моего физического недостатка... Словом, наговорил много. И мне досадно и горько. Выходит, повздорили на старости лет. В общем-то глупо. Взвинтил он себя, а моё давление загнал за 200. Но удивительно: я почувствовал облегчение. Ибо в конкретном этом вопросе он абсолютно неправ. Бог с ним! Время рассудит.

9 марта

...Вечером меня всё-таки забрали на «31-й канал», и я выступил в беседе с Бериком. Вопросы были острые, и я не особенно осторожничал. Говорил, что думаю. Работники довольны. Приехал домой – сразу же позвонили человек пять. Одобряют.

10 марта

События на полит. небосклоне: Абыкаев назначен спикером Сената. Может, он там заговорит? А на его место сел Имангали. За него я рад. Думаю, это его место. Но всё-таки что будет делать Абыкаев? Говорят, он хороший гольфист...

14 марта

Забуянил Нуркадилов. Пыль столбом. И я подумал: ну, начнётся локальная драчка. Жигиты схлестнутся яро. А как быть нам, инородцам? Нам придётся помалкивать, ибо обеим сторонам не угодим... А куырдак назревает большой. И всё-таки попугают друг друга и поладят как миленькие.

Президентские выборы в России: Путин – 71%, Харитонов – 14%, Глазьев – 6%, Хакамада – 3,8%, Миронов – 0,8%. Собственно, нечто подобное и ожидалось.

18 марта

Симашко сегодня было бы 80. Он ещё мог быть среди нас. В Израиль он уехал зря.

...В пять вечера мы чествовали его память в Малом зале Русского театра. Я еле добрался. По пути схватило сердце, и я вынужден был делать паузы через каждые три шага. А дорога шла всё вверх и вверх. Как же мне было худо! Казалось, пальцем ше-

велить не могу. И валидол сосал, и коринфар, адельфан принимал. Однако дополз, отдышался, успокоился, даже выступил. Народу было много. Почти все известные люди. Встретили меня у входа Бадиков, Соколовский, Ананьева, Шашкова, Чернова, Енисеева, Елеукенов. Вечер прошёл хорошо. И я продержался 2,5 часа. Но еле передвигался. Довёз меня проф. Хасанов. Сердце просто окаменело. И ещё принял клофелин. Пульс 97! Лишь через час отлегло.

19 марта

И сегодня мне худо. Позвонил Әбе: надумал именно завтра проводить заседание редколлегии. Я сказал, что нездоров. Через час позвонил снова: завтра в 11.30. Нет, не смогу. Не поднимусь на третий этаж. Наконец, он согласился, но попросил написать свой отзыв по первому номеру. А во второй № идёт мой рассказ.

Фельдъегерь завёз поздравление от Тасмагамбетова.

20 марта

С давлением 189/93 поплёлся на 70-летие покойного Сарсенбая. Провёл домой Аким. Розу он уже отправил в Астану (с детьми). Она, получив приказ, была в растерянности. И Аким ей сказал: «Как бы там ни было, я уйду на 31 год раньше тебя. А кто вырастит наших детей? Литературой не прокормишь. Придётся пойти на госслужбу. Так что поезжай и работай. А я подъеду». Роза проплакала и согласилась с таким доводом.

Поразился: у Акима крепкая память.

Едва зашёл домой, позвонила Ардак: скончался Зейнолла Сериккалиев.

21 марта

Хоронили сегодня Зейноллу С. Народу в СП собралось много – литераторы, журналисты, учёные, актёры. Говорились высокие и достойные речи: Нурлан, Кабдолов, Кайсенов, Мади, из акимата, Мадияр, Т. Ибрагимов… Грустно…

В 1963-64 г.г. в «Жұлдызе» нас было 9 человек. Из них ушли Аскар С., Сабырхан А., Саги Ж., Сансызбай С., Зейнолла З.

Среди нас самый статный, молодой, красивый и здоровый был Зейнолла. А вот ушёл… Ещё год-два назад ходил в походы, лазил по горам.

Был он человек порядочный, чистый, благородный, деликатный, верный в дружбе, принципиальный во взглядах. Умница. Ответствен и надёжен. Казахская литература без него обеднела. Духовная аура казахов оскудела.

Грустный, убитый еле дотащился до дома.

22 марта

Рае исполнилось 68. Конечно, не комсомолка, но держится молодцом. Тьфу-тьфу! Я ныне полностью завишу от неё и потому прежде всего думаю о её здоровье. Разумный эгоизм, по Чернышевскому.

А наурыз был классический. С утра дождь, потом легкий снежок («құс қанаты»), потом приятная пасмурь, а после обеда солнечно.

От Жақау Дәуренбекова узнал, что мою казахскую книгу из списка вычеркнули. Почему? Бог весть! Может, решили, что я и так часто издаюсь. Досадно и несправедливо. За семьдесят лет ни одной казахской книжки. Могли бы и издать. Что поделаешь.

23 марта

Наконец, привезли мою книгу «Гармония духа». Издали хорошо, но «блошек» в казахском тексте уйма.

А вечером по «Хабару» показали фильм Гонопольского обо мне – «Линия судьбы». По-моему, вполне нормальный фильм. Сюрпризом для меня было то, что в нём говорят обо мне Щеголихин и Дулат. И при этом очень кстати, точно, серьёзно, уместно. Дулат вообще поразил. Он будто улавливал мои мысли, чётко выделял и оттенял их. И Сауле Усенбаева говорила хорошо. И фотографии «играли» уместно. Словом, Гонопольский создал хороший фильм, который меня взволновал. Я тотчас позвонил Щеголихину и Гонопольскому. Приятно, когда люди относятся с такой сердечной теплотой.

Много было звонков.

24 марта

Пригласил меня на беседу Германский посол Андреас Кёртинг. Приятная личность. Поговорили около часа. О делах в Казахстане, о культуре, о том, о сём. Он многое знает. Всё правильно оценивает. Я передал ему четыре свои книги. Одна – книга Жанны – лежала у него на столе. Общительный, открытый, внимательный и деликатный человек.

26 марта

Позвонил Посол Германии и обрадовал: будет способствовать изданию моей рукописи «В поисках своего ритма» во втором полугодии. Это здорово! Я успею ещё раз рукопись просмотреть, дополнить и дать на компьютер. Неужто повезёт?..

28 марта

Был в гостях у братьев-оружейников Кулмановых. Хотел быть час, а пробыл три часа. Хорошие ребята! Всё толково объяснили, показали. Талантливые и умные.

Потом устроили в мою честь шикарный дастархан, и я разговорился, обо многом рассказал. Мне было с ними хорошо. Потом они привезли меня домой.

И я по горячим следам написал свои впечатления. Возможно, сделаю статью. Или напишу самому Назарбаеву. Художников надо поддержать.

...Вечером неожиданно зашёл Балташ Ерсалимов. Приехал из Семея выражать соболезнование мне, Зейнулле, Туманбаю, Нуршаихову. Вот настоящий казах!

1 апреля

Вечером читал дневники Курдакова. У него тоже был инсульт. И всё он описывает так точно, что я, вспомнив себя в том положении, содрогнулся. И испытал безумное чувство благодарности к тем высоким силам, которые после столь тяжкого испытания дали мне возможность успешно работать и издать десяток книг. Признателен такой судьбе. Ведь сковырнуться я мог в любой момент.

3 апреля

Заехал за мной подполковник Ерлан Ібітанов (сын Еркена Ібітаева) ещё до девяти утра. Более часа дожидались нашей встречи. «Нашей» – Надежды Лушниковой, Асылы Османовой и моей. Надю я не видел давно, и мне было приятно с ней. Обе дамы – молодцы. Прекрасно говорили. Ну, и ко мне зал был расположен хорошо. Встреча с

офицерами КНБ продлилась полтора часа. Всех нас обласкали-одарили, да ещё щедро угостили. Хорошее впечатление произвёл полковник Бекет.

6 апреля

Надя Рунде прислала кипу всякой всячины из Германии: роман Штайгера, книгу Райзера, рецензию на мой «Дом», ещё две рецензии, газетные вырезки, фотографии, дискету, журнал «Дальний Восток», программу литвстреч, план издательства Бурау. Много любопытного... А просит выслать «Помни имя своё» и «Г.Б.» Жанны.

7 апреля

Из «Известий» узнал о кончине Н. Богословского. Хороший был композитор. И человек оригинальный, живой, колоритный. Трудился на славу. И жил красиво. Свободная душа!

Скончалась в Москве и Лариса Иосифовна Богораз. Имя её мне знакомо более 30 лет. Смелая, мужественная женщина.

13 апреля

Вечером позвонил Бадиков. Зондировал вопрос: как я смотрю на то, если Зейферт напишет обо мне книгу. Она якобы стесняется говорить на эту тему. А как я смотрю? Целую книгу написала обо мне Жанна. Монографию о моих опусах готовят Ананьева и Бабкина. Статей обо мне написана уйма. Если написать ещё одну книгу в таком направлении – то это, пожалуй, перебор. Если найдёт другой – аналитико-эссеистский – ключ, то дело другое. Хвалебные слова, котурны мне абсолютно не нужны. Не тот возраст. Словом, надо на эту тему с Леной поговорить. Если же пойдёт проторенным путём – то зачем: о себе я вроде сам всё сказал. Да ещё три диссертации обо мне написаны. На большее, чай, я и не тяну.

А вот дневники мои, возможно, будут читаться. В них отражены (хочется надеяться) приметы времени и факты бытия. Впрочем, кто знает, «как наше слово отзовётся». Может, всё это мишура, прах, самообман... Да скорее всего так. Скажут: «Да ну этого Бельгера! Бумаги извёл много, а ничего путного не сказал».

14 апреля

В обед выступил в Клубе ветеранов науки в АН. Собрался пожилой контингент, человек 60, но все умные, образованные. Я говорил вольно, импровизировал, получился живой разговор, слушали внимательно, с интересом.

Правда, физически это мне тяжело. На обратном пути чувствовал, что меня шатает. Да и сердце моментами давало довольно о себе знать.

15 апреля

А вечером около трёх часов просидел в Малом зале Лермонтовского театра на мероприятии по поводу 110-летия Ильяса. Были все его живые дети. Говорили много. Я тоже отбарабанил свою речугу. Приняли хорошо.

Ушёл, не досидев до конца. Уже и голова закружилась, и сердце ёкало. Долгие посиделки не для меня. Как говорит Кадыр, «на собрание идёшь здоровым, а возвращаешься больным». Много было знакомых. Сара Тыныштыгулова сказала в мой адрес несколько похвальных слов и даже поклонилась в благодарность.

16 апреля

Позвонил из Астаны Султанмурат Жунисбеков и сообщил, что вышла книга Дильды-апа в моём переводе. Для меня неожиданно. Уточнил мой адрес. Якобы Имангали намерен написать мне письмо.

Зашёл Куаныш Ж. С ним я передал письмо на имя Президента и вложил вырезку из «Эпохи» (о братьях Кулмановых).

17 апреля

Был Ербол Шаймерденов, занёс свою новую книгу. 12 мая ему исполнилось 50.

Звонил Роллан Сейсенбаев. Ему понравилась моя заметка в «Эпохе». Он хочет её перепечатать в «Аманате». А осенью хочет взять у меня интервью для своего журнала.

19 апреля

После обеда был в Институте литературы, где состоялась презентация сборника «Литература народов Казахстана». Были знакомые литературоведы, писатели, журналисты, телевизионщики. Выступили Каскабасов, Елеукенов, Бадиков, я. Интервью для ТВ давали Елеукенов и я. Ну, и состоялся приятный банкет. А дома час-другой полистал сборник. Обнаружил большой кусок о моём романе, ст. Бадикова о моих «Беседах» и мою объемную статью о нем. образах в казахской прозе. А имя моё фигурирует там-сям раз сорок. Я и не ожидал. В сб. есть обзорные статьи об уйгурской, корейской, курдской, татарской, русской, немецкой литературах.

20 апреля

Съездил в резиденцию Президента, где ветеранам литературы и искусства (кажется, человек 50-60) вручили президентские стипендии. Писателей человек 12 – Щеголихин, Сергеев, Калмухан, Нуршаихов, я, Кайсенов, видно, Кабдолов, Нурпеисов, Сафуан (но их я не видел). Встречу провёл Имангали. Выступили с благодарностью Кайсенов, Багланова, Серкебаев, Гульмира Разиева, Рахмадиев.

В конце все ринулись к Имангали, у всех какие-то дела, умоляли о встрече. Я тоже подошёл, вручил ему «Гармонию духа». Он обнял меня, сказал, что написал письмо, что мой перевод «превзошёл оригинал». Я не стал мешать другим и сразу отошёл.

Я сидел рядом с Щеголихиным. Обменялись короткими фразами. Он по-прежнему симпатичен, солиден, держался достойно и немного отстранённо. А Сергееву через год будет 90 и держится молодцом.

Домой заехал лишь на десять минут и подался в Академию наук («Зимний сад») на заседание общественного фонда «Зерде». Передали госархиву 77 номеров «Яш Туркістан» Мустафы Чокая, выкупленные в Англии. И здесь было много знакомых – Байменов, Абилов, М. Адибаев, журналисты, акжоловцы, учёные. Я давал интервью «Эпохе», «Литеру» и ТВ. Бахыт Садыкова вручила свою книгу «Мустафа Чокай», Кайрат из АН – сборник.

В «Дайк-пресс» мои рукописи отодвинули и выполняют соцзаказ.

22 апреля

На столе огромной кипой лежат девять книг и две рукописи, которые я должен прочитать и отрецензировать. А ведь, помимо этого, мне необходимо читать газеты, журналы и часов пять в день писать.

Был на панихиде Болата Габитова-Джансугурова. Очень много народу собралось в Доме кино. Тромб убил Болата. Колоритный, мощный был мужик. Ушёл в неполных 67 лет. Были на панихиде и Олжас, и Мурат, но я их в толпе не видел.

От Имангали благодарственное шикарное письмо получил ещё вчера. Очень проникновенно и красиво, высоким казахским слогом написал.

25 апреля

После обеда гулял с Молодовым. Узнал, что он не только хоровой дирижёр (хормейстер и хоровой дирижёр – разные вещи!), но и сочинитель, обработчик. Хорошо говорил он о музыке, о трактовке, о разном прочтении мёртвых нот. Сочиняет Молодов и духовную музыку для хора.

Ласковый, тёплый был день. Сладко перекликались дрозды. Всё вокруг в буйной зелени. Девочки вокруг ходили обворожительными стайками – обалдеть! Юные прелестницы – глаза радуются, в груди тепло.

Сказал Ан. Васильевичу, что отправил сегодня в Германию три бандероли. «А зачем?» «Как зачем? Просят, читают». «А что вы от этого имеете?» «Ничего не имею». «Ну, и зачем тогда посылать?!» Странно, не понял или прикидывается? Конечно, мне, пенсионеру, бандероли отправлять накладно (шутка ли сразу 4000 тенге выкинул). Но мне ведь тоже присылают. Может, именно для этого мне и дают президентскую стипендию? А не только на шай-пай.

27 апреля

Каждый раз, как посещаю врачей, обнаруживаются новые хворости. Все анализы плохие. И сахар высок, и холестерин, и мочевина, и почка барахлит, и сосуды ни к чёрту. Вообще странно, как я ещё живу. И в каждый кабинете выписывают три-четыре лекарства. Получается, что мне необходимо пить 28-30 лекарств. С ума сошли, что ли?

Нет, лучше врачам не показываться... Одно только расстройство.

В «Жас алаше» толковое интервью с Б. Абиловым. Мне он давно симпатичен.

29 апреля

Из «Ана тілі»: 26% казахстанцев – нищие (по всемирной классификации).

Слово «керіш» означает глинозём.

Хасен Адибаев прислал свой новый роман «Созвездие близнецов».

1 мая

Мир. Труд. Май... Хмуро, пасмурно, прохладно.

Звонил Кадыр. Мило поговорили: и о своих болезнях, и о писаниях, и о наших общих знакомых. «Замечаешь? Кое-кто из наших общих знакомых, кажется, тронулся умом. И я этого опасаюсь. Я ныне отношусь к себе очень строго. Наверное, даже стихи перестану писать. Побаиваюсь», – признался Кадыр. У меня примерно те же самые ощущения. Многих знакомых стариков я ныне избегаю. У них действительно есть признаки алжу... А говорить с Кадыром приятно. Я его чувствую и понимаю, как брата.

6 мая

Пришла «ЛГ», и я сразу увидел рядом с Пушкиным логотип Горького. Четырнадцать лет тому назад дураки сняли его, а теперь образумились – поставили на место.

Это же так естественно и справедливо. Меня вообще пугают те, кто недооценивает Горького. Он могучая личность. И отлучить его от истории культуры – глупость. А ведь понадобилось столько лет, чтобы это понять.

Как бы там ни было, свершился акт достойный и справедливый. Меня это очень обрадовало. В «ЛГ» прочёл интервью с Борисом Ефимовым, художником-карикатуристом. Ему пошёл 104-й год. Он, оказывается, родной брат Михаила Кольцова. Я и не знал. И ещё я узнал, что Вера Инбер – племянница Льва Троцкого. Как она уцелела?!

8 мая

Звонил некий Өмірзак из журнала «Жалын». Хочет написать обо мне. Не возражаю ли я? Но парень знает только мою казахскую публицистику. Прозу не читал. И вообще мало что читал. Ну, и как собираешься писать? Почитаю. До осени успею. Ну, как хочешь. Только много приходится читать. Может, пусть лучше напишут Сайлаубек? Он меня неплохо знает. Нет, я сам напишу. Ладно, воля твоя.

Позвонила Бабкина из Семея. Закончила монографию обо мне. Теперь её прочтёт и дополнит Ананьева. Она и будет соавтором. А рецензентами Елеукенов и Бадиков. Хотят издать к моему 70-летию.

12 мая

Позвонила Мария Абдрахманова из Астаны и сообщила, что вышла книга «Рассказы о биях», составленная и переведённая мною. Приятный сюрприз! С Марией мило поговорили. Получается, она редактировала четыре мои книги: «Дом скитальца», «Казахское слово», «Исповедь матери», «Рассказы о биях» (последние две – переводные).

Вслед за ней позвонил Құл-Мұхаммед и попросил перевести предисловие Абиша к книге одного историка. Согласился.

Вечером позвонил в Астану и поздравил Ербола Ш. с 50-летием.

14 мая

Очутились в одной палате с Талгатом Бигельдиновым. Вежливый, простой, обаятельный, искренний человек. Рассказал о своих друзьях Бауке, Малике, Кошкарбаеве, Луганском. Обо всех сказал доброе. Очень прочувствованно, с умилением поведал о пчёлах. И часы, подаренные Путиным, показал. Таке идёт 83-й год. Но крепок.

15 мая

Из Германии от Рунде получил «Лексикон рос. нем. литературы», составленный Аннет Моритц. Обо мне даны 4 страницы. И очень много ссылок на меня. Много подробностей, анализ. Предисловие давней знакомой Аннелоры Энгель. Зря мои друзья всполошились: дескать, всё списала с моего «Лексикона». Нет, труд вполне оригинальный и самостоятельный. Если и есть переклички, оттого, что объект один.

18 мая

Весь день никто меня не тревожил, и я увлечённо работал над статьей «На пути к немецкому Абаю». Написал аж 10 страниц. Для моей больной головы это много.

...Уже поздно вечером позвонил Гунашев из чеченского центра, пригласил на мероприятие по случаю годовщины депортации народов Северного Кавказа. Увы, физически не могу.

20 мая

Позвонил вчера один из братьев-уста Айтберген. Радостный, возбуждённый. Оказывается, моё письмо и вырезка из газеты дошли-таки до Назарбаева. Он удивился и живо откликнулся, наложил сочувственную резолюцию, и всё мгновенно пришло в движение. Поручение дано Имангали, и он ударил во все колокола. Братьям тотчас позвонили из правительства, из Министерства культуры, из акимата, из редакции газет. Вот что значит Президент! Сразу взяли быка за рога. Всё завертелось! И я рад, что Президент такой чуткий. Вдруг всё это ребятам поможет?

С 3-х до 7 вечера был в Национальной библиотеке на мероприятии, посвященном 110-летию Ильяса. Всё было здорово организованно. Клан Джансугуровых оказался на высоте. Прекрасные номера. Речи, постановки, стихи, пение – всё классно. И зал очень доброжелательный. Я тоже что-то сказал, приняли хорошо, одарили чапанами. Давал интервью «Хабару» по-русски, и по-казахски. Давал автографы. Многие дарили книги. И банкет был щедрый.

21 мая

Позвонили из президентского аппарата из Астаны, доложили о реакции Президента на моё письмо и о мероприятиях по этой части. Похвалили мою гражданскую позицию и обещали время от времени докладывать о проделанном. Дело под контролем Президента. Я рад за братьев-уста, что мог им чем-то помочь.

23 мая

...Встретил на прогулке Сагадата Нурмагамбетова с женой. Поблагодарил за мои дневниковые записи в «Парасате» и сообщил, что прочёл мой рассказ в «Таң-Шолпане». Саке читает больше, чем половина наших писателей. 25-го ему исполняется 80. Но отмечает в Астане 29-го. Вид у него бравый, молодецкий. Во всяком случае кажется моложе меня.

25 мая

Из «Экспресс К» узнал о трагедии на Устюрте: посол Германии Андреас Кёртинг поперхнулся мясом (попал в дыхательный путь), потерял сознание, еле вытрясли мясо, остановилось сердце, еле запустили, с большими мытарствами в бессознании доставили на санитарном самолёте до Карлсруэ, где уже пятый день лежит в коме. Ужасно! Такой здоровяк. 60 лет. Месяц назад беседовал с ним. Это надо же – такая нелепость.

26 мая

Пришёл №5 «Простора». Там заключительная часть моего перевода Дильды-апа. Получается, что мои переводы давались в пяти номерах подряд, но ни тиынки за это я не получу. Журнал безгонорарный. А потому редактор пошёл по линии «У нас в гостях». Львиную долю журнала отводят гостям. На сей раз гость – альманах «Сибирские Афины». Конечно, таким путём казахстанскую литературу развивать не сможем. И трудно делать журнал привлекательным без гонорара. Глупо и досадно.

27 мая

С утра отправился в Дом учёных на «круглый стол». Говорили о гуманизме в религиях. Были интересные суждения. Особенно понравился посол Польши пан Здислав

Новицкий. Прекрасная речь, чёткая логика. И вообще многие оставили доброе впечатление. Жаль, что всё узко-колейно. До массы все эти умные рассуждения не доходят.

...Из Омска позвонил Руди А.А. Говорил о возможности издания 10-томника литературы российских немецких писателей. Он хотел бы меня в это дело впрячь. Я обещал дать несколько адресов и согласился быть членом редсовета или консультантом. Составление 10-томника я уже не потяну.

29 мая

Вчера в 9-м часу вечера Маржан А. завезла книгу Г. Жакиянова с приглашением его жены Карлыгаш. Часа два я полистал книгу, вычитал много мне известного, сплошь и рядом знакомые ситуации и фамилии и примерно обдумал, что́ я могу сказать по поводу книги. В общем считаю, что она нужна обществу. Как политик Жакиянов, конечно, чересчур открытый. Это его недостаток.

30 мая

Давно уже хочется перечитывать «Былое и думы», прозу Лермонтова, пьесы Чехова, а вместо этого читаю то, что можно, пожалуй, и не читать.

Оппозиционные газеты читать тоже надоело. Официальщину тем более. От казённой политики и вовсе тошнит. Может, отвлекусь переводами? Ай, вряд ли? Странно, многое из того, что я делаю, кажется вовсе не обязательным.

4 июня

В «ЕҚ» объявление о Госпремии на 2004 г. Хотелось участвовать в конкурсе-доде со своим «Домом скитальца». Но пока не знаю, как это делается, какие следует оформлять бумаги, кто выдвигает. Всё это надо вызнать. А рецензий уже сейчас набралось штук восемь. Нет уверенности, что из этого что-то получится, но попытка – не пытка.

6 июня

Прочёл стр. 50 Коэльо. Что-то возятся с ним, как с писаной торбой. Нет, не тянет. Ничего в нём не обнаружил. Ужасный примитив. Плохое, сухое письмо. Мысль помещается в ореховую скорлупу. Не за что уцепиться. Зря рекламируют. Дутая слава.

8 июня

От Аннелоры Энгель из Киля получил Lexikon Annett Moritz. Полезный справочник. Мне уделено в нём много места. Страниц три статьи и более двадцати ссылок.

В «ЛГ» прочёл антипознеровскую статью Салуцкого. По всем статьям, по-крупному раздолбал Познера. Поделом. Аргументированно. Высказал то, что я давно чувствую. Какие только проходимцы не терзают, не клюют бедную Россию!

10 июня

Звонил Болат Абилов, приглашает на митинг «Ак жола», обещает прислать машину. Говорил со мной по-казахски, очень учтиво. Вообще я отношусь к нему с симпатией, но физически для митинга не гожусь.

Позвонил Бошай Кітапбаев. Он был в Астане, встретился с Қул-Мұхаммедом, поговорил 4 часа, очень высокого мнения о нём. Я обрадовался, ибо тоже почитаю Мұхтара за образование, культуру, активность и щедрость. Поговорили с Бошеке и об Иман-

гали. И тоже сошлись в мнениях. Да и сам Бошеке – цельная натура, глыба. В 81 год мотается везде и рассуждает здраво, глубоко, хотя и говорит о себе шутливо: «Я ведь умом тронулся». Крепкая, могучая личность с твёрдыми принципами.

12 июня

Точно по графику закончил перевод рассказа Тынымбая «История одного попугая». Получилось 66 стр. Вроде нормально. Через некоторое время отредактирую и передам автору. Объявил себе отпуск на 10 дней. Буду только читать. Больше гулять.

14 июня

Позвонил Мендеке, просил подписать письмо в защиту «Жас алаш». Конечно, подпишу. «Жас алаш» – одна из лучших, принципиальных казахских газет. Может, лучшая.

15 июня

«Казправда» опубликовала мою рецензию на роман Х. Адибаева.

В «Жас алаш» вышло заявление, которое и я подписал. Позвонил Ахметов, просит подписать заявление в защиту «Ак жол». Конечно, подпишу.

Позвонил Арцишевский, передал привет и просьбу Рериха дать интервью газете «Асар-Казахстан». Отказался. Накануне выборов таких просьб будет много.

17 июня

Скончался Мукадас Еслямгалиев. Я с ним мало общался и читал его немного. Был он, кажется, человек тихий, скромный, сосредоточенный и порядочный. И в литературе работал честно и добротно. Было ему всего 58 лет. Только что издал дилогию об Айтеке.

Прочёл несколько отрывков из дневника Г. Свиридова. Мощная фигура!

Неожиданно дала о себе знать Разия Майлина. Прочла в «Парасате» мой материал о ней и четыре свои письма. Растрогалась. А сообщила печальную весть: в 78 лет ей отняли обе ноги. Теперь инвалид I группы. Живёт с детьми.

21 июня

Утром позвонил Шота В. Потом позвонил ещё раз и зашёл. В моих дневниковых записях в «Парасате» он обнаружил крохотную неточность в отношении его (я, дескать, на полчаса не раньше к нему пришёл, а позже). Он исправил это место, внёс коррективы, дополнил одну строфу своего стихотворения, отпечатал на компьютере и принёс отредактированную им страничку. Вот какой щепетильный! «Ты зануда!» – сказал я ему. Нет, ответил он, просто люблю точность, а этим ты меня заразил. Я и раньше замечал, что он очень дотошен к деталям. Я взял его «жамау» и прямо при нём вложил в соответствующее место рукописи дневника, дескать, учту и попили чай. «У меня нет врагов, – сказал Шота. – Но есть люди, которые меня не понимают».

Пожалуй, и я могу так сказать

23 июня

На утренней прогулке беседовал с акад. Сайыном Балмухановым. Он утверждал, что казахи зря переводят «тюлень» как «итбалық». Русский «тюлень», мол, произошёл как раз от казахского «түлен». Говорят же «түлен түртті». То есть, тюлень мордой своей

пробивает лёд снизу. И ещё есть выражение «түлен мен бұлан, есек пен құлан». А вот насекомое по-казахски – «бөсек». Есть казахское выражение «шілденің шүлеңгері». Это 7-10 дней во время шілде, отличающиеся особенно крутой жарой. А «финики» по казахски «дүйт». Я это слышу впервые. Сәке уверяет, что много старых казахских слов он узнавал в своё время от Нурпеиса Байганина. Дескать, у него постоянно записывали редкие казахские слова Ауэзов и Муканов.

27 июня

Часа два читал тетрадь отца. В ней дни рождения и смерти всех наших родственников, полит. конспекты, записи по настроению, стишки, заметы, сведения о моём дедушке Фридрихе. Читал всё это, будто с отцом беседовал. И вовсе настроился на минорный лад. На душе нехорошо.

28 июня

В ЛГ (№23) читал об адаптированных изданиях классики. Карманным форматом в 80-90 страниц издают «Преступление и наказание», «Войну и мир», «Мастера и Маргариту». Минское издательство «Совр. писатель» издало «Братья Карамазовы» на 164 стр., «Мастер и Маргариту» – на 132 стр., «Войну и мир» (четыре тома!) уместили на 157 стр. карманного формата. «Мёртвые души» уложили в Минске на 152 стр., в Ростове-на-Дону – на 117 стр., в Москве – на 80 стр., «Евгения Онегина» изложили в Минске на 33 стр. Вот такое обрезание, оскопление! Ну, не свинство ли? В угоду кого? И что это за классика?

Вот пример общественного тупизма и идиотизма. В Казахстане 4 книги «Пути Абая» тоже адаптировали, ужав до 15 п.л. Других примеров не знаю. Может, и «Кровь и пот» изложат на 80 стр., а потом и остальные пузатые романы. А что? И сделают! Лиха беда начало.

1 июля

На вечер памяти Фариды Жанузаковой я не пошёл. Очень неудобно перед памятью Фариды (мы ровесники и ко мне она всегда была внимательна) и перео Майрой, однако в такую жару – чувствую – я до СП не дошёл бы. Подобные посиделки уже не для меня. Печально...

А на понедельник СП приглашает на ас в честь 100-летия Абая. И туда ради великого аруаха надо бы пойти. А вот смогу ли – не знаю. Но попытаюсь...

Написал рассказ-очерк «Отцовская тетрадь».

3 июля

Ещё студентом знал о четырёхтомном «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера. А теперь только узнал, что он из петербуржских немцев, родился 28 февраля 1886 г., окончил Петербургский университет, преподавал в Высших женских бестужевских курсах и в Саратовском университете. В 1924 г. основал журнал «Zeitschrift für slavische Philologie». А с 1925 года профессор Славянского института при Рейнском университете имени Фридриха Вильгельма в Бонне. С 1928 года член-корреспондент АН СССР. В России его звали Максимилианом Романовичем. Первое издание его Словаря вышли на немецком языке в Гейдельберге. Макс Фасмер умер в Западном Берлине 30 ноября 1962 г.

Такая вот судьба. Олжас в своих языковых изысканиях постоянно ссылается на него (а иногда пользуется им без ссылок). О том мне постоянно твердил и покойный Симашко.

5 июля

Это надо же! Футболисты Греции стали чемпионами Европы. Кто бы подумал?! Хотели выиграть хотя бы один матч, а выиграли турнир! И у каких тузов! Ай да Отто Рехагель! Начали турнир с победой над Португалией и завершили первенство над той же командой с таким же счётом. Вот это триумф! Всенародное ликование!

Наверное, это всё-таки закономерно. Каких грандов свергли! И всё цепко, мощно, образованно, коллективно грамотно. Не зря Отто Рехагель по-разбойничьи свистел и метался у кромки поля. Законная победа! Греки бились за народ, за нацию, за национальный дух. А Франция, Англия этого лишены. Немцы же зажрались. Они просто профессионально отрабатывают свой номер. Рад за греков! В будущем на такой волне могут выиграть и чехи.

9 июля

Была давняя знакомая Алипа Утешева. Занесла от Бахытжана К. его книгу «Кофебрейк» и две газеты с его интервью, в которых и я упоминаюсь в добром контексте.

Бахытжаном можно гордиться: и талантлив, и работящ, целеустремлён, организован, не тратит себя на интриги и пакости, как многие его соплеменники-коллеги.

15 июля

Вышла монография Ананьевой и Бабкиной «Творчество Герольда Бельгера в контексте современного литературного процесса» (12,5 листов, тиражом в 300 экз.).

Дал интервью «Би-би-си» на казахском языке. Баккожа между слов заметил, что у меня до сих пор нет ни одной книги на казахском языке. Он обещал при случае поговорить на эту тему с Алтынбеком. («А, может, она и не нужна?» – подумал я сейчас. Ведь казахских книг и без моей хватает.)

20 июля

Несколько часов подряд читал «Ritas Leute». Серьёзная, интересная, правдивая книга. История русско-немецкой семьи меннонитского происхождения. Трагедия веков на фоне одной семьи. Автор Ulla Lachauer. Умная, знающая, толковая, душевная. Бывала в России, в Караганде. Сведущая. И, видно, владеет русским языком.

24 июля

...В обед потащился на ас Абая и Кунанбая, организованный Құл-Мұхаммедом в Доме приёмов. Шикарно, конечно. Солидно. Но речи были длинноватые. Я продержался 2,5 часа, потом стало мне дурно, сердце зачастило, и я, поблагодарив Мұхтара, отправился домой. Шёл тяжёло, с бесконечными остановками, шатаясь и успокаивая сердце. Добрался кое-как. И через час разразилась буря. Вот отчего меня лихорадит все эти дни. Знакомых было много, почти все. Особенно приятно мне было сидеть рядом с Бошаем Кітапбаевым (люблю этого оригинального, живого человека).

Общался с Зимановым, Сатаевым, Кайдаровым, Г. Матаевым, Г. Есимовым, Шотой В. Сабит Оразбаев преподнёс мне шесть шикарных фотографий.

25 июля

Вчера уже поздно вечером позвонил Бошай-аға и сообщил, что скончалась жена Елеукенова. Ах, какое горе обрушилось на Шаке! Как ему будет тяжело! А Жаңыл-женге была прекрасным человеком – добрая, приветливая, участливая, внимательная. Я-то и видел её раза четыре, однажды был в гостях, раза два-три сидели за одним столом в ПЕН-клубе, несколько раз говорил по телефону. И у меня всегда оставались о ней приятные впечатления. Она читала мою раннюю повесть «Перед далью», отметила моё знание аульного быта в военные годы. Мир праху её!

26 июля

На прогулке Есенгельды Жакупов спел никому не известную мелодию Абая на слова – если не ошибаюсь – А. Дельвига (перевод Абая). Есенгельды слышал этот печальный романс от матери. Говорит: однажды этот романс спел Ришад Абдуллин. Сам Есенгельды голосом не обладает, что-то невнятно прохрипел (к тому же он глух и сам себя не слышит), но тем не менее что-то вроде уловил. Он уверяет, что, кроме него, никто эту мелодию не помнит.

...Вечером вычитал, что это романс Глинки на слова Дельвига «Не осенний мелкий дождичек». Правда, мелодия у Абая своя. У Абая припев: «Әйелмісің – жылама! Өлең айт, үйге қайт!» Сила Абая в том, что он вечно новый и неожиданный.

27 июля

А вот какие думы меня не покидают. Был я в последнее время на двух асах-поминках по Абаю. Оба были многолюдны. Ас, данный Құл-Мұхаммедом, был особенно щедр, богат, солиден. Но на обоих асах речи произносились мелкие, дастарханно-банальные, недостойные Абаю. Слова предоставлялись именитым старцам, каһарманам, чинодралам, которые Абая толком и не знают. На обоих асах выступал старейшина партизан Кайсенов, говорил одну и ту же банальность, явную чушь, определил Абая партизаном и назвал его Абеке, будто он ему ровесник или сотрапезник. Абсолютно антиинтеллектуальная, бездуховная, старческая застольная речь. Ну, а что могла сказать старая кокетка Роза Багланова? Тоже банальный вздор. Бибигуль на первом асе хоть проникновенно спела песню Абая, тем самым воздав ему достойную память. А на втором асе один народный писатель 6,5 минут (!) читал по бумажке слащавые воспоминания, другой говорил нудно и бессистемно, третий читал лекцию, четвёртый говорил главным образом о себе. Слушать это было стыдно.

То, что казахи почитают старейшин, – благая традиция. Но надо, чтобы и эти старейшины держались достойно, говорили умно, значительно, а не банальную чушь ни уму, ни сердцу. Вот волокут на каждый торь престарелого партизана, а что он может сказать? Ну, просто не тянет на мудрого аксакала. Пусть сидит, помалкивает, дабы не позорить почтенное аксакальство. Большой возраст – ещё не признак мудрости и учёности. На асе были люди, которые могли бы сказать что-то вразумительное, весомое и запоминающееся. Но они молчали, ибо почтенные «игі жақсылар», каһарманы и лауреаты, не дают ходу знающим. И в результате получается, что интеллектуальный уровень казахских тоев, асов, свадеб весьма заниженный, ущербный. И потому Дух Абая наверняка говорил на асе: «Өңшең қырт, бас қаңғырт!»

Правильно должно быть такое: имеешь что сказать – говори; башка пуста – молчи. А просто сотрясать воздух – оскорбление духов предков.

Вообще-то интеллектуальный уровень общества катастрофически снижается, деградирует. Нет признанного духовного лидера. Каким им был в своё время Ауэзов. Нынешние зиялы-аксакалы явно мелки и бледны.

29 июля

Из газет узнал, что Чингиз после инфаркта слетал в Турцию, где ему сделали операцию на сердце, и он вновь вернулся в Бишкек. Молодчина! Действует решительно.

30 июля

Поздно вечером позвонил Музафар А. Спросил амансаулық. Пожаловался на жару и кашель. Сказал, что сочинил новый афоризм, где рифмуются «тәубе» и «қауға». «Знаешь, что такое «қауға»? «Конечно, знаю». Тогда слушай: «Тартсам да қауға, деймін әрдайым «тәуба». Я сразу перевёл: «В руках моих бадья, а на устах – тәуба». И мы оба расхохотались. Я посмеялся над своей глупостью, а чему посмеялся Муз-аға?..

3 августа

С утра позвонил Бошай Кітапбаев. Привёз слепнущего брата-профессора на операцию. Говорили хорошо об Елеукенове, Зиманове и Құл-Мұхаммеде. Наши мнения совпали, и старик был этому весьма рад.

Развернув «Казправду», обомлел: скончался Каратай Турсынов. Мы с ним одногодки (он старше меня месяцев на восемь). Я его всегда уважал, он ко мне тоже относился приязненно. Он был Председателем ЦИК, когда я избирался депутатом. Сохранилась фотография, запечатлевшая нас. Последние годы он выглядел очень плохо. Болел раком, оперировали в Германии, убили сына и сноху. Горькое горе. Сидел он на высоких должностях, имел своё мнение, держался достойно. Депутатствовал до конца жизни.

4 августа

Перед сном читал Достоевского – сборник «О русской литературе». Впечатление потрясающее, хотя мне почти всё известно. На фоне его страстных и проникновенных рассуждений о литературе, истории, современных общественных и социальных проблемах, на фоне его мировидения нынешние наши писатели, особенно казахские, смотрятся бледно, тускло, беспомощно, инертно. Аж досадно! Наши так называемые ведущие писатели (это они себя так считают) никого не ведут, и им литература даром не нужна, они видят только себя в литературе. И все они «классики». Один классик все бродит-шастает по кабинетам начальства, как торгаш, выцыганивает себе бесконечные блага; другой только и делает, что восседает на почётном месте всевозможных сборищ и произносит витиеватые банальности; третий коршуном налетает на своих оппонентов-недругов; четвёртый упоённо описывает разные сплетни-слухи; пятый строчит жвачку-роман о власть предержащих. И т.д. Боже, боже, какое убожество! Ничего их не тревожит, не беспокоит. Все блага, чины-звания они получили, ни боли, ни забот. Мелкая, повседневная возня.

5 августа

От Баккожи узнал, что Смагул будет вице-президентом Казахстанского ПЕН-клуба. Вполне достойная кандидатура, и я обеими руками «За». Помимо творческого дара, Смагул обладает достойными человеческими качествами: порядочен, чист, не интри-

ган, не пакостник, честен. Для ПЕН-клуба он находка. Якобы, вскорости состоится заседание исполкома. Хотят принять ещё десяток членов (по-моему, зря, напрасно, ибо более половины членов – бездеятельны, члены лишь на бумаге, надо сначала в этом вопросе навести порядок). Вечером немного читал Достоевского. Он как отрава. После него современных и читать не хочется.

7 августа

От Leo Kossutt'a письмо. Журнальчик «Die horen» намерен опубликовать четыре перевода из Абая. Нужна вводка. Кошут хочет, чтобы написал её я. Но я нашёл такой ход: отправлю свой доклад, произнесённый в 1995 г. в ИМЛИ им. Горького и в Посольстве РК в Москве, добавлю несколько абзацев из последней статьи «На пути к немецкому Абаю» и пусть Кошут сам скомпонует вводку в любом размере.

9 августа

Перед сном прочёл «Дядю Ваню». Поразительно! Это, несомненно, лучшая пьеса Чехова. Всё так просто, ничего особенного вроде не происходит, а магия неотразима. А какой настрой! Так печально, так грустно мне стало, что долго не мог уснуть. Чувствовал себя одновременно и Астровым, и дядей Ваней. Wunderbar!

10 августа

Пошёл с проф. Бадиковым к памятнику Пушкина, где проходил день памяти Абая (сегодня его день рождения). Проводили отановцы, акимат и СП. Я тоже выступил, прочёл стихотворение Абая «Ғашықтың тілі – тілсіз тіл» на казахском, русском и немецком языках. Встретили хорошо.

А потом позвонил из Астаны Құл-Мұхаммед, похвалил моё интервью в «Стране и мир», рассказывал о латинизации, о проблемах языка, привёл примеры о своих детях, сказал, что газету с моим материалом положил на стол Президенту. Разговор получился добрый. Спросил: «Какое задание будет с вашей стороны? Говорите. Пока имею возможность выполнить ваше поручение». Я сказал: «Пока поручений вроде нет».

Беседа с Мұхтаром была мне приятна.

...Жители аула «Абай» (бывший плодо-овощной совхоз), в который проживают 7529 человек (1410 семей), обратились ко мне с письмом с жалобой на дикий беспредел местных властей. Начальник-самодур приватизировал лучшие земли. Районный суд решил дело в пользу жителей, а областной суд отменил это решение. И теперь бедный люд ищет справедливости у меня, просят меня обратиться к Президенту, сказать ему всё и восстановить справедливость. Совсем не по адресу. Что могу я, литератор, у которого, кроме пера и бумаги, ничего, ничего нет? Начальник присвоил себе 51% земли в частную собственность (288 га), а остальным оставил по 0,4-0,6 га. Ну, и что я скажу? То, что обездоленные казахи обращаются за помощью к немцу-литератору, говорит о степени их отчаяния.

12 августа

Перечитал «Три сестры». По сравнению с «Дядей Ваней» сумбурней. А вообще поразительно: из ничего соткана драма. Уметь надо! Каждый будто говорит, что бог на душу положил, а получается и драма, и философия, и настроение, и всё, что угодно. Диву даёшься.

13 августа

Директор Института металлургии и обогащения металлов показал мне письмо министра атомпрома Джакишева о целесообразности на базе Института образовать лабораторию по урану и т.д. Это в центре-то города! Чёрт знает что! Письмо написано на имя Президента, а он наложил резолюцию: дескать, пусть министр Кулекеев прозондирует вопрос и даст ответ. Мой хилый умишко подсказывает, что идея нелепа, а главное – опасна. Я взял текст, позвонил замреду «Жас алаш», объяснил суть, тот сразу прислал молодого человека. Надо, конечно, раздуть этот случай в печати. Нельзя такого допустить!

18 августа

Сегодня отцу было бы 95. Немного не дожил. В этот день мы чаще всего бывали в Ташкенте. Как только отец появлялся во дворе, мы, дети, внуки, правнуки, торжественно поздравляли его. Он чутко и радостно реагировал на поздравления, отмечал про себя, кто поздравил первым и какими словами. О, хорошее было время! За столом собирались 15-17 родственников, всё происходило торжественно, весело. Была большая, дружная семья. Теперь родителей нет, а дети, внуки, родственники разбежались по странам и государствам. Аяғы дүниенің ырың-жырың.

...Приехал фотокор, общелкал меня для «Алтын бесік». Встретился с Индирой и письменно ответил на её вопросы для журнала «Мөлдір бұлақ». А на днях должен зайти Базарбай Исаев, хочет интервью для «Сақшы».

19 августа

Прочёл стр. 20 большущей (листов шесть!) статьи-исследования Мухтара Магауина в «Жұлдызе» – «Ұлтсыздандыру ұраны». Написано с болью, резко и убедительно. Давно жду, когда писатель-казах скажет открыто нечто такое. Очень надеялся, что об этом скажет Әбе. Но ему такое противопоказано и просто не под силу. Выходит, так мощно о трагедии своего народа мог сказать один Магауин. И кроме него, я не знаю ни одного казахского литератора, который мог бы сказать о национальном духе так высоко и с такой сокровенной болью. Что тут скажешь? Молодец! То, что написал Магауин, можно сравнить по накалу и страсти с «Дневником писателя» Достоевского. Высокой пробы публицистика! Жаль, что из наших аксакалов ни один не смог такое сказать.

20 августа

Пред сном в «Жас алаше» прочёл ответ Кадыра на критику Магауина. Жигиты, дружа сорок лет, на старости вдруг решили выяснять отношения между собой и подводят счёты взаимным упрёкам и обидам. Могли бы этого и не делать. Теряют лишь авторитет в глазах читателей.

21 августа

Часа три читал объемную и весьма толковую статью Құл-Мұхаммеда в «Казправде». Полезная, умная, глубокая статья. Весь штандпункт разделяю.

Аргынбай Бекбосынов занёс две свои книжки.

В жанре философских миниатюр-четверостиший он работает отменно. Своеобразен! Если на кого-то и похож, то, может быть, на Омара Хайяма. Или на восточных мудрецов.

25 августа

Из газет узнал о кончине Ерика Магзумовича Асанбаева. Знавал я его неплохо. Бывал вместе в Алматы, Москве, Петербурге, Бонне, Берлине, в больнице. Симпатичный человек, образованный, культурный, порядочный, умный, истинный интеллигент. Ко мне всегда бывал внимателен. Собеседник отменный. Пожалуй, излишне держался в тени, не высовывался, задавливал свою личность в угоду высшей власти. Жаль, жаль... Рано ушёл.

26 августа

Звонил из Астаны Алибек Аскаров. Просит к изданию казахского «Фауста» написать предисловие и комментарий. Я сказал, что предисловие готово, а комментарий в своё время написал сам Медеу. «Тогда порядок. Мы оплатим ваш труд, а вы пришлите нам статью».

На том и решили.

28 августа

Сегодня День памяти и скорби для российских немцев. 63 года назад был обнародован Указ о выселении немцев Поволжья. Не знаю, многие ли в Казахстане помнят об этом. Я-то хорошо помню. Всё-всё помню. И Альма вспомнила из Германии.

30 августа

Ночью всё-таки дождался рождения казахского олимпийского чемпиона. Бахтияр Артаев, шымкентский парень, побил кубинца убедительно. Бахтияр был нашей последней надеждой, и он её оправдал. И прекрасно прозвучал наш казахстанский гимн. Единственная золотая медаль.

1 сентября

...Плетусь по городу. В тени уже прохладно, на солнце – жарко. Все заборы, тумбы, столбы, стены, телефонные будки, урны, деревья обклеены плакатами кандидатов в депутаты. Все крикливые: «Я знаю, как...», «Хватит! Надоело!», «Я знаю, как с ними бороться!» Мотив один: «Выбери меня!» «Только меня!», «Меня, меня!», «Голосуй за меня!», и тогда всё будет прекрасно, всё станет, как надо, всех облагодетельствую, построю рай. Кандидатов столько, что их наклеивают друг на дружку, одних срывают, других клеют, одним выкалывают глаза, другим приделывают бороду, дорисовывают мужской член. Многие плакаты шуршат под ногами, набухают в арыках. Вся предвыборная кампания обретает отвратительный, отрицательный эффект. Школьники с цветами спешат в школу, озабоченный люд шастает взад-вперёд, ковыляют старики, мечутся машины, и эта жизнь сама по себе, а предвыборная суета сама по себе. И вторая – явная помеха первой. Досада. Недоразумение. Все с отвращением ворчат: «Хоть бы прошли скорее эти выборы»...

Плетусь по улицам и думаю: почему у меня такое минорное состояние? Отчего я вроде как растерян? А оттого, очевидно, что уже несколько лет (шесть или семь) живу слишком отчуждённо, изолированно, не окунаюсь с головой в жизнь, ощущаю её как бы опосредованно, плохо чувствую современные реалии. Для литератора это очень скверно. Навевает сплин, все воспринимается тускло. И постоянно кажется, что все что-то и как-то не так.

...На Ассамблее народов Казахстана Президент заговорил о казахстанской нации. Понимаю, как в штыки воспримут это казахи. И вполне резонно. Мы же никак не американцы. И зачем тогда казахи, казахский язык, казахский дух, казахская ментальность? Рано, слишком рано о том...

2 сентября

Нурпеисов и Мереке намерены лететь в Норвегию на сессию ПЕНа. Летят в Осло через Амстердам, оттуда ещё в какой-то город. Әбе намерен выступать в защиту литератур национальных меньшинств.

...Видел несколько фрагментов «Детей Арбата». Много искусственной суеты, хаоса, истерики. Сталин подчеркнуто показан уродом, параноиком, карикатурно. Многие кадры в фильме воспринимаются не как реальность, а как нечто искусственное и зыбкое. Даже ссылка картинная. Может, я неправ, но ощущение такое.

...На утренней прогулке дал интервью Есенгул о «казахстанской нации». Для радио «Би-би-си» и одновременно для газ. «Туркестан».

4 сентября

Утро. В двух кварталах, на месте бывшего тюза, «Элитстрой» воздвигает многоэтажный монстр, который я называю «Бастилией». Сейчас дошли до девятого или десятого этажа, и с моего балкона сквозь верхушек деревьев видны краны, прожектора и доходят базарные крики строителей. Крики казахские. Значит, основной контингент строителей – казахи. И это радует. Это примета нынешнего бытия. Раньше на стройках доминировал русский мат. Теперь в основном слышен казахский ор.

Здание огромное, несуразное. Все строения вокруг сразу потускнели. Громадина-стройка задавила все в окрестности. Смотрится чудовищно. Вообще «Элитстрой» откровенно похабит город. У него (Элитстроя) чёрная аура. Он несёт городу несчастье.

...Немецкий Дом отметил своё десятилетие. Всё было прекрасно организовано. Делегация из ФРГ возглавил давний знакомый Пёле; нашу сторону возглавили Павлов, Терещенко, Лариса из Минпечати, Дедерер. Очень много знакомых. Встречи. Беседы. Мероприятие показало, что мы, немцы, всё ещё в Казахстане есть, хотя ряды наши основательно поредели. Весь день был в хорошем расположении духа, хотя и устал. Массовые мероприятия отныне не для меня: здоровья нет, хоть тресни.

5 сентября

Трагическое событие в Осетии у всех на устах. Бандитов даже самые яростные русофобы не именуют больше «борцами за свободу». Очень много жертв, особенно детей. Кадры, показанные по ТВ, бегущие люди с голыми ребятишками на руках, потрясают. Убитых несколько сот. Раненных ещё больше. Варварство! Весь мир всколыхнулся. Неужели и после этого Запад будет долдонить о борцах-героях за свободу? Неужели и теперь будут искать насильникам оправдание? И причём тут «Аллах Акбар»? И где уверенность, что подобная дикость больше не повторится?

7 сентября

У памятника Чокану мин. 35-40 давал интервью Асе Сулеевой. Она и оператор остались довольны, а я весь выложился. Многое сказал. А потом подумал: зачем? Ради чего стараюсь? Поймал себя на том, что стал повторяться, говорю то, что однажды уже

говорил. Долдоню одно и то же, как попугай. Надо опомниться, прекратить, не идти на поводу журналистов, которые работают всего лишь на злобу дня. Очень даже нехорошо для писателя. Вообще писатель должен меньше мелькать в СМИ.

Подумал об этом, и стало нехорошо. Надо научиться почаще говорить «нет!» Мельтешение для писателя – гибель.

...Позвонили из Германии и сообщили, что скончалась моя двоюродная сестра Виктория Бельгер в возрасте 75 лет. Я её знавал ещё круглолицей пионеркой на Волге. Потом наши пути разошлись. Нас выслали в Казахстан, дядю Фридриха – в Сибирь. В трудармии погибли брат Вольдемар, дядя Фридрих, сестра Вера. Уцелела Вильгельмина, Виктория, Валентина. Все три эмигрировали в Германию. Из двоюродных сестер самая близкая по духу была, пожалуй, Виктория. Да будет земля ей пухом!

9 сентября

Позвонил Орынбай Жанайдаров. Сообщил, что моя кандидатура на госпремию утверждена на Секретариате СП. Надеюсь, пройду и отборочный тур. А дальше – под вопросом. Состав госкомиссии неизвестен, и кто будет председателем – тоже.

...Закончил читать книгу «Ritas Leute» и написал рецензию.

11 сентября

Мой грядущий юбилей становится моей головной болью. Все вокруг говорят, напоминают о тое. Господи, какой той? Кому он нужен? Нет, решительно это ни к чему. И сами разговоры, возня вокруг этого – глупость. Другое дело, если б была у меня куча детей, внуков, родственников, клан, который взял бы на себя эти хлопоты. А так зачем мне, больному, усталому, дергаться? Смешно и глупо. А земляков, пожалуй, в ресторан пригласить надо...

...Были Ә. Меңдеке, Есей Жеңісұлы из «Жас алаша». Почти два часа беседовали со мной для рубрики «Ашық әңгіме». Что получилось – не знаю.

...В 10 вечера позвонил Баққожа и сообщил печальную весть: Кабдолов в больнице с подозрением на инсульт, а Калдарбек – в реанимации в коме. Вот беда!..

18 сентября

Дни мелькают. Дыхание осени всё ощутимей. Я, в сущности, сибаритствую. То, что даю интервью налево-направо, – самообман. Несерьёзно всё. Но заниматься чем-то значительным не получается, ибо отвлекают и раздражают житейские мелочи. И главная из них – мой юбилей. Дело абсолютно частное, индивидуальное. А вокруг только и долдонят о тое. Но зачем нужен этот той?

20 сентября

Акад. Абдуали Кайдаров прислал мне пять своих солидных книг: «Түркітануға кіріспе», «Қаңлы», «Халық даналығы», «Ғылымдағы ғұмыр», «Тысяч метких и образных выражений». Каково?! И это в 80 лет! Вот у кого надо брать пример. Часа три полистал эти книги. Возможно, об одной из них напишу рецензию.

23 сентября

Утром узнал о кончине Калдарбека Н. Завтра панихида в театре Ауэзова. Сегодня в «Казправде» соболезнование Президента.

Калдарбека я знавал многие годы. Был он видный азамат. Я всегда относился к нему с уважением. И он был ко мне внимателен. Всегда поддерживал меня, вежливо улыбался. Особенно был радушен в проведении моего 60-летия (он тогда был первым секретарём СП)... Однажды в каком-то ресторане подошёл ко мне и похлопал дружески по плечу рослый, беловолосый, белобородый, белоусый человек, и я в первое мгновение не сразу признал в нём Калдарбека. Но через секунду мы оба громко и с взаимной симпатией расхохотались. Почему-то он состарился рано. В моей памяти он остался приятным, симпатичным человеком. Мир праху его!

24 сентября

На прогулке встретил Олжаса с Сатыбалды Нарымбетовым. Поздоровались, коротко поговорили. Олжас сразу сказал, что прочёл моё интервью в «Жас алаш», в общем доволен, поблагодарил, но не согласился с тем, что он грешен по части «народной этимологии». «У меня нет такого» – заметил он решительно. «Нет, порой встречается», – возразил я, вспомнив тотчас его параллели «Шыңғыс» – «шығыс», «Бату» – «батыс». Он не согласился, отрицательно мотнул кудлатой головой. Карпеке, находившийся рядом, спросил, когда он вернётся на родину. Олжас улыбнулся и жестом, мимикой выразительно показал, что не скоро.

Вечером отправился в клуб «Дома учёных» на мушайру, посвященную 110-летию Сакена Сейфуллина. Продержался 1,5 часа. Слушал стихи восьми поэтов (к мушайре допущено 14). Казахские поэты читают свои стихи невыразительно, неэффектно, почти все по бумажке, очень монотонно, в одном ритме (бір ырғақ, бір әуен, бір сарын, бір мақам) и почти все стихи на одну колодку – традиционный одиннадцатисложник (он бір буында қара өлең).

Понравились одно стихотворение Серика Тургынбекова и Темирше Сарыбаева. И ещё, пожалуй, Жаркена Бодешұлы.

Не могу быть в толпе: ветер в голове, сердце екает. И ощущение неуверенности, будто плыву. Восприятие тусклое, зыбкое. Что поделаешь – нет здоровья.

28 сентября

О Зеке нет вестей. Говорят: «весьма худо». «Не просто плохо, а очень плохо». Никого не пускают. Держится на лекарствах и кислороде. Рая отправилась в церковь и поставила свечу. Свеча зажглась и упала. Рая поставила её заново, и она загорелась. Рая приняла это как добрый знак. Бедная Сауле!

29 сентября

Читаю философские штучки – порядок и хаос в сознании: маска-лицо в художественной литературе. Ловлю себя на мысли, что воспринимаю всё рассеянно, поверхностно, слова отскакивают, ибо в моём сознании сейчас хаос. И вытягивать порядок из этого хаоса сейчас трудно. Беспорядочно мельтешат в голове какие-то обрывки мыслей, которые привести в систему ныне совсем невозможно.

30 сентября

Константин Симонов в предисловие к книге Вас. Субботина «Как кончаются войны» назвал её «романом от первого лица».

Может, и мой дневник «роман от первого лица»?

1 октября

День единства Германии. Был на приёме Германского посольства в Оперном театре. Понравился временно поверенный в делах Гебхард Вайс. Вообще германские немцы – молодцы. Жаль, что в последние годы я как-то отстранился от немецких дел. Вернее, недостаточно активен. Судьба российских немцев – моя неизбывная печаль.

5 октября

Часа три читал «Игру в бисер» Германа Гессе. Я уже раз пять принимался за чтение этого романа, но уже через несколько страниц застреваю, как в густой паутине. Пишут, что это лучший роман Гессе. Именно за него он получил Нобелевскую премию в 1946 году. Я с удовольствием читал «Степного волка», рассказы, публицистику, эссеистику, статьи-рецензии Гессе, а вот «Игра в бисер» мне не по зубам. Вязкая философия, усложнённый синтаксис, искусственные конструкции, тяжеловесные рассуждения, сцепления, плетения, узоры, витиеватые, кучерявые мысли – всё не для моего хилого ума. Совершенно другой вид сознания. Я не знаю казаха, который с наслаждением и пониманием читал бы этот роман. Не представляю, как «Игра» звучала бы по-казахски. Необходимо переделать своё духоустройство, миропонимание. Мне кажется, легче читать Канта и Гегеля. Пропустил пространное предисловие, начал читать с середины, с жизнеописания Кнехта, нет, напрасно, не увлекло. Попадал в трясину. Вспомнил Аскара С. Он говорил: «Когда читаешь Томаса Манна, чувствуешь себя ничтожеством». Томас Манн мне как раз доступен, хотя и он тяжеловесен и многословен, а вот читая «Игру в бисер», чувствую своё ничтожество. Понимаю: не дорос. И главное: не дорасту. Ясно, что сознание моё осталось на низкой ступени. Преобладает примитивизм. Другое представление о художественном тексте.

Надо признаться: моё аульное воспитание наложило явственный отпечаток на моё мировоззрение и мировосприятие. Ум остался недоразвитым, ограниченным. Понимаю также: аул – аулом, но и сам звёзд не хватаю.

6 октября

Ощущение такое, что я стою у брода. Хоть бы скорее прошло моё 70-летие. Какой-то душевный хаос. Думаю: такое же состояние у наших властей. Выборы в Мажилис прошли. За ними тянется скандальный шлейф. Надо запустить государственную машину. Но не хватает ГСМ; перебои в моторе; разболтаны гайки. Словом, хлопотно. А делать всё это кому-то надо. Один Президент со всеми проблемами не сладит.

10 октября

Утром по радио слышал «Өсиет»:

Орысқа жақын болсаң, балталы бол,

Өзбекке жақын болсаң, қалталы бол.

Впервые слышу. Есть такие варианты: «Орыспен дос болсаң, жанында айбалтаң болсын». И ещё: «Орыс жүріп өткен жерде шөп өспейді».

Понимаю: имеются в виду имперские мотивы.

Вчера в «Книголюбе» прочёл статью «Образ России в учебниках независимых республик». Приводятся примеры из учебников по истории Узбекистана, Латвии, Молдавии, Азербайджана, Грузии, Эстонии, Белоруссии. И везде Россия и русские представлены в отрицательном свете. Задумаешься. Обрадовался тому, что в этом перечне

нет Казахстана... Нельзя же судить в этом вопросе однобоко. Разумеется, имперские мотивы имели место. Но ведь и то факт, что русские люди и русская культура сыграли в этих странах огромную положительную роль. Огульно отрицать это и несправедливо, и неблагородно.

...Нобелевскую премию по литературе 2004 года получила австрийская полу-чешка, полу-еврейка Эльфрида Елинек. Она автор пяти романов и нескольких пьес. Переведена на многих языки. 57 лет. Я ничего её не читал. Я думал, что премию дадут американке Кэролл Оутс. Мы с Аскаром С. ею давно восхищались.

14 октября

Позвонил из Астаны Мұхтар Құл-Мухаммед, сообщил, что только что прочёл моё интервью в «Труде-Казахстан» и по поводу моего последнего абзаца («Нет у меня до сих пор ни одной книги на казахском языке») сказал: «Предоставьте мне рукопись, издам за две недели». Я даже растерялся от радости. «Так рукопись надо ещё на компьютере набрать». «Ну, наберём, издадим, и гонорар дадим, только немного».

Вот была бы удача!

А рукопись у меня готова. Листов 21-22.

16 октября

Главная ныне тема: выступление в печати Жармахана Туякбая, третьего человека в государстве. Его заявление прозвучало в Интернете, во «Времени», в «Жас алаше», отрывочно – в «НП». Оно комментируется во всех оппозиционых газетах. Его трактуют на все лады. Разумеется, он пошёл на смелый, мужественный и честный шаг. Надеюсь, у него будет последователи. Не все ведь продажные. Даже и во власти найдутся порядочные люди. И в этом я вижу спасение общества. Может, ещё вырвемся из застоя. Словом, Жармухан внёс ощутимое оживление. И кое-кто наверняка задумается. Казахстан в политическом плане очутился почти на грани, и необходимо решительно поправить дело, и сделать это могут прежде всего казахи. Инородцы могут только в какой-то мере способствовать здравым силам.

18 октября

Простудился. Сегодня мне и из дому не выйти. Досадно! Как раз в канун моего 70-летия. Надо бы скорее встать на ноги.

Сижу дома, размышляю сам по себе и чудится мне, что наши власти потеряли основные ориентиры, не выбирают, не выхватывают из цепи событий главные звенья. Сплошь и рядом занимаються второ- и третьестепенными делами. Ну, например, сколько средств потратили на электронную систему голосования? Неужто это было столь важно? Просто пыль пустили в глаза и всё. Разве нельзя было эти миллионы направить на более насущные задачи? Разве площадки для гольфа, Байтерек и океанарий в степном городе – первостепенная забота? Какой же это приоритет?! Несерьёзно всё это! Теперь долдонят о том, что денег навалом, девать некуда, банки трещат, нужна, мол, стерилизация. Как будто у нас всё о'кей с здравоохранением, образованием, аулом, нищетой, катастрофической бездуховностью. Ай, ай... что творится в стране?! Оглянешься окрест – плакать хочется, сердце сосёт. А у нас – гольф, океанариум, байтерек, «Сайлау», бесконечные тои, показушные конференции, маниловские мечты, стерилизация...

А на мой пенсионерский взгляд, что́ сейчас главное? Может, даже не казахский язык, не погоня за богатством, не тотальная корысть. А что же? Главное – перетащить зарубежных казахов в свою страну, на родину предков. Именно на это следует сейчас кинуть все государственные ресурсы. В этом медлить нельзя. Мизерные квоты, которые ныне выделяет государство и рассчитанные на многие годы, проблемы не решат. Действовать необходимо решительно, масштабно, энергично. Через несколько лет будет поздно. Собрать народ следует сейчас. Иначе развеется, разжижется, рассосётся, распылится национальный дух, и будущее казахов станет проблематичным. А теперь ещё не поздно. Самое время. Оттягивать дальше опасно. И средства есть. Необходимо просто этот вопрос поставить во главу угла. Однако, кажется, не хватает энергии добра и дальновидности. Не вижу заинтересованности по этой части ни у Президента, ни у правительства, ни у самих казахов. И это меня удивляет. Строить будущее своего государства за счёт иностранных инвестиций, потакая при этом ненасытным вожделениям своих новорожденных и доморощенных буржуа, которым и не надо ничего, кроме удовлетворения своего банального тщеславия и рогожного брюха, абсолютно немыслимо. Скверно, что и сами доморощенные казахи относятся прохладно, сдержанно, настороженно, отчуждённо к своим зарубежным соплеменникам, называя их зачастую не казахами, а «монголами», «китайцами», «узбеками», «иранцами» и т.д. Так германские немцы называют «наших» немцев упорно «русскими», «казахами», «киргизами».

Не соберут в ближайшие годы казахов со всего света на историческую родину, значит, хлынут на их место китайцы и незаметно, тихо, улыбаясь, отодвинут, оттеснят казахов на обочину бытия. А это прискорбно. Нельзя, чтобы такой самобытный народ, как казахи, распылился в истории. Вот он, приоритет! Вот о чём денно и нощно должны думать власти, партии, достойные азаматы и каждый сознательный казах. Необходимо бить во все колокола, всколыхнуться и собраться духом, дабы обеспечить будущее своего суверенного государства.

Я понимаю, что столь сложный вопрос с кондачка не решается. Нужны экономические расчёты, политическая воля, дипломатические усилия, стратегическая целеустремлённость, юридическое обоснование и прочее и прочее, однако, знаю и то, что тянуть с решением этого вопроса самоубийственно для казахской нации.

Такие вот мысли пришли ночью в голову.

19 октября

Так почему я считаю, что зарубежных казахов надо возвращать на свою историческую родину, в Казахстан, незамедлительно! К такой идее подталкивает судьба многих народов.

Когда после 12-летней гитлеровской вакханалии изгнанные из Германии немцы (особенно много творческой и политической интеллигенции) вернулись на родину (кто в западную, кто в восточную части), местные немцы принимали их как чужаков, как отвергнутых, отторженных, смотрели на них недобро, с подозрением. Дескать, в трудный час удрали, улизнули, спасались в Москве, в Швейцарии, США, латинской Америке, Дании, а теперь вернулись, как ни в чём не бывало и ещё пытаются учить нас уму-разуму. Было такое…

Или возьмём корейцев. Казахстанские и среднеазиатские корейцы (точнее, их предки) подались в Россию, на Дальний Восток, с корейского полуострова ещё в 19 веке. Потом их переселили насильственно в Казахстан. И называются «наши» корей-

цы корё Сарам. Южные корейцы называются хангук Сарам, северные корейцы – часон Сарам. То есть «наши» корейцы за несколько поколений инобытия очень сильно отъединились от собственно корейцев. Корё Сарам практически потеряли свой язык, их коренной язык стал для них как иностранный – наподобие китайского или японского. И все теперь у них иное. Осталось только генетическая, этнокультурная, историческая связь. И то весьма ослабленная.

В «наших» корейцах не нуждаются ныне ни северные, ни южные корейцы. Им «наши» просто не нужны. И «наши» туда не стремятся, поскольку они там чужаки, невостребованы и не конкурентоспособны по всем параметрам. То есть, ни северные, ни южные корейцы не заинтересованы (абсолютно!) в репатриации «наших». И «наши» там просто-напросто не могут жить, ибо не востребованы, за семь-восемь поколений отошли от национальных корней.

То же примерно мы видим и с «нашими» русскими, которые переселились в Россию. Их там почти не принимают, кое-где встречают в штыки, называют «казахами», «узбеками», «азиатами», «куркулями». Ментальность «наших» русских заметно отличается от ментальности тамошних, коренных. На этом фоне возникают то и дело конфликты.

К чему я всё это?

А к тому, что нечто похожее произойдёт или уже происходит с казахами. Зарубежные казахи уже и сейчас не всегда ладно стыкуются с местными казахами. Отличия имеют место, и с годами явно обозначившаяся разность, отчуждённость может только углубиться. И, возможно, до такой степени, что совместная жизнь станет затрудненной. Вот почему я считаю, что это вопрос необходимо решать сейчас, не откладывая в долгий ящик. А поскольку народ казахский без своих зарубежных единокровников не полноценен, то единение должно произойти незамедлительно, иначе этот пока что естественный процесс натолкнётся на непредвиденные преграды и непреодолимые трудности.

22 октября

Вечером обстоятельно говорил по телефону с И.П. Щеголихиным. Говорить с ним приятно. Правда, он воспринимает реальность как-то по-своему и суждения его не совпадают с казахским, скажем, видением. Порой он положительно воспринимает то, что совсем не положительно. Я лично к этому отношусь спокойно. Он поведал о встрече с Президентом сплошь позитивно. Было, якобы, человек 40. Встреча проходила в сан. «Арман», слишком для меня высоко, потому я и не поехал, хоть и приглашали меня настойчиво раз пять. И.П. восхищается терпеливостью, тактичностью, выдержкой и спокойствием Президента. А вопросы порой, мол, были колкие.

Странно: казахские коллеги многое восприняли иначе.

26 октября

Вчера полтора часа смотрел репортаж о встрече Президента с «зиялы қауым». Президент говорил много. А многие из «зиялы қауым» упражнялись в аллилуйщине. В общем же прогресс есть. Лет 5-7 назад аксакалы вели себя ещё более холуйски. Пройдёт ещё лет 10, и наши писатели авось научатся говорить по-людски, без реверансов. А я-то очень рад, что не поехал. Сказал бы явно не в струю и выглядел бы белой вороной.

27 октября

Завтра мне «стукнет» семьдесят.

Надо же... незаметно подкрался я к семидесятилетнему рубежу. Кажется, совсем недавно было мне 60, и я был ещё бодр, разъезжал туда-сюда, хорохорился, и ветер, казалось, дул попутный, и в голове роились радужные планы. Мерещилось: солнце только-только перевалило зенит. И до вечера ещё далеко. И вот тебе – 70! Как говорят немцы, годы неожиданно запрыгнули мне на спину. Много камней в моём корджуне, и всё чувствительнее их тяжесть.

Что бы мне хотелось в день семидесятилетия? Прежде всего побыть на могиле родителей. Посидеть там, помолчать в тиши, поговорить с их духом, исповедоваться, поблагодарить, вспомнить всё доброе и покаяться за невольные свои прегрешения.

И ещё хотелось бы побыть за одним столом с дочерью, внуком, сестрами, родными, слушать милый семейный вздор, почувствовать ласку и внимание близких.

Увы, неосуществимо ни то, ни другое.

Когда ещё сподоблюсь навестить могилу на чужой сторонушке? Да и родных разбросало по разным странам-государствам – Германия, Россия, Узбекистан... Не соберешь их за одним дастарханом, не соберешь...

Так, чего у меня больше? Потерь или обретений? Если есть обретения или душевное утешение, то в основном по казахской части. Есть друзья, и поддержка, и сочувствие. А потерь больше по части немецкой. Разъехались соплеменники единокровники, разбрелись по свету, всё ищут комфорт и опору в мнимом фатерланде. И особливо при вечерней сутемени я всё чаще чувствую себя сторожем немецких могил в Казахстане. Или одиноким пилигримом под дырявым зонтом в ненастье.

И в чём я нахожу утешение? В том, что ещё шкрябаю пером, что-то говорю в печати, и к словам моим, случается, прислушиваются, а друзья-коллеги звонят домой, спрашивают про житьё-здоровье, поддерживают, подбадривают, вселяют надежды и веру. Надежду, что ещё не все потеряно. И веру в том, что жить прекрасно и в бытование твоём всё-таки какой-то смысл есть. И надо благодарить судьбу, которая в общем-то благосклонно позволила тебе вступить в восьмой десяток.

1 ноября

Пятый день идут поздравления, гости, телеграммы, письма, звонки. Майра из библиотеки АН сообщила, что организовали выставку моих книг и надо как-то заглянуть.

Почему-то изменили состав госкомиссии по премиям. В общем люди мне симпатичные, вроде как доброжелательные за исключением двух-трёх. Надеюсь на их благосклонное отношение. Впрочем, кто знает. Казахи говорят: «Адам аласы ішінде». Кто-то может и напакостить. Но я даже не представляю такого...

3 ноября

Вчера Роллан Сейсенбаев, узнав, что я выдвигаюсь на Госпремию, неожиданно спросил (он курил на балконе): «А вам, Геке, это нужно?»

Я задумался: в самом деле, нужно ли? Потом показалось: нужно. В случае, если я получу Госпремию, то я среди немцев-литераторов буду первым и наверняка последним, кто удостоился такой чести. И в этом смысле, пожалуй, нужно. А по большому счёту, если я до 70-ти лет прожил без Госпремии, то так же проживу и остаток жизни. Дадут – хорошо, не дадут – не умру.

...В 11 вечера узнал от Смагула, что меня провалили. Отстреляли. Вот так фокус! Какой же я балда, что ещё на что-то надеялся! 18 лет назад пробился к премии Симашко, и то не как прозаик (хотя книги его издавались на 40 языках мира), а как переводчик Есенберлина и Мусрепова. И за это время не пробился больше ни один инородец. Ай, глупая моя башка! Не себя жалко, а роман свой. За него как раз мне не стыдно.

Позвонили Қадыр, Баққожа, Тынымбай. «Стыдно». «Неловко получилось». «Кто бы подумал?» «Но ты ведь знаешь, кто организатор твоего провала?» Конечно, знаю.

5 ноября

А вечером – сюрприз. Неожиданно зашли поздравлять акжоловцы – Болат Абилов, Алтынбек Сарсенбаев, Ораз Жандосов, Толеген Жукеев и вместе с ними Каришал. Принесли прекрасную картину. Посидели в кабинете, шутили, говорили, я всем подписал книжки. Потом перешли в зал. Говорили добрые, умные речи. Очень симпатичные жигиты, обаятельные, с юмором. Я их не только уважаю, но сердечно люблю. Приятный, сердечный получился вечер. Я был обласкан ими. Они подняли мне настроение.

11 ноября

Всюду разговоры об интервью Туякбая в «Жас алаше». Редко, очень редко кто из казахов способен на такой поступок. Для этого нужен характер, мужество. И весьма незаурядное. Факт очень знаменательный. Невозможно долго ехать на раздрызганной арбе лжи и фарисейства. Казахов спасёт только казах. Найдутся люди. Уверен!

12 ноября

Вчерашний слух подтвердился: умер Арафат. И о том говорят во всём мире.

Увидел во сне Зеке – Зейноллу Кабдолова – жутко осунувшегося, изменившегося, но мобильного, говорливого, с портфелем в руке. Я усадил его рядом с собой и подробно рассказал, как Рая в его честь поставила в церкви свечу, которая сначала упала и едва не потухла, но потом выпрямилась и ярко разгорелась. Значит, всё с ним образуется, и он вновь встанет на ноги.

16 ноября

Комиссия по госпремиям меня отстреляла. На этом этапе я этого не ожидал. Конечно, на душе неприятный осадок. Не знаю, что и думать. Многие звонят, утешают, просят не держать обиду на казахов. Но я-то понимаю: казахи тут не при чём. О мотивах козни могу только догадываться. Жигиты разделились на родоплеменные и Бог весть какие группы и топят друг друга. А я, инородец, стал помехой и тем, и другим. Не себя жалко, за роман обидно: он, действительно, неплох: не зря же за полгода написали на него в Германии, России, Казахстане одиннадцать рецензий. Вот и Баккожа позвонил по этому поводу. Считает, что получилось некрасиво, что мои заслуги очевидны, что казахи в большинстве своём меня уважают, что поступок членов Комиссии нелогичен, необъясним. Да что тут объяснять? Голосовали совсем по иным соображениям.

19 ноября

...Встреча в Архиве Президента прошла мило. Ко мне все были внимательны, душевно расположены. И я был в шутливом, добром настроении. Получилось весьма теплая беседа. Немало давних знакомых: Шепель, Дегитаева, Таразы, Роза. Мне посвятили

два стенда выставки: фотографии, книги, письма, документы. Много кое-чего, оказывается, я сдал в архив. С цветами, книгами, благодарностями привезли меня обратно домой. Приятно!

21 ноября

Сюрпризам дня было неожиданное посещение меня Абиша и Клары. При этом заезжали дважды: первый раз я был на прогулке. Поздравили они меня с 70-летием. Абиш сказал подобающие слова и вручил часы «Orient», улыбнувшись: «Времени остается всё меньше, потому почаще поглядывай на часы». Поговорили о том, о сём, символически подняли бокал. Я был тронут. От Абиша исходит мудрость и свет.

...Позвонил из больницы Шота В. Он доверительно и весьма оптимистично поведал о своих планах. Необходимо отдельной книгой издать стихи и переводы, отдельной книжкой – пьесы; потом – статьи и дневниковые записи, письма; потом – автографы, потом – альбом нематериализованных проектов. Хорошие планы! Молодец! «Надо спешить, – говорит Шота. – Времени уже остаётся мало. Надо завершить недоделанные дела и что-то оставить потомкам». По-мудрому, по-граждански рассуждает. А звонил он, чтобы сообщить о нашем с ним выступлении по «Ел арне».

25 ноября

После обеда был на презентации журнала «Тамыр». Ему испонилось пять лет. Хорошо вёл вечер Ауэзхан Кодар. Выступили Мурат, Дулат, Давыдов (из Москвы), я, Бадиков, какие-то представители из областей, организаций, артисты. Всё непринуждённо, мило. Впервые вручались премии интеллигенции интеллигентам. Премия называется «Асык». В основе скульптура Сакенова. Три номинации – бронзовая серебряная, золотая. Серебряный асык вручили Давыдову (я познакомился с ним, похвалил его выступление; он по образованию китаист, учился в Московском университете с Муратом А.); золотой «Асык» достался Мурату. Вполне заслуженно и справедливо.

29 ноября

Не выходят из головы украинские страсти-мордасти. Конечно, понятно, откуда сыр-бор. Однако, думается о том, как эта смута отразится на Казахстане. Ясно, что именно так быть у нас не может. Но какой-то уродливый и бестолковый вариант не исключён. Народ-то – особенно после последних выборов – сильно обозлён. А власти наши, кажется, этого не понимают. Среди элиты, чую, назревает большой базар. А кашу будем расхлёбывать, как всегда, обездоленный народ. Не знаю... Ощущения смутные и тревожные. Боюсь, со временем будет тосковать даже по нынешним дням...

1 декабря

После обеда меня повезли в библиотеку им. С. Бегалина. Там организовали большую выставку к моему 70-летию. Всё было хорошо подготовлено и организовано. И телевизионное моё интервью показали, и песни пели, и отрывки из моих книг читали, и Агила Сауран свои сказки вручила, и речи умные были (С. Раева, Э. Файн), и я читал разные штучки и отвечал на вопросы. Аудитория была смешанная: учащиеся колледжа, студенты, преподаватели университета, библиотекари, работники культуры. Встреча продолжалась почти два часа. И, кажется, все были довольны. Тут же пригласили меня в КазГУ, Дом книги, АН, Аграрный университет.

8 декабря

Делегатам съезда немцев Казахстана передал около ста своих книг.

К двум часам дня отправился в Дом учёных. Добрался с трудомв. Думал, упаду, потеряю сознание... Прекрасное эссе, посвящённое памяти Фатимы Габитовой, зачитал проф. Берик Жилкибаев. Он же презентовал свою книгу «Мой Ильяс». Блистательно рассказал о своей матери Мурат Ауэзов. И я что-то сказал, но весьма посредственно, ибо точно окаменело сердце. Подарил свои книжки Ильфе Ильясовне и Евгении Михайловне. Потом ещё что-то сказал перед камерой (кажется, для «Казахстан-1»). Приплелся домой еле-еле. Давление оказалось около 200. Кошмар!

10 декабря

На премьеру Дулата И. («Сети дьявола») в театре Лермонтова пойти не смог, пошли Рая и вернулась с хорошими впечатлениями. По её словам, спектакль хорош, пьеса интересна и артисты играли прилично. Рад и горд за Дулата, за казахского драматурга, пробившегося на русскую сцену. Молодец!

15 декабря

Из «Казправды» узнал, что Kahарманом стала Хиуаз Доспанова. Запомнил её резкой, решительной, склонной к конфликтам, к разоблачениям, правдолюбкой. Даже яростной, неуправляемой. Потом, когда я был депутатом, часто звонила, превозносила ленинские идеи, сталинские порядки, хвалила Кунаева, в хвост и в гриву обвиняла рыночный период и современных руководителей. Слушать её неистовые речи-монологи становилось порой невмоготу. Выражалась по-солдатски энергично. «Ты депутат: давай машину! Мне в аптеку надо, в магазин надо», – донимала она меня. Я всегда был с ней внимателен, выслушивал её, уступал машину. Знал по рассказам, какой она была комсомолкой и партийной деятельницей, а в годы войны – отважной лётчицей. Её весьма уважал М.И. Исиналиев... Лет десять её не слышал. Даже не знал, что она жива. Теперь – Kahарман. Я думаю, справедливо. Она отголосок большевистского времени, человек военный и послевоенной эпохи.

16 декабря

Вчера прочитал, что вышли 13 и14 тома Мухтара Ауэзова. Вошли в них работы, написанные в 35-38 годы. Всего томов будет 50. Поразительно! Человек прожил всего 64 года. Жил непросто. Под постоянным прессом. Пережил и перенёс тяготы судьбы и крутого времени. Преподавал. Заседал. Разъезжал. Женщин любил. Вмешивался активно во все сферы духовной жизни. Колоритная общественная фигура. И при этом написал 50 томов сочинений. Каково? Уму непостижимо! А вот мне уже 70. Разумеется, о качестве, ценности, значимости моих «опусов» речи нет. Но даже по количеству исписанных страниц мне до этой личности далеко, как до Луны. А ведь работаю каждый день. Не сижу сложа руки. Отсюда вывод: видно, всё же я лентяй. Мелочь. Одно утешение: по Чехову, каждая собака должна лаять своим голосом. Вот и я потявкиваю-поскуливаю посильно. А Ауэзов – недосягаемая вершина. Гигант. Глыба.

...«Казправда» пишет про дождь правительственных наград. Абиш, Токаев и Имангали получили Орден «Первый Президент республики Казахстан Нурсултан Назарбаев». Народ окрестил его коротко – Орден Нурсултана... Неужели его можно носить на груди? Апырай, а?!

21 декабря

За последние дни я получил из Германии четыре бандероли, несколько писем, дискет. Меня наши немцы в Германии читают и относятся с уважением. Но что могу я, живя в Казахстане, для них сделать? Издательства нет, печатать их произведения негде. Наши немцы здесь интересны, а казахам какой резон их издавать и читать? Вот я их читаю, пишу обзоры и рецензии, печатаю их в Германии и у нас. Но я не в состоянии отвечать на все письма и обмениваться книгами. Пошлёшь три бандероли – половина месячной пенсии нет. А ещё сколько времени теряешь? Секретаря-то у меня нет. Хорошо было Гёте: на него работали шесть секретарей. А я один, к тому же дохлый.

25 декабря

...Начал читать обзорную статью Құл-Мұхаммеда в «Казправде». Статья мощного, полногрудого дыхания, широкоохватная. Характеристика казахстанской литературы верная. А рассуждения о японской литературе для меня внове. Я всегда знал, что Мухтар великолепно эрудирован. Данная статья вызывает уважение и восхищение. Молодец! Голова! Аналитик глубокий. И название статьи точное: «Слово правит миром». Кое-кто из стариков поделился со мной впечатлением, но знаю: многие наши писатели её не читали, ибо не представляют даже, о чём идёт речь. Исключения редки.

30 декабря

Подбил итоги года. Опубликовал 97 статей, рецензий, интервью. Издал 4 книги. Обо мне написано около 40 статей и одна монография. Отметил 70-летие. Особых глупостей за год не сделал. Пакостей тем паче. Чувствовал себя нужным. Что ещё надо? Значит, году Обезьяны благодарен. А что Петушиный год принесёт – будет видно...

2005

2 января

Вчера до полпервого ночи читал «Семейный архив» Герта. Главным образом, алматинский, «просторовский» блок, где мне всё знакомо. Однако, видение Герта однобокое: трагизм «безвременья» он воспринимает и ощущает исключительно с позиций «еврейских дел». Своим иудейством он носится, как с писаной торбой. «Еврейские обиды», «исключительность еврейской судьбы» – всё это так выпячивается, педалируется, что иногда становится неловко. Жил в СССР, в Казахстане, в окружении множества национальностей и трагических судеб – казахских, немецких, корейских, чеченских и т.д., но видел только еврейскую боль, еврейские проблемы. Ни о чём больше говорить не в состоянии. И волей-неволей получается искажённая картина бытия. Жаль, что Юрий Михайлович так и умер с этой чудинкой, с этой болью, с этой обидой. Она питала его всю жизнь, и, переехав в Америку, он в сущности так и прожил страдальцем. Я относился к нему с симпатией, уважал его как человека и литератора, очень даже понимал как немец-спецпереселенец, которому знакомы разные «свинцовые мерзости» в такой же степени, но я никогда не оставался певцом и пленником сугубо национальной трагедии. И в этом смысле «еврейскую локальность» никак не разделяю. Мир

значительно разнообразней и сложней. Вот о чём думается, когда читаешь толстенный «Семейный архив» Юрия Герта.

4 января

Ночью, в первом часу, позвонил из Берлина Лео Кошут, сообщил, что вышел журнал «die horen» с моей статьёй об Абае и четырьмя переводами его стихов в немецкой версии Кошута. Обещал прислать материал.

5 января

Вечером был Шота В. Читал отрывки из старых своих записей. Намерен всё собрать для издания. Планы его я поддерживаю. За это и выпили. Точнее, выпил я, а он пил чай и ел чак-чак, приговаривая, что сахар у него 9, и потому ему «можно», а у меня сахар 8, и потому мне нельзя. С Шотой приятно говорить. Он без пакостей в душе.

Позвонил Кадыру, поздравил с 70-летием. Не столько я его поздравлял, сколько он говорил мне тёплые, приятные слова. Особых контактов у нас с ним, пожалуй, не было, но добрых сорок лет мы относимся друг к другу с симпатией, с братским чувством.

14 января

Утром позвонила Меиз Канышевна Сатпаева: скончался Эмиль Эфраимович Файн, милый, тихий человек, наш добрый товарищ, геолог, доктор наук, лауреат премии Сатпаева, редкой души личность, с чудинкой, обаятельный Дон Кихот, наивный Weltverbesser. Последние три года мы нередко бывали вместе, работали в одном семинаре, «круглом столе», пропагандировали добро, встречались в библиотеках, у памятника Чокана, разговаривали по телефону. Очень милый, сердечный был человек. Сын в Америке, дочь в Израиле. Жена очень больна, еле передвигается по дому.

Такая вот судьба. Не дожил до 75-летия.

16 января

Звонил Смагул Е.: вместе с Шахановым намерен создать общество (или движение?) «Қазақ тілі және Рух», просит о моём вхождении в правление. Охотно согласился.

22 января

Был в «Анкаре» на юбилейной презентации «Тарлана». Раздали премии. Не всех знаю, не всех упомнил. По литературе получился конфуз. Накипов от «Надежды» отказался: мол, мне 60 лет, какая «Надежда», но наши меценаты не знают, с кем советоваться и допустили откровенный ляп. «За вклад» дали Нурпеисову, но не было ни его, ни дочери. Хотели, чтобы получил я, но я отказался, ибо сомневаюсь, чтобы Нурпеисов такую премию возьмёт: особенно после Олжаса, Шаханова, Магауина и Бельгера. Наверняка оскорбится и откажется.

Первую премию дали песеннику Шомишбаю Сариеву. У многих это тоже вызвало сомнение.

В своих номинациях «Тарлан» получили Макпал, М. Алиев, Преображенский, Р. Багланова, Исабаев (художник), доктор Бэнг.

А концерт был хорош. Душой его был певец Николай Басков. Обаятельный, милый, талантливый парень! И щедрый! От души ублажал публике. Зал «Оперного» власти тарлановцам не дали.

25 января

Музафар А. прочёл «Бремя будней», продиктовал по телефону экспромт:

Үшкір қиял, ұшқыр ойлы зергерім!
Көл-көсір-ау бұл өмірде тергенің,
Үш халықтың түлегі үшін қанатты
Үш еседен мол болсыншы бермегің...
«Бремя будней» кітабыңа байғазым:
Осынау бір экспромт, Бельгерім.
23.01.05.

26 января

В «Жас алаше» с удовольствием прочитал политический обзор и анализ Жулдыз Абдильды. Ох, и молодчина же! В корень смотрит! Чётко формулирует мысли. Логика – комар носа не подточит. Язык – бритва. Анализ политической обстановки в стране безукоризнен. Такой журналист для газеты – находка.

И Амирхан Мендеке – ас! Его материалы манят. Хватка железная. Вообще «Жас алаш» – эффектная, подлинно казахская газета.

31 января

Переделал уйму мелких дел. Дочитал книгу Нелли Косско из Германии, написал рецензию. Продиктовал Мадине из «Алтын орда» полстраницы текста о З. Сериккалиеве. Написал воспоминания о Каюме Мухамедханове. Для «Amanat» обещал сделать вводку к материалам российских немцев и дать рассказ «Отцовская тетрадь». Сочинил для «Книголюба» заметку о немецком журнале «die horen», где опубликованы четыре перевода абаевских стихотворений на немецкий язык, просмотрел-вычитал две-три сотни страниц компьютерного набора. Словом, қыбыр-жыбыр есть.

4 февраля

Позвонили из городского акимата. Давно ли я не был у Президента? Давно. А что? Может, есть смысл встретиться с Президентом? Какой? Я пенсионер, он – глава государства. О чём может быть речь? Зачем мне покушаться на его время? Ради тщеславия? Но у меня казахской аксакальской амбиции нет. То, о чём я думаю, что́ мог бы сказать, я имею возможность высказаться публично в печати. Или по радио и ТВ. Ну, и достаточно. Я это посильно и делаю. Так что на встречу с Президентом не претендую. Серьёзно? Ну, конечно... Спасибо, спасибо. Мой собеседник, по-моему, даже обрадовался тому, что со мной никаких хлопот. Себя он назвал, кажется, Аскаром.

6 февраля

По ТВ смотрел познеровские «Времена». На сей раз обсуждался еврейский вопрос. Познер, весь багровый, сходу сотворил базар. Ему крепко возражали два русских депутата Госдумы. Временами Слуцкер (весьма неприятный, со скользкой ухмылкой тип) и Познер имели бледный вид. Не знаю, чего добился этой передачей Познер. Помоему, получился обратный эффект. Скорей всего, восстановил всех неевреев против евреев. Не ему бы на эту тему говорить. Слишком гадкую линию гнул. Достойно вёл себя Велихов. Отвратительно – писатель Ерофеев. Одним словом, омерзительная, провокационная передача, сеющая раздор, раздрай, вражду между русскими и евреями.

Ещё Эдуард Тополь что-то вякал: «Запад обеспокоен». Ах, ты, боже мой! Западом решил русских припугнуть... Противно всё это!

7 февраля

Показатель разницы между 10% самых бедных и 10% самых богатых называется децильным коэффициентом. Интересно, каков этот коэффициент у нас, в Казахстане? Т.е. разница между «гольфистами», теми, кто «тойып секіреді», и между аульными мыркымбаями, кто «тоқып секіреді». Страшно подумать! На одной стороне ненасытные грабители, на другой – ограбленные до нитки. Самое скверное, что люмпены понемногу смиряются с таким положением дел. А «пустоплясы» полагают искренне, что так и должно быть. То есть, они должны всю жизнь резвиться, играть в гольф и есть икру. И это подаётся под соусом «стабильность». «Е-е, аллаһ, бергеніңе шүкір». Тем самым в обществе культивируется глубокий застой. «Гольфистов» это очень устраивает. Держать народ в чёрном теле да в ежовых рукавицах и при этом постоянно внушать ему, что о нём те же гольфисты заботятся денно и нощно, облагодетельствовали его, обеспечили стабильность. Вот и вся политика. На народ они смотрят как на досадное недоразумение, быдло, бестолочь, недотёпу-бедняка, недостойного внимания. Его можно только грабить, а если с него стянуты последние портки, то, собственно, зачем он?!

Вот отсюда все грядущие беды-напасти. Когда-нибудь это обернётся страшным возмездием. Но опьянённые награбленным богатством гольфисты думать о том не хотят, не желают. Самые умные из них понимают: «Потом будет плохо, но то будет потом». А, может, и удастся проскочить.

Вряд ли. Скорее не удастся. Выйдет боком. Покойный Калтай всегда в таких случаях говорил: «Даже собака, готовясь проглотить кость, оглядывается на зад, прикидывает, как потом эта кость выйдет». Наши же засидевшиеся гольфисты проглатывают верблюда вместе с шерстью, не задумываясь о последствиях. А последствия грядут катастрофические.

9 февраля

Добрались до резиденции президента на машине втроём – Померанцев, Молодов, я. Всё происходило солидно и чинно. Играл квартет. Элита казахстанской культуры, получив конверт с президентской стипендией, гуляла по фойе, беседовала, восседала на диванах. Сплошь знакомые: писатели, художники, музыканты, киношники, артисты. Невооружённым глазом заметно: редеют ряды. Иные не смогли прийти, прислали детей, внуков. Кого-то привели под руку. Кто-то едва передвигается на костылях. За год никто не помолодел.

От имени президента вёл традиционное заседание Оралбай Абдукаримов. Мужик простой, доступный, деликатный, без спеси и гордыни. Настоящий аульный казах. Располагает к себе. Учтив. Более часа говорили благодарственные речи К. Кайсенов, Бибигуль, Еркимбеков (конкретно и толково), Щеголихин, Ш. Жандарбекова (убедительно о 100-летии своего мужа), Р. Багланова («айналайын ақ патша»), Серкебаев, Розиева (о своей жилищной проблеме), Исабаев, Хайдаров. Меня усадили на почётное место, по левую руку Оралбая, и я со страхом подумал, что и я должен произнести нечто подобающее, начал было лихорадочно соображать, что же мне промямлить, но вскоре сообразил, что на этот раз обойдутся и без меня, ибо по возрасту я занимаю третье место с конца (моложе меня только Жуманиязов и Розиева).

Получив таким образом 170562 тенге из Президентского фонда, можно целый год продержаться на плаву, не думая особенно о хлебе насущном, и заниматься своим творчеством (особенно если ещё и жена твоя получает пенсию и зарплату).

14 февраля

...В десятом часу вечера позвонили мне и сообщили со ссылкой на 31-й канал: в «Ак жоле» раздрай. Байменов и Жуланова ушли от трио Абилова, Сарсенбаева, Жандосова. О наметившемся раздрае мне намекнула месяц назад всезнающая Айгуль. И мне лично весьма досадно, ибо я питал симпатию ко всей верхушке «Ак жола». С Алиханом и Людмилой год находился вместе в Верховном Совете XIII созыва, и я испытывал к ним душевное распоряжение. Так, что же случилось? Что за кошка пробежала между пятёркой милых азаматов? Неужели слабину высказал Байменов? Неужели он из тех, что катается с горки задом?.. Не знаю, что и думать! Если уж такие жигиты не в состоянии объединиться, то какая надежда на рядовых мыркымбаев? Неужели прозорливый Ульянов и на сей раз прав: «Прежде чем объединяться, необходимо сначала размежеваться». Так, что ли, получается? Ай, досадно! Ай, нехорошо! Так народ поверил было в «Ак жол»... Вот подарок властям! Вот уж позлорадствуют балалайкины!

16 февраля

Вечером смотрел по ТВ беседу акад. Нысанбаева и Ауэзова в программе «Времён связующая нить». Оба толково рассуждали о философии вообще и философии казахов в частности, блистали эрудицией – слушать приятно. Молодцы! Знающие мужики!

18 февраля

Была встреча со мной УМБ – Университете Международного бизнеса. Жанна, моя «внучка», организовала всё блестяще. Были речи, сообщения обо мне, читали отрывки из моих опусов, играли домбристы, пели песни, я читал кое-какие штучки-миниатюры по-русски, по-казахски, отвечал на вопросы. Немец Сергей и американец Мэтью говорили по-казахски, татарин играл на домбре, казашка говорила по-немецки. Фотографировались. А напоследок и вовсе ошеломили, подарив телевизор. Вот не ожидал. Была ещё и выставка, посвящённая мне. Оказалось, встреча была приурочена к моему 70-летию. До того выставки были в АН, в президентском архиве, в Центр. детской библиотеке. Всё бы хорошо. Но вечером почувствовал полную опустошённость. Здоровья нет и разные елтең-селтең уже не для меня. Мне нужно направить свои малые силы на подготовку рукописей. А они у меня такие:

1) В поисках своего ритма – 20 п.л.; 2) Дождь со снегом – 20 п.л.; 3) Ода переводу – 30 п.л.; 4) Мұнар тау – 20 п.л.; 5) Плетение чепухи – 9 п.л.; 6) Постфактум – 16-17 п.л.; 7) Обрывки и отрывки – 12 п.л.; 8) Тень дней ушедших, первая книга – 13 п.л.; 9) Тень дней ушедших, вторая книга – 25 п.л.; 10) Вблизи и рядом – 10 п.л.

Эти рукописи почти «на мази». Надо их вычитать, отредактировать, отдать на компьютер, ещё раз вычитать, выправить, свести на дискету, а потом уже устроить в издательства. Но при добром стечении обстоятельств я мог бы их издать за четыре, скажем, года. А потом надо бы скомпоновать ещё две книжки:

11) Портреты – листов 15; 12) Книгу для детей – листов 12.

После этого – ғұмыр болса – я мог бы спокойно вернуться к переводу.

Такие планы, а как Всевышний распорядится – не мне знать.

19 февраля

Вечером немного смотрел конкурс «Суперстар». Заставили казахов петь тяжёлый рок. Так неприятно! Зачем? Будто у казахов своей песенной культуры нет. Чёрт знает что! Сознательно уродуют души молодого поколения. Досадно! Подражательность – гибель для национальной культуры.

20 февраля

...Случайно набрёл на Би-би-си. Двое мужчин и две женщины, захлёбываясь и перебивая друг друга, битый час говорили о гениальном Иосифе Бродском. Вспоминали какие-то его словечки, фразы, строчки, поступки, выходки, восхищались, восторгались, ловко жонглировали словами, то и дело самодовольно смеялись, усмехались, жеманничали, упивались красноречием, изысканно играли в поддавки, потом включили голос самого Иосифа, и он точь-в-точь, в унисон, жутко картавя, завывая, монотонным распевом, взмывая всё круче, самозабвенно, упоённо завёлся, завёлся, ЗАВЁЛСЯ, минуты две-три обрушивал на слушателей каскад лихо сцепленных слов, и тут собеседники Би-би-си, точно сговорившись, затеяли разговор на тему «Пушкин и Бродский», сначала осторожно, как бы наощупь, пристраивая Бродского к Пушкину, выявляя какие-то общие сходства, потом так увлеклись, что Бродский уже встал наравне с Пушкиным, ну, просто-таки во всем схож, а ещё немного погодя, Бродский стал намного крупнее, мощнее, колоритнее, значительнее Пушкина. О да, конечно, куда там русскому гению до «нашего» Бродского!..

Слушать этот упоённый трёп было стыдно. Кто были эти собеседники, я не расслышал. Одна вроде как профессор литературы и звали, кажется, Валентиной. Другая речистая дама только что заявилась на студии из Австрии, из местечка, где находились дачи Гитлера и Геринга, и звали её Татьяной, один из мужчин говорил хриплым, задавленным голосом, но с жутким апломбом, спесью и важностью, и все четверо пели так слаженно, так вдохновенно, что Иосиф Бродский за полчаса затмил всех поэтов всех времён и народов. Вот как надо петь аллилуйю! Это надо было слышать! Не хватало ещё Познера. Это было нечто. Был бы жив Бродский, он, надеюсь, послал бы таких аллилуйщиков к определённой матери...

Нет совести у людей! После такой передачи чувствуешь отвращение к невинному Бродскому.

21 февраля

...Вечером принялся дочитывать Послание Президента. Третий день не могу дочитать... Читая, случайно нажал на кнопку «Азаттық». Шла длинная передача о положении казахской молодёжи. Слушаешь – сердце от боли сжимается. Один прибыл из Усть-Каменогорска, работы нет, квартиры нет, попрошайничает. Мать осталась в Оскемене. Другой вернулся из армии, и вот уже много месяцев не может найти работу. В двух-трёх местах работал – обманули, зарплату не дали. Третий пробивается случайными заработками. Радуется, когда получает 15-20 тысяч тенге. Квартиры нет. Ещё у одного зарплата около 200 долларов. Все уходит на аренду жилья. Будущего нет. Кредита, ипотеки нет. И не рассчитывай. Ещё один на базаре околачивается. Другой промышляет запчастями. Десятый ходит по домам, нанимается ремонтником... И так сплошь и рядом. В ауле ни житья, ни работы. Прибился к городу, живёт у родственников. Работу найдёшь – надо давать взятки. А денег нет как нет. Всем этим жигитам по

20-30 лет. Настоящего нет, будущего нет. Жилья нет, работы нет. Безнадёга! Слушал я эту горькую исповедь казахских жигитов. Хотел было после этого дочитать эпохальное Послание Президента и не смог... В душе сумбур. Может, завтра дочитаю...

1 марта

...Был на творческом вечере Орынбая Жанайдарова в литературном салоне «Номад». Я там впервые, но мне понравилось. Милая публика, половина зала знакомых. Доброжелательная атмосфера. Орынбай читал стихи. И его слушали хорошо. Я сказал несколько слов о его переводах. Проводила меня домой Алипа. Станислав Ли вручил свою книжку «Пригоршня света». Толковый, своеобразный поэт. Чувствуется древняя китайская культура. Полистал альманах «Литературная Алма-Ата». Обнаружил там два своих материала. В «Труде» мои заметы о казахском языке. А в «Евразии» рецензия Алуа Темирболат на мой «Дом скитальца». Сюрприз!

2 марта

Прочёл доклад Шаханова о состоянии современного казахского языка. Факты, которые он приводит, ужасают. Я давно сообразил: казахский язык нужен лишь обездоленным казахам. Богатеям родной язык не нужен, им нужны лишь доллары. 80% власть предержащих вполне обходятся без родного языка. Из 14 министров лишь один благосклонно относится к государственному языку. Так о чём речь?

5 марта

У меня в архиве накопились письма (думаю, не одна тысяча) русских немецких писателей, начиная с 1970 года. Когда-то я хотел их передать в Институт в Геттингене (о том был у нас разговор с Айсфельдом). Теперь этот институт распущен. Могу сдать в наш Президентский архив. Часть наверняка передам ныне. Но здесь они пролежат мёртвым грузом. Жаль. И вот подумалось сегодня с утра: может, на их основе издать книгу, своеобразные избранные места из переписки с друзьями. Ведь в этих письмах память, боль, характер, жизнь, мечты, терзания тех немцев, того поколения, которое ушло. А это ведь история наша. Правда, какие-то письма я использовал в своих монографических статьях и литпортретах: Дебольского, Кончака, Норы, Эккерта, Кёльна, Реймгена, но это лишь толика и далеко не всех. «За кадром» остались Больгер, Ваккер, Гердт, Вагнер, Геннинг, Гольман, Гуммель, Жакмьен, Анценгрубер... человек 40. Может, действительно издать небольшим тиражом (скажем, 300 экз.) избранные места из этих писем. Конечно, работа огромная. Полгода придётся корпеть. А, может и больше. Надо ведь всё заново читать, перелопатить, отобрать, искать спонсора и т.д. И кроме меня, никто уже это не сделает. Может, в следующую зиму за это примусь?

6 марта

На днях мне звонили из «Казправды» с просьбой откликнуться на послание Президента и сказать что-то о качестве жизни в Казахстане. Я отказался. Разумеется, за 14 лет произошло немало изменений в лучшую сторону. Рынок насыщен товарами – бесспорно (правда, ненашими – китайскими, турецкими и пр.). Можно говорить и о качестве жизни. Но... всё зависит, с какой стороны посмотреть. Вот простая арифметика. Пенсия госслужащего 14 лет назад составляла 120 рублей (потолок 132 рубля). Высокий госчиновник получал зарплату 500 рублей. Значит, зарплата была в 4 раза

больше пенсии. На эти 120 рублей пенсионер мог слетать в Москву, вернуться домой и ещё раз лететь в один конец. Теперь ни один пенсионер даже в один конец до Москвы не доберётся. Сейчас чиновник высокого ранга получает до 200 тысяч тенге; пенсионер – 10-12 тысяч тенге в месяц, т.е. разница уже в 20 раз. Справедливо? Или просто подкуп чиновничества? Что имел пенсионер на свою пенсию тогда и что имеет нынче? Попробуй вникнуть. Говорит это о качестве жизни?

Теперь обещают пенсионеру подкинуть ещё три тысячи... А на сколько выросли за эти годы коммунальные услуги, питание, медобслуживание, плата за обучение? А взяточничество? Коррупция? Быт? А что происходит в лёгкой и тяжёлой промышленности? А сколько у нас преступников, больных, безработных, брошенных детей, алкоголиков, наркоманов, проституток? Кто этому отдаёт отчёт? Сколько наших граждан с утра до вечера слоняется, топчется, ошивается на базаре, с трудом перебиваясь с хлеба на воду? Сколько бомжей, кормящихся возле мусорных баков? В каком положении очутились подростки и дети, которые вынуждены платить за каждый свой шаг?!

То, что мы видим вокруг, не даёт возможность взахлёб говорить о крупном подъёме качества жизни. Все наши достижения за счёт продажи сырья страны, за счёт уфит-суфит и ахалай-махалай. На мой взгляд, мы находимся в глубоком застое, хорохоримся, петушимся натужно, и не надо пускать постоянно пыль в глаза, достаточно это делать один раз в год. Народ-то всё видит, всё знает. Словом, бить в литавры не хочется. Для этого в государстве довольно прохиндеев, прощелыг, юркачей, ловкачей, записных жарапазанчиков-алилуйщиков, ошивающихся возле госкормушки. Сознавая всё это, мысленно ли всерьёз говорить о каком-то качестве жизни?

10 марта

Разбирая завал писем, наткнулся на папку «Письма из Германии» и – о радость! – обнаружил письма Ю. Домбровского, которые считал потерявшимися. Их оказалось не два, как я полагал, а шесть. (Пожалуй, на их основе сделаю публикацию). Обнаружил также письма С. Баруздина, М. Дудина, Л. Аннинского, Г. Ломидзе. Надо же!

Полдня изучал энциклопедию «Северо-Казахстанская область». Завтра начну писать рецензию. Некая Ирина Геннадьевна взяла у меня 7 фотографий для книги «Элита Казахстана».

В «Дате» резкая статья Нуркадилова против Президента. Но наш Президент – тёртый калач, вряд ли реагирует на подобные укусы.

13 марта

«Форбс» обнаружил в Казахстане трёх миллиардеров – двух узбеков и одного еврея. В совокупности их капитал составляет 5 млрд. долларов. Апырай, неужели «Форбс» не обнаружил ни одного казаха-миллиардера? Я вроде двух-трёх знаю... Бедные казахи радуются теньговой подачке к пенсии, в то время, как всякие шодиевы-ибрагимовы-машкевичи доводят страну до полной нищеты и сосут последнюю кровинушку...

16 марта

Каспаров, расставшись с шахматами, решил заняться большой политикой и даже баллотироваться в президенты России. Ойдөйт дерсің! Көтке қарау жоқ. О намерении баллотироваться, таким образом, уже заявили Касьянов, Селезнёв, Жириновский, Каспаров. Остальные – шалдиреки.

18 марта

Много разговоров о выходке Алихана Байменова. Иные ругают его на чём свет стоит. Я тоже озадачен. Не хочу о нём плохо думать, но поступок его порядочной логике не поддаётся. Неужели он стал игрушкой в политической возне? Ведь умный парень. Значит, есть серьёзный изъян в характере или в воспитании. Прав, видно, мудрый старец Кітапбаев, усмотревший в его генах изрядный кінәрат.

20 марта

В Киргизии крайне обострилась ситуация. Неспокойно в Оше и Джалал-Абаде. Акаев оказался слабаком. И это чувствовалось давно. Разве можно руководить страной, если в семье творится бардак?

Но мне думается не об Акаеве, а об Айтматове. Мудрый человек, он мог бы, думаю, сказать Акаеву: «Послушай, академик, что ты делаешь? Почему народ позоришь? Ты же учёный, интеллигент, демократом слывёшь, в Ленинграде учился, культурный вроде человек. До чего же страну, народ довёл?! Уходи с миром, пока не поздно!..» Нет, не говорит. Почему? Не может из-за сына-министра. Или банальный пендешілік не пускает. Ужасно досадно! Человек, дорвавшийся до власти, как правило, теряет разум, становится глух и слеп.

22 марта

Наурыз, наурыз!.. Поздравления, пожелания. Позвонил активный, деятельный Кітапбаев. Приехал, оказывается, в Алматы, побыл на празднестве, поделился впечатлениями от прочитанного в последнее время, похвалил Құл-Мұхаммеда и Рымгали («Едәуір біледі. Бірақ Абайды қара шал деуі бекер. Толстойды я Гётені кім қара шал деген? Мені шал десе де ұнатпаймын. Абайдың Пушкиннен несі кем?!»)

Интересно, нестандартно, остро рассуждает Бошай-аға. С ним интересно беседовать.

26 марта

Вчера перед сном прочитал в «Жас алаше» заключительную главку «Иірім» Кадыра. В последних главках своего вольного повествования он повёл разговор о том, о сём, о трудных моментах своей жизни и заключает признанием: «Шаршадым». 50 лет, мол, тружусь беспрерывно, как вечный двигатель. Устал, устал...

И, действительно, видно, что устал, поизносился.

Сотворил он, конечно, много. И чувство это мне знакомо. Но мне, однако, надо бы издать ещё 8-10 книг. А иногда мечтается (впустую!) об избранном в 4-5 томах. Но кто мне протянет руки помощи? Кто подсобит, поддержит? Я одинок. И на старости лет всё острее чувствую, что я из другого рода-племени. Сколько же, в самом деле, можно мне на доброту казахов уповать? У них и без меня забот достаточно.

И Туманбаю исполнилось 70. И у него мотивы старости всё явственней. И Калихану 70. Он вроде не жалуется. Теперь узнал, что у хворого Саина (который тоже приближается к 70) скончалась дочка. Какой удар, какое горе! Подумал о своих друзьях-сверстниках, подумал о себе, тоже изрядно потрёпанном, и стало мне с утра грустно и горько. А тут ещё похолодало, пошёл дождь. И поневоле вспоминаешь кадыровский вздох: «Устал». Вспомнились слова Нурпеисова, сказанные лет пятнадцать назад: «Өлуін жұрттың бәрі өледі ғой. Бірақ бірдемені бітіріп барып, өлгенге не жетсін...»

У Кадыра душа может быть спокойна: он многое успел сделать. Я же запоздал, слишком много времени и сил отдал переводу. Ай, ақымақ басым ай! Сколько времени я загубил на одну лишь нурпеисовскую дилогию! О времени и сил, истраченных на «Кровь и пот», я не жалею: и трилогия хороша, и школа была поучительная. А вот годы, изведённые на «Соңғы парыз», оказались бессмысленными и бесславными. Вот об этом сердце постоянно ноет. Что поделаешь? Өтті-кетті, ысырап, зая болды. Вот такие мысли приходят на ум от одного кадыровского слова «шаршадым».

27 марта

Относительно событий в Киргизии Назарбаев поставил такой диагноз: слабая власть и слабая экономика. Отсюда следует вывод: у нас и власть, и экономика сильны. А в Узбекистане, надо полагать, сильна власть, но слаба экономика. Значит, Узбекистан стоит на одной ноге, а мы слава Богу, на двух.

2 апреля

Позвонил Баккожа, поздравил с журналистской премией «Алтын жұлдыз». И тут выяснилось, что «Парасату» дали ещё одну золотую медаль – Швеции. Так что «Парасат» на высоте. И я очень рад. Как-никак ведь тоже автор и член редколлегии.

Физически мне плохо: давление, сердце, головокружение, одышка. Пушкин говорил: «Весной я болен». Вот это, пожалуй, меня с Пушкиным и роднит.

5 апреля

Главное событие мира – кончина Иоанна Павла II. (Кароль Войтыл). Вот его официальные титулы: - Епископ Римский; - Викарий Иисуса Христа; - Преемник Князя апостолов; - Верховный Первосвященник Вселенской церкви; - Патриарх Запада; - Примас Италии; - Архиепископ и митрополит Римской провинции; - Глава Ватиканского государства; - Раб рабов божьих.

Эти титулы он носил на протяжении 26 с половиной лет. Посетил более 120 стран мира. Знал восемь языков. В молодости писал стихи. Умер 2.04.05 на 85-м году жизни. Такой вот человечище...

6 апреля

Снег. Пурга. Ұйқы-тұйқы. Маялся жутко сердцем. Останавливаясь через каждые пять шагов, боясь рухнуть в мокрядь, еле доплелся до Германского посольства и сдал рукопись. На обратном пути было совсем худо. Даже после клофелина давление оказалось 208/97. Пульс 91. Гипертонический криз. Давление кое-как сбил, но чувствую себя, как побитая собака. Ничего мне просто не даётся.

9 апреля

Давление скачет. Хожу полудохлый. Погода не наладится. А дергают меня и газеты, и радио, и ТВ. Всё от меня что-то хотят. И никто не понимает, что мне худо...

По радио передали, что предложение Шаханова-Айталы в мажилисе не прошло. В Сенате – тоже. А предложение было невинное: внести в «Закон о выборах» положение о том, что казахи (депутаты или кандидаты) должны знать родной язык. И казахи же голосовали против. Раньше полагали, что против государственного языка исключительно русские и редкие инородцы, теперь точно выявилось, кто главным образом

против казахского языка. Сами казахи-чинуши, околачивающиеся возле власти. Вот и всё отношение к государственному языку.

Я давно говорю, что казахским богатеям родной язык не нужен. Они предпочитают язык доллара. Они давно смекнули, что без родного языка вполне можно обойтись. Казахский язык нужен только бедным слоям казахов. У них, кроме этого, ничего нет. А какой сделает вывод молодежь из решения депутатов? Вполне логичный. Раз нашим агаям, сидящим у власти, родной язык не нужен, то зачем он нам? Обойдёмся! Для нашего будущего, для карьеры, для жизненного успеха, оказывается, казахский язык и даром не нужен.

Вот такой сложится стереотип. Такое представление нанесёт громадный урон грядущим поколениям.

19 апреля

Хорошо поработал. За полдня, неожиданно, по-казахски написал воспоминания о директоре школы Шияпе Садыкове. Пролистал первую папку дневников Оразбека С. и тоже без труда по-казахски накатал предисловие. За полдня написал по-русски заметку к 60-летию Тынымбая. Подготовил к компьютерному набору рукопись «Плетение чепухи». Вычитал верстку своей книги «Дождь со снегом». Якобы, в начале мая выйдет. Вычитал после компьютера и первую книгу своих дневников. Прошёл профосмотр, сдал анализы. Да ещё выступил в литсалоне, дал интервью, провёл несколько встреч. При моём нездоровьи это совсем не мало.

Шарбану Бейсенова завезла новое издание «Фауста» на казахском языке с моим предисловием. В германской газете вышла большая рецензия на мой роман «Дом скитальца».

22 апреля

В Зимнем саду Дома учёных провели презентацию книги «20 стихотворений Абая». Книга достойная. Возможно, я о ней напишу рецензию. Презентация прошла хорошо, организованно, заинтересованно. Вёл Каскабасов. Выступили я, Кайшыбаева, Магауин, Г. Есим, Елеукенов, Кирабаев, представитель акимата, Марат. Сплошь добрые отзывы. Я ещё дал интервью ТВ. По пути заглянул в «Дайк-пресс». Мою книгу «Ода переводу» обещают издать непременно в этом году. Было бы здорово!

Звонят из разных телепрограмм: дай интервью к 1 мая, к 9 мая. Я всё отказываюсь. Нехорошо мельтешить. Да и сил нет. Но «Корё Ильбо» интервью дал. И ещё обещал дать программе «Таң». Ай, зря, наверное...

Позвонил Боос, подтвердил, что в октябре конференция немецких учёных Казахстана, что я должен делать доклад и руководить гуманитарной секцией.

Ещё одна забота...

25 апреля

...Вечером пешком добрался до Дворца Республики. Сердце скачет, голова кружится. Весь дохлый. 80-летние ветераны держатся бодрее меня.

Поначалу давали отрывки из школьных сочинений на тему: «Всё, что было не со мной, помню...» И я невольно прислушался. Некоторые сочинения брали за душу, и зал отзывался аплодисментами. Проникновенные слова, добрая память, восхищение дедами и прадедами, верное восприятие прошлого. Даже не ожидал...

Ну, а Лев Лещенко потряс, заворожил зал, ветераны расчувствовались, прослезились, пели вместе с ним. Полный контакт. И я ожил, приободрился, забыл о своём кислом состоянии, зашевелил губами. Лещенко полон обаяния, прост и доступен, весь нараспашку, вошёл в азарт, расправил крылья, видя любовное, восхищённое расположение зала. Каждая его песня – откровение, исповедь, душевная беседа. Истинный народный артист. Мастер. Душа-человек. Люди знают его репертуар. Старушки-ветераны прямо-таки млели. «Родительский дом» в его исполнении меня так разволновал, что я вспомнил отца, мать, наш ныне разрушенный дом в ауле. Я растрогался и укрепился в сознании, что, пожалуй, напишу лирическое эссе на эту тему.

После такого концерта хочется жить, быть бодрым и здоровым, расправить плечи и сделать что-нибудь доброе, хорошее. Браво, Лещенко!

27 апреля

Позвонил Лаврентий Сон и пригласил на презентацию 78-листового (двухтомного) романа Александра Кана. Пока что роман (романище!) прочитали трое – сам автор, Лаврентий Сон и Анатолий Ким. Последний написал предисловие. И Сону, и Киму я верю. Но кто в наше время пишет 78-листовой роман? Обалдеть! Когда его читать? Либо в одиночной каталажке, если хорошо кормят, либо в ненастные зимние дни на больничной койке. Обещал роман прочитать зимой. Издали хорошо. Но держа в руках два солидных тома-кирпича, я ловил себя на мысли: «Неужели одолею?» Ким сравнивал Кана с Марселем Прустом. Но и Пруста кто нынче читает? Роман Кана называется «Треугольная земля». О чём роман – я так и не уяснил. У корейцев мозги устроены не как у казахов или немцев.

1 мая

Вот и праздник подкатил. И в честь праздника крепко поработал. Закончил статью «Две строфы Абая». В плане не было. Родилась спонтанно. Аж 21 страница.

Вычитал первую книгу своих дневников – «Тень дней ушедших». Мне почему-то кажется, что это читабельно и поучительно. Может, ошибаюсь?

Смотрел с удовольствием и волнением вторую часть документального фильма о Мукагали Макатаеве. Первую часть смотрел два дня назад. Автор-режиссёр Рита Жугунусова (лет 15 назад я её знавал по работе в издательстве). Хороший получился фильм. Искренний, честный, справедливый. Участвуют в нём Абиш, Фариза, Кодар, Ибитанов, Бексултан, Орынбай, Аким. Будто встретился с живым Мукагали. Рад за Риту.

3 мая

Все эти дни хожу дохлый, квелый, давление высокое, сердце бунтует, и я работаю через силу. Принюхиваюсь к очерку о Фридрихе Больгере. Собрал материал.

Была Гуль-Айым с оператором Дарханом, сняли беседу со мной для программы «Арай» канала «Таң». Что-то лопотал аж минут 40-45. Гуль-Айым понравилась, а мои ответы – так себе.

Читал повесть Владимирова о Тухачевском в журнале «Нива».

5 мая

Ах, как красиво выстроились «пятёрки». А у меня давление 212/100. Как тут работать? Умер Ланько. Я его знавал по «Тамыру». Было ему 68. Сердце.

С.-Гирей по ТВ видел безобразие и бесстыдство в Шымкенте. Позор на весь мир. Устроили дебош против оппозиции. Вот наша демократия в действии... Надо было мне быть на «31-ом канале» на вручение премии победителям конкурса. Но куда с таким давлением? Пришлось отказаться и извиниться за своё вонючее здоровье.

...Подписал Президент Указ о кодексе чести для госслужащих. Господи, о какой чести может идти речь, когда 90% госслужащих – откровенные фарисеи, хапуги, торгаши. Их теперь уже никаким Кодексом не удержишь. Кодекс есть, а чести нет...

7 мая

Нуршаихов издал 10-томник сочинений. Я же, видно, и 5-томник не издам. Ну, ничего... обойдусь. Ни к кому ни обид, ни претензий. Знай, сверчок, свой шесток.

9 мая

День Победы. 60 лет. Я помню этот день во всех деталях и подробностях. Бегали с Аскером по аулу и ликующе кричали, заходя в каждый двор: «Сүйінші! Сүйінші! Мы победили!» Мы были вестники добра. И мы были обласканы всем аулом. И надо же – 60 лет прошло. И я живой. Дожил до этого дня. Разве не радость, не счастье?! Долго стоял на балконе, любуясь пышной, зелёной округой.

С Раей сходили в парк к Вечному огню. Народу собралось невпроворот. Грандиозно! Великолепно! Поистине всенародный праздник. Всё, что я видел, слышал в этот день, – потрясает и вдохновляет. И за Казахстан горд.

10 мая

На утренней прогулке встретился Шота. Позвал меня в свой офис. Показал свои новые проекты, макеты. Усадил за столик. Выставил огромную бутыль монгольской водки «Чингисхан», бутыль диковинного коньяка, вино типа «Ркацители». Угостил чаем, чебуреками, печеньем. Так щедро принял меня, что я, махнув на все диеты-запреты, выпил вино, чай, съел пару чебуреков и почувствовал себя хорошо. Поговорили. Шота подарил мне стильный журнал с его статьей. «Ал, енді такси шақырайын, үйіңе жеткізейін» – шутя предложил Шота. От его офиса до моего дома ровно 10 метров. Ну, царский приём!

12 мая

Открыл газету и обомлел: скончалась супруга Сагадата Нурмагамбетова. А он должен был выступать в ООН. Не знаю, долетел ли? Выступил ли? Какое горе! Я эту милую женщину видел всего раза два: в больнице и возле Чокана. В 81 год потерять жену – что страшнее может быть?..

17 мая

День сложился удачно. До обеда пробыл на конф. в Доме Ауэзова. Тема: «Абай и национальная идея». Конф. оказалась международной: участвовали турки, арабы, иранцы (выступали активно и толково). Мне дали слово седьмым. Всё шло на казахском, а мой доклад был на русском написан. Я на ходу перестроился, суть речи передал по-казахски в кратких тезисах, и собравшейся публике такая краткость понравилась (а собрались учёные-литературоведы, академики, доктора, зав. кафедрами, журналисты). Вслед за мной и остальные пошли по краткому пути и таким образом до обеда прозву-

чало 19 докладов. Все они выйдут отдельным сборником. В перерыве дал интервью для ТВ и радио (на казахском и русском), а потом был прекрасный фуршет.

Позвонил руководитель ДВК. Хочет поговорить. Стан оппозиционеров, конечно, не для меня, но я к ним отношусь с пониманием и уважением. Считаю оппозицию (грамотную, серьёзную) важным компонентом любого здорового общества. Слабая оппозиция – слабое государство. Разве Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан не о том свидетельствуют?

19 мая

Встревожил Смагул вестью о здоровьи Абиша. В Уральске Абишу якобы стало плохо, его перевезли в Астану, и он отлежался в реанимации. Сейчас вроде нормализовался. Но сигнал серьёзный. Состояние Абиша я понимаю, ибо у меня те же болячки.

И Шара Оразбека хворает. Моё поколение, видно, вступает в опасную зону.

Моё давление опять взлетело до 202/98. Клофелином и спасаюсь.

Встретился с Асылбеком Кожахметовым. Произвёл здоровое, приятное впечатление. Разговор был общий, ознакомительный, ни к чему не обязывающий.

21 мая

Не моя погода: тучи, сырь, прохлада. Четвёртый день обещают дождь, а его нет как нет.

Перед сном прочёл книгу эссе А. Битова (Ильфа Ильясовна прислала) «Победа». Очень своеобразно! Параллельно идёт и немецкий текст. Переводчик не указан. Выходит, Битов сам себя перевёл на немецкий язык? Молодец! Значит, сказались немецкие гены: обе его бабушки – петербуржские немки.

Прочёл и большую статью Тынымбая в «Дате». Выступил основательно, толково, логично, аргументировано. Камня на камне не оставил от сомнительной акции по истории перезахоронения останков Аблая.

23 мая

Удивляюсь Назарбаеву: откуда он берёт силы? Что им руководит? Чего он душу-то надрывает? Сам себя насилует? Откуда черпает энергию? Неужели держится на инерции и амбиции? Как только выдерживает такую непосильную для человека нагрузку? Как ему не надоедает жить под постоянным прессом? В постоянных тревогах, заботах, хлопотах? Среди интриг и низменных пакостей, которые бушуют вокруг? Уму непостижимо! Любой заурядный человек давно бы уже свихнулся. А ведь он тоже создан из мяса и костей. И матерью рождён. Мне это интересно как литератору. Представляю, до чего же это было любопытно, если бы он наговорил открыто, без утайки все свои мысли с раннего утра до поздней ночи на магнитофон, а потом издал бы распечатку в форме книги – вот был бы бестселлер!

Конечно, такое и предположить невозможно. Политика удел: думать одно, говорить другое, а делать третье. И в этот феномен проникнуть не просто. Простому смертному это вообще не дано. Личность Назарбаева для литератора представляет благодатный материал. Но моё знание его – слишком мало для серьёзного труда. Я присматриваюсь к нему, но писать о нём не осмелюсь, ибо не вижу его изнутри. А уподобляться аллилуйщиком, которых ныне развелось, как нерезаных собак, – стыдно. И даже недостойно объекта. Для раскрытия Назарбаева нужен другой аршин. Я им

не обладаю. Потому и не позволяю себе на эту тему писать. Но, думаю, со временем найдётся человек, который напишет о нём психологически достоверно. А нынешние жандайшапы будут его с таким же усердием разоблачать и топтать. В том ничуть не сомневаюсь. Знаю я их подлую природу. Я до такого уровня опускаться не могу.

27 мая

Получил от Ананьевой «Словарь литературы народов России. XX век» (изд. Наука, Москва). В этой энциклопедии весь раздел литературы немцев России написан мной. 15 статей!

Прошла сессия АН. Готовились долго. Надеялись на приезд Назарбаева. Но вместо Президента приехала Айтимова, которая произвела весьма дурное впечатление. Все очень недовольны. Приняли в члены иностранцев: Алферова и Акчурина. Нужно им казахстанское членство! Смешно!

30 мая

После обеда отправился в Оперный театр, где прошло торжественное заседание по поводу 70-летия СП Казахстана.

Всё прошло на хорошем уровне, как в добрые советские времена. Поздравил письмом Президент, выступил кратко и энергично Имангали, сделал доклад Нурлан, приветствовал министр культуры и спорта, выступили Айтматов, Нурпеисов, Кузнецов, Фазыл, ещё кто-то. Я выдержал 2,5 часа. На банкет не поехал. Коротко поговорил с Гундаревым, Дукенбаем, Оразбеком, Тынымбаем, Черновой, Бахытжаном и многими другими.

Был и Эдмунд Матер из Германии.

Всё хорошо, да здоровье моё для шумных мероприятий совсем не годится.

31 мая

Утром закончил рассказ «Земляника степная». Потом отправился в Германское посольство. Встретили любезно. С господином Йоахимом Бароном фон Маршаллом Биберштейном проговорили почти час. Беседа шла на немецком. Человек оказался милый, внимательный, деликатный, улыбчивый, понятливый. Мне было с ним приятно. Говорили о Казахстане, о судьбе наших немцев здесь и в ФРГ, о проблемах германского дефицита, о необходимости обновления немецкой крови во имя динамизма.

Рукопись мою дали экспертам, и отзывы положительные. Немцы помогут в издании, но надо пройти разные бюрократические препоны.

Потом принял меня ещё какой-то спец по оформлению бумаг – некий Шмидтер. Общительный, весёлый человек. Обстоятельно объяснил мне, что и как необходимо сделать. Я понял: с казахами дела решаются проще, немцы, конечно, общительны и милы, но формалисты жуткие. У них и снега зимой выпросить сложно. Проводила меня сотрудница Посольства, приятная татарка Ирка, по-казахски – Ерке. Она весьма внимательна ко мне. Есть в Посольстве одна молодая казашка Гульмира. Со мной вежлива. С казахами и татарами общаться мне проще, чем с германцами.

От Кошута узнал: меня в Потсдаме выдвинули на какую-то премию, но нынче я её не получу. Якобы на следующий год. Что за премия и каков её статут – я толком не понял. Кошут и Кристина Лихтенфельд носятся с идеей издать в Германии мой роман «Дом скитальца». Что из этого получится – Аллах весть.

1 июня

На книжную ярмарку во Дворце спорта не добрался. И здоровья нет, и гости были: Эдмунд Матер из Германии и Маркабай Ааматов из Кыргызстана (приятный человек, 52 года, секретарь СП Киргизии). Приятно побеседовали. Они давние и хорошие друзья.

Узнал плохую весть: в возрасте 50 лет скоропостижно скончался в Караганде Георгий Истомин, с которым переписывался многие годы. Написала мать, инвалидка, одинокая, 79 лет. Горе!

6 июня

В 6.30 утра звонок из Усть-Каменогорска. Неугомонный Герой соцтруда Бошай-аға Кітапбаев. «Мен колхозшымын ғой. 40 жыл колхозды басқардым. Сондықтан ерте, сағат бесте тұрамын». Оказалось, вчера привезли ему из Астаны книжку четы Беляевых – Андрея и Алии. Прочитал Бошай-аға их бестолковые, беспомощные вирши и стал задыхаться от возмущения и ярости. «Эй, бұл не болып кетті?! Бұл масқара ғой! Ұят қой, оттуоймат! Мынау куйовая поэзия ғой!» Бошай-аға долго не мог успокоиться. «Мейлі, жетім болған шығар. Москвада оқыған шығар. Бай болған шығар. Бірақ поэзияда не әкесінің құны бар?! Ақшаға бәрін сатып алам дей ме екен?!» Бошай-аға столь возмутился бездарной стряпнёй президента «Транзит-банка», что написал на его книжку свою резолюцию «Койна!» и выкинул в помойное ведро.

«Дұрыс жасағансыз!» – заметил я, успокаивая темпераментного старца.

8 июня

Казахстанцы позорно проиграли футболистам Турции со счётом 0:6. Все плюются. Что-то надо делать.

11 июня

Сегодня точно представил свою будущую маленькую, изящную книжку под названием «Эль». В ней будет пять эссе, зачин и узел, подчинённый одной теме, одной идее.

Написал предисловие к книге поэзия Фархата Тамендарова.

Прочёл 60 стр. рукописи Хасена Адибаева. От Смагула узнал о состоянии Зеке (Кабдолова). Вроде есть положительные сдвиги.

16 июня

Из «Казправды» узнал, что в возрасте 84 лет (11 июня) скончалась Руфь Мееровна Тамарина. Я и сейчас храню несколько её сборников с тёплой надписью. Поэт она была крепкий и человек прекрасный. Жребий ей выпал суровый, жестокий, но она сохранила живую душу, женственность и обаяние, талант и отзывчивость. Мир праху её!

18 июня

Сегодня Александр Николаевич Сергеев отмечает своё 90-летие. А я из-за давления и жары не смог даже добраться до кафе.

22 июня

64 года назад началась Великая отечественная война. Я помню тот день в Гнаденфлюре. Мне было 6 с половиной лет. Кое-что понимал. Сообразил, что случилось большое горе. А вскоре нас депортировали.

...Вечером Нургазы Шакеев вручил два тома «Жестокого века» в его переводе. Книгами и рукописями я завален. Видно, на июль объявлю себе отпуск и весь месяц буду только читать.

23 июня

Уже около 11 вечера позвонил из Москвы некий казах, назвавший себя, кажется, Туякбаем. Говорил учтиво, вежливо, любезно. Оказалось: он носится с идеей издать в Москве отдельной книжкой «Созвучие» на трёх языках. Я не возражаю. Спросил: не готов ли я перевести свой текст на казахский. Нет, в мои планы это сейчас не входит.

27 июня

Дидару А. передал две статьи: одну для «Доживём до понедельника» (30 стр.), другую – на казахском для «Азамата».

Полистал часок-другой «Сұм заман» – перевод Н. Шакеева. Потрудился переводчик на славу. Работа серьёзная. Возможно, на основе моих давних выписок из «Жестокого века» – при случае – сделаю сравнительную статью.

Читал весь день. Прочёл пьесу Дулата И. «Сети дьявола» в переводе Адольфа, потом – эссе Томаса Манна «Моё время», начал читать Роберта Корна.

В голове бродят разные обрывки, фразы, сентенции, ситуации, но ни во что серьёзное не воплощается. Мельтешит в мозгах эссе «Цинизм времени» – нечто сатирическое, памфлетное. Цинизм властей, цинизм чиновников, цинизм нуворишей... мутная, безнравственная волна, захлестнувшая душу людей.

Но скорей всего ни во что это не вольётся.

1 июля

Радио с утра с треском и шумом подтвердило: с сегодняшнего дня увеличивается пенсия на 3 тыс. тенге, а зарплата госслужащих на 32%.

О том, что на столько же (а, может, и больше) увеличились цены на базаре уже три месяца, разговоров нет. А ведь в этом-то и вся загвоздка: власть увеличивает пенсию на мизинчик, а цены – на кулак. Или: в один карман кладёт тенгушку, а из другого вынимает сотняшку. Вывод: лучше бы власть ничего не увеличивала.

Встретил Шору Сарыбаева. Я давно к нему присматриваюсь: своеобразный человек. Оптимист, шутник, балагур, весельчак. И – серьёзный учёный. Оказывается, он ещё и коллекционер. Собрал несколько томов всякой всячины: народная медицина, жилищные проблемы, по языковедению, по спорту. Книги делит на «өтімді» и «өтімсіз». Сам реализует. «Менде татардың қаны бар ғой. Бірдемені сатуға оңтайлымын. Інімнің кітабын, әкейдің кітабын шығаруым керек. Октябрьде Академиядан кетемен. Олар мені жұмысқа жеге береді. Біраз кітап шығаруым керек. Архивым бай. Бір күні саған көрсетім». («У меня ведь в жилах течёт татарская кровь. Меня так и подмывает что-нибудь продать. Надо издать книги брата, отца. В октябре ухожу из Академии. Они на меня слишком много взваливают. Нужно издать несколько книг. Архив у меня богатый. Как-нибудь покажу тебе»)

Мне он дал совет: «Хочешь долго жить, дважды в неделю занимайся сексом».

«Что Вы делаете днём?» – спросил я. «Смотрю футбол». «А ночью?» «Смотрю эротические программы».

Ему 80. И поныне отменный трудяга.

5 июля

Позвонил Оразбек С., попросил подписать коллективное письмо в защиту «Жұлдыза». Я подписал не столько в защиту Магауина (он-то и без моей «защиты» обойдётся), а против вмешательства депутатов Мажилиса в литературу, о которой они и бельмеса не знают. В демократической стране (а мы ведь тщимся быть такой) никакая власть не должна решать творческие дела. Это-то меня и больше всего возмутило. Ничего не имею против Шаханова, но то, что он булгачит депутатов в этом вопросе, – абсолютно некорректно.

6 июля

Вячеслав Никонов – внук Вячеслава Молотова. Да, того самого. Внук написал книгу о своём деде – «Молотов». А Ципко написал на эту книгу толковую рецензию («ЛГ», №25/05).

Никонов утверждает, что вожди Октября не любили и даже презирали русский народ. Для Троцкого русские – «плебейская нация».

Ципко замечает: «Лениных и Троцких не будут слушать люди с развитым инстинктом национального самосохранения».

И ещё одна верная мысль, навеянная книгой В. Никонова: «... в "тюрьме народов" ссыльный пацан получал от государства содержание, равное заработной плате рабочего. Странная у нас была царская Россия».

А вот важная цитата из Маркса: «...сократить, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества может только одно средство – революционный терроризм».

Революцию, считает Ципко, совершили «односторонние фанатики». Ципко добавляет: «Но, наверное, более односторонних фанатиков, чем Ленин и его большевиков, просто по определению быть не может».

Надо бы эту книгу раздобыть, дабы не судить по рецензии (хотя и умной).

7 июля

Читаю №6 «Жұлдыза». Әубәкір Дастанұлы опубликовал злободневную, остро сатирическую штучку под названием «Бөспе-бөспе, қуыс бөшке». Әубәкір назвал свою вещь «күлкілі комедия». Ну, раз комедия, то уже «күлкілі». А, во-вторых, никакая эта не комедия, а актуальная, беспомощная сатира.

Бізде көп жасанды емес, «шын классик»!!!
Он емес, жүз де емес, мың «классик».

Много верного подметил Әубәкір. И в основе неуемного хвастовства и самовлюблённости иных казахов лежит неизлечимая болезнь наших властей и общества.

В этом же номере большая, разгромная статья Алдамжарова. Он камня на камне не оставляет от Шаханова и Айтматова. Насчёт взгляда автора статьи на Шаханова спорить не стану, а по поводу Айтматова, думаю, есть некоторый перехлёст. Правда, беспринципность Айтматова по отношению к власть предержащим, его врождённое подхалимство (или излишняя деликатность) перед «вождями» (Хрущёв, Брежнев, Горбачёв, Кунаев, Колбин, Акаев, Каримов, Назарбаев и т.д.) критик подчеркнул совершенно верно. Есть у Айтматова такая слабость – родимое пятно советского литератора. Мне лично Айтматов симпатичен, но его «елтең-селтең» перед временщиками, угодничество, желание понравиться всем, быть непременно «глобальным», «общепланетарным», его

политическое «куртыл-муртыл» меня всегда настораживали. Видно, как «сына врага народа» его подбили в хрупком детском возрасте, и эта слабина сказалась и на его характере, и на гражданском политическом поведении. (Кстати, в этом вопросе Магауин принципиальнее, яростней, беспощадней, безжалостней. Советская власть принесла и ему, и его народу много горя, и прощать этого он не намерен, к врагам не подлаживается). Угодничеством перед сильными отличаются многие писатели (художники в широком смысле) и, конечно, всех народов. Но Айтматов – фигура, личность. И не всем угодникам суждено быть Айтматовым. Этого забывать не след. Критиковать Айтматова могут и Бондаренко, и Алдамжаров, но от этого Айтматов не перестанет быть Айтматовым. Другое дело, что он непостижимым, необъяснимым образом очутился в одной упряжке с Шахановым. Это, действительно, какое-то недоразумение. Я при этом Шаханова не умаляю, просто подчёркиваю, что они – несопоставимые величины и как их тандем не лезет ни в какие ворота. И так считаю, понятно, не я один.

8 июля

Позвонил Имангали Т. и пригласил в кинотеатр «Искра» на просмотр блокбастера «Кочевник». Собрались сплошь ығай мен сығай, именитые «зиялы қауым».

Фильм длился 1 час 51 минуту. Я скоро понял, что если его смотреть глазами казаха, имеющего представление об эпохе Аблая, то можно обнаружить слишком много разных изъянов. И я стал смотреть глазами немца. И тогда мне сразу многое понравилось. Фильм зрелищен, эффектен, динамичен, панорамен, масштабен, красочен, идеологичен, духоподъёмен, этнографичен. Колоритны кони. Сильны батальные сцены. Великолепен актёр Жолжаксынов. Так колоритен, что выдвинул на первый план джунгарцев. Много хорошего можно сказать об этом фильме. Но и изъянов – полный корджун. Главный изъян – фильм подлажен под Назарбаева. И этот ложный штандпункт вредит искусству. Мне почудилось, будто кюй Курмангазы исполняет толстый афроамериканец на саксофоне. Очевидно, об этом фильме будут говорить много. Но я считаю, что судить о нём надо в жанре блокбастера и при смотре закрывать один «казахский» глаз. Тогда всё будет о'кей. Полагаю, зарубежный зритель воспримет его немножко не так, как наши казахи. Фильм вызовет споры и кривотолки, а это уже плюс.

После просмотра был банкет, но я не остался. Поднялось давление, сердце окаменело, и я дошёл до дому еле-еле, останавливаясь через каждый пять-шесть шагов. Смотреть двухчасовые фильмы я уже не могу. И к тому же жара стояла около 40°.

9 июля

...Неожиданно позвонил Нурпеисов. Разговор пошёл русско-казахский. Мы с ним собачимся уже 9 месяцев. Вернее, не разговариваем. Он упрям. И я насторожился, ощетинился.

«Ия, Белгір, как живёшь?»

«По-разному»

«Ты всегда жил по-разному».

«И теперь так живу»...

«Кеше біздің балалармен кездесіпсің ғой...»

«Ия, кездестім. Балаңыз жігіт болды. Бірақ, бойы аласалау екен...»

«Ия, ол бар. Біз де биік емеспіз ғой... Кездескендеріңді жаңа естіп, қуанып қалдым».

«Балаларыңызбен кездескеніме мен де қуандым».

«Слушай, я слишком добрый человек. И я говорю: хватит! 41 жыл бірге болдық. Сен менен бұрын өлсең, басыңды өзім қарайтамын. Крест пен қызыл ай қоямын».

«Ия, есімде... Айтқансыз»

«Әлі де айтам. Ал, мен бұрын кетсем, завещание қалдырамын. Бәрібір сол сөзім сөз... Мейлі, мен жөнінде не жазсаң – соны жаз. Бәрібір оқымаймын...»

«Соныңыз жаман енді»

«Хватит! Раиса Закировнаны мен қатты сыйлаймын. Сені де оқта-текте ойлап қоямын. Хватит! Телефоныңды Смағулдан алып, соғып отырмын. Болды енді. Құшағымды Рая екеуіңе аштым. Кездескім келеді»

«Ниетіңізді қабылдадым. Бірақ... несіне асығамыз? Уақыттың өзі бәрін шешеді, орны-орнына қояды. Время работает на нас».

«Ты упрямый. Твердолобый... Өзің біл. Кітапқа енгізілген түзетулерімді өзім бірдеме қыламын. Сені мазаламаймын».

«Соныңыз дұрыс»

«Ия, әурелемеймін. Қалғанын өзің біл. Раиса Закировнаға сәлем айт»

«Құп».

Такой вот разговор после девятимесячной размолвки между нами.

Разумеется, у меня к Нурпеисову зла нет. За 41 год дружбы и сотрудничества было слишком много хорошего. Но его выходка в октябре прошлого года у нас дома (в присутствии Раи), его злые слова-оскорбления, высказанные им в запальчивости и гневе, в моей душе ещё не испарились. Нужно время, чтобы я это забыл. Но если Нурпеисов искренен, я могу оттаять. Но опять-таки нужно время.

С чего сыр-бор? Нурпеисов – незаурядная личность. Человек сложный. И я к нему отношусь именно так, требовательно. Пендешілік его не украшает. Но очень часто он просто пенде. В иных поступках мелочен. И я на это указываю. Правда, никто мне такое право не давал. И я не судья, не прокурор. Но и Нурпеисов должен меня понять и не вставать на дыбы из-за всякой чепухи. Амбицию надо иногда укрощать. Вот в этом пункте наши расхождения и недоразумения. И оскорбительные слова он бросал мне в лицо абсолютно несправедливо. Я их никак не заслужил.

Ничего... Наши отношения мы как-нибудь рассудим.

11 июля

...Об Андре Моруа имею представление. Читал кое-какие его биографические повествования (о Гюго, Бальзаке, Дюма). Но не знал, что был он исключительный трудяга: издал около 200 книг, написал более 1000 статей. Он был критик, эссеист, романист, историк, новеллист, биограф. Вот у какой личности надо учиться.

Читал неведомого мне румынского писателя Иона Сырбу. Очень близкие и созвучные мне мысли. Предисловие к его запискам-размышлениям написал Роллан.

13 июля

Вечером, просматривая газеты, узнал о кончине Ныгмета Габдуллина. Я знал его 45 лет, с того времени, когда он работал главным редактором «Қазақ әдебиеті». Был он удивительно скромен, тих, деликатен, вежлив, неразговорчив, порядочен. Ко мне всегда относился благосклонно. Одну из рекомендаций при вступлении в СП дал мне он (остальные две – Х. Есенжанов и И. Щеголихин)... Мир его праху!

24 июля

За этот месяц прочитал 10 книг и написал 6 рецензий. И ещё вычитал после компьютера две свои рукописи (одна аж 30 п.л.).

Неожиданно позвонил Магауин. Он поведал мне то, о чём я и не знал. Что у него было непростое детство и что душа его уязвлена с ранних лет, я смутно чувствовал всегда. Человек с благополучной судьбой не может быть писателем. Магауин рано созрел. Душа его чуткая и болезненная. Исстрадавшаяся. И в любви его к своему народу сомневаться не приходится. Самолюбие, конечно, большое, но это от одиночества, от страдания духа, от постоянных душевных терзаний. Но не все это видят и понимают.

28 июля

На вечерней прогулке встретился с Абильмажином Ж. Он сообщил, что прочёл 50 страниц, добавленных Нурпеисовым к «Последнему долгу». По словам Абильмажина, это сильные страницы – заметно укрупняющие роман. Абильмажину верю. И то, что Нурпеисов в состоянии это сделать, – тоже не сомневаюсь. Роман, на мой взгляд, во многих местах затянут и искусствен, и 50 сильных страниц, конечно, могут его спасти. На европейских языках, мне думается, он прозвучит значительней, весомей, чем в оригинале.

...Часа три просматривал 13-томное собрание сочинений Магауина. Хорошо издано. Грамотно. Культурно. Впечатляют справочные сведения: когда написано, где и когда опубликовано, сколько раз переиздано, на какие языки переведено. Всё это впечатляет. Переведены произведения Магауина не менее чем на 20 языков. Издан огромными тиражами. В 13-томник вошли и художественная проза, и исследования, и публицистика, и переводы. Написал М.М. не только много, но и толково. М.М. – один из немногих казахских писателей, у которого есть концепция, философский стержень, масштабный интеллект, образование, историко-просветительская цель. Ему есть что сказать. В его творчестве гармоничны ЧТО, КАК, ЗАЧЕМ. Зря Ч. Айтматов сказал, что он такого писателя не знает. Получается анекдотично: Шаханова знает, а Магауина не знает. Очень зря. Запальчиво. Ему бы надо не только его знать, но и всячески поддерживать, пропагандировать, продвигать на Запад. Да и многие казахские писатели к М.М. несправедливы (возможно, потому, что не всегда справедлив он сам). Придираются попусту. Да, характер у него сложный, путанный, непредсказуемый. Да, амбиция на грани. Да, палец ему в рот не клади. Да, за себя постоит, в обиду себя не даст. Да, с оппонентами не деликатничает. Недругов бьёт под дых. Ну и что?! Среди талантливых людей он не первый и не последний. Он знает цену своему «Я», умеет себя защищать. Полемист задорный, едкий.

Вот казахи и теребят его, за подол цапают, разные глупости говорят.

А к Ауэзову казахи лучше, что ли, относились? А к Абаю лучше относились? Разве не сами казахи колошматили его в буквальном смысле? А Нурпеисова травят не сами казахи? Словом, казахи не могут быть судьями своих талантов и гениев. Разве что после смерти.

29 июля

Узнал о смерти Жаркына Хайдарова. Ему был всего 51 год. Автор «Великого тоя». Не читал. Говорят: городской роман. Что это означает – не уразумею. Я видел Жаркына всего только раз на «круглом столе» о современном казахском романе. Он показался

шумным, напористым, нестандартным. Говорил о своих друзьях-спонсорах. Называли его почему-то Жоржем (мне не по душе, когда казахи называют себя иностранными именами. Я вижу в этом комплекс неполноценности или заурядный выпендрёж). Фамилию свою иногда писал «Хайд-Арров». И это мне казалось трюкачеством. Был профессором. Не знаю, по какой части. В печати мелькал часто. Суждения его – общественные и политические – не разделял. Думаю, он был далёк от казахской ментальности. По-моему, и казахским не владел. Типичный продукт городского казаха. Неспокойный, своеобразный, колоритный, с чудинкой. Жаль: слишком рано ушёл.

6 августа

Третий день маюсь давлением. На днях дошло до 207/100. Еле сбил. Вспомнил вдруг, что в этом месяце Калмухану 80. А тут ещё увидел статью Елеукенова о нём (толково написал). Промолчать мне, пожалуй, неудобно. В один присест написал заметку. Предложу газете «Доживём до понедельника»

Вечером опять стало плохо. Вызвал «Скорую». И сахар высок (11,8), и давление, и сердцебиение. Сосуды ни к чёрту. Надо лечь в больницу.

7 августа

Весьма серьёзную статью П. Басинского «Сектант и еретик» прочёл в «ЛГ». Речь идёт о Ленине и Горьком. Студентом и аспирантом я дважды читал и даже конспектировал ленинский «Материализм и эмпириокритицизм». Помню, я был высокого мнения об этой книге. Считал её наиболее глубокой из всех ленинских трудов. Но я тогда не знал об отношении Горького к этой книге. Знал бы – возможно, задумался бы, ибо Горького люблю всю жизнь, с юношеских лет. И как человека, и как писателя. А к Ленину некоторая настороженность была всегда, хотя и внушали к нему любовь с самого моего рождения. Совершенно ничего не зная о Ленине, мама моя открыто его не жаловала. У отца лет сорок был портрет Ленина в рамке: вождь стоял во весь свой неказистый рост, в кепке, по-фраерски засунув одну руку в карман брюк. Вид уверенный, дерзко-вызывающий, немного петушиный, задиристый. Будто говорил: «Да, я вождь! Ну и что мне сделаешь?!» Мама говорила отцу: «Убери этого кривоногого, картавого! От него исходят все беды!» Отец ошарашено глядел по сторонам и на меня, как бы ища сочувствия и снисхождения к неразумной женщине. Мне было смешно, а в глазах отца стыли боль и испуг.

Я понимаю: не мне о Ленине судить. Какой разговор – гигант, глыба! Но человеческого в нём было мало. Умён, образован, колоссален – а человек с определённым изъяном.

8 августа

Роман молодости Т. Манна – «Будденброки». Роман зрелости Т. Манна – «Волшебная гора». Роман старости Т. Манна – «Доктор Фаустус».

Об этом он сам говорит в своём эссе «Моё время».

10 августа

Алмаатинец, художник, поэт, строитель, спортсмен Фарид Байгельдинов написал чудесную вещь «Уход» о Микеланджело Буанороти. Она опубликована в «Аманате», и я её только вчера прочитал. Приятно удивился. Чистая, благородная, высокая про-

ы. Написано проникновенно, взволнованно, с любовью. Удивительно прочувствовал автор душу титана-художника и всё сумел передать художественно, эстетично, с чувством, с тактом. Честно говоря, не ожидал.

...А радостей в общем мало. Всё, что я нынче вижу в среде национальных чиновников, вызывает у меня тревогу и неприятие.

Всюду тотальная бестолковость. Ложь и фарисейство! Больно на всё это смотреть. Эпоха безнравственных прохиндеев и пошляков. Жить трудно, когда видишь одни мерзости. Цинизм времени – вот название цикла очерков о современном казахстанском обществе. Но вряд ли этот цикл напишу. Жду, когда кто-нибудь из казахских литераторов напишет. Но таковых не вижу. Вот Магауин написал «Ұлтсыздану ұраны». Он единственный отважился на такое. Вот нечто подобное о лжи и фарисействе нашего времени, о цинизме вряд ли кто напишет. Молча всё проглотят и будут сидеть по углам: «Е, құдай, бергеніңе шүкір».

Мэлор Стуруа в «Известиях» хорошо сказал: «Без свободной печати нация – как слепцы с картины Брейгеля, которых поводырь ведёт к пропасти».

11 августа

160-летие Абая прошло без особой помпы, на этот раз без меня. Ни в какой акции участия не принимал из-за своего плохого физического состояния. Обидно! Правда, две статьи опубликовал: «Две строфы» и «На пути к немецкому Абаю».

Мог бы выдать книжку (листов пять-шесть) исключительно о переводах Абая на русский и немецкий языки. По-моему, приличная книжечка получилась бы. Но на издание денег моих нет, а предложения со стороны казахов не услышал, да и сам ни у кого не просил. Оставлю на будущее. Бұйырғанын көрерміз.

13 августа

Лежу вдрызг больной. Приезжает сестра, делает уколы, ставит систему. Давление высокое. Кардиограмма сомнительная. Кровь густая. Сахар высок. Всё неладно. Надо ложиться в больницу. Может, малость подремонтируют меня.

Вспоминается Есенберлин. Он тоже надорвался. Зато сделал нечто существенное. Художник был не ахти. Но какие темы затронул! Как казахский дух возвеличил!

Мусрепов, наоборот, был барин. И в жизни, и в литературе. Он работал в четверть силы и способностей. Около 60 лет трудился в литературе, а оставил лишь пару пьес и десяток рассказов. Остальное – проходящее. Он не был тружеником пера, он выделывал трости, точил карандаши, кайфовал, эстетствовал. Я не говорю о нем плохо, я просто говорю, что как писатель он не выкладывался.

Я же считаю, что в литературе надо трудиться, как вол. Как Ауэзов. Из современников литераторы-трудяги – Кадыр, Магауин, Дукенбай. Сюда можно б было отнести и Абиша, но он, к великому сожалению, пожертвовал жизнью и талантом на мнимую казённую службу. Это его трагедия. У него были задатки встать вровень с Ауэзовым. Увы, пожертвовал собой в угоду суетливой мишуры.

14 августа

Вдруг подумалось о Мураде Аджи. Я уважительно отношусь к нему, хотя и не разделяю его кипчакские крайности. Но у него есть своя точка зрения, и он принципиален и последователен. Его позиция в отношении к Казахстану привлекает внимание.

В интервью с Ахметом Дюсебаевым в ноябре 2004 года он говорит: «Казахстан мог стать великим, если бы, получив независимость, вернул древнее имя страны, а именно – культуру предков, их память... Я думал, так будет. Но этого не случилось – вы тринадцать лет мечетесь туда-сюда, словно караван баши, потерявший сокровище. Суеты много, а караван стоит на месте. Казахстан, как известно, появился на карте в XVIII веке, как колония России, о чём ему говорить, о какой истории. Когда у страны, вчерашней колонии, нет национальной идеи, она безлика, как выцветший цветок».

Пожалуй, к этому мнению надо прислушаться. Особенно в части караван баши, потерявшего сокровище.

18 августа

Сегодня моему отцу было бы 96 лет. Вспоминаю его очень часто. И часто вижу во сне.

А в больнице я сегодня четвёртый день. 19 часов пробыл в реанимации, где лечили меня весьма интенсивно. Немного ожил.

Эксперт Борис Рачков (ЛГ, №33/05) полагает, что из России убежало 300 млрд. долларов. Такой вот беглый капитал. Сколько же убежало из Казахстана? Кто-то это подсчитывает? И каковы ресурсы? Сколько ещё можно воровать? Этот же Рачков пишет: «Ещё лет десять – и разворовывать у России будет нечего».

А как в Казахстане? Когда Казахстан разворуем окончательно?

Алексей Кива (в этом же № «ЛГ») дважды упоминает «пятую колонну» в России, откровенно имея в виду евреев – «правозащитников» и олигархов. И ещё упоминает план З. Бжезинского, по которому Россия должна неминуемо расчленяться на три части – европейскую, сибирскую и дальневосточную.

21 августа

Всё ещё в больнице. В «ҚӘ» (19.08.05) опубликована чудесная статья Айгуль Кемельбаевой «Абай мен Омар ибн Аби Рабиа». Сопоставляются любовные стихи Абая и арабского лирика Аби Рабиа (644-712). Это что-то новое в абаеведении.

Тимур Зульфикаров написал роман «Коралловая эфа» О романе написал рецензию Вл. Бондаренко («ЛГ», №33). Приводится цитата из романа: «Русский народ – это Великий Медведь с чужеродной, европейской, попугайской, обезьяней, заемной головой... Увы! Увы! Куда повернёт голова – туда бредёт покорный тысячелетний Медведь».

24 августа

Я дома, но сырой. После больницы необходимо адаптироваться. Вчера вечером стало грустно, и я часа два листал фото-альбом Томаса Манна. Люблю эту книгу рассматривать и читать разные материалы-воспоминания, письма, речи, дневники. Прекрасно составленная книга! Томас Манн интригует, возбуждает, вдохновляет, учит духовности и совершенству. Аскар, бывало, говаривал: «Когда читаешь Томаса Манна, чувствуешь себя ничтожеством». Великий немец! Гордость немецкой нации. Он стоит где-то рядом с Гёте. Есть даже рисунок, где они изображены на одном пьедестале.

На этот раз читал-листал книгу с конца, долго вглядывался в простой надмогильный камень, в церквушку с колоколом, читал надгробные речи. Запечалился. 80-летний, он активно работал и в год смерти. Он жил, пока писал. Это его роднит с Толстым. Могучая, цельная натура! Образец творческого духа.

27 августа

...Вечером из «ҚӘ» узнал о кончине славного человека Бактажара Мекишева. Я знавал его многие годы, как человека увлечённого, неравнодушного, активного, любящего искусство, бескорыстного энтузиаста, принципиального, справедливого, наблюдательного, искреннего, сердечного. Он приглашал меня на своё Общество семи муз. Я его встречал на всех культурных тусовках. Он имел здравое мнение о всех событиях, говорил открыто и резко, разоблачал ложь, фарисейство, тупизм власть предержащих. Часто названивал мне, делился впечатлениями, был неизменно корректен, деликатен, дорожил временем. И статьи писал лаконичные, точные. Очень любил Москву, был одним из первых казахов, обучавшихся в МГУ. Кстати, учился с дочерью Сталина, с дочерью Ауэзова. Был разносторонним, просвещенным человеком, симпатичным, обаятельным Дон Кихотом. И многие казахи его не понимали, не воспринимали, смотрели на него, как на представителя чужой отары... Мир праху его!

29 августа

Позвонили из СП: скончался Кәрібай Ахметбеков. Что с ним было, не знаю. Года четыре, наверное, его не видел. Был он на 5,5 лет моложе меня. Учился в Байкадамской средней школе, в которой год спустя стали работать мы с Раей. Я его мало знал. И сочинений его не читал. Но встречал часто – в СП, в издательствах, на тусовках-тоях. Был он высок, с богатой шевелюрой, общителен, улыбчив, приветлив, скромен. Весьма порядочный казах с иманом на лице... Да, уходят уже те, что моложе меня. Печально!..

31 августа

Прочёл памфлет Магауина «О дүниеден келген дабыл». Долбанул Шаханова и всех подписантов, обратившихся ко всем правителям мира с разоблачением Чингисхана. О, Алла!.. Оба Мухтара вынуждены воевать с мельницами. Как будто от их взаимных разоблачений и упреков зависит историческая судьба «Потрясателя вселенной».

10 сентября

Прочёл в «Таң-Шолпане» (№4) один рассказ Лу-Шуна (Лу Синь?) в переводе на казахский язык – «Қояншықтың қолжазбасы» и шикарную статью Зиры Наурызбаевой «Культура кочевников и современный менталитет казахов». Много верных наблюдений и выводов в статье Зиры. Умница!

20 сентября

Звонил с утра Галымжан Муканов. Интересуется, читал ли его статью в «Жас қазақ»? Конечно, читал. Одобряю ли его мысли? Одобряю. С позиции высокой политики, ума, разума он прав. Не обиделся ли я за то, что он меня отнёс к казахам? Нет, нет, с какой стати? Назвал бы шуршутом или джойтом, я, возможно, задумался бы, а против того, что он перевёл меня в разряд казахов – никак не возражаю: как-никак 64 года живу в Казахстане, знаю и чувствую казаха, бытую в казахской сфере. Да, да, говорит Галымжан, я себя ощущаю европейским казахом, евроазийцем. И вы, аға, – евроазиец. Нет, нет, я не аульный казах, горячо утверждает Галымжан.

Я ему не возражаю, хотя лично я, если и казах, то, скорее, аульный. Я-то лично высокого мнения именно об аульном казахе, а евроказаха плохо понимаю и чувствую. Хотя, конечно, понимаю, что и такие казахи есть. Но не уверен, что они – лучше. Прав-

да, с каждым годом как раз этих казахов становится всё больше. В рассуждениях и трактовках Галымжана есть и правда, и логика. Но есть и мотивы, которые мне не совсем по душе. Мне всегда хочется, чтобы казах оставался казахом, еврей – евреем, немец – немцем и т.д.

22 сентября

Казахская печать вовсю треплет Олжаса. И уличных разговоров о нём много. Ругают его за то, что он в общественном комитете за справедливые выборы. Что и кто за этим комитетом стоит – все понимают. И ещё его клянут за слишком сдержанное отношение к государственному языку, за нечёткое отношение к Жакиянову, что слишком яростно защищает глобализацию и некие общепланетарные ценности. Особенно злобствуют национал-казахи. Сказать, что Олжас совсем не прав, я не могу. Но то, что он напорист, активен, идёт напролом, не в казахскую струю, заигрывает с власть предержащими в самом деле настораживает... Но он казах: ему всё простится. Его и возвысят, и опустят сами казахи. И говорить о нём однозначно нельзя.

23 сентября

Сегодня в здании АН открывается международная конференция кардиологов тюркоязычных стран. Меня это удивляет: чем отличаются кардиологи-тюрки от кардиологов других национальностей? Или у тюрков лишние клапаны? Или я что-то не понимаю?

24 сентября

...Олжас продолжает шуметь и раздражать казахских гусей. Газете «Время» он дал очередное интервью. То, что он говорит о современной политике, о Президенте, о выборах, об оппозиции – известные его мысли. Тут можно поспорить или промолчать. Можно даже полагать, что он замалчивает таким образом свои прегрешения.

А вот по поводу языка он напутал с три короба. Всё же, чудится, в языковых своих упражнениях он остаётся любителем. Тем, что немцы называют «лайер». Отсутствие базового филологического образования чувствуется на каждом шагу. Вот, к примеру, он пространно рассуждает о дифтонге «ау». Извлекает какие-то сомнительные древнелатинские корни «aus», «aur», «aul», забывая, что в казахском языке в отличии от русского «у» бывает ударным и безударным, гласным и согласным звуком. Русский говорит «ау» (с ударением на «у»), а казах говорит «ау» (с безударным «у»). Как обращение, удивление, ещё в смысле «сеть». У немцев «au» – возглас испуга, неожиданности. У Олжаса горло (артикуляционный аппарат) русское. Он произносит не «ауыл» (как и должно быть по-казахски), а на русский лад «аул», не «ауыз», а «ауз», не «ауыр», а «аур». И считает, что прав, что все шала-казахи должны говорить именно так. И не только говорить, но и писать. И тогда, дескать, и изучить казахский язык будет легче и проще. А поскольку казах всё же говорит по-казахски, а не по-олжасовски, то и это его раздражает, и он темпераментно, яростно обрушивается на языковедов-казахов, называя их «невежественными». И казахи-языковеды молчат, а русские радуются: вот, мол, «наш» Олжас (они произносят: Алжас) врезал казахам-невеждам. А он и не «врезал», а темпераментно всё напутал. Вот это-то и досадно. Он работает на дешёвую публику.

Я более сорока лет знаю Олжаса, уважительно отношусь к нему, высоко ценю его талант, харизму, личность, но и путаник отменный, и о том, надо бы тоже сказать.

Вот корреспондент «Времени» (22.09.05) Виктор Верк задаёт вопрос с провокационным душком: «Вы говорите о новой грамматике с таким же жаром, как оппозиция – о новой конституции...»

И Олжас всерьёз отвечает: «Если такая реформа будет санкционирована сверху, я думаю, дело изучения казахского языка быстро станет прогрессировать. И главное – знание подлинной истории языка повысит его авторитет, что очень нужно и русскоязычной казахской молодёжи. Когда-нибудь наши внуки и правнуки будут гордиться великим и могучим языком своих предков. Языком, ставшим безвестным, незаменимым по вине невежественных казаховедов».

В этом пассаже всё сомнительно, всё неправда.

26 сентября

В «Жас алаш» прочёл шикарную статью Алтынбека С. Здорово сделано! По всем законам жанра. Логично. Убедительно. Художественно. Статья по накалу, по духу напоминает письмо Белинского Гоголю. Всё аргументировано и проникновенно, что комар носу не подточит.

29 сентября

Дал интервью газете «Заң». Шесть вопросов продиктовал по телефону и журналист из «Айқын». Интервью даю налево-направо по доброте душевной, а вопросы схожие и я поневоле стал повторяться, и это конечно, ужасно.

30 сентября

Из «ҚӘ» узнал о кончине Мустая Карима. Я его много раз видел и слушал, хотя контактов с ним никаких не имел. Человек был обаятельный и литератор отменный. Из его когорты ушёл Кайсын Кулиев, Михаил Дудин, Расул Гамзатов. Остались Давид, Чингиз (младший из них).

2 октября

Утром по радио узнал, что выдвигает себя в президенты страны и Максут Оразай, который затевает общественное гуманистическое движение. Ну и ну! Уже 17 кандидатов. Господи, неужели они все в самом деле считают себя достойными быть президентами?! Просто странные люди! Неадекватное представление о себе. Или это в нашей стране столь снизок статус президентства? Выходит, 17 казахов на сегодняшний день считают себя отнюдь не хуже Назарбаева. А ещё твердят, что Назарбаеву альтернативы нет. Как же нет, если каждый второй казах считает себя альтернативой...

5 октября

Закончил статью «Если издатель твоё имя»... Около 50 моих статей ещё не опубликованы. А всего публикаций на сегодняшний день у меня 1225.

С интересом прочёл в «Экспресс К» беседу с послом Германии Герхардом Вайсом. Он пишет: «По привлекательности для иностранного инвестора Казахстан находится на 87-м месте, а Кыргызстан – на 85-м»

Вот уж не думал, не гадал.

«Ваша страна должна понимать, что нефтью и газом нельзя пользоваться до бесконечности».

Прав немец. Должны понимать, да не понимают. Азартно играют в гольф, полагая, что нефть на их век хватит. А там хоть трава не расти.

«На данный момент в ФРГ показатель ВВП на душу населения составляет 25 тыс. долларов. В Казахстане этот показатель достигает порядка трех тысяч долларов».

Задумаешься. Но я думаю, что и три тысячи долларов явно взяты с потолка.

10 октября

...Казахи продолжают теребить Олжаса. В «Жас алаше» (8.10.05) некий Серік Ерғали опубликовал серьёзную статью под названием «Шыңның шөккені емес пе?» В статье толковые мысли, изложенные по пунктам. Например, автор говорит, что в Казахстане минимум 90% служащих казахи, и при этом казахский язык в загоне. Как объяснить этот феномен?

Есть в статье фраза – «таудай керілген Олжас Сүлейменов».

Мне за последний месяц попались на глаза не менее 10-12 статей против Олжаса. На глубокую статью Алтынбека Олжас якобы дал контрстатью в «Эпохе». Неужели Олжеке будет отвечать и на другие выпады? Тогда жизни его не хватит.

14 октября

Вчера объявили нового Нобелевского лауреата по литературе – некий Гарольд Питнер. Сценарист и автор театральных пьес. Не прозаик. Не поэт. Никогда не слышал. Ровным счётом ничего не знаю. Будет ли когда-нибудь казахский писатель нобелевским лауреатом? Кажется, на моем веку уж наверняка нет. Для этого необходимо выломиться из узконациональной ауры. А так на горизонте никого не видно.

18 октября

Критик Владимир Бондаренко в ЛГ (№41/05) опубликовал пространную рецензию на роман Проханова «Надпись». Оценивает его высоко, считая его «эпосом нового времени». Выделяет критик три значимые книги: «Пушкинский дом» Андрея Битова, «Андеграунд, или Герой нашего времени» Вл. Маканина и «Надпись» А. Проханова. Но предпочтение отдает последнему. Он, де, «гораздо более ближе к истине, нежели её литературные варианты Битова и Маканина». О «Надписи» критик говорит, как о «авангардном толстовском варианте «Войны и мира». О Битове я высокого мнения, немного знаю и Маканина, но столь высокая оценка Проханова, честно говоря, удивляет.

19 октября

В «Известиях» (18.10.05) пишут, что каждый шестой казахстанец – беден (16,1%). Это явно заниженные данные. Многие утверждают, что бедные у нас 25-30%. То есть, каждый третий-четвёртый. Думаю, это ближе к истине. Снизилось и продолжительность жизни – 62 года. Это самый низкий показатель по СНГ. По человеческому развитию Казахстан среди 177 стран занял 80-е место.

22 октября

В обед заехали Дос Кошим и его сподвижник Багдат. Вручили премию движения «Ұлт тағдыры»: диплом в красивой рамке, сувенирный батырский щит, список лауреатов и цветы. Формулировка гласит: Г.Б. – «қазақ халқының жанашыры» саласы бойынша. Қазақ халқының бүгіні мен болашағын ойлаған үлкен жүрегі үшін».

Хорошая формулировка! Премия именуется «Тау көтерген Толағай» – по словам казахской легенды. Я предложил в будущем убрать «Тау көтерген», ибо это двусмысленно, длинно и не переводится на другие языки. Я предложил либо «Ел сенімі», либо просто «Толағай сыйлығы». Досым поддержал последний вариант.

23 октября

В газете «Азамат» прочёл интересное, толковое интервью Алии Бопежановой об Аскаре Сулейменове. Конечно, Аскар – человек, который носил в себе квинт-эссенцию казахского духа. И он должен занять достойное место в казаховедении. И кажется мне, что он опередил своё время, что его постижение в будущем, и нельзя его воспринимать только как прозаика, драматурга, критика, переводчика, а как духоборца, языкотворца, философа-эстета, культуролога, имевшего огромное влияние на мыслящую, творческую часть казахов, на национальное самосознание, не мирившегося ни с какими шаблонами и трафаретами. Он был труден, неудобен, раздражал всякую серость, вёл себя с нею дерзко и вызывающе. Он особенно никого не щадил. И себя в первую очередь. Он выламывался из своей среды. Те, кто устремлён сохранить и культивировать в себе казахский дух, казахскую ментальность, казахский язык, должен не только помнить Аскара, но читать, постигать его, задумываться над его сложным даром и окунуться в его духоподъёмную стихию.

Зейнолла Кабдолов на поминках Аскара, помнится, произнёс крепкую фразу – «Аскар только начинается», переиначив известную фразу о Маяковском. Так, видно, и будет: постижение Аскара впереди. Был бы рад, если бы состоялся его трёхтомник. Он был бы весомее 12-15-томников иных моих друзей.

31 октября

Из «Известий» (28.10.05) узнал об украинском почётном консуле Анатолий Тарасенко, который осуществил 150-й перевод «Слово о полку Игореве». Он же со ссылкой на Александра Гаркавца уверяет, что в украинском языке имеется четыре с половиной тысяч тюркизмов. Это в то время, когда словарь для среднего госслужащего составляет одну тысяч слов. Знаменательный факт!

1 ноября

В числе свойств интеллигента акад. Артур Петровский предполагает: (см. ЛГ №43/05): а) либеральность; б) образованность; в) оппозиционность; г) интеллектуальность; д) просветительство; е) креативность; ё) демократичность.

Слово «интеллигенция» ввел в оборот в конце XIX века писатель Боборыкин. Это следует иметь ввиду и при определении казахского «зиялы қауым».

6 ноября

Вчера отметили в Каздрамтеатре 70-летие Калихана Искакова. Вообще-то, помнится, он родился в марте, но юбилей отметили семь месяцев спустя.

Я из-за плохого физического состояния пойти не смог. Жаль. Калихана я знаю и полюбил с 1962 года, когда впервые прочёл его «Қоңыр күз еді». Прошло 45 лет. Рад, что он держится бодро. Мы пришли в литературу примерно в одно время. Из нашей когорты ушли Аскар С., Зейнолла С., Сабырхан А., Сағи, Рамазан. Хворают Саин, Кадыр,я. Вот и вся селяви. Каждый теперь сам по себе. А когда-то жигитовали...

10 ноября

В ЛГ (№45-46) слова прощания с Мустаем Каримом. Прошло 40 дней со дня кончины. Пронзительные его стихи перевела Е. Николаевская:

Долгая жизнь и короткая старость...
Думалось, этого хватит вполне.
...Ведать не ведаю, сколько осталось –
Дольше, чем нужно, не надобно мне.

Его видел и в Москве, и в Алматы, слушал его, но знаком не был, за руку ни разу не здоровался. От всего его облика исходила мудрость. Великая была четвёрка – Кайсын, Расул, Давид, Мустай. В одном ряду с ними был Дудин. Примыкал на равных Чингиз. Тянулись к ним Абдижамил и Калтай. «Остаюсь пока один... – сказал Чингиз. – Преклоняюсь и плачу».

15 ноября

Хоронили сегодня Заманбека Нуркадилова. Панихида состоялась в АН. В огромной толпе незнакомых мне людей протиснулся в здание, поднялся на второй этаж, постоял в почётном карауле. Выразил соболезнование родным. Макпал тихо плакала... Народу было много, а вот писателей, учёных, так называемых «зиялы қауым» маловато. Возможно, я многих не увидел. У выхода встретил Тоқтара Аубакирова и с удовольствием пообщался с ним более часа.

Осталось от Заке его книга переводов с тёплой надписью. Мы раза четыре-пять говорили по телефону. Речь шла только о литературе.

А детали его убийства вряд ли когда раскроются. Поговорят, посудачат, наплетут всякую-всячину, а потом замолчат. Увы, не в первый и не в последний раз.

25 ноября

Наконец, разрешилось дело, которое длилось ровно год и десять месяцев. В марте при встрече с германским послом Андреасом Кёртингом я между словом намекнул о спонсировании и издания моей рукописи о судьбе, культуре и литературе российских немцев. Он отреагировал с живым интересом. Шло время. Кёртинг попал в беду. В посольство пришли новые люди. И вот сегодня я подписал договор в посольстве с господином Шмиттером и получил в соответствии с калькуляцией деньги на издание книги. Конечно, удача! Через три месяца, надеюсь, выйдет книга под названием «В поисках своего ритма». Большой груз свалился с плеч.

1 декабря

По совету Бахытжана К. поговорили с Мереке К. по поводу издания моей казахской книги в 2006 году. «Сізді баспағанда, кімді басамыз?!» – обрадовал меня Мереке. Рукопись сложена в объеме примерно 25 п.л. Надо её только набрать на компьютере. Разговор о моей казахской книге, помнится, тянется с 1986 года...

7 декабря

Узнал о кончине выдающегося филолога, академика РАН Владимира Николаевича Топорова на 78-м году жизни. Он был поразительно многогранен. Написал 1500 работ по лингвистике, литературоведению, религии, философии, о русской духовности. Лауреат госпремии, премии Андрея Белого, премии Солженицына. Могучая личность!

14 декабря

В «Жас алаше» прочёл подборку стихов незнакомого мне Нуртая Ерназарова – «Әлі адасып келеміз...» Весьма острые, правдивые, честные, актуальные стихи. Особенно понравилось стихотворение «Ел»:

Мезгіл-асау, күн-шұбар, іңір-сары,
Сар баланың айналды ыңыршағы.
Ағайынның мойнында ала дорба,
Алыс-беріс секілді ғұмыр сәні.

Молодой поэт, а фальшь и мерзость нашей жизни точно подметил и воссоздал. Конечно, наши маститые «классики», разные там лауреаты-котляки подобные вещи не напишут. У них сплошные оды и посвящения...

15 декабря

Новый, 2006-й, год на носу. В 2004 году я опубликовал 93 статьи и издал четыре книги. В 2005 году – 84 статьи, рецензии, интервью и издал три книги. Значит, ещё пишущий писатель. Значит, ещё функционирую. Значит, ещё есть надежда...

24 декабря

Сегодня маме было бы 95. И одиннадцать лет её уже нет. Господи, сколько она работала за свою жизнь! Сколько добра сделала! Единственное моё утешение: я всегда любил её и старался как можно меньше огорчать...

Вчера было 40 дней гибели Нуркадилова. И официальная версия гласит: самоубийство. Трижды стрелял в себя. Хочешь – верь, не хочешь – воля твоя. И на этом точка. Правда, неясно, кто перевернул труп, кто вытирал кровь и вообще кто шастал по кабинету. Но это детали, мелочь. Главное: убил сам себя. Дважды стрелял в сердце, контрольный – в голову. Следствие на том закончено.

Понятно, власти ничего другого не остаётся. Всё остальное ведёт к кривотолкам, а тут всё исчерпывающе ясно: убил себя, и виноватых нет. Е-е... то ли ещё будет...

2006

1 января

Ну, вот добрели и до Шестого года XXI века. Не радость ли? Говоришь: тәуба, тәуба.

Меня в общей сложности за вечер поздравили 37 человек.

Сейчас утро Нового года. Идёт лёгкий снежок. Тихо. Народ утихомирился, отсыпается, приходит в себя. Впереди ещё три дня отдыха. Потом Рождество, Курбан айт, инаугурация – ещё дня четыре.

Весело в Казахстане!

Читал Аслана Жаксылыкова. Я отношусь к нему с большой симпатией. Аслан – человек учёный, образованный, владеющий техникой сложного письма. Он увлекается философией, психологией, модерновыми штучками, пишет витиевато, метафорично, заставляет шевелить мозгами. И синтаксис у него усложнённый, вязкий. Читаешь

– будто по лабиринту, пробираешься. Он сильно выделяется из казахской литературы. То, что он написал по-русски, совсем не просто изложить по-казахски. Боюсь, что «чистые» казахи читать его не в состоянии, хоть и действие происходит в Казахстане, и герои-казахи, и образное видение очень казахское, а исполнение – модерново-европейское. Высокий художественный уровень.

А предисловие Бахытжана Момышулы крепко сделано. Молодец!

5 января

Морозы изнуряют. Даже под пледом мерзну. Стынь пробирает до костей.

По поводу моего «Эля» позвонили Ильфа Ильясовна, Померанцев. А Аслан позвонил по поводу «Дома скитальца»: «Потрясён. Многое мы и не знали». Он считает, что напрашивается продолжение. О том и я давно подумываю. Но будут ли силы и время? К тому же задуманный рассказ разрастается не то в повесть, не то в роман. «Құдай қуат берсін!» – говорит профессор Аслан. На вторую книгу «Дома скитальца» понадобится года два. Получится ли?

6 января. Пятница

...Из «ҚӘ» узнал о кончине Нурума Сансызбайұлы. Примерно месяц назад он звонил мне, поздравил с премией «Толағай» и сообщил, что он только что из больницы и что у него рак (то ли горла, то ли пищевода). Теперь понимаю, что он тогда со мной прощался. «Жасым қазір 83-те». Он мне изредка названивал, вежливо и деликатно беседовал, присылал с внуком книги (2-томник Садвакасова), копии разных бумаг и писем-заявлений. Приятная была личность. И ко мне был исключительно расположен. Читал все мои статьи в казахской печати.

Из того же номера узнал и о смерти Жениса Кашкынова. Его я знал многие годы. Сын его учился у Раи. Был он как-то и у меня, занёс свою книжку. Был скромен, тих, вежлив, деликатен. Умер на 64-м году жизни. Вот такими потерями начался год.

Нуршаихов на девятом десятке издал в минувшем году десятитомник сочинений и ещё 4 книги. Каково?! Выходит, не я один работаю...

9 января

Звонила некая Фишер из Германии. Просит помочь в создании Музея российских немцев. Но, чувствую, ничего толком не знает. Ну, и чем я могу ей помочь, сидя здесь, в Алматы? Не посылать же мне почтой экспонаты...

Позвонил Нуршаихов. Певучим голосом поздравил с Новым годом, с Курбан-айтом, Рождеством, сообщил, что прочёл моё интервью в «Туркестане», одобряет-разделяет, и что мы – курдасы, ибо он тоже родился в год собаки, но на один мушель раньше (1922). Обменялись любезностями. Его аккуратность и трудолюбие мне импонируют.

13 января

Некая Галина из 31-канала хотела бы сегодня записать моё мнение о новом казахстанском гимне. Я, конечно, не в восторге. Песня хорошая, но это не гимн. Гимн – нечто другое. И соавторство Президента не убеждает...

Выступить по ТВ отказался. Зачем? Президент его откорректировал, парламент принял, указ подписан, на инаугурации гимн прозвучал, народ приветствует. К чему моё мнение задним числом?..

14 января

В «Известиях» на всю полосу статья Нурпеисова. Знакомый стиль, известная тональность. Чтобы сказать пару критических слов, он предварительно обкладывает Президента десятью подушками. Ещё один крохотный, всем давным-давно известный критический штришок и опять десять панегирических подушек. И ни одной крупной проблемы. Автор очень доволен режимом, но хотел бы его лишь чуть-чуть поправить по части культуры и духовности. И всё. И ладно. Словом, получился стариковский, верноподданнический куртыл-муртыл.

21 января

Целых пять часов побыл на церемонии вручения «Тарлана». Прошло торжественно и красиво. Ошалел только от грохота музыки. Видел очень много знакомых. Пообщался с жигитами из «Настоящего Акжола». «Мои» кандидатуры на премии не прошли. Платиновую дали Кабдешу. Никто не возражает. «За вклад» дали Кабдолову. Очень даже справедливо. «За надежду» – Лире Коныс. Правда, её не было. И остальные номинанты, насколько могу судить, соответствуют премии. Но московский десант впечатления не произвёл.

29 января

Состояние кислое. За месяц дал пять-шесть интервью, раза четыре выступил по ТВ и радио. И ещё где-то записался, накатал несколько рецензий, подготовил к печати кое-какие чужие материалы. Сильно продвинул роман.

Удручает то, что завален малозначительными книжонками, которые требуют внимания и отнимают время. А мне хочется перечитывать Г. Гессе, Т. Манна, Герцена, Достоевского. Я же обречён читать всякую чушь. И это на 72-м году жизни. Сам виноват. Надо прислушиваться к совету Президента, который посоветовал: «Гоните всех в шею!» Вот этого я, мягкотелый, делать не умею. А время неодолимо идёт.

И ещё одно ощущение преследует: будто творится вокруг одна глупость.

3 февраля

Птички тенькают. С крыш капает. Солнце ползёт всё выше.

После обеда съездил в бывший парламент, встретился с бывшими коллегами-депутатами XII и XIII созывов. Приятно было видеться через 11 лет. Ко мне все были очень внимательны, ласковы. Получив медаль, сказал несколько слов. Меня, оказывается, читают, слушают, одобряют. Своик похвалил моё выступление по «Рахату». Привёз меня домой генерал М.И. Баранов («Раньше работал в гос-ужасе, теперь – в гос-страхе», – сказал он в шутку).

9 февраля

Вечером смотрел заключительную – десятую серию «В круге первом». Очень сильная серия! Игра актёров потрясающая. А уж совершенно обалденное явление – заключение-беседа о фильме с участием Н. Солженицыной, Капицы, Лукина и Е. Миронова. Какие тонкие, изящные, интеллектные люди! Как высоко, мудро и красиво рассуждали! Какая культура! Духовность! Сплошной восторг!

Большое получил удовольствие... Солженицын – Победитель. Пророк! На фоне его и его героев мы живём пустой, дрянной жизнью.

10 февраля

...Из «ЛГ» узнал о кончине Елены Николаевской, прекрасной переводчицы. Многих переводила. Особенно удачно Мустая Карима.

13 февраля

Часов в 7 вечера позвонил Галымжан Муканов и сообщил: «Алтынбека Сарсенбаева убили». Я не поверил. А в 9 вечера по «31-каналу» услышал – правда. Подробностей не знаю.

Назарбаев уже дал соболезнование.

Ужас! Ужас! 21 января я видел Алтынбека, говорил с ним на церемонии вручения премии «Тарлана». Он сидел за соседним столиком, был грустен, подавлен, отрешён. (Жандосов, Жукеев подошли чуть позже). Рая утешала его, поддержала. Они обнялись. Выходит, прощались.

Ко мне он был всегда внимателен, душевно расположен. И я неизменно симпатизировал ему все годы, пока его знал.

«Он рано начал, кончил рано...»

Казнили его на 44 году жизни. Не хочется верить. Он был ярким человеком, надёжным идеологом оппозиции. Талантливым публицистом.

На моё 70-летие он зашёл домой поздравлять меня вместе с Болатом, Оразом, Толегеном, Каришалом. Приятный был вечер.

И вот... Какое горе! Весь вечер не мог успокоиться.

14 февраля

Спал плохо. Всё мерещился Алтынбек. Кто следующий? Кому ещё подготовлены соболезнования?

...Узнав, что соратники Алтынбека проводят пресс-конференцию для журналистов в «Пресс-клубе» на Фурманова, поспешил туда, но проникнуть в зал не смог: слишком народу. Стояли и на ступеньках до первого этажа. Человек 50 толпились у входа. Много знакомых журналистов. Полчаса побыл среди них, беседовал, узнавал подробности.

На вечерней прогулке мне поведали всё, что происходило на пресс-конференции. Конечно, представить всё это ужасно. Звонили мне многие. Люди взбудоражены столь наглым убийством. Насчёт заказчиков все примерно одного мнения. Как раз сегодня Алтынбек должен был выступить по «горячей линии» «Жас алаш».

Власти долдонят о разных версиях, стараются приглушить это зверство, делать вид, что ничего не произошло, а то, что произошло, к политике, мол, никакого отношения не имеет. Вранья и подлости, как всегда, много.

Панихида состоится завтра в АН в 10 утра. По радио и ТВ о том ни слова. Жигиты разносят бумажные извещения. Старики-добровольцы оповещают по мегафону.

Вечером подписал письмо-возмущение на имя Президента. К кому ещё обращаться? В чьи ворота стучать?

Газете «Айна плюс» дал короткое интервью об Алтынбеке.

15 февраля

Был на панихиде Алтынбека. Увидел многих славных людей. Народу собралось несколько тысяч. Простился с Алтынбеком. Многие плакали.

Траурный митинг прошёл потрясающе. Выступавшие находили точные, яркие, весомые слова. Выступал один другого лучше. От сердца. От души. Такого митинга я ещё не видел. И собравшиеся живо реагируют на каждую чётко выраженную мысль. Тон задали Туякбай, Болат, Ораз, Ғалымжан. Настоящие вожаки, ораторы. Их мощно поддержали, дополняли Дуванов («господин 91 процент»), Калихан, Аширбек (эти двое меня вообще удивили столь определённой гражданской позицией), Косанов (резко ставил вопросы перед нацией), Серикболсын (расставил все точки над i), брат Алтынбека Рысбек (гневная, обличительная, мужественная речь), Толеген (читал обращение).

Гроб с телом Алтынбека понесли по ближайшим улицам.

Я был рад за казахов. Проснулись, активизировались, прониклись горем и бедой, нависшей над страной.

Я сильно устал, болели ноги, спина, сердце, и еле дотащился до дому. На поминки пойти не смог.

Многие люди подходили ко мне, по-казахски выражали соболезнование.

Сказал несколько слов об Алтынбеке для «Азаттық».

16 февраля

Утро. Я всё ещё под впечатлением вчерашнего траурного митинга. Какие славные азаматы! Занимается новый день. Полнолуние. Ясное небо. Нет только Алтынбека. И многие казахи ещё не осмыслили значимость потери. Один 31-й канал откликнулся. Радио, ТВ молчат.

20 февраля

Газете «Апта KZ» продиктовал по телефону своё мнение об Алтынбеке. Примерно то же вышло на русском языке в «Эпохе».

Главный полицай Бауыржан вчера, не поднимая глаз, сообщил журналистам, что убийцы Алтынбека пойманы. Их, мол, пять человек. Убили за 25 тыс. долларов. Заказчик тоже известен. Но никого не назвал. По всему виду ясно, что безбожно врёт. Как было ясно с самого начала, обнародуют версию, что политика не при чём, что убили случайного коммерсанта по заказу случайного Ваньки. И всё.

Власть считает, что народ – балда и быдло. Всё схавает.

21 февраля

Сенсация дня: власти были вынуждены признать, что убийцы Алтынбека – бойцы «Арыстана» – закрытого подразделения КНБ (типа российской «Альфы»), подчиняющегося непосредственно Президенту. Теперь делают вид, будто не знают заказчика. Врать становится всё труднее. На этом фоне надо бы пересмотреть и так называемое «самоубийство» Заманбека. Ведь почерк один.

Выступил по ТВ Президент, выразил соболезнование семьям погибших и озабоченность по поводу случившегося.

Думаю, хай будет на весь мир. Народ понемногу пробуждается.

22 февраля

Сходил в «Дайк-пресс». Долго говорил с директором Булатом. Он показал мне серию книг – историю Казахстана по арабским, российским, китайским, монгольским источникам. Каждая серия по нескольку томов. Колоссальное богатство. Колоссальный

труд. Книги, которым уготован долгий век. Всё это издаётся по программе «Мәдени мұра». Такого опыта во всём мире нет. Трудно переоценить значимость программы «Культурное наследие». Грандиозно! Пощупал, полистал томов 10-12. Просто приятно и радостно.

24 февраля

Оппозиция готовит День памяти жертв политического террора. Но акимат не разрешает проводить акцию на площади Чокана. Загоняют народ на окраину города. В программе «Точка над і» толково выступил Сатпаев. Он вообще дельный политолог. Разумно говорит.

На все лады обсуждают гибель Алтынбека. Сегодня и Абыкаев что-то прокомментировал. Серые людишки разные закопошились.

Ох, много вранья. Мою реплику в «Свободе слова» хорошо восприняли.

25 февраля

...Из головы не выходит убиенный Алтынбек. За что? Он хотел добро стране. И, прежде всего, своим казахам. А убили его казахи. Соболезнование дал казах. Казахи-поэты оплакивают:

Аз ба еді аққан қаның, төккен жасың?
Бітпеді-ау бақастық пен бақталасың.
Біріңді бірің атсаң тыныш күнде,
Несіне ел-жұртпын деп мақтанасың?!

Написал это Турысбек Саукетаев. Верно, конечно.

А душа моя омрачена. Почему казахи сами себя истребляют? Казаху Махамбету голову снёс казах. Казаха Абая избили казахи. Что за божье наказание? Почему так? Горько мне, горько.

Гладколицый казах из МИДа с тупым апломбом заявляет по телевизору: «Гибель Сарсенбаева не отражается на международный престиж Казахстана». Он, интересно, хоть думает, что говорит?

Враньё – наглое, циничное – всюду: сверху донизу, на каждом шагу. И тёмный люд упивается враньём... Вообще наверху основательно заврались. И мне просто любопытно, как на этот раз будут выпутываться. Врать предстоит теперь на другом уровне.

26 февраля

...Был на поминовение убиенных. Народу собралось много: думаю, тысяч две-три. Площадь Чокана огородил плотный полицейский кордон, расставили тумбы, железные ограждения, зарядили на всю мощь собачью какофонию с лаем, свистом, грохотом, визгом. Специальный набор звуков для оглушения толпы. Многие подходили ко мне, здоровались, выражали свою симпатию. Через каждые пять минут на русском и казахском языках громко объявляли (зам. прокурора города и прочие), что митинг незаконен и все будут привлечены к уголовной ответственности. Народ скандировал: «Позор!», «Позор!» Были транспаранты с убийственным текстом.

Толпа была возбуждена. Гнев обуял людей. Какое кощунство! Люди пришли поминать убиенных, а власть унижала собравшихся. Власть боится. Власть делает глупость за глупостью. Допускает непоправимые промахи. Из двух тысяч митингующих сегодня, завтра образуется 20 тыс. протестантов, послезавтра – 200 тысяч. Люди обозлены

до предела. Власть, как утка из пословицы, с испугу ныряет задом. Народ раздробили, сбили нарочито с толку, сняли с маршрута автобусы, всё сделали против народа. Манифестанты организованно пошли на новую площадь.

Я, преодолевая боль в спине, дошёл до Кунаева. Полицейские в спешном порядке побежали вперёд – неуклюже, устало, нехотя. На опустевшей площади четыре полицейские машины устроили учения, кружились как черти, демонстрировали каскадёрское мастерство. Я понаблюдал, смотрел в усталые, тупые лица несчастных полицейских, слушал их разговоры по мобильникам, по рации.

Площадь оказалась усеянной розами. Нагнали уборщиков. У подножья Чокана одиноко стоял портрет Алтынбека.

Не стану всё подробно описывать: я эти картины использую в своём романе.

Одно ясно: власть в большой растерянности. И ради своих шкурных интересов сталкивает людей. И ни черта не понимает. Играет с огнём. Көті әбден ашылған.

Смотрел по 31-каналу повтор передачи Арманжана Байтасова «Центр внимания». Вся передача посвящена Алтынбеку. Сильно сделано! И точные слова найдены. Просто молодец! Вообще журналисты в большинстве действуют логично и последовательно. Нельзя позволять властям безнаказанно врать. Правда, многие журналисты напоминают полицейских, которые поневоле стоят в кордоне.

Господи, до чего же власть обнаружила своё бесстыжее мурло!

2 марта

По ТВ выступил сам Президент, сообщив народу, что заказчиком убийства был Утембаев. И только он. Больше никто? Выше никого? Взял кредит в 60 тыс. долларов, нанял ребят из «Арыстана» и устранил Алтынбека на почве личной неприязни. Вот и всё. Дело раскрыто и на этом закрыто... Алтынбека заказал серый человечек, чтобы отомстить за давнюю статью. Верь, народ!

5 марта

Седьмой месяц корплю над своим романом. Часто болею и часто отвлекают... Семь месяцев и роман? Так быстро? Семь месяцев и роман? Так долго?!

Достоевский написал «Идиота» за 26 дней.

Нурпеисов мурыжил свой роман 23 года.

Достоевского читают и поныне, ставят по роману фильмы. Нурпеисова и ныне никто читать не в силах. Он пережил свои произведения. Какая нелепость!

7 марта

Больше недели кто-то или что-то грызут мои кости. Ноющая боль не покидает меня ни днём, ни ночью. Ни мази, ни гели не помогают. Только анальгином удаётся ненадолго заглушить боль. С этим живу и работаю. Тяжко!

Как сенсацию мне сообщили заявление Серика Абдрахманова. Он высказал то, о чём думает большинство. И прямо высказал Президенту всё, что касается убийства Нуркадилова и Сарсенбаева. Разоблачил большую, наглую ложь властей и всю ответственность возложил на Президента: или скажи правду или признай свой крах.

Молодец, Серик! Он прав: нельзя ведь вечно хитрить. Плоские казакбайские хитрости уже не срабатывают.

За словами Абдрахманова последуют другие, ещё более веские.

8 марта

Давление взлетело: 234/116. Вызвал «Скорую». Сбили до 170/80. И я проспал десять часов. Конечно, весь побитый.

10 марта

Утром из горакимата заехала некая Фания, вручила мне цветы и медаль «10 лет Конституции», произнесла подобающую речь, а я вручил ей свою книжку «Эль».

Приятный момент!

Вслед Сагин-Гирей занёс сигнал моей книги «В поисках своего ритма». Хорошо издана. Это моя 35-я по счёту книга. А медаль – пятая.

Две радости в один день – достаточно.

16 марта

В «Известиях» прочёл беседу вокруг «В круге первом». Интересно!

О Солженицыне знаю немало. Очень его почитаю. Для меня он идеал писателя, борца, гражданина, труженика.

И всё же впервые узнал, что: а) готовится 30-томное собрание сочинений; б) у него есть большая поэма «Дороженька» – 12 тыс. строк («Фауст», кажется, 11116 строк).

Наталья Дмитриевна говорит, что чувствует себя А.И. не лучшим образом (возраст и несанаторная жизнь), однако, всё время, кроме сна, проводит за письменным столом... Вот с кого надо брать пример!

18 марта

Физически очень плохо: сердце, давление. Весь квелый.

В обед был на поминках Алтынбека в ресторане «Иссык». Человек не менее тысячи. Грандиозно! Серьёзные, знатные люди. Только Б. Абилова не было. Сидит в каталажке. Такова воля суда.

Видел Туякбая, Жакиянова, Своика, Жукеева, Жандосова, Косанова, Балгынбаева. Много писателей, журналистов, деятелей, кое-кого из Астаны.

В первой группе говорили Магауин, Жумадилов, Софы, Оразбек, я, Сакен (Иманасов), Тынымбай, Дулат.

Писатели выступили хорошо, ярко. И вообще все речи были достойные.

Сердце моё совсем взбунтовалось, и вслед за Мухтаром, Кабдешем, Оразбеком, Тынымбаем ушёл и я. До дому еле доплёлся, с остановками и нитроглицерином.

Встретился на поминках с Алибеком Аскаровым, и он, узнав, что у меня до сих пор нет казахской книги, удивился и вызвался помочь со своей колокольни.

21 марта

На прогулке встретился Роллан. И напомнил, чтобы я осенью сдал книжку статей об Абае. В пределах 5-6 авторских листов. А в октябре ему исполняется 60. Вот не думал!

Позвонила и благодарила за моё выступление о ней Рафика Бекенова Нуртазина. Мило поговорили. Мудрая женщина! Как обласкала...

В «Жас алаш» дали наши выступления на поминках.

Прилетела наша дочь, обрадовала.

А вечером я выступил в «Номаде» о творчестве Назыкен.

3 апреля

Узнал, что 26 марта скончалась Нелли Ваккер. Я опешил. Возраст, конечно, немалый: в октябре ей исполнилось бы 87, но всё равно очень жалко, печально. Я знаком был с ней 34 года, очень уважал, был душевно расположен к ней. 34 года переписывались. Я бывал у ней в Павлодаре, она – у меня. Мы были как родственники. Я её (и ещё Нору и Р. Пфлюг) называл литературной тётушкой. Её кончина для меня большое личное горе. Тут же написал для «DAZ» «Памяти Нелли Ваккер».

В Москве Назарбаев и Путин открыли памятник Абаю. Абай на Абая не похож. И вся поза неестественная. Какой-то длинноногий узколобый узбек-торгаш. Жаль!..

11 апреля

В «Жас алаш» 24 именитых деятеля культуры написали открытое письмо Назарбаеву против Ертысбаева. Справедливо, конечно. Какое отношение к культуре (особенно национальной) имеет этот сылдырбай? У него и язык-то деревянный, суконный, топорный, марксистско-ленинский трёп. А по-казахски и вовсе ни бельмеса.

Ещё одно открытое письмо Назарбаеву написал симпатичный и уникальный старина Бошай Кітапбаев. Резко, справедливо и убедительно сказал. Умница! В самую точку попал. Сказал то, что на устах народа.

Радуюсь, что казахи просыпаются. Народ достоин лучшей доли. Это вселяет некоторую надежду. Но робок, робок глас народа. Надо, чтобы земля горела под ногами подхалимов, жандайшапов и слизняков. Надо, чтобы неправедная власть трепетала от страха. Надо, чтобы народ поверил, что он не быдло.

13 апреля

Что меня печалит?

Я должен издать ещё книг 5-6. Рукописи почти наметились, обозначились:

1) Тень дней минувших – около 40 п.л.; 2) Разлад, роман – 14 п.л.; 3) Постфактум 16 п.л.; 4) Вблизи и рядом – 8 п.л.; 5) Властелин-Слово – 6 п.л.

А ещё книги три надо бы переиздать. Каким образом? Где найду деньги?

С мечтой об издании сочинений в 7-10 томах придётся и вовсе расстаться. Тут я не могу тягаться с Кадыром, Туманбаем, Мухтаром, Кабдешом, Дукенбаем, Шерханом. Я ведь из другого рода-племени. Обо мне заботиться некому. С этим придётся смириться... А клянчить деньги на издание своих опусов как-то не способен.

18 апреля

Неожиданно зашёл Марат Адибаев и занёс два экземпляра шикарно изданной книги «Абай. 37 стихотворений» (та же композиция, структура, что и «20 стихотворений Абая», но дополненная двумя статьями и 17 стихотворениями в разных переводах). Дизайн сногсшибательный. Экземпляр стоит 3000 тенге. Спонсировал издание Болат Назарбаев. Надо один экз. срочно отправить Кошуту в Берлин.

20 апреля

Газеты пишут, что Президент сильно озабочен финансовым состоянием страны. Только теперь дошло до него, что здесь далеко не всё в порядке. Отстранил Келимбетова. Словом, гибель Алтынбека открыла глаза Президента на многое. Боюсь, однако, что выправить положение будет ой как трудно.

24 апреля

Неожиданно осенило: нужно ведь откликнуться на 70-летие Олжаса. Тотчас накатал две странички: «Избранник Земли». Предложу «DAZ». Может, ещё куда-нибудь.

28 апреля

Утром переписал набело рецензию на книгу Сайлаубека.

Потом повезли на конференцию КазГНУ – «Актуальные проблемы теории и практики перевода». Выступил (30 минут) вторым после Аслана. Начало конференции понравилось. Хорошо организовано. И аудитория приятная.

...Позвонил Сафар Абдулло. Оказывается, в «Известиях» вышла моя рецензия на его «Магические мосты».

...У входа в поликлинику столкнулся с Нурпеисовым. Обменялись двумя-тремя фразами. Выглядит он бодрым, но весь ссохся – грибок-старичок. Понятно, и я таким стану, если доживу до его возраста.

29 апреля

После обеда позвонили из телеканала «Казахстан» и сообщили, что скончался Сәкен Жунусов. Трудно поверить. Он месяцев на десять старше меня. Никогда ни на что не жаловался. Держался всегда бодрым, шумным, лихим жигитом. Попросили сказать о нём несколько слов. Я что-то пробормотал по телефону. И тут же предложили сказать это на камеру. Отказался. Во-первых, слова мои пустоватые, во-вторых, по такому случаю должен сказать казах, а не немец... А вообще жалко и обидно. Я с ним сталкивался на разных уровнях. Знал его жену (Марину), детей. Хотя особой близости между нами никогда не было. Был он порой необуздан, неуправляем, обладал взрывным, буйным нравом. Прозаик и драматург был добротный. По интервью и статьям последних лет было ясно, что живётся ему сложно, неуютно, одиноко, угнетённо. Знал я его более сорока лет. Себя он называл Сәкен сері. И, действительно, во всём его складе было что-то от сері. Колоритен был... Горько... Уходит моё поколение.

...В ЛГ очень высоко и справедливо написали о В.В. Розанове, и – думаю – несправедливо о Соловьёве, Бердяеве, Ильине, Лосеве, Гумилёве и других. По-моему, нельзя так безаппеляционно. Хотя в чём-то автор, может, и прав. Одно время все эти философы были весьма популярны, все их цитировали, но продлилось это веяние очень недолго. А о Розанове я высокого мнения: несколько книг его внимательно читал, хотя его яростный и безудержный антисемитизм всегда вызывал неловкость...

30 апреля

Шопенгауэр советовал: «Надо меньше читать и больше думать». Я же читаю всякую дрянь, а думать и вовсе перестал.

1 мая

Ощущение такое, что энергия вытекает из моего бренного тела, и я совсем вялый, квелый, пустой. Никчёмные мыслята крутятся в дурной башке. Иногда кажется, что я уже ни на что не способен. Ясно: затевать новый роман сейчас бессмысленно: нет настроя и чётких мыслей. Всё смутно, зыбко.

Я сейчас в состоянии читать лишь Абая. Он созвучен нынешнему моему душевному состоянию.

2 мая

Встал рано, до шести. Распахнул окно. Промытые дождём листья и травы обдали густым, приятным дурманящим ароматом. Птички тенькают, голуби воркуют. Город ещё только просыпается. Тишина. Свежесть. Благодать. Вспомнил: сегодня родительский день. И мне не кладбище померещилось, не могилки, а живые родители в ташкентской усадьбе.

...Рань. В форточку, затянутую марлей, из сада струится утренняя свежесть. Я ещё нежусь в постели под простыней. Слышу, как по крыше деловито вышагивают голуби и скворцы, как равномерно капает вода из колонки в углу в каменный желоб, как подкрадывается по карнизу кошка, как, шаркая кирзовыми отопками, проходит мимо окна отец. Он хозяйски оглядывает подворье, заполняет баки водой, поливает из шланга дорожку, поправляет поникшие ветки, подвязывает стебельки саженцев к деревцам, зачехливает бумагой гроздья винограда, спасая их от обжорливых ос, хлопочет, копошится, незаметно кладёт на подоконник, подстелив лопух, то спелое, отборное яблочко, то горсть орешков, то малиновую кисть ягод – сюрприз для великовозрастного сына и снохи, когда они встанут и распахнут окно. А вот – слышу – и мама вышла во двор, направилась к колодцу, переставила вёдра, принялась расчёсывать волосы, прикидывая про себя предстоящий за день фронт домашних хлопот.

Ах, какое было время! Нас было много – семья! И все вместе. И все рады друг другу. Родной очаг. И тихое счастье витает над нами. Все мы обласканы родительской любовью. Прошли годы. Родители и сестра Роза покоятся рядышком на ташкентском кладбище «Домрабат». Альма, Таня, Артур в Германии. Мы с Раей, перешагнувшие 70-летие, в Алматы. Ирина, Сева в Москве. Вова в Воронеже. Грустно...

3 мая

...Убедился, что разных статей, обзоров, очерков, заметок, литпортретов накатал на несколько томов. Да и интервью наверняка наберётся на книгу. Кто займется их сбором? Так и затеряются в периодической печати.

По-хорошему завидую Кадыру, Магауину, Олжасу, Дулату, Кабдешу, Шерхану... Они сумели как-то собрать своё хозяйство. А начал Абиш, издав 12-томник.

Я – чужак. Мне в издании своих опусов никто не поможет. А после меня – тем более. А, может, это и к лучшему. Может, и не надо никого обременять...

6 мая

Был на презентации книги Л. Шашковой в Нац. библиотеке. Презентация прошла мощно, нетрафаретно, красиво, толково. Собрался полный зал. Эффектно и просто вела вечер сама Люба. Естественно, по-женски непринуждённо. Концертная часть вообще прошла бесподобно: Оксана, Жамиля Баспакова, Жания Аубакирова, знаменитый аккордеонист Лебзан... Было приятно. К сожалению, я не выдержал более двух часов. И на фуршет не остался... Рад за Любу и Марата...

7 мая

Мурат А. вчера сказал мне, что в последнее время прочитал два романа: «Круг пепла» Накипова и «Сны окаянных» Жаксылыкова.

«Оба трудные романы», – заметил я. – «Пепел» я не читал и боюсь, он мне не по зубам. Слишком много, я слышал, выкрутасов».

«Да, – согласился Мурат. – Там накручено. А «Сны» – чистая психология».

«Сны» я читал. Две книги давно. Чтение тоже не из легких».

Мурат подсел ко мне неожиданно, и мы за вечер обрывочно обменялись разными фразами. Я признался, что совершенно устал от слов.

«Но читаете охотно? В тиши. По желанию. Лучшее отдохновение».

«Да, читаю в своё удовольствие. Сейчас охотно беседую со Шкловским».

«О! Понимаю...» – вздохнул Мурат. И мне показалось, что ему пока читать с удовольствием не приходится. Больше по обязанности.

Замечаю: к нему липнут все. И он мягок, уступчив, добр, деликатен. И, возможно, сам страдает от этого. Конечно, в нём много врождённого такта, но ему постоянно приходится помнить о том, что он сын великого человека, национальной гордости. Тяжкий груз. Тяжкая миссия. Он никогда не посмеет послать по известному русскому адресу.

15 мая

По ТВ увидел фрагмент чествования Олжаса в Нац. библиотеке и во Дворце КазНУ. Рядом пристроился Амантай қажы и по обыкновению вопил во всю глотку: «Олжас жасасын!» Кто кого пиарил? Олжас смотрится эффектно: стройный, видный, моложавый, достойный. Молодец!

19 мая

Похоже, к Олжасу крепко прикрутили эпитет «великий». И он, кажется, не возражает. «Великий казахский поэт, учёный и мыслитель». «Феномен». «Человек века». «Избранник земли». «Дух нации и символ времени». «Вихрь духа». «Вселенная по имени Олжас». Выше вроде некуда. Я лично не возражаю.

Я вообще счастливый человек: живу среди сплошных великих. Олжас велик. Магауин велик. Нурпеисов великий. Абиш великий. Кадыр великий. Шаханов великий. Пожалуй, ещё десяток великих найдётся. Невеликих среди казахов почти не осталось.

22 мая

...Позавчера возле дома встретил Сагадата Нурмагамбетова. Несколько месяцев его не видел. Был одет по-прогулочному: в кедах, лёгкой курточке, домашних штанах. Открытый, добродушный, улыбчивый. Сказал, что читает мои статьи, интервью, реплики, смотрит по телевизору. Рассказал, что только что был в Японии. «Японцы ушли далеко вперёд Европы. У них уже XXII-й век. Совсем другие люди, другие отношения, другая обстановка». Я обещал дать ему свои книги. Он поблагодарил. «А как мы встретимся? Может, телефон дадите. Или это секрет?» Он усмехнулся. «Какой секрет? Запишите». И продиктовал номер. «Только я завтра лечу в Москву. Буду в конце мая». «Ну, тогда позвоню в начале июня». С тем и расстались.

Приятный человек. Красивый. Общительный. Мне показалось, что он немного осел. Как-никак 82 года. Но столько ему не дашь.

26 мая

...Из «ЛГ» узнал о кончине Александра А. Зиновьева – мыслителя, публициста, писателя, социолога, логика. Я его всегда охотно читал, хотя путаник был изрядный. То шёл против Сталина, то его оправдывал; то разоблачал советский строй, то его защищал, то видел себя западным демократом, то русским патриотом. Человек был не-

истовый, незаурядный, острый, увлечённый, интересный. Биография поразительная. Он был мыслитель. Совершенно русского склада человек. Умер в 83 года от рака мозга. Оказывается, есть и такая напасть.

В этом же № «ЛГ» прочёл о кончине Александра Михайловича Борщаговского. С ним я встречался в Москве, в Ереване, Коктебеле, Дубултах. Приятный был человек, милый собеседник. Писал он много, работал в разных жанрах – в прозе, драматургии, кино, критике. Умер в 93 года. В моих дневниках о нём наверняка есть записи.

29 мая

Позвонил Таир Мансуров из Петропавловска. Хотел бы, чтобы я навестил родной край и участвовал в мероприятиях по 100-летию И. Шухова. Или – на худой конец – написал о нём. Вот на эту тему и поговорили подробнее. Ограничился маленькой консультацией о Шухове, порекомендовал издать «Пресновские страницы». Узнав о моём радикулите, Таир Аймухамедович вызвался мне помочь – прислать американский или немецкий пояс, который, якобы, снимает боль за 7-8 часов.

Приятно, когда о тебе заботятся.

31 мая

Выходит, в мае я поработал славно: написал шесть рецензий и одну статью, скомпоновал рукопись, а одну рукопись вычитал и сдал в печать. И всё это помимо разных других мелких дел. Только вот физическое состояние плохое: скачет давление. Старый гипертоник!

2 июня

За день случилось два сюрприза: в «Новом поколении» вышла моя статья об Есляме Зикибаеве (она же увидела свет в «Мыслях» и «Северном Казахстане»), а в «Начнём с понедельника» неожиданно и немного запоздало дали мой короткий панегирик к 70-летию Олжаса.

5 июня

Закончил статью на казахском «Тіл толғағы». Получилось стр. 16-17. Тут же позвонил Жулдыз в «Жас алаш», и она заехала и забрала статью.

Позвонил Кенес Юсупов. Затевает журнал типа «Иностранная литература». Объем – как «Жұлдыз». Альманах. Шесть номеров в году. Давать будет литературу разных стран на каз. языке. Просит войти в редсовет. Я согласился. Дело нужное.

6 июня

Газета «Время» Габдулина не приняла, и он вернулся в свой «Монитор». Бигельды был хорош, когда он возглавлял «Новое поколение» и «XXI век». Хорош он был и в США. Человек он, несомненно, способный, но теперь уж не тот. Сломался. Или сломали. Жаль... Как только писатель или журналист сблизился с властью, ему приходит каюк. К сожалению, в казахской литературе таковых немало. Они сознательно сгубили себя. Нет ничего пакостнее, чем продажный писатель. Талант ему дал Бог, а он пустил его на продажу за понюшку табаку. Позор падает на весь его үрім бұтақ, ради которых он и подался в торгаши. Какая трагедия! Я человек маленький, и торговать мне нечем. А вот казахских друзей, которые пустились на все тяжкие, – откровенно жалко.

8 июня

Всё бы ничего, да радикулит не проходит. С трудом распрямляю спину. Мази, массажи совсем не помогают. Баққожа даёт совет: понемногу надо загружать спину, делать посильную зарядку, «үйтпесеңіз – жатып қалаңыз. Сақтану керек. 72 аз жас емес». Баққожа намного моложе меня, но опытен, мудр. Советы всегда даёт дельные.

...А я корплю над «Тілтолғақ», написал о казахских неологизмах, архаизмах и, чувствую, статья будет объемная.

13 июня

Все последние дни бесконечные встречи: с журналистами радио и ТВ, с магистранткой (пишет диссертацию о моих переводах), с компьютерщицей, с сотрудниками Института литературы. Словом, скучать не приходится.

В «Жас алаше» дали «Тіл толғағы». Хорошо дали. Без купюр. Тут же позвонили Нурканов, Алимбаев, Елеукенов. Последний обещал «Педагогику» Мағжана Жұмабаева.

15 июня

Таир Мансуров сдержал своё слово и прислал через жигита по имени Динмухамед посылку, а в ней: бутылка фирменной водки, бутылка виски, бутылка коньяка, две книги Магжана, две книги самого Таира и эластичный пояс латышского производства. Здорово!.. Я передал три свои книжки. Не буду же акиму области передавать коробку банальных конфет.

18 июня

В «ҚӘ» прочитал интервью с Д.Д.. Поразительно: он совершенно убеждённо считает себя классиком. Никаких сомнений о себе: классик и баста! О, Алла... сколько же у казахов классиков? Больше, чем во всей Европе! В иерархии лучших прозаиков Казахстана Д.Д. сам определил себе место – третье. Впереди него лишь Кекильбаев и Магауин. Между тем я знаю три десятка казахских прозаиков, которые Д.Д. и за писателя не принимают. Но их, в свой черед, Д.Д. считает халтурщиками и завистниками. Всё так просто.

Д.Д. – трудяга и временем дорожит. Как о прозаике я о нём неплохого мнения. Правда, не могу понять, как уважающий себя писатель может писать откровенно хвалебно-хреновый роман о здравствующем Президенте. Думаю, Президент, прочитав такое, должен провалиться сквозь землю. Д.Д. говорит, что такова потребность его сердца. Если это действительно так, то с сердцем Д.Д. явно что-то неладно...

19 июня

Наконец, закончил свой «Тілтолғақ». Получилось аж 64 стр. Столько по-казахски никогда не писал. Тотчас позвонил Жулдыз Абдильде, и она обещала забрать.

Читал «Персидские беседы» Сафара Абдулло, ферганца Шамшада и нашего Дидара. Умно говорят, интересно рассуждают. Сафар приводит список вечно востребованных. И в ряду Гомера, Фирдоуси, Пушкина, Абая, Гёте ставит и Олжаса. Каково? Так продвинуто я смотреть я не могу. Моё сознание к тому не готово.

А вот эта мысль Сафара любопытна: «Следовательно, в будущем я не удивлюсь, если, скажем, в Казахстане, создадутся такие условия, когда инородцы будут создавать свои произведения не на русском, а на казахском языке».

Пожалуй, да. Единичные примеры есть уже сейчас.

И ещё такое мнение Сафара: «Более того, Олжас своим творчеством доказал, что можно посредством «чужого» языка выразить дух и душу своего народа».

Подобную мысль я высказал лет двадцать назад, заметив, что «я люблю» можно выразить и на чужом языке и родную литературу вполне мыслимо развивать средствами иноязычия. Фактов с древнейших времён предостаточно.

20 июня

Читал уникальный труд отца и сына Вильгельмов (Адама Франциевича и Курта Адамовича) «Немцы в истории России». Глава десятая этой книги называется «Служение русской Музе». Многое мне знакомо, о немцах в русской литературе и читал, и сам писал. Но всё равно с удовольствием читал о фон-Визене, Хемницере, Коцебу, Кронеберге, Вигеле, Остенеке, Гречe, Дельвиге, Кюхельбекере, Дале, Губере, Каролине Яниш (Павлова), Кульман, Фете, Мее, Шумахере, Розенгейме, Фигнер, Веттере, Шеллере, Эртеле, Дедлове, Вильде, Берге, Вейнберге, Кони и многих, многих других, которые, будучи немцами, писали по-русски и служили русской словесности. Их след в русской литературе ощутим. И работали они честно, по мере своих способностей. И это знаменательно.

Это только часть литераторов немецкого происхождения. А ведь были ещё немцы – государственные и общественные деятели, учёные, военные, промышленники, художники, музыканты, архитекторы, врачи, деловые люди и т.д., роль которых в русской истории трудно переоценить. Их тысячи и тысячи. Но русские до недавнего времени делали вид, будто их не было, всячески замалчивали, игнорировали, скрывали. Более того, ради большевистской идеологии их травили, унижали.

Несомненно, и евреи внесли в русскую культуру огромный вклад. Русские и их третируют. Правда, евреи всегда были себе на уме. А немцы служили ревностно. Но благодарности со стороны русских так и не заслужили. И это трагедия. И для русских, и для инородцев.

Это глобальная тема. Элемент инородчества в русской культуре велик. И глупо это отрицать. Русские – великий народ. Кто спорит? Но их культуру, историю, судьбу в немалой степени облагородили и возвысили лучшие умы многих народов. И зря русские иногда хорохорятся, будто в одночасье свалились с неба. Нужно воздать должное всем – и немцам, и евреям, и кипчакам. И быть благородным и благодарным. Досадно, что русские не всегда способны на это.

Мне всегда вспоминаются слова русского генерала Александра Ивановича Лебедя. Он сказал, будто гвоздь вколотил: «Русских нет. Есть только забытые евреи и плохо отмытые татары».

22 июня

Позвонил неугомонный Бошай-аға Кітапбаев. Он должен был сегодня возвратиться в Өскемен. Но остался на юбилей Кабдеша. Дважды, оказывается, читал его «Тағдыр». Выяснял моё отношение к Кабдешу. Какое отношение? Вполне лояльное, уважительное. Крепкий традиционный прозаик. Осудил Бошай-аға статью Алдамжарова в «Анна тілі». Чувствует, что дело заказное. Хорошо отозвался о статье Габбаса Кабышева в «Жас алаше» за добрые слова о Кешириме Бозтаеве.

Молодец, Бошеке! На девятом десятке за всем следит, здраво мыслит.

26 июня

На днях узнал: умер на 85-м году Давид Кугультинов. Поэт и мудрец. Была блистательная, могучая пятёрка: Кайсын Кулиев, Михаил Дудин, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Дауд Көгәлтін. Все ушли. Примыкал к ним более молодой Чингиз Айтматов. Но и ему уже 78. О, дүние! Кугультинова я видел и в Алматы, и в Москве. Правда, за руку никогда с ним не здоровался. Общался из этой пятёрки лишь с Дудиным. И с Кайсыном отдыхал в Доме творчества в Пицунде и Дубулты.

Титаны. Остаётся мелюзга, амбициозная шантрапа.

28 июня

Вчера мне рассказали, что Олжас празднует свой юбилей в Азербайджане. Якобы с женой там находится. Получается, что он юбилейничает уже ровно сорок дней. Столько продолжались тои в древних казахских эпосах. А ещё сомневаются, казах ли Олжас. Конечно, казах. Кроме казаха, кто ещё будет праздновать свой юбилей сорок дней? И как ему это не надоедает? За сорок дней сколько б можно было наворочить! Достоевский ведь «Идиота» сотворил за 26 дней. А наши гении сорок дней свистоплясничают. Ой, Алла-ай!..

Узнал, что мою казахскую книгу сокращают с 25 п.л. до 14 п.л. Это надо же! Впервые за 72 года вознамерился издать приличную по объему казахскую книгу, а мне на старости лет делают обрезание. Справедливо разве? Учитывая мой возраст и «казахские» заслуги, могли бы проявить сочувствие и благородство. Какой там! Обращаются со мной, как с чужеземцем. Ну, и Бог с ним! Никого просить не буду. И ни к какому министру не обращусь. Пусть подавятся! Надеюсь, Бог меня примет и без казахской книги.

Зачитался «Дневником» опального Кюхельбекера и расчувствовался до слёз. Сам почувствовал себя Кюхельбекером. Поразительная, трагическая личность!

1 июля

Утром (до обеда) встретился у Чокана с Таласбеком Асемкуловым. Я давно его знаю, читаю, наслышан, но живьём вижу впервые.

Зрелый, знающий, образованный мужик. Любопытно рассуждает. Общих знакомых – тьма. Принёс Таласбек свой роман «Талтүс» и два № «Рух-Мирасы». Окончил он пять классов по-русски, пять – по-казахски. По-казахски говорит абсолютно бегло, но склонен вплетать в свою речь русские фразы. По всему видно: человек неординарный, самостоятельный, самодостаточный.

7 июля

Утром звонил Жакиянов. Сказал, что срочно выезжает в Бакай, а потому просит отложить встречу на после обеда.

Встретились около шести вечера. Поговорили час. Приятно побеседовали. У него беглая, свободная казахская речь. И рассуждает спокойно и здраво. Поделился некоторыми думами. Основная тема – гражданское общество. Симпатичный человек!

Звонил Смагул. По инициативе Нурпеисова, они намеревались зайти ко мне проведать меня – «көңіл сұрау». Сам Нурпеисов в больнице. Он обожает лежать в больнице, ибо дома ему тошно. Видно, накатилась старческая сентиментальность. Я объяснил Смагулу: пока что психологически не готов к встречам и душевным разговорам. Зла не

питаю, но и гадкое ощущение по поводу нурпеисовской мерзкой выходки двухлетней давности пока не развеялось. Он повёл себя тогда крайне безобразно. А хамство прощать я не могу.

Ещё звонила Рафика Нуртазина. Ей 85 лет. Напомнила, что сегодня показывают по Хабару фильм «Бата», в котором и я говорю о ней несколько слов.

12 июля

Дней десять интенсивно работал над казахской статьёй «Нәсілі неміс орыс жазушылары». Вчера закончил. 31 страница. И ещё Кошуту написал длиннющее письмо с подстрочным переводом абаевского «Лета». А вечером давление поднялось до 210/111. Пришлось вызвать «Скорую». Врач посоветовал несколько дней не то, что не писать, а даже не читать. Или читать только «Декамерон», а не Таласбека. Ой, худо!..

14 июля

Дочитал в «Рух-Мирасе» глубокую, основательную работу Таласбека Асемкулова «Война и голод». Он рассмотрел величайшие бедствия войны и голода на фоне многовековой судьбы казахов. Рассмотрел по всем параметрам: физиологическим, философским, этнологическим, историческим. Пришёл к трагическим выводам. Сказал с болью, со скорбью о трагической судьбе казахов. Об упадке, деградации, разложении, крушении, деморализации генофонда, о трудном пути возрождения народа. Сказал горько, убедительно, беспощадно, но с надеждой. Великолепная статья!

А вот роман его «Талтүс» написан совсем по-другому. Это реалистическая, психологическая проза. Великолепные казахские характеры, точные диалоги, прекрасный казахский язык, сочные описания.

Рад, что познакомился с Таласбеком. Мощный интеллект, нестандартный казах. Личность! Ему есть что́ сказать, и он умеет мыслить.

15 июля

Людовик XVI якобы записал в своем дневнике: «Сегодня – ничего». Эту запись он сделал 14 июля 1789 года в день взятия Бастилии. Более двух веков спустя и я могу записать, хотя и не король: «Сегодня – ничего».

А между тем в Петербурге саммит «восьмёрки», Израиль бомбит Ливан, Сирию, Палестину, всюду проходят катаклизмы, катастрофы, аварии, Назарбаев собирается в Америку, в Алматы разгромили Бакай и Шанырак и т.д., а у меня по причине вонючего физического состояния – «ничего». Способен только газетами шуршать, и то давление растёт.

Наши казахские умники сплошь и рядом рассуждают о постмодернизме в казахской литературе. Где и в чём они видят его – не пойму. Да и постмодернизм, по-моему, просто выдумка, что-то неопределённое и неопределяемое.

Вообще всё это заумь, симуляция. Господи, какой ещё постмодернизм, когда преобладает серость, банальность, примитивизм, жалкие потуги, когда литература, варится в собственном соку, оторванная от мировой цивилизации и философии. Смешно! Пять-шесть «оқуы өтіл кеткен» умников никакой погоды не делает.

...Много разговоров об объединении «Отан» и «Асар». Ну и что? Всё это дешёвая хитрость, сасық қулық. Разве «Асар» – партия? Разве может быть партия с дурным, неуклюжим названием «Асар»? Глупость с претензиями.

А «Отан» разве партия? Скорее, корпорация чиновников-коррупционеров, Союз гольфистов, морочащих головы иным мырқымбаям. И то, что эти, с позволения сказать, партии объединились, объясняется древней казахской поговоркой «қотыр ат пен соқыр ат кешке қарай жолығад»...

17 июля

Запад к России искони относится недоброжелательно. Ох, как он боится укрепления, усиления России! А потому Запад упоенно пишет о том, что у России будущего нет, что народ, мол, вырождается, что СПИД одолевает, экономика рушится, что от России отойдут, отпадут Кавказ, Тува, Калмыкия, потом мусульманские республики на Волге, и вообще одни ужасы и страсти. Я этнически западный человек, родился в России, сложился в Казахстане, и мне неприятно, когда Запад глумится над Россией.

Надо бы, чтобы русские сплотились, оскорбились и ощетинились и везде и всюду показывали бы своим недругам дулю под нос. Но недругам России потакают внутренние пакостники, которые люто или тихо ненавидят Россию. Сво-ло-чьё! Маяковский прав: «Пора эту сво́лочь своло́чь, со стен Китая кидая!»

19 июля

Читаю роман Д. Накипова «Круг пепла». Непривычный роман, нестандартный, сложный, обладает серьёзными достоинствами. Для казахской литературы – явление. Я не могу его представить на казахском языке. А вот на европейских языках очень даже представляю. Молодец, Накипов!

Баққожа пожаловался, что ничего не пишет. Всё время уходит на журнал. В 10-м часу вечера он сидел ещё в редакции, вычитывал вёрстку. Жаль... Писатель он порядочный, в самом возрасте, совестливый. Ему бы сейчас самое время писать.

23 июля

Читаю роман «Талтүс» Таласбека Асемкулова. Толковый роман. Прекрасный, сочный язык. Великолепно выписанные образы. Правда, не представляю, как перевести роман на русский язык. Описание казахских кюев и искусства оружейников почти не поддаётся русскому речестрою.

27 июля

Перед сном читал «ЛГ» – беседу с Евг. Евтушенко. Молодчина! Свободно говорит по-испански, по-английски. Снял два фильма, создал три романа, играл в одном фильме, отменный фотограф, побывал в 97 странах, издавался на 75 языках, премий и наград получил воз. Баб катал вдосталь. Детей имеет кучу. Популярность бешеная. Продуктивность потрясающая. Бог щедро наградил его способностями, энергией, хваткой.

Почему в казахской литературе нет таких личностей?..

28 июля

Многотомник мой мог бы выглядеть так: том I – рассказы (25 п.л.), том II – повести (25 п.л.), том III – роман «Дом скитальца» (23 п.л.), том IV – романы «Туюк су» и «Разлад» (26 п.л.), том V – эссеистика (25 п.л.), том VI – публицистика (25 п.л.), том VII – исследования по нем литературе. «Дневники» (2 тома) мог бы и не включать.

Увы, мечта так и останется мечтой. Где мне взять такие деньги?

30 июля

Любопытные сведения вычитал из «Парасата»: рост Чехова – 186 см., Горького – 185, Толстого, Блока – 175, Достоевского, Есенина – 168, Пушкина – 161, Гоголя – 160.

7 августа

Второй или третий год бодаются в печати титаны Нурпеисов и Жумадилов. Лауреаты, народные писатели, знаменитые, амбициозные, с большими претензиями, а схлестнулись, как бедовые козлы, до суда дошли на потеху всей страны. Одному за 80, другому 70. А? Каково? Стыд и срам! Где мудрость и благородство? Опозорили свой народ перед всем миром. Кто бы не выиграл судебную тяжбу, это не победа, а поражение.

9 августа

Прочитал в «ЛГ» статью Вл. Полякова о Панарине и задумался. В сущности у нас то же самое.

За годы независимости общество наше испоганилось. Оно низложено, унижено, деградировано. Благоденствует ничтожная элита. Кучка наглых циников, хапуг, выжиг, мошенников, рвачей, тупых дельцов, изворотливых подонков и мерзавцев. Вот эта вонючая элита разрушает всё: общество, нравы, ментальность. Скотские инстинкты берут верх. Видеть всё это ужасно.

Дикое обогащение меньшинства и предельная нищета, пауперизм большинства – вот что сейчас происходит. И выправить это вряд ли возможно, ибо испоганено целое поколение.

Происходит профанация всех святых понятий. Законы джунгли: кто побеждает, тот и прав. А побеждает тот, у кого власть и деньги.

«Нужен волевой нравственный ум», – пишет Поляков. Правильно! Но где его возьмёшь? Ум и нравственность заменили хитрость, подлость, коварство, цинизм, пошлость, хамство. «Продавай себя дороже! Всё, что можешь, продавай!» – вот гимн современной элиты.

13 августа

Приятная весть из Берлина: давняя знакомая Кристиане Лихтенфельд (она переводила Абиша К.) пишет, что будет для какого-то германского издательства переводить мой роман «Дом скитальца». Вот сюрприз! Неужели? Пишет: в следующем году роман должен выйти.

С удовольствием читаю книгу И. Одоевцевой «На берегах Сены». Прекрасные мемуары о Бунине, Зайцеве, Гиппиус, Мережковском. Какие были литераторы!

15 августа

В «Жас алаш» вышло пятое продолжение цикла «Тілтолғақ». Это оказалась моя юбилейная публикация – 1300! Дали хорошо, но вкрались три опечатки.

Из Германии получил бандероль – альманах «Земляки» на рус. и нем. языках.

22 августа

Поговаривают о крупных политических переменах в Казахстане. Очень сомневаюсь. Зачем ещё какие-то перемены? Казахстан, боюсь, вошёл в тупик. Нужны кардинальные меры. Но низы не могут, а верхи не хотят.

25 августа

В «Новом поколении» поразила статья бывшей алматинки Светланы Фельде о демографической ситуации в Германии. Через 12 поколений (учёные подсчитали) немцы могут вообще исчезнуть. Немки не рожают. Роста нет. Исчезнут немцы примерно в 2300 году. Германцев даже наши немцы не спасут. Ужас!

26 августа

После обеда Айжан (дочь Нурпеисова) сообщила скорбную вещь: скончался Зейнолла Кабдолов.

Отмучился Зеке. Последние два года – после долгой комы, парализованный, безъязыкий, беспомощный – он уже не жил, а мучился. Долго и мучительно доживал свой век. Умер в 79 лет.

Я знавал его с 1964 г. Временами жил у него. Переводил его роман, диссертацию и пьесу. Ко мне он всегда был расположен доброжелательно. Говорил высокопарно, с фольклорными преувеличениями. При встрече обнимал, целовал. И я его уважал искренне. Был образован, начитан. Ученик Ауэзова. И наставник. Учеников его встретишь во всех углах Казахстана. Обладал великолепной, красочной казахской речью. Не пакостил, зла не делал. Оставил в национальной культуре серьёзный след.

Был общителен, открыт, щедр, хлебосол, порядочен. Мы с отцом, потом с сестрой бывали у него в гостях. Меня, как мог, поддерживал.

Похороны Зеке 28-го августа.

31 августа

Талдыкурганский суд закончился. Ох, и спектакль! Определили: убийство Сарсенбаева не политическое, а бытовое. Преступники обозначены и осуждены. Все получили по заслугам. И нечего шушукаться по углам. Всё ясно, справедливо. Наверху виновных абсолютно нет. Болды. Бітті...

1 сентября

Вечером узнал новость: Рахат Алиев в «Караване» опубликовал перл, доказывая, что для Казахстана лучший государственный строй – монархия... Ай да Рахат! Неужто сам додумался? Титан мысли! Гигант! А по мне хоть каменный век. О, Аллах, чего только не услышишь в Казахстане?!

Неужели он это говорит всерьёз?! Или просто дурачит казахстанских умников?

5 сентября

Вечером Баққожа сообщил, что по слухам меня опять ввели в Комиссию по госпремиям. Только зачем мне это нужно? Копаться в чужом дерьме? Уже сейчас претендентов набирается человек тридцать. А? Каково? Көтке қарау жоқ.

12 сентября

Мощно провели жигиты день рождения убиенного Алтынбека. И ас был великолепен. Прекрасные речи! Гибель Алтынбека разбудила многих казахов. Но далеко не всех... Прекрасно вели ас Баккожа и Болат... Хорошо издали две книги Алтынбека. А книга воспоминаний о нём выйдет в ноябре.

А «Жас алаш» дал мои воспоминания. Хорошо дали. Обрадовался.

13 сентября

С утра (ещё до 8-ми) позвонил из Усть-Каменогорска Бошай-аға Кітапбаев. Темпераментно и напористо (в 82 года!) расспросил о моем здоровье, подчеркнул, что я, мол, нужный человек, вспомнил Ленина, который образовал Казахстан, ругнул «суболыша» Сталина, который, дескать, был против образования Киркрая, сообщил, что в газете «Қазақ» вышла его статья о МТС («Онсыз Қазақстанның ауыл шаруашылығы құриды»), о ленинской работе «О кооперации», о необходимости восстановления этого хозяйственного института, о статье одного монгола с двумя высшими образованиями, написавшего в «Казправду» статью о том, что монголам есть чему учиться у Казахстана, о религиозном Форуме в Астане, о далай-ламе и т.д. Всё это Бошай-аға остроумно и едко изложил, заключив свою тираду словами Шакарима: «Тура тисе, оңдырмас тіл жарасы». Бошай-аға – симпатичный старина. Все знает, много читает, и до всему ему есть дело. Высокого полёта гражданин!

Сдал Б. Шаханову документы на соискание Государственной премии. Руководствуюсь принципом, в душе сознавая, что ничего мне не светит. Искренне поддерживают меня Баққожа, Тынымбай и Оразбек. Они по-братски желают мне добра. Увы, далеко не всё так настроены. Вот когда половина казахов и одна треть русских получат Госпремии, тогда, возможно, дойдёт черёд и до немца Бельгера. А поскольку мне уже 72, то шансов у меня и вовсе нет. Скажут: Э, ему-то премия зачем?

Действительно, по-казахски это называется пендешілік.

А давление между тем подскочило до 195/99, а на днях поднялось до 222. Вот тебе и результат разных нервотрёпок. Артыңды қысып жатпайсың ба, Гереке?

14 сентября

Кошут прислал из Берлина 20 стихотворений Абая в переводе на немецкий язык. Он работал над этими стихами почти три года, а я консультировал, объяснял, подбадривал, обеспечивал подстрочниками. Переводы вполне хорошие. Абай отменно заговорил по-немецки.

Теперь задача: издать две книжки. Одну – в Германии. Моё эссе об Абае («Die Höhe»), 20 стихотворений Абая в переводе Лео Кошута и моя статья «На пути к немецкому Абаю». Будет миленькая книжка и издадут её в серии «Казахстанская библиотека» (Абай, Нурпеисов, Кекильбаев, Олжас, я).

А в Казахстане книгу думаю издать на трёх языках: на казахском, русском и немецком. Т.е. 20 стихотворений трижды плюс мои предисловие и послесловие. Книжка потянет листов на шесть. Но надо издать хорошо. Кто спонсирует? В чьи двери постучаться? Издать Абая на немецком – моя давняя мечта. Но лично у меня на это средств нет. Надо у кого-то просить. А я это не умею.

15 сентября

Поразила меня подборка стихов Есенбая Дуйсенбайұлы в «Жас алаше». Дивные стихи! Отменная гражданская позиция!

Особенно понравилось вот это:

Тұман, тұман, тұман.
Тұр не күтіп әріде?
Бәрі де күмән,
Күмән, күмән, күмән.

Тұман, тұман, тұман.
Жаманшылық тұс па
Жаһанданған мынау?
Қанатты құс та
Ұшса – мерт құлау.
Құлау, құлау, құлау,
Тұмау, тұмау, тұмау.
Адасып қыз, ұл жүр,
Не күтіп тұр әріде?
Бәріде бұлдыр.
Бұлдыр, бұлдыр, бұлдыр,
Құрғыр, құрғыр, құрғыр
Тұман. Күмән. Бұлдыр.

Какая картина! Какая словопись! Какой настрой! Вот поэт! Воссоздал картину нашего общества. Сотня статей политологов, экономистов, публицистов не скажут того, что так точно и зримо обозначил поэт Есенбай. Молодец!

16 сентября

Вчера был на презентации перевода Зифы Ауэзовой «Дивани лұғат ат-Түрк» Махмуда Кашгари в Доме-музее Мухтара Ауэзова. Собралась прекрасная публика: учёные, писатели, журналисты, интеллектуалы. Мне было приятно общество образованных людей: чувствуешь себя человеком, причастным к подлинной культуре. Поговорил с Муратом, с Зифой, Болатханом, Канапьяновым, Б. Казгуловым, Меруерт Абусеитовой, Сафаром Абдулло, Магауиным, Сатимжаном, Кодаром... не буду всех перечислять.

Приятно было слушать Зифу. Умница! Весьма глубокий, обстоятельный доклад. Вёл презентацию Мурат Мухтарович. Всё естественно, изящно. На фуршете Мурат хотел было предоставить мне слово, но я отказался: к чему общие слова среди специалистов?.. Вернулся очень довольный.

17 сентября

Утром, одеваясь, зашатался и еле удержался за спинку. В глазах потемнело. Измерил давление: 222/106. Вот-те раз!

Но после обеда потащился в Оперный театр на 70-летие Алмалинского района. Накануне в «Известиях» вышла моя статья. «Айналайын Алмалы», вот Назымбек Бокай и пригласил меня на торжество.

Два часа продержался, а на банкет не остался.

19 сентября

Вчера весь вечер читал Кюхельбекера. Я его очень чувствую, будто брата. И стихи читал, и дневники, и судьбу его в который раз пережил. Какой одинокий, трагический человек! Читал, содрогаясь душой. Очень он мне близок. Вспомнил и я своих умерших друзей, близких, родителей, расчувствовался до слёз, явственно ощутил себя Кюхельбекером в одиночестве и изгнании.

Он, друг и современник Пушкина, а Пушкин всегда современен, не чувствуешь, что он родился более 200 лет назад. Кюхельбекер же архаичен в языке, напыщен, старомоден, высокопарен, многословен. Это сразу бросается в глаза. Он, немец, был первым

славянофилом. Русским языком он овладел позже, а так проникся древним русским духом. Поразительно! Это всё равно как если бы я заговорил по-казахски языком акынов и жырау XVIII-го века.

Какая, однако, тройка друзей: Дельвиг, Кюхельбекер, Пушкин! Двое немцы, третий – полу-эфиоп, полу-немец, а все прославили русскую изящную словесность.

22 сентября

Много пишут о зарплатах наших чиновников. Зарплата некого Карибжанова («Казахтелеком») 365 тыс. (!) – нет, не тенге – долларов, в месяц; у кого-то – тоже ничтожный человечек, даже имя не запомнил – 100 тыс. долларов. У Мынбаева – 34 тыс. Каково?! Вот шикуют вши на теле Казахстана. В Караганде погиб 41 шахтёр, в Шымкенте ВИЧ среди детей из-за отсутствия шприцов. А эти благодетели народа не могут никак набить свои утробы-коржуны. Вот какое воровское общество мы построили...

27 сентября

Совсем расшалилось давление. Еле дотащился до Музея Ауэзова на международную конференцию. Хорошие доклады. Толковая публика. Особенно понравился мне доклад Сауытбека Абдрахманова о тюркизмах в творчестве Пушкина. Глубоко, серьёзно, убедительно. У Сауытбека хватка учёного-филолога. Моё сообщение – «Творчество Абая на немецком языке» – встретили хорошо.

Журнал «Esquire» дал мне колонку. Приятно!

1 октября

Вот и наступил месяц казан. Оразбек утверждает, что по суннитским канонам Дукенбаю за его прегрешения полагается 800 плетей (дуре). Ещё один знакомый считает, что необходимо срочно изъять весь тираж «Жан тәтті» и уничтожить (сжечь) его, дабы кощунство не распространилось в арабском мире и таким образом погасить скандал.

Надо же, на ровном месте споткнулся Дукенбаюшка. Я-то понимаю, что ничего против святынь мусульманства он не имел, просто подался художественной фантазии, уж больно увлёкся «оживляжем». Но всё это пройдёт, забудется. А вот за «Ақ орду» предстоит большой спрос. Эту фальшивую книгу будущие казахи не простят. Но Дукеш пока о том не догадывается. Он думает лишь о сиюминутной бишаринской выгоде.

Беда Дукенбая в том, что нет у него философского кредо, концепции, чёткого нравственного стержня, мировоззренческой основы. У Кекильбаева и Магауина всё это есть. Отсутствие философского «туғыра» приводит Дукенбая к тому, что сегодня он может писать о Шёлковом пути, завтра – об Абае, послезавтра – о Назарбаеве, потом – о событии 86 года... В результате вот такая печальная история...

9 октября

Из СП сообщили, о неожиданной кончине Аскара Егеубаева. 56 лет. В жизни бы не подумал. Многогранный был человек, трудоголик. Поджарый, лёгкий, увлечённый, активный. Его кончина – несправедливость. Остались у меня 2-3 его поэтические книги и трёхтомник Махмуда Кашгари... Мир праху его!

За короткий промежуток времени ушли Амина-апа (по-божески в 87 лет), Алдан Аимбетов (75), Бек Тоғысбаев (70), Евгения Доцук (45 лет), Нурболат Масанов (52), Аскар Егеубаев (56 лет). Смерть ходит рядом. И никакой справедливости.

10 октября

Из «ҚӘ» (№40) узнал о публикации Лиры Қоңыс в газ. «Дала мен қала» (№34/06) под названием «Қарлығашым келдің бе?» Автор (Лира Қоңыс) задаётся вопросом: «Мойындайықшы осы, Абайды Абай еткен кім?» И отвечает: «Өлеңі дейсіз бе? Келіспейтін шығармын». Её вывод: «Абайды Абай еткен Құнанбайдың байлығы ғой!»

Хоть стой, хоть падай. Қоңыздар да Абайды тәлкек қылатын болды.

То, что она, начинающая литературная дама, отрицает Ауэзова, Муканова, Мусрепова ещё куда ни шло. Дурной эпатаж! Атың шықпаса, жер өрте. Но чтобы так низвергнуть Абая! Что за знание, что за воспитание, что за представление, что за миропонимание?! Жағаңды ұстайсың! А я ведь давно пишу и говорю: осы қазақтар түптің түбінде жалғыз Абайын да құртып тынады. Чёрт знает что!

...А я за три недели подготовил (составил, снабдил предисловием, послесловием, комментарием) небольшую книжку: «Абай. 20 стихотворений на трёх языках». Теперь всё упирается в финансы. Ертісбаеву письмо написал. Даст ли денег? Или тоже скажет: «Пусть Кунанбай даст»? Господи, в каком унизительном положении очутился у нас литератор! Ничтожный чиновник Карибжанов кладёт себе зарплату 365 тыс. долларов в месяц, а я, немец, на издание Абая не могу найти 5 тысяч. Это разве справедливо?!

12 октября

Из вечерней программы московских новостей узнал, что Нобелевскую премию по литературе присудили турецкому писателю Орхану Памуку. Ничего его не читал, но имя его знакомо давно. Знаю, что он год назад получил премию мира. И ещё знаю, что в вопросе турецкой резни армян 1915 года он придерживается здравого смысла, за что соотечественники устроили ему обструкцию.

Тюркский мир получил своего нобелиата, и это значит, что многим тюркам на десятилетие дорога закрыта. Жаль... И Айтматов, и Нурпеисов могли бы иметь шанс.

14 октября

Премию за мир дали одному финансисту из Бангладеш – борцу с бедностью. А наши жигиты поговаривали, что премию может получить Нуреке, как борец с коррупцией... Люди предполагают, а Бог располагает.

17 октября

...После обеда час гулял под дождём с казахом из Парижа Сейткасымом Ауельбековым. Родом из Шымкента, этнолог, но уже с 1993 года живёт в Париже, там женился, жена – француженка Кароль, имеет трёх детей. Парень высокий, стройный, с парижским лоском. Час очень путано говорил мне о самосознании казахов, о месте казахов в цивилизации, о культурологических, этнологических, психологических, социальных штучках. Увлечённый малый. Видно, скучно ему в Париже. Набрал целый корджун «Рух-Мирас» и пытается создать свою мировоззренческую концепцию. Слушать его интересно, но я быстро устаю от абстрактных словес, я по натуре человек конкретный.

24 октября

Два часа беседовал с активистами движения «Болашак». Ребята мне понравились: образованные, знающие, с огнём в душе, с добрым национальным чувством. Поехал к ним с давлением 208/101, загрузив себя лекарствами.

27 октября

Из-за плохого физического состояния не смог пойти на годовщину Нуркадилова. Я в долгу перед его памятью. При случае должен написать рецензию на его литературную, переводческую книгу.

Гүлжан Е. пригласила на 90-летие своего отца. Она свободно, без акцента говорила со мной по-казахски, и меня это приятно удивило.

28 октября

Ну, вот... стукнуло мне 72. Как говорится, бұл жасқа жеткен де бар, жетпеген де бар. Весь день поздравления. Зашли жигиты из «Настоящего Ак жола», потом ребята из «Болашака», поэты, журналисты. Обласкали меня. Я же читал «Қазақ» (30 номеров!) Қоғабая, листал его книги, читал повесть Лаврентия Сона.

2 ноября

Двадцать стихотворений Абая на нем. языке плюс мои предисловие и послесловие издадут в Берлине. О том сообщил мне Кошут. 20 стихотворений Абая на трёх языках с моим послесловием, предисловием и комментариями намерен издать в Казахстане. Перед Духом Абая моя совесть будет чиста: написал о нём 4 книжки и 6 книжек составил. Разве плохо?

5 ноября

...С Сергеем Сураевичем Бошаяном (бывшим режиссёром уйгурского театра) говорили о премиальных аномалиях. Он высказал такую мысль: все ненормальности оттого, что люди плохо живут. Жили бы нормально (имеются в виду творческие люди), обеспеченно, никто ни к какой премии и не рвался бы. Если ты обеспечен и твой труд честно оплачивается, то никакой премии художнику и не надо. Всё, мол, от бедности. Я добавил: «От бедности материальной и духовной. Литератор, который, едва написав одну книгу, начинает пиарить себя и премию – разве дело? Убожество! Гонка за Госпремию у нас, в Казахстане, вообще превратилась в дикость, в глупость..»

8 ноября

Сегодня заседала Госкомиссия по госпремиям. Собралось 15 человек. Двое – Нурпеисов и Жумадилов – отсутствовали (прислали свои голоса в конвертах). Ещё двое – я и Михайлов – не участвовали в голосовании. Договорились: кто наберёт 8 голосов, допускается ко второму туру. Тайным голосованием отобрали таким образом 10 человек. За меня проголосовали 10 из 15-ти. Первым о том сообщил Баққожа. Потом позвонили Мұрат, Смағұл, Тынымбай, Оразбек, Ербол. Приятно. Но что скажет второй тур? Всё зыбко. Все 10 человек надеются, а пройдут в лучшем случае трое. А, может, и один. Попробуй набрать 3/4 голоса. Почти нереально.

12 ноября

Несколько часов листал солидный том разных документов, писем, дневников, путевых записей Ильяса Жансугурова. Очень любопытно! Дыхание той эпохи чувствуешь, осязаешь. И весьма близки мне те люди – Майлин, Жансугуров и их окружение. Сам стиль жизни. Язык. Были люди, что и говорить! И фотографии в сборнике интересны. Хорош и справочный материал.

16 ноября

По «Рахату» дали мою беседу. Целых 45 минут. С двумя музыкальными (весьма эффектными) обрамлениями. А в газете «Қазақ» дали моё письмо в поддержку уважаемого ветерана Бошай-аға Кітапбаева.

Вечером позвонил Ербол. По решению Президиума в список соискателей Госпремии включили Сабита. Вот будет скандал!

Ербол даёт мне советы: как мне следует поступать. Но не могу же я суетиться при моей ментальности и моём возрасте. Уповать я могу только на казахов. Коли жигиты решат мне премию дать – хорошо, а нет – так какой резон расшибаться в лепёшку?

17 ноября

В «Казправде» опубликован список кандидатур на Госпремию. Впечатление тягостное. Из 11 соискателей – 7 поэтов. Это говорит о неблагополучии литературы. Из «инородцев» я один. Нарушений много. Кандидаты развернули жуткую активность. В «доду» вовлечены акимы, министры, «ағашки», жёны, родовые отношения – всё. Чувствуется: грядёт тотальная несправедливость. Неудобно, что и я встрял в эту тараканью возню.

18 ноября

Начал с карандашом читать большую статью Құл-Мұхаммеда о книге Анастасьева «Мухтар Ауэзов: трагедия триумфатора». Весьма серьёзная, глубокая статья! Құл-Мұхаммед – мощный аналитик.

24 ноября

Дулат Исабеков затеял новый журнал «Мәдениет». Несомненно, событие. Первый номер мне понравился. Сегодня была презентация в пресс-центре. И я выступил в поддержку, дал интервью. Были Головинский, Бадиков, Арцишевский, Бопежанова, Матаев, телевизионщики, журналисты. Что и говорить, журнал нужный. Но как пойдёт дело – Аллах весть. Но, думаю, Дулат потянет. Хотя трудности огромные.

25 ноября

Узнал о секретариате в Союзе писателей. Выяснили отношения с раскольниками. Был, оказывается, жёсткий разговор. Какишев в раздрае обвинил Нурпеисова. Мол, оттуда ветер дует. Некоторые полагают, что весь сыр-бор из-за здания СП и Дома творчества. Не могу судить. Но возня эта мне не по душе. Авторитет СП окончательно улетучивается.

26 ноября

Перечитываю очерк К. Чуковского «Антон Чехов». Корней Иванович пишет: «Когда он умер, после него осталось не только двадцать томов всемирно-прославленной прозы, но четыре деревенские школы, да шоссейная дорога на Лопасню, да библиотека для целого города, да памятник Петру, да колокольня, да посеянный на пустоши лес, да два замечательных сада».

А кроме того, Чехов бесплатно лечил крестьян, устраивал разные судьбы, принимал бесчисленных гостей, путешествовал по миру. Всех его деяний и не перечислишь. Прожил же всего 44 года.

И подумалось: Есть ли среди казахских жазушылар хоть один, кто мог бы по писательским, гражданским и человеческим качествам хоть чуть-чуть приблизиться к Чехову? Ай, нет. Банальный пендешілік – вот что губит нынешних писак.

29 ноября

Был в Национальной библиотеке на научно-практической конференции «Сөйлейді Пушкин қазақша». Выступил с коротким докладом, дал два-три интервью, пять-шесть автографов, фотографировался с келиншеками из областей. Отношение доброе, и у меня поднялось настроение. Одарили меня разными книгами. А потом узнал, что в «Книголюбе» вышли две мои рецензии.

30 ноября

Полистал книгу одной байбише. Даже имени её не запомнил. 18 п.л. дамского вздора. Она на пенсии. Семеро детей. Взвод внуков. А она строчит вирши. Неумелые, корявые, спотыкливые. Посвящения близким, знакомым, соседям. Дастарханная чушь. Потом эту беспомощную дребедень издаёт. Бродит по литературным тусовкам, раздаёт и просит мнения. Ужас! А ведь окончила ЖенПИ и даже преподавала казахский язык.

Ещё один лауреат из Китая издал многотомник. Безграмотность вопиющая. Будто с Луны свалился. Литература никакая. Балдыр батпақ! Бодяга! Строго и сердито смотрит на меня Гегель: «О Готт! И ты это читаешь?!»

4 декабря

Зима. Хмуро. Весь болен. Занимаюсь малозначительными делами. Читаю всякую чушь. Пришла в голову идея: оформить телефонные разговоры с Музафаром. Чем не статья для «Мәдениет» или «Парасат»? Написал за день аж восемь страниц. Назвал: «Гера, амансың ба? Мен Мұзафар ғой».

За три дня, думаю, сделаю.

Из «Казправды» узнал, что в «Ниве» вышло моё «Плетенье чепухи», о котором добро отозвалась Марьям Джолдасбекова. Вторая часть моих дневников вышла в «Просторе», что-то – в «Евразии» и «Книголюбе». Но ничего пока не видел.

11 декабря

В «ЛГ» прочёл любопытный материал о Маркусе Вольфе. Оказывается, его отец, Фридрих Вольф, был еврей. А у Маркуса было три жены, пятеро детей и 11 внуков.

Позвонил из СП: скончался Геннадий Толмачёв. Тяжело болел. Рак. 67 лет. Я знавал его лет 20-25. Правда, неблизко.

13 декабря

Ну, вот, всё и решилось. Прошло долгожданное заседание Комиссии по госпремиям. Вечером от Мурата А. узнал, что казахи «отвалили» мне 11 голосов. Значит, многие из казалось бы самых верных и надёжных запросто зачеркнули меня. Пакость я ожидал, но не в такой степени. Полагал, что наберу минимум голосов 16. Мурат говорит: «Вот вы и получили возможность ещё раз убедиться в казахской ментальности. Вы же лучше нас знаете. Не расстраивайтесь. Совершенно непонятная карусель. Немыслимо понять. И объяснить невозможно».

Он прав, Мурат. А мне урок. Не надо мне, немцу, лезть в казахскую доду.

17 декабря

600 человек наградил Президент в День независимости. Из писателей семеро получили «Парасат», семеро – «Құрмет», шестеро – заслуженного деятеля.

Человек семь звонили мне. Утешают. Не держи, мол, зла на казахов. А я и не держу.

Написал три статьи для журнала «Esquire». Вечером по 31-каналу показали жуткие вещи: умирающий аул, несчастные казахи, дети-сироты, приют, 40% нищеты. Жуть! Спид, наркомания в Темиртау. И всё это на фоне хвастливых речей и эйфории власти.

18 декабря

Звонил Шота В.

– Слушай, я расстроен.

– Не ты один.

– Что, друг твой постарался?

– Может быть.

– Втихаря?

– Не знаю.

– Но ты не отчаивайся. В конце концов не ради премий работаем.

– Ты прав.

– Дай Аллах нам силы и здоровья, чтобы закончить задуманное.

– Согласен.

– Ну, бывай.

– Будь!

Такой вот разговор.

Звонил Баққожа. У него плеврит. Откачали литр жидкости. Поведал о некоторых деталях голосования. Он засомневался в некоторых моих друзьях. Что ж… может быть. По казахской ментальности, может быть даже то, что быть не может.

21 декабря

В институте литературы и искусства помянули 80-летие Н.С. Ровенского. Были Елеукенов, Бадиков, Арцишевский, А. Смакова, Ананьева, Алма, Айнур, сотрудники отдела, преподаватели, писатели, учёные-келиншеки.

В 9 вечера по 31-каналу услышал потрясающую весть: от сердечного приступа скончался Туркменбаши, великий сардар, сам себе памятник, философ, поэт, герой, лауреат всех премий, самый-самый, супер-супер Сапармурад Ниязов. Таков финал. Был сардар – нет сардара. Мнил себя наместником Бога на земле, а превратился в прах, как и все человеки. Кому урок?

Не тираны виноваты, а рабы, их вознесущие. Так было – так будет. Никого ничему история не учит.

22 декабря

После обеда отвезли в Музей Ауэзова на презентацию книги «Кулагер». И книга хороша, и презентация прошла великолепно. Вдохновенно говорил Мурат А., Б. Джилкибаев, Ильфа Ильясовна, С. Боранбаева, Бахытжан К., Нагима. Очень тёплая атмосфера. И меня приняли хорошо. Познакомился с милой посольской четой из Индии – Ванитой Синкх Мукерджи и её супругом Ашоком Мукерджи.

24 декабря

Серая мгла. Туман.

Тұман... тұман... тұман...

Күмән... күмән... күмән...

Көңілде алаң

Давление 189/91. Были Есенгул Кәпқызы и её муж Бахытбек. Минут 50 давал интервью для новогоднего номера «Туркестана».

Баққожа 13 дней пролежал в больнице, а не долечился. Намерен лечь ещё раз.

25 декабря

Получил новогоднее поздравление от Президента, сәлемдеме (традиционный соғым) от мэра Алматы. Рад, что меня не забывают.

27 декабря

...Вчера поздно вечером позвонил Бошай-аға. Он развернул «Казправду» и в числе лауреатов не увидел меня. Это его поразило. «Ұят болды». Сені сөз жоқ алады деген сенімде едім. Бүйткен премиясының енесін... Ыңғайсызданып қалдым. Иттік болды». Утешил меня Бошай-аға: «Аман болайық».

Прикинул, что я сделал за этот год. Издал 4 книги (две, правда, ещё на подходе), подготовил ещё две рукописи. Разве плохо? Тәуба, тәуба...

28 декабря

Умер президент США Джеральд Форд, прожив 93 года 166 дней. Рональд Рейган прожил 93 года и 120 дней. Мой отец прожил 93 года и 74 дня...

В «DAZ» вышла моя статья «Дар судьбы». Это моя 1344-ая публикация.

31 декабря

Потрясла казнь Саддама Хусейна. Держался он достойно. Зрелище мерзкое. О справедливости, о возмездии судить не мне. Конечно, урок. Но тираны уроков из истории не извлекают...

Поздравил, а потом зашёл Владимиров. Мило покалякали. Звонил Бадиков, сообщил, что назревает русская литературная газета. Поздравлений много. На носу Новый год.

2007

1 января

Пальба в честь Нового года продолжалась до 4-х утра. С вечера до полуночи меня успели поздравить 51 человек – из Германии, из Узбекистана, Москвы, Кыргызстана, Хакасии, Алма-Аты.

По словам Владимирова, «Казахстанская правда» на меня в обиде. Моё замечание о ней («открыл-закрыл») приняли на свой счёт многие толковые журналисты. Зря! Журналисты толковые, способные, умные (я-то знаю!), но пишут КАК НАДО, отсюда и

газета пресная, деревянная, никакая. Надо писать так, КАК думаешь и ЧТО думаешь, а не как надо дяде. Если бы те же самые журналисты работали в других газетах, им бы цены не было. А так –нанятые слуги, рабы. Варят такую мамалыгу, что аж тошно.

В Алматы приехал Президент. Слух идёт, что забирает Таса. Тас везде нужен.

2 января

Позвонили из СП: скончался партизан Касым Кайсенов в возрасте 88 лет. Уникальная была личность.

Супруга посла Индии в Казахстане Ашока Мукерджи Ванита Мукерджи Сингх (весьма обаятельная молодая женщина) прислала мне презент, поблагодарив за мою «Ода переводу». Я с ней познакомился в Музее Ауэзова. Оказалось, она славист и писатель, училась в Белграде, перевела Иво Андрича. Уже 9-го супруги уезжают в Лондон.

5 января

Очень плохо мне физически. Грудь заложена. Горло свистит. Легкая температура. Слабость. Видно, бронхит. Или сахар поднялся.

Читаю «Современную западную философию» Греты. Пока читаю интересно, перестал читать – в башке каша. Видно, в моём возрасте уже сложно отличать Кьеркегора от Дерриды, Адорно от Хайдеггера. Это под силу только Ауесхану Кодару.

Узнал, что Баккоже худо с легкими. Едет с сыном в Германию на лечение.

7 января

Много талантливых людей в России, много личностей. Это стало видно даже по новогодним концертам. Казахстан по этой части смотрится бледно. На Новый год и Независимость даже не было ни одного приличного концерта. Всё серо. Ну, просто нет таких, как Лещенко, Зыкина, Басков, Кобзон, Винокур, которые могут всё и спеть, и сплясать, и спародировать, и держать публику в восторге. Хвастовства, спеси много, а в общем, пусто. Что ни говори, а культура у нас не блещет. Конечно, не скажешь, что ничего нет, но то, что есть – мало. Не умеют показать даже то, что имеем.

8 января

Часа два вечером читал переписку братьев Маннов. Читаю не в первый раз. Поразительно! Какой интеллект! Какой стиль! Какой масштаб! Читаешь и ликуешь. И с омерзеньем вспоминаешь тех писак, которые тебя ныне окружают. Знаю: 90% казахских писателей ни Маннов, ни Гессе не читали. Дух человеческий явно деградирует.

Вечером объявили об отставке правительства. По-разному комментируют. «Мавр сделал своё дело, Мавр может уходить». Полагают, что грядут новые реформы, а потому, дескать, нужна новая команда. Сидел Ахметов дольше всех: три с половиной года. У меня к нему претензий нет. А у Президента, видно, есть. Ай, всё это банальная мышиная возня. Нужны порыв, прорыв, новые силы.

Листал американскую поэзию в русском переводе. Восхитился переводом «Ворона» Э. По. Один перевод принадлежит М. Зенкевичу, другой Бальмонту. Не знаю, как лексически, но по форме, рифмовке, ритмике, стилистике оба перевода прекрасны. Если бы казахов переводили на таком уровне!

Улетая в Лондон, милая Ванита Мукерджи Сингх прислала мне напоследок разные презенты: книги, миниатюры, статуэтку, ручки из парижской коллекции.

16 января

Вчера на рассвете повесили двух сподвижников Саддама. По этому поводу «Азаттық» брала у меня интервью.

Ещё одна кызымка позвонила из «Қазақ әдебиеті»: «Что я жду от нового правительства?» Ответил: «Ничего не жду. Всё по-старому. Реформ не будет. Ибо реформаторов нет. У нас ведь всё стабильно. На месте Мыркымбая, пришёл Қыртымбай. Чего ждать-то?»

18 января

Из МИДа занесли письмо Касым-Жомарта Токаева (тепло отозвался о моём «Плетении чепухи») и новогоднюю открытку.

Позвонили из «Комсомольской правды». Опрос: «Кого бы захотел заключить в объятия?» Ответил: «Отца, если был бы жив. Из живых – жену, дочь, внука». «И всё?» «Всё. Остальные обойдутся рукопожатием или кивком головы».

24 января

Перед сном читал «Персидскую прозу». Советы «Кабуснаме» звучат весьма любопытно и актуально.

Ещё читал книгу Сауытбека «Коран и Пушкин» Молодец! Толковую книгу издал.

Узнал, что Магауин уехал на ПМЖ в Прагу. О том он мне говорил месяца два-три назад. И чем он будет там заниматься? Возможно, задумал что-нибудь грандиозное. Я, наверное, так бы не смог. Слишком прирос к Казахстану. Думаю, и Мухтар долго в Европе не выдержит. Не печататься же ему в Праге.

28 января

Можно подумать, что уже март во дворе. Тепло. Тихо. Птичье племя ожило. Целый хор. «Тиви-тиви-тиви» – монотонно раздаётся в одном углу. «Ти-ти-ти» – отзывается в другом. «Х-хря» – зловеще огрызаются афганские скворцы. Высоко и задумчиво проносятся вороны. По кустам весёлой стайкой порхают воробьи. Весенний дух. Обманчиво всё это.

В «Литературной Алма-Ате» вышли две мои вещи.

Баккожа всё ещё лечится в Германии.

3 февраля

На исходе ночи прошёлся мелкий снежок. Но к 7 утра он уже перестал, небо местами прояснилось, там-сям лениво плыли лишь белесые облака. Показался молодой месяц. Занимается ясный день. А я, точно старый верблюд, встаю на ноги после третьей раскачки, преодолевая боль в суставах и спине. Во мне сорок болезней. И я по-прежнему шкрябаю пером.

Назарбаев встретился с Ющенко. Всё успешно, всё о'кей.

4 февраля

Вчера, уже поздно, позвонил сын Галымжана Муканова, сообщил, что отец долго пролежал в коме, а вчера в обед скончался.

Я видел его в жизни, кажется, только раз. Но читал его статьи, переводы, много говорил с ним по телефону, бывала у меня его вторая жена.

Жил Галымжан трудно, неприкаянно. После того, как отняли ногу, был долго в смятении, в отчаянии, в депрессии. Но друзья его поддерживали, Тас квартиру дал, он ожил было, строил большие планы, намеревался переводить на французский «Путь Абая», многое другое. Делился со мной. Мыслил и говорил сумбурно, и я не всегда его понимал. Человек был интересный и талантливый. Пытливый. Но жизнь не сложилась. Остался у меня его Абай в французском переводе. Жаль, жаль...

В 7 утра позвонил из Өскемена Бошай-аға. Говорил очень мило и сочувственно. «Саған қазақша ат қойдым. Сені Бекзат деймін. Бекзатсың ғой сен вообще».

Узнавал, получил ли я премию «Тарлан». Радовался за тех, кто получил. Бошай-аға – молодец! У него большое, доброе сердце.

Удачный был день, хоть и понедельник. Переделал уйму дел. Все нужные люди – Дидар, Сагин-Гирей, Айгуль, Мереке, Рысбек, диссертантка из Кокшетау, Музафар – все оказались на месте. С интересом прочитал повесть Щеголихина в «Просторе» №1.

10 февраля

Снова плету чепуху, т.е. продолжаю «Плетенье чепухи». Кое-какие мыслята накопились, надо их изложить. Авось пригодится.

Полчаса поговорил с Щеголихиным о том, о сём (отправная точка – его повесть). Я чувствую: не все у него ладно. Держится хорошо, достойно, мужественно. Но сердце его, как у Абая, из сорока заплаток. Возраст, одиночество, болезни, потеря сына и многое другое, понятно, не вызывает оптимизма. «Очень мало читаю. Ни с кем не общаюсь».

Мне Щеголихин симпатичен. Знаю его 42 года. Какие-то его взгляды не по мне. Но в моей литературной судьбе он сыграл большую и положительную роль. И я это всегда с благодарностью помню.

Состояние скверное. Диабет даёт о себе знать. Сердце ёкает, давление прыгает, коленный сустав окостеневает, спина болит. Только во время работы и забываюсь.

11 февраля

Вчера урывками смотрел эпизоды из «Дуэли Пушкина». Отвратительно! Безруков в роли Пушкина мерзок. До этого он испоганил Есенина. Теперь испаскудил Пушкина. Боюсь, доберётся и до Достоевского. Вот пошляк!

14 февраля

Казахское проклятие: күнің тұман болсын, ауруың тұмау болсын.

Так и у меня: опять тымау, а во дворе – тұман. Скончался Сагынгали Сеитов: через 9 месяцев ему исполнилось бы 90. Я его знавал. Правда, последние 10-15 лет не видел. Мне нравились его поэтические миниатюры.

В «Экспресс К» (13.02) обнародован состав жюри по присуждению премии имени Геннадия Толмачёва: Олжас, Сейітқазы, Адылхан Нусупов, Гр. Дильдяев, Н. Оразалин, Бельгер, Шамшидин Паттеев.

17 февраля

До чего же мне худо! Сплю плохо. Снится всякая чушь. Всё болит. Сплошной маразм. Значит, сегодня не работник. Хотел дотащиться до почты, но нет сил. И-и-и, Алла!.. Стремительно убывает жизненная энергия.

19 февраля

Снегопад. Состояние мизерабельное. Два часа беседовал с Е. Турсуновым. Я давно отношусь к нему с симпатией. Современный молодой человек. Трезво мыслит. Хорошая хватка. Рассуждает чётко. Я по сравнению с ним аульный Мамбет. Отсталый и беспомощный. И меня уже не исправить. Звонила Жулдыз из «Жас алаша». Завтра заедет в 11 часов. Открыли новую рубрику: «Екеу ара әнгіме». Хотят начать с меня.

21 февраля

Утром по радио услышал, что Роллан С. «отхватил» кубинский орден. Три месяца назад он получил польский орден. Месяц назад премию «Тарлан». Собирает Роллан урожай. Заслужил. И прозаик крепкий, и издатель, и редактор, и деятель. Рад за него.

Позавчера скончался Сабит Жусупов, социолог. Я его знавал. Он был здравый, мыслящий, социолог и политолог.

А сегодня пришла другая ошеломляющая весть: скончался Болатхан Тайжанов, дипломат, деятель, мыслитель. Знал его с 1993 г. Последний раз говорил по телефону 1 января нынешнего года. По ТВ видел часто. А интервью в «Жас алаше» читал три дня назад. Никогда не слышал, чтобы он жаловался на здоровье. В «Доде» бывал часто Алдияром. Был умница и патриот. У него были свои принципы, взгляды. Целенаправленно, убеждённо ратовал за всё казахское. Мы симпатизировали друг другу. Помню, когда я находился в Копенгагене, звонил однажды вечером из Каира.

А ближе к вечеру позвонили из СП и сообщили, что скончался Сайлаубек Пернебаев, фотокор. Все писатели его знали. Я его знавал с 60-х годов.

За два дня трое знакомых скончались. Задумаешься...

23 февраля

Вечером позвонили из СП: скончался Сафуан Шаймерденов. Лет 15 его совсем не было слышно. Я его впервые видел ещё в ауле в 1952 году. К кому-то он тогда приезжал. Высокий, поджарый, в спортивном костюме. Наши отношения не заладились. Мне он в своё время много крови попортил, писал на меня кляузы в ЦК, в «Казправду», организовал однажды травлю в Союзе писателей. Бог ему судья. Мужик был гонористый, ершистый, амбициозный. Прожил почти 85 лет. Однажды у Нурпеисова мы играли в шахматы. Он считал себя сильным шахматистом. Но уже в дебюте я выиграл у него фигуру за пешку. Он просил ход назад. Я не позволил. Он часа три отчаянно сопротивлялся, но я его дожал. После этого случая наши отношения совсем разладились.

25 февраля

Говорил с Баккожой по телефону. Он подробно поведал о германских впечатлениях, о курсе лечения. В середине апреля должен ехать на повторный курс. Хочет испытать и нетрадиционное лечение в Китае. Говорит: устал, обессилел, исхудал. Рассуждает здраво, трезво. Все его наблюдения живы. Вообще милейший человек!

28 февраля

Сегодня Президент выступит на совместном заседании палат с очередным посланием народу. На этот раз ставит задачи на 10 лет вперёд. И депутаты уже вчера выступили в духе «одобрямс». А сегодня с утра радио поёт «аллилуйю», ещё не ознакомившись с текстом послания. Начинается подхалимская компания в духе туркменбаши.

1 марта

Небо чистое. Не стылое. Занимается солнечный день. Весной, однако, не пахнет. И птички затаились.

И даже снится литературная чушь. Всю ночь писал во сне отзыв на творчество Кадыра. Макал перо в чернильницу, а там вместо чернил одни засохшие осы. И тут же рядом оказывается Нурпеисов. Маленький, худой, высохший старичок-сморчок. Он внушает мне, что Такен Алимкулов коварный интриган. Меня это раздражает, и я говорю: «Больше, чем вы?!» Нурпеисов становится серым, жует губами, хлопает ресницами, еле сдерживается. И я чувствую: сейчас он лопнет от злости. И я добавляю: «У Такена природный богатый язык. Он у него льётся свободно, без натуги. А ваш язык искусственный, вымученный, изнасильствованный». Нурпеисов, еле сдерживаясь, хрипит: «Как вымученный?!» И тут я просыпаюсь. И с какой стати этот дурацкий сон?

3 марта

Теперь я знаю своих предков.

Начало Андреас Бельгер (1727), который в 1767 году из Заксен Анхальта подался в Россию с женой Марией и четырьмя детьми. От него пошёл Христьян Бельгер (1756), от него – Йоганнес (1792), от него – Хайнрих (1822), от него – Фридрих (1861), от него – Карл (1909), от него – Герольд (1934), от него – Ирина (1959), от него – Всеволод (1988), от него – Юлиана (2006). Такая вот цепочка.

6 марта

Шота В. снял копию моей статьи и самолично занёс домой, что меня смутило: князь, величина, старше меня на два года, а сходил в свой офис, снял копию и не секретаршу прислал, а сам занёс.

Он был у меня до обеда, пожаловался на зрение, лежал в больнице, написал два приличных стихотворения, оставил мне. О том, о сём поговорили. Тревожит его многое из того, что происходит в мире. По привычке, дружески посмеялся по поводу моего скудного угощения: «Ойпырмай, немістің үйінен тойып шығатын болдық қой!»

А утром позвонил Бахытжан Канапьянов, выразил свою благодарность по поводу моей беседы в «Жас алаш». Сообщил, что издал пока 4 тома своего собрания сочинения. А всего издаст 9 томов. Оказывается, на свои деньги он издал 50 сборников поэтов. Пусть малым тиражом, но издал. «Зачтётся», – сказал я ему. «На небесах», – ответил он.

Бахытжан мне издавна симпатичен. Он истинный культуртрегер. И без всякой подлянки в душе.

11 марта

Дочитал огромный роман Роллана «Мёртвые бродят в песках». Мощно, серьёзно, масштабно. Намного значительнее романа Нурпеисова на ту же тему. Поразительно много схожего в этих двух романах – в теме, сюжете, ситуациях, мифических образах, композиции, коллизиях просто диву даёшься, как это у них получилось. Роллан написал свой роман ещё в 80-х годах. Нурпеисов завершил свою дилогию в начале нового века. Разумеется, никто ни у кого не заимствовал. И тем не менее схожего в каждой главе. Тема одна, география одна, судьба героев одна. Но у Роллана всё шире, многопластовей, мобильней, и герои прописаны психологически достоверней. Не знаю,

читал ли Роллан «Долг» Нурпеисова, но что последний не читал первого – точно. Но схожесть, параллели этих двух романов могут сбить с толку дотошных исследователей. Просто удивительно!

13 марта

Около 7 утра позвонил из Өскемена Бошеке Кітапбаев. С утра достал «Жас Алаш» с моим интервью. Прочёл и меня, и «Хор қызы». Сказал: «Әйелдің ана болғаны дұрыс қой, вообще. Әйтпесе кім көрінгеннің қолжаулығы болып кетеді».

И ещё сказал: «Мен ауыл шаруашылығын әжептеуір білем ғой. Ауыл шаруашылығы бізде жатып қалды ғой. Көтермесе болмайды. Қайтып көтеру керек? Осы жайында мақала жазсам ба деймін. Бірақ, жасым 83-те. Қиындау ғой. 63 жылдан бері протезбен жүрмін. Сен аяғыңды сылти басып жүгергенмен, аяқ өзіңдікі ғой».

...Звонили из СП: скончался Сайын Мұратбеков. Долго болел. Госпремию успел получить три месяца назад, а през. стипендию – за неделю до кончины. Я видел его в последний раз года четыре назад. Диабет уже тогда его грыз активно. А познакомились мы с ним в общежитии КазПИ в 1962 году, куда однажды привёл его к себе Аскар (Сулейменов). Их было трое: Сайын, Зейнулла С. и третий, кажется, Калихан (не очень уверен). Тесно мы никогда не сближались, но сорок лет шли рядом, часто сталкивались, беседовали. Он был секретарём СП, инструктором ЦК, директором издательства, и у нас было немало общих дел. В молодости был он сытый, гладкий, курчавый, милый барашек. Мягкий, улыбчивый. Хороший прозаик. В литературе работал честно, хотя «писучим» не был. В октябре прошлого года ему исполнилось 70 лет.

...Из газет узнал о кончине дочери Бибигуль Тулегеновой, тоже певицы. Сколько смертей с начала этого года. Какой удар для Бибигуль!

22 марта

На Наурыз прилетел в Алматы Президент. Конечно, не для того, чтобы поздравить Раю с днём рождения. Встретился с Тасом. О чём речь – Бог весть.

Собрался вечером позвонить Баккоже, а он меня опередил. Болен серьёзно. Сил мало. Лежал в больнице. Прошёл сеанс химиотерапии. Дней 10 отдохнёт, потом ещё один сеанс, потом ещё раз съездит в Германию. Аппетит нормальный, но спит плохо. Чувствует боль. Получает систему и обезболивающие уколы. Такая жалость!

26 марта

Приходил приятный молодой человек, похожий на индуса или перса, вежливый, мягкий, деликатный казах, генеральный директор коммуникационной группы Малик Кушмуханов. По-казахски всё понимает, но предпочитает говорить по-русски. Туран-Алем-банк готовит конкурс на тему «Моя родина – Казахстан». Я согласился войти в жюри, высказал несколько идей, предложил кандидатуры, дал координаты. Дело, на мой взгляд, нужное и в принципе реальное.

29 марта

В «Тосжаргане» некий Әділет Бостанов, гражданин Казахстана (я его не знаю, полагаю, что это «говорящий» псевдоним) написал обо мне проникновенную статью. Он же, помнится, посвятил мне крепкий абзац и в «Эпохе». Навёл было справки, но никто его не знает. Жаль... Мог бы ему дать несколько своих книжек.

После обеда зашёл Ынтымак с «афганцем» Бақытбеком Смағулом. Плотный, симпатичный крепыш. Хорошие манеры. Прекрасная казахская речь. Вручил мне медаль «Қайырылымдық үшін. Сауап», удостоверение, подписанное генералом Ертаевым, две квитанции на «Жас алаш» и «Егеменді Қазақстан» и свою книгу «Мен көрген соғыс».

1 апреля

Сегодня Щеголихину 80 лет. Надеюсь, Президент наградит его «Отаном». Серика Кирабаева и Алию чествовали в Астане на всю катушку, одному дали «Отан», другой «Парасат». Неужто заслуги Щеголихина меньше.

Поздравил Ивана Павловича. Он отказался от всех форм чествования. Нет сил, желания, интереса. Всё в тягость. Была статья в «Казправде». Телеграмма от Кулагина.

2 апреля

Дождь. Хмурь. Уныло. Как на Голгофу плетутся ученики в школу. Верещат сороки. Тяжело хлопают крыльями вороны.

Вчера на прогулке Молодов сказал, что два года назад он был значительно бодрей. А сейчас, мол, и зарядку делает с трудом, абы как. То же и я могу о себе сказать, хотя моложе Молодова на пять лет. Сегодня зарядку сделал в напряг. И все сны невесёлые, тягостные, хлопотные. Всё что-то не ладится, не клеится. Встаёшь – бодрости никакой. С трудом, через силу себя раскачиваешь, и тут недовольно начинает ворочаться сердце. В теле свинцовая тяжесть.

...Перед сном заметил: небо вызвездилось, завтра будет ясный, солнечный день. А у меня ноет сердце. И ещё бьёт кашель. И не так я стар, как вдрызг болен.

3 апреля

...В восемь вечера позвонил из Астаны Алибек Аскаров. Спросил, как я смотрю на встречу с Президентом. Можно ли записать в список. Я признался: дело серьёзное, встречаться с Елбасы абы как, по-қазақбайски – стыдно. Надо сказать, что-то серьёзное. А я весь истратился на статьи и интервью. «Президент оның, бәрін оқи алмайды ғой. Давайте запишу на встречу ближе к осени». Договорились: когда я созрею, когда мне будет что сказать – я дам знать. И тогда, надеюсь, он меня примет. «Жақсы, Гераға». На том и порешили. Алибека поздравил с новым назначением.

5 апреля

Потащился по вызову в поликлинику. Рентген установил: пневмония. Нужно лечь в больницу. Понял: болею пневмонией три месяца. И в этом сказалось моё қазақбайство. Если бы во мне преобладала немецкость, я бы обратился к врачу ещё в январе. А так на казахский манер всё безбожно затянул... Кладут меня в больницу в ближайшие дни.

10 апреля

Вчера вечером Президент два часа беседовал с четвёркой отобранных специально журналистов. Я увлёкся перечиткой дивного рассказа Ю. Казакова «Нестор и Кир» и увидел лишь вторую половину беседы. Президент говорил в своей манере в меру правильные слова, а четвёрка послушных журналистов усердно кивала головами, подобно Акаеву или клячи на привязи. Видеть и слушать это было тягостно. Подумалось: допустить бы Гулжан Е. к беседе, она бы наверняка внесла свежую струю и оживление.

11 апреля

Вчера загремел в больницу. В терапии места не нашли, определили в I кардиологию. Диагноз: пневмония и прогрессирующая стенокардия. Уколы, капельницы, анализы и всё такое прочее. А вечером потащили в Оперный театр на торжественную церемонию награждения высших журналистских премий – «Алтын жұлдыз» и «Алтын Самрук». С трудом высидел три часа. Мне и Хасену Оралтаю (Мюнхен) вручили «Алтын Самрук» – «Золотой грифон». В дипломе указано «За выдающийся вклад в отечественную публицистику». Поднялся на сцену и что-то провякал.

15 апреля

Усердно лечусь. Весь исколот. Читаю Конфуция. Он, конечно, мудрец, но многие его сентенции слишком общи и банальны. А Гегель даже выразился в том духе, что было бы лучше, если бы высказывания Конфуция никогда не были бы переведены. Гегель, конечно, тоже мудрец, но тут он явно перемудрил.

Ещё читаю присланную из Берлина Кошутом уникальную книжицу: «Niemals hat der Dichter eine schönere erblickt» von Josseb Grischaschwili mit Bildern aus dem alten Tbilissi von Oskar Schmerling». Весёлая, колоритная, любопытная книга. Составитель Кошут, перевод – Кристиане Лихтенфельд (она переводит и мой роман).

Столкнулся в коридоре с Куанышем Султановым и Крымбеком Кушербаевым. Обнялись, расцеловались. Я этих славных жигитов давно не видел. Были они у Камала Саруаровича Ормантаева. Тот две недели лежал в коме, сейчас вроде поправляется.

Известный учёный энергетик Кежек Ысқақ, занёс две свои книжки: стихи и своё жизнеописание. В конце книги даны его раздумья. Они представляют интерес.

Вышла новая газета – «Литературная газета Казахстана». Редактор А. Арцишевский. Конечно, такая газета давно нужна. Хорошая статья Н.Черновой «Эпоха У.Е.».

19 апреля

Я дома! Я на свободе! В больнице пробыл 9 суток. Едва дотащился домой – поток звонков. А мне нужно месяц адаптироваться. Я как наркоман в пору ломки.

21 апреля

Перед глазами стоит вчерашний Салық Зиманов на презентации двухтомника Михаила Исиналиева. 86 лет. Но года его не берут. Прямой, подтянутый. Говорит чётко, мыслит ясно. Улыбчив, светел. Пока я раскачивался, преодолевая боль в спине, и встал, намереваясь подойти к нему и поздороваться, он, опередив меня, легко подошёл и приветливо пожал мне руку. О нём не скажешь: «Шал». Мужчина! Приятная личность!

23 апреля

Рецензии свои пристроил. Теперь мне бы издать книжку об Абае, роман «Разлад», дневник «Тень дней минувших», «Вблизи и рядом», «Қазақ дәптері» и «Резюме». То есть, ещё 6 рукописей. После этого у меня бы голова об изданиях не болела.

26 апреля

Звонил Щеголихин. Он прочёл мои дневники в №4 «Простора». Встревожился. Речь идёт о декабрьских событиях 1986 года. Я, мол, сказал правду. Но эта правда кое-кому, дескать, придётся не по душе. И будут звонки, упоминание в печати, атака наци-

оналистов на меня. Мол, поберегитесь, будьте спокойны. Может, есть смысл на неделю отключить телефон.

Что уж я такое написал там, что добрейший Иван Павлович встревожился. Тут же нашёл распечатку, прочёл, ничего крамольного не нашёл. Есть кое-какие нюансы, которые 20 лет спустя имеют иную трактовку. Но тогда я думал именно так и писал так, как видел, как понимал. Так что не думаю, что я кого-то задел или растревожил. Не буду же задним числом что-то редактировать, переиначивать.

28 апреля

...Вчера сообщили по радио и ТВ, что скончался Ростропович. Недавно Путин наградил его высшим Орденом, поздравил с 80-летием и вот... Он уже тогда – чувствовалось – был обречён. Маленькое личико и нос. Очень печально! Божественный дар. Избранник Земли. Титан... Потом сообщили, что скончался и Кирилл Лавров. Недавно ушёл Ульянов... Уходят гиганты культуры. Судя по всему, и Солженицыну худо.

3 мая

...Уже в десятом часу вечера неожиданно позвонил Магауин. Оказалось, что он в спешке уехал в Прагу на другой же день после голосования в Комиссии по Государственным премиям и не смог тогда сказать то, что посчитал нужным. Высказал теперь. Смысл: получилось нехорошо, ты должен был получить эту премию, да что поделаешь, твой дружок постарался, ведёт себя так, будто у него 200 лет впереди. Я вот, продолжал Муха́, перевалил возраст Пророка и не уверен, что проживу 20 лет. Подло поступили с тобой, но ты на казахов не обижайся, казахи тебя любят и популярность твоя большая. Рассказал Мухтар и о себе, приехал проведать детей, потом на 16 дней поедет в Алма-Арасан, потом – на родину предков, после чего вновь отправится в Прагу. Это Абаю некуда было деваться, у меня есть куда. Это Абаю отзывалось пустое эхо, мне же и эхо не отзывается. Понятно: политический лидер у нас Назарбаев, а кто духовный лидер? Ни за что не отгадаешь. Шаханов! Да, да... Шаханов у нас духовным лидером стал. Все газеты заполнены им. И лет через двадцать кто-то пороется в газетах и придёт к однозначному выводу, что рухани көсем в Казахстане был Шаханов.

В этом духе, в своём стиле – рассудительно, остро и метко – говорил Магауин минут 15 и очень искренне простился: «Ал, сау бол!» Сообщил ещё, что за это время написал пять рассказов и короткий роман. Приятно поговорили. Собственно, говорил только он, я лишь поддакивал.

«Жазушы емес», – сказал он об одном знакомом.

7 мая

...Вечером неожиданно позвонил Баққожа. Вернулся из Германии. Обрадовал. Голос более чистый. Дыхание наладилось. Чувствуются нотки бодрости. Видно, пошёл на поправку. Лечение в Германии пошло на пользу. Мы с Раей очень обрадовались. В августе летит на очередной курс. Интересовался многим, расспрашивал, рассказывал.

9 мая

...Смотрел по ТВ фрагменты Дня победы в России. Мощно! Зрелищно! Толково! И Путин – молодец! Такое единение, такой подъём народа. Видно, как у людей теплеют лица, горят глаза, ходят желваки. Народ!

У нас, в Казахстане, к сожалению, всё проходит стандартно, трафаретно, скучно, бездушно. Конечно, Акимы стараются держать марку, но видно: им это неинтересно, душа и не думает встрепенуться, это не их победа, им это всё чуждо. И произносимые слова пустые, казённые. Душа наших чиновников заплыла жиром. Жаль. Досадно.

18 мая

...Вечером узнал новость: депутаты с подъёмом, вскакивая с мест, торжественно провозгласили Назарбаева пожизненным президентом. Дескать, пусть рулит страной, сколько захочет. Теперь это узаконить должен сам Президент. Неужели подпишет?..

Не знаю, что и сказать. Против Назарбаева ничего не имею, но такая постановка вопроса заставляет задуматься.

20 мая

...В «Туркестане» Фадли Али опубликовал большую статью о Баймырзе Хайте. Узнал, что он скончался в прошлом году в возрасте 89 лет в Кёлне. Жена его Рут – немка. Это мощная, колоритная личность – Б. Хайт. Я с ним познакомился во Дворце Республики на торжестве по случаю 150-летия Абая (1995) в перерыве. Говорили по-немецки. Он был внушителен, степенен. Держался достойно. Сразу было видно: крупный учёный, борец. Лицо суровое. Тяжёлые складки. А в глазах застыла боль, тоска. Он был яростный противник советской власти. Написал 10 книг и сотни статей (главным образом, на немецком), а тема была одна – Туркестан. Знал он арабский, турецкий, иранский языки. Разговор наш был короткий, минут пять, а человек запомнился. Я заговорил было по-казахски, но он тотчас перешёл на немецкий.

22 мая

Заехала главный редактор издательской компании «Раритет» Диана Шуканова, забрала «Дом скитальца» и предисловие Владимирова. Будет переиздавать. Через месяц – вёрстка, через два – книга. Всё это хорошо. Но гонорар обескуражил... 56 тысяч тенге. Я обомлел. Потом решил: Бог с ними. Куда денешься? Бери, что дают. Хотя для литератора (профессионального) это ужасно.

24 мая

По сообщению «Казахстанской правды», 23-го мая в Усть-Каменогорске вручили премии «Amanat». Сообщение, прочёл мне И.И. Лауреатами стали один сибирский поэт. Два прозаика (в т.ч. я), критик Бадиков, переводчик Клара С., один дебютант. Вручили диплом-сертификат, медаль Клуба Абая и 1000 долларов. Тоже хлеб.

В «Тасжаргане» вышла моя статья об Алтынбеке.

25 мая

...Был на отчетно-выборной конференции Общества охраны памятников истории и культуры. Шота провёл конференцию артистично и грациозно, соблюдая все формальности – свободно, раскованно и взаимоприемлемо. Делегаты говорили толковые вещи. Меня посадили в президиум (хотя и был без галстука), и я выдержал более двух часов. Со мной были любезны. Делегатом из Актюбинска была моя сокурсница Сара Еламанова. Много знакомых. Приятная атмосфера. Нескольким членам Казахского общества Шота вручил значок и удостоверение Почётного члена. И я стал почётным.

Снова дружно переизбрали Шоту. И сам он получил ханский чапан, звание академика и медаль Бауржана Момышулы.

Дружелюбный и щедрый был фуршет. На радостях и я выпил бокал вина. Довёз меня «афганец» Бахытбек. Вернулся с конференции в добром настроении. И жена и дочка Шоты были весьма любезны. Великолепно. Добрые души.

28 мая

Призрак рахатизма бродит по стране. Сумасбродного зятя ищут по всему свету, объявили международный розыск, хотя он и осел в Вене, обложили красными флажками, обвинили в организации преступной банды. Обвинений целый воз. Но как потом всё это спустят на тормозах? Вряд ли его арестуют. Улизнёт. Договорится...

1 июня

Закончил вчерне статью о книге переводов и стихов покойного Заманбека Нуркадилова.

Дочитал роман нобелианта Имре Кертеса «Без судьбы». Крепко сделано!

Подготовил выступление на конференции в музее Ауэзова.

Позвонила Бахыт Садыкова. Издала на франц. яз. книгу о Мустафе Шокае.

6 июня

Семь часов восседал в президиуме XIII съезда СП. Не буду описывать подробности. Главное – общался со многими. Я из правления вышел, перешёл в «Ағалар алқасы». Я от съезда ничего и не ожидал. Всё вышло, как я и предполагал. Из альтернативного Оргкомитета получился пшик. Съезд прошёл и слава Богу. Портфель дали отменный.

8 июня

...В «ЕҚ» обнаружил обзор писем, поступающих на имя Президента. Активно поддерживают его курс, его реформу и – особенно – его борьбу с зарвавшимся зятем. И кто источает верноподданнический елей? Кирабаев с женой. Олжас. Нуршаихов. Это понятно. Это в их натуре. Иначе они не могут. И потому их хвостовиляние не удивляет. А вот Калихан, Дулат, Когабай, Кодар, Смагул, Иран-гаип... – эти-то куда лезут? Они ведь талантливые люди. В чём дело?.. Стали бы писать французские, немецкие, американские писатели, узнав, что в семье Саркози, Меркель, Буша обнаружились какие-то нелады?.. Моему разумению это недоступно.

10 июня

...Был Мухит из Тараза. Пришёл со своим ноутбуком. Вошли в интернет. Два часа смотрел перечень публикаций моих и обо мне. Я такого не ожидал. Столько обо мне наворочено, что просто обомлел. Поразительно! Подумал: буду издавать «Резюме» – наверняка воспользуюсь данными Интернета.

16 июня

В «Известиях» заметка «Президент пришёл к Писателю». Путин вручил Солженицыну госпремию дома. Портрет А.И. поражает. Больной, измождённый человек. Тірі аруақ. Измучен болезнями и непосильными трудами. Он и сам знает, что жизнь на исходе. На плёнку он сказал: «При конце моей жизни я могу надеяться, что собранные

мною исторические материалы, исторические сюжеты, картины жизни и персонажи прожитых нашей страной жестоких и смутных лет вступят в сознание и память моих соотечественников». Крепко сказано!

Госпремия России составляет 180 тыс. долларов. 60% этой суммы Солженицын передал в НИИ нейрохирургии им. Бурденко. И это тоже восхитительно!

Солженицын создал свой Фонд, все деньги от издания «Гулага» отдал репрессированным, ещё даёт премию своего имени (30 тыс. долларов каждая), уже десять лет подряд, теперь ещё в НИИ отдал 3/5 премии. Способен ли хоть один казахский писатель на такое? Нет! Ни один! Я знаю одного казахского писателя, который считает себя намного выше Солженицына, пузырится, без конца издаёт свои вымученные эпопеи, кичится, из кожи лезет, считая себя классиком-патриотом, но ни на одно дело, сотворённое Солженицыным, неспособен. И вот такие навозные жуки что-то из себя ещё мнят.

Солженицын – великий человек. Жаль, что жизнь его на исходе. Но Бог в общем-то благоволит к нему. И он оправдал божий наказ.

17 июня

Перед сном листал 5-й том соч. Ахмета Байтурсынова. Могучая личность! Но писать ныне по предложенному им фонетическому принципу («селіскоқозайынстценный ышкол») никак нельзя. Это значит отступить на 80-90 лет назад. В казахское языкознание и просвещение он, несомненно, внёс грандиозный вклад. В этом каждый раз убеждаешься, читая его сочинения.

20 июня

Уже месяц СМИ захлёбываются Рахатом. Сплошной рахатизм!

...В «Экспресс К» заседал в жюри по премиям им. Ген. Толмачёва. У входа в редакцию, зацепившись ногой за ступеньку, грохнулся, но ничего не сломал, хотя ушибов много. Палец ноги распух, почернел и не гнётся. Досадно!

21 июня

Вчера Президент распустил Парламент. По просьбе самих депутатов. 61 депутат написал заявление о добровольной сдаче мандатов. Молодец, Назарбаев! И в этом смысле Назарбаев вызывает восхищение. Так и надо поступать с ничтожными рабами! На редкость бездарный был парламент. Но поскольку эти холуи являются членами «Нур-Отана», то и Президент, и партия всех их трудоустроят...

25 июня

Позвонила – судя по голосу – молодая особа. Говорила по-казахски, но с сильным турецко-английским акцентом. Понимаешь с напрягом. Фразы строит не по-казахски. Оказалось: юнница из штата Индиана, турчанка, по имени Ушік, что означает – как она мне объяснила – по-казахски Жарқын, Жарық. Интересуется проблемами оралманов, читала мои статьи о языке, хотела бы встретиться. Договорились на 2-ое июля.

28 июня

Александра Алехова сообщила об интересных записях касательно меня. Есть даже такая: «Бельгера в президенты!» И тут же рядом: «А на хрен он нам сдался». Обхохочешься!

2 июля

Встретился с милой турчанкой из штата Индиана. Покалякали час.

Вечером в который раз перелистал «Поэзию и правду» Гёте.

Состояние скверное. Кашляю. Болят легкие, суставы, мышцы. Слабость и потливость. Коленный сустав больной ноги совсем не гнётся. По утрам встаю разбитым.

7 июля

На вечерней прогулке столкнулся с Ермеком Турсыновым и артисткой Жанной Куанышевой. Милая, приятная особа. Но я её не узнал. Получился конфуз. Роман Ермека переведён на арабский. Теперь переводят его на английский.

...Звонил Көпен: хочет встретиться и забрать у меня книги.

10 июля

Одолел половину рукописи Адиля Тойғанбаева. Вдруг выяснилось, что он совсем не внук скрипача Айткеша Толғанбаева, за которого я его вчера принял, а внук партийного деятеля 50-х годов Айткеша Тойғанбаева, –казахский зять кыргызского президента Аскара Акаева, т.е. муж Бермет. А я-то не разобрался и довольно по-свойски вёл с ним беседу. И отзыв на рукопись писал, не зная, кто он такой. Но что написано, то написано. А мужик он толковый. Глубокий, всё видит и понимает адекватно и к его заключениям следует прислушаться, ибо рассуждает здраво и прозорливо.

От Аскара Кулибаева поступила его книга с авторским автографом. Книга составлена крепко и дизайн богатый. Ну, а я передал ему своё «Плетение чепухи», которое он вряд ли прочтёт, а если и полистает, то явно не примет. Ведь мы находимся совсем на разных полюсах. Но человек он, видно, достойный, крепкой закваски.

В «Евразии» (№ 2) вышли мои заметы из цикла «Обрывки и отрывки».

12 июля

Накануне звонил Шота. «Занимаешься чепухой?» «Да». «Хорошее занятие себе придумал. А здоровье как?» «Так себе». «Ну, ничего! Лет пять ещё продержимся, а там придумают таблетку долголетия... Таблетки долголетия будут, но на баб смотреть не будем». «Что делать? Обойдёмся». «Ты так думаешь? Тогда так и запишу».

13 июля

В шесть вечера встретился с Адилем Тойғанбаевым. Говорили о его статьях и о многом другом. Мне этот жигит понравился, хотя – вспомнил –о нём в наших газетах одно время писали дурно. Образован, умён, рассудителен, толковый аналитик, крепкая хватка, хороший слог, выражается точно и чётко, как технарь.

Смотрел список кандидатов в депутаты от партии «Нур Отан». Картина тяжёлая. Лично я тотчас вычеркнул 52 человека. Был карманный парламент, потом суперкарманный, теперь будет дамбальный.

15 июля

Дурное предчувствие меня не обмануло: то, что сделал Альмамбет Торехан, – к сожалению, совсем не перевод и к Абаю никакого отношения не имеет. Я этого очень боялся. Человек он симпатичный, по немецкой части грамотен, на казахский с немецкого переводит прозу прилично, а поэтический перевод на немецкий – совсем не его

стихия. Он перетолмачил слова, т.е. перенёс на немецкий первый слой, совершенно не вникая в подтекст, в поэтику, ритм, рифмовку. Это даже не подстрочный перевод. Это приблизительный қойыртпақ. Немцу это показывать нельзя. У него будет от Абая отвратное представление. Столько времени и старания он положил на это, а зря. Он с самого начала пошёл по неверному пути. Двадцать стихотворений Абая Кошут переводил на немецкий язык три года, консультируясь по каждой строчке со мной, всматриваясь в оригинал, в форму рифмовки, настраиваясь на абаевское дыхание, примериваясь к разным русским переводам, перебирая десятки вариантов. Иначе разве к Абаю подступишься? Серьёзный и вдумчивый Альмамбет Торехан в этом вопросе обошёлся слишком легковесно, шапкозакидательски. Теперь я вынужден о том ему открыто и прямо сказать, дабы не обидеть Дух Абая.

19 июля

В «Политике» вышло моё интервью на трёх полосах с началом на 1-ой стр. Мощно дали. С портретом. Позвонили тут же А. Омарова, Т. Жукеев, а Кенжебай завёз несколько номеров и забрал статью об Асанбаеве.

20 июля

На утренней прогулке встретил меня Жанарбек и вручил мне два № «Жас қазақ» с моим интервью «Сайлау – қазақтың соры...» Резко, но так оно и есть. Что-то дали и в «Тасжарған». А одна дама записала меня по «on line» в «Свободу слова».

Много разговоров о предстоящих выборах. Но, прости господи, какие это выборы? Показуха!

22 июля

Встретился с Наби Тыныбаевым, сыном бывшего министра, партдеятеля Абубакира Тыныбаева. Симпатичный, крепкий мужик. Основательный, надёжный. Издал монументальную книгу (36 п.л.) о своём отце тиражом в две тыс. экз. Всё это ему обошлось в 1 млн. 300 тыс. тенге. Типичная книга подобного жанра, но сделана, продумана, составлена с любовью и тщанием. Память мощная, прочная. Сыновний долг.

Смотрел по 31-каналу диспут Гани Касымова и Келимбетова. Гани был убедителен, напорист, логичен, речист, целеустремлён. Прекрасный полемист. Келимбетов держался по-джентльменски, но был беззуб, косноязычен, беспомощен, ибо отстаивал заведомо ложное направление, чем сам был очевидно смущён.

24 июля

Турсынбек Какишев хотел бы издать свою книгу о Сабите Муканове на русском языке в серии «ЖЗЛ». Нужен переводчик-редактор, который бы хорошо знал творчество Муканова. Увы, у меня на это времени нет. Согласился лишь пробежать карандашом по русскому переводу.

29 июля

Был на выносе тела матери Олжаса. Прожила 92 года. Родила шестерых детей. От первого мужа – Олжаса. Народу собралось не менее тысячи. Я Фатиму-апа в жизни не видел, но слышал много доброго. Знакомых оказалось много: учёные, журналисты, киношники, деятели культуры.

Гульжан Е. подошла, поздравила и поблагодарила за чёткую гражданскую позицию. Мурат А. сообщил, что читает новый перевод «Пути Абая» и попросил, чтобы я тоже прочитал. Глазам своим не поверил, увидев в толпе Ормантаева. После комы, после реанимации, после лечения в Германии он в сопровождении врача и своего друга Шарманова пришёл на панихиду. Речь нормальная, но, видно, слаб, ноги заплетаются. Намерен ещё подлечиться в Турции и потом приступить к работе. Какой молодец!

Поздравил с 70-летием Мырзатая. У меня кружится голова, и опекал меня Владимиров. Поговорил с Санбаевым, со Смагулом, с Нуршаиховым, Вовнянко, Азимовым.

Олжаса не видел. Зато слышал Амантая-Хаджи, видел издали его колпак и посох.

С достоинством провёл в последний путь Фатиму-апа.

...Вечером смотрел ток-шоу между Калиевым («Ауыл») и Сагадиевым («Нур-отан»). Очень убогое, скучное зрелище. Два пожилых, помятых, постнолицых господина с дурной, казённой русской речью мололи жуткую чушь. И оба академика! Кошмар! Русскоязычный слушатель, глядя на них, поневоле подумает: «Апырай, неужели таков уровень казахских академиков?! И они ещё лезут в депутаты?!» Стыд и позор! Я ведь обоих знаю и вполне уважаю. Но то, что я видел и слышал, – ни в какие ворота. Один Бациев, ведущий, малость оживлял убогий пейзаж.

30 июля

Рослый, шумный, немного в подпитии, казах (имя запамятовал, но знаю, что когда-то знакомились) сходу заговорил о тюркизмах в немецком, французском, английском, русском языках, доказывая, что Гитлер, Шикльгрубер, Хайль, Брунхильда, Париж, Лондон, папа, мама, дура, дурак и т.д. – всё тюркизмы. Ну, а Чингисхан – казах, тут и спорить нечего. Казахами являются Пушкин (отец казах, мать арапка), Державин, Чаадаев, Пётр Первый, Годунов и многие другие. А Ленин? Ленин не совсем казах, но близок – калмык. И говорил он с таким жаром и напором, что я еле спасся бегством.

3 августа

Целый час на прогулке провозилась со мной молодайка Гулмария из «Busines Women»с двумя фотографами. Потом звонили мне по делам Ынтымақ из «Рахата» и юница из «Айқын». Потом Амангельды Кеншилик занёс статью о Тынымбае, из которой я должен выкроить предисловие для русского его издания.

4 августа

Есть такие казахские формы приветствия.

– Ассалаумагалейкум! – Уагалайкумсалем!

Остряки придумали:

– Архипелаг Гулаг! – Гулаг Архипелаг!

Я придумал:

– Гутен алейкум! – Алейкум гутен!

Теперь в моде:

– Нурсултан! – Нур отан!

и:

– Казахстан – Нурсултан!

Можно ли представить, чтобы во Франции говорили:

– Мерси! Мерси! – Саркози!

Или в Германии выстроили в ряд немцев, повязанных шарфами, и заставили бы орать:

– Меркель! Меркель! – Бері кель! Бері кель!

А американцы при виде Буша ликовали бы:

– Эй Буш! Буш! – Аспанға үш!

Смешно всё это…

5 августа

На исходе июля скончалась Меиз Канышевна Сатпаева. Умная, достойная, милая женщина. Я её сильно почитал. Будучи председателем Правления Фонда «Сорос-Казахстан», приглашал в Правление, и она некоторое время там полезно работала. И потом многие годы встречался с ней на вечерней прогулке возле памятника Чокану: опираясь на палку, вся скособоченная, она в одно и то же время возвращалась с работы домой. Добрая, приятная была личность. Ушла в возрасте 76 лет.

6 августа

…А из головы не выходит вчерашний абсолютно бездарный диспут по 31-каналу между лидерами партии «Руханият» и коммунистов. Господи, какое же это было жалкое зрелище! Пустой, бессмысленный трёп, но сколько амбиций, тщеславия, скудоумия и претенциозности! Оба надувались, как жабы. Того и гляди – лопнут. Ужасно! И глядя на этих двух лидеров, которые в сущности никого и ничего не представляют, которые вместе едва наберут, может быть, процента два голосов, люди поневоле придут к выводу: «Нет, уж лучше голосовать за «Нур Отан». Там, понятно, жуликов, прощелыг-проходимцев хоть отбавляй, но в их руках власть, деньги, и эти господа при желании могут что-то сделать. А эти пустоболты уж больно жалки. Ещё и о власти мечтают. О господи, разве им можно доверить какую-то власть?!»

Так подумают люди, и как ни досадно, они правы. Пусть уж лучше Нурсултан сидит до скончания века, чем подобные «лидеры-сымаки» будут мозолить людям глаза.

Эти выборы обнажат голый зад нашего общества. Я, пожалуй, прав, сайлау – қазақтың соры. Всё отвратительное, мерзкое, гадкое вылезет наружу. Ужас! Ужас!

8 августа

Редактор (Рустам) и оператор (Игорь) записали меня на скамейке возле памятника Чокану: к 75-летию Шерхана сказал несколько слов по-казахски.

Тут же подошла группа из «Болашак». Приятные ребята! Вручили свой журнал, на ноутбуке показали сайт посвященный мне, рассказали о своих делах, новостях.

Позвонил Калмухану И. У него недавно умер брат, а Калеке хворает, лежит дома, мы его не видим. Выразили соболезнование, спросил про житьё-бытьё. Что ж… 82 года – не шутка.

9 августа

…Вечером смотрел часовой «айтыс» нур-отановцев Ертысбаева и Келимбетова, с одной стороны, и ОСДП-овцев Абилова и Жандосова, с другой. Было интересно, хотя порой сумбурно. Обе стороны рьяно отстаивали свои позиции. У Ертысбаева не углядел ни аргументов, ни логики. Шумит напропалую и всё. Болат говорил дельно, но излишне эмоционально. По-другому, видно, невозможно было остановить официаль-

ного соловья. Келимбетов и Жандосов рассуждали умно, здраво. Сразу видно: специалисты. Ораз вообще приятно удивил: говорил напористо, энергично, убедительно. Молодец!

А вообще вся это предвыборная возня – глупость. Казахи обливают друг друга грязью, а все остальные в стороне. Некорректно получается.

10 августа

От геолога-курда узнал, что меня, Гаркавца, кого-то ещё вывели из состава «Ассамблеи народов Казахстана». Давно пора: я уже несколько лет откололся от той организации.

Узнал: всех родителей учащихся школ заставляют голосовать за «Нур Отан». Их предупредили: не проголосуете за Отан, отыграемся на детях. Чтобы до 9 утра все проголосовали и доложили директору.

Көтензорлық!

13 августа

Встретился с милой девушкой Гульмекен из рода Албан. Так она мне понравилась, что по-стариковски разболтался больше положенного. Дал ей четыре свои книжки. Она окончила ЖенПИ, теперь в аспирантуре. Девушка хорошая, умная, деликатная, а я проявил себя заурядным болтуном. Несерьёзно для моего возраста.

Читал «Дневники» Толстого. Вот с кого следует брать пример всегда и всюду до глубокой старости.

15 августа

Дурной сон: отец стриг меня машинкой. Стриг, стриг и не достриг. Знаю: это к болезни. Когда во сне меня стригут или бреют, или ем мясо – непременно заболеваю. Потому и встал с нехорошим предчувствием.

Так и получилось. Весь день было мне худо. Давление вышло из подчинения. Сердцебиение. Одышка. Аритмия. Чего только не пил! Никак не легчало. Погода менялась ежечасно. Раз шесть налаживался дождь. Солнце и тучи сошлись в смертельной схватке. Меня трепало – жуть.

16 августа

В «Известиях» интересный материал о Тихоне Хренникове (умер на 95 году), об учёных-долгожителях. Любопытно! К избранным Бог бывает особенно щедр. И в этом проявляется высшая справедливость: незаурядные, талантливые люди должны жить долго и полезно. В назидание простых смертных.

Ходил голосовать. Всё заурядно, банально, дежурно. Голосует одно старичьё. Молодежи нет. Проголосовал за партию ОСДП. Поговорил с наблюдателем. Все настроены скептически. Вечером из Москвы сообщили, что партия «Нур Отан» набрала 85% (почему не 91%?)

Эти результаты мне были известны за месяц. Қазақ айтқан ғой: күштінің көті диірмен тартады. Дал интервью «Азаттық» о конституционной реформе по-русски и по-казахски. Встретил Олжаса. Немного поговорили. Мне почудился он усталым, рассеянным, размягчённым, озабоченным. Чувствуется: уже не юноша, аксакал, хоть и держится неплохо.

20 августа

Много разговоров о последних выборах. Все недоумевают: с какого потолка взяли 88,05%? Конечно, спектакль. И члены ОБСЕ сильно сомневаются в подобной демократии. А Рушайло убеждает: всё здорово. Но кто ему верит? Куаныш ликует: всё законно. Олжас советует не драматизировать результаты. Здраво сказал один Сейдахмет.

21 августа

...Вообще, подумалось мне, демократия, реформа и пр. не для казахов. Казахам нужен хан, бек, би, волостной, которым масса послушна. На троне должен сидеть хан, перед которым раболепствует толпа. И ничего менять не надо. И разговоры о демократии необходимо прекратить. Казахам она даром не нужна. Вот к таким невесёлым мыслям я пришёл.

24 августа

Президент определил список нуротановцев – 38 «избранников», которые ратовали за роспуск предыдущего парламента, вошли в новый состав. Два министра и два акима стали депутатами. Вот и вся «рипорма». Наступили на те же грабли. Тоқыраудың әкесі енді басталды. Сылдырбай остался на месте.

Понять нашего президента иногда непросто. Теперь он советует и Путину остаться на третий срок. Может, и американцев уговорить, чтобы оставили Буша?

31 августа

Приятным было посещение Ермека Т. Два месяца он был в Аравии. Многое увидел. Рассказывал о бедуинах, о варанах, о песках. И о 31-м канале многое поведал. Интересная личность. Роман его издают арабы, русские, казахи, англичане. Намерен сделать кино. Любопытно рассуждал о своих казахстанских отношениях. Очень мне всё созвучно. Хотя по возрасту он мне годится в сыновья.

3 сентября

Вчера показали по ТВ первое заседание нового парламента. Он получился однокнопочным. Депутаты нажимают только на одну кнопку – «да». Другие кнопки – «против» и «воздержался» им не нужны. Все поголовно «да». Все думают одинаково. Значит, никто не думает. Однокнопочные, одноклеточные существа. Господи, какая тут реформа?! Гладкие, сытые, самодовольные, тусклоглазые, они перед камерой ещё что-то вякают. Неужели Президенту такие депутаты нужны? Неужели в Казахстане людей не осталось?

4 сентября

Вчера в «ЕҚ» прочёл глубокую, толковую статью Мырзатая Жолдасбекова о Сагате Ашимбаеве. Всесторонне раскрыл все грани его недюжинного таланта. Сагат был светлый человек, весьма эрудированный. Я его знавал немного, общался издалека, выступал в его программе «Парыз бен қарыз». Он смелые идеи проводил для своего времени. Руководствовался здравым кредо. Я горжусь тем, что знавал его.

На днях о нём была тёплая статья Баққожи в «Новом поколении». К сожалению, судьба зачастую излишне строга к подлинным талантам. Яркие личности уходят рано, серые – живут долго. Исключения редки.

А кинорежиссёр Калдыбай Әбенов в газете «Қазақ» опубликовал назидательную статью «Қазақ қағидасы». Он бьёт на казахский намыс. Идея благая, и много верных положений, а кое-что спорное. Возвеличивать свою нацию, унижая других – это плохо. А этот душок в писаниях Калдыбая проскальзывает и настораживает.

5 сентября

На днях встретил профессора-лингвиста Шору Сарыбаева. Мне с ним всегда интересно: уникальный человек. С его слов записал предложение-тест, которым он проверяет знание казахского языка. Вот этот тест: «Менің әйелімнің немере ағасының үлкен баласы алып отырған келіннің туған бөлесінің жиен қарындасы...» Гениально! Ни один казах сходу не сообразит. О немце и речи нет.

А Калдыбай Әбенов переводит Интернет – ағынсая, а компьютер – білгісай. Спрашивается: зачем? Вспоминается «перевод» презерватива: «қаяқап» или «күйекқап».

6 сентября

Встретился с проф., доктором экономических наук Айгуль (весьма милая дама), написавшей толстенную книгу «Жар-птицы великой степи» – о Томирис, Айша-биби и Борте с тремя рецензиями. С книгой надо ещё ознакомиться, но издана шикарно, а сама дама – прелестна. Жаль: по-казахски изъясняется скованно.

12 сентября

Плохо мне. Все последние дни давление зашкаливает за 200. Сердце каменное.

В устах у всех одно: повышение цен на хлеб, на продукты, на свет, на воду. Жуткие скачки! Народ ропщет. А всё равно вопит: «Ура, Нур Отан!». Выборы прошли, теперь можно баранов скрутить в бараний рог. Бог знает, чем это всё кончится.

13 сентября

Вчера был день рождения Алтынбека. Ему исполнилось бы 45. Всего!

В «Анкаре» присудили премии его имени. Пока не знаю, кому. Я, как эксперт, предлагал Гульжан Е. и Жулдыз А. Страшно жалею, что из-за своего плохого состояния не смог быть на этом мероприятии. Невезуха!.

Вычитал семь рассказов Тынымбая в моём переводе. Рассказы его хороши. При внешней простоте в них есть и сюжет, и характер, и психологизм, и юмор, и крепкая реалистическая основа и изящество, казахский дух... Словом, хорошо! А «Старик, верблюдица и ветер» – вообще шедевр. Его необходимо переводить на иностранные языки. Ему надо бы выйти из казахских рамок. Не хватает раскрутки.

Вечером дочитал «Возвращение» Н. Раевского. Интересно и поучительно. Какой молодец! Он эту повесть продиктовал будучи слепым, в 90 лет, абсолютно не убеждённый, что эта штука со временем увидит свет. Вот это мужество писателя! Сказал важную правду. Сказал так, как считал нужным, как велела совесть. Урок всем нынешним писателям. Если есть, что́ сказать, надо говорить.

15 сентября

В «Начнём с понедельника» трое – Саримов, Исабеков и Атабаев – поделом пошерстили Акима Тарази за его глупое интервью в «Казправде». Акима я знаю около 50 лет, и то, что он сказал в злополучном интервью, действительно не лезет ни в какие ворота.

Басыма қонбайды! То ли ему захотелось на старости лет власти пятки лизать, то ли это завуалированная издёвка. Одно очевидно: так нормальный Аким думать не может. Не должен! Кто угодно, но только не Аким. Впрочем... Многие нынешние писатели (не только казахи) превратились в мелких торгашей, в лавочников. Совесть у них как безразмерные трусы. Вместо имана у них – женские прокладки. О, Алла-ай!

21 сентября

Утром позвонил из Өскемена Бошай-аға. Он делится своими впечатлениями. В областной газете русский редактор написал большую статью к 110-летию Ауэзова. Рассказав об этом, Бошеке сообщил, что приедет в Семей на торжества и выступит, если дадут слово. В телефонном разговоре он упоминает и Құл-Мұхаммеда, и Абиша, и Какимбека, и многих других, здорово и метко их оценивает, каждый раз добавляя: «Қарапайым колхозшы болсам да, мен бірдеме білемін ғой вообще-то».

Білгенде қалай! Бошай аға – гениальный старик с крепкой головой. Удивительный человеческий экземпляр. Рассуждает совершенно самостоятельно. Нағыз самородок сары алтынның өзі!

22 сентября

Перед сном прочёл рассказ Баққожи «Бір уыс тиын» в «Парасате». Жан түршікгерлік әңгіме. Суровая жизненная правда. Реалии нашей жизни. Крепко сделано. Сжато и ёмко!

23 сентября

Поразительная статья Турсынбека Какишева в «Ана тілі» – «Алаш екіге бөлінді». Потрясающие факты из истории «Алаш», о которой я мало что знал. Какишев основательно порылся в архивах и выкопал то, что нынешние историки либо не знают, либо скрывают. А беда в том, что в движении «Алаш» изначально не было единства. Легендарные ныне зиялы азаматы разделились на разные партийки и движения и сами топили друг друга. Было то, что Абай называл «алты бақан ала ауыз». Так было перед революцией, после революции, в сталинское время. Так этот раздрай тянется и поныне. И в этом трагедия казахов. Какишев написал жесткую и правдивую статью (точнее, сұхбат), назвав все вещи своими именами. Хорошо, что об этом сказал сам казах. Правду говорить надо всегда, как бы горька она ни была. И не надо прошлое идеализировать и мифологизировать.

30 сентября

Прочитал большую работу Абиша К. в «ЕҚ» – «Кемел». Это его доклад на 110-летие Ауэзова в Оперном театре. Мне говорили: «ұзақ», «шұбалаңқы», «жер жиһанды аралап бөсіп кетті» и т.д. Вздор!

Очень серьёзный, глубокий анализ, широкий охват мирового явления под названием «Ауэзов», блистательное эссе, богатейший казахский язык, чётко выверенная композиция, тончайшее проникновение в генезис Ауэзова. Я в восторге. Так основательно, интеллектуально мощно об Ауэзове никто никогда не говорил и не писал. Знаю: были диссертации, монографии, но в таком стиле не было. Абиш превзошёл себя. Он великолепно продемонстрировал всю свою интеллектуальную мощь. Я рад за него. Я сдержанно отношусь к Абишу-политику, считаю, что он идёт-плывёт не в том

фарватере, но то рассудит время, а вот в ипостаси литературно-историко-философского аналитика, мыслителя он гигант, титан, уникум. Об Ауэзове сказал по-ауэзовски. Молодец!

3 октября

Звонил Алимхан. Говорили о его творческом вечере. Я этому жигиту давно симпатизирую. Есть в нём что-то аскаро-сулейменовское. И рассуждает оригинально. Мне понравилась его теория о бей-талант и кем-талант. Бейталант, мол, не опасен: он любит прозу, поэзию, и нет в нём никакой подлянки, ценит настоящий талант. А кем-талант ставят себя наравне с талантливыми, склонны к пакостям, амбициозны, завистливы, коварны. Их нужно, дескать, опасаться.

В этой теории что-то есть. Алимхан написал о Такене Алимкулове, намерен написать об Аскаре, ещё о ком-то, потом – обо мне. Слушать Алимхана интересно. Он чем-то отличается от многих казахов.

5 октября

Позвонил Баққожа. Жалуется на общее недомогание. Кости болят, спина ноет, зевает, спит, вял и т.д. Пьёт тибетские снадобья. Жаль! Такой славный азамат. Светлый, деликатный, доброжелательный. Муху не обидит. И вдруг такая напасть. Как это несправедливо! Весь день думаю о нём.

И я весь день маялся давлением. Всё время ноет сердце. Прибегал и к изокету, и к нитроглицерину, и к клофелину, и к адельфану, к чему-то ещё. А вечером опять плохо: 193/102. Вот тебе раз! Ну, как же жить с таким здоровьем? В четверть силы и живёшь.

6 октября

Ночью плохо спал. Думал о своих рукописях, которые надо бы издать.

Думалось о положении в Казахстане. Кажется многолетняя политика наших мудрецов вошла в тупик. Горстка безобразно богатеет, а народ катастрофически нищает. Сколько ещё может продлиться такое положение? Я стараюсь убедить себя, что многого не знаю и не понимаю, но то, что вижу, оптимизма не вселяет. Большинство казахстанцев не живёт – прозябает.

7 октября

Дети Каюма-аға Мухамеджанова преподнесли мне четыре тома трудов отца. Я их перелистал, рассмотрел фотографии, ознакомился с содержанием. Настоящий был учёный. Основательный, дотошный. Имел научную концепцию, позицию. Образец порядочности, чести, достоинства, мужества, гражданственности. Литературовед, поэт, переводчик. Крупная, колоритная личность. О том я вчера и говорил на камеру.

11 октября

Перед правительством выступил Президент и твёрдо заявил: никакого финансового кризиса нет, экономика процветает, банки крепко стоят на ногах, цены на хлеб раздули, это провокация, и вообще всё хорошо, прекрасная маркиза. А мы, несчастные, живём на земле, ропщем по поводу взбесившейся дороговизны, чем-то недовольны. Народ-балда, лох, видит совсем не то, что видит власть. И чего волноваться? Живи спокойно, раз всё хорошо. Президент-то лучше знает.

13 октября

В Доме дружбы ПЕН-клуб провёл вечер памяти Симашко. Я доплёлся с трудом, часто останавливался. Что-то говорил, со многими общался, а был в тумане. Сидел за столом, как истукан. Ни есть, ни пить не мог. А атмосфера была прекрасная, публика отменная. Всё прошло на дивном, исповедальном уровне. Блестяще выступили Нурпеисов, Бадиков. В ударе был Мурат Ауэзов. Говорил глубоко, обстоятельно, вдохновенно, артистично. Всех удивил и поразил. Такая досада, что его речи не записываются. Как потом затоскуют о них! И я что-то сказал, потом – Елеукенов, Гирш, Канапьянов. Меня отвезли домой. Давление оказалось под двести. Лекарства не помогли. И я подумал: вот рухну однажды, как Симашко, на ходу. Симашко, возвращаясь из гостей, сказал вдруг сыну и дочери: «Всё, ребята, больше не могу». И тотчас, в одно мгновение умер.

Я рад, что ПЕН-клуб провёл этот день памяти. Рад, что я присутствовал на нём.

17 октября

Сегодня начинается конференция НОНК – научного общества немцев Казахстана. Увы, участвовать сам не в силах. Мой доклад зачитает Ананьева. А участникам конференции я передал 38 экземпляров разных своих книг.

Из газет узнал о кончине жены Камалиденова. Я несколько раз видел эту женщину. Для Закаша какой удар!

20 октября

Здоровье совсем уж никуда. И к тому же во мне постоянно сидит неудовлетворение. Будто живу недостаточно серьёзно. Ужасно!

22 октября

Эльма сообщила, что скончался самый младший мой дядя по материнской линии Эммануэль Гертер. Был он на четыре года старше меня. Когда я из Энгельса приезжал в родное село родителей Мангейм, мы с ним играли в колхоз. Мне было пять, ему – девять лет. Я тогда ещё не знал, что его отца (моего деда по матери, капельмейстера Давида Гертера) несколько лет назад забрали и расстреляли за то, что на какой-то свадьбе он, якобы, непочтительно отозвался о коллективном хозяйстве. Так вот дядя Эммануэль определил меня в колхозники, а сам он назначил себя бригадиром. Я рвал траву возле дома и возил её на крохотной тележке на базу.. Эммануэль грозно хмурил брови, ворчал и записывал мне трудодни.

В жизни мой дядя ничего хорошего не видел. В Алтайской деревне, куда его депортировали в 1941 году, его перекрестили в Васю. Всё пошло сикось-накось. Нужда, лишения, непосильная работа. Неудачи преследовали и потом – в семье, в женитьбе, с детьми. Он был типичной жертвой войны. Я его и не видел. Он бывал у родителей в казахском ауле, потом – в Ташкенте, но всегда, когда меня не бывало дома. Несчастья преследовали его. Из 14 дядьёв и тётей по отцовской и материнской линиям не осталось в живых ни-ко-го. А после меня никто их и не вспомнит. Скорбно...

28 октября

Сегодня я преодолел 73-летний рубеж. Может, дальше буду здоровым. Мушель жас позади. С утра масса поздравлений. Я записывал: 66 благих пожеланий. Были три потока гостей. И весь в подарках. Очень внимательны оказались ко мне казахи. Даже

партии и банки поздравили. В двух газетах написали. Звонили из России, Узбекистана, Кыргызстана, Германии, из разных областей, а один даже из Парижа. Надо же! От хвальбы может голова закружиться.

1 ноября

Пять лет назад в этот день в Ташкенте скончался мой отец. Я этот день помню во всех деталях. Как бы мне хотелось быть сегодня на его могиле! Лежат рядком на ташкентском кладбище – Роза, мама, отец. Положу перед собой фотографию и мысленно побуду с ними. Ай, горе!.. Доберусь ли ещё когда-нибудь до Ташкента – до отцовской усадьбы и могилы?

2 ноября

Вчера с утра было худо: резко упало давление, сердце окаменело. Часа через два потащился в банк и там стало плохо. В какой-то момент всё поплыло перед глазами и я будто куда-то провалился. Милая девушка-оператор принесла мне кофе. После нескольких глотков полегчало, но тупая боль охватила всю грудь. Еле дотащился домой. Лекарства не помогли. Я дома один. Догадался: инфаркт. Вызвал «скорую». Пришла через 1,5 часа. Сделали уколы, сняли кардиограмму, увезли в «совминовку». Там сказали: острый коронарный синдром. Но я-то знал: инфаркт.

3 ноября

Лежу в больнице. По 2-3 часа под капельницей. Уколы. Лекарства. Четыре года назад, когда скоропостижно скончался Камал С., я записал фразу: «Өмір – құдайға барар жол». В реанимации ещё двое: дипломат Сыздыков и режиссёр Байтен Омаров. Бесконечные анализы, процедуры.

5 ноября

Утром, на обходе, врачи решили, что сегодня меня переведут из реанимации в палату. Но пришёл врач-кардиолог Шынар (дочь друга Сарбаса) и отменила решение, впервые открыто заявив: «У вас, аға, инфаркт. Серьёзный. Глубокоочаговый». Ну, я ведь это знал. Не надо было темнить.

Всё-таки я сильно оказахован. Был бы настоящий немец, ещё месяц два-три назад лёг бы в больницу, не довёл бы себя до инфаркта. А так, поступил как казах, когда уже дальше некуда.

7 ноября

Сегодня под ручку с милой сестрицей Марией проделал по коридору 10 метров. Завтра моя норма – 50 м.

Читал интервью Өтежана в «Айқыне». Рассуждает резко и толково в своей манере. Молодец! Оригинал! Ни на кого из казахов не похож.

Скончался Игорь Моисеев в возрасте 101 год. Мой зять сильно горюет: протанцевал в его ансамбле 20 лет.

Ещё неделю назад Баққожа поведал мне, что Раимбек Сейтметов находится в коме. Сегодня из «ЕҚ» узнал, что он скончался. Я его знавал. Колоритный, преданный своему призванию, благородный был казах. Был он моложе меня на три с половиной года.

В больнице я убиваю время, время убивает меня.

10 ноября

О чём только не думаешь в больнице?

Рой Медведев в серии «ЖЗЛ» выпустил книгу «Владимир Путин». Я к Путину отношусь с симпатией, а евреи и Запад его не особенно жалуют. Его враги: Березовский, Ходорковский, Гусинский, Касьянов, Илларионов, Каспаров, Немцов, Гайдар, Чубайс, Хакамада etc.

Такую книгу, как «Лад». В. Белова мог написать только русский писатель. Ни один русскоязычный, будь он хоть трижды талантлив, такую вещь написать не в силах.

Русский писатель и русскоязычный писатель – разные величины. Русскоязычных хороших писателей немало, но я лично предпочтение отдаю русским писателям. Руссейшими писателями, например, считаются Борис Пастернак и Анатолий Ким. В большой степени это так. Но их инородность всё равно ощущается, чувствуется. А русскоязычный еврей всё равно прежде всего – еврей.

Мне всегда кажется, что 700 членов СПК – много. Но вот в Финляндии всего пять миллионов населения, а писателей 1500, только в Хельсинки проживает 500. И все они погружены в контекст европейской и мировой культуры.

Более часа листал толстенную (53 п.л.!) книгу «Тоғыз таңбалы найман» Бошай аға Кітапбаева. Серьёзный, нужный труд!

11 ноября

Всё ещё в больнице. На-до-е-ло! Читаю книгу А. Кончаловского «На трибуне реакционера» (на днях Г. Жакиянов занёс). Вот три выдержки:

«Среди 720 российских миллиардеров почти 40 человек являются депутатами Государственной думы или членами Совета Федерации».

«Русский ум криминален. Утверждаю… он может нарушить любой закон. А если русский ум ещё «обладает» «бешеными деньгами», то для него законов уже не существует».

«Бешеные деньги – главная беда России».

Сказано, думаю, и к Казахстану относится.

Зашёл Шота. Поговорили о неизбежном. Он собирается в будущем лечь рядом с Шоканом. Даже стих написал:

Талай келдім қасыңа,
Басымды идім тасыңа,
Жалғыз өзі жатпасын деп,
Мұлдем келдім қасыңа.

«Мұны ойламаса, болмайды», – серьёзно заметил мой друг. Он прав. Memento mori! – говорили древние.

12 ноября

Занёс Шота странички со стихами:

Ой дегенің қуалап күні-түні,
Аямай әбден жауыр қылды мені.
Барсам да қай қиырға құтылмадым,
Менен басқа жоқ болып көздегені.
Кеудемді аштымдағы қарсы тұрдым,
Өткен-кеткен өмірге мойын бұрдым.

Шалыс басқан аяқтан ғибрат алып,
Жаңа ғасыр басында қайта тудым.
Далее он пишет:
«Гера-жан, mein Freund!
Жақсы адам екеніңді білемін,
Сеніменен әзілдесем, күлемін.
Екеу ара шерткен сырды мәңгілік,
Тасқа жазған жазудайын көремін.

...Кончаловский утверждает: причина снижения коррупции только одна – страх понести суровое наказание. Наверное, это так, но кто может, например, в Казахстане наказывать? Коррупционер коррупционера?

И ещё: «Коррупция может быть искоренена – надо только поставить честных людей». Тоже правильно. Но где их, честных, в Казахстане возьмёшь? Ещё в 80 х годах прославленный председатель колхоза, Герой социалистического Труда Яков Германович Геринг говорил мне: «Проблема – найти в руководстве Казахстана сто честных людей». Тогда мне это показалось странным. Ныне убеждён: да, это проблема!

В любопытной книге А. Кончаловского приводятся интересные цитаты:

«Дикарь с букварём опаснее, чем дикарь без букваря» (Фридрих Горенштейн)

«У нас нет середины: либо в рыло, либо ручку пожалуйте» (Салтыков-Щедрин)

«Свобода трудна, рабство же легко» (Николай Бердяев)

И вовсе шикарно сказал Георгий Плеханов: «Ленин – мой ученик, который у меня ничему не научился...»

«Политкорректность – узаконенная ложь во всём» (А. Кончаловский)

Ещё одна хлёсткая цитата. Историк Василий Ключевский сказал: «У нас нет ничего настоящего, а всё суррогаты, подобия, пародии: quasi – министры, quasi – просвещение, quasi – общество, quasi – конституция, и вся наша жизнь есть только quasi una fantasia».

Апырай, не уж ли современный Казахстан имел в виду Василий Ключевский?

16 ноября

Получился трагифарс. 14 дней я пролежал в больнице. Выписали, привезли на «скорой» домой, всё чин-чинарём, а ночью опять плохо, сердцебиение, рвота, ломало и корёжило меня жутко. В панике опять вызвали «скорую» и меня снова забрали, и опять очутился в реанимации. Опять анализы, кардиограмма, капельница. Решили: послеинфарктная стенокардия. Через 1,5 суток снова перевели в палату.

На 1 октября 2007 года население Казахстана составило 15527,7 тыс. человек. Эмигрировало за 9 месяцев 31171 человек, иммигрировало 43359. Положительное сальдо эмиграции составило 12188 чел.

20-го в обед меня на «скорой» доставили домой.

23 ноября

Привезли мне 20 экз. моей новой книжки «Властитель-слово». Хорошо издали. Это моя по счёту 41-я книжка. А надо мне – по моему плану – издать ещё 8 книг. Издам ли? Пью ежедневно по 6-8 таблеток по два раза. Обалдеть! Сыт одними таблетками. А состояние по-разному. Много звонков. Но домой не пускаю. Перебираю бумажки и читаю. Пока пробыл в больнице, обезлистились деревья и приближается зима.

24 ноября

Скорбная весть из Петропавловска: скончался мой друг детства Галым Кадралин. На здоровье вроде не жаловался. Был бодр и мобилен. Находился в тесном, дружеском контакте 65 лет. Жалған дүние.

26 ноября

В «ҚӘ» прочёл толковый, серьёзный рассказ Қабдеша «Зауал». Многие типы узнаваемы. Молодец!

Прочёл в общей сложности 148 конкурсных работ по линии «Альянс-Банка». Представил жюри своё заключение. Помимо премий, можно составить на основе этих работ приличную книгу.

Дозвонился до Алибека Аскарова, и он любезно предложил издать две мои рукописи. «Саспаңыз, Гера-аға! Оған жүрегіңіз ауырмасын», – заверил он меня. Неужели? Многие добрые люди проявляют обо мне конкретную заботу. Приятно, что ты не один со своей хворью. Почти все предлагают свою помощь. Поддерживают.

2 декабря

Обрадовал меня неожиданный звонок из Кызылорды. Звонил Мұхтар Құл-Мухаммед. Он, оказывается, прочитал мою статью «Энергия оригинала» в четырёх номерах «Начнём с понедельника», похвалил её, попросил продолжить мои записки и по III и IV томам «Пути Абая». По его словам, он высказал своё мнение по этому поводу Мурату Ауэзову и попросил его оплатить мою рецензию и принять её к руководству при переиздании эпопеи, а если Фонд не в состоянии этого сделать, то оплатит Мұхтар сам. Я поблагодарил. Целую лекцию прочёл мне Мұхтар о книге Анастасьева, о том, что последний бывает у него в Кызылорде, что сейчас готовится перевод «Трагедии триумфатора» на английский язык, что это издание оплатит он, Мұхтар, сам, что сейчас, мол, в Индии, Англии и Москве издано немало солидных трудов о софизме, что в этом вопросе замешана политика внести раскол в ислам и т.д. Много интересного, мне не знакомого поведал мне Мұхтар. Поражаюсь: сколько он знает, сколько читает! Прекрасный аналитик с чуткой душой. И всё мгновенно схватывает. Интеллект мощный. Пожелал мне скорее выздороветь. При возможности намерен со мной встретиться и поговорить. Ко мне он всегда был внимателен, а я всегда симпатизировал ему.

3 декабря

После второго инфаркта живу без строгого рабочего плана и графика. Какой уж план, когда надо долго и систематически выбираться из болота. Каждый день проходит в борьбе за жизнь. Читаю Коран, персидскую прозу XIII века, газеты, слушаю радио, готовлю без напряга свои рукописи. Жаралы жүректің бабын табу оңай ма? Главный мой собеседник – я сам.

4 декабря

Ещё до 8-ми утра позвонил Бошай-аға. «Амансың ба Герекем! Құдайдан тілейтініміз – Герекеңнің денсаулығы». Обласкал меня почтенный аксакал, похвалил Зиманова, критически отозвался о Шаяхметове. Редкий человек. Большое, доброе сердце.

Некая Римма (явно в заблуждении обо мне) интересовалась, не соглашусь ли я переводить на казахский язык «Саки» Джандарбекова. О, нет, не моё амплуа.

6 декабря

Пришёл врач, измерил давление, прослушал сердце, заявил, что проходит реабилитационный период. Какие-то лекарства отменил, какие-то добавил.

Позвонил некто из Актау по заданию акима. Начинают в тех краях подготовку к юбилею Абеке. «Какого?» Оказалось, Абиша. Надо издать книги, воспоминания и т.д. «Так ещё два года впереди!» Е-е, пока мы, казахи, раскачаемся, два года и пройдёт. Хотим посоветоваться. О чём? Об Абише я немало написал. Можно по необходимости использовать написанное, а нового ничего не скажу. Подумалось: может, Абиша представят к Kahарману? Я не против. Для Абиша ничего не жалко.

10 декабря

Приступил к новому роману. Может, слажу? Материалы собирал 30 лет. Немецкая тематика. Кроме меня, никто это не сделает. Назову «Зов». А в скобках обозначу: «Роман-исповедь о пустых хлопотах в казённом доме». Жаль, что больше трёх часов работать позволить себе не могу. А над романом надо работать хотя бы по восемь часов в день. Не могу же я двадцать три года мурыжить роман, как Н. Столько времени у меня ведь уже нет. У меня осталось только божье время.

Князь Шота стал членом Всемирной Академии Чингисхана. Получил золотой ромб с изображением потрясателя Вселенной. Рад за него. Он потомок Чингисхана, я потомок хлебороба Андреаса Бельгера, который прибыл в Россию во времена Екатерины Великой. Есть разница. Значит, никакой золотой ромб мне не светит.

...Узнал о кончине историка Кеңеса Нурпеисова. Он был на полгода моложе меня. Я его знавал, читал его статьи, разделял его штандпункт. Человек симпатичный, учёный глубокий. Я всегда видел в нём озабоченность и печаль. Был он человек доброго казахского склада. Он целенаправленно возрождал казахский дух. Мир его праху!

14 декабря

Сидим на лавочке возле какого-то дома втроём: Нурпеисов, Ажар, я. Вдруг кто-то сообщает: Гёте идёт. Нурпеисов говорит: о, аксакал пожаловал, надо встать. Меня берёт оторопь: надо же, сам Гёте, как же мне с ним говорить?! Величественно входит во двор Гёте: невысокого роста, стройный, поджарый, в чёрном сюртуке, с платком на шее, в деголлевке на курчавой голове. Судя по всему, они с Нурпеисовым давно знакомы. Обмениваются какими-то адресами и записками. «Гутен таг!» – говорю, робко протягивая руку Гёте. Ладонь его крепкая, тёплая. Он вежливо улыбается. «О! В Алматы есть немец? Wunderbar!» Я спешу домой, ибо стесняюсь Гёте. «Оставайся», – говорит Нурпеисов. «Нет, нет... Мне нужно домой», – бормочу я. «Я вас провожу», – говорит Гёте. А я в удивлении: надо же, ему ведь 83-й год, а такой стройный, плотный, живой. Чуть-чуть чопорный. Мы идём, держась за руки. Я ему что-то лопочу по-немецки. Он живо слушает. Говорю: Вас в Казахстане давно знают, любят. Я написал книжку, называется «Гёте и Абай» «Ах, so?! Aber wer ist – Abai?» «Казахский поэт». Гёте смущён: «Aber... Kasachen... wer sind sie?» Что-то объясняю. «Ах, Steppennomaden?! Kirgisen?!» Идём. Почти дошли до моего дома. «А вы найдёте путь назад к Нурпеисову?» – спрашиваю. «Ja, ja... найду, – отвечает Гёте. – Он ведь живёт где-то за Оперным театром?»

Позади нас кто-то кашлянул. Смотрю: Кайсар с сеткой в руке. «Этот молодой человек желает с Вами познакомиться», – говорю Гёте. Он любезно улыбается, галантно кланяется: «О, Кайзар!» Оказывается, они знакомы. Кайсар передаёт сетку с фруктами

и кру́гом қазы Гёте. «Возьмите. Я спешу в Кызылорду». Гёте отнекивается. Зачем, мол, я с сеткой пойду к Нурпеисову. «Ладно. Тогда я Вас провожу», – говорит Кайсар. «А Вы по-русски говорите?» – интересуюсь у Гёте. «Да, да... ein bisschen кумекаю, – отвечает. – Подучился в Алматы». На прощании я обнимаю Гёте и опять удивляюсь: до чего же он стройный, подтянутый, упругий, точно юноша. Они с Кайсаром уходят, а я просыпаюсь. И так мне приятно, радостно оттого, что общался с живым Гёте.

Надо же!.. Впервые за 73 года встречаюсь с великим веймарцем.

17 декабря

Прочёл вчера на двух полосах «ЕҚ» воспоминания Е. Рахмадиева о Мусрепове. Странное впечатление. По-полдня играл в карты, по нескольку дней охотился, волочился за бабами, сибаритствовал, жил в духе казахского серi. Конечно, крепкий был писатель, но – как мне думалось и тогда, и теперь – непрофессионал. Литература была для него, скорее, хобби. Вот Мухтар Ауэзов – истинный профессионал.

...С удовольствием прочёл «Бір кем дүние» Шерхана. Великолепные зарисовки!

...Звонил Баққожа и опечалил. Голос сел, болезнь прогрессирует, болят-ноют кости, одолевает слабость, принимает обезболивающие препараты, от которых тупеет мозг. Писать не может, лежит, немного читает. А в январе ему исполняется шестьдесят, и ему названивает ТВ, просят выступить в документальной передаче. Но разве ему сейчас до этого? Я готов что-то сказать о нём на камеру, но и мне сейчас трудно. Ещё сырой, да и оброс весь, как пёс. В таком виде и людям показываться на глаза стыдно.

20 декабря

Айт қабыл болсын! – говорю я мусульманскому миру. С айтом поздравили меня лишь Музафар и Исеке. Остальные промолчали, решив, что к мусульманскому празднику я никакого отношения не имею.

22 декабря

Карл Радек, который на Первом писательском съезде выступил с докладом, – Карл Бернгардович Собельсон. Многие писатели его любили – Бабель, Пильняк, Воронский, Сейфуллина. Последняя писала: «Дорогой родненький Радек. Целую вас крепко», даже когда Радек был в опале. А письмо с требованием казни Радека подписали А. Толстой, Федин, Платонов, Зощенко, Тынянов, Новиков-Прибой, Барто. Такие были времена.

Узнал из газет, что Антонио Вивальди написал около 90 опер, а ещё оратории, кантаты, гимны, псалмы, антифоны, мотеты, серенады, сонаты... Каково? Ныне у композиторов такая продуктивность не встречается.

А ещё дня три назад узнал о кончине Александра Ткаченко, вице-президента Русского ПЕНа. Я его видел несколько раз. Недавно только прочёл два дивных его рассказика о крымчатах. Было ему 62 года. Сердце.

24 декабря

Пришёл Шота, принёс газету и мою книжку, куда надо было вписать его имя. Недолго поговорили. Показал я ему черновик «Зова». Уходя, он вспомнил фразу Габидена Мустафина. Посидев Ғабаң недолго у кого-то в гостях, он попросил разрешения отпустить его домой. И сказал: «Менің атым ертеулі ғой». Это означало: «Конь мой осёдлан для дальнего пути». Никаких жалоб на физическое состояние, ни слова о не-

здоровье, просто: «Мой конь осёдлан». А через неделю он скончался. И, рассказав это, Шота добавил: «У тебя, я вижу, тоже конь осёдлан. Не буду мешать».

Получилось двусмысленно. «Ты что говоришь?! Я ведь в дальний путь не собираюсь». «Но ты же нацелился написать роман», – поспешно поправился Шота.

25 декабря

Обрадовал Щеголихин. Поздравил с Рождеством и высоко отозвался о моём романе в «Просторе», обозначив уйму достоинств. Не ожидал. Щеголихин не щедр на похвалы, а тут высказался ладно-складно по разным параметрам. И жена его меня читает. Щеголихину я верю. В моём литературном становлении он сыграл заметную роль. И в СП рекомендовал меня он. Его поддержка в то время была для меня весьма существенна. Он сказал: «Я хочу, чтобы вы поверили в свои силы». Это меня мобилизовало.

29 декабря

Дочитал роман Айтматова «Когда падают горы». Начало мощное. Планка высокая. Но есть откровенно слабые страницы. Много надуманного, сконструированного. Но финал – хорош, в айтматовском стиле. А русский язык у Чингиза всё-таки слаб. Ким по этой части значительно сильней. У Чингиза язык засорен штампами и интернациональной лексикой. Слух, чутьё хромают. Конечно, актуален, много верного, точно подмеченного, но мало художественной фактуры. Два последних романа Чингиза уступают по этой части его предыдущим высоким произведениям.

...Звонил из машины Смагула Абиш. Объяснил, почему в рецензии на «Zwanzig Gedichte von Abai» он умудрился не называть меня – составителя, автора предисловия и комментария. Он, оказывается, смотрел только оглавление, а слона-то и не приметил.

Звонил ещё Аманхан Алим. Этот жигит весьма своеобразно рассуждает. Интернациональные статьи, считает он, без температуры.

31 декабря

До Нового года остается менее пяти часов. Поработал славно: издал 4 книги, подготовил к печати ещё 3 рукописи, опубликовал 96 статей, рецензий и интервью, выпустил ещё одну переводную книгу, составил одну книгу, заработал второй инфаркт и уцелел. Слава Создателю! За день меня поздравили 62 человека, а Смагул завёз ПЕНовскую стипендию... Приветствую Новый год! Жаль только, что даже бокал вина выпить не в состоянии...

2008

1 января

Жизнь пошла-потекла по новому кругу. «Прощай!» – сказали господину 007. «Здравствуй!» – приветствую с утра господина 008.

Хорошо. Морозно. Весь день работал. Ибо знаю: как провёл первый день Нового года, так сложится и весь год.

А мой девиз – Arbeiten! – работать. Всё остальное ерунда.

4 января

Программа «Время» сообщила (3.01) о кончине Александра Абдулова. Год назад сообщили о его болезни, и вот… Очень печально. 54 года. Грустно и несправедливо. А я сразу подумал о Баккоже. Тоже уже год отчаянно борется за жизнь. Ай, беда…

Все мои думы о «Зове». Трудный будет роман. Смогу ли за этот год довести его до конца? Хватит ли сил? В Кёльне вышла книга – «Abai. Zwanzig Gedichte». Я составитель, автор предисловия, послесловия и комментария. В «Казправде» вышла толковая статья Ананьевой об этом издании. Двадцать стихотворений Абая на трёх языках. В Германии Абая издают, а у Ертысбаева зимой снега не выпросишь; хотя ему я уже дважды писал. В самом деле: зачем Ертысбаеву Абай? Этому Сылдырбаю лишь бы бла-бла-бла.

5 января

Никто мне сегодня не мешал, и я накатал аж пять страниц. Мне нравится такое состояние, когда тебе будто кто-то извне диктует. А мозг подсказывает – неожиданно для тебя – разные повороты. То есть, перо будто само пишет. А ты только подчиняешься ему. Лишь бы не потерять эту инерцию, на которую настроена душа. Важно сохранить темп, настрой, порыв. И работать методически, постоянно, без пауз. Я же не могу как Нурпеисов двадцать три года мурыжить один роман. Результат будет – пшик.

6 января

Вчера в Москве хоронили Александра Абдулова… Едва я написал эту фразу, как позвонили: ночью скончался Баққожа.

Знал, что он обречён, но кончина его ошеломила. Даже не мог позавтракать. Как обухом по голове. Тотчас, придя в себя, набросал прощальное слово на казахском языке. Для меня он был верный младший друг, брат. Деликатный, вежливый, преданный, внимательный. Обо мне трогательно заботился. Часто звонил. Бывал у меня. И жена его очень почитала за культурные манеры, доброту, улыбчивость, красоту.

Весь день сердце лихорадило. Без конца глотал таблетки. Написал стихотворение «На смерть Баққожи». Светлой души был человек. И писатель серьёзный, тонкий. Уходит не только моё поколение, но и те, что моложе меня на целый мушель.

8 января

Хоронили сегодня Баққожу. А я, вдрызг больной после инфаркта, не могу даже бросить горсть земли на прощании. И всё думаю о нём. Вот ты лежишь на диване, а Баққожа – в мёрзлой январской земле. Вот ты ходишь по земле, а Баққожа уже под землёй. Вот ты шкрябаешь пером, а Баққожа уже никогда ничего не напишет. Вот ты живёшь, а Баққожа уже умер. И так мысли крутятся вокруг его памяти весь день. Ужасно! И Рая не находит себе места. Она с ним говорила незадолго до его кончины, когда он, уже слабый, завёз рукопись, а я был на прогулке.

15 января

Плохи дела. Давление 212/110. Почечные колики. Болезни терзают меня, как бешеные собаки. Весь дохлый. Зеваю. Боль – хоть на стенку лезь. А роман лежит. На 74 году после инсульта, двух инфарктов и прочих бяков затевать роман – авантюра, өлермендік. Теперь ещё и почка взбунтовалась. Значит, надо всё бросать, вызвать «скорую» и лечь в урологию. Знаю: жизнь – это борьба. Но понял: борьба – это не жизнь.

18 января

Из газет узнал, что Айтматов лежит в Цюрихской больнице. А Киргизия объявила нынешний год годом Айтматова.

20 января

Из Германии пришла весть: умер Леонид Вайдман. Бывший наш казахстанец. Мощный журналист. Перенёс три инсульта, один инфаркт, страдал сахарным диабетом. 67 лет. Болел долго. Он автор романа «Запрещённый народ». Когда-то меня агитировал перебраться в Германию. Но я человеком себя чувствую только в Казахстане.

22 января

Поразил Болат Абилов: пригласил на вечер «Тарлана» и сообщил, что меценаты решили присвоить премию мне. Я остолбенел: «Но вы же уже дали мне Тарлана – За вклад». «Ну, и что! – заметил Бөке. – Теперь дадим по главной номинации. Бывает же дважды Герой Советского Союза!» «Нет, Бөке, – решительно возразил я. – этого делать никак нельзя! Пойдут кривотолки. Премия потеряет привлекательность». «Но мы уже решили!» «Придётся менять решение. Я даже приехать не могу. Я ведь перенёс инфаркт». «Как?!» «Вот так!» «Ну, на полчаса». «Нет, нет». «Ну, пусть жена приедет». «И жена не приедет. А если вы дадите премию, я вынужден буду отказаться. Получится нехорошо...» «Я знаю: вы человек принципиальный...» Болат был настойчив, но я его убедил: никому нельзя давать премию дважды. Пәлеге қаласыңдар! «Ну, кого предлагаете?» «Ну, скажем Иран-Гаипа. Или Темірхана. Ввиду надо иметь и Тынымбая».

Самое интересное, что в этот день ДВК присудил мне премию «Свободы». Приезжали домой Туякбай, Бақытгүл, фотограф Валерий и торжественно вручили мне цветы, дипломы «Свободы». Эту премию до меня получили 22 человека. Звучит: лауреат премии «Свободы»... Я, конечно, понимаю, меценаты хотели мне доставить радость, но дважды присуждать премию одному человеку никак нельзя. Біреулер жарылып кетуі де мүмкін ғой.

28 января

Из Союза писателей позвонили: собираюсь ли я выдвинуть себя на Госпремию? Нет, не собираюсь. Дважды выдвигался. Меня провалили. Хватит!

От Аманхана узнал, кого выставляют. Стыд и срам! Обойдусь...

Аманхан интересно рассуждает. Например, писателя Н. он относит к типу «ерінбеген етікші». Остро и точно.

31 января

Сегодня Баккоже было бы 60. А он уже 23 дня в могиле. Позвонил его жене, а вся семья отправилась на кладбище. Со смертью Баккожи никак не могу смириться. Бог допускает много несправедливостей.

4 февраля

Сегодня узнал о кончине Хайдара Арыстанбекова. Колоритная была фигура. Мощный человек. Славно и полезно пожил. Активный был. Много знал. Увлекательно рассказывал. Я любил его. И ко мне он был ласков. Читал меня. Часто звонил. Нередко встречались на прогулке возле Чокана. Бывалый. Тёртый. Степенный, солидный. Юмор

понимал. Умер на 92-м году жизни... И сегодня же скончался на 81 году литературовед, доктор наук Абдулхамид Нарымбетов. Я его тоже знавал. Учёный был дотошный, въедливый. Вроде бы безвредный.

Уходят люди. Всё оголяется вокруг.

6 февраля

Оказывается, Президент обратился к народу с очередным посланием, и «Азаттық» просит у меня отзыв. Какой отзыв, если я ни одного слова не слышал. Хотя что́ скажет Президент, я знаю и во сне.

Звонил Әшірбек: 13-го сороковина Баққожи. Звонили из СП: 8-го отмечают 100-летие Ә. Әбішева. А я из-за своего вонючего здоровья никуда пойти не смогу.

8 февраля

В «Жас алаше» глубокая, толковая статья-рецензия Меңдеке о новом романе Магауина «Жармақ». Судя по рассуждениям критика, очень серьёзная вещь. Молодец Магауин! Живёт и работает в Праге. И роман издал там. На казахском языке. В последние годы я окончательно убедился, что Магауин, пожалуй, самый крупный казахский прозаик. Мыслитель. Концептуалист. Рад за него. Работает профессионально.

10 февраля

Все свои жалкие силы бросаю на роман. Две части начерно накатал. Сегодня описал приём у Горбачёва. Все детали оказались в блокноте.

Меңдеке обещал мне достать «Жармақ» Магауина. Әділ Тойғанбаев обещал завтра свою книгу. Мне он симпатичен. Мыслит нестандартно, пашет глубоко. Отменно владеет формой.

13 февраля

Музафар выдал афоризм: «Әкімнің хатшысы болғанша, ақынның атқосшысы бол». Согласен.

Много звонков: из Праги, Парижа, Астаны, Петропавловска.

Из Астаны звонил некий Берік. Представился: «Боққарындардың бірі». Похвалил мои записи в «Тасжарғане» и поведал о том, что в Астане уже ордена продаются, элитные дома пустуют, в них ночами свет не горит, а народ как в годы войны ютится по 20 человек в халупе на окраине. «Бұл не болып кетті?» – спрашивает у меня. «Ты ближе к властям, тебе виднее», – ответил я.

И ещё позвонили: в пятницу в 10 утра в театре Ауэзова юбилей Нуршаихова. Апырмай, почему в 10 утра? Вместо работы той, что ли?! На такое только казахи способны. Они могут юбилейничать и в 4 часа ночи.

18 февраля

Вечер. По 31-каналу объявили о кончине Байтена Омарова, актёра и режиссёра. В реанимации мы лежали в одной палате. Вёл он себя очень спокойно, степенно, деликатно. Целыми днями читал казахские газеты, а в перерывах – Гумилёва. Важные статьи, подчеркнув, давал читать мне. Интересный собеседник. Приглашал меня в свой театр. Регулярно ходили к нему две солидные дамы – дочери.

Уходят толковые казахи. Остаются шәлдиректер.

19 февраля

Вчера в «Айкыне» прочитал, что Софы Сматаев перенёс 4 инфаркта и два инсульта, но ныне усиленно работает над 4-ой книгой «Елім-ай». Мои «показатели» скромнее – два инфаркта, один инсульт, и я тоже работаю над новым романом, только «черепашьими» шагами. Конечно, это не дело. Работать писателю надо по 12-14 часов в сутки. Но таких физических возможностей у меня ныне нет. Беру тем, что работаю систематически, ежедневно по 3-4 стр., получается за год более 1000 страниц. А это немало.

29 февраля

82-й день без передышки работаю над своим романом. Иногда перо само пишет, и это самое приятное состояние. Холодно. Снег. Играет давление. Поговорил по телефону с Ерғали Сағатом, новым редактором «Парасата». Я с ним не знаком. Но говорил он со мной вежливо, деликатно, изъявил готовность публиковать мои дневники, тут же прислал девушку за материалом. И такое отношение к делу мне по душе.

...Из головы не выходит авария вертолёта в Кызылорде. Погибло пять человек. Құл-Мұхаммед с ушибами и сотрясением мозга находится в больнице. Ужасно!

2 марта

Разбирал залежи папок в углу кабинета. Обнаружил пачку бумаг, в своё время заготовленную отцом. Работая в райкоме в Ташкенте, он по дешёвке купил 5 пачек бумаги. Для меня. Четыре пачки я исписал. Шестой год уже нет отца, а заботу его обо мне конкретно чувствую и сегодня. Он будто знал, что я накатаю ещё один роман. Обрадовался и расчувствовался. Об отце к его 100-летию, Бог даст, издам ещё одну книжку.

4 марта

В «Литере» и «Айкыне» дали интервью Олжаса по поводу письма-обращения двадцати восьми сабазов. Олжас старается объяснить свою позицию со своей колокольни. Не всё убедительно, но спорить с Олжасом трудно. Он тёртый калач. Я, разумеется, сравнивать себя с ним не могу. Я ведь аульный немец, лежащий ныне на диване. Я смотрю на мир с аульной кочки. А Олжас – европейский глобалист.

6 марта

Полевой написал свою «Повесть о настоящем человеке» за 19 дней; Достоевский «Идиота» за 26 дней; я мурыжу свой роман уже 87 дней.

8 марта

Смотрел фрагмент концерта Дариги в Париже. Жалко её. Доктор политологии, медиа-магнат, певица... очень хочет понравиться народу. А ведь уже бабушка, крах в семье, муж – государственный преступник. Какими глазами она на людей смотрит? На весь мир позорит отца...

13 марта

Впервые за полгода доплёлся до памятника Чокану и отдал ему салем. «Где пропадал?» заинтересовался Чокан. «Да «иты» разные одолевают», – ответил я. «А мне никакие «иты» уже не страшны», – заметил Чокан. «Конечно, вы обитаете в иных пределах. К вам никакой «ит» не привяжется».

Звонил Бошай-аға. Был он на сороковине Арыстанбекова и на похоронах отца Алтынбека – Сарсенбая-аксакала (ушёл в 95 лет). Бошеке – молодец. Образец вымирающего племени подлинных казахов.

И у Алибека Аскарова умер брат.

15 марта

Звонил Закир А. Он переводит мои дневниковые записи для «Парасата». Переводчик он опытный и толковый. Мне симпатизирует. Человек он тихий, скромный, не лезет в глаза. Потому, судя по всему, недостаточно оценён.

Вечером сообщили, что скончался Каукен Кенжетаев. Мы часто встречались на улице, здоровались, обменивались фразами вежливости. Ходил он легко, прямо. Поблескивал живыми глазами. Милый приятный был человек. Ушёл на 92-м году. Мощные казахи уходят, жидкие остаются.

17 марта

Софья Кумаровна издала-таки мою книжку для детей. Она непрезентабельна, тираж маленький. По счёту моя 42-ая книжка. Хорошо, что вышла, но хотелось бы видеть в лучшем обличье.

Над «Зовом» без перерыва корплю 99-й день. Близок к завершению начерно.

В Кёльне издали книгу «Abai. Zwanzig Gedichte». Я составитель, автор предисловия, послесловия и комментариев. Издали хорошо. На трёх языках. Прислали 20 экз.

23 марта

Удивил Смагул Е. Якобы позвонил ему из Актюбинска Нурпеисов и сказал, что казахи обижают Бельгера; надо, мол, за него заступиться в печати. Бигельды изъявил готовность дать место в «Monitore», чтобы защитить меня от нападок. Откуда звон? На меня вроде никто не нападает. Я сказал Смагулу, что таких казахов не ведаю, а если и найдутся кое-какие акмаки, то поднимать шум никак не стоит. Ну, а если произойдёт атака, то я дам сигнал «Аттан!», тогда и броситесь на защиту. На этом, шутя, и договорились. Но откуда байбалам? Кто что шепнул нашему аксакалу? Думаю, пустая тревога. Уж кому-кому, а казахам на меня бочку катить нет никакого резона.

25 марта

Газета «Айқын» пыталась в честь Наурыза помирить Нурпеисова с Кабдешем, Магауина с Шахановым, Ашимова с Жаманкуловым. Тщетно! Каждый показал свой норов. Никто мириться не желает. Даже в такой святой день. Все остались непримиримы. Принципиальные азаматы! Из цельного камня-валуна сотворены.

26 марта

Перед сном из дневника Л.Н. Толстого прочёл запись «Ночной разговор». 70-летний писатель (он как раз работал над романом «Воскресенье») ведёт ночью с 54-летней женой (матерью 13 детей) странный нудный разговор. Софья Андреевна, судя по разговору, неравнодушна к композитору Танееву, который у них часто гостит, и Толстой тягомотно, настойчиво, настырно пристаёт к жене, чтобы она для себя определила, хорошее это чувство или дурное. Толстой в этих записях выступает жутким занудой, и С.А. просто жаль. Она и называет мужа мучителем, извергом. Он доводит жену до ис-

терики. Поразительно, что сам Толстой весь этот разговор записал открыто, выставив свой тяжёлый, дурной характер. «Обманывай других. Я тебя насквозь вижу», – говорит в сердцах С.А. Да... сложным, трудным был человеком Лев Николаевич. Недаром всю жизнь нравственно усовершенствовал себя.

2 апреля

Встретили Олимпийский огонь. Всё было блистательно организовано (Тасмагамбетов оказался на высоте), зрелищно, эффектно. Народ ликовал, как в старое советское время, будто встречали Хрущёва или Брежнева. Школьники, студенты – все были задействованы. Назарбаев принял факел и протрусил метров тридцать, оставшись тем самым в истории Олимпийских игр. Не всякий Президент на такое способен. Иные спорят: нужно ли было Президенту стать факелоносцем. Музафар придумал казахский адекват: лаулагер. Звучит!.. Я рад, что лицезрел это событие, хотя и не олимпиец.

3 апреля

Позвонил Алибек А. из Астаны. Мне приятен этот жигит. И он относится ко мне по-братски. Сообщил: одну рукопись мою отдал Ердену Кенжебеку, вторую – Райхан. Но всё лежит: якобы тендер не определился. «Аландамаңыз, – утешил меня Әлібек. – всё под контролем». Я понял: всё сомнительно. Но что поделаешь? Не в моей это воле. Надо работать. Когда-нибудь что-нибудь, может, обломиться. Кроме, как на казахов, мне уповать не на кого... Моя задача: работать каждый день. А там видно будет.

5 апреля

Основной разговор в Алматы вокруг Тасмагамбетова, Есимова и Мамина. Большинство жалеет, что Имангали Президент забрал из Алматы. Прикидывают шансы Есимова. Я его знаю слишком мало, чтобы судить-рядить. Таса, наоборот, знаю давно и чувствую хорошо. С тёплой человеческой симпатией.

6 апреля

Подумалось мне сегодня вот о чём. Существует ли во мне недоброе отношение к кому-либо? Никого не вспомнил. Есть такие, которые мне мало симпатичны. Но злых чувств к ним не испытываю. А зависти, злорадства в моей натуре вообще нет. Я вообще излишне доверчив к людям. Это мой недостаток. Вот один самовлюблённый дурак меня как-то оскорбил. Но у меня нет к нему зла. Наоборот, мне его жалко. Старый, одинокий, амбициозный интриган, завистлив, спесив, необразован, многими презираем... он не живёт, а мучается, сам себя поедом ест. Глубоко несчастный человек. Жалко его...

9 апреля

Вчера скончался от обширного инфаркта дипломат Ибрагим Амангельдиев. Завтра панихида в Доме учёных. Я его немного знавал, встречались раза три-четыре, гуляли возле Чокана, беседовали. Мне он запомнился эффективным мужиком. Рассуждал умно, грациозно курил трубку. Был он промерно моих лет.

11 апреля

Жумагали Исмагулов пригласил на свое 80-летие. Мне он приятен: образован, работящ и не пакостник. Но увы! – ни на чей той ходить не могу.

На прогулке русскоязычный поэт-уйгур Юсуф познакомил меня с юной, симпатичной уйгуркой Рано из Урумчи. Она вроде как постоянный представитель чего-то в Алматы. Якобы владеет арабским, турецким, русским, уйгурским языками. Собирается в Турцию. По приезду намерена встретиться со мной. С какой целью – неясно.

Позвонил ещё один 70-летний казах, три года учившийся у Солженицына в Коктереке. Александр Исаевич был у него классным руководителем. Хочет мне рассказать о Солженицыне-педагоге в ссылке.

12 апреля

Перед сном читал «Новое поколение» и глазам не поверил: сорок дней назад скончался Халел Сулейманов, историк, литератор, химик, обаятельный, улыбчивый, добрый человек. Он иногда мне позванивал, книги приносил (об Ильясе Омарове), на концерты Жанар приглашал. У него и голос будто лучился. Очень приятная была личность. Кажется, он был моложе меня. И вдруг – на тебе! – уже сороковины. Печально...

20 апреля

Опять худо. С давлением сладу нет. Вызывал «скорую». Колотило жуть. За час, напичкав всякими лекарствами и всадив три инъекции, еле-еле сбили до 140.

В «ҚӘ» прочёл с большим интересом интервью с математиком Аскаром Жумадильдаевым. Он умница, мыслит нестандартно. Вольный, незашоренный человек. Когда-то сидели вместе в Парламенте. Формулирует мысли чётко. Видно: не на казахских дрожжах вырос. Молодец!

Восторг вызвала статья Мендеке в «Жас алаш» о рассказе Аскара Алтая. Крепко сделано! Выводы острые, актуальные, логика блестящая. О хорошем рассказе написана превосходная аналитическая статья.

22 апреля

Из интервью с Кабдешем узнал, что, издав его 12-томник, издательство выдало ему на руки 500 экз. комплекта (500 х 12 = 6000 книг). И они валяются у него дома. И я подумал: иногда и меня посещает идея издать десять томов сочинений. Но кто их будет читать? Кому охота держать десять томов Бельгера? Значит, вполне достаточно три-четыре тома избранной прозы. Остальное – публицистика, эссе, исследования, критика – существует в отдельных книгах. Но ведь и 3-4 тома прозы моей никто не издаст. Вот в чём дело-то...

Одно ясно: казахскими многотомниками народ сыт по горло.

25 апреля

Пришла медсестра. Давление 170/90. Кардиограмма плохая. Аритмия. От лекарств толку мало. Иногда хочется хлобыстнуть коньяк (мне это советовали и Снегин, и Симашко), да нельзя. Выйдет боком.

Из фонда Алтынбека привезли 5 книжек. Серьёзные издания!

А из Союза писателей ошарашили: погиб Бадиков. Совсем недавно говорил с ним. Хвалил его повесть. У него был творческий подъём: профессор, доктор, литературовед, критик, прозаик. Человек мощный, яркий, трудяга, добрая душа, скромница. Ужасно! Погиб в аварии, в г. Актау. Он знал, любил и казахскую литературу, писал о ней. Обладал большим авторитетом. Я его неизменно высоко ценил. Какая несправедливость!

Попросили меня сказать на камеру несколько слов о книге Адиля Тойганбаева. О книге его стоит говорить! Публицист и политолог яркий, самобытный. Обладает незаёмным умом.

28 апреля

Позвонили из поликлиники. Надо немедленно ложиться в больницу. «Что, совсем плохо?» – спрашиваю. «Не столько плохо, как, боюсь, будет ещё хуже», – говорит кардиолог Бердыхожина.

Срочно прислала медсестру. Сделали капельницу. Я убрал все рукописи. Собрал вещички. Жду команды из больницы. Жду час, два. Молчок. Ну, что зря ждать-то? Написал ещё 1,5 страничек романа.

Сердце ёкает, в мозгах напряжение, давление скачет. Ничего не поделаешь: надо ложиться на больничную койку.

8 мая

Девять дней проваландался в больнице. Традиционное лечение. Обследование, анализы хороши, лечение – чепуховое. Каждый раз выявляется новая болезнь. Теперь обнаружили почечную недостаточность первой степени. Выписали 10 видов лекарств по 2-3 таблетки в день. Кошмар! Кишки сгниют! И треть пенсии уходит на лекарства.

Познакомился в больнице с интересным человеком – корейцем Тен Чу. Композитор. Кандидат искусствоведения, доктор филологии. Специалист по японскому и корейскому языкам. Учился в Сеуле, Токио, Москве. Учась в Москве, выступил против Ким Ир Сена и вынужден был остаться в Советском Союзе. В Алматы с 1958 г. Сейчас ему 85 лет. Профессор. Знаком с контактёром иноземных цивилизаций. Эдуардом Майером из Швейцарии. Бывал у него. Все 9 дней рассказывал мне об инопланетянах, показывал книги, альбомы. Через него познакомился с архитектором Юджином Имайо (милый человек, жена казашка) и дизайнером Шоки-саном. Фотографировались. Пили чай. Беседовали с помощью переводчика Тен Чу (с японского) и казашки Жания (с английского). Весьма приятные люди.

12 мая

Таскару убрали, поставили министром культуры Құл-Мұхаммеда. Я этому рад. Знаю Мұхтара давно, искренне симпатизирую. Человек деловой, активный, с казахской душой и блестяще образован. Мне с ним обращаться легко и приятно. Тонко чувствует, всё с ходу понимает. Я его никогда ни в чём не донимаю, но ближе к 75-летию, возможно, обращусь за содействием. Впрочем, видно будет. Я вообще-то склонен никого ни о чём не просить. Если же обратят взор – буду рад.

Мало было своих «итов», теперь ещё один «ит» меня скрутил – радикулит. Чтобы провалились все эти «иты»!

13 мая

Вчера по ТВ показали Андрея Вознесенского. Очень плох. Рука висит плетью. Голоса нет. Глубокий, дряхлый старик. А ему 75. В таком виде лучше не показываться. Не лезть на глаза. Не надо демонстрировать свою слабость и дряхлость. А телевизионщики всё показывают, как Хрущёв на него орёт и грозит кулаком. Будто это главное в биографии Вознесенского. Всё это оставило ужасное впечатление.

14 мая

В общей сложности, несмотря на все свои хворости, я в день пишу часа четыре и 5-6 часов читаю. А работы всё больше и больше. На переписку романа «Зов» мне понадобится ещё 2-2,5 месяца. Дневники «Тень дней минувших» составляет минимум 1000 страниц. Их мне предстоит читать дважды: после компьютера и после типографского набора. И ещё текст четырёх рукописей необходимо вычитать дважды. Это ещё одна тысяча страниц. И ещё десяток книг других авторов меня ждёт: нужно читать с карандашом, осмыслить и что-то о них сказать. Значит, скучать в ближайшие годы не придётся. Нужно работать, как каторжнику.

Шота прочёл по телефону свою утреннюю молитву. Он знает, что умрёт, и с этим смирился. Но он просит Всевышнего дать силы завершить задуманное на пользу народа. Об этом просят наверняка все пенде. Но удалось завершить творческие замыслы одному Гёте. Он всё завершил и прожил в своё удовольствие ещё полгода. Счастливчик! Избранник судьбы. То – Гёте. А я, ничтожный, даже с радикулитом справиться не могу.

15 мая

Вчера в «Известиях» прочитал интервью Никиты Струве (Франция) о Солженицыне. Александр Исаевич физически страдает. Болит спина, ноги не ходят, левая рука отказала, сидит в коляске, но дух могуч, продолжает работать. Вот с кого надо мне брать пример!

18 мая

14 лет назад в этот день скончалась мама. Увы, посетить её могилу не могу: до Ташкента мне, видно, уже не добраться. Горе, горе! Лежит на Ташкентском кладбище «Домрабад» рядком сестра Роза, мама и отец. Мир их праху!

Чувствую себя неважно. Голова кружится, сердце частит, суставы скрипят. Пью восемь лекарств, а толку-то... Мой отец, сам медик, лечил усердно людей, а сам лекарств не принимал, кроме, кажется, аспирина. И прожил более 93-х лет. А его сын в 73 года дохлый.

20 мая

Недалеко от меня живёт могучий духом казах Муса Сулейменұлы Бесбаев. Учёный. Доктор. Профессор. Бывалый человек. Остро рассуждает, метко мыслит. Я его называю Моисеем Соломоновичем. Недавно он отметил своё 80-летие. И мне от своего юбилея вручил подарок: хорошую сумку, блокнот, ручку и свою книгу. Щедро!

Встретил и литературоведа Халима Садыкова. Он пишет рецензию на мой роман «Разлад».

21 мая

Айтматову в Казани стало худо. С диагнозом «почечная недостаточность» его отправили самолётом в Нюрнберг. Человеку 80 лет, а он мотается по всему свету и юбилейничает. Зачем? Разве мало ему славы и почести? Человек он давно нездоровый: я в том убедился, находясь пять дней вместе в Костанае, а потом встречаясь в Алматы. Но таков пендешілік: пока живой всё мало, мало, мало. Всё надо, надо, надо, а потом ничего не надо...

26 мая

Дотащился до аллеи Чокана. Думал: похожу, посижу, отдохну. Какой там! Сначала подошел поэт Василий Муратовский. Преподнёс свою новую книгу стихов. Я вспомнил: его отец, доцент Муратовский, читал лекции на истфаке. Сопровождала его маленькая казашка, его жена. Стихи Василия мне знакомы по «Простору», «Литературной Алма-Ате». Поэт своеобразный. Ушли Муратовские, подошли некий Мереке и казашка-россиянка. Она переводит христианские молитвы на казахский язык. Получается топорно, чужеродно, ибо религиозная христианская лексика не имеет аналогов в казахском языке. И вообще неясно, зачем нужны казахам христианские молитвы? Полчаса толковали. Ушли «духовники», пришла супруга покойного Халела-Мухаммеда Сулейменова. Вручила мне его последнюю книгу – «Шежіре», в чём я совсем не разбираюсь. Не отдохнул, а весь больной еле притащился домой с коржуном книг.

28 мая

На рассвете во сне увлечённо читал жене свой новый рассказ. Длинный, длинный и печальный. Почерк стремительный, неясный. Многие слова и даже строки не в состоянии разобрать. Рассказ мой, а почерк не мой. А последняя фраза – точно запомнил – написана почему-то по-казахски: «Ай, шаршадым, шаршадым»... В глубокой печали со слезами на глазах проснулся. Что бы это значило? Значит, душа болит, плачет.

1 июня

Ночью было худо. Частило сердце. В груди жуткая тесень. Долго простоял на балконе, предавшись печальным мыслям.

...Издательские планы, тендер до сих пор не определены. Полная неразбериха. У меня, кажется, никаких надежд. Знакомый писатель, вернувшийся из Астаны, говорит, что в столице всего три направления: карьеризм, рвачество, разврат. Всё остальное смысла не имеет. Все силы, стремления подчинены этим трём направлениям: кресло, хапание и трахание. Значит, я для Астаны ничто. Мусор. И писаниям моим грош цена.

Тюркский мир, создав Комитет, пытается для Айтматова добиться Нобелевской премии. Какой разговор, он её несомненно заслуживает. Не хуже же он бабки Дорис, которой вручили нобелевку в прошлом году... А сегодня Айтматова удостоили престижной международной премии «ТЮРКСОЙ», которую дают раз в пять лет. Интересно, сколько всего премий получил Чингиз Турекулович? Наверняка больше сотни. В Германии, помнится, ему дали премию одного путешественника XVIII века Фридриха (фамилию забыл). В Костанае Айтматов с юмором поведал мне, что общество зоотехников в Германии, узнав, что он закончил ветеринарный техникум, вручило ему и зоотехническую премию. Так что в коржуне Айтматова много всякого – от весьма серьёзных до экзотических премий. А нобелевку не дают: жадничают академики Швеции.

3 июня

К 10 часам закончил «Зов». Более шести месяцев корпел над ним. Конец меня не очень устраивает: то ли его публицистичность, то ли жалко расставаться, то ли душевная опустошенность. Обычно, завершив большой труд, я некоторое время болею. И тогда нужно срочно заняться чем-то иным. Заняться есть чем. Но опустошенность жуткая.

Газете «Айқын» дал сразу три интервью по трем темам. И много было звонков. Значит, я ещё живой.

6 июня

Газеты пишут: с Айтматовым плохо, подключён к аппарату искусственного дыхания. Плохой признак. И у Шаханова проблемы с сердцем. Нужна операция за рубежом. А средств, якобы, нет. Неужели у правительства нет денег на Шаханова? Правительств можно настряпать сколько угодно, а второго Шаханова где возьмёшь?..

Қазақбайская возня с госпремиями. Кандидатов 19. По литературе 6. Дадут одну. Аж 50 тысяч долларов... Меня этот вопрос, слава Аллаху, никак не интересует. Закончу свой век и без премии. Мне бы только свои книжки издать.

Назарбаев публично отказался от присвоения Астане своего имени. Очень разумно. Иначе был бы вселенский позор. Генерала Сәту за такую инициативу надо бы разжаловать в фельдфебели, а депутатов вообще распустить. Я это предложил в «Тасжарғане».

8 июня

Музафар А. по телефону прочёл стишок:

Уақыт өтіп ұзаған,
Туған ашу-ызадан
Бельгер сөзі қызаған,
Оқиды оны Мұз-аған.

11 июня

Едва приступил к работе, позвонила девица с радиостанции «Азаттық» и сообщила горестную весть: вчера вечером ИТАР-ТАСС объявила о кончине в Нюрнберге Чингиза Айтматова. Нужно интервью. Весть ошеломила, хотя уже две недели (или больше) знаем, что Айтматову худо...

Ровно в десять белоликая Макпал пришла домой и записала меня. Минут пять что-то бессвязно пробормотал о моём ощущении Айтматова.

Грандиозная, уникальная личность! Ушёл красиво: не дряхлый старик, а стройный, прямой, импозантный, умный, мудрый джентльмен. Всё в жизни имел. Многого достиг. 50 лет был обласкан славой. О нём ещё много напишут, скажут. И книги его читать будут ещё долго. Был очень активен, популярен. И книги его прозвучали на 160-165 языках. И жаден был до жизни, до славы. Широко готовился отмечать свое 80-летие. Планы были громадные. Проекты колоссальные. Судьба распорядилась по-иному. Мне он очень нравился. И как писатель, и как человек.

Я его немного знал, встречался и беседовал с ним в Костанае (на выездном заседании Казахского ПЕН-клуба), в Алматы (в пору моего депутатства встречал и провожал его), в Ташкенте (на конгрессе литератур Туркестана), в Москве (на писательских съездах). По его просьбе я послал ему свою книжку «Гёте и Абай», читал ему «Ночную песнь странника» Гёте в переводах Лермонтова и Абая. Он меня называл «Гереке», общались, главным образом, по-казахски. Как-то прислал «Тавро Кассандры» на немецком языке, подписал: «Славному казаху Герольду Бельгеру». Симпатичный был человек, прекрасный собеседник. В Ташкенте я записал его устный рассказ во время вечерней прогулки возле гостиницы. С Аскаром Сулейменовым мы часто говорили о нём, восторгались его произведениями.

Он не должен печалиться: ушёл в канун 80-летия на взлёте, в лучах заслуженной мировой славы. Правда, многие замыслы остались незавершёнными. Все свои замыслы в жизни завершил один Гёте.

12 июня

По всем каналам ТВ говорили вчера о кончине Айтматова. Везде мелькал эффектный видеоряд. Айтматов запечатлён в фильмах и фотографиях щедро. И везде на него любо-дорого смотреть. И он искал славу, и слава искала его. И он обуздал, настиг, покорил славу, как строптивую женщину, и слава его обласкала, как любимца, как баловня, как любовника. Но, полагаю, Чингизу Торекуловичу было порой тяжело: сохранить человечность под пудами наград и регалий, конечно же, не просто. А он цацками был увешан с ног до головы, как маршал-полководец.

13 июня

Занёс мне редактор Ильдар журнал «Esquire». А там портрет Ч. Айтматова и правила его жизни. Красивый, мудрый человек, одинокий душой, с печальными глазами. Айтматов всю жизнь был облеплен людьми, и всё равно, мне кажется, он был одинок, как все великие люди.

16 июня

Хороших снов почти не вижу. Всё брожу пилигримом – неприкаянный, заброшенный, потерянный. Вот и сегодня очутился в захудалом, грязном городке, куда меня будто выслали, ищу пристанище-квартиру, встретил своих сестёр Эльму и Альму, а они ничем мне помочь не могут. Так и проснулся в каком-то ужасе, весь побитый, измочаленный. Проверил давление: 203/102. Кошмар! С утра-то! Ну, и какой я работник с таким давлением?

...На днях Аягул Мантаева (как журналист-литератор она растёт на глазах) в «ҚӘ» подняла весьма важный вопрос: знают ли казахскую литературу за рубежом? Кто-то уверяет: знают. Кто-то убеждён: не знают. Я бы ответил так: знают, но очень мало. Имеют очень поверхностное представление об Абае, об Ауэзове, об Олжасе, об Абдижамиле, немножко о Шаханове, о Кекильбаеве. И всё. В основном понятия не имеют. У нас и народных, и заслуженных, и лауреатов уйма, но за рубежом никто их не знает. Виноваты в том не только писатели. Вопрос сложный. И обидно: сама по себе казахскую литературу слабой не назовёшь.

17 июня

Прочел две рукописные статьи Марата Сембина. Толково! В одной нашел факт, который мне был неизвестен. Оказывается, еще в апреле 1936 года из Украины в Караганду было выслано 15 тысяч семей поляков и немцев. Совершенно секретное постановление было подписано Молотовым.

...На похоронах Айтматова самая большая делегация была казахская. Из Астаны были Шерхан, Абиш, Рымгали. Из Алматы – Нурлан. Самостоятельно – Шаханов. Принял их Бакиев. Все провели достойно.

23 июня

Дочитал объемную рисалу Оразбека в «Жас алаше» (10.06.08) «Қазақта пассионар тұлғалар бар ма?» Оразбек – крупнейший мастер этого редкого и сложного жанра. Я наверняка прочел добрый десяток его эссе на религиозную тему. В них поразительный сплав ума, таланта, знания и четкого философского направления. Читать их очень интересно. Блестящий язык, широкий кругозор, четкость, точность мышления. И в этой

рисале он глубоко пашет, раскрыл личность Алтынбека как духовное, пассионарное явление казахов. Убедительно, основательно. Молодец Оразбек! Надо издать его эссе отдельной книгой. Это будет нечто весомое, долголетнее. Рад за Оразбека.

25 июня

Самое приятное – беседы со Львом Толстым. Уже несколько дней делаю для себя выписки из его дневников. Поразительно! Все любопытно, поучительно. Ловлю себя на том, что, кроме Толстого, мне никаких собеседников и не нужно.

30 июня

Ночью завершилось европейское первенство по футболу. Как я и предполагал, испанцы переиграли немцев со счетом 1:0. Вполне логично и справедливо. Болел я, понятно, за немцев, но испанцы убедительно доказали, что они лучше. Смотрел и награждение. На матче присутствовали и испанский король, и германская канцлерин. Тоже держались достойно, культурно.

Запомнились турки, испанцы, немцы. И русские превзошли себя.

6 июля

Шаханову предстоит операция. Якобы нет средств. Неужели для Шаханова у государства нет средств? Срам! Соискателей на госпремию в области литературы и искусства 19 человек. По литературе – 6. Оставили двоих. Дадут Н.Айтову. Так решили в верхах. Слава Богу, меня этот вопрос никак не интересует. Говорят, Айтов мощно воспел Президента. Ну, понятно, ему и премия.

Государственный праздник – день рождения Президента. Страна ликует. Но что будем завтра делать? Какой теперь той организуем? Без тоя скучно!

8 июля

На прогулке встретился с неким Питером Леонардом. Питер – ирландец, выросший на Мальте, симпатичный парень 30 лет. Записывал меня более часа. Русскому языку учился в Лондоне, потом – в Москве. Интересный человек.

11 июля

Из газет узнал, что Астана будет издавать книги лишь астанайских чиновников. Алматинцев в списке не встретил. А инородцев и подавно. Их полностью отшили. И нужно огромное мужество, чтобы заниматься литературой, когда тебя откровенно оттесняют, изолируют. За этот год, видно, не издам ни одной книги, хотя работаю постоянно и усердно, и у меня накопилось уже 8 рукописей. Стимула нет. Тяжело.

12 июля

Салман Рушди получил третьего Букера – букера всех букеров. Показывали по ТВ его и двух его сыновей. Это удар по Хомейни. Салману могут дать еще и Нобелевку.

16 июля

Позвонил неожиданно Нурлан Оразалин из СПК, узнал о моем амандық-саулық. Сказал, что Союз писателей должен проявить обо мне заботу. Просил в октябре дать сведения о моих издательских нуждах. Словом, приободрил, обнадежил.

17 июля

Подписал договор с берлинским изд-вом «Hans Schiler-Verlag». Издают мой «Дом скитальца». В IV квартале 2009 года. Неплохой будет подарок к моему 75-летию.

Закончил три статьи-очерка об усопших: В.Бадикове, Н.Масанове и Б.Тайжанове.

21 июля

Встретился сегодня с корейским композитором, доктором филологии (знает японский и корейский языки) Тен Чу. Он был в Швейцарии у уфолога и контактера с инопланетянами Эдуарда Майера, передал мне разные материалы и фотографии. Все любопытно, интересно.

В поликлинике встретил профессора-тюрколога Алтая Аманжолова. Я знавал его отца Сарсена Аманжолова. Разговорились. Зарплата ученого-тюрколога 53 тыс. тенге. Няни, которые «пасут» одного ребенка и день-деньской сидят на лавочке, получают 70-80 тыс. Ал, бұған не дейсің?

30 июля

Встретился с интересным итальянцем из Турина. Крепкий, рослый мужчина 37-ми лет. Неплохо говорит по-русски, хотя какие-то слова не понимает. Жена – русская. Зовут итальянца Фабрисси Вильельми. Пишет докторскую диссертацию о демократизации казахского и среднеазиатского общества. Ну, я и поделился некоторыми соображениями на этот счет.

Из дневников Л.Толстого выписал 47 страниц.

3 августа

О будущем лауреате, которого высокие господа определили еще в феврале, (Н.Айтове) написал хвалебную статью М.Алимбаев, потом С.Кирабаев, вслед за ними Д.Досжан. Значит, надо полагать, идет массированный пиар по заданию сверху.

Я – в этом вопросе – не судья. Плохо знаю обоих кандидатов в лауреаты – и Айтова, и Ақсұңқарұлы. Но, в моем представлении, первый – простой акын, а второй – искушенный, интересный поэт. Или по-другому: Аксұңқарұлы – поэт с философским воззрением, обладающий современной поэтической формой, а Айтов – сказитель старого пошиба, ловко приноровившийся к современным властям. Но поскольку наша власть обожает не талант, а угодников, то лауреатом и станет сказитель-жырау Айтов. Впрочем, могу и ошибаться.

4 августа

В час дня из «Комсомольской правды» позвонила Соколова и сообщила о кончине Солженицына. Спросила: «Знаю ли я кого-нибудь, кто может рассказать о казахстанском периоде Александра Исаевича?»

Я назвал двух его учеников – Куатбека и Битимбая, дал телефоны и адреса.

Что Солженицын очень плох, знаю давно. И все равно смерть неожиданна. Для меня удар: я ведь солженицынист с 1962 года. Он, можно сказать, был моим духовным, нравственным и гражданским наставником.

О нем я уже писал. Напишу еще. Даже название вспыхнуло в голове – «Уроки и упреки». В декабре Солженицыну исполнилось бы 90. Возраст солидный. И жизнь богатая. А все равно жалко. Могучий был человек!

8 августа

Как красиво расположились цифры. Сегодня открытие Олимпийских игр в Пекине. Бо-о-ольшое событие! В том, что китайцы по итогам займут первое место, не сомневаюсь. А вот выйдет ли Россия на третье место – под вопросом. Наберет ли Казахстан 13 медалей – тоже сомнительно. Спорт, по большому счету, отражает экономику, мощь страны. А потому, если Казахстан займет 30-е место, – это айналайн.

Позвонила сестра из Германии. Там из Интернета перепечатали мою статью (о литературе тамошних российских немцев).

Разгорается грузино-осетинская война. Кто стоит за этим – прекрасно понимаем. Жаль народ, который расплачивается за амбиции политиков.

12 августа

От Абильмажина узнал о кончине жены Марала С. Очень жалко! Я ее несколько раз видел на тоях-застольях. Милая была женщина.

13 августа

Ура! Ура! Казахстан на Олимпиаде отхватил сразу две медали: серебро и бронзу. Корджун уже не пустой. Наверняка в него попадет еще кое-что.

За последние дни в разных газетах, журналах увидели свет 6-7 моих статей, интервью. А вот книги не выходят. И это меня огорчает. В Астане меня напрочь забыли.

15 августа

Память заметно ослабла. На прогулке стараюсь затвердить начало арабской молитвы, и никак не могу запомнить. «Мозгá не работает», – говорил в таких случаях Дебольский.

18 августа

Сегодня моему отцу было бы 99 лет.

Вчера два часа болел за Илью Ильина. И он блестяще справился со своей задачей. В сумме взял 406 кг и добыл золото. Национальный герой! За него все рады.

Заехал Дидар и взял у меня сразу три статьи: о Солженицыне, о Масанове, о Тайжанове. Облегчил мой корджун. А в нем еще 20-25 неопубликованных статей.

Встретилась на прогулке доктор технических наук Рахимбекова. Вручила мне свою книгу – килограмма на 1,5 тянет. Женщина, чувствуется, образованная, интересная, с мощными генами. Но как я прочту ее фолиант?

20 августа

Сегодня посетили меня две милые молодки из городского архива. С одной из них (Сәуле) я двадцать лет назад был во Франции. Забрали для горархива 16 моих книг.

Оразбеку С. сегодня исполняется 70. Но до него так и не дозвонился. Может, укатил в Кызылорду. К Оразбеку я отношусь с давней и прочной симпатией. Честный, порядочный, умный и образованный казах с хорошей природной, аульной закваской.

22 августа

Приехала из Президентского архива милая Таразы Абилова и забрала около 50-ти документов: рукописи, поздравления, приглашения, письма... Получается: в 2003 году

я сдал в архив 511 документов; в 2005 году – 1 302 документа; в 2008 году – около 50 документов; в 2009 году – 76 документов. Значит, сдал в архив около 2000 документов. Еще столько же сдам в скором будущем. Президентский архив обещает их хранить семьдесят лет после моей смерти. Ну, и ладно!

В «Начнем с понедельника» вышла статья на двух полосах «Уроки и упреки» о Солженицыне. Знаю, о статье этой будут разные мнения, но одобрительно отозвались Буркитбай (доктор, профессор), Тынымбай, Битимбай и др. Это моя 1530-я статья.

24 августа

Вчера при встрече Роллан С. подтвердил: с Нового года начнет печатать мой роман «Зов».

Россия на Олимпиаде вышла на третье место. Выше не поднимется и ниже не опустится. А Казахстан вроде как добыл вторую золотую медаль и малость улучшит свое положение. Получилось, как планировали. И даже чуть лучше.

25 августа

Два дня искал нужную цитату из писем Толстого. Еле нашел. Теперь могу закончить статью о Нобелевской премии.

На прогулке записал меня на камеру Нурлан Даутов – главный режиссер телерадио-комплекса Президента РК. Теперь должен записать меня еще дома, чтобы сляпать 26-минутный документальный фильм. А мне это нужно?

Толеген Жукеев тепло отозвался о моей статье о Солженицыне. Звонил таинственный журналист Әділет Бостан. Я его разыскиваю год. А он оказался Алмасом Коширбаевым.

28 августа

Удивил Мэлис Атамкулов. Я собирался звонить ему в октябре, а тут вдруг он сам позвонил, выразил готовность издать мой дневник к книжной ярмарке в Германии. За полтора месяца! Неужели такое возможно? Неужели мне так повезет? 40 печатных листов выпустить в свет – мне бы сразу стало легче.

В Душанбе на ШОС очень разумно выступил Назарбаев. И в беседе с Медведевым четко расставил все акценты.

30 августа

День Конституции. Унылые «круглые столы». Собирается горстка чиновников и в унисон поют о том, как хороша наша Конституция. А народу и дела нет. Народ недоумевает: а что такое Конституция, и с чем ее едят.

Прикинул – в качестве мечты – диспозицию избранных моих произведений. Потянуло на 15 томов: проза – пять томов; публицистика, эссеистика, очерки – три тома; переводоведение – два тома; исследования по немецкой литературе – два тома; литпортреты – один том; дневники – два тома. Мечта красивая, но нереальная.

2 сентября

На вечерней прогулке встретился с Болатом Шарахимбаем. Он вручил мне две свои поэтические книжки и оставил анкету с десятью вопросами. Книжки его полистал. Кое-что знакомо. Поэт хороший и журналист крепкий.

4 сентября

Встретился с зам. председателя Совета директоров «Банка ТуранАлем» – Е.Т. Весьма интересный, нестандартно мыслящий, симпатичный молодой человек. Он приехал ко мне за советом, но больше слушал его я. Любопытно рассуждает. Трезво...

5 сентября

Нашу беседу с Муратом Телибековым записал на диктофон Ильдар для журнала «Esquire». Не знаю, что получилось, но Ильдар вроде доволен.

14 сентября

Из газет узнал, что премию Алтынбека присудили Амангельді Кеңшілікұлы. Очень рад. Я за него ратовал и хлопотал за него. Он, конечно, самый достойный. Потом он позвонил мне сам, благодарил и сообщил, что мое письмо публично зачитали.

17 сентября

Встретился с Айнаш (весьма милая келіншек, переводчица, общительная). Она едет в Астану, в издательство «Аударма» (там будут издавать составленную мною книгу «Абай. Двадцать стихотворений на трех языках»). Вот я и отправил с Айнаш книгу, изданную в Кёльне, дискету и распечатку. Әйтеуір аздаған қыбыр-жыбыр бар.

19 сентября

Встретился с Кенесом Юсуповым. Он пробил новый проект – издание ежеквартального журнала «Литературный Казахстан»: переводы национальных писателей республики на русский язык. Меня он ввел в члены редколлегии. Вручил два номера «Әлем әдебиеті» с моими работами.

В СП Нурлан Оразалин вручил 30 писателям медаль «10 лет Астаны». Среди них и я. Но я до Союза писателей не добрался. Тяжело мне подняться на второй этаж. Может, медаль домой привезут?

22 сентября

Вчера на окраине Алматы провели митинг-акцию в защиту казахского языка. Конечно, акция важна, но польза от нее невелика. Подробности рассказал Оралжан.

23 сентября

В девять утра позвонил из Астаны Әлібек А. Уточнил мои издательские дела. Обещал все держать под контролем. Мой надежный заступник в Астане – Әлібек.

Пока что выяснилось: а) рукопись «Қазақ дәптері» находится у Мухита (обещает издать еще в этом году); б) «20 стихотворений Абая на трех языках» лежат в издательстве «Аударма». Қайырды намерен издать также в этом году; в) рукопись романа «Разлад» в плане «Жазушы» (подробности пока не знаю); г) рукопись дневника у Мэлиса.

По крайней мере, знаю теперь точно, где что находится.

25 сентября

Позвонил некий Берік из Астаны, любезно предложил издать какую-нибудь мою книжку. Пришлите, говорит, калькуляцию. Не знаю, насколько это реально. Не қылған аяқ астынан май тоқаш? Договорились конкретно поговорить, когда будет в Алматы.

3,5 часа проваландался в поликлинике. Пришли к выводу, что мне необходимо дней десять подлечиться. Будет приезжать медсестра и делать уколы и капельницу.

27 сентября

Был Мухит из Тараза. Два года проучился в Польше. Составил трехкилограммовый труд «Словарь науки»... Я представил его на премию «Дарын». Вполне достоин. Литературовед широкого масштаба и крепкой хватки. Мне он давно нравится.

Звонил Закир А. Он, оказывается, болел. Просит мою статью пока никому не давать. Он – толковый литератор и превосходный переводчик. Переводить будет лишь в том случае, если будет гарантированный гонорар. Абсолютно правильная постановка вопроса. Труд писателя надо не только уважать, но и оплачивать. Слишком много у нас стало газет и журналов, которые функционируют на халяву и напрочь забыли слово «гонорар». Довели писательский труд до хобби, до самодеятельной любительщины.

29 сентября

Приехал из Союза писателей водитель Талаптана и всучил у порога мне медаль «10 лет Астаны». В удостоверении стоит подпись Назарбаева. Я говорю шоферу: «От имени Президента поздравь меня, как положено». Парень смутился, пожал руку и пролепетал: «Құтты болсын!» Я рад, что времени на эту церемонию ушло ровно две минуты, а медаль сама по себе хороша.

3 октября

В 108 лет скончался карикатурист Борис Ефимов. Потрясающе! А я в 74 года – дохлый. И что делать? Работать!

5 октября

Человек десять похвалили по телефону мою беседу в «Әдебиет айдыны». Болат Шарахымбай, действительно, эффектно подал этот материал. Я весьма доволен.

Прочел рассказ Кабдеша в «Жас алаше». Острый, сатирический, едкий, с прозрачным подтекстом. Жаль, нет времени перевести. До того прекрасную статью-воспоминание о Сайлаубеке Ж. опубликовал в «Туркестане» Медетбек. Сильна статья Сейдахмета Қ. «Будет еще хуже» в «Свободе слова». Уровень казахских газет заметно вырос.

8 октября

Из Германии прислал свою книгу Роберт Корн. Серьезный труд! Издано прекрасно. Речь в книге идет о российских немцах. Это исторические очерки-эссе, добротно проиллюстрированные. Вышла книга в изд-ве Вальдемара Вебера. И автор, и издатель мне знакомы лет двадцать.

Тажин объявил в ООН, что Казахстан в состоянии прокормить весь мир. Ну, что тут скажешь? Хоть стой, хоть падай.

Врач прослушала меня: хрипы в правом легком не исчезают, и в сердце перебои.

10 октября

Знакомился с претендентами на премию «Алтын жүрек», читал резюме по десяти номинациям. Обрадовался тому, что у нас есть столько мощных благотворителей. Вес их в обществе возрастает.

Выходит, я – член жюри: 1) премии имени Г.Толмачева; 2) премии Алтынбека Сарсенбаева; 3) конкурса «Альянс-Банка»; 4) конкурса «Алтын жүрек». Получается, я – человек востребованный. Меня это греет.

Приезжали доселе незнакомые мне двое из Института экономических стратегий Центральной Азии (ИНЭС): исполнительный директор Айтолқын Құрманова и бизнес-консультант Ерлан Сейтимов. Интересные, симпатичные люди! У них идея – издать какую-нибудь мою книгу. Поговорили около часу. Я им предложил свои варианты, передал 5-6 своих книг на ознакомление. Зашел даже разговор об издании трехтомника. Но издавать трехтомник мне бы хотелось в каком-нибудь престижном издательстве.

Не знаю, получится ли что из этого разговора, но сам факт приятный.

11 октября

Ночью пришла в голову идея: собрать мои статьи и интервью последних лет и скомпоновать публицистический сборник под названием «Долг и выбор». Эдак листов на 12-14. А? Может, зимой эти займусь...

В «Тасжарғане» Құрал Тоқмурзин очень едко описал человеческие слабости Нурпеисова. Обхохочешься!

13 октября

Нобелевскую премию по литературе получил французский писатель Жан-Мари Гюстав Леклезио, 68-летний обладатель многих литературных премий. Я о нем и слыхом не слыхал.

16 октября

В «Туркестане» прочел великолепное эссе «Шерағаң» Несіпбека Дәутайұлы. Я с ним не знаком. Читал какие-то статьи, интервью. Давно понял: самобытный литератор. С божьей искрой. Прекрасный язык. Очень обрадовался.

17 октября

Карагандинка Айгул Корабаева, оказалось, пишет обо мне диссертацию «Бельгер – теоретик и практик художественного перевода». Мило поговорили. Произвела приятное впечатление. Обо мне написала несколько статей.

19 октября

Прочел в «ЕҚ» дивное эссе А.Кекильбаева об Оразбеке С. Изящно, вкусно, тепло все подано. Проникновенно и трепетно. Молодец!

21 октября

Некий француз Жан-Поль Леото издал «Литературный дневник 1893-1931 гг.» 18(!) томов. Я – не француз, а этнический немец, а потому, может, мне издать 2 тома?

Из газет узнал, что в ноябре выйдет восьмитомник Ч.Айтматова тиражом в 9500 экземпляров.

23 октября

Весьма толковую, глубокую статью о Хасене Оралтае опубликовал в «Жас алаше» Смағұл Елубай. Молодец! Классно! Да и Хасен – колоритная, цельная личность.

25 октября

В «Жас алаше» с удовольствием прочел рисалу Оразбека. Мастер! А в «Свободе слова» великолепное интервью о «Қилы заман» дал Мурат Ауэзов. Все сказал верно и основательно.

27 октября

Каждое утро, делая посильную зарядку на балконе, вспоминаю Бақкожу. Он, будучи на 14 лет моложе меня, охотно давал мне советы. Зная, что меня часто наведывает радикулит, советовал мне делать зарядку через силу, преодолевать боль. «Әйтпесе жатып қаласыз», – повторял он. Вот эту фразу я каждое утро и вспоминаю. Так странно: уже десять месяцев Бақкожи нет, а я никак не могу привыкнуть к его отсутствию.

Жена А.Кодара Зәмза завезла три книги супруга и журнал «Тамыр». Вот я несколько часов и знакомился с этими изданиями. Ему я передал свою книжку «Властитель-слово». В обед Кодар еще раз позвонил, похвалил книжку. А я и забыл, что в ней и о Кодаре идет речь. Ему на днях исполняется 50 лет, а я из-за своего кислого физического состояния не смогу присутствовать на его юбилее.

29 октября

Вчера мне исполнилось семьдесят четыре. Кошмар!

Жили же казахи, не ведая о своих днях рождения. Как хорошо и мудро!

Я же знаю не только свой день рождения, но и то, что родился в 8.05 утра и вес мой был 3800. За эти годы я отяжелел ровно в 20 раз.

Суетно и хлопотно. И гости были, и поздравления с 7 утра до 12 ночи – из Алматы, Москвы, Ташкента, Бишкека, Караганды, Астаны, Кокшетау, Петропавловска, Берлина, Гамбурга и др. И письма, и телеграммы. Словом, на отсутствие внимания жаловаться не могу. И газеты, и радио, и ТВ, и Интернет – все отметились. И подарков всяких надарили кучу.

30 октября

Встретился с библиотекарями юношеской библиотеки им. Джамбула. Длилось это мероприятие три часа. Здорово организовали: и выставка, и концерт, и доклады-речи, и мое выступление, и фотографирование, и банкет. Все получилось искренне, тепло. Доставили меня домой с обострившимся радикулитом. Алматинская и Атырауская библиотеки издали обо мне методические-библиографические пособия. Хожу весь обласканный.

31 октября

Принесли мне «Қазақстан-Zaman», а там – убийственный материал о делишках писателя Н. в коллективном хозяйстве «Еламан». Какие-то сомнительные дела, интриги, уфит-суфит. Вот любит писатель Н. всякий шахер-махер. И чего ему не хватает?! В таком возрасте постоянно судиться, заниматься интригами, рэкетом и рейдерством! Боже мой!..

1 ноября

Шесть лет назад в этот день скончался отец. Как бы мне хотелось быть на его могиле и мысленно побеседовать!

И в этот день год назад меня долбанул второй инфаркт. Дай Бог, чтобы это не повторилось.

Из газет узнал о кончине матери Аскара Сулейменова – Айтоты. Все ее называли именно так. А настоящее имя ее оказалось Қымбат. Я ее впервые узнал в начале 60-х годов, когда мы с Аскаром учились в аспирантуре. Живоглазая, добрая, общительная была женщина. Говорила красиво, изящно, была склонна к юмору. «Біз қожамыз!» – говорила с гордостью. Я не раз общался с ней. В последний раз видел ее лет пять назад в больнице. Друзья Аскара ее очень любили. И она знала всех друзей сына. Аскар с матерью мило шутил и боготворил ее. Называл по имени. Она была прекрасной матерью, заботливой бабушкой. Мать Аскара, мать Абиша, мать Кайрата воспринимались как матери народа. Все они прожили большую и достойную жизнь. Прощай, великая казашка Айтоты... Когда в общежитие КазПИ я впервые пил у нее чай, я спросил: «Апа, шайға қалампыр салғансыз ба?» Помню, как она удивилась тому, что я знаю слово «қалампыр» и оценил ее душистый чай. Это было 43-44 года назад... Мои воспоминания о ней очень теплые, благодарные. Кроме сына, она еще очень любила Зейнуллу Сериккалиева.

4 ноября

Утром звонил Бошай-аға. Посоветовал прочитать «Қилы заман». Я сказал: читал и оригинал, и русский перевод, и немецкий перевод. Сравнивал. Даже статью написал. Бошай-аға удивился. Рассказал о своей давней любви к Ауэзову. «Абай» читал еще в 1942 году на передовой. «Мұзафармен таласып оқыдық».

Еще говорил о тяжелом положении Казахстана. «Өнім жоқ». «Мен де бірдеме түсінем ғой, колхозшы болсам да». И что смелый, дальновидный Назарбаев все же урусов побаивается: «Бөлініп, кетіп қалады деп қауыптенеді».

Были у меня Айтолқын и Ерлан – очень милые люди. Намереваются они издать мой двухтомник. После обсуждения вариантов решили в первом томе дать публицистику («Плетенье чепухи», «Казахское слово», «Аул»), во втором томе – романы «Туюк су» и «Разлад». Для меня это был бы сюрприз.

5 ноября

В Казахстане гостит Хасен Оралтай из Мюнхена – знатный, мощный казах. Крупная, цельная личность. Приглашает меня в ТЮЗ на мероприятие по 90-летию Алаша. Какая досада, что из-за плохого физического состояния не могу быть.

С утра смотрел «Euronews»: голосование в Америке еще не кончилось, но впереди Обама. Видно, он и будет президентом США, что и следовало ожидать. Это означает мощный поворот в сознании людей не только Америки. Такое немыслимо представить ни в России, ни в Казахстане.

7 ноября

Сегодня дом Баққожи украсили мемориальной доской. И годовщину провели. На асе было 270 человек. И на могиле памятник поставили. Жена и дети оказались молодцами. Рад! Вечером позвонил Нуржамал. И она мне мило все рассказала. И пятитомник вышел, и книга воспоминаний.

В «Айкыне» опубликовали очень теплую беседу с Нуржамал. Умница! Прекрасная семья у Баққожи. Да и сам был редким человеческим экземпляром. Красивый человек, он был умнее и мудрее своего возраста. Я его знавал и любил многие годы.

8 ноября

Узнал о кончине Амантая Байтанаева. Я с ним познакомился в октябре 1963 года. Он тогда заведовал отделом прозы в журнале «Жұлдыз», а я был в его подчинении литсотрудником. Человек был безобидный, простой, доброжелательный. Ко мне был особенно внимателен. В каком-то году отдыхали вместе в Коктебеле. В последние годы почти не встречались.

Умер и Әсет Әукебаев. Его я знал с 70-х годов. Общих дел у нас с ним не было, но ко мне он относился приветливо и благосклонно. Оба прожили 87 лет.

10 ноября

Что-то Шоту Уалиханова потерял из виду. Вчера вечером позвонил ему домой. Оказалось, три недели лежал в больнице: давление, сахар, сердце. Сейчас бодр. «Дүниенің о жақ , бұ жағы көрініп қалды». Готовит собрание сочинений.

Шутит: «Сен әлі сексенге келген жоқсық ба?» «Сенен кейін келермін». «Әлі чепухаңды жазып жүрсің бе?» « Енді не істеймін? Тірлігіміздің бәрі чепуха болды емес пе?» «Саясат дегенді қоймайсың ба?» «Қалай қоямын, маңайымыздың бәрі саясат болса?» «Қою керек. Саясат – өрт».

В таком духе поговорили минут десять. «Жағдайың жалпы дұрыс қой?» – спрашивает. «Шүкір. Тек жүрегімнің соғуы сиректеу». «Онда біреуге ғашық болу керек. Сонда жүрегің қаттырақ соғады».

14 ноября

Мне предстоит в ближайшие месяцы прочесть 10-15 книг и на некоторые из них написать рецензии. А поскольку в издательствах лежат четыре мои довольно громоздкие рукописи, то и их приходится вычитывать. Ведь на нынешних редакторов и корректоров надеяться невозможно. А еще ежедневные газеты и журналы. Так что читай, читай до одури, до потемнения в глазах.

Из «ЛГ» узнал, что в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» вышла толстенная (более 900 стр.) книга Сараскиной «Александр Солженицын». Мне очень хотелось бы эту книгу иметь. Где ее раздобуду?

16 ноября

Поразила такая картина. Гуляем с Народным артистом СССР Ан. Молодовым возле Чокана. Над Институтом химии огромная стая ворон подняла неистовый гвалт. Да так надрывно, так отчаянно. Что случилось? Небо ясное, солнце светит. Что за ор? Наконец, сообразили.

Под могучим тополем, на жухлых листьях, возлежала добродушная черная сука, а рядом резвился щенок, теребил, рвал, подбрасывал тушку дохлой вороны, а живая стая во все горло оплакивала погибшую товарку. Время от времени щенок переставал терзать стерву, и тогда стая, плотно усаживаясь на тополе, помалкивала. Но когда щенок опять начал рвать мертвую ворону, стая поднимала душераздирающий крик. Мне вспомнилось: так плакали аульные женщины в годы войны, когда на кого-нибудь приходила «похоронка» – «қара қағаз». Такой же рев поднимали коровы, окружив в кольцо волками истерзанную тушку телка.

Вороний плач длился долго. Вот тебе и глупая ворона. И у нее есть сердце, и она сострадает ближнему...

18 ноября

Написал рецензию на книгу Халимы Адамовны Бекмухамедовой «Влюбленные в профессию» (о КазПи им. Абая 50-80-ых годов).

Позвонил тут же Марку Айсбергу («Экспресс К»): он рецензию взял.

Позвонил Музафар А.: «Как по-казахски «Перезрелые плоды»? Отшутился: «Перепіскен жемістер». Оба посмеялись. А, в самом деле, как сказать это по-казахски?

21 ноября

Вчера опять допустил давление до 213/111. От принятых лекарств мне и сегодня дурно.

В Москве издательством «Белый город» выпущены в одном доме все четыре книги «Война и мир». С иллюстрациями. Шикарно. 1056 страниц! Представляю, как чемодан получился. Как такую махину держать в руках, как читать?! Но сам факт – уникальный.

22 ноября

Перед сном читал воспоминания Говорухина о Солженицыне. Впечатлило. Взволновало. И статья снилась всю ночь. В одном я похож на Солженицына: как и он, ложусь в 11 вечера и встаю в 7 утра. Он работал по 12-14 часов в сутки. Я так работал только в молодые годы. Ныне рад, если в общей сложности работаю 6-8 часов. В остальном измерения несопоставимы.

25 ноября

За два дня накатал обстоятельную рецензию на книгу Роберта Корна «В России – немцы, в Германии – русские». Серьезный труд! Предложу рецензию в «Deutsche Allgemeine». Надеюсь, в Германии перепечатают.

26 ноября

Предложил «Атамекену» (по его просьбе) издать книгу рассказов и эссе из трех моих малотиражных книжек прошлых лет. Не знаю, как «Атамекен» на то посмотрит. Книжки забрал милый, умный азамат по имени Берік. Полистал книжку стихов Азата Перуашева. Не ожидал от него: вполне приличные стихи.

Зашел Вл.Гундарев из Астаны и вручил мне небольшой гонорар за мою «Чепуху» в трех номерах.

27 ноября

После обеда 4 часа побыл на заключительном заседании жюри по конкурсу «Альянс-Банка». Обсудили работы по четырем номинациям: очерки, фильмы, фотографии и детские рисунки. Членов жюри – 8 человек: Дулат, Ахметжан, я, Лаврентий, Адольф, Коренчук, Каракулов, Ибраева. Хорошо поработали. И я рад, что выдержал четырехчасовое заседание.

28 ноября

Привезли сигнальный экземпляр моего романа «Разлад». Нормально издали. Претензий нет. Приехал редактор Ерлан с версткой «Чепухи». Кажется, вызревает мощный (в смысле объема) однотомник под общим названием «Казахское слово». В одно-

томник войдут два моих романа «Вольные строки», «Казахское слово», «Аул» – 50 п.л.! Такой толщины книги у меня еще не было.

Дидар занес мне книгу Асель Омар и газету с моей статьей о Масанове. Занес свою книгу и Бахытбек Смагул (афганец). Поведал о своей сложной биографии. Хоть книгу пиши.

1 декабря

Из «Аудармы» (Астана) прислали верстку «20 стихотворений Абая на трех языках». Вычитываю текст на трех языках. Много опечаток. Досадно! Работать тяп-ляп ныне стало модно. Читаю корректуры и рассказы Асель. Талантливо!

3 декабря

Позвонил редактор «Кітап жаршысы», завез 11 номеров и анкету с вопросами. Газета хорошая, поучительная, продуманная. Впечатления добрые.

5 декабря

Прочел в «Ана тілі» дневник Сәуле-апа, целиком посвященный Зеке. Все мне знакомо. Трогает до слез. При случае, о Кабдолове надо бы и мне написать.

6 декабря

Исподтишка, подло напал на меня грипп. Где-то подкараулил. Кашляю до синевы. Болит грудь.

Вчера утром в своей Московской резиденции скончался патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй. Человек высокой веры, нравственности и долга, государственной мудрости, светлых устремлений. Обладал исключительным авторитетом. От него исходил благодатный свет. Когда ему исполнилось 70 лет, я опубликовал в «Phönix'e» статью Истомина о нем. Настоящая его фамилия Ридигер. Родом из балтийских немцев. Принял православие и высоко служил ему. Мощная личность!

В газете «Город» перепечатана моя статья «Страсти премиальные». Правда, я ее не видел... Звонила Дария из Караганды. Я написал предисловие к будущей ее книге.

8 декабря

Состояние ни то, ни се. Кашляю, как собака. Вдрыз простужен. Закончил отзыв на статью Н.Иванова (№8/08 «Нива»). Продолжаю писать «Чепуху». Три казаха – проф. Темірхан, Өмірзақ (Астана) и Мұз-аға (Әлімбаев) поздравили меня с Курбан-айтом. Трогательно! Вспомнил аул военных и послевоенных лет.

Вышла книга Вл.Лакшина «Солженицын и колесо истории». Очень хотел бы эту книгу иметь. Интересно, сколько написано о Солженицыне? Библиография о нем составляет, наверняка, не один том.

И еще одно любопытное издание – «Переводы поэтов Серебряного века». Переводы И.Анненского, К.Бальмонта, Вяч.Иванова, Ф.Сологуба, В.Брюсова. Где достану?

9 декабря

Хоть и болен, а дал Канату (редактору «Кітап жаршысы») более часа интервью. Ответил на все его вопросы. Из Кызылорды позвонил независимый журналист Сағат. Часа четыре читал «Джут» Якова Иккеса.

11 декабря

Из Германии позвонил Фитц. Хочет составить для Москвы сборник российских немецких писателей. Просит дать один или два рассказа. Звонили из Праги: попросили ответить на три вопроса по поводу Независимости (почему-то на русском). В «Тасжарғане» вышло 61-ое продолжение моей «Чепухи». Позвонил Қабдеш Ж. Весь тираж его многотомника полностью разошелся. Я рад за него. А меня он утешил: смело, мол, издавай свой многотомник. Наши с тобой книги не залежатся. Мед ему в уста!

12 декабря

По просьбе Газиза Алдамжарова подписал коллективное письмо в защиту Арона Атабека. Его я знаю, ценю и искренне ему сочувствую. А его жена, милая Жайнагуль, пишет острые политические сказки.

Фамилия покойного патриарха Алексия Второго – Ридигер (он – пастырь православных – родом из эстонских немцев). Фамилия Папы Римского Бенедикта XVI-го – Ратцингер, германский немец, католик. Правда, любопытно – Ридигер и Ратцингер?

Сегодня в драмтеатре Ауэзова проводят вечер воспоминаний о Баққоже. Досадно, что из-за хилого здоровья не могу быть.

14 декабря

В «Әдебиет айдыны» (№50) попались на глаза свежие стихи девятнадцатилетней Динары Маликовой. Өзі де әдемі, өлеңі де сүйкімді, шынайы, пәк сезімге толы. Нәзік қыз жанының туйсігі. Тамаша! Ұнады». А в «ҚӘ» (№49) приятно удивил Маралтай Райымбекұлы. Молодец! Зрелый, бесспорный поэт. Қаны бар.

В том же № «ҚӘ» читаю: Хамза Есенжанов – 100; Тәкен Әлімқұлов – 90; Нұтфолла Шәкенов – 80; Зейнолла Серікқалиұлы – 70. О, боже, я ведь всех их хорошо знал. Бәрі марқұм. Соған қарағанда, мен де біраз жасқа келіп қалған екенмін...

Скончался муж Нади Лушниковой. Какая жалость! Скончалась и О. Маркова. Я с ней не был знаком лично. Руководила «Мусагетом», журналом «Аполлинарий». 4-го декабря намеревалась провести какое-то мероприятие в Зимнем саду АН, куда и меня приглашала. Потом из-за болезни Ольги Борисовны его отложили. И вот ее не стало.

15 декабря

Взялся за штудирование «Исповеди» Толстого. Студентом читал эту вещь слишком поверхностно, а теперь созрел. Одновременно читаю Я. Иккеса и продолжаю писать свою «Чепуху».

16 декабря

В День Независимости Президент выдал 1080 (!) государственных наград.

Еще пару месяцев назад Елбасы слова «кризис» не произносил. Теперь даже в День Независимости подчеркивает, что небывалый за 80 лет мировой экономический кризис настиг и Казахстан. Но чем сильнее кризис, тем больше наград.

18 декабря

Закончил начерно большую статью о книге «Джут» Якова Иккеса, изданную в Германии. Бақытжан Қ. прислал свою новую публицистическую книгу «Весы». Хорошо составлена.

Из газет узнал, что «Парасат» получили Дукенбай, Жания А., средняя дочка Назарбаева (она – миллиардер, ей-то он зачем?). Алтыншаш обломился «Құрмет», а Алимбаеву – «Отан».

19 декабря

Скончался Нұрғазы Шакеев. Деликатный, знающий был казах. Мне он иногда звонил. Был ко мне благосклонен. Крепкий был переводчик. Мне он как-то занес два толстенных тома «Железного века» в его переводе. Семь месяцев не дожил до 80-летия.

Нудные, скучные, тусклые декабрьские дни. Наледь. Екает сердце. Занесли мне Грамоту Казахского радио.

Лаврентий Сон сообщил, что газета «Город» перепечатала мою «Энергию оригинала». «Свободе слова» продиктовал свои ответы на новогоднюю анкету.

21 декабря

В «Ана тілі» прочитал две полосы дневников Сәуле-апа (Кабдолова). Драматическая ситуация болезни Зеке написана так впечатляюще, что, прочитав все, сам почувствовал себя вдрызг больным. Все мне знакомо, все испытал на собственной шкуре: и реанимацию, и палаты, и врачей, и диабет, и инсульт, и инфаркт, и тягомотное лечение. Тяжко все это. А положение Зеке было и вовсе ужасным. Сәуле-апа по-женски все это подробно, со всеми нюансами изложила.

23 декабря

Был редактор моей книги Ерлан С. Завез договор и аванс. Прекрасно! Книга будет толстущая: под одной обложкой два романа, книга эссе, книга публицистики. Общее название «Казахское слово». Объем – 50 п. л.

26 декабря

Президент прислал новогоднее поздравление. Альянс-Банк выдал гонорар как члену жюри. Имангали прислал традиционную сыбағу-соғым. Так что все условия для жизни и работы. Такой вот я баловень Казахстана. Ғажап!

27 декабря

Из газеты «Central Asia Monitor» узнал о кончине Владлена Берденникова. Когда-то, еще в шуховское время работал в «Просторе». Прозаик, публицист, очеркист. Сильно дружил с Юрием Гертом. Потом крепко разошлись. Не сошлись взглядами. Вымирают русские писатели в Казахстане. Еще лет 15-ть назад их был мощный отряд.

28 декабря

В «ҚӘ» (23.12.08) весьма приглянулся рассказ Лиры Қоныс «Неміс тілі апайы». Красиво сделано. Өзіндік стиль, ырғақ. Тілі бай, өрнекті. Мінездеуі мұлтіксіз. Көркем дүние. Өте ұнады.

А неизвестный мне китайский казах (один из пяти академиков-казахов в Китае) Жақан Мырзаханов, еще 30 лет назад написавший роман, автор 4-хтомного исследования, 36-ти книг об исторических личностях, опубликовал очень познавательную статью «Омарғазыны түсінүдің өзі өнер». Вообще, без китайской ветви казахская литература не полна. А мы эту ветвь очень слабо знаем.

31 декабря

Увлеченно работал над статьей о романе Аслана Жаксылыкова «Дом суриката». Вещь сложная. Құйтырқысы көп. И писать о ней непросто. Думаю, за новогодние праздники напишу.

Подбил годовой отчет: публикаций моих за год оказалось 110. Издал две книги. Еще две-три выйдут уже в начале следующего года. Почти готовыми лежат еще три рукописи. Начиная с Нового года последний роман будет публиковаться в «Amanate». Один роман должен выйти в Берлине. Неопубликованных работ 30-35. Неплохо поработал. Так что благодарю ушедший год и с надеждой смотрю на Новый. Сейчас 8 вечера. С Новым годом меня уже поздравили 37 человек. Через четыре часа начнут бабахать по всему городу и стране.

2009

1 января

Так интересно начинать новый 2009-й год. Как говорится, бұған жеткен де бар, жетпеген де бар. В честь Нового года осушил бокал красного испанского вина. Бóльшего себе разрешать не могу.

Из газет узнал, что дурацкий телепроект «Имя – Россия» завершился. И завершился-то по-дурацки. На первое место вышел мифический Александр Невский, на второе – Столыпин, на третье – Сталин. О чем это говорит? О том, что Россия по-прежнему остается страной рабов. Пушкин – на четвертом месте, после Сталина. Мне сказать по этому поводу нечего. Разум останавливается. 55 лет спустя после кончины «отца народов» он занимает в сознании России третье место. Чуть-чуть не дотянул до второго. Опасные игры!

Весь день работал над статьей о романе Аслана Жаксылыкова «Дом суриката». Роман сложный. О сложном писать просто не всегда удается.

4 января

Закончил статью о Жаксылыкове. Выяснилось, что не опубликованы у меня на сегодня 32-е статьи, рецензии, интервью. С удовольствием погулял по снежку, на морозце. Привезли из «Жазушы» мой новый роман «Разлад» (50 экземпляров) и 90 тысяч тенге. Не густо. Но и на том спасибо.

6 января

В «ҚӘ» несколько журналистов (в т.ч. и Елеукенов) раздраконила Говорухина за его «Записки чревоугодника» в «ЛГ». Там у него встречается антиказахский пассаж. За это и теребят. И поделом. Заносит иногда умных русских людей.

7 января

Встревоженный долгим молчанием Шоты В., позвонил ему домой и поговорил с его супругой Зинаидой Каримовной. Моя тревога оправдалась: перенес Шота инфаркт на ногах. И врачи рекомендуют ему операцию на сердце. В больницу он попал 30.12.08.

Сахар поднялся до 20-ти. Сейчас снизили уколами до 7-ми. Готовят его к операции у нас. А операцию на сердце будет делать специалист-кореец в Астане. Такая вот полоса у моего друга. Грустно.

По радио сообщили, что некий германский миллиардер (74 года, богатство – 9,6 млрд.), потеряв из-за кризиса два миллиарда, бросился под поезд. Я подумал, как хорошо, что я – не миллиардер, а то как бы я бросился под поезд. Не добрался бы. А так могу спать спокойно.

10 января

Из газеты «Туркестан» узнал горькую весть: скончался Мұхтар Әбділдабек. Он жил неподалеку от меня, потом переехал. Говорил: «одних книг было тридцать мешков». Был он крепок, силен, громкоголос, уверен в себе. Великолепно говорил по-русски, по-казахски. Вклинивал в свою речь и немецкие фразы. Был начитан, образован. Кажется, из китайских казахов. Прошлым летом позвонил и занес толстый том – «Тектілік тағылымы». Мощная книга с фотографиями. Мощные предки, мощный род. Корни могучие. Книгу полистал, мнением поделился по телефону. Об этой книге был у нас разговор и с Бошаем-аға Кітапбаевым. А совсем недавно прочел довольно спорный его рассказ «Құмырысқаның илеуі». Не помню, в «ҚӘ», или в «Ана тілі». Весьма антисемитский рассказ. И вот сегодня в «Туркестане» проникновенный мұнақып («некролог») Дидахмета А. Очень расстроился. Очень скользкая, зыбкая пошла жизнь. Он, Мухтар, ни на что не жаловался, и впечатление производил здоровяка. Очень жаль!

13 января

Почти дочитал огромное интервью Нуржекеұлы об исторических проблемах. Я его мало и плохо знаю. Но статьи его оставляют впечатление вдумчивого аналитика. И эта работа похвально серьезная. Я – профан в этих вопросах, но Нуржекеев мне кажется убедительным. Особенно его суждения о трехтомнике Масими.

15 января

Ночью подумал: мои казахскоязычные интервью «тянут» на одну книгу. Но кто ее издаст? Мои статьи, рецензии, интервью разбросаны по десяткам газет и журналов. Собрать бы все...

Позвонили из «Литера». Русский парень, видно рассчитывал, что я поддержу национальность «казахстанец». Но я сказал: нет такой национальности «казахстанец». Я – немец, живущий в Казахстане. И мы – не американцы. Акция с новым паспортом направ-лена на искоренение казахов как нации. Упавшим голосом корреспондент заметил: «Значит, такое Ваше мнение?» «Да, такое!»

Делал выписки из «Исповеди» Л.Толстого.

19 января

Перед сном читал Аяна об Аскаре. Прекрасно написано! И Аскар как живой. В той же «ҚӘ» толковую статью опубликовал Қадірбек Сегізбайұлы – о смерти, о похоронах. Верно, доказательно.

А.Головинский собирается снять фильм об Абише К. к его 70-летию. Головинский, оказывается, поклонник Томаса Манна. «Иосиф и его братья» (два тома по 500 и 700 страниц) он прочитал трижды. Такой режиссер достоин уважения.

30 января

Позвонил Бахытжан К., и от него я узнал, что в газете «Город» вышла моя статья о нем (о его книге «Весы»). Позвонил я сыну Роллана С. У него с отцом одинаковые голоса, интонация, лексика. Поразительно! Узнал от него, что первая часть моего романа идет в два номера. Значит, весь роман займет шесть номеров журнала. Вечером заехал Дидар А., и мы час покалякали о многом. Позвонил Сабит Д. Он только что вернулся из Москвы, где получил одну премию и один орден. Ай да Сабит! Всем казахам утер нос. Его здесь не хотят признавать, а он все российские премии отхватил. Ну, и молодец!

1 февраля

Занесли «DAZ» с моими рецензиями.

Утром позвонил Шоте. Говорил с Зинаидой. Пока не очень. Операция (шунтирование) состоялась 17 дней назад. Много потерял крови. Слаб. Сильно потеет. Сахар скачет. Конечно, операция на сердце – не шутка. Потребуется немало времени на восстановление. А Шота – холерик, нетерпелив. Ему все хочется скорее, скорее. Увы, и возраст солиден, не попрыгаешь. Нужно терпение и терпение.

3 февраля

Из музея Ауэзова прислали третий и четвертый тома «Пути Абая» в переводе Кима. Издали красиво, богато, в общей коробке-чехле, тиражом в 2,5 тысячи. Видно, мой обстоятельный, сравнительный анализ теперь и ни к чему. Издание мощное. Ким – прекрасный стилист и опытный переводчик. Думаю, он сделал свое дело превосходно. Если и есть мелкие «блошки» (постоянная путаница в «лошадях», «кобылах», «конях», в описании казахского быта, в тональности диалогов), то они общую картину не портят. Ким может сказать: «я ведь не для казахов переводил». А для русскоязычного читателя все равно, кто на какой лошадке ездит. Прочел 30 страниц первого тома, не сопоставляя с оригиналом. Все хорошо. Издателю надо было дать перевод на экспертизу до издания книги. Теперь «ловля блох» смысла не имеет. А издание прекрасное. Бахытжан (издатель) оказался на высоте.

4 февраля

В газетах сумбур, ералаш. Пишут об обвале тенге, о крахе банков, об отстранении Аблязова, о государственном рейдерстве. Правительство далдонит другое. Кому верить? Под шумок кризиса творятся темные дела-делишки. Чтобы разобраться во всем этом, моего умишка не хватает.

Из СПК позвонили: неделю назад скончался Калаубек Турсункулов. Завтра седьмица. Похоронили на родине, в Казыгурте. Он был всего на несколько месяцев старше меня. Я не часто сталкивался с ним, но мне всегда казалось: человек порядочный, негромкий, без амбиций, надежный. Понемногу уходит мое поколение.

7 февраля

В газетах одно расстройство: банковский шахер-махер, жульничество, обман, дефолт. Боюсь, сгорят все мои несчастные накопления. 15 лет назад дефолт обобрал меня до нитки. Теперь, видно, опять меня обчистят до копейки. И буду на старости лет жить на одну пенсию. Какое тут может быть настроение? Какой импульс для творчества? Грабеж среди белого дня.

В «Известиях» прочел интересную беседу с Игорем Золотусским. Он – главный знаток Гоголя в России. Гоголь евреев не жаловал, а лучший знаток его – еврей. Гоголь был аскетом. После него осталась старая шуба и 43 рубля.

9 февраля

Принесли мне сегодня толстенную (43,6 п.л.) книгу «Сталин и писатели» Бенедикта Сарнова. В книге шесть глав: «Сталин и Горький», «Сталин и Маяковский», «Сталин и Пастернак», «Сталин и Мандельштам», «Сталин и Демьян Бедный», «Сталин и Эрен-бург». Ценность книги в ее документах – письмах этих писателей к Сталину и письма Сталина к ним (или о них). Очень много любопытных сведений. Видимо, будет несколько книг – всего двадцать блоков. Проект интересный. Читаю с огромным любопытством. Ощущение, будто живу в то время. Поразительные отношения!

11 февраля

Дни пошли серые, тусклые, невзрачные, давящие, без солнца. И я весь расхворался: давление, сердце, радикулит, отложение солей. Сам себе противен. Чтобы как-то отвлечься от этого гнетущего состояния, весь день пишу, копаюсь в своих рукописях, составляю книги, читаю до одури. Самое скверное, что не могу гулять на воздухе. Радикулит сковал. Звонят казахи: «Надо обзавестись токал. Сразу радикулит отступит». Какая тут токал, когда пальцем не шевельнуть, не то, что другим местом?! Любит казах позубоскалить...

12 февраля

Читал в «Тасжарғане» интервью с Кадыром. Осторожно, взвешенно. Что-то сказал, что-то утаил. Намерен издать 20-томник. Меценатов вроде нашел. И Софы издал 17 томов. Вообще-то, и мне не мешало бы издать томов 12, но где найдешь спонсора? У немцев копейки не выпросишь, а у казахов своих жигитов достаточно. Так что радуйся, если изредка удается издать отдельные книжки.

Дочь Баққожи прислала четыре книги, изданные после преждевременной кончины отца. В книге воспоминаний есть и мои строки. Весь вечер читал-листал эти книги. Милый, задушевный, славный был азамат. Умный, талантливый, деликатный.

13 февраля

Пропадаю дома. И погода не наладится, и я вдрызг хвор. Раскрыл «Қазақ әдебиеті» и опешил: скончался Владимир Ермаченков. Так и живем: каждый умирает в одиночку.

Я его знавал многие годы. Тихий, незаметный, очень вежливый был человек. Знающий, работящий, поразительно исполнительный. Кого-то переводил, редактировал, сам писал. Не высовывался. Несколько раз приходил домой ко мне, но дальше порога не проходил. Русские литературные силы в Казахстане вымирают.

14 февраля

Перед сном долго читал письма Демьяна Бедного Сталину и Сталина Демьяну Бедному. Поразительные отношения! Со стороны Бедного – зачастую фамильярные, амикошонствующие, приятельские, нередко с вольными русскими словечками. Вообще-то, из писем выявляется малокультурная, холопская, хамовитая натура «пролетарского поэта». Не зря Сталин от него отвернулся и поставил его на место.

О чем мне подумалось, читая все это? Вот собрать бы в книгу письма казахстанских писателей-подхалимов-попрошаек, написанные в разные годы, скажем, Шаяхметову, Кунаеву, Назарбаеву, в московские инстанции. Раскрылись бы задницы у многих. И народ бы знал, кто есть кто. Может, когда-нибудь какой-нибудь казахстанский Бенедикт Сарнов этим займется? О, я имею представление о двуличии, двурушничестве, доносительстве, подхалимстве, угодливости иных наших «жазушылар», чьи подлинные души раскрывались в подобных письмах-доносах-арызах-домалақ қағазов. Опубликовать бы все это. Вот был бы бестселлер!

16 февраля

Звонил Мурат Ауэзов. Он начал разговор по поводу моей большой статьи «Энергия оригинала» в газете «Город», сказал несколько хвалебных слов, потом разговор перетек о переводе III-го и IV-го томов «Пути Абая», о желательности анализа уровня переводов. Я сказал, что, пожалуй, в апреле выберу время для сравнительного чтения. С Муратом беседовать приятно. Он все схватывает на лету и видит самую суть предмета или явления.

17 февраля

Прочел половину повести Д.Д. «Аллея Абиша». Приличное повествование, мне почти все знакомо. Жизнь 30-40-летней давности Д.Д. передал верно и образно.

19 февраля

Из Астаны доставили, наконец, многотрудную книгу «Двадцать стихотворений на трех языках». Как раскрыл пакет, так и обомлел. Обложка дешевая и безграмотная. Вместо переводчика Кошута дали портрет Рытхэу. В тексте о Кошуте – и путаница, и грамматические ошибки, и нерусский синтаксис. На обложке нарисовали силуэт Абая, а само слово «Абай» упустили. Тираж – три тысячи. Обложку мне не показывали – и вот результат. Получилось провинциально, нелепо. Стыдно перед Кошутом, стыдно перед Абаем. А столько нервов и времени я убил на эту рукопись. И это столичные издатели! Чувствуется, что издательство старалось, прежде всего, отделаться и от меня, и от Абая. А я-то полагал, что трехъязычного Абая издадут в Казахстане так, что пальчики оближешь. Какой там?! Классический тяп-ляп. Хочется скорее этот кошмар забыть.

20 февраля

Еле передвигаюсь по дому. Болят все суставы. То ли радикулит, то ли остеохондроз. Весь скособочен. Прикован к дивану. Меня это сильно удручает. Дух подавлен, хотя и бодрюсь.

Позвонил Шоте. Говорит: «Жүрекке операция оңай емес. Но ничего. Опасность миновала. Ну, а ты плетешь чепуху? Плети, плети. Только политикой не занимайся. Занимайся искусством и человековедением».

22 февраля

Сколько же в Казахстане литературных журналов! Не сосчитать: «Жұлдыз», «Жалын», «Абай», «Сары Арка», «Жамбыл», журнал Фаризы, Айтова, Толена, «Шәмші», «Мұқағали», «Сын», «Әлем әдебиеті», «Алқа» и, наверняка, еще добрый десяток. Тиражи малые, гонорара нет. Добавь сюда еще русскоязычные журналы – «Простор», «Нива»,

«Литературный Казахстан», «Amanat», «Тамыр», «Аполлинарий»... Ойдөйт! Читатели, в лучшем случае, одни и те же. Мне, кажется, ненормально все это. Количество никак не превращается в качество.

Изящно, в карманном формате, в твердой обложке изданную книжку «Жұлдыздар шоғырында» прислал Арғынбай Бекбосын. В книжку входят переводы рубаи Омара Хайяма, а также Рудаки, Фирдоуси, Руми, Саади, Хафиза и Джами. Переводами восточных классиков Арғынбай занимается давно и, на мой взгляд, успешно. Он в этом жанре силен. Охотно полистал книжку, почитал. Любопытно было бы сравнить переводы с русскими текстами (оригинал мне ведь недоступен).

23 февраля

Ночью вдруг подумал об Аскаре Сулейменове. Думы о нем я сформулировал по-казахски.

Ырғақ құбылыстың бәріне тән, деуші еді Асқар. Әдеби, қоғами, рухани құбылыстардың ырғағын ол сезетін, түсінетін, түйсінетін және зерделей білетін ерекше тұлға еді. Зейіні, қабілеті тумасынан өзгеше болатын. Ойгер-философ. Сөздің де, әуеннің де, саздың да шынайы мәнін терең түсінетін. Адамның ойлау қабілетін өнер деңгейіне жеткізген, жеткізе білген осы Асқар еді. Ол батысшыл болатын. Ницше, Шопенгауэр, Ларошфуко, Малларме, Камю деп сөйлейтін. Бетховен, Брамс, Моцартқа тәнті болатын. Малер симфонияларын таң атқанша тыңдайтын. Түннің ортасында телефон шалып, неше түрлі данышпандырдың шығармаларын магнитофон арқылы достарына тыңдатқызатын. Тәттімбет деп тебіренетін. Бірақ сөз жүзінде қандай батысшыл болса да, менің пайымдауымда, ол табиғатынан шығыс адамы еді. Болмысты көбінесе шығысша қабылдайтын. Жастарға, өзінің қатарластарына әсері өктем болатын. Адамды интеллектісімен таң қалдырып, баурап алатын. Қазір де ойлы, білімді, талантты жастар оқта-текте кездесіп тұрады, бірақ, меніңше, олардың рухани деңгейі мен білетін Асқардан төмен. Қалай болғанда да болмысы, жаратылысы бөлек жан ғой.

24 февраля

Худо мне. Не могу наступать на ногу, не могу двигаться. Меня это страшно угнетает. Неужели все кончится окостенением суставов, как предрекал районный врач еще в 1948 году? Даже думать о том жутко.

Во сне я часто летал. Отталкивался от балконных перил, быстро-быстро взмахивал руками и летал, летал выше домов, выше деревьев, удивляя прохожих и испытывая ликующую радость. А теперь не летаю, а все бреду по буеракам, закоулкам, потерянный, растерянный, что-то тщетно ищу, хочу возвратиться домой, а в кармане ни шиша – и, главное, не знаю, где мой дом. Просыпаюсь в ужасе, в изнурении. Даже хорошие сны меня покинули. Все какая-то муть, химеры, нелады, несуразица. Встаю измочаленный... И еще где-то рядом со мной, как неприкаянная тень, плетется мое одиночество.

Наткнулся на максиму Эпикура: «Пока есть я – смерти нет. Когда придет смерть – не будет меня». Как просто и гениально!

28 февраля

Звонил Леонид Гирш, полковник в отставке, боевой офицер Второй мировой войны, поэт. Хлопочет о предстоящем 85-летии покойного друга Мориса Симашко, роман которого «Четвертый Рим» уже столько лет не удается издать. Стыд и позор!

«Өлдің, Мамай, қор болдың» – деген осы. Завтра и мне то же самое грозит. Казахи скажут: «Бельгер? Ол кім еді? Ә, анау ма? Пусть немцы его чествуют и издают».

Немцы скажут: «Бельгер? Так он ведь всю жизнь с казахами якшался. Пусть они о нем и позаботятся». Русские скажут: «Бельгер? Да пошел он на хрен! У нас своих хватает!»

Вот и весь сказ!

2 марта

Уже поздно, в десять часов, позвонил Тен Чу, корейский композитор, доктор филологии, человек богатой и сложной судьбы. Ему – восемьдесят пять лет. В филармонии ему устраивают творческий вечер, потом – фуршет. Он приглашает меня. А я ныне никуда пойти не могу. Я стал обитателем дивана. Герольд аль-Дивани. Досадно! Хотят меня видеть знакомые – японский архитектор («күйеу бала») и японский же дизайнер. Милые молодые люди.

7 марта

На 8-ое марта казахские газеты щедро представляют площадь женской поэзии. Подавляющее большинство стихов плохие, вялые, пустые, бессмысленные. Прямо расстроился. Такие вирши можно сочинять вне времени и пространства. По этим стихам невозможно определить кем, зачем, с какой целью, по какому поводу они написаны. Многие поэтессы полагают, что красиво нанизанные словеса и есть поэзия. Сравнивать весну с юной девушкой у них – верх поэтического дара. В «Жас алаше» некто Қыдыр Байдуйсенов, видно, в глубоком возмущении написал убийственную пародию на стишки Марфуги А. Еще одно пошлое представление поэтесс: безудержное восхваление власти и есть поэзия. Президент на это, мол, обратит внимание и что-нибудь даст. Очень актуальная пародия. А вот Куляш Ахметова обрадовала, опубликовав в «Туркестане» горестные строки «Базардағы әйелдер». Тут все точно, актуально, злободневно и по форме, и по содержанию. Молодец! Не ожидал от нее. Такие огненные стихи пишет еще Ақуштап Б. Но в нашей печати – это редкость. В «Жас алаше» целую полосу отдали Темирхану М. У него хватка крепка. Читаешь его с дрожью в сердце.

Слушал концерт казахстанцев на открытии Года Казахстана в Германии. Бесподобно! Певцы Казахстана в Европе не ударили лицом в грязь. Очень обрадовался.

8 марта

В «Известиях-Казахстан» с превеликим удовольствием прочел блистательное эссе Ермека Турсунова «Женщина и ее мужчины». Роскошно написано и по форме, и по содержанию. Верные мысли, меткие слова, точные фразы, глубокие наблюдения. Вот так писать надо!

Полистал и «Егемен Қазақстан». Стыдно, банально, убогий «аляуляй». Наш официоз – хронический понос. Берешь газету в руки, будто дерьмом измазался. На кого все это рассчитано?

10 марта

Все, что делаю, кажется незначительным. Вчера настолько обалдел от писания и чтения, что надо было как-то очиститься, и я часа два читал-листал редкое издание «Ich bin Goethe» – рисунки, письма, отрывки из дневников, фрагменты из сочинений

Гете. Сохранено правописание того времени. Все это сразу бросается в глаза. Потом еще читал Вл.Набокова, воспоминания Н.Берберовой.

12 марта

Внимательно читал интервью Олжаса С. в «Экспресс К». Речь идет об экономике, о банках, о кризисе, о послании Президента. Олжас удивил: об этих материях он имеет здравые, выверенные суждения и толковую концепцию. У Президента есть призыв к единению и терпению. Этого, конечно, мало. Нужна конкретика. Надо бы интервью Олжаса дать как приложение к посланию. Тогда это был бы весомый документ. Я боялся, что Олжас отделается общими фразами. Но он пашет глубоко. Молодец!

15 марта

Из статьи Арцишевского в «Мониторе» узнал, что патриарх и корифей казахской литературы собирается издать дополненный и переработанный вариант своей трилогии. Первая книга ее, помнится, увидела свет в 1960 году. Значит, писатель полвека мурыжит свою книгу, приспосабливая ее к разным социальным и политическим эпохам. Даже не знаю, как к этому относиться. Хоть еще сто лет трилогию переписывай и переделывай, одан бәрі-бір енді май шықпайды. Вряд ли ее кто-либо будет читать. Разве что силком, если посадить в каталажку. Трилогия в советское время прозвучала сильно в духе времени. Ныне ее может читать только сам автор.

16 марта

Перед сном читал «Живые и мертвые классики» Вл.Бушина. Он – коммунист, русский патриот, злой, беспощадный критик всех тех, кто, на его взгляд, непочтительно относится к советской власти, к Сталину, к русским. Тумаки раздает налево-направо, бросается едкими, саркастическими словами, развенчивает российских политиков, писателей, деятелей культуры. Не щадит никого. И все знает: с какого возраста Лиля Брик начала заниматься любовью, сколько у нее было любовников и мужей, сколько раз выходила замуж Белла Ахмадуллина, кто сколько получил премий, орденов, званий. Словом, истовый, яростный, злой «правдолюбец», обличитель и разоблачитель всех и вся. Книга вышла в Москве в 2007 году тиражом в 4 тысячи экземпляров.

18 марта

Сегодня Морису Симашко исполнилось бы 85 лет, а его уже девять лет нет. Шикарный был писатель, а его незаслуженно забывают.

Жұлдыз Ә. перевела мои дневниковые записи 1987-1988 годов. Хочет дать в свою «Алқу». Перевела хорошо. Я внес лишь незначительные уточнения.

19 марта

Весь день валил мокрый снег. То, что казахи называют «көбін қар». Наступать на ногу не могу и сижу в четырех стенах, как арестант. Обитаю на диване. Стал, действительно, Герольд аль-Дивани. Читал. Писал. Звонков было немало от знакомых, из Астаны, из издательств и редакций, даже один провокатор позвонил и пытался со мной вступить в диспут, при этом не представляясь. Я бросил трубку, сказав, что мне не по душе тональность его разговора. По мнению этого типа, «Тасжарған» надо закрыть, потому что газета пропагандирует разврат. Дурак!

21 марта

Вчера поздравил меня с Наурызом Куаныш Жиенбай из Астаны. Надо же! Потом Әлеке Төреханов, потом Президентский архив. Значит, кто-то еще помнит.

В «Жас алаше» на всю полосу дали критическую статью об одной религиозной повести Дукенбая. Видно, не его это тема. Второй раз наступает на одни и те же грабли. Дукенбай – трудяга, много пишет, но, похоже, у него нет своей темы. Пишет обо всем подряд. Вразброс. Сегодня об Абае, завтра об Ауэзове, потом о наркоманах, потом об «Ак Орде», потом об Айше, о Пророке, о Назарбаеве, об Абише, о рисоводах, о чабанах, о кумысе, о Шелковом пути, о событиях 1986 года, об Алаш Орде, о... и т.д. Вообще-то иногда разумнее помолчать, подумать, а не все время шкрябать пером. А писать надо только о том, что знаешь. А если пишешь, чтобы понравиться власти, то писатель вообще пропал. Дукеш достаточно умен, а вот какие-то простые вещи понять не может или не хочет.

25 марта

Вечером, около 10-ти, позвонил Дулат. Он только что приехал из Шымкента. Интересовался моим состоянием. Предлагал свой рецепт лечения. Повозмущались дикими порядками в Казахстане. Кризис «жүдә жақсы болды». Все безобразия теперь можно валить на кризис. Дулат все воспринимает абсолютно адекватно. «Кейде кетіп қалғың келеді. Бірақ қайда барасың?!» «Казақстан полигонға айналғалы қашан!» «Сонау Столыпин заманынан «уақытша, уақытша» деп халықты әбден мазақ етті, тобыр қылды».

26 марта

Начал читать третью и четвертую книги «Пути Абая» в новом переводе сопоставительно с оригиналом. Нудная, трудная, тягомотная работа.

29 марта

Из Берлина позвонила доктор Эрика Фогт: просит разрешения на переиздание моей книги «Российские немецкие писатели». Согласился с некоторыми условиями. А именно: книгу придется несколько дополнить и расширить.

31 марта

Дела идут туго. «Казахское слово» задерживается. Дневник застрял. «Қазақ дәптері» лежит в Астане. Роман «Зов» лежит. Нет стимула для работы. Вечером позвонил корейский композитор Тен Чу. Милый человек! К нему приехал германский гость – Иоханн. Хочет со мною встретиться. Прислали книгу Лилии Бельской из Израиля «От слова – к мысли и чувству». Толковые статьи.

1 апреля

Позвонил Мурат А. Сообщил, что Фонд Ауэзова издает материалы обсуждения перевода Кима, куда включает и мою статью «Энергия оригинала». Просит разрешения на перепечатку. В «Просторе» вышла моя статья о В.Бадикове.

3 апреля

В газете «Туркестан» прочел интервью с М.Магауиным. Сколько горьких, отравленных слов! Сколько душевной боли по родине, ставшей мировой колонией! Сколько

беспросветных дум! И я подумал: а каково мне, если Мухтар так печалится? Я ведь то же чувствую ежедневно. Я не жалуюсь, не плачу, не предаюсь унынию, но нередко чувствую себя эмигрантом. С каждым днем чувствую все больше отчуждения. То, что происходит вокруг, вызывает боль и скорбь. А тут еще старость и хвори треплют, аки бешеные собаки. Попробуй тут быть стойким и мужественным! Зря Мухтар сетует на судьбу. У него, в общем-то, все удачно сложилось. Ну, а то, что душа не приемлет реальности родной страны – это трагедия. И ее остро чувствует не один Мухтар.

16 апреля

Юношеская библиотека им. Джамбула провела мероприятие в честь года Казахстана в Германии. Мероприятие было посвящено Гете и Абаю. Вместе со мной пригласили германиста Альманбета Тореханова и писателя Калмухана Исабаева. Основная аудитория – девицы 14-16 лет. Читали стихи на разных языках, пели песни Абая, играли на домбре. И мы выступали по мере своего разумения. Потом пили чай. Не скажу, что получил удовлетворение. Так себе, среднее, школярское мероприятие.

18 апреля

На рассвете приснился отец. Неожиданно приехал ко мне на поезде. Пока мы говорили о том, о сем, поезд ушел. Чтобы его догнать, я посадил отца на такси. Он укатил вдогон поезду, а я побрел домой. С чего бы это? Ныне отцу исполнилось бы 100 лет. И я о нем часто вспоминаю. Книжка о нем должна выйти месяца через два.

19 апреля

У православных Пасха. Меня это не затрагивает никаким боком. Мои деды были лютеранами. Лев Аннинский, полуказак-полуеврей, считает себя православным атеистом. Я, можно сказать, атеист лютеранский.

Всюду отмечают 80-летие Балғабека Қыдырбекұлы. Я обратил внимание на его дневники. Серьезные, глубокие мысли. И в дневниках я увидел его совсем не таким, как в жизни. Я был с ним знаком, четыре недели был с ним то ли в Пиццунде, то ли в Коктебеле. Нередко гулял и беседовал с ним возле памятника Чокану. И представление о нем (теперь вижу по его дневникам) было проще, примитивнее, чем он был на самом деле. «Человека узнаешь только после его смерти» – говорил, кажется, Пифагор. Получается так. Балғабек был крупнее, значительнее, чем я его понимал при жизни. В дневниках он значительно колоритней. Правда, уважительно я к нему относился всегда. Обратил внимание и на подборку стихов Аманхана в «Қазақ әдебиеті». Я о нем, как о публицисте, высокого мнения. Теперь убеждаюсь, что и поэт он толковый.

21 апреля

Прочитал большую исследовательскую статью Роберта Корна (Германия), интервью Евгения Рейна в «ЛГ». Узнал из газет о кончине журналиста Мадрида Рысбекова. Он на два года был моложе меня.

22 апреля

Исполнилось 75 лет критику Льву А.Аннинскому. Я его знаю лет 30-40. Симпатичный человек! Написал 30 книг и 5 (!) тысяч статей, многотомное «Родословное», активно выступал по ТВ, радио, кино. Поразительно активный и продуктивный человек. Мы

с ним общались много, когда он работал в «Дружбе народов», даже беседовали по ТВ, бывали на разных семинарах. Еще совсем молодым человеком в 60-х годах он приезжал как-то в Алма-Ату, познакомился с Аскаром Сулейменовым, Зейнуллой Сериккалиевым, Абишем Кекильбаевым. Всем им тогда было около тридцати, и они увлеченно спорили о литературе, о Ницше, о Шопенгауэре, о Хемингуэе и Кафке. Прекрасное было время!

23 апреля

Режиссер А.Головинский снимает фильм о Кекильбаеве. Проштудировал 6 томов его русского издания. Долго беседовали у Чокана о концепции фильма. Меня он взял в консультанты. И еще я должен что-то сказать в кадре.

24 апреля

Вечером позвонил Абишу. Поговорили о концепции фильма. Определились. Тема щепетильная. Много подводных камней. Нужны деликатность и осторожность. Я прекрасно понимаю все рифы. Но вроде бы к чему-то пришли. Однако через час звонит Абиш и сообщает, что он от фильма отказывается. Нужно написать третью книгу исторического цикла, поставить точку, тогда можно и о фильме подумать. Я его понимаю. И с точки зрения конкретной ситуации он прав.

26 апреля

В последнем № «ҚӘ» (кстати, газета становится интересней) опубликована беседа шести казахских литераторов, которых я почти не знаю. Меня обрадовал их уровень рассуждения – грамотные, начитанные, мыслящие. Видят глубоко и широко. Смело оперируют образцами мировой литературы. Беседуют о казахской литературе в настоящем и в перспективе.

Но что меня поразило? Ни один из них (!) ни разу (!) не упоминает ни Нурпеисова, ни Досжанова, ни Досанова. А они ведь считают себя классиками казахской литературы. В чем дело? Как можно это понять? Может, эти классики для современных казахов совсем не классики? Или это рядовой нигилизм?

29 апреля

Читаю книгу С.Куттыкадама «Служение нации». Прекрасная книга. Поучительная, познавательная. Десять литературных портретов о десяти выдающихся государственных деятелях – Ататюрк, Эрхард, Рейган, Тэтчер, Махатхир, Дэн Сяопин, А.Валенса... Читаешь, восхищаешься, невольно сравниваешь с «нашими» «игі жақсылар», приходишь к печальным выводам. Прочту – возможно, напишу отзыв. Рад за Сейдахмета!

Сказал в камеру («Ел арна») несколько слов о Калмухане Исабаеве.

Узнал о закрытии газеты «Тасжарған». Расстроился. Это не только несправедливо, это – подло. Сразу приуныл. Ощущение такое, будто я – эмигрант. Или пребываю в оккупированной врагами стране.

Чувствую, так дальше нельзя. Должны быть некие перемены в высшем эшелоне власти. Надо решать кардинально: либо продвигаться к демократии (тогда необходимо решительно ломать феодальные стереотипы), либо рьяно утверждать диктатуру (тогда придется закручивать гайки, но возникнет опасность, что сорвется резьба). Запрет газет, гонение на свободное слово, размахивание дубинкой обернется опасным напряжением в обществе. Яркие примеры тому можно найти в книге Сейдахмета.

5 мая

Накануне перед сном прочитал три коротких рассказика Л.Толстого, написанные незадолго до кончины, – «Волк», «Бедные люди», «Сила детства».

Из «Central Asia Monitor» узнал о выступлении Болата Атабаева в «Айт-парке», в котором он обронил, будто я – совесть нации. Других, мол, он не знает. Правда, он не уточнил, какой нации. Если казахской, то, наверняка, кое-кто из жигитов надуется. Если российских немцев, то о том никто и знать не будет. Если русских, то они запросто пошлют меня по известному адресу. Кому она нужна нынче, совесть-то?

7 мая

Умница и хаджи Серік Байқабылов по телефону оглушил черной вестью: дочь Нурпеисова, Раушан, которую я знаю с ее двухлетнего возраста, находится в онкологической больнице при смерти. Это трагедия. Раушан – добрая, скромная, безобидная душа. 47 лет. Ужас! Даже своего сына не успела оженить.

Обрадовал Мурат Ауэзов. Прочел в «Городе» всю мою статью о переводе III и IV томов «Пути Абая», сразу отозвался, поблагодарил и тотчас согласился с моим предложением издать на средства фонда Ауэзова книжечку с моим эссе-триптихом «Жизнь-эпопея» и статьей-диптихом «Энергия оригинала» (издавать будет Бахытжан). И еще намекнул на некую премию, которая может мне обломиться осенью в день рождения М.О.Ауэзова.

Закир закончил перевод второго блока моих дневниковых записей для «Парасата».

9 мая

Увы, по состоянию здоровья уже третий год не могу добраться до Вечного огня в парке панфиловцев. Горько! День Победы – самый главный праздник моего детства. Я помню этот день во всех деталях, хотя и прошло уже 64 года.

...Несть числа казахским поэтам! Каждый третий казах – поэт. Случайно попался мне сегодня первомайский номер «Жетісу» (2009) и сразу наткнулся на подборку стихов неизвестного мне Айтақына Әбдіқала. Называется подборка «Оймақтай ойлар – жан сырым». Вполне приличные стихи. Серьезные размышления, поданные в добротной поэтической форме.

Махамбеттің басын алып,
Ұлы Абайды жылатқан
Бөтен емес, осы халық –
Құлагерді құлатқан.

Сказано верно и смело. Или:

Құдай сүймес әрекет жасап жүріп,
Жалған сөйлеп, жасаймыз жасандылық.
Қолда билік тұрғанда талай сұмдар
– Шаш ал! – десе, жіберген бас алдырып.

Много острых строк в его поэтических раздумьях.

15 мая

Позвонил Шота В. Он чувствует себя хорошо. Шутит по обыкновению, балагурит. Слетал с женой в Эмираты. Полон впечатлений. Рад за него.

Дал Шота три совета (советы давать казахи мастера):

- во всем беспрекословно слушаться жены; - по возможности, путешествовать; - верить в то, что неизлечимых болезней нет.

16 мая

Прочел «толғау-серт» Софы Сматаева в «Ж.А.» от 13.05.09. Поэтическая полемика с Ираном-Гаипом. Немного длинное и обтекаемое толғау. Тональность абыза-мудреца. Софы говорит о времени и о себе с позиции умудренного аксакала. Учит строптивого Ирана уму-разуму. Встречаются правильные острые строки.

Адам едік, / Жұтып қойды / Пенделік,
Иілеміз, / Бүгілеміз, / Сенделіп.
Қалтаңдаудан, / Жалтаңдаудан / «Мықтыға»
Шыға алардай / Күн туар ма / Емделіп.

Или:

Жылап алып, / Сұрап алып / Атақты,
Асырамыз / Арамдықпен / Шатақты.
Жүгіреміз, / Жүгінеміз / Әкімге
Хан сарайдай / Жасау үшін / Жатақты.

Или:

Ер азайып / Көбейген соң / Езіміз
Ода жазып / Мадақ айту / – Сөзіміз
Оң қабаққа / Бір ілінсем / Деуменен
Жалтақдайды, / Жаутақдайды / Көзіміз.

Вообще, все, что сказал Софы в этом толғау, для него – смело.

18 мая

Сегодня 15 лет, как ушла мама. В памяти каждая деталь того скорбного дня. А прошло уже 15 лет... С каждым годом я все чаще вспоминаю и поражаюсь: сколько же мама переделала за свой век! Сколько силы духа и душевной теплоты было в нашей маленькой хрупкой маме! Жаль, что я не могу посетить в этот день ее могилу в Ташкенте...

20 мая

Бахытжан К. прислал верстку моей новой книжки «Жизнь-эпопея». Небольшая, карманного формата, 146 страниц. Обещает через месяц издать. Книжка родилась спонтанно. Она не планировалась. По счету это будет моя 44-ая книжка. Вот-вот увидит свет и мое «Казахское слово». Но это будет увесистый том – 640 стр. – 40 п.л.

22 мая

Болен. Все «иты» обострились. Еле волочусь. Встретился у Чокана с группой переводчиков. Симпатичные, знающие молодые люди. Две молодки из Актобе, один жигит из Атырау, другой – алматинец. Больше часа беседовали, фотографировались, обменялись книгами. Было приятно с ними общаться.

23 мая

Обрадовал Шота. Весел. Бодр. Шутит. Балагурит. Видно, выкарабкивается после операции. Даже съездил в Эмираты. Молодец! Рад за него.

Позвонил Роллан. Говорили о журнале, об Абише и Магауине, о ближайших планах-намерениях. Жалуется Роллан: совсем не остается времени на собственное творчество. Все время и силы забирают журнал и книгоиздание.

Немного корпел над рукописью «Резюме». Надо издать еще в этом году.

24 мая

Узнал, что китайцы будут издавать в Казахстане газету – «Хасакэсытань хуацяю бао». На русском и китайском языках. Китайцев в Казахстане сейчас 300 000. В Алматы у них есть культурный центр, гостиница, ресторан, зал для встреч. Так что хуацяо тихой сапой внедряются в независимый Хасакэсытань.

26 мая

По какому-то поводу Ассамблея народов Казахстана вспомнила меня, бывшего члена Совета, и выдало мне благодарственное письмо и толстенный альбом «Жеруйық». Вручили мне все это Дедерер и Бахман возле Чокана в присутствии нашего аксакальского бюро. Дедерер немного рассказал о немецких делах в Казахстане. Выпускают «наши» и «тамошние» немцы какой-то сборник, в котором якобы должен фигурировать и я (по поводу года Казахстана в Германии). Сартисон собирается брать интервью. Поразительно: я абсолютно охладел к подобным мероприятиям.

30 мая

Учительница Алуа Ароновна обещала мне вторую книгу Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели». Во второй книге идет речь о А.Н.Толстом, Зощенко, Булгакове и Ахматовой. Всего в трех огромных томах 20 литературных портретов. Интересно!

Звонил Хасен Адибаев. Он рассказал о себе и о своей последней книге. Я ее снова полистал, обнаружил новые мысли и стихотворение, посвященное мне.

1 июня

Прошлой ночью приснился кошмар. Среди кипы газет обнаружил четыре главки нурпеисовского романа и один его доклад. Плотный его почерк. Все это предстояло мне править, отредактировать, переписать. Своей фамилии в конце текста я не обнаружил. И так мне стало тягостно, как в былые времена, когда Нурпеисов оседлал меня, превратив в послушного литературного раба. Но, проснувшись, обрадовался, что уже пять лет я избавился от этого ига. За пять этих лет я написал и издал 20 книг. Не случись между нами размолвки, я бы до сих пор правил, редактировал, переписывал его занудные заплаты. Бог меня спас.

3 июня

Приятный молодой человек по имени Адиль встретился со мной и вручил мне сигнал моей книги «Казахское слово». Мощный том! Более 40 п.л. Избранное. 642 стр.

11 июня

Наши жалкие депутаты Мажилиса сделали тухлую попытку вернуть Рахата из Австрии. Смешно! Выступали трусливо, неуверенно, явно по заданию сверху. Задание есть, а выполнять – стимула нет. Отсюда и скорбное зрелище. Высший эшелон власти в полной растерянности. Допускает ляп за ляпом.

13 июня

Некий Сағындық из Костанайской области позвонил мне, похвалил и сказал: «Ауруыңызды тастаңызшы. Айтпаңызшы осыны». И Дукенбай говорит: «Инфаркт, инсульт дегенді ендігәрі айтпа!» И переводчик Закир деликатно попенял мне: «Адамды ылғи шошытып жүресіз...»

В самом деле, зачем о том говорить, коль это здоровья не прибавляет. Говори: «Шүкір», «Тәубе», «Жақсы» и ладно.

15 июня

Итак, за эти дни прочел несколько книг и написал две статьи – «Дидар и его рассказы» и «Чары Востока».

16 июня

В общем-то, симпатичный получился день. Презентация моей толстой книги «Казахское слово» состоялась в дискуссионном клубе «Айт-парк». Хорошо вел беседу Нурлан Ерімбетов. Легко, непринужденно, в меру остро. И я был максимально открыт. Не отвиливал от его вопросов. И журналисты, в большинстве, были знакомые, душевно расположенные люди. Более часа отвечал на вопросы, потом давал автографы. Привезла и отвезла меня милая Айтолқын, вручила гонорар, два журнальчика с моим интервью. И Жулдыз вручила два номера «Алқа» с моими воспоминаниями. Арцишевский вручил новую книгу Бадикова, в которой и моя статья, и две статьи обо мне. Нурлан вручил сертификат на покупку книг аж на 8 тыс. тенге. Обласканный, удоволенный, я приехал домой. Запомнился «Айт-парк».

19 июня

Пришли «Известия», а там статья Джанибека о встрече в «Айт-парке»... Пришла «Свобода слова», а там выдержки из моего выступления... Пришло «Новое поколение», а там статья Ботагоз С. обо мне под названием «Аргын»... Пришел «Парасат», а там продолжение моих дневниковых записей за прошлый год... Пришел «Город», а там моя статья «Чары Востока»... И еще Раушан из «Эксклюзива» дал интервью о просвещении... И еще Ольга Власенко уговорила дать интервью для «Эксперта»... И Гүлзина просит интервью для «Туркестана»... Радоваться этому или огорчаться? Пошел по рукам, как срамная девка.

20 июня

О моем выступлении в «Айт-парке» написали еще 5-7 газет. И на разных сайтах размещены всякие материалы о том. Очень понравилась беседа Мухтара Магауина в «Қазақ әдебиеті». Глубоко и серьезно говорит он об истории, о древности казахов, о литературе, языке, творчестве, о себе. Интересно, убедительно. У Мухтара есть выверенная концепция. Она и привлекает.

21 июня

Чудится, что живу мелко. А серьезно, крупно, видно, уже не смогу. Постоянно гнетет меня неудовлетворенность. Особенно остро это почувствовал после прочтения беседы с Магауиным. Он работает мощно. За три года намерен сработать роман о Чингисхане. Молодец!

23 июня

Вернулся с острова Сицилия Ермек Турсынов, где показал европейцам свой фильм «Келін». Хорошо приняли. Теперь он хочет показать фильм в Алматы, а я физически не гожусь для просмотра. Очень жаль!

26 июня

Зашла миловидная Еңлік, дочка редактора «Жас қазақ үні» Өмірзақа Ақжігіта. Забрала шестую тетрадь из цикла «Плетенье чепухи». 104 страницы от руки. Өмірзақ намерен эти записи давать с 14-го июля. А Еңлік окончила университет, собирается устроиться на ТВ. Приятные казашки подрастают. Любо-дорого смотреть.

28 июня

Третий день работаю над эссе «Совесть? Это еще что такое, господи?!» Что-то вроде получается. Из Актау некий Абылқайыр Спан (автор 32 книг) передал две свои книги: роман-эссе «Заңғар» об Абише К. с серией фотографий и исследование «Друг Пушкина Вольховский».

В первой книге мне почти все знакомо: восторг об Абише; во второй книге нашел незнакомые мне факты. Пролистал с любопытством. Досадно только, что автор не указал использованную литературу. Это серьезный изъян.

1 июля

Тамара Яковлевна Шайкевич-Ильина, доктор наук, активная женщина, передала свою новую книгу «Руфь» – о Руфи Мееровне Тамариной. Я ее знавал, общался с ней, храню ее книги, а потому воспоминания о ней прочел с любопытством.

2 июля

...Вечером позвонил Мурат Ауэзов. Как всегда, мягко и деликатно сообщил, что книжку мою («Жизнь-эпопея») завтра завезут, что он считает: Анатолий Ким в переводческих вопросах принципиально неправ («Көңілім суып қалды»), посоветовал: «Көңілге алмаңыз», похвалил мои «Чары Востока», и, вообще, мило поговорил. Мурат мне всегда симпатичен. У него умная, нежная, деликатная душа. Ну, а Ким в отношении меня абсолютно неправ. Он, по большому счету, и не переводчик вовсе, а обработчик, правщик, вышивает узоры по чужой канве.

Позднее позвонил Еримбетов. Оказалось, в двух газетах («Айқын», «Жас қазақ үні») опубликованы письма группы национал-патриотов, которые разоблачают Еримбетова как космополита, а меня теребят в смысле: «Бельгерге не болған?» Дело, как я понял, касается Шаханова (Я сказал, что его дружба с Ч.Айтматовым мне всегда казалась странной). Отсюда и весь сыр-бор. И чего байбаламствовать? Чего сразу в бутылку лезть?

6 июля

Прочел рассказ Абиша «Аш бөрі». Великолепная проза. И за эти дни написал к 70-летию Абиша эссе-портрет – «Абиш» (13 страниц). Получается, что за последние три месяца написал «Энергию оригинала-2», «Предопределение лидера», «Дидар и его рассказы», «Чары Востока», «Совесть? Это еще что такое, господи?!», «Абиш», «Руфь» – около 100 страниц. И дополнил девятую тетрадь «Плетенье чепухи».

7 июля

Несколько часов читал переписку братьев Маннов. Поразительно! Много поучительного. Из Астаны Берік Абдыгалиев позвонил и намекнул, что Фонд языков намерен дать мне премию. Не возражаю.

Мэлис А. и Кайрат Б. провели со мной беседу по поводу предстоящих киносъемок. В мои планы это не входит, но коли обещают издать мои дневники, вытерплю и это.

Амангельды К. завез мне «Жармақ» Магауина. Буду читать.

10 июля

Скончался Вас. Аксенов. Его я много читал в 60-х годах прошлого века. Крепкий писатель! Написал 23 романа. Умер на 77-ом году жизни.

О поэте Серике Тургынбекове я, разумеется, имею представление. Поэт толковый, крепкий, но, на мой взгляд, до сих пор старался держаться позиции «ни вашим, ни нашим», т.е. поверх барьера. Таких у нас много. И вдруг приятно удивил, опубликовав в «Жас алаше» подборку стихов под названием «Саясат, сенен жерідім». Стихи поэта гражданственного, неравнодушного, болеющего за страну, за народ, испытывающего боль и стыд. Горькая реальность взбудоражила его. И он откликнулся на современность резкими, едкими стихами.

Өзгелерге өзгеше көп көрініп,
Өзімізді өзіміз алдап жүрміз.

Давно все поняли Иран-Гаип, Темирхан Медетбек, проснулся Софы, теперь высказался и Серик. Может, со временем возьмутся за ум Туманбай, Айтов, Марфуга. Только вряд ли... Их никакая реальность не исправит.

11 июля

В «Жас алаше» (09.07.09) прочел большую статью Дулата Исабекова о поездке в Сеул, о впечатлениях, о фестивале театров. Он все время эффектно сравнивает, как «там» и как «у нас». Едко, остро, саркастично. Молодец! Весьма впечатляющая статья! Добротный юмор. Тонкие наблюдения. Побольше бы таких статей!..

15 июля

Приятная встреча со Смагулом Е. и незнакомым бизнесменом по имени Базаргельды. Последний, выяснилось, читает меня, рассуждает здраво. Оба обрели в магазине мое «Казахское слово». Я дал автограф, Смагул вручил новое издание «Ақ боз үй», а Базаргельды – байгазы в денежном выражении.

Вечером позвонил аким Акмолинской области Альберт Павлович Рау. Приятно поговорили. Выяснилось, что он – родственник Пауля Рау и Георгия Павловича Рау, известных деятелей российско-немецкой культуры.

Провел третью запись телекомпании Мэлиса А.

17 июля

Позвонила Шайзада (я ее года три-четыре не видел) и сообщила, что она будет издавать мой 10-томник. Вот-те раз! Я о том и не мечтал.

А вечером, прикинув все написанное, понял, что десятитомник не охватит, по крайней мере, еще 7-8 томов. Но и 10 томов (если они осуществятся) – большая удача. Решили встретиться с Шайзадой в понедельник.

18 июля

Звонили из Германского посольства. В Берлине выходит на немецком «Дом скитальца», предположительно в ноябре намечена презентация. Спрашивают, буду ли я? Увы! Дальше Чокана я – не ездец!

Написал короткую статейку «Руфь».

В пятницу завершили съемку у меня дома. Записывали час. Теперь предстоит запись в парке, в СПК, возле Чокана. Мне же интересно, когда приступят к изданию «Тень дней минувших». Мне бы стало сразу же легче.

20 июля

Заехала Шайзада, директор издательства детской литературы. Шайзаду я не видел года три. Похорошела, Помолодела. Яркая, ухоженная дама. Все толково объяснила. Да, запланировано мое Избранное в десяти томах. Но в этом году издадут только первый том. На большее нет средств. Итак, мой десятитомник неизвестно на сколько лет растянется. Если в год будут издавать по одному тому, то я могу и не дожить до десятого тома. А по моей прикидке, я уже сейчас мог бы предложить 15-17 томов. К тому же за лист будут платить по семь тысяч тенге. Весь тираж разошлют по библиотекам. Так что радость заметно приглушилась.

В «World Monitor» вышло мое интервью с портретом. В «Туркестане» тоже вышла статья обо мне.

21 июля

Из Германии звонил Эдмунд Матер. Издал 4-томник российских немецких писателей. Собирается выслать. В «Казправде» вышла статья Ананьевой о моем с Кошутом издании «Abai. Zwanzig Gedichte».

23 июля

Позвонил с утра Закир А., сообщив, что в «Жас алаш» на всю полосу вышла статья Ратбека Арынова «Бельгерге хат». Толковая статья! Тут же дали сведения и о моей книжке. А в «Алматы ақшамы» дали портреты Шаханова и мой, и статью под названием «Бізге Бельгер де, Шаханов та керек». Статья доброжелательная, милая, но исподволь как бы намекает на некий конфликт между мной и Шахановым. А ведь конфликта между нами никогда и не было.

В журнале «Эксперт» вышло интервью со мной (занес «болашаковец» из Америки Ерлан Искаков). В газете «Город» выйдет завтра моя статья.

24 июля

...На днях в «Жас алаше» была прелестная статья Есенгали Раушанова об Аманхане. Толково и красиво раскрыл Е.Р. суть поэзии, критики и своеобразной человеческой натуры Аманхана. С большим тактом и любовью написано о таланте и «причудах» поэта. Прекрасно! Такими должны быть литпортреты.

27 июля

Звонил Рысбек (Сәрсенбаев). На «Бельгерге хат» много отзывов. И к памятнику Чокану пришли сегодня двое: один Шәкәрім Алдоңғаров из Қарқаралы. Начитанный, знающий, думающий старик (на три года моложе меня). Оставил приятное впечатле-

ние. Фотограф газеты снимал нас. Шәке подарил мне палку, я ему – книжки. Второй – бывший учитель математики Курбан (1950 г.р.). Инвалид второй группы. Говорить не может. Но слышит. Отвечает письменно. Приятный человек. Оба разделяют ход мыслей автора «Бельгерге хат».

Встретился Шота. Не видел его месяцев семь.

28 июля

Сегодня заехала от «Атамекен» и «Фонда развития государственного языка» броская, симпатичная, белозубая, моложавая, светлоликая казашка по имени Светлана Кирилловна (родом из Уральска. Отец был военный). Вручила она мне «Алғыс хат» от Перуашева и Абдигалиева и премию (тысяча долларов). Я передал ей и с ней пакет для Берика Дюсенбина, книжки для всех остальных.

Звонил Музафар А., прочел афоризм:

Басым да бара жатыр қасқаланып,
Күн сайын танымастай басқаланып.

3 августа

Заехал Ербол К. и забрал мою статью для «Свободы слова». Заехала Жулдыз и забрала для «Алқа» мои дневниковые записи 1989 года. Узнал от Закира, что в «Жас қазақ үні» уже в двух номерах дали с продолжением мою «Шестую тетрадь». Вечером под сильным дождем больше часа беседовал с гостем из Каркаралы Шакаримом Алдонгаровым. Из-за ремонта в квартире устал зверски. Отобрал 500 книг для университета.

5 августа

Звонил Смагул Е. Оказывается, в конце этого месяца в г. Актау в течение четырех дней Казахский ПЕН-клуб с приглашением московских друзей Нурпеисова намерен провести выездное заседание в честь 70-летия Абиша К. В список включили и меня. Увы, по состоянию здоровья быть не могу, хотя было бы интересно. Собираются почти все знакомые: одиннадцать членов ПЕН-клуба плюс Анастасьев, Аннинский и др. О том же звонили и из акимата области. Знаю: Қырымбек относится ко мне тепло.

6 августа

В «Свободе слова» дали меня щедро: на двух полосах. Одним из первых, одобряя мою статью, позвонил из Астаны космонавт Тоқтар Аубакиров. Для меня он издавна – воплощение истинного казаха. Приятно поговорили.

Болату Р. (интернет-газета «Азаттық») дал интервью по поводу Абая.

Звонили еще с ТВ канала «Казахстан» и из журнала «Фокус». Тоже просят интервью. Первому отказал, а второго отодвинул на октябрь.

9 августа

Сегодня дочери Ирине – пятьдесят лет! Надо же! Значит, и я уже не в комсомольском возрасте. Ой-хой, дуние – бренный мир!..

Постоянное чувство – недовольство собой. Все, что делаю – малозначительно. За время ремонта ликвидировал много черновиков, подготовил для сдачи в университет «Қайнар» более трехсот книг, перебрал все книги на балконе. Надо бы сдать еще 300-500. «Состряпал» доклад для конференции Немецкого научного общества.

12 августа

Перечитываю в четвертый раз повесть Л.Леонова «Evgenia Ivanova». Классика! Какой стиль! Какой язык! Плотно пишет. И знает, о чем пишет.

И еще читаю книгу покойного Халела Сулейманова об эре Чингисхана. Книга, несомненно, интересная и полезная, хотя местами дилетантизм чувствуется. Особенно по части этимологии.

Позвонил М.Магауин. Я ему об этой книге рассказал. Оказалось, он с ней знаком, но отнесся сдержанно. Дескать, «не ғылым емес, не көркем шығарма емес». Но согласился, что книга полезна в освещении эпохи Чингисхана.

13 августа

Прочитал в «Жас алаше» рассказ Қабдеша Ж.. «Кешірім». Толковый, в меру острый, современный рассказ. Таких Қабдеш опубликовал в последнее время несколько.

Шок: не осталось у меня копии или черновика статьи о «Жармаке» М.Магауина. Единственный экземпляр я отдал Гульмире, а она укатила в США, а «Город» якобы закрыли. И у кого теперь моя статья? Какую оплошность допустил, не сняв ксерокопию!

14 августа

Напряженный день. До обеда имел дело с киношниками. Снимали немецкие книги. Я что-то провякал о «Haus», «Heim», «Heimat» в творчестве российских немцев, о шестидесятниках Аскаре и Абише, о моей немецкой библиотеке, об Алматы, о своей семье. Вроде, все к месту. Мэлис сказал, что заключит с Кайратом договор и приступит к изданию дневника. Неужели? Вот было бы здорово!

Из Астаны (издательство «Аударма») позвонила Жибек и уговорила-таки меня составить сборник русского Абая.

Молодов на прогулке вручил мне две книги о музыке, хочет меня просветить, но – увы! – «старый урус мусульманином не станет».

16 августа

Надумал написать статью о книге Халела Сулейманова «Эра Чингисхана в истории казахской нации». Оттолкнулся. Какие-то мыслята возникли.

И еще надумал предложить Олесе («DAZ») цикл статеек об Абае. Дал вводное интервью.

18 августа

Я счастлив: дожил до 100-летия своего отца. Будем отмечать его юбилей в Алматы, в Москве, в Хакасии, в Узбекистане, в Германии – всюду, где живут ныне его дети, внуки, племянники. «Рассказы об отце» я издал и всем разослал. Весь день буду вспоминать отца. Все мое существо заполнено им.

19 августа

Продолжаю плести чепуху. Закончил девятую тетрадь «Плетенье чепухи», начал десятую. Если учесть, что в каждой тетради примерно 100 страниц рукописи, то 10 тетрадей составят весьма солидный (по объему) том. Может, потянет на два тома? Этой своей книге я придаю серьезное значение.

Второй день, как каторжник, вычитываю и выправляю верстку «Резюме».

22 августа

Пришли из Германии две бандероли. От Эдмунда Матера, прозаика и поэта, — первый том четырехтомной энциклопедии «Autoren Lexikon». Удивительный труд! Фундаментальный! Разнообразные (библиографические) сведения о трех тысячах писателей российских немцев и с примесью немецкой крови. Штандпункт несколько сомнительный, но фактура богатая.

В томе очень много ссылок на мои книги по литературе, культуре российских немцев. Уникальный этот труд надо еще осмыслить.

Вторая бандероль – огромный (более 600 страниц) автобиографический роман Вилли Мунтаниола. Полистал. Принюхался. Читать буду зимой, когда немного разгружусь. В романе отражена судьба российских немцев моего поколения.

В Берлине перед Рейхстагом наши немцы провели акцию протеста против искажения истории российских немцев в германских учебниках. В качестве аргумента демонстрировали на плакатах и мой роман «Дом скитальца»...

23 августа

Вчера узнал из газеты о кончине Патигуль Сабитовой – уйгурской поэтессы и литературоведа. Я ее знавал со студенческих времен. Красивая, опрятная, миниатюрная уйгурка. Училась на казахском отделении литфака КазПИ. Была на два года моложе меня.

25 августа

Звонил посол Казахстана в Германии господин Онжанов. Поблагодарил за письмо. Сообщил, что коли я не приеду в Берлин, то проведут презентацию моего романа в Обществе казахстанско-германской дружбы, а мне пришлют 10 экземпляров. Говорил посол по-казахски вежливо и деликатно.

29 августа

На прогулке Народный артист А.В.Молодов обстоятельно говорил о моем романе «Разлад». Видно, что читал внимательно и говорил дельно. Из Астаны позвонил Алибек А. и с радостью сообщил, что вернулся из Катон-Карагая, куда свез Кадыра Мырза-Али.

1 сентября

Недобрая весть пришла из Германии: скончалась моя двоюродная сестра Вильгельмина. В 82 года. Когда-то, еще в Энгельсе, она нянчила меня. Знавал и ее отца – дядю Фридриха. В 1942 году зимой на лесоповале в Сибири в возрасте 20 лет умер Вольдемар Бельгер. Ровно через год – в трудармии скончался его отец Фридрих Бельгер. После трудармии скончалась моя двоюродная сестра Вера Бельгер. Два года назад умерла в Германии Виктория Бельгер. Теперь ушла и Вильгельмина. Осталось из того клана одна Валентина. Все меньше Бельгеров на свете. Грустно.

Позвонил Өмірзақ Ақжігіт – шеф-редактор «Жас қазақ үні». Спрашивает. Что будем делать после публикации «Шестой тетради». Я обещал дать «Седьмую тетрадь», если к тому времени не возобновится «Тасжарған». Так и договорились.

2 сентября

Узнал, что «Amanat» тянул-тянул и, наконец, дал полностью первую часть и несколько главок второй части моего романа «Зов». И на этом решил: хватит. То есть, вместо целого романа опубликовали менее половины, и получилось ни то, ни се. Меня это огорчило. Так мы с Ролланом не договаривались. Надо было роман дать в «Простор», как предлагал Орынбай. Теперь у меня проблема издать полностью «Зов». Но где и когда? На какие деньги?

4 сентября

Всего четвертый день осени, а я уже тоскую по лету. Весь день хмуро, тоскливо, дождливо, холодно. Мне бы хотелось, чтобы меня месяц-другой никто не трогал. Писал бы, не торопясь, статьи-рецензии, читал бы в свое удовольствие. А меня, хворого, дергают постоянно. Вот сегодня надо написать текст выступления по поводу акции Смагула Е. в Союзе писателей. Написал. Надо снять ксерокопию. Зашел в Шоте В. Он как раз давал какой-то девице интервью. Бодрый, оживленный. Из Астаны из «Аудармы» прислали материалы для составления русского сборника «Абай». С договором. Ставка приличная. Куда денешься? Надо на составление минимум дней десять. Во время прогулки обдумал диспозицию и текст «От составителя». Отложил рецензию на Э.Матера, на В.Мунтаниола, отодвинул «кирпич» Вильгельмов и принялся за Абая. Из немецкого дорфа срочно перебрался казахский аул. Абай мне не тягость, а в радость. Составляю седьмой его сборник. Да и свои четыре книжки о нем написал. А вообще-то нынче пришел к выводу – Абая лучше не трогать: оставить его казахам, как сугубо национальное достояние. Творчество замутили абаеведы донельзя, обмусолили его – жуть. Не абаеведы, а ойбаеведы, как остроумно выразился Қайрат Б.

Тут позвонили еще из Немецкого дома и сообщали, что проводят торжественное мероприятие по случаю 20-летия «Wiedergeburt» и 15-летия Немецкого дома. Приехал, якобы, Ауман из Москвы и намерен вручить мне российскую медаль.

5 сентября

Медаль оказалась «Екатерининская». Ее вручает Совет Федеральной культурной автономии немцев России. На медали – силуэт Екатерины Великой. Сегодня ее вручил мне Ауман. Теперь на левую грудь прилеплю Екатерину II, на правую – Абая. Так и сказал в своем ответном слове.

Встретился с неким Серикжаном, который намерен создать партию «Зеленых». Молодой, энергичный, знающий молодой человек – произвел весьма приятное впечатление.

Усиленно и увлеченно работаю над сборником Абая. Хлопот оказалось больше, чем я предполагал. Но, думаю, управлюсь. Почти к каждому стихотворению подбираю несколько альтернативных переводов.

11 сентября

Уф-ф!.. Сегодня управился с рукописью «Абай». Многое переписал, клеил, монтажировал; все сложил, пронумеровал, письмо директору (или главреду) написал, договор оформил, все упаковал, тут же позвонил в Астану, переговорил с Жибек, она пришлет курьера, который доставит рукопись в сохранности в «Аударму». Кажется, получилось неплохо. И я рад, что управился с этой трудоемкой работой.

Звонил историк Виктор Кригер. Он прибыл в Алматы и хочет встретиться со мной.

Звонили из КИМЭПа, тоже хотят организовать со мной встречу. Договорился на первую декаду октября.

16 сентября

В обед позвонил Аманхан и сообщил о кончине Ақселеу С. Я ошалел. Вспомнил его интервью по ТВ: «Шаршадым, шаршадым». По просьбе Аманхана, сказал несколько слов. Я ведь с Ақселеу немало общался, бывал вместе в Германии. Знал его не менее 30 лет. Вечером позвонил Шота, поделился скорбной вестью, сказал: «Аман болайық». Звонил Закир. Поговорили душевно о том, о сем. Из Калининграда позвонил Колосов. Хочет приехать на конференцию Научного общества немцев Казахстана.

18 сентября

На днях закончил рецензию на 4-хтомную энциклопедию Эдмунда Матера и тут же принялся за рецензию на роман Вилли Мунтаниола. Думал, изведу на нее дня четыре. А накатал вчерне за пять часов. Сам удивился. Видно, в голове все отложилось, все «сварилось». Написал за эти дни и несколько страниц к «Плетенью чепухи».

22 сентября

Бр-р!.. Стылый ветер. Тополя за ночь наполовину пожелтели. Все усеяно желтыми листьями. Осень наступает стремительно. Бродят зловещие тучи.

Ананьева сообщила две новости: одна от Кошута из Берлина (там сдали в типографию перевод моего романа) и вторая от Зейферт из Москвы: «ЛГ» намерена дать что-то обо мне к 75-летию. В «Жас қазақ үні» дали очередную полосу моей «Шестой тетради», и в ней я насчитал 35 опечаток. Ужас! Пропало желание печататься в этой газете. Безграмотность – бич нашего времени.

25 сентября

Дочитал 16 главу рукописи отца и сына Вильгельмов. Осталась последняя глава. Серьезное исследование. Об этой рукописи необходимо написать основательную рецензию. Часа два работал с Қайратом Б. С ним приятно иметь дело. Образован, начитан, быстро все схватывает. Прекрасный, опытный редактор. Позвонил и Мэлис. Надо, мол, доснять для завершения фильма несколько немых сцен. Планируем на следующую среду.

Из Астаны звонил Куаныш Жиенбай. Он, оказывается, читает мой «Дом скитальца».

Не бездельничаю. Работаю каждый день. Встречаюсь с разными людьми. А все равно не покидает меня тягостная неудовлетворенность. Прочитал шикарную рисалу Оразбека «Шайтанның шәкірттері». Верных слуг и сподвижников Шайтана в нашем обществе с каждым днем все больше и больше. Их столько, что из дому выходить стало опасно.

26 сентября

Из Берлина позвонила Клара Гарвард (когда-то она преподавала в Шымкентском пединституте), которая там живет 15 лет. Она меня поздравила с двумя интервью, которые гонят по трем каналам Германии. Якобы, к моим словам прислушиваются. В интервью я поделился своим мнением о состоянии образования в Казахстане и о «пожиз-

ненности» Президента. Много добрых слов сказала Клара, однако сообщила плохую весть о давней моей знакомой Эрике Фойгт. Ей сделали неудачную операцию, и она прикована к инвалидной коляске.

28 сентября

День этот особенно памятен тем, что это день рождения Мухтара Омархановича Ауэзова. С этим днем Аскар С. Меня неизменно поздравлял.

Позвонил Мурат Ауэзов. Пригласил с офис Фонда Ауэзова. В присутствии гостей и сотрудников (плюс двух телевизионных каналов) торжественно вручили мне грамоту и премию – один миллион тенге. Для писателя-пенсионера целое состояние. Очень теплая, искренняя была атмосфера, и мне было приятно в кругу друзей. Потом мы отправились в ресторан, где мило отметили день рождения Мухтара Омархановича. Мурат отчитался о проделанной работе. Говорили сердечные слова С.Каскабасов, А.Жаксылыков, Зауре (очень милая женщина), Бахтияр и сотрудники Фонда – юные, знающие, талантливые, доброжелательные казашки. Любо-дорого на них смотреть. Вернулся домой в приятном возбуждении. Вечером об этой акции сообщили по двум каналам.

30 сентября

За эти дни написал две объемные рецензии на книги Эдмунда Матера и Вилли Мунтаниола. Начал писать рецензию на толстенную рукопись отца и сына Вильгельмов «Немцы в России: люди и события». Мэлис Атамкулов доснял несколько кадров возле фонтанов в дополнение к фильму обо мне.

2 октября

Сагин-Гирей занес сигнальные экземпляры моей книги «Резюме» - 14,5 п.л. Неплохо. Это моя 47-я книга по счету. И пятая в этом году. Надеюсь, до конца года выйдут еще две-три.

В один присест накатал небольшую (5 стр.) рецензию на книгу историка Виктора Кригера «Рейн. Волга. Иртыш».

6 октября

Неожиданно для себя написал еще одну рецензию на книгу поэзии Елены Зейферт. Бывшая карагандинка, защитила в Москве докторскую диссертацию, утвердилась в столице России, раскрыла все свои незаурядные таланты. В Германии вышел ее научный труд с моим послесловием. И стихи ее достойны внимания.

Жұлдыз А. завезла три последних номера «Алқа». В двух опубликованы мои материалы. Ее журнальчик становится все значительней и интересней.

9 октября

Вчера сообщили, что Нобелевским лауреатом по литературе стала немецкая писательница – прозаик и поэт Герда Мюллер. Ей 56 лет, лауреат многих престижных премий, переведена на многие языки, родом из румынских немцев. Я ее не читал. Но рад тому, что немцы получают такое признание. Обрадовался бы и тому, если такую премию получил казах. Но, видно, до этого я не доживу. Оның ауылы тым шалғай жатыр.

10 октября

Вчера объявили: лауреатом Нобелевской премии мира стал Барак Обама. Явно неожиданно. Общественное сознание к тому не подготовлено. Может, решили дать авансом? Может, в том Европа выражает свой страх перед США? Мир, конечно, воспримет это неоднозначно. Сплошная политика.

... Через два часа начнется футбольный матч между Россией и Германией. И я в тревоге и в печали. За кого болеть? Разумеется, душа болит за немцев. Но и русских жалко. И Хиддинка не хотелось бы подвести. Жестокий жребий! Позвонил соседу-дипломату: «Как быть?» Он мудро ответил: «Қай жеңгені біздікі» («Кто победит, тот и наш»).

11 октября

Победили немцы. Они более техничны и разумны. Умеют тратить силы экономно. Русские очень старались и показали класс. И Путин, и Медведев явно огорчены. Но что скажешь? Немцы были сильнее.

12 октября

Звонил Альберт Рау – аким Акмолинской области. Прочел две мои книги – «Дом скитальца» и «Дождь со снегом». Поделился впечатлениями. Пригласил на отдых в Зеренды или Оқжетпес. Когда, мол, мне угодно. «Сам встречу». Я знавал кое-кого из сородичей. Он родом из хорошего поволжского клана.

13 октября

Газете «Жас қазақ үні» передал сегодня на публикацию «Седьмую тетрадь» из цикла «Плетенье чепухи». Шестую тетрадь газета опубликовала в 12-ти номерах. На столько «потянет» и седьмая тетрадь. Вообще-то, все изначально предназначалось «Тасжарғану». Но газета уже несколько месяцев не выходит. А выйдет - у меня в запасе лежат 8-9-10-ая тетради – триста страниц.

14 октября

С редактором моих дневников «Тень дней минувших» Қайратом Б. работали за компьютером аж четыре часа. Отрихтовали, смягчили, убирали кое-какие излишне едкие, строптивые словечки и фразы. Редактором и редактурой доволен.

Определились сроки моих выступлений: 23-го – в Немецком доме; 30-го – в Президентском архиве. Там же будет выставка. А в промежутке согласился дать пять-шесть интервью.

17 октября

Два дня вычитывал составленный мною для издательства «Аударма» сборник Абая «Я – человек-загадка». В одном окончательно убедился: не звучит Абай по-русски. Отдельные удачи не спасают положение.

18 октября

Встал до 7-ми. В сутемени стая птиц высоко, мимо моего балкона – деловито и сосредоточенно, молча – потянулась ровным клином в сторону гор, на юг. А вороны, наоборот, надрывно каркая, беспорядочными группами спешили в сторону севера.

Осень. Но батареи раскалены, и в квартире душно – спасу нет. Откроешь балкон – начинаешь чихать и кашлять.

Перед сном в который раз перечитывал «Гете и Фауст» А.Аникста. Книжка досталась мне от Аскара С.

20 октября

Умудрился-таки простудиться. Злой грипп напал исподтишка. Очень некстати выбил меня из колеи. Могу только читать. И то урывками. Весь день читал поэтов Серебряного века. Какие личности! Какие судьбы! Какая поэзия!

Звонками донимали меня многие. Сосчитал: аж 16 человек. Писатели, журналисты, из газет, радио и телевидения. Главным образом, просят интервью. А я дохлый. И в голове ветер гуляет. И впустую лялякать стыдно. Для моего возраста не солидно. Некоторые жалуются на застой, на власть, на маразм. А у меня нет ни сил, ни желанья жаловаться и возмущаться. Даже скулить в углу неохота. Один мотив звучит в душе: «Какое мне дело до всех до вас? И вам до меня?!»

Вечером по «Хабару» показали большое историческое событие: открытие монумента «Қазақ елі»: на одной стороне – позолоченный Назарбаев во весь рост. Саудабаев так и сказал: «В Америке – статуя Свободы; в Париже – Эйфелева башня; в Петербурге – Александрийский столб. Теперь и мы в этом ряду». Слава Аллаху: я успокоился. И грипп мой наверняка отступит. И подумалось: как вообще казахи жили до Назарбаева? Прозябали бедные! И еще вопрос: были ли вообще казахи до Назарбаева? Ай, қайдам...

23 октября

В Немецком доме прошла встреча со мной. Сопровождали меня Ананьева и Машакова. Обе сказали обо мне приятные слова. Собралось человек 30-40. все сносно, но общее впечатление убогое.

Весь вечер читал газеты. Все пустое. Писать ныне не о чем. Слова обесценились. Все обрыдло. Кто-то просит интервью. Отказался. Проведу, как получится, день рождения, потом выступлю в Президентском архиве и объявлю мораторий до апреля следующего года.

25 октября

Вчера перед сном прочитал два новых рассказа Мадины Омаровой в «Қазақ әдебиеті». Рассказы экспериментального характера. Свежи, хороши. Сжаты. Экономны. Молодец! Просмотрел и библиографию монографии Марал из Астаны. Оказалось, она филолог-лингвист, а не литературовед. И мои книги она анализирует с точки зрения билингвального литератора.

В «ҚӘ» прочел статью некоего карагандинца о Софы Сматаеве. Написал Софы 8 романов, 17 повестей, 14 пьес, либретто и т.д. издал 17 томов сочинений. Плодовит, несмотря на все хворости.

Из Астаны позвонила Айгуль Кемелбаева. Прочла мой «Разлад» и хочет прислать восемь вопросов, на которые я должен отвечать письменно для какого-то журнала. Назарбек, срочно выезжая в Кокшетау, сообщил, что для «Жас алаш» написал обо мне статью, поздравил с 75-летием.

26 октября

Вдова Манаша Козыбаева Сара-ханум вручила мне толстенный том мужа «Тұлғалар тұғыры», составленный сыном Ильясом. Мощное издание! Часа три полистал-почитал. Возможно, напишу рецензию. Ербол Ж. просит дать краткое интервью для «Свободы слова». Позвонили из СП: скончался Серик Ибраимов.

28 октября

Ну, вот «стукнуло» мне 75 годиков! Как говорится, шүкір, шүкір, тәуба, тәуба. За день было более 10 звонков из Алматы, Москвы, Ташкента, Астаны, Гамбурга, Кельна, берлина, Анкары. Поздравлять пришли домой человек 20. Натаскали подарков. Обласкали так, что я усталости не почувствовал. Хорошие люди, дружеское внимание, доброе настроение. Телеграммы-письма прислали Тасмагамбетов, Токаев, Кул-Мухаммед, акиматы, партии. Все о'кей. Слава богу, все это позади. Юбилеи, может, и хорошо, но хлопотное и суетливое дело. Не для меня и не по мне.

30 октября

Прошла со мной встреча в Президентском архиве. Все мило, хорошо организовано. Довольно большая выставка из фотографий, документов, книг. Аудитория оказалась чуткой, любопытной, подготовленной. Неожиданно для меня совершенно блистательно – свободно и философски – выступил Смагул Елубай. И я прочитал отрывки из «Чепухи» и отвечал на вопросы. Фотографировались. Кому-то дал интервью (вроде как «Седьмой канал»). Привезли меня домой в хорошем настроении.

Узнал, что обо мне написали «Казправда», «Город», «Жас алаш», областные газеты Северного Казахстана, «Deutsche Allgemeine Zeitung», какие-то германские газеты, «Новое поколение». Зашел Арцишевский. Хочет написать в «Central Asia Monitor». Так что вниманием не обделен.

31 октября

Написал Софы Сматаеву письмо по поводу его поэм в «Жас алаш». Я уважительно отношусь к его творчеству, но не разделаю его личных обид. Талантливый человек не должен себя чувствовать обделенным.

Читал «Стамбул» О.Памука. Не впечатлило. Так себе. Таких писателей у нас и в Казахстане хватает.

1 ноября

... Семь лет назад скончался отец. Все до мельчайших деталей помню...

3 ноября

В Германии хотят переиздать мой биобиблиографический справочник «Российские немецкие писатели». По этому поводу, дав согласие, написал письмо доктору истории Эрике Фойгт.

Ответил на вопросы Айгуль Кемелбаевой. Накатал аж 12 страниц. Вопросы умные. Старался отвечать обстоятельно.

6 ноября

Встретился с Айгуль К. и Қарлығаш Исиной. Милые юные дамы. Передал свои от-

веты. И тут же встретилась пианистка Жанар Сулейманова. Она и не знала, что я написал о книге ее отца - Халела Сулейманова. Мило пообщался с Народным артистом Юрием Померанцевым. Ему 86-й год, но рассуждает здраво и интересно.

8 ноября

Заехала с верстной моего первого тома Шайзада. Подписал договор, написал заявление о 25 экземплярах в счет гонорара. Якобы выйдет до Нового года. Из-за объема сняли три рассказа. Приходится их перекинуть во второй том. Его я обещал представить в январе 2010 года.

10 ноября

Написал рецензию на книгу Валдемара Люфта, проживающего ныне в Германии.

Возобновляется издание «Тасжарғана» под другим названием. Заехала оживленная Бахытгуль и забрала «Восьмую тетрадь» моей «Чепухи». Прочитал большую и серьезную статью Шуги Нурпеисовой о проблемах культуры. Видно, и я откликнусь по этому поводу.

12 ноября

По просьбе Құл-Мұхаммеда надо было срочно перевести предисловие Назарбаева к серии «Казахские кюи». За два часа сварганил. Мой труд был прилично вознагражден.

13 ноября

Утром позвонила Альбина М. из Нью-Йорка, сообщила скорбную весть: скончалась сестра моя Эльма за шесть дней до своего семидесятилетия. Я был ошеломлен. 28 октября она меня поздравляла с 75-летием. Сказал ей: «Подробности тебе сообщу». Не сообщил. Обширный инфаркт. Тотчас позвонил Рае, снял с урока, позвонил в Ташкент, в Москву, отправил деньги. Ирина позвонила в Германию, в Хакасию. Весь день ходил сам не свой. Было нас в семье шесть человек. Остались мы с Альмой. И та в Германии. Неутешно скорбно.

14 ноября

Закончил вчерне статью «Вокруг культуры». Газета «Қазақ» (№45/09) дала большую, на полторы страницы, подборку стихов Базарбая Исаева. Хорошие стихи! Особенно понравились мне «Мен айтпасам, кім айтар», «Құрылыстағы қазақтар туралы», «Қаладағы қазақтар», «Көбейді». Крепко сделаны и по содержанию, и по форме. Вообще, поэты у казахов традиционно сильны.

15 ноября

Перед глазами все время скончавшаяся Эльма. Мало хорошего она видела в жизни. Умерла тихо, стойко, без жалоб на судьбу.

Заглушаю боль только работой. Переписал набело статью о культуре. Получилось 12 страниц.

Смотрел футбол «Россия – Словения». Орысы вели 2:0, но в последние минуты пропустили гол. И теперь все шатко, зыбко. 18-го повторная игра в Словении.

16 ноября

Издательство «Аударма» в Астане издает 100 томов казахской литературы на русском языке. Нужно предисловие к серии от имени Назарбаева. Согласился сделать перевод. Текст по телефону продиктовал Жибек.

17 ноября

Зашел Шота с двумя академиками-коллегами (Абдысағит и Тоқтар). Были недолго, а поздравили меня с днем рождения щедро. На такое я и во сне не рассчитывал. То этой части казахи мастера. По щедрости души заткнут за пояс и уруса, и немца.

19 ноября

Сегодня Эльме исполнилось бы 70. а она уже шесть дней в иных пределах.

Работаю над статьей о книге Манаша. Что-то трудно работается. Видел в записи конец матча «Словения – Россия». Урусы продули 1:0. и не поедут на первенство мира. Видно, футбол все же не русская игра. Чего-то вечно не хватает.

20 ноября

Назарбаев благоразумно убрал Калетаева. Дарханчик наломал много дров. Опозорил и партию, и президента. Пустой оказался малый. По глупости лоб расшиб. Я собрался было его малость пощипать, но президент опередил меня и отодвинул от греха. Трудно президенту: опираться не на кого. Балда сидит на балде и балдой погоняет.

22 ноября

Вчера уже в 12-м часу ночи звонит Шота. «Поздравляю!» «С чем?» «Со статьей о тебе». «Где?» «В Жас алаше». «Так она была месяц назад». «Да?.. Действительно...» «С тех пор обо мне написано 16 статей в России, Германии, Казахстане». «Выходит, кроме меня, все писали?» «Ну, а ты напишешь к 80-летию». «А ты дотянешь до этого времени?» «Вместе постараемся дотянуть». «Ну, добрэ. Спокойной ночи».

Пять часов читал Лексикон Эдмунда Матера. Одолел двести страниц. Вероятно, напишу о нем рецензию.

25 ноября

В «Жас алаше» прочитал рассказ «Абақты» Кабдеша. Рассказ понравился своей современной остротой, верно, узнаваемо, но, чувствуется, тюрьму Кабдеша не видел, не прочувствовал. Нехватка живых деталей. Потому в иных местах получилось приблизительно, неубедительно.

30 ноября

... Часа четыре работал над статьей о романе Ермека «Мамлюк». Эта же статья станет моим выступлением на презентации романа. Владимиров занес первый том своих собраний сочинений в серии «Тамыр». В таком же формате выйдет и мой 10-томник. Звонил посол Германии: хочет встретиться. О встрече просит и новый президент Гете-института. Звонил и Шик: приглашает меня в кафе. Ловлю себя на мысли, что встречи мне надоели. Хотелось бы несколько месяцев вообще никого не видеть.

2 декабря

... В обед зашел Бақыт Сарбалаев, занес два номера журнала «Сын» и забрал у меня семь моих книжек. Намерен при случае написать обо мне для своего журнала. Звонили из Праги («Азаттық»), просят сегодня же участвовать в «Круглом столе» об Ароне Атабеке. Отказаться совесть не позволила. За Арона надо заступиться всем миром. Чувствую усталость и безразличие.

4 декабря

Более часа беседовал с послом Германии Райнером Шлагетером, его супругой Элизабет и генеральным консулом в Алматы Герольдом Амелунгом. Весьма приветливые, симпатичные люди, и мы проговорили час у Чокана. Как старые знакомые. Фотографировались. Решили встречаться почаще. Любопытно, что у Чокана сошлись два Герольда – один казахстанский, второй германский.

5 декабря

Звонил К.Кешин и попросил сразу по телефону сказать несколько слов для «Казахстанской правды» об Абише. Я тотчас что-то сымпровизировал. «Вы не просто акын, вы – гениальный акын», – пошутил Кешин.

А вечером по ТВ узнал, что президент подписал указ о присвоении Абишу Героя труда Казахстана. Кажется, третий Герой в стране и первый из писателей. Рад за Абиша. Это звание он заслужил по всем параметрам.

6 декабря

Что мне предстоит прочитать за зимние месяцы? Прикинул: два огромных тома «Autorenlexicon» Э.Матера, два тома (по 800-900 стр.) Солженицына и Лотмана, третий том Сарнова «Сталин и писатели», книги Владимирова, Е.Сағата, Айгуль К., «Шала қазақ», пять-шесть рукописей, подготовить два три тома своего избранного, вычитать корректуру трех своих книг, продолжать плетение «Чепуха», написать какие-то заметки, статьи, рецензии. Словом, загружен под завязку, и скучать некогда. А сколько времени забирают газеты и журналы! Ужас!

7 декабря

Утром сообщили о кончине Айжан – старшей дочери Нурпеисова. Какой удар по Ажар и Абе! Вторая дочь ушла за один год. Айжан я знаю с 12-летнего возраста. Она привязана была к нашей семье. Часто звонила. Бывала на всех наших семейных праздниках. Отличалась добротой, искренностью. Очень любила отца.

Посол Казахстана в Германии (Онжанов) прислал мне 10 экземпляров моего романа на немецком языке, теплое поздравительное письмо и стихи сотрудника посольства Альжанова на немецком языке, посвященные мне. Вот как получается: я, немец, пишу ему по-казахски, а он, казах, посвящает мне стихи по-немецки. Мне это приятно.

10 декабря

Почти одолел за эти дни третий том энциклопедии Эдмунда Матера и 200 стр. Л.Сараскиной о Солженицыне.

А сегодня Ермек Турсунов повез меня на презентацию своего романа «Мамлюк». Мероприятие прошло мощно. Собрались ығай мен сығай: Бодров, Борецкий, Ауэзов, Атабаев, Гонопольский, Рерих, Асаналы, Нарымбетов, Синельников, Ананьева, журна-

листы, ученые, литераторы, киношники, артисты. Говорились высокие и серьезные слова. Гонопольский показал свой фильм об Ермеке. Роман я читал дважды, написал о нем статью, дал 5-7 интервью по-русски и по-казахски. Роман хороший, достойный, глубокий. С презентации вернулся в добром настроении.

Из Германии прислали шикарно изданную монографию Елены Зейферт, а которой часто идет и обо мне речь. Это докторская диссертация Елены, которую она блестяще защитила в МГУ. В монографии дано мое послесловие. О ней хорошо отозвался в «ЛГ» доктор филологии, писатель Олег Клинг.

13 декабря

Не заметил, как подкрались новогодние праздники. Спохватился и оформил восемь бандеролей в Германию. А надо бы 50-60. но на это не хватит у меня ни сил, ни денег.

15 декабря

Со вчерашнего дня отказала больная нога. С трудом передвигаюсь по дому. Жизненное мое пространство сузилось до кабинета, кухни и туалета. Скверно! Но по-казахски – и на этом тәуба. Могу лежать на диване, читать, писать и отвечать на телефонные звонки. Видно, отложение солей. Придется терпеть.

16 декабря

День Независимости. Смотрел вчера концерт из Астаны. Присутствовал Елбасы и все его окружение. Прекрасный вечер! Всего два пустых қазақбайских номера. Все остальное высокое искусство. Поразили скрипачи, Майра, попурри теноров, баритонов, сопрано. Все классно! Есть у нас великолепные музыканты. Душа радуется. А домбристы какие! Виртуозы! Кудесники!

А по радио говорили о самых-самых богатых в Швейцарии. Девятое место занимает дочь Каримова – 700 миллионов долларов. На высоте и верный (бывший) соратник нашего Президента, зять казахского народа, ненасытный обирала, мэр города Алматы, обыр и жебір Виктор Храпунов – 400 млн. долларов. Вот хапун-храпун. Как только земля его носит? А сколько еще таких грабителей Казахстана осталось?!

19 декабря

Был Амангельды Кеншиликулы. Мне симпатичен этот молодой человек. Образован. Начитан. Обладает своим мнением. Больше часа наговорил всякое-разное на магнитофон.

21 декабря

Сегодня в 10 утра в КазНУ проводится конференция, посвященная 70-летию моего друга Абиша. По-моему, друг мой свой юбилей явно затянул, четвертый месяц празднует. Получается, как в казахском фольклоре: «қырық күн ойын, қырық күн той». Это уже свыше даже казахских мер. Чую: общество уже устало от нескончаемых торжеств. Странно, что мудрый Абиш это не понимает и идет на поводу аллилуйщиков. Боюсь, он уже поверил в свое величие. Почет перешел в фарс. Досадно...

Асаналы А. прислал со своим шофером свой пятитомник и еще две книги. Асаналы – мощная личность. Его дневники – прелесть!

22 декабря

Директор издательства Шайзада завезла первый том моего многотомника. Издали неплохо, но закрался досадный ляп. Не указано, что предисловие принадлежит В.Бадикову. И даже в содержании фамилия его не указана. Скверно!

Как и когда будут издавать следующие тома – неизвестно. Придется просить Кул-Мухаммеда.

25 декабря

До прихода милой Ақерке – медсестры (она укрепляет мое сердце) успел переписать набело статью о «Шала қазақ» Жумабая Жакупова. Книга интересная, любопытная. Я ее читал с карандашом. О 4-томном «Autorenlexicon» Матера написал четыре статейки для «Deutsche Allgemeine Zeitung».

Память ослабла. На прогулке целый час вспоминал фамилию Аллы Пугачевой. Наконец, осенило – Певзнер. Долго вспоминал имя-фамилию германского посла в Казахстане. Тоже вспомнил – Райнер Шлагетер.

27 декабря

Вчера от Имангали пришла дәстүрлі сыбыға – соғым. Уже 12 лет балует меня Имангали. На 4-5 месяцев обеспечивает отменной кониной. А я передаю ему только свои книжки. Больше мне и передавать нечего. Вообще казахи заботятся обо мне конкретно. Вниманием я не обделен. И по части творчества, и по части житейских благ мне жаловаться грешно. Много ведь мне и не надо. Я почитаю слово-понятие «қанағат».

28 декабря

Подвожу итоги года. Издал 7 книг, публикаций за год – 134. составил сборник Абая на русском языке. Переиздал кое-какие переводы.

Наметил запланированное на 2010 год – три книги и не менее 70 публикаций. Должен прочесть и обработать минимум 50-60 книг. Будет здоровье – все это реально.

29 декабря

Вчера закончил чтение дневников Асаналы А. Толково. Мудро. Зорко. Талантливый человек талантлив во всем. И «Солженицына» (Л.Сараскина) продвинул. И Асаналы, и Александр Исаевич – мощные мужские экземпляры. Невероятно сурово к ним отнеслась судьба. Библейские личности! Я тоже изрядно тертый, помятый калач, однако не перенес и двадцатой доли того, что испытали они. Вот с них и надо брать пример.

Заехала от поликлиники милая Ақерке, сняла кардиограмму, поставила систему, сделал укол. Решили подкрепить мое сердце.

Незнакомый немец из Москвы – П.В.Классен – прислал свою книгу «Переселенцы». Доктор технических наук. Профессор. Привлекли внимание его короткие философские размышления.

Шәкәрім из Каркаралы поздравил с Новым годом и попросил, чтобы я не поступил, как Абиш, дескать, такого позора он не вынесет. Я успокоил его, заверив, что мне подобное искушение не грозит.

31 декабря

Вчера встретился во дворе сначала с Сагин-Гиреем, потом с Қайратом Б. и Дюсенбеком Н. Симпатичные люди! Одарили меня подарками (вином, шампанским) и своими новыми изданиями. Есть что читать за долгую зиму.

Из газет узнал, что скончались Григорий Бакланов и Адыл Якубов. Первого я в жизни только видел на съездах-пленумах писателей в Москве. А со вторым немного общался в Ташкенте.

Мэлис А. привез мне бутылку рейнского вина из Германии. И хотел бы пить, да здоровье не позволяет. А не пьющему человеку и алкоголь волокут со всех сторон.

Позвонили и поздравили более сорока человек. Через несколько часов наступит Новый год – в дверь поскребется Барс. Какая радость – вступаю в 10 летие XXI века. Тәуба, тәуба!..

Литературно-художественное издание

Бельгер Герольд Карлович

ТЕНЬ МИНУВШИХ ДНЕЙ

Дневники 1961-2009 гг.

Редактор – *К.Бакбергенов*
Дизайн и верстка – *К.Бакбергенов*
Дизайн обложки – *Д.Кулькенов*
А.Алланазаров

Подписано в печать 10.12.2014.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. лист 49,4.
Тираж 1000 экз. Заказ №59

«Mereke baspasy» тауарлық белгісінің иесі –
"Мерекенің баспалар үйі" ЖШС.
050062, Алматы қаласы, Жұбанов көшесі, 66 Б.
Тел.: +7 /727/ 226 95 56.
e-mail: mereke.baspasy@mail.com

«Өлке» баспаханасы
050062, Алматы қ-сы,
1-ықш. ауд. 66 Б үй.

ISBN 978-601-7370-62-6

Герольд Бельгер (1934) – прозаик, переводчик, эссеист, критик.
Автор 48 книг, около 1700 публикаций. Лауреат ряда общественных, литературных и журналистских премий.
Заслуженный работник культуры Республики Казахстан.
Живет в Алматы.

ISBN 978-601-7370-62-6

MEREKE
BASPASY